Исторія человѣчества.

Томъ второй.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Составили

профессора: Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, І. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Паули, І. Ранке, Ф. Ратцель, К. Сете, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденгорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шіётъ, Г. Шурцъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

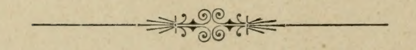
Полный переводъ съ нѣмецкаго съ значительными дополненіями для Россіи извѣстныхъ русскихъ ученыхъ.

Составленіе дополненій къ переводу, сдѣланному **Б. Ф. Адлеромъ, А. И. Браудо, А. А. Вейнбергомъ, М. Е. Ліономъ, Я. А. Лурье, Е. Л. Петри, М. В. Чепинскою, Л. Я. Штернбергомъ, П. Е. Щеголевымъ,** взяли на себя проф. **В. В. Бартольдъ,** проф. **А. А. Кизеветтеръ, † Д. А. Коропчевскій,** проф. **А. Л. Погодинъ,** академикъ **В. В. Радловъ,** проф. **Е. В. Тарле** и др.

1-й томъ одобренъ Учебнымъ Комитетомъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи;

рекомендованъ Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній.

260 отдѣльныхъ приложеній, изъ нихъ 60 хромолитографій, 55 картъ въ краскахъ и 145 черныхъ иллюстрацій.



С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",

Забалканскій просп., с. д. № 75.

Исторія человѣчества.

Второй томъ.

Восточная Азія и Океанія. Индійскій океанъ.

Составили:

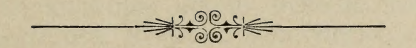
М. Брандтъ, проф. К. Вейле, проф. Э. Шмидтъ и д-ръ Г. Шурцъ.

Переводъ съ нѣмецкаго **Б. Ф. Адлера, Е. Л. Петри, Е. М. Романовой** и **Л. Я. Штернберга,**

подъ редакціей

академика **В. В. Радлова.**

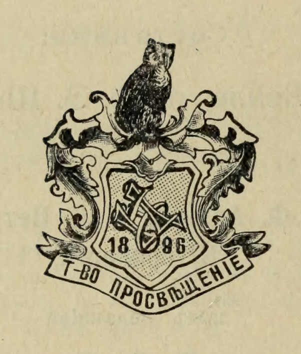
Отдѣльныя приложенія: 10 географическихъ картъ, 6 хромолитографій и 16 гравюръ и автотипій.



С.-Петербургъ.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе", Забалканскій пр., с. д. № 75.

1909.


18 96
Т-ВО ПРОСВѢЩЕНІЕ

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Мы надѣемся, что и предлагаемый 2-ой томъ „Всемірной Исторіи“, являющійся пятымъ по порядку выхода въ свѣтъ, равно какъ его сосѣди справа и слѣва, 1-ый и 3-ій томы, даетъ убѣдительное доказательство преимущества того распредѣленія историческаго матеріала, которое мы впервые ввели въ нашемъ трудѣ. На томъ основаніи, что наша „Всемірная Исторія“ построена на этно-географическомъ базисѣ, намъ сдѣланы были упреки, что этимъ нарушается верховный законъ историческаго изложенія, хронологичесная послѣдовательность историческихъ событій. Въ отвѣтъ на эти упреки мы неоднократно указывали на то, что ни въ какомъ другомъ сочиненіи этого рода историческое изложеніе не протекаетъ съ такой непрерывностью отъ самой глубокой древности до нашего времени, какъ въ главныхъ отдѣлахъ нашей „Всемірной Исторіи“. И благодаря именно принятому нами распредѣленію, получается возможность писать исторію съ точки зрѣнія эволюціи. Тѣ раздѣленія, которыя мы проводимъ, не могутъ быть приписаны ни случайности, ни нашему произволу, а соотвѣтствуютъ естественнымъ различіямъ въ первоначально единомъ человѣческомъ родѣ, различіямъ, ставшимъ историческими и выраженнымъ въ ясно разграниченныхъ группахъ народностей. Такъ, мы 1-ый томъ посвятили американскимъ народностямъ; въ 3-емъ томѣ мы изложили судьбы народовъ Западной Азіи и Африки, образующихъ другую крупную единицу. А настоящей книгой мы пополняемъ оставшійся пробѣлъ и вводимъ между двумя этими сферами культуры, въ видѣ посредствующаго звена, лежащій между ними восточно-азіатскій и океанійскій міръ.

Отъ Америки черезъ Тихій Океанъ въ Восточную Азію ведутъ три самой природой данныхъ, главныхъ пути: на сѣверѣ отъ Аляски черезъ Беринговъ проливъ—въ восточную Сибирь; по водяной пустынѣ вдоль по пароходной линіи Санъ-Франциско-Іокогама — въ страну „англичанъ Тихаго Океана“, а на югѣ черезъ полинезійскій архипелагъ—въ Австралію и Индонезію. Такъ какъ своеобразныя историческія переживанія крайняго Сѣвера чрезвычайно скудны, а достовѣрная исторія Новой Голландіи, при всемъ своемъ разнообразіи, еще сравнительно молода, то мы предпочли выбрать средній путь, а именно: начать предлагаемый томъ исторіей Японіи, а затѣмъ перейти къ ея непосредственнымъ сосѣдямъ, Китаю и Кореѣ. За ними непосредственно послѣдуютъ Средняя Азія и Сибирь; а послѣ нихъ можетъ найти себѣ наиболѣе подходящее мѣсто исторія пятой части свѣта съ ея многочисленными придатками, исторія, относящаяся почти исключительно къ послѣднимъ столѣтіямъ. Раздѣленная на три части, вторая половина тома будетъ заполнена индійской культурой. Индія, Индо-Китай, Малайскій архипелагъ и Индійскій океанъ образуютъ во всемъ своемъ прошломъ замкнутую единицу, не поддающуюся раздробленію. Въ заключительной части, трактующей о побережныхъ странахъ Индійскаго моря, мы придемъ въ соприкосновеніе съ западно-азіатскими и африканскими народностями, что открываетъ намъ переходъ къ 3-ему тому.

Такимъ образомъ исторія всѣхъ внѣевропейскихъ странъ описана въ общей связи соотвѣтственно ея значенію. Уже въ предисловіи къ 3-ему тому было указано на чрезвычайную важность исторіи восточныхъ странъ, которая до сихъ поръ не была достаточно оцѣнена. Умѣстно здѣсь вспомнить слова, сказанныя Густавомъ Стракоши-Грасманомъ весною 1893 г. въ предисловіи къ своему труду „Вторженіе монголовъ въ среднюю Европу въ 1241 и 1242 гг.“: „Расширенію нашихъ историческихъ познаній будетъ главнымъ образомъ способствовать усердное изслѣдованіе восточной исторіографіи, которая хранитъ въ себѣ много цѣнныхъ сокровищъ для средневѣковой исторіи средней Европы. Путемъ систематическаго изслѣдованія сочиненій по исторіи восточныхъ странъ мы пріобрѣтемъ массу новыхъ свѣдѣній по историческому изслѣдованію; это намъ дастъ много, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, вкладовъ въ исторію отношеній между восточными и европейскими народами“.

Это и есть та цѣль, которую мы себѣ поставили своимъ предпріятіемъ. На стр. 19 введенія къ 1-ому тому „Всемірной Исторіи“ мы обѣщали не только дать цѣлый рядъ монографій объ отдѣльныхъ народахъ, но также попытаться проводить мосты отъ одного историческаго строенія къ другому. Эту трудную задачу мы въ состояніи были выполнить лишь благодаря тому, что сотрудники, составившіе для насъ отдѣльныя монографіи, разрѣшили намъ внести необходимыя измѣненія и, помимо чисто редакціонныхъ поправокъ, сгладить или по крайней мѣрѣ смягчить различія во взглядахъ и главнымъ образомъ связать отдѣльныя части. Не случайно все это сочиненіе носитъ имя редактора. Послѣдній усматриваетъ въ этомъ не только честь, едва ли имъ вполнѣ заслуженную, но также и главнымъ образомъ принятую имъ на себя обязанность позаботиться о томъ, чтобы эта „Всемірная Исторія“ представляла собою нѣчто большее, чѣмъ сумму пятидесяти или шестидесяти монографій, и давала дѣйствительную исторію жизни человѣчества. Благодаря этому авторы отдѣльныхъ частей могутъ быть названы „сотрудниками“ этого сочиненія въ лучшемъ смыслѣ этого слова. И благодаря этому редакторъ можетъ взять на себя часть общей отвѣтственности. Это необходимо заявить. Въ настоящемъ томѣ, а именно въ исторіи Индіи, редакторъ принималъ особенно дѣятельное участіе.

Этого онъ не въ состояніи былъ бы выполнить, если бы въ его распоряженіе не были предоставлены весьма цѣнныя сообщенія со стороны авторитетныхъ ученыхъ и если бы онъ не нашелъ безкорыстной поддержки со стороны молодыхъ спеціалистовъ. Особенно мы благодарны за содѣйствіе нѣкоторыхъ оффиціальныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, доставившихъ намъ интересные оригиналы для иллюстраціоннаго отдѣла. Мы должны быть особенно благодарны за это дирекціи берлинскаго этнологическаго музея, вѣнской королевской библіотекѣ и вѣнскому естественно-историческому музею, равно какъ его высочеству принцу Роланду Бонапарту въ Парижѣ. Оригиналы для картинъ къ исторіи Китая доставлены намъ большей частью профессоромъ Арендтомъ, скончавшимся 30-го января 1902 г., а къ исторіи Океаніи — профессоромъ Феликсомъ Лушаномъ изъ Берлина.

Принимая во вниманіе частыя жалобы индологовъ и арабологовъ на небрежную транскрипцію восточныхъ собственныхъ именъ въ популярныхъ сочиненіяхъ, мы приложили старанія удовлетворить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя главныя требованія оріенталистовъ. Руководствовались мы при этомъ отчасти примѣромъ ученаго іезуита Александра Баумгартнера въ его большомъ трудѣ „Исторія Всемірной Литературы“, отчасти же указаніями Фердинанда Юсти въ его „Иранской книгѣ именъ“. Мы, поэтому, попытались провести различіе трехъ твердыхъ шипящихъ звуковъ санскрита: нёбное ś, язычное sh и зубное s, равно какъ различіе соотвѣт-

ственныхъ рядовъ другихъ согласныхъ (ṅ гортанное, ñ небное, ṇ язычное, n зубное; ṭ и ṭh, ḍ и ḍh язычное, t и th, d и dh зубное и т. д.), ṁ произносится какъ французское носовое n, главнымъ образомъ, передъ шипящими (Saṁskritha) и передъ h (siṁha). Съ другой стороны, мы считали возможнымъ отказаться отъ точной передачи гласной (сходной съ чешскимъ вокализированнымъ ṛ), въ виду ея рѣдкости. Остальныя отступленія не нуждаются въ особомъ разъясненіи.

„Но не потому мы изучаемъ языки Востока, что духъ его народовъ въ прошлые вѣка сильно вліялъ на народы Запада, а потому, что мы надѣемся изъ этого изученія пріобрѣсти многое для будущаго. Мы надѣемся, что наша наука, въ союзѣ съ другими развивающимися научными дисциплинами, призвана освободить человѣчество отъ односторонняго міровоззрѣнія и дать ему пониманіе красоты во всемъ ея многообразіи. И у тѣхъ народовъ, у которыхъ въ почетѣ наша наука, духовныя пріобрѣтенія пойдутъ рука объ руку съ практическими. Ибо, только благодаря систематически проводившейся односторонности по отношенію къ прошлымъ временамъ, нашъ взоръ омраченъ по отношенію къ всеобщему; это воспитало нѣмецкое мѣщанское равнодушіе, печальныя послѣдствія котораго далеко еще не преодолѣны“. Пусть эти слова предостереженія, которыми Георгъ Якобъ въ заключеніе своей лекціи „О восточныхъ культурныхъ элементахъ у народовъ Запада“ защищаетъ свое выступленіе за расширеніе духовнаго историческаго горизонта, сопровождаютъ выпускъ настоящаго тома.

Редакторъ.

Предисловіе къ русскому изданію.

Идея составителей коллективнаго труда „Исторіи человѣчества“ Гельмольта построить исторію на широкомъ базисѣ антропо-географіи, антропологіи и этнографіи въ высшей степени плодотворна. И именно сочувствіе этой методологической особенности новаго опыта въ области исторіи побудило насъ согласиться на редактированіе настоящаго тома. Но при всемъ нашемъ сочувствіи основной идеѣ труда, мы отнюдь, разумѣется, не можемъ принять на себя отвѣтственности ни за отдѣльныя мнѣнія и взгляды того или другого составителя, ни даже за то или другое отношеніе его къ историческимъ фактамъ.

Въ то же время считаемъ своей обязанностью предупредить читателя, что, принципіально не одобряя установившагося у насъ обычая диктаторскаго вмѣшательства редакторовъ переводныхъ научныхъ сочиненій, мы не позволили себѣ вносить никакихъ измѣненій въ текстѣ, считая это прямымъ нарушеніемъ научной свободы мнѣній, за которыя каждый ученый несетъ лично отвѣтственность передъ судомъ науки. Нѣкоторыя небольшія измѣненія и примѣчанія въ отдѣлѣ „Средняя Азія“ являются единственными исключеніями, да и тѣ главнымъ образомъ вызваны измѣнившимися обстоятельствами послѣднихъ двухъ лѣтъ и, слѣдовательно, были-бы сдѣланы самими авторами соотвѣтствующихъ отдѣловъ.

Въ отдѣлахъ „Китай“ и „Корея“ не пришлось вносить никакихъ измѣненій, такъ какъ эти отдѣлы печатались раньше возникновенія русско-японской войны, столь значительно измѣнившей политическое положеніе этихъ странъ.

Редакторъ.

Списокъ приложеній.

Оглавленіе.

II. Средняя Азія и Сибирь.

(Д-ра Генриха Шурца. Перев. Л. Я. Штернберга).

III. Австралія и Океанія.

(Проф. д-ра Карла Вейле. Переводъ Е. Л. Петри).

IV. Индія.

(проф. д-ра Эмиля Шмидта. Переводъ Е. Л. Петри).

V. Индонезія.

(Д-ра Генриха Шурца. Переводъ Л. Я. Штернберга).

Стр.

VI. Историческое значеніе Индійскаго океана.

(Проф. д-ра Карла Вейле. Переводъ Е. М. Романовой).

I. Японія, Китай и Корея.

Макса Брандта,

бывшаго германскаго министра-резидента въ Японіи и посланника въ Китаѣ.

I. Японія.

А. Страна и населеніе.

а) Мѣсто дѣйствія.

Между японскими островами: Кіусіу (Сайкайдо), Хоншіу (Хондо, Нипонъ), Іезо (Хоккайдо) и Сахалиномъ (Карафуто, Крафто), отдѣленнымъ политически отъ Японіи только въ 1875 г., на югѣ и востокѣ и между материкомъ В. Азіи отъ южной оконечности Кореи до устьевъ Амура на западѣ и на сѣверѣ расположено Японское море. Это средиземное море В. Азіи соединяется съ Тихимъ океаномъ и его частями только немногими, узкими проливами. На сѣверѣ островъ Сахалинъ отдѣляется отъ материка Татарскимъ проливомъ или проливомъ Невельского, который сталъ извѣстенъ европейцамъ, какъ проливъ, всего лишь 50 лѣтъ тому назадъ. На югѣ Японское море соединяется съ Восточно-Китайскимъ посредствомъ Корейскаго пролива, проходящаго между Кореей и островомъ Хоншіу и раздѣленнаго островами Цушима и Икишима на три протока. На востокѣ Японское море соединяется съ Великимъ океаномъ посредствомъ пролива Цугару между островами Хоншіу и Іезо и черезъ проливъ Лаперуза между Іезо и Сахалиномъ. До сихъ поръ это большое внутреннее море скорѣй разъединяло, чѣмъ соединяло. Въ доисторическій періодъ было одно или два переселенія съ азіатскаго материка на главный островъ Японіи черезъ Сахалинъ и Іезо; лишь въ новѣйшее время небольшія кучки гиляковъ перешли узкій (около 8 км. ширины) проливъ и вытѣснили изъ сѣверной части Сахалина айновъ. Для переселенія изъ Кореи на островъ Хоншіу существуютъ доказательства лишь со II столѣтія послѣ Р. Х., хотя нѣтъ сомнѣнія, что названнымъ путемъ пользовались и раньше. Вытянутые въ длину Японскіе острова вулканическаго происхожденія; они тянутся отъ 24° 20′ до 54° 20′ сѣв. шир. Высокія горныя цѣпи внутри острововъ проходятъ съ ю.-з. на с.-в. или съ ю.-з. на с.-с.-в. и содержатъ много потухшихъ въ настоящее время и еще болѣе дѣйствующихъ вулкановъ. Кромѣ того, во всей странѣ, наталкиваются на слѣды продолжающейся вулканической дѣятельности, въ видѣ сольфатаръ и горячихъ ключей; удивительно, что эти явленія, повидимому, вовсе не оказали вліянія на японскую космогонію и на миѳологію шинтоизма, возникшаго въ Японіи. Важную роль играетъ извѣстное подъ названіемъ „чернаго потока“ (Курошиво), темное, теплое теченіе, берущее свое начало между Люсономъ и Формозой; своимъ главнымъ рукавомъ оно омываетъ юго-восточное побережье острововъ Кіусіу, Шикоку и Хоншіу и придаетъ ему прелесть субтропическихъ странъ и, соотвѣтственно этому, большое плодородіе .Климатъ с.-з. берега Хоншіу холоднѣе, хотя и здѣсь разводится до 39° с. ш.,

1*

чайное дерево, которое обыкновенно уже перестаетъ расти подъ 36° с. ш. Проникающія въ Японское море съ юга и съ сѣвера холодныя и теплыя теченія порождаютъ много тумановъ и дѣлаютъ это побережье негостепріимнымъ и опаснымъ. На развитіе и тѣмъ самымъ на исторію страны оказали гораздо большее вліяніе очертанія береговъ (см. прилагаемую карту Японіи и Кореи). Юго-восточный берегъ главнаго острова, Шикоку и Кіусіу большей частью круто спускается къ морю и даетъ рыбакамъ и мореплавателямъ вѣрное убѣжище въ многочисленныхъ малыхъ и большихъ бухтахъ и гаваняхъ; сѣверо-восточный же берегъ Хоншіу во многихъ мѣстахъ плоскій, покрытъ галькой и пескомъ и почти не имѣетъ гаваней. Это само собой вызвало болѣе раннее и плотное заселеніе юго-восточнаго побережья.

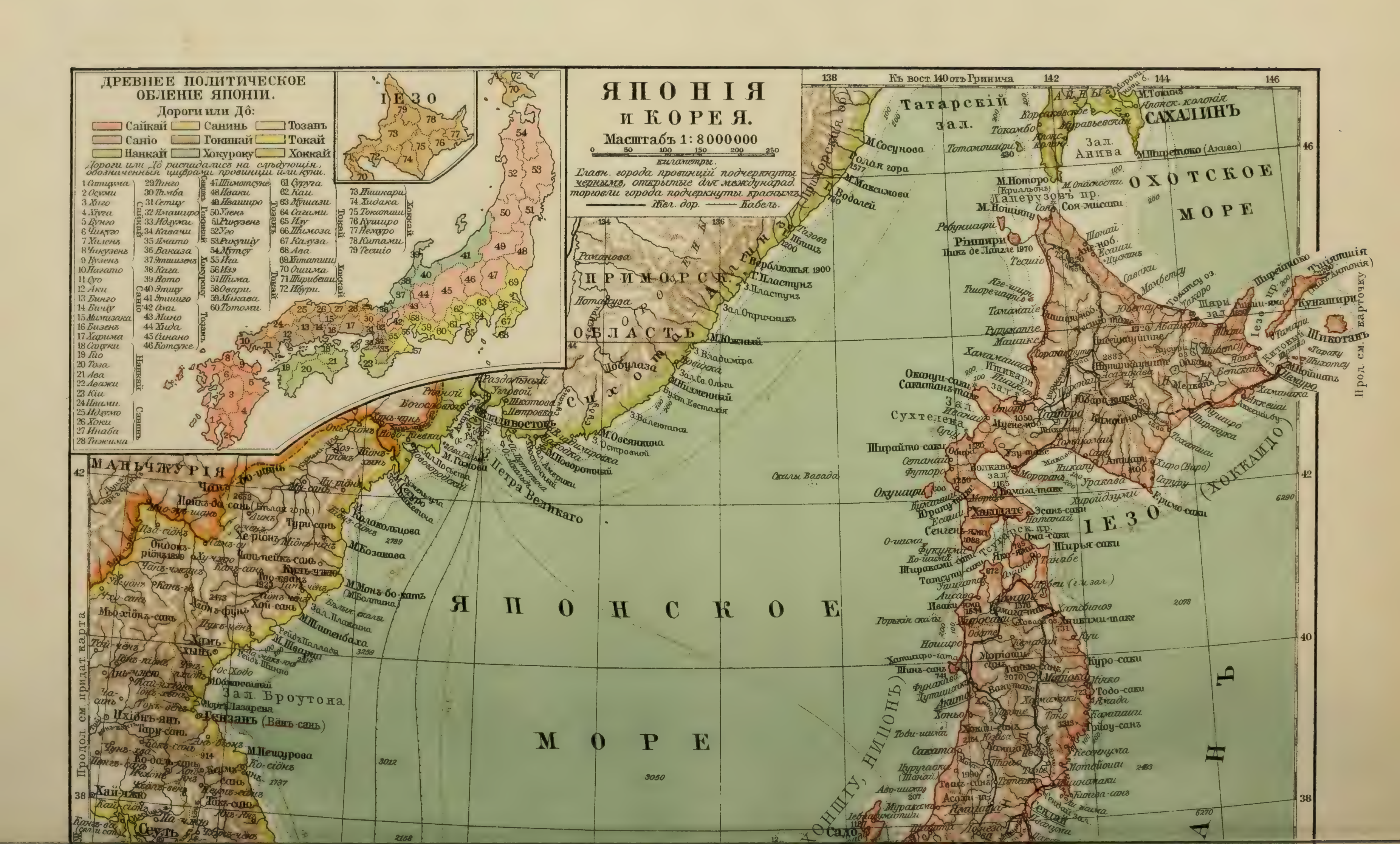
б) Населеніе.

О самыхъ древныхъ насельникахъ Японіи вовсе нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Въ разныхъ мѣстахъ на Іезо и на Курильскихъ островахъ часто находили въ почвѣ пустоты, глубиной въ 3—6 футовъ и съ длиной сторонъ или съ діаметромъ въ 15—20 фут.; онѣ находятся въ значительномъ числѣ и лежатъ до 1000 въ рядъ; ихъ приписываютъ, согласно мнѣнію айновъ, народу, называвшемуся koko-pok-guru („люди, имѣющіе углубленія“, „жители пещеръ“) или „koshito“ (карлики); какъ предполагаютъ, этотъ народъ жилъ до появленія айновъ на островахъ и былъ ими истребленъ. При раскопкахъ близъ этихъ ямъ, которыя, можетъ-быть, прикрывались крышами изъ древесныхъ вѣтвей, покрытыми землей, были найдены черепки горшковъ и каменные наконечники стрѣлъ; это обстоятельство обращаетъ на себя тѣмъ болѣе вниманія, что айны, повидимому, никогда не занимались и не занимаются и теперь гончарнымъ дѣломъ. Съ другой стороны они еще нѣсколько столѣтій тому назадъ употребляли все также каменные наконечники стрѣлъ; впослѣдствіи они замѣнили эти наконечники бамбуковыми, которые легче сдѣлать и которые болѣе пригодны для укрѣпленія яда, употребляемаго ими на охотѣ.

Относительно происхожденія koko-pok-guru, равно и айновъ (айну, эбизу, эмишу; ср. ниже, „Сибирь“, глава объ „Народахъ“ побережья и островов с.-з. части Великаго океана) ничего не извѣстно. Вѣроятно, оба народа пришли съ сѣвера въ разное время; по крайней мѣрѣ, это касается айновъ, которые проникли до сѣверной половины острова Хоншіу, быть-можетъ, даже еще дальше на югъ. Одни причисляютъ айновъ къ монголамъ, другіе производятъ ихъ отъ полинезійцевъ. Докторъ Э. Бельцъ относитъ ихъ къ народамъ кавказскимъ и вѣритъ въ ихъ родство съ великорусскимъ крестьяниномъ, на котораго они несомнѣнно очень похожи, особенно въ преклонномъ возрастѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ членами одной большой континентальной расы, явившейся въ Японію въ доисторическій періодъ.

Позднѣйшіе пришельцы оттѣсняли ее все далѣе на сѣверъ, пока не вытѣснили черезъ проливъ Цугару на островъ Іезо. Теперь ихъ, быть можетъ, 20,000 душъ на Іезо, въ южной части Сахалина и на Курильскихъ островахъ. Тамъ, гдѣ они сохранились въ чистомъ видѣ, степень ихъ культуры въ настоящее время едва ли выше, чѣмъ въ то время, когда они впервые пришли въ соприкосновеніе съ японцами.

Происхожденіе японцевъ также покрыто мракомъ неизвѣстности. Попытка рѣшить этотъ вопросъ антропологическимъ путемъ и представить современныхъ японцевъ ввидѣ помѣси изъ айновъ, корейцевъ, китайцевъ и малайо-китайцевъ (южныхъ китайцевъ; ср. томъ I, стр. 584) постольку вѣрна, поскольку въ образованіи народа, населяющаго въ настоящее время Японію, участвовали несомнѣнно всѣ поименованныя племена. Эта попытка однако не даетъ отвѣта на вопросъ, къ какому племени при-


ЯПОНІЯ
и КОРЕЯ.
Масштабъ 1: 8000000
0 50 100 150 200 250
километры.
Главн. города провинцій подчеркнуты чернымъ, открытые для международ. торговли города подчеркнуты краснымъ.
Жел. дор. Кабель.
ДРЕВНЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБЛЕНІЕ ЯПОНІИ.
Дороги или Дô:
Сайкай
Санинь
Тозанъ
Саніо
Гокинай
Токай
Нанкай
Хокуроку
Хоккай
Дороги или Дô распидались на слѣдующія, обозниченныя цифрами провинціи или куни.
1 Сатцума
2 Осуми
3 Хиго
4 Хюга
5 Бунго
6 Чикуго
7 Хизенъ
8 Чикузенъ
9 Бузенъ
Сайкай
10 Нагато
11 Суо
12 Аки
13 Бинго
14 Бичіу
15 Мимизака
16 Бизенъ
17 Харима
Саніо
18 Сануки
19 Іио
20 Тоза
21 Ава
22 Аважи
23 Кіи
Нанкай
24 Ивами
25 Идзумо
26 Хоки
27 Инаба
28 Тижима
Санинь
29 Танго
30 Тамба
Санинь
31 Сетцу
32 Ямаширо
33 Идзуми
34 Кавачи
35 Ямато
Гокинай
36 Ваказа
37 Этшизенъ
38 Кага
39 Ното
40 Этшу
41 Этшиго
Хокуроку
42 Оми
43 Мино
44 Хида
45 Синано
46 Котсуке
Тозанъ
47 Шимотсуке
48 Иваки
49 Иваширо
50 Узенъ
51 Рикузенъ
52 Уго
53 Рикушіу
54 Мутсу
Тозанъ
55 Ига
56 Изэ
57 Шима
58 Овари
59 Микава
60 Тотоми
Токай
61 Суруга
62 Каи
63 Мушази
64 Сагами
65 Изу
66 Шимоза
67 Казуза
68 Ава
69 Хитачи
Токай
70 Ошима
71 Ширибеши
72 Ибури
Хоккай
73 Ишикари
74 Хидака
75 Токачи
76 Куширо
77 Немуро
78 Китами
79 Тесіо
Хоккай
ІЕЗО
Къ вост. 140 отъ Гринича
138
142
144
146
46
42
40
38
ОХОТСКОЕ МОРЕ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
Татарскій зал.
САХАЛИНЪ
Зал. Анива
Лаперузовъ пр.
ІЕЗО (ХОККАЙДО)
ХОНШІУ, НИПОНЪ
ПРИМОРСК. ОБЛАСТЬ
МАНЬЧЖУРІЯ
Владивостокъ
Петра Великаго
Зал. Броутона
Гензанъ (Вёнъ-санъ)
Сеуль
Хакодате
Сендай
Садо
Ришири
Кунашири
Шикотанъ
Сухтелена
Скалы Вавада
Прод. см. карточку
Продол. см. придат. карта

Исторія человѣчества. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

надлежала главная масса колонистовъ, проникшихъ вѣроятно въ Японію задолго до VII столѣтія до Р. X.

Болѣе успѣшными обѣщаютъ быть этнологическія сравненія. Гаданье на лопаткѣ убитаго звѣря и обычай давать умершимъ князьямъ въ спутники слугъ и коней, которыхъ не убиваютъ и не зарываютъ съ ними, а ставятъ, на подобіе живой изгороди, вертикально вокругъ могильнаго холма, (отчасти зарывая ихъ), повидимому были извѣстны у японцевъ въ самыя отдаленныя времена. Для гаданья они берутъ лопатку оленя, такъ какъ въ Японіи нѣтъ овцы, которая обыкновенно служитъ для этой цѣли въ Сѣв. Азіи. Про погребальные обряды „Нихонги“ сообщаетъ слѣдующее: „Умеръ и былъ погребенъ въ Музѣ братъ императора Суинина (отъ 29 г. до Р. X. до 70 г. послѣ Р. X.). При этомъ собрали его личныхъ слугъ и закопали всѣхъ стоймя, живьемъ вокругъ могильной насыпи. Долго они не умирали, стояли и плакали день и ночь. Наконецъ, они умерли и сгнили. Собрались собаки и вороны и пожрали ихъ“. Императоръ, слышавшій также вопли, приказалъ прекратить этотъ обычай. Съ 3-го года послѣ Р. X. вокругъ или въ самыхъ могильныхъ холмахъ хоронили вмѣсто людей глиняныя фигуры, отъ которыхъ еще часто находятъ обломки. Часто однако этотъ приказъ не исполняли. Такъ китайскія лѣтописи династіи Вей передаютъ, что и при погребеніи королевы Химеко (по японскимъ источникамъ Джинъ-го-когу), умершей въ 247 г. по Р. X., былъ насыпанъ надъ ней большой могильный холмъ, и что болѣе 1000 душъ ея мужской и женской прислуги послѣдовали за ней на тотъ свѣтъ. Вообще трудно искоренить обычай, вошедшій въ плоть и кровь народа, особенно, если въ теченіе столѣтій этотъ обычай изъ вынужденной жертвы обратился въ дѣло почета и доброй воли. Въ 646 г. по Р. X. микадо издалъ приказъ, запрещающій обычаи, какъ-то: убивать себя или другихъ съ цѣлью послѣдовать за усопшимъ, убивать лошадь послѣдняго, зарывать въ честь умершаго сокровища, стричь волосы, дѣлать уколы на ляжкахъ или же громко оплакивать покойника; несмотря на это, спустя почти тысячу лѣтъ Іеясу долженъ былъ запретить самураямъ лишать себя жизни или калѣчить себя на могилахъ своихъ господъ. Оба обычая, гаданье на лопаткѣ и убійство свиты на могилѣ господина, безъ сомнѣнія, сѣверо-азіатскаго, татарскаго происхожденія. Они существовали также и въ Китаѣ. Конфуцій упоминаетъ о второмъ обычаѣ, какъ о достояніи прошлаго: онъ сообщаетъ также о замѣнѣ живыхъ людей деревянными фигурами. Послѣдній случай, о которомъ извѣстно, относится ко времени нынѣшней манджурской династіи; именно, послѣ восшествія на престолъ (императора) Кангхи (1662); объясняются эти обычаи вліяніемъ татарскихъ династій. Непристойный характеръ шинтоистской миѳологіи и національное служеніе phallus'у, совершавшееся въ Японіи совершенно открыто до конца 60-хъ годовъ XIX столѣтія, также говорятъ за ихъ татарско-шаманское происхожденіе. Наконецъ, очень важно то, что миѳологія Шинто помѣщаетъ самыя главныя изъ своихъ событій не въ Кіусіу, что говорило бы за появленіе японцевъ съ запада или юга, а въ Изумо, Ямато и Сецу; послѣднее даетъ поводъ предполагать переселеніе съ сѣвера. По китайскимъ извѣстіямъ, Корея была покорена и цивилизована Китце, приверженцемъ Шаньской династіи, при ея паденіи (въ 1122 г. до Р. X.). Такимъ образомъ, переселеніе изъ Кореи въ Японію должно было совершиться до того времени, такъ какъ колонисты, о которыхъ можетъ идти рѣчь, навѣрно не соприкасались съ китайской культурой. Ничто однако не исключаетъ того факта, что это переселеніе имѣетъ исходную точку въ одномъ изъ государствъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Кореи, въ Манджуріи собственно, напр. въ Фую: жители послѣдняго имѣли, судя по китайскимъ источникамъ, много воззрѣній и привычекъ, похожихъ на древне-японскія. Такимъ образомъ, древній

писатель Энгельбертъ Кемпферъ оказался правъ, написавъ въ 1712 г. въ своихъ „Amoenitates Exoticae“: Latuerunt diu obscuro nomine e Datz seu Tartaria hospites in Japonia et per provincias disseminati incultam ichtyophagorum vitam vixerunt“ (долго подъ неяснымъ названіемъ въ Японіи скрывались чужестранцы изъ Даца или Татаріи, жившіе, разбросанные по провинціямъ, и ведшіе грубый образъ жизни ихтіофаговъ).

Б. **Время боговъ и героевъ (до предполагаемаго основанія государства въ 660 г. до Р. Х.).**

Эпоха японскихъ боговъ и героевъ въ двухъ частяхъ, т. е. въ семи поколѣніяхъ небесныхъ и пяти поколѣніяхъ земныхъ духовъ, охватываетъ много сотепъ тысячъ милліоновъ лѣтъ. Сначала существовалъ хаосъ, на подобіе яйца, и образовалъ волны; легкія, чистыя частицы поднимаются вверхъ и образуютъ небо; грубыя, болѣе твердыя осаждаются и даютъ землю; между ними возникаетъ первый богъ, владыка вѣчнаго царства. Онъ и оба его преемника, происшедшіе сами собой, парствуютъ каждый въ теченіе сотни тысячъ милліоновъ лѣтъ. Слѣдующія три божескихъ четы, у которыхъ жена является уже отдѣльно, и которыя себѣ создаютъ потомковъ, погружаясь во взаимное созерцаніе, царствуютъ 600,000 милліоновъ лѣтъ. Они правятъ такъ же, какъ и ихъ оба предшественника, при помощи одного изъ элементовъ: воды, огня, дерева, металла и земли. Послѣднее, седьмое поколѣніе небесныхъ духовъ состоитъ изъ мужчины Изанаги-но-микото и женщины Изанами-но-микото; оба они сперва совершаютъ соитіе, производятъ восемь странъ, т. е. острововъ и провинцій Японіи (число восемь вездѣ повторяется и является священнымъ въ религіи Шинто). создаютъ море, рѣки, горы, первичное дерево и первое растеніе, богинь солнца и луны, морского бога Эбиси и бога бурь; затѣмъ они возвращаются на небо. Ими оканчиваются семь поколѣній небесныхъ духовъ.

Пять поколѣній земныхъ духовъ образуютъ, такъ сказать, героическій періодъ японской исторіи. Злой духъ, Созанъ, богъ вѣтровъ и бурь, по японскимъ объясненіямъ, олицетворяетъ зиму; его побѣждаетъ живительное дѣйствіе богини солнца, Аматерасу: земля становится плодородной. Созанъ покоряется и спускается на землю, гдѣ онъ освобождаетъ въ провинціи Изумо дочь первой четы отъ дракона и женится на ней. Произведя съ ней на свѣтъ сына, онъ ее покидаетъ и отправляется на пустынный юго-востокъ Японіи, который ему былъ еще раньше указанъ его родителями, для мѣстожительства. Внукъ богини солнца, Аматсу, долженъ былъ стать затѣмъ владыкой земного царства; разные дѣти боговъ отправляются на землю изгонять злыхъ духовъ и все приготовить къ прибытію бога. Но вмѣсто того, чтобы исполнить порученіе, они остаются на землѣ и соединяются съ сыномъ Созана. Наконецъ, двумъ новымъ посланцамъ боговъ, тоже богамъ (Ками), удается заставить непокорныхъ послушаться: часть земныхъ ками покоряется, а часть уничтожаютъ. Аматсу спускается на землю и начинаетъ управлять провинціей Хіуга на Кіусіу. За нимъ слѣдуетъ его сынъ и его внукъ. Ими оканчивается рядъ земныхъ духовъ и начинается, по японскимъ извѣстіямъ, историческій періодъ.

Ихаурико, младшій сынъ послѣдняго земного духа и дочери бога дракона Ріосіу, въ которомъ японскіе толкователи желаютъ видѣть властелина острововъ Ліу-кіу, наслѣдуетъ своему отцу въ управленіи Хіуга, какъ самый способный. Въ 667 году до Р. Х. онъ отправляется въ 45-ти лѣтнемъ возрастѣ съ тремя братьями на завоеваніе всего царства; онъ покоряетъ сперва Цукуши (нынѣшній Чикузенъ и Чикуго), затѣмъ Киби (т. е. Бизенъ, Бичіу и Бинго) на Кіусіу и Аки на Хоншіу. Послѣ трех-

лѣтней подготовки къ дальнѣйшему походу онъ отправляется со своимъ флотомъ вдоль берега въ Наниву (Осака) и здѣсь высаживается на берегъ. При Кусагезака въ Ямато и при Кумано въ Кіи онъ однако терпитъ пораженіе и отступаетъ къ своему флоту. Во время бури большая часть его кораблей гибнетъ, остальная часть флота спасается лишь тѣмъ, что его два брата бросаются въ море и этимъ умилостивляютъ гнѣвъ боговъ. Онъ снова возвращается со свѣжими войсками въ Ямато и достигаетъ здѣсь, отчасти благодаря измѣнѣ, въ 660 г. до Р. Х. власти надъ мелкими независимыми начальниками; право на власть узаконяется передачей меча, зеркала и сокровища (жемчужина?), бывшихъ въ рукахъ разныхъ лицъ. Онъ строитъ себѣ на горѣ Унчи въ Ямато резиденцію, полу-дворецъ, полу-храмъ, т. е. галлерею предковъ; затѣмъ онъ передаетъ управленіе страной четыремъ министрамъ, изъ которыхъ одинъ становится родоначальникомъ знаменитаго рода Фуживара. Названіе Джимму (воинскій духъ), подъ которымъ извѣстенъ первый Тенно (небесный король) Японіи, было дано ему послѣ смерти. Таковы японскія извѣстія. — Если изъ этихъ преданій можно вообще выдѣлить достовѣрное ядро, то оно могло бы заключаться именно въ томъ, что Изумо, Ямато и Сецху, образовавшіе впослѣдствіи вмѣстѣ съ Ямаширо и Кавачи подъ именемъ Гокинаи (пять коренныхъ провинцій) центръ страны, могутъ считаться главнымъ мѣстомъ пребыванія колонистовъ: отсюда шло завоеваніе западныхъ и южныхъ частей. Въ походѣ Джимму, вѣроятно, вопросъ идетъ о предъявленіи дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ, болѣе древнихъ правъ; по преданію, онъ былъ женатъ на дочери властителя Изумо. Повидимому, между единоплеменниками происходила борьба. Были ли Такеру и Кумаосо (Кумасо), тѣ же, о которыхъ позже упоминается, какъ о жителяхъ Кіусіу, или они принадлежали къ пришельцамъ, смѣшивались ли они и въ какой степени съ малайо-китайцами или корейцами, должно остаться нерѣшеннымъ. По японскимъ источникамъ, первое заселеніе корейцами было въ 59 г. по Р. Х., но посольства корейскія были уже и раньше; въ первый разъ въ 33 г. до Р. Х. На С.-В. пришельцамъ пришлось бороться только съ айнами, хотя противники ихъ въ тѣхъ мѣстахъ упоминаются подъ разными названіями,

B. **Былинный періодъ (до введенія буддизма въ 552 г. по Р. Х.).**

a) Внѣшнія условія.

Большимъ затрудненіемъ для пониманія и обсужденія древнѣйшей японской исторіи является то, что для нея до VIII ст. послѣ Р. Х. вовсе не было собственныхъ писанныхъ источниковъ. До VI вѣка по Р. Х. японцы вообще не имѣли письма, и съ того времени до изобрѣтенія катаканы (IX) употребляли только китайскіе знаки. Самый древній изъ сохранившихся историческихъ трудовъ, Кожики, книга древнихъ преданій, была написана въ 711 и 712 годахъ. Два болѣе древнихъ, по преданію, труда, отъ 620 и 681 годовъ, утеряны. Кожики содержитъ исторію сотворенія, исторію боговъ, героевъ и микадо до 628 г. по Р. Х; она была въ первый разъ напечатана между 1624 и- 1642 гг. Второй затѣмъ историческій трудъ Нихонги (исторія Японіи) относится къ 720 г. по Р. Х. и трактуетъ о тѣхъ же предметахъ, какъ и Кожики, только продолжаетъ лѣтописи императоровъ до 699 года. Оба произведенія, которыми уже поэтому можно пользоваться только съ большой осторожностью, подверглись кромѣ того въ значительной степени китайскому, и корейскому, буддійскому, и конфуціанскому вліянію. Даже сообщаемыя въ нихъ таблицы императоровъ часто не сходятся съ перечнями изъ китайскихъ произведеній (напр. Матуанлинъ); кромѣ того, онѣ сами по себѣ неправдоподобны. Такъ, по нимъ Джимму достигъ возраста 127 лѣтъ, и изъ его шестнад-

цати преемниковъ, изъ которыхъ послѣдній умеръ въ 399 году по Р. Х., тринадцать достигаютъ возраста болѣе 100 лѣтъ; одинъ изъ нихъ, Суннинъ, Солонъ японской исторіи, прожилъ 141 годъ и процарствовалъ изъ нихъ 99 лѣтъ. Впрочемъ длинный рядъ микадо (нынѣ царствующій Муцухито по порядку 123-ій) по нашимъ понятіямъ, не происходитъ по прямой линіи: онъ и по японскимъ источникамъ прерывается семью императрицами и многочисленными усыновленіями.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда одновременно существуютъ корейскіе и китайскіе источники — это бываетъ часто для исторіи отдѣльныхъ династій и отдѣльныхъ государствъ въ этихъ странахъ — японскія данныя, по большей части, совершенно не выдерживаютъ критики. Такъ, напр., въ разсказѣ объ императрицѣ Джинго-Когу (201—269) и о завоеваніи Шираки (Силла) въ Кореѣ 202 (200), будто бы имѣвшемъ мѣсто при ней авторъ Нихонги разукрасилъ разсказъ всякой былью и небылицей. Независимо отъ соображеній (упоминаніе именъ, для которыхъ можно доказать болѣе позднее происхожденіе), говорящихъ противъ исторической подкладки разсказа, и китайскія, и корейскія лѣтописи упоминаютъ о нападеніяхъ японцевъ на Силлу лишь въ 209, 233 и 249 г.г.; первое нападеніе было вполнѣ незначительнымъ событіемъ, между тѣмъ какъ въ обоихъ послѣднихъ столкновеніяхъ японцы были отбиты съ большимъ урономъ и потеряли много людей и кораблей. Лѣтописи китайской династіи Вей упоминаютъ, что въ 247 году умерла королева Химеко, т. е. „княгиня“ (Джинго Когу) и что послѣ гражданской войны, во время которой погибло не менѣе 100,000 человѣкъ, ей наслѣдовала тринадцатилѣтняя дѣвочка. Это извѣстіе болѣе правдоподобно, чѣмъ то, что Джинго Когу процарствовала послѣ смерти своего мужа еще 68 лѣтъ.

W. G. Aston основываетъ на данномъ и на подобныхъ же разногласіяхъ между китайскими и корейскими источниками съ одной стороны и японскими съ другой, убѣжденіе, что японскія извѣстія не заслуживаютъ безусловной вѣры не только до 400 и 500 г.г. по Р. Х., но даже и въ теченіе VI ст. Онъ полагаетъ, что первое вѣрное и доказанное извѣстіе въ японской хронологіи приходится на 461 г. по Р. Х.; введеніе китайской культуры въ Японію произошло на 120 лѣтъ позже, чѣмъ это сообщаютъ японцы, именно въ 397 г. вмѣсто 277 г. по Р. Х. Современная японская критика высказалась также противъ достовѣрности Нихонги. Тачибана Ріохей уже въ 1889 г. привелъ цѣлый рядъ данныхъ изъ Нихонги, доказавшихъ неточность работы. Національный герой японцевъ, Ямато-даке, умираетъ по Нихонги въ 43-ій годъ правленія императора Кеико, т. е. въ 114 г. по Р. Х.; его сынъ Цинай родился, по Нихонги, въ 19-ый годъ правленія Сеймуса (150), т. е. черезъ 36 лѣтъ послѣ смерти отца. Принцъ Охо-узу-но-микото былъ двойничнымъ братомъ Ямато-даке; послѣднему было 16 лѣтъ, когда онъ въ 98 году по Р. Х. отправился въ походъ противъ кумасовъ; такимъ образомъ, оба брата должны были родиться въ 83 г. по Р. Х. Въ Нихонги же разсказывается, что принцъ Охо въ 75 г., т. е. 8 лѣтъ до своего появленія на свѣтъ, соблазнилъ дочь дворянина. Тачибана приводитъ еще много подобныхъ примѣровъ недостовѣрности извѣстій.

Потому для японской исторіи со времени основанія государства (660 г. по Р. Х.) до введенія буддизма нужно ограничиться тѣми фактами, достовѣрность которыхъ можно доказать изъ другихъ, не японскихъ источниковъ; послѣдніе, же въ лучшемъ случаѣ, являются произвольнымъ сопоставленіемъ непровѣренныхъ преданій, написанныхъ, вѣроятно, съ цѣлью создать основаніе для претензій господствующей династіи, возникшихъ въ болѣе позднее время. Такъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что еще долго послѣ Джимму-тенно три первоначальныхъ центра колонистовъ, Ямато, Изумо и Цукуши (сѣв. Кіусіу) существовали независимо другъ подлѣ друга. Еще въ лѣтописяхъ Ханской династіи (25—220 по Р. Х.) упоминается о посоль-

ствахъ японцевъ, которыя могли быть посланы только отдѣльными князьями. Китайскія извѣстія о японцахъ, составленныя въ XIII в. Матуанлиномъ, рисуютъ, на какой низкой ступени стояли японцы во время составленія этихъ записокъ.

Лѣтописи позднѣйшей Ханской династіи передаютъ, что на ю.-в. отъ Кореи находится гористый островъ, раздѣленный на болѣе 100 областей. Со времени завоеванія Вути Кореи (140—86 до Р. Х.), тридцать два изъ этихъ народцевъ, называющихъ своихъ законныхъ правителей королями, сносились съ властями династіи Хань черезъ пословъ, а повелитель Великой Во (Ва, Японія) жилъ въ Ямато. Обычаи ихъ сходны съ обычаями въ провинціи Чекіангъ, лежащей напротивъ Во на материкѣ. Почва благопріятна для разведенія хлѣбовъ, конопли и тутоваго дерева. Ткацкое дѣло имъ знакомо. Страна производитъ бѣлый жемчугъ и зеленый нефритъ. Въ горахъ есть киноварь. Климатъ мягкій, такъ что овощи можно разводить и зимой, и лѣтомъ. У нихъ нѣтъ ни воловъ, ни лошадей, ни тигровъ, ни леопардовъ, ни сорокъ. Ихъ солдаты имѣютъ копья и щиты, деревянные луки и стрѣлы, иногда съ костяными наконечниками. Всѣ мужчины татуируютъ себѣ лицо и разрисовываютъ тѣло. Различные чины означаются величиной и положеніемъ рисунка на тѣлѣ. Мужское платье закрѣпляется въ ширину узломъ и состоитъ изъ одного куска матеріи. Женщины завязываютъ волосы узломъ, платья же ихъ напоминаютъ наши китайскія платья по плотности; онѣ надѣваютъ платье чрезъ голову Для окрашиванія тѣла они берутъ красную и пурпуровую краску, подобно тому, какъ мы употребляемъ рисовую пудру. У нихъ есть форты и дома, окруженные заборомъ. Отецъ и мать, старшіе и младшіе братья живутъ отдѣльно, но когда они сходятся, то различіе рода не соблюдается. Они берутъ пищу рукой, накладывая ее на бамбуковыя тарелки и деревянныя пластинки. Всѣ они ходятъ босикомъ. Почтеніе они выказываютъ присѣданіемъ на корточки. Они любятъ очень крѣпкіе напитки. Живутъ они очень подолгу, и столѣтніе старцы очень обыкновенны. Женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ; мужчины, имѣющіе высокій чинъ, имѣютъ 4 или 5 женъ, другіе же по двѣ или по три. Жены вѣрны и не ревнивы. Воровства не бываетъ, и судебные споры рѣдки. Жены и дѣти преступниковъ привлекаются къ отвѣтственности, а за болѣе крупныя преступленія уничтожаютъ семью преступника. Трауръ продолжается всего 10 дней; члены семьи оплакиваютъ умершаго 10 дней, а друзья приходятъ, поютъ, танцуютъ и производятъ музыку. Они гадаютъ, сжигая надъ огнемъ кости и этимъ предсказывая счастье или несчастье. Они приглашаютъ мужчину, котораго называютъ „держащимъ трауръ“; онъ не смѣетъ чесать волосы, умываться, ѣсть мясо и общаться съ женщиной. Если оставшимся членамъ семьи живется хорошо, то они дарятъ ему цѣнные подарки. Если же ихъ постигаетъ несчастье, неудача, то они обвиняютъ „державшаго трауръ“ въ несоблюденіи данныхъ имъ обѣтовъ, и убиваютъ его всѣ вмѣстѣ; этотъ обычай подтверждается и японскими источниками.

Далѣе говорится: „Между 147 и 190 гг. въ Во происходили большія неурядицы; междоусобія продолжались много лѣтъ, и было междуцарствіе. Тогда на сцену выступила женщина Пимиху (Химеко). Она была старой дѣвой, занималась колдовствомъ и сумѣла обмануть народъ. У ней было 1000 служанокъ, но немногія видѣли ее въ лицо, за исключеніемъ одного мужчины, который прислуживалъ ей за обѣдомъ и поддерживалъ съ ней отношенія. Она жила во дворцѣ съ просторными хоромами, окруженномъ палисадомъ и охраняемомъ стражей изъ солдатъ.“

Съ III вѣка по Р. Х. часто упоминается о посольствахъ изъ Японіи въ Китай; послѣднія приносили дары (дань) и добивались тамъ титуловъ и печати. Хотя многія изъ этихъ свидѣтельствъ можно приписать тще-

славію китайцевъ, все-таки остается вѣроятнымъ, что японцы, въ то время полуварвары, чувствовали себя польщенными, получивъ иностранные знаки отличія; ихъ потомки конечно отрицаютъ извѣстную зависимость своего отечества отъ Китая; однако отъ этой зависимости сохранились слѣды до времени великаго монгольскаго нашествія въ 70-хъ г. XIII ст.

Чаще и тѣснѣе были отношенія съ послѣдняго столѣтія до Р. X. между Японіей и южными государствами Корейскаго полуострова: Пехтси (Пекче, Хіаксай, Кудара), Шинрой (Шираги, Силла, Синло), Кара и Кая (Мимана) и Кокули (Конія, Корай). Трудно разобраться, что исходило при различныхъ посольствахъ, нападеніяхъ и большихъ походахъ отъ лица государства и что отъ частныхъ лицъ; во всякомъ случаѣ, многія изъ упоминаемыхъ враждебныхъ высадокъ японцевъ на корейскій берегъ часто были простыми морскими разбоями или попытками поддержать политику корейскихъ партій. Въ то время японское государство было слишкомъ слабо сплочено, чтобы всегда руководить разными событіями. E. H. Parker, тщательно изслѣдовавшій отношенія Китая и Японіи къ Кореѣ, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Китайцы нападали на Корею два раза; одинъ разъ въ III вѣкѣ до Р. X. и другой въ VII ст. по Р. X. Въ обоихъ случаяхъ ихъ непосредственная власть продолжалась недолго, а власть ихъ вицекоролей никогда не распространялась дальше сѣверной половины Кореи; нѣкоторое время она даже не переходила за горный хребетъ, раздѣляющій сѣверную часть на восточную и западную половины. Японцы никогда не ступали ногой въ ту часть Кореи, которая находилась подъ фактическимъ вліяніемъ Китая, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ при Хидейоши, въ концѣ XVI ст. Въ дѣйствительности они никогда не господствовали ни надъ одной частью Кореи; быть можетъ, однако, въ первые вѣка по Р. X. на крайнемъ югѣ корейскаго полуострова жили остатки японской расы. Японцы имѣли безусловно большое вліяніе въ ю.-з. части полуострова до второго китайскаго нашествія; потомъ они оказывали вліяніе только въ качествѣ морскихъ разбойниковъ, пока Хидейоши не напалъ на мысль аттаковать Китай черезъ Корею. За то, кажется, у японцевъ съ очень давнихъ поръ и до новѣйшаго времени было по крайней мѣрѣ одно постоянное поселеніе на крайнемъ югѣ Кореи, въ Фузанѣ или около него.

б) Внутреннее развитіе.

Японскіе источники упоминаютъ о многочисленныхъ битвахъ съ кумассами на Кіушу; они то отыскиваютъ и покоряютъ ихъ на собственной ихъ родинѣ, то кумасо сами нападаютъ на японцевъ и ведутъ войну въ западныхъ провинціяхъ главнаго острова. О первыхъ битвахъ съ восточными сосѣдями упоминается при Кеико тенно (71—130 г. по Р. X.); сынъ послѣдняго, Ямато даке, князь воиновъ, вѣроятно, лишь временно разнесъ славу японскаго оружія до области за будущимъ Іеддо, въ горы Никко. Въ остальномъ свѣдѣнія ограничиваются сообщеніемъ о постепенномъ и очень медленномъ внутреннемъ развитіи, которое, конечно, приписывается отдѣльнымъ императорамъ. Сужинъ тенно, десятый императоръ (97 до 30 г. до Р. X.) построилъ первые водоемы для орошенія рисовыхъ полей; его наслѣдникъ Суининъ (29 до Р. X. до 70 послѣ Р. X.) продолжалъ эти работы и расширилъ ихъ постройкой каналовъ; онъ, какъ говорятъ, поощрялъ также національное поклоненіе божеству Ками, и кажется, первый обложилъ своихъ подданныхъ податью, главнымъ образомъ для богослужебныхъ цѣлей. При двѣнадцатомъ микадо Сеиму (131 до 190) былъ походъ противъ айновъ на востокѣ и при пятнадцатомъ микадо, императрицѣ Джинго Когу (201—269), былъ миѳическій походъ въ Корею. Ея сынъ, которымъ она была въ то время беременна, и котораго поэтому позже почитали за бога войны (Хачиманъ), наслѣдовалъ ей подъ названіемъ

Оджинъ тенно (270—310); онъ оказалъ особенныя услуги ремесламъ и торговлѣ, для чего выписалъ изъ Кореи учителей; то же сообщаютъ и относительно его преемниковъ. Такимъ образомъ, начинается время введенія западной культуры въ Японіи, хотя многія данныя нужно отнести къ значительно позднѣйшему времени.

Отношенія пришельцевъ къ императору, повидимому, были все это время очень шаткими. Если Токузо-фукуда дѣлитъ этихъ „Ямато“ еще въ древнѣйшія времена на три племени: Тенсонъ (внуки неба), Тенжинъ (небесные боги) и Чижи (земные боги), въ зависимости отъ степени ихъ родства къ богинѣ солнца, — то онъ предрѣшаетъ этимъ, вѣроятно, позднѣйшее развитіе. Такое дѣленіе обыкновенно выступаетъ сильнѣе тогда, когда ощущается потребность въ болѣе рѣзкомъ проведеніи границы вверхъ и внизъ, — при низкой же степени образованія пришельцевъ въ 660 г. до Р. Х. это едва ли было нужно. Развитіе власти жрецовъ и по японскимъ извѣстіямъ должно было совершаться очень медленно. Болѣе сильное развитіе культа предковъ, къ которому присоединилось и болѣе рѣзкое раздѣленіе на высшіе и низшіе слои, можно приписать позднѣйшему вліянію конфуціанства.

Во всякомъ случаѣ господствовавшее въ Ц. Японіи (и немного далѣе) племя состояло изъ значительнаго числа родовъ, ужи, изъ которыхъ каждый родъ произошелъ отъ одной семьи. Подобное явленіе происходило въ Греціи, въ Римѣ, въ Германіи и у индѣйцевъ Сѣв. Америки, въ Японіи и Китаѣ; это родовое устройство придаетъ страннымъ образомъ общинѣ, въ которой оно переживаетъ первый періодъ государственнаго развитія, нѣчто необычайно прочное и постоянное. Каждый родъ въ Японіи образовалъ съ своимъ главою обособленное цѣлое; родъ императора образовалъ подъ его личнымъ управленіемъ самую многочисленную и сильную единицу. Почитаніе общихъ предковъ объединяло каждый ужи; почитаніе богини солнца связывало императора съ другими родами. Созданіе новыхъ ужи, особенно изъ военно-плѣнныхъ, рабовъ, томобе, повидимому, было привилегіей императора, который присоединялъ ихъ къ своему собственному ужи для усиленія своей собственной власти. Вѣроятно, въ предѣлахъ ужи въ началѣ, пока они были еще малы, существовала общность добычи на охотѣ, на рыбной ловлѣ, въ полевомъ хозяйствѣ и, наконецъ, были общіе заработки; изъ послѣднихъ могли образоваться формы на подобіе ремесленныхъ цеховъ; и во внѣшнихъ дѣлахъ ужи выступали, какъ нѣчто цѣлое, до нѣкоторой степени, какъ юридическое лицо. Должности находились въ рукахъ рода и были наслѣдственными; мужья слѣдовали за женой въ ея родъ; къ этому же роду принадлежали и дѣти: поразительное совпаденіе съ обычаемъ, напр., ирокезцевъ; быть-можетъ, этотъ обычай возникъ въ то время, когда женщины были рѣдки, и обладаніе дѣвушкой поэтому было для рода особенно цѣнно. Власть начальниковъ рода надъ сородичами была, кажется, очень велика и походила на римскую patria potestas; за то отношенія отдѣльныхъ ужи къ императорскому были очень не прочны. Токузо передаетъ, что отношенія эти состояли главнымъ образомъ въ почитаніи императора верховнымъ жрецомъ при культѣ общей главной богини предковъ, признаніи его военачальникомъ при представительствѣ общихъ интересовъ внѣ государства, и высшимъ судьей при распряхъ ужи между собой. Правъ на землю или на заработокъ ужи императоръ не имѣлъ

Г. Буддизмъ въ Японіи со времени его введенія въ 552 г. по Р. Х. и до настоящаго времени.

На долю буддизма въ Японіи выпала та роль, которую на Западѣ сыграли классическая древность и христіанство: онъ принесъ японцамъ

лучшую религію и китайскую культуру. Относительно времени и способа введенія его, данныя расходятся. Самое вѣроятное это то, что король Кудары въ Кореѣ прислалъ въ 552 г. императору Киммеи (540—571) нѣсколько буддійскихъ иконъ, и что новое ученіе попало на благопріятную почву. Однако оно утвердилось повидимому не безъ затрудненій: вслѣдствіе появленія эпидеміи, его преслѣдовали и запретили при императорѣ Биндатѣ (572—585). Значительное вліяніе на распространеніе буддизма имѣлъ повидимому принцъ Шотоку, сынъ императрицы Суико, построившій въ 587 году большой храмъ и покровительствовавшій благотворительнымъ заведеніямъ и учрежденіямъ. Нѣчто въ родѣ оффиціальнаго признанія буддизмъ получилъ тогда, когда императоръ Синму (715—731) повелѣлъ построить по храму въ каждой провинціи.

Затѣмъ китайское и корейское вліяніе могло способствовать скорому распаденію японскаго буддизма на значительное число сектъ (6); и одновременно все въ большей степени обнаруживалось недоброжелательство и вражда между буддизмомъ и шинтоизмомъ. Странно, что чужая религія, угрожавшая по своему существу божескому происхожденію императоровъ, нравилась этимъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ могло возникнуть желаніе достигнуть слiянія старой и новой вѣры. Въ 794 г. императоръ Квамму перенесъ свою резиденцію изъ Нары въ нынѣшній Кіото; одновременно начались поѣздки японскихъ буддистовъ въ Китай, съ цѣлью искать тамъ, у источника новой вѣры, для Японіи поученія и разъясненій. Денгіо отправился въ Китай и основалъ, вернувшись оттуда, въ 798 г. секту Тендаи, построивъ въ видѣ исходнаго и центральнаго пункта на Хіейзанѣ монастырь Энріакужи.

Еще большее вліяніе суждено было играть Кукаю (Кободаиши; 774—835); онъ также посѣтилъ Китай и, вернувшись оттуда, сдѣлался въ 816 г. основателемъ секты Шингонъ; онъ устроилъ на горѣ Койя монастырь Кугай, ставшій при содѣйствіи императора Саги до нѣкоторой степени главнымъ центромъ буддійскаго ученія въ Японіи. Кободаиши изобрѣлъ японскій алфавитъ, Ироха, изъ 47 знаковъ, и этимъ самымъ первое японское письмо, Катакану; до этого времени употребляли только китайскіе знаки, которые впрочемъ попрежнему примѣнялись во всѣхъ произведеніяхъ, претендующихъ на научный характеръ. Самымъ однако крупнымъ дѣломъ Кободаиши была попытка слiянія буддизма съ шинтоизмомъ, имѣвшая долгое время успѣхъ. Прежніе боги были приняты въ японское небо и объявлены воплощеніями Будды; обоготворенныхъ героевъ и воиновъ, какъ „гонге", почитали повсемѣстно или въ извѣстной мѣстности. Такимъ образомъ, онъ японизировалъ буддизмъ; несомнѣнно, нужно приписать ему то, что и императоры безъ колебанія обратились въ чуждую вѣру, ставшую съ того времени національною. Со времени Кободаиши, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, большинство императоровъ отрекалось отъ престола послѣ непродолжительнаго царствованія; они постригались и оканчивали свою жизнь буддійскими монахами. Введеніе обычая сжигать покойниковъ слѣдуетъ приписать также Кободаиши; даже нѣсколько императоровъ согласилось на это.

Во время борьбы между Таира и Минамото росло вліяніе и могущество буддійскихъ жрецовъ; послѣ побѣды Іоритомо надъ соперниками въ 1186 г. и съ перенесеніемъ резиденціи сіогуна въ Камакуру (близь нынѣшней Іокогамы) начинается блестящій періодъ японскаго буддизма; онъ выразился въ числѣ сектъ, его политическомъ вліяніи и образовалъ могуществѣ. Въ 1191 г. Іеизай основалъ секту Ріузай, а въ 1220 г. Шинранъ секту Шинъ, — обѣ секты раціоналистскія среди японскаго буддизма. Шинранъ позволилъ священникамъ своей секты ѣсть мясо и вступать въ бракъ, и перенесъ храмы съ горъ, изъ уединенія, гдѣ они до ихъ поръ были построены, въ города, чтобы этой мѣрой предотвратить отчужденіе духовенства

отъ народа. Въ отличіе отъ обычая другихъ сектъ, книги секты Шинъ были написаны японскимъ шрифтомъ; извѣстны онѣ также подъ именемъ Икко (отъ начальнаго слова самаго главнаго сочиненія, „книги о продолжающейся жизни") и Монто („слуги вратъ", за единство ихъ организаціи). Секту Шинъ довольно удачно называютъ протестантами Японіи: они отрицаютъ, какъ уже сказано, безбрачіе и воздержаніе отъ извѣстной пищи, покаяніе, аскетизмъ, паломничество и монастыри, но учатъ спасенію посредствомъ вѣры въ Будду. Санъ жрецовъ у нихъ наслѣдственный. Въ 1227 г. была основана Дагхіу секта Іодо, а въ 1261 г. Нихиренъ основалъ секту, названную его именемъ; ее можно назвать противоположностью сектѣ Шинъ. Она, быть можетъ, обязана своимъ возникновеніемъ чувству потребности въ такомъ противовѣсѣ. Основатель секты избавился отъ смертнаго приговора, произнесеннаго Ходжо Токійори, такъ какъ мечъ разлетѣлся надъ его шеей. Секта эта отличалась всегда своей нетерпимостью и фанатизмомъ и играла главную роль въ борьбѣ противъ христіанъ. Къ ней принадлежалъ извѣстный изъ донесеній іезуитовъ гонитель христіанъ, Като Кійомазо, въ началѣ XVII вѣка; девизъ: Namu mio ho ren ge kio (слава спасительной книгѣ закона), принятый вмѣсто прежняго „Namu Amida Buddha" (слава священному Буддѣ) часто фигурировалъ на походныхъ знаменахъ многихъ полководцевъ. Въ 1288 г. была основана Иппеномъ послѣдняя большая секта „Жи" (времена года).

Во время борьбы, раздиравшей страну между 1332 и 1602 гг., жрецы были хранителями науки и литературы; однако они принимали также очень рѣшающее участіе въ политическихъ событіяхъ того времени, и многіе настоятели монастырей нерѣдко выѣзжали на войну, въ бронѣ и вооруженные, во главѣ своихъ монаховъ и ленниковъ. При этихъ обстоятельствахъ должно было случиться такъ, что первая крупная личность, Ота Нобунага, задавшійся цѣлью возстановить въ странѣ миръ и порядокъ и добиться повиновенія императору, конечно имѣя въ виду свою пользу, вооружился противъ монастырей, Въ 1571 г., по его приказанію, былъ разрушенъ самый крѣпкій духовный оплотъ, монастырь секты Шингонъ на горѣ Хіейзанѣ, и всѣ его жители были перебиты. Та же участь постигла нѣсколько лѣтъ спустя большой храмъ Хонгванджи секты Шинъ въ Осакѣ. Тамошніе жрецы пріютили разбойниковъ и политическихъ соперниковъ Набунаги; послѣ борьбы, длившейся нѣсколько недѣль, были разрушены три укрѣпленія изъ пяти, изъ которыхъ состоялъ монастырь. Вслѣдствіе вмѣшательства микадо, оставшимся въ живыхъ было разрѣшено свободное выселеніе (20,000 человѣкъ по слухамъ, пали). Послѣ этихъ двухъ ударовъ буддійское духовенство уже никогда не оправилось. Хотя впослѣдствіи и приходилось сломить тотъ или другой оплотъ политическаго буддизма, все-таки самую трудную работу въ этомъ направленіи совершилъ уже Набунага.

При Токугава секта Іодо была въ наибольшемъ почетѣ, Слѣдуетъ отмѣтить, что сіогуны династіи Токугава оказывали этой сектѣ особенное расположеніе, хотя секту эту можно назвать наименѣе образованной. Жрецы секты придерживались главныхъ основъ индійскаго буддизма и учили, что спасеніе души зависитъ больше отъ молитвъ и строгаго исполненія внѣшнихъ обрядовъ и благочестивыхъ предписаній, чѣмъ отъ нравственной чистоты и усовершенствованія. Поэтому сіогуны могли поручить этой сектѣ религіозное воспитаніе народа безъ опасенія, что она попытается оказать противодѣйствіе какому-нибудь изъ плановъ сіогуната. Жрецы этой секты завѣдывали службой въ мѣстахъ погребенія сіогуновъ въ Шибѣ и Никко (см. таблицу: „Могилы и священныя рощи при храмахъ въ Никко"). Имъ принадлежалъ также храмъ Зожожи, находившійся въ Шибѣ и сгорѣвшій въ 1874 г. Какъ всѣ отрасли общественнаго служенія захудали, такъ и буддизмъ, ставшій государствен-

ной религіей, по крайней мѣрѣ Бакфу, пострадалъ въ послѣдніе годы господства сіогуновъ. Поэтому онъ оказался совершенно безсильнымъ въ рѣшительной борьбѣ сіогуновъ съ микадо. Если приверженцы сіогуната, послѣ отказа самого сіогуна отъ борьбы, попытались выставить претендентомъ на престолъ микадо, Ріуной-но-міа, императорскаго принца, находившагося въ храмѣ Тойейсанѣ въ Угено въ качествѣ верховнаго жреца секты Тендай, — то этотъ фактъ не имѣлъ съ буддизмомъ ничего общаго. Это было не болѣе, какъ историческое воспоминаніе о причинахъ, заставившихъ сіогуновъ династіи Токугава имѣть оружіе въ рукахъ противъ микадо въ лицѣ главы этой секты, къ которой, при ея основаніи императорскимъ принцемъ, присоединился императоръ Квамму.

Послѣ прекращенія династіи Токугава у побѣдителей появилось сначала сильное, главнымъ образомъ доктринерское озлобленіе противъ буддизма, поведшее къ его преслѣдованію. Это было тѣмъ естественнѣе, что литературная дѣятельность шинтоистовъ и писателей, выдававшихъ себя за таковыхъ, много способствовала съ XVII ст. паденію сіогуната въ 1868 г. Микадо издалъ декретъ, проводившій строгое раздѣленіе между буддійскимъ и шинтоистскимъ богослуженіемъ и запрещавшій буддійскимъ жрецамъ исполненіе шинтоистскихъ церемоній, дозволенныхъ до того времени; декретъ этотъ передалъ въ руки шинтоистовъ всѣ храмы, гдѣ были до сего времени соединены оба культа. Одновременно съ этимъ было основано шинтоистское министерство культа, Шингайкванъ; задача послѣдняго состояла въ распространеніи ученія шинто посредствомъ образованія и разсылки миссіонеровъ. Въ 1870 году появился новый эдиктъ, обращавшій этихъ миссіонеровъ до нѣкоторой степени въ политическую корпорацію, къ которой принадлежали префекты и другіе чиновники изъ администраціи; въ 1871 г. были порваны между буддизмомъ и правительствомъ всякія отношенія. Буддійское святилище императорскаго дома было закрыто, буддійскій праздникъ императора былъ отмѣненъ, и статуя Будды удалена изъ императорскаго дворца. Одновременно съ этимъ были отмѣнены всѣ почетныя наименованія храмовъ, и ихъ земельная собственность была конфискована. Въ 1872 году правительство отняло у жрецовъ ихъ духовные титулы и санъ и принудило ихъ принять снова свои фамиліи, вмѣстѣ съ тѣмъ было отмѣнено запрещеніе вступать въ бракъ и ѣсть мясную пищу; всѣ храмы безъ жрецовъ и прихожанъ были конфискованы, а жрецамъ было запрещено прибѣгать къ милости вѣрующихъ. Въ 1874 г. было, наконецъ, запрещено сжиганіе труповъ. О значеніи этихъ мѣръ можно получить понятіе, если представить себѣ, что въ 1872 году при общемъ населеніи нѣсколько больше 30.000,000 было 75,925 буддійскихъ жрецовъ и 9621 монахиня; кромѣ того, было около 126,400 послушницъ, студентовъ и членовъ семьи секты Шинъ; при этомъ число храмовъ, находившихся въ рукахъ семи главнѣйшихъ сектъ, было свыше 67,000.

Старанія правительства задавить этими мѣрами буддизмъ и вызвать развитіе шинтоизма остались однако безуспѣшны: въ религіи Шинто вовсе нѣтъ того, что могло бы облегчить успѣхъ религіозной пропаганды. Шингайкванъ былъ такимъ образомъ упраздненъ, и религіозные вопросы были переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, которое предписывало миссіонерамъ отъ государства три правила: распространять уваженіе къ богамъ и любовь къ отечеству, объяснять законы природы и добрыхъ нравовъ, служить императору и слушаться его приказаній. Одновременно съ этимъ правительство выбрало въ каждой буддійской и шинтоистской сектѣ главу этихъ оффиціальныхъ миссіонеровъ и разрѣшило членамъ всѣхъ буддійскихъ сектъ свободно учить подъ условіемъ, чтобы они не распространяли того, что противорѣчитъ тремъ вышеупомянутымъ предписаніямъ. Когда и это не имѣло желательнаго успѣха,

то правительство въ 1884 г. упразднило институтъ правительственныхъ миссіонеровъ и предоставило упорядоченіе миссіонерскаго вопроса главамъ разныхъ сектъ, назначаемымъ отъ правительства. Наконецъ, въ 1889 г. новое правленіе признало основнымъ положеніемъ религіозную терпимость. Проектъ закона, регулирующаго вопросъ о буддійскихъ, шинтоистскихъ и христіанскихъ сектахъ, не былъ принятъ въ 1899 г. первой камерой. Самый осязательный результатъ вмѣшательства правительства въ религіозные вопросы и преслѣдованія буддійскаго ученія заключается въ томъ, что, за исключеніемъ секты Шинъ, которая, повидимому, въ борьбѣ за существованіе почерпнула новыя силы, всѣ буддійскія секты пострадали болѣе или менѣе сильно въ матеріальномъ отношеніи; само ученіе изъ этого времени испытанія извлекло однако для себя больше пользы, чѣмъ вреда.

Д. Преобразованіе правленія.

а) Господство Фуживара.

Если вѣрить японскимъ лѣтописямъ, то Джимму тенно передалъ, тотчасъ послѣ основанія государства, управленіе четыремъ министрамъ, между которыми находился будто бы одинъ изъ предковъ фамиліи Фуживара. Въ этомъ сообщеніи слѣдуетъ, вѣроятно, видѣть лишь болѣе позднее (на 1500 лѣтъ) желаніе этой могущественной фамиліи оправдать свое фактическое могущество по возможности старинными правами. Въ дѣйствительности же условія въ теченіе долгаго времени были таковы, что главы (императоръ; сумера микото) побѣдоноснаго рода, которымъ лишь впослѣдствіи былъ данъ китайскій титулъ „тенно“ — должны были заботиться о защитѣ и усиленіи своего шаткаго могущества. Подобно тому, какъ они пытались усилить значеніе своего дома, такъ и представители другихъ ужи дѣлали то же; доказано, что въ теченіе столѣтій возникалъ не разъ споръ между императоромъ и непокорными начальниками родовъ; споръ рѣшался по большей части посредствомъ вмѣшательства другихъ начальниковъ ужи въ пользу одной изъ спорящихъ сторонъ, а не въ пользу законнаго повелителя. Такія распри были часто при вопросѣ о престолонаслѣдіи, такъ какъ право первенства было введено лишь при Квамму (782—806 гг.), да и то больше въ теоріи, чѣмъ на практикѣ.

Рука объ руку съ этимъ стремленіемъ къ власти и господству шелъ упадокъ прежняго родового устройства. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ увеличеніи числа жителей, и тѣмъ самымъ — членовъ отдѣльныхъ ужи, а также въ необходимости, вызванной этимъ ростомъ населенія, болѣе усиленно работать для пропитанія отдѣльныхъ особей, т. е. въ переходѣ отъ охоты и рыбной ловли къ хлѣбопашеству. Такимъ образомъ, раствореніе семьи и отдѣльныхъ членовъ въ родѣ должно было представляться опасностью, какъ для высшихъ такъ и для низшихъ; для высшихъ — оттого, что организація ужи предоставляла очень большое число своихъ членовъ въ распоряженіе крамольныхъ вассаловъ на всякое дѣло; для низшихъ же это являлось опасностью потому, что родъ не былъ уже въ состояніи заботиться достаточно о благѣ своихъ членовъ. При этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ китайскій способъ правленія давалъ средство, за которое ухватились жадно императоры и ихъ совѣтники. Въ большомъ сосѣднемъ царствѣ личность богдыхана была для массы населенія давно недоступна: онъ правилъ черезъ посредство своихъ чиновниковъ, изъ которыхъ онъ видѣлъ только высшихъ. Все въ странѣ: люди, земля, — было его собственностью, которою онъ свободно распоряжался: въ столицѣ — черезъ своихъ министровъ, а въ провинціи черезъ своихъ намѣстниковъ. По подобному образцу было преобразовано управленіе японскимъ государствомъ. Номинально, во главѣ правленія стоялъ микадо; но его, не на основаніи за-

копа, а въ дѣйствительности, держали внутри его дворца; съ теченіемъ времени онъ отчуждался отъ своихъ подданныхъ; въ концѣ концовъ онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ оставался до 1868 года: миѳической личностью, изъ за обладанія которою спорящія партіи боролись другъ съ другомъ. Онъ былъ личностью, которая одна могла придать характеръ законности замысламъ партій. Самъ же онъ имѣлъ возможность провести свою волю, если кто-нибудь изъ его слугъ давалъ ему въ распоряженіе средства для своихъ личныхъ цѣлей и интересовъ. Правительственная власть находилась въ рукахъ преобразованнаго по китайскому образцу центральнаго управленія, во главѣ котораго стоялъ тотъ, кто овладѣвалъ положеніемъ хитростью или силой. Изъ главарей родовъ образовалось придворное дворянство, кугэ, изъ котораго избирались высшіе чиновники центральнаго управленія и намѣстники провинцій и уѣздовъ.

Роды, какъ таковые, потеряли политическое и матеріальное значеніе, которое они до сего времени имѣли, и ихъ владѣніе перестало быть общиннымъ. Ихъ мѣсто заняла семья, Ко, обезпечивающая за своими членами большую свободу движенія. За то, также по китайскому образцу, было введено общее поручительство членовъ Ко въ отношеніи къ правительству; поручительство было усилено тѣмъ, что нѣсколько Ко (5) должны были ручаться сообща за своихъ членовъ; эта мѣра, повидимому, позже еще усилилась съ возникновеніемъ подобныхъ союзовъ въ 10, 20 и т. д. семействъ. Лишь нѣкоторые самые крупные роды, какъ Фуживара, Таира и Минамото, сохранили то вліяніе, которое прежде имѣли ужи, хотя между членами ихъ не было уже связи, лежавшей въ основаніи власти ужи. Можно однако предполагать, что эти роды, и въ особенности Фуживара, являлись главнымъ поводомъ ко всѣмъ упомянутымъ превращеніямъ. Въ дальнѣйшемъ это повліяло на все внутреннее развитіе Японіи, такъ какъ въ слѣдующія 800 лѣтъ борьба происходила почти исключительно между этими родами и въ средѣ ихъ.

Понятно, что такая перемѣна могла совершиться только медленно. Китайское и буддійское вліянія могли ее вызвать и способствовать ей; однако, для проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ перемѣнъ требовалось распаденіе существующаго и упроченіе, благодаря тому, положенія императора; прежде всего однако были необходимы энергичные совѣтники. Уже въ 603 г. императрица Саико создала дворянское сословіе съ 12 рангами: въ 647 г. императоръ Котоку раздѣлилъ его вновь на 30 степеней. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть начало придворнаго дворянства, кугэ. Одновременно съ первой мѣрой были образованы восемь министерствъ: императорскаго дворца, администраціи и воспитанія, церемоній, финансовъ и народныхъ переписей, военное, юстиціи и государственнаго казначейства и императорскаго двора; прежнее высшее учрежденіе, „совѣтъ небесныхъ и земныхъ боговъ“ (Джинги куанъ), утратило вліяніе вслѣдствіе успѣховъ буддизма. Въ 786 г. было учреждено Дайжьо куанъ, высшее правительственное учрежденіе, состоявшее изъ четырехъ министровъ (принцевъ и высшаго кугэ): изъ Дайжьо-дайжинъ (великаго министра великаго правительства), изъ Садайжина и изъ Удайжина (великаго министра лѣвой и правой) и Найдайжина (великаго министра внутреннихъ дѣлъ); въ ихъ рукахъ находилась вся власть; наконецъ, въ 889 г. создано было наслѣдственное званіе правителя (квамбаку).

На жизнь народа болѣе глубокое вліяніе оказало нѣчто другое. При императорѣ Котоку (645—654 г.) цѣлымъ рядомъ мѣръ, называемыхъ по имени эпохи (Тайква), должности были отняты у ужи и было опредѣлено съ этого времени передавать ихъ лишь годнымъ для этого лицамъ. Члены ужи стали подданными императора, а страна была раздѣлена на провинціи (куни) и округа (кори), жители которыхъ съ этого времени были обязаны платить императору нату-

ральныя повинности и отбывать барщину. Въ 689 г. послѣдовало изданіе законовъ (Тайхо), т. е. письменнаго изложенія всего законодательнаго матеріала. Самымъ существеннымъ при этомъ было введеніе раздачи земли, принадлежавшей съ этого времени императору (обычай, существовавшій съ незапамятныхъ временъ въ Китаѣ), во временное пользованіе (6 или 12 лѣтъ) семьямъ, по числу членовъ семьи, за что семьи обязаны были служить и платить подати. Лѣса, луга и т. п. оставались общественной собственностью; на поднятую цѣлину крестьянинъ получалъ право пользованія безъ податей на болѣе долгій срокъ, и даже право дальнѣйшей продажи съ разрѣшенія начальства. Эта система раздачи позже способствовала въ значительной степени образованію феодальнаго государства, когда мѣстные правители заняли въ отношеніи къ арендатору земли мѣсто императора, и увеличили подать съ пахотной земли съ 3-хъ до 50%; овладѣвъ общественной землей, они обращали вниманіе на тѣ изъ законовъ, которые отвѣчали ихъ выгодѣ. Имущество храмовъ и монастырей выросло также, благодаря этой системѣ, необычайно быстро; къ землѣ, которую они впервые распахали, присоединились, несмотря на повторное запрещеніе, богатые подарки и вклады, давшіе возможность монахамъ играть въ послѣдующія столѣтія роль, мало соотвѣтствующую ихъ обѣту бѣдности.

Въ 669 г. Накатоми но Каматари получилъ отъ своего друга, императора Тенси, для всей семьи имя „Фуживара“ (поле глициній; по мѣсту его рожденія). Семья была божественнаго происхожденія: Амано-кояне-номикото былъ ея родоначальникомъ; одинъ изъ предковъ ея сопровождалъ Джимму во время похода, причемъ послѣдній женилъ его на дочери покореннаго имъ князя; при микадо Киммеи (540—571 г.) другой сынъ получилъ фамилію Накатоми. Такимъ образомъ, Фуживара были и оставались, на ряду съ фамиліей микадо, старѣйшимъ и знатнѣйшимъ родомъ въ странѣ. Изъ 155 семей придворнаго дворянства (кугэ) первыя 95 ведутъ свое происхожденіе отъ Каматари; изъ числа первыхъ пяти, изъ Гозекке, микадо имѣлъ право выбирать себѣ жену. Съ 888 по 1868 г. званіе правителя, а также и Дайо-дайжинъ переходило въ этой семьѣ по наслѣдству. Частое свойство съ домомъ микадо, дочери котораго также, по большей части, выходили въ эту семью замужъ, способствовало усиленію ихъ вліянія. Однако именно это, почти всемогущее положеніе, котораго сумѣла достигнуть эта семья, должно было повести ее къ утратѣ политическаго могущества. Микадо, большей частью дѣти въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, были лишь куклами въ рукахъ Фуживара. Губернаторы провинцій оставались спокойно въ Кіото и предоставляли свой постъ замѣстителямъ; когда при возстаніи айновъ или какого-нибудь губернатора назначался сіогунъ (имперскій полководецъ; съ 1-го столѣтія до Р. Х.), то онъ передавалъ работу другимъ, а самъ уѣзжалъ ко двору наслаждаться разнообразнѣйшими утѣхами. Время Фуживара было высшимъ расцвѣтомъ японской литературы, свившей себѣ гнѣздо при дворѣ микадо; въ то же время этотъ періодъ былъ несомнѣнно эпохой самаго разнузданнаго наслажденія жизнью и высшей безнравственности.

б) Борьба Таира съ Минамото (до 1185 г. по Р. Х.).

Такимъ образомъ случилось, что настоящая власть постепенно перешла въ руки людей, дѣйствительно работавшихъ; наряду со все болѣе изнѣживающимся придворнымъ дворянствомъ появилось болѣе сильное сословіе, буке, которое можно назвать военнымъ дворянствомъ (Schwertadel). Его главные представители были изъ двухъ семей: Таира и Минамото. Первые вели свой родъ отъ Такамохи, правнука императора Квамму (782—806); вторые отъ Цунемоту, внука императора Сеива; обѣ

семьи принадлежали первоначально также къ придворному дворянству, въ средѣ котораго еще въ 1868 г. пять семей вели свое происхожденіе отъ Таира, и 17 отъ Минамото. Первой серьезной опасностью, которую пришлось испытать Фуживара, былъ споръ о рангахъ на коварной придворной почвѣ съ почти такой же древней семьей Куге Сугавара, которая окончила свое существованіе, съ пораженіемъ ея представителя Мичизуне, котораго при Дайго-тенно (898—930) свергли съ престола и изгнали. Возстаніе Таира, поднявшагося при микадо Шуяку (931—946) въ Кванто, въ качествѣ самозванца, и нашедшаго поддержку у нѣкоторыхъ Фуживара, было опаснѣе, но послѣ кровавой борьбы оно было подавлено. Вліяніе Фуживара въ Кіото до начала XII ст. продолжало быть неослабно. Таира дѣйствовали на югѣ и на западѣ, Минамото на сѣверѣ и востокѣ, гдѣ они пожали большую военную славу и собрали вокругъ себя толпы храбрыхъ и жадныхъ до добычи воиновъ. Борьба съ айнами на сѣверѣ и съ корейцами, нападавшими на югѣ на Кіусіу, доставила обѣимъ семьямъ достаточно работы.

Между тѣмъ Таира и Минамото начали играть роль и въ самой столицѣ. Любимецъ императора Тоба, Таира но Тадамори, имѣлъ отъ наложницы императора (или отъ дворцовой прислужницы, на которой онъ впослѣдствіи женился) въ 1118 году сына, котораго онъ назвалъ Кійомори. Въ борьбѣ за престолонаслѣдіе, начавшейся по смерти императора Конойэ въ 1115 году, появились два претендента: прежній микадо Сіутоку, отказавшійся въ 1141 году отъ престола и требовавшій императорскій титулъ для своего сына, и одинъ изъ сыновей императора Тоба, отказавшагося въ 1123 г. отъ престола; на сторонѣ перваго были почти всѣ Минамото, на сторонѣ второго почти всѣ Таира, Послѣдніе провели своего кандидата, подъ именемъ Го Ширакава-тенно; Кійомори, унаслѣдовавшій отъ отца всѣ должности и званіе, предложилъ ему свою помощь. Въ борьбѣ обѣихъ партій на сторонѣ Таира сражался одинъ изъ Минамото, Іошитомо. Минамото были побѣждены; ихъ предводитель Іоринаго лишилъ себя жизни; другого предводителя, Тометому, взяли въ плѣнъ и послали въ изганіе. Побѣдитель получилъ въ награду мѣсто Дайжо-дайжинъ; онъ правилъ такъ, какъ правили до того Фуживара. Его ненависть была направлена особенно противъ Минамото; онъ преслѣдовалъ ихъ до такой степени, что, въ 1159 г., наконецъ Минамото-но-Іошитомо, бывшій раньше на его сторонѣ, возсталъ противъ него, но былъ скоро побѣжденъ и убитъ во время бѣгства. Побѣда дала Кійомори неограниченную власть, Его тесть, микадо Го Ширакава, отказавшійся уже въ 1158 году отъ престола (см. приложенный рисунокъ „похищеніе Го Ширакавы въ 1159 г.“), былъ изгнанъ, и истребленіе Минамото продолжалось. Іоритомо, четвертый сынъ Іошитомо, избѣгъ участи своихъ братьевъ, благодаря заступничеству сыновей Кійомори, и былъ изгнанъ. Такимъ же образомъ спаслись отъ смерти его сводные братья, между ними и Іошитсуне; ихъ красавица мать, Токива, по происхожденію умная крестьянка, бывшая наложницей Іошитомо, спасла ихъ тѣмъ, что, когда ей было отрѣзано всякое отступленіе къ бѣгству, отдалась сама побѣдителю. Іоритомо, женившійся на дочери человѣка, которому его поручили для охраны, Ходжо Токимаса, возсталъ противъ Таира. Первая попытка не удалась; но онъ спасся въ Кванто, собралъ скоро вокругъ себя цѣлыя толпы и утвердился въ Камакурѣ, гдѣ на него не осмѣливались напасть Таира. Вскорѣ затѣмъ (въ 1181 г.) умеръ Кійомори. Его послѣдняя просьба, обращенная къ семьѣ, заключалась въ томъ, чтобы у его тѣла не соблюдали обычныхъ погребальныхъ обрядовъ, а чтобы только поставили передъ его могилой голову Минамото-но-Іоритомо.

Его сыну Мунемори не хватало способностей и прежде всего кровожадной энергіи отца. Онъ потерялъ драгоцѣнное время въ совѣщаніяхъ, между тѣмъ, какъ его враги на сѣверѣ, къ которымъ примкнули всѣ оставшіеся отъ партіи Минамото, собирали каждый день новыя силы;

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Похищеніе прежняго японскаго императора Го-Широкавы въ 1159 году Фуйивара-но-Нобуйори.

(По картинѣ, рисованный въ 1200 году монахомъ ***Кейономъ*** *для „Heidji monogatari“.)*

Похищенiе Го-Ширакавы, бывшаго императора Японiи, Фуживара-но-Нобуйори въ 1159 году.

Иллюстрацiи къ книгѣ „Heidji-monogatari“, т. е. „Разсказы изъ года Heidji“, отчасти утеряны. Изображенная здѣсь картина является частью рисунка, относящагося къ отдѣлу Sandjōden-Jakiuti (разрушенiе замка Sandjoden пожаромъ). Въ девятый день двѣнадцатаго мѣсяца года Heidji (1159 по Р. Х.) Фуживара-но-Нобуйори напалъ съ 500 всадниками подъ предводительствомъ Минамото-но-Iошитомо на замокъ Sandjoden, въ которомъ имѣлъ пребыванiе бывшiй императоръ Го-Ширакава. Въ страхѣ императоръ бѣжалъ; однако Нобуйори, Iошитомо, Митсуясу, Митсумото и Суесане насильно привезли его назадъ въ его колесницѣ во дворецъ. Про монаха Кеона, нарисовавшаго эту картину, существуютъ только очень неполныя свѣдѣнiя; однако онъ могъ родиться не позже 20 лѣтъ спустя послѣ возстанiя Heidji.

(Изъ 14 книги ежемѣсячнаго изданiя „Коккура“, издаваемаго Ямамото по порученiю общества „Коккура-ша“ („Флора страны“) въ Токiо; переводъ д-ра Китазато въ Берлинѣ).

Какъ д-ръ Китазато поясняетъ, возстанiе года Heidji произошло отъ слѣдующихъ причинъ. Императоръ Го-Ширакава, царствовавшiй съ 1156 г., отказался въ 1158 отъ престола и передалъ его своему малолѣтнему сыну Ниджо (1159—65); самъ же онъ оставилъ регентство за собой и жилъ до 1192 г. Въ это время произошелъ споръ между придворными чинами Шинсеи и Нобуйори, изъ очень аристократической семьи Фуживара. Нобуйори напалъ на эксъ-императора въ его замкѣ Sandjōden изъ ревности, что Го-Ширакава предпочитаетъ Шинсеи, и привезъ его въ качествѣ плѣнника въ императорскiй дворецъ, а своего противника Шинсеи убилъ. Это возстанiе называется „возмущенiемъ Heidji“. Авторомъ „Heidji-monogatari“ называютъ, не ручаясь за достовѣрность, Хамура Токинагу, жившаго въ XIII вѣкѣ.

къ ихъ партіи присоединились многіе Фуживара, жрецы Хіецана и изгнанникъ Го Ширакава. Первая стычка произошла между арміей Таира и Минамото но Іошинаку, отецъ котораго палъ также жертвой Кійомори, въ горахъ Наказендо, Таира были разбиты на голову въ 1182 году, и Мунемори бѣжалъ изъ Кіото съ молодымъ микадо Антоху. Старый Го Ширакава привѣтствовалъ тамъ побѣдителя. Антоху объявили свергнутымъ съ престола, а Го Тоба былъ выбранъ на его мѣсто императоромъ. Послѣдній назначилъ сіогуномъ Іошинаку, который тѣмъ самымъ вступилъ въ антагонизмъ съ главой фамиліи Іоритомо. Минамото-но-Іоритомо выслалъ противъ него своихъ младшихъ братьевъ, Іошитсуне и Норійори. Они разбили его въ 1184 г. при озерѣ Бива, и Іошинаку лишилъ себя жизни. Іошитсуне воспользовался достигнутымъ успѣхомъ и началъ преслѣдовать Мунемори; послѣ различныхъ стычекъ, которыя всѣ были неудачны для Таира, при Данноура, близь Симоноески, въ 1185 году произошла рѣшительная битва. Несмотря на отважнѣйшее сопротивленіе, Таира были окончательно разбиты въ морскомъ сраженіи. Вдова Кійомори утопилась съ пятилѣтнимъ микадо Антоху; всѣ, не павшіе отъ руки Таира въ битвѣ, покончили съ собой или были убиты во время преслѣдованія. Уничтоженіе, которымъ Таира нѣкогда грозили Минамото, выпало теперь на долю ихъ самихъ отъ руки побѣжденныхъ ими раньше враговъ.

Борьбу Таира и Минамото удачно сравниваютъ съ борьбой Бѣлой и Алой Розы въ Англіи; даже военные значки японскихъ партій имѣли тѣ же цвѣта; Минамото имѣли бѣлые флаги, Таира красные. Событія этой борьбы служатъ сюжетомъ знаменитѣйшихъ японскихъ новеллъ, которыя, подъ названіемъ Хейкэ (по китайски для Таира — миръ) и Генгэ (по китайски для Минамото — источникъ) — Моногатари, еще до сихъ поръ являются предметомъ восхищенія японской молодежи и взрослыхъ.

E. Минамото, Ходжо и Асикага (1186—1573).

Слѣдующія четыре столѣтія японской исторіи заполнены борьбой всѣхъ противъ всѣхъ. Не существовало ни права, ни закона, предательство и убійство были повседневными явленіями. Преданность низшихъ ленниковъ своему господину часто трогательна, за то тѣмъ непріятнѣе поражаетъ невѣрность высшихъ по отношенію къ микадо, сіогуну или правителю. Всякій думаетъ только о своей выгодѣ и всячески стремится ея добиться. Примиряешься съ положеніемъ дѣлъ, только глядя, какъ побѣжденный, который, подобно побѣдителю, не признаетъ жалости, умѣетъ стоически умирать: онъ бросается, какъ римлянинъ минувшихъ временъ, на свой мечъ.

Уже въ началѣ господства Фуживара въ VIII вѣкѣ, вѣроятно, вслѣдствіе изнѣженности отдѣльныхъ слоевъ населенія, появилась потребность въ созданіи особаго класса солдатъ „самураевъ.“ Прежде каждый былъ солдатомъ и шелъ на войну по зову, — теперь же это ополченіе было замѣнено людьми, обратившими военную службу въ ремесло. Сообщенія о томъ, что въ началѣ солдатами были крѣпостные, и что изъ нихъ состояла военная свита крупныхъ вельможъ, могли относиться къ отдѣльнымъ случаямъ; но общимъ явленіемъ это, конечно, не было. Скорѣй было такъ, что, какъ и въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи, временная нужда побуждала свободнаго крестьянина, а подчасъ и мелкопомѣстнаго дворянина, стать подъ защиту болѣе сильнаго и промѣнять свою свободу на безопасность, которую ему могъ обезпечить болѣе сильный. За это говоритъ то, что сами японцы, при вопросѣ о капитализаціи доходовъ самураевъ въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія, постоянно утверждали, что этотъ опасный классъ дворянъ произошелъ въ VIII столѣтіи изъ крестьянъ, и поэтому долженъ туда же возвратиться.

Крѣпостные крестьяне, равно и ставшіе добровольно подъ защиту какого-нибудь вельможи, обязывались служить въ войскѣ не императору, а этому господину; при безпрерывной борьбѣ, въ концѣ концовъ, оказалось для обѣихъ сторонъ, какъ для господина, такъ и для мужика, выгоднѣе провести болѣе рѣзкую границу между званіемъ солдата и крестьянина. Крупныя ленныя помѣстья образовались подобнымъ же образомъ. Въ тѣ времена, сила была важнѣе права, и правители, государственные военачальники или тѣ, которые имѣли постоянную власть въ рукахъ, забирали имущество побѣжденныхъ себѣ или же раздавали его своимъ приверженцамъ; позже, когда увеличилось число тѣхъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ отняли себѣ долю изъ такъ называемаго владѣнія императора, они раздѣлили страну на части въ качествѣ крупныхъ и мелкихъ владѣльцевъ, — при этомъ вовсе не обращалось вниманія на то, было ли имѣніе снабжено дарственной записью, такъ какъ фактическое владѣніе не основывалось, въ 90 случаяхъ изъ ста, если не во всѣхъ ста, на правѣ, а было совершенно произвольно.

То, что отвоевалъ себѣ мечъ, можно было отнять только мечомъ. Такимъ образомъ оказалось, что, когда условія въ началѣ XVII вѣка приняли болѣе устойчивую форму, вся земля находилась въ рукахъ крупныхъ и мелкихъ владѣльцевъ, получившихъ ее въ ленный даръ въ теоріи прямо отъ микадо или отъ сіогуна. Это обратилось въ дѣйствительность, когда, при возстановленіи власти микадо, земля и все населеніе государства были признаны правительствомъ собственностью императора.

Въ періодѣ отъ побѣды Минамото надъ Таира до этого возстановленія (1868 г.), т. е. почти въ теченіе 7 столѣтій, для внутреннихъ отношеній въ Японіи рѣшающее значеніе имѣли слѣдующіе факты.

Во первыхъ то обстоятельство, что Кіото, бывшій до сихъ поръ центромъ тяжести страны и въ политическомъ отношеніи, пересталъ имъ быть, а центръ тяжести былъ перемѣщенъ далѣе на СВ. сперва въ Камакуру, дѣтище Іоритомо, а затѣмъ въ Іеддо, созданіе Іеясу. Второй фактъ, не менѣе важный, тотъ, что въ большую часть этого періода дѣйствительная власть находилась въ рукахъ не носителей разныхъ должностей и титуловъ, какъ то; микадо, сіогуна и регента,—по большей части дѣтей, даже иногда грудныхъ младенцевъ, а въ рукахъ ихъ родственниковъ и другихъ закулисныхъ дѣльцовъ. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ носители титуловъ играли иную, не страдательную роль, и все это происходило въ Японіи въ то время, когда въ ней не было недостатка въ рѣшительныхъ и энергичныхъ людяхъ.

a) Іоритомо.

Тотчасъ послѣ побѣды у Данноуры, въ средѣ семьи Минамото начался серьезный разладъ, который нужно приписать зависти Іоритомо военнымъ успѣхамъ его своднаго брата Іошитсуне; послѣдній былъ убитъ вскорѣ затѣмъ, по приказанію Іоритомо. Вокругъ личности этого симпатичнѣйшаго изъ Минамото создался настоящій циклъ сагъ; по однимъ, онъ бѣжалъ къ айнамъ и долго жилъ среди нихъ; другіе стараются видѣть въ немъ великаго Чингисхана, сдѣлавшаго монголовъ самою могущественной націей Азіи. Самое вѣроятное это то, что онъ, убивъ свою жену и дѣтей, покончилъ съ собой черезъ харакири, и что его голова была привезена къ брату въ Камакуру, какъ доказательство, что его приказаніе исполнено. Самъ Іоритомо, получившій въ 1192 году названіе Сеи-и-Тай-сіогунъ (великій генералъ, побѣждающій варваровъ), умеръ въ 1199 г. Онъ создалъ въ Кванто, своей родинѣ, упорядоченное правительство: Бакъ-фу („за пологомъ“, окружающимъ палатку полководца), являющееся до нѣкоторой степени военнымъ управленіемъ главнаго военачальника; на мѣс-

то неспособныхъ намѣстниковъ провинцій, онъ назначилъ самыхъ дѣльныхъ своихъ начальниковъ частей. Камакура сталъ при немъ красивымъ и большимъ городомъ, отъ котораго осталось теперь, только нѣсколько чудныхъ храмовъ, большой будда (Дайбузъ) и простой надгробный памятникъ его строителя.

б) Призрачные сіогуны и Ходжо.

По смерти Іоритомо, его тесть, Ходжо Токимаса, сталъ вмѣстѣ съ его вдовой Масаго опекать восемнадцатилѣтняго Іорійэ, котораго они послѣ 4-хъ лѣтняго правленія свергли, сослали въ изгнаніе и годъ спустя убили. Ему наслѣдовалъ его 11-ти лѣтній братъ Санетомо, который былъ убитъ въ 1219 году своимъ племянникомъ Кокіо, сыномъ Іорійэ. Вмѣстѣ съ нимъ прекратилось прямое потомство Іоритомо. Въ рукахъ Ходжо находилась теперь власть. Правители сами не принимали титула сіогуна, а довольствовались названіемъ „сиккенъ“ (правитель) Камакуры и предпочитали провозглашать сіогунами сперва дѣтей изъ фамиліи Фуживара, а затѣмъ изъ императорскаго дома, управляя подъ ихъ именами. Изъ восьми сіогуновъ за время 1220—1338 г, шестеро, при ихъ провозглашеніи, имѣли 3—16 лѣтъ отъ роду; они всѣ были свергнуты, а про двоихъ извѣстно, что ихъ убили. И въ семьѣ правителя было не лучше; съ 1205—1326 правило 8, въ короткій промежутокъ съ 1326 по 33 трое или четверо; затѣмъ семья прекратилась.

Въ Кіото не были довольны переходомъ власти къ Ходжо. Три эксмикадо Го Тоба и его сыновья Тсутси и Джунтоку, а равно и царствовавшій съ 1222 года сынъ послѣдняго, Чукіо-тенно, попробовали оказать сопротивленіе, но были побѣждены; три экс-микадо были сосланы, и въ изгнаніи заключены въ тюрьму, а правившій въ то время былъ свергнутъ съ престола. Первые изъ Ходжо сиккенъ или ихъ совѣтникп были дѣльные люди. Іошитоки (1205—1224) и Ясутоки (1225—42) дѣлали съ своей стороны все, для поддержанія въ странѣ мира, но имъ пришлось бороться противъ партій въ Кіото и особенно въ Ямато, противъ буддійскихъ монаховъ, возбуждавшихъ противъ нихъ сельское населеніе. Тсунетоки правилъ только три года (1243—46), и отказался въ пользу своего младшаго брата Токійори (1246—56). И послѣдній сдѣлалъ много, особенно для возстановленія правосудія. Самую большую заслугу передъ Японіей имѣетъ Токимуне (1257—84). Послѣ завоеванія Китая, Кублай-ханъ послалъ черезъ корейцевъ къ микадо Го-Уда (1275—87) посланіе, въ которомъ потребовалъ отъ Японіи признанія своей власти и уплаты дани. Токимуне отвергъ это съ негодованіемъ. Слѣдовали другія китайскія посольства, не имѣвшія большаго успѣха. Тогда монголы овладѣли черезъ Корею островами Тсушима и Ики и попробовали утвердиться на Кіусіу, но имъ помѣшали. Въ 1279 году въ Нагасаки пришли снова китайскіе послы съ приглашеніемъ подчиниться, но, по приказанію изъ Камакуры, они были обезглавлены. Наконецъ, въ 1281 г. появился у береговъ Кіусіу громадный монгольскій флотъ.

Японскія лѣтописи полны отчетовъ объ отдѣльныхъ геройскихъ подвигахъ; однако фактъ былъ тотъ, что флотъ, имѣвшій около 3000—4000 кораблей съ экипажемъ въ 100,000 человѣкъ (между ними 10,000 корейцевъ), былъ почти совершенно уничтоженъ тайфуномъ, а японцы безпощадно перебили оставшихся въ живыхъ. Этотъ успѣхъ и безграничная власть, которую Ходжо имѣли въ странѣ, повидимому, заставили ихъ переступить всѣ границы благоразумія и осторожности. Раньше они правили желѣзной рукой, то смѣщая, то назначая микадо и сіогуновъ по произволу; въ этихъ случаяхъ они по крайней мѣрѣ заботились о благополучіи народа; теперь же они и ихъ чиновники начали ужаснымъ образомъ притѣснять

низшіе слои населенія, чтобы добыть средства для своей безпутной жизни. Возбужденіе и негодованіе росли въ странѣ, пока, наконецъ, Го-дайго-тенно, пятый микадо съ 1287 года, самъ ставленникъ Ходжо, не поднялъ въ 1330 году знамя мятежа. Уже въ 1327 году его сынъ Морійоши попробовалъ свергнуть иго, тяготѣвшее надъ иператорскимъ домомъ и надъ страной, но его планъ былъ открытъ, и онъ самъ былъ заточенъ въ монастырь. Отецъ его не былъ счастливѣе. Его побѣдили, свергли и сослали. Кусуноке Масахиге, возставшій въ Кавадзи, былъ также разбитъ, но спасся.

Цѣпи, казалось, были теперь крѣпче, чѣмъ когда-либо раньше; спасеніе однако должны были принести Минамото. Два внука Минамото-Іорійэ, прадѣда Іоритомо (извѣстнаго въ японской исторіи подъ именемъ Хачиманъ-таро, т. е. старшій сынъ бога войны, создавшаго мощь своей семьи въ Кванто, частью имъ завоеванномъ) образовали двѣ семьи въ Нитѣ и Амкагѣ, возставшія теперь противъ Ходжо. Нита Іошисада, состоявшій раньше на службѣ у регента, соединился въ 1333 году съ Морійоши (теперь Отономійя), собралъ его приверженцевъ и сторонниковъ своей семьи, и двинулся очень быстро на Камакуру, передъ которой и появился на 14-ый день съ начала возстанія. Такатоки, правившій въ дѣйствительности за послѣднихъ дѣтей-регентовъ и отказавшійся отъ регентства въ 1326 году, былъ застигнутъ совершенно врасплохъ. Замокъ въ Камакурѣ былъ послѣ короткаго сопротивленія взятъ; Такатоки и многіе изъ его приверженцевъ лишили себя жизни, всѣ же другіе были перебиты побѣдителями или возставшими крестьянами. Одновременно Асикага Такауджи вмѣстѣ съ Кузуноки сломили власть Ходжо въ Кіото. И тамъ были перебиты всѣ ихъ сторонники, которыхъ только могли захватить. Память о Ходжо до сихъ поръ запечатлѣна въ Японіи ненавистью и позоромъ.

в) Асикага.

Послѣ побѣды своихъ друзей, экс-микадо Го Дайго возвратился изъ изгнанія и снова вступилъ въ 1334 г. на престолъ. Онъ назначилъ своего сына Морійоши сіогуномъ Камакуры и далъ въ ленную зависимость Асикагѣ Такауджи области Хитачи, Музаши и Шимозу; Кусуноки Масахиге — Сетсу и Кавадзи и Нитѣ Іошисада — Кодсуке и Ариму, другіе получили маленькіе надѣлы. Но согласію не суждено было продолжиться. Го-Дайго въ Кіото и Морійоши въ Камакурѣ вели, даже по тогдашнимъ нетребовательнымъ временамъ, распутную жизнь; бывшій буддійскій монахъ разъѣзжалъ по Кванто во главѣ толпы сволочи и подъ предлогомъ поисковъ сторонниковъ Ходжо, грабилъ и убивалъ, пока Такауджи не приказалъ его распять. Моріойши горько жаловался на это своему отцу, пока, наконецъ, младшій братъ Такауджи, Тодойоши, не возмутился и не провозгласилъ новаго сіогуна; братья боролись сперва на разныхъ сторонахъ, но, наконецъ, соединились и направились вмѣстѣ на Камакуру и изгнали Морійоши. Такауджи провозгласилъ себя сіогуномъ. Го Дайго созвалъ своихъ приверженцевъ, особенно Нита Іошисада, на борьбу противъ нихъ; но послѣ нѣсколькихъ первыхъ удачныхъ стычекъ, они были разбиты при Такеношта у перевала Хаконе. Тогда Такауджи направился въ Кіото, Го Дайго бѣжалъ съ регаліями въ укрѣпленный храмъ Мидера на Хіейзанѣ, но былъ оттуда прогнанъ. Между тѣмъ его сторонники снова собрались и выгнали Такауджи изъ Кіото и Мидеры, но у Минатогавы близъ Хіого они были, наконецъ, разбиты на голову. Кусуноки Масахиге, начальникъ войскъ микадо, также палъ. Го Дайго бѣжалъ опять въ Мидеру, а Такауджи провозгласилъ въ 1337 году младшаго сына Го Фушими (1299—1301) микадо, подъ названіемъ Комійо тенно. Наконецъ, спорящія партіи пришли къ соглашенію: званіе микадо должно было черезъ 10-лѣтніе промежутки переходить попеременно отъ потомковъ Го Дайго къ Го Фушими. Го Дайго выдалъ на

время знаки власти, и Комійо короновался. Такауджи сталъ великимъ сіогуномъ и имѣлъ свою резиденцію въ Кіото, а его сынъ Іосинори остался сіогуномъ въ Камакурѣ. При послѣднемъ одинъ сиккенъ управлялъ изъ Кіото дѣлами западныхъ провинцій, и одинъ кванрей (губернаторъ) изъ Камакуры восточными провинціями. Однако миръ между обѣими партіями продолжался недолго. Го Дайго еще въ томъ же году (1337 г.) объявилъ себя единственнымъ законнымъ микадо, а своего противника незаконнымъ, и собралъ вокругъ себя своихъ приверженцевъ, особенно Кусуноки Масаюки, сына Масахигеса, и Ниту Іошисада.

Съ этого времени до конца столѣтія въ Японіи были два микадо, на югѣ и на сѣверѣ; первый считался за настоящаго, а второй имѣлъ дѣйствительную власть въ рукахъ. Между тѣмъ защитники южныхъ микадо пали одинъ за другимъ, и въ 1392 году состоялось при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ 1337 году, соглашеніе: Го Камеяма тенно, второй изъ южныхъ императоровъ, который съ 1336 г. имѣлъ въ рукахъ власть лишь номинально, отказался отъ престола и передалъ своему сѣверному противнику имперскіе знаки.

Такауджи умеръ въ 1358 году, 53 лѣтъ отъ роду. Ему наслѣдовалъ его сынъ Іосинори, отказавшійся въ 1367 году отъ престола; его внукъ Іосимитсу, отказавшійся также въ 1393 г. отъ престола, дожилъ до 1409 г. и оказывалъ большое и благодѣтельное вліяніе на правленіе. При немъ государство достигло, правда, на короткій срокъ, желательнаго мира. Но скоро снова возникли споры между различными фамиліями, выдвинувшимся въ послѣднія столѣтія. Хосокава, Такеда, Уйесуги, Токугава, Ота, Одавара на сѣверѣ и въ центрѣ страны, Мори на западѣ, Сатцума, Хизенъ, Бунго на Кіусіу безпрерывно воевали другъ съ другомъ и съ другими сосѣдями, — слабые же Асикага не были въ состояніи усмирить ихъ, пока, наконецъ, послѣдній изъ нихъ, Іосіаки, не былъ свергнутъ въ 1573 году съ престола Ота Набунагой. Страна находилась въ ужасномъ положеніи: вездѣ были развалины нѣкогда цвѣтущихъ городовъ и деревень и опустошенныя поля. Даже Кіото былъ почти весь въ развалинахъ. Кто могъ покинуть столицу, давно бѣжалъ и искалъ защиты въ лагерѣ кого-нибудь изъ крупныхъ властителей. Уваженіе къ микадо пало до того, что тѣло Го Тсутси тенно лежало въ 1500 году сорокъ дней у воротъ замка, такъ какъ не было средствъ на погребеніе. Крестьянское сословіе было почти уничтожено. Кто обладалъ достаточной силой, шелъ въ солдаты или наводилъ страхъ, въ качествѣ морского разбойника, на берега Китая, Кореи и своей собственной родины. Въ Японіи существовало такое положеніе, какое господствовало въ Германіи во время 30-ти лѣтней войны: какъ нѣмецкіе князья искали и нашли защиту и опору заграницей — во Франціи, Испаніи и Швеціи, такъ и Іосимотси или, быть можетъ вѣрнѣе, за него его предшественникъ, Іоримитсу, искалъ и получилъ въ началѣ XV столѣтія отъ императора Юнъ-лу (китайской Минской династіи) титулъ „короля Японіи“, за обѣщаніе уплачивать ему 1000 унцій золота въ годъ.

Ж. Христіанство и иноземцы въ Японіи (1543—1624).

а) Историческій ходъ отношеній Японіи къ христіанству.

Къ концу печальнаго времени Асикага относятся первыя сношенія европейцевъ съ японцами. Годъ (между 1530—1545) не установленъ точно; относительно именъ первыхъ посѣтителей также нѣтъ согласныхъ данныхъ. Обыкновенно принимается 1543 годъ. Это, конечно, лишаетъ Фернанда Мендеса Пинто, разсказывающаго свои приключенія вообще въ хронологическомъ порядкѣ, чести быть однимъ изъ трехъ первыхъ чужестранцевъ въ Японіи, хотя онъ, „отецъ лжи“, и заслуживаетъ того, чтобы имъ серьезно

занялись. Во всякомъ случаѣ эти первые посѣтители, какъ бы ихъ ни звали, принадлежали къ искателямъ приключеній; они угрожали морямъ и берегамъ В. Азіи на свой рискъ или въ качествѣ сподвижниковъ китайскихъ хищниковъ. Вскорѣ послѣ открытія Японіи и первыхъ отчетовъ о благопріятныхъ видахъ, открывающихся тамъ для иностранной торговли, въ Японію вѣроятно былъ сильный наплывъ иностранцевъ. — За купцомъ появился миссіонеръ, Францискъ Ксавье, въ 1549 году въ Кагошимѣ, но удалился оттуда, не встрѣтивъ любезнаго пріема, такъ какъ князь (король, какъ говорится въ отчетѣ) Сацумы былъ разсерженъ за то, что португальскіе корабли въ теченіе послѣдняго года не показались въ предѣлахъ его владѣній; оттуда онъ направился въ Нагато и Бунго и затѣмъ въ Кіото, гдѣ онъ, вслѣдствіе безпорядковъ, также имѣлъ мало успѣха. Онъ покинулъ Японію въ 1551 г. и вернулся въ Индію, чтобы тамъ набрать для Японіи миссіонеровъ, но умеръ по пути. Однако скоро нашлись другіе дѣятели на новомъ поприщѣ. Уже въ 1564 г. въ предмѣстьяхъ Кіото было семь церквей и часовенъ и множество маленькихъ христіанскихъ приходовъ въ Ю-З. Японіи, особенно на островѣ Кіусіу. Въ 1581 году число церквей въ Японіи достигло болѣе 200, а туземцевъ-христіанъ до 150,000. До смерти Нобунага (1582), открыто покровительствовавшаго христіанамъ, быть можетъ, съ цѣлью имѣть въ нихъ противовѣсъ противъ враждебнаго ему буддійскаго монашества, — дѣло обращенія шло безпрепятственно. Въ 1583 году князья христіане изъ Бунго, Аримы и Омура на Кіусіу послали къ папѣ посольство изъ четырехъ молодыхъ дворянъ, съ намѣреніемъ объявить себя вассалами святого престола. Оно было принято Сикстомъ V и королемъ Филиппомъ II и въ 1591 году вернулось въ Японію, и привело съ собой семнадцать миссіонеровъ изъ іезуитовъ.

Однакожъ въ 1587 г. надвинулось первое облако надъ главой чужихъ провозвѣстниковъ вѣры, въ видѣ приказа объ изгнаніи, — поводомъ къ нему послужило предполагаемое желаніе Тайкосамма обезпечить себѣ въ борьбѣ за власть поддержку буддистовъ. Іезуиты, постоянно умѣвшіе въ В. Азіи избѣгать опасности, грозившей имъ и ихъ дѣлу, изъявленіемъ наружнаго мнимаго послушанія, закрыли свои церкви и перестали публично проповѣдовать; тѣмъ не менѣе обращенія продолжались безпрерывно и безпрепятственно и съ такимъ успѣхомъ, что въ три слѣдующихъ за этимъ приказомъ года было крещено 30,000 японцевъ. Тайкосамма (Хидейоши) былъ повидимому доволенъ наружной покорностью; быть можетъ, онъ боялся также слишкомъ суровыми мѣрами лишиться выгодъ иностранной торговли или вызвать отпаденіе христіанскихъ князей на Кіусіу. Появленіе однакожъ испанскихъ нищенствующихъ монаховъ, прибывшихъ съ Филиппинъ въ значительномъ числѣ, и ихъ сопротивленіе его приказанію, — они носили духовныя одежды и публично проповѣдовали, — повели къ дальнѣйшимъ мѣрамъ. Приказъ объ изгнаніи былъ возобновленъ; нѣсколько церквей и домовъ, принадлежавшихъ миссіонерамъ, было разрушено, и, наконецъ, въ 1596 году въ Нагасаки были доставлены шесть францисканцевъ, три іезуита и семнадцать японцевъ христіанъ и тамъ распяты. Но и на этотъ разъ опасность, вслѣдствіе благоразумнаго поведенія іезуитовъ, должна была, повидимому, миновать. Послѣ смерти Тайкосамма, Іеясу, самый сильный изъ предводителей, боровшихся за власть, сначала относился къ миссіонерамъ дружелюбно; онъ пытался даже воспользоваться испанскими монахами, для установленія прямыхъ торговыхъ сношеній съ своей родовой страной Кванто (область вокругъ Іедо) и Филиппинскими островами. Скоро однако жъ онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ стать во враждебныя отношенія къ чужимъ миссіонерамъ и туземцамъ христіанамъ и къ этому его побудило поведеніе послѣднихъ. Съ одной стороны испанскіе нищенствующіе монахи продолжали открыто сопротивляться приказамъ правительства и возбуждать къ

тому же обращенныхъ ими туземцевъ; съ другой стороны во многихъ мѣстахъ неповиновеніе послѣднихъ дало поводъ къ серьезнымъ размышленіямъ. Когда дѣло обращенія достигло наибольшаго успѣха во многихъ областяхъ, гдѣ князья были христіане, особенно на Кіусіу, если не по совѣту, то во всякомъ случаѣ, съ одобренія миссіонеровъ (это слѣдуетъ изъ ихъ сообщеній), были возбуждены противъ буддистовъ жестокія преслѣдованія. Въ Омурѣ, напр., послѣ обращенія князя въ 1562 г., были разрушены войсками всѣ храмы и идолы въ странѣ; въ Амаксѣ князь предоставилъ въ 1577 году своимъ подданнымъ на выборъ: или обратиться въ христіанство или выселиться; во многихъ другихъ областяхъ, тѣхъ, кто сопротивлялся принять новое ученіе, изгоняли изъ дома, не обращая вниманія на его положеніе. Когда вслѣдствіе побѣдъ Тайкосамма и Іеясу, именно на югѣ, гдѣ находились ихъ главные противники, произошло много новыхъ распредѣленій и замѣщеній княжескихъ престоловъ, и когда князья язычники начали преслѣдовать своихъ поданныхъ христіанъ, какъ это дѣлали ихъ предшественники съ язычниками, — тогда проявился, особенно среди крестьянскаго населенія, духъ непокорности и сопротивленія, — котораго въ Японіи не привыкли встрѣчать въ низшихъ классахъ, и это вызвало новыя мѣропріятія противъ миссіонеровъ и христіанъ, равно и противъ всѣхъ иностранцевъ. Въ 1606 г. христіанство было запрещено, а въ 1613 г., быть можетъ, вслѣдствіе будто бы открытаго въ 1611 г. заговора на золотоносномъ островѣ Садо, куда были сосланы на каторжныя работы тысячи туземцевъ христіанъ, оно было объявлено опаснымъ для государства; было приказано разрушить всѣ церкви и выслать всѣхъ миссіонеровъ; все это было исполнено. Въ 1614 г. силой были посажены на три корабля и высланы 22 францисканца, доминиканца и августинца, 117 іезуитовъ и нѣсколько сотъ японскихъ священниковъ и катехизаторовъ; такимъ образомъ 600,000 (по японскимъ источникамъ 2.000,000) туземцевъ христіанъ, жившихъ въ Японіи, остались сразу безъ пастырей. Побѣда Іеясу надъ Хидейори, сыномъ Тайкосаммы, въ битвѣ при Секигахарѣ, въ которой князья христіане находились на сторонѣ побѣжденныхъ, ухудшила еще больше положеніе христіанъ.

Все повторяющіяся попытки иностранныхъ священниковъ тайно проникнуть въ страну главнымъ образомъ побудили японское правительство къ усиленію суровыхъ мѣръ. Хидетада, сынъ и съ 1616 года (или 1605 года) наслѣдникъ Іеясу, приказалъ въ 1617 году примѣнять и къ чужимъ священникамъ, найденнымъ въ Японіи, смертную казнь, которая до сихъ поръ (1596 г.) примѣнялась противъ нихъ всего одинъ разъ. Въ 1617 г. иностранная торговля была ограничена однимъ Хирадо и Нагасаки; въ 1621 году запрещено всѣмъ японцамъ покидать страну, а въ 1624 г. были изгнаны всѣ иностранцы, за исключеніемъ голландцевъ и китайцевъ; эта мѣра была, впрочемъ, вполнѣ проведена лишь 15 лѣтъ спустя. Между тѣмъ преслѣдованіе туземцевъ христіанъ шло своимъ чередомъ. Распинали, жгли, топили или иначе замучивали до смерти тысячи людей, — однако желаемаго полнаго истребленія христіанъ не достигли, какъ это оказалось 200 лѣтъ спустя.

Въ декабрѣ 1637 г. началось возстаніе на Кіусіу, которое, если и имѣло съ христіанами связь, то только косвенную; оно повело къ возобновленію и усиленію преслѣдованія. На первомъ планѣ здѣсь дѣло шло, вѣроятно, о возстаніи въ Аримѣ крестьянъ, доведенныхъ до отчаянія все новыми налогами и другими притѣсненіями; къ нимъ вскорѣ присоединились всѣ христіане, сохранившіеся въ окрестностяхъ Аримы. Мятежники носили, по современнымъ имъ голландскимъ извѣстіямъ, полотняныя одежды, были наголо острижены, опустошали языческіе храмы и имѣли военный кличъ: „Св. Яго!“ Они утвердились, послѣ тщетной попытки штурмовать замокъ князя Амаксы, на полуостровѣ Симабара и тамъ геройски защи-

щались не только противъ войскъ своихъ повелителей, князей Аримы и Амаксы, но и противъ правительственныхъ войскъ; послѣ ожесточеннаго боя 16-го и 17 апрѣля 1638 г. они были побѣждены численно превосходившимъ ихъ врагомъ. Какъ передаютъ, 17,000 головъ было выставлено въ видѣ знаковъ побѣды, и изъ 35,000 (по предположенію) мятежниковъ спаслись вѣроятно лишь немногіе. 25-го апрѣля были взяты въ плѣнъ представители португальскихъ факторій, такъ какъ имъ приписывали вину возстанія. Двадцать второго августа, подъ угрозой мучительнѣйшей смертной казни, былъ запрещенъ въѣздъ въ Японію португальскимъ галерамъ, а 2-го сентября были высланы послѣдніе португальцы съ ихъ обоими представителями, которыхъ до того времени держали въ плѣну. Одиннадцатаго мая 1641 г. и голландцы, послѣдніе иностранцы, жившіе еще въ Японіи, получили приказъ переселиться въ Нагасаки; туда же были высланы и китайцы, Такимъ образомъ въ этотъ моментъ, по истеченіи едва ста лѣтъ, окончилось первое соприкосновеніе японцевъ съ Европой и христіанствомъ.

б) Причины быстрой ассимиляціи и быстраго упадка христіанства въ Японіи.

Господствовавшія въ Японіи внутреннія условія во второй половинѣ XVI и въ первыя 15 лѣтъ XVII столѣтія даютъ лучшее объясненіе быстроты первоначальныхъ успѣховъ въ религіозныхъ и торговыхъ сношеніяхъ. Страну раздирали распри и борьба, въ которой погибло матеріальное благосостояніе среднихъ и низшихъ классовъ населенія. Обѣ туземныя религіи не могли служить утѣшеніемъ. Шинтоизмъ сталъ уже давно миѳомъ, да и вообще никогда не имѣлъ отголоска въ сердцѣ и духѣ народа; буддизмъ давно потерялъ свою животворящую силу и замѣнилъ ее ученіемъ, по которому только черезъ молитвы и помощь жрецовъ можно получить спасеніе отъ опасностей, грозящихъ странствованіямъ души. Кромѣ того, жрецы принимали слишкомъ живое участіе въ политическихъ вопросахъ дня, чтобы внимать и сочувствовать страданію маленькихъ людей. Поэтому къ христіанскимъ миссіонерамъ сказался быстрый наплывъ: они обѣщали бѣднымъ и несчастнымъ тотчасъ послѣ смерти радости рая, которыя буддисты обѣщали только послѣ долгихъ испытаній и превращеній; а роскошью богослуженія, многими церемоніями и мистеріями, въ которыхъ могли принимать участіе сами вновь обращенные, они побѣдили своего противника на его же собственной нивѣ.

Существеннымъ для первыхъ успѣховъ было конечно и то, что отношенія завязаны были іезуитами, между тѣмъ какъ часть вины за гибель дѣла обращенія падаетъ на монашествующіе ордена. Буллой отъ 28 января 1585 года папа Григорій XIII обѣщалъ іезуитамъ исключительное право посылать миссіонеровъ въ Японію. Климентъ VIII далъ 12 декабря 1600 г. такое же право нищенствующимъ орденамъ, предполагая, что послѣдніе будутъ садиться въ Португаліи на корабли и отправляться въ Японію черезъ Гоа; 11-го іюня 1608 года папа Павелъ V распространилъ это право и на нищенствующихъ монаховъ, которые отправлялись въ Японію черезъ Филиппинскіе острова. Члены монашествующихъ орденовъ въ большинствѣ случаевъ вообще не ждали полученія позволенія, а отправлялись и безъ него въ Японію, хотя за это слѣдовала excommunicatio major ipso facto incurrenda. Эти поступки дали во многихъ отношеніяхъ поводъ не только къ неподобающимъ спорамъ между самими миссіонерами, но и способствовали тому, что ихъ вліяніе было поколеблено въ глазахъ недружелюбно настроенныхъ японцевъ. Кромѣ того, способъ обращенія въ Японіи у монашествующихъ орденовъ сильно отличался отъ образа дѣйствій іезуитовъ. Въ то время, какъ послѣдніе, по

возможности, старались ближе приспособиться къ воззрѣніямъ, желаніямъ и приказамъ японскихъ властителей, францисканцы, доминиканцы и августинцы открыто напирали на то, чтобы имъ упорно противодѣйствовать, и не поступались никакой мелочью для достиженія своихъ цѣлей. Въ то же время между Португаліей и Испаніей существовало политическое соперничество, которое отъ соединенія обоихъ королевствъ скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось (1580). Со времени перваго соприкосновенія иностранцевъ съ Японіей, могущество Португаліи и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе ея посланниковъ сильно уменьшилось. Возстаніе испанскихъ Нидерландовъ, войны между Англіей и Голландіей, гибель испанскихъ войскъ при Филиппѣ II и III дали японскимъ властителямъ смѣлость рѣшиться въ XVII столѣтіи на шагъ, котораго они въ XVI столѣтіи не были бы въ состояніи сдѣлать. Кромѣ того, поведеніе иностранныхъ купцовъ и моряковъ не могло привлечь симпатіи и уваженія японцевъ. Иностранная торговля правда, приносила князьямъ большую прибыль; однако эта выгода была въ то же время постояннымъ источникомъ зависти и опасеній между ними, такъ какъ каждый изъ нихъ старался присвоить себѣ самую крупную часть, чтобы изъ нея извлечь ту пользу, которую онъ не желалъ уступить сосѣду. Послѣ того, какъ была создана центральная власть, сіогунатъ Іеясу, она попыталась, конечно, всецѣло овладѣть торговлей и отстранить отъ нея своихъ прежнихъ соперниковъ и теперешнихъ подданныхъ. Поведеніе различныхъ націй въ Японіи, — португальцевъ, испанцевъ, голландцевъ и англичанъ, которые клеветали другъ на друга передъ японцами, жалобы, подаваемыя ими за отобраніе товаровъ и кораблей, вредили также ихъ престижу. Постоянныя ссоры между жившими въ Японіи иностранцами и высокомѣріе ихъ къ туземцамъ, легко объясняютъ ту антипатію, которую они возбудили въ гордыхъ японцахъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Торговля рабами, которую вели въ Японіи всѣ иностранцы, особенно португальцы, также дала японцамъ поводъ къ недовольству. Междоусобицы, походъ въ Корею и обѣднѣніе низшихъ классовъ выбросили на рынокъ такую массу живого товара, что, по разсказу епископа Серквейра, даже малайцы и темнокожіе слуги португальскихъ купцовъ могли покупать японскихъ и корейскихъ рабовъ, чтобы ихъ снова перепродать въ Макао. Эта торговля людьми, которую тщетно пытались прекратить власти въ Макао и духовенство (епископъ Серквейра въ 1598 г. и его предшественники), — была одной изъ заслуженныхъ жалобъ японцевъ, которые уже въ 1621 г. запретили вывозъ нанятыхъ или купленныхъ японцевъ безъ особаго разрѣшенія; впослѣдствіи они совершенно запретили вывозъ ихъ, подъ угрозой тягчайшихъ наказаній.

в) Мѣры японцевъ противъ иностранцевъ.

Незнакомое раньше въ Японіи возстаніе сельскаго населенія преисполнило заботой лицъ, власть имущихъ; они начали подозрѣвать подъ религіозными цѣлями миссіонеровъ и политическія намѣренія; поэтому принятое и приведенное ими въ исполненіе рѣшеніе покончить съ христіанствомъ и съ сношеніями съ иностранцами нашло въ странѣ общее одобреніе. Кромѣ того, правительство постаралось съ теченіемъ времени унизить иностранцевъ въ глазахъ населенія рядомъ соотвѣтственныхъ мѣръ и уничтожить ихъ вліяніе. Въ 1635 г. было запрещено португальцамъ, чтобы японцы носили передъ ними зонтики, и разрѣшено давать лишь самую небольшую милостыню; одновременно съ этимъ имъ было приказано снимать башмаки при входѣ въ ратуши, въ томъ же году запрещено всѣмъ имъ, за исключеніемъ ихъ представителей, носить оружіе, и они должны были отпустить своихъ старыхъ слугъ и нанять новыхъ. Голландцамъ было дозволено на будущее время пользоваться услугами японскихъ

слугъ только дома. Въ 1638 г. обезглавленъ голландскій боцманъ. Въ 1639 г. высланы всѣ японки, жившія съ голландцами или англичанами, и запрещено японкамъ выходить за голландцевъ замужъ. Въ 1640 г. казненъ японцами баталеръ за нарушеніе супружеской вѣрности съ японкой. На кораблѣ „Gracht“ не были занесены два бѣлыхъ кролика въ списокъ, который необходимо было составлять всѣмъ живымъ существамъ: за это капитана лишили должности. Въ голландской факторіи въ Хирадо ищутъ церковныя принадлежности и велятъ голландцамъ сломать всѣ дома, на фронтонахъ которыхъ находится обозначеніе года. Приказъ императора гласитъ: „Его императорское величество (т. е. сіогунъ) имѣетъ вѣрное свѣдѣніе о томъ, что вы также, какъ португальцы — христіане. Вы празднуете воскресенье, вы пишете числа отъ Р. Христова на крышахъ и фронтонахъ вашихъ домовъ, у васъ есть 10 заповѣдей, Отче Нашъ, Вѣрую, Кровь и Плоть, есть Библія, Новый завѣтъ, Моисей, пророки и апостолы, — вообще у васъ одно дѣло. Суть остается. Различіе между обоими мы считаемъ незначительнымъ. Что вы христіане, было давно извѣстно, но мы думали, что это былъ другой Христосъ. Вслѣдствіе этого, Его Величество черезъ меня повелѣваетъ и т. д.“ Въ 1641 г. послѣдовалъ приказъ не хоронить больше покойниковъ голландцевъ, а погружать ихъ въ море въ 5—4 миляхъ отъ берега. 29-го августа приказъ этотъ примѣняется впервые, „потому что христіанскій трупъ не достоинъ земли.“ Въ слѣдующемъ году разрушаютъ прежнее мѣсто погребенія голландцевъ въ Хирадо. Если голландцамъ и китайцамъ, несмотря на это, разрѣшили остаться въ Нагасаки, то это только потому, что безъ нихъ нельзя было добыть нѣкоторые товары, въ которыхъ японцы нуждались, и отъ нихъ можно было также получить свѣдѣнія о предполагаемыхъ замыслахъ другихъ державъ противъ Японіи. Въ остальномъ съ голландцами и китайцами обращались немногимъ лучше, чѣмъ съ плѣнниками.

г) Положеніе со времени вторичнаго открытія Японіи.

Когда въ 1854—58 гг. Японія стала открыта для иностранныхъ торговыхъ сношеній, католическіе миссіонеры, послѣдовавшіе и на этотъ разъ за купцами по пятамъ, нашли близь Нагасаки, именно въ деревнѣ Ураками, остатки прежнихъ христіанскихъ общинъ, — хотя полагали, что онѣ долгимъ и жестокимъ преслѣдованіемъ истреблены совершенно. Неосторожность миссіонеровъ обратила вниманіе японскаго правительства на это обстоятельство. Въ 1867 году были арестованы 78 этихъ христіанъ и была сдѣлана попытка заставить ихъ угрозами отречься отъ вѣры. Благодаря стараніямъ иностранныхъ представителей, особенно французскаго посланника M. Roches, удалось добиться освобожденія этихъ лицъ, при обѣщаніи, что миссіонеры будутъ заниматься обращеніемъ въ христіанство лишь въ предѣлахъ иностранныхъ поселеній. Однако, едва лишь микадо вступилъ въ 1868 г. въ управленіе, какъ снова началось преслѣдованіе этихъ людей и ихъ единовѣрцевъ и снова было возобновлено запрещеніе противъ вредной секты христіанъ. Свыше 4000 туземцевъ-христіанъ было арестовано и, несмотря на вмѣшательство иностранныхъ представителей, они были отданы небольшими партіями разнымъ князьямъ въ каторжныя работы. Лишь въ 1873 г. удалось добиться ихъ освобожденія и достигнуть уничтоженія запрещенія противъ христіанскаго ученія. Съ этого времени для дѣятельности миссіонеровъ, въ предѣлахъ, предоставленныхъ всѣмъ иностранцамъ, не существовало болѣе препятствій. Но старанія миссіонеровъ терпятъ неудачу, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сильно развитаго національнаго чувства японцевъ; кромѣ того, въ обширныхъ кругахъ существуетъ предубѣжденіе противъ чужого миссіонера, на котораго часто смотрятъ только, какъ на политическаго агента своей родины. Особенно, бо́льшее

почитаніе Бога, Іисуса Христа, папы, церкви и библіи, чѣмъ микадо, — является рычагомъ, которому японское самосознаніе противопоставляетъ неошинтоизмъ. Во всякомъ случаѣ этотъ, отклонившійся болѣе или менѣе, сообразно съ чувствами и вѣрованіями отдѣльныхъ лицъ, „японскій центризмъ“, до сихъ поръ являлся самымъ большимъ препятствіемъ для распространенія христіанства; ему слѣдуетъ также приписать различныя успѣшныя попытки японскихъ христіанъ освободиться отъ вліянія и связей съ иностранными миссіонерскими обществами. Если и совершится обращеніе Японіи въ христіанство, то только на японской основѣ (см. ниже стр. 52).

3. Эпоха временщиковъ (1573—1600).

а) Набунага.

Паденіе семьи Асикага было вызвано однимъ изъ ея приверженцевъ, Ота Набунагой (см. стр. 12). У внука Таиры но Кійомори, былъ сынъ, котораго мать спрятала во время бѣгства отъ преслѣдовавшихъ ее солдатъ Минамото у старшины деревни Тсуда; вскорѣ староста уступилъ его одному шинтоистскому жрецу изъ Ота въ Эйтценѣ, который его усыновилъ. Мальчикъ подросъ, сталъ, подобно своему пріемному отцу, шинтоистскимъ священникомъ и былъ родоначальникомъ, семьи, отъ которой почти 400 лѣтъ спустя произошелъ въ 1533 г. Набунага. Его непосредственные предки принимали дѣятельное участіе въ неурядицахъ того времени; его отецъ Ота Набухиде, умершій въ 1549 году, оставилъ ему значительныя владѣнія, которыя сынъ сумѣлъ скоро увеличить на службѣ Асикага; онъ владѣлъ шестью провинціями и столицей. При немъ служили Киношита Хидейоши и Токугава Іеясу (Минамото), два человѣка, которые должны были играть въ исторіи Японіи еще большую роль. Въ 1574 г. Набунага поссорился съ Асикага, выступилъ противъ нихъ, разбилъ сіогуна Іосаки, взялъ его въ плѣнъ и низложилъ. Это былъ конецъ династіи Асикага. Самъ онъ принялъ въ качествѣ Найдайжина правленіе государствомъ, такъ какъ онъ не могъ стать сіогуномъ, не происходя отъ Минамото. О борьбѣ его противъ буддійскихъ монаховъ и предпочтеніи, оказанномъ христіанамъ, была рѣчь выше (стр. 24). Ему не удалось, правда, за свое короткое царствованіе возстановить въ странѣ миръ. Борьба противъ могущественныхъ князей на западѣ Хоншіу и на Кіусіу продолжалась. Въ то время, какъ Хидейоши съ большей частью войскъ своего господина боролся на западѣ противъ Мори, Набунага палъ жертвой измѣны. Онъ оскорбилъ своего генерала Акеши Митсухиде; послѣдній, будучи посланъ съ остаткомъ войскъ въ другой походъ, остановился передъ воротами Кіото и призвалъ своихъ солдатъ къ возмущенію; онъ вернулся съ ними въ городъ и окружилъ храмъ Хонножи, гдѣ находился Набунага. Застигнутый врасплохъ и озабоченный присутствіемъ такой массы солдатъ, Набунага отворилъ окно, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣла; стрѣла ранила его въ руку. Видя свою гибель, онъ подпалилъ храмъ и умертвилъ себя, уговоривъ сопровождавшихъ его женъ бѣжать. Измѣнникъ принялъ титулъ сіогуна, но былъ черезъ 12 дней побѣжденъ подоспѣвшимъ Хидейоши и погибъ во время бѣгства.

б) Хидейоши.

Хидейоши былъ сынъ крестьянина и родился въ 1536 г. въ Накамура въ Овари. Въ молодости онъ поступилъ подъ именемъ Киношита Токиширо въ солдаты, на службу къ Набунага. Подъ начальствомъ послѣдняго онъ быстро отличился храбростью и знаніемъ военнаго дѣла и сталъ его лучшимъ и вѣрнѣйшимъ полководцемъ. Когда напали на Набунагу, онъ воевалъ съ сыномъ послѣдняго, Нобутакой, противъ войскъ

Мори: быстро заключенное съ нимъ соглашеніе дало ему возможность вернуться въ Кіото съ вышеупомянутымъ успѣхомъ. Изъ трехъ сыновей его прежняго господина одинъ умеръ, оставивъ сына, который, подъ именемъ Санхози, отъ 1582—86 г. продолжалъ номинально правленіе своего дѣда. Второй сынъ находился у Іеясу, который обязался держать его въ повиновеніи. Третій, Нобутака, соединился съ зятемъ своего отца, Шибата, владѣльцемъ Этцизена, но не могъ противиться Хидейоши. Его разбили, союзникъ также палъ подъ натискомъ наступающихъ на Этцизенъ враговъ. Разсказъ о смерти Шибата — одна изъ захватывающихъ подробностей въ исторіи Японіи, очень богатой подобными событіями. Окруженный въ своемъ замкѣ въ Фукуи и не надѣясь на освобожденіе, Шибата рѣшилъ умереть; онъ пригласилъ всѣхъ своихъ друзей и сподвижниковъ на празднество, въ концѣ котораго сообщилъ своей женѣ, сестрѣ Набунаги, свое рѣшеніе и предоставилъ ей свободу оставить замокъ и такимъ образомъ спастись. Гордая женщина отклонила это предложеніе и потребовала позволенія раздѣлить участь своего мужа. Тогда Шибата и его друзья убили своихъ женъ и дѣтей, которыя благодарили ихъ за позволеніе умереть вмѣстѣ, а затѣмъ сдѣлали себѣ харакири. Обломки подожженнаго предъ тѣмъ замка похоронили ихъ всѣхъ.

Хотя и послѣ тяжелой борьбы, но старанія Хидейоши создать въ странѣ покой и порядокъ имѣли успѣхъ. Онъ самъ далъ Кванто въ надѣлъ Іеясу, который правилъ тамъ и построилъ себѣ въ Іедо столицу, какъ говорятъ, по совѣту Хидейоши, которому, быть можетъ, по политическимъ воспоминаніямъ и мотивамъ, казалось не желательнымъ, чтобы могущественный Минамото, покорившійся лишь послѣ долгой борьбы, имѣлъ резиденцію въ Олаварѣ, мѣстѣ пребыванія сіогуновъ послѣ разрушенія Камакуры. Между Іеясу и Хидейоши существовало согласіе, хотя и смѣшанное сильно съ недоброжелательствомъ. Первый отказался, напр., идти на аудіенцію къ микадо въ Кіото, пока Хидейоши, который тамъ находился, не дастъ ему своей матери въ залогъ. Самый главный князь на западѣ, Мори изъ Нагато (Чошіу), покорился также Хидейоши; самый могущественный князь на Кіусіу, Шимадзу изъ Сатцумы, ставшій послѣ долгой борьбы съ Ріузоги изъ Хизена и Отомо изъ Бунго почти единственнымъ господиномъ острова, былъ окончательно побѣжденъ послѣ неудачнаго похода (1586—87 г.), въ которомъ Хидейоши, наконецъ, самъ принялъ начальство. Не ясно, почему Хидейоши не уничтожилъ совершенно этого могущественнѣйшаго и самаго безпокойнаго изъ своихъ противниковъ. Что Хидейоши не хотѣлъ истребить такой древній родъ, какъ онъ самъ объяснялъ свое мягкосердечіе, едва ли можно допустить въ такомъ политикѣ — реалистѣ, какимъ былъ Хидейоши. Онъ даже оставилъ наслѣдственную область сыну побѣжденнаго, когда тотъ отказался отъ престола и долженъ былъ сопровождать его въ качествѣ заложника въ Кіото. Скорѣй онъ надѣялся, мягкостью, пріобрѣсти благодарность князя Сатцумы и отца его и пользоваться ими противъ князей на югѣ и западѣ.

Послѣ того, какъ въ странѣ было возстановлено спокойствіе, Хидейоши приступилъ къ выполненію своего завѣтнаго плана, съ которымъ онъ носился, какъ говорятъ, съ ранней юности, а именно, — къ завоеванію Кореи и Китая. Уже въ 1582 г. онъ послалъ королю Кореи приглашеніе возобновить присылку въ Японію обычныхъ раньше посольствъ съ данью. Когда это и послѣдовавшее затѣмъ требованіе, чтобы Корея служила ему прикрытіемъ въ войнѣ съ Китаемъ, въ которомъ правила Мингская династія, остались безъ результата, онъ послалъ весной 1592 г. противъ Кореи войско приблизительно въ 200,000 человѣкъ. Первые успѣхи были быстрые и крупные: черезъ 18 дней послѣ высадки въ Фузанъ, Сеулъ попалъ въ руки японцевъ; скоро они были у Татунга (Тай-донгъ) и овладѣли Пинганомъ (Фюонгъ-янгъ), лежавшимъ на сѣверномъ берегу

рѣки. Здѣсь однако наступленіе остановилось, отчасти вслѣдствіе трудности пропитанія, главнымъ же образомъ потому, что японскій флотъ, который долженъ былъ прикрывать дальнѣйшее наступленіе, былъ разбитъ корейскимъ. Вскорѣ затѣмъ явились и китайцы, къ которымъ корейцы обратились съ просьбой о помощи. Мелкая зависть между японскими полководцами, изъ которыхъ одинъ, — христіанинъ Кониши Юкинага, находился во главѣ отряда, всецѣло состоявшаго изъ христіанъ, а другой Като Кійомаса, былъ буддистъ, и врагъ христіанъ, — способствовали планамъ китайцевъ. Почти годъ спустя послѣ занятія Сеула, японцы должны были очистить городъ, въ который лишь 300 лѣтъ спустя (1894) должно было снова вступить японское войско.

Война и переговоры между Кіото и Пекиномъ заняли время до конца 1596 г. Когда переговоры остались безуспѣшны, Хидейоши послалъ въ 1597 г. новыя подкрѣпленія въ Китай; китайцы съ своей стороны послали новое войско, проникшее далеко за Сеулъ. Въ началѣ счастье благопріятствовало японцамъ: въ октябрѣ они снова подступили вплоть къ Сеулу; но вторая побѣда соединеннаго китайско-корейскаго флота и угрожающее наступленіе китайцевъ принудило ихъ снова къ отступленію, причемъ они ужаснѣйшимъ образомъ опустошили мѣстность, по которой проходили. Китайцы шли за отступающимъ врагомъ до Урузана, гдѣ разбитое японское войско нашло убѣжище; китайцы тщетно пытались овладѣть крѣпостью, пока нѣсколько недѣль спустя, 13 февраля 1598 г., японскій отрядъ не освободилъ своихъ осажденныхъ земляковъ. Такъ кончилась главная война. Мелкія отдѣльныя стычки еще продолжались, но Хидейоши, умершій 8-го сентября 1598 г., послѣднимъ вздохомъ отозвалъ войска назадъ. Нагляднымъ успѣхомъ остался только Мимизука (ушной холмъ), памятникъ, построенный у Кіото; подъ нимъ, говорятъ, погребены носы и уши 185,738 убитыхъ корейцевъ и 29,014 китайцевъ.

Должно остаться подъ сомнѣніемъ, преслѣдовалъ ли Хидейоши въ войнѣ противъ Кореи дѣйствительно одну лишь цѣль, указываемую имъ самимъ, или онъ съ этимъ соединялъ намѣреніе: съ одной стороны—дать занятіе безпокойнымъ людямъ въ странѣ, а съ другой—по возможности ослабить военное могущество христіанъ. При немъ были изданы многочисленные законы противъ христіанскихъ учителей и христіанъ, но онъ продолжалъ также и противъ буддійскихъ монаховъ политику Нобунага, между прочимъ онъ разрушилъ ихъ монастырь въ Кумано. Во всякомъ случаѣ, въ японской исторіи Хидейоши одно изъ самыхъ извѣстныхъ лицъ, которое до сихъ поръ пользуется общимъ почетомъ во всѣхъ классахъ народа, чему не мало способствовалъ его походъ въ Корею. Но и въ другихъ отношеніяхъ его правленіе было для страны благословеніемъ: именемъ императора онъ заботился о правѣ и справедливости и во многихъ отрасляхъ управленія не только создалъ порядокъ, но и существенно способствовалъ ихъ улучшенію новыми законами и распоряженіями. Безъ него попытка его преемника, Іеясу, создать на продолжительное время порядокъ въ странѣ, осталась бы безъ успѣха. Хотя теперь и принято бросать камень въ сіогуновъ династіи Минамото, но не слѣдуетъ забывать, что они сумѣли обезпечить болѣе чѣмъ на 250 лѣтъ миръ странѣ, раздираемой всеобщей борьбой въ теченіе многихъ столѣтій.

Хидейоши является въ японской исторіи подъ различными именами. Имя, подъ которымъ онъ впервые вступилъ на службу Набунага, уже упомянуто на стр. 29; полководцемъ онъ принялъ имя Хашима, а позже ему микадо пожаловалъ имя Тойотоми. Болѣе всего онъ извѣстенъ однако подъ названіемъ Тайко-самма, которое обыкновенно носятъ квамбаку послѣ того, какъ они сложатъ съ себя обязанности. Такъ какъ онъ не происходилъ изъ семьи Минамото, членамъ которой въ теченіе 400 лѣтъ исключительно давался титулъ сіогуновъ, то онъ не могъ его получить; однако

уже въ зрѣломъ возрастѣ онъ приказалъ себя усыновить одному кугэ изъ семьи Фуживара и получилъ мѣсто квамбаку (премьеръ министра). Какъ всякаго крупнаго дѣятеля, такъ и его не пощадили насмѣшливыя клички. Его называли моменъ токиши, т. е. хлопчатая бумага Токиши, такъ какъ, подобно хлопчатой бумагѣ, онъ годится на все; когда онъ получилъ званіе квамбаку, его называли, за его безобразіе, сару-кванья, т. е. коронованная обезьяна. Несмотря на высокое положеніе и на почетъ, оказываемый ему, мѣсто его погребенія въ Кіото точно не извѣстно.

в) Побѣда востока (Іеясу),

По японскому обычаю, Хидейоши сложилъ съ себя въ 1591 г. званіе квамбаку и передалъ его своему сыну, но продолжалъ въ дѣйствительности править; передъ смертью онъ женилъ своего шестилѣтняго сына (или пріемнаго племянника) Хидейори на внучкѣ Іеясу, думая такимъ образомъ обезпечить за нимъ поддержку наиболѣе могущественнаго князя въ странѣ. Правителями онъ назначилъ пять государственныхъ совѣтниковъ; въ дѣйствительности же, управленіе находилось въ рукахъ матери наслѣдника, женщины рѣдкой красоты и энергіи. Однако миру не было суждено утвердиться. Кто его первый нарушилъ, трудно опредѣлить. Честолюбіе Іеясу, который, подобно всѣмъ крупнымъ личностямъ, преклонялся передъ превосходствомъ отца, но презиралъ сына, могло послужить поводомъ къ этому нарушенію, — а съ другой стороны опасеніе передъ существующими или воображаемыми планами Іеясу побудили правительницу начать все равно неизбѣжную борьбу. Фактъ, что наиболѣе могущественные князья запада и юга, особенно Мори и Шимадзу (стр. 30), были на сторонѣ Хидейори, несомнѣнно способствовалъ тому, что Іеясу, передовой боецъ востока, взялся за оружіе.

Послѣ продолжительныхъ приготовленій и различныхъ столкновеній, во время которыхъ Іеясу оказался болѣе сильнымъ и также болѣе снисходительнымъ, въ 1600 году произошелъ полный разрывъ. Въ битвѣ у Секигахары близъ озера Бива, недалеко отъ Кіото, Іеясу побѣдилъ союзниковъ, отчасти благодаря хитрости, и использовалъ свой успѣхъ съ безпримѣрной энергіей. Осака, Фушими, сильно укрѣпленный Тайко-самма, ключъ Кіото, и сама столица попали быстро одно за другимъ въ руки побѣдителя. Многіе изъ предводителей со стороны враговъ прибѣгли къ харакири; другіе, которые, въ качествѣ христіанъ, напр. Кониши, отвергали самоубійство, были публично казнены; враждебныхъ князей принудили къ покорности, — а дружески настроенныхъ Іеясу еще тѣснѣе связалъ посредствомъ ленныхъ даровъ и женитьбы. Несмотря на эти крупные успѣхи, Іеясу предоставилъ Хидейори власть и званіе, и только старался сузить его доходъ посредствомъ постройки цѣнныхъ зданій и другихъ дорогихъ предпріятій; самъ же онъ имѣлъ для своихъ дальнѣйшихъ плановъ достаточно средствъ во вновь открытыхъ золотыхъ розсыпяхъ на Садо. Въ 1603 г. Іеясу былъ провозглашенъ сіогуномъ. Однако онъ скоро отказался отъ сіогунства и передалъ званіе своему сыну Хидетада, но самъ удержалъ въ рукахъ настоящую власть. Хидетада находился въ Іедо, а Іеясу наблюдалъ за врагами изъ Суруги. Въ 1614 г., вѣроятно вслѣдствіе увеличивающейся популярности Хидейори, произошло новое столкновеніе. Іеясу и Хидетада напали на Осаку, резиденцію Хидейори,—но, повидимому, безъ успѣха; послѣ заключенія соглашенія, они отправились назадъ въ Кванто, но вдругъ повернули назадъ, напали на Осаку, и послѣ короткаго боя овладѣли ею, какъ передаютъ, посредствомъ измѣны. Хидейори исчезъ при штурмѣ крѣпости; самъ Іеясу, который былъ при этомъ раненъ, умеръ въ слѣдующемъ 1615 году. Но востокъ въ концѣ концовъ побѣдилъ западъ и сохранилъ добытый такимъ образомъ успѣхъ до возстановленія власти микадо (1868; ср. ниже, глава „Возстановленіе власти микадо“).

II. Возникновеніе и развитіе феодальнаго государства.

а) До 1615 года.

За начало феодализма обыкновенно принимаютъ 1192 г., въ который Іоритомо замѣнилъ императорскихъ гражданскихъ губернаторовъ (Кокушу), до сихъ поръ избираемыхъ изъ куге, военными губернаторами (Шуго—охранитель), принадлежавшими къ буке. Однако настоящее начало могло пасть уже на то время, когда съ конца IX столѣтія на мѣсто крестьянскаго владѣнія кубунде (леннаго владѣнія, созданнаго реформой Тайква, и обязаннаго платить подати) стало свободное отъ податей крупно-помѣстное владѣніе владѣльцевъ Шойенъ и Деньенъ. Первое произошло изъ корчеваній и подарковъ, второе обязано своимъ происхожденіемъ менѣе законному захвату государственной земли губернаторами и подчиненными имъ чиновниками. Какъ передаетъ Фукуда, шойенъ заняли большую часть всей земли; земля стала вполнѣ частной собственностью; она не была подчинена намѣстникамъ провинцій и не облагалась податями. Владѣльцевъ называли ріошу (владѣтельные господа) или хонжо (столбовые помѣщики); они жили по большой части въ Кіото или въ своемъ родовомъ помѣстьѣ и управляли своими землями черезъ шоши, т. е. фермеровъ. Земли, находившіяся въ вѣдѣніи губернаторовъ (кокуга), прошли черезъ подобное же развитіе. Эти чиновники и ихъ подчиненные, равно и куге изъ Кіото, присваивали крестьянскія имѣнія, скупали владѣнія кукунда и овладѣвали общинными лѣсами и лугами; все это перешло потомъ, какъ деньенъ, въ частное владѣніе. Въ большинствѣ случаевъ, судопроизводство слѣдовало за владѣніемъ; отъ этого скоро значительно сократились не только доходы императора, т. е. правительства, но и его судебныя полномочія; то, что онъ терялъ, переходило въ руки крупныхъ помѣщиковъ.

Эти условія развились далѣе въ слѣдующихъ столѣтіяхъ, заполненныхъ гражданскими войнами. Къ концу XVI ст., вся страна находилась въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ, болѣе или менѣе крупныхъ владѣльцевъ, происшедшихъ изъ солдатскаго званія; крестьяне были обязаны отбывать имъ барщину и платить подати имъ вмѣсто императора. Тамъ, гдѣ отдѣльныя личности достигали и пользовались большой властью, мелкіе владѣльцы, жившіе въ предѣлахъ ихъ дѣйствительнаго владѣнія или въ сферѣ ихъ вліянія, стали отъ нихъ въ зависимость. Такимъ образомъ къ началу XVII ст. образовалось двойное ленное отношеніе: теоретическое — со стороны крупныхъ владѣльцевъ въ странѣ по отношенію къ безсильному императору и фактическое — со стороны болѣе мелкихъ владѣтелей къ своимъ болѣе могущественнымъ товарищамъ. Примѣромъ могутъ служить отношенія членовъ класса самураевъ (солдатскаго, дворянскаго класса) къ своимъ господамъ; они въ свою очередь различались тѣмъ, получалъ ли самурай въ ленную зависимость землю или только плату, по большей части въ видѣ риса. Въ зависимости отъ своего чина онъ служилъ или одинъ, или съ личной свитой, въ конницѣ или въ пѣхотѣ. Служба въ конницѣ, какъ и во всѣхъ феодальныхъ государствахъ, была и въ Японіи болѣе почетна и влекла за собой отличіе, заключавшееся въ правѣ ѣздить верхомъ и въ мирное время.

б) Іеясу и его преемники.

Таковы были въ общемъ условія, когда Іеясу получилъ возможность установить основныя начала своего правленія; вообще онъ измѣнялъ мало, а довольствовался приспособленіемъ существующаго къ потребностямъ своего правленія; онъ предпринялъ много перемѣщеній во владѣніяхъ помѣщиковъ; уменьшая или увеличивая ихъ доходы, онъ перемѣщалъ ихъ

изъ одной провинціи въ другую, въ зависимости отъ того, желалъ ли онъ наградить ихъ или покарать. Только непосредственныхъ государственныхъ чиновниковъ эта мѣра не коснулась. Въ этомъ ему подготовилъ почву Хидейоши, раздѣливъ вельможъ на три класса: кокушу, владѣвшіе по крайней мѣрѣ одной провинціей; ріошу (помѣщики), владѣвшіе землей, которая имъ давала ежегодно 10,000 коку (каждый по 1,8 гектолитра) риса или болѣе, и жіошу (владѣльцы замковъ), помѣстья которыхъ давали ежегодно менѣе 100,000 коку; владѣльцевъ страны называли дайміо (великое имя, господинъ страны); этотъ титулъ по праву принадлежалъ только двумъ первымъ. Кокушу были военными губернаторами Іоритомо; послѣ паденія фамиліи Ходжо въ 1333 г. они получили свое прежнее названіе гражданскихъ губернаторовъ; однако ихъ отношенія къ императору не измѣнились. Когда правленіе попало на короткое время снова въ руки императора и куге, рѣчь шла только о внѣшней любезности къ послѣднимъ, не имѣвшей практическаго значенія. Къ тремъ существовавшимъ классамъ Іеясу прибавилъ еще два: хатамото и гокенинъ. Хатамото, вѣроятно около 2000 душъ, пользовались различными доходами и положеніемъ. Одни были мелкими помѣщиками замлевладѣльцами, другіе получали отъ сіогуна только ежегодный доходъ риса; семь первыхъ были поставлены въ одно положеніе съ дайміосами въ томъ отношеніи, что они должны были жить попеременно то въ Іедо, то у себя въ помѣстьѣ, между тѣмъ какъ другіе должны были жить все время въ Іедо. Гокенинъ, приблизительно 5000 душъ, имѣли небольшой доходъ и получали чиновничьи мѣста. За ними слѣдовали обыкновенные самураи.

У болѣе крупныхъ владѣтельныхъ князей существовали подобныя же условія, такъ какъ и у нихъ былъ подъ властью цѣлый рядъ прямыхъ ленниковъ. Въ общихъ чертахъ для нихъ годится слѣдующій порядокъ. Прежде всего шли каро, называемые по большей части министрами; владѣли всегда землей въ области своихъ повелителей, къ которымъ они являлись со свитой на военную службу. Повидимому Іеясу назначилъ рядъ каро и послалъ ихъ въ страну, вѣроятно съ цѣлью имѣть такимъ образомъ надзоръ и, если нужно, произвести давленіе на владѣльца. Самураи получали или землю и пользовались тогда большимъ почетомъ, или получали только рисъ. Они жили по большей части въ резиденціи князя и вблизи отъ его замка. При перемѣщеніи въ другія страны многіе изъ князей обыкновенно брали съ собой значительную часть своей свиты; однако они находили и на мѣстѣ много самураевъ, которые не могли слѣдовать за своими прежними господами, которыхъ или смѣстили, или изгнали, или убили. Изъ этихъ лицъ (гоши) образовалось подобіе сельской милиціи, въ которой старшій сынъ наслѣдовалъ имя, чинъ и землю своего отца, между тѣмъ какъ остальныя дѣти становились простымъ народомъ. Гоши, съ позволенія князя, имѣлъ право продать имя, положеніе и землю; если это касалось части земли, то онъ сохранялъ имя и положеніе, если же онъ продавалъ всю землю, то онъ терялъ и имя, и положеніе. Они имѣли право имѣть коня и ѣздить верхомъ, и были подчасъ людьми съ вліяніемъ и положеніемъ; слуги ихъ однако были простыми крестьянами. При возстановленіи званія микадо, они были единственными, которые сохранили свою земельную собственность, такъ какъ считалось, что они ее получили не отъ Токугава, а владѣли ею изстари (ср. выше стр. 19). Между самураями и обыкновенными крестьянами стояли еще кукаку, тоже нѣчто въ родѣ низшаго земельнаго дворянства, которое получало ежегодно извѣстное количество риса; оно носило два меча, но не смѣло ѣздить верхомъ и жило на границѣ резиденціи или въ деревнѣ.

Крестьяне платили подати князю, каро или самураю, которымъ была подвластна ихъ земля; но каро или самурай съ своей стороны не былъ обязанъ отбывать за нихъ повинности владѣтельному князю. Повиди-

мому, крестьяне не были безусловно прикованы къ землѣ, такъ какъ ихъ съ одной стороны при грубой небрежности удаляли изъ ихъ владѣнія, а съ другой они при извѣстныхъ условіяхъ могли продать земли; на войнѣ они служили только въ качествѣ рабочихъ и носильщиковъ тяжестей. Единицей мѣры для крестьянъ была деревня, мура, состоявшая обыкновенно изъ 50 мужчинъ (семей), принадлежавшихъ къ 10 союзамъ по пяти въ каждомъ. Подати насчитывались и уплачивались не отдѣльнымъ лицомъ, а всей деревней, жители которой ручались одинъ за другого. Каждый крестьянинъ владѣлъ собственной усадьбой и полемъ, но горная страна, т. е. луга и выгонъ, принадлежали общинѣ, между тѣмъ какъ лѣса и рощицы являлись по большей части собственностью владѣльца страны.

Когда Іеясу принялъ правленіе, существовало восемнадцать кокушу; съ теченіемъ времени, онъ увеличилъ ихъ на два, создавъ князей Кіи и Овари, 32 Ріошу и 212 Іошу. Онъ раздѣлилъ владѣтелей еще и другимъ образомъ. Было 75 Тосамма, считаемыхъ наряду съ князьями (до извѣстной степени прежніе непосредственные государственные чины). Всѣ другіе назывались фудай (долгое время придворные или старые слуги); они получили землю въ ленную зависимость отъ сіогуна и могли или должны были принять правительственныя мѣста. Самъ Іеясу приводилъ въ пользу этого дѣленія слѣдующіе доводы: Гофудай были удѣльными князьями, державшими его сторону, еще до занятія замка въ Осакѣ въ 1603 г., между тѣмъ, какъ Тосамма подчинились ему только впослѣдствіи.

Важнѣе этихъ раздѣленій были дѣленія владѣтелей Хатамото и чиновниковъ по совѣщательнымъ палатамъ, въ которыхъ они совѣщались въ отдѣльности, по призыву сіогуна. Названія этихъ совѣщательныхъ камеръ по имени ихъ палатъ и состава были слѣдующія: 1) орока: 9 князей изъ семьи Токугава и князь Коги, самый богатый и сильный изъ Кокушу, 2) Охирома: 12 князей изъ семьи Токугава и 17 Кокушу, 3) Тамаринома: 7 самыхъ знатныхъ Гофудай; изъ нихъ 6 изъ семьи Минамото но Іоритомо и одинъ, Икамонъ но Ками, изъ семьи Фуживара, 4) Ганагинома, 5) 75 Тосамма, 6) Теканома: 67 Гофудай, 7) Ганома: 43 Гофудай, 8) Кикунома: 31 Гофудай, 9) Фудсіонома: Хатамото и чиновники съ чиномъ буньо, губернаторы, 10) Наканома; чиновники, которымъ микадо пожаловалъ титулъ Хои, шестой изъ придворныхъ чиновъ, 11) Кикіонома: низшіе чиновники, 12) Такиминома — низшіе чиновники до чина куми яссира: вицегубернаторы и наруи, вицеинспекторы. Эти палаты созывались по всѣмъ важнымъ вопросамъ; онѣ голосовали отдѣльно и придерживались большинства голосовъ, а рѣшеніе слѣдовало по приговору большинства палатъ. Между тѣмъ, правительство, повидимому, обращало особенное вниманіе на мнѣніе Тамариномы и на камеры, образованныя изъ чиновниковъ Хатамото. Текущія дѣла рѣшались комитетами, состоявшими изъ членовъ отдѣльныхъ камеръ, находившихся въ Іедо.

Отношеніе къ императору и къ куге состояло въ томъ, что имъ предоставлены были всѣ титулы и почетныя права, но отнято вліяніе и власть. Доходы императорскаго двора и куге были ограничены до крайнихъ предѣловъ, а сношенія съ внѣшнимъ міромъ почти совершенно отрѣзано. 137 куге съ 5-ю титулами второго и 27-ю третьяго ранга получали ежегодно приблизительный доходъ въ 42,000 коку, въ то время какъ 263 буке вмѣстѣ съ сіогуномъ при 30.000,000 ежегоднаго дохода имѣли только одинъ титулъ второго и четыре титула третьяго порядка. Доходы императорскаго двора были въ 1615 г. установлены въ 10,000 коку и постепенно доведены въ 1706 г. до 120,000 коку въ годъ. Въ 1632 г. ежегодный доходъ всѣхъ владѣтельныхъ князей достигалъ 18,7 милліоновъ коку, а доходы дома сіогуна изъ его личнаго владѣнія доходили до 11.000,000. Іеясу въ разныхъ манифестахъ, особенно въ т. н. 18 и 100 законахъ, изъ которыхъ первые касались преимущественно отношеній сіогуна

къ императорскому дому, а послѣдніе — отношеній между сіогуномъ и князьми съ одной стороны и самураями и народомъ съ другой, — считалъ необходимымъ указать на то, что большимъ доходамъ буке должны соотвѣтствовать и большія обязанности по отношенію къ государству, и что куге могутъ употреблять свои безусловно меньшіе доходы на свои личныя нужды. Кромѣ того, буке были обязаны, сообразно съ половиной своихъ доходовъ, поставлять конницу, при томъ такимъ образомъ, что на 1000 коку приходилось пять всадниковъ, такъ что, князь съ 200,000 коку ежегоднаго дохода обязанъ былъ поставить въ случаѣ войны 500 всадниковъ.

Способъ, на которомъ основывалъ авторъ этой мѣры фактическое устраненіе императора и куге и передачу правительственной власти сіогуну и буке, очень характеренъ для японскихъ возрѣній и тогдашнихъ условій. „По древнему ученію земли боговъ (Японіи) боги — геніи неба, а императоры геніи земли. Геніевъ небесныхъ и земныхъ можно сравнить съ солнцемъ и луной. На томъ же основаніи, на какомъ солнце и мѣсяцъ совершаютъ свой путь, императоръ долженъ сохранить свое великое сердце нетронутымъ. Поэтому онъ живетъ въ своемъ дворцѣ, точно на небѣ; сообразно съ девятью небесами, дворецъ незывается девятикратнымъ жилищемъ и имѣетъ 12 троновъ и 80 покоевъ; затѣмъ признаки императора — десять добродѣтелей; императоръ повелѣваетъ 10,000 колесницъ (въ Китаѣ императоръ отправлялся на войну съ 10,000 колесницъ). Каждый день онъ долженъ молить небо, чтобы онъ могъ явить странѣ примѣръ человѣколюбія, любви къ родителямъ, дальновидности и бережливости; онъ долженъ также усердно заниматься наукой и искусствомъ письма. Возвышенная добродѣтель императора выражается въ томъ, что на лицахъ подданныхъ его не появляется выраженія скорби, и вездѣ въ семьяхъ царитъ миръ и тишина“ (восемнадцать законовъ, № 1). „Послѣ того какъ должность надзирателя обѣихъ придворныхъ школъ въ Кіото (онъ между прочимъ также завѣдывалъ этикетомъ при императорскомъ дворѣ) была передана сіогуну, три шинно (императорскіе принцы), секкэ (семьи, въ которыхъ высшія должностныя мѣста были наслѣдственны) куге и владѣтельные князья поступаютъ подъ власть сіогуна. Сіогунъ своими приказами опредѣляетъ обязанности, по отношенію къ государству и не нуждается въ согласіи императора въ дѣлахъ правленія. Если страна между четырехъ морей не спокойна, то въ этомъ виноватъ сіогунъ“ (18 законовъ, № 2). Въ старину императоръ отправлялся обыкновенно на богомолье въ различные храмы; это онъ дѣлалъ главнымъ образомъ для того, чтобы по пути изучать нужды народа. Теперь императоръ реформировалъ правленіе и поручилъ его буке. Если послѣдніе не знаютъ страданій народа, то вина за это падаетъ на сіогуна. Поэтому царствующій императоръ не долженъ покидать своего дворца, за исключеніемъ того случая, когда онъ отправляется посѣтить императора, отказавшагося отъ престола, во дворцѣ послѣдняго“ (18 законовъ, № 4). „Съ Минамото но Іоритомо, который правилъ въ качествѣ Хао (Хао—помощникъ императора), власть надъ Японіей перешла въ руки буке. Такъ какъ куге правили небрежно и не были въ состояніи поддержать въ странѣ порядокъ, то ничего не оставалось больше, какъ чтобы буке получилъ отъ императора приказъ принять древнее правленіе. Съ малымъ доходомъ однако невозможно управлять страной, питать народъ и нести общественныя обязанности. Куге поступили бы очень несправедливо, еслибы стали умалять достоинство буке. По старому изреченію „вся земля подъ небесами принадлежитъ императору“, и императору поручено небомъ питать и воспитывать народъ; поэтому онъ приказываетъ чиновникамъ и солдатамъ заботиться о спокойствіи и благѣ страны. Эту обязанность можно было бы также поручить и куге; но такъ какъ это не угодно народу, то императоръ поручилъ это буке. Въ случаѣ, если страна неспокойна, исчезаютъ различія между высшими и низшими, и наступаетъ

возстаніе, поэтому пусть буке добросовѣстно исполняютъ свои обязанности". (18 законовъ, № 15). „Если пять полевыхъ плодовъ не созрѣваютъ, тогда правленіе Тенчи (сына неба, императора) дурно; если же въ государствѣ нужно произвести много наказаній, то знайте, что воинскихъ способностей у сіогуна недостаточно. При каждомъ случаѣ вы, мои наслѣдники, должны поэтому испытывать себя и быть дѣятельными" (100 законовъ, № 89). (Сравни Kempermann въ „Mittheilungen der deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens").

Въ остальномъ положеніе сіогуна было вначалѣ, особенно въ отношеніи къ кокушу не болѣе положенія primus inter pares. Только постепенно оно обратилось въ положеніе повелителя. Въ началѣ кокушу были избавлены отъ правила, обязывавшаго владѣтельныхъ князей жить въ Іедо попеременно каждый слѣдующій годъ, а второй затѣмъ у себя въ области; ихъ семьи вообще не имѣли права покидать Іедо; но уже при третьемъ сіогунѣ съ ними стали обращаться такъ же, какъ и съ мелкими князьками. Единственное ихъ преимущество заключалось въ томъ, что они, какъ прямые государственные чиновники, были въ теоріи ленниками микадо и получали отъ него свои должности; но и для нихъ путь къ микадо велъ черезъ сіогуна, который заботился о пожалованіи императоромъ титуловъ этимъ владѣтельнымъ князьямъ; всякія же непосредственныя сношенія съ императорскимъ дворомъ были имъ строго запрещены. Даже по пути изъ своихъ областей въ Іедо или обратно, они не имѣли права заѣзжать въ столицу, а если хотѣли посѣтить столицу и ея окрестности, то имъ необходимо было особое на то разрѣшеніе отъ сіогуна; но даже и въ этомъ случаѣ они смѣли приблизиться къ императорскому дворцу только на извѣстное разстояніе. Для брака между членомъ семьи буке съ членомъ семьи куге было также необходимо прямое согласіе сіогуна. Праздные разговоры о жизни при императорскомъ дворѣ наказывались, какъ тяжкое преступленіе.

Помимо этого дѣлалось все, чтобы держать владѣтельныхъ князей въ зависимости. Кромѣ того, что при новомъ раздѣленіи областей, друзья и прежніе противники были размѣщены такъ, чтобъ легко наблюдать другъ за другомъ, — но и владѣнія самого сіогуна были разсѣяны по всей странѣ, такъ что онъ безъ труда могъ всюду и во все вмѣшиваться; въ Кіото и Фушими были сильные гарнизоны, равно и во многихъ мѣстахъ въ Суругѣ; всѣ проходы, ведшіе въ Кванто, охранялись стражей, а главные торговые и другіе пункты (Осака, Сакаи, Нагасаки; числомъ 18) находились во власти сіогуна. Прежнія поѣздки для обозрѣнія, предпринимавшіяся каждые 5 или 7 лѣтъ посланными микадо, теперь совершались чиновниками сіогуна; тамъ, гдѣ при высокомъ положеніи владѣтельныхъ князей, какъ напр. у кокушу, подобный контроль былъ невозможенъ, такія порученія давались друзьямъ и предполагаемымъ врагамъ съ цѣлью обоюднаго контроля; защиту острова Кіусіу поручили, напримѣръ Сатцумѣ и его старому противнику Хизену; и это мѣняли каждый годъ. Кромѣ этого, вся страна была усѣяна чиновниками и шпіонами бакфу. Такимъ образомъ Іеясу и его первые преемники сдѣлали все для ограниченія владѣтельныхъ князей. Эта система въ концѣ концовъ пала менѣе отъ внѣшнихъ нападеній чѣмъ отъ того, что именно тѣ, кто, по предположенію ея творца, больше всего были призваны ее поддерживать, первые пошатнули ее и затѣмъ погубили. Сіогунатъ палъ, потому что его оставили тѣ, кто наиболѣе всего былъ заинтересованъ въ его сохраненіи.

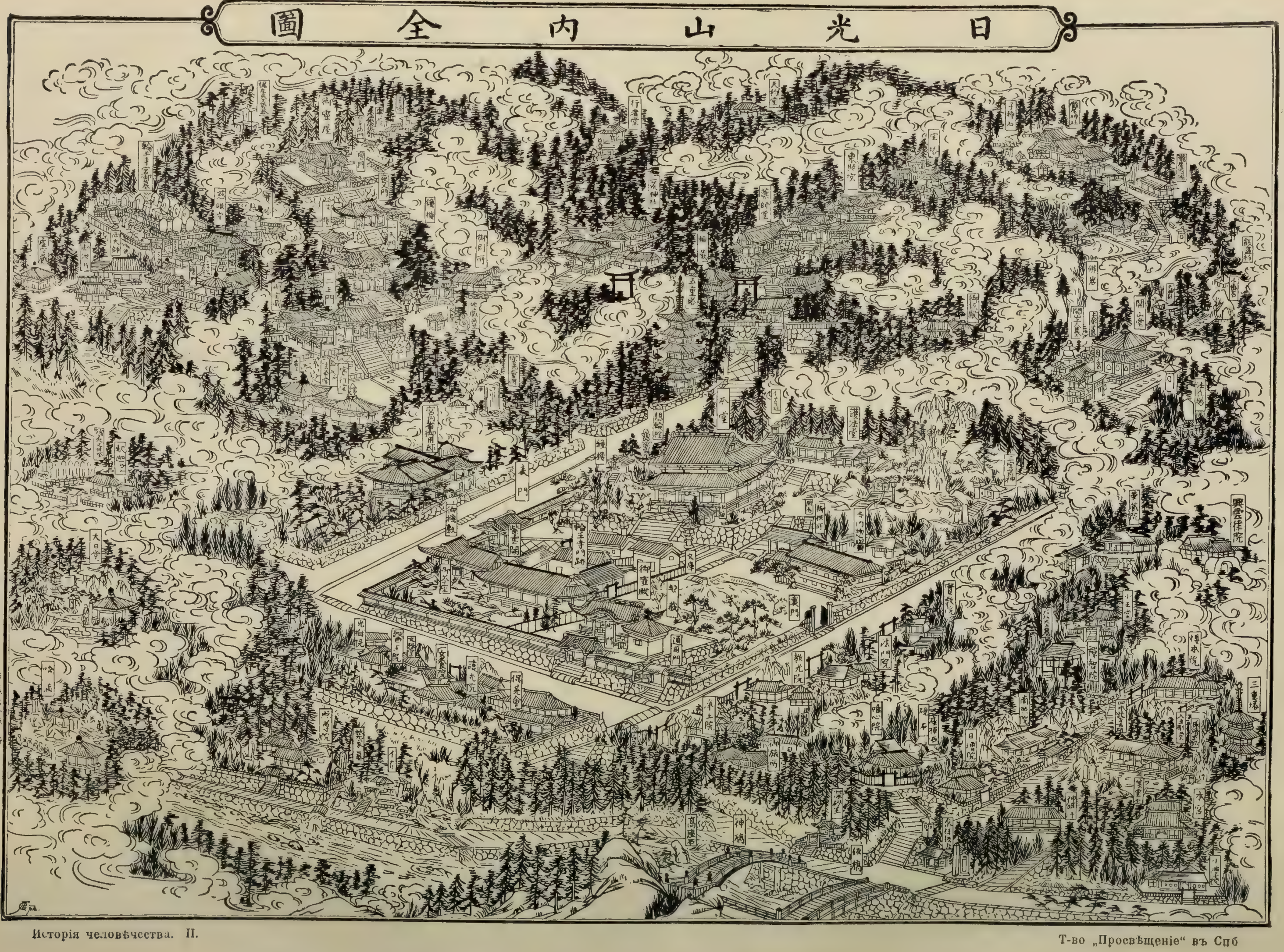
К. **Токугава (1603—1868).**

Если уже упорядоченіе отношеній къ императору, куге и владѣтельнымъ князьямъ создало основателю династіи затрудненія, то еще боль-

шія трудности возникли при регулированіи закона о семейномъ владѣніи и о наслѣдственномъ правѣ. Іеясу оставилъ пять сыновей: князей Этцизена, Кіи, Овари, Мито и второго Хидетаду, котораго онъ еще при своей жизни назначилъ наслѣдникомъ; дальнѣйшее наслѣдованіе должно было происходить въ прямомъ потомствѣ Хидетады, если же у него не будетъ наслѣдника, то его избираютъ изъ дома Кіи или Овари. Эти семьи и фамилія Хидетады назывались тремя великими домами „Госанке"; впослѣдствіи это названіе перешло къ домамъ Кіи, Овари и Мито, однако домъ Мито не получилъ отъ этого права наслѣдія. Вмѣсто этого князь Мито получилъ право въ извѣстныхъ случаяхъ высказывать и предлагать смѣщеніе сіогуна, не радѣвшаго въ достаточной мѣрѣ о своемъ постѣ; принцу Этцизена между прочимъ было предоставлено мѣсто правителя. Поэтому князь Мито былъ единственнымъ владѣтельнымъ княземъ, который имѣлъ право прямо сноситься съ императоромъ. Почему Этцизенъ, старшій сынъ и Мито, младшій, были лишены права наслѣдовать отцу, не совсѣмъ понятно; первый былъ будто бы первоначально усыновленъ Хидейоши, и поэтому, по японскимъ понятіямъ, не принадлежалъ больше къ семьѣ своего отца; послѣдній же женился на дочери одного изъ прежнихъ противниковъ. Самъ Іеясу называлъ своего сына Мито очень крупной, но очень опасной личностью и сравнивалъ его съ мечомъ, который безвреденъ, пока онъ въ ножнахъ, и который приноситъ вредъ, будучи вынутъ изъ ноженъ. 250 лѣтъ спустя, это предсказаніе основателя династіи должно было подтвердиться: во всякомъ случаѣ домъ Мито много способствовалъ паденію сіогуната.

Если вопросъ о наслѣдованіи былъ сильно запутанъ, то онъ еще болѣе усложнился отъ того, что въ 1715 г. вымерло прямое потомство Хидетады. Выбранный въ сіогуны, принцъ Кіи поспѣшилъ назначить своего второго, третьяго и четвертаго сына князьями Тайассу, Шимидзу, Хитотсубаши съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ трехъ семей, которымъ онъ далъ общее названіе „Гозанкіо" (три великихъ господина), въ случаѣ вымиранія прямого потомства его перваго сына, былъ избранъ наслѣдникъ. Эта мѣра также оказалась вредной: такъ, младшій сынъ изъ дома Мито, усыновленный княземъ Хитотсубаши, могъ стать сіогуномъ; будучи послѣднимъ въ длинномъ ряду, онъ лишился власти мало почетнымъ образомъ.

Іеясу умеръ въ Сумпу, въ Суругѣ 8-го марта 1616 г. и былъ погребенъ, согласно его желанію, годъ спустя въ лѣсистыхъ горахъ, Никко изобиловавшихъ всѣми красотами природы; приблизительно въ 160 клм. къ сѣверу отъ Іедо, здѣсь находились буддійскіе и шинтоистскіе храмы, построенные по одному въ послѣднихъ годахъ XIII вѣка святымъ Шодо Шониномъ. На погребеніи присутствовали: представитель микадо, сіогуна, многіе куге, владѣтельные князья и старые боевые товарищи покойнаго, которому при этомъ случаѣ были даны микадо особые почетные титулы. Умершаго назвали Шо-ичи и То-шо, Дай-гонъ-генъ, т. е. дворяниномъ перваго класса и первой степени, великимъ свѣточемъ востока, великимъ воплощеніемъ Будды. Послѣ смерти настоятеля и послѣ того, какъ его преемникъ сложилъ съ себя обязанности, въ главные жрецы Никко былъ возведенъ въ 1654 г. пятый сынъ микадо Го-Мидзуно — подъ именемъ Ринножи-но-міия. Онъ и его наслѣдники, всегда принцы императорскаго дома, жили обыкновенно въ Іедо въ храмѣ Уйэно и навѣщали ежегодно Никко три раза. Послѣдній изъ этихъ принцевъ — жрецовъ, получившій позже воспитаніе въ Германіи, подъ именемъ Кита-Ширакава-но-міия, былъ во время гражданской войны въ 1868 г. похищенъ сѣверной партіей и ею выставленъ противъ микадо; однако онъ долженъ былъ вскорѣ сдаться побѣдоносному южному микадо. Кромѣ Іеясу, въ Никко погребенъ только его второй наслѣдникъ, Іемитсу (1623—51, умеръ въ 1652); всѣ другіе сіогуны похоронены въ Іедо, частью подъ сводами храма въ Уйэно, частью въ Шибѣ. Храмы въ Никко (см. приложенную таблицу „Гробницы



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб

Мѣста погребенія и рощи при храмахъ Никко въ Японіи.

(По японской гравюрѣ.)

и рощи у храмовъ въ Никко въ Японіи"), безъ сомнѣнія, самые красивые, большіе и богатые въ Японіи, замѣчательные по художественной законченности построекъ, внѣшнему убранству и по прелести ландшафта. Многочисленныя приношенія, находящіяся въ храмахъ и около нихъ, и дары изъ всѣхъ частей страны, даже изъ Кореи, увеличиваютъ интересъ мѣстности и храмовъ.

Первый наслѣдникъ Іеясу, Хидетада, шелъ вполнѣ по стопамъ своего отца и строго придерживался его порядковъ. Лишь внукъ основателя, Іемитсу, безусловно самый выдающійся изъ ряда 14 сіогуновъ послѣ Іеясу, сталъ энергично принуждать крупныхъ владѣтельныхъ князей признать его власть и съ внѣшней стороны; себя и своихъ наслѣдниковъ онъ сдѣлалъ настоящими господами Японіи. Посѣщеніе его въ 1623 г. микадо въ Кіото, было послѣднимъ, такъ какъ потомъ до 1863 г. ни одинъ сіогунъ не дѣлалъ уже визита микадо. При немъ въ 1641 г. были высланы въ Нагасаки голландцы и китайцы, всѣ же остальные иностранцы были высланы изъ страны; японцамъ было запрещено покидать Японію. Была упорядочена монета, мѣра и вѣсъ, начата и произведена съемка границъ, были изготовлены карты и планы областей и замковъ владѣтельныхъ князей, установлены ихъ родословныя, причемъ были уничтожены всѣ имена, съ которыми соединялись нежелательныя политическія воспоминанія и претензіи. Далѣе были назначены два государственныхъ совѣта; высшій и низшій. Наконецъ, Іемитсу сдѣлалъ Іедо, свою резиденцію, не только самымъ красивымъ, но и самымъ чистымъ и безопаснымъ городомъ въ государствѣ; замокъ его, съ тройнымъ поясомъ стѣнъ и рвовъ, считался тогда неприступнымъ и теперь еще возбуждаетъ удивленіе посѣтителей. Іемитсу первый въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, т. е. съ Кореей, ввелъ по собственному почину для престижа титулъ „Тайкунъ" (великій владыка).

Изъ его наслѣдниковъ слѣдуетъ упомянуть только Іошимуне, (1716 до 1745 г.), послѣдняго прямого потомка Іеясу; онъ сдѣлалъ много для поднятія промышленности и земледѣлія и уничтожилъ запрещеніе на европейскія книги, за исключеніемъ тѣхъ, которыя трактуютъ о христіанской религіи. Объ остальныхъ можно только сказать, что они, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, придерживались рамокъ поставленной имъ задачи; но совершенно утратили самостоятельность по отношенію — къ чиновникамъ, которые все болѣе и болѣе овладѣвали управленіемъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ правительственныхъ кругахъ появился застой, который повелъ въ концѣ концовъ къ паденію сіогуната.

Если Токузо-Фукуда въ своей работѣ объ общественномъ и экономическомъ развитіи Японіи называетъ господство Токугава эпохой неограниченнаго полицейскаго строя, то это справедливо лишь для второй половины правленія сіогуновъ, и то лишь постольку, поскольку правительство старалось сохранить существующее и предотвратить новшества; послѣднія казались чиновничеству въ Японіи, какъ и вездѣ, опаснымъ для существованія государства. Полную остановку въ развитіи могло произвести только самое сильное давленіе, но и то лишь на короткое время. Въ Японіи во время сіогуновъ не было остановки, а былъ круговоротъ, при которомъ существующія условія перемѣщались въ ту или другую сторону. Это было яснѣе всего видно на роли, которую при этомъ играли города, или вѣрнѣе, купечество.

Энергичное управленіе первыхъ сіогуновъ, въ особенности третьяго, убѣдило правителей въ томъ, что династія Токугава будетъ долго держать власть въ рукахъ и что нападки на нее обрушатся на самихъ зачинщиковъ. Одновременно съ этимъ, изъ мѣропріятій сіогуновъ, особенно касательно права наслѣдія въ крупныхъ семьяхъ, они убѣдились. въ томъ что и дальнѣйшее ихъ существованіе не только не находится въ опасности, а даже

болѣе упрочено, чѣмъ раньше; поэтому они могли спокойно отдаться дѣлу развитія своихъ областей. Труднѣе приходилось обыкновеннымъ самураямъ (см. выше, стр. 19), особенно отъ того, что они получали ежегодно жалованье рисомъ. Ихъ занятіе была война; всякое другое дѣло имъ было запрещено. Такъ какъ жалованья въ большинствѣ случаевъ было не достаточно, то съ теченіемъ времени значительная часть самураевъ запуталась въ долгахъ; они или временно, или навсегда бросали военное дѣло и принимались за другое занятіе, или оставаясь солдатами, переходили отъ своихъ господъ въ классъ безгосподныхъ самураевъ; тогда они становились не только грозой и ужасомъ для мирныхъ гражданъ, но и для правительства. Что касается крестьянъ (см. выше стр. 35), то положеніе жившихъ въ областяхъ сіогуна въ общемъ было лучше положенія крестьянъ на землѣ владѣтельныхъ князей. Къ первымъ относились кротко и внимательно, послѣдніе же были почти беззащитны передъ притѣсненіями княжескихъ чиновниковъ. Надѣлы крестьянъ были всѣ поголовно малы; наименьшая мѣра — 1 гектаръ; она рѣдко превосходила его; поэтому хозяйство велось по большей части садовое.

Фукуда высказываетъ мнѣніе, что города образовались изъ крѣпкихъ замковъ князей, такъ какъ образованіе городовъ въ Японіи относится къ воинственнымъ временамъ послѣ XII столѣтія. Это однако вѣрно лишь въ извѣстномъ смыслѣ. За существованіе государства впродолженіе тысячелѣтій должны были, конечно, образоваться въ мѣстахъ, наиболѣе годныхъ для сношеній, значительныя скопленія людей и домовъ. Само собой разумѣется, что вновь нарождающіеся князья избирали такія мѣста особенно охотно центрами своей власти; въ нихъ они основывались и строили тамъ свои защищенные замки; жители жались тогда, естественно, къ защищающему ихъ замку, и, быть можетъ, съ теченіемъ времени двѣ или три деревни сливались въ одну большую общину. Во всякомъ случаѣ, города въ Японіи никогда не имѣли государственной самостоятельности, они не образовывали даже независимыхъ общинъ и ихъ ростъ и расцвѣтъ относится главнымъ образомъ къ времени послѣ Іеясу. Столѣтнія войны, конечно, не благопріятны для купцовъ и ремесленниковъ, изъ которыхъ преимущественно состоитъ городское населеніе. Кастовое устройство, господствовавшее въ Японіи, также тормозило развитіе купеческаго сословія. Военное сословіе было первое: за нимъ слѣдовали, если не въ правовомъ отношеніи, то до нѣкоторой степени фактически, ученые, врачи, художники, жрецы и другіе; затѣмъ шли земледѣльцы, ремесленники и, наконецъ, купцы. Послѣ нихъ стояли „безчестные" (актеры, фокусники, танцовщицы и т. т.) и нечистые (живодеры, скорняки, палачи и т. д.).

Въ зависимости отъ того, какъ образовались города въ теченіе столѣтій, они находились или въ области владѣтельныхъ князей, гдѣ ихъ ростъ сильно зависѣлъ отъ прихоти и взглядовъ князя или они были на землѣ того сіогуна, который сумѣлъ овладѣть важнѣйшими торговыми пунктами, какъ: Іедо, Осака, Канагава, Нагасаки, Сакай, Хакодате и Ніегата. Поэтому сіогунамъ предстояла задача расширить торговлю и оказать покровительство торговымъ посредникамъ. Уже во время пребыванія иностранцевъ сіогуны старались по возможности извлечь изъ сношеній съ ними всю выгоду для себя: удаленіемъ голландцевъ и китайцевъ въ Нагасаки эта цѣль была вполнѣ достигнута. Одновременно ввозъ и вывозъ были урегулированы такъ, что балансъ былъ по возможности благопріятенъ для Японіи. Цѣны на чужіе товары ставились такія, что только самые богатые могли ихъ покупать: съ другой стороны вывозъ всего того, что потребляла страна или, могла бы потреблять, былъ ограниченъ или совершенно запрещенъ. Такъ въ 1752 г. былъ запрещенъ совершенно вывозъ золота, ограниченный уже раньше нѣсколько разъ; въ 1685 г. былъ уменьшенъ ввозъ серебра, которое шло на уплату по ввозу товара, на 2000 фун-

товъ, а въ 1790 году на 500 фунтовъ. Въ 1685 г. былъ ограниченъ вывозъ мѣди на 2000 пикулей приблизительно 1000 клгр. Съ 1715 г. въ Японію могли приходить только два, а съ 1790 г. только одно голландское судно. Сношенія съ китайцами были ограничены подобнымъ же образомъ.

За то на сухопутную торговлю обращали очень большое вниманіе и поощряли ее, особенно со времени (1694) образованія въ Осакѣ и Іедо гильдій; сначала ихъ было по 10-ти, а въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія число ихъ увеличилось въ обоихъ мѣстахъ до 20. Это были свободныя общества, занимавшіяся торговлей и перевозкой товаровъ моремъ; ихъ главная заслуга была, повидимому, въ продажѣ продуктовъ, производимыхъ въ области владѣтельныхъ князей. Поэтому для нихъ особенно крупнымъ ударомъ было то, что въ срединѣ XVIII столѣтія владѣтельные князья потребовали и получили позволеніе продавать свои продукты черезъ своихъ торговцевъ въ болѣе крупныхъ торговыхъ пунктахъ. Быть можетъ, эта мѣра побудила правительство возстановить въ 1813 г. гильдіи на другихъ основаніяхъ. Гильдіи стали принудительными купеческими и ремесленными и, число гильдій и число членовъ въ нихъ установлено закономъ; онѣ не имѣли права принимать новыхъ членовъ; въ случаѣ смерти члена могли принимать только родственниковъ умершаго; на торговлю своими произведеніями онѣ получили монополію. Въ 1841 г. это учрежденіе было отмѣнено, вслѣдствіе частыхъ жалобъ на возникшую отъ этого дороговизну; въ 1851 г. однако онѣ были снова введены, такъ какъ правительство считало, что оно не можетъ обойтись безъ надзора, производимаго гильдіями.

Въ остальномъ, условія во время господства Токугава остались тѣ-же, какія были и раньше. Культъ предковъ, отцовская власть въ семьѣ, отвѣтственность главы семейства за дѣйствія членовъ семьи, право наслѣдованія, открывавшее старшему сыну чрезвычайно привиллегированное положеніе, наслѣдственность большинства мѣстъ на службѣ у сіогуна и у владѣтельныхъ князей, обязанность сына, основанная на обычаѣ, наслѣдовать отцу въ дѣлахъ и ремеслѣ, необычайная трудность перехода изъ одного класса въ другой должны были препятствовать всякому свободному развитію отдѣльнаго индивидуума и тѣмъ самымъ всякому прогрессу массы.

Л. **Паденіе сіогуната.**

а) Послѣдніе сіогуны изъ Токугава.

Послѣ перехода сіогуната въ семью Токугава въ средѣ ея очень скоро стало обнаруживаться извѣстное недовольство незаконнымъ присвоеніемъ власти, лишившимъ микадо его правъ. Оно долго оставалось исключительнымъ достояніемъ литературы и нашло своихъ главнѣйшихъ представителей и защитниковъ въ лицѣ князей дома Мито. Древнѣйшая исторія этого дома представляетъ хорошій примѣръ того, какъ мѣнялась судьба владѣтельныхъ домовъ во время, предшествовавшее окончательному замиренію государства. Съ X-го столѣтія въ области позже образовавшагося княжества, господствовали потомки семьи Таира; въ 1427 г. ихъ побѣдилъ Іедо-Мичифуза. Онъ впервые ввелъ имя Мито. Въ 1590 г. Іедо были изгнаны Сатакэ; Іошинобу, происходившій отъ нихъ, и перешедшій на сторону Хидейори, былъ переведенъ Іеясу въ 1602 году въ Акиту. На его мѣстѣ княземъ Мито былъ сдѣланъ сперва 5-ый сынъ Іеясу; затѣмъ послѣ смерти послѣдняго, приключившейся во время поѣздки въ Мито, былъ назначенъ 10-ый сынъ Іеясу, когда же его перемѣстили въ Суругу (10 лѣтъ спустя онъ сталъ княземъ Кіи), то княземъ Мито сталъ 11-ый сынъ Іеясу, Торифуза, родившійся въ 1603 году (ср. выше стр. 38).

Іорифуза умеръ въ 1661 году; ему наслѣдовалъ его 2-ой сынъ, Митцукуни. Онъ собралъ вокругъ себя ученыхъ, между послѣдними много

китайцевъ, бѣжавшихъ въ Японію отъ маньчжуровъ, и издалъ при ихъ помощи между прочимъ „Дайнихонши“ (исторію великой Японіи отъ Джимму-тенно до 1393 года въ 240 книгахъ), считающееся до сихъ поръ главнымъ сочиненіемъ по исторіи Японіи: имъ также было издано „Рейгируитенъ“ (о церемоніяхъ при императорскомъ дворѣ въ 510 книгахъ). Эти работы и большая библіотека китайскихъ и японскихъ книгъ, собранныхъ княземъ впродолженіи всей жизни (1700), сильно способствовали тому, что вниманіе ученыхъ обратилось къ древнѣйшей исторіи Японіи; поэтому Митцукуни можно, по справедливости, считать отцомъ и застрѣльщикомъ движенія, которое обыкновенно называется воскрешеніемъ чистаго шинтоистскаго ученія, и которое несомнѣнно, дѣятельно подготовило возстановленіе власти микадо. Больше всего дѣйствовали въ этомъ направленіи Када (умеръ въ 1736 г.) Мабуши (умеръ въ 1769 г.) и Мотоори (умеръ въ 1801 г.); послѣдній издалъ Кожикиденъ, т. е. комментарій къ Кожики, возбудившій громадный интересъ не только среди ученыхъ, но и среди владѣтельныхъ князей. Княземъ Мито также было продолжено и въ 1851 г. напечатано сочиненіе Дайнихонши, раньше оно долго циркулировало въ рукописи. Наслѣдники Митцукуни, какъ и онъ, покровительствовали литературѣ и были хорошими, бережливыми правителями страны, такъ что князья Мито, въ отличіе отъ сіогуновъ, пріобрѣли славу превосходныхъ властителей. Въ 1829 году княземъ сталъ Наріаки, братъ своего предшественника Наринаги; онъ былъ призванъ сыграть рѣшающую роль въ борьбѣ противъ сіогуната.

Обѣднѣніе самураевъ, бюрократическій застой правительства сіогуновъ, распространеніе чужеземныхъ идей, проснувшееся съ уменьшеніемъ власти сіогуновъ стремленіе владѣтельныхъ князей къ большей или полной независимости нашли выраженіе въ интригахъ при императорскомъ дворѣ и при дворахъ сіогуновъ. Кромѣ того, положеніе становилось все болѣе критическимъ съ того времени, когда благодаря частому появленію чужихъ кораблей у японскихъ береговъ (сперва въ 1792 г. русская эскадра передъ Іессо), стало расти опасеніе передъ непріятельскимъ нападеніемъ. Когда въ 1842 г. правительство сіогуна пригласило владѣтельныхъ князей ввиду этого озаботиться укрѣпленіемъ береговъ, то оно встрѣтило мало сочувствія; наоборотъ, отовсюду раздались жалобы на недостатокъ денегъ и просьбы о пособіи.

б) Открытіе доступа въ Японію.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ назначенія Наріаки, въ Мито произошло столкновеніе между политическими школами (сектами) страны, изъ которыхъ одна стояла за микадо, другая за сіогуна, а третья секта, „колеблющихся лозъ“, держалась нейтрально. Волненія повели къ открытому возстанію противъ правительства сіогуна; оно было сравнительно легко подавлено, но послѣ такого продолжительнаго покоя, являлось очень тревожнымъ признакомъ: недовольство, существовавшее въ Мито, было и во всѣхъ остальныхъ княжествахъ. Съ этимъ временемъ броженія въ 1853 г. совпало прибытіе коммодора Матью Кальбрайса Перри, потребовавшаго отъ имени Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ открытія доступа въ Японію. Пока шли переговоры, вызванные его появленіемъ, въ средѣ правительства и князей, умеръ сіогунъ Іейоши; его, повидимому убили. Въ немъ страна лишилась энергичнаго и умнаго правителя, котораго не могъ замѣнить наслѣдственный регентъ, Икамонъ-но-ками, взявшій бразды правленія вмѣсто несовершеннолѣтняго Іейесада. Такъ какъ Икамонъ, самый важный изъ Гофудай-даймiосовъ, рѣшилъ сохранить древнее правленіе сіогуновъ, и такъ какъ онъ не рѣшался къ прежнимъ внутреннимъ врагамъ присоединить еще внѣшнихъ, то онъ заключилъ 31-го марта 1854 г. съ коммодоромъ Перри договоръ въ Канагавѣ, по которому американцамъ были открыты гавани Симода и Хакодате.

Этимъ поступкомъ онъ однако далъ поводъ микадо и его привер-

женцамъ провозгласить общій боевой кличъ: „Жой“ (долой иностранцевъ!), направленный въ дѣйствительности скорѣй противъ сіогуната, чѣмъ противъ иноземцевъ. Во время веденія переговоровъ съ министръ-резидентомъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Тоунсендъ Гаррисомъ, относительно заключенія дальнѣйшаго договора, умеръ въ 1859 г. молодой сіогунъ, котораго, какъ говорятъ, также убили, на этотъ разъ по инициативѣ князя Мито. Въ данномъ случаѣ для этого былъ предлогъ: по государственному закону, одинъ изъ трехъ Гозанкіо долженъ былъ быть выбранъ въ сіогуны, а князь Хитотсубаши былъ сыномъ Наріаки. Но Икамонъ оказался еще разъ сильнѣе и провелъ избраніе 12-тилѣтняго князя Кіи. Князя Мито осудили на строгое заключеніе въ его дворцѣ, а князей, которые повидимому были на его сторонѣ, частью принудили отказаться отъ правленія, частью наказали тюремнымъ заключеніемъ. Казалось, регентъ сломилъ всякое сопротивленіе. Но въ мартѣ 1860 г. на него напали наемники Мито и убили. Его преемника, Андо-Тсузима-Но-Ками постигла та же участь: годъ спустя на него также напали, но онъ бѣжалъ тяжело раненый и вскорѣ затѣмъ сложилъ съ себя свое званіе.

За это время въ 1858 г. были заключены договоры, открывшіе иностранной торговлѣ Каногаву, Нагасаки и Хакодате; далѣе было предположено открыть еще новые порты; въ Іедо были допущены дипломатическіе представители, а въ открытыя гавани консулы; иностранные подданные подчинялись судопроизводству своихъ консуловъ; далѣе были заключены договоры съ С. Америкой, Англіей, Франціей, Россіей и Португаліей, а въ 1861 г. съ Пруссіей. Это все дало микадо и владѣтельнымъ князьямъ новыя основанія къ недовольству сіогуномъ и къ враждебному отношенію къ иностранцамъ. Быстро развившаяся вывозная торговля повела къ повышенію цѣнъ на всѣ предметы потребленія; это вызвало сильное волненіе среди самураевъ и повело къ избіенію многихъ иностранцевъ. Попытка русскихъ захватить въ 1861 г. острова Тсушима, несмотря на то, что вмѣшательство Англіи заставило русскихъ отдать острова, подлила масла въ огонь. 5-го іюля 1861 г. на англійское посольство въ Іедо было сдѣлано нападеніе шайкой наемниковъ. Англійскій посолъ Русерфордъ Элькокъ не могъ добиться удовлетворенія; въ то же самое время правительство сіогуна объявило, что настроеніе въ странѣ не позволяетъ ему приступить къ открытію другихъ обѣщанныхъ гаваней. Элькокъ вернулся въ Англію; за нимъ слѣдовало японское посольство; однако японское правительство не находило возможнымъ выполнить поставленныя англичанами условія, касавшіяся предоставленія просимаго срока для выполненія принятыхъ договорныхъ обязательствъ. Между тѣмъ 26-го іюня 1862 г. въ англійскомъ посольствѣ произошло второе нападеніе японской стражи на посты англійскихъ матросовъ; 14-го сентября 1862 года на нѣсколькихъ англичанъ напали въ Токаидо люди изъ свиты Шимадзу Сабуро, отца принца Сатцумы; они ихъ ранили и одного (Ричардсона) убили. Во время этихъ происшествій въ Іедо и около него, противники сіогуната не сидѣли сложа руки. Собралась большая масса самураевъ безъ господъ, какъ бы для защиты микадо и съ цѣлью предпринять что-нибудь противъ иностранцевъ. Владѣтельнымъ князьямъ Сатцумы, Чошіу (Нагато, семья Мори) и Тоза, отправившимся туда, микадо поручилъ вести движеніе противъ своихъ противниковъ. Совмѣстныя дѣйствія этихъ трехъ князей, которые въ слѣдующіе годы должны были играть видную роль, были названы японцами по начальнымъ слогамъ трехъ именъ Сат-чо-то. Старикъ Наріаки умеръ въ сентябрѣ 1861 года; микадо же нашелъ у вышеназванныхъ князей и у князя Этцизена дѣятельную поддержку для всѣхъ своихъ плановъ. Перваго января 1863 г. было сожжено наемниками вновь построенное на Готеніяма въ Іедо англійское посольство, такъ какъ микадо запретилъ уступать его англичанамъ, а англичане не хотѣли уступить свое право на

мѣсто. Между тѣмъ продолжались переговоры съ Англіей, относительно убіенія Ричардсона и удовлетворенія за второе нападеніе на посольство. Японскія власти пытались произвести давленіе на англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, полковника Эдварда Сэнтъ-Жонъ-Риля и на другихъ иностранцевъ, приказавъ или позволивъ въ маѣ выселиться всему населенію изъ Іокогамы; послѣ того какъ эта и другія уловки не удались, 24-го іюня рѣшено было уплатить потребованное вознагражденіе. На слѣдующій однако день, по приказанію микадо, потребовали закрытія Іокогамы; это требованіе, несмотря на отрицательный отвѣтъ иностранныхъ представителей, было возобновлено 25-го октября. Японское правительство имѣло извиненіе въ этомъ удивительномъ поступкѣ, такъ какъ въ посланіи президента Миллярда Филльмора (1850—53 г.), привезенномъ коммодоромъ Перри, открытіе Японіи было названо попыткой; это толкованіе было повторено въ 1858 г. лицами, ведшими переговоры.

30-го сентября 1863 г. жители Чошіу сдѣлалу въ Кіото попытку овладѣть персоной императора, не повлекшей за собой кровопролитія и оставшейся безуспѣшной, вслѣдствіе вмѣшательства войскъ сіогуна; затѣмъ они ушли изъ города и отправились съ 7-ью куге, принимавшими участіе въ этомъ дѣлѣ, въ область своего владѣтельнаго князя: два этихъ куге, Ивакура и Сава, возвысились, послѣ возстановленія господства микадо, до поста министра президента и министра иностранныхъ дѣлъ. За нѣсколько дней до этого происшествія баттареи князя Чошіу открыли въ проливѣ Симоносеки огонь по американскому торговому пароходу, находившемуся здѣсь въ гавани, а 14 дней спустя по французскому пакетботу „Кіенчанъ“ и по голландскому корвету „Медуза“, которые проѣзжали мимо. Такимъ способомъ князь пробовалъ исполнить приказаніе микадо изгнать иностранцевъ. Американская и французская морская демонстрація разрушила, правда, нѣсколько кораблей и баттарей князя, но все-таки не была въ состояніи вновь открыть движеніе по проливу. Представители Англіи, Франціи, С.-А. Штатовъ и Голландіи собрались поэтому 25-го іюля 1863 г. въ Іокогамѣ. Послѣ этого полковникъ Риль отправился съ англійской эскадрой въ Кагошиму, чтобы тамъ потребовать удовлетворенія отъ князя за Ричардсона, убитаго его людьми. Отказъ повелъ къ обстрѣливанію Кагошимы (15 августа); послѣднее не было военнымъ успѣхомъ, однако убѣдило вліятельныхъ лицъ въ Сатцумѣ въ необходимости прійти къ соглашенію съ Англіей. 11-го декабря 1863 г. посланные князя уплатили въ Іокогамѣ потребованное вознагражденіе. Попытка французскаго правительства добиться открытія Симоносекскаго пролива, посредствомъ договора съ посольствомъ, отправленнымъ къ нему съ другой цѣлью, — не удалась. Безуспѣшны были также личныя попытки двухъ молодыхъ людей изъ Чошіу, Ито и Иноуйэ, поспѣшившихъ изъ Европы; оба они были призваны позже играть въ Японіи важную роль (ср. обзоръ послѣднихъ министерствъ на приложеніи къ стр. 50). Въ первыхъ числахъ сентября 1864 г., наконецъ, соединенная эскадра четырехъ государствъ разрушила укрѣпленія въ проливѣ и принудила князя уступить требованіямъ иностранцевъ.

в) Паденіе сіогуната.

Одновременно съ этими событіями, которыя, несмотря на участіе европейцевъ, были только звеньями въ борьбѣ западныхъ и южныхъ князей противъ сіогуна, — дѣла въ Кіото продолжали развиваться далѣе. Двадцатаго августа жители Чошіу приблизились къ городу и снова сдѣлали попытку овладѣть персоной императора; дѣло дошло до борьбы на улицахъ города, большая часть котораго сгорѣла. Войскамъ сіогуна, къ которымъ примкнули жители Сатцумы, возмущенные своеволіемъ Чошіу, удалось отбить нападеніе. Уцѣлѣвшіе изъ нападавшихъ, совершили харакири; князь Чошіу былъ, какъ подстрекатель, изгнанъ, и князья страны призваны противъ

него. Такимъ образомъ, обстоятельства сложились счастливо для сіогуна; но у него не было ни денегъ, ни войскъ, ни рѣшительности, а прежде всего ни вѣрности, ни единодушія въ его партіи и въ его семьѣ. Мито, Кіи, Овари и Этцизенъ были по меньшей мѣрѣ въ нерѣшительности, и только у князей сѣвера сіогунъ могъ расчитывать на дѣйствительную поддержку. Такимъ образомъ распря постепенно развивалась въ борьбу между югомъ и западомъ съ одной стороны и востокомъ и сѣверомъ съ другой; повторилась (ср. стр. 32) борьба за существованіе между обѣими половинами государства, въ которой до того времени постоянно одерживала побѣду сѣверная партія. Сопротивленіе микадо противъ присутствія иностранцевъ и противъ сдѣланныхъ имъ въ договорахъ уступокъ до сихъ поръ было главною трудностью, которую встрѣчали европейцы въ своихъ сношеніяхъ съ страной; признаніе договоровъ со стороны микадо являлось такимъ образомъ политической необходимостью; этого съ успѣхомъ добились общимъ воздѣйствіемъ въ ноябрѣ 1866 г.; но настроеніе въ странѣ противъ иностранцевъ нисколько не улучшилось. Въ сентябрѣ 1866 г., вскорѣ послѣ того, какъ войска сіогуна нанесли войску изъ Чошіу чувствительное пораженіе, умеръ сіогунъ Ийемочи; въ январѣ слѣдующаго года умеръ и микадо Комеи; первому наслѣдовалъ Хитотсубаши, а второму нынѣ царствующій Мутцухито. Смѣна личностей однако не измѣнила политическаго положенія; напротивъ, противорѣчія выступали все рѣзче и рѣзче. Между Сатцумой и Чошіу произошло соглашеніе главнымъ образомъ черезъ посредство Сайго старшаго, прославляемаго, какъ національнаго героя; это соглашеніе повело съ своей стороны къ все болѣе рѣзкому давленію на слабаго и нерѣшительнаго Хитотсубаши. 16-го ноября 1867 г. онъ сложилъ, наконецъ, съ себя званіе сіогуна, насколько это касалось внутреннихъ дѣлъ; веденіе же внѣшнихъ дѣлъ онъ сохранилъ за собой и потребовалъ, чтобы весь этотъ вопросъ былъ предложенъ на обсужденіе созваннаго для этого собранія князей. Между тѣмъ его противники не хотѣли объ этомъ ничего слышать и третьяго января 1868 года овладѣли персоной микадо. Сіогунъ, жившій до того въ Кіото, оставилъ столицу, отправился въ Осаку и въ концѣ января 1869 г. предпринялъ походъ противъ Кіото. 30-го у Фушими, отчасти вслѣдствіе измѣны, онъ былъ побѣжденъ, и бѣжалъ сперва на американское военное судно на рейдѣ Осаки, а оттуда на бортъ японскаго корабля въ Іедо. Объявленный мятежникомъ, онъ покорился безъ малѣйшаго сопротивленія войскамъ микадо, надвигавшимся на Іедо. Его жизнь пощадили, но кланъ Токугава былъ лишенъ почти всѣхъ доходовъ и ограниченъ областью вокругъ Сумпу.

Всѣ находившіяся въ Іедо войска Токугавы и войска сѣверныхъ даймiосовъ были побѣждены 4-го іюля при взятіи Уйэно; жившій въ Іедо императорскій принцъ былъ увезенъ на сѣверъ и выставленъ тамошними князьями, какъ соперникъ микадо. Съ занятіемъ 6-го ноября замка Вакаматца, резиденціи князя Аидзу, было и здѣсь сломлено сопротивленіе. Флотъ сіогуна въ нерѣшительности не принималъ участія въ борьбѣ, и не покорялся микадо. 4-го октября онъ оставилъ съ нѣсколькими сухопутными войсками бухту Іедо и отправился, подъ командой адмирала Эномото, въ Іезо; главнѣйшіе пункты на югѣ острова были быстро завоеваны, и провозглашена республика. Прошло довольно времени, пока войска микадо двинулись противъ Іезо; но послѣ нѣсколькихъ стычекъ, Эномото передалъ войскамъ микадо 26-го іюня 1869 г. послѣднюю опору защитниковъ, фортъ Камиды близь Хакодате; его жизнь была также пощажена.

Такъ пала, безъ почета и почти безъ сопротивленія династія сіогуновъ Токугава, давшая странѣ въ теченіе 250 лѣтъ миръ и покой. Она погибла отъ собственной слабости и ничтожества, а равно и отъ того, что ее покинули тѣ, кто былъ обязанъ охранять ее ради своей же пользы. Ей и ея сторонникамъ не хватало рѣшимости, отличавшей ея

противниковъ, князей юга и запада. Какъ и во всѣхъ прежнихъ спорахъ въ Японіи, на этотъ разъ побѣдила та партія, которой удалось овладѣть персоной микадо. Во всякомъ случаѣ это одно изъ безпримѣрныхъ явленій въ исторіи, чтобы нравственное вліяніе рода правителей, которые 700 лѣтъ не имѣли собственной власти, и глава которыхъ уже 250 лѣтъ въ дѣйствительности былъ отрѣзанъ отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, могло оказаться такимъ важнымъ при рѣшеніи вопроса. Въ дѣйствительности же это была скорѣе побѣда ЮЗ. надъ СВ., чѣмъ микадо надъ сіогуномъ.

M. Новое время.

a) Возстановленіе власти микадо.

Возстаніе противъ сіогуна началось кличемъ „долой иностранцевъ!“ Этотъ кличъ, несомнѣнно, отвѣчалъ желанію большинства участниковъ движенія и по странной случайности иностранцы въ самомъ началѣ пострадали отъ нападеній. 4-го февраля нѣсколько проходившихъ черезъ Кобе солдатъ изъ Бизена дали залпъ по иностранцамъ, глядѣвшихъ на представленіе; 8-го марта были предательски убиты 11 французскихъ матросовъ съ военнаго корабля въ Сакаи солдатами изъ Тоза; 22-го марта два солдата принадлежавшихъ къ лейбвахтѣ микадо, напали на англійскаго посла съ его свитой на пути его къ аудіенціи. Этотъ случай повлекъ за собой два результата: онъ заставилъ иностранныхъ представителей, которые, быть можетъ, не всѣ были солидарны, соединиться, для совмѣстнаго отпора и принудилъ совѣтниковъ микадо, явныхъ и скрытыхъ, открыть свои карты. Къ чести послѣднихъ нужно сказать, что большинство не убоялось поставить на карту, за добрыя отношенія къ иностранцамъ и за принятіе западной цивилизаціи, не только свою популярность, но даже и личную безопасность. Какъ въ прежніе годы, иностранцы были мишенью для нападокъ недовольныхъ, такъ теперь этой мишенью стали совѣтники микадо; многіе изъ нихъ поплатились жизнью или тяжелыми ранами за то, что приверженцы партіи Жой считали измѣной отечеству. Задача совѣтниковъ была на самомъ дѣлѣ трудна. Ихъ первымъ шагомъ было введеніе вновь конституціи Тайква 786 г. по Р. Х. (ср. стр. 16). Вскорѣ затѣмъ, въ началѣ апрѣля 1868 г. микадо торжественно присягнулъ въ присутствіи всего своего двора, въ томъ, что соберетъ совѣщательное собраніе; немного дней спустя онъ произвелъ въ Осакѣ смотръ войску и флоту, а 5-го января 1869 г. онъ принялъ въ Іедо иностранныхъ представителей.

Несмотря на то, что микадо былъ насильственно вырванъ изъ прежней замкнутости и этимъ совершенъ громадный шагъ впередъ, положеніе внутри и внѣ страны оставалось натянутымъ и опаснымъ. Уже въ 1867 г., по распоряженію правительства сіогуна, изъ Кіото было начато преслѣдованіе туземныхъ христіанъ въ окрестностяхъ Нагасаки, оставшихся тамъ отъ прежнихъ христіанскихъ общинъ; это преслѣдованіе возобновилось въ болѣе сильной степени послѣ того, какъ микадо снова вступилъ въ управленіе; нужно было много стараній со стороны чужеземныхъ представителей, добиться въ 1873 г. уничтоженія прежнихъ запрещеній противъ христіанъ. Еще труднѣе были отношенія правительства къ реакціонерамъ. Императорская лейбъ-гвардія (шимпеи) отказалась, остаться въ старой столицѣ, когда Митцухито намѣревался переселиться изъ Кіото въ Іедо, которое теперь переименовали въ Токіо (восточная столица): она проводила микадо въ Токіо, гдѣ ея присутствіе повело къ враждебнымъ выходкамъ противъ иностранцевъ и прогресса; лишь съ большимъ трудомъ правительству удалось удалить ее изъ Токіо; однако военный министръ, сопровождавшій ее на обратномъ пути, былъ убитъ своими собственными солдатами, какъ лицо, сочувствующее иностранцамъ. И въ

собраніяхъ выборныхъ класса самураевъ, — изъ которыхъ первое состоялось въ апрѣлѣ 1869 г., а второе въ іюнѣ 1870 года, правительство не встрѣтило поддержки; они оказались мало опытными и не склонными къ какому бы то ни было прогрессу. Несмотря на это, дѣло преобразованій шло впередъ и притомъ такъ, какъ этого не ожидало большинство иниціаторовъ и участниковъ движенія противъ сіогуна. Въ мартѣ 1869 г. князья Сатцумы, Чошіу, Тоза и Хизена, представители ю.-з. союза, обратились къ микадо съ предложеніемъ, въ которомъ предоставляли микадо свои области и своихъ подданныхъ. Предложеніе было принято послѣ того, какъ большинство другихъ князей примкнуло къ нему, послѣ нѣкотораго колебанія; князей сперва назначили императорскими намѣстниками въ ихъ областяхъ (ханъ), но въ августѣ 1871 года они были лишены своихъ должностей и отозваны съ своими семьями въ Іедо. Одновременно произошло раздѣленіе на провинціи (кинъ), подъ управленіемъ императорскихъ префектовъ. У князей, уже при ихъ назначеніи въ губернаторы, была отнята большая часть доходовъ на цѣли управленія, теперь были установлены суммы, которыя должны были замѣнить прежніе доходы ихъ и самураевъ. Для послѣднихъ (по переписи 1872 г., при общемъ числѣ населенія нѣсколько болѣе 33,000,000 — ихъ было 634,761 мужчинъ и немного больше женщинъ) наслѣдственные доходы были капитализированы въ 6 разъ, а временные въ 4 раза и выплачены или наличными, или въ 8-ми процентныхъ облигаціяхъ; несмотря на то, что позже имъ были предоставлены болѣе выгодныя условія, большинство самураевъ было этимъ разорено. Съ уничтоженіемъ верховной власти князей, конечно, исчезли и личныя отношенія, существовавшія между ними и ихъ свитой; самураямъ было позволено снять мечи и заниматься, чѣмъ угодно. Одновременно, были уничтожены различія, существовавшія между различными классами населенія (включая безчестныхъ и нечистыхъ) и было создано новое дворянство, получившее однако лишь одни почетныя права. Владѣніе крестьянъ стало личной собственностью, плодопеременная система, предписанная до тѣхъ поръ закономъ, была въ 1871 г., отмѣнена. Въ 1872 г. была разрѣшена продажа земельной собственности и въ 1875 г., былъ допущенъ ея раздѣлъ. Для купца и ремесленника номинально была уничтожена принудительность гильдій, — торговля и занятіе ремеслами стали доступны всѣмъ. Было также отмѣнено поручительство главы семейства и членовъ семьи другъ за друга; естественно, что одновременно съ этимъ пали многія права главы семейства.

Понятно, что такія коренныя перемѣны не могли быть проведены безъ многочисленныхъ непріятностей и недовольства. На мѣсто правительства сіогуна въ дѣйствительности стало не правительство микадо, который продолжалъ быть вездѣ лишь чтимымъ символомъ власти, а Ю-З. князья или скорѣй ихъ помощники. Новое правительство скоро стало клановымъ: во главѣ его стояли отдѣльныя личности, пользовавшіяся средствами и властью своихъ клановъ для проведенія личныхъ плановъ. Кромѣ нихъ въ правленіи участвовали куге, которые были также, какъ и члены военнаго дворянства, медіатизированы. Между двумя наиболѣе могущественными кланами, Сатцума и Чошіу произошла въ 1871 г., вслѣдствіе распредѣленія должностей въ новомъ управленіи, распря, такъ какъ Сатцума считали себя обиженными. Эта распря повлекла за собой образованіе собственнаго императорскаго войска. Въ Бунго, Шинано, Этциго и другихъ мѣстахъ вспыхнули крестьянскіе бунты. Въ 1871 г. былъ открытъ заговоръ въ Токіо, во главѣ котораго стояло нѣсколько куге. Въ 1874 г. произошло возстаніе самураевъ въ Хизенѣ, подъ предводительствомъ бывшаго министра юстиціи, Это Шимпеи, а въ 1877 г. съ трудомъ подавленный мятежъ въ Сатцумѣ, главой котораго былъ бывшій генералъ и государственный совѣтникъ Сайго, служившій образцомъ для всѣхъ самураевъ (Ср. стр. 45).

б) Внѣшняя политика Японіи (1874—1893).

И внѣшняя политика много разъ ставила правительство въ затруднительное положеніе. Походъ въ Формозу, окончившійся договоромъ съ Китаемъ, повелъ къ неудовольствіямъ между обоими государствами; послѣднее усилилось вслѣдствіе присоединенія въ 1880 г. Японіей острововъ Ліукіу, платившихъ Китаю дань съ 1372 г. и одновременно платившихъ ее съ 1609 г. Сатцумѣ.

Однако корейскій вопросъ повелъ къ войнѣ между Китаемъ и Японіей. Вскорѣ послѣ возстановленія власти микадо, японское правительство потребовало отъ корейскаго уплаты дани, вносимой раньше. Въ отвѣтъ оно получило насмѣшки. Возбужденіе по поводу этого въ Японіи было очень сильно и отчасти, чтобы его успокоить, предприняли походъ въ Формозу. Когда въ сентябрѣ 1875 г. на матросовъ японскаго военнаго судна, занятыхъ съемкой, на берегу было сдѣлано нападеніе, снова возгорѣлась національная гордость, хотя фортъ, къ которому принадлежали нападавшіе, былъ подвергнутъ штурму и почти весь гарнизонъ его убитъ. Въ Пекинъ былъ посланъ японскій посланникъ, чтобы убѣдиться въ отношеніяхъ Китая къ Кореѣ, и когда Китай отказался отъ всякой отвѣтственности за происшествія въ Кореѣ, то въ Корею было послано японское войско. Но вмѣсто битвъ тамъ велись переговоры: 27-го февраля 1876 года былъ подписанъ договоръ, по которому Японія признала независимость Кореи, открывшей для японской торговли три пункта. Мирный характеръ похода былъ одной изъ главныхъ причинъ возстанія въ Сатцумѣ (стр. 47). Это продолжалось до 1882 г., пока Соединенные Штаты, а за ними Англія и Германія не послѣдовали примѣру Японіи и не заключили договора съ Кореей. Въ іюлѣ 1882 г. вспыхнулъ въ Сеулѣ мятежъ, который былъ учиненъ отцомъ короля Тай-вэнь-гуномъ и направленъ противъ короля и японцевъ. Японское посольство должно было бѣжать; по договору въ Чемульпо за Японіей было признано право перевести въ Сеулъ войско для защиты посольства. Китайскія войска освободили короля и нѣсколько времени спустя взяли въ плѣнъ Тай-вэнь-гуна и привезли въ Китай; онъ впрочемъ черезъ нѣсколько лѣтъ снова вернулся въ Корею. Въ 1884 году въ Сеулѣ были новыя волненія, которыя на этотъ разъ были вызваны радикальной партіей, сносившейся съ японцами, и преслѣдовавшей цѣль овладѣть королемъ и устранить королеву, душу правительства. Японское правительство нашло поэтому предлогъ послать Ито посломъ въ Китай. Онъ подписалъ 18 апрѣля 1885 года съ Лихунъ-чангомъ въ Тіенцзинѣ договоръ, по которому обѣ стороны обязывались вывести изъ Кореи свои войска; въ случаѣ, если онѣ будутъ вынуждены обстоятельствами снова послать туда войска, то онѣ обязываются заблаговременно извѣстить другую сторону. Слѣдующіе годы протекли спокойно, хотя соперничество обѣихъ державъ въ Кореѣ поддерживало натянутыя отношенія. Настоянія оппозиціи въ Японіи, въ которой съ 1890 г. были введены самоуправленіе и парламентское представительство, на болѣе рѣшительныхъ поступкахъ по отношенію къ иностраннымъ государствамъ, не разъ ставили правительство въ затруднительное положеніе. Безтактное поведеніе назначеннаго въ 1893 г. посланникомъ въ Сеулъ радикальнаго депутата Оиши, уже и тогда бы повело къ разрыву, еслибы дѣло не уладилось, благодаря посредничеству Лихунъ-чанга.

в) Война съ Китаемъ въ 1894—1895 гг.

Въ 1894 г. въ Кореѣ началось возстаніе Тогаковъ, фанатической религіозной секты. Правительство вынуждено было обратиться къ китайскому правительству; это послѣднее послало на помощь небольшое войско

Японскіе кабинеты съ декабря 1886 до начала 1902

		Декабрь 1886 по мартъ 1888	апрѣль 1888 по октябрь 1889	октябрь 1889 по декабрь 1889	декабрь 1889 по апрѣль 1891	май 1891 по іюль 1892
МИНИСТРЫ	Предсѣдатель	Хиробуми Ито С.	К. Курода † S.	С. Саньо † К.	А. Ямагата С.	М. Матсуката S.
	Императорскаго двора	Хиробуми Ито С.	Н. Хисиката S.	Н. Хисиката S.	Н. Хисиката S.	Н. Хисиката S.
	Иностранныхъ дѣлъ	Ка Иноуэ С. С. Ōкума Н.	Г. Ōкума Н.	С. Ōкума Н.	Шюзо Аоки С.	В. Іэномото Т.
	Внутреннихъ дѣлъ	А. Ямагата С.	А. Ямагата С.	А. Ямагата С.	А. Ямагата С. У.. Сайгō S.	У. Шиногава † С. Г. Сойэшима Н. В. Кōно † То.
	Финансовъ	М. Матсуката S.	М. Матсуката S.	М. Матсуката S.	М. Матсуката S.	М. Матсуката S.
	Военный	И. Эйама S.	I. Эйама S.	I. Эйама S.	У. Эйама S.	Г. Такашима S.
	Морской	У. Сайгō S.	У. Сайгō S.	У. Сайгō S.	У. Сайго S. С. Кабаяма S.	С. Кабаяма S.
	Юстиціи	Акійоши-Ямада † С.	Акійоши-Ямада † С.	Акійоши Ямада † С.	Акійоши-Ямада † С.	Г. Танака Аичи В. Кōно † То.
	Народнаго просвѣщенія	У. Мори † S.	У. Мори † S В. Іэномото Т.	В. Іэномото Т.	А. Іошикава Ава	К. Ōки † Н.
	Сельское хозяйства и торговли	К. Тани То. Н. Хисиката S. К. Курода † S.	Каору Иноуэ С.	М. Ивамура То.	М. Мутсу † Кіи.	М. Мутсу † Kii В. Кōно † То. Г. Сано Н.
	Путей сообщенія	В. Іэномото Т.	В. Іэномото Т. С. Готō † То.	С. Готō † То.	С. Готō † То.	С. Готō † То.
	Колоній					

Принадлежность къ клану: С. = Чошіу, Н. = Хизенъ, Hi. = Хиго, К. = Кіото (куге), Ok. = Окаяма,

(отчасти по газетѣ „Ost-Asien“ и по д-ру Такеши Китазато).

августъ 1892 по августъ 1896	сентябрь 1896 по декабрь 1897	январь 1898 по іюнь 1898	іюнь 1898 по октябрь 1898	ноябрь 1898 по октябрь 1900	октябрь 1900 по май 1901	іюнь 1901
Хиробуми Ито С.	М. Матсу-ката S.	Хиробуми Ито С.	С. Ōкума Н.	А. Ямага-та С.	Хиробуми Ито С.	Т. Катсура С.
Н. Хисиката S.	Н. Хисиката S.	Н. Хисиката S. М. Танака То.	М. Танака То.	М. Танака То.	М. Танака То.	М. Танака То.
М. Мутсу † Кіи	С. Ōкума Н. Г. Ниши S.	Г. Ниши S.	С. Ōкума Н.	Шюзо Аоки С.	Кōмеи Като Аичи	А. Соне С. І. Комура S.
Ка Иноуэ С. У. Номура С. Т. Итагаки То.	С. Кабаяма S.	А. Іошикава Ава.	Г. Итагаки То.	У. Сайгō S.	Кенчō Суй-эматсу Бу-зенъ.	Тадакатсу Утсуми К.
Кунитаке Ватанабе Sh.	М. Матсу-ката S.	Каору Иноуэ С.	Масахиза Матсуда Н.	М. Матсу-ката S.	Кунитаке Ватанабе Sh.	Кунитаке Ватанабе Sh.
І. Ōйама S.	Г. Така-шима S.	Г. Катсура С.	Г. Катсура С.	Г. Катсура С.	Г. Катсура С. Гентарō Ко-дама.	Гентарō Ко-дама С.
К. Нире S. У. Сайгō S.	У. Сайгō S.	У. Сайго S.	У. Сайгō S.	Г. Ямамото S.	Г. Ямамото S.	Г. Ямамото S.
А. Ямагата С. А. Іошикава Ава	К. Кійоура Hi.	А. Соне С.	Г. Ōхигаши Ōми.	К. Кійоура Hi.	Кентарō Ка-неко Фукуокō	Кеиго Кій-оура Hi.
Ки Иноуэ † Hi. К. Сайонжи К.	С. Хачисука Ава А. Хамао Та	К. Сайонжи К. А. Таяма † Т.	Юкіо Осаки Изэ К. Инукаи Ok.	С. Кабаяма S.	Масахиза-Матсуда Н.	Дайроку Ки-кучи Мима-зака
В. Іэно-мото Т.	В. Іэно-мото Т. С. Ōкума Н. Шиндō Яма-да † Hi.	Мійожи Ито Н.	Масами Оиши То. К. Канеко Фукуока	Арасуке Соне С.	Юзо Хаяши То.	Тōсуке Хи-рата Акита
К. Курода † S. С. Ширане † С.	У. Номура С.	Кенчō Суие-матсу Бузенъ.	Юзо Хая-ши То.	А. Іошикава Ава	Тōри Хоши Т. Кей Хара Вакаматсу	А. Іошикава Ава
Г. Такашима S.	Г. Такашима S.					

S. = Сатцума, Sh. = Шинано, Т. = Токіо (Токугава), Та. = Таяма, То. = Тоза.

и увѣдомило объ этомъ Японію. Японія тотчасъ отвѣтила, что не можетъ признать употребленнаго Китаемъ названія Кореи, „данника Китая“, и съ своей стороны пошлетъ въ Корею войска. Первыя китайскія войска высадились у Ассана, на восточномъ берегу Кореи 8-го, а первыя японскія у Чемульпо 12-го іюня 1894 г. Возстаніе Тогаковъ было скоро подавлено; но на сообщеніе Китая объ этомъ и объ его намѣреніи отозвать войска, послѣдовалъ отвѣтъ, что Японія не намѣрена отзывать свои войска до тѣхъ поръ, пока не условится съ Китаемъ относительно реформъ, которыя нужно ввести въ Кореѣ. Въ отвѣтъ на отказъ Китая войти въ обсужденіе этого вопроса, 25-го іюля былъ потопленъ англійскій пароходъ „Kowshing“, такъ какъ китайскія войска, находившіяся на немъ для высадки въ Ассанѣ, не хотѣли сдаться, а 28-го іюля японцы напали на китайскія войска при Ассанѣ и разбили ихъ. Первыми выгодами положенія японцы воспользовались съ большой рѣшительностью: министерство, составленное въ Сеулѣ изъ ихъ приверженцевъ, заключило съ Японіей союзъ и предложило изгнать изъ страны китайцевъ. 15-го сентября японцы взяли Фюонгъ-янгъ; 17-го китайскій флотъ былъ разбитъ при устьѣ Ялу, а 25-го октября японцы перешли эту рѣку и разбили китайцевъ во второй разъ. Въ то время, какъ войско послѣ этихъ успѣховъ двигалось впередъ на Манджурію, въ которой походъ зимой долженъ былъ пріостановиться, въ концѣ октября высадилось второе японское войско на восточномъ берегу полуострова Ліаотунга, 2-го ноября заняло Таліенванъ, и 21-го взяло штурмомъ Портъ-Артуръ. Понесенныя пораженія принудили китайское правительство начать мирные переговоры; но японцы отклонили два ихъ посольства въ ноябрѣ 1894 и въ февралѣ 1895 г., подъ предлогомъ недостаточности ихъ полномочій. Въ концѣ января 1895 г. переправилась часть японскаго войска въ Вей-хай-вей въ Чжили; 30-го были взяты сухопутные форты этой военной гавани, а 14-го февраля сдалась японцамъ подъ натискомъ съ суши и съ моря гавань и заключенный въ ней китайскій флотъ.

Тогда китайское правительство рѣшило послать въ Японію Лихунъ-чанга для переговоровъ; послѣ продолжительной задержки, японцы выказали готовность принять его. Ли прибылъ 18 марта 1895 г. въ Симоносеки; его ожидалъ министръ-президентъ Ито и министръ иностранныхъ дѣлъ Мунемитсу Мутсу (ср. приложенное обозрѣніе японскихъ кабинетовъ 1886—1902 г.), настоящій иниціаторъ войны. Первыя требованія японцевъ, желавшихъ за пріостановку военныхъ дѣйствій передачи форта Таку, Тьенцзина и дороги Шанхай-кванъ-Тьенцзинъ, казалось, дѣлали невозможными всякіе переговоры; но, когда 24-го марта Ли былъ раненъ японцемъ, микадо разрѣшилъ перемиріе на основаніи настоящаго status quo. 17-го апрѣля былъ подписанъ въ Симоносеки миръ, по которому Китай призналъ независимость Кореи, уступилъ Японіи Формозу, Пескадорскіе острова и Ліаотунгъ и обязался выплатить контрибуцію въ 200,000,000 таэлей (свыше 1 милліарда марокъ).

Между тѣмъ успѣхи и требованія японцевъ возбудили въ Европѣ серьезныя опасенія; владѣніе Ліаотунгомъ дѣлало Японію настоящимъ господиномъ Китая и тѣмъ самымъ нарушало политическое равновѣсіе въ В. Азіи. Россія, Германія и Франція соединились (Англія, будучи приглашена, отклонила участіе) и рекомендовали въ Токіо умѣренность; тогда Японія согласилась отдать Ліаотунгъ, въ замѣнъ увеличенія контрибуціи на 30 милліоновъ таэлей. Договоръ въ Симоносеки былъ документально заключенъ обѣими сторонами, и Формоза, губернаторъ которой объявилъ себя главой республики Формозы, была безъ труда занята японцами.

Въ Кореѣ условія для побѣдителей были менѣе благопріятны. Еще во время войны въ разныхъ мѣстахъ началось возстаніе противъ японцевъ, а послѣ заключенія мира обнаружилось озлобленіе противъ вмѣшательства

ихъ въ управленіе, особенно при дворѣ и въ высшихъ правительственныхъ кругахъ.

Попытка заглушить его путемъ убійства королевы японцами и корейцами радикалами не удалась: 11-го февраля 1896 года король и наслѣдный принцъ бѣжали изъ дворца въ русское посольство и оставались тамъ до 20-го февраля. Въ маѣ 1896 года въ Сеулѣ и въ іюлѣ того же года въ Петербургѣ состоялось соглашеніе между Японіей и Россіей, по которому каждой изъ державъ было разрѣшено содержать въ Кореѣ 1000 человѣкъ солдатъ для охраны своихъ интересовъ, въ остальномъ онѣ обязались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны. Война между Китаемъ и Японіей для Кореи имѣла ту выгоду, что мѣсто безпомощнаго Китая заняла могущественная Россія, хотя японская военная партія ставила главной цѣлью войны стремленіе предупредить и оттѣснить Россію въ В. Азіи.

г) Японія въ послѣдніе года.

Въ отношеніяхъ Японіи къ иностраннымъ державамъ произошли важныя перемѣны отъ того, что прежніе договоры, заключенные на основаніи экстерриторіальности иностранцевъ, были замѣнены новыми по которымъ иностранцы должны были подчиниться японскому суду. Тотчасъ послѣ перехода правленія къ микадо начались попытки достигнуть измѣненій договоровъ въ этомъ направленіи. Посланное въ 1871 г. съ этой цѣлью посольство въ Соединенные Штаты и Европу вернулось безъ успѣха; переговоры, во время которыхъ одинъ изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, Окума, лишился ноги вслѣдствіе покушенія, велись безъ результата; возбужденіе и нападки на правительство росли въ Японіи, пока, наконецъ, Англія въ 1894 г. не рѣшилась заключить договоръ, согласный съ желаніями японцевъ. Другія государства послѣдовали ея примѣру. Такимъ образомъ съ 1899 года въ дѣйствіи новое правило, по которому иностранцы подвѣдомствены японскому судопроизводству. Японіи, за исключеніемъ немногихъ, установленныхъ договоромъ статей, предоставлена полная свобода въ таможенномъ законодательствѣ. Опасенія, связанныя съ введеніемъ этихъ новшествъ, до сихъ поръ не оправдались. Дальнѣйшій шагъ впередъ на пути достиженія полной равноправности съ западными державами Японія сдѣлала въ началѣ 1902 г., достигнувъ заключенія союза съ Англіей, по которому она была первой желтой державой, вступившей въ прочный союзъ съ великой бѣлой державой. Конечно, будетъ ли наряду съ этой нравственной поддержкой одновременно достигнутъ практическій успѣхъ, т. е. остановитъ ли онъ угрожающее наступленіе Россіи на Манджурію и Корею, можетъ показать только будущее.

При возникновеніи боксерскаго возстанія въ Китаѣ въ 1900 г., Японія, правда, вслѣдствіе интригъ нѣкоторыхъ державъ и своихъ финансовыхъ затрудненій не играла той роли, на которую имѣла право по своему географическому положенію и въ силу своихъ интересовъ въ Китаѣ, однако нужно признать, что и въ этомъ случаѣ военная организація ея оказалась вполнѣ пригодной, а энергія японскихъ полководцевъ и войскъ существенно способствовала своевременному освобожденію заключенныхъ въ Пекинѣ посольствъ. Менѣе понятно было поведеніе Японіи во время неудавшейся попытки реформъ Кан-ю-вея осенью 1898 г.; по крайней мѣрѣ совпавшее съ этимъ присутствіе, хотя и находившагося не у дѣлъ министра-президента Ито (ср. приложеніе къ стр. 50), дало поводъ къ предположенію, что въ этой попыткѣ не обошлось безъ совѣтовъ японцевъ. Кто попытается объяснить быстрое паденіе феодализма на основаніи внутреннихъ причинъ не долженъ забывать, что наслѣдственность, если не всѣхъ, то большей части должностей въ областяхъ сіогуна и князей, сильно способствовала пониженію уровня ихъ носителей. Настоящая

власть находилась уже давно въ рукахъ мелкихъ дворянъ, управлявшихъ за кулисами пружинами, двигавшими маріонетокъ; эти люди произвели революцію, извлекли изъ нея пользу и еще и теперь открыто заправляютъ дѣлами страны. Поэтому революція съ самаго начала, хотя и исходила отъ дворянскаго сословія, носила демократическій и даже демагогическій характеръ. Послѣ побѣды надъ сіогуномъ она скоро покончила съ князьями, придворнымъ дворянствомъ и привиллегіями сословія самураевъ; если она пощадила микадо, то главнымъ образомъ потому, что не могла обойтись безъ его вліянія. Но уже и тогда раздавались голоса за провозглашеніе республики. Князья въ общемъ черезъ свое появленіе на сценѣ — выиграли; въ замѣнъ призрачной власти, которой большинство могло пользоваться лишь въ стѣнахъ своихъ замковъ и въ путахъ тѣсныхъ церемоній, они получили большой доходъ, дворянскій титулъ и свободу выбора между дѣломъ и наслажденіемъ. Хуже всего пришлось многочисленному классу самураевъ, лишившихся во время революціи доходовъ, вліянія, каково бы оно ни было, и своихъ занятій. Поэтому нельзя удивляться, что именно въ этомъ сословіи недовольство исходомъ движенія, отъ котораго большинство ожидало совсѣмъ другого, было очень велико; потребность занять этотъ классъ, который, какъ самый способный, больше всего былъ склоненъ къ насиліямъ, существенно повліяла на внѣшнюю политику правительства и способствовала экспедиціи на Формозу и войнѣ противъ Китая. И до сихъ поръ этотъ классъ еще наиболѣе вліятельный, и его нужно считать руководителемъ новаго соціальнаго развитія въ духовной и матеріальной области. Частью благодаря своей силѣ, отчасти при помощи правительства, которое само состоитъ изъ прежнихъ самураевъ, самураи стоятъ (теперь подъ названіемъ Шизоку), какъ во главѣ большинства промышленныхъ предпріятій, такъ почти всей ежедневной и остальной прессы. Купеческое, ремесленное и крестьянское сословія вообще отстали и еще стоятъ болѣе на точкѣ зрѣнія древней, чѣмъ новой Японіи.

Не будетъ ошибкой считать, что новѣйшее развитіе распространилось на сравнительно небольшіе круги; послѣдніе однако сумѣли воспринять много чужого и навязать его странѣ. У Японіи никогда не было собственной цивилизаціи, имѣющей какое-нибудь значеніе; принятіе китайской цивилизаціи принесло странѣ реформу Тайкава, т. е. правленіе съ центральной властью императора; послѣдняя упала до названія военнаго феодализма; принятіе западной культуры принесло паденіе феодализма, возстановленіе номинальной императорской власти и клановое управленіе, изъ котораго до сихъ поръ не могло развиться ни свободное, ни партійное правительство, и, наконецъ, дало съ 1889 г. парламентаризмъ. Это все факты, которыхъ дальнѣйшее развитіе пока нельзя предвидѣть. Въ корнѣ, въ Японіи, несмотря на видимыя, внѣшнія перемѣны, многое осталось попрежнему. Ни въ семьѣ, ни въ обществѣ новое законодательство не было въ состояніи произвести рѣшительныхъ перемѣнъ. Семья остается все еще единицей, а не единичной личностью; какъ правильно замѣчаетъ Фукуда, еще и теперь единичная личность немыслима внѣ своей семьи. Гильдіи, какъ офиціальная монопольная власть, уничтожены; но частныя общества ремесленниковъ и торговцевъ существуютъ еще и до сихъ поръ съ тѣми же обязанностями и, вѣроятно, хотя и не открыто, съ тѣми же правами. И въ сельскомъ населеніи мало перемѣнъ; у него, какъ и раньше, нѣтъ самостоятельности; и если нѣтъ больше союза изъ 5-ти семей, то его замѣнили другими союзами, основанными на частной иниціативѣ, но имѣющими офиціальныя обязанности.

Лишь въ одномъ настоящее существенно отличается отъ прошедшаго. Въ то время, какъ въ низшихъ классахъ, особенно въ сельскомъ населеніи, продолжаетъ существовать древняя вѣра и суевѣріе безъ измѣненія

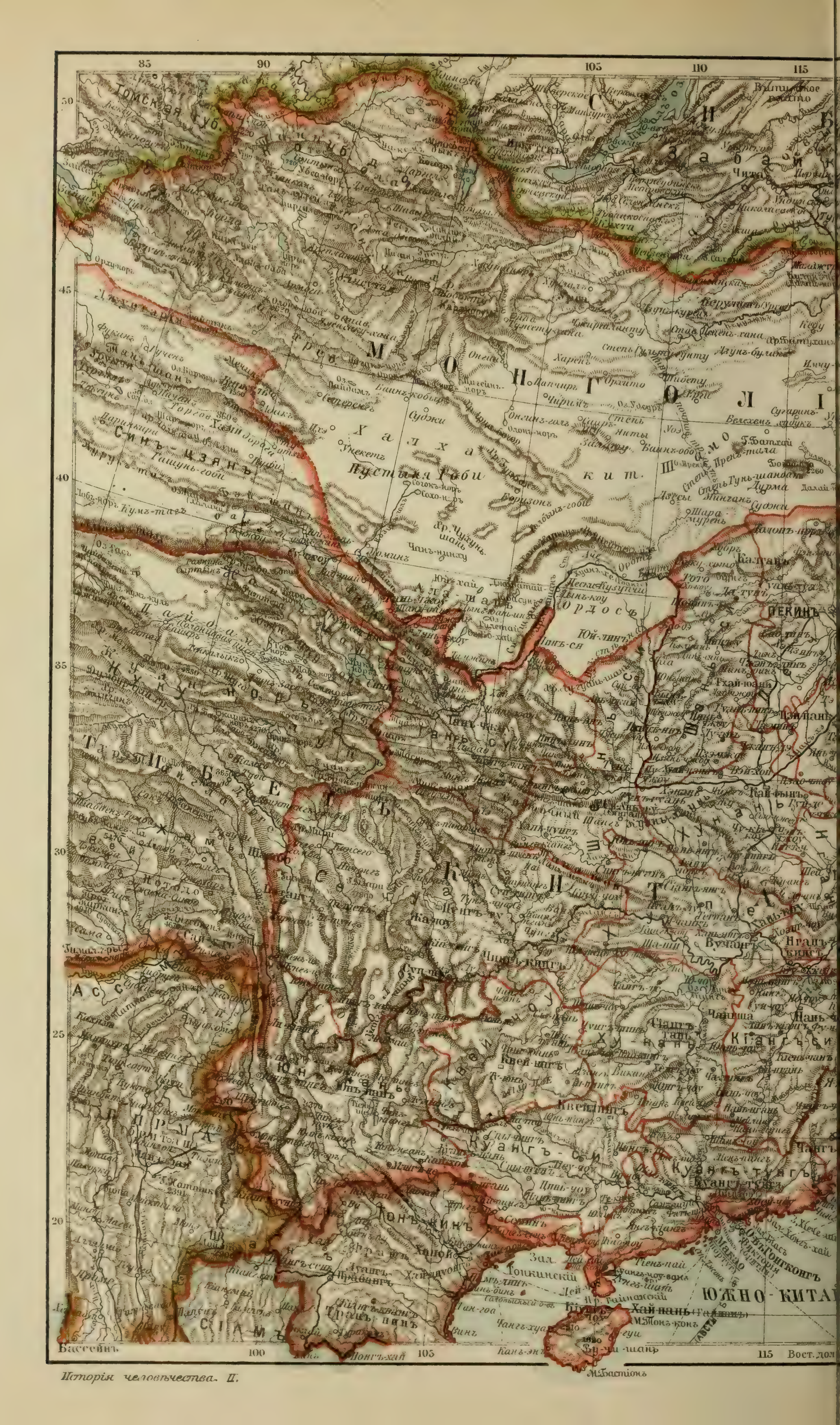
несмотря на офиціальныя попытки уничтожить и то и другое, въ такъ называемыхъ высшихъ классахъ наступило полное религіозное равнодушіе, вмѣсто прежняго офиціальнаго культа, состоявшаго изъ буддизма, шинтоизма и конфуціанства. Буддизму оказано пренебреженіе самимъ правительствомъ; шинтоизмъ, исполнивъ свою политическую задачу воскрешенія идеи императорской власти, превратился въ религіозное ничто, — конфуціанское нравственное ученіе также едва отвѣчаетъ равнодушію современнаго японца. Только тѣсно связанный съ нимъ и съ ученіемъ Шинто культъ предковъ сохраняетъ еще нѣкоторую жизненную силу и образуетъ, такъ сказать, основу японской этики. Сомнительно, будетъ ли христіанство когда-либо призвано стать на мѣсто этихъ всѣхъ разлагающихся вѣроученій; во всякомъ случаѣ, это не будетъ ни американское, ни европейское христіанство, но особенно-скроенное, національно-японское, съ большой тенденціей къ раціонализму.

2. Китай.

А. Названіе.

Древнѣйшее, употребляемое самими китайцами названіе для своей страны, это, вѣроятно, „Тянь-ся“ — „подъ небомъ“; Сы-хай (всѣ въ предѣлахъ) 4-хъ морей, и „Чжунъ-го — средняя Имперія“ — также древнія названія. „Небесная Имперія“ — это переводъ „Тьянь-чао“, то есть „Небесная династія или страна, которой управляетъ династія, поставленная Небомъ“. Названіе „Чжунъ-хуа-го“ — „богатая цвѣтами Срединная Страна“, употребляемое особенно часто въ литературѣ, происходитъ отъ того, что китайцы считаютъ себя самой образованной націей (Хуа) на землѣ. „Нэй-ди“ — „внутренняя страна“ въ отличіе отъ „Страны внѣшнихъ варваровъ“ употребляется главнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ. „Ли-минь“ — „черноволосая расса“ — выраженіе, часто примѣняемое къ народу; также встрѣчается названіе — „Сто семействъ“; страну называютъ даже: „Чжунъ-го-жэнь“ (жители Срединной Имперіи) или „Хань-жэнь“, или „Хань-цзы“ (жители или дѣти хана). Уже во времена династіи Цинь за 221 г. до Р. Х. возникъ обычай называть страну и жителей по династіи; но царствованіе этой династіи было кратковременное, и ненависть къ основателю ея слишкомъ велика, чтобы закрѣпить это названіе на долгое время. Зато имена другихъ династій, какъ уже упомянуто; Хань, Танъ и теперешней Маньчжурской династіи Цинъ болѣе привились. Часто употребляется выраженіе — „Танъ-жэнь“ — люди Танъ — или „Цинъ-жэнь“ — люди Цинъ. Теперешняя династія называетъ страну своимъ названіемъ „Да-Цинъ-го“, т. е, „Великое чистое государство“; также часто употреблялось названіе — „Чинъ-чао“ — чистая династія. Названіе — „Хуа-ся“ — великолѣпные Ся — происходитъ отъ древней династіи Ся (2205—1769 до Р. Х.), но въ употребленіе входитъ уже позднѣе. „Китай“ русскихъ и „Катхай“ персовъ, происходитъ отъ китанцевъ-татаръ, которые господствовали въ сѣверномъ Китаѣ, подъ (названіемъ) именемъ династіи „Ляо“ (937—1125). Индійскіе буддисты называютъ Китай „Чин-танъ“ — „Утренняя Заря“. „Маньзи“, „Маньжи“ — это Южный Китай; съ того времени, какъ монголы изгнали династію Сунъ съ сѣвера, а южная династія Сунъ основала въ 1227 г, п. Р. Х. свою столицу въ Ханъ-чжоу, — это названіе стало употребительнымъ для всего Китая. Колумбъ искалъ Манцьзи. Названіе „Дунъ-ту“ — Страна Востока — даютъ Китаю только магометанскіе писатели.

Откуда происходитъ названіе—„China“—до сихъ поръ сомнительно; на основаніи доказательствъ барона Фердин. ф. Рихтгофена, происхожденіе его отъ названія династіи Цинъ не можетъ считаться правдоподобнымъ.



Исторія человѣчества. II.

М. Бастіонъ

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Съ ветхозавѣтнымъ „Сининъ“ (Исаія), съ древне-персидскимъ „Магинъ“, съ „великимъ Чиномъ“, какъ называли въ Средніе вѣка Китай, и съ „Чина“, упоминаемымъ въ законодательствѣ Ману и Махâбхâратѣ, по Рихтгофену, оно также не имѣетъ ничего общаго. Зато Китай былъ извѣстенъ разнообразнѣйшимъ народамъ древности подъ именемъ Иинъ, Чинъ, Хинъ, Тсинъ, Чина и Тсинистанъ. Рихтгофенъ думаетъ, что названіе, лежащее въ основѣ всѣхъ этихъ наименованій, распространилось морскимъ путемъ, и производитъ его отъ слова „Жи-нань“ — „къ югу отъ солнца“; — такъ называли китайцы въ древности Тонкинъ, Кохинхину (Кочинхину), можетъ быть, даже и Камбоджу. То обстоятельство, что Марко Поло называетъ море, лежащее у Цайтона (Чуань-чжоу-фу между Амоемъ и Фучжоу) моремъ Чжинъ, повидимому, говоритъ за это предположеніе. Употреблявшееся римлянами названіе Seres (сересъ) могло происходить отъ сы, сыръ — по китайски — шелкъ.

Б. Страна и люди.

а) Поверхность.

Громадная Китайская Имперія, имѣющая вмѣстѣ съ своими внѣшними частями — Маньчжуріей и Монголіей, Дзунгаріей, Или и Вост. Туркестаномъ 9.881,100 кв. килом., изъ которыхъ 5.369,100 кв. клм. приходятся на собственно Китай, 942,000 кв. клм. на Маньчжурію и 3.543,000 кв. клм. на Монголію, лежитъ въ восточной части Азіи между 50^0 и 19^0 сѣв. шир. и 75^0 и $132{,}5^0$ вост. долг. отъ Гринв. Ея восточную границу, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ къ ней прилегаетъ полуостровъ Корея и Приморская Область Восточной Сибири, составляетъ Великій океанъ, который по направленію съ юга на сѣверъ, носитъ названія Китайскаго, Восточнаго и Желтаго морей; на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Китай граничитъ съ Россіей, на юго-западѣ съ подвластнымъ ему Тибетомъ, на югѣ — съ Тонкиномъ и Сіамомъ (см. приложенную карту Китая).

Въ исторіи развитія страны горы имѣли лишь то значеніе, что отрогъ Гималаевъ, Нань-Линъ (южная цѣпь), проходящій черезъ Юньнань, гранича на сѣверѣ съ Кванг-тунгомъ и Гуань-си, входитъ въ Чжэцзянъ, доходитъ до моря и продолжается въ Хусанѣ и другихъ, находящихся тамъ островахъ; отрогъ этотъ отдѣляетъ юго-восточный Китай рѣзкой границей, черезъ которую направляются лишь немногіе проходы изъ остальнаго Китая. Этимъ объясняется болѣе продолжительная независимость и замкнутость этой полосы. Въ общемъ поверхность Китая понижается съ запада на востокъ: горная страна лежитъ къ западу отъ меридіана Кантона до границъ Тибета, холмистая страна — къ востоку отъ этого меридіана и къ югу отъ Янтсекіанга; на сѣв.-востокъ отъ этой рѣки находится большая равнина—самая плодородная часть страны. Въ Чжили, Шаньси, Шэньси и Ганьсу преобладаетъ лёссъ — особаго рода глина, описанная впервые въ 1864 г. Рафаэлемъ Пемпёлли; онъ объяснялъ ея происхожденіе отложеніемъ прѣсноводныхъ осадковъ, но скорѣе можно принять съ Рихтгофеномъ, что помимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ лёссъ попадается, какъ осадокъ въ солонцовыхъ бассейнахъ (озерной лёссъ), онъ отложился подъ вліяніемъ атмосферы. Отвѣсныя ущелія въ лёссѣ, достигающія часто глубины нѣсколькихъ сотъ футовъ, очень затрудняютъ сообщеніе; тѣмъ не менѣе онъ представляетъ ту выгоду, что въ стѣнахъ его вырѣзаны многочисленныя жилища, часто — цѣлыя деревни. Гдѣ падаетъ достаточно дождя, лёссъ необычайно плодороденъ, хотя, конечно, жителямъ не представляется вездѣ возможности искусственно орошать его.

Важнѣе горъ для Китая его три большія рѣки, протекающія по странѣ съ запада на востокъ, а именно Хоанго, Янтсекіангъ и Чжу-цзянъ (Чукіангъ). Хоанго — (Желтая рѣка), называемая также „Бѣдствіемъ Китая“ отъ частыхъ прорывовъ плотины и наводненій, девять разъ сопровождавшихся полнѣйшимъ

измѣненіемъ нижняго теченія рѣки, беретъ начало къ югу отъ горъ Куэнъ-Лунь въ равнинѣ Одонтала и протекаетъ черезъ сѣверный Китай на протяженіи свыше 4800 клм. Ея бассейнъ обнимаетъ около 1.211.700 кв. клм. По теченію Хоанго, вѣроятно, шли первые пришельцы, которыхъ потомки намъ извѣстны теперь подъ именемъ китайцевъ, и въ долинѣ его имѣли мѣсто важнѣйшія событія древней и средней исторіи Китая.

Съ 1852 г. Хоанго впадаетъ въ заливъ Печжили (Чжили), а раньше онъ впадалъ въ Желтое море къ югу отъ полуострова Шантунга. Вслѣдствіе условій своего теченія онъ не имѣетъ значенія для судоходства.

Янтсекіангъ (называемый такъ лишь въ нижнемъ теченіи, начиная съ Нанкина, по имени Янъ-чао) въ верхнемъ теченіи носитъ названіе Цзиньша-цзянъ — рѣка золотого песка —, въ среднемъ только Цзянъ или Да-цзянъ (рѣка или великая рѣка), а отъ Вучана называется Чанъ-Цзянъ (длинная рѣка). Онъ вытекаетъ изъ цѣпи Тангла въ 160 килом. отъ истока Хоанго и горъ Куэнъ-Лунь и на протяженіи слишкомъ 5100 килом. проходитъ черезъ провинціи центральнаго Китая: Сычуань, Хубей, Аньхуй и Цзянъ-су. Бассейнъ его обнимаетъ болѣе 1.402.000 кв. килом. Янтсекіангъ — самый важный путь сообщенія Китая; на немъ лежатъ города Нанкинъ, Ханькоу, Вучанъ, Ичанъ и Чунцинъ. Его глубина позволяетъ большимъ пароходамъ подниматься до Ханькоу; можно надѣяться, что они будутъ подниматься и выше, когда пороги между Ичаномъ и Чунциномъ будутъ обойдены каналомъ.

Чжуцзянъ (Жемчужная рѣка), вытекающая изъ Юньнани и состоящая изъ восточнаго, сѣвернаго и западнаго притоковъ (важнѣйшій — западный — Си-цзянъ), орошаетъ южный Китай и ниже Кантона впадаетъ въ море; бассейнъ его полагаютъ болѣе, чѣмъ въ 332.100 кв. килом.

в) Населеніе.

Относительно происхожденія китайскаго народа нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Для принятія предположеній, связывающихъ происхожденіе китайцевъ съ событіями Вавилонскаго столпотворенія, нѣтъ достаточныхъ основаній; нѣтъ ихъ и въ мнѣніи, высказанномъ Terrien de la Couperie и Robert Kennaway Douglas'омъ, по которому, между прочимъ, на основаніи предполагаемаго сходства между клинообразными письменами и древнѣйшимъ китайскимъ письмомъ, китайскій народъ происходитъ отъ аккадійцевъ. Болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе Рихтгофена, по которому первичной родиной китайскихъ пришельцевъ былъ бассейнъ Тарима, гдѣ они могли придти въ соприкосновеніе съ аккадійской и индійской культурой. Но и эта родина не можетъ объяснить рѣзкаго отличія китайцевъ отъ прочихъ народовъ Азіи (напримѣръ — полное отсутствіе клана жрецовъ и воиновъ), и еще менѣе сходства ихъ съ ними (напр. въ общемъ кажущемся существованіи опредѣленныхъ астрономическихъ знаній въ древнѣйшую эпоху, при династіи Ся). Также мало объясненій можно найти и въ этнографическихъ данныхъ. По Е. Бэльцу (С. Baelz) Восточная Азія (большая часть Китая, Японія, Корея, Формоза, Монголія и Тибетъ) населена главнымъ образомъ монгольской расой (около 500.000,000 человѣкъ), къ которой относятся народы Индо-Китая и малайцы; принципіальное различіе между послѣдними и монголами едва ли можно провести. Въ сѣв. Азіи, въ Маньчжуріи, въ области рѣки Сунгари, въ части Кореи и въ части японскаго западнаго побережья живетъ маньчжурско-корейскій типъ; въ Китаѣ живутъ еще міотсе (мяоцзы) и мало извѣстные лоло; въ южномъ Китаѣ и Японіи можно доказать присутствіе полинезійской крови, между тѣмъ, какъ слѣды курчавоволосыхъ негритосовъ примѣшаны рѣдко; собственно монголы преобладаютъ въ среднемъ и южномъ Китаѣ, далѣе къ югу болѣе выступаетъ малайскій типъ, на сѣверѣ преобладаютъ маньчжуро-корейцы.

Это все несомнѣнно вѣрно; но этимъ не разрѣшается загадка о происхожденіи китайцевъ и не указывается на племена, которыхъ китайцы застали на пути своемъ къ востоку. А такихъ независимыхъ племенъ, которыя были отчасти истреблены, отчасти ассимилированы китайцами, было цѣлое множество, хотя каждое въ отдѣльности не могло быть особенно многочисленно. О Сань-Мяо упоминается въ Шуцзинѣ, т. е. книгѣ исторіи времени Яо и Юй (2145—2046 и 2255—2206 до Р. Х.). Въ рѣчи короля Ву Чжоу (1134—1166 до Р. Х.) передъ битвой при Му противъ Чжоусинь изъ дин. Шанъ онъ обращается къ 8 союзнымъ народамъ: Юнъ, Шу, Цзянъ, Мао, Вей, Лу, Фанъ и Фо. Позднѣе въ VII-мъ и VIII-мъ вѣкѣ до Р. Х. упоминаются 8 племенъ Цзунъ (Юнъ) западныхъ варваровъ въ Шантунгѣ, Чжили, Хэнань, Шэньси, Шенси и на границахъ страны. Ти — сѣверные варвары жили въ Шанси и Чжили, И-варвары жили отъ Шантунга до рѣки Хань, а мань жили на верхнемъ и среднемъ Янтсекіангѣ, главнымъ образомъ на правомъ берегу. Но число племенъ, тогда еще не покоренныхъ, должно было быть гораздо больше: еще и теперь, 2600 лѣтъ спустя, въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ живутъ многочисленныя, отчасти или совершенно независимыя племена аборигеновъ страны. Что такія племена сохранились на Формозѣ и Хайнанѣ, какъ напримѣръ, ли или лиму внутри острова (вѣроятно, потомки міаотсе, которымъ Кублай (Хубилай) ханъ (Ши Цзу) въ 1292 г. отвелъ часть острова) это менѣе удивительно, чѣмъ тотъ фактъ, что въ провинціяхъ на материкѣ, гдѣ китайская власть утвердилась столѣтія и тысячелѣтія тому назадъ, цѣлыя племена аборигеновъ сумѣли сохранить свою независимость. Міаотсе, раздѣляющіеся на дикихъ-сунъ и прирученныхъ шу, смотря по тому, восприняли ли они что-нибудь или ровно ничего изъ китайской культуры, живутъ въ количествѣ 80 различныхъ племенъ въ Квантунѣ, Гуанъ-си, Хунани, Юньнани и Гуйчжоу. Въ нихъ признаютъ родственниковъ сіамцевъ и бирманцевъ, и, можетъ быть, хакка — чужестранцы, переселившіеся, какъ думаютъ, во время монгольской династіи (1206—1368) изъ Цзянъ-су или Шантунга въ обѣ провинціи Гуанъ, прнналдежатъ той же расѣ. Послѣ 1730 міаотсе покорились китайской власти въ Юньнани и Гуйчжоу; въ Гуанъ-си же и теперь есть независимыя племена. Яо или яо-жэнь, причисляемые также къ міаотсе, до XII-го столѣтія жили въ Гуань-си, а затѣмъ выселились на полуостровъ Лянь-чжоу, гдѣ они занимаютъ полу-независимое положеніе; въ 1832 мятежъ, поднятый ими, былъ съ трудомъ усмиренъ. Другая большая группа сохранившихся первобытныхъ обитателей — это лоло вь Сычуани и Юньнани; въ нихъ видятъ народъ, родственный какіенъ, шанъ и бирманцамъ; они распадаются на племена, номинально подчинившіяся китайцамъ и на независимыя, не допускающія китайцевъ въ свои горы, откуда они производятъ разбойничьи набѣги по окрестностямъ.

При существующемъ недостаткѣ опредѣленныхъ данныхъ приходится искать другихъ источниковъ для опредѣленія степени культуры древнѣйшихъ предковъ нынѣшняго населенія Китая во время ихъ переселенія. Самымъ положительнымъ свидѣтельствомъ можетъ служить древнѣйшій подражательный родъ гіероглифическаго китайскаго письма, которое заключаетъ знаки (какъ говорятъ 608, въ дѣйствительности ихъ больше), являющіеся изображеніемъ называемаго предмета; въ нихъ ясно видно сходство между первоначальной формой и предметомъ. Изобрѣтеніе этого письма относится будто бы къ миѳическому періоду, но уже до IV-го столѣтія до Р. Х. гіероглифическіе знаки перестали быть изображеніемъ предметовъ и были замѣнены условными. Особенное значеніе имѣютъ древнѣйшіе знаки въ сочетаніяхъ словъ — западъ, овца, корова и женщина. Западъ и возвращаться — значитъ быть судьей; западъ и женщина — желать, искать; западъ и драгоцѣнный — покупать или продавать (западныя драгоцѣнности); овца и большой — хорошо, прекрасно:

овца и я — самосознаніе, самоуваженіе (обладаніе овцой — знакъ уваженія), овца и мужчина — фальшивый (воръ овецъ); овца и князь или мудрецъ — стада, толпа (князь — обладатель стадъ); овца и слова — точно изслѣдовать, говорить о чемъ-нибудь; овца и крылья — парить; глядѣть назадъ, достойный, серьезный (крылатый овнъ); овца и больной — чесаться, царапать; корова и покрывать — охрана, тюрьма; двѣ коровы — другъ; корова и эгоистичный — отнимать (воръ скота); женщина и правда — ластиться, уговорить, искусный въ разговорѣ; женщина, одна надъ другой — красивый; руки надъ женщиной — вѣрно, крѣпко, покойно; крыша надъ женщиной — покой, міръ, успокаивать; двѣ женщины рядомъ — браниться, спорить; злаки надъ женщиной — склоняться подъ большой тяжестью, нести тяготу или обязанность, посылать что-нибудь сдѣлать; женщина рядомъ съ грязью — жена; слушаться; женщина и брать — жениться; мужчина и поле — мужчина. Если на основаніи гіероглифическихъ знаковъ и упомянутыхъ сочетаній попробовать нарисовать картину условій, которыя могли существовать въ эпоху возникновенія этихъ знаковъ, то можно представить себѣ, что народъ пришелъ съ запада и сохранилъ еще много, хотя уже неясныхъ воспоминаній о прежней родинѣ; или что это народъ, получившій свою культуру съ запада и находившійся на переходной ступени отъ кочевого быта къ земледѣльческому и осѣдлому; его главное богатство все еще въ большихъ стадахъ; обладаніе ими даетъ ему власть и вліяніе, кража овецъ и скота — самыя обычныя преступленія; условія здоровья скота, потеря его — главный предметъ интереса. Женщина, которую мужчины, можетъ быть, похищали насильно, считается подчиненнымъ, завистливымъ и ревнивымъ существомъ, которое нужно держать въ строгомъ повиновеніи; ея дѣло — хозяйство и низменныя занятія; мужъ обработываетъ землю, ему — свобода и почетъ, женѣ работа и уединеніе; повидимому, существовалъ и опредѣленный культъ духовъ и предковъ; по крайней мѣрѣ, многочисленныя, сохранившіяся до сихъ поръ часто въ той же формѣ жертвенныя чаши, указываютъ на обряды, упорядоченные до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

B. **Миѳическій періодъ.**

По воззрѣнію китайцевъ, міръ возникъ изъ яйцевиднаго хаоса; сначала изъ него выдѣляется живая сила, великій духъ, жизнь (Тай-Цзи); подъ вліяніемъ ея покоившійся зародышъ разбухаетъ и дѣлится на мужской и женскій принципъ (Инь и Янъ). Чистый, свѣтлый, легкій, мужской принципъ поднимается кверху и образуетъ Небо; нечистая, темная, тяжелая женская половина опускается внизъ и образуетъ землю; оба эти начала дѣйствуютъ и понынѣ, разрушая и созидая. Послѣ раздѣленія принциповъ, изъ нихъ возникаетъ Паньгу, изображаемый часто съ молоткомъ и долотомъ, какъ бы созидающимъ землю; о немъ также разсказываютъ, что послѣ его смерти изъ его дыханія возникъ вѣтеръ, изъ голоса громъ, изъ лѣваго глаза — солнце, изъ праваго — луна, изъ его крови — рѣки, изъ волосъ — деревья и растенія, изъ мяса его — земля, изъ пота — дождь, а изъ живущихъ на немъ паразитовъ — люди. Паньгу родоначальникъ перваго поколѣнія властителей, Небесныхъ Императоровъ 13 поколѣній; за ними слѣдовали 11 земныхъ поколѣній и 9 человѣческихъ. Далѣе слѣдуетъ періодъ 5 драконовъ (братьевъ) шиди, 59 поколѣній, Холо 3 поколѣнія, Лянь-дунъ 6 поколѣній, Суминъ 4 поколѣнія, Сунъфей, 22 князя, которые примѣромъ своимъ дѣйствуютъ благотворно на людей.

Восьмой вѣкъ 13 властителей — Инь-ди, среди которыхъ выдѣляются Ючау (живущій въ гнѣздѣ) и Суйжэнь. Суйжэнь — китайскій Прометей, добывшій огонь треніемъ двухъ кусковъ дерева; онъ также изобрѣлъ родъ письма узелками, а Ючао научилъ людей строить жилища, когда они пе-

решли отъ чисто растительной пищи къ мясной, и мирныхъ доселѣ животныхъ обратили во враговъ. Девятая эра, эра Шантунга, охватываетъ время 5 властителей, зачатыхъ и рожденныхъ чудеснымъ образомъ. Фуси (по преданію 2852—2738 до Р. X.), съ тѣломъ змѣи и головой быка или человѣка съ двумя роговидными наростами, научилъ людей удить рыбу, разводить шесть домашнихъ животныхъ и употреблять ихъ для поддержанія жизни; лошадь-драконъ принесла ему на спинѣ письмена рѣки Ло, которыя повели къ изобрѣтенію восьми діаграммъ (Багуа). Фуси изобрѣлъ вмѣстѣ съ Цанъ-цзѣ (по другимъ источникамъ, жившаго 600 лѣтъ спустя) первое письмо буквами; ему же приписываютъ введеніе фамилій и музыкальныхъ инструментовъ. Его наслѣдникъ Шеньнунъ, (Янь-ди), (по преданію 2737 — 2705) божественный земледѣлецъ, съ тѣломъ человѣка и головой быка, изобрѣлъ плугъ, научилъ народъ его употребленію, указалъ имъ пять породъ злаковъ и медицинскія свойства растеній, завелъ рынки и мѣновую торговлю. За нимъ слѣдовали семь дальнѣйшихъ поколѣній; эта эра отличается тѣмъ, что власть правителя дѣлается наслѣдственной въ семьѣ. Продолжительность миѳическаго періода, т. е. до Хуанъ-ди (2704 до Р. X.) исчисляется нѣкоторыми китайскими писателями въ 2.264,777 лѣтъ, другими- на милліонъ дольше.

Г. **Былинный періодъ.**

Былинный періодъ, по однимъ источникамъ, простирается до Юй'я, т. е. до начала династіи Ся 2205 до Р. X.; по другимъ — до начала династіи Чжоу 1122 до Р. X. Какъ указываетъ Карлъ Арендтъ въ своихъ „Synchronistischen Regenten-Tabellen zur Geschichte der chinesischen Dynastien“, даты, сообщаемыя въ руководствахъ и у разныхъ историковъ, сильно разнятся другъ отъ друга; а именно въ „бамбуковой книгѣ“, т. е. бамбуковой таблицѣ, найденной въ гробу короля Сянъ, умершаго 319 до Р. X., и содержащей миѳическую и былинную исторію вмѣстѣ съ лѣтописями Чжэнъ и Вей считается на 213 лѣтъ меньше; даты начинаютъ совпадать только съ 850 г. до Р. X.

Эпоха Шуи-и обнимаетъ слѣдующихъ правителей: Хуанъ-ди 2704—2595 до Р. X., резиденція въ Чжили; Шао-Хао 2594—2511, сынъ его, живетъ въ Шантунгѣ; Чжуанъ-сюй 2510—2433, племянникъ послѣдняго, живетъ въ Чжили; Ди Ку 2432—2363, племянникъ его живетъ въ Хэнани; Ди Чжи 2362—2358, сынъ предыдущаго, сверженъ съ престола; Яо 2357—2258, его братъ, живетъ въ Шаньси; Шунь 2258—2206 зять Яо, живетъ въ Шаньси. Фуси, Шеньнунь, Хуанъ-ди, Яо и Шунь часто называются общимъ именемъ 5 императоровъ; это названіе перешло и на весь періодъ, хотя онъ обнимаетъ большее число властителей. Многое въ исторіи этихъ императоровъ должно считаться вымысломъ. Развитіе народа подвигается медленно; даже, по мнѣнію китайцевъ, оно стояло на очень низкой степени; такъ при Хуанъ-ди упоминается, какъ о чемъ-то новомъ,—объ употребленіи выдолбленныхъ стволовъ деревьевъ съ мачтами, въ видѣ лодокъ; онъ же въ первый разъ опредѣлилъ пять цвѣтовъ (зеленый или красный, синій, черный, желтый и бѣлый) по окраскѣ птицъ и цвѣтовъ. Какъ начало прочно утвердившагося государственнаго соціально-полевого хозяйства, важно раздѣленіе пахотной земли на 9 полей по 100 маў (675,68 ar.). Изъ этихъ полей, лежавшихъ въ три ряда по три паралельныхъ поля, восемь внѣшнихъ полей предназначались для народа, внутреннее же для правительства, которое, заботясь о своихъ интересахъ, въ то же время присматривало за полями народа черезъ особыхъ чиновниковъ. Такое поле называлось линъ; три лина-пинъ, три пина-ли, пять ли-и, десять и-ду; десять ду-ши; десять ши-чжоу (провинція или округъ) изъ чжоу развились позднѣе ленныя княжества.

Ко времени правленія Шуня относятся работы Юй'я, составляющія содержаніе одного отдѣла Шуцзина, подъ названіемъ „подати Юй'я“. Многіе понимали ихъ, по примѣру китайскихъ толкователей, какъ разсказъ о большомъ наводненіи и о предпринятыхъ Юй'емъ работахъ для устраненія его; по Рихтгофену же и скорѣе по другимъ, основывающимся на немъ, это отдѣлъ съ особымъ, если не исключительнымъ географическимъ значеніемъ. Юй, сумѣвшій, благодаря своей дѣятельности, добиться расположенія императора Шуня, получилъ обѣихъ его дочерей въ жены и былъ назначенъ его преемникомъ, такъ какъ сынъ императора оказался недостойнымъ; онъ основалъ свою резиденцію въ Шаньси. Юй былъ первымъ императоромъ изъ династіи Ся, которая царствовала въ лицѣ 17 законныхъ правителей съ 2205—1766. Промежутокъ времени съ 2118—2079, когда правилъ узурпаторъ Хань-чжо, былъ самымъ тревожнымъ періодомъ этой эпохи. Внукъ Юй'я, Тай-Канъ, былъ распутный государь, котораго свергли послѣ 29 лѣтняго царствованія въ 2160-мъ году; ему наслѣдовалъ его младшій братъ Чунъ-Канъ. Сынъ его Ди-Сянъ въ 2119 г. былъ побѣжденъ Хань-Чжо, который приказалъ убить всѣхъ членовъ семейства Юй'я; императрицѣ однакожъ удалось бѣжать; во время бѣгства она родила сына Шао-Кана, который послѣ многихъ приключеній убилъ въ 2079 г. узурпатора. Послѣдняго императора этой династіи Ди-гуй'я (Цзѣ) и его жену Мей-Си изображаютъ разнузданными тиранами, владычеству которыхъ былъ положенъ конецъ уже въ 1783 Ли, принцемъ изъ Шана, потомкомъ Хуанъ-Ди. Но Ли вступаетъ на престолъ лишь въ 1766, какъ Ченъ Танъ и какъ первый императоръ династіи Шанъ (съ 1401 называемой также Инь), правившей до 1122 г. О 28 правителяхъ этой династіи не много свѣдѣній: въ лѣтописяхъ приведены только ихъ имена. Ченъ Танъ (1766—54), основавшій свою резиденцію въ Хэнани, былъ сильнымъ и справедливымъ правителемъ; при его преемникахъ резиденція часто переносилась изъ Хэнани въ Шантунгъ, Чжили и Шеньси (при Синанфу).

Послѣдній императоръ Чжоу Синь (1154—22), подобно послѣднему Ся жестокій тиранъ, женатый на выродившейся принцессѣ Дань-Цзы былъ сверженъ съ престола Ву-Ваномъ дин. Чжоу. Вражда между обѣими семьями, повидимому, существовала уже давно, по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ Дань-фу „старый герцогъ“ (Гугунъ) далъ своей области названіе Чжоу (1327). Его внукъ Вень-ванъ (король Вень) или Си-бо (вождь запада) тщетно пытается, по свѣдѣніямъ китайскихъ писателей, направить императора на лучшій путь; онъ умираетъ въ 1135. Его сынъ Ву-ванъ возстаетъ, наконецъ, противъ Чжоу Синя и побѣждаетъ его въ битвѣ при Му въ 1122 г., послѣ чего императоръ сжигаетъ себя со всѣми женами и сокровищами въ собственномъ дворцѣ. Ву-ванъ вступаетъ на престолъ въ 1122; съ нимъ начинается династія Чжоу (до 249 до Р. Х.). Начало историческаго періода обыкновенно относится къ 875 г., вслѣдствіе наблюдавшагося 29 августа того года солнечнаго затменія, о которомъ упоминается во время правленія императора Ю-вана; этимъ самымъ можно установить точное число; впрочемъ нѣтъ основаній не начинать историческаго періода уже съ династіи Чжоу.

Д. Религія, философія и культура древнихъ китайцевъ.

а) Религія.

Древняя китайская религія, о происхожденіи которой ничего не извѣстно, признаетъ высшее существо — Тянь, олицетворенное въ видѣ высшаго правителя Шанъ-Ди; тѣмъ не менѣе, она очень далека отъ чистаго единобожія, а признаетъ скорѣе, что природа полна небесныхъ, земныхъ и человѣческихъ духовъ, которые, какъ таковые, имѣютъ вліяніе и пользуются почитаніемъ. Къ первымъ принадлежатъ солнце, луна, планеты и

отдѣльныя созвѣздія; ко вторымъ — горы, моря, потоки, рѣки, источники, деревья и т. п.; кромѣ того, есть особый духъ-покровитель государства и духи земли: прежде для каждаго отдѣльнаго княжества, теперь—для каждаго города и мѣстечка, духи-покровители земледѣлія, посѣвовъ, очага и т. п.; къ третьимъ, наконецъ, принадлежатъ духи умершихъ членовъ семьи, т. е. предки и духи выдающихся людей. Въ религіи этой не было и нѣтъ лицъ духовнаго званія: императоръ — ея первосвященникъ, который пользуется правомъ священнодѣйствій и молитвы въ храмѣ Неба, но только лично; въ другихъ же храмахъ онъ можетъ временно или постоянно замѣнять себя чиновниками. Какъ императоръ и отецъ народа, онъ принимаетъ передъ Небомъ отвѣтственность за поведеніе своихъ подданныхъ и видитъ въ народныхъ бѣдствіяхъ послѣдствія своей грѣховности.

б) Философія.

На ряду съ религіей, распространенной въ народѣ лишь въ видѣ культа предковъ и связанныхъ съ нимъ обычаевъ, съ древнихъ временъ существуютъ два философскихъ теченія: одно — созерцательное, метафизическо-теософическое, изъ котораго развился даосизмъ; другое—этико-политическое, извѣстное подъ именемъ конфуціанства. Ни Лаоцзы, ни Кунфуцзы (латинизированный Конфуцій) не являются творцами приписываемыхъ имъ и названныхъ ихъ именемъ ученій; оба, напротивъ, постоянно ясно указывали на то, что они только возвѣщаютъ и объясняютъ ученіе прежнихъ мудрецовъ. Для конфуціанства кромѣ того, это доказывается еще тѣмъ, что его такъ называемыя классическія сочиненія, обыкновенно называемыя 5 Цзинъ и 4 Шу, часто—тринадцать Цзинъ, принадлежатъ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ эпоха Конфуція.

Согласно этому подраздѣленію, великими классиками будутъ: 1) Ицзинъ (книга превращеній) она была предназначена для объясненія употребляемыхъ въ гаданіи и состоящихъ изъ прямыхъ и ломанныхъ линій 8 триграммъ и развившихся изъ нихъ далѣе 64 гексаграммъ; эти знаки, восходящіе въ миѳическій періодъ (см. стр. 56), несомнѣнно древнѣе XIII-го столѣтія до Р. Х. Вэнь-ванъ дин. Чжоу, отецъ, и Чжоу-гунъ, братъ перваго императора этой династіи, говорятъ, сдѣлали объясненіе этихъ знаковъ, сохраненныхъ въ Ицзинѣ; дальнѣйшіе 10 отдѣловъ этого произведенія, вѣроятно, по ошибкѣ, приписываются Кунфуцзы. 2) Шуцзинъ (книга историческихъ начертаній) содержитъ остатки нѣкогда гораздо болѣе обширнаго собранія историческихъ фактовъ и свидѣтельствъ съ 2357—627 до Р. Х. Это произведеніе приписывается также Кунфуцзы; но первое упоминаніе о его авторствѣ является лишь во II-мъ столѣтіи до Р. Х., т. е. 350 лѣтъ послѣ его смерти. Вообще Кунфуцзы при жизни вовсе не игралъ той роли, которая выпала ему на долю главнымъ образомъ послѣ поступка Ши-хуанъди (220—210), когда писателямъ понадобилось знамя, вокругъ котораго они могли бы группироваться. Въ его родномъ княжествѣ Лу послѣ его смерти, по приказанію герцога, были воздвигнуты храмы, въ которыхъ приносились жертвы каждые 4 года. Однако лишь въ I вѣкѣ по Р. Х. императоръ Пин-ди изъ западной династіи Хань пожаловалъ ему почетный титулъ и только въ 57-мъ г. п. Р. Х. были введены жертвоприношенія въ честь его во всѣхъ императорскихъ и государственныхъ школахъ. До 609 п. Р. Х. онъ раздѣлялъ эту честь съ Чжоу Гуномъ, герцогомъ Чжоу, и лишь въ 628 ему стали посвящать отдѣльные храмы внѣ предѣловъ Лу, но ни одна династія не сдѣлала столько для его почитанія, какъ нынѣ царствующая маньчжурская. 3) Шицзинъ (книга пѣсенъ) содержитъ 305 пѣсенъ, которыя скорѣе всего можно назвать народными, и праздничныя пѣсни на разные случаи изъ эпохи 1765—585 до Р. Х. И Шицзинъ также безъ осно-

ванія приписывается Кунфуцзы; во всякомъ случаѣ задолго до него существовали какъ Ши, такъ и Шу. 4) Чжоу-ли (государственное устройство) государственный календарь династіи Чжоу, по преданію, относится къ XII-у стол. по Р. Х.; она, какъ и большинство другихъ книгъ, была затеряна во время династіи Цинь и лишь въ 40 году п. Р. Х. снова найдена. 5) И-ли (книга церемоній) въ своемъ теперешнемъ видѣ состоитъ изъ двухъ текстовъ, вновь найденныхъ во II-мъ столѣтіи п. Р. Х.; о какомъ-то И-ли упоминаетъ Мэнъ-цзы, но во всякомъ случаѣ книга существовала уже во время Кунфуцзы, если не раньше его. 6) Лицзи (тоже книга церемоній), вѣроятно работа изъ II-го столѣтія по Р. Х. содержитъ древнія объясненія вопросовъ, трактуемыхъ въ И-ли. Въ ней находится такъ называемый календарь династіи Ся, который, будь онъ подлиннымъ, содержалъ бы астрономическія данныя болѣе древнія, чѣмъ христіанское лѣтосчисленіе на 2000 лѣтъ. 7—9) Чунь-цю (хроника Кунфуцзы) собственно, осень и весна, т. е. ежегодникъ: онъ содержитъ хронику китайскаго государства съ 722—484 до Р. Х., распредѣленную по князьямъ Лу. Произведеніе это, приписываемое Мэнъ-цзы Конфуцію, сухая и плохая работа, остовъ, который получаетъ значеніе и итересъ только, благодаря прибавленіямъ трехъ толкователей Цзо-цю-мин'а, Гунъ-ян'а и Гулян'а. 10) Лунь-юй, разговоры Кунфуцзы: изреченія мудреца, собранныя его учениками. 11) Сочиненія Мэнъ-цзы, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ написанныя самимъ философомъ, жившимъ 371—288 до Р. Х., по другимъ—составленныя его учениками; это собраніе изреченій философа. 12) Сяо-цзинъ (книга дѣтской любви), говорятъ, написанная внукомъ Конфуція, Цзы-сы, на основаніи разговоровъ учителя съ однимъ изъ его учениковъ; она касается исполненія обязанностей дѣтской любви и отношеній между господами и слугами. 13) Словарь Эр-я 500 г. до Р. Х. содержитъ тексты, будто бы доходящіе до XIII столѣтія. 14) Да-сіо (великое ученіе) также приписываемое внуку Конфуція, Цзы-сы, учитъ, какъ проявлять добродѣтель, воспитывать народъ и пребывать въ совершенствѣ. 15) Чунъ-юнъ (неизмѣнная середина) произведеніе внука Конфуція, учитъ, что полученное человѣкомъ отъ Неба, есть его природа и кто дѣйствуетъ въ согласіи съ ней, идетъ по пути долга, и научается идти по этому пути съ помощью указанія; каждый, въ особенности правитель, долженъ дѣйствовать своимъ примѣромъ и, чтобъ имѣть вліяніе, долженъ стремиться къ совершенству; дорога къ этой цѣли лежитъ по серединѣ. 16) Чжу-шу (бамбуковыя книги), о происхожденіи которыхъ упоминалось выше; (см. стр. 57) бамбуковыя таблички съ болѣе, чѣмъ 100,000 писанныхъ знаковъ, содержатъ, помимо ежегодника, копію съ Ицзина и 13 другихъ, частью очень фантастическихъ произведеній. Не подлинникъ, но очень цѣнное сочиненіе, вслѣдствіе массы преданій, которыя оно содержитъ, представляетъ книга Кун-цзы-цзя-юй изъ III-го стол. п. Р. Х. — изреченія Конфуція въ кругу его учениковъ.

Большая часть приведенныхъ сочиненій, за исключеніемъ Ицзина, сочиненій Мэнъ-цзы и Эр-я, погибло во время истребленія книгъ при Ши-хуан-ди (см. стр. 68) и отыскалось долгое время спустя, часто въ неполномъ видѣ или въ разныхъ, несогласныхъ текстахъ. Прилежаніе собирателей и толкователей тогда возстановило, что возможно было возстановить, но и китайская критика считаетъ многія мѣста, оффиціально признанныя вѣрными, за сомнительныя или за поддѣлку. Тѣмъ не менѣе классическія произведенія китайцевъ въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, должны считаться правдивою картиною времени, въ которое они были написаны, или по крайней мѣрѣ, какъ они представлялись позднѣйшимъ китайцамъ.

Отъ другого философскаго направленія — даосизма не осталось болѣе древнихъ памятниковъ, чѣмъ приписываемая полумиѳическому Лаоцзы книга „Пути и Добродѣтели“ — Дао-до-цзинъ. Ли-эръ (настоящее

имя Лаоцзы — „стараго мальчика“,) родился, по преданію, въ 604 г. до Р. Х. и, послѣ едва-ли достовѣрнаго свиданія съ Кунфуцзы, исчезъ. Часто встрѣчающіяся въ Дао-до-цзинѣ слова — „мудрецъ“, „старецъ“ — доказываютъ, что и ученіе Лаоцзы не могло быть ново. То, что Лаоцзы рекомендуетъ, какъ результатъ мудрости прежнихъ временъ, есть полнѣйшее воздержаніе и созерцаніе. Значеніе слова „Дао“ никогда не было вполнѣ разъяснено или понято; какъ греческое слово „Logos“, оно одновременно — причина и дѣйствіе. Лаоцзы такъ говоритъ о Дао: „Оно было неопредѣленно и совершенно, существовало раньше неба и земли; оно было покойно и неосязаемо, едино и неизмѣнно, все создавало и было неисчерпаемо, мать всѣхъ вещей. Я не знаю его имени и называю его Дао; я ищу его имя и называю его Великимъ; оно течетъ великимъ навсегда, оно удаляется и снова возвращается назадъ, потому Дао — Великій.“ Другое мѣсто дало поводъ предполагать еврейское вліяніе: „Мы ищемъ Дао и не видимъ его: оно безцвѣтно, мы прислушиваемся къ нему и не слышимъ его — оно беззвучно; мы пытаемся его взять и не можемъ схватить — оно безплотно; то, что безцвѣтно, беззвучно, безплотно, нельзя описать, поэтому мы называемъ его Единое.“ То обстоятельство, что слова — беззвучно, безцвѣтно, безплотно, въ китайскомъ текстѣ звучатъ — И, Си; Си-вэй, навело Абеля Ремюза, Виктора ф. Штраусса и I. Эдкинса на мысль, оспариваемую всѣми прочими синологами, что Лаоцзы этими словами называетъ еврейскаго Iегову. Вѣроятно, хотя, во всякомъ случаѣ, не доказано индійское вліяніе на развитіе этого созерцательнаго ученія. Въ космогоническомъ отношеніи Лаоцзы стоитъ на древне-китайской точкѣ зрѣнія: Дао произвело Единое, одинъ — два, два — три; три произвело все. „Все“ оставляетъ темноту, изъ которой произошло, и идетъ впередъ къ свѣту, а духъ пустоты его совершенствуетъ; это означаетъ, что изъ первичнаго хаоса, содержащаго всѣ зародыши, но называемаго пустотой, п. ч. онъ безплотный, развивается двураздѣльная мужская и женская сила, создающая мертвую форму въ трехъ ея высшихъ проявленіяхъ: небѣ, землѣ и человѣкѣ, которымъ дыханіе даетъ жизнь.“

Дальнѣйшее развитіе ученія Дао сводится къ тому, что его кульминаціонной точкой была борьба противъ конфуціанства и рѣзкая критика Конфуція; Чжуанъ-цзы, Лію-юй-коу (по латыни Лиціусъ), пожалуй и Янъ-чжу, у котораго слишкомъ рѣзко выступаютъ эпикурейство и цинизмъ, стояли, какъ мыслители, гораздо выше Конфуція и Мэнъ-цзы (Мен-ко Менціусъ 371—289 до Р. Х.), который самъ далеко превзошелъ своего учителя. Уже при Мэнъ-цзы начинаетъ рѣзче выступать алхимистическо — некромантическое направленіе, которое всегда было въ даосизмѣ и постепенно беретъ верхъ. По мѣрѣ того, какъ ученіе мельчаетъ, жрецы Дао все болѣе покидаютъ занятіе философіей и обращаются къ эксплоатаціи суевѣрія. Тамъ, гдѣ они добивались вліянія на правителей и государственныхъ людей, они всегда вредили здравому развитію.

Въ противоположность этому паденію даосизма, стоявшаго вначалѣ выше въ духовномъ отношеніи, сухая мудрость Конфуція и его школы удержалась на прежней ступени и до сего дня неизмѣнно вліяетъ на китайцевъ. Конфуціанство учитъ быть хорошимъ отцомъ, чиновникомъ, министромъ, правителемъ и императоромъ, исполнять обязанности своего положенія и заботиться о томъ, чтобы подчиненные, дѣти, народъ, и чиновники исполняли ихъ и съ свой стороны. Начиная съ любви ребенка къ отцу, и кончая любовью императора къ своему народу, философія этой школы обнимаетъ всѣ ступени человѣческихъ отношеній: министра къ правителю, отца къ сыну, мужа къ женѣ, старшаго брата къ младшему, друга къ друзьямъ, и этимъ самымъ она пріобрѣла такое вліяніе на жизнь, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества, что и до сихъ поръ ничто не было въ силахъ его поколебать. (см. в. стр. 62).

Е. Культура древнихъ китайцевъ.

Само собой разумѣется, что высокое духовное развитіе, выразившееся въ даосизмѣ и конфуціанствѣ, и существовавшее уже, по свидѣтельству классическихъ произведеній и по словамъ великихъ истолкователей этихъ ученій, задолго до Лаоцзы и Конфуція, могло развиться только на почвѣ общаго образованія и сравнительно высокой культуры. Въ Чжоу-ли, И-ли и Ли-цзи мы находимъ доказательства строго выработанной системы управленія. Права и обязанности всѣхъ сословій предписаны до малѣйшихъ подробностей, каждое время года имѣетъ свои опредѣленныя задачи; всѣ дѣйствія, которыя нужно соблюдать при погребеніяхъ, пріемахъ, освященіи храмовъ, на пирахъ и обѣдахъ, при стрѣльбѣ изъ лука и т. д., точно предусмотрѣны и предписаны; отношенія между родителями и дѣтьми и формы, которыя нужно при этомъ соблюдать, также предписаны.

На вооруженіе и передвиженіе войскъ, которымъ приказанія отдаются посредствомъ сигналовъ, обращено большое вниманіе. Для ѣзды употребляются открытыя и закрытыя двухколесныя колесницы въ одну, двѣ, три и четыре лошади въ рядъ; для войны служатъ повозки, запряженныя двумя лошадьми и вмѣщающія трехъ человѣкъ: возницу, копьеносца и лучника; императоръ отправляется на войну съ 10,000 колесницъ. Конница въ древнѣйшія времена, повидимому, не была въ употребленіи, но уже во II-мъ вѣкѣ п. Р. Х. есть изображенія конныхъ въ битвѣ. Оружіемъ было: копье, алебарда, мечъ, палица и топоръ, лукъ и стрѣлы и самострѣлъ; для защиты, повидимому, употреблялись маленькіе щиты и въ началѣ кожаные панцыри, которые скоро были замѣнены кольчугой и пластинчатымъ панцыремъ. И въ мирныхъ искусствахъ китайцы сдѣлали значительные успѣхи уже за 1000 лѣтъ до христіанской эры. Бронзовые сосуды, по преданію, изъ времени династій Ся, Шэнъ и Чжоу, изъ которыхъ нѣкоторые сохранились до нашего времени (въ Бо-гу-ду-лу, котораго первое изданіе относится къ 1119—1126 и въ Си-цзинъ-гу-цзянъ, изданномъ, по приказанію императора Цзянъ-луна въ 1759 г. для его коллекціи древностей, есть много изображеній этихъ сосудовъ), отличаются превосходной работой и богатымъ орнаментомъ изъ арабесокъ съ животными; встрѣчаются большіе и маленькіе колокола и колокольчики; красивыя работы изъ нефрита, особенно жертвенныя чаши, тарелки и наконечники оглоблей колесницъ также находятся въ большомъ количествѣ. Шелковое производство было, повидимому, сильно развито, благодаря вниманію, кото. рымъ оно пользовалось при дворѣ императора и князей. О гончарномъ искусствѣ мало извѣстно. Во II-мъ и III столѣтіи до Р. Х. есть опредѣленныя указанія на изготовленіе глиняныхъ сосудовъ и черепицы, но не подлежитъ сомнѣнію, что глиняныя издѣлія приготовлялись гораздо раньше, зато фарфоръ появляется только въ VI или VII-мъ столѣтіи нашей эры.

Объ изобрѣтеніи письменныхъ знаковъ неизвѣстно ничего опредѣленнаго. Изъ Чжоу-ли, относящагося къ XII столѣтію до Р. Х. слѣдуетъ, что въ каждый девятый годъ историки различныхъ княжествъ сходились въ столицу государства для сравненія выговора и письменныхъ знаковъ. По Дай-туну, лексикографу XII-го столѣтія п. Р. Х., первые мощные властители династіи Чжоу установили въ этомъ отношеніи порядокъ и единство, а въ „Неизмѣнной Серединѣ“, относящейся къ V-му вѣку до Р. Х. указывается, что только императору подобаетъ предписывать обычаи, устанавливать мѣры и назначать знаки: по всей странѣ колесницы имѣютъ колеса той же формы, и вся письменность пишется одинаковыми знаками. Бамбуковыя таблички, соединенныя ремешками, служили для письма еще послѣ Конфуція; на нихъ сперва вырѣзали знаки, а потомъ рисовали лаковой жидкостью. Изобрѣтеніе или, по крайней мѣрѣ, общее употребленіе волосяной кисточки относится только къ 220 г. до Р. Х. Позднѣе

Объясненіе древне-китайскаго барельефа.

У подножія горнаго хребта Ву-че-шань (Цё-юнь-шань) въ области Цзя-сянъ (Шантунъ) находится обширное и для знакомства съ древне-китайской скульптурой чрезвычайно важное мѣсто погребенія фамиліи Ву, процвѣтавшей во II вѣкѣ п. Р. Х.

Вудинъ (Гао-Цзунъ, 1324—1266), императоръ династіи Шанъ, предполагаемый родоначальникъ фамиліи Ву.

Ву Н. Н.

Ву-Ше-Гунъ	Ву-Суй-Цзунъ (Лянъ) † 150 п. Р. Х.	Ву-Цзинъ-Синъ	Ву-К'аи-Минъ, генералъ въ провинціи Ву.

Дѣти Ву-Суй-Цзуна: Ву-Чунъ хангъ, Ву-ки-хангъ, Ву-ки-ли. ? Ву-Цзе-Цзяо.

Дѣти Ву-К'аи-Мина: Ву-Сянь-чангъ * 115, † 145 повелителемъ Дуань-ханга (Ганьсу). Ву-Лань-хо (Юнъ Ву).

Поставленные четырьмя сыновьями общему, неназванному отцу въ 147 п. Р. Х. и преждевременно умершему Ву Пану, памятники эти, изъ-за своихъ барельефовъ, вѣрно передающихъ жизнь и обычаи младшей или восточной династіи Ханъ, казались интересными даже самимъ китайцамъ. Въ 1786 Хуаномъ-И (Сяо-чунъ) были сдѣланы оттиски ихъ гладкаго орнамента, дополнены въ 1789 и 1820 Ли-ко-ченомъ и Лин-чао-юномъ.

О свойствахъ этого рельефа Шаваннъ говоритъ: „Люди и предметы плоски, возвышаются надъ поверхностью фона приблизительно на 2 мм., они будто вырѣзаны рѣзцомъ и затѣмъ наклеены на ровную поверхность; тѣни и детали слегка намѣчены“ (см. отдѣлъ „La pierre sculptée“ въ Paléologues „L'art chinois“ (Paris, 1887).

Изображенные у насъ барельефы находятся на 6-мъ камнѣ переднихъ камеръ гробницы, имѣющемъ 2 м. длины и 0,8 м. высоты. Изображеніе распадается на двѣ ленты неравной величины.

Верхняя лента: Двѣ послѣднихъ колесницы налѣво, какъ гласитъ надпись, принадлежатъ писцу и военачальнику. На краю слѣва три дворянина верхами; одна лошадь, смѣло и неумѣло нарисованная, повернула голову назадъ. Направо (на рисункѣ этого не видно) фигура держитъ мечъ и щитъ, другая — самострѣлъ, женщина на колѣняхъ, повидимому, молитъ о пощадѣ.

Нижняя лента: Битва, происходящая одновременно на ровной землѣ, на мосту и на рѣкѣ на лодкахъ. Направо (видна только самая маленькая часть) находятся, какъ гласятъ надписи, колесницы полицейскаго начальника, собирателя податей и писца; налѣво — колесницы главнаго собирателя податей и главнаго писца.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Древне-китайскій рельефъ на камнѣ. Плоскій орнаментъ на шестомъ камнѣ передняго склепа фамиліи Ву въ Шантунѣ (около 150 г. по Р. Х.). Въ 1/7 наст. величины.

Рисовано д-ромъ Фр. Этцольдомъ съ оттиска, изображеннаго Эд. ***Шаванномъ*** *въ его трудѣ „Sculpture sur pierre en Chine“.*

вошли въ употребленіе шелкъ и другія болѣе дешевыя ткани; бумага же изъ древесной коры, конопли, тряпокъ и старыхъ сѣтей относится только къ 105 п. Р. Х., но шелкъ употреблялся еще до 418 п. Р. Х.

Для знакомства нашего съ древней китайской культурой особый интересъ представляютъ остатки внутренняго устройства могильныхъ склеповъ, сохранившіеся въ разныхъ мѣстахъ Шантунга; два главныхъ мѣста нахожденія ихъ лежатъ у У-цзе-шана и Сяо-тан-шана; въ другихъ мѣстахъ Шантунга находятъ или отдѣльныя плиты или по двѣ и по три вмѣстѣ. Онѣ относятся ко II-му столѣтію п. Р. Х., главнымъ образомъ къ 147—169 и 125—137, но не подлежитъ сомнѣнію и по литературнымъ даннымъ, что искусство изготовлять барельефы было распространено въ Китаѣ уже во II-мъ столѣтіи до Р. Х. Сцены, представленныя на внутренней сторонѣ могильныхъ склеповъ, и сообщенныя намъ Эдуардомъ Шаваннъ (E. Chavannes), почти исключительно заимствованы изъ классическихъ произведеній, но, благодаря разнообразію содержанія въ изображеніяхъ колесницъ, всадниковъ, борьбы, охоты, рыбной ловли, императорскихъ пріемовъ и торжественныхъ представленій со слонами, верблюдами и обезьянами, даютъ характерную картину древняго Китая (см. приложенную таблицу — „Древне-китайскій рельефъ на камнѣ“),

Нѣсколько рисунковъ дворцовъ, съ богатыми наружными украшеніями, имѣютъ дополнительное объясненіе въ стихотвореніи, сочиненномъ Вэнь-вэнь-гао во 2-й половинѣ II-го стол. п. Р. Х. о „Дворцѣ сверхъ-естественной чистоты“, воздвигнутомъ королемъ Гуномъ, сыномъ императора Цина во 2-й половинѣ II-го вѣка до Р. Х. въ Лу въ Шантунгѣ. Ванъ описываетъ дворецъ слѣдующими словами: „Совсѣмъ наверху, на верхнихъ балкахъ находится много варваровъ; они, повидимому, соблюдаютъ правила приличія, такъ какъ стоятъ на колѣняхъ и смотрятъ другъ на друга: у нихъ большая голова и тупой взглядъ орла; у нихъ громадная голова, съ глубоко лежащими глазными впадинами и они широко открываютъ глаза; они производятъ впечатлѣніе людей, находящихся въ опасномъ мѣстѣ и исполненныхъ страха; отъ ужаса они морщатъ брови и полны безпокойства. Божественныя существа находятся совсѣмъ наверху на князькѣ; женщина изъ нефрита смотритъ на окно и смотритъ внизъ; внезапно взоръ мутится отъ обилія шума и видѣній, какъ будто тамъ присутствуютъ демоны и духи. Представлены всѣ многочисленные роды существъ, живущихъ на небѣ и на землѣ, разнообразнѣйшіе предметы, чудеснѣйшія чудеса, боги горъ, духи морей; представлены ихъ изображенія; красной и синей краской представлены тысячи фигуръ, 10,000 превращеній; каждый предметъ имѣетъ свое мѣсто и свой родъ; благодаря краскѣ, похожъ на предметъ того же порядка, благодаря искусству, выражена его сущность. Наверху доходимъ до великаго раздѣленія (обоихъ элементовъ изъ хаоса) и до начала древнѣйшей древности; тамъ пять драконовъ съ двумя крыльями, Жэнь-хуанъ съ 9-ю головами, Фу-си съ тѣломъ, покрытымъ чешуей, Нюй-гуа; его верхняя часть туловища переходитъ въ змѣю. Хаосъ великъ и безформенъ, видъ его грубъ и не обдѣланъ. Здѣсь являются блистающіе свѣтомъ Хуанъ-ди, Танъ и Юй; у нихъ колесница Сянь и шляпа Нянь, ихъ плащи и платья — различныя части одежды. Внизу видимъ три династіи (Ся, Юй, Чжоу); здѣсь любимѣйшія жены императоровъ и главы возстаній, вѣрные подданные и благочестивые сыновья, выдающіеся мужи и добродѣтельныя жены, мудрецы и глупцы, побѣдители и побѣжденные; нѣтъ никого, кто бы тамъ не былъ. Дурные примѣры на лицо, чтобы отвратить міръ отъ дурного, добрые для того, чтобы поучать потомство“. Дворцы, изображенные на плитахъ склеповъ, украшены птицами (воронами, фазанами, павлинами, совами, гусями, ястребами) играющими обезьянами, соколомъ, нападающимъ на зайца; украшенія находятся на князькѣ крыши и на широкихъ крышеобразныхъ прикрытіяхъ, колоннъ

повидимому, стоящихъ открыто; на другихъ плитахъ находятся изображенія сказочныхъ существъ изъ миѳическаго періода, древнихъ императоровъ и героевъ, похожихъ на описанныхъ Ваномъ.

Ж. Древняя исторія Китая.

а) Династія Чжоу (1122—249 до Р. Х.).

Мѣсто жительства предковъ Чжоу находилось первоначально вблизи отъ теперяшняго Пинь-чжоу, по среднему теченію рѣки Цзинъ, лѣваго притока Вей, который впадаетъ въ Хоанго. Тѣснимый варварами Ду, которыхъ онъ не могъ задобрить ни подарками, ни уплатой дани, первый герцогъ Чжоу, Даньфу (стр. 58) утвердился въ 1327 до Р. Х. на полпути между Цзиномъ и Вей на горахъ Чи-шань; его сынъ Вень-ванъ перенесъ резиденцію еще южнѣе на правый берегъ Вей у Фынъ въ область нынѣшняго Синангфу въ Шеньси. Предположеніе, что народъ и династія Чжоу были татарскаго происхожденія, имѣетъ многое за себя; такъ, напримѣръ, проявленія шаманскаго вліянія, наблюдавшееся въ ихъ время. Колдуны и колдуньи занимали при Чжоу официальное положеніе, они постоянно сопровождаютъ князя, и въ семьѣ и въ государствѣ едва ли что совершалось безъ ихъ совѣта. Татарскому же вліянію можно приписать человѣческія жертвы (при погребеніи), упоминаемыя въ Шицзинѣ, въ Лицзи и у Мэнъ-цзы и встрѣчающіяся еще въ началѣ эпохи нынѣ царствующей маньчжурской династіи (середина XVII ст.).

α) Судьбы Чжоу до 600 до Р. Х.

Созданіе большого количества ленныхъ государствъ первыми и вторыми правителями династіи можно объяснить двойной потребностью: съ одной стороны—упрочить собственную силу дарованіемъ ленныхъ владѣній родственникамъ и слугамъ, съ другой — пріобрѣсти друзей среди окружающихъ вліятельныхъ лицъ. Такъ на ряду съ 15 братьями перваго властителя раздаются ленныя владѣнія какъ потомкамъ пяти императоровъ, такъ и другихъ властителей и заслуженныхъ государственныхъ людей, въ общемъ 55. Кромѣ того, существуетъ или создается большое количество (около 1800) меньшихъ и большихъ непосредственныхъ государственныхъ людей. Размѣры леннаго дара регулировались чиномъ одаряемаго и, повидимому, колебались между 100 ли для князей и графовъ и 50—для простыхъ дворянъ.

Изъ большихъ леновъ (125 сохранили свои названія), Ци, Лу и Цзао лежали въ Шантунгѣ, Янь — въ Чжили у теперешняго Пекина, Цзинь, отъ котораго позднѣе отдѣлились Чжао, Хань и Вэй, — въ Шаньси — всѣ къ сѣверу отъ Хоанго; къ югу отъ него въ Хэнани — Чжэнъ (сначала въ Шеньси), Сунъ, Цзя и Вэй; въ Шэньси къ западу отъ большого изгиба Хоанго-Цзинъ по среднему теченію Янтсе въ Ху-гуанъ-Чу; наконецъ, Ву въ теперешнемъ Цзянсу и Юэ въ Чжэцзянѣ. Созданіемъ этихъ ленныхъ государствъ было положено начало паденію династіи: вмѣстѣ съ паденіемъ императорской власти росла власть крупныхъ территоріальныхъ владѣтелей, и фактъ этотъ находитъ себѣ выраженіе сначала въ семейныхъ распряхъ внутри самихъ княжествъ, а затѣмъ въ борьбѣ между различными ленными государствами.

Первымъ признакомъ перемѣны отношеній между императоромъ и князьями было возстаніе въ Лу и восшествіе на престолъ Цзи, убійцы своего брата (1039) безъ того, чтобы императоръ вмѣшался въ это дѣло. Му-ванъ (1001—946) играетъ большую роль въ позднѣйшей даосской литературѣ, вѣроятно, вслѣдствіе дѣйствительно совершеннаго имъ похода противъ племени Жунъ; разсказываютъ, что онъ посѣтилъ Си-Ванъ-му, мать короля Запада, жившую въ Куэнъ-Лунѣ; посѣщеніе это съ фантасти-

ческими подробностями описано въ бамбуковой книгѣ. Ли-ванъ былъ изгнанъ народомъ въ 842 г. за дурную жизнь и жилъ въ изгнаніи, а въ это время управляли его министры. Сынъ его Сюань-вань (827—782) предпринималъ лично или черезъ своихъ генераловъ рядъ походовъ противъ пограничныхъ народовъ, отпавшихъ отъ Китая въ правленіе его отца, и покорилъ ихъ снова.

Съ воцареніемъ сына Сюань-вана, Ю-вана начинается историческая эпоха. Къ правленію его относится разсказъ о красивой дѣвушкѣ изъ Бао-Бао-Сы; присланная въ подарокъ княземъ маленькаго вассальнаго государства Бао, которое онъ хотѣлъ завоевать, она сумѣла скоро опутать его своими сѣтями. Китайскіе лѣтописцы разсказываютъ, что, желая вызвать улыбку своей возлюбленной, онъ приказалъ зажечь сигнальные огни, которыми вызывались на помощь войска ленныхъ государствъ; увидѣвъ ихъ одураченными, она дѣйствительно засмѣялась, но за то, когда черезъ нѣсколько лѣтъ случилось нападеніе Жуновъ и князья не поспѣшили на поданный знакъ, императоръ вмѣстѣ съ своей возлюбленной былъ убитъ врагами. Его сынъ и наслѣдникъ Пинъ-ванъ (770—720) перенесъ резиденцію въ основанную уже Ченъ-ваномъ, сыномъ Ву-вана, (1115) восточную столицу Тунъ-ту въ Ло-янѣ. Съ нимъ начинается вѣкъ Дунъ-чжоу, т. е. восточныхъ Чжоу. Дальнѣйшая исторія Китая была скорѣе исторіей борьбы между различными ленными государствами, чѣмъ исторіей императорскаго дома, внутри котораго царили безпорядки.

β) Кун-фу-цзы.

Въ 550 г. при Линъ-ванѣ (571—544) въ кн. Лу родился Кун-фу-цзы (Конфуцій, см. стр. 59) происходившій изъ боковой линіи императорскаго дома Шэнъ. Уже въ молодые годы онъ получилъ должность, вѣроятно, благодаря вліянію фамиліи Ци, одной изъ трехъ важнѣйшихъ въ княжествѣ, отъ которой онъ находился въ какой-то зависимости, но промѣнялъ ее около 517 г. на педагогическую дѣятельность; онъ собралъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, и путешествуя съ ними по странѣ, направился въ тогдашнюю столицу государства. Тамъ онъ встрѣтился, согласно болѣе позднимъ преданіямъ, съ Лао-цзы, гораздо болѣе старымъ и занимавшимъ мѣсто смотрителя сокровищницы. Когда онъ вернулся въ Лу, между тремя самыми могущественными семьями княжества Ци, Шу и Манъ, начались распри: герцогъ былъ изгнанъ, и Конфуцій послѣдовалъ за нимъ въ сосѣднее княжество Ци. Не найдя здѣсь должности, онъ снова вернулся въ Лу, но и тутъ прошло 15 лѣтъ, прежде чѣмъ онъ добился мѣста—сначала перваго чиновника города Чжунъ-ту, затѣмъ главнаго надзирателя общественныхъ построекъ и, наконецъ, министра юстиціи. По преданію, онъ отличился на всѣхъ трехъ должностяхъ, но сдѣлался жертвою интригъ своихъ враговъ, достигшихъ цѣли подаркомъ 60 танцовщицъ и пѣвицъ его герцогу. Вѣроятнѣе однако, что семья Ци, доставившая ему всѣ мѣста, сама же и свергла его, когда увидѣла, что Конфуцій пытается сломить власть сильныхъ ленниковъ и разрушить ихъ укрѣпленные города. Вліянію этой семьи нужно приписать и то, что Конфуцій, послѣ долголѣтнихъ скитаній по странѣ безъ должности, только въ 483 г. могъ вернуться въ Лу уже дряхлымъ старикомъ. Тутъ онъ и умеръ въ 478 до Р. Х. 73 лѣтъ, ожесточенный крушеніемъ всѣхъ своихъ надеждъ; послѣднія его слова были: „Не является мудрый правитель, никто въ цѣломъ государствѣ не хочетъ сдѣлать меня своимъ совѣтникомъ, пришло время умереть!“

Конфуцій былъ истиннымъ сыномъ своего времени и своей страны: стараніе его не выйти изъ круга повседневныхъ отношеній въ жизни и не возвыситься надъ нимъ одно могло обезпечить ему продолжительное вліяніе па соотечественниковъ. Одинъ изъ его новѣйшихъ толкователей говоритъ о немъ: „Конфуцій говорилъ предпочтительно объ обыкновенномъ и пра-

вильномъ, а не о чрезвычайномъ и необычномъ; онъ говорилъ о томъ, чего можно достигнуть дѣятельностью и покоющеюся въ ней силой, а не о томъ, что достигается перевѣсомъ силы; онъ говорилъ объ условіяхъ порядка, а не объ анархическихъ условіяхъ съ ихъ интригами; онъ говорилъ о человѣческихъ, а не сверхъ естественныхъ предметахъ; онъ училъ понимать основныя положенія въ писаніяхъ древнихъ и поступать согласно съ ними, училъ сердечной нравственности и какъ оставаться вѣрнымъ этическимъ принципамъ". Онъ отвѣчаетъ на вопросъ одного изъ своихъ учениковъ: есть ли такое слово, которое можетъ считаться правиломъ для поведенія на всю жизнь? — „А взаимность, развѣ не такое слово?"; и на вопросъ другого: нужно ли платить добромъ за зло? говоритъ: „А чѣмъ же тогда платить за добро? Воздавайте за зло справедливостью, а за добро-- добромъ". Этими словами онъ становится на точку зрѣнія большинства (Лаоцзы въ Дао-Цзинѣ является представителемъ золотого правила) и какъ бы ясно подтверждаетъ господствовавшую въ Китаѣ тогда и позднѣе кровавую месть. Было бы ошибочно видѣть въ поученіяхъ и странствіяхъ Конфуція отъ одного княжескаго двора къ другому нѣчто особенное; задолго до него и послѣ него по Китаю странствовали многіе со свитой изъ учениковъ и приверженцевъ, часто въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; ихъ можно сравнить съ еврейскими пророками, брахманскими и буддійскими мудрецами и греческими философами. Полуриторы, полуполитики, они искали при дворахъ князей занятій и мѣстъ; благодаря ихъ самомнѣнію, гордости и притязательности, еще больше, пожалуй, вслѣдствіе ихъ матеріальныхъ требованій, они никому не были желательны; князьямъ и народу они были въ тягость, для присяжныхъ государственныхъ людей прямо ненавистны, и потому нигдѣ не могли долго удержаться, даже и тамъ, гдѣ раньше находили пріютъ и практическую дѣятельность и гибли отъ козней мѣстныхъ дворянскихъ и чиновничьихъ семей, спорившихъ изъ-за власти въ каждомъ маленькомъ государствѣ „Послѣ смерти Конфуція", какъ сказано въ исторіи прежней династіи Хань (210 до Р. Х.—24 по Р. Х.), „ученію его пришелъ конецъ и, когда умерли его 10 учениковъ (очевидно подразумѣваются только главнѣйшіе), оно было искажено. Явилось большое количество различныхъ текстовъ Шу-цзина, Ши-цзина и И-цзина; во время безпорядковъ и споровъ въ періодъ междоусобныхъ войнъ истина и ложь находились въ еще большей распрѣ, а въ ученіяхъ различныхъ ученыхъ царило большое смущеніе".

γ) Мэнъ-цзы.

Въ это время государственнаго упадка и упадка ученій выступилъ Мэнъ-цзы. Онъ родился въ 371, тоже въ Лу, и происходилъ отъ одной изъ трехъ могущественныхъ фамилій, подѣлившихъ въ княжествѣ власть во время Конфуція, а затѣмъ лишившихся своего положенія и обѣднѣвшихъ. Жизнь Мэнъ-цзы была сходна съ жизнью его учителя: онъ рано собралъ въ своемъ родномъ городѣ учениковъ, вносившихъ, по обычаю того времени, на содержаніе его извѣстную сумму, смотря по состоянію, но скоро промѣнялъ эту покойную жизнь на политико-реформаторскую дѣятельность, отправившись вмѣстѣ съ учениками ко дворамъ мелкихъ княжествъ. До 323 г. онъ занималъ въ Ци незначительную государственную должность, повидимому, безъ особаго успѣха, затѣмъ онъ отправился далѣе въ Сунъ, Су, Цзоу, Танъ, Лянъ, опять въ Ци и, наконецъ, въ 309, обезсиленный и разочарованный, вернулся въ Лу. Здѣсь онъ жилъ въ уединеніи и умеръ всѣми забытый въ 289 до Р. Х.

Хотя Мэнъ-цзы, несомнѣнно, былъ болѣе выдающимся и энергичнымъ человѣкомъ, чѣмъ Конфуцій, однако же прошло болѣе 1300 лѣтъ (до 1088 по Р. Х.) прежде, чѣмъ онъ былъ оффиціально признанъ и получилъ, хотя и четвертое мѣсто среди учениковъ въ храмахъ Конфуція, а сочиненія его

были приняты въ число классиковъ (стр. 59). Это оффиціальное пренебреженіе, мало гармонирующее съ уваженіемъ, которое ему оказывалось въ литературныхъ кругахъ, объясняется тѣмъ, что въ противоположность Конфуцію строго придерживавшемуся верховной власти и могущества императорскаго дома, и осуждавшему всякое преступленіе тѣсныхъ границъ церемоніала какимъ нибудь имперскимъ княземъ, какъ ничѣмъ не оправдываемую вольность, Мэнъ-цзы видѣлъ непрочность царствующей династіи, дѣйствительно павшей чрезъ 40 лѣтъ послѣ его смерти, и высказалъ идею, что императорская власть принадлежитъ достойнѣйшему. Кромѣ того, по его ученію, народъ былъ — все. „Народъ“, говоритъ онъ, „самое существенное въ странѣ, затѣмъ идутъ боги земледѣлія и злаковъ, а наименѣе важное — это правитель“. При объясненіи мѣста изъ Шу-цзина: „Небо видитъ, какъ видитъ мой народъ; небо слышитъ, какъ слышитъ мой народъ“ Мэнъ-цзы говоритъ, „что небо не говоритъ, и если тотъ, кому досталась власть, ведетъ себя хорошо, это доказываетъ, что небо даровало ему власть; если онъ ведетъ себя дурно, кто-нибудь возстанетъ и возьметъ отъ него власть“. Такъ основатель династіи Чжоу свергъ послѣдняго недостойнаго представителя династіи Шанъ и этимъ показалъ себя орудіемъ неба. Мэнъ-цзы даже приглашаетъ короля Сюань, у котораго находится, сдѣлать то же и свергнуть династію Чжоу, оказавшуюся недостойной трона. Понятно, что подобные принципы, открыто высказанные, не могли доставить ему расположенія властителей, ни современныхъ, ни позднѣйшихъ, тѣмъ не менѣе они остались существеннымъ противовѣсомъ для абсолютистскихъ поползновеній китайскихъ властелиновъ. Разсужденія Мэнъ-цзы о томъ, хороша или дурна натура человѣческая, возраженія противъ мнѣнія соціалистовъ, что всякій, особенно государь, долженъ самъ снискивать себѣ пропитаніе, т. е. сѣять, жать и самъ все приготовлять, противъ ученія Мо-Ди о всеобщей любви, т. е. благожелательности ко всѣмъ, противъ принципа даосиста Янъ-Чжу — „Каждый для самого себя“, его философскія размышленія о предопредѣленіи, сыновней любви, страстной натурѣ и прочее указываютъ, какъ кипуча была духовная жизнь въ Китаѣ въ его время. Можетъ быть тамъ, какъ въ Германіи, дробленіе на мелкія княжества, ограничивавшее политическій кругозоръ князей и народа, способствовало распространенію научнаго развитія.

д) Конецъ династіи Чжоу.

Помимо борьбы между властителями государства, семейные раздоры и борьба за наслѣдство, часто сопровождаемая возстаніемъ и убійствами, такъ ослабили императорскую власть, что она не въ силахъ была вмѣшиваться въ непрерывную борьбу между вассалами имперіи. Результаты борьбы, начавшейся въ V стол. до Р. Х. и окончившейся въ 221 по Р. Х., очевидны изъ прилагаемаго обозрѣнія, заимствованнаго изъ таблицъ Арендта.

Сунъ завоевалъ Цао въ 487; завоеванъ Ци въ 286 (Ци завоеванъ Цинь въ 221).

Чу завоевываетъ Чэнь въ 478; Цай въ 447; Цзи въ 445; Юе въ 334; Лу въ 249; Цинемъ завоеванъ въ 223.

Юе завоевываетъ Ву въ 473; Чу завоеванъ въ 334 (Чу завоеванъ Цинемъ въ 223).

Хань дѣлитъ Цзинь съ Чжао и Вэй въ 376; завоевываетъ Чжэнъ въ 375; Цинемъ завоеванъ въ 230.

Чжао (позднѣе Даи) дѣлитъ Цзинь съ Хань и Вэй въ 376; въ 228 завоеванъ Цинемъ; также Дай въ 222.

Вэй дѣлитъ Цзинь съ Ханемъ и Чао въ 376; Цинемъ завоеванъ въ 225.

Ци покоряетъ Суна въ 286; Цинемъ завоеванъ въ 221.

Цинь покоряетъ Хань въ 230; Чжао въ 228; Вэй въ 225; Цу въ 223; Дай и Янь въ 222; Ци въ 221; присоединяетъ Вей въ 209.

б) Династія Цинь (220—206 до Р. Х.).

Государство, вышедшее въ концѣ концовъ побѣдителемъ изъ этой борьбы всѣхъ противъ всѣхъ и приготовившее гибель императорскому дому

Чжоу, было Цинь, сильно подверженное татарскому вліянію. Родоначальникъ его Фэй-цзы былъ конюхомъ императора Сяо (909—895), изъ династіи Чжоу, и получилъ отъ него въ ленный даръ область Цинь. Сынъ его, графъ Циньскій правилъ съ 857—848; Бо (847—845) былъ первымъ герцогомъ; Хуй-вэнь (337—311) первымъ королемъ Цина. Въ 256 до Р. Х. Нань-ванъ, послѣдній изъ Чжоу, уступилъ власть Чжао-сяну изъ Цина; его второй наслѣдникъ, Чжуанъ Сэнъ (249—247), низложилъ регента вост. Чжоу, послѣдній отпрыскъ императорскаго дома, и этимъ положилъ конецъ династіи. Его преемникъ въ Цинь покорилъ въ срокъ 246—221 дотолѣ независимыя государства Хань, Чжао, Вэй, Чай, Дай, Янь и Ци и въ 220 до Р. Х. взошелъ на престолъ соединенной имперіи съ титуломъ Цинь Ши-Хуанъ-Ди, — „первый великій императоръ династіи Цинь“.

Ши-Хуанъ-Ди, одинъ изъ величайшихъ правителей Китая, оставилъ среди соотечественниковъ очень дурную славу, благодаря двумъ своимъ поступкамъ: сожженію книгъ и сооруженію Великой Стѣны. Сы-ма-цянь (163—85 до Р. Х.) въ своихъ „Историческихъ Замѣткахъ“ даетъ драматическое описаніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ въ 213 г. до Р. Х. уничтоженію классиковъ (его, по преданію, избѣгли книги о лѣкарствахъ, земледѣліи, гаданіяхъ и сочиненія Мэнъ-цзы). Въ дѣйствительности же императоръ, чтобъ положить конецъ постоянной критикѣ литераторовъ, ссылавшихся на преданія древнихъ временъ, издалъ приказъ уничтожить всѣ сочиненія, содержавшія эти преданія, а когда эта мѣра оказалась недостаточной, то — казнить виновныхъ литераторовъ. Около 460 ученыхъ, утаившихъ книги, вмѣсто того чтобы выдать ихъ, и говорившихъ злыя рѣчи противъ императора, были погребены заживо; а ко всѣмъ бывшимъ въ подозрѣніи, законъ былъ примѣненъ со всей строгостью. Приказъ, изданный по совѣту министра Ли-сы, гласилъ, что всѣ хроники, за исключеніемъ хроники дома Цинь, равно и всѣ списки Шу-Цзина, Ши-Цзина и Книги 100 школъ должны быть сожжены, а кто ихъ утаитъ, будетъ заклейменъ и посланъ на работу къ Великой Стѣнѣ. Вполнѣ естественно, что человѣку, желѣзной рукой раздавившему ленное устройство, чтобы объединить государство, которое безъ него и его дома распалось бы на части, были несносны сладкопѣвцы прошлыхъ временъ и даже, можетъ быть, опасны; кромѣ того подобныя мѣры, какъ сожженіе книгъ, примѣнялись въ Китаѣ и раньше завоевателями и узурпаторами по отношенію къ лѣтописямъ покоренныхъ княжествъ.

Уже предшественники Ши-Хуанъ-Ди въ послѣдніе годы IV ст. до Р. Х. воздвигли нѣсколько укрѣпленій противъ Ху, князей Чжао и Янь и противъ Жуновъ, выступившихъ подъ названіемъ Сюнъ-ну. Ши-Хуанъ-Ди только соединилъ эти укрѣпленія въ одну Великую стѣну, которая служила достаточной защитой противъ конныхъ разбойниковъ и тянулась въ видѣ земляного вала въ 2,500 килом. длиной, отъ Минь-жоуфу, восточнѣе Лянь-чжоуфу въ Ганьсу до Чжили и, можетъ, до самаго моря, гдѣ позднѣйшая стѣна оканчивается у Шанхай-гуана. Онъ приступилъ къ этой постройкѣ послѣ того, какъ съ большимъ войскомъ прогналъ Сюнъ-ну; такимъ образомъ, постройка стѣны является не только защитой, но и символомъ побѣды; великое движеніе кочевниковъ, потокомъ наводнившихъ Западную Азію и Восточную Европу, объясняется скорѣе позднѣйшимъ усиленіемъ Китая и натискомъ его на номадовъ сѣвера и особенно запада, чѣмъ существованіемъ Великой стѣны. На сколько можно вѣрить слухамъ о баснословныхъ массахъ народа, употреблявшихся для постройки стѣны, остается неизвѣстнымъ; даже, по китайскимъ источникамъ, для постройки употреблялись только каторжники. Но характерно для представленій народа, что въ его воспоминаніяхъ постройка Великой стѣны живетъ, какъ единственное время, когда рожденіе дочери привѣтствовали радостью, такъ какъ дочь нельзя было послать на работу къ Великой стѣнѣ.

Ши-Хуанъ-Ди (220—210) построилъ въ Сянь-янъ у Синангфу дворецъ, знаменитый А-фанъ-гунъ, зала котораго въ верхнемъ этажѣ вмѣщала 10,000 человѣкъ, а въ комнатахъ нижняго этажа можно было ставить знамена въ 50 фут. высоты. Вдоль этихъ покоевъ шла галлерея; высокая постройка, служившая проходомъ, вела къ гребню горъ, лежавшихъ къ югу, другая — черезъ рѣку Вэй въ столицу. По преданію, одни ворота состояли изъ магнитнаго желѣзняка и, если воинъ въ желѣзномъ панцырѣ или кто-либо съ спрятаннымъ оружіемъ пытался пройти черезъ ворота, магнитъ задерживалъ его на мѣстѣ. Подобное же сказаніе, касающееся дѣйствія магнита на желѣзо, находится въ исторіи народнаго героя Чжугэлян'а (181—234) и объясняется тамъ индійскимъ вліяніемъ; если сага, относящаяся къ Ши-Хуанъ-Ди, не возникла въ позднѣйшее время, въ ней можно видѣть мѣры, принятыя императоромъ для всеобщаго разоруженія народа. Изъ собраннаго при этомъ оружія варварами были отлиты колокола и 12 статуй; большинство послѣднихъ было разбито въ 192 г. по Р. Х. и пошло на приготовленіе кэша, нѣкоторыя же сохранились дольше III стол. по Р. Х.

Для укрѣпленія и поддержанія династіи Цинь, и дѣла, созданнаго первымъ императоромъ, нуженъ былъ рядъ выдающихся людей, между тѣмъ Ши-Хуанъ-Ди, имѣвшій резиденцію близъ Синангфу, умеръ уже въ 210 г. Похороны его справили съ большой торжественностью, и многіе изъ его женъ, слугъ и ремесленниковъ, занятыхъ работами, послѣдовали за нимъ въ могилу. Старшій сынъ его Фусу былъ устраненъ, и на престолъ взошелъ младшій — Эрши-Хуанъ-Ди, т. е. второй императоръ; тотчасъ вслѣдъ за этимъ въ ленныхъ владѣніяхъ, покоренныхъ его отцомъ, появились другіе претенденты, противъ которыхъ императорскія войска боролись сначала успѣшно, потомъ неудачно, наконецъ, въ 207 г. до Р. Х., евнухъ Чжао-Гао убилъ императора и возвелъ на престолъ его племянника Цзы-ина; послѣдній же черезъ 64 дня передалъ власть Лю-бану, герцогу Пэй, сначала чиновнику, а потомъ первому императору династіи Хань. Таковъ былъ безславный конецъ династіи Цинь (206 г.).

в) Первая западная династія Хань (206 г. до Р. Х. — 8 г. по Р. Х.).

Эпоху династіи Хань можно назвать эпохой литературной, — а принимая во вниманіе татарское происхожденіе предыдущей династіи, или, по крайней мѣрѣ, ея татарское вліяніе, — также политической и національной реакціи противъ чуждаго владычества и вліянія. Основателю династіи пришлось вести упорную борьбу, чтобы возстановить въ странѣ порядокъ и покой. Въ 36 округахъ имперіи возстали претенденты-короли, добивавшіеся по меньшей мѣрѣ независимости отъ центральной власти. Лю-банъ, крестьянинъ изъ нынѣшняго Цзянъ, обязанный своимъ вліяніемъ богатой женитьбѣ, во главѣ кучки недовольныхъ, провозгласилъ себя герцогомъ Пэй и вмѣстѣ съ Сянъ-цзи, „Тираномъ или королемъ протекторомъ“ изъ западнаго Чу (Хэнань и сѣв. Аньхуй) и съ племянникомъ умершаго въ 206 г. Сянъ-Лян'а, возстававшаго уже въ 209 г. до Р. Х. противъ дома Цинь, больше всего способствовалъ паденію этого дома. Послѣдній Цинь, Цзы-инъ передалъ ему имперскія регаліи, но противъ Сянъ-цзы, который, какъ говорятъ, приказалъ истребить все войско Циня, сдавшееся ему въ количествѣ 200,000 человѣкъ, онъ оказался недостаточно сильнымъ и принялъ отъ него титулъ короля Хань. Но, когда Сянъ-Цзы или „Ба-Ванъ“ приказалъ убить сначала Цзы-ина, а затѣмъ, въ 205 г., и назначеннаго имъ призрачнаго властелина И-Ди (принца Хуай изъ Чу), Лю-Банъ возсталъ противъ него и послѣ долгой борьбы побѣдилъ. Въ 202 г. Ба-Ванъ лишилъ себя жизни и Лю-Банъ взошелъ на престолъ первымъ императоромъ династіи Хань, подъ именемъ Гао-Цзу (Гао-Ди).

α) Отъ Гао-Цзу до Цэнъ-Ди.

Гао-Цзу (202—195) былъ, по преданію, справедливый и мягкій государь, но и ему пришлось вести постоянную борьбу съ возставшей знатью, которой онъ, въ противоположность Цинь'ю, вернулъ ихъ области; онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ во время похода. Все, что было несправедливаго и жестокаго во время его царствованія, приписывается его женѣ, императрицѣ Люй-хоу. Сынъ ихъ Хуи-Ди наслѣдовалъ отцу, но при немъ, его преемникѣ (пріемномъ его сынѣ Шао-Ди) и при посаженномъ императрицей, послѣ сверженія ихъ, принцѣ Хунѣ изъ Хеншаня, императрица правила неограниченно; она — единственная женщина, упоминаемая въ спискахъ китайскихъ государей, подъ именемъ императрицы Люй-хоу или Гаохоу (187—180). Ея стремленіемъ было, повидимому, обезпечить престолъ за своей семьей, но послѣ ея смерти принцъ Хунъ былъ низложенъ, и сынъ наложницы Гао-Цзу, жившій въ уединеніи, какъ принцъ Цая, былъ возведенъ на престолъ подъ именемъ Вень-Ди, съ помощью Чжау-Бо, стараго приверженца Гао-Цзу, послѣ избіенія всѣхъ членовъ семьи Лю.

Вень-Ди (179—159), повидимому, очень много сдѣлалъ для блага народа. Онъ уничтожилъ запрещеніе книгъ, не примѣнявшееся уже и при Гао-Цзу, отмѣнилъ нѣчто въ родѣ общей воинской повинности, обязывавшей всѣхъ служить на границѣ въ возрастѣ между 23 и 56 годами, и основалъ военныя поселенія у Великой стѣны. Вмѣсто пяти наказаній, бывшихъ въ употребленіи со времени династіи Чжоу, а именно: клейменія, отрѣзанія носа, уродованія, кастраціи и смертной казни, онъ ввелъ отрѣзаніе волосъ и сохранилъ смертную казнь только для самыхъ тяжкихъ преступленій; онъ также отмѣнилъ приказъ, по которому семья виновнаго въ извѣстныхъ преступленіяхъ подвергалась наказанію. При преемникѣ Вень-Ди, сынѣ его Чэнь-Ди (156—141), въ 155 г. вспыхнуло сильное и съ трудомъ подавленное возстаніе среди важнѣйшихъ изъ ленныхъ князей. Съ самымъ могущественнымъ изъ нихъ Чао-Цо, правившимъ со времени паденія династіи Цинь, подъ именемъ князя южнаго Юе въ Квантунгѣ и Гуаньси, были постоянныя распри, но онѣ всегда улаживались; въ 196 г. до Р. Х. Чао-Цо призналъ верховную власть императора Гао-Цзу; послѣ возстанія при императрицѣ Лю онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Хунань; онъ умеръ 100 лѣтъ въ 137 г. до Р. Х. Его внукъ, наслѣдовавшій ему, былъ покоренъ Ву-Ди, сыномъ и наслѣдникомъ Чэнъ-Ди.

β) Ву-Ди.

Ву-Ди (140—87) былъ, повидимому, самымъ значительнымъ изъ государей этой династіи, хотя и находился въ рукахъ даосцевъ, ставшихъ тогда вполнѣ алхимиками и некромантами; но за то онъ много сдѣлалъ для развитія китайской литературы, оказывая поддержку писателямъ, устроилъ публичные экзамены, основалъ академію и библіотеку, и при немъ были возобновлены и объяснены церемоніи, составляющія существенную часть китайскаго образованія. Онъ ввелъ также обычай годовыхъ девизовъ (нянь-хао), т. е. обозначеніе болѣе или менѣе продолжительнаго ряда лѣтъ особымъ, приносящимъ счастье, словомъ, напримѣръ, „вѣчный миръ“, такимъ образомъ всѣ событія, случившіяся за этотъ періодъ лѣтъ, обозначались, какъ происшедшія въ 1-й, 2-й, 3-й годъ „вѣчнаго мира“. Въ старину эти девизы мѣнялись часто (Ву-Ди при царствованіи, продолжавшемся 53 года, имѣлъ ихъ 11); со времени же династіи Минъ, императоры за все время царствованія имѣли только одинъ нянь-хао, по крайней мѣрѣ извѣстный иностранцамъ, какъ таковой, такъ, напр., Юнгъ-ло, Ван-ли (Минъ), Канъ-си, Цянь Лунъ, Гуанъ-Сюй (маньчжуръ).

Обыкновенное лѣтосчисленіе китайцевъ производится по цикламъ въ 60 лѣтъ, и каждый годъ обозначается словомъ изъ двухъ знаковъ, изъ

которыхъ одинъ взятъ отъ 10 знаковъ Небесныхъ Сучьевъ, а другой отъ 12 Земныхъ Вѣтвей. Они составляются по порядку такимъ образомъ: 10 Небесныхъ Сучьевъ складываются съ 10 Земными Вѣтвями, потомъ первый знакъ изъ Небесныхъ Сучьевъ съ одиннадцатой изъ Земныхъ Вѣтвей, далѣе второй Небесныхъ Сучьевъ съ двѣнадцатымъ Земныхъ Вѣтвей, затѣмъ третій изъ первыхъ съ первымъ изъ вторыхъ и т. д,, пока 10 Небесныхъ Сучьевъ повторится шесть разъ, и 12 Земныхъ Вѣтвей — пять разъ и такимъ образомъ получится число въ 60 комбинацій. Изобрѣтеніе этой системы, употреблявшейся сперва только для цѣлей гаданья, приписывается Да-Нао, чиновнику Хуанъ-Ти въ 2697 г. до Р. Х., однако первый вычисленный кругъ начинается лишь съ 2637 г. до Р. Х. Для хронологическихъ цѣлей (названіе годовъ) эти циклы были впервые введены въ эпоху династіи Хань, узурпаторомъ Ванъ-Маномъ (330—323 гг. до Р. Х), но слѣды болѣе ранняго примѣненія идутъ гораздо далѣе: первые самые древніе дни, опредѣленные такимъ образомъ, падаютъ на года 1732 и 1122 до Р. Х. Примѣненіе 12 знаковъ животнаго круга для хронологическихъ цѣлей, т. е. для цикла въ 12 лѣтъ, повидимому, татарскаго происхожденія и упоминается впервые при династіи Танъ [618—(628)—907], но вошло въ общее употребленіе при Монгольской династіи [1206—(1280)—1367]; китайскіе же лѣтописцы находятъ слѣды этихъ цикловъ уже въ эпоху династіи Хань; такъ, напримѣръ, говорятъ о событіи, случившемся въ годъ „Крысы". Знаки китайскаго животнаго круга были: крыса, быкъ, тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, лошадь, коза, обезьяна, пѣтухъ, собака и свинья.

На укрѣпленіе своей власти Ву-Ди, повидимому, обратилъ особенное вниманіе; онъ снова сломилъ власть крупныхъ вассаловъ и въ 106 г. до Р. Х. замѣнилъ 74 округа, на которые постепенно раздѣлилась страна, 13-ю провинціями: 1) Сы-ли Цзяо Вэй: сѣверо-западная часть теперешняго Шанси; 2) Ю: Хэнань; 3) и 4) Цзи и Янь: части Шантунга и Чжили; 5) Сюй: части Шантунга и Цзянъ-су; 6) Цинъ: восточная часть Шантунга; 7) Цзинъ: Хубэй и Хунань; 8) Янъ: Цзянъ-су, Цзянъ-си и Аньхуй; 9) части Хубэй и Сычуань; 10) Лянь: части Шеньси и Ганьсу; 11) Бинъ: Ганьсу; 12) Ю: части Чжили и Ліаотунга; 13) Цзао: Чуанъ-дунъ, Гуанъ-си и Тонкинъ. Это перечисленіе показываетъ, что самая населенная и потому важная часть государства лежала тогда по обѣимъ сторонамъ средняго и нижняго теченія Хоанго. Китайскіе источники опредѣляютъ область, бывшую во владѣніи династіи Хань, въ 145, 136, 405 циновъ (1 цинъ = 100 му), изъ которыхъ было 8.270,536 циновъ пахотной земли. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что подсчетъ 1874 г. далъ только 7.386,050 циновъ, а предшествовавшій ему 8.150,138 циновъ пахотной земли, т. е. оба подсчета дали гораздо менѣе, чѣмъ 2000 лѣтъ тому назадъ. Самымъ главнымъ источникомъ дохода для правительства тогда уже является поземельный налогъ, установленный въ размѣрѣ $^1/_{15}$ части дохода съ земли; иногда его временно сокращали до $^1/_{30}$ или совсѣмъ не взимали, напр.: въ годы бѣдствій или въ мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ императоръ во время своихъ путешествій. Декларація податей исходила отъ самихъ владѣльцевъ, за невѣрное показаніе наказывали смертью. Платежъ производился естественными продуктами; при позднѣйшей династіи Хань — бумажными тканями и шелкомъ. Тринадцать провинцій находились подъ управленіемъ столькихъ же странствующихъ надзирателей, — предшественниковъ позднѣйшихъ губернаторовъ. Ву-Ди старался усилить и внѣшнее могущество страны; походы его противъ Сюнъ-ну въ 123, 121 и 110 гг. были успѣшны, но походъ 99 г. былъ неуспѣшенъ; 108—106 г. была покорена Корея, и часть ея временно присоединена къ Китаю. Старанія императора распространить вліяніе Китая и на Западъ повели къ отправленію туда различныхъ пословъ. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ генералъ Чжанъ-ціень; посланный къ Юе-чжи (Юе-Ти-Геты), бывшимъ въ постоянной враждѣ съ

Сюнъ-ну; онъ попалъ въ плѣнъ, гдѣ и оставался долгіе годы. Послѣ освобожденія онъ опять былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Да-вань (Фергана), а въ 122 г. въ Си-юй (Туркестанъ). Благодаря его посредничеству, уже въ 115 г. были завязаны дипломатическія и торговыя сношенія съ 36 государствами, лежавшими въ тѣхъ областяхъ. Въ Аньси и Да-Ципѣ, чаще упоминаемыхъ съ того времени, Фр. Гиртъ усматриваетъ Парѳію и Сирію (столица Аньду-Антіохія).

γ) Отъ Чжао-Ди до Жу-цзы-ин'а.

Ву-Ди, приказавшій казнить свою законную жену и наслѣдника, подозрѣвая заговоръ противъ себя, назначилъ своимъ наслѣдникомъ сына одной изъ наложницъ, а ее заставилъ покончить самоубійствомъ, чтобъ помѣшать ей сдѣлаться второй Лю-хоу. О послѣдующихъ императорахъ этой династіи мало можно сказать; это были: Чжао-Ди (86—74); Сюань-Ди (73—49); Ю-ань-Ди (48—33); Чэнь-Ди (32—7); Аи-Ди (6—1 до Р. Х); Пинъ-Ди (1—5 по Р. Х.); и Жу-цзы-инъ (6—8 по Р. Х.). Семейныя и гаремныя распри и борьба за наслѣдство составляютъ внутреннюю исторію страны; внѣшнее же вліяніе Китая, повидимому, растетъ; по крайней мѣрѣ, посольства отъ Сюнъ-ну появляются регулярнѣе и чаще при дворѣ. Мать императора Кенъ-Ди принадлежала къ семейству Манъ, члены котораго постепенно захватили власть въ свои руки, пока Ванъ-Манъ въ 8 по Р. Х. не низложилъ послѣдняго семилѣтняго представителя западной династіи Хань и не приказалъ провозгласить себя императоромъ, подъ названіемъ Синь (новая династія).

δ) Дѣятельность западной династіи Хань въ области литературы и строительнаго искусства.

Старанія императоровъ прежней династіи Хань о возрожденіи китайской литературы (см. стр. 75), повидимому, увѣнчались успѣхомъ: въ императорской библіотекѣ однихъ только классическихъ сочиненій было 294 собранія (частей) И-цзина, 412 Шу-цзина, 416 томовъ Ши-цзина, 555 собраній Ли-цзи, 165 книгъ о музыкѣ, 948 объ исторіи, 229 книгъ Лун-юи'я, 836 книгъ ортодоксальныхъ ученыхъ и много другого. Императоры, особенно Ву-Ди, старались также возбудить и поддержать интересъ къ литературѣ.

И въ другихъ областяхъ эпоха западной династіи Хань можетъ быть названа особенно блестящей. Если даже выкинуть многое изъ описаній императорскихъ дворцовъ и садовъ того времени, все же остается чему подивиться. Въ эпоху династіи Цинь были уже грандіозныя постройки, но императоры династіи Хань, особенно Ву-Ди, далеко превзошли ихъ. Императоръ Гао-Цзу велѣлъ заложить въ Чанъ-анѣ въ началѣ II-го столѣтія до Р. Х. городъ дворцовъ, имѣвшій въ окружности 65 ли (около 33 кил.), 12 воротъ и 16 мостовъ и окруженный землянымъ валомъ въ 35 фут. высоты. Городъ существовалъ до 582 по Р. Х. и былъ покинутъ при императорѣ Вен Ди изъ династіи Суй, который переселился въ Синангфу; земляной валъ частями сохранился до сихъ поръ. Въ этомъ городѣ находился дворецъ императрицы Чжао-Янь, извѣстной раньше подъ именемъ Чжао-Фэй-янь (Чжао — летящая ласточка), танцовщицы, которую императоръ Ченъ-Ди въ 18 г. до Р. Х. взялъ въ свой гаремъ и въ 16 г. до Г. Х. сдѣлалъ своей женой; внутренніе покои дворца были, по разсказамъ, окрашены въ киноварно-красный цвѣтъ, потолки покрыты краснымъ лакомъ, отдѣльныя части стѣнъ скрѣплены мѣдными позолоченными скобками, а лѣстницы были изъ мрамора; на балкахъ были вырѣзаны драконы и змѣи, а стѣны украшены жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, синими перьями королевскаго рыболова и золотыми лампами; всѣ занавѣски были изъ жемчуга, а окна и дверныя половинки изъ стекла.

Большой дворецъ, построенный Ву-Ди, по преданію, состоялъ изъ зданій болѣе 500 ф. высотой; они были соединены высокими сооруженіями, на подобіе мостовъ, такъ что императоръ могъ переѣзжать изъ одного зданія въ другое черезъ городскія стѣны и рвы. На крышахъ дворцовъ и храмовъ и на воротахъ находились мѣдные, иногда вызолоченные бюсты людей, фениксовъ и чудовищъ (флюгера); упоминаются еще бронзовыя и каменныя фигуры людей, единороговъ и другихъ животныхъ, астрономическіе инструменты, большіе колокола и каменный китъ въ 30 фут. длины; онъ находился въ искусственномъ озерѣ, которое императоръ приказалъ вырыть для морскихъ ученій своихъ солдатъ и для катанія женамъ своего гарема.

а) Время узурпатора Ванъ-Ман'а и анархіи (9—24 по Р. Х.).

Ванъ-Манъ, племянникъ жены императора Ю-ань-Ди, былъ назначенъ генералиссимусомъ въ 6 г. до Р. Х. Послѣ смерти императора Ань-Ди, въ 1 г. до Р. Х., вдова его, назначенная регентшей, передала ему бразды правленія, а годъ спустя онъ получилъ титулъ герцога-протектора дома Хань. Въ 3 г. по Р. Х. онъ выдалъ свою дочь замужъ за несовершеннолѣтняго императора Пинъ-Ди, а въ 5 г. по Р. Х. отравилъ его и заставилъ бездѣтную его жену усыновить двухлѣтняго праправнука императора Сюань-Ди (см. стр. 72); въ 8 по Р. Х. онъ свергъ его и объявилъ себя императоромъ. Въ качествѣ императора, онъ вернулся къ прежнему раздѣленію земли при Чжоу на 9 полей и отмѣнилъ рабство; недовольство, вызванное этими мѣрами, усилилось, когда, вслѣдствіе большого похода противъ Сюнъ-ну, были увеличены налоги; вспыхнувшее въ 19 г. по Р. Х. возстаніе было подавлено; затѣмъ новое возстаніе, во главѣ котораго стояли потомки дома Хань, Лю-Сюанъ и Лю-сю, было уже успѣшнѣе, и, наконецъ, въ 23 г. послѣ нѣсколькихъ пораженій, Ванъ-Манъ былъ убитъ собственными войсками.

б) Позднѣйшая, восточная династія Хань (25—220 по Р. Х.).

Между мятежниками и другими претендентами на престолъ начались распри и борьба; Лю-Сюанъ, объявившій себя императоромъ послѣ смерти Ванъ-Мана (по другимъ источникамъ, онъ правилъ вмѣсто принца Хуаи-Яна, котораго возвелъ на престолъ) отказался два года спустя въ пользу Лю-Сю; послѣдній, потомокъ ханьскаго императора Чэнъ-Ди (156—141), въ 25 г. по Р. Х. началъ править, какъ первый императоръ позднѣйшей восточной династіи Хань. Большая часть царствованія этого Ши-цзу (или Гуанъ-у-Ди 25—57) была занята борьбой съ другими претендентами; только въ 37 г. былъ покоренъ Лю-Фань, послѣдній изъ внутреннихъ враговъ, а въ 41 отражено съ успѣхомъ нападеніе правителя Кохинхины; вторая половина царствованія этого императора была, повидимому, настолько мирная, что императоръ приносилъ благодарственныя жертвы въ Шантунгѣ на Тайшанѣ, одной изъ пяти священныхъ горъ. При сынѣ его, Минъ-Ди (58—75), главнымъ образомъ по инціативѣ его младшаго брата Ин'а, буддизмъ проникъ въ Китай (см. ниже).

Объ императорахъ этой династіи мало можно сказать: большинство изъ нихъ, какъ напримѣръ, Шанъ-Ди (106), Ань-Ди (107—125), Чунъ-Ди (145), Чжи-Ди (146), Хуань-Ди (147—167), Линъ-Ди (168—189) и Шао-Ди (189), вступили на престолъ дѣтьми при регентствѣ своихъ матерей, вслѣдствіе чего, конечно, развивались гаремныя интриги; когда въ 189 г. евнухи увели изъ столицы императора Шао-Ди и его брата, генералъ Юань-Шао погнался за ними и убилъ ихъ. Внутренніе раздоры и борьба съ Сюнъ-Ну, Мань и другими пограничными народами давали случай честолюбивымъ солдатамъ захватывать власть въ свои руки и вліять на правительство, чѣмъ они и злоупотребляли въ своихъ интересахъ, такъ что вторая половина царствованія династіи полна этими захватами министровъ-узурпатовъ и воз-

станіями противъ нихъ. Въ началѣ царствованія династіи было сдѣлано много для литературы: въ 175 г. установленные тексты пяти классиковъ были высѣчены изъ камня и выставлены въ резиденціи династіи въ Лоянгѣ въ Хэнани (первая дин. Хань жила въ Чанъ-анѣ). Съ Сянъ-ди (189—220) прекращается позднѣйшая династія Хань, но уже задолго до ея паденія возстаніе „желтыхъ тюрбановъ“ и возникновеніе трехъ государствъ: Шу (ю.-з. Китай) при Любэй, Вэй — сѣв. Китай при Цао-Цао и Ву (ю.-в. Китай) при Сунь-Цюанѣ положили фактическій конецъ ея господству.

3. **Буддизмъ въ Китаѣ.**

а) Историческое развитіе ученія Будды въ Китаѣ.

Самымъ важнымъ событіемъ для всей исторіи нравственнаго развитія Китая, случившимся въ эпоху династіи Хань, было введеніе ученія Будды. По извѣстіямъ, за достовѣрность которыхъ нельзя ручаться, уже въ 217 до Р. Х. въ Китай прибыли индійскіе миссіонеры, а въ 122, послѣ похода китайцевъ въ Яркандъ, ими былъ привезенъ золотой Будда. Съ этихъ поръ сношенія Китая съ Индіей стали чаще, оттуда проникли слухи о новомъ ученіи, и въ 61 по Р. Х. императоръ Минъ-Ди отправилъ въ Индію пословъ за буддійскими книгами и жрецами, можетъ быть подъ вліяніемъ даосцевъ, видѣвшихъ въ буддійскомъ отчужденіи отъ міра сходство съ собственными воззрѣніями, или, какъ гласитъ преданіе, на основаніи видѣннаго сна. Какъ бы то ни было, одинъ изъ жрецовъ, Кашіапмаданга, перевелъ въ Лоянѣ одну изъ Сутръ, а въ концѣ II столѣтія по Р. Х. другой индусъ перевелъ въ Чананѣ „Лотосъ хорошаго закона“.

Развитіе буддизма, повидимому, шло медленно, такъ какъ только въ началѣ IV-го столѣтія упоминается о томъ, что китайцы начали давать монашескіе обѣты; въ 355 одинъ принцъ изъ дома Чжоу, въ эпоху восточныхъ Цинь, разрѣшилъ это своимъ подданнымъ, а въ 387 императоръ Сяо-ву-Ди построилъ пагоду въ своемъ дворцѣ въ Нанкинѣ. Одновременно возникаютъ большіе монастыри въ сѣверномъ Китаѣ и девять десятыхъ простого населенія обращается въ буддизмъ. Главнымъ центромъ буддизма было, повидимому, царство Цинь (южное Шэньси и Ганьсу), гдѣ въ 405 было приказано сдѣлать новый переводъ священныхъ буддійскихъ книгъ; съ этой цѣлью въ Индію было послано за жрецами цѣлое войско, чтобы начать въ Чанъ-анѣ работу подъ личнымъ руководствомъ императора и совмѣстно съ 800 другихъ жрецовъ. Въ то время сношенія между Китаемъ и Индіей стали очень оживленными: многочисленные путешественники отправлялись на югъ, привозили книги, записывали сказанія и описывали свои путешествія; такъ, Фа-Сянь описываетъ цвѣтущее состояніе буддизма въ Татаріи у уйгуровъ, у племенъ къ западу отъ Каспійскаго моря, въ Авганистанѣ, на Индѣ, въ Средней Индіи и на Цейлонѣ; съ этого острова онъ вернулся моремъ въ Чанъ-ань послѣ 15-лѣтняго отсутствія въ 414 и съ помощью одного индійскаго ученаго занялся изданіемъ привезенныхъ сочиненій.

Въ 420 г. пала династія Цинь; ее смѣнила на сѣверѣ главнымъ образомъ татарская — Вэй, на югѣ — туземная Сунъ. Князья обѣихъ новыхъ династій вначалѣ отнеслись къ буддизму отрицательно: въ Ве было строго воспрещено воздвигать храмы и статуи, жрецы подверглись преслѣдованію и въ 426 изданъ указъ уничтожать образа и книги; при этомъ многіе жрецы были казнены. Послѣ смерти перваго императора всѣ эти мѣры были отмѣнены и въ 451 было разрѣшено строить въ каждомъ городѣ буддійскій храмъ, а 40 или 50 жителямъ его сдѣлаться священниками, причемъ самъ императоръ брилъ голову нѣкоторымъ, желавшимъ посвятить себя жреческому сану. Также и при дворѣ правителей Сунъ преслѣдованіе буддизма длилось недолго, и правительство вскорѣ выказало себя особенно

благосклоннымъ къ нему: съ Цейлона и изъ Капилавасту (родины Шакъя-муни) пріѣзжали посольства, ссылавшіяся на равенство религій и прославлявшія императора Сунъ изъ царства Ячэнь (Цзянънань съ частями Хэнани).

Заботливость, съ которой относились къ буддизму, и вызванное этимъ распространеніе его давали конфуціонистамъ вполнѣ понятное основаніе къ жалобамъ и поводъ къ нападкамъ на новое ученіе. Уже при императорахъ Сунъ въ докладахъ чиновниковъ указывалось на то, что прежняя чистота ученія въ буддизмѣ исчезла, и чувство благочестія смѣнилось легкомысліемъ; любовь къ пышности и зависть вытѣснили простоту и чистоту; воздвигались новые храмы все съ возроставшей роскошью, а о возстановленіи старыхъ никто не заботился; потому необходимъ административный надзоръ, и никто не долженъ воздвигать священныхъ изображеній безъ предварительнаго разрѣшенія начальства; открытый уже въ 458 г. заговоръ, въ которомъ главную роль игралъ буддійскій жрецъ, послужилъ подтвержденіемъ высказанныхъ мнѣній; императорскій указъ, изданный по этому поводу, гласитъ, что среди жрецовъ есть много людей, бѣжавшихъ отъ наказанія и давшихъ обѣтъ только ради личной безопасности, чтобы, подъ прикрытіемъ рясы, совершать новыя преступленія; потому власти должны строго слѣдить за поведеніемъ монаховъ и наказать смертью виновныхъ. Позднѣйшій приказъ предписываетъ еще, чтобы монахи, нарушившіе обѣтъ воздержанія и бѣдности, вернулись къ своимъ семьямъ и прежнимъ мірскимъ занятіямъ, а монахинямъ одновременно запрещается входить во дворцы и разговаривать съ женами императора.

Разногласія между буддистами и конфуціонистами давали поводъ и къ публичнымъ пререканіямъ. При одномъ изъ нихъ, состоявшемся въ 433 г. при императорѣ Ву-Ди, изъ династіи Ци, имперскій министръ Цзы Лянъ былъ представителемъ буддистовъ. Главное возраженіе конфуціонистовъ направлено противъ воззрѣнія, что современное состояніе человѣка объясняется воздаяніемъ за дурные и хорошіе поступки его во время прежней жизни. „Люди“, говорятъ конфуціонисты, „подобны цвѣтамъ на деревьяхъ; они растутъ вмѣстѣ, и одинъ и тотъ же вѣтеръ ломаетъ ихъ и уноситъ; одни падаютъ на ковры и занавѣски — это люди, рожденные во дворцахъ, другіе на кучи мусору — это люди низшихъ сословій“. Богатство и бѣдность объясняются такимъ образомъ, не прибѣгая къ ученію о воздаяніи; кромѣ того, душа находится въ такомъ же отношеніи къ тѣлу, какъ лезвіе къ ножу; душа не можетъ существовать послѣ разрушенія тѣла, какъ не можетъ быть лезвія, если нѣтъ ножа.

Въ 518 г. Сунъ-юнь былъ посланъ императоромъ Сяо-минъ-Ди изъ Бэй-Вэй въ Индію и послѣ долгаго пребыванія въ Кандагарѣ и Удіанѣ вернулся съ 75 сочиненіями. Въ 526 г. одинъ изъ 28 буддійскихъ патріарховъ Да-мо (Бодхидхарма) прибылъ моремъ въ Китай; упадокъ буддизма въ странѣ его возникновенія заставилъ его, какъ и многихъ изъ его соотечественниковъ (въ Китаѣ, по большей части въ Лоянѣ, въ началѣ VI вѣка жило уже 3000 индусовъ) искать новаго отечества. Онъ посѣтилъ сначала Нанкинъ, но свиданіе съ Ву-Ди, первымъ императоромъ изъ династіи Лянъ (502—549), оказалось неудовлетворительнымъ для обѣихъ сторонъ; послѣ этого Да-Мо отправился въ Лоянъ и отклонилъ всѣ позднѣйшія приглашенія Ву-Ди. Бодхидхарма былъ представителемъ мистицизма въ буддизмѣ и созерцательности, отрѣшившейся отъ всего внѣшняго: по разсказамъ, онъ просидѣлъ въ Лоянѣ девять лѣтъ, не говоря ни слова и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, что доставило ему въ народѣ имя „святого, смотрящаго на стѣну“; пять разъ пытались его отравить, но онъ умеръ отъ старости и передалъ титулъ патріарха китайцу, второму изъ шести восточныхъ патріарховъ.

Императоръ Ву-Ди подъ конецъ жизни принялъ обѣтъ монашества.

Его сынъ, Цзянь-вэнь-ди, покровительствовалъ даосизму и пытался согласить его съ буддизмомъ; даосцы, противившіеся этому, были казнены въ 558 г. Императоръ Ву-Ди, изъ династіи Чэнь, тоже сдѣлался монахомъ. При первомъ императорѣ изъ династіи Суи, Вень-Ди (581—604), буддизмъ пользовался полной терпимостью; въ концѣ своего царствованія Вень-Ди запретилъ всякое разрушеніе святилищъ и иконъ буддистовъ и даосцевъ. Также императоры династіи Танъ, вначалѣ (618) относившіеся непріязненно къ буддизму, стали къ нему благосклонны; въ особенности же второй императоръ династіи, Таи-Цзунъ (627—649), при которомъ въ 639 г. сирійскіе христіане пришли въ Китай, былъ къ нему милостивъ: когда Сюань-Цзанъ, ушедшій въ Индію въ 629, безъ императорскаго разрѣшенія, вернулся послѣ 16-лѣтняго отсутствія, императоръ принялъ его очень милостиво и поручилъ ему въ Чанъ-анѣ переводъ привезенныхъ въ 637 г. сочиненій. По слухамъ, въ Китаѣ было въ то время 3716 монастырей. Въ 714 началось сильное преслѣдованіе буддистовъ: 10,000 жрецовъ и монахинь должны были вернуться въ свои семьи; несмотря на это, нѣкоторые жрецы сохранили государственныя должности, а индусамъ было поручено установленіе календаря. При позднѣйшихъ императорахъ династіи Танъ, особенно при Су-Цзунѣ (756—762), Дайцзунѣ (763—779) и Сянь-Цзунѣ (806—820) буддизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи, и когда въ 819, при императорѣ Сянь-цзунъ, Хань-Ю (Хань-Вэнъ-Гунъ) возсталъ противъ перевезенія одной буддійской реликвіи въ императорскій дворецъ, онъ былъ изгнанъ и посланъ губернаторомъ въ совершенно варварское въ то время Чаочжоу въ Квантунѣ.

Въ 845 году при императорѣ Ву-Цзунѣ было третье и особенно сильное преслѣдованіе буддистовъ: 4600 монастырей съ 40,000 мелкихъ зданій было разрушено, имущество храмовъ конфисковано и обращено въ правительственныя зданія, колокола и статуи расплавлены для приготовленія кэша, а 260,000 жрецовъ и монахинь должны были вернуться въ міръ. Но уже при преемникѣ Ву-Цзуна, Сюяньцзунѣ, разрѣшено строить новые монастыри, хотя нѣсколько лѣтъ спустя запрещены новыя постриженія въ монахи. Императоръ Инь-цзунъ былъ такой-же ревностный буддистъ, какъ его преемники и властители позднѣйшей династіи Танъ (923—936 г.). При позднѣйшей кратковременной династіи Чжоу (856—960 г.) многіе храмы были упразднены и оставлены только 2694, а жрецамъ было запрещено самобичеваніе и уродованіе. Первые императоры сѣверной династіи Сунъ (960—997) относились менѣе благосклонно къ буддизму, ихъ преемники, наоборотъ, особенно милостиво, хотя они самовластно вмѣшивались въ то, что касалось названія храмовъ, монастырей, жрецовъ и даже самого Будды.

И при этой династіи сношенія съ Индіей были оживленныя, и вліяніе индійскаго буддизма на китайскій по прежнему довольно значительно. Существенную поддержку буддизмъ нашелъ въ (Юань) монгольской династіи (1280—1368 г.). Кублай-Ханъ, занимавшій китайскій престолъ съ 1280—94, подъ именемъ Ши-Цзу, былъ приверженцемъ буддизма: храмы, посвященные древней національной религіи Китая, были обращены въ буддійскіе, а даосизмъ былъ преслѣдуемъ. Кублай при этомъ имѣлъ больше въ виду своихъ монголовъ, чѣмъ китайцевъ; прежде, чѣмъ соединить китайское государство подъ своимъ скипетромъ, онъ заботился о распространеніи ученія Будды среди своихъ соотечественниковъ и старался дать имъ образованіе черезъ гоши (народныхъ учителей). Его преемники слѣдовали его примѣру. Перепись, предпринятая въ концѣ XIII-го стол., показала 42,418 буддійскихъ храмовъ и 213,148 монаховъ въ Китаѣ. Упоминаются также часто переводы съ тибетскаго, находившіе примѣненіе, и безнравственныя изображенія (только у монголовъ), перешедшія въ тибетскій буддизмъ изъ брахманскаго культа Шивы; китайскіе буддисты, повидимому,

и тогда искали поученія и вдохновенія въ Индіи. Китайскій жрецъ, Дао-ву отправился сухимъ путемъ въ Индію и вернувшись, по обычаю, моремъ, привезъ оттуда въ Китай цѣлый рядъ сочиненій; этотъ фактъ, случившійся въ первое время монгольскаго владычества, есть и послѣдній въ своемъ родѣ.

Къ удивленію, національное возстаніе китайцевъ противъ монголовъ, окончившееся полнымъ уничтоженіемъ ихъ власти, не повлекло за собой подобнаго же явленія въ области религіи; наоборотъ — первые властители національно-китайской династіи Минъ выказали явное расположеніе къ буддизму. Только въ 1426 г, были приняты мѣры противъ усиленія монашества; лица, желавшія поступить въ монастырь, должны были подвергнуться испытанію, а въ 1450 г. было постановлено, что ни одинъ монастырь не имѣетъ права на владѣніе болѣе чѣмъ 60 му земли (мѣра, подобная этой, была уже и при монголахъ). При Ши-цзунѣ (1522—66 г.) попытки конфуціанистовъ вызвать преслѣдованіе буддистовъ были отклонены правительствомъ и имѣли послѣдствіемъ только разрушеніе храма въ императорскомъ дворцѣ.

Первый правитель изъ нынѣ царствующей Маньчжурской династіи Ши-Цу (1644—1661) былъ приверженцемъ ученія Будды, но уже преемникъ его Шэнъ-цзу обратился, больше изъ политическихъ соображеній, къ конфуціанству. По той же причинѣ преемники его особенно благопріятствовали ламайскому богослуженію среди своихъ тибетскихъ и монгольскихъ подданныхъ; сооруженіе ламайскихъ храмовъ и монастырей въ мѣстѣ пребыванія правительства — въ Пекинѣ — начинается съ того же времени.

в) Вліяніе буддизма на китайскую культуру.

Если попытаться уяснить себѣ вліяніе буддизма и жрецовъ его на китайцевъ, то приходишь къ выводу, что, помимо личнаго политическаго вліянія приверженцевъ и проповѣдниковъ индійскаго ученія на отдѣльныхъ императоровъ, и государственныхъ людей, его нужно искать въ области философіи и филологіи. Выдающейся является попытка ввести алфавитъ для односложнаго языка и письма китайцевъ: въ III-мъ столѣтіи начали съ 16 символовъ а въ VI-мъ при династіи Лянъ окончили 36-ю; изобрѣтатель послѣдняго ряда, жрецъ Шэнь-Гунъ и его преемники научили китайцевъ письменно изображать звуки ихъ языка; заслуга немаловажная, хотя по истеченіи столѣтій, при измѣненіи въ самомъ языкѣ, практическое значеніе ея отчасти утратилось. И въ литературномъ отношеніи буддизмъ оказался плодотворнымъ; было время, когда буддистскихъ книгъ было больше, чѣмъ конфуціанскихъ: такъ въ исторіи династіи Суи (589—618 г.) упоминается о существованіи 1950 различныхъ буддійскихъ сочиненій. Вліяніе буддійскаго міровоззрѣнія и ученія на философское развитіе китайцевъ было тоже значительно, особенно, что касается космогоніи. Оно очень рѣзко выступаетъ у наиболѣе значительнаго изъ современныхъ толкователей древнихъ классическихъ ученій Чжу-Си (1130—1200 г.), сочиненія котораго и до сихъ поръ составляютъ авторитетное основаніе того, что можно назвать официальнымъ конфуціанствомъ (стр. 92). За послѣдніе 150 лѣтъ среди самихъ китайцевъ замѣчается болѣе рѣзкая критика его, главнымъ образомъ, за слишкомъ явное буддійское вліяніе, но несмотря на это, авторитетность его не пострадала. Для огромной массы народа ученіе, перемѣшанное со всевозможными собственными и чужими, даосскими и китайскими сказаніями и миѳами, и гдѣ отъ первоначальнаго буддизма мало что уцѣлѣло, сдѣлалось въ полномъ смыслѣ слова народной вѣрой или вѣрнѣе суевѣріемъ. Конфуціанство, даосизмъ и буддизмъ играютъ одинаковую роль въ жизни народа, при томъ не однихъ только низшихъ классовъ; буддизмъ сумѣлъ сохранить свое значеніе при разставаньѣ съ этой

жизнью: при погребеніи, какъ императора, такъ и беднейшаго изъ его подданныхъ, буддійскіе обряды и чтеніе священныхъ книгъ стоятъ на первомъ планѣ.

I, Средневѣковая исторія Китая.

а) „Три Царства“ (216 или 220—265 г.).

Эпоха трехъ враждующихъ царствъ, во всемъ теченіи китайской исторіи самая тяжелая для историка, но въ памяти китайскаго народа она оставила живѣйшее впечатлѣніе; этому не мало способствовалъ знаменитый историческій романъ „Сань го чжи“, который описываетъ въ 120 отдѣлахъ исторію 3-хъ царствъ. Одинъ изъ героевъ и романа, и исторіи, Гуань-юй, присяжный братъ и генералъ при Лю-бэй'ѣ, умершій въ 219 г. по Р. Х., въ XII столѣтіи былъ канонизированъ, а въ 1594 г. возведенъ въ боги войны, подъ именемъ Гуань-ди, а Чжу-гэ-лянъ (Кунъ Минъ), другой генералъ Лю-бэй'я, и теперь еще самый популярный герой и идеалъ всякаго китайскаго государственнаго человѣка, играющій главную роль въ дюжинѣ китайскихъ драмъ.

Возстаніе „Желтыхъ Тюрбановъ“, охватившее всю страну (стр. 74), было косвеннымъ поводомъ къ паденію позднѣйшей династіи Хань, хотя она и безъ того пала бы отъ козней государственныхъ людей и генераловъ, старавшихся выкроить себѣ области изъ обрывковъ государства. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ среди этихъ выскочекъ былъ Цао-цао, сынъ незначительнаго офицера, отличившійся въ 184 г. въ борьбѣ съ „Желтыми Тюрбанами“, а въ 192 г. объявившій себя намѣстникомъ теперешняго Шантунга. До этого онъ соединился съ Юань-ша (см. стр. 74) и разбилъ генерала Дунъ-чжо, который въ 189 г. низложилъ императора Шао-Ди и возвелъ на престолъ другого брата Сянь-Ди; умертвивъ императрицу мать и низложеннаго императора, Дунъ-чжо приказалъ сжечь Лоянъ, имѣвшій 80 километровъ въ окружности, со всѣми его дворцами и постройками, и перенесъ столицу въ Чанъ-анъ; вскорѣ послѣ этого онъ былъ убитъ (192 г.) однимъ изъ своимъ офицеровъ. Цао-цао воспользовался этимъ случаемъ и, побѣдивъ Люй-бу, приверженца Тунъ-Чо, захватилъ власть въ свои руки и (195 г.) объявилъ себя генералиссимусомъ имперіи, а въ 213 г. принялъ титулъ герцога Вэй.

При этой попыткѣ его прежніе союзники обратились въ противниковъ. Лю-бэй, потомокъ принца Цинъ изъ Чуньшан'я, сына императора Цзинъ-Ди, умершаго въ 141 до Р. Х., по занятію цеховой продавецъ соломенныхъ башмаковъ, отличился также во главѣ добровольцевъ (185 г.) въ борьбѣ съ „Желтыми Тюрбанами“, позднѣе онъ сражался противъ Дунъ-чжо, а при попыткѣ Цао-цао захватить верховную власть, возсталъ и противъ него и, при паденіи династіи Хань, объявилъ себя въ 220 г. императоромъ меньшей династіи Хань (Шу), хотя въ то время владѣлъ только однимъ княжествомъ Шу.

Третій, пользовавшійся успѣхомъ военный предводитель, былъ Сунь-Цэ, сдѣланный Цао-цао маркизомъ Ву. Послѣ его смерти, ему наслѣдовалъ (200 г.) братъ его Сунь-Цюань, который отрекся отъ Цао-цао и успѣшно отразилъ нападенія и его и Лю-бэй'я, его зятя, однакожъ въ битвѣ при Хэ-фей онъ былъ разбитъ и послѣ долгой борьбы въ 221 г. долженъ былъ признать главенство Цао-цао; въ 229 г. ему удалось вернуть себѣ хотя номинальную независимость; онъ принялъ также титулъ императора Да-ди и основалъ династію Ву.

Такимъ образомъ, въ 20-хъ годахъ третьяго вѣка по Р. Х. было три царства: Вэй, занимавшее всю сѣверную половину теперешняго Китая, со столицей Іе(ѣ), нынѣшнимъ Чжанъ Дэфу въ Хэнани; Ву — занимавшее восточную часть южнаго Китая съ устьемъ Янъ-цзы, со столицей Нанкинъ (тогда Цзянь-Ѣ) и Шу — въ западной части южнаго Китая, главнымъ об-

разомъ въ теперешней провинціи Сычуани, со столицей Ичжау, нынѣшнее Чэнъдуфу. Вся эпоха трехъ царствъ наполнена междуусобной борьбой: въ 263 г. Вэй уничтожаетъ Шу, а въ 280 г. Ву. Въ самомъ Вэй царствующій домъ сверженъ съ престола въ 265 г. Сы-ма-Ян'емъ (Цзинь-Ву-ди) внукомъ генерала Сы-ма-и (умеръ 251 г.), игравшаго большую роль въ первые года борьбы трехъ царствъ. Его сынъ, Сы-ма-чжао, министръ третьяго императора династіи Вей, Феи-Ти (240—253 г.) былъ сдѣланъ принцемъ Цзинь и подъ этимъ именемъ его сынъ основалъ въ 265 г. новую династію.

б) Западная и восточная династія Цзинь (265—316 и 317—420 г.)

При императорахъ дома Цзинь, изъ которыхъ западные жили въ Лоянѣ, а восточные въ Нанкинѣ, въ государствѣ возникали повсюду маленькія независимыя царства, отчасти подъ властью чужихъ татарскихъ правителей (время 16 царствъ). Карлъ Арендтъ приводитъ 18 слѣдующихъ:

1) Хань, съ 319 г. Чжао, позднѣе Цянъ-Чжао (раньше Чжао) въ Шаньси (304—329).
2) Чэнъ, съ 338 г. Хань или Чэнъ-Хань въ Сычуенѣ (304—347 г.), столица Чэнъ-Ду.
3) Лянъ или Цянь-Лянъ (прежній Лянъ) въ Ганьсу (317—376 и 386—387 г.).
4) Хоу-Чжао, 319—352 г. (350—352 г.), названное претендентомъ Жянь (или Ши) Минъ и также Вэй.
5) Янь или Цянь Янь (прежнее Янь) 345—370 г.
6) Цинь, Да Цинь или Цянъ Цинъ (351—394 г.).
7) Даи (338—376) въ сѣверной Шаньси, подъ властью дома То-ба Сіенъ-пи (тунгусовъ), основавшихъ въ 386 г. сѣверное Вэй.
8) Хоу Янь (позднѣе Янь), 384—407 г. (ср. № 18).
9) Си Янь (западный Янь) въ Шеньси (384—394 г.).
10) Хоу Цинь (позднѣе Цинь) въ Ганьсу (384—417 г.), основано Яо-Чжаномъ въ Бэй ди (цзинъ янъ фу).
11) Си Цинь (западный Цинь) въ Ганьсу (385—400 и 409—431 г.), основано Ци фу Го эн'емъ въ Лунъ-ю (Минь чжау).
12) Хоу-Лянъ (позднѣе Лянъ) въ Ганясу (386—403 г.)о тъ него отдѣлились:
13) Нань Лянгъ (южный Лянгъ) въ Ганьсу (397—404 и 408—414 г.) основанъ въ 397 г. домомъ Ду фа татаръ Сіенъ-пи и
14) Бэй Лянъ (сѣверный Лянъ) въ Ганьсу (397—439 г.), основанъ Дуанъ Ѣ, съ 401 г. управлялся Хунну'сцемъ Цзюй, цзюй Мэнъ сюнь.
15) Нань Янь (южный Янь) въ Хэнани (398—410 г.) основанъ Му-югъ-Де въ Хуа-Дай.
16) Си Лянъ (западный Лянъ) въ средней Азіи вокругъ Дунь хуана (400—421 г.) за сѣв.-западнымъ выступомъ Великой Стѣны.
17) Ся или Да-Ся (большое Ся) въ Ганьсу (407—431 г.), основанное Сюнъ ну,сцемъ Хо лянь Бо бо.
18) Бэй Янь (сѣв. Янь) 407—436 возникло изъ Хоу-Янь (№ 8) основано Чао-Юн'омъ

Эти государства, выростающія, какъ грибы, и также быстро погибающія, доказываютъ слабость центральнаго правительства въ эпоху династіи Цзинь. Вся ея исторія, развѣ за исключеніемъ времени первыхъ правителей, наполнена внутренними раздорами и борьбой съ возникающими царствами, во главѣ которыхъ стоятъ то императоры, то короли, также постоянно враждующіе между собой. Въ 304 г. Лю-Юань основываетъ королевство Хань, а въ 308 г. принимаетъ титулъ императора. Въ 310 г. ему наслѣдуетъ Лю-Цунъ, который въ 311 г. беретъ въ плѣнъ императора дин. Цзинь, Хуай-Ди, и приказываетъ отвезти его въ свою столицу Пинъ-янъ въ Шаньси; въ 313 г. Лю-Цунъ убиваетъ его и возводитъ на престолъ Минъ-Ди, который въ 316 г. тоже убитъ въ Пинъ-янѣ. Юан-Ди, первый императоръ восточной династіи Цзинь (317—22 г.), переноситъ столицу въ Нанкинъ. Въ 350 Му-жунъ, съ 349 г. императоръ дни. Цянь-Янь, завоевываетъ Цзи-чэнъ, теперешній Пекинъ и дѣлаетъ его своей столицей, Въ 371 г. принцъ Гуй-чжи, свергнувъ съ престола императора ихъ. Цзинь, Ди-И, правившаго съ 366 г., объявляетъ себя императоромъ Цзянь-вэнь-Ди. Въ 403 г. мятежникъ Хуань Сюань захватываетъ престолъ, на который, по убіеніи его, вновь вступаетъ сверженный имъ императоръ восточной династіи Цзинъ-Ай-Ди (397—418 г.). Въ 418 г. Лю-Юй убиваетъ его и возводитъ на престолъ младшаго брата Ань-Ди, Де-Вэнь; въ 420 г. Гунъ-Ди (прежде Де-Вэнь) отказывается отъ престола въ пользу Лю-Юй'я

Послѣдній, подобно Лю-Бэй'ю, продавецъ соломенныхъ башмаковъ, благодаря военнымъ способностямъ, дослужившійся до генерала, отличился въ борьбѣ противъ Хуань-Сюан'я и былъ назначенъ Ань-Ди первымъ министромъ, а въ 420 г. взошелъ на престолъ, какъ первый императоръ династіи Сунъ.

в) Эпоха раздѣленія на сѣверъ и югъ (420—581 (589) г.).

α) Югъ.

Только въ 439 году пало послѣднее изъ пяти царствъ, еще существовавшихъ самостоятельно при вступленіи на престолъ Ву-Ди, основателя Сунской династіи; послѣднія два царства Бэй-Янь и Бэй-Лянъ были присоединены въ 436 и 449 г. къ Даи, возникшему изъ царства Бэй-Вей (сѣв. Вей), которое съ 386 г. захватывало все новыя области въ сѣв. Китаѣ, пока, наконецъ, достигло размѣровъ Вей — одного изъ „трехъ царствъ". Династія Сунъ, насчитывающая за короткій періодъ отъ 420—479 г. восемь императоровъ, пала вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ; четыре императора ея были убиты, предпослѣдній, Цанъ-У-Ванъ или Фей-Ди, въ 477 г. фельдмаршаломъ Сяо-Дао-чэн'омъ, который въ 479 г. принудилъ отказаться отъ престола посаженнаго имъ же Шунь-Ди, а потомъ приказалъ казнить его и всю его семью.

Сяо-Дао-чэнъ, возведенный въ 479 г. въ принцы Ци, былъ, подъ именемъ Гао-Ди, основателемъ династіи Ци (479—502 г.). Изъ семи ея императоровъ, бывшихъ, повидимому, особенно кровожадными тиранами, четверо было убито; послѣдній — Хэ-ди-Сяо-Ян'емъ, захватившимъ власть въ 502 г. подъ именемъ перваго императора династіи Лянъ (502—557 г.). Столицей этой династіи былъ Нанкинъ. Ву-Ди, прежде Сяо-Янь (502—549 г.) былъ энергичнымъ императоромъ, который въ началѣ правленія сдѣлалъ много для конфуціанства, а позднѣе для буддизма и храбро отражалъ нападенія Вэй. Послѣдніе года его правленія были омрачены внутренними раздорами, окончившимися въ 557 г. низложеніемъ его пятаго преемника Цзинъ-Ди (убитъ въ 558 г.).

Въ 557 г. вступаетъ на престолъ побѣдоносный мятежникъ, Чэнь-Ба-Сянь, какъ первый императоръ династіи Чэнь. При новой династіи продолжаетъ существовать возникшее съ 550 г. царство Хоу-Лянъ въ Хэнани и Хубэй'ѣ, а въ Шеньси съ 581 г. положено начало позднѣйшей династіи Суй. И династія Чэнь падаетъ, вслѣдствіе семейныхъ раздоровъ и споровъ изъ за наслѣдства и безпутной жизни ея правителей; въ 587 г. Янъ-Сянь занимаетъ Хоу-Лянъ, а въ 589 г., беретъ въ плѣнъ послѣдняго императора династіи Хоу-чжу и этимъ свергаетъ ее; затѣмъ, какъ первый императоръ династіи Суй, подъ именемъ Вэнь-Ди или Гао-Цзу, онъ входитъ на престолъ и объединяетъ подъ своей державой все государство.

β) Сѣверъ.

Династія Бэй-Вэй (386—534 г.) была татарскаго происхожденія; чѣмъ большее количество ея подданныхъ становилось осѣдлымъ, тѣмъ сильнѣе обострялись отношенія ея къ остававшимся еще кочевыми татарскимъ племенамъ, такъ что Минъ-Юань-Ди (409—423 г.) рѣшилъ построить въ защиту отъ ихъ нападеній валъ длиной въ 2000 ли. Позднѣе, отношенія къ родственнымъ племенамъ, повидимому, улучшились и возникли обширныя торговыя сношенія съ сѣверомъ и западомъ до Оби и Байкальскаго озера. Преданные попеременно то даосизму, то буддизму, императоры то преслѣдовали приверженцевъ обоихъ ученій, то покровительствовали имъ; распри и война съ югомъ отнимали время и силы у государства, а семейные раздоры ослабляли могущество императорскаго дома, подъ конецъ погрязшаго въ злодѣйствахъ.

Въ 534 г. возсталъ Гао-Хуань, намѣстникъ одной изъ провинцій имперіи; императоръ Сяо-Ву-Ди бѣжалъ въ Чань-ань (Си-ань-фу) въ Шеньси, дѣлающійся столицей Си Вэй — западнаго Вэй (535—557 г.), съ

появленіемъ ея перваго правителя Вэнь-ди въ 535 г., послѣ того какъ, Сяо-Ву-ди въ концѣ 534 г. отравленъ первымъ министромъ Юй-вэнь-Тай. Гао-Хуань провозгласилъ въ 534 г. въ Лояньѣ Юань-Шань-Цзяня императоромъ восточнаго Вэй Дунъ Вэй, подъ именемъ Сяо Цзинъ Ди (534—550 г.); столицею новаго царства (Бэй Вэй совершенно изчезаетъ) становится Чжанъ дэ фу въ Хэнани. Нѣсколько лѣтъ спустя сынъ Гао Хуаня, Гао Янъ, (550 г.) основалъ на развалинахъ Дунъ Вэй, Бэй Ци (550—577 г.) сѣверное Ци. Въ 557 г. на мѣстѣ Си Бэй возникло сѣверное Чжоу или Бэй Чжоу (557—581 г.) при Юй Вэнь цзіо, убитомъ въ томъ же году; убійца — Юй Вэнь Ху возвелъ на престолъ Минъ Ди. Въ 576 г. императоръ Ань Дэ ванъ изъ Бэй Ци взятъ въ плѣнъ Ву Ди изъ Бэй Чжоу, а въ 577 г. Бэй Ци сливается съ Бэй Чжоу; въ 581 г. та же судьба постигаетъ Бэй Чжоу черезъ Вэнь Ди и наконецъ, послѣ присоединенія Хоу Ляна (587 г.; см. выше) въ 589 г. совершается объединеніе имперіи династіею Суй.

г) Династія Суй (581 или 589—617 или 619).

Вэнь ди (581—604) предпринялъ съемку страны и устроилъ новое управленіе, сдѣлавъ отдѣльные округа правленія зависимыми другъ отъ друга. Онъ покровительствовалъ литературѣ и торговлѣ и сдѣлалъ тщетную попытку ввести въ Китаѣ индійское дѣленіе на касты. Въ 604 г. онъ былъ, какъ говорятъ, убитъ своимъ сыномъ Гуаномъ, который наслѣдовалъ ему подъ именемъ (Суй) Янъ-ди (605—617). Чанъ Ань въ Шеньси Лоянъ въ Хэнани и Цзянъ Ду (Янъ Чжоу въ Цзянъ Си) были тремя столицами имперіи. Однако уже въ 613 г. въ различныхъ частяхъ страны возстали „императоры“ новыхъ маленькихъ государствъ. Ли Юань, герцогъ Танъ, или правильнѣе его сынъ Ли-ши-минь, въ 617 г. посадилъ на мѣсто императора Янъ Ди, предававшагося разврату и совершившаго два неудачныхъ похода противъ Кореи, Гунъ Ди (Ю) а послѣ него Гунъ Ди Тунъ II убитаго въ 619 году. Ли-ши-минь возвелъ затѣмъ на престолъ своего отца въ качествѣ императора династии Танъ, подъ именемъ Гао Цзу.

д) Династія Танъ (618—907).

Правленіе Гао Цзу (618—626 г.) было почти сплошь наполнено борьбой противъ 20 слишкомъ узурпаторовъ, существовавшихъ еще со времени династіи Суй или же возставшихъ въ разныхъ частяхъ страны и объявившихъ себя независимыми королями (Ванъ) или императорами. Послѣдній изъ этихъ „корольковъ“, Ши ду, провозгласившій себя уже въ 617 году повелителемъ Лянъ, былъ побѣжденъ только въ 628 году. Этимъ фактомъ Танская династія была признана во всей странѣ. Гао Цзу, уставшій отъ правленія, отказался отъ престола въ 626 году, и его сынъ Ли-ши-минь началъ править подъ именемъ Тай Цзуна (627—649). При немъ, одномъ изъ самыхъ значительныхъ правителей, вездѣ было спокойно. Племена, жившія еще независимо на южномъ берегу, были включены въ составъ китайской имперіи, границы которой простирались теперь на западѣ до Каспійскаго моря. Въ нынѣшнемъ китайскомъ Туркестанѣ были устроены 4 намѣстничества и за предѣлами самаго крайняго изъ нихъ, Кашгара, многія племена признавали верховную власть Китая, выражавшуюся въ учрежденіи шестнадцати начальническихъ мѣстъ. Китайское вліяніе простиралось до Согдіаны, Хорасана и Непала; въ 643 г. греческій императоръ Ѳеодосій послалъ посольство въ Чанъ-ань. Гао Цзу и его сынъ много сдѣлали для литературы и образованія китайскаго народа; они устроили школы и экзамены, а Тай Цзунъ написалъ сводъ законовъ для своихъ чиновниковъ.

Въ концѣ царствованія онъ предпринялъ походъ противъ Кореи, законченный успѣшно только при его сынѣ. Гао Цзунъ (650—683) былъ

слабымъ развратникомъ, при жизни и послѣ смерти котораго Ву-Хоу, императрица Ву (см. рис. 2 приложенной таблицы „Герои и героини китайской исторіи“) играла большую роль. Въ началѣ она была одной изъ второстепенныхъ наложницъ Тай Цзуна, и послѣ его смерти въ 649 г. удалилась въ буддійскій женскій монастырь. Когда Гао Цзунъ началъ видимо подпадать подъ вліяніе одной изъ своихъ придворныхъ дамъ, его жена вспомнила о прежней возлюбленной своего свекра и привлекла ее ко двору. Здѣсь Ву Чжао (ея первоначальное имя) заняла уже въ 654 году первенствующее мѣсто. Вскорѣ ей удалось оттѣснить и погубить настоящую императрицу, а въ 674 г. она сумѣла провести назначеніе своего племянника Ву Сань-сы въ герцоги Чжоу; сама же она и ея супругъ (съ 655 г.) приняли титулъ императора и императрицы Неба. Послѣ смерти императора (683) она посадила на престолъ двухъ своихъ сыновей Чжунъ Цзуна и Жуй Цзуна, но уже въ томъ же году взяла правленіе въ свои руки. Съ 684 по 705 г. она правила самовластно и жестоко, но такъ успѣшно, что, будучи низложена вызваннымъ изъ изгнанія Чжунъ Цзуномъ, она пользовалась почетомъ до самой смерти, вскорѣ затѣмъ наступившей. Она лучше всего извѣстна подъ именемъ Ву Цзэ-тянь. Чжунъ-Цзунъ почти утратившій умственныя способности во время долгаго изгнанія, былъ игрушкой въ рукахъ своей честолюбивой и распутной жены, императрицы Вэй Хоу, отравившей его въ 710 г. и посадившей на престолъ его сына Чжунъ Мао; однако послѣдняго также вскорѣ удалили и замѣстили возвращеннымъ изъ ссылки Жуй Цзуномъ (710—712). Его сынъ Лунъ Цзи возсталъ, взялъ штурмомъ дворецъ, убилъ императрицу Вей и былъ признанъ своимъ отцомъ императоромъ.

При Сюанъ Цзунѣ (также Танъ Минъ Хуанъ; 712—756) какъ при дворѣ такъ и въ странѣ происходила величайшая неурядица. Императоръ находился вполнѣ въ сѣтяхъ своей возлюбленной Янъ-гуй-фэй. Гуй фэй слѣдующій титулъ за именемъ (фамиліей) императрицы; трехъ сестеръ ея онъ также взялъ въ свой гаремъ; а ее и ея родныхъ осыпалъ знаками милости. Среди его любимцевъ мужчинъ первое мѣсто занималъ Ань Лу-шань, татаринъ, раньше Алашанъ; будучи поставленъ во главѣ большого войска, противъ тюркскихъ и татарскихъ племенъ, онъ объявилъ себя въ 755 году независимымъ и обратился противъ столицы. Во время бѣгства императоръ былъ вынужденъ возставшими солдатами отдать приказъ своему любимому евнуху (и министру) Гао Ли-ши задушить Янъ Гуй-фей; солдаты же публично казнили брата и сестру его возлюбленной. Этотъ эпизодъ послужилъ темой для одной изъ лучшихъ китайскихъ народныхъ балладъ. Вообще время танской династіи и особенно эпоха Сюань Цзуна было высшимъ расцвѣтомъ китайской поэзіи. При немъ жилъ и умеръ знаменитый китайскій лирикъ, Ли Тай-бо. Ань Лу-шань былъ убитъ однимъ изъ своихъ сыновей въ минуту успѣха; его потомки, изъ которыхъ каждый погибъ отъ руки убійцы, жили въ пограничныхъ областяхъ, пока въ 763 году съ умерщвленіемъ послѣдняго изъ нихъ не была возстановлена тамъ снова императорская власть.

Су-Цзунъ (756—762) былъ слабымъ правителемъ, находившимся совершенно въ рукахъ своей любовницы, Чжанъ Лянъ-ди, возведенной, благодаря вліянію евнуха Ли фу-го, въ званіе императрицы. Поссорившись съ ней, Ли воспользовался смертью императора и приказалъ убить и императрицу. При Дай Цзунѣ (763 — 779 г.) онъ сначала пользовался большимъ вліяніемъ, но былъ затѣмъ казненъ вмѣстѣ съ другими евнухами. Возстаніе пограничныхъ народовъ, вызванное недовольными китайцами, было подавлено въ 765 г. стараніями генерала Го Цзы-и, который уже при прежнемъ императорѣ игралъ выдающуюся роль. Дэ Цзуну (780—805), при желаніи, не хватало настойчивости и силы провести въ управленіи страной разныя реформы и особенно сломить (въ

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Герои и героини китайской исторіи.

(По оригинальнымъ китайскимъ картинамъ на шелковой бумагѣ.)

Герои и героини китайской исторіи.

Сверху налѣво: I. **Цзяо-гуе-фу-іенъ,** героиня-предводительница кучки добровольцевъ въ концѣ VI-го столѣтія нашего лѣтосчисленія.

Внизу налѣво: II. **Ву-Цзе-тянъ,** знаменитая императрица (625—705).

Внизу направо: III. **Ю-фей,** національный герой и великій патріотъ (1103—1141).

Сверху направо: IV. **Ху-Да-хай,** предводитель авангарда и вѣрный другъ основателя Минской династіи (2-ая половина XIV-го столѣтія нашего лѣтосчисленія).

каждой изъ десяти Дао было часто по нѣскольку намѣстниковъ) власть намѣстниковъ провинцій, которые отчасти обратились въ наслѣдственныхъ повелителей; императоръ принужденъ былъ бѣжать и могъ вернуться обратно въ столицу лишь послѣ долгой борьбы. И въ другихъ реформахъ онъ не имѣлъ бо̀льшаго успѣха. Попытка министра Янъ Янь отмѣнить поземельный налогъ, барщину и уплату податей естественными продуктами и замѣнить ихъ денежной податью, уплачиваемой по полугодіямъ, окончилась въ 781 году казнью реформатора. За послѣдніе годы правленія императора во всѣхъ областяхъ царствовалъ большой безпорядокъ, и должности отдавались лицамъ, которыя могли заплатить дороже.

Съ этого времени танская династія катится по наклонной плоскости внизъ: правители ея или находятся вполнѣ во власти даосскихъ обманщиковъ, или въ рукахъ евнуховъ, которые нѣкоторыхъ изъ нихъ низлагаютъ или убиваютъ. Попытки намѣстниковъ стать самостоятельными ведутъ все къ новымъ возстаніямъ, которыя съ трудомъ удается подавить. Въ 880 г. Хуанъ Чао овладѣлъ столицей и провозгласилъ себя императоромъ; лишь въ 884 г. онъ былъ побѣжденъ и то лишь съ помощью татарскихъ пограничныхъ войскъ. Чжу Цюань Чжунъ, одинъ изъ приверженцевъ Хуанъ-Чао, перешедшій на сторону императорскихъ войскъ и получившій командованіе, началъ играть крупную роль. Евнухи, убившіе многихъ принцевъ императорскаго дома, попытались увезти императора Чжао Цзуна; Чжу привезъ его назадъ въ Чанъ-ань, въ 904 году его убилъ, а на престолъ посадилъ его сына Чжао Сюѳнь Ди; устранивъ всѣхъ чиновниковъ и принцевъ, отъ которыхъ онъ могъ ожидать помѣхи своимъ планамъ, Чжу въ 907 году низложилъ императора. Этимъ кончается танская династія, и Чжу Цюань Чжунъ является первымъ императоромъ позднѣйшей династіи Хоу Лянъ, подъ именемъ Тай Цзу.

е) Пять династій (907—960).

Еще передъ паденіемъ танской династіи въ разныхъ частяхъ страны возникли независимыя государства. Къ нимъ примкнули и другія, въ которыхъ сторонники танской династіи съ успѣхомъ боролись противъ узурпаторовъ династій Хоу Лянъ и послѣдующихъ. Китайцы часто называютъ это время „позднѣйшихъ пяти династій“ также временемъ „десяти государствъ“; изъ нихъ (Цянь) Шу находилось въ Сы-чуани, Ву въ Цзянъ-су, Минь въ Фу-цзяни, Ву Юе въ Чжэ-цзянѣ, Нань Хань въ Гуанъ-дунѣ, Чу въ Хунани, Цзинъ нань въ Ху-бэй'ѣ. Кромѣ того, были особыя государства: Ци въ Шеньси и Ганьсу и Янь въ Чжили (Пекинъ). На сѣверѣ и западѣ два татарскихъ племени, киданъ (Ляо) и Ся, овладѣли обширными областями и основали, первые съ 937 г., вторые съ 1031 г. свои государства.

Изъ пяти династій царствовала первой „позднѣйшая династія Хоу Лянъ“ (907 до 923), которая въ дѣйствительности владѣла только Хэнань'ю и Шантунгомъ; второй императоръ ея, Мо Ди, погибъ отъ руки узурпатора изъ княжества Цзинь, по имени Ли Цунь сюй, тюркскаго происхожденія. Послѣдній основалъ въ 923 г. подъ именемъ Чжуанъ Цзуна позднѣйшую Хоу-танскую династію, которая прекратилась уже въ 936 году послѣ безславнаго правленія четырехъ императоровъ, изъ которыхъ послѣдній, Фей Ди, окруженный киданями, сжегъ себя вмѣстѣ съ дворцомъ въ Лоянѣ. Посаженная киданями позднѣйшая династія Хоу-Цзинь, бывшая отъ нихъ въ зависимости, была ими же уничтожена: въ 946 году кидане овладѣваютъ столицей Кай-фынъ-фу въ Хэнани и уводятъ въ плѣнъ императора Чу Ди. Послѣ короткаго междуцарствія Лю Гао вступаетъ въ 947 году на престолъ подъ именемъ Гао Цзу, будучи первымъ императоромъ позднѣйшей Хоу-ханьской династіи; ему удается принудить киданей уйти. Но уже его сынъ Инь Ди погибаетъ въ 950 г. отъ руки генерала Го Вэй

который, будучи провозглашенъ своими солдатами императоромъ, вступаетъ въ 951 г. на престолъ подъ именемъ Тай Цзу, какъ первый императоръ слѣдующей Хоу-Чжоуской династіи. Но уже его внука Гунъ Ди свергаетъ съ престола въ 960 г. генералъ Чжао Чуанъ Инь, провозглашенный своими войсками императоромъ.

Эта борьба происходила почти исключительно въ долинѣ Хоанго; въ южной и западной части Китая господствовало тогда относительное спокойствіе.

ж) Сѣверная Сунская династія (960—1127).

Тай Цзу (960—976), первый императоръ сѣверной сунской династіи, оказался дѣльнымъ человѣкомъ, хотя его солдаты вытащили его изъ палатки въ пьяномъ видѣ и одѣли въ императорскую одежду; послѣ долгой и упорной борьбы онъ возстановилъ въ странѣ покой и порядокъ. Цзинъ Нань, одно изъ 10 государствъ, покорилось въ 963 г., Хоу-Шу въ 965 г., Нань-Хань въ 971, Нань-Танъ въ 975, Ву-Юе въ 978 г., и Бэй-Хань въ 979 г. Такимъ образомъ, все царство, за исключеніемъ областей, находившихся во власти китанцевъ и Ся, было объединено въ рукахъ Тай Цзуна (976—997 г.). Правленіе Чжэнь Цзуна (998—1022) и Жэнь Цзуна, были также счастливы для страны, хотя послѣдній вынужденъ былъ купить у киданей позорный миръ. Больше успѣха онъ имѣлъ у Нинъ-Ся, жившихъ въ Ганьсу, которые, по крайней мѣрѣ признали его власть; это продолжалось однако лишь до 1038 г., когда Ся-ванъ Чжао Юань Хао принялъ императорскій титулъ. Во время болѣзни Жэнь Цзуна, также въ первые годы царствованія его преемника Инъ Цзуна, крупную роль играла императрица Цао (Цао-хоу) въ качествѣ правительницы; однако она должна была удалиться главнымъ образомъ по настоянію знаменитаго государственнаго дѣятеля Хань Ци. Ко времени Шэнь Цзуна (1068—85) относятся интересныя попытки реформъ, которыя министръ Ванъ Ань-ши, самъ извѣстный ученый и писатель, основывалъ на предписаніяхъ и обычаяхъ древней Чжоуской династіи (1200 до Р. Х.). Въ главныхъ чертахъ вопросъ касался отеческаго вмѣшательства правительства въ мелочи земледѣльческаго быта. Для всего населенія была снова введена система десятинной доли съ взаимнымъ поручительствомъ членовъ; также была введена милиція съ общей воинской повинностью по округамъ. Крестьянамъ давали каждую весну ссуды изъ государственной казны, а осенью они должны были возвратить ихъ послѣ уборки хлѣба съ 20%. Отбывающіе барщину должны были откупаться также деньгами отъ работы. Протесты нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ (Хань Ци, Сы-ма Гуанъ, Су-ши и др.) указывали на то, что недобросовѣстность и подкупность чиновниковъ сдѣлаютъ невозможнымъ выполненіе этихъ реформъ, и дѣйствительно, онѣ не удались главнымъ образомъ по этой причинѣ. Борьба обѣихъ партій продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ при разныхъ императорахъ почти 40 лѣтъ; наконецъ, побѣдили староконсерваторы: хотя Ванъ Ань-ши былъ канонизированъ, и таблица его была выставлена въ храмахъ Конфуція однаго долго спустя послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1086 г., онъ былъ лишенъ всѣхъ воздаваемыхъ ему почестей и теперь живетъ въ народной памяти, какъ „безстыдный министръ".

И въ другомъ отношеніи, особенно въ философскомъ и антикварно-литературномъ это время было очень оживленнымъ. Но мѣриломъ для государства была все-таки его военная мощь; и въ этомъ отношеніи династія оказалась слабой послѣ перваго славнаго періода; въ концѣ концовъ она пала отъ натиска уже существовавшихъ и возникшихъ на границѣ татарскихъ царствъ. Въ 907 г. Абаоцзи, вѣроятно, начальникъ тунгузскаго племени, добравшійся черезъ Амуръ и рѣку Ляо до сѣверной границы Китая, основалъ тамъ государство киданей; а въ 916 году онъ

положилъ основаніе подъ именемъ Тай-Цзу ляосской династіи (916—1125 г.), владѣніе которой простиралось отъ Амура до сѣв. Чжили и отъ Ліаотунгскаго залива до пустыни Гоби (Шамо); послѣ долгой борьбы кидане ограбили Китай, унизили его и принудили къ уплатѣ дани; наконецъ,въ лицѣ татаръ — Цзинь (Нюй Чжэнъ, Ню-чи), предковъ нынѣ господствующихъ въ Китаѣ маньчжуровъ, для нихъ выросъ сперва равносильный, а затѣмъ болѣе могущественный противникъ. Угрожаемый Ляо, императоръ Хуй Цзунъ (1101—25) обратился къ Агудѣ, князю цзин'ей за помощью противъ Ляо, съ которыми послѣдній самъ воевалъ. Агуда, принявшій подъ именемъ Тай Цзу (1115—1122) титулъ „императора дин. Цзинь", согласился на эту просьбу. Его братъ и наслѣдникъ Тай Цзунъ покорилъ въ 1125 г. царство Ляо, взявъ его столицу и уведя въ плѣнъ послѣдняго императора Тянь Цзу Хуанъ-ди. Дэ-цзунъ (Элюй да-ши), членъ императорской фамиліи, бѣжалъ на западъ и основалъ въ Средней Азіи царство Кара-Китай, черныхъ киданей, или династію Си Ляо (западныхъ Ляо), которая была уничтожена въ 1201 г. ханомъ монголовъ Наймановъ. Китайцы нисколько не выиграли отъ уничтоженія Ляо, такъ какъ цзиньцы оказались еще болѣе опасными врагами. Принудивъ Китай къ уступкѣ области и къ уплатѣ контрибуціи, они въ 1125 г. снова вторглись черезъ границу, взяли въ 1127 г. Лоянъ и увели съ собой въ плѣнъ императора Цинь Цзуна (1126—1127). Ихъ царство, столицей котораго сначала былъ Янъ (Пекинъ), простиралось до Хэнани, гдѣ столицей сперва былъ Кай-фынъ-фу, а затѣмъ сталъ болѣе южный Юнь-нинъ-фу. Возведенный ими на престолъ съ титуломъ императора дин. Чу въ 1127 г. Чжанъ Банъ-чанъ, раньше чиновникъ, отказался еще въ томъ же году, и на престолъ вступилъ Гао Цзунъ, девятый сынъ Хуй-Цзуна, какъ первый императоръ южной сунской династіи.

ж) Южная Сунская династія (1127—1259).

Безпрерывныя нападенія цзиньцевъ заставили Гао Цзуна (1127—62), имѣвшаго сперва резиденцію въ Нанкинѣ, перенести уже въ 1138 г. въ Линьнань (Ханъ-чжоу) въ Чжэ-цзянѣ. Борьба китайцевъ съ цзиньцами иногда бывала успѣшна. Особенно отличился противъ нихъ генералъ Іо-Фэй; но его попытка убѣдить императора къ рѣшительному нападенію на враговъ имперіи не имѣла успѣха вслѣдствіе несогласія, повидимому, подкупленнаго цзиньцами министра Цинь Гуй'я. Въ концѣ концовъ Іо-Фэй и его сынъ были посажены въ тюрьму и въ 1141 г. казнены. Въ 1179 г. Іо-Фэй былъ канонизированъ, а его противникъ еще и до нынѣ находится въ презрѣніи у народа и китайскихъ лѣтописцевъ. Въ исторіи южной Сунской династіи, заполненной рядомъ стычекъ сначала противъ цзиньцевъ затѣмъ противъ монголовъ, отрадно отмѣтить развитіе занятій философіей, достигшее расцвѣта въ экзегетической школѣ Чжу Си (1130 до 1200 г.). Его работы о классическихъ сочиненіяхъ и работы его учителей, Чжоу Дунь-и и Чжэнъ-дэ Сю и другихъ до сихъ поръ являются главными источниками ортодоксальнаго міросозерцанія.

Борьба съ цзиньцами, которымъ Китай платилъ и номинально и фактически дань, истощила силы страны, пока, наконецъ, самимъ цзиньцамъ съ начала XIII столѣтія не пришлось плохо въ борьбѣ съ монголами. Договоръ, заключенный императоромъ Ли Цзуномъ (1225—64) въ 1233 г. съ Угэдэйемъ, наслѣдникомъ Чингисъ-хана, принесъ монголамъ большую выгоду, хотя китайскія войска и одержали крупную побѣду надъ цзиньцами; монголы овладѣли Цай-чжоу въ Юнь-нинъ-фу, причемъ погибли Ай Цзунъ и Мо Ди, два послѣднихъ императора Цзиньской династіи. Всѣ попытки китайцевъ удержать наступленіе монголовъ покорностью и оружіемъ не имѣли успѣха; въ 1276 г. монгольскій генералъ Баянъ (Бо-янь) завоевалъ Ханъ-чжоу, взялъ въ плѣнъ императора Гунъ-ди почти со всѣми

членами императорскаго дома и увелъ всѣхъ на сѣверъ. Старшій сынъ Ду-цзуна (1265—74), Чжао Ши, которому удалось спастись отъ врага, былъ девяти лѣтъ провозглашенъ императоромъ, въ Фу-чжоу, подъ именемъ Дуань Цзуна; однако онъ долженъ былъ вскорѣ бѣжать отъ наступленія монголовъ въ Квантунгъ, гдѣ и умеръ въ 1278 г. Его младшій братъ Ди Бинъ бѣжалъ со своими послѣдними спутниками на островъ Яй-шань гдѣ въ 1279 г. на нихъ напали монголы. Когда битва была проиграна, министръ Лу Сюфу прыгнулъ съ 9-лѣтнимъ императоромъ на спинѣ въ море и утонулъ. Этому примѣру, по преданію, послѣдовали многіе изъ придворныхъ молодого императора, чтобы не попасть въ руки монголовъ. Такимъ образомъ, прекратилась южная Сунская династія одновременно съ порабощеніемъ китайскаго народа монголами.

з) Монгольская династія Юань, 1206 (1260 или 1280) до 1368.

Темучинъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Чингисхана, родился въ 1155 г. и былъ сыномъ начальника нирунскихъ монголовъ; послѣ продолжительной борьбы онъ сталъ начальникомъ племени, а послѣ побѣды надъ своимъ главнымъ соперникомъ, въ 1203 г., Ванъ-ханомъ, онъ былъ избранъ главой всѣхъ монгольскихъ племенъ. Онъ утвердился въ Каракорумѣ и отправился оттуда на завоеваніе міра; въ 1209 году онъ подчинилъ себѣ уйгуровъ; въ 1220 г. — харезмійцевъ, и въ 1223 г. онъ разбилъ при Калкѣ русскихъ, бывшихъ съ куманцами въ союзѣ. Во время похода противъ тангутовъ онъ умеръ въ 1227 г. (годъ паденія западной династіи Ся), на горѣ Лу Бань-шань въ Ганьсу. На Китай онъ вліялъ только косвенно, тѣсня Цзиньскую династію. Его титулъ императора и китайское имя Тай Цзу (съ 1206 г.), вѣроятно, болѣе позднія почетныя названія. Послѣ короткаго правленія его сына Тулуя (Тули, 1227—29) ему наслѣдовалъ его третій сынъ Угэдэй ханъ (Огодай, по китайски Тай Цзунъ), отъ 1229 до 41. При немъ, послѣ уничтоженія династіи Цзинь, монголы стали непосредственными сосѣдями китайцевъ. И на западъ царство ихъ распространялось все дальше; набѣги ихъ противъ сѣверной Россіи (1237—38), противъ южной Россіи до Волыни и Подольской губерніи (1240), противъ Польши, Силезіи, Моравіи (1240—41), Венгріи (1241—42) наводили ужасъ на Восточную Европу и вмѣстѣ съ тѣмъ приносили туда извѣстія о Китаѣ. Три большихъ государства, основанныхъ въ Азіи: Персія, Туркестанъ и Золотая Орда на Волгѣ, признавали, хотя быть можетъ лишь по имени, верховную власть Китая; то же было и при Тимурѣ, завоевателѣ Индіи. Властители этихъ трехъ царствъ получали изъ Китая росписи, выправляли оттуда свои назначенія и печати. Военноплѣнные составляли лейбъ-гвардію китайскаго императора: такъ въ 1330 г. былъ образованъ полкъ изъ русскихъ; многочисленныя посольства покоренныхъ князей приносили дань Угэдэю.

Послѣ смерти Угэдэя, его жена Най-ма-чжэнь, 6-я королева, правила страной, пока его старшій сынъ, Гуюкъ-ханъ (Гуй-ю; по китайски Динъ-Цзунъ) не вступилъ въ 1246 г. на престолъ. Однако, этотъ правитель умеръ уже въ 1248 г. Снова императрица Огулъ Гайтмышъ приняла въ Каракорумѣ правленіе до прибытія сына Тулуя, Мунхэ хана (Мэнъ-гэ; по китайски Сянь цзунъ; 1251—59); послѣдній находился по большей части въ Шаньду (Ксанаду) въ ю.-в. Монголіи, въ лѣтней резиденціи, и умеръ тамъ же. Его правленіе было занято борьбой противъ южной Сунской династіи, которая во время господства его младшаго брата Кублай-хана [Ху-би-лѣ, по китайски Ши цзу (1260—1204)] была въ 1279 г. совершенно уничтожена. Первая борьба Кублая была направлена противъ претендента его же національности, Арикбуги (Алибуго), возставшаго въ Каракорумѣ; будучи разбитъ въ 1261 г., онъ былъ принужденъ бѣжать и въ 1264 г. покорился. Въ томъ же году Пекинъ былъ провоз-

глашенъ столицей подъ названіемъ Чжунъ-ду (средняя резиденція), а въ 1271 г. Кублай принялъ для своего дома названіе Юаньской династіи. Изъ Кореи, покорившейся передъ тѣмъ монголамъ, они попытались основаться на Кіу-Сіу, но этой попыткѣ помѣшали японцы; дипломатическіе переговоры съ Японіей, которые должны были повести къ подчиненію, протекли безрезультатно; большая же эскадра, посланная Кублаемъ въ 1281 г. въ Японію, была почти совершенно уничтожена страшной бурей. Несмотря на эту неудачу, при Кублаѣ въ странѣ былъ миръ и покой; вся она была раздѣлена на двѣнадцать провинцій; при его управленіи по возможности считались уже съ привычками китайцевъ. Большой Императорскій каналъ, начатый частью при династіяхъ Суй, Сунъ и Цзинъ былъ законченъ, и въ прочемъ страна развивалась успѣшно. Извѣстія Марко-Поло, жившаго отъ 1275 до 1292 г. съ своими обоими дядями, Николо и Маттео, при дворѣ великаго хана и въ разныхъ частяхъ страны, и много разсказывавшаго объ ея богатствѣ и сокровищахъ („Marco Millione“), косвенно способствовали открытію Америки (см. т. I, стр. 351), такъ какъ Колумбъ отправился, „чтобы поѣхать на кораблѣ съ Запада на Востокъ“, т. е. съ цѣлью открыть Маньци, Южный Китай.

Наслѣдникъ Кублая, Тимуръ (Тѣмуръ; по китайски Чэнъ цзунъ; 1295—1307) снова ввелъ почитаніе Конфуція, ученіе котораго его предшественники терпѣли, но не чтили; по примѣру его преемники живо интересовались классической литературой, — этимъ однако они не добились любви своихъ подданныхъ. Вообще монголы не были дурными правителями; они старались облегчить тяготы народа, но воспоминаніе объ ужасахъ монгольскаго нашествія было еще слишкомъ свѣжо: каждое естественное бѣдствіе, постигавшее страну, ученые и народъ считали и называли наказаніемъ неба. При дворѣ, конечно, играли роль и евнухи; императоръ Шодепала (Инъ-цзунъ) былъ въ 1323 году убитъ своимъ спальникомъ Тѣ-ши; однако семейныхъ распрей, такъ сильно способствовавшихъ паденію прежнихъ династій, не было почти вовсе. Лишь въ 1328 г., по смерти императора Ѣсунъ Тимура (Тай-динь-ди) начались такія распри. Вэнь-цзунъ или Тобъ Тимуръ, сынъ Хайсана (Хай-шань, Ву-цзунъ; 1308—11) овладѣлъ престоломъ и изгналъ Асу-цзина (Ацзакба), сына Ѣсунъ Тимура изъ Шанъ-ду, который также принялъ титулъ императора. Старшій братъ Хо-ши-ла (Минъ-цзунъ) былъ признанъ въ 1328 г. Тобъ Тимуромъ законнымъ престолонаслѣдникомъ, и вступилъ на престолъ въ Монголіи, однако уже въ 1229 г. онъ умеръ во время посѣщенія своего младшаго брата, какъ полагаютъ отъ отравы. Вэнь Цзунъ царствовалъ затѣмъ до 1332 года и умеръ въ Шанъ-ду.

Илинь чжи-бань, семилѣтній сынъ Хо-ши-ла былъ посаженъ на престолъ, но умеръ въ томъ же году; его старшій братъ То-хуань-ти-муръ (Шунь Ди; 1333—68) наслѣдовалъ ему, являясь послѣднимъ правителемъ изъ монгольской династіи. Правленіе Шунь Ди началось съ землетрясенія, кроваваго дождя и другихъ явленій, которыя вмѣстѣ съ неурожаями и наводненіями способствовали возбужденію народа. Особенно сильно раздражили его приказы, изданные по поводу регулированія Хоанго, и требовавшіе для этого повышенія податей. Въ 1348 году начались первыя волненія; въ 1351 г. возсталъ одинъ ложно-императоръ Сюй Шоу-хуй въ Хубэй и въ 1353 году — другой, Чжанъ Ши-чэнъ въ Цзянъ-су. Сюй Шоу-хуй былъ уже въ 1363 г. устраненъ Чэнь Ю-ляномъ, который называлъ себя императоромъ Хана; Чжанъ Ши-чэнъ объявилъ себя въ 1363 г. королемъ Ву и въ 1367 г. былъ замѣщенъ Чжу Юань-чжаномъ. Въ 1355 г. появился въ качествѣ императора Суна въ Ань-хуѣ Хань Линь-эръ, а въ 1363 году объявился въ Сы-чуани Минъ Юй-чжэнь въ качествѣ императора Ся. Самый крупный изъ этихъ претендентовъ былъ Чжу Юань-чжанъ, родившійся въ крайней

бѣдности; сначала онъ былъ буддійскимъ жрецомъ, затѣмъ поступилъ на службу къ Го Цзы-сину, провозгласившему себя въ 1353 г. княземъ Чжу Яна въ Аньхуѣ. По смерти тестя, Чжу, завоевавшій во главѣ части боевыхъ силъ, собранныхъ имъ, въ 1355 г. Нанкинъ и въ 1367 г. провозгласившій себя королемъ Ву, сталъ самымъ главнымъ противникомъ монголовъ. Въ 1368 г. онъ принялъ императорскій титулъ съ династическимъ названіемъ — Минъ, въ томъ же году его генералы завоевали (см. рис. 4 на табл. при стр. 88) Пекинъ, изъ котораго бѣжалъ послѣдній императоръ изъ монголовъ, Шунь Ди и черезъ проходъ Нань-коу спасся въ тѣ самыя степи, изъ которыхъ вторглись нѣкогда его предки въ Китай.

К. Начало христіанства въ Китаѣ (635—1368).

а) Несторіанское вѣроисповѣданіе.

Если вполнѣ вѣрить надписи, найденной въ 1625 году на памятникѣ въ Синангфу, въ XVII столѣтіи, и вѣроятно, несправедливо подвергшейся сомнѣнію, — то первымъ христіанскимъ миссіонеромъ былъ несторіанецъ; онъ пришелъ въ Китай въ 635 году. На памятникѣ онъ называется „Олобянь“, быть можетъ, — это извращенное китайское названіе для „монахъ“, а религія, о которой дается довольно неопредѣленное понятіе, называется благороднымъ ученіемъ Да Цинь (Сирія, ср. стр. 77). Привезенныя Олобянемъ книги были, съ разрѣшенія императора, переведены, и была разрѣшена публичная проповѣдь. Императоръ танской династіи Тай Цзунъ опредѣленно выразилъ свое одобреніе ученію и позволилъ построить церковь, въ которой былъ поставленъ его портретъ. Гао Цзунъ также покровительствовалъ ученію. Позже времена стали тяжелѣе, но Сюань Цзунъ (712—756) опять покровительствовалъ ученію, и при немъ прибылъ новый миссіонеръ, Кихо. При Дэ Цзунѣ (780—805) былъ, наконецъ, воздвигнутъ въ 781 году вышеупомянутый памятникъ. Надпись, сдѣланная по китайски, частью въ поэтической формѣ, содержитъ добавленія на сирійскомъ языкѣ (эстранжело), изъ которыхъ видно, что уже тогда въ Китаѣ работало много несторіанскихъ священниковъ (надпись содержитъ 67 именъ); они находились подъ властью нѣсколькихъ викарныхъ епископовъ, изъ которыхъ первый назывался папой Цинстана (Цинистанъ-Китай) (ср. томъ IV, стр. 212). По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ между несторіанцами и церковью въ Сиріи продолжали существовать дальнѣйшія сношенія, пока успѣхи ислама не положили имъ конецъ. Въ 845 г. священниковъ Да Цина, какъ говорили, числомъ около 3000 человѣкъ, постигъ приказъ Ву Цзуна, повелѣвавшій имъ и буддійскимъ монахамъ вернуться въ міръ. Несмотря на это, несторіанцы удержались въ Средней Азіи и Китаѣ. (Пресвитера Іоанна, вѣроятно сказочную личность — можно отождествить съ Вань-ханомъ, соперникомъ Темучина (ср. стр. 92). Они имѣли въ странѣ много приходовъ и церквей и играли нѣкоторую роль при дворѣ монгольскихъ князей и императоровъ; особенно среди женщинъ и нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ они достигали обращенія въ христіанство. Они погибли вмѣстѣ съ монгольской династіей, не оставивъ слѣдовъ своей дѣятельности.

б) Римско-католическое вѣроисповѣданіе.

При монгольской династіи въ Китай проникли также первые римско-католическіе священники, сначала, конечно, въ качествѣ дипломатическихъ пословъ папъ и свѣтскихъ князей. Успѣхи монголовъ въ Западной Азіи и Восточной Европѣ съ одной стороны и все болѣе угрожающее и растущее могущество ислама въ Сиріи и Египтѣ съ другой, направили вниманіе руководящихъ папъ и князей, участниковъ крестовыхъ походовъ, на возможность союза съ монголами противъ общаго врага, ислама; это воз-

зрѣніе оцѣнили также и Чингисиды. Если попытка создать подобный политическій и военный союзъ осталась безъ результата, то это зависѣло отъ того, что папы и монгольскіе князья, вмѣсто того, чтобы ограничиться ближайшими практическими цѣлями, преслѣдовали болѣе обширные планы (расширеніе господства). Несмотря на это, отчеты папскихъ и другихъ пословъ, отправившихся въ Китай и Монголію сушею, представляютъ много интереснаго. Папа Иннокентій IV, первый послалъ еще до собора въ Ліонѣ (1245 г.) на востокъ посольство, состоявшее изъ доминиканцевъ подъ предводительствомъ Николая Анзелина (Анзельмъ изъ Ломбардіи). Въ августѣ 1247 г. они натолкнулись въ Харезмѣ на войско генерала Баху - Нояна, отославшаго ихъ обратно съ двумя татарскими (монгольскими) послами, для передачи папѣ письма генерала (1248 г.). Несмотря на то, что письмо было написано въ невѣжливой формѣ и папа въ немъ приглашался подчиниться, послѣдній обошелся съ послами очень вѣжливо, чтобы сохранить возможность дальнѣйшихъ сношеній. Иннокентій послалъ впрочемъ съ первой миссіей двухъ францисканцевъ: Лаврентія Португальскаго, назначеннаго папскимъ легатомъ на Востокъ, и Іоанна изъ Плано-Карпини, который началъ путешествіе изъ Бреславля съ Венедиктомъ изъ Польши. Послѣдніе добрались первыми до Батыя; онъ послалъ ихъ дальше въ лагерь Угэдэя, куда они прибыли въ іюлѣ 1246 г., какъ разъ къ восшествію Гуюка на престолъ. Они застали тамъ русскихъ и венгерскихъ священниковъ и золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Космосъ. Самъ Гуюкъ, сынъ несторіанки, имѣлъ среди женщинъ гарема и среди своихъ высшихъ чиновниковъ христіанъ, которымъ онъ разрѣшалъ исповѣдывать свою религію. Въ ноябрѣ пословъ отпустили съ отвѣтомъ великаго хана; они отклонили изъ предосторожности сопровожденіе татарскихъ пословъ, чтобы послѣдніе не видѣли распри между христіанскими государями и этимъ не были бы ободрены къ дальнѣйшимъ нападеніямъ. Обратный путь черезъ Россію, Польшу, Богемію и Германію былъ затруднителенъ: они прибыли къ папѣ только въ концѣ 1247 г.

Между тѣмъ король Людовикъ IX получилъ въ началѣ 1247 года предложеніе Баху подчиниться ему, — но это приглашеніе осталось безъ отвѣта: въ 1248 г. къ нему пришли на Кипрѣ послы Ильчикадая, преемника умершаго Баху, предложившіе ему союзъ противъ магометанъ и сообщившіе, что Ильчикадай и самъ великій ханъ, христіане. Въ отвѣтъ на это сообщеніе Людовикъ послалъ въ 1249 г. изъ Никозіи посольство къ великому хану, состоявшее изъ доминиканцевъ подъ предводительствомъ Андрея изъ Лонжюмэ. Посольство должно было передать различныя реликвіи и пригласить хана быть твердымъ въ христіанской религіи. Посольство, которое шло черезъ Персію, для переговоровъ съ Ильхи, застало смерть Гуюка, умершаго въ лагерѣ великаго хана (1248). Правительница Огулъ Гайтмышъ (Оч-ву-ли-хай-ми-ши, 1248—51) приняла приношеніе за дань и отослала пословъ съ подарками обратно; посламъ такъ и не удалось узнать, вѣрны ли слухи о сообщенномъ обращеніи; — они вернулись въ 1251 г. къ королю въ Сенъ-Жанъ-д'Акръ.

Хотя и недовольный превратнымъ толкованіемъ своего посольства, Людовикъ послалъ въ маѣ 1253 г. новыхъ пословъ, францисканцевъ Вильгельма Рубруквиса и Варѳоломея Кремонскаго съ цѣлью обращенія. Они отправились черезъ Константинополь и степи между Днѣпромъ и Дономъ и достигли въ іюлѣ лагеря Джагатая, который отослалъ ихъ къ Сартакъ-хану, сыну Батыя (это было на разстояніи трехъ дней пути по ту сторону Волги); но Сартакъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность позволить имъ жить и учить въ странѣ и послалъ ихъ къ Мунхэ. При дворѣ его они нашли въ декабрѣ 1253 г. много несторіанскихъ священниковъ, которымъ оказывалось предпочтеніе передъ магометанскими имамами и бонзами. При богослуженіи ихъ присутствовалъ Мунхэ съ семьей, но скорѣй изъ рав-

нодушія. Онъ самъ былъ очень суевѣренъ и не предпринималъ ничего, не спросивъ предварительно оракулъ изъ лопатки (ср. стр. 5). Они сопровождали Мунхэ въ Каракорумъ, гдѣ нашли золотыхъ дѣлъ мастера изъ Парижа, Гильома Буше. Тамъ у нихъ, по повелѣнію Мунхэ, былъ диспутъ съ священниками другихъ религій. Мунхэ отпустилъ, наконецъ, Рубруквиса (Варѳоломей остался тамъ, такъ какъ не захотѣлъ опять ѣхать черезъ пустыню) съ письмомъ къ королю Людовику, въ которомъ онъ принялъ титулъ сына Неба и высшаго властелина, опровергалъ сообщеніе пословъ Ильчикадая и Огулъ Гайтмышъ и приказывалъ королю жить по предписаніямъ Чингисхана. Рубруквисъ встрѣтилъ послѣ 2-хъ мѣсяцевъ пути Сартака, который направлялся въ лагерь Мунхэ и который, какъ сообщалъ его „каплапъ", только что крестился. Въ сентябрѣ 1254 г. Рубруквисъ прибылъ въ лагерь Батыя, который возилъ его мѣсяцъ съ собой; наконецъ, онъ вернулся черезъ Кавказъ, Арменію и Сирію назадъ и прибылъ въ августѣ 1255 г. въ Триполисъ, откуда онъ послалъ королю Людовику свой отчетъ въ Акръ.

Папы также не бездѣйствовали, хотя и преслѣдовали на этотъ разъ скорѣе религіозные, чѣмъ политическіе интересы. Въ 1278 г. Николай III послалъ къ великому хану пять монаховъ, относительно пребыванія которыхъ ничего не извѣстно. Въ 1292 г. прибылъ въ Южный Китай отправившійся туда моремъ въ 1289 г. францисканецъ Іоаннъ изъ Монтекорвино; онъ поѣхалъ въ Ханбалыкъ (Пекинъ), откуда въ 1305 и 1306 гг. могъ сообщить о своихъ успѣхахъ; въ 1307 г. онъ былъ назначенъ епископомъ Ханбалыка. Въ этомъ и 1312 году ему послали нѣсколько посвященныхъ епископовъ и другихъ священниковъ, изъ которыхъ, кажется, прибыли не всѣ. Въ Пекинѣ, Цайдунѣ (Чжанъ-чжоу или Цзинь-цзю) и Янъ-чжоу были епископства, церкви (въ Пекинѣ три) и приходы. Когда Іоаннъ изъ Монтекорвино умеръ въ 1328 г., виды миссіи миноритовъ были повидимому благопріятны, хотя Андрей изъ Перуджіи, епископъ Цайтуня жаловался въ 1326 г. на то, что среди магометанъ и евреевъ нельзя добиться обращеній, и что многіе изъ крещеныхъ язычниковъ не слѣдуютъ по стезямъ христіанства. За то существовала, какъ онъ прибавлялъ, полная свобода вѣроисповѣданія, и просвѣтительной дѣятельности миссіонеровъ не ставилось препятствій. Монахъ Одорихъ изъ Порденоне, пріѣхавшій моремъ въ 20-хъ годахъ XIV столѣтія въ Китай и прожившій тамъ 3 года, вернулся черезъ Тибетъ и также подробно сообщилъ о религіозныхъ дѣлахъ. Послѣднія свѣдѣнія о Китаѣ исходятъ отъ Іоанна Мариньоли, который былъ въ Пекинѣ въ 1342—46 г.г. папскимъ легатомъ. Послѣ этого прекращаются всѣ свѣдѣнія. Правда, Урбанъ V пытался въ 1370 г. помочь положенію дѣлъ, пославъ папскаго легата, архіепископа и около 80-ти духовныхъ лицъ въ Пекинъ; но ни объ одномъ изъ нихъ не было больше извѣстій. Католическая миссія исчезла въ волненіяхъ, связанныхъ съ гибелью монгольской династіи такъ же, какъ и несторіанская. Враждебное отношеніе націоналистской минской династіи въ Китаѣ ко всѣмъ иностранцамъ, ростъ вліянія ислама въ Средней Азіи и переходъ властителей и народовъ въ исламъ едва ли объясняютъ вполнѣ это печальное явленіе; ненависть народа противъ чуждаго ученія и противъ чужихъ учителей способствовала его гибели.

Л. **Китай въ переходный періодъ отъ средней къ новой исторіи: Минская династія (1368—1644).**

Первые годы перваго императора изъ дома Минъ (Да Минъ, Великій Минъ). Тай Цзу (по девизу[1] его правленія называется обыкновенно европейцами Хунъ-ву; 1368—98) были посвящены окончательному изгна-

[1] Съ этого мѣста девизъ (ср. стр. 75) будетъ прибавленъ въ скобкахъ.

нію монголовъ и подчиненію претендентовъ внутри страны. Минъ Чжэнь, императоръ Ся (или Шу), покорился въ 1371 г., въ этомъ же году былъ покоренъ сынъ послѣдняго монгольскаго правителя, который до сихъ поръ держался въ Сычуани и Юньнани. Самъ Шунь Ди, бѣжавшій въ Сѣв. Монголію, былъ преслѣдуемъ китайцами и умеръ, окруженный въ Иньчанѣ; его сыну удалось спастись послѣ паденія города въ 1370 г. Національное движеніе китайцевъ имѣло результаты и заграницей: Корея и Аннамъ прислали дань, и японцы, отъ времени до времени опустошавшіе изъ мести берега Китая, были временно усмирены послѣ морской побѣды, одержанной будто бы китайцами у острововъ Ліу-кіу. Въ 1381 г. было подавлено возстаніе въ Юнь-нанѣ. Императоръ, жившій въ Нанкинѣ, позаботился о новой организаціи страны и объ ея управленіи: онъ раздѣлилъ государство на 13 провинцій (Шаньси Восточный и Западный, Шантунгъ, Хэнань, Хучуанъ, Сычуань, Юнь-нань, Суйчжоу, Ганьси Квангтунгъ, Фуцзянь, Цзяньси и Чжэцзанъ, а каждую провинцію на фу, чжоу и сянь (префектура, округъ и подокругъ); это сохранилось и до сихъ поръ. Внукъ Тай-цзу, Хуй Ди (Цзянь-вэнь) наслѣдовалъ ему, но уже въ 1403 г. онъ былъ сосланъ своимъ дядей, Тай Цзуномъ, Юнъ-ло (1403—24), жившимъ до того времени въ Пекинѣ, какъ король Янь, въ буддійскій монастырь. Тай Цзунъ ввелъ въ Пекинѣ, гдѣ онъ самъ жилъ, а также и въ Нанкинѣ двойное правительство съ двойными министерствами и т. д. Безпорядки, возникшіе въ странѣ и направленные противъ него, какъ узурпатора, онъ подавилъ безпощадно; но одновременно онъ усилилъ уваженіе къ Китаю заграницей. Въ 1406—11 г. онъ велъ войну съ Тонкиномъ, которая окончилась, правда, только временнымъ покореніемъ страны, а въ 1419 г. онъ разбилъ японцевъ, вторгшихся въ Ліаотунгъ. Экспедиціи (посольства?) отправлялись подъ начальствомъ евнуховъ Чжэнъ Хэ и Махуаня (Бинь) въ Сіамъ, Цейлонъ, Яву, Суматру, Бенгалію и до Чермнаго и Персидскаго моря. Китайское вліяніе повидимому существовало и пользовалось вѣсомъ во многихъ изъ этихъ странъ. Цейлонъ признавалъ болѣе 50 лѣтъ политическую верховную власть Китая; въ 1422 г. пришло посольство въ Китай изъ Адена; позже оно явилось изъ Египта (1441) и Самарканда (1481). Главной заботой императора было однако отраженіе постоянныхъ набѣговъ монголовъ, вызвавшихъ перенесеніе резиденціи въ Пекинъ и укрѣпленіе Великой стѣны посредствомъ верковъ, возведенныхъ между столицей и Калганомъ и увеличенныхъ его преемниками. Онъ самъ велъ нѣсколько походовъ противъ монголовъ, и всегда побѣдоносно, но безъ продолжительнаго успѣха, и умеръ во время такого похода.

Наслѣднику Тай Цзуна пришлось бороться съ тѣми же врагами. Инъ Цзунъ (Чжэнъ-тунъ; 1436—49) былъ разбитъ монголами, взятъ въ плѣнъ, увезенъ за большой выкупъ и отпущенъ на свободу только въ 1457 году; онъ снова принялъ правленіе до 1464 г. подъ девизомъ Тянь Шунь. При его преемникѣ Сянь Цзунѣ (Чэнъ-хуа; 1465—87) продолжались вторженія монголовъ, которыя побудили правительство построить еще болѣе обширныя укрѣпленія. И внутри страны, особенно въ области Мяо и Яо въ Гуанъ-си и Гуй-чжоу вспыхнули возстанія, подавленныя только послѣ долгой борьбы въ 1467 году. При Сяо Цзунѣ (Хунъчжи; 1488—1505) возобновились нападенія монголовъ съ перемѣннымъ счастьемъ; къ этому присоединились при Ши Цзунѣ (Цзя-цзинъ; 1522—1566) частыя большія нападенія японцевъ на область Янъ-цзы въ 1550 и на Фукіенъ. Въ 1516 году появились у Кантона и португальцы, первый посланникъ которыхъ прибылъ въ 1520 г. въ Пекинъ; отведенный обратно въ Кантонъ, онъ долженъ былъ поплатиться тамъ жизнью за злодѣянія своихъ соотечественниковъ, которые въ качествѣ морскихъ разбойниковъ враждовали съ властями и населеніемъ.

Во время правленія Шэнь Цзуна (Вань-ли; 1573—1620), одного изъ энергичныхъ императоровъ этой династіи, произошли три факта, которые

должны были имѣть величайшее значеніе для Китая и для всей В. Азіи. Въ 1581 году въ Китай прибылъ моремъ первый іезуитъ; въ 1618 году въ нынѣшнюю Маньчжурію вторглись маньчжуры, потомки уничтоженной въ 1234 году монголами династіи Цзинь, подъ предводительствомъ Айсинь-Гіоро, названнаго впослѣдствіи Тай-Цзу; они утвердились сперва въ Синъ-цзин'ѣ, затѣмъ въ Мукденѣ (Шэнъ-цзинъ), и китайцы не могли ихъ оттуда вытѣнить, наконецъ, съ 1592—98 г. продолжалось японское господство надъ Кореей, во время котораго Китай помогалъ своему вассалу войскомъ, такъ какъ самъ боялся нашествія японцевъ. Этому войску, пришедшему на помощь къ упорнымъ корейцамъ, удалось создать японцамъ такія препятствія, что послѣ перемѣнныхъ битвъ и тщетныхъ дипломатическихъ переговоровъ, Хидейоши, умирая, отозвалъ свои войска назадъ въ Японію.

Несмотря на несомнѣнный успѣхъ, съ этого времени Минская династія клонилась къ упадку. Евнухи и гаремныя интриги, господствовавшія всегда въ Пекинѣ, все болѣе усиливались при слабыхъ императорахъ. Не хватало ни войскъ, ни денегъ, и маньчжуры стали нападать чаще и все съ большимъ успѣхомъ: въ 1623 г. они владѣли уже всѣмъ Ліаотунгомъ, а въ 1629 г. они доходили уже до Пекина и Тянь-цзиня; и ихъ съ трудомъ прогнали обратно. Въ 1622 г. правительство обратилось въ Макао и навербовало тамъ противъ маньчжуровъ корпусъ въ 400 человѣкъ, состоявшій изъ португальскихъ и китайскихъ разбойниковъ, вооруженныхъ ружьями; но въ концѣ концовъ ихъ не пустили въ дѣло изъ боязни, что они могутъ обратиться противъ правительства. Во всей странѣ было броженіе; въ Шаньси, Хубей и Сычуани начались безпорядки, отчасти вызванные голодомъ. Въ то время, какъ генералъ Ву Сань-гуй съ трудомъ защищалъ сѣверную границу отъ наступленія маньчжуровъ, находившихся съ 1627 г. подъ предводительствомъ Тай Цзуна (1627—43), мятежный Ли Цзы-чэнъ направился въ Пекинъ, павшій послѣ короткой осады въ 1644 году. Хуай-Цзунъ (Чунъ-чжэнъ), правившій съ 1628 г. повидимому, доброжелательный, но слабый человѣкъ, лишилъ себя жизни, убивъ предварительно жену и дочь. Съ нимъ прекратилась Минская династія. Ли Цзы-чэнъ провозгласилъ себя императоромъ, но скоро принужденъ былъ покинуть обращенную въ развалины столицу передъ наступленіемъ маньчжуровъ, съ которыми соединился Ву Сань-гуй.

Л. **Вторая эпоха христіанства въ Китаѣ (съ 1581 г.).**

а) Время процвѣтанія іезуитскихъ миссій.

По почину Франциска Ксавье, намѣревавшагося послѣ своей работы въ Японіи отправиться въ Китай, но умершаго на пути туда въ 1552 г. на островѣ Сань-цянѣ, — и по совѣту іезуита Александра Валиньяни, посѣтившаго Макао, правитель Индіи послалъ въ 1579 г. въ Китай двухъ іезуитовъ, Руджіеро и Матвея Ричи. Въ 1581 г. имъ удалось достигнуть Кантона черезъ Макао и послѣ безконечныхъ затрудненій основать миссіонерскія станціи въ Квантунѣ, Гуанси и позднѣе въ Нанкинѣ. Въ 1601 г. Риччи прибылъ въ Пекинъ, гдѣ пріобрѣлъ общее уваженіе. Онъ былъ того мнѣнія, что при обращеніи нужно по возможности щадить воззрѣнія китайцевъ. Но уже (онъ умеръ въ 1610 г.) преемникъ его Николай Лонгобарди, имъ же вызванный, не раздѣлялъ его мнѣнія и этимъ самымъ положилъ начало распрямъ, которыя 100 лѣтъ спустя были такъ пагубны для католическихъ миссій. Быстрые успѣхи миссіонеровъ скоро возбудили зависть и ненависть чиновниковъ и ученыхъ, и уже въ 1616 г. изъ Пекина вышелъ указъ схватить всѣхъ миссіонеровъ; но мѣра эта была приведена въ исполненіе лишь въ Пекинѣ и въ Нанкинѣ. Когда въ 1618 г. начались вторженія маньчжуровъ, миссіонеры были призваны обратно,

чтобы поддержать правительство совѣтами и особенно для того, чтобы отлить пушки. Это время было самымъ счастливымъ для миссіонеровъ такъ какъ до 1627 г. они насчитывали въ 7-ми провинціяхъ 13,000, а 10 лѣтъ спустя болѣе 40,000 обращенныхъ.

Съ паденіемъ Минской династіи ничего не измѣнилось въ положеніи миссіонеровъ; первый императоръ маньчжурской династіи, Ши Цзу (Шунь Чжи) назначилъ въ 1645 тогдашняго начальника миссіи, Адама Шалля изъ Кёльна предсѣдателемъ астрономическаго вѣдомства и сохранилъ къ нему до смерти (1661 г.) расположеніе. Но въ малолѣтство его преемника Шэнъ Цзу (Канъ-си) правители прибѣгали къ суровымъ мѣрамъ противъ миссіонеровъ; и только послѣ перехода правленія къ самому императору въ 1671 г. былъ взятъ обратно приказъ объ изгнаніи ихъ. Возстаніе Ву Сань гуй'я въ Юнь-нанѣ (1673 г.) доставило преемнику Шалля, Вербисту, возможность оказать услугу отливкой орудій. Вслѣдствіе этой и другихъ услугъ вліяніе миссіонеровъ при дворѣ росло, такъ, что когда провинціальныя власти Чжэ Цзяна въ 1691 г. начали преслѣдовать иностранныхъ священниковъ и туземцевъ-христіанъ, то императоръ въ слѣдующемъ же году снова подтвердилъ указомъ терпимость христіанской вѣры.

б) Гибель христіанскихъ миссій въ Китаѣ.

Козни французовъ и распри въ средѣ разныхъ христіанскихъ орденовъ и миссіонеровъ повели къ гибели миссіи. Папскій патронатъ въ Индіи, къ которому принадлежалъ и Китай, былъ переданъ португальской коронѣ. Эта монополія казалась несовмѣстимой съ все возростающимъ интересомъ Франціи къ Индо-Китаю и В. Азіи вообще. Патеръ Александръ де Родè изъ Авиньона и герцогиня Эгилльонъ, при поддержкѣ французскаго правительства, добились у папы Александра III назначенія трехъ французскихъ епископовъ для Сіама, Тонкина и Китая. Такъ какъ нельзя было найти ни одного иностраннаго корабля, который бы согласился отвезти ихъ на мѣсто назначенія, то это послужило поводомъ къ основанію Compagnie des Indes (ср. томъ VII, стр. 105), за которой позже возникли (съ 1698 г.) разныя Compagnies de la Chine. Одновременно были основаны въ Парижѣ съ цѣлью привлечь духовенство въ предполагаемыя миссіи въ 1663 г. Missions étrangères; уже въ 1685 г. по инціативѣ Кольбера оттуда отправился въ Китай рядъ учениковъ. Что французскіе миссіонеры и тогда ставили вопросы торговли и политическаго вліянія на первый планъ, не подлежитъ сомнѣнію; этимъ объясняется позднѣйшее озлобленіе противъ нихъ. Однако толчокъ къ преслѣдованію христіанства въ Китаѣ дали распри религіознаго характера между самими миссіонерами. Даже между іезуитами мнѣнія расходились относительно нѣкоторыхъ вопросовъ; дѣло шло главнымъ образомъ объ обрядахъ при почитаніи Конфуція и предковъ; такъ какъ Риччи и большинство іезуитовъ не придавали имъ никакого идолопоклонническаго значенія, то они ихъ допускали; доминиканцы же, болѣе фанатичные, а позже лазаристы и священники изъ Missions étrangères высказались противъ этого воззрѣнія. Папы колебались въ своемъ рѣшеніи. Инокентій X (1644—55) высказался за доминиканцевъ, Александръ VII въ 1656 г. за іезуитовъ, а Инокентій XI (1676—89) допускалъ церемоніи, поскольку на нихъ можно смотрѣть, какъ на гражданскія. Наконецъ, епископъ Майгро (въ 1693) запретилъ исполненіе обрядовъ лазаристамъ, назвавъ объясненія іезуитовъ папѣ во многихъ пунктахъ ложью. Іезуиты отказались подчиниться этому рѣшенію и въ 1699 году обратились къ императору Канъси за разъясненіемъ, которое послѣдовало вполнѣ въ ихъ духѣ. Въ Римѣ между тѣмъ Конгрегація инквизиціи высказалась противъ іезуитовъ, — это подтвердилъ и Клементій XI въ 1704 г. Въ то же время въ Пекинъ былъ посланъ патріархъ антіохійскій Турнонъ, чтобы тамъ прійти къ соглашенію.

Онъ не осмѣлился обнародовать папскій декретъ; но Канъ-си, вѣроятно черезъ іезуитовъ, пользовавшихся имъ для проведенія своихъ плановъ, узналъ о происшедшемъ; онъ еще рѣзче вмѣшался въ дѣло, когда Майгро объявилъ ему, что не можетъ признать императора судьей въ дѣлѣ, которое подлежитъ рѣшенію только одного св. Престола. Канъ-си изгналъ Майгро и приказалъ Турнону оставить Китай. Такъ какъ послѣдній все еще боялся обнародовать папскій указъ, какъ исходящій отъ папы, то онъ резюмировалъ рѣшенія и обнародовалъ ихъ, какъ свое личное мнѣніе. Канъ-си отвѣтилъ на это арестомъ: Майгро отвели въ Макао; здѣсь португальцы посадили его въ темницу, гдѣ онъ и умеръ въ 1710 году. Клементій XI издалъ въ 1718 году буллу „ex illa die“, которая грозила полнымъ отлученіемъ, всякому, кто не слѣдуетъ папскому постановленію 1704 году и послалъ въ Пекинъ новаго легата, патріарха Александрійскаго, Меззабарбу. Канъ-си однако не хотѣлъ ничего слышать о дальнѣйшихъ переговорахъ и объявилъ, что Меззабарба, прибывшій въ 1720 году, можетъ оставить прежнихъ миссіонеровъ въ Китаѣ, а всѣхъ другихъ можетъ взять съ собой назадъ въ Римъ, гдѣ папа можетъ приказывать имъ, что хочетъ; китайцамъ же, которымъ онъ одинъ можетъ приказывать, запрещается слушаться папскихъ приказовъ. Меззабарба обнародовалъ тогда папскую буллу съ дополненіями, разрѣшавшими запрещенные обычаи, если на нихъ смотрѣть, какъ на чисто гражданскіе; но этотъ срединный путь не удовлетворилъ ни въ Пекинѣ, ни въ Римѣ. Меззабарба получилъ отъ императора строгій приказъ покинуть Китай и взять обратно привезенныхъ имъ миссіонеровъ, папа Венедиктъ XIII отказался отъ своего легата и подтвердилъ рѣшеніе Клементія XI буллой „Ex quo singulari“ которая и до сихъ поръ въ силѣ.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ свѣтской власти съ духовной первая побѣдила и оставалась побѣдительницей въ теченіе слѣдующихъ 100 лѣтъ. Могла ли политика іезуитовъ привести къ большему успѣху или даже къ обращенію Китая въ христіанство, должно остаться подъ сомнѣніемъ; во всякомъ случаѣ, поступки ихъ противниковъ, какъ въ Японіи (стр. 27), такъ и въ Китаѣ, ускорили начало борьбы и обострили ее въ значительной мѣрѣ. Уже при наслѣдникѣ Канъ-си, Юнъ-чжэн'ѣ (1723—35) преслѣдованіе христіанъ приняло болѣе рѣзкій характеръ. Хотя Цзянь-лунъ (1735—95) оказывалъ лично большое расположеніе іезуитамъ, оставшимся въ Пекинѣ послѣ уничтоженія ордена (1773), и при немъ, и при Цзя-цинѣ (1796—1820) продолжались кровавыя преслѣдованія противъ туземцевъ-христіанъ и противъ миссіонеровъ, тайно находившихся въ странѣ.

в) Возрожденіе христіанскихъ миссій въ Китаѣ.

Перемѣна произошла только въ 1845 и 1846 гг., когда императоръ Дао Гуанъ (1821—50) по совѣту императорскаго коммиссара Ци-ина, вызванному стараніями французскаго посланника de Lagréné, разрѣшилъ своимъ подданнымъ исполненіе обрядовъ христіанской церкви, а миссіонерамъ, которые находились внутри страны, приказалъ переселиться къ своимъ властямъ въ открытые порты. Договоры 1858 и 1860 г. разрѣшали миссіонерамъ проникать даже внутрь страны и жить тамъ продолжительное время; кромѣ того, договоръ 1860 г., благодаря подлогу, совершенному французскимъ драгоманомъ, далъ право владѣть тамъ земельной собственностью. Съ этого времени католическая миссія въ Китаѣ, за исключеніемъ болѣе или менѣе ограниченныхъ мѣстныхъ преслѣдованій, могла развиваться безъ помѣхи. Она насчитывала до боксерскаго движенія (1900 г.) въ 31 апостолическомъ викаріатѣ около 530 европейскихъ миссіонеровъ и 535,000 туземцевъ-христіанъ.

Самая древняя протестанская миссія въ Китаѣ была голландская; она возникла въ 1624 г. на Формозѣ при основаніи Нидерландско-Остъ-индской

компаніи, и съ ея изгнаніемъ въ 1662 г. погибла. Въ 1684 г. были выпущены послѣдніе оставшіеся въ живыхъ плѣнные голландцы и вмѣстѣ съ ними на островѣ исчезъ всякій слѣдъ дѣятельности этихъ миссій. Другія протестантскія миссіи, особенно англійская, американская и германская, начали свою дѣятельность лишь послѣ пріобрѣтенія англичанами Гонконга (1841) и послѣ мира въ Нанкинѣ (1842). Онѣ терпѣли, какъ и католическія отъ непріязни властей, ученыхъ и населенія. До 1900 г. протестантскія миссіи въ Китаѣ насчитывали приблизительно 40,000 участниковъ и около 1300 миссіонеровъ, изъ которыхъ 700 были женщины.

M. Новѣйшая исторія Китая.

а) Маньчжурская (Дай Цинъ) династія 1644 — 1820.

Существовали ли какія-нибудь и какія именно сдѣлки между маньчжурами и Ву Сань-гуй'емъ, трудно опредѣлить. Китайцы часто утверждаютъ, что маньчжуры овладѣли Китаемъ при помощи нарушенія договора; съ другой стороны однако установлено, что маньчжуры нашли полную поддержку при покореніи страны не только у Ву Сань-гуй'я, но и у многихъ другихъ полководцевъ; этихъ послѣднихъ они наградили владѣніями, данными сначала въ ленную зависимость. Послѣ взятія Пекина, гдѣ на престолъ вступилъ Фу-линь, подъ именемъ Ши Цзу (Шунь-чжи; 1644—1661) во всѣ части страны были посланы войска подъ командой маньчжурскихъ князей и китайскихъ генераловъ, для покоренія сторонниковъ Минской династіи и другихъ претендентовъ, возставшихъ повсюду Ли Цзы-чэнъ былъ постепенно оттѣсненъ до Сы-чуани и лишилъ себя жизни. Принцъ Фу, принявшій въ Нанкинѣ императорскій титулъ, былъ побѣжденъ въ 1647 г.; въ Фу-цзяни, гдѣ былъ провозглашенъ императоромъ принцъ Танъ, въ Чжэ-цзянѣ, гдѣ провозгласили императоромъ принца Лу, а на западѣ — принца Гуй, борьба шла съ перемѣннымъ счастьемъ; но въ концѣ концовъ вездѣ побѣдили маньчжуры. Въ 1659 г. за исключеніемъ Юнь-нани и Гуй-чжоу въ странѣ было возстановлено спокойствіе, и боровшіяся тамъ банды были сломлены въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ (претендентъ бѣжалъ въ Бирму и былъ оттуда выданъ).

Только на Формозѣ держался сынъ разбойника, извѣстнаго подъ именемъ Коксинги. Его дѣдъ Чжэнгъ Чжи Лунъ долгое время безпокоилъ южные берега Китая морскими разбоями и затѣмъ въ борьбѣ противъ маньчжуровъ сталъ на сторону миновъ; послѣ первоначальнаго успѣха онъ былъ много разъ побѣжденъ и сдался маньчжурамъ; его сынъ Чжэнъ Чэнъ-гунъ, изгнанный изъ Амоя, отправился на Формозу и отнялъ ее у голландцевъ. Отецъ былъ казненъ въ Пекинѣ; въ 1661 г. сынъ же, названный португальцами Коксингой, умеръ 1662 г. на островѣ, который его сынъ Чжэнъ Кэ-шуанъ передалъ маньчжурамъ только въ 1683 г.

Послѣ покоренія страны союзники изъ китайцевъ были щедро одарены. Ву-Сань-гуй сталъ наслѣдственнымъ княземъ Юнь-нани и Сычуани, Шанъ Кэ-си — княземъ Квантунга а Чэнъ Цзи-мао — владѣтелемъ Фу-цзяни. Когда въ 1674 г. возсталъ Ву Сань-гуй, князья Квантунга и Фу-цзяни остались вѣрны маньчжурамъ; но ихъ старшіе сыновья, Шанъ Чжи-синь и Чэнъ Цзянъ-чжунъ присоединились къ возставшему. Ву Сань-гуй умеръ въ 1678 г.; нѣсколько мѣсяцевъ спустя было подавлено возстаніе на западѣ а въ 1680 г. было вездѣ возстановлено спокойствіе. Императоръ Ши Цзу умеръ уже въ 1661 г.; ему наслѣдовалъ его второй, 8-милѣтній сынъ, Шэнъ Цзу (Канъ-си; 1662 — 1722); въ его правленіе произошла большая часть вышеописанныхъ фактовъ. Во время возстанія Ву Сань-гуй'я возникли и въ Монголіи безпорядки, вызванные ссорой между Галданомъ (Го-эр-дань), начальникомъ элеутовъ, и Цэваномъ, начальникомъ халхассцевъ; это потребовало вмѣшательства китайцевъ. Послѣ двухъ по-

ходовъ, въ которыхъ Канъ-си отчасти принималъ личное участіе, въ 1699 г. былъ разбитъ Галданъ, который умертвилъ себя. Его прежній противникъ Цэ-ванъ вторгся позднѣе въ Тибетъ, находившійся подъ защитой Китая; его побѣдили лишь послѣ многолѣтней борьбы (1721 г.) Канъ-си поссорился и съ русскими, надвигавшимися въ Сибирь; его войска завоевали заложенный русскими Албазинъ, и только миръ въ Нерчинскѣ положилъ конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ. Канъ-си много сдѣлалъ для блага страны и ревностно покровительствовалъ китайской литературѣ: при немъ императорскими коммиссіями былъ изданъ названный по его имени большой словарь и энциклопедія „Цинь-динъ Ту-шу-цзи-чэнъ", — въ 5020 томахъ; Канъ-си является также авторомъ „священнаго эдикта", состоящаго изъ 16 правилъ, которыя народъ долженъ соблюдать; онъ былъ многократно разъясняемъ при его преемникахъ.

Его наслѣдникомъ былъ его 4-ый сынъ, Ши Цзунъ (Юнъ-чжэнъ; 1723—35), при которомъ преслѣдованіе христіанъ приняло особенно суровую форму. Было разрушено свыше 300 церквей, а изгнаніемъ миссіонеровъ отовсюду за исключеніемъ Пекина и Кантона, болѣе 300,000 христіанъ-туземцевъ лишились духовныхъ пастырей. И при этомъ императорѣ происходили частыя войны съ монголами и съ жителями Туркестана, покоренными только въ 1734 г. Попытки подчинить Китаю мяо-цзы въ Юньнани и Гуй-чжоу имѣли лишь отчасти успѣхъ. Умершему внезапно императору наслѣдовалъ его старшій сынъ Гао Цзунъ (Цзянь-лунъ; 1736—95), при которомъ имперія и династія достигли наивысшаго расцвѣта. Возстанія въ Хунани и Гуанъ-си, позже въ Сычуани были подавлены лишь послѣ трехлѣтней борьбы въ 1749 г. Волненія въ Монголіи, возникшія вслѣдствіе споровъ изъ-за наслѣдства въ 1745 году, заняли много времени, особенно послѣ того, какъ Амурсана, ставшій сперва на сторону китайцевъ, послѣ пораженія при Даваци (Цэ-ванъ да-ши) самъ поднялъ знамя мятежа, потому что ему была отдана лишь часть покоренной области; онъ былъ побѣжденъ въ 1759 году и бѣжалъ въ русскіе предѣлы, гдѣ вскорѣ умеръ отъ оспы. Такъ какъ князья Коканда, Кашгара и Яркенда помогали Амурсанѣ, то китайскія войска пошли на нихъ, и въ концѣ 1759 г. овладѣли этими областями. Въ 1769 г. послѣ многолѣтней борьбы, была покорена Бирма и принуждена платить дань; въ 1789—89 та же участь постигла Аннамъ. Возстаніе въ Формозѣ было подавлено въ 1787 г., а раньше послѣ многолѣтней борьбы, возстаніе мяо-цзы въ Сычуани, причемъ мяо-цзы были почти всѣ истреблены. Наконецъ, (1787—92) китайское войско добралось до Непала и принудило гуркинцевъ въ 1791 признать себя данниками Китая; поводомъ для этого похода были вторженія гуркинцевъ въ Тибетъ и ихъ попытки принудить Тибетъ къ уплатѣ дани.

Постоянные походы и частыя путешествія, предпринимаемыя императоромъ по странѣ, способствовали въ значительной мѣрѣ разстройству финансовъ государства, хотя и увеличивали его славу; этому и возвышенію пошлинъ слѣдуетъ, конечно, приписать несчастія, постигшія династіи при слѣдующихъ императорахъ. Нельзя отрицать интереса ко благу народа у Цзянь-луна и его предшественниковъ. Управленіе было правильно и облегчено раздѣленіемъ страны на 18 провинцій вмѣсто 13. При этомъ изъ В. Шаньси сталъ Шэнси, изъ З. Шаньси—Шаньси и Ганьсу, изъ Хучуана—Хунань и Хубэй, изъ области Пекина—Чжили (сама столица образуетъ особое окружное управленіе Шунь-тянь-фу) и изъ области Нанкина—Цзянъ-су и Ань-хуй. Такое раздѣленіе осталось и до сихъ поръ. Цзянь-лунъ отказался въ концѣ 1795 г. отъ престола, чтобы не править дольше своего дѣда Канъ-си (60 лѣтъ) и умеръ въ 1799 г.

При его преемникѣ Жэнь Цзянѣ (Цзя-цинъ; 1796—1820) въ различныхъ провинціяхъ, вѣроятно вслѣдствіе подстрекательства тайныхъ обществъ.

тайныхъ обществъ, вспыхнули возстанія, подавленныя лишь съ трудомъ и большими издержками. Дважды совершены покушенія на жизнь императора членами секты „бѣлыхъ лилій“. Южные берега страны безпокоили и грабили морскіе разбойники. Какъ это часто бываетъ на востокѣ, съ уменьшеніемъ могущества правительства расло его высокомѣріе. При Цянь-лунѣ въ 1793 г. съ англійскимъ посланникомъ виконтомъ Джорджемъ Макартнеемъ (позже губернаторъ Капской колоніи; ср. т. III) обращались очень вѣжливо, но онъ въ общемъ ничего не достигъ; при Цзяцинѣ русскій графъ Юрій А. Головкинъ въ 1806 г. былъ съ границы отосланъ назадъ за то, что не хотѣлъ сдѣлать кэтоу передъ столомъ, покрытымъ желтымъ сукномъ, а Вильямъ Питтъ, баронъ Амхерстъ былъ въ 1816 г. высланъ изъ Пекина за то, что отказался тотчасъ послѣ пріѣзда представиться императору въ дорожномъ платьѣ.

б) Маньчжурская династія съ 1821 г. до настоящаго времени.

α) Отъ войны изъ за опія до Пекинскаго договора.

До императора Сюань-цзуна (Дао-гуанъ; 1821—50) Китай не приходилъ ни въ мирныя, ни враждебныя столкновенія съ иностранцами вообще и съ державами по ту сторону моря, — если не считать разныя посольства португальцевъ, испанцевъ, голландцевъ, русскихъ и англичанъ. Чужестранцы, посѣщавшіе Китай, были или безпокойная, опасная сволочь, разбойники, производившіе насилія и терпѣвшіе отъ насилія, или купцы, которые ради наживы должны были много сносить отъ чиновниковъ и китайскаго народа. Тотъ фактъ, что купцы, находившіеся въ Кантонѣ, единственной гавани, открытой съ давнихъ поръ для торговли, имѣли представителями не чиновниковъ, а купцовъ, и то, что англичане были представлены только агентами Остъ-индскаго общества,—способствовалъ усиленію презрѣнія китайцевъ, тѣмъ болѣе, что китайскому купцу отводилось самое низкое мѣсто среди населенія. Когда кончилась въ Китаѣ въ 1834 г. монополія Остъ-индской торговой компаніи, и мѣсто ея заняло англійское правительство, то стало ясно, что существующая безправность иностранцевъ не можетъ болѣе продолжаться. Попытка китайцевъ помѣшать торговлѣ опіумомъ была предлогомъ, а не поводомъ къ первой войнѣ съ Англіей; она началась въ 1840 г. и привела послѣ не безславнаго сопротивленія китайцевъ къ миру въ Нанкинѣ (1842 г.). Съ этого времени иностранцы въ Китаѣ изъ положенія только терпимости вступили въ положеніе законной охраны. Одновременно для иностранной торговли были открыты пять гаваней: Кантонъ, Амой, Фучжоу, Нинъ-бо и Шанхай; а островъ Гонконгъ, пріобрѣтенный уже въ 1841 г. былъ формально уступленъ Англіи. Въ 1844 г. слѣдовали договоры съ Франціей и С. Штатами; во французскомъ договорѣ добились и позволенія исповѣдовать христіанскую религію (ср. стр. 94).

Не одинъ только исходъ перваго столкновенія съ европейской державой сильно повредилъ престижу династіи, но и вообще все правленіе Дао-гуана не было особенно счастливо. Возстаніе на Формозѣ, въ Гайнанѣ, мятежъ Мяо-цзы, подавленный лишь съ трудомъ, возстаніе Чжэгангира въ Туркестанѣ (1825—28), потребовавшее отъ Китая большихъ усилій, способствовали ухудшенію финансоваго положенія правительства и населенія. Это, равно, какъ и патріотическое недовольство на слабость правительства въ отношеніи къ чужестранцамъ, и споры клановъ въ Гуань-си вызвали при преемникѣ Дао-гуана, Вэнь-цзунѣ (Хсіенъ-фенгъ или Сянь-фынъ; 1850—61) возстаніе длинноволосыхъ мятежниковъ (Чанъ-мао или Тайпинговъ, по девизу ихъ будущаго императора). Возстаніе началось въ 1850 г. подъ предводительствомъ нѣкоего Хунъ-сюцюаня, обучавшагося короткое время въ Кантонѣ у американ-

скаго миссіонера Робертса и объявившаго себя младшимъ сыномъ Бога и братомъ Христа. Быстро и побѣдоносно онъ прошелъ отъ Гуань-си до Янъ-цзы, завоевалъ въ мартѣ 1853 года Нанкинъ и провозгласилъ себя императоромъ. Въ маѣ этого же года часть войскъ тайпинговъ переправилась черезъ Янъ-цзы и начала наступленіе на сѣверъ. Послѣ перемѣннаго счастья они овладѣли Цинь-хай-емъ у императорскаго канала, гдѣ ихъ скоро окружили императорскія войска, къ которымъ дошло воззваніе монголовъ. Въ апрѣлѣ 1854 г. на выручку тайпинговъ пришло войско; оно достигло своей цѣли, но, несмотря на отдѣльныя побѣды надъ императорскими войсками, тайпинги были оттѣснены въ маѣ этого года обратно за Хуанъ-хэ. Эта неудача рѣшила судьбу возстанія; дальнѣйшіе походы тайпинговъ обратились въ грабежъ, и конецъ возстанія наступилъ бы еще раньше, еслибы правительство не пришло въ новыя столкновенія съ иностранцами. Попытки Китая обойти исполненіе договоровъ и особенно недопущеніе иностранцевъ въ Кантонъ (см. таблицу при стр. 96) вызвали въ 1857 году вторую войну съ Англіей. Франція, у которой убили одного миссіонера, присоединилась къ Англіи. Взятіе форта Дагу и занятіе Тянь-цзиня повели къ переговорамъ и къ заключенію договора (іюнь 1858 г.), по которому открывались еще гавани и на время допускались чужіе представители въ Пекинъ. Однако, когда послы Англіи и Франціи въ іюнѣ 1859 года появились передъ Таку Дагу съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Пекинъ для ратификаціи договора, ихъ не пустили туда и попытку ихъ добиться допущенія силой отбили съ большимъ урономъ. Такимъ образомъ, дѣло дошло до 3-ей войны Англіи и Франціи съ Китаемъ. 20-го августа 1860 г. были взяты форты Дагу, 18 сентября были разбиты китайцы при Чань-цзя-вань, 21-го у Ба-ли-цзяо Ch. G. M. A. A. Кузенъ Монтобаномъ (графомъ Паликао) и 13 октября былъ окруженъ Пекинъ. Послѣ того, какъ англичане 18-го октября разрушили императорскій увеселительный замокъ Юань-минъ-юань, въ наказаніе за предательское плѣненіе и жестокое обращеніе съ англійскими парламентерами, 24 и 25-го октября были подписаны въ Пекинѣ новые договоры, по которымъ разрѣшалось продолжительное пребываніе чужихъ представителей въ столицѣ. Союзныя войска очистили Пекинъ, но оставили занятыми до выполненія договора Тянь-цзинь, форты Дагу, Шанхай и Кантонъ.

β) Волненія послѣднихъ 40 лѣтъ.

Сянь-фынъ бѣжалъ при приближеніи союзниковъ въ Жэ-хэ и умеръ тамъ 22-го августа 1861 г. Когда его вдова и мать его единственнаго сына въ сентябрѣ вернулась въ Пекинъ, они свергли сообща съ двумя братьями покойнаго императора принца Гуна (умеръ въ концѣ апрѣля 1898 г., см. рис. 1 приложенной таблицы: „Четыре вліятельныхъ китайца XIX столѣтія“) и Чуня и совѣтъ регентовъ, будто бы назначенный императоромъ, и провозгласили себя правительницами. Мать молодого императора Му-цзуня (Тунъ-чжи; 1862—75) упоминается часто позднѣе, какъ западная императрица — мать Цзы-си. Принявъ власть, правительницы увидѣли, что страну раздираютъ возстанія. Въ Нанкинѣ еще находился императоръ Тайпинговъ; съ 1860 г. Нянь-фэй, конные разбойники опустошали сѣверъ страны; въ Юнь-нани, гдѣ въ 1856 г. вспыхнуло возстаніе мусульманъ, возникло при султанѣ Сулейманѣ-ибн-абдур-рахманѣ въ Далифу самостоятельное государство; въ китайскомъ Туркестанѣ и Или господствовалъ Якубъ-ханъ, а Ганьсу и Шэньси находились почти всецѣло въ рукахъ мятежныхъ магометанъ. Въ 1864 г. палъ Нанкинъ, послѣ того какъ императоръ тайпинговъ покончилъ самоубійствомъ; годъ спустя были побѣждены послѣднія банды „длинноволосыхъ мятежниковъ“; въ 1868 г. былъ конецъ возстанія Нянь-фэй; въ 1872 г. палъ Далифу и годъ спустя палъ послѣдній оплотъ тамошнихъ повстанцевъ; въ 1878 г. было подавлено возстаніе въ

Исторія человѣчества. II.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Четыре вліятельныхъ китайца конца 19 столѣтія.

Объясненія къ портретамъ на оборотѣ.

Сверху налѣво: И-синь, **принцъ Гунъ**, родился 11 января 1833 года, братъ императора Сянь-фына (1860—61), министръ иностранныхъ дѣлъ; послѣ смерти брата регентъ вмѣсто малолѣтняго Тунчжи (родился 5 сентября 1855 г.), терпимъ и расположенъ къ реформамъ; поэтому въ 1884 г. былъ лишенъ своего почетнаго званія, но въ 1894 году былъ снова призванъ въ качествѣ президента Тцзунли-ямыня.

(По фотографіи синьора Beato Beato, литографированной Day & Son, изъ сочиненія Robert Swinhoes: „Narrative of the North China Campaign of 1860"; London, 1861).

Снизу налѣво: **Чун-Хоу** (Тхун-хоу), первый настоящій китайскій посланникъ въ Европѣ (въ 1870/71 во Франціи), заключилъ въ 1879 г. неблагопріятный договоръ въ Ливадіи относительно Кульджи, который былъ отмѣненъ маркизомъ Цзеномъ (1881).

(По фотографіи 1868 года.)

Справа наверху: Ю-юнъ, наслѣдный **маркизъ** К. Т. Гиръ Ханъ **Цзенъ**, родился въ 1839 году въ провинціи Хунань въ одной изъ древнѣйшихъ китайскихъ семей, въ 1879 году посланникъ при русскомъ дворѣ, въ 1881 добился возврата Россіей Или, въ 1882—85 посланникъ въ Лондонѣ и Парижѣ, въ 1885—86 въ Лондонѣ и Петербургѣ, членъ Тцзунли-ямыня, умеръ 12-го апрѣля 1890 г. въ Пекинѣ.

(По фотографіи конца 70-хъ годовъ.)

Внизу справа: **Ли-хун-чжанъ,** родился 14-го февраля 1821 года въ деревнѣ Вейлунъ, въ округѣ Хофей въ провинціи Анхуй, въ 1848 г. въ Академіи Ханлинь, въ 1853 г. секретарь Цзенъ-го-Фаня, генералъ-губернатора обоихъ Цзянъ, отца маркиза Цзена, въ 1861 г. губернскій судья въ Чжэцзянѣ, затѣмъ губернаторъ Цзянсу, получаетъ потомственное дворянство, въ 1864 г. генералъ-губернаторъ обоихъ Цзянъ, въ 1870 г. генералъ-губернаторъ Чжили и главнозавѣдующій сѣверными портами, въ 1872 г. великій канцлеръ имперіи, въ 1895 г. велъ переговоры о мирѣ съ Японіей (покушеніе въ Симоносеки), умеръ 1901 г.

(По раскрашенной отъ руки фотографіи See Tay въ Шанхаѣ.)

Туркестанѣ послѣ смерти Якубъ-хана, умершаго 31-го мая 1877 г.; въ 1873 г. было подавлено возстаніе въ самомъ Китаѣ. Или (Кульджа), занятый русскими во время волненій въ этихъ областяхъ и въ 1879 г. отданный Россіи по договору, заключенному Чунъ-хоу (или Хоу; см. рис. 3 на приложенной таблицѣ) въ Ливадіи, былъ возвращенъ Китаю по Петербургскому трактату маркиза Цзэна (см. рис. 2 приложенной таблицы) 1881 г. за вознагражденіе и урегулированіе границы.

Столкновенія съ иностранными державами къ сожалѣнію не позволяли, китайскому правительству направить вниманіе исключительно на внутреннія дѣла. Японія овладѣла въ 1880 г. островами Лю-цю (Ліу-кіу) подвластными Китаю. Французское наступленіе на Тонкинъ и Аннамъ повело въ 1883—85 году къ войнѣ между Франціей и Китаемъ, окончившейся признаніемъ французскаго протектората надъ этими странами, подвластными Китаю; въ 1886 г. Англія заняла Бирму, находившуюся въ подобныхъ же отношеніяхъ къ Китаю.

Глубже повліяла на китайскія дѣла вражда съ Японіей. Корея, вассалъ Китая, была вынуждена въ 1876 г. заключить договоръ съ Японіей, по которому для японской торговли было открыто нѣсколько портовъ. Въ 1882 г. по совѣту Китая послѣдовали новые договоры съ иностранцами; но уже въ іюнѣ того же года вспыхнуло возстаніе, направленное главнымъ образомъ противъ японцевъ, которое было подавлено китайцами. Въ 1884 г. возстали въ Сеулѣ радикалы въ союзѣ съ японцами, но народъ опять въ концѣ концовъ обратился противъ японцевъ. Эти волненія, также улаженныя Китаемъ, повели къ дальнѣйшимъ переговорамъ между Японіей и Китаемъ. Въ 1885 г. обѣ державы пришли къ соглашенію и отозвали свои войска изъ Кореи подъ условіемъ заблаговременно извѣстить другъ друга, если потребуется чье-нибудь вмѣшательство. Это условіе улучшило на нѣсколько лѣтъ отношенія.

Въ 1891 г. произошло одно изъ движеній, повторяющихся отъ времени до времени и направленныхъ противъ туземцевъ христіанъ и чужихъ миссіонеровъ, — на этотъ разъ въ долинѣ Янъ-цзы-цзяна; оно было, какъ говорятъ, подготовлено однимъ изъ тайныхъ обществъ Гэлао-хуй и быстро разраслось. Благодаря общимъ усиліямъ иностранныхъ пословъ, движеніе было, наконецъ, подавлено; но къ сожалѣнію, этимъ случаемъ не воспользовались для того, чтобы убѣдить китайское правительство въ серьезности требованій и единодушіи иностранныхъ державъ. Такимъ образомъ, былъ посѣянъ зародышъ для дальнѣйшихъ затрудненій, связанныхъ съ вопросомъ о миссіонерахъ и иностранцахъ. Возстаніе секты Тонгхаковъ въ Кореѣ повело въ 1894 г. къ вмѣшательству Китая. Японія выразила противъ этого протестъ вызвавшій войну, которая окончилась миромъ въ Симоносеки въ 1895 г. (ср. выше, стр. 46—47).

Вмѣшательство Россіи, Германіи и Франціи спасло Китаю Ляотунгскій полуостровъ; однако, претензіи Россіи и Франціи на благодарность и предупредительность Китая въ смыслѣ желѣзнодорожныхъ и горнозаводскихъ концессій, начали оказывать вредное дѣйствіе на настроеніе въ странѣ. Убійство двухъ нѣмецкихъ католическихъ миссіонеровъ въ Шантунгѣ въ 1897 г., и вызванная этимъ для Германіи необходимость заботиться самостоятельно и энергичнѣе, чѣмъ доселѣ, о безопасности нѣмецкихъ подданныхъ и интересовъ въ Китаѣ, послужили поводомъ къ заарендованію Цзяочжоу (въ январѣ 1898); вскорѣ затѣмъ послѣдовали подобныя же сдѣлки съ Россіей относительно Портъ-Артура и Далянь-вань, съ Англіей—относительно Вей-хай-вея и Франціей относительно Гуань-чжоу-фу. Это нарушеніе цѣлости страны, многолѣтніе неурожаи въ Шантунгѣ и прежде всего экономическія затрудненія, вызванныя раздачей концессій иностраннымъ обществамъ, вызвали весной 1900 г. „возстаніе боксеровъ", которое, исходя изъ Шантунга, сперва обратилось противъ туземцевъ-христіанъ, затѣмъ противъ миссіо-

неровъ и, наконецъ, противъ всѣхъ иностранцевъ въ Пекинѣ и Тянь-цзинѣ. Императоръ Тунъ-чжи умеръ 13 января 1875 г. послѣ трехлѣтняго самостоятельнаго царствованія; ему наслѣдовалъ, принадлежащій къ тому же роду, двоюродный братъ его, Цзай-тянь (Гуанъ-сюй), сынъ принца Чуня (до 1888 г. при регентшѣ императрицѣ-матери Цзы-си). Его избраніе не отвѣчало китайскимъ предписаніямъ; а такъ какъ онъ вдобавокъ оставался бездѣтнымъ, и въ 1898 г., вѣроятно, согласился на невыполнимые планы реформъ Канъ-ю-вея, заключавшіеся въ заговорѣ противъ прежней императрицы-регентши, то ему въ преемники усыновили въ сентябрѣ 1898 г. Бу-цзаня, внука принца Дуаня, тоже брата Сянъ-фына; отецъ Бу-цзяня, принцъ Дуань игралъ крупную роль въ боксерскомъ движеніи противъ иностранцевъ; онъ, повидимому запуталъ правительство и дворъ въ это движеніе, первой жертвой котораго изъ иностранцевъ палъ 20 іюня 1902 г. въ Пекинѣ германскій посланникъ баронъ Клементій фонъ Кеттелеръ. Послѣ двухмѣсячной осады заключенные въ посольствахъ послы и другіе иностранцы были освобождены въ срединѣ августа европейскими, американскими и японскими войсками. Дворъ бѣжалъ въ Шэньси, а войска, посланныя въ Китай подъ предводительствомъ германскаго генералъ-фельдмаршала графа Альфреда фонъ Вальдерзее, предпринимали до апрѣля 1901 г. отдѣльныя экспедиціи внутрь провинціи Чили, до тѣхъ поръ, пока изъ нея не были вытѣснены китайскія войска. Продолжительные переговоры повели къ наказанію нѣсколькихъ главнѣйшихъ виновниковъ, къ обѣщанію крупныхъ вознагражденій и принятію ряда мѣръ, дѣлающихъ невозможнымъ повтореніе подобныхъ происшествій. Послѣ подписанія окончательнаго протокола въ іюнѣ 1901 г. большинство иностранныхъ войскъ покинуло Китай. Дворъ вернулся въ декабрѣ въ Пекинъ; здѣсь въ январѣ 1902 г. иностранные послы были приняты императоромъ и императрицей-регентшей.

H. Заключеніе.

Китай — единственное большое государство на землѣ, которое устояло съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Болѣе молодой, чѣмъ Египетъ и западно-азіатскія царства, онъ можетъ съ гордостью оглянуться на свою достовѣрную исторію, непрерывную въ теченіе болѣе 2500 лѣтъ; для предыдущихъ же 1500 лѣтъ достаточно матеріала, дающаго право заключить, что страна и тогда уже имѣла сравнительно высокую цивилизацію. Построенная на преданіяхъ древняго времени конфуціанская премудрость за 600 лѣтъ до Р. Х. была основой той же китайской нравственности и политической философіи, какою мы застаемъ ее и теперь. Отцовская власть, вліяніе семьи и рода (клана) существуютъ въ Китаѣ теперь, какъ и 2500 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Ни даосизмъ, въ философскомъ и поэтическомъ отношеніи стоящій много выше, но приблизительно однородный съ конфуціанствомъ, ни буддизмъ, занесенный 600 лѣтъ позднѣе въ Китай, не могли существенно повліять на нравственныя понятія китайскаго народа: оба эти ученія обратились и растворились въ суевѣрія, между тѣмъ какъ конфуціанство еще и понынѣ образуетъ основу внутренней и внѣшней жизни всѣхъ классовъ народа. Отдѣльное лицо въ Китаѣ имѣетъ цѣну: уже тотъ фактъ, что не только въ теоріи, но часто и на практикѣ, только личныя познанія даютъ возможность или почти увѣренность въ успѣхѣ, подтверждаетъ это; тѣмъ не менѣе отдѣльнаго человѣка нельзя представить себѣ внѣ семьи и рода: тысячелѣтнія предписанія и обычаи держатъ его въ крѣпкихъ оковахъ, которыя, дѣйствуя съ одной стороны какъ охрана и опора, препятствуютъ съ другой всякому свободному развитію.

И политическія вліянія оказались безсильны по отношенію къ издревле-укоренившемуся обычаю. Можно, правда, найти воззрѣнія и обычаи, обя-

занные своимъ существованіемъ господству чуждыхъ династій, вліянію чужихъ ученій и примѣровъ; шаманство и человѣческія жертвоприношенія при похоронахъ, повторяющіяся до половины XVII столѣтія, — будутъ такими явленіями. Однако китайская культура сумѣла подчинить себѣ чужихъ пришельцевъ и пріобщить ихъ къ себѣ. Династіи татарскаго, монгольскаго и маньчжурскаго происхожденія, временно владѣвшія всѣмъ Китаемъ или частями его, и еще до сихъ поръ владѣющія имъ, всѣ подпали вліянію китайской культуры и даже способствовали ея сохраненію больше, чѣмъ національно-китайскія династіи. Существованіе этихъ династій, проникновеніе ученія Будды въ Китай и присутствіе многочисленныхъ магометанъ въ краѣ — все примѣры, говорящіе противъ далеко распространеннаго воззрѣнія о неподвижности китайской культуры. Въ религіи, философіи, литературѣ и искусствѣ, а особенно въ художественной промышленности, отразилось средне-азіатское, индійское, отчасти даже японское, а съ XVII столѣтія и европейское вліяніе. Остались до нѣкоторой степени неподвижны только основы семьи и государства, а съ этимъ самымъ и воспитаніе, и управленіе; также сохранились обычаи древней государственной религіи и соединенное съ нимъ и съ конфуціанствомъ почитаніе предковъ.

Исторія китайскаго государства не представляетъ отраднаго зрѣлища, но ничѣмъ не отличается отъ исторіи другихъ азіатскихъ народовъ въ прошломъ и настоящемъ. Многоженство съ гаремами и евнухами — несчастіе, отъ котораго гибнутъ всѣ династіи. Сильная личность захватываетъ власть, побѣждаетъ своего противника и овладѣваетъ всѣмъ государствомъ или частью его; его первые потомки слѣдуютъ по его стопамъ и умножаютъ или по крайней мѣрѣ сохраняютъ его достояніе; затѣмъ начинается вырожденіе, евнухи становятся совѣтниками, часто также исполнительными чиновниками князей; родные любимыхъ женъ осыпаются владѣніями, титулами и должностями; намѣстники и генералы становятся независимыми, пока одинъ изъ нихъ не провозгласитъ себя генералиссимусомъ и регентомъ и не создастъ на мѣстѣ свергнутаго съ престола императора новую династію. Въ правящихъ фамиліяхъ убійство — повседневное явленіе: въ теченіе тысячелѣтій почти треть правителей погибла насильственной смертью. На мужчинъ гаремный режимъ повліялъ въ смыслѣ вырожденія хуже, чѣмъ на женщинъ; по крайней мѣрѣ, несмотря на низкое положеніе, которое обычай и законъ отводитъ китайской женщинѣ въ семьѣ и обществѣ, можно встрѣтить на тронѣ, рядъ женщинъ отличившихся въ качествѣ опекунш̑ъ своихъ сыновей или правительницъ страны (см. табл. при стр. 82). Если ихъ часто упрекаютъ въ распущенности, то это объясняется или придворной клеветой или тѣмъ фактомъ, что преобладаніе мужскихъ качествъ у женщинъ часто связано, повидимому, съ потерей добродѣтели.

Заграницей неустойчивость и распаденіе различныхъ правительствъ были менѣе замѣтны; наоборотъ, величина и единство государства вызывали уваженіе къ нему. Убогость слабыхъ правительствъ ступевывается для стоящаго вдали, въ сравненіи съ подавляющимъ впечатлѣніемъ, производимымъ энергичнымъ и счастливымъ правителемъ; далекія разстоянія и рѣдкость сношеній окружали страну, бывшую для всей В. Азіи тѣмъ, чѣмъ была Греція и Римъ для Европы, такимъ ореоломъ, который часто велъ къ ошибочному представленію о дѣйствительныхъ условіяхъ. Такія ошибки бывали не только въ старину; болѣе всего способствовали ошибочному представленію отчеты католическихъ миссіонеровъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. События 1894—95 годовъ измѣнили это; при этомъ границу перешли въ обратную сторону. Нѣчто подобное было съ рядомъ открытій, приписываемыхъ китайцамъ, напр., порохомъ, который будто бы открыли китайцы. Объ его баллистическихъ свойствахъ они узнали только отъ иностранцевъ въ началѣ XV столѣтія

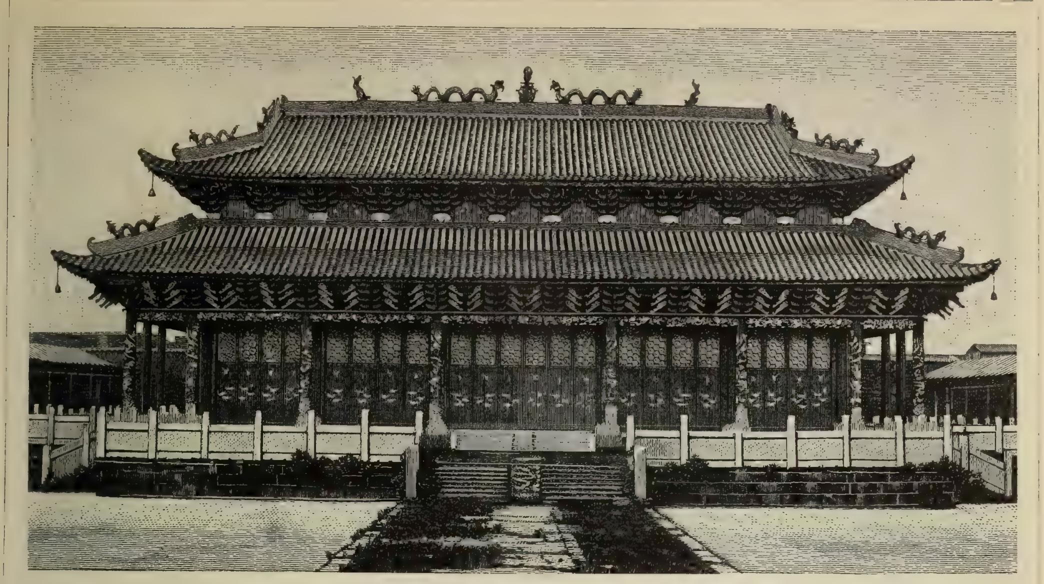
а съ самимъ порохомъ они познакомились вѣроятно лишь въ V или VI столѣтіи также отъ чужихъ. Производство фарфора упоминается только съ VII столѣтія по Р. X.; также сомнительно, не узнали ли китайцы о примѣненіи магнита на корабляхъ отъ другихъ народовъ; раньше они употребляли его, показывая на колесницахъ къ югу. За то печатанье на деревянныхъ доскахъ было имъ знакомо на 500 лѣтъ (922 г.) раньше, чѣмъ оно было открыто въ Европѣ (1440); въ Китаѣ были въ употребленіи также подвижныя буквы съ начала XI столѣтія, хотя онѣ попадались рѣдко. Употребленіе каменнаго угля въ Китаѣ древнѣе, чѣмъ въ Европѣ; изъ соляныхъ источниковъ въ Сычуани, съ простыми буровыми скважинами въ 700 метровъ глубиной, натуральный газъ добывается для отопленія уже цѣлыя столѣтія. Висячіе мосты на бамбуковыхъ канатахъ, проволокахъ и цѣпяхъ, длиной въ 100 метровъ, — явленіе нерѣдкое. Плотины въ сотни километровъ длиной охраняютъ ниже лежащія мѣстности отъ рѣчныхъ и морскихъ наводненій, а нѣкоторые изъ храмовъ, пагодъ и дворцовъ (см. приложенную таблицу: „Китайскія резиденціи въ Кантонѣ“) по справедливости возбуждаютъ удивленіе иностранцевъ. Литье бронзы процвѣтало уже въ 1200 году до Р. X.; китайскія шелковыя матеріи славились въ Римѣ и Византіи; всѣмъ извѣстно, что дала китайская художественная промышленность въ видѣ фарфора, финифти, эмали, лака и сотнѣ другихъ отраслей. Только возстаніе тайпинговъ положило конецъ этимъ отраслямъ промышленности. Какъ опустошенія 30-ти лѣтней войны нанесли Германіи раны, которыя не могли зажить цѣлое столѣтіе, такъ Китай страдаетъ еще и теперь отъ вреда, нанесеннаго ему возстаніемъ, прекратившимся лишь въ 1865 г.

Было бы опрометчиво на основаніи настоящаго заключать о будущемъ страны. Во всякомъ случаѣ нельзя забывать, что съ проведеніемъ столь многими рекомендуемыхъ реформъ, Китай перейдетъ изъ числа страдательныхъ государствъ въ ряды дѣятельныхъ и наступающихъ; тогда онъ будетъ играть не маловажную роль уже въ силу массивности своей территоріи и населенія. Цзо-цзунъ-танъ, подавившій возстаніе въ Ганьсу и Туркестанѣ, Чанъ-Читунъ, сильно способствовавшій ограниченію боксерскаго возстанія на сѣверѣ страны, Ли-хун-чанъ (см. рис. 4 на таблицѣ при стр. 100), умершій 6-го ноября 1901 года, и оказывавшій на судьбу своего отечества такое огромное вліяніе съ 1870 года, года избіенія французскихъ миссіонеровъ въ Тянь-цзинѣ, Юан-ши-кай, бывшій губернаторъ Шантунга и нынѣшній генералъ-губернаторъ Чжили и другія лица доказываютъ, что Китай не будетъ чувствовать недостатка въ людяхъ, которые будутъ въ состояніи защитить интересы своей родины.

3. Корея.

A. Страна и люди.

Корея, названная такъ отъ древняго слова „Корай“ (Каоли), была въ продолженіе большей части своей исторіи яблокомъ раздора и ареной для споровъ сосѣднихъ націй. На в. Азіи отъ материка выдвигается на протяженіи болѣе 12° почти прямо съ сѣвера на югъ узкій полуостровъ, лишь въ немногихъ мѣстахъ шириной болѣе 2°; на С.-З. онъ ограниченъ рѣкой Ялу, а на сѣверѣ Туменъ-улой. Его западный берегъ омывается Желтымъ моремъ, восточный — Японскимъ; на югѣ онъ отдѣляется отъ Японіи узкимъ проливомъ, запертымъ почти на половину разными островами (см. карту при стр. 4 и 52). Извѣстная европейцамъ отъ португальцевъ подъ именемъ „Корія“, страна называлась арабами въ IX ст. по Р. X. Сила (Синра, по одному изъ корейскихъ государствъ того времени; китайцы называютъ его Тунъ-кво



Такъ называемый „храмъ неба“ съ двойной крышей; во время пребыванія императора въ Кантонѣ онъ служитъ ему резиденціей.

Пріемная (садовый домикъ) лѣтняго дворца Татарскаго генерала; построена на вывѣтрившемся гранитѣ.

Исторія человѣчества. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Китайскія резиденціи въ Кантонѣ.

Объясненіе построекъ (см. на оборотѣ).

Китайской архитектурѣ несвойственны монументальная величина и прочность. Какъ и у первобытныхъ полинезійскихъ народовъ ея легкій матеріалъ — дерево и кирпичъ — уступаетъ мѣсто плитамъ только въ мощныхъ терассахъ и надлѣстничныхъ постройкахъ; всѣ формы ея стиля мелки и, если достигаютъ обширныхъ размѣровъ въ царскихъ дворцахъ и храмахъ, то исключительно только повтореніемъ и сопоставленіемъ отдѣльныхъ маленькихъ построекъ, заключенныхъ въ одну общую ограду. Свободное развитіе художественной фантазіи въ китайской архитектурѣ невозможно, вслѣдствіе строгости и узкихъ рамокъ строительныхъ предписаній начальства: каждому домовладѣльцу предписано опредѣленное, отвѣчающее его чину число колоннъ, и цифрами установлено взаимное отношеніе всѣхъ частей; только въ части усадьбы, скрытой отъ глазъ прохожаго, допущенъ просторъ для фантазіи строителя. Китайское строительное искусство примѣняетъ своды, если не считать фундамента, лишь для воротъ и мостовъ; но и въ послѣднемъ случаѣ ненастоящіе своды въ видѣ выступовъ часто замѣняютъ настоящій клинчатый сводъ. Куполовъ оно почти вовсе не признаетъ. Верхушки къ оригинальнымъ постройкамъ съ куполами встрѣчаются, хотя въ очень маломъ количествѣ, въ храмахъ культа неба. Деревянныя стропила всѣхъ построекъ, остающіяся иногда внутри безъ крыши, иногда же закрываемыя задвижными полями, поддерживаютъ выдающуюся и снаружи закругленную черепичную крышу; стропила поддерживаются деревяннымъ остовомъ изъ подпорокъ, форма котораго основана, конечно въ главныхъ частяхъ, на законахъ тектоники, а въ нѣкоторыхъ частяхъ также и на законахъ рѣшетокъ, происшедшихъ изъ плетенья. Стѣна между этими подпорками несетъ только свою тяжесть. Она, какъ говоритъ Semper, точно ширмы, возведенныя изъ кирпича, — основа для обоевъ; она не предназначена для опоры и поддержки, поэтому ее символизируютъ всегда, какъ нѣчто подвижное, надвинутое съ боку, и совершенно независимое отъ тяжести крыши. Благодаря этому круглыя, по большей части деревянныя, и лишь въ императорскихъ дворцахъ мраморныя колонны остова могутъ быть поставлены то спереди, то сзади, то вдвинуты въ стѣну. Въ первомъ случаѣ онѣ образуютъ веранду передъ зданіемъ, во второмъ ихъ спереди вовсе не видно, въ третьемъ онѣ видны наполовину. Ихъ подножія обыкновенно состоятъ изъ простыхъ круглыхъ вздутій, ихъ макушки часто увѣнчаны, какъ въ Индіи, консолевидными кронштейнами, которые принимаютъ иногда форму дракона, символъ китайскаго неба и императорской власти, иногда форму другихъ сказочныхъ символическихъ животныхъ. Въ остальномъ, говоря словами Semper'а, рѣшетка въ китайскомъ строительномъ искусствѣ, образуетъ фонъ для орнамента; она является то въ видѣ настоящей бамбуковой рѣшетки въ облицовкѣ нижней части внутреннихъ стѣнъ, то въ видѣ болѣе прочной перегородки съ изящно перемежающимся, иногда вычурнымъ геометрическимъ узоромъ на наружныхъ стѣнахъ садовыхъ бесѣдокъ и другихъ легкихъ зданій; то въ видѣ тектонической постройки изъ дерева въ перемежку съ сваями и вѣтвями, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ верхнія легкія части зданія соединяются съ массивной нижней частью.

Для художественнаго впечатлѣнія зданія, развивающагося, главнымъ образомъ, въ перпендикулярномъ направленіи, рѣшающимъ факторомъ является преобладаніе далеко возвышающейся надъ стѣнами вогнутой закругленной крыши. Крыша эта, обыкновенно шатровая и только въ рѣдкихъ случаяхъ съ выступами фронтона, представляется всегда ребристой, изъ-за полыхъ кирпичей, покрывающихъ другъ друга; она несетъ иногда на верхнихъ конькахъ глиняныя фигуры змѣй, драконовъ и другихъ звѣрей наряду съ богатыми ажурными балками, усаженными зубами дракона. Такая крыша вѣнчаетъ храмы, хижины, дворцы, башни и ворота и встрѣчается даже, хотя и въ простой формѣ, безъ балокъ, на стѣнахъ заборовъ. Выдающейся особенностью китайскихъ построекъ является то, что крыша для усиленія впечатлѣнія нерѣдко удваивается вверхъ, а иногда даже утраивается, такъ что зданія имѣютъ нѣсколько этажей крышъ, одну надъ другой. Знаменитыя, господствующія надъ городами и деревнями китайскія башни имѣютъ отъ 9 до 16 этажей, изъ которыхъ каждый ограничивается выступомъ крыши. Отвѣсныя линіи этихъ этажей такъ сильно стушевываются передъ насаженными крышами, что кажется, будто нагромождены другъ на друга не этажи, а крыши, увѣшанныя по бокамъ колокольчиками. Не разъ высказывалось мнѣніе, что форма китайской крыши есть подражаніе татарской палаткѣ; Fergusson опровергаетъ его, указывая на преобладаніе въ палаткѣ конической формы. Англійскій изслѣдователь скорѣе видитъ въ крышѣ очень практичную форму, приноровленную къ китайскому вкусу и одновременно задерживающую, какъ потоки дождя, такъ и солнечные лучи. Для общаго впечатлѣнія всѣхъ китайскихъ построекъ, характерной чертою является какъ у зажиточныхъ, такъ и у простыхъ, очень богатая, часто яркая окраска, покрывающая все зданіе за исключеніемъ массивнаго каменнаго цоколя. Кирпичныя стѣны покрыты цвѣтной штукатуркой; деревянныя части построекъ выкрашены въ пеструю краску, иногда сверхъ того еще лакированы; но употребленіе желтыхъ и зеленыхъ глазированныхъ черепицъ, повидимому, составляетъ привилегію храмовъ и императорскихъ зданій.

(Большею частью по Karl Woermann, „Geschichte der Kunst aller Zeiten und Völker“, Band I).

[восточное королевство]). Туземное названіе — Цзо-сіонь (утренній покой; поэтому ее часто называютъ „страной утренняго покоя").

Отрогомъ горъ, образующихъ въ Маньчжуріи до нѣкоторой степени сѣверный пограничный валъ Кореи, идущимъ многими извилинами съ сѣвера на югъ, Корея дѣлится на двѣ неравныя части, изъ которыхъ восточная, гористая имѣетъ крутой берегъ, почти лишенный рѣкъ, гаваней и острововъ, между тѣмъ какъ, западная, ниспадающая къ Желтому морю, имѣетъ большія рѣки, много гаваней на расчлененномъ берегу и безчисленные острова въ мелкомъ морѣ. Въ зависимости отъ характера поверхности, западъ самая населенная, поэтому въ коммерческомъ и политическомъ отношеніи самая важная часть страны. На востокъ отъ центральныхъ горъ находятся три провинціи, а пять, съ главнымъ городомъ Сеуломъ, лежатъ на западной сторонѣ. Климатъ колеблется въ широкихъ предѣлахъ; въ то время, какъ весной горы покрыты цвѣтами азаліи и лѣто тропически жаркое, зима очень холодна; тигръ, спускающійся съ покрытыхъ снѣгомъ высокихъ частей страны въ равнины, имѣетъ густой мѣхъ своего маньчжурскаго сородича.

Площадь Кореи приблизительно въ 218,650 кв. клм. имѣетъ 7—8, по нѣкоторымъ, даже 10,000,000 населенія. Если мы и здѣсь будемъ слѣдовать Бэльцу (ср. стр. 4 и 54), то послѣднее принадлежитъ корейско-маньчжурскому типу, который является самымъ чистымъ маньчжурскимъ. Въ дѣйствительности же и въ Кореѣ происходило сильное смѣшеніе сѣверо-азіатскихъ рассъ, среди которыхъ находились и айны (ср. далѣе). Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что особенно часто встрѣчающійся здѣсь типъ имѣетъ нѣчто семитическое. Но и для Кореи, какъ и для сосѣднихъ съ нею странъ, Китая и Японіи, нѣтъ точныхъ свѣдѣній, ни относительно ея древнѣйшаго населенія, ни происхожденія позднѣйшихъ пришельцевъ, ни о времени этой иммиграціи. По китайскимъ источникамъ въ 1132 г. до Р. Х. Кицза, сторонникъ незадолго передъ этимъ низвергнутой династіи Шанъ (стр. 57), переселился съ 5000 спутниковъ вь Цзо-сіонь (быть можетъ, югъ теперешней Маньчжуріи), покорилъ и цивилизовалъ туземцевъ. Это преданіе признается также офиціально корейцами за начало сношеній съ Китаемъ. Есть ли въ этомъ какая-нибудь правда, или Кицза игралъ, быть можетъ приписываемую ему въ Цзо-сіонѣ роль въ Фуйю, лежавшемъ отъ него къ сѣверу, трудно опредѣлить; въ Фуйю по крайней мѣрѣ была цивилизація, похожая на древне-китайскую; также трудно установить время проникновенія китайской, особенно конфуціанской культуры. Конфуціанство и буддизмъ были принесены въ Японію Кореей.

Б. **Древнѣшая исторія Кореи.**

Древнѣйшія отношенія Кореи къ Китаю до начала II-го столѣтія нашего лѣтосчисленія можно назвать сплошной борьбой между китайскимъ сѣверомъ, часто называемымъ Іонь, и сѣверной Кореей, которая временно распространялась далеко на З. отъ ея теперешнихъ границъ. Въ собственной Кореѣ находился на сѣверѣ Цзо-сіонь (Корай), а къ югу отъ него лежали двѣ области, западная — Махань и восточная — Чжинь-хань; обѣ онѣ были населены независимыми племенами, повидимому сильно смѣшанными съ китайскими бѣглецами. Когда въ Китаѣ добилась власти прежняя династія Хань (ср. стр. 69), она предъявила права на Іонь и завоевала его въ 206 г. до Р. Х. Оттуда пришли въ Цзо-сіонь бѣглецы, гдѣ ихъ предводитель Вэ-мань низложилъ короля и самъ овладѣлъ царствомъ въ 194 г. до Р. Х.; его столица Ванъ-хіенъ находилась къ востоку отъ Тадонъ-гана. Король Ки-цзунь изъ Цзо-сіони бѣжалъ въ Махань, гдѣ его дружелюбно приняло племя „ста фамилій" (Бо-цзи) и сдѣлало своимъ начальникомъ. Такъ какъ это племя стало позже главнымъ въ Махани, то возникающее

тамъ государство получило названіе Боцзи (также Кудара и Пэкчжѣ). Послѣ паденія династіи Цинь (206 г. до Р. Х.) бѣжали въ Шинханъ также и китайцы и положили тамъ основаніе будущаго царства Синра (Силла Синьло). При внукѣ Вэ-маня, Ю-гуй въ 108 г. дѣло дошло до войны между Цзо-сіонемъ и Китаемъ; послѣдняя окончилась въ 107 г. полнымъ пораженіемъ корейцевъ, занятіемъ ихъ столицы, смертью короля и господствомъ китайцевъ въ Кореѣ. Это господство окончилось только съ паденіемъ ханьской династіи (стр. 72).

В. Средняя исторія Кореи.

За это время къ сѣверу отъ Цзо-сіони и къ югу отъ Фуйю образовалось новое царство, Когу-ріö, которое къ началу нашего лѣтосчисленія пришло въ соприкосновеніе съ китайцами и вскорѣ вступило во вражду. Но эти отношенія, и заступившее ихъ мѣсто Бохай меньше повліяли на судьбы Кореи, чѣмъ борьба между тремя образовавшимися на самомъ полуостровѣ государствами, — Боцзи, Синра и Коріо. Боцзи было первымъ изъ этихъ государствъ, на которое повліяли конфуціанизмъ и буддизмъ: къ концу IV ст. по Р. Х. оба ученія утвердились тамъ прочно. Борьба Когу-ріö, Коріо и Синры заполняетъ значительную часть исторіи Кореи, которая было въ 660 г. покорена Китаемъ. Десять лѣтъ спустя, буддійскій монахъ поднялъ знамя возстанія противъ китайцевъ и съ помощью японцевъ сдѣлалъ сына прежняго короля, Хосо, княземъ страны. Но Пэкчжѣ былъ побѣжденъ, и значительная часть населенія выселилась въ Коріо и Японію. Коріо, успѣшно отразившій разныя нападенія, въ концѣ концовъ также покорился китайцамъ, такъ что изъ трехъ королевствъ только Синра сохранила подобіе независимости.

Синра поддерживала во время Таньской династіи (618—907; ср. стр. 82) тѣсныя сношенія съ Китаемъ, и ея столица Кіонъ-чью была настоящимъ центромъ китайско-корейской культуры и буддизма. Тамъ былъ изобрѣтенъ корейскій алфавитъ Нидо, который, быть можетъ, послужилъ образцомъ для японскаго, принятаго 100 лѣтъ спустя. Синра постепенно заняла всю восточную половину страны; война, предпринятая въ 733 г., по совѣту Китая, противъ Бохай, окончилась, правда, несчастливо, но въ общемъ государство сохраняло свое положеніе, пока въ 912 г. буддійскій монахъ Кунво не возсталъ противъ слабаго короля. Кунво былъ скоро побѣжденъ генераломъ Оань-гіономъ; послѣдній объявилъ себя самъ властителемъ и сдѣлалъ Пхіöнъ-янъ и Касіöнъ центрами своего правленія. Въ короткое время ему удалось покорить весь полуостровъ и основать объединенное государство подъ названіемъ Коріö (онъ былъ по преданію потомокъ князей древняго Когу-ріö). Онъ основалъ свой дворъ въ Сонто, лежащемъ болѣе въ центрѣ (нынѣ Касіонъ, приблизительно въ 50 клм. отъ Сеула) и умеръ въ 945 г. Его преемникъ объявилъ себя опять данникомъ Китая, который объединился послѣ долгой внутренней борьбы при сѣверной сунской династіи (стр. 90). Претензіи, предъявленныя королемъ Коріö, на основаніи своего родства съ князьями Когу-ріö и Похай на Ліатунгъ, повели къ столкновенію съ татарами-киданями (династія Ляо; ср. стр. 85), жившими въ сѣверномъ Китаѣ и находившимися тогда на высотѣ своего могущества. Корейцы были въ 1012 — 14. много разъ разбиты киданями, и, только благодаря союзу съ татарами Нючи (Цинъ), они могли защищаться отъ своихъ сильныхъ враговъ. Когда въ 1230 г. монголами было уничтожено государство Цинъ, побѣдителю покорилась и Корея; однако убійство монгольскаго посла (1231) вызвало въ 1240 г. вторженіе монголовъ въ Корею. Послѣ продолжительнаго сопротивленія король покорился и отправился въ 1276 г. ко двору хана Мэнгу, чтобы лично признать его верховную власть. Преемникъ Мэнгу, Хубилай-ханъ, сдѣлалъ Ко-

рею базисомъ для своихъ плановъ, задуманныхъ противъ Японіи (ср. стр. 21 и 86). Безъ сомнѣнія помощь, оказанная корейцами монголамъ въ 1266 и 1281 г., потери, при этомъ понесенныя корейцами отъ японцевъ, и опустошенія, произведенныя у корейскихъ береговъ японскими пиратами въ послѣднія столѣтія, въ значительной мѣрѣ способствовали отчужденію между обоими народами. Корея была наставницей Японіи почти во всѣхъ искусствахъ и наукахъ и оставалась ею долгое время; нѣтъ сомнѣнія, что Корея сама имѣла высокую цивилизацію; въ Японіи находятся корейскія бронзовыя издѣлія, изъ XVII столѣтія, подтверждающія это. Теперь однако въ Кореѣ изъ этихъ искусствъ ничего не сохранилось, что было бы жизнеспособно; даже остатки древняго искусства исчезли.

Г. **Корея въ переходное время отъ средняго къ новому періоду.**

а) Господство династіи Минъ.

Послѣ паденія монгольской династіи въ Китаѣ (1368), династія Минъ потребовала отъ Кореи возобновленія существовавшихъ раньше вассальныхъ отношеній. Король Кореи, 32-ой изъ династіи Ванъ, отказалъ. Его войско однако не захотѣло идти противъ китайцевъ; король былъ низложенъ, и И-сіонъ-гѣ, предводитель повстанцевъ, основалъ въ 1392 г, династію, еще нынѣ правящую въ побочной линіи. Новый домъ вполнѣ слился съ Китаемъ: были приняты календарь и лѣтосчисленіе, управленіе и одежда китайцевъ, такъ что въ настоящее время Корея, болѣе чѣмъ 250 лѣтъ спустя послѣ паденія династіи Минъ, даетъ вѣрную картину Китая, какимъ онъ былъ въ то время. И-сіонъ-гѣ былъ энергичный правитель. Онъ перенесъ правленіе изъ Сондо въ Хань-ганъ близь Хана, нынѣ Сеулъ (т. е. столица) и раздѣлилъ государство на 8 провинцій: Хамъ-хіонъ-до, Канъ-уонь-до, Кіонъ-санъ-до съ Сна-Ю близъ Японскаго моря, Чжіолла-до, Чунъ-чіонъ-до, Хуанъ-хо-до, Пхіонъ-анъ-до съ юга на сѣверъ по берегу Тихаго океана. Буддизмъ былъ почти совершенно задавленъ; въ Сеулъ между прочимъ не смѣлъ вступать ни одинъ жрецъ; на мѣсто буддизма стало неподвижное конфуціанство, обратившееся почти въ государственную религію. Новой династіи приписываютъ также отмѣну въ корнѣ татарскихъ и совершавшихся, какъ передаютъ, до того времени человѣческихъ жертвоприношеній и закапыванья живыхъ слугъ и п. т. при знатныхъ похоронахъ. Первые преемники И-сіонъ-гѣ были энергичные люди, усилившіе централизацію управленія и заботившіеся о благѣ народа; въ политическомъ отношеніи они тяготѣли, по азіатскому обычаю, къ обоимъ могущественнымъ сосѣднимъ государствамъ: Китаю и Японіи, такъ какъ посылали обоимъ регулярно посольства, на которыя смотрѣли съ большимъ или меньшимъ правомъ, какъ на принесеніе дани. Внутренняя борьба въ Японіи во вторую половину XV и въ первую половину XVI столѣтія (стр. 23), паденіе сіогуната при Асикага, къ которымъ обыкновенно посылались эти посольства, небезопасность сношеній отъ японскихъ пиратовъ, повели въ 1460 г. къ прекращенію этихъ посольствъ.

б) Наступательная политика Хидейоши.

Это поведеніе корейскаго правительства такъ же, какъ и фантастическое желаніе Хидейоши покорить Китай, повлекло за собой нападеніе японцевъ на Корею (1592; ср. стр. 30). Быстрымъ побѣдоноснымъ маршемъ японцы завоевали 25-го мая Фузанъ и уже 18 дней спустя Сеулъ, изъ котораго король и дворъ бѣжали въ Пинь-янъ (Пхіонгъ-янъ). Въ іюлѣ японцы достигли Тадона (Тай-донгъ), перешли его послѣ удачной стычки и взяли Пинь-анъ. Король бѣжалъ въ Анжю (Анджу). Дальнѣйшее наступленіе японцевъ было задержано тѣмъ, что флотъ ихъ, который долженъ былъ поддержать ихъ запасами и т. д., былъ почти совершенно уничтоженъ ко-

рейцами при Фузанѣ. Теперь вмѣшались и китайцы, призванные корейцами на помощь. Ихъ авангардъ взялъ 27-го августа штурмомъ предмѣстья Пинь-ана, но въ самомъ городѣ былъ уничтоженъ японцами почти совершенно. Такъ было до февраля 1593 г., пока главныя силы китайцевъ, съ которыми соединились остатки корейскихъ войскъ, не появились снова передъ Пинь-аномъ; 10-го они взяли штурмомъ городъ и предводителю японцевъ, христіанину Юкиная Кониши, котораго покинули на произволъ судьбы стоявшіе дальше къ югу предводители, ничего не оставалось болѣе, какъ вернуться въ Сеулъ. Здѣсь онъ соединился съ другимъ главнымъ начальникомъ, буддистомъ Кійомассой Като. Въ мартѣ произошла битва; побѣжденные китайцы вернулись назадъ въ Пинь-анъ, лишь слабо преслѣдуемые японцами, которые также сильно пострадали.

Поэтому возобновленіе уже раньше начатыхъ мирныхъ переговоровъ, главнѣйшимъ посредникомъ которыхъ былъ китаецъ Чинъ-И-кей, съ обѣихъ сторонъ встрѣтили съ радостью. Несмотря на протесты корейцевъ и Като, былъ заключенъ договоръ, по которому Японіи были уступлены три самыя южныя провинціи Кореи; къ этому присоединилось данничество Кореи по отношенію къ Японіи, возобновленіе прежнихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ и Японіей, бракъ Тайко-самма съ дочерью китайскаго императора и признаніе его равноправности. До вступленія этого договора въ силу, японцы должны были отправиться къ берегу близь Фузана и тамъ занять 12 пунктовъ. 23-го мая 1593 г. японцы очистили Сеулъ и отправились въ обратный путь, во время котораго за ними медленно слѣдовали союзники; здѣсь произошли снова столкновенія, поведшія было къ возобновленію войны, если бы мирныя стремленія Кониши не увѣнчались успѣхомъ. Китайцы отступили на сѣверъ; часть японскихъ войскъ отправилась на корабляхъ въ Японію; частью здѣсь, частью въ Пекинѣ велись дальнѣйшіе переговоры. Въ октябрѣ 1595 г. прибыло, наконецъ, въ Японію китайское посольство и было принято 24-го Тайко въ Фушими; но посланіе, привезенное имъ отъ императора Шенъ-Цзуна содержало только для Тайко дипломъ „короля Японіи“, какъ его давали раньше сіогунамъ изъ семьи Асикага.

Снова возгорѣлась война. Чинъ-И-кей, роль котораго никогда не была ясна, былъ взятъ въ плѣнъ своими соотечественниками и казненъ; обѣ стороны послали въ Корею подкрѣпленія. Въ январѣ 1597 г. японцы разбили корейскій флотъ и побѣдоносно проникли до Сеула. Но уничтоженіе японскаго флота китайско-корейскимъ принудило ихъ въ свою очередь отступить къ морскому берегу; при этомъ они страшно опустошили страну и разрушили древнюю, почтенную столицу Синры, Чхёнгъ-ю (Кіонъчжю). Поведенію японцевъ слѣдуетъ приписать ту ненависть, которую съ того времени чувствуетъ къ нимъ корейскій народъ (ср. выше. стр. 104). На югѣ борьба сосредоточилась вокругъ крѣпости Ульсанъ, которую осадили союзники и въ которую устремилась значительная часть японскихъ войскъ послѣ сильныхъ стычекъ. Когда здѣсь нужда достигла высшей точки, японское войско разбило 9-го февр, 1598 г. вышедшихъ имъ навстрѣчу китайцевъ и корейцевъ и 13-го освободило крѣпость. Этимъ послѣднимъ успѣхомъ японцевъ закончилась главная война. Былъ, правда, рядъ мелкихъ морскихъ и сухопутныхъ стычекъ, но незадолго до смерти, послѣдовавшей 8-го сентября 1598 г. Тайко отозвалъ свои войска въ Японію обратно.

Корея вышла изъ войны побѣдительницей, но страшно ослабѣла. Сношенія съ Японіей были возобновлены лишь въ 1623 г., когда объединенная и окрѣпшая Японія при Іемитсу, второмъ сіогунѣ изъ династіи Токугава, потребовала отъ Кореи присылки посольства съ данью. Первое посольство появилось въ 1624 году въ Іедо. Сіогуны нашли однако скоро издержки этихъ посольствъ, не имѣвшихъ реальнаго значенія, слишкомъ значительными, и приказали ихъ прекратить. Съ того времени сношенія между обѣими странами ограничивались Фузаномъ, гдѣ

подъ строгимъ контролемъ была допущена торговля, Тсусимой, князь которой (какъ говорятъ, корейскаго происхожденія) всегда стремился къ поддержанію сношеній, и Сатцумой, куда во время похода въ Корею были доставлены корейскіе плѣнники, ставшіе печниками; Сатцуму отъ времени до времени посѣщали корейскія джонки.

Д. Новый періодъ.

Съ сосѣдями китайцами отношенія у Кореи остались дружескими. Когда въ 1616 г. маньчжуры начали угрожать Минской династіи, послѣдняя опустошила съ согласія корейскаго правительства, чтобы предотвратить вторженіе противника, полосу земли на правомъ берегу р. Ялу, приблизительно въ 100 килом. шириной и 480 килом. длиной; существовавшія здѣсь деревни были разрушены, а жители изгнаны; на китайской сторонѣ эта пограничная полоса была укрѣплена деревяннымъ палиссадомъ и двойными и тройными фортами. Когда затѣмъ вторженія маньчжуровъ стали чаще, китайское правительство потребовало поддержки отъ своего вассала, Кореи; поддержка была охотно оказана. Послѣ этого въ 1627 году маньчжуры вторглись въ Корею, разбили соединившихся китайцевъ и корейцевъ и окружили Сеулъ, пока король, бѣжавшій на островъ Канъ-хоа, не покорился имъ. Но едва они ушли обратно, онъ измѣнилъ своимъ обѣщаніямъ. Маньчжуры снова напали на него, и въ 1637 г. король принужденъ былъ заключить договоръ, по которому онъ совершенно отказался отъ Минской династіи, далъ заложниковъ, призналъ обязательство платить дань, обѣщалъ устроить базаръ на границѣ Ляотунга и посылать ежегодно посольство для принесенія установленной дани. Послѣ завоеванія Пекина эта дань была нѣсколько разъ понижаема, пока она, какъ сумма, потеряла всякое значеніе; срокъ посылки этихъ посольствъ былъ установленъ трехгодичный.

Повидимому появленіе христіанства въ Кореѣ относится къ концу XVI ст. но первый иностранный миссіонеръ пытался проникнуть въ нее только въ 1791 году, но и то безуспѣшно; одновременно произошло первое преслѣдованіе туземныхъ христіанъ. Наконецъ, въ 1835 г. удалось французскому миссіонеру изъ Missions etrangères de Paris, П. Мобану, и затѣмъ вслѣдъ за нимъ и другимъ проникнуть въ Корею, но еще въ томъ же году были казнены три миссіонера съ 130 христіанами-туземцами. Слѣдующіе миссіонеры проникли въ Корею въ 1842 г.; преслѣдованія продолжались; въ мартѣ 1866 г. девять французскихъ миссіонеровъ претерпѣли мученическую смерть; лишь тремъ изъ нихъ, между прочими епископу Риделю, удалось спастись. Этотъ случай былъ принятъ французами къ свѣдѣнію, и такъ какъ въ Пекинѣ отклонили за него всякую отвѣтственность, то французы послали въ Корею экспедицію, которая въ октябрѣ 1866 г. разрушила нѣсколько фортовъ, но послѣ нанесеннаго ей корейцами пораженія должна была уйти, не имѣвъ успѣха. За этой французской экспедиціей въ 1871 г. послѣдовала американская, которая должна была собрать свѣдѣнія о судьбѣ шхуны „Генералъ Шерманъ“ и о пребываніи ея экипажа, а также попытаться вступить съ корейцами въ сношенія. Подвергшись нападенію со стороны китайцевъ, американцы разрушили рядъ укрѣпленій на рѣкѣ Ханъ, однако также вернулись назадъ.

Счастливѣе оказались японцы: вскорѣ послѣ возстановленія власти микадо, правительство его потребовало возобновленія данничества, — что Корея отклонила съ презрѣніемъ. Когда же въ сентябрѣ 1875 г. на матросовъ военнаго корабля напали солдаты изъ корейскихъ фортовъ, японское правительство отправило въ Корею экспедицію; 27-го февраля 1876 г. былъ подписанъ договоръ, по которому гавань Фузанъ была открыта немедленно въ 1880 г., а въ двѣ другія, Гензанъ и Нинзенъ (Чемульпо) были допущены дипломатическіе и консульскіе представители, — Японія же признала не-

зависимость Кореи. Такъ какъ примыкающее къ этому событію открытіе Кореи и для другихъ державъ (1882), волненія въ 1882 и 1884 гг., китайско-японское соглашеніе въ Тьенцзинѣ въ 1885 и китайско-японская война 1894—95 годахъ, уже были описаны въ исторіи Японіи (стр. 48) и Китая (стр. 100—101), то здѣсь слѣдуетъ объяснить только внутреннія условія Кореи, поскольку они вызвали эти обстоятельства или являлись ихъ послѣдствіемъ.

Въ 1864 г. угасло прямое поколѣніе основателя династіи Ни. Король Чжіолъ-цзонъ (Челъ-чонъ), царствовавшій 31 годъ, умеръ безъ наслѣдниковъ. Старшая изъ его трехъ оставшихся женъ овладѣла правленіемъ и назначила преемникомъ Чжіолъ-цзона, тринадцатилѣтняго сына принца Икъсіона; однако Икъ-сіонъ сумѣлъ захватить власть въ свои руки и пользовался ею до 1873 года, какъ Тä-уöнь-гунь (Тай-инъ-кунъ, господинъ великаго двора) безгранично и жестоко. Ему, врагу всѣхъ иноземцевъ и всякаго прогресса, нужно приписать преслѣдованія христіанъ и отчужденіе отъ иностранцевъ. Лишь съ вступленіемъ на престолъ молодого короля Икъ-сіона (прежде Ли-ши; 1873) наступила перемѣна къ лучшему; ее слѣдуетъ справедливо приписать королевѣ, вышедшей за него замужъ въ 1866 г., и происходившей изъ дворянскаго рода Минъ. Вся дальнѣйшая внутренняя исторія Кореи наполнена ожесточенной борьбой между королевой и Тä-уöнь-гунемъ, окончившейся ея убіеніемъ, замышленнымъ японскимъ посланникомъ Міура 8-го октября 1895 г. Но и Тä-уöнь-гунь умеръ немного лѣтъ спустя безсильнымъ, сломленнымъ человѣкомъ. Роль, которую японцы и Японія играли во внутреннихъ неурядицахъ въ Кореѣ— безотрадна; естественно, что прогрессивная партія въ Кореѣ примкнула къ нимъ и искала ихъ поддержки; однако то обстоятельство, что при различныхъ возстаніяхъ и политическихъ убійствахъ японцы, то прямо, то косвенно играли такую видную роль, бросаетъ тѣнь на методы Японіи, которыми она открывала своей цивилизаціи доступъ въ Корею. Честолюбивыя ссоры въ средѣ крупныхъ дворянскихъ семей, Минъ, Кимъ, Ли, Ни и другихъ, и происходившая изъ-за этого, борьба были всегда проклятіемъ для страны и въ новѣйшее время существенно способствовали обѣднѣнію ея и возможности чужого вмѣшательства во внутреннія дѣла.

Послѣ убійства королевы король находился долгое время во власти лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе; но 11 февраля 1896 г. онъ съ наслѣдникомъ бѣжалъ въ русское посольство и вернулся только слишкомъ годъ спустя въ перестроенный дворецъ. Съ того времени онъ принялъ титулъ императора (12 октября 1897 г.), главнымъ образомъ, вѣроятно, для того, чтобы этимъ осуществить понятіе независимости, не связанное съ королевскимъ титуломъ. Мѣсто соперничества между Японіей и Китаемъ въ Кореѣ теперь заняло соперничество Японіи и Россіи. Разныя соглашенія относительно Кореи, бывшія между этими двумя державами (между прочимъ въ 1896 г.), не могли помочь дѣлу. „Страна утренней зари“ для Японіи теперь еще болѣе несомнѣнно является главнымъ поводомъ для вооруженій, ведущихся съ лихорадочной поспѣшностью и серьезно угрожающихъ ея финансовому положенію. Будетъ ли имѣть желательный успѣхъ договоръ, заключенный 30-го января 1902 г. между Англіей и Японіей (стр. 49), по которому обѣими державами до извѣстной степени гарантируется цѣлость Кореи, должно остаться вопросомъ открытымъ.[1]

---

[1] *Примѣчаніе переводчика:* Въ виду того, что книга предназначается для обширныхъ круговъ читающей публики, знакомой съ географическими и историческими названіями Китая, Японіи и Кореи по принятымъ у насъ учебникамъ, придерживающимся нѣкоторыхъ неточныхъ и даже невѣрныхъ названій, въ текстѣ въ большинствѣ случаевъ указаны, какъ вѣрныя, такъ и невѣрныя названія. Для болѣе детальнаго знакомства съ этимъ вопросомъ слѣдуетъ обращаться къ перечню собственныхъ именъ, въ которомъ указаны также разные способы транскрипціи, какъ-то: китайскихъ словъ въ нѣмецкой и русской транскрипціи, корейскихъ въ китайской и японской и т. д.

II. Средняя Азія и Сибирь.

Д-ра Генриха Шурца.

Первобытныя времена и начало историческаго существованія Средней Азіи.

Не очень давно еще европейскіе культурные народы не безъ благоговѣнія обращали свои взоры на обширныя азіатскія плоскогорія съ ихъ сверкающими вѣчнымъ снѣгомъ горными хребтами, ихъ пастбищами, ихъ голыми степями и богатыми древесной растительностью оазами. Наукѣ, въ полномъ согласіи съ религіей и преданіями столькихъ народовъ, удалось, казалось, доказать почти неопровержимымъ образомъ, что Средняя Азія была первоначальной родиной человѣчества, той колыбелью, откуда вышли нѣкогда и наши предки, исполненные юношеской мощи, чтобы въ концѣ-концовъ обрѣсти новую родину въ Европѣ, въ то время какъ другіе собратья нашей расы спустились въ знойную страну чудесъ — Индію. Этотъ потокъ народовъ, спускавшихся съ окаймленныхъ снѣгами плоскогорій, гдѣ эта раса новыхъ властелиновъ земли мечтательно провела свою юность среди чистаго воздуха горныхъ высотъ, представляетъ чудную картину, въ которой фантазія поэта, казалось, была въ полной гармоніи съ объективными фактами дѣйствительности. Всякое сомнѣніе въ истинности этого взгляда, одинаково удовлетворявшаго какъ умъ, такъ и чувство, едва могло разсчитывать на должное вниманіе. Но неутомимый, вѣчно прогрессирующій духъ изслѣдованія, переходя отъ вопроса къ вопросу, отъ факта къ факту, подкопался и подъ эту, казавшуюся неприкосновенной, святыню, поколебалъ ее и, наконецъ, привелъ къ окончательному паденію. Пока наука дала еще немного новаго взамѣнъ, но она все же доказала, что Средняя Азія имѣетъ пока меньше правъ на честь считаться колыбелью человѣчества, чѣмъ всякая другая область земного шара. Меньше всего на названіе первоначальной родины человѣчества, разсылавшей все новые и новые потоки кочевниковъ по поверхности земли, можетъ притязать Тибетское плоскогоріе, пустынность и суровость котораго намъ теперь хорошо извѣстны.

Но, тѣмъ не менѣе, прежняя вѣра въ важную роль Средней Азіи въ древнѣйшей исторіи человѣчества не совсѣмъ была лишена основанія. До тѣхъ поръ, пока начало человѣческихъ преданій считалось приблизительнымъ началомъ исторіи человѣчества и пока возрастъ человѣчества измѣрялся всего нѣсколькими тысячелѣтіями, взглядъ, по которому первоначальной родиной человѣка должно считать ядро азіатскаго материка, былъ довольно близокъ къ истинѣ. Мало того: если мы вмѣсто выраженія „родина человѣка" подставимъ другое выраженіе „родина высшей культуры", то и въ настоящее время Средняя Азія заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія изслѣдователя. Вокругъ этой высокой крѣпости земного шара раскинулись большимъ полукругомъ древнія культурныя страны, Вавилонъ, Китай и Индія, и даже начало египетской цивилизаціи указываетъ на сходство съ азіатскими культурами. Кто вѣритъ въ существованіе общаго первоначальнаго источника этихъ высшихъ культуръ, долженъ искать его въ Средней Азіи или долженъ все же допустить, что зародыши высшихъ формъ жизни были перенесены черезъ нее во время переселеній народовъ или благодаря торговымъ

сношеніямъ. Въ болѣе поздція времена значеніе Средней Азіи въ исторіи человѣчества, конечно, рѣзко измѣнилось, но не потеряло въ своей силѣ: она ужъ не является болѣе разсадникомъ культуры, но, подобно вѣчно пылающему кратеру, разсылаетъ потоки воинственныхъ кочевниковъ, которые до того потрясаютъ землю, что цвѣтущія страны обращаются въ пустыни, а блестящіе города повергаются въ прахъ. Со временъ глубокой древности до настоящаго времени Средняя Азія и ея населеніе оказывали самое глубокое вліяніе на родъ человѣческій.

A. Средняя Азія, какъ арена историческихъ событій.

Средняя Азія — самая континентальная страна земного шара. Въ географическомъ отношеніи она занимаетъ лишенную стоковъ внутренность Азіи; въ историческомъ смыслѣ въ составъ этой исполинской страны входитъ также Сибирь и европейско-азіатская низменность. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова Средняя Азія представляетъ собою бѣдное водой и лишенное стоковъ плоскогоріе, которое раздѣляется прорѣзывающими его съ востока на западъ горными цѣпями на отдѣльныя области, Тибетъ, Восточный Туркестанъ и Монголію (см. прилагаемую карту Средней Азіи). Эти же горныя цѣпи измѣняютъ мѣстами степной и пустынный характеръ страны; на ихъ склонахъ скопляется влага, и поскольку стекающіе съ нихъ ручьи и рѣки орошаютъ страну, постольку является возможнымъ земледѣліе и культура для осѣдлыхъ народовъ. Еслибъ эти водные потоки, вмѣсто того, чтобы изливаться въ соляныя болота или теряться въ пескахъ, имѣли бы выходъ въ море, они оказывали бы еще болѣе благотворное вліяніе, такъ какъ уносили бы изъ пропитанной солью почвы излишекъ растворимыхъ химическихъ веществъ и тѣмъ сдѣлали бы ее такой же неистощимо-плодородной, какъ и лессъ Китая.

Но эта пустынная суровая страна не оставалась неизмѣнной въ теченіе тысячелѣтій. Въ третичную эпоху, которая, быть можетъ, была свидѣтельницей появленія на землѣ своеобразнѣйшаго существа—человѣка, тамъ, гдѣ нынѣ тянутся голыя равнины Гоби и бассейны Тарима, волновалось море; изъ него выступали новыя горы, и мощныя глыбы погружались въ глубину его. Когда же море исчезло, и Средняя Азія приняла нынѣшній видъ свой, то много времени еще должно было пройти, прежде чѣмъ страна обратилась въ ту голую степь, какой мы ее знаемъ теперь. Ледниковый періодъ, покрывшій Сибирь мощными глетчерами, врядъ-ли способствовалъ этому превращенію. Такимъ образомъ, къ концу ледниковаго періода, который въ настоящее время долженъ считаться исходнымъ пунктомъ историческаго изслѣдованія въ этихъ странахъ, людскіе обитатели Средней Азіи населяли еще сравнительно обильную влагой, благопріятную страну, которая лишь постепенно обратилась въ голую степь и пустыню. Фактъ этотъ очень важенъ, разъ мы хотимъ выяснить значеніе Средней Азіи для возникновенія культуры. Зато осталось неизмѣннымъ возвышенное положеніе страны, обусловливающее даже въ южныхъ предѣлахъ ея умѣренный, почти холодный климатъ и оказывавшее сильное вліяніе на населеніе.

Средняя Азія въ тѣсномъ смыслѣ слова частью окаймляется, частью пересѣкается многочисленными горными цѣпями, которыя, благодаря своему направленію съ запада на востокъ, также оказываютъ значительное вліяніе на характеръ и исторію страны и раздѣляютъ ее на нѣсколько областей. На югѣ исполинскій валъ Гималайскихъ горъ такъ рѣзко отдѣляетъ холодное Тибетское плоскогоріе отъ жаркой Индійской низменности, что эти двѣ, столь тѣсно граничащія между собою области оказывали другъ на друга лишь слабое вліяніе, а въ политическомъ отношеніи никогда не вступали въ близкія сношенія. Далѣе къ сѣверу Куенъ-Лунь со своими

ЦЕНТРАЛ

Исторія человѣчества. II.

Россія

НАЯ АЗІЯ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

рит. владѣнія

Китай

второстепенными цѣпями отдѣляетъ Тибетъ отъ пустыннаго бассейна Тарима, который, въ свою очередь, замыкается съ сѣвера Тянь-Шанемъ. Всѣ эти три горныхъ вала соединяются на западѣ въ одинъ мощный горный узелъ, центръ котораго занимаетъ Памиръ; такимъ образомъ, съ этой стороны Средняя Азія совершенно отдѣлена отъ Туранской низменности. Но и остальная значительная часть внутренняго азіатскаго плоскогорія, именно пустыня Гоби и окружающія ее степи, окаймлены огромной дугою горныхъ цѣпей, изъ которыхъ назовемъ на западѣ Алтай, на сѣверѣ — Саянскія горы и Яблоновый хребетъ. По ту сторону Алтая простирается Сибирская низменность, которая отдѣлена отъ низменности Восточно-европейской лишь Уральскими горами; путь же на сѣверо-востокъ загроможденъ громадой горъ, выполняющихъ большую часть Восточной Сибири. Поэтому-то страсть средне-азіатскихъ народовъ къ переселеніямъ меньше всего толкала ихъ въ эту сторону. Горныя же цѣпи запада никогда не удерживали надолго потоковъ кочевниковъ, которые въ равнинахъ Туркестана и западной Сибири находили достаточно простора для своего развитія и укрѣпленія. Движенію народовъ на югъ мѣшали Гималайскія горы, съ восточной же стороны, наоборотъ, Китай, хотя и защищенъ до нѣкоторой степени горами, былъ открытъ напору степныхъ народовъ. Такимъ образомъ, направленіе горныхъ цѣпей съ востока на западъ явственно отразилось и на переселеніи народовъ.

Но это вліяніе сказалось не только въ крупныхъ передвиженіяхъ народовъ. Всеобщему движенію въ направленіи съ востока на западъ должны были слѣдовать и менѣе значительныя мирныя передвиженія въ цѣляхъ взаимнаго общенія, передвиженія, которыя для роста культуры имѣютъ гораздо большее значеніе, нежели разрушительные бурные потоки кочующихъ ордъ, и которыя въ странѣ, предназначенной служить посредницей между восточной и западной культурой, заслуживаютъ полнаго нашего вниманія. У подножій этихъ длинныхъ горныхъ цѣпей лежатъ оазы, которые одни дѣлаютъ для путешественника возможнымъ передвиженіе по безотрадной пустынѣ бассейна Тарима. Если въ древнія времена, когда страна была богаче водой, передвиженіе по ней и было менѣе затруднительно, все же и тогда движеніе это должно было приноравливаться къ направленію горныхъ цѣпей и сосредоточиваться у ихъ подножій: природа страны указываетъ пути, по которымъ идетъ торговля и культура. Исходными пунктами для международнаго общенія являются, съ одной стороны, низменности, лежащія на востокъ отъ Каспійскаго моря и тѣсно связанныя съ Ираномъ и болѣе далекимъ Западомъ и даже съ Индіей; съ другой стороны — Китай, эта древняя культурная страна Востока.

Обстоятельствомъ величайшей важности является тутъ то, что горная цѣпь Куэнъ-Лунь, пересѣкающая самое сердце Средней Азіи, вмѣстѣ съ своими отрогами и параллельными цѣпями, Алтыкъ-Тагомъ и Нянь-шанемъ, простирается вплоть до средняго Гоанго, т. е. до плодороднѣйшихъ частей Китая. Вдоль этихъ горныхъ цѣпей, въ особенности съ сѣверной стороны, тянется плодородная, болѣе или менѣе хорошо орошаемая полоса земли, дѣлающая возможнымъ развитіе земледѣлія и открывающая путь черезъ ужасы пустыни къ бассейну Тарима. Значеніе этой области, нынѣшней провинціи Кань-су, для культуры и исторіи страны неизмѣримо велико. Здѣсь-то впервые завязалась борьба между настойчивыми китайцами и степными кочевниками; здѣсь заложенъ былъ оплотъ изъ укрѣпленныхъ городовъ и земледѣльческихъ колоній, перерѣзывавшихъ пастбища безпокойныхъ среднеазіатовъ и послужившихъ центромъ для политическаго покоренія всей внутренней Азіи; здѣсь же еще въ болѣе глубокой древности долженъ былъ пролегать путь, по которому двигались первые посредники между восточной и западной цивилизаціей, а, быть можетъ, даже тотъ народъ, который впервые занесъ культуру въ Китай.

Далѣе на западъ, отъ провинціи Гань-су, черезъ бассейнъ Тарима, возможны два пути: одинъ южный, у сѣвернаго подножія Куэнъ-Луня, и другой сѣверный, вдоль южнаго подножія Тянь-Шаня. Южный путь, направленіе котораго указывается оазами Чаргалыкъ, Черченъ, Киріа, Хотанъ и Яркандъ, въ настоящее время почти заброшенъ; но зато тѣмъ важнѣе путъ сѣверный, съ оазами Хами, Турфанъ, Карашаръ, Куча и Аксу. Оба эти пути сходятся въ Кашгарѣ и ведутъ черезъ западную горную цѣпь къ Фергану. Начиная отъ Хами, который служитъ для Китая ключемъ къ Средней Азіи, есть болѣе сѣверные пути, ведущіе въ Туркестанъ и южную часть Сибири, въ особенности пути по долинѣ Или и вдоль сѣвернаго подножья Тянь-Шаня къ озеру Балхашъ. По другую сторону горныхъ цѣпей, въ Туркестанской низменности, лежатъ торговые города: Самаркандъ, Бухара, Кокандъ, Ташкентъ, обязанные своимъ процвѣтаніемъ, главнымъ образомъ, сношеніямъ съ Китаемъ и Средней Азіей; города эти являются посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Востока съ Европой, западной Азіей и Индіей и вмѣстѣ съ тѣмъ центрами богатыхъ областей, орошаемыхъ источниками и горными потоками; они же служатъ укрѣпленными пунктами осѣдлыхъ земледѣльцевъ въ безпокойной странѣ кочевниковъ.

Но Средняя Азія не является исключительно проѣзжей дорогой для торговыхъ сношеній; она имѣетъ свои собственные продукты, которые привлекаютъ покупателей и увеличиваютъ источники существованія населенія. Первое мѣсто между этими продуктами занимаютъ минеральныя богатства: въ восточномъ Туркестанѣ лежатъ богатѣйшія мѣстонахожденія іадеита и нефрита, которые и до настоящаго времени необычайно высоко цѣнятся въ Китаѣ; Алтай богатъ металлами, которые уже очень рано создали здѣсь особую культуру; Тибетъ и нѣкоторыя части Сибири обладаютъ богатыми золотыми розсыпями; наконецъ, поваренная соль, находимая въ степяхъ, вывозится въ довольно значительномъ количествѣ изъ Монголіи въ Китай. Изъ растительнаго царства Средняя Азія доставляетъ ревень, который особенно успѣшно произрастаетъ въ Гань-су и издревле вывозится на Западъ, какъ цѣнное лѣкарственное средство. Въ сѣверной части Средней Азіи и въ Сибири шкуры цѣнныхъ пушныхъ звѣрей послужили причиной ранняго развитія, даже на сравнительно далекомъ сѣверѣ, торговыхъ сношеній, какъ съ Западомъ, такъ и съ Китаемъ.

Самые же важные продукты, какъ для самихъ жителей Средней Азіи, такъ и для вывоза, доставляетъ, конечно, скотоводство. Оно-то, главнымъ образомъ, дѣлаетъ возможной легкую подвижность степныхъ народовъ, но оно же ставитъ ихъ движенію опредѣленныя границы, ибо кочевникъ, пока не имѣетъ другого источника для своего существованія, можетъ оставаться на болѣе или менѣе продолжительное время лишь тамъ, гдѣ его скотъ находитъ себѣ достаточно пропитанія. Но и здѣсь опять-таки возникаетъ извѣстное ограниченіе свободы передвиженія. Кочевники внутреннихъ частей Средней Азіи, которые разводятъ лошадей, рогатый скотъ, овецъ и верблюдовъ, пользовались самымъ широкимъ просторомъ, такъ какъ степи Туркестана, Западной Сибири, Восточной Европы, Ирана и Западной Азіи представляли собою пригодныя пастбища для ихъ стадъ; наоборотъ же, тибетскіе пастухи, существованіе которыхъ тѣсно связано съ существованіемъ яка или монгольскаго быка, который можетъ жить только въ тѣсно ограниченной области, такъ же мало могли предпринимать далекіе завоевательные походы, какъ и сибирскіе оленеводы, которые не могутъ покидать своихъ тундръ. Съ другой стороны, доступъ среднеазіатскимъ кочующимъ ордамъ въ Тибетъ или въ сѣверную Сибирь былъ затрудниteленъ или даже совсѣмъ невозможенъ: по мотивамъ экономическимъ походы ихъ должны были направляться, главнымъ образомъ, на востокъ или на западъ, т. е. должны были слѣдовать тѣмъ путямъ, по

которымъ велись торговыя сношенія. Лишь гораздо позже походы буддійскихъ пилигримовъ проложили черезъ Среднюю Азію важный путь въ направленіи съ юга на сѣверъ.

Если безъ знакомства съ Средней Азіей и ея народами непонятна исторія прилегающихъ къ ней странъ, то еще менѣе понятна исторія среднеазіатскихъ степныхъ странъ безъ обозрѣнія окружающихъ ихъ культурныхъ странъ: Китая на востокѣ, средиземноморскихъ странъ на западѣ и Индіи на югѣ.

Слабѣе всего было въ теченіе долгаго времени вліяніе Индіи на степныя страны внутренней Азіи, хотя она многократно наводнялась ордами кочевниковъ изъ Средней Азіи; политическаго же вліянія она, можно сказать, никогда не оказывала, такъ какъ стѣна Гималайскихъ горъ удерживала отъ воинственныхъ предпріятій, для которыхъ, къ тому, Тибетъ, по своимъ природнымъ условіямъ, не являлся особенной приманкой. Попытка совершить походъ изъ Индіи въ Китай, сдѣланная Джауна-Магометъ-шахъ-ибнъ-Тоглукомъ въ 1337 г., потерпѣла неудачу уже у Гималая и осталась единственной въ своемъ родѣ. Духъ же зато и здѣсь оказался сильнѣе оружія: огромная теплица религіозно-философскаго мышленія, какъ можно назвать сѣверную Индію, постепенно оказала свое вліяніе и на Среднюю Азію и путемъ распространенія буддійскаго ученія властно измѣнила нравъ и склонности кочевниковъ. Здѣсь, разумѣется, имѣются въ виду, главнымъ образомъ, отдѣльныя сѣмена, которыя переносились черезъ горы и самостоятельно пускали тамъ корни; о продолжительной же связи духовнаго міра Индіи и степныхъ кочевниковъ и рѣчи быть не можетъ.

Совсѣмъ иного рода отношенія Китая къ Средней Азіи. Горы западнаго Китая представляютъ, правда, извѣстную преграду противъ вторженій кочевниковъ до тѣхъ поръ, пока благопріятныя стратегическія условія поддерживаются достаточно сильной и хорошо организованной арміей; преграда эта была еще сознательно усилена сооруженіемъ великой китайской стѣны, но, несмотря на то, она лишь временами оказывалась достаточной. Часто практиковавшаяся Китаемъ политика вооружать степныхъ кочевниковъ другъ противъ друга и поселять нѣкоторыя племена въ качествѣ пограничной стражи въ предѣлахъ естественной ограды страны приводила временами къ тому, что изъ защитниковъ эти племена обращались въ повелителей и дѣйствовали заодно со своими среднеазіатскими собратьями. Оружіемъ Китая противъ степныхъ народовъ были издревле не столько воинственный духъ его жителей или недоступность страны, сколько высокая культура, благодаря которой на плодородной почвѣ возможно было поселеніе необычайно густого населенія. Если даже страна вся или частью и поддавалась напору то степныхъ жителей Средней Азіи, то тибетцевъ, то горныхъ племенъ восточной Сибири, толпы побѣдителей быстро стушевывались среди превосходившаго ихъ численностью покореннаго населенія, а грубая сила ихъ не могла противостоять вліянію высшей цивилизаціи; кочевники могли захватить политическое, но не духовное руководительство.

Страны западно-азіатской культуры защищены лучше, чѣмъ Китай, отъ напора безпокойныхъ жителей степей. Между Каспійскимъ моремъ и Гималайскими горами возвышаются горы хорасанскія и афганистанскія. Лежащія впереди ихъ плодородныя страны по рр. Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ, гдѣ могли образоваться земледѣльческія колоніи и укрѣпленные города, составляли аванпосты культуры. Но между Каспійскимъ и Чернымъ морями возвышается какъ-бы намѣренно воздвигнутый крѣпостной валъ, Кавказъ, отдѣляющій Западную Азію отъ южно-русскихъ степей, которыя издревле служили ареной кочующихъ ордъ. До тѣхъ поръ, пока эти естественныя пограничныя стѣны охранялись, плодородныя нивы Запад-

ной Азіи были ограждены отъ хищническихъ и завоевательныхъ нашествій кочевниковъ. Но населеніе Ирана, которое стояло здѣсь на стражѣ культуры, подъ-конецъ пало подъ напоромъ вторженій: въ степныхъ областяхъ, которыхъ не лишены ни Иранъ, ни Сирія, ни Малая Азія, кочевники скотоводы находили удобныя мѣста для поселенія, вслѣдствіе чего они сохранили дольше, чѣмъ въ Китаѣ, свои особенности и только отчасти смѣшались съ покоренными народами.

Этимъ объясняется огромная разница между Востокомъ и Западомъ: въ то время, какъ Китай всегда только внѣшнимъ образомъ покорялся кочевникамъ, парализуя ихъ въ концѣ-концовъ цѣлесообразной колонизаціей степей, древняя культура западной Азіи не устояла предъ напоромъ постоянно возобновлявшихся нашествій степныхъ наѣздниковъ, и страны эти надолго подпали подъ власть Средней Азіи.

Европа, восточныя степи которой переходятъ безъ рѣзкой границы въ степи юго-западной Сибири, не всегда могла устоять противъ напора ордъ, выходившихъ изъ Средней Азіи: гунны проникли вплоть до Атлантическаго океана, авары и венгры дошли до Франціи, монголы достигли восточной Германіи, а волна османовъ разбилась лишь объ укрѣпленные валы Вѣны. До сихъ поръ еще въ этой части свѣта живутъ остатки выходцевъ изъ Средней Азіи въ лицѣ мадьяровъ, турокъ и многочисленныхъ финнскихъ и монгольскихъ племенъ Россіи. Но Западная Европа, благодаря своему влажному климату, недостатку въ обширныхъ пастбищахъ, благодаря своей народной мощи и своей цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, недолго терпѣла отъ ихъ нашествій, и съумѣла перенять наслѣдіе западноазіатской культуры.

Б. **Условія экономическія.**

Достаточно бѣглаго взгляда на географическія условія всей Средней Азіи, чтобы замѣтить то глубокое различіе въ экономическихъ условіяхъ, которое раздѣляетъ жителей этой области отъ жителей сосѣднихъ странъ, кочевниковъ отъ земледѣльцевъ. Разсматриваемыя на разстояніи исторической перспективы, взаимныя отношенія между тѣми и другими представляются непрерывной войной, проявляющейся то въ видѣ бурныхъ нашествій, то въ видѣ упорной борьбы или систематическихъ ухищреній, — непрерывное зрѣлище крови и разрушенія. При ближайшемъ разсмотрѣніи ужасы этой мрачной картины значительно слабѣютъ, и мы узнаемъ, что и здѣсь борьба не всегда была правиломъ, что потребность обмѣна и торговыхъ сношеній заставляла часто представителей различныхъ хозяйственныхъ формъ мирно сближаться и забывать старую вражду. Но и контрасты между хозяйственными формами, по большей части, не были настолько рѣзки, какъ это можно было предполагать, судя по грандіозности историческихъ событій, въ которыхъ эта борьба проявлялась въ исполинскихъ размѣрахъ.

Большинству кочевниковъ земледѣліе не совсѣмъ чуждо. Можно было бы допустить, что обычай обрабатывать удобные участки земли по берегамъ рѣкъ или въ другихъ достаточно орошенныхъ мѣстахъ явился впервые слѣдствіемъ хищническихъ войнъ съ культурными народами: взятые въ плѣнъ рабы могли употребляться, главнымъ образомъ, для земледѣлія, такъ какъ для охраненія стадъ достаточно было собственныхъ членовъ орды, а промышленная дѣятельность, самое большее, могла имѣть мѣсто только въ немногихъ городахъ Средней Азіи. Но, повидимому, въ Азіи земледѣліе древнѣе, чѣмъ скотоводство въ степяхъ, и, вѣроятно, сначала осѣдлые народы первые частью обратились въ кочевниковъ, другія же кочующія племена должны были несомнѣнно перейти непосредственно отъ захватнаго хозяйства къ скотоводству. Такимъ образомъ, возможно, что земледѣліе

нѣкоторыхъ средне-азіатскихъ народовъ является возвратомъ къ старымъ хозяйственнымъ формамъ. Земледѣліе придаетъ образу жизни бо́льшую устойчивость и ослабляетъ наклонность къ хищническимъ набѣгамъ, такъ какъ, въ случаѣ нужды, именно въ случаѣ уменьшенія количества скота отъ падежей, охотнѣе прибѣгаютъ для поддержанія своего существованія къ земледѣлію, нежели къ грабежу своихъ сосѣдей. Но нельзя также разсматривать жизнь кочевыхъ народовъ, какъ безпорядочное странствованіе: у киргизовъ, напримѣръ, лѣтнія пастбища составляютъ общую собственность племени, и каждая семья выбираетъ себѣ мѣсто по своему усмотрѣнію. Но болѣе удобно расположенныя мѣста, пригодныя для зимнихъ стойбищъ, составляютъ строго ограниченную частную собственность отдѣльныхъ семей, и такимъ образомъ территорія племени точно опредѣлена. Между количествомъ скота и размѣрами пастбищъ существуетъ извѣстное соотношеніе, которое не можетъ быть нарушено: кто увеличиваетъ свои стада, тотъ долженъ увеличить и свои пастбища. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, и кочевники обнаруживаютъ въ своемъ родѣ не менѣе ясно выраженное стремленіе къ земельной собственности и къ точному опредѣленію границъ ея, какъ и земледѣльцы.

Но при расширеніи своихъ пастбищъ кочевники гораздо охотнѣе должны нападать на себѣ подобныхъ, нежели на культурные народы, которые занимаются земледѣліемъ и живутъ въ городахъ. Кочевой бытъ ни въ коемъ случаѣ не является такой хозяйственной формой, которую безъ дальнѣйшихъ разсужденій можно поставить на мѣсто земледѣлія, точно такъ же, какъ пастбища скотовода не могутъ непосредственно быть обращены въ пашни земледѣльца. Кочевое хозяйство, наоборотъ, утилизируетъ преимущественно такія земли, которыя не могли бы прокормить осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Во время своихъ постоянныхъ странствованій со стадами по сухимъ, но богатымъ травой степямъ, кочевникъ превращаетъ негодную для человѣческаго употребленія растительность обширныхъ обиженныхъ природой областей въ молоко и мясо. Земледѣлецъ умѣетъ использовать по своему сухую степь лишь тамъ, гдѣ онъ можетъ снабжать свои поля достаточнымъ количествомъ влаги; съ другой стороны, земля, разъ она уже культивирована и должна прокармливать относительно довольно густое населеніе, слишкомъ дорого цѣнится, чтобы она умышленно была обращена на нужды скотоводства. Правда, одинъ монгольскій полководецъ предложилъ однажды, въ эпоху покоренія Китая монголами, своему князю превосходный планъ истребить всѣхъ китайцевъ и обратить страну въ пастбище; но даже у этихъ самыхъ дикихъ сыновъ Средней Азіи идея эта не встрѣтила сочувствія. Въ малыхъ размѣрахъ подобные планы все же приводились въ исполненіе, хотя врядъ-ли предумышленно, особенно въ Западной Азіи, гдѣ осѣдлые земледѣльцы часто совершенно истреблялись во время завоевательныхъ походовъ, искусственное орошеніе приходило въ упадокъ, и страна сама собою снова обращалась въ степь, по которой кочевники могли отнынѣ безпрепятственно кочевать. Самымъ главнымъ мотивомъ, побуждающимъ скотовода напасть на земледѣльца, является желаніе овладѣть его движимымъ имуществомъ и рабами, а также врожденная жажда войны и страсть къ господству, — черты, столь характерныя для скотовода-кочевника; сама же земля рѣдко его соблазняетъ.

Когда углубляешься въ историческія преданія, которыя съ такой любовью повѣствуютъ намъ о войнахъ, убійствахъ и грабежахъ кочевниковъ и отражаютъ весь тотъ ужасъ, который должны были оставить страшные бурные потоки азіатскихъ кочевыхъ народовъ въ сердцахъ переживших ихъ, то виновники этихъ ужасовъ представляются въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, и легко склоняешься къ тому мнѣнію, что это были скорѣе лютые звѣри, чѣмъ существа, заслуживающія названія „человѣкъ“. Но такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно: тамъ, гдѣ существуютъ мирныя

сношенія между осѣдлыми жителями и кочевниками, а это скорѣе правило, чѣмъ исключеніе, тамъ **кочевники выступаютъ въ лучшемъ свѣтѣ**. Въ той мирной борьбѣ, какой являются въ сущности торговля и обмѣнъ, преимущества на сторонѣ культурнаго человѣка. Но симпатіи непредубѣжденнаго наблюдателя скорѣе склонятся на сторону кочевниковъ, хорошія качества которыхъ и являются для нихъ роковыми; и тогда, быть можетъ, станетъ понятно, почему кочевнику война представляется порой единственнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія. Въ обоихъ случаяхъ выступаютъ всегда извѣстныя черты характера кочевниковъ.

Въ натурѣ кочующаго пастуха, выросшаго въ однообразной степи и вынужденнаго, вслѣдствіе постоянныхъ перекочевокъ, ограничивать свое имущество немногочисленными, удобопереносимыми пожитками, есть одна простая черта, не лишенная величія (ср. объясненіе таблицы къ разд. 2, G). Широкій ясный горизонтъ его родины отражается въ его умѣ: цвѣты фантазіи и мысли, которые такъ пышно распускаются въ жаркой индійской низменности или въ роскошныхъ садахъ Ирана, не находятъ для себя въ степи никакой пищи. Жителю Средней Азіи такъ же присуща трезвая ясность ума, какъ и выросшему на подобной же почвѣ арабу (ср. т. III, стр. 205). Зато эта простота мышленія, способная выродиться въ ограниченность, даетъ тѣмъ бо́льшій просторъ волѣ. Непоколебимая сила воли и есть въ сущности то оружіе, которымъ кочевники одерживаютъ побѣды надъ превосходящими ихъ въ умственномъ отношеніи культурными народами, довольно часто покоряютъ ихъ и порабощаютъ; но тамъ, гдѣ она непримѣнима, простой умъ кочевника безсиленъ предъ хитростями и уловками культурныхъ сосѣдей. Грубая честность, являющаяся естественнымъ послѣдствіемъ простого независимаго существованія и всегда присущая кочующимъ пастухамъ (еще Гомеръ называлъ скиѳовъ справедливѣйшими людьми: *ἀγαυῶν ἱππημολγῶν γλακτοφάγων ἀβίωντε, δικαιοτάτων ἀνθρώπων;* Иліада, 13,5/6), дѣлаетъ кочевниковъ излюбленной жертвой хитрыхъ торговцевъ въ городахъ, даже мишенью ихъ насмѣшекъ. Генрихъ Мозеръ превосходно изобразилъ, какъ на рынкахъ Туркестана осѣдлые сарты обманываютъ и издѣваются надъ киргизами, и признаетъ, что въ отношеніи честности и нравственной чистоты киргизы, несмотря на свои наклонности къ грабежу, стоятъ гораздо выше городского населенія. Когда извѣстны тѣ отношенія, которыми характеризуется вездѣ общеніе между кочевниками и осѣдлыми жителями, то проявленія дикой жестокости, которыя время отъ времени позволяютъ себѣ побѣдоносные кочевники, не кажутся уже столь непонятными.

Вспышки звѣрства, находящіяся въ странномъ противорѣчіи съ обычнымъ мирнымъ, даже добродушнымъ поведеніемъ кочевниковъ, имѣютъ часто и другую причину. Жизнь кочующаго пастуха не требуетъ того постояннаго, правильнаго примѣненія труда, который круглый годъ держитъ въ напряженіи силы земледѣльца; но простота его жизни и постоянное пребываніе на лонѣ природы предохраняютъ его отъ изнѣженности и дряблости. Такимъ образомъ, кочевникъ всегда обладаетъ большимъ **избыткомъ силъ**, который, быть можетъ, долгое время остается въ скрытомъ состояніи, но лишь только представляется случай для его примѣненія, онъ внезапно прорывается въ бурной, дикой формѣ: а разъ дѣло начато, оно доводится до конца, въ особенности грабежи и убійства. Однако, при всей страсти къ разрушенію, кочевникъ проявляетъ при случаѣ и черты великодушія и непосредственной доброты; даже рыцарство не чуждо кочевнику; имъ славятся народы тюркскаго племени; эта же привлекательная черта характера сохраинлась и въ нынѣшнихъ мадьярахъ, превратившихся изъ кочевниковъ въ осѣдлую націю. Простота и ясность мысли, равно какъ и сила воли кочевника объясняютъ намъ, почему онъ такъ легко дѣлается **властелиномъ** осѣдлыхъ народовъ, которые частью изнѣже-

ны культурой, частью крайне боязливы, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія торговаго духа или фантазіи, частью, наконецъ, лишены широкаго размаха, благодаря суровому повседневному труду. Кочевникъ умѣетъ водворять порядокъ; не взирая ни на что, онъ прокладываетъ себѣ путь черезъ густую чащу переплетающихся порослей, которыя такъ пышно произрастаютъ на старой культурной почвѣ, и приноситъ свѣтъ и воздухъ въ удушливую атмосферу. Самъ онъ не создаетъ культуры, но косвеннымъ образомъ способствуетъ ея прогрессу, уничтожая границы между различными странами и создавая міровыя государства, безконечный горизонтъ которыхъ воскрешаетъ идею о единствѣ человѣческаго рода даже тамъ, гдѣ эта идея, казалось, совсѣмъ заглохла вслѣдствіе политической раздробленности и самодовольства. Въ конечномъ результатѣ, разумѣется, всегда оказывается, что накопленный трудъ безчисленныхъ поколѣній, поскольку онъ воплотился въ культурѣ, сильнѣе необузданной энергіи кочевниковъ; и даже самый дикій степной народъ въ концѣ-концовъ вынужденъ склониться предъ властью мысли и незамѣтнымъ давленіемъ высшей культуры.

B. **Доисторическія времена.**

Историческая перспектива, въ которой обыкновенно событія, близкія намъ, представляются исполински великими, а болѣе отдаленныя — всегда менѣе значительными, естественно должна давать особенно невѣрныя картины относительно странъ, которыя крайне мало доступны были доисторическому изслѣдованію: огромные періоды времени почти совершенно стушевываются, и событія, которыя были рѣшающими для всего человѣчества, при отсутствіи какихъ-бы то ни было непосредственныхъ данныхъ, могутъ быть возстановлены лишь въ крайне блѣдныхъ чертахъ. Такимъ образомъ, начало развитія человѣчества должно волей неволей остаться безъ разсмотрѣнія. Если первоначальной родиной человѣчества была юго-восточная Азія, какъ это заставляетъ предполагать открытіе Дюбуа (1894 г.) на о. Явѣ Pithecanthropus erectus'а, то оно могло уже въ очень давнія времена разселиться отсюда по всей остальной Азіи; но сказать что-нибудь опредѣленное по этому вопросу не представляется возможнымъ. Доказано, что въ Сибири человѣкъ былъ современникомъ мамонта. Но опытъ связнаго изложенія исторіи человѣчества въ настоящее время можетъ начаться лишь съ конца ледниковаго періода, такъ какъ съ тѣхъ поръ болѣе не происходило уже такихъ крупныхъ измѣненій въ климатѣ и устройствѣ поверхности земли; все возрастающее высыханіе Средней Азіи и пр. само по себѣ, правда, достаточно крупное явленіе, но оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ сравниться съ исполинскимъ явленіемъ природы — ледниковымъ періодомъ.

Народы Средней Азіи и Сибири представляютъ въ различной степени смѣшенія два главныхъ типа, которые мы находимъ и въ Европѣ; расу длинноголовую, предки которой, быть можетъ, были первоначально въ родствѣ съ неграми, но которая пріобрѣла на сѣверѣ свѣтлый цвѣтъ кожи и отчасти бѣлокурые волосы, и расу короткоголовую, также съ относительно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, наиболѣе чистыми представителями которой мы должны считать въ настоящее время монголовъ и сѣверныхъ китайцевъ. Кромѣ того, какъ доказываютъ доисторическія находки въ Европѣ и древнѣйшія свѣдѣнія о Китаѣ и Японіи, мѣстами была распространена карликовая раса, которая, однако, мало-по-малу исчезла среди другихъ расъ и не оказала никакого вліянія на культуру. Зато тѣмъ важнѣе было отношеніе длинноголовыхъ племенъ къ короткоголовымъ. Въ настоящее время въ Средней Азіи рѣшительно преобладаетъ типъ короткоголовый, но этому предшествовало нѣсколько важныхъ ступеней развитія.

По окончаніи ледниковаго періода сѣверъ Европы и Азіи заполнили,

по всѣмъ видимостямъ, народы длинноголовые, которые вообще преобладали въ обѣихъ этихъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей Средней Азіи. Остатками этихъ долихоцефаловъ служатъ, вѣроятно, айны на о. Іесо и Сахалинѣ, далѣе енисейскіе остяки, сохранившіе среди народовъ монгольскихъ и финно-угрскихъ идіомовъ свой древній языкъ, и другіе обломки вымершихъ сибирскихъ народовъ; на югѣ, уже въ Тибетѣ, длинноголовые весьма замѣтно выдѣляются среди смѣшаннаго населенія. Нѣкоторые изъ этихъ длинноголовыхъ первобытныхъ народовъ сѣверной Европы и отчасти Азіи, подъ вліяніемъ климата, стали свѣтловолосыми и голубоглазыми; ихъ мы встрѣчаемъ и теперь еще въ большомъ числѣ въ Сибири и даже въ Средней Азіи. По всей вѣроятности, длинноголовость, а также темный цвѣтъ кожи были общими признаками первобытнаго человѣчества.

Если свѣтлоцвѣтные народы выработались подъ вліяніемъ климата, то короткоголовая раса представляетъ, быть можетъ, разновидность, происхожденіе которой можно объяснить облегченіемъ борьбы за существованіе, обусловленнымъ ростомъ культуры. Аналогію этому мы находимъ въ мірѣ домашнихъ животныхъ, гдѣ та же основная причина приводитъ къ самымъ различнымъ измѣненіямъ, къ исполинскому или карликовому росту, шерстистости волосъ, различной окраскѣ шерсти и т. п.; весьма обыкновенной формой измѣненій служитъ укороченіе черепа, такъ называемая „голова мопса“ у собакъ, козъ, лошадей, свиней, даже у золотыхъ рыбокъ. Человѣчество также должно было пережить такой періодъ, когда измѣненія подобнаго рода были возможны, пока постепенно исключительное преобладаніе работы мозга не явилось препятствіемъ для дальнѣйшихъ измѣненій и не укрѣпило уже установившихся различій, поскольку они не сглаживались до извѣстной степени вслѣдствіе послѣдующихъ смѣшеній. Въ настоящее время организмъ не приспособляется болѣе къ новымъ задачамъ: мозгъ придумываетъ для него новыя орудія и средства защиты; столь же мало оказываютъ свое измѣняющее вліяніе созидающія силы организма на его матерію, но духъ разряжаетъ избытокъ силъ въ танцахъ, играхъ, искусствахъ. Вѣрно-ли это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ еще въ раннія времена образовалась въ Азіи короткоголовая раса, заселившая на протяженіи историческихъ временъ бо́льшую часть этой части свѣта, равно какъ обширныя области Европы. Первоначальной родиной этой расы должна была быть внутренняя Азія, но возникла-ли она въ Тибетѣ, какъ полагаетъ Карлъ Евгеній Уйфальви, или въ Монголіи, какъ съ бо́льшимъ правомъ утверждаетъ А. Кеапе, или, наконецъ, еще западнѣе, въ Туркестанѣ или даже Иранѣ, этого пока нельзя установить.

Отъ этой-то расы, кажется, исходятъ начатки высшей культуры. Дѣйствительно, первый проблескъ достовѣрныхъ историческихъ знаній указываетъ намъ на западѣ и на востокѣ Азіи, въ Вавилоніи и въ Китаѣ, на короткоголовое населеніе, какъ на носителей культуръ, которыя, по основнымъ своимъ чертамъ, находятся между собою въ тѣсномъ родствѣ и властно приводятъ къ заключенію, что нѣкогда существовала связь между этими народами или по крайней мѣрѣ, между ихъ цивилизаціями. Ихъ культура покоится на воздѣлываніи земли при помощи плуга и на скотоводствѣ, стало быть, на тѣхъ же основахъ, какъ и наше современное хозяйство. Что здѣсь не можетъ быть рѣчи о естественныхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя неизбѣжно дѣлались каждымъ прогрессирующимъ народомъ, доказывается примѣромъ культурныхъ народовъ Америки, которые, не зная ни плуга, ни скотоводства, остались при способѣ воздѣлыванія земли мотыкой, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ихъ сельское хозяйство стояло на высокой ступени развитія. Въ восточной, какъ и въ западной Азіи пшеница была первоначально самымъ главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ. Точно также и скотоводство, которое вначалѣ ограничивалось исключительно разведе-

ніемъ рогатаго скота, обнаруживаетъ совершенно сходныя черты въ обѣихъ областяхъ: въ древней Вавилоніи, какъ и теперь еще въ Китаѣ, рогатый скотъ служилъ исключительно рабочимъ или убойнымъ скотомъ; молоко же въ пищу не употреблялось. Этимъ рѣзко отличаются эти два культурныхъ народа отъ номадовъ, прервавшихъ впослѣдствіи взаимную связь между западомъ и востокомъ, ибо существованіе кочующаго скотовода покоится, главнымъ образомъ, на молокѣ его стадъ. Повидимому, къ тому времени, когда обѣ культуры еще соприкасались между собою или только что стали возникать на общей первоначальной родинѣ, уже разводили лошадей; но и тутъ обнаруживается особенность: лошадью не пользовались для верховой ѣзды, точно такъ же, какъ и употребленіе лошадинаго молока, этого любимаго напитка скиѳовъ (*ἱππημολγῶν*) и монголовъ, совершенно не было извѣстно.

Другой, общей обѣимъ древнимъ культурамъ, особенностью служитъ знакомство съ мѣдью и бронзой, такъ что мы должны считать короткоголовыя расы также изобрѣтателями обработки металловъ. Это также важно и для Европы: и сюда, въ раннія времена, слѣдуя направленію Альпъ, переселились съ востока короткоголовыя племена, распространившія знакомство съ отливкой бронзы вплоть до Британіи. Другой сходный культурный потокъ достигъ юга Сибири, гдѣ богатыя мѣдныя копи и золотыя розсыпи Алтая способствовали появленію своеобразной культуры бронзы. Современемъ изслѣдованіе доисторическихъ временъ прольетъ больше свѣта на всѣ эти отношенія, въ особенности, когда станутъ возможными на китайской почвѣ раскопки въ широкихъ размѣрахъ; сравнительное языкознаніе и изслѣдованіе миѳовъ также должны будутъ принять участіе въ этой работѣ и, быть можетъ, удастся достигнуть поразительныхъ результатовъ. Укажемъ, напримѣръ, хотя бы на сказаніе о драконѣ, встрѣчающееся и на востокѣ, и на западѣ, но въ Китаѣ, повидимому, въ болѣе древней формѣ, усматривающей въ крылатой небесной змѣѣ благодѣтельное божество, между тѣмъ какъ на западѣ болѣе молодыя божества свѣта представляются большей частью въ побѣдоносной борьбѣ съ дракономъ облачнымъ и грозовымъ.

Если первоначальная родина культуры и не въ Средней Азіи, то все же связь между обѣими древнѣйшими культурами должна была завязаться черезъ эту страну: изъ этого сразу становится понятнымъ огромное значеніе Средней Азіи въ исторіи человѣчества. Впрочемъ, выраженіе „первоначальная родина культуры", быть можетъ, слишкомъ поспѣшно; возможно, что отдѣльныя пріобрѣтенія древнеазіатской культуры могли появиться въ различныхъ мѣстахъ, пока не произошло взаимнаго ознакомленія съ ними и объединенія. Но если дѣйствительно существовала первоначальная родина, то она врядъ-ли находилась въ восточной Азіи, такъ какъ мѣстообитанія первобытнаго китайскаго населенія въ сѣверномъ Шеньси, слѣдовательно, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ проходомъ Ганьсу, равно какъ и извѣстныя преданія, указываютъ на вторженіе съ запада, исходнымъ пунктомъ котораго Фердинандъ фонъ-Рихтгофенъ считаетъ оазъ Хотанъ. О происхожденіи же первобытныхъ короткоголовыхъ обитателей Вавилоніи, сумерійцевъ, мы пока почти ничего не знаемъ (ср. т. III, стр. 6).

Итакъ, можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать только слѣдующее: въ Средней Азіи или въ смежныхъ съ ней западныхъ странахъ образовалась древняя культура, основанная на земледѣліи, скотоводствѣ и знакомствѣ съ бронзой; носителями этой культуры были народы короткоголовой расы. Подъ вліяніемъ этой культуры увеличилось количество населенія, такъ что переселенія и колонизація могли идти по различнымъ направленіямъ. Благодаря этому стало возможно вліяніе на народы какъ сѣверной, такъ и южной длинноголовой расы и пріобщеніе ихъ къ

этой высшей культурѣ. Египетская культура является лишь отпрыскомъ, хотя и очень древнимъ и самостоятельнымъ, культуры вавилонской (ср. т. III). Повидимому, вліяніе древней среднеазіатской культуры отразилось и на югѣ: уже въ до-арійской Индіи мы находимъ разведеніе рогатаго скота безъ молочнаго хозяйства. Тамъ, куда не проникало вліяніе этой культуры, господствовала старая захватная форма хозяйства: охота и собираніе съѣдобныхъ растеній или, въ лучшемъ случаѣ, воздѣлываніе земли мотыкой, которое должно считаться предварительной ступенью земледѣлія. Этотъ первый періодъ кончается приблизительно къ концу четвертаго тысячелѣтія до Р. Х.

Г. Происхожденіе кочевого быта.

Мнѣніе, что земледѣліе древнѣе кочевого быта, противорѣчитъ, правда, обычному взгляду, по которому собираніе готовыхъ продуктовъ природы, скотоводство и земледѣліе считаются правильными ступенями развитія, слѣдовавшими одна за другой. Но этотъ взглядъ, такъ долго стоявшій на пути къ здравому пониманію именно древнѣйшихъ вопросовъ культуры, уже давно поколебленъ и, наконецъ, благодаря превосходнымъ трудамъ Эдуарда Ганса, совершенно оставленъ. Первые земледѣльческіе народы, разрыхлявшіе землю плугомъ, были также и первыми скотоводами. Мы не хотимъ этимъ сказать, что съ самаго начала и рогатый скотъ, и лошади приручались съ сознательной цѣлью употреблять ихъ, какъ рабочій скотъ; сравнительное народовѣдѣніе учитъ насъ, что и въ настоящее время первобытные народы, приручая различныхъ животныхъ, прежде всего удовлетворяютъ всегда своей потребности въ забавахъ и общительности, а потомъ уже думаютъ объ использованіи животныхъ для своего хозяйства. Нельзя исключать и религіозныхъ мотивовъ, которые могли дать первый толчокъ къ укрощенію звѣрей (о поклоненіи животнымъ въ Египтѣ ср. т. III, разд. IV). Конечно, усматривать въ давнишнемъ обычаѣ кастрировать быковъ особенное доказательство того, что рогатый скотъ приручался прежде всего въ религіозныхъ цѣляхъ, значило бы заходить слишкомъ далеко; гораздо проще принять, что неукротимые самцы рогатаго скота становились, благодаря этой операціи, болѣе покорными и легче пріучались къ тяжелой работѣ съ плугомъ; всѣ жестоко-сладострастные культы, которые впослѣдствіи связаны были съ этимъ обычаемъ, возникли лишь гораздо позже.

До тѣхъ поръ, пока прирученіе рогатаго скота, и позднѣе лошадей, было тѣсно связано съ земледѣліемъ, и пока молоко самокъ не употреблялось въ пищу, о кочевомъ бытѣ не могло быть и рѣчи. Лишь употребленіе молока даетъ возможность цѣлымъ народамъ основывать свое существованіе на обладаніи стадами, не слишкомъ задерживая ихъ размноженія чрезмѣрно частымъ убоемъ животныхъ; оно же дѣлаетъ впервые возможнымъ утилизированіе сухихъ степныхъ областей, обращая ихъ даже въ источникъ благосостоянія и могущества. Но природа обитаемыхъ областей и пастбищъ вынуждаетъ отнынѣ эти племена къ постояннымъ правильнымъ кочеваніямъ и тѣмъ придаетъ всей ихъ матеріальной культурѣ черты подвижности и легкости, а ихъ характеру — смѣсь безпокойства и жажды нападеній, которая въ ихъ исторіи является постоянной рѣзкой чертой. Эта новая хозяйственная форма, кочевничество, не могла, однако, возникнуть внезапно: ей должно было предшествовать разведеніе такихъ животныхъ породъ, которыя даютъ постоянно и притомъ въ изобиліи молоко. А это опять-таки результатъ долгаго воспитанія, такъ какъ сами по себѣ самки даютъ лишь столько молока, сколько необходимо для первоначальнаго вскармливанія дѣтенышей, послѣ чего этотъ источникъ пропитанія временно совершенно изсякаетъ. Трудное и про-

должительное дѣло воспитанія молочныхъ породъ рогатаго скота, а потомъ и лошадей, достигнуто не короткоголовыми культурными народами, изъ числа которыхъ китайцы и въ настоящее время не употребляютъ молока, а, повидимому, народами длинноголовыми. И, дѣйствительно, мы видимъ на сѣверѣ номадовъ, говорящихъ на арійскомъ языкѣ, а на югѣ номадовъ, говорящихъ на семитическомъ языкѣ, представляющихъ экономическія и политическія державы. Культура Китая осталась внѣ ихъ вліянія; ужъ по этому одному номадизмъ долженъ былъ возникнуть въ степяхъ Западной Азіи и Восточной Европы, а не въ Средней Азіи. Древнее сумерійское культурное государство, Вавилонія, уже за 3000 лѣтъ до Р. Х. покорено было семитическими номадами; затѣмъ побѣдители и побѣжденные постепенно перемѣшались и впослѣдствіи выступили на арену исторіи подъ именемъ вавилонянъ (ср. т. III, стр. 5). Другіе семиты твердо держались кочевого пастушескаго быта, который такъ поэтически изображенъ въ древнѣйшихъ библейскихъ разсказахъ.

Еще грандіознѣе было первое появленіе на исторической сценѣ арійскихъ номадовъ. На старый спорный вопросъ о происхожденіи арійцевъ въ сущности невозможно отвѣтить, такъ какъ вся постановка вопроса неправильна: въ немъ переплетаются два совершенно различныхъ вопроса, именно вопросъ о происхожденіи блондиновъ, или, по крайней мѣрѣ, свѣтлоцвѣтныхъ длинноголовыхъ, большинство которыхъ въ настоящее время пользуется арійскими діалектами, и вопросъ объ исходномъ пунктѣ арійскаго языка. О первомъ вопросѣ мы уже говорили: свѣтлоцвѣтные долихоцефалы представляютъ человѣческую расу, которая, подъ вліяніемъ холоднаго климата, образовалась изъ расы длинноголовой, распространившейся со временъ дилювія по всей Европѣ и бо́льшей части Азіи (стр. 120). Первоначальный же арійскій языкъ, какъ установлено учеными языковѣдами, долженъ былъ, наоборотъ, возникнуть въ низменности Восточной Европы. Отсюда легко прійти къ заключеию, что именно возникновеніе кочевого быта и вызванныя имъ переселенія объясняютъ отчасти необычайное распространеніе арійскихъ діалектовъ. При этомъ нужно принять во вниманіе еще одно обстоятельство: такъ какъ номадизмъ развился изъ земледѣлія, прошедши предварительно черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ формъ, то вначалѣ онъ рѣдко появляется въ полной чистотѣ, какъ хозяйственная форма, основанная исключительно на скотоводствѣ, но всегда еще болѣе или менѣе бываетъ связанъ съ земледѣліемъ.

Этимъ объясняется, почему древніе кочевые народы, при всей своей подвижности, обладали также большой способностью къ приспособленію и не обязательно тяготѣли къ степямъ и обширнымъ пастбищнымъ территоріямъ: тамъ, гдѣ скотоводство не вполнѣ удовлетворяло, на первый планъ выступало земледѣліе, какъ впослѣдствіи при возрастаніи населенія въ Западной Европѣ или въ гористомъ Иранѣ. Замѣчательно, что въ племенныхъ преданіяхъ кочующихъ скиѳовъ плугъ и ярмо упоминаются, какъ наиболѣе ранніе предметы собственности, и что двѣ съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ изъ скиѳскихъ степей, при посредничествѣ греческихъ торговыхъ городовъ въ Крыму, вывозились огромныя количества хлѣба.

Великія историческія дѣянія, съ которыми выступили на сцену арійскіе кочевые народы, суть покореніе и аризированіе Ирана и Индіи. Волна народовъ въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Х., повидимому, перекатилась изъ восточной Европы черезъ Туранскую степь на югъ и наводнила прежде всего восточный Иранъ до долины Кабула, гдѣ открывался выходъ, черезъ который часть арійцевъ устремилась въ Индію, заселенную темноцвѣтными длинноголовыми (о дальнѣйшемъ развитіи арійскихъ иранцевъ и индійцевъ ср. 2 главу четвертаго отдѣла этого тома и т. III, ч. II).

Значительное количество кочевниковъ осталось въ степяхъ Восточной

Европы и Западной Сибири, гдѣ они извѣстны уже по древнѣйшимъ греческимъ источникамъ (ср. т. III, стр. 132) подъ именемъ скиѳовъ. Вѣроятно, подъ скиѳами въ болѣе широкомъ смыслѣ разумѣлись всѣ кочевые народы большой европейско-азіатской низменности, между которыми, надо думать, были и народы не-арійскаго языка; но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ названіе это относится къ кочующимъ скотоводамъ этой области, говорившимъ на иранскомъ діалектѣ и тѣмъ обнаруживавшимъ свою принадлежность къ оттѣсненнымъ далѣе на югъ иранцамъ и индійцамъ. Съ иранцами, какъ доказано, были въ родствѣ саки, массагеты, сарматы и сколоты (ср. т. IV, стр. 73). Существованіе этихъ племенъ, хотя они и занимались отчасти земледѣліемъ, основывалось главнымъ образомъ на обладаніи стадами животныхъ, между которыми рогатый скотъ и лошади служили преимущественно для доставленія молока. Долгое время скиѳы не обнаруживали наклонности проникнуть въ гористыя страны Балканскаго полуострова или пробраться черезъ Кавказъ въ область ассиро-вавилонской культуры; а Иранъ былъ усѣянъ ихъ собственными сородичами, перешедшими тамъ постепенно къ осѣдлому образу жизни. Зато на востокѣ они распространились очень далеко, быть можетъ, даже за Алтай, и тамъ другіе народы переняли ихъ хозяйственныя формы. Бѣлокурые кочевники встрѣчались и позднѣе въ большомъ количествѣ въ западной части Средней Азіи.

Кочевой бытъ получилъ дальнѣйшій сильный толчокъ благодаря изобрѣтенію верховой ѣзды на лошади. Дикая лошадь, повидимому, приручена была короткоголовыми культурными народами уже въ раннюю эпоху, хотя, безъ сомнѣнія, позднѣе, нежели рогатый скотъ, и употреблялась, для перевозки тяжестей. Китайцы также издавна знакомы были съ лошадью, употреблявшейся для перевозки боевыхъ колесницъ, какъ у вавилонянъ; но все же это не столь уже глубокой древности: египтянамъ, къ которымъ она перешла отъ кочующихъ гиксовъ, она раньше была неизвѣстна (т. III, Египетъ). Для запряжки въ телѣги она и раньше употреблялась кочевниками, пока они не познакомились съ искусствомъ верховой ѣзды и, благодаря этому, сдѣлали огромные успѣхи въ быстротѣ передвиженія. Были-ли арійскіе индійцы при своемъ вторженіи знакомы съ верховой ѣздой, все еще не установлено вполнѣ точно; но что уже во времена Гомера скиѳы были наѣздниками, не подлежитъ сомнѣнію (ср. выше, стр. 120).

Желѣзо стало извѣстно кочующимъ племенамъ позже, нежели осѣдлымъ культурнымъ народамъ. Когда въ царствованіе Кира иранскіе массагеты вели свои войны съ персами въ области нынѣшняго Туркестана, они знакомы были только съ мѣдью и золотомъ; и то, и другое они получали изъ рудниковъ Алтая, а, быть можетъ, изъ древней области металлургіи Кавказа.

Вслѣдствіе великаго переселенія арійцевъ связь между древними культурами Востока и Запада совершенно прервалась, если она вообще еще существовала въ то время. Отнынѣ китайская цивилизація получила дальнѣйшее самостоятельное развитіе, хотя она и не оставалась совершенно неподвижной и недоступной внѣшнимъ вліяніямъ: то, что проникало впослѣдствіи въ Китай долгимъ опаснымъ путемъ черезъ территоріи кочевыхъ народовъ Средней Азіи или морскимъ путемъ, вокругъ Индокитая, было слишкомъ ничтожно, чтобы оказать глубокое вліяніе. Извнѣ китайскому народу приходилось напрягать всѣ силы, чтобы то оттѣснять номадовъ, наступавшихъ на его границы, то поглощать ихъ и, наконецъ, путемъ систематически выдвигаемыхъ къ границѣ земледѣльческихъ колоній, раздроблять ихъ и дѣлать болѣе миролюбивыми.

Номады, съ которыми китайцамъ приходилось вести борьбу, не были кочующими скотоводами арійскаго языка, но представителями короткоголовой расы или монгольскаго племени, названнаго такъ по имени одного выступившаго въ позднѣйшее время воинственнаго народа. Древ-

нѣйшая исторія Китая ничего еще не сообщаетъ о борьбѣ съ номадами, но лишь о борьбѣ съ силами природы и развѣ только о столкновеніяхъ съ первобытными обитателями, стоявшими еще на ступени „захватнаго“ хозяйства. Какъ бы ни были невѣроятны и неопредѣленны отдѣльныя изъ этихъ древнѣйшихъ преданій, но отсутствіе какихъ-бы то ни было повѣствованій о набѣгахъ кочевниковъ, которые впослѣдствіи стали чѣмъ то повседневнымъ и при позднѣйшемъ искусственномъ возстановленіи исторіи врядъ-ли могли бы быть забыты, является въ высшей степени знаменательнымъ признакомъ.

Съ другой стороны, при изслѣдованіи ранняго появленія арійскихъ и семитическихъ кочующихъ скотоводовъ на западѣ, обнаруживается тотъ замѣчательный фактъ, что хозяйственныя формы кочевого быта перешли съ запада на востокъ и здѣсь были усвоены короткоголовыми народами Средней Азіи сравнительно поздно. Знакомство съ разведеніемъ рогатаго скота и лошадей, а также, какъ доказалъ Отто Шрадеръ, съ телѣгой существовало у арійцевъ раньше, чѣмъ у урало-алтайцевъ и монголовъ. Народы, перешедшіе къ кочевому быту, не были, конечно, такими культурными народами, какъ китайцы и вавилоняне; это были отрасли короткоголовой расы, которыя въ скудно одаренныхъ природою странахъ оставались непричастными къ культурамъ народовъ, жившихъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, а вели довольно жалкое существованіе въ степи въ качествѣ охотниковъ и собирателей растеній. Что средне-азіаты дѣйствительно должны были непосредственно перейти отъ „захватнаго“ хозяйства къ кочевому быту, доказываетъ слабая склонность къ земледѣлію, присущая большинству народовъ Средней Азіи, и большое значеніе охоты и собиранія ягодъ и кореньевъ для пропитанія скотоводческихъ народовъ Средней Азіи. Далѣе на сѣверѣ, гдѣ разведеніе рогатаго скота и лошадей уже мало вознаграждаетъ трудъ, многіе народы и понынѣ остались при чисто „захватномъ“ хозяйствѣ, другіе лишь поздно стали приручать сѣвернаго оленя и тѣмъ сдѣлали возможнымъ особаго рода номадизмъ и въ сѣверной Сибири. Существовалъ-ли у средне-азіатскихъ кочевниковъ бронзовый періодъ, хоть сколько-нибудь продолжительный, или они перешли непосредственно отъ каменнаго періода къ желѣзному, еще не выяснено; однако, послѣднее вѣроятнѣе для большинства народовъ Средней Азіи, за исключеніемъ, конечно, древней области бронзы въ Южной Сибири и въ смежныхъ съ ней областяхъ.

2. Средняя Азія со времени появленія монгольскихъ кочевыхъ народовъ.

А. Общій обзоръ.

а) Источники.

Тѣ же затрудненія, которыя мѣшаютъ изученію исторіи другихъ малокультурныхъ народовъ, стоятъ также на пути изслѣдованія населенія Средней Азіи: мы не можемъ опираться на историческія преданія самихъ этихъ народовъ, но мы вынуждены довольствоваться главнымъ образомъ сообщеніями ихъ культурныхъ сосѣдей. Правда, искусство чтенія и письма распространилось постепенно и въ Средней Азіи, не разъ даже тутъ возникали самостоятельныя письмена (см. табл. къ разд. G); но именно это послѣднее обстоятельство послужило препятствіемъ къ тому, чтобы литературные памятники распространялись за предѣлы ограниченныхъ территорій и тѣмъ были бы предохранены отъ гибели. Поэтому-то остатки среднеазіатской исторической литературы весьма скудны и ограничиваются для древнѣйшихъ временъ нѣсколькими надписями на могильныхъ и побѣдныхъ памятникахъ, каковы могильники Орхона, которые для исторіи

тюрковъ являются неоцѣненнымъ сокровищемъ. Все остальное мы вынуждены черпать почти исключительно изъ сообщеній восточныхъ и западныхъ сосѣдей, китайцевъ и народовъ Западной Азіи и Греціи.

Такъ какъ въ исторіи Китая отношеніе его къ среднеазіатскимъ народамъ играло постоянную роль и такъ какъ китайскіе историки отличаются строгой дѣловитостью, то китайскіе источники являются самыми надежными и важными, а для древнѣйшей исторіи монгольскихъ номадовъ и дѣйствительно единственными. Къ сожалѣнію, характеръ китайскаго языка и письменъ сильно затрудняетъ сравнительное изслѣдованіе: названія народовъ и мѣстностей никогда не встрѣчаются въ настоящемъ видѣ, но всегда приспособляются къ китайскому способу произношенія, вслѣдствіе чего они часто поразительно искажены и исковерканы. Иногда, при помощи другихъ источниковъ или путемъ филологическихъ умозаключеній, можно возстановить первоначальную форму; но часто эти вспомогательныя средства оказываются недѣйствительными, и ничего болѣе не остается, какъ оставить въ силѣ китайское названіе.

Самымъ раннимъ сообщеніемъ съ Запада о состояніи Средней Азіи является „Arimaspeia" Аристея, которая появилась, повидимому, въ VII вѣкѣ до Р. Х. и послужила однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для Геродота. Несмотря на поэтическую оболочку этого произведенія, въ основѣ его, повидимому, лежитъ дѣйствительное путешествіе, приведшее автора по старому среднеазіатскому торговому пути къ бассейну Тарима (ср. стр. 135).

б) Отношенія Китая къ кочевникамъ.

То обстоятельство, что первыя извѣстія о среднеазіатскихъ кочевникахъ мы находимъ только въ китайскихъ источникахъ, естественно объясняется тѣмъ, что волненія, возникшія послѣ появленія и организаціи воинственныхъ кочующихъ племенъ монгольско-тюркскаго языка и потрясшія мало-по-малу бо̀льшую часть Азіи, раньше всего должны были болѣзненно отозваться на Китаѣ. Богатый, легко доступный Китай такъ же привлекалъ къ себѣ кочевниковъ, какъ сладкіе плоды привлекаютъ осъ; когда же онъ отражалъ нападенія, то кочевники, конечно, направлялись въ другія мѣста, и тяжелые удары передавались отъ племени къ племени вплоть до самыхъ отдаленныхъ странъ. Но Китай въ исторіи кочевниковъ игралъ роль не только мишени для дикихъ разбойничьихъ набѣговъ: онъ послужилъ въ то же время и школой, въ которой они впервые ознакомились съ зачатками государственности и съ преимуществами общественности. Можно положительно сказать, что, если бы не примѣръ организованнаго исполинскаго государства Китая, среднеазіаты долго еще, а, быть можетъ, и навсегда остались бы на ступени мелкихъ разъединенныхъ племенъ, неспособныхъ совершить ничего великаго, и не достигли бы той ступени культуры, которая необходима была для выполненія ихъ исторической задачи. Уже съ самыхъ раннихъ временъ мы видимъ китайцевъ дѣятельными организаторами кочевниковъ; еще для монголовъ Китай былъ образцомъ, которому они обязаны тѣмъ, что могли организовать свое огромное міровое государство и управлять имъ. Номады же, съ своей стороны, отплатили за эти благодѣянія черной неблагодарностью, разбойничьими набѣгами и нападеніями на мирную Срединную Имперію, и на колоссальное зло, причиненное ими Китаю, конечно, нельзя смотрѣть какъ на случайное кровопусканіе, которое могло только сослужить службу перенаселенному Китаю. Но справедливость требуетъ не забывать и того, что на косный, изнывавшій подъ гнетомъ однообразнаго труда китайскій народъ полныя энергіи династіи кочевниковъ оказывали благотворное возбуждающее дѣйствіе, что въ періоды вырожденія подъ вліяніемъ кочевниковъ вновь оживало уваженіе къ мужскимъ добродѣтелямъ, храбрости, вѣрности и справедливости.

Эти благопріятныя стороны общенія съ кочевыми сосѣдями оказали

свое дѣйствіе на Китай, конечно, лишь косвенно и постепенно; главная же задача Китая всегда заключалась въ томъ, чтобы удерживать безпокойныхъ обитателей степей подальше отъ земледѣльческихъ областей и всячески ихъ укрощать и сдѣлать безвредными. Неблагородныя средства, какъ употребленіе отравленныхъ стрѣлъ или отравленіе колодцевъ въ степи, при случаѣ примѣнялись иногда китайскими полководцами; не было, естественно, недостатка и въ лжи, и въ обманѣ. Но эти некрасивыя средства стушевываются передъ крупными мѣрами защиты и нападенія, при помощи которыхъ китайская цивилизація въ концѣ-концовъ осталась побѣдительницей. Однѣ оборонительныя мѣры, въ видѣ содержанія на границѣ большихъ плохо дисциплинированныхъ массъ людей или сооруженія пограничныхъ крѣпостныхъ валовъ, сами по себѣ представляли только слабую временную гарантію. Прежде всего необходимо было пріобрѣсть вліяніе на безпокойные степные народы и воспользоваться имъ всѣми способами въ интересахъ Китая. Такимъ образомъ, мы видимъ постоянно китайскую дипломатію озабоченной прежде всего тѣмъ, чтобъ импонировать грубымъ номадамъ своимъ могуществомъ и своей болѣе высокой культурой, прививать имъ новыя потребности, смягчать ихъ нравы и, наконецъ, связывать ихъ владѣтельныя династіи родственными узами съ Китаемъ. Они добились того, что постепенно высшимъ честолюбіемъ степныхъ князьковъ стало — получить пышный китайскій титулъ и жениться на китайскихъ принцессахъ. Эти родственныя связи давали, конечно, при случаѣ кочевымъ властелинамъ удобный предлогъ вмѣшиваться въ споры изъ-за престолонаслѣдія и даже самимъ домогаться императорскаго титула; но, въ общемъ, это все же служило на пользу Срединной имперіи.

Другой задачей китайской политики было натравливать кочевниковъ другъ противъ друга и за спиной какого-нибудь притѣснителя поднимать противъ него новыхъ противниковъ. Это стремленіе послужило отчасти причиной того, что Китай завязалъ связи съ весьма отдаленными отъ него народами, что̀ косвенно опять-таки способствовало распространенію китайской культуры и торговыхъ сношеній. Другой, болѣе опасный способъ одолѣванія однихъ кочевниковъ при помощи другихъ заключался въ томъ, что болѣе мелкими ордами китайцы заселяли свои же собственныя пограничныя области, и имъ поручалась защита страны отъ ихъ же братьевъ-кочевниковъ. Огромное множество среднеазіатовъ было этимъ путемъ мало-по-малу пріобщено къ культурѣ и въ концѣ концовъ поглощено. Но довольно часто также эти охранители границъ вступали въ союзъ съ нападавшими и, благодаря своему знакомству со страной, становились вдвойнѣ опасными, или же они стремились къ политическому вліянію внутри страны; изъ такихъ ордъ вышли многія китайскія династіи, и распаденіе на феодальныя владѣнія, которое такъ долго подвергало опасности единство Китая, въ значительной мѣрѣ должно быть приписано имъ же.

Продолжительная побѣда китайской культуры надъ кочевниками была возможна, естественно, лишь тогда, когда переходили отъ обороны къ наступленію. Вооруженное наступленіе, самое бо̀льшее, могло и должно было, впрочемъ, служить лишь подготовительной ступенью къ дѣйствительной упорной культурной работѣ; безъ этой послѣдней дѣйствіе его было лишь преходяще: въ степи исполинскія арміи Китая погибали, и разсѣянные ими кочевники вскорѣ опять появлялись у границъ имперіи съ жаждой добычи. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло, когда по стопамъ арміи или же самостоятельно появлялись въ степи выносливые земледѣльцы, которые основывали въ благопріятныхъ пунктахъ многолюдныя колоніи и укрѣпленные города и тѣмъ клали вѣрное основаніе для китайскаго владычества. Къ основанію такихъ колоній побуждало не столько перенаселеніе Китая, которое въ древности не было такъ сильно, какъ въ настоящее

время, сколько, въ гораздо большей степени, желаніе пріобрѣсти политическое вліяніе на степь: принудительная колонизація преступниками встрѣчается уже очень рано и доказываетъ, что трудное дѣло, для котораго могло не оказаться достаточно добровольцевъ, старались осуществлять по опредѣленному плану. Естественно, что раньше всего и успѣшнѣе всего колоніи основывались вдоль полосы оазовъ и древнѣйшаго торговаго пути по сѣверному склону Куэнь-Луня; безъ сомнѣнія, особенно побуждало къ этому желаніе обезопасить торговлю и вступить въ непосредственныя сношенія съ обитателями оазовъ, лежавшихъ въ бассейнѣ Тарима. Интересы торговли не были, однако, единственнымъ основаніемъ, побудившимъ впослѣдствіи столь миролюбивый Китай продолжать свое движеніе впередъ вплоть до Каспійскаго моря, но и здѣсь рѣшительно выступало желаніе продолжить предѣлы китайскаго владычества по ту сторону области степей, чтобы тѣмъ пріостановить безпокойныя нападенія кочевниковъ. Подобныя же побужденія вынудили недавно Россію проникнуть изъ Сибири въ Туркестанъ и остановиться лишь по ту сторону области кочевниковъ, у персидской и афганской границы; только такимъ путемъ явилась возможность радикально подчинить кочующія орды.

в) Смѣшеніе народовъ въ Средней Азіи.

Въ самой Средней Азіи возникновеніе кочевого быта съ его жаждой войны и подвижностью способствовало въ высшей степени смѣшенію народовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ уже данныя языка: подобно тому, какъ въ болѣе древнія времена, подъ вліяніемъ кочевой жизни, распространился на западѣ арійскій языкъ, такъ впослѣдствіи въ Средней Азіи и далеко въ Сибири и Европѣ получила господство монгольская и финно-угорская лингвистическая группа. Природа безграничныхъ степей, въ которыхъ народы скопляются и перемѣшиваются подобно облакамъ пыли, отражается здѣсь на фактахъ историческихъ. Самостоятельныя народности могли сохраниться развѣ только въ ущельяхъ немногихъ горъ. Если же какой-нибудь народности удавалось нѣкоторое время развиваться безпрепятственно, то въ концѣ-концовъ, подъ натискомъ окружающихъ народностей, она неизбѣжно подвергалась разложенію и растворялась въ другой народности съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи подвергнуться вмѣстѣ съ этой послѣдней той же участи. Незначительныя племена увлекаютъ за собою другія, наростаютъ подобно лавинамъ и, въ концѣ концовъ, даютъ свое имя огромной народности, образовавшейся изъ смѣшенія различныхъ составныхъ частей; народы, предъ которыми дрожалъ міръ, распадались подобно лопающимся мыльнымъ пузырямъ и безслѣдно исчезали изъ книги исторіи. Фактъ тотъ, что населеніе Средней Азіи въ лингвистическомъ и этническомъ отношеніи становилось все однообразнѣе, что названія народовъ стали обозначать все менѣе и менѣе своеобразныя группы человѣчества. Новыя различія возникали только подъ вліяніемъ культуры и, благодаря смѣшенію съ другими расами, на окраинахъ среднеазіатскихъ степей. Раньше всего подобныя смѣшенія произошли, естественно, тамъ, гдѣ арійскіе кочевники граничили съ монгольскими и гдѣ впослѣдствіи иранскіе земледѣльцы утвердились въ туркестанскихъ пастбищахъ; здѣсь арійскія народности потеряли много въ смыслѣ пространственнаго развитія своего языка, но зато оказали сильное вліяніе на расу монгольскую въ отношеніи антропологическомъ. Въ Сибири древняя длинноголовая раса многократно смѣшивалась съ монгольской расой. Что же касается лингвистическаго родства монголовъ съ тибетцами и жителями Индокитая, то оно не имѣетъ ничего общаго, съ этими позднѣйшими событіями, но можетъ служить указаніемъ на существовавшую очень раннюю связь, не поддающуюся въ настоящее время болѣе точному опредѣленію. Характернымъ указаніемъ на эту связь

служитъ названіе неба и небеснаго божества (китайское tiën, древнетюркское tengri), вновь вынырнувшее на островахъ Полинезіи подъ названіемъ Tangaroa и, видимо, занесенное туда изъ южной Азіи волной малайскихъ народовъ.

Б. Гунны.

Племя монгольскихъ кочевниковъ, впервые политически объединившееся и безпокоившее въ теченіе многихъ вѣковъ восточную Азію, согласно китайскимъ источникамъ, носило названіе хіунъ-ну (Hiung-nu). Сходство этого названія съ именемъ гунновъ, наводнившихъ впослѣдствіи Европу и открывшихъ начало великаго переселенія народовъ (ср. объ этомъ т. V, VI), давно уже было замѣчено, и уже Josephe de Guignes (1721—1800), первый истинный изслѣдователь исторіи Средней Азіи (Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols и des autres Tatares occidentaux, 1756—58), призналъ гунновъ родственниками или потомками хіунъ-ну; однако, лишь въ послѣдніе годы Фридриху Гирту удалось обосновать это предположеніе основательными доводами. Поэтому и древнихъ хіунъ-ну (Hiün yün, Hiün yo) слѣдуетъ называть несомнѣнно болѣе правильнымъ названіемъ гунновъ; въ индійскомъ эпосѣ они фигурируютъ, какъ Hûna, въ Авестѣ, какъ Hunavô, въ греческихъ источникахъ, какъ Punoi и Unoi. Въ лингвистическомъ отношеніи народъ этотъ стоялъ въ близкомъ родствѣ съ появившимися позднѣе тюрками.

Государство гунновъ образовалось въ нынѣшней Монголіи за 1200 л. до Р. Х., а именно, благодаря, какъ кажется, одному высокопоставленному китайскому бѣглецу, создавшему, по примѣру своей родины, изъ разрозненныхъ ордъ начатки объединеннаго государства. Еще въ предшествовавшемъ столѣтіи отдѣльныя изъ этихъ ордъ производили набѣги на Китай, но не были въ состояніи добиться крупныхъ успѣховъ. Со времени объединенія гунновъ и въ особенности съ воцаренія Чжоуской династіи въ Китаѣ (1122 г. до Р. Х.), ознаменовавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и начало феодальнаго строя, опасность стала возрастать; существовала-ли какая-либо зависимость между войнами съ кочевниками и возникновеніемъ феодальнаго земельнаго строя, трудно утверждать при существующей скудости источниковъ. Первый царь изъ династіи Чжоу, Ву-ванъ, поддерживалъ еще мирныя отношенія съ гуннами, боявшимися могущества вновь окрѣпшей подъ его владычествомъ имперіи и старавшимися завоевать его расположеніе подарками; съ ослабленіемъ власти императора набѣги гунновъ возобновились съ новой силой.

Въ 910 г. былъ опустошенъ сѣверный Шаньси; спустя нѣсколько десятилѣтій, гунны, укрѣпившіеся въ самомъ сердцѣ Шаньси, были изгнаны оттуда арміей, которой предводительствовалъ лично самъ императоръ. Подобныя же событія повторялись и позднѣе. Повидимому, въ Китаѣ было тогда еще достаточно пастбищныхъ территорій, привлекавшихъ кочевниковъ на продолжительное пребываніе тамъ, и мы видимъ, что и впослѣдствіи во внутреннемъ Китаѣ осѣдали мелкія кочующія орды.

За 700 л. до Р. Х. гунны проникли до Шань-дуна, въ 650 г. они опустошили Чили, и вторженія ихъ въ раздробленную феодализмомъ, неспособную къ рѣшительному сопротивленію страну продолжались до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ 220 г. повелитель государства Цинъ (Ch'in), подъ именемъ Ши-Хуанъ-Ди (246—210 г. до Р. Х.), не преобразовалъ его снова въ настоящую единую имперію, значительно усилилъ свою власть и отнынѣ выступилъ рѣшительно противъ кочевниковъ. При помощи сильной арміи изгналъ онъ гунновъ изъ Ордоса, расположеннаго внутри сѣверной дуги р. Гоанго (см. прилаг. карту Китая), игравшей важную роль, какъ сборный пунктъ для вторженій кочевниковъ. Новыя владѣнія были обез-

печены военными колоніями, а собственно Китай былъ защищенъ отъ вторженій хищническихъ ордъ исполинскимъ сооруженіемъ „великой стѣны“ (см. стр. 68). Начатки „великой стѣны“ существовали уже на границѣ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ феодальныхъ государствъ; Ши-Хуанъ-Ди соединилъ ихъ въ одну оборонительную линію, которая тянулась отъ прибрежья Желтаго моря до порта Ганьсу и должна была положить конецъ нашествіямъ гунновъ, еслибъ ее заботливо содержали и хорошо защищали. И на первыхъ порахъ она до извѣстной степени выполняла свою задачу. Она послужила причиной того, что нашествія гунновъ направились теперь въ другія стороны и косвенно потрясали отдаленныя части Азіи; но смуты, наступившія въ Китаѣ сейчасъ послѣ смерти Ши-Хуанъ-Ди, вскорѣ совершенно уничтожили всю пользу этого огромнаго сооруженія. Тогда-то именно могущество гунновъ, подъ предводительствомъ энергичныхъ полководцевъ, получило новый толчокъ.

Эпохой Ши-Хуанъ-Ди начинается въ исторіи важный періодъ еще и потому, что этотъ императоръ, благодаря великому *сожженію книгъ* (стр. 68), почти уничтожилъ древнѣйшую китайскую литературу, такъ что изъ предшествовавшей ему эпохи дошли только очень скудныя и сухія свѣдѣнія. Лишь послѣ него источники становятся обильнѣе. Болѣе точныя данныя объ устройствѣ государства гунновъ мы узнаемъ уже въ эпоху, слѣдовавшую за смертью Ши-Хуанъ-Ди; тогда взоры китайцевъ съ боязливымъ вниманіемъ направились на растущее могущество сосѣднихъ кочевниковъ.

Новый ростъ государства гунновъ произошелъ во время управленія Метэ (Маодунь, Бактуръ или Багатуръ), отецъ котораго, Думань (Деумань), распространилъ уже свою власть отъ сѣверной Монголіи до Ганьсу. Метэ, который долженъ былъ быть исключенъ изъ числа законныхъ наслѣдниковъ, убилъ своего отца при помощи преданной ему кучки войска и вскорѣ сумѣлъ вновь воскресить древній воинственный духъ своего народа. Онъ нашелъ территорію гунновъ замкнутой съ двухъ сторонъ могущественными сосѣдями: на востокѣ тунгусскія племена, родственныя корейцамъ, тунху или ву-хуань (Tunghu или Wu-hwan), основали сильное государство и чувствовали себя настолько сильнѣе гунновъ, что, въ случаѣ насильственной перемѣны правленія, требовали большого вознагражденія за свой нейтралитетъ; на сѣверо-западѣ, у Алтынъ-Тага, жили юе-чжи (ср. т. III, стр. 252 и т. IV), кочевой народъ тибетскаго происхожденія, являвшійся посредникомъ между торговлей Китая съ Западомъ и тождественный, быть можетъ (ср. стр. 135), съ древними исседонами. Тунху, введенные въ обманъ мнимой уступчивостью Метэ, первые подверглись нападенію и были разсѣяны (въ 209 г. до Р. Х.); они удалились въ горную страну нынѣшней Маньчжуріи. Изъ татаръ же сянь-би (Sien-pe, Hsien-pi; тунгусы), жившихъ восточнѣе и также терпѣвшихъ отъ нашествій гунновъ, одна часть переселилась въ Корею и Японію.

На востокѣ море ставило неодолимыя преграды дальнѣйшему движенію народовъ; на западѣ же, гдѣ отнынѣ гунны бросились на юе-чжи, толчки этого движенія могли передаваться очень далеко. Юе-чжи подъ натискомъ своихъ противниковъ прежде всего убѣгали въ самыя отдаленныя части своей страны, въ бассейнъ Тарима (177 г. до Р. Х.). Послѣ смерти Метэ они сдѣлали попытку вновь овладѣть этой страной, но потерпѣли отъ его преемника новое страшное пораженіе, приведшее къ распаденію народа (165 г. до Р. Х.): меньшая часть нашла себѣ мѣстожительство къ югу отъ Нянь-Шаня; ядро же народа, „великіе юе-чжи“, направилось не къ югу, но послѣдовало указанному самой природой западному направленію; будучи вытѣснены изъ бассейна Тарима, они перешагнули черезъ Тянь-Шань и искали прибѣжища въ пастбищахъ великой азіатско-европейской низменности, этой древней арены скиѳскихъ номадовъ. Въ

Иссыкъ-кулѣ они натолкнулись на пастушескій народъ иранскаго происхожденія, шэ (she), который подъ ихъ могучимъ напоромъ долженъ былъ искать убѣжища въ Ферганѣ.

Гуннамъ, между тѣмъ, удалось овладѣть частью сѣверо-западнаго Китая и восточной Сибири. Для подчиненія кочевыхъ племенъ при этомъ примѣнялся способъ, нечуждый и другимъ среднеазіатскимъ народамъ-завоевателямъ и бывшій главной причиной необыкновенной смѣшанности среднеазіатовъ въ этническомъ отношеніи: покоренныя племена не вытѣснялись и не облагались податью, а до извѣстной степени инкорпорировались побѣдителями, такъ какъ женщины распредѣлялись между этими послѣдними, а молодыхъ людей размѣщали по войскамъ. По своему характеру и образу жизни гунны представляли собою народъ, существованіе котораго, хотя и основывалось на скотоводствѣ, охотѣ и отчасти на земледѣліи, но въ которомъ воинственныя наклонности являлись преобладающими. Способная къ войнѣ молодежь стояла на первомъ планѣ, старики мало цѣнились; кто не убилъ, по крайней мѣрѣ, хоть одного непріятеля, не ставился ни во что. Тѣ пріемы борьбы, которые рѣшали впослѣдствіи исходъ сраженій между западными гуннами и монголами, именно внезапный натискъ конныхъ лучниковъ, мнимое бѣгство и градъ стрѣлъ, подъ которымъ падали на мѣстѣ неосторожные преслѣдователи, также развитъ былъ уже у древнихъ гунновъ, равно какъ и дѣленіе войска на два крыла. Этотъ военный строй сохранялся и въ мирное время: вождь—шаньюю, который до извѣстной степени управлялъ центромъ, имѣлъ двухъ подчиненныхъ ему высшихъ сановниковъ—туки (дуки), изъ которыхъ одинъ начальствовалъ надъ восточнымъ крыломъ арміи и страны, а другой — надъ западнымъ; въ этой организаціи, присущей и позднѣйшимъ крупнымъ государствамъ кочевниковъ, снова замѣтно сказывается вліяніе восточно-западнаго направленія Средней Азіи. Туки и нѣкоторые другіе высшіе сановники обязательно набирались изъ числа родственниковъ шаньюю, которые, вмѣстѣ съ немногими представителями другихъ семействъ, держали въ своихъ рукахъ дѣйствительное управленіе государствомъ.

Послѣ смерти Метэ (170 г.) могущество гунновъ возрасло. Юе-чжи были совершенно разбиты, а узуны, одинъ изъ бѣлокурыхъ кочевыхъ народовъ Средней Азіи, были вытѣснены на западъ изъ своего мѣстожительства въ Ганьсу, а впослѣдствіи, слѣдуя по стопамъ юе-чжи, прогнали этихъ послѣднихъ съ береговъ Иссыкъ-куля далѣе на югъ. Такимъ образомъ, благодаря гуннамъ, область распространенія монгольскаго языка и расы значительно расширилась. Опаснѣе всего возрастающее могущество государства гунновъ было для Китая, границы котораго опустошались; съ тѣхъ поръ, какъ тибетскіе номады, жившіе въ западныхъ горахъ, вступили въ союзъ съ гуннами, и тѣ предпринимали свои хищническіе походы по взаимному соглашенію съ ними, границамъ Китая стала, повидимому, угрожать еще бо́льшая опасность. Однѣ только оборонительныя мѣры были недѣйствительны; чтобы освободиться отъ своихъ притѣснителей, китайцы должны были выступать по старой дорогѣ изъ Ганьсу къ бассейну Тарима, занять здѣсь твердыя позиціи, разъединить области южныхъ номадовъ отъ сѣверныхъ и въ то же время покорить себѣ необходимые для войска гунновъ опорные пункты и мѣста для отдыха къ югу отъ Гоби. Такимъ путемъ и западная торговля, успѣхи которой зависѣли раньше всецѣло отъ капризовъ кочевниковъ, должна была подпасть подъ вліяніе Китая. Энергичный императоръ Ву-Ди (140—87) сдѣлалъ все для осуществленія этого грандіознаго плана, завязалъ сношенія съ юе-чжи и узунами, угрожалъ, такимъ образомъ, гуннамъ съ тылу и вынудилъ ихъ, наконецъ, послѣ ряда побѣдоносныхъ сраженій, отступить къ сѣверу Монголіи (120 г.). Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ движенію на западъ, и этимъ же начался новый періодъ во внѣшней политикѣ Китая.

Царство гунновъ еще долгое время держалось на сѣверѣ и даже простиралось еще далеко на западъ; но его былое величіе уже кончилось. Нашествія сосѣднихъ народовъ и споры изъ-за престола потрясли постепенно государство, пока, наконецъ, въ 50 г. до Р. Х. оно не распалось на двѣ части, южную и сѣверную, изъ которыхъ первая признавала китайское верховенство, между тѣмъ какъ вторая долго еще сохраняла свою независимость. Преходящіе успѣхи не могли уже остановить паденія могущества гунновъ, такъ какъ отнынѣ китайцы могли съ успѣхомъ выдвигать южныхъ гунновъ противъ сѣверныхъ и подстрекать другіе кочевые народы къ нападанію на окруженное врагами сѣверное государство. Наконецъ, въ 84 г. по Р. Х., сѣверное царство гунновъ не устояло противъ нападеній, въ которыхъ принимали участіе и сибирскіе народы, въ особенности одно изъ племенъ вновь окрѣпшихъ тунгусовъ, сянь-би; часть гунновъ бѣжала на западъ, гдѣ имъ еще предстояли блестящіе успѣхи (ср. стр. 143); остальная часть разсѣялась или растворилась среди сянь-би (стр. 145), которые отнынѣ заняли бо̀льшую часть Монголіи. Южные гунны держались дольше, то какъ подданные или союзники китайцевъ, то какъ ихъ противники или какъ приверженцы разныхъ претендентовъ на престолъ. Съ 142 г. по Р. Х. наступилъ конецъ и южному государству гунновъ, но не вліянію этого народа на судьбы Китая: мало-по-малу гунны, освоившись съ китайской культурой, начали оказывать на него вліяніе политическое, и, наконецъ, на тронѣ Небесной имперіи или обломковъ, на которые она распалась, время отъ времени возсѣдали императоры гуннскаго происхожденія. Но они уже не правили, какъ князья-кочевники: по своимъ поступкамъ и образу мышленія они обратились въ настоящихъ китайцевъ.

B. Западная часть Средней Азіи и прилегающія къ ней страны.

Такъ какъ кочевой бытъ въ западной части Средней Азіи древнѣе, чѣмъ въ восточной, то великія переселенія кочевыхъ народовъ закончились тамъ гораздо раньше, чѣмъ въ этой послѣдней. Приблизительно уже за тысячу лѣтъ до основанія государства гунновъ арійскіе кочевые народы заняли уже Иранъ и Индію; но тутъ же ихъ движеніямъ былъ положенъ извѣстный предѣлъ. Иранцамъ не удалось проникнуть на западъ въ вавилонскую низменность (ср. т. III); они, напротивъ того, должны были ограничиться своей новой родиной и, благодаря вліянію осѣдлаго населенія, жившаго здѣсь до̀ нихъ, а также благодаря древней месопотамской культурѣ, они мало-по-малу становились осѣдлыми, не теряя, однако, сразу воинственныхъ добродѣтелей своего прежняго пастушескаго быта. Такимъ образомъ, смѣшанный иранскій народъ, образовавшійся изъ иммигрировавшихъ арійцевъ и первобытнаго населенія, сталъ оплотомъ Западной Азіи противъ дальнѣйшихъ притоковъ номадовъ. Толчокъ, данный наступательнымъ движеніемъ номадовъ, встрѣтилъ преграду въ населеніи, прочно осѣвшемъ на своей землѣ; иранцы не были вытѣснены напиравшими ордами далѣе на западъ, но, наоборотъ, великое переселеніе народовъ пришло въ состояніе равновѣсія. Когда мидяне и персы достигли господства надъ всей Западной Азіей, они уже были всецѣло въ сферѣ вліянія западной культуры и не въ состояніи были иранизировать вновь покоренныя страны. Этимъ объясняется то, что въ теченіе болѣе тысячелѣтія объ арійскихъ номадахъ Западной Азіи вообще едва упоминается: ассиро-вавилонскіе источники ничего о нихъ не знаютъ; точно такъ-же мало свѣдѣній дошло о нихъ и до китайцевъ. Не обошлось, вѣроятно, дѣло безъ войнъ и передвиженій народовъ; но они, безъ сомнѣнія, не носили того грандіознаго характера, какъ переселенія въ Индію и Иранъ. Мало-по-малу появленіе короткоголовыхъ кочевыхъ народовъ въ собственно Средней Азіи оказало свое вліяніе въ томъ именно смыслѣ, что отодвинутыя далеко на востокъ

скиѳскія орды частью растворились, частью были оттѣснены на западъ; эти толчки волнообразно передавались потомъ дальше. Послѣднимъ слѣдствіемъ самаго могущественнаго толчка было вторженіе киммерійцевъ въ Малую Азію около 700 г. по Р. Х. Это былъ кочевой народъ ѳракійскаго происхожденія, пасшій свои стада къ сѣверу отъ Дуная. На нихъ бросились скиѳы (сколоты), которые опять-таки были тѣснимы сарматами; первой причиной этого движенія, быть можетъ, можно считать проникновеніе гунновъ на западъ, которые къ тому времени уже давно основали государство и не только открыто нападали на Китай, но и двигались на западъ. Изъ Малой Азіи и Арменіи киммерійцы угрожали Ассиріи и при этомъ пришли въ соприкосновеніе съ надвигавшимися съ востока мидянами (ср. томъ III, стр. 132; томъ IV, стр. 54.)

Болѣе опредѣленныя историческія данныя, появляющіяся вмѣстѣ съ основаніемъ мидо-персидскаго государства, сразу уже рисуютъ намъ осѣдлыхъ иранцевъ въ борьбѣ съ номадами; то, что персы выставляются тутъ стороной нападающей, домогавшейся захвата территоріи кочующихъ скотоводовъ, мнѣніе мало основательное, объясняющееся недостаточнымъ пониманіемъ греческими историками положенія Персіи, въ особенности восточной ея части (ср. томъ III, стр. 142). Въ дѣйствительности же полусказочный походъ Кира противъ массагетовъ (530 г.) и точно установленный исторически походъ Дарія противъ скиѳовъ (515 г.) были только попыткой напасть на вѣчно безпокойныхъ сосѣдей въ ихъ собственной странѣ и тѣмъ обезопасить свои границы; въ особенности въ основѣ похода Дарія могъ лежать планъ — вызвать сильное смятеніе среди кочевыхъ народовъ и напасть на нихъ съ фланга, помѣшать ихъ отступленію и такимъ образомъ окончательно ихъ покорить (т. III, стр. 143). Персидское государство было слишкомъ кратковременно, чтобы оно могло выполнить такое огромное предпріятіе, для котораго требовалось упорное терпѣніе китайскаго народа: попытка Дарія, обезпечившаго все же персамъ нижнее теченіе Дуная, не повторялась болѣе. Наоборотъ, доказательствомъ того, что скиѳы хорошо знали слабыя стороны персидскаго государства, служитъ возникшій у нихъ позднѣе планъ (томъ IV, стр. 78) вторгнуться въ персидскія владѣнія черезъ кавказскій перешеекъ, для чего они старались заручиться помощью спартанцевъ, которые должны были одновременно произвести нападеніе на Малую Азію.

Колонизація, которая одна только обѣщала дѣйствительные успѣхи, тѣмъ энергичнѣе, повидимому, и легче шла изъ восточнаго Ирана, что большинство номадовъ, какъ и персы, было иранскаго происхожденія. На берегахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, т. е. въ Бактріи и Согдіанѣ, рано уже образовались государства съ иранской культурой, которыя впослѣдствіи соединились политически съ Персіей, хотя они врядъ-ли оставались долго въ полной зависимости отъ нея. Благодаря походу Александра Великаго (327 г.), они вступили въ болѣе тѣсный союзъ съ новымъ міровымъ государствомъ этого властелина и тѣмъ подготовили возникновеніе греко-иранскаго культурнаго государства, бактрійскаго царства, образовавшагося въ эпоху селевкидовъ (250 л. до Р. Х.) и обнаруживавшаго не малую жизненную силу (ср. т. IV, стр. 152). Царство это, подобно древней иранской Бактріи, было аванпостомъ противъ вторженій кочевниковъ. По отношенію къ кочевымъ народамъ оно тоже оказалось достаточно сильнымъ, и лишь нашествіе среднеазіатскаго пастушескаго народа не-арійской расы впервые прорвало эту твердую плотину, защищавшую Западную Азію и Индію. Этотъ новый потокъ народовъ, появившійся въ 160 г. до Р. Х., несомнѣнно былъ вызванъ на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ косвенно, гуннами.

Кочевой народъ узуновъ оставилъ свои мѣстообитанія на границахъ Китая и спасся отъ владычества гунновъ бѣгствомъ на западъ (ср. выше стр. 131). Слѣдуя по дорогамъ, шедшимъ по Тянь-Шаню, и перебравшись,

наконецъ, черезъ эти горы, онъ достигъ Иссыкъ-куля, гдѣ еще раньше завоевали себѣ территоріи выселившіеся юе-чжи. Теперь эти послѣдніе вынуждены были отступить, но они не двинулись опять на западъ, куда воинственныя скиѳскія племена преградили имъ дорогу, но направились къ югу, къ Бактрійскому царству, тогдашніе внутренніе раздоры котораго были имъ, какъ сосѣдямъ, хорошо извѣстны. И дѣйствительно, сѣверная Бактрія, страна по рр. Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ, досталась имъ безъ труда, остальной же части греческаго государства къ югу отъ Гиндукуша удалось пока удержать свою независимость; въ западномъ и среднемъ Иранѣ образовалось Парѳянское государство (съ 250 г. до Р. Х.; ср. т. III, отд. II), съ успѣхомъ перенявшее роль пограничной стражи противъ кочевниковъ. Но если Иранъ оставался недоступнымъ для юе-чжи, то они, по крайней мѣрѣ, не позволили преградить себѣ на долгое время путь въ Индію, которая издавна оказывала магическую привлекательную силу на всѣ завоевательные народы. Южная часть бактрійскаго государства продержалась еще приблизительно лѣтъ сто. Потомъ (въ 25 г. до Р. Х.) Коцуло Кадфизъ (Гю-Цзю-Цзё; ср. т. IV, отд. II), объединившій пять племенъ, на которыя распались юе-чжи, покорилъ нынѣшній Афганистанъ; этимъ прежде всего открылся путь къ индійскимъ владѣніямъ бактрійскаго царства. Въ 10 г. по Р. Х. его преемникъ, Гуэмо Кадфизъ или Кадафъ, проникъ въ сѣверозападную Индію и тѣмъ положилъ начало „Индо-скиѳскому царству"; отнынѣ юе-чжи фигурируютъ въ исторіи подъ именемъ индо-скиѳовъ. Впослѣдствіи ихъ неоднократно смѣшивали съ „бѣлыми гуннами" (стр. 145), или эфталитами, съ которыми они не имѣютъ ничего общаго. Тотъ фактъ, что Бактрія, вплоть до границъ Средней Азіи, и значительныя части Индіи были тогда соединены подъ одной властью, безусловно много способствовалъ тому, что индійское вліяніе, въ особенности процвѣтавшій тогда въ Индіи буддизмъ проложилъ себѣ путь на сѣверъ; вообще Индія вступила въ болѣе тѣсныя непосредственныя сношенія съ Средней Азіей. Спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія индо-скиѳскаго царства буддійская пропаганда достигла уже Китая. Государство юе-чжи выказало стойкую жизненную силу и пало лишь въ 579 г. по Р. Х.

Г. Бассейнъ Тарима (Восточный Туркестанъ).

а) Бассейнъ Тарима и восточно-западная торговля.

Въ то время, какъ большая часть Средней Азіи только съ появленіемъ кочевыхъ народовъ пріобрѣла болѣе значительное, хотя въ основѣ и разлагающее вліяніе на исторію и культуру человѣчества, бассейнъ Тарима, называемый также Восточнымъ Туркестаномъ или Высокой Татаріей, гораздо раньше и притомъ совсѣмъ въ другомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія историковъ. Хотя самая значительная часть равнины, замкнутой между Тянь-Шанемъ, Памиромъ и Куэнъ-Лунемъ, представляетъ настоящую страну степей и пустынь, но, благодаря горнымъ потокамъ, изъ которыхъ самые могучіе изливаются въ рѣку Таримъ и въ Лобъ-Норъ, образовался цѣлый рядъ плодородныхъ оазовъ, могущихъ давать пропитаніе многочисленному осѣдлому населенію, и цѣпь этихъ оазовъ, тянущихся у подножія горъ, представляетъ въ то же время стоянки для торговыхъ сношеній. Вѣроятно, раньше оазы были многочисленнѣе, а лежащія между ними пустынныя полосы менѣе пустынны. Такимъ образомъ, бассейнъ Тарима могъ служить въ древности мостомъ между культурами Восточной и Западной Азіи, а, быть можетъ, служилъ даже настоящей дорогой народовъ и видѣлъ въ своихъ плодородныхъ областяхъ даже болѣе высокую культуру. Ключъ ко многимъ тайнамъ древности зарытъ подъ знойными песками Восточнаго Туркестана.

Такимъ образомъ, древнія торговыя сношенія черезъ бассейнъ Тарима должно разсматривать, какъ остатокъ прежней культурной связи, которая сохранилась и при возрастающемъ опустѣніи страны и при появленіи враждебныхъ культурѣ кочевыхъ народовъ. Поэтому тѣ, которые желаютъ, напротивъ, видѣть въ номадахъ съ ихъ безпокойной подвижностью первыхъ споспѣшниковъ торговли, забываютъ, что они никогда не обнаруживали сильно выраженнаго пристрастія къ торговлѣ, хотя, по примѣру другихъ, неоднократно убѣждались въ пользѣ торговыхъ сношеній и охотно занимались торговлей. Кочевникъ, какъ таковой, не склоненъ къ накопленію тяжелыхъ цѣнностей, какъ это дѣлаетъ городской купецъ въ своихъ складахъ; лучшимъ его богатствомъ всегда остаются стада, размѣры которыхъ, въ свою очередь, зависятъ отъ наличности необходимыхъ пастбищъ. Поэтому и въ бассейнѣ Тарима настоящихъ купцовъ издавна можно было встрѣчать скорѣе среди осѣдлыхъ жителей оазовъ, хотя безопасность и успѣхъ сообщеній зависѣли отъ благосклонности номадовъ, и порой, благодаря большимъ переселеніямъ и завоеваніямъ кочевниковъ, снова открывались закрытые до того торговые пути и снова завязывались сношенія между странами, долгое время остававшимися чуждыми другъ другу (ср. о государствѣ юе-чжи, стр. 130).

Древнѣйшимъ вполнѣ достовѣрнымъ предметомъ торговли, которая велась черезъ бассейнъ Тарима и которая вызвала оживленныя сношенія между Восточной и Западной Азіей, былъ шелкъ. Разведеніе шелковичнаго червя является весьма древнимъ достояніемъ китайскаго народа; супруга императора Хуанъ-Ди (стр. 57) славилась, какъ покровительница шелководства. Для самихъ китайцевъ вывозъ шелка на западъ не имѣлъ, повидимому, никакого особеннаго значенія, на что указываетъ умалчиваніе объ этомъ древнѣйшихъ источниковъ. Судя по этому, торговля должна была вестись, главнымъ образомъ, чужеземцами, стремившимися путемъ обмѣна къ пріобрѣтенію этого высоко цѣнившагося произведенія Китая, между тѣмъ какъ сами китайцы долгое время оставались равнодушными къ продуктамъ обмѣна, сознавая, что могутъ вполнѣ обходиться и безъ нихъ. Но тѣмъ болѣе фантазія западныхъ культурныхъ народовъ интересовалась таинственной восточной страной, производившей драгоцѣнный шелкъ (ср. выше), и попытки познакомиться съ ней поближе начались очень рано. Такъ, уже Геродотъ могъ опираться на описаніе одного путешествія, въ которомъ сообщались свѣдѣнія хотя и не о самомъ Китаѣ, но о пути, по которому велась торговля шелкомъ, и о положеніи дѣлъ въ бассейнѣ Тарима: это именно „Arimaspeia" Аристея, появившаяся въ VII в. по Р. Х., вскорѣ послѣ похода киммерійцевъ (ср. стр. 126 и 132).

Несмотря на фантастическую оболочку, сообщеніе это, какъ доказалъ Вильгельмъ Томашекъ, основывается на дѣйствительныхъ изслѣдованіяхъ и путешествіяхъ. Исседоны, къ которымъ проникъ Аристей, дѣйствительно существовали; весьма вѣроятно, что они жили въ бассейнѣ Тарима (стр. 130). Западными сосѣдями исседоновъ были массагеты, слѣдовательно, иранскій кочевой народъ, кочевавшій со своими стадами въ Западномъ Туркестанѣ. Названіе исседоны, повидимому, иранскаго происхожденія и, вѣроятно, дано было этому народу, который самъ называлъ себя иначе, купцами, бывшими по большей части иранскаго происхожденія; этимъ также объясняется, почему китайскіе источники не знаютъ этого названія. Исседоны были, вѣроятно, отраслью тибетскаго племени, которое нѣкогда было распространено гораздо сѣвернѣе, чѣмъ теперь; можетъ быть, они тождественны или были въ родствѣ съ позднѣйшими юе-чжи, которые впервые были изгнаны изъ своихъ мѣстообитаній въ бассейнѣ Тарима гуннами. Но трудно допустить, чтобы во времена Аристея населеніе бассейна Тарима было однороднаго происхожденія. Скорѣе всего, тибетскіе

исседоны, которыхъ иногда называютъ также скиѳами, были кочевымъ народомъ, который простиралъ свое господство и надъ областью оазовъ; въ этихъ оазахъ жили, вѣроятно, и остатки древнѣйшихъ носителей культуры, подобно тому какъ и теперь города Восточнаго Туркестана заселены очень смѣшаннымъ населеніемъ. Длинноголовые иранцы, пришедшіе въ эту страну въ качествѣ торговцевъ или переселившіеся сюда въ качествѣ земледѣльцевъ, вѣроятно, уже въ очень раннія времена перемѣшались съ давно осѣвшими здѣсь короткоголовыми и съ племенами тибетскихъ номадовъ. Сѣверными сосѣдями исседоновъ Аристей называетъ аримасповъ, воинственный кочевой народъ, производившій, повидимому, частыя вторженія въ бассейнъ Тарима. Безъ сомнѣнія, подъ ними подразумѣваются гунны, съ которыми мы уже познакомились (стр. 129), какъ съ притѣснителями Китая; во II вѣкѣ до Р. Х. они кореннымъ образомъ измѣнили положеніе дѣлъ въ Восточномъ Туркестанѣ, вытѣснивъ юе-чжи на западъ. Осѣдлое населеніе оазовъ осталось, вѣроятно, въ значительной степени внѣ вліянія этихъ передвиженій. Замѣчательны также сообщенія Аристея о войнахъ аримасповъ съ хранителями золота, грифами, жившими къ сѣверу отъ нихъ; эти „грифы“ несомнѣнно алтайскіе народы, носители древней южно-сибирской бронзовой культуры и строители тѣхъ гробницъ, въ которыхъ и въ новѣйшее время еще продолжали находить множество золотыхъ украшеній (ср. ниже.). Такимъ образомъ картина дѣятельности воинственныхъ древнихъ гунновъ, этой кочевой „закваски народовъ“, развертывается во всѣ стороны: на востокѣ неутомимые сыны степей безпрестанно врываются въ плодородныя равнины Китая, на югѣ они направляютъ свои хищническіе набѣги противъ носителей среднеазіатской экспедиціонной торговли, тибетскихъ номадовъ и жителей оазовъ бассейна Тарима, а на сѣверо-западѣ они предпринимаютъ воинственныя путешествія къ промышленнымъ народамъ Алтая. Великое нашествіе гунновъ, потрясшее Европу до основанія (т. V), является только могучимъ продолженіемъ этихъ древнѣйшихъ битвъ за власть и добычу.

Описывая обстоятельно исседоновъ и аримасповъ, Аристей въ то же время смѣшиваетъ, повидимому, китайцевъ съ гиперборейцами, этимъ мирнымъ народомъ, жившимъ на самомъ краю свѣта; по крайней мѣрѣ, сообщаемыя имъ свѣдѣнія, точный текстъ которыхъ не дошелъ до насъ, почти совпадаютъ съ позднѣйшими описаніями серовъ (ср. стр. 53).

Мѣстности и торговыя станціи въ бассейнѣ Тарима, о которыхъ упоминаетъ Аристей, частью можно узнать въ существующихъ еще и въ настоящее время населенныхъ пунктахъ; но что не всѣ изъ нихъ могутъ быть возстановлены, можно судить по тому огромному числу засыпанныхъ пескомъ городовъ, которые недавно были изслѣдованы Свенъ Хединомъ. Другимъ средствомъ къ опредѣленію служатъ свѣдѣнія, сообщенныя македонскимъ купцомъ Маэсомъ или Титіаномъ въ I вѣкѣ по Р. Х. о станціяхъ восточно-азіатскаго торговаго пути. Отъ Самарканда дорога эта вела въ Фергану; оттуда доходили до „каменной башни“ и долины Кизиль-су; у выхода послѣдней, въ области Казіа, лежалъ важный торговый городъ, безъ сомнѣнія, нынѣшній Кашгаръ, которому естественное благопріятное положеніе издавна давало преимущество предъ другими городами бассейна Тарима. „Скиѳскому Исседону“, вѣроятно, соотвѣтствовала нынѣшняя Куча, важнѣйшій торговый пунктъ живущихъ къ сѣверу отъ Тянь-Шаня тюркскихъ племенъ; Асмира, вѣроятно, — нынѣшній Хами (Гамулъ). Первый китайскій торговый городъ въ области Ганьсу, до котораго доходили караваны съ запада, нынѣшній Су-Чжоу, по мнѣнію Томашека, представляетъ древній Дрозахъ. Въ политическомъ отношеніи болѣе значительные торговые города пользовались, конечно, извѣстной самостоятельностью, хотя, съ другой стороны, дорожа безопасностью путей сообщенія, они не могли оказывать энергичнаго сопротивленія кочевникамъ. До нѣкоторой степени различныя превратности

въ отношеніяхъ кочевниковъ къ земледѣльцамъ и горожанамъ отражались, вѣроятно, также и въ бассейнѣ Тарима: то одерживала верхъ грубая сила, то болѣе утонченная культура. Большое значеніе для этой культуры имѣла связь съ Индіей, — связь, начало которой теряется во мракѣ; Восточный Туркестанъ сдѣлался такимъ образомъ и тѣмъ мостомъ, по которому индійская цивилизація и въ особенности индійская религія проникли частью въ Китай, частью въ остальную часть Средней Азіи, чтобы произвести со временемъ крупныя перемѣны въ характерѣ и образѣ жизни народовъ внутренней Азіи.

б) Перемѣны въ торговыхъ сношеніяхъ.

Торговля, направлявшаяся по длинному среднеазіатскому пути, который, по протяженію и опасностямъ, не имѣлъ себѣ равныхъ въ мірѣ, не могла производиться всегда съ одинаковымъ постоянствомъ; внѣшнія вліянія и внутреннія неурядицы должны были приводить къ тому, что сношенія то усиливались, то ослабѣвали или почти совсѣмъ прекращались; самыя формы торговли подвергались крайнимъ измѣненіямъ. И дѣйствительно, поскольку мы можемъ слѣдить вообще за ходомъ событій, мы видимъ постоянныя перемѣны: мѣняются пути, служившіе главными артеріями сообщенія, мѣняются способы торговли, и, наконецъ, товары, которыми взаимно обмѣнивались Востокъ и Западъ, не всегда одни и тѣ же или же къ старымъ товарамъ присоединяются новые.

По основному свойству своему торговля ищетъ себѣ путей тамъ, гдѣ она встрѣчаетъ наименьшее сопротивленіе. Это сопротивленіе, дѣйствіе котораго выражается въ опасностяхъ и издержкахъ транспорта и до извѣстной степени поэтому поддается точному учету, можетъ проявляться двоякимъ образомъ: въ видѣ естественныхъ препятствій и въ видѣ посягательствъ человѣка. И тѣ, и другія находятся во взаимной связи: опасному и трудному пути будетъ оказано предпочтеніе предъ самой лучшей дорогой, если она подвергается частымъ разбоямъ, если она обременена чрезмѣрно высокими пошлинами и обставлена всякими другими неудобствами. Въ Средней Азіи, гдѣ, съ одной стороны, къ услугамъ торговли между Восточной и Западной Азіей были различные пути, и гдѣ, съ другой стороны, номады всегда готовы были непосредственно грабежомъ или посредственно, путемъ пошлинъ, грабить купцовъ, торговыя сношенія, понятно, чаще мѣняли свои пути, чѣмъ объ этомъ сообщаютъ находящіеся въ нашемъ распоряженіи источники. Господство гунновъ на сѣверѣ, безъ сомнѣнія, значительно способствовало запустѣнію сѣверныхъ путей и ограниченію торговыхъ сношеній путями, лежащими въ бассейнѣ Тарима; войны аримасповъ съ исседонами имѣли отчасти цѣлью обезпечить за первыми торговую монополію. Послѣ изгнанія юе-чжи, которые, весьма возможно, тождественны съ исседонами (ср. стр. 135), во власти гунновъ былъ и сѣверный путь черезъ бассейнъ Тарима, между тѣмъ какъ на югѣ дороги были во власти тибетскихъ номадовъ, кіановъ. Изъ отчета, представленнаго въ 122 г. до Р. Х. Чжанъ-цянемъ своему императору Ву-Ди, послѣ изслѣдованія путей и способовъ сообщенія, явствуетъ, что торговля сосредоточивалась тогда всецѣло на югѣ и направлялась черезъ Сы-чуань и Цайдамъ къ южной окраинѣ бассейна Тарима, такъ какъ на сѣверѣ путь преграждали гунны, а въ средней части бассейна Тарима — кіаны. Эти неблагопріятныя обстоятельства много способствовали тому, что китайцы должны были выйти изъ своего прежняго равнодушнаго отношенія къ степнымъ народамъ.

Гораздо бóльшее и притомъ неблагопріятное вліяніе на среднеазіатскую торговлю должно было имѣть открытіе новыхъ сношеній между Китаемъ и прочими культурными странами по совершенно инымъ путямъ. Правда, попытки вступить съ Индіей въ непосредственныя сношенія черезъ

Тибетъ и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, устранить для индійскихъ товаровъ необходимость идти окольнымъ путемъ черезъ бассейнъ Тарима, не удались, несмотря на то, что императоръ Ву-Ди принималъ для этого различныя мѣры и что въ небольшихъ размѣрахъ торговыя сношенія между Индіей и Тибетомъ должны были существовать задолго до него. Но тѣмъ сильнѣе развилась впослѣдствіи морская торговля, когда, послѣ завоеванія южнаго Китая, разстояніе между китайскими и индійскими гаванями значительно сократилось. Замѣчательно, что настоящій ростъ морской торговли наступилъ лишь во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., когда китайцы снова потеряли господство надъ среднеазіатскими дорогами.

Перемѣны должны были произойти также въ способахъ торговли. Торговля между отдаленными странами можетъ производиться двоякимъ образомъ: либо каждое племя послѣдовательно передаетъ товары на границѣ другому, пока, наконецъ, послѣ многократнаго обмѣна, они не достигнутъ своей конечной цѣли, либо представители одного или нѣсколькихъ народовъ дѣлаютъ торговлю съ отдаленными странами своей профессіей и продѣлываютъ со своими товарами весь путь; возможно при этомъ допустить, что на протяженіи одной части торговаго пути преобладаетъ караванная торговля, на другой — экспедиціонная. По среднеазіатскимъ дорогамъ предпочтеніе оказывалось то одному, то другому виду торговли, смотря по обстоятельствамъ. Но экспедиціонная торговля древнѣе торговли караванной, требующей широкой постановки дѣла. Дѣйствительно-ли она производилась мѣстами, какъ повѣствуютъ древнѣйшіе западные источники, въ простой формѣ „нѣмой торговли“, или полусказочнымъ серамъ приписывались обычаи, которые практиковались въ другихъ мѣстахъ при сношеніяхъ съ первобытными народами, это трудно выяснить. Судя по всему характеру отношеній Китая къ внѣшнему міру, китайцы, какъ дѣятели торговли съ отдаленными странами, должны были выступить поздно, между тѣмъ какъ купцы иранскаго происхожденія всегда стремились захватить въ свои руки караванную торговлю по всему пути. Противниками непосредственныхъ торговыхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ являлись, естественно, номады, въ особенности гунны, которые скорѣе готовы были привести въ запустѣніе всѣ дороги, чѣмъ отказаться отъ крупнаго барыша при экспедиціонной торговлѣ. Трудность и отсутствіе безопасности для торговаго сообщенія приводили къ тому, что въ различныхъ мѣстахъ возникали крупные складочные пункты, служившіе въ то же время рынками для окружающихъ народовъ, таковы: Самаркандъ въ Западномъ Туркестанѣ, Кашгаръ — въ Восточномъ.

Замѣтнѣе всего торговыя перемѣны сказались на самихъ объектахъ торговли, на товарахъ. Частью вывозились продукты самой Средней Азіи: нефритъ, ревень, мускусъ и золото, какъ въ Китай, такъ и на Западъ, и въ Индію; главнымъ же образомъ торговое оживленіе въ древнѣйшее время поддерживалось пристрастіемъ западныхъ народовъ къ китайскимъ товарамъ. Затѣмъ въ предметахъ вывоза изъ Китая и въ товарахъ, которые могъ предлагать въ обмѣнъ Западъ, произошли различныя перемѣны.

Самымъ важнымъ и наиболѣе ходкимъ товаромъ былъ безусловно шелкъ; древнѣйшіе западные источники называютъ китайцевъ серами, „людьми шелка“ (стр. 53). Трудно опредѣлить, когда могла возникнуть торговля шелкомъ и шелковыми матеріями. Поразительно, что Аристей, повидимому, совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ (стр. 135), но послѣ того какъ Вильгельмъ Гезеніусъ доказалъ, что нѣкоторыя мѣста библіи, относящіяся къ VI вѣку до Р. Х. (Езекіиль, 16, 10, 13, и Исайя, 49, 12), относятся къ китайцамъ и къ шелковымъ матеріямъ, то этому обстоятельству нельзя придавать никакого значенія. Самый фактъ существованія оживленной торговли съ Китаемъ едва-ли былъ бы объяснимъ, еслибъ на дальнемъ востокѣ не существовало ужъ тогда такой сильной приманки,

какъ шелкъ. Значительная часть шелковыхъ матерій, повидимому, шла въ Финикію, гдѣ ихъ окрашивали въ болѣе яркіе цвѣта или передѣлывали въ полушелковыя матеріи, которыя снова пускались въ оборотъ. Вывозъ шелка изъ Китая долженъ былъ неизбѣжно получить чувствительный ударъ, лишь только удалось привить культуру шелковичнаго червя и въ другихъ странахъ, чего надолго нельзя было предотвратить. И дѣйствительно, культура шелка постепенно распространилась по направленію древняго торговаго пути: движеніе китайцевъ на Западъ (ср. ниже, стр. 140) перенесло въ 140 г. до Р. Х. культуру тутоваго дерева и шелковичнаго червя въ Туркестанъ, послѣ чего эта страна стала постепенно важнымъ мѣстомъ вывоза шелка.

Персамъ новая культура также не оставалась чуждой; одно время Персія, производившая сама шелкъ и овладѣвшая дорогами въ Китай, захватила даже почти всецѣло въ свои руки торговлю шелкомъ. Лишь въ 557 г. византійцамъ удалось ввести яички шелковичнаго червя и такимъ образомъ подорвать персидскую монополію. Благодаря этому, естественно, начался новый значительный упадокъ вывоза шелка изъ Китая; и только гораздо позже, когда европейскія государства завязали съ Китаемъ торговыя сношенія морскимъ путемъ, и, благодаря болѣе дешевымъ морскимъ фрахтамъ, цѣны на шелкъ пали, китайскій шелкъ снова сталъ широко конкуррировать на рынкѣ.

Другую группу товаровъ, которые вывозились изъ Китая на западъ, составляли разные сорта лака и глазури. Нѣкоторые сорта восточно-азіатскихъ лаковъ и теперь еще пользуются самой лучшей славой; торговля ими должна была издавна быть очень выгодной. Вѣроятно, лакированныя деревянныя издѣлія также стали уже рано вывозиться, какъ въ новѣйшее время они снова вывозятся въ огромныхъ количествахъ изъ Японіи.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ тѣми двумя товарами, которые впослѣдствіи пріобрѣли величайшее значеніе для китайской торговли и въ извѣстномъ смыслѣ заступили мѣсто шелка, на который спросъ сталъ слабѣе, именно — съ фарфоромъ и чаемъ. Фарфоръ, если не былъ изобрѣтенъ, то, по крайней мѣрѣ, сталъ изготовляться въ Китаѣ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ лишь въ VII в. по Р. Х., между тѣмъ, какъ гончарное искусство было тамъ извѣстно съ древнѣйшихъ временъ. Чай пріобрѣлъ значеніе въ самомъ Китаѣ лишь въ IV вѣкѣ по Р. Х.; и много времени прошло, пока его оцѣнили заграницей и пока онъ сталъ именно для номадовъ Средней Азіи необходимымъ напиткомъ, что до извѣстной степени поставило эти безпокойныя племена въ зависимость отъ Китая.

Если Китай былъ въ состояніи во всякое время доставлять товары, которые для западныхъ народовъ были въ высшей степени привлекательными, то издавна возникалъ важный вопросъ, что можно было предлагать взамѣнъ самодовольному Китаю и сходной съ нимъ въ этомъ отношеніи, Индіи? Индія и Китай не нуждались совсѣмъ или въ весьма незначительныхъ размѣрахъ въ товарахъ, которые имъ доставляли европейскіе и западно-азіатскіе купцы; ихъ вывозъ могъ возмѣщаться единственнымъ товаромъ, цѣнившимся въ восточныхъ культурныхъ странахъ, именно благородными металлами. Слѣдствіемъ этого было то, что золото и серебро стекались въ огромныхъ количествахъ въ Индію и Восточную Азію, но за то это отнимало у западной торговли необходимыя орудія обмѣна. Плиній Старшій вычислилъ, что ежегодная потеря, которую терпѣла отъ этого Римская имперія, равнялась 20 милліонамъ марокъ, изъ которыхъ Индія поглощала около 12 милліоновъ.

Западъ не могъ въ теченіе долгаго времени оплачивать свой вывозъ изъ Востока одними драгоцѣнными металлами, мѣсто которыхъ рано или поздно должны были заступить произведенія болѣе высокой культуры и промышленности; весьма характерно при этомъ, что именно древняя фини-

кійская и сирійская индустрія доставляли продукты для вывоза въ Восточную Азію, что вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ высокой древности мѣновой торговли. Если между товарами, ввозимыми въ Китай, на первомъ планѣ стояли матеріи, то высокую цѣнность придавало имъ не ткацкое искусство, хорошо знакомое и китайцамъ, а искусство красильное, благодаря которому даже издержки далекаго транспорта не казались слишкомъ великими. Понятно, что финикійскія пурпурныя матеріи, которыя славились на всемъ Западѣ и на которыя существовалъ большой спросъ, старались сбывать и на Востокѣ. А къ окрашеннымъ матеріямъ присоединялся еще болѣе высоко цѣнившійся въ теченіе долгаго времени товаръ, стекло, которое также въ совершенствѣ изготовлялось на сирійскихъ фабрикахъ. Судя по китайскимъ источникамъ, до тѣхъ поръ, пока искусство приготовленія стекла не было знакомо китайцамъ, стекло цѣнилось на Востокѣ наравнѣ съ драгоцѣнными камнями и соотвѣтственно этому оплачивалось. Но, подобно тому, какъ торговлѣ шелкомъ по среднеазіатскому пути былъ нанесенъ ударъ распространеніемъ шелководства въ Персіи и Восточной Римской имперіи, такъ и ввозъ стекла въ Китай упалъ съ того момента, какъ вмѣстѣ съ распространеніемъ этого товара распространилась, въ концѣ-концовъ, и тайна его производства; это случилось въ V в. по Р. Х., слѣдовательно, лѣтъ за сто до знакомства Византіи съ шелководствомъ.

Понятно, что при среднеазіатской торговлѣ обмѣнивались не только вышеназванные товары: Китай доставлялъ временами большія количества желѣзныхъ товаровъ, а также шкуры, попадавшія въ Китай отчасти благодаря торговлѣ съ Сибирью, отчасти, какъ дань кочевыхъ народовъ, а Западъ ввозилъ пряности, драгоцѣнные камни и т. п.; кромѣ того, потокъ индійской торговли въ бассейнѣ Тарима изливался въ русло восточнозападной торговли. Но эти товары не могли поддерживать цвѣтущаго состоянія обмѣна, коль скоро потребность въ важнѣйшихъ объектахъ ея уменьшалась или совершенно исчезала.

в) Китайцы, какъ завоеватели бассейна Тарима.

Какъ мы видѣли, потребность Китая въ торговыхъ сношеніяхъ была первоначально незначительна: иностранцы устремлялись въ Срединную имперію, чтобы пріобрѣтать дорогіе китайскіе товары; китайцы же довольствовались тѣмъ, что вымѣнивали различныя иностранныя произведенія, безъ которыхъ они, въ крайнемъ случаѣ, свободно могли обходиться. Но это благопріятное положеніе Китая не могло долго продолжаться: постоянный усиленный вывозъ долженъ былъ привести къ тому, что развилось нѣчто въ родѣ экспортной индустріи, т. е., что шелкъ, лакъ и т. п. производились въ большемъ количествѣ, чѣмъ этого требовалъ внутренній китайскій рынокъ. Если внезапно прекращался вывозъ, тогда и для Китая возникали серьезныя послѣдствія. Кромѣ того, съ теченіемъ времени Китай все же привыкъ къ нѣкоторымъ заграничнымъ товарамъ, безъ которыхъ онъ уже не могъ обходиться, въ особенности къ пряностямъ и кореньямъ Индіи и Аравіи; и въ этомъ отношеніи всякое замѣшательство въ торговлѣ должно было чувствоваться сильнѣе. Самый серьезный моментъ такого замѣшательства наступилъ тогда, когда гунны разбили на голову юэ-чжи и замкнули бассейнъ Тарима, а на югѣ безпокоили дороги некультурныя тибетскія орды. Отрѣзали-ли гунны окончательно торговые пути или парализовали торговлю чрезмѣрными пошлинами, во всякомъ случаѣ положеніе стало невыносимымъ, и китайцы вынуждены были оказать противодѣйствіе, лишь только во главѣ ихъ сталъ энергичный государь.

Еще и другія соображенія вынудили ихъ двинуться на бассейнъ Тарима. Китай сознавалъ, что угрожавшее ему все возроставшее могущество

номадовъ можно было сломить лишь подъ условіемъ, если утвердиться у нихъ съ тылу и въ то же время посредствомъ хорошо укрѣпленной этапной линіи раздѣлить страну степей на двѣ части. И въ этомъ случаѣ старый торговый путь черезъ бассейнъ Тарима представлялся естественной линіей передвиженія, причемъ торговые города сами собой являлись опорными пунктами.

Такъ, при императорѣ Ву-Ди въ 125 г. до Р. Х. была сдѣлана первая попытка снова открыть среднеазіатскій торговый путь и вмѣстѣ съ тѣмъ сломить чрезвычайно усилившееся могущество гунновъ. Союзниковъ Китай искалъ при этомъ въ непримиримыхъ врагахъ гунновъ, юе-чжи, овладѣвшихъ тогда какъ разъ сѣверной Бактріей и Согдіаной и такимъ образомъ державшихъ въ своихъ рукахъ западные выходы бассейна Тарима (стр. 130 и 135). Ву-Ди послалъ къ нимъ своего полководца Чжанъ-цяня (Chang-Ch'en), но дорогою онъ былъ взятъ въ плѣнъ гуннами, и попалъ къ юе-чжи лишь спустя десять лѣтъ, а послѣ тринадцатлѣтняго отсутствія вернулся въ Китай. Своей главной задачи — заключить союзъ съ юе-чжи и условиться насчетъ совмѣстнаго нападенія на гунновъ, — онъ не могъ выполнить, такъ какъ успѣхи юе-чжи въ Бактріи дали будущимъ планамъ этого народа новое, нежелательное для Китая направленіе; зато онъ привезъ въ Китай много свѣдѣній о западныхъ странахъ и Индіи. Попытки Ву-Ди завязать на этомъ основаніи сношенія съ Индіей черезъ Тибетъ не удались. Зато предпринята была энергичная борьба съ гуннами, причемъ китайцы сознательно держались въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ стараго торговаго пути: проходъ Ю-мюнь былъ занятъ и обезпеченъ военными колоніями, а власть гунновъ ослаблена многократными ударами, пока, наконецъ, они не были вытѣснены изъ бассейна Тарима. Торговля снова расцвѣла съ той только разницей, что теперь и китайскіе караваны и миссіи тянулись на Западъ и завязывали тамъ политическія сношенія, раньше всего съ народомъ ань-си (An-hsi), подъ которымъ мы, слѣдуя Фридриху Гирту, должны разумѣть парѳянъ (ср. выше, стр. 74). Самымъ крайнимъ восточнымъ пунктомъ парѳянскаго государства была тогда, какъ кажется, Маргіана (Мервъ, Му-лу китайскихъ источниковъ); китайцы, слѣдовательно, безъ сомнѣнія, проникли до этого мѣста.

Многія мелкія государства бассейна Тарима, а, быть можетъ, и мѣстности, лежащія еще западнѣе, вступили въ болѣе тѣсныя политическія сношенія съ Востокомъ и частью признали владычество Китая. Непосредственныя же китайскія владѣнія лишь въ 108 г. были продолжены до Лобъ-Нора, т. е. до восточной окраины бассейна Тарима (см. прилагаемую карту) и защищены крѣпостями. Впослѣдствіи китайскія войска проникли вплоть до Кашгара (въ 101 г. до Р. Х.). Но господство китайцевъ въ бассейнѣ Тарима никогда не было прочно, хотя они многократно заключали союзъ съ узунами противъ гунновъ; могущество послѣднихъ было еще слишкомъ сильно, чтобы допустить продолжительное присоединеніе мелкихъ государствъ Восточнаго Туркестана и уйгуровъ къ Китаю. Съ каждымъ успѣхомъ или пораженіемъ гунновъ въ борьбѣ съ Китаемъ усиливалось или ослабѣвало вліяніе ихъ на бассейнъ Тарима и на западную торговлю.

Но и другіе кочевые народы Средней Азіи вмѣшивались въ тамошнія дѣла. Бездѣтный царь маленькаго государства Яркандъ (Шао-че) назначилъ своимъ наслѣдникомъ одного изъ сыновей царя узуновъ. Жители Ярканда, послѣ смерти своего властелина, съ согласія китайскаго императора Сюань-Ди, вызвали этого принца изъ Китая, гдѣ онъ воспитывался, и передали ему царское достоинство, чѣмъ они надѣялись одновременно обезпечить за собою покровительство узуновъ и китайцевъ (въ 64 г. до Р. Х.). Но братъ покойнаго царя, при помощи гунновъ вскорѣ свергъ съ престола новаго властителя, будто бы выказавшаго себя или

дѣйствительно бывшаго жестокимъ тираномъ, и убилъ его. Вслѣдъ за этимъ появилось китайское войско, убившее, съ своей стороны, похитителя престола и посадившее, именемъ Китая, новаго правителя, который, повидимому, и утвердился тамъ. Съ теченіемъ времени вліяніе Китая въ бассейнѣ Тарима стало ослабѣвать. Въ началѣ перваго столѣтія по Р. Х. могущество Ярканда возрасло настолько, что царь могъ простереть свое владычество на весь бассейнъ Тарима, послѣ того, какъ его желаніе, чтобы Китай призналъ его правителемъ Восточнаго Туркестана, было отклонено (въ 33 г. по Р. Х.). Просьбы другихъ угнетаемыхъ мелкихъ государствъ и запретительная система торговли, введенная царемъ Ярканда, вынудили будто бы Ши-Цзу къ наступленію; однако, война съ Яркандомъ была предоставлена, главнымъ образомъ, гуннамъ, которые съ перемѣннымъ успѣхомъ тѣснили это новое государство въ бассейнѣ Тарима.

Лишь въ 72 г. по Р. Х. началось второе великое движеніе китайцевъ на Западъ. Желаніе имѣть открытое сообщеніе съ Западомъ усилилось тогда благодаря введенію буддизма, нашедшаго себѣ путь въ Китай черезъ бассейнъ Тарима. Миссія, посланная самимъ Минъ-Ди, вторымъ императоромъ изъ позднѣйшей или восточной династіи, къ юе-чжи, вернулась въ 65 г. по Р. Х. и сообщила болѣе точныя свѣдѣнія о буддизмѣ, послѣ чего императоръ возымѣлъ желаніе воздвигнуть въ своей столицѣ статую Будды и сталъ выражать къ новому ученію особое расположеніе, не оказывая ему все же предпочтенія предъ ученіемъ Конфуція (ср. стр. 75). Главной же причиной новаго движенія противъ Запада было, безъ сомнѣнія, то, что южные гунны, вновь соединившись съ сѣверными, препятствовали движенію и окончательно привели въ разстройство и безъ того неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ бассейнѣ Тарима. Различныя китайскія войска выступили въ 72 г. противъ гунновъ, между прочимъ одно, подъ предводительствомъ генерала Бань-Чао, по старинному торговому пути въ бассейнъ Тарима. Появленіе этого выдающагося полководца и дипломата тотчасъ рѣшило побѣду китайскаго вліянія на мѣстныя мелкія государства, которыя всѣ терпѣли отъ необезпеченности торговли и господства воинственной политики гунновъ.

Но на этотъ разъ китайцы не удовольствовались своей легко доставшейся имъ добычей: до нихъ дошли тѣмъ временемъ свѣдѣнія, что на западѣ находится могущественное государство, Да-цинъ, міровая Римская имперія. Замѣчательная взаимно-притягательная сила крупныхъ государствъ, которая вытекаетъ въ сущности изъ самыхъ основныхъ условій ихъ существованія и которая вынуждаетъ ихъ мало по малу поглощать всѣ лежащія между ними мелкія государственныя единицы и тѣмъ создать для себя твердыя ясныя границы, эта сила начала обнаруживать свое дѣйствіе и здѣсь, хотя, въ виду громадности разстояній, ихъ отдѣлявшихъ, здѣсь едва-ли возможно было достигнуть успѣха въ этомъ отношеніи. Точныхъ свѣдѣній о состояніи Римской имперіи китайцы никогда не добились. Фридрихъ Гиртъ доказалъ, что они до извѣстной степени знали лишь восточную часть ея и принимали Антіохію за столицу имперіи. Появившееся же впослѣдствіи названіе для Римской имперіи, Фу-линь, относится, повидимому, наоборотъ, къ Виѳлеему и указываетъ, слѣдовательно, лишь на христіанскую вѣру позднѣйшихъ римлянъ. Походъ же Бань-Чао, приведшій его почти до самыхъ границъ политическаго вліянія Рима, былъ совершенъ лишь спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ покоренія бассейна Тарима. Бань-Чао перешагнулъ черезъ горный валъ, лежащій въ западной части бассейна, переѣзалъ владѣнія юе-чжи и достигъ, наконецъ, Каспійскаго моря, откуда онъ послалъ развѣдчиковъ дальше на западъ, чтобы подготовить нападеніе на Римскую имперію. Но полученныя имъ неблагопріятныя свѣдѣнія и преклонный возрастъ побудили его вернуться въ Китай, гдѣ онъ и умеръ вскорѣ.

Политическое значеніе его завоеваній было велико, но не могло быть продолжительно: многочисленныя мелкія государства, которыя предъ лицомъ его арміи отдались подъ покровительство Китая, должны были волей-неволей идти своимъ путемъ и вступать въ соглашеніе съ другими своими могущественными сосѣдями, коль скоро Китай пересталъ оказывать имъ дѣйствительное покровительство. Доходовъ, которые Китай извлекалъ изъ западныхъ областей въ видѣ дани, подарковъ и пошлинъ далеко недостаточно было для покрытія огромныхъ расходовъ. Сверхъ того, старая китайская политика, и слышать не желавшая о расширеніи владѣній за предѣлы древнихъ границъ и придававшая мало значенія развитію торговли, подняла скоро голову. Уже въ 120 г. по Р. Х. Китай былъ склоненъ отдать назадъ всѣ свои владѣнія по ту сторону прохода Ю-мынъ, и лишь по совѣту одного изъ сыновей Бань-Чао удержали, по крайней мѣрѣ, этапную дорогу вплоть до бассейна Тарима. Возникшія вскорѣ послѣ того продолжительныя смуты въ Китаѣ (стр. 78) задержали окончательно всякое болѣе или менѣе значительное внѣшнее движеніе его; къ тому значеніе сухопутной торговли пало съ расцвѣтомъ морской торговли. Послѣ этого мелкія государства бассейна Тарима долгое время вели спокойное существованіе скорѣе подъ вліяніемъ Индіи, чѣмъ Китая.

Д. Западные гунны.

Движеніе китайцевъ на западъ, несмотря на отважный планъ Бань-Чао напасть на Римскую имперію, было движеніемъ мирнымъ и въ общемъ благопріятнымъ распространенію культуры. Гораздо болѣе зловѣщими стали дѣла, когда силы среднеазіатскихъ номадовъ начали искать исхода въ Западную Азію и Европу. Сѣверная часть Индіи уже попала въ руки юе-чжи (стр. 134); приближалось время, когда значительная часть Европы задрожала подъ бичомъ желтокожихъ степныхъ народовъ. Ядро гунновъ, звѣзда которыхъ въ Монголіи закатилась, бросилось на западные культурные народы. Послѣдствія, которыя имѣло для Европы нашествіе гунновъ, а съ ними и другихъ азіатскихъ кочевыхъ народовъ, не относятся къ исторіи Средней Азіи (ср. объ этомъ т. V); но на развитіе событій въ Азіи до вторженія гунновъ стоитъ бросить взглядъ при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій Гирта.

Долгое время западный культурный міръ оставался пощаженнымъ отъ большихъ нападеній азіатско-европейскихъ кочевыхъ народовъ, быть можетъ, уже по тому одному, что номады Восточной Европы постепенно становились болѣе осѣдлыми и больше занимались земледѣліемъ. Самымъ значительнымъ народомъ являются аланы, тождественные съ аорсами древнѣйшихъ источниковъ. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ не о тѣсно сплоченномъ народѣ, но скорѣе о собирательномъ имени для кочевыхъ племенъ, жившихъ отъ Чернаго до Аральскаго моря и состоявшихъ частью изъ остатковъ иранскихъ скиѳовъ, частью изъ урало-алтайцевъ. Собственные носители этого имени жили въ I столѣтіи до Р. Х. къ сѣверу отъ Кавказа, гдѣ они еще въ 65 г. до Р. Х. сражались противъ Помпея, потомъ распространились дальше по степи и, кажется, по крайней мѣрѣ, на время покорили себѣ большую часть кочевыхъ народовъ понтійско-каспійской области. Не разъ дѣло доходило и до незначительныхъ сраженій съ римлянами. Судя по китайскимъ источникамъ, одна часть территоріи алановъ (Ants-ai) принадлежала одно время Согдіанѣ, что указываетъ на военныя столкновенія и на этой границѣ. Нападенія черезъ кавказскія ворота на персидскія и римскія владѣнія происходили многократно. Но лишь поступательное движеніе западныхъ гунновъ вызвало огромное передвиженіе народовъ.

Первый походъ гуннскихъ номадовъ на Западъ былъ предпринятъ

около средины I-го вѣка до Р. Х., когда государство гунновъ распалось, благодаря внутреннимъ раздорамъ и внѣшнему вмѣшательству (стр. 132); одновременно нѣсколько властителей старались захватить власть и всѣми средствами враждовали другъ съ другомъ. Когда одинъ изъ претендентовъ, Хуханьѣ, наконецъ, повидимому, побѣдилъ, то противъ него возсталъ его родной братъ, „вице-король востока“. Этотъ „Чичи“, какъ онъ сталъ себя отнынѣ называть, прогналъ своего брата изъ столицы, но потомъ онъ обратился на западъ, и такъ какъ онъ не могъ удержать за собою всего государства, онъ основалъ здѣсь самостоятельное государство, которое постепенно все расширялъ по направленію къ западу. То обстоятельство, что какой-то князь изъ Согдіаны призвалъ его на помощь противъ узуновъ, заставило его перенести центръ своей власти въ область Аральскаго моря; здѣсь, быть можетъ, уже тогда часть алановъ подпала подъ власть гунновъ. Войны съ китайцами въ бассейнѣ Тарима прекратились со смертью Чичи (36 г. до Р. Х.) и значительно ослабили могущество гунновъ.

Могущество ихъ снова возрасло, когда въ 90 г. по Р. Х. другой гуннскій князь двинулся на западъ съ значительной частью своего народа и соединился тамъ съ прежними выходцами. Поводомъ къ переселенію послужило совершенное паденіе восточнаго государства гунновъ. Гиртъ справедливо указываетъ на то, что въ обоихъ переселеніяхъ гунновъ на западъ участвовали именно самые воинственные и самые сильные элементы: въ этомъ отношеніи западные гунны представляютъ отборъ изъ своего и безъ того воинственнаго, жаждущаго подвиговъ племени. Съ другой стороны, врядъ-ли этотъ народъ сохранился во время своихъ походовъ несмѣшаннымъ, воспринявъ, вѣроятно, самыхъ сильныхъ представителей изъ покоренныхъ племенъ. Такимъ путемъ могла выработаться другая народность, воинственныя наклонности которой должны были стать зловѣщими даже для самыхъ отдаленныхъ странъ, коль скоро какія-нибудь особенныя обстоятельства указывали этой накопившейся силѣ путь для разряженія.

Китайцы, послѣ того какъ успѣхи, достигнутые Бань-Чао во время его походовъ на западъ (стр. 142), по большей части совершенно были утрачены, еще въ началѣ второго столѣтія послѣ Рождества Христова должны были вести борьбу въ бассейнѣ Тарима съ гуннами и съ ихъ союзниками, уйгурами. Начиная съ средины этого столѣтія и западные гунны исчезли съ горизонта китайцевъ, что̀, конечно, служитъ указаніемъ на то, что воинственные номады, отказавшись, наконецъ, отъ покоренія себѣ вновь своихъ старыхъ мѣстожительствъ, обратили свое вниманіе въ другія стороны. Цѣлыхъ два столѣтія еще они, какъ кажется, ограничивались мелкими стычками, пока въ 350 г. по Р. Х. лавина не пришла въ движеніе. Гунны прежде всего бросились на алановъ, умертвили ихъ короля и частью покорили ихъ себѣ, частью прогнали ихъ дальше на западъ. Этимъ открылась для гунновъ большая восточно-европейско-сибирская степь и намѣчено было направленіе ихъ дальнѣйшаго движенія. То обстоятельство, что завоевательный потокъ не направился въ Персію, цвѣтущія поля которой несомнѣнно сильно манили къ грабежу, объясняется страхомъ, который внушало номадамъ тогда еще могущественное ново-персидское государство сассанидовъ (ср. т. III, стр. 274).

И въ Европѣ появленіе гунновъ далеко не оказало бы такого сильнаго вліянія, еслибъ Римская имперія не пришла уже тогда въ упадокъ, а германскіе народы не находились бы въ безпокойномъ движеніи. Потрясенія, перенесенныя Европой послѣ того, какъ гунны, подъ предводительствомъ Баламира, ворвались въ 375 г. въ придунайскія земли, не относятся уже къ исторіи Азіи (ср. томъ V). Но въ походѣ на Западъ врядъ-ли участвовали всѣ гунны и аланы; скорѣе владычество гунновъ

ограничилось предѣлами понтійско-каспійской области: когда послѣ смерти Атиллы (453 г.) пало европейское царство гунновъ, то остатки этого народа большею частью вернулись на востокъ и нашли себѣ пристанище въ старыхъ мѣстообитаніяхъ гунновъ и алановъ. Любимому сыну Атиллы Ирнаху (Hernac, Irnas) досталось господство надъ этими землями. Въ VI-мъ вѣкѣ государство распалось на все болѣе мелкія и мелкія владѣнія, князья которыхъ часто вмѣшивались въ войны между персами и византійцами или воевали между собою. Въ 558 г. гуннское войско проникло вплоть до Константинополя. Вѣроятно, и отдѣльныя составныя части, изъ которыхъ образовался этотъ смѣшанный воинственный народъ, съ паденіемъ власти гунновъ, пріобрѣли опять самостоятельное значеніе, пока, наконецъ, и самое имя гунновъ не исчезло изъ исторіи.

Та же судьба постигла другую, также сильно смѣшанную вѣтвь гунновъ, именно „бѣлыхъ гунновъ", или гефталитовъ, укрѣпившихся въ нынѣшней Хивѣ и предпринимавшихъ, начиная съ 420 г., жестокіе набѣги на Персію. Царь сассанидовъ Перозъ палъ въ борьбѣ съ ними (484). Въ 531 г. произошли послѣднія битвы съ этими гуннами, которые впослѣдствіи, смѣшавшись съ другими, вынырнули какъ бы вновь подъ именемъ хорезмійцевъ (ср. т. III).

E. Средняя Азія послѣ паденія гуннскаго государства.

a) Сянь-би и Жуанъ-жуаны.

Послѣ разрушенія великаго гуннскаго государства въ Средней Азіи и послѣ отступленія большинства гунновъ на западъ, большая часть Монголіи досталась сянь-би (Hsien pi; ср. стр. 86 и 132), такъ какъ китайцы не имѣли ни охоты, ни возможности утвердить за собою эту огромную степную область. Тунгусскій народъ сянь-би происходилъ изъ нынѣшней Маньчжуріи и своимъ появленіемъ на западѣ внесъ новый расовый элементъ въ „кашу народовъ" монгольскихъ степей, принявъ, весьма вѣроятно, въ свой составъ остатки гунновъ и другихъ степныхъ народовъ. Подобно всѣмъ степнымъ народамъ, сянь-би распадались на множество меньшихъ племенъ, которыя, по большей части, въ политическомъ отношеніи были совершенно самостоятельны, но при случаѣ объединялись подъ властью одного энергичнаго полководца, и тогда они представляли страшную силу, дѣйствіе которой тотчасъ же отражалось въ Китаѣ и въ бассейнѣ Тарима.

Такое усиленіе могущества сянь-би наступило въ 150 г. по Р. X., когда во главѣ одного изъ ихъ племенъ сталъ Дунь-ши-хуай (Дарджегве?), простершій вскорѣ свою власть и на другіе народы. Это новое кочевое государство едва-ли уступало въ величинѣ прежнимъ гуннскимъ государствамъ и обнимало приблизительно тѣ же земли, такъ какъ теперь, какъ и прежде, наименьшія препятствія были со стороны востока и запада; даже прежнее дѣленіе этой исполинской территоріи на среднюю часть, восточное и западное крыло было вновь принято сянь-би. Такъ какъ единство этого государства поддерживалось собственно только личностью его властелина, то со смертью перваго государя (190 г.) могущество сяньби значительно ослабло и навѣрно пало бы подъ давленіемъ китайцевъ, еслибы послѣдовавшее вскорѣ послѣ этого паденіе династіи Хань въ Китаѣ (220 г.) и наступившія вслѣдъ затѣмъ смуты не устранили этой опасности. Такимъ образомъ, сянь-би могли на время достигнуть великой цѣли господствующихъ кочевыхъ народовъ: держать подъ своимъ контролемъ западную торговлю (ср. стр. 137); они, какъ и гунны до нихъ, должны были для этого войти въ соглашеніе съ тибетскими кочевыми народами въ южной части бассейна Тарима.

Многія орды сянь-би, во время междоусобныхъ войнъ въ Китаѣ, нашли благопріятный случай къ переселенію въ эту страну то въ качествѣ наемныхъ войскъ, то въ качествѣ основателей самостоятельныхъ владѣній. Самымъ могущественнымъ изъ такихъ племенъ были то-ба (T'opa, Tu-fa). Между 338 и 376 г. царствующій домъ Тоба овладѣлъ государствомъ Дай въ сѣверномъ Шаньси. Въ 386 г. членъ этого дома Гуй (Kuei) основалъ тамъ же сѣверное государство Бэй (Пэй), расширявшееся все дальше по сѣверному Китаю, пока оно не охватило всѣ тѣ страны, которыя обнимало государство Вэй, государство „трехъ царствъ" (стр. 80); въ 534 г. Бэй-Вэй распалось на восточное (Дунъ) и западное (Си) Вэй, павшія въ 550 и 557 г. (стр. 83). Ву-гу, также принадлежавшій къ дому То-ба и бывшій съ 394 г. намѣстникомъ Хэси, объявилъ себя въ 397 г. царемъ Си-бина и основалъ государство Нань-Лянъ, которое уже въ 414 г. было покорено государемъ Си-гиномъ. По своему образу жизни и понятіямъ тоба вскорѣ стали настоящими китайцами и, слѣдуя вполнѣ обычной политикѣ Китая, они должны были выступить противъ родственныхъ имъ степныхъ номадовъ.

Положеніе дѣлъ въ Монголіи съ теченіемъ времени измѣнилось. Государство сянь-би распалось, послѣ того какъ самыя сильныя и многочисленныя орды переселились въ Китай, а на его мѣсто выступило новое государство подъ властью жуанъ-жуановъ, смѣшаннаго племени, воспринявшаго въ себя, повидимому, и обломки сибирскихъ первобытныхъ народовъ, а по языку принадлежавшаго къ тюркско-татарской расѣ. Жуанъ-жуаны, по крайней мѣрѣ вначалѣ, своей дикостью и нечистоплотностью выказали себя въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ, что вызвали отвращеніе даже въ своихъ сосѣдяхъ-номадахъ, поистинѣ въ этомъ отношеніи не очень избалованныхъ. Императоры династіи Вэй долгое время сдерживали этотъ стремившійся къ господству народъ. Свою власть жуанъ-жуаны впервые утвердили въ концѣ IV-го столѣтія покореніемъ промышленныхъ племенъ Алтая, послѣ чего они, проникая все дальше на юго-западъ, покорили себѣ среднеазіатскіе торговые пути и простерли свое вліяніе и на Монголію, вплоть до границъ Кореи. Государь, которому они обязаны были своимъ быстрымъ возвышеніемъ, былъ Далунь (Шелунь, Царунъ); отъ имени его преемника Татара (Дударъ) произошло будто бы названіе „татаръ", которое стали примѣнять къ народамъ тюрко-монгольскаго племени.

То-ба въ сѣверномъ Китаѣ были вскорѣ втянуты въ тяжелую борьбу съ этимъ новымъ государствомъ кочевниковъ, но съ теченіемъ времени они выказали себя очень устойчивыми; послѣ того какъ уже въ 425 г. и позже жуанъ-жуаны, во время своихъ многократныхъ нападеній на Китай, терпѣли жестокія пораженія и даже были преслѣдуемы въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, Бэй-Вэй, слѣдуя старой китайской политикѣ, снова простерли свое вліяніе вдоль стариннаго торговаго пути на западъ и тѣмъ потрясли до основанія своихъ кочевыхъ противниковъ. Союзъ съ двумя другими государствами, на которыя распался тогда Китай, Суномъ и Ляномъ (стр. 82), не принесъ жуанъ-жуанамъ никакой пользы; они много разъ терпѣли пораженія и не въ состояніи были овладѣть снова торговыми путями, хотя въ 471 г. они поставили въ крайне затруднительное положеніе государства Кашгаръ и Хотанъ. Но жуанъ-жуаны не были окончательно ниспровергнуты китайцами. Лишь въ срединѣ VI столѣтія государство ихъ, ослабленное внутренними раздорами, пало подъ натискомъ тюрокъ. Большая часть народа, по примѣру гунновъ, бѣжала на западъ: вѣроятно, что авары, появившіеся вслѣдъ затѣмъ въ восточной Европѣ въ качествѣ побѣдителей, тождественны съ жуанъ-жуанами. Подобно остаткамъ жуанъ-жуановъ въ Средней Азіи, и авары въ концѣ-концовъ окончательно исчезли или растворились среди другихъ народовъ.

б) Уйгуры.

Глядя на этотъ исполинскій ростъ и слѣдовавшее за нимъ безслѣдное исчезновеніе государствъ кочевниковъ, можно почти забыть, что Средняя Азія не была исключительно страною пастбищъ для кочующихъ ордъ, но что она представляла достаточно простора и пищи и для болѣе или менѣе осѣдлыхъ народовъ. Мы уже упоминали нѣсколько разъ (стр. 135 и слѣд.) о томъ, какимъ образомъ въ оазахъ бассейна Тарима, подъ благопріятнымъ вліяніемъ восточно-западной торговли, образовались цвѣтущія и сравнительно культурныя поселенія, ставшія центрами мелкихъ государствъ. Но и сѣвернѣе шли торговые пути на западъ, а въ горахъ были области, которыя представляли благопріятныя условія для земледѣлія; еще дальше возвышался богатый рудами Алтай, центръ первобытной культуры, не исчезнувшей окончательно, несмотря на всѣ хищническіе набѣги номадовъ, которые продолжались въ теченіе столѣтій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ Тянь-Шаня до Алтая существовали многочисленные города и прочно осѣвшіе народы; но политическая власть была, однако, по большей части, въ рукахъ номадовъ, которые наложили свою печать на политику страны и поэтому и въ историческихъ источникахъ рисуются совсѣмъ иными, чѣмъ собственные носители культуры. Самымъ важнымъ кочевымъ народомъ этой области были долгое время уйгуры (югуры, игуры, хой-ху); они образовали ядро тѣхъ девяти огузъ (ордъ), къ которымъ принадлежали также тонгра, сукитъ, эдизъ, сапъ и др. Различали сѣверную вѣтвь уйгуровъ, жившую на Селенгѣ и распространившуюся впослѣдствіи до истоковъ Енисея, и южную вѣтвь на югѣ и востокѣ Тянь-Шаня. Въ то время какъ сѣверные уйгуры, называемые китайцами гао-цзэ или динъ-лэ, не достигли высшей культуры, южные уйгуры, страна которыхъ соприкасалась или была перерѣзана важнѣйшими восточно-западными торговыми путями, не оставались внѣ вліянія культурныхъ народовъ (ср. ниже). Въ городахъ южныхъ уйгуровъ развилась замѣчательная смѣшанная культура, оказавшая сильное вліяніе на бытъ другихъ кочевыхъ народовъ Средней Азіи.

Ж. Тюркскія государства.

Владычество жуанъ-жуановъ въ Монголіи было сломано тюрками (тю-кю), народомъ, который, замѣчательное дѣло, впервые достигъ государственнаго устройства на Алтаѣ. Тюрки, конечно, ни въ коемъ случаѣ не принадлежали къ древнимъ носителямъ культуры енисейскаго происхожденія на Алтаѣ; это были настоящіе номады монгольскаго происхожденія: вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ обломковъ великаго гуннскаго народа, численность и значеніе которыхъ снова постепенно возростали. Но несомнѣнно, что металлическія богатства Алтая были могучимъ средствомъ, которымъ они сумѣли воспользоваться, совершенно независимо отъ того, сами ли они занимались ихъ добычей и обработкой или предоставляли эту работу своимъ искони обитавшимъ тамъ подданнымъ. То, что при возникновеніи войны съ тюрками жуанъ-жуаны прозвали ихъ „своими кузнецами“, могло быть умышленной насмѣшкой и не совсѣмъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Однако, нужно принять въ соображеніе, что у кочевыхъ народовъ Средней Азіи трудъ кузнеца пользовался высокимъ уваженіемъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ, напр., у номадовъ сѣверной Африки, и что въ монгольскихъ преданіяхъ даже ставшій легендарнымъ народный герой Чингизъ-ханъ рисуется кузнецомъ. Во всякомъ случаѣ, лучшее вооруженіе первоначально не очень многочисленныхъ тюрокъ, — панцыри, шлемы, мечи, копья и удивительныя „поющія стрѣлы“, которыми они обязаны металлическимъ сокровищамъ Алтая, — въ значительной степени способствовали ихъ побѣдѣ надъ противниками.

а) Начальный періодъ.

По родовымъ преданіямъ своимъ, тюрки ведутъ свое происхожденіе отъ мальчика, вскормленнаго волчицей; преданіе это, напоминающее исторію Ромула и Рема, подобно этой послѣдней, основывается на тотемистическихъ воззрѣніяхъ; золотыя волчьи головы служили знаменами тюрокъ. Трезвые китайскіе источники производятъ тюрокъ отъ „ашина", — гунновъ, которые, послѣ изгнанія ихъ изъ Китая династіей Вэй, отдались подъ покровительство жуанъ-жуановъ и были поселены этими послѣдними въ 439 г. по южнымъ склонамъ Алтая. Отъ китайской культуры у нихъ, повидимому, осталось очень мало, зато они переняли кое-что отъ цивилизаціи уйгуровъ, на что указываетъ заимствованіе уйгурскаго письма (см. прилагаемую таблицу „Восьмая страница изъ древнетюркской этики, Кудатку Биликъ"). Благопріятнымъ обстоятельствомъ для дальнѣйшаго ихъ распространенія служили столкновенія между сѣверными уйгурами и жуанъ-жуанами. При первомъ ихъ сраженіи (въ 490 г.) „ашина", или, какъ ихъ теперь правильнѣе называютъ, тюрки, держали себя еще спокойно; но когда въ 536 г. войско уйгуровъ направилось къ востоку и при этомъ задѣло тюркскія владѣнія, то тогдашній вождь тюрокъ, Думынъ, бросился на него, побѣдилъ и присоединилъ къ себѣ цѣлый народъ въ 50.000 юртъ. Легкость, съ которой произошло это поглощеніе, характерна для взаимнаго растворенія одного народа другимъ въ безграничныхъ степяхъ Средней Азіи. Думынъ, послѣ того какъ властитель жуанъ-жуановъ отвергъ съ презрѣніемъ его сватовство къ своей дочери, былъ отнынѣ въ состояніи оказывать сопротивленіе жуанъ-жуанамъ, могущество которыхъ и безъ того было уже давно поколеблено. Въ 552 г. произошло паденіе государства жуанъ-жуановъ, и новые тюркскіе побѣдители переняли теперь господство надъ среднеазіатскими номадами, положеніе которыхъ очень мало измѣнилось отъ этого.

Такъ какъ обычныя наступательныя движенія тюрокъ разбивались о сомкнутую мощь Китая, то тюрки обратились на западъ, куда гунны своими походами указали путь всѣмъ своимъ преемникамъ. Прежде всего тюркамъ удалось покорить Согдіану, гдѣ все еще господствовали потомки юе-чжи, простершіе свою власть даже на бассейнъ Тарима (ср. стр. 134 и 140). Уже въ 437 г. въ Согдіанѣ было девять государствъ, которыя управлялись князьями изъ династіи Чжэнь ву (юе-чжи) и изъ которыхъ самымъ могущественнымъ былъ Самаркандъ; въ Ташкентѣ же, Ферганѣ и Хорезмѣ царствовали другія династіи. Съ покореніемъ Согдіаны, мелкія государства которой, впрочемъ, врядъ ли совершенно исчезли, тюркскіе властители стали заинтересованы въ судьбахъ западной торговли и именно въ вывозѣ шелка изъ Согдіаны, торговлѣ которой всячески противодѣйствовали персы, вѣроятно потому, что, съ одной стороны, они сами дѣятельно культивировали у себя разведеніе шелковичнаго червя, а, съ другой, вывозили шелкъ изъ Китая морскимъ путемъ. Попытка склонить персовъ къ уступчивости путемъ переговоровъ повлекла за собою продолжительныя военныя столкновенія. Поэтому тюрки рѣшили вступить въ непосредственныя сношенія съ византійцами, которые тоже были заинтересованы въ уничтоженіи торговой монополіи персовъ (569 г.). Тюркское посольство прибыло въ Константинополь, послѣ чего Зимархъ (Земархъ), по порученію византійскаго императора, Юстина II, отправился на Алтай, въ резиденцію тюркскаго великаго хана. Отъ него дошло до насъ подробное описаніе его путешествія и сраженій тюрокъ съ „бѣлыми гуннами" (стр. 145) и персами, которыхъ онъ отчасти самъ былъ очевидцемъ; отъ него же мы узнаемъ, что именно тогда западная часть бассейна Тарима подпала подъ власть тюрокъ. Впослѣдствіи византійцы, при всей предусмотрительности своей политики, были сильно тѣснимы тюрками, да и вообще

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

15-ая страница изъ древне-тюркской этики „Кудатку Биликъ“.

(По рукописи королевской придворной библіотеки въ Вѣнѣ.)

15-ая страница изъ древне-тюркской этики „Кудатку Биликъ“.[1]

[IV. Јарук јас фазлын улук Пукра-Кан öктӳзін ајур
. . . .]

Табукка кälіп кут кабукта турур
Кабукта туруклы табукта турур.
Пу јаџлык табуҕын јылынды аџун.
Јаҕы поіны äкті, кöдäрді öзӳн
Аџунда чавы парды каҕан кӳзі
Кöр(гіl) муџлык јӳсläрдä аны öзі
Аџун äнчкä тäкті, тӳзӳlді тöрӳ,
Тöрӳ пірlä адын кобарды öрӳ.
5. Аҕы сурадын кім кöрäјін тäзä
Кälіп кöрзӳ каҕан јӳзіні öз-ä.
Џафазыс вафалык тіläзä кудун
Јӳзін кöр кылынџы вафа ол пӳдӳн.
Тӳзӳн кылҕы алџак паҕырзак кöџӳl
Кöрäјін тäзä кäl! Муну кöр häм ол!
Азык колза парџа öзӳџ јас сірін!
Пäрӳ кäl, табук кыл кöџӳl пäрäжін!
Аі äткӳ кылынч, асыл äткӳ урук,
Аџун таплазуны сäзіксіс корук!

[IV. Говорится о времени года свѣтлой весны и о хвалѣ Бугра-хану
. . . .]

Къ его услугамъ приходитъ счастье и стоитъ у его дверей;
Стоя у дверей, оно готово къ его услугамъ.
Отъ такой его службы согрѣлся міръ,
Врагъ склонилъ (свою) главу и самъ его превозвысилъ.
Слава его распространилась по землѣ, слава князя,
Даже на самыхъ печальныхъ лицахъ можно его видѣть.
Міръ успокоился, порядокъ возстановленъ,
Своимъ управленіемъ князь возвысилъ свое имя.
Кто хочетъ видѣть картину щедрости,
Тотъ пусть придетъ и созерцаетъ ликъ (этого) князя;
Кто стремится къ постоянному счастью безъ страданій,
Тотъ пусть созерцаетъ его ликъ, его дѣянія полны довѣрія.
Кто спокойный характеръ, ласковый, мягкосердечный нравъ
Видѣть хочетъ, тотъ пусть приходитъ и его созерцаетъ!
Если ты стремишься къ своей пользѣ, то раскрой его тайну,
Приди сюда и служи съ полной преданностью!
О ты, превосходное дѣяніе, о ты, благородное происхожденіе,
Да почитаетъ ихъ свѣтъ, какъ постоянную защиту!

[1] Переводъ и транскрипцированный текстъ по В. В. Радлову „Das Kudatku Bilik“ 1900 г., С.-Петербургъ

Пајат пәрді арзу, ӓдӓр кӓң kуды
Мунуң шӳкрі kылђу ођуп міӊ ады!

Äді кӓчкӳ сӧс пу масалда кӓlір:
„Ада ады орны ођулђа kалур“,
Ада орны kалды ады-да пілӓ
Адында тађы пулзу міӊ міӊ ол-ӓ!

Тӳцi нӓӊ нӓгук тартты јӳс міӊ ӓlік,
Муну kol нӓгуђы kудатку пilік!

Оларның нӓгуђы кӓlір һӓм парыр,
Мӓнiӊ пу нӓђуk полды мӓӊӳ, калур.

Нӓцӓ пӓрзӓ дӳнјӓ тӧгӓр, алђыныр
Пiдiзӓ kалыр сӧс, ацун тӓскiнӳр.

Кiтапта пiдiлдi пу kађан ады
Пу ат мӓӊӳ полды, ӓдӓр кӓӊ kуды.

Ја раб iштӓ давлат, тӳгӓl kыл тilӓк!
Камуk iштӓ полђыл сӓн арkа јӧlӓк!

Сӓбӓрiн ӓзӓн тут! јађызын кӓдӳр!
Сӓбiнцiн толу тут! сӓбiнцiн kудур!

Јађа турзу јамђур! јазылзу чӓцӓк!
Кубурмыш јыђачта салынзу кӓзӓк!
Полур полза ӓбрӓн тӳцi ӓбрilӳр,
Куды пулзу, душман бажы kубулур!

Јађыс јӓр пађыр полмађынца kызыл,
Ја отта чӓцӓк ӧнмӓгiнцӓ јажыл,

Тiрilзӳнi тӧгӓ ӧзi міӊ kудун!
Тӧгӳlзӳ kарађы кӧрӳнмӓс орун!

Тађы-да нӓгӳ ӓрзӓ арзу тilӓк
Пајаттын јӓдilзӳ аӊа kут јӧlӓк!

Сӓбiнцiн, абынцын, кӓбiнцiн һӓli
Ажазу јажазуны Локман јылы!

Господь исполнилъ его просьбу, онъ расширяетъ его счастье,
Благодари его за это, восхваляя его тысячи именъ!
Весьма распространенное слово въ изреченіи:
„Имя и положеніе отца достается сыну“.
Мѣсто отца (ему) остается, какъ и его имя,
Въ его имени да найдетъ онъ тысячекратную замѣну!
Сотни тысячъ рукъ простирали къ тебѣ (свое) достояніе,
Ты избери достояніе этой (книги): „Знаніе, приносящее счастье!“
То, что тѣ (тебѣ) предлагаютъ, приходитъ и проходитъ,
Но это мое достояніе вѣчно и пребываетъ.
Сколько бы міръ ни давалъ, оно имѣетъ конецъ, изчезаетъ,
Писанное остается, въ то время какъ земля движется.
Въ эту книгу вписано это княжеское имя.
(Этимъ) увѣковѣчено это имя, готовитъ ему большое счастье.
О, Боже, (дай ему) счастье въ дѣлахъ, исполни (его) желанія,
Во всѣхъ дѣлахъ будь ему твердой опорой!
Сохрани его друзей! Отдали его враговъ!
Наполни его радостью! Радостью освободи его!
Да польетъ обильный дождь! Да раскроется цвѣтокъ!
Да оживутъ у сухого дерева его вѣтви!
Пусть все движется сообразно судьбѣ,
Пусть онъ найдетъ свое счастье, и голова врага преобразится!
Пока темная земля не обратится въ красную мѣдь,
Пока изъ огня не произрастутъ синіе цвѣты,
Пусть онъ живетъ, проливая тысячекратное счастье!
Пусть взоръ его простирается по необозримымъ пространствамъ!
Какія бы у него ни были желанія,
Да придутъ ему отъ Бога счастье и помощь!
Съ радостью, удовольствіемъ и довѣрчивостью
Пусть онъ (всѣмъ) наслаждается и достигнетъ возраста Локмана!

V. Јäді јулдус он ігі öгäк буруч ајур.

Пајат ады пірlä сöзÿк пашладым,
Тöрäткäн äгіткäн каӊÿргäн ідім.

Тöрäтті тіläк тäк тöзÿ аламык,

Јарутты аӊунда кÿнÿк ћäм ајык.

Јаратты кöр äбрäн тÿӊі äбріlÿр

Аныӊ пірlä тäскінч јäмä тäскінÿр.
Јажыл кöк јаратты јäмä јулдузы

Кара тÿн јарутты, јарук кÿндÿзі.
Пу кöктäгі јулдус пір анӊа пäзäк,

Пір анӊа кÿдäсчі пу јäккä јäзäк.

Пір анӊа коlаӷус полур јітсä јол.

Пір анӊа јарутмыш халајыкка ол.

Кајузы öрÿрäк, кајузы коды
Кајузы јарукрак, кају öксÿді.

V. Здѣсь говорится о семи звѣздахъ и двѣнадцати знакахъ зодіака.

Именемъ Бога я началъ слово,
Онъ мой Господь, который (все) создалъ, далъ ростъ и (черезъ жизнь) провелъ.
Онъ по своему желанію сотворилъ весь міръ,
Заставилъ свѣтить въ мірѣ солнце и луну.
Онъ сотворилъ небо, которое постоянно движется,
А вмѣстѣ съ нимъ кружащіяся сферы.
На голубомъ небѣ онъ создалъ всѣ звѣзды,
Освѣтилъ черную ночь и свѣтлый день.
Нѣкоторыя изъ этихъ звѣздъ служатъ украшеніемъ,
Другія служатъ стражами, вѣстниками добра.
Однѣ служатъ путеводителями, когда сбиваешься съ пути,
Другія онъ засвѣтилъ (на пользу) тварямъ,
Однѣ дальше наверху, другія внизу,
Однѣ свѣтлѣе, другія имѣютъ меньше свѣта.

Кудатку Биликъ („Осчастливливающее знаніе“) представляютъ этику, написанную риѳмованными стихами и трактующую объ отношеніяхъ каждаго существа къ преходящему міру и къ неумолимымъ условіямъ рока; она говоритъ объ обязанностяхъ князя къ своему народу, о качествахъ различныхъ классовъ чиновниковъ, о добродѣтеляхъ, относящихся къ праведному образу жизни, и о порокахъ, вредящихъ обществу: это — ученіе о нравственности по древне-тюркскимъ воззрѣніямъ. Этика эта была сочинена нѣкіимъ Юсуфомъ изъ Беласагуна въ правленіе хана Бугры, за что этотъ послѣдній возвелъ его въ санъ тайнаго или приватнаго визиря; поэтому-то полное имя автора гласитъ: Юсуфъ Хасъ Хаджипъ. Окончена была книга въ Кашгарѣ. До насъ сочиненіе это дошло въ копіи, снятой въ Гератѣ въ 843 г. Геджры = въ 1440 г. и попавшей 36 лѣтъ спустя въ Токатъ, въ Малой Азіи, а въ 879 г. (= 1492 г.) въ Константинополь; здѣсь ее пріобрѣлъ баронъ Іосифъ фонъ-Гаммеръ-Пургшталь, а черезъ него — вѣнская библіотека[1].

Кудатку Биликъ, древнѣйшее литературное произведеніе тюркскихъ народовъ, даетъ первыя достовѣрныя свѣдѣнія не только о подлинномъ діалектѣ, но и обо всемъ строѣ жизни уйгуровъ, этого древнѣйшаго племени тюркской семьи народовъ, кочевавшаго въ восточномъ Туркестанѣ отъ Хами до Кашгара. Кудатку Биликъ, появившійся въ 462—63 гг. Геджры = 1068—69 гг. по Р. Х., говоритъ о самостоятельномъ государствѣ Кашгарѣ, гдѣ царствовалъ упомянутый ханъ Бугра; уйгуры образовали нѣсколько небольшихъ, взаимно независимыхъ государствъ. Сословія этого племени раз-

[1] Второй экземпляръ, писанный арабскимъ шрифтомъ и дополняющій недостающія строки, найденъ въ отдѣльныхъ листахъ д-ромъ Морицомъ въ библіотекѣ вице-короля въ Каирѣ.

дѣлялись на черное населеніе (знать) и чиновниковъ, или служащихъ. Народъ дѣлился на купцовъ, землепашцевъ и скотоводовъ; далѣе, слѣдовали — духовныя лица, врачи, заклинатели и астрологи. Изъ числа правительственныхъ чиновниковъ названы: визирь, полководецъ, письмоводитель, посланникъ и привратникъ. Государственная и семейная жизнь носила исключительно патріархальный характеръ; поражаетъ особенное признаніе важности науки и учености.

Уйгурскій языкъ есть первое восточное нарѣчіе, закрѣпленное письменными знаками, и, какъ таковое, является однимъ изъ источниковъ древнѣйшихъ формъ и корней тюркскаго языка. Алфавитъ его сиро-сабейскій. Лишь тогда, когда потомки Чингизъ-хана стали послѣдователями ислама и западно-магометанская ученость захватила и Среднюю Азію, древнія уйгурскія письмена, которыми еще эмиръ Тимуръ пользовался въ 1379 г. для своихъ грамотъ на берегу Днѣпра, должны были уступить мѣсто вновь принятымъ арабскимъ письменамъ и сами были оттѣснены въ долины Тянь-Шаня.

эпоха тюркскаго могущества повлекла за собою новый притокъ средне-азіатскихъ народовъ въ Западную Азію и Европу; хазары, проникшіе въ 626 г. въ Восточную Европу, представляли собою осколокъ тюркскаго народа. Само собою разумѣется, что при первомъ удобномъ случаѣ совершались нападенія и на Китай.

б) Восточные и западные тюрки.

Китай обратился тогда къ своей испытанной политикѣ — сѣять раздоръ между номадами. Подобно прежнимъ государствамъ, тюркское государство также распадалось на восточное и западное крыло, которыя управлялись вице-королями, а верховный властитель повелѣвалъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время центромъ. Въ 600 г. китайцы добились раздѣленія государства тюрокъ на восточную и западную часть и тѣмъ надолго ослабили ихъ власть.

Въ 630 г. китайскія войска одержали блестящую побѣду надъ восточными тюрками, причемъ ханъ Ке-ли былъ взятъ въ плѣнъ, и китайское вліяніе снова распространилось до Согдіаны (стр. 81). Послѣ этого восточное государство распалось на множество слабыхъ мелкихъ государствъ; часть же тюрокъ переселилась въ Китай, гдѣ имъ отвели территорію для того, чтобы они могли служить пограничной стражей противъ другихъ кочевыхъ народовъ. Но народъ этотъ, не забывшій еще своей прежней славы, настолько окрѣпъ снова въ китайскихъ владѣніяхъ, что въ 681 г., подъ предводительствомъ Кутлука (Ko to lo, Ku tut luk), свергъ съ себя китайское владычество и распространилъ свое вліяніе на Монголію. Могущество тюрокъ возрасло при братѣ и преемникѣ Кутлука, Мо-чжо (Багъ-чуръ), сумѣвшемъ ловко воспользоваться китайскими междоусобіями изъ-за престолонаслѣдія (стр. 82). И тюркское государство снова достигло огромныхъ размѣровъ. Повидимому, и западные тюрки потеряли на время независимость, а въ Согдіанѣ, гдѣ мелкія государства юе-чжи все еще продолжали существовать, господство тюрокъ было снова возстановлено.

Послѣ смерти Мо-чжо полководецъ Кюльтегинъ, племянникъ покойнаго, убилъ его сына и посадилъ на престолъ своего родного брата, Мо-гилянь[1]. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ мы почерпаемъ изъ орхонскихъ могильныхъ надписей. Долгое время еще восточно-тюркское государство внушало страхъ своимъ могуществомъ. Но потомъ снова началось его паденіе, а въ 745 г. ему былъ положенъ конецъ нападеніемъ соединенныхъ уйгуровъ и китайцевъ: въ исторіи Средней Азіи съ тѣхъ поръ мало упоминается о тюркахъ. Паденіе тюркскаго могущества было ускорено успѣхами арабовъ, овладѣвшими тѣмъ временемъ Персіей и проникшими до Согдіаны, князья которой частью искали помощи у тюрокъ и съ перемѣннымъ счастьемъ сражались противъ новыхъ притѣснителей: въ 712 г. арабы одержали блестящую побѣду надъ соединенными согдіанцами и тюрками, предводительствуемыми, по всей вѣроятности, Кюльтегиномъ; въ 730 г., наоборотъ, они отъ тѣхъ же противниковъ потерпѣли тяжелое пораженіе у Самарканда. Необходимость отражать нападенія съ различныхъ сторонъ, безъ сомнѣнія, содѣйствовала быстрому паденію восточно-тюркскаго государства.

Западные тюрки, вскорѣ послѣ своего отдѣленія отъ восточныхъ, должны были стать въ нѣкоторую зависимость отъ персовъ, но въ 620 г. они почувствовали себя, однако, настолько сильными, что расширили во всѣ стороны свое государство, которое, повидимому, лежало между Алта-

---

[1] Въ памятникахъ орхонскихъ называется Бильгеханъ („мудрый ханъ"). Прим. ред

емъ и Аральскимъ моремъ, и совершали вторженія въ Персію и Согдіану. Въ тогдашнихъ персидскихъ смутахъ изъ-за престолонаслѣдія тюркскіе наемники или союзники играли роковую роль. Связь со всѣми завоеванными землями, какъ это всегда бываетъ съ государствами кочевниковъ, была, конечно, очень слаба и при первомъ удобномъ случаѣ она тѣмъ легче порывалась, что кочевникъ никогда не бываетъ такъ сильно прикрѣпленъ къ своей странѣ, какъ земледѣлецъ; бывали случаи, что цѣлые народы передвигались черезъ обширнѣйшія пустыни Средней Азіи, для того чтобы освободиться отъ господства какого-нибудь нелюбимаго властелина и, быть можетъ, чтобы найти себѣ покровительство на китайской границѣ. Западные тюрки овладѣли тогда и сѣверными торговыми путями Средней Азіи, которые шли черезъ владѣнія уйгуровъ; такъ какъ китайцы вслѣдствіе того стали покровительствовать южнымъ путямъ, проходившимъ черезъ бассейнъ Тарима, то тюрки и уйгуры напали соединенными силами на тамошнія мелкія государства и даже на занятый китайцами оазъ Хами (стр. 136) и тѣмъ вынудили китайцевъ къ сопротивленію (639 г.). Эти смуты продолжались долго, но кончились въ пользу китайцевъ. Вскорѣ послѣ того западные тюрки стали терпѣть отъ вторженій арабовъ, двигавшихся черезъ Персію, между тѣмъ какъ съ востока серьезно напирали китайскія войска; слѣдствіемъ этого было почти полное паденіе западно-тюркскаго могущества, перешедшаго, не надолго, впрочемъ, къ усилившимся тѣмъ временемъ тибетцамъ. Лишь около 700 г. государство это опять окрѣпло, но вскорѣ оно было втянуто въ серьезныя столкновенія съ арабами. Едва-ли не сильнѣе еще было оно потрясено борьбой странныхъ партій (этническихъ, соціальныхъ или политическихъ), образовавшихся при дворѣ и внутри племеннаго союза, партій, настоящія причины возникновенія которыхъ трудно установить. Существовала черная и желтая партія, которыя часто вели другъ съ другомъ яростную борьбу и при всѣхъ спорахъ о престолонаслѣдіи выставляли своихъ собственныхъ кандидатовъ. Полное паденіе государства произошло въ 760 г. благодаря карлукамъ, племени тюркско-монгольской расы, жившему къ западу отъ Алтая; остатки западныхъ тюрокъ фигурировали впослѣдствіи въ исторіи подъ именемъ гузовъ (огузовъ). Какимъ образомъ принявшіе исламъ тюркскіе народы, сельджуки и позднѣе османы, нашли себѣ арену военной дѣятельности въ Западной Азіи, объ этомъ рѣчь идетъ въ III томѣ.

в) Киргизы и кидани.

На мѣсто тюрокъ выступили въ Средней Азіи въ роли господствующаго народа кочевники уйгуры, называвшіеся тогда, по имени своего главнаго племени, хой-ху (гоэй-хэ, чжуйчжэ; ср. стр. 147). Главными ихъ противниками явились киргизы (хья-каси) юго-западной Сибири, впервые выступившіе въ качествѣ сильнаго народа и старавшіеся завязать сношенія съ Китаемъ; въ союзѣ съ китайцами они уничтожили въ 830 г. господство уйгуровъ. При этомъ, какъ кажется, имѣлось также въ виду опять овладѣть торговыми сношеніями съ Западомъ: киргизы явились потомъ посредниками въ торговлѣ, служившими вооруженными проводниками арабскихъ каравановъ черезъ враждебную страну уйгуровъ въ Китай. Но киргизы отнюдь не основали государства, равнаго по протяженію гунскому или тюркскому; государство уйгуровъ сохранилось въ ограниченныхъ размѣрахъ (ср. объясненіе къ таблицѣ при стр. 148).

Впослѣдствіи, въ X-мъ и XI-мъ вѣкѣ, народъ кидани (стр. 83), огромное большинство котораго было тунгусскаго происхожденія, распространилъ свое господство изъ Маньчжуріи на значительную часть степного пространства Средней Азіи до тѣхъ поръ, пока монголы не основали тутъ новаго міроваго государства.

3. **Тибетъ.**

Въ огромныхъ переворотахъ, потрясавшихъ Среднюю Азію, Тибетъ долгое время принималъ лишь очень незначительное участіе и то только своими окраинами. Народы тибетскихъ окраинъ имѣли нѣкогда гораздо большее распространеніе, чѣмъ въ настоящее время. Правда, на югѣ Гималаи издревле представляли прочныя границы, но на сѣверѣ тибетцы жили вплоть до бассейна Тарима (стр. 135); значительная часть юго-восточнаго Китая также была наполнена тибетскими племенами, которыя лишь мало-по-малу поглощены была китайской національностью. Собственно же Тибетъ оставался совершенно въ сторонѣ. Страна эта не прорѣзывалась торговыми и культурными путями; ея пустынное, лѣтомъ чрезмѣрно знойное, зимой одолѣваемое снѣжными буранами плоскогоріе не соблазняло сосѣднихъ номадовъ совершать смѣлые хищническіе набѣги, которые, по крайней мѣрѣ, нарушили бы неподвижное однообразіе его существованія и тѣмъ внесли бы жизнь и движеніе. Культурныя пріобрѣтенія просачивались сюда каплями, и много времени прошло, прежде чѣмъ сѣмена прогресса взошли на скудной почвѣ.

Первоначально всѣ тибетскіе народы должны были вести чисто „захватное“ хозяйство, въ той формѣ, въ какой мы его находимъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ человѣческаго существованія. Тибетъ, при всей своей пустынности, былъ пригоденъ для этой формы существованія; если онъ былъ бѣденъ дико-растущими полезными растеніями, зато онъ скрывалъ множество дичи, которая и теперь еще водится въ странѣ въ огромномъ количествѣ. Древняя земледѣльческая культура, исходившая отъ круглоголовой расы, пустила корни только на аванпостахъ тибетскаго племени, среди населенія, жившаго въ бассейнѣ Тарима, вдоль торговыхъ дорогъ, и владѣвшаго пригодными участками земли въ оазахъ; причина, почему она не распространилась дальше по Тибету, кроется, главнымъ образомъ, въ томъ, что единственныя, пригодныя для земледѣлія мѣстности лежали далеко на югѣ, въ высокихъ долинахъ Брамапутры и Инда. Если въ этихъ южныхъ полосахъ развилась какая-либо культура, то это произошло подъ вліяніемъ Индіи, естественно, лишь послѣ того, какъ арійскіе индійцы создали здѣсь свою своеобразную цивилизацію. Этимъ также объясняется медленный ростъ культуры Тибета, равно какъ и чрезмѣрное вліяніе Индіи на эту, въ другихъ отношеніяхъ типичную, среднеазіатскую страну.

Отъ Средней Азіи жители сѣвернаго и средняго Тибета могли перенять не древнюю культуру земледѣлія, но сравнительно болѣе новую хозяйственную форму, кочевничество. Являются ли тибетцы тутъ простыми подражателями, или они именно приручили яка и тѣмъ увеличили еще однимъ цѣннымъ видомъ породы домашнихъ животныхъ, остается вопросомъ нерѣшеннымъ; дикій якъ настолько далеко распространился на сѣверъ, что первые опыты его прирученія могли быть предприняты и какимъ-нибудь народомъ монгольско-тюркской или даже арійской расы. Во всякомъ случаѣ, телѣга, какъ орудіе сообщенія, почти неизвѣстна въ Тибетѣ, а животныя, въ особенности якъ, употребляются исключительно, какъ вьючныя животныя. Введеніе кочевой формы хозяйства придало тибетцамъ, въ особенности сѣвернымъ, большую подвижность, сдѣлало возможнымъ увеличеніе населенія и воспитало въ нихъ постепенно тотъ воинственно-разбойничій духъ, который свойственъ всѣмъ номадамъ. Повидимому, и лукъ, не являющійся національнымъ оружіемъ въ Тибетѣ, также перенесенъ былъ сюда съ сѣвера.

а) Доисторическій періодъ.

Въ мелкихъ междоусобіяхъ тибетскихъ племенъ, въ столкновеніяхъ съ жившими къ сѣверу пастушескими народами монгольской расы, вѣ-

роятно, не было недостатка; но исторически извѣстныя болѣе значительныя военныя столкновенія начались лишь тогда, когда тибетская энергія стала искать добычи среди осѣдлыхъ народовъ. На югъ и на западъ путь былъ вполнѣ прегражденъ; зато великая сѣверная дорога съ ея торговыми станціями и оазами была открыта для нападеній, а на сѣверо-востокѣ богатый Китай самъ по себѣ являлся мишенью для выгодныхъ разбойничьихъ походовъ. Въ Монголіи изъ такихъ мелкихъ племенъ, соединявшихся для подобныхъ разбойничьихъ набѣговъ, образовалось очень рано могущественное государство гунновъ; въ Тибетѣ же, гдѣ условія были гораздо менѣе благопріятны, политическое объединеніе разрозненныхъ ордъ началось гораздо позже и съ меньшимъ успѣхомъ. Правда, отдѣльныя пограничныя племена имѣли вскорѣ случай вмѣшаться во внутреннія дѣла Китая: согласно одному (недостовѣрному) извѣстію, уже въ 1123 г. до Р. Х. тибетскія вспомогательныя войска оказались на службѣ у китайцевъ; но болѣе значительнаго государства они не образовали. Какъ кажется, толчкомъ къ національному объединенію послужило проникновеніе буддизма, силой своего прозелитизма устранившаго преграды между враждующими племенами.

Тибетское историческое сочиненіе „Книга царей“, появившееся сравнительно поздно подъ вліяніемъ китайскихъ образцовъ, сообщаетъ намъ сказочную исторію доисторической эпохи, которая въ частностяхъ не заслуживаетъ, конечно, никакого довѣрія, но доказываетъ, какимъ источникамъ сами тибетцы приписывали происхожденіе своей культуры. Согласно этому, въ I вѣкѣ до Р. Х., въ странѣ, лежащей къ югу отъ нынѣшней Лхассы, появился чудесно одаренный ребенокъ, на котораго дикіе туземцы сразу стали смотрѣть, какъ на своего ниспосланнаго съ неба вождя. Этотъ миѳическій образъ, созданный по образцу позднѣйшихъ Далай-Ламъ, былъ непосредственнымъ потомкомъ Будды. Онъ основалъ государство, подданные котораго поднимались его преемниками постепенно все выше и выше по ступенямъ культуры, подобно тому, какъ легендарная исторія Китая рисуетъ прогрессъ цивилизаціи: въ царствованіе седьмого императора во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., начали плавить металлы, употреблять плуги и орошать поля; въ V-мъ вѣкѣ стали огораживать поля, изготовлять одежду изъ кожи и разводить грецкій орѣхъ; вслѣдъ затѣмъ стали скрещивать яка съ быкомъ и ввели разведеніе муловъ и т. п. Если это сказаніе не указываетъ на непосредственное перенесеніе индійской культуры въ Тибетъ, то достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ положеніе культурнаго центра вблизи индійской границы и тотъ фактъ, что родъ властителей Тибета производится отъ Будды. Все усиливавшееся распространеніе ученія Будды въ Индіи (ср. отдѣлъ IV) пробудило тамъ ревностный духъ прозелитизма, который перенесъ новую вѣру, а вмѣстѣ съ ней и высшую цивилизацію черезъ страшную ледяную стѣну Гималайскаго хребта. Въ этомъ же отношеніи на Тибетъ оказывалъ вліяніе и Западъ, гдѣ буддійское ученіе распространилось вплоть до бассейна Тарима; а когда новая вѣра пустила корень даже въ Китаѣ, то Тибетъ пріобрѣлъ неожиданно совершенно новое значеніе, какъ посредничествующее промежуточное звено между Китаемъ и Средней Азіей, съ одной стороны, и Индіей, съ другой, пока, наконецъ, послѣ паденія буддизма на его индійской родинѣ, онъ не сталъ даже центромъ и теократіей сѣверныхъ поклонниковъ Будды.

Въ то время, какъ въ южномъ Тибетѣ возникло постепенно маленькое культурное государство, могущество и процвѣтаніе котораго покоилось на земледѣліи, сѣверные номады также стали организовываться, чему, вѣроятно, способствовалъ примѣръ сосѣдняго китайскаго государства и среднеазіатскихъ кочевыхъ государствъ. Сѣверо-восточныя тибетскія племена, называемыя китайцами ди (ду фань), въ первые вѣка христіанской эры

играли въ малыхъ размѣрахъ роль среднеазіатовъ, выступая то врагами, то союзниками китайскихъ государствъ и ихъ претендентовъ; какъ властители мелкихъ китайскихъ государствъ, тибетскіе начальники вполнѣ напоминаютъ гуннскихъ и тюркскихъ князей, которые присвоивали себѣ скипетры отдѣльныхъ государствъ. Другую вѣтвь тибетской расы составляли кіяны (стр. 137), жившіе къ юго-востоку отъ бассейна Тарима и угрожавшіе торговымъ путямъ, которые вели на Западъ.

б) Тибетская имперія.

Настоящая тибетская имперія возникла лишь тогда, когда въ теченіе VI-го вѣка до Р. X. культурное государство, лежавшее на югѣ, подчинило своему вліянію и сѣверныхъ номадовъ. Этимъ была создана держава, которая играла роль въ дальнѣйшей политической организаціи Средней Азіи. Трудно доступная на своей собственной территоріи, она угрожающе стояла на юго-западной границѣ Китая и у торговыхъ путей, прорѣзывавшихъ бассейнъ Тарима. Перемѣнчивыя судьбы тюркскихъ государствъ представляли достаточно поводовъ къ вмѣшательству въ ихъ дѣла.

Впервые Тибетская имперія обратила на себя вниманіе китайцевъ въ 589 г. До какой степени сознательно тибетскіе властелины старались поднять свою культуру при посредствѣ вліянія Индіи, доказываетъ ихъ посольство въ эту страну въ 632 г., способствовавшее болѣе основательному знакомству съ буддійской религіей и повлекшее за собою изобрѣтеніе письма по образцу индійскаго. Уже тогда Лхасса была столицей государства и центромъ религіозной жизни. Отношенія съ Китаемъ были сначала хорошія; но вскорѣ одно обстоятельство, постоянно повторяющееся въ исторіи среднеазіатскихъ государствъ, послужило поводомъ къ войнѣ: именно желаніе тибетскаго государя вступить въ бракъ съ одной китайской принцессой было съ презрѣніемъ отвергнуто. Такъ какъ въ концѣ концовъ желаніе его было удовлетворено, то нужно думать, что походъ окончился не такъ благопріятно для китайцевъ, какъ это пытались изобразить ихъ историки; но и съ другой стороны, тибетцы предпочли отнынѣ направлять свои походы въ бассейнъ Тарима, гдѣ запутанныя дѣла обѣщали большіе успѣхи. И Тибетъ, дѣйствительно, простеръ свою власть въ 680 г. вплоть до Тяньшаня. Нашествіе соединенныхъ китайцевъ и тюрокъ отбросило, правда, на короткое время въ 692 г., тибетцевъ назадъ; но, потерпѣвши пораженіе, они вернулись и въ 715 г., въ союзѣ съ арабами, проникли вплоть до Ферганы. Въ продолженіе всего VIII-го столѣтія Тибетъ оставался самой важной державой на югѣ Средней Азіи и опаснымъ соперникомъ Китая, столица котораго въ 763 г. была даже тибетцами взята штурмомъ и разграблена. Лишь въ 820 г. наступилъ продолжительный миръ между Тибетомъ и Китаемъ, въ память чего воздвигнута въ Лхассѣ колонна съ надписью.

в) Паденіе Тибетской имперіи.

Въ теченіе девятаго столѣтія могущество Тибета сильно пало; уйгуры овладѣли сѣверными окраинами, а Ся съ успѣхомъ переняло пограничную охрану противъ падающаго Тибета. Государство это (точнѣе Си Ся, Hsi Hsia, западное Ся; ср. стр. 89) возникло въ 884 г., въ эпоху Таньской династіи, въ верховьяхъ Гоанго. Владѣтельный домъ его происходилъ изъ династіи Тоба, государства Бэй-Вэй (стр. 146) въ сѣверномъ Китаѣ, погибшаго въ 557 г., но воинственное ядро населенія составляли тангуты, близкіе родственники тибетцевъ. Въ 1035 г. государство это стало совершенно независимо отъ сѣверной Сунской династіи, господствовавшей въ южномъ Китаѣ, и удержалось впослѣдствіи благодаря союзу

то съ сунами, то съ киданями, а позднѣе — съ цзинями (стр. 84), овладѣвшими сѣвернымъ Китаемъ. Самостоятельное положеніе страны внѣшнимъ образомъ выразилось (весьма характерная черта, повторяющаяся очень часто въ Средней Азіи) въ изобрѣтеніи новаго письма, въ основѣ котораго лежали древне-китайскія письмена. О войнахъ между государствомъ Ся съ Тибетомъ существуетъ мало свѣдѣній; вторженіе тибетцевъ въ 1076 году кончилось внезапнымъ отступленіемъ, вызваннымъ, будто-бы, суевѣрнымъ страхомъ, овладѣвшимъ войскомъ. Въ 1227 г. государство Ся было уничтожено монголами (ср. ниже, стр. 162).

Паденіе политическаго могущества Тибета вызвано, главнымъ образомъ, тѣмъ, что тогда вся страна была охвачена буддизмомъ, парализовавшимъ свѣтскую власть и вызвавшимъ глубокія измѣненія въ психологіи народа. Тибетскій буддизмъ скоро принялъ въ замкнутомъ Тибетѣ своеобразный характеръ: духовенство обнаруживало здѣсь мало склонности къ тонкимъ теологическимъ и философскимъ спорамъ и ученіямъ своихъ индійскихъ и китайскихъ единовѣрцевъ; но тѣмъ сильнѣе было вліяніе первоначальной шаманистской народной религіи, выработавшей изъ буддійскихъ священниковъ и монаховъ своего рода волшебниковъ и приписывавшей имъ всевозможныя чары грубой мистики. Такъ объясняется господствующее положеніе, которое сумѣло занять духовенство именно въ Тибетѣ, и масса суевѣрій, распространившихся постепенно отсюда по всей Средней Азіи.

Съ конца IX-го столѣтія Тибетъ велъ тихое существованіе, ничѣмъ не привлекавшее вниманія сосѣдей; лишь въ 1015 г. война съ Китаемъ нарушила на короткое время покой. Сношенія съ Китаемъ снова подняли нѣсколько культуру страны: со времени пріѣзда туда упомянутой на стр. 153 китайской принцессы тибетцы научились варить рисовое и ячменное вино, устраивать водяныя мельницы и изготовлять ткани; сюда переселились также китайскіе ремесленники, а сыновья болѣе знатныхъ лицъ часто посылались на воспитаніе въ Китай. Такимъ образомъ, тибетская культура, бывшая первоначально всецѣло подъ индійскимъ вліяніемъ, все болѣе и болѣе принимала китайскій отпечатокъ, пока, наконецъ, бурный натискъ монголовъ не прошелъ черезъ Тибетъ и не установилъ болѣе тѣсной политической связи страны съ Китаемъ.

I. Культурное и религіозное положеніе Средней Азіи до-монгольскаго періода.

Примѣръ Тибета показываетъ, какая тѣсная связь существуетъ между прогрессомъ культуры и религіозной пропагандой, и какъ желаніе распространить свою собственную вѣру можетъ явиться главной причиной того, что представители народа съ болѣе высокой культурой, въ качествѣ носителей цивилизаціи, рѣшаются забираться даже въ самыя отдаленныя, наименѣе привлекательныя страны, — явленіе, далеко не единичное именно въ Средней Азіи. Какъ ни способствовала торговля между Востокомъ и Западомъ поднятію культуры Средней Азіи (стр. 134), не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что самая значительная культурная работа произведена тѣми, которые, въ качествѣ провозвѣстниковъ различныхъ міровыхъ религій, проникли внутрь Азіи или двигались на востокъ по большимъ торговымъ дорогамъ; лишь религіозное рвеніе выработало ту выдержку и самоотверженность, которыми долженъ обладать тотъ, кто желаетъ сѣять среди отсталыхъ народовъ сѣмена высшей цивилизаціи и болѣе благородныхъ нравовъ. То, что изъ культурныхъ странъ, граничащихъ съ Средней Азіей, именно Китай не создалъ настоящей міровой религіи и не разсылалъ миссіонеровъ — если не считать буддистовъ — фактъ большой важности: именно вслѣдствіе этого китайцамъ никогда не удавалось крѣпко

привязать къ себѣ среднеазіатовъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ покровительствѣ буддійскому ученію они не нашли могущественнаго средства, которое оказало имъ неоцѣнимыя слуги при укрощеніи дикихъ кочующихъ ордъ.

Первоначальную „религію" среднеазіатовъ составляла, несомнѣнно, та несложная мистика, которую мы находимъ у всѣхъ дикихъ народовъ, хотя и въ различныхъ формахъ. Защита отъ злокозненныхъ вліяній, исцѣленіе отъ болѣзней являются главной задачей шамановъ, какъ носителей мистическихъ силъ; вѣра въ высшее божество, которая обыкновенно сопутствуетъ этой мистикѣ, имѣетъ лишь второстепенное значеніе и оказываетъ слабое вліяніе на духовную жизнь. Для жителей сѣверной и средней Азіи типичной формой грубой мистики является шаманство: шаманъ, или волшебникъ ударами по бубну или другими средствами приводитъ себя въ экстазъ и вступаетъ потомъ въ общеніе съ міромъ духовъ, о которыхъ у различныхъ народовъ существуютъ весьма разнообразныя представленія, отчасти подъ вліяніемъ культурныхъ религій. Даже тамъ, куда проникли уже высшія религіозныя формы, шаманство, какъ излюбленное народное вѣрованіе, по большей части еще долго сохраняется и, съ своей стороны, придаетъ имъ своеобразный мѣстный характеръ. Въ глазахъ среднеазіатскихъ номадовъ всякое духовное лицо являются чѣмъ-то вродѣ шамана, отъ котораго можно требовать исцѣленія, пророчества и чудесъ. Слѣдствіемъ этого было вырожденіе первоначальныхъ религіозныхъ ученій, котораго не избѣгли ни буддисты, ни несторіанцы.

Всякая высшая религіозная форма опирается на письменныя преданія и имѣетъ свои священныя книги; поэтому великій культурный ростъ письменности быстрѣе всего развивается въ связи съ религіозной пропагандой. Но и искусство идетъ по слѣдамъ религіи: изображенія боговъ и святыхъ, равно какъ и храмы, принадлежатъ къ необходимымъ орудіямъ пропаганды и своимъ мощнымъ развитіемъ возвѣщаютъ побѣду новой религіи (см. таблицу „Врата Гю-юнъ-Гуаня", къ стр. 158). Теперь понятно, почему положеніе Средней Азіи среди важныхъ культурныхъ странъ и исходныхъ пунктовъ религіозныхъ ученій должно было привести къ замѣчательному смѣшенію вліяній, наряду съ которыми первоначальныя черты не терялись окончательно. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что оазы Средней Азіи сами были средоточіями древней культуры, но эта культура, послѣ появленія воинственныхъ кочевыхъ народовъ, покоилась на слишкомъ узкомъ основаніи, чтобы она могла продолжать развиваться безъ благодѣтельныхъ образцовъ другихъ культуръ.

Смѣшеніе религій и культуръ было ускорено тѣмъ, что различныя религіозныя ученія появлялись не послѣдовательно одна послѣ другой, а большинство изъ нихъ въ первые вѣка до и послѣ Рождества Христова стали пускать корни въ Средней Азіи параллельно другъ другу. Относительно, раньше всего выступилъ на сцену буддизмъ, который и оказалъ самое глубокое вліяніе на Среднюю Азію. Ученіе Заратустры стало сильнѣе распространяться лишь съ 250 г. по Р. Х., когда при Сассанидахъ, благодаря новому подъему иранизма (т. III, стр. 259), пробудился духъ прозелитизма въ духовенствѣ; но, вмѣстѣ съ нимъ и наряду съ нимъ, христіанство (т. IV, отд. III) также стало пріобрѣтать себѣ приверженцевъ. Ни одна изъ этихъ религій не одержала полной побѣды, пока, наконецъ, въ одной части этой области не взялъ верха исламъ, между тѣмъ какъ на востокѣ побѣду одержалъ вышедшій изъ Тибета буддизмъ. Древнѣйшій же буддизмъ Восточнаго Туркестана, непосредственно связанный съ Индіей, почти совершенно исчезъ.

О состояніи Средней Азіи въ религіозномъ отношеніи имѣются письменныя преданія. Эти свѣдѣнія были пополнены новѣйшими археологическими изслѣдованіями въ Средней Азіи, которыя дали бога-

тыя данныя именно въ бассейнѣ Тарима и съ очевидностью объясняютъ намъ вліяніе различныхъ культуръ и религіозныхъ ученій. Британскія раскопки въ западной части бассейна Тарима открыли, наряду съ индійско-буддійскими, китайскими и персидскими древностями и надписями, также грубыя мѣдныя фигуры, служившія, вѣроятно, для шаманскихъ цѣлей и происходящія, повидимому, изъ древней культурной провинціи Алтая, гдѣ шаманство существуетъ и понынѣ.

a) Буддизмъ въ Средней Азіи.

Самое большое значеніе для западной части Средней Азіи въ до-монгольскій періодъ имѣлъ буддизмъ. Оживленная миссіонерская дѣятельность буддистовъ за предѣлами Индіи могла, естественно, начаться лишь послѣ того, какъ новое ученіе пустило глубокіе корни на своей родинѣ. Царствованіе великаго Асоки (263—26 до Р. Хр.; ср. IV отдѣлъ) знаменуетъ въ одно и то же время побѣду буддизма въ сѣверной Индіи и распространеніе политическаго и религіознаго вліянія на сѣверо-западъ. Кашмиръ, этотъ мостъ въ Среднюю Азію, призналъ верховную власть Асоки; если буддизмъ и не пріобрѣлъ здѣсь твердой почвы и долженъ былъ вступать въ частую борьбу съ остатками древняго туземнаго культа змѣй и оттѣсненнаго брахманизма, то все же здѣсь открылся доступъ къ культурнымъ оазамъ бассейна Тарима, гдѣ новое ученіе встрѣтило вскорѣ радушный пріемъ.

По своимъ внѣшнимъ формамъ буддизмъ этотъ, конечно, не являлся продуктомъ чисто индійской культуры. Прежде всего иранская національность перешла въ Индію и оставила свои слѣды на цивилизаціи народа; но со временъ Александра Великаго въ Бактріи появился отпрыскъ эллинистской цивилизаціи, вліяніе которой на искусство и культуру такъ же сильно сказалось въ бассейнѣ Тарима, какъ и въ сѣверо-западной Индіи. Гдѣ ни появлялся въ это время буддизмъ, онъ всегда сопровождался элементами греческаго искусства; это греко-буддійское искусство и культура сѣверо-западной Индіи нашли себѣ въ бассейнѣ Тарима новую родину. И здѣсь рѣзко выдѣляется различіе между болѣе древней, западной формой буддизма и новѣйшей, сложившейся въ Тибетѣ, восточной. Впрочемъ, провозвѣстниками новой вѣры, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являлись широкими распространителями индійскаго языка, были индійцы чистой крови, такъ какъ для пониманія священныхъ книгъ необходимо было знаніе санскрита; вѣроятно даже, что шла сильная иммиграція и независимо отъ религіозныхъ мотивовъ.

Повидимому, индійское вліяніе прежде всего пріобрѣло значеніе въ Хотанѣ, гдѣ сынъ Асоки основалъ династію; вообще Хотанъ, благодаря своему естественному положенію, составлялъ соединительное звено между Средней Азіей и Индіей, и въ его культурѣ сильнѣе всего сказывается индійское вліяніе. Въ Хотанѣ находилось значительное количество буддійскихъ святынь и монастырей. Опираясь на свое религіозное значеніе, этотъ густо населенный оазъ много разъ достигалъ большого могущества, котораго онъ не могъ, однако, удержать надолго, такъ какъ, будучи ключомъ къ индійскому южному и восточно-западному торговымъ путямъ, онъ представлялся всѣмъ воинственнымъ народамъ Средней Азіи очень важной добычей. Изъ Хотана буддизмъ распространился дальше по бассейну Тарима и его сѣвернымъ пограничнымъ странамъ: это самымъ очевиднымъ образомъ доказывается остатками многочисленныхъ пещерныхъ храмовъ, устроенныхъ по образцу индійскихъ, а также произведеніями греко-буддійскаго искусства, найденными при новѣйшихъ изысканіяхъ въ западной части Восточнаго Туркестана. Раньше всѣхъ эту высшую религіозную форму переняла, безъ сомнѣнія, осѣдлая часть населенія, про-

никнутая старой культурой; номады же отнеслись къ ней болѣе равнодушно. Совѣтникъ одного тюркскаго князя высказалъ откровенно, что ни созиданіе городовъ, ни сооруженіе буддійскихъ храмовъ не принесутъ пользы номадамъ, такъ какъ это противорѣчитъ ихъ старинному, привычному образу жизни и подорветъ ихъ мужество — мысль очень вѣрная, ибо, дѣйствительно, буддизмъ, благодаря хитрой поддержкѣ китайцевъ, уничтожилъ въ концѣ концовъ воинственную дикость среднеазіатовъ.

б) Ученіе Заратустры въ Средней Азіи.

Вторая великая религія, ученіе Заратустры, естественно, распространилась, главнымъ образомъ, въ Западномъ Туркестанѣ, который много разъ подпадалъ всецѣло подъ иранское вліяніе. Оттуда, по торговымъ путямъ, которые оживлялись преимущественно благодаря персидскимъ купцамъ, она проникла дальше на востокъ, не пріобрѣтя, однако, большого значенія въ противовѣсъ буддизму. Ученіе Заратустры распространилось также среди западныхъ кочующихъ скотоводовъ, въ особенности среди скиѳовъ иранскаго происхожденія, и оставило тамъ нѣкоторые замѣчательные слѣды; древне-славянская миѳологія съ ея противоположностью между свѣтлыми и темными божествами, повидимому, также является продуктомъ иранскаго культа свѣта, какъ и міросозерцаніе тюркскихъ языческихъ племенъ на Алтаѣ, которыя ставятъ человѣческій родъ посрединѣ между властью свѣта и тьмы. У нѣкоторыхъ народовъ, какъ у уйгуровъ, буддизмъ и ученіе Заратустры одно время соперничали другъ съ другомъ; носили ли также партійныя войны, которыя у тюрокъ были особенно часты и гибельны, религіозную окраску, теперь нельзя уже установить.

в) Христіанство въ Средней Азіи.

Еще до того, какъ иранскій культъ свѣта въ началѣ эпохи Сассанидовъ пріобрѣлъ новую силу прозелитизма, христіанскіе миссіонеры прошли черезъ Иранъ и утвердились въ Средней Азіи; и воспламененіе вѣры въ ученіе Заратустры нужно разсматривать отчасти, какъ реакцію противъ чрезмѣрно распространившагося христіанства, непріятнаго настоящимъ иранцамъ. Разумѣется, не великая единая христіанская церковь, при посредствѣ своихъ миссіонеровъ, проложила себѣ путь черезъ предѣлы Ирана, а отдѣлившаяся отъ главной церкви вѣтвь ея, несторіанство (ср. т. IV, стр. 209). Поэтому-то несторіанцы, хотя и посѣяли далеко на востокъ сѣмена западной цивилизаціи, вслѣдствіе своей изолированности, въ значительной мѣрѣ сильно выродились, такъ какъ они вынуждены были довольствоваться лишь самымъ существеннымъ и не могли поддерживать оживленныхъ сношеній съ Западомъ. Но при всемъ томъ несторіанская церковь временами достигала высокаго процвѣтанія. Въ началѣ монгольскаго періода, когда и западная церковь снова начала заботиться о своей отдѣлившейся восточной сестрѣ, мысль—обратить въ свою вѣру монгольскихъ властителей и тѣмъ рѣшить побѣду христіанства надъ его соперниками, между которыми самымъ опаснымъ былъ тогда исламъ, казалась не лишенной основанія. Въ Китаѣ съ VII вѣка существовали христіанскія общины и даже мелкія государства съ христіанскими князьями во главѣ. Здѣсь первоначально находилось полусказочное государство архіепископа Іоанна (стр. 95), поиски котораго послужили главнымъ мотивомъ для португальскихъ путешествій и открытій, пока, наконецъ, не открыли этого мнимаго государства вновь въ Абиссиніи. Наряду съ несторіанцами, впрочемъ, проникли въ 1000 г. вплоть до Китая и миссіонеры отъ манихеевъ

г) Исламъ въ Средней Азіи.

Надежды болѣе древнихъ религій въ западной части Средней Азіи были основательно поколеблены, если не разрушены сразу же выступленіемъ на сцену Ислама. Именно то обстоятельство, что онъ выступилъ на сцену послѣднимъ, со свѣжими идеалами, обезпечивало ему побѣду надъ проникнутыми шаманскими вліяніями и выродившимися въ своей изолированности другими религіозными ученіями; въ рѣшительномъ стремленіи къ обращенію въ свою вѣру монгольскихъ князей, стремленіи, которое должно было обезпечить побѣдоносной религіи духовное господство, побѣдителемъ оказался на Западѣ въ концѣ-концовъ исламъ. Но борьба все-таки продолжалась цѣлыя столѣтія: уже въ началѣ VIII столѣтія арабы стали господами западной части Средней Азіи и потомъ проникли побѣдоносно въ бассейнъ Тарима. Главное мѣстопребываніе буддистовъ, Хотанъ, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ сопротивлялось нападеніямъ. У обитателей Восточнаго Туркестана, на основаніи преданій объ этихъ религіозныхъ войнахъ, сложился миѳъ о героической фигурѣ Ордана Падьи, чудесные подвиги котораго рѣшили побѣду ислама. Но новая вѣра восторжествовала лишь тогда, когда въ X вѣкѣ Сатукъ, тюркскій властелинъ Кашгара (ср. объясненіе таблицы къ стр. 148), перешелъ въ нее и подчинилъ себѣ большую часть бассейна Тарима и даже западной части Туркестана. Послѣ его смерти (1037 г.) могущество новаго государства стало быстро падать.

Мало-по-малу религіозныя различія пріобрѣли опредѣленное этническое значеніе и для кочевыхъ народовъ Средней Азіи: тюрко-татарская вѣтвь включаетъ отнынѣ, главнымъ образомъ, приверженныхъ къ исламу среднеазіатовъ; монгольская вѣтвь — приверженцевъ буддійскаго ученія; а между тѣмъ первоначально обѣ вѣтви были въ близкомъ родствѣ или, скорѣе, были общаго происхожденія и измѣнились лишь отчасти вслѣдствіе примѣси чуждой крови. Среди уйгуровъ въ особенности исламъ пріобрѣлъ сравнительно рано многочисленныхъ почитателей, наряду съ которыми, долго еще продолжали существовать и представители другихъ религій.

Смѣшенію религіозныхъ ученій, въ которыя внесла свою лепту на Западѣ даже эллинская религія, соотвѣтствовало и смѣшеніе культуръ, выразившихся сильнѣе всего въ стилѣ искусства и въ письмѣ. Новѣйшія раскопки въ Туркестанѣ дали объ этомъ болѣе точныя данныя, въ особенности о существованіи стиля, который развился подъ вліяніями индійскими, греческими и персидскими.

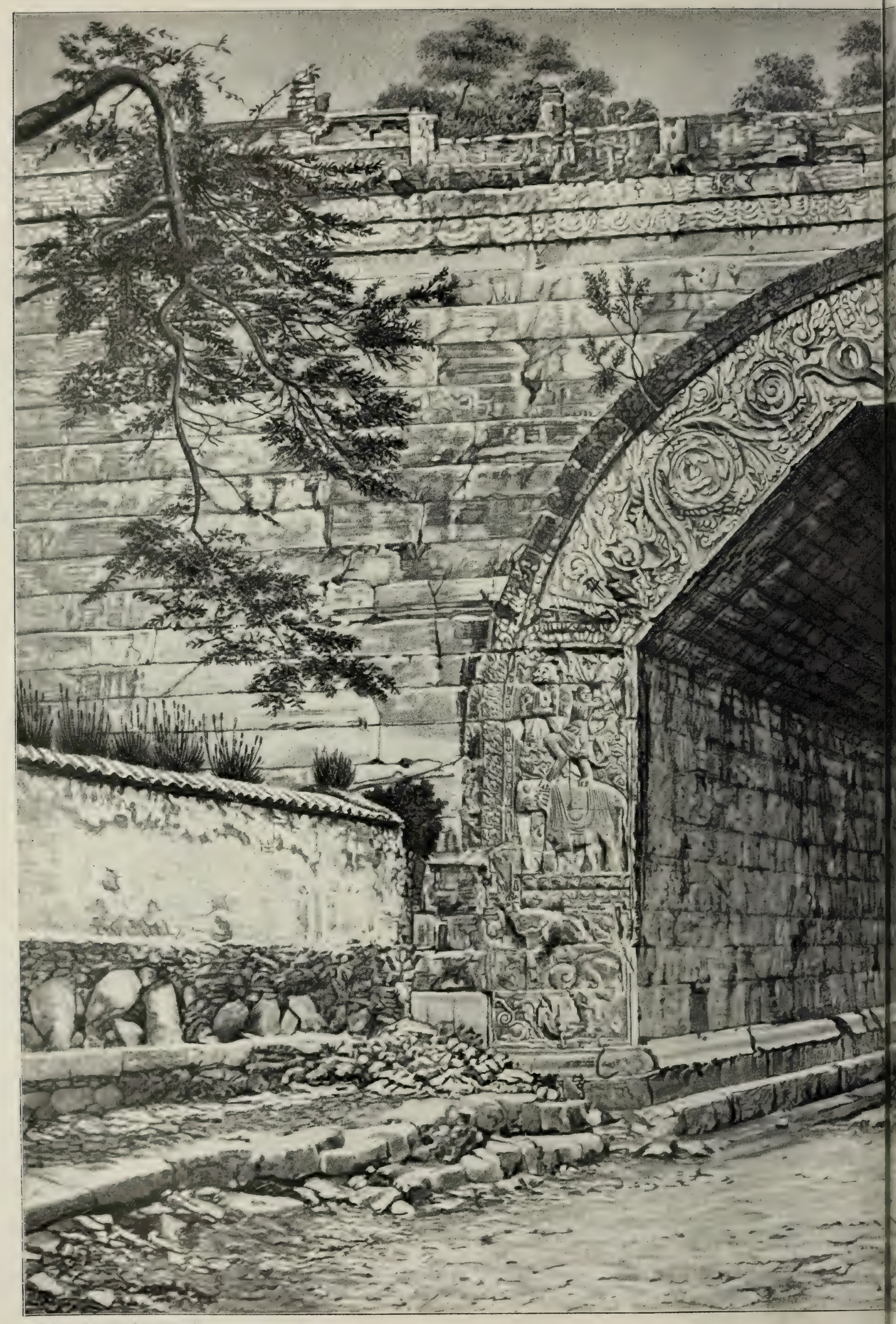
Если въ этомъ смѣшанномъ стилѣ обнаруживается уже стремленіе перейти отъ простого подражанія чуждымъ формамъ къ нѣкоторой оригинальности, то эта черта еще рѣзче сказывается въ томъ, что, наряду съ чужими письменами, Средняя Азія изобрѣла цѣлый рядъ своихъ собственныхъ системъ письма, которыя, разумѣется, исходятъ изъ уже существовавшихъ образцовъ, но носятъ характеръ самостоятельности (ср. объясненіе къ прилагаемой таблицѣ „Ворота Гю-юнъ-Гуань“). Меньше всего, кажется, подражали китайскому письму, такъ какъ недостатки его, въ сравненіи съ письменами другихъ культурныхъ народовъ, слоговыми и буквенными, слишкомъ рѣзко бросались въ глаза.

Сильнѣе было вліяніе индійскихъ способовъ письма, въ особенности въ бассейнѣ Тарима; у уйгуровъ же, наоборотъ, вошелъ въ употребленіе пелевійскій шрифтъ изъ Персіи, благодаря посредничеству юе-чжи, а отъ нихъ его усвоили тюркскіе народы. Потомъ, благодаря вліянію несторіанскихъ миссіонеровъ, распространилось сирійское письмо, послужившее образцомъ для новыхъ туземныхъ системъ (см. таблицу къ стр. 148);

Объясненіе къ рисунку на оборотѣ.

На дорогѣ, ведущей изъ Пекина на сѣверо-западъ, въ Калганъ и къ великой стѣнѣ, въ проходѣ Нань-Ку, между Чанъ-биномъ и Хуай-Лайемъ, расположены ворота Гю-юнъ-гуань, составляющія часть передней стѣны. Ворота эти славятся, во-первыхъ, изображенными на рисункѣ скульптурными украшеніями, во-вторыхъ, двумя большими надписями на обѣихъ внутреннихъ отвѣсныхъ стѣнахъ свода, — надписями, которыя особенно приковываютъ вниманіе лингвистовъ. Надписи эти, относящіяся къ 1345 г. по Р. Х., сдѣланы на 6 языкахъ: санскритскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ (квадратнымъ шрифтомъ), уйгуро-тюркскомъ, китайскомъ и на одномъ еще нерасшифрованномъ языкѣ, сохранившемся только въ этомъ образцѣ. Виліе, первый занявшійся (1870 г.) расшифрованіемъ этого ряда интересныхъ надписей, полагалъ, что упомянутый неизвѣстный идіомъ принадлежитъ народу жу-чжань или ню-чжи, Цзинской династіи, между тѣмъ какъ G. Devéria высказался за то, что это шрифтъ тангутовъ, основавшихъ въ верхнемъ теченіи Желтой рѣки, между 34⁰ и 42⁰ сѣверной широты, государство Си-ся. Обѣ надписи (крупными буквами) суть сокращенныя редакціи двухъ мистическихъ молитвъ (dhâranî): во-первыхъ — Sarva-durgati-paricodhana-usnîsa-dhâranî (восточная стѣна) и, во-вторыхъ, — Samanta-mukha-praveça-raçmi-vimalos-nîsa-prabhâ-sarva-tathâgata-hrdaya-sama-virocana-dhârani (западная стѣна). Надписи детально изучили и перевели на французскій языкъ („Journal Asiatique“): китайскій и монгольскій текстъ — Эдуардъ Шаваннъ (Ed. Chavannes), тибетскій — С. Леви (Sylvain Lévi), уйгурскій — В. Радловъ (1894 г.) и монгольскій вторично — Georg Huth (1895 г.).

Нашъ рисунокъ изображаетъ ворота, возстановленныя въ 1445 г. Линь-Поу-Сяνемъ и впослѣдствіи снова пришедшія въ упадокъ, — въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются, разсматриваемыя съ южной стороны. Наверху мы видимъ garuda, надъ двумя nâga съ змѣевидными хвостами. На нижней части лѣвой стѣны, оттѣненной деревомъ, — барельефъ: слонъ, на котораго взобралось какое-то фантастическое существо, а на немъ сидитъ человѣкообразная фигура; небольшая лента-орнаментъ слѣва представляетъ цѣпь vajras. На трехгранномъ куполѣ неизображенной тутъ внутренней части свода — врѣзанныя рамки съ изображеніями Будды; на отвѣсныхъ стѣнахъ — упомянутыя выше большія надписи между четырьмя mahârâja (dhrtarâsta, играющій на мандолинѣ, съ товарищами), служащими хранителями воротъ. (Приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ находящагося въ распоряженіи издателя настоящей книги экземпляра „Documents de l'époque mongole des XIII et XIV siècles“ принца Ролана Бонапарта; Парижъ, 1895 г).



Ворота Г

(Рисунокъ Франца Этцольда по „Documents de l'époque mongole

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

онъ-гуань.

XIII et XIV siècles“ принца Ролана Бонапарта, Парижъ, 1895.)

письмо монгольское и маньчжурское — отпрыски сирійскаго письма. Въ VIII и IX вѣкѣ число иностранныхъ и туземныхъ системъ письма, какъ доказываютъ многочисленныя находки, было необычайно велико, что служитъ указаніемъ на извѣстную разрозненность культурной жизни; изолированный и въ то же время необыкновенно легко доступный чуждымъ вліяніямъ характеръ среднеазіатской культуры и здѣсь выступаетъ очень ярко.

3. Средняя Азія отъ монгольскаго періода до настоящаго времени.

A. Чингизъ-ханъ.

То, что достигнуто было культурой и религіями для укрощенія грубаго населенія Средней Азіи, явилось результатомъ работы цѣлаго ряда столѣтій. Въ оазахъ воздвигались буддійскіе храмы, мѣста культа Заратустры, христіанскія церкви и магометанскія мечети; промышленность процвѣтала, торговля привлекала въ страну иностранныхъ купцовъ, и кто стремился къ утонченію нравовъ и къ облагорожденію своего существованія, у того не было недостатка въ блестящихъ образцахъ. Правда, въ гораздо меньшей степени это можетъ быть отнесено къ кочевникамъ, но и у многихъ изъ нихъ высшія религіозныя формы пустили корни; между ними встрѣчались люди, знакомые съ искусствомъ письма, а прелести цивилизованной жизни не могли не производить соотвѣтствующаго впечатлѣнія. Дорога, которая должна была вывести эти народы изъ ихъ прежней дикости, уже многократно была протоптана: силы культуры, повидимому, вездѣ побѣдоносно шли впередъ. Тогда номадизмъ еще разъ собрался съ силами, чтобы дать отпоръ, который былъ страшнѣе всѣхъ предыдущихъ и который снова проложилъ надолго широкій путь необузданной страсти къ войнѣ и разрушеніямъ, самыми типичными и самыми дикими представителями которой были пастушескія племена Средней Азіи. Міръ воспылалъ въ эпоху монголовъ кровавымъ свѣтомъ. Дважды, сначала при Чингизъ-ханѣ и его первыхъ преемникахъ, а потомъ еще разъ при Тимурѣ, орды дикихъ всадниковъ ворвались въ культурныя страны Азіи и Европы; дважды они бушевали такъ, какъ будто бы они хотѣли растоптать всѣ страны и обратить ихъ въ пастбища для своихъ стадъ; они съ такимъ ожесточеніемъ производили свои опустошенія и истребленія, что разоренныя ими страны сохраняютъ и понынѣ слѣды ихъ разрушительной ярости. Это были послѣднія крупныя изверженія среднеазіатскаго кратера; теперь культура побѣдила, и орды этой широкой степи не представляютъ болѣе опасности, предъ которой ей приходилось бы дрожать.

И на этотъ разъ противъ культурнаго міра выступила вся накопившаяся сила среднеазіатскаго кочевничества, временно объединенная одной властной натурой. Новый народъ, который появляется какъ будто внезапно и сразу выступаетъ огромными военными ордами, народъ, который до̀ того едва былъ извѣстенъ и почти не обращалъ на себя вниманія, въ дѣйствительности даетъ только первый толчокъ и является сначала лишь авангардомъ лавинообразно наростающей массы; отъ него она получаетъ свое имя, отъ него же она воспламеняется снова дикимъ воинственнымъ духомъ, который частью ослабъ было отъ соприкосновенія съ культурой. Но рѣшающее значеніе имѣетъ всегда личность. Кто чувствуетъ себя рожденнымъ быть властелиномъ и неблагосклонностью судьбы не вырванъ слишкомъ рано изъ своего геройскаго пути, тотъ, въ концѣ-концовъ, всегда сдѣлается предводителемъ большого народа, хотя бы онъ принадлежалъ къ самой маленькой, самой презрѣнной ордѣ: народы Средней Азіи съ ихъ различными названіями, но со столь сходными склонностями и нравами, подъ да-

вленіемъ одного желѣзнаго кулака властелина соединяются въ одну исполинскую народную силу. Конечно, степнымъ государствамъ не суждено продолжительное существованіе: лишь только принудительная сила ослабѣваетъ, огромное зданіе ея распадается снова. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ снова образуются тогда особые народы и государства изъ глубоко потрясенныхъ и перетасованныхъ племенъ Средней Азіи. Не избѣгло этой участи и міровое государство монголовъ.

а) Древнѣйшая исторія монголовъ.

Въ древнѣйшей исторіи Средней Азіи монголы такъ мало фигурируютъ, что позволительно сомнѣваться, имѣемъ ли мы здѣсь вообще дѣло съ народомъ, корни котораго уходятъ далеко въ прошлое. Первоначальныя поселенія монголовъ, насколько это поддается изслѣдованію, лежатъ на сѣверной окраинѣ среднеазіатской степи, въ области Байкальскаго озера. Но именно эта сѣверная окраина является ареной, гдѣ образовались самыя важныя государства номадовъ, настоящимъ ядромъ пастушескихъ народовъ — завоевателей; здѣсь гунны продержались до самаго конца, здѣсь было средоточіе тюркскаго владычества. Кочевые народы, населявшіе эту область, образовались въ новѣйшее время, главнымъ образомъ, изъ обломковъ болѣе древнихъ этническихъ элементовъ и заключали въ себѣ остатки всѣхъ прежнихъ обитателей страны. Въ частности монголы образовались изъ остатковъ тюркскаго племени, которое, въ свою очередь, представляло опять-таки смѣсь гуннскихъ и другихъ племенъ. То, что именно они воскресили вновь старую страсть номадовъ къ войнѣ и разрушенію, не было простой случайностью: благодаря отдаленности своихъ поселеній, они были наименѣе изнѣжены культурой и менѣе всего подвергались смягчающему вліянію религіи, и потому наиболѣе вѣрными остались древнимъ военнымъ традиціямъ. Жажда добычи, стремленіе къ власти и господству надъ безчисленными народами были унаслѣдованы этими суровыми номадами отъ долгаго ряда энергичныхъ предковъ. И сказанія о происхожденіи монгольской династіи отъ духа свѣта или отъ волка, также являются лишь отзвуками болѣе древнихъ преданій.

Въ началѣ двѣнадцатаго вѣка монгольская орда стала пріобрѣтать извѣстность въ Средней Азіи; обстоятельства того времени благопріятствовали возвышенію монголовъ, такъ какъ въ Средней Азіи не было тогда ни одного сильнаго государства. Въ восточной части этой области господствовали цзинь, или ню-чжи (стр. 85), побѣдившіе и вытѣснившіе въ 1125 году киданей; оба эти народа были тунгусскаго происхожденія, и имъ была подвластна также часть сѣвернаго Китая. Монголы, повидимому, платили дань ню-чжи. На западѣ могущество хакасовъ сильно ослабло; уйгуры и отдѣльныя татарскія орды, каковы кераиты (т. IV, стр. 207), принявшіе частью христіанство, вели независимое существованіе. Прежде всего отецъ Чингизъ хана, Ѣсугай, подчинилъ себѣ нѣсколько кочевыхъ племенъ, что возбудило подозрительность ню-чжи, сдѣлавшихъ въ 1135 и въ 1147 г. тщетныя попытки задушить въ зародышѣ возникавшую міровую державу.

б) Темучинъ (Чингизъ-ханъ).

О другихъ подвигахъ Ѣсугая мало извѣстно. Его государство, казалось, готово было такъ же легко распасться, какъ легко оно возникло. Ко времени смерти Ѣсугая (1175 г.), его сыну Темучину было 20, а по другимъ источникамъ 12 лѣтъ — достаточное основаніе для покоренныхъ ордъ къ отпаденію. Дѣйствительно, во время опекунства его матери у этого властителя осталась лишь первоначальная родовая орда. Но въ этомъ юношѣ

жила желѣзная сила воли. Онъ собралъ своихъ приверженцевъ и далъ своему противнику Онгъ (Ванъ)-хану, избранному другими ордами, сраженіе, которое прежде всего положило предѣлъ дальнѣйшимъ отпаденіямъ; годъ спустя онъ одержалъ блестящую побѣду надъ вновь возставшими мятежниками. Варварскимъ наказаніемъ мятежныхъ предводителей онъ вполнѣ доказалъ, что призванъ быть властителемъ. Вскорѣ нашлись племена, которыя искали его дружбы, другія строили козни или открыто выступали противъ него; въ постоянныхъ войнахъ все болѣе и болѣе крѣпла сила Темучина. Послѣ цѣлаго ряда походовъ онъ покорилъ себѣ наймановъ, бывшихъ съ нимъ прежде въ союзѣ кераитовъ и другія племена, а въ 1206 г. на р. Ононѣ (притокѣ Амура) онъ произвелъ большой смотръ войскамъ и созвалъ совѣтъ, собравъ вокругъ себя большую часть боевыхъ силъ номадовъ Средней Азіи. Здѣсь, по желанію своихъ приверженцевъ, онъ принялъ имя Ченгисъ (Чингисъ, Чингизъ) хана (настоящій герой). Теперь наступило время двинуться дальше и перенести побѣдоносное оружіе и въ сосѣднія культурныя страны.

Поводомъ къ дальнѣйшимъ войнамъ послужили интриги найманскаго князька Кучлука, окончательно разорившаго въ1201 г. государство Кара-Китай и вынужденнаго спастись бѣгствомъ къ ню-чжи. Между тѣмъ киргизы, а за ними уйгуры (1209 г.) покорились добровольно. Война съ ню-чжи вспыхнула послѣ незначительныхъ схватокъ въ 1211 г., причемъ кидани, покоренные ню-чжами въ 1125 г., оказали драгоцѣнныя услуги монголамъ. Главной цѣлью Чингизъ-хана было подчинить своей власти сѣверный Китай, эту лучшую часть государства ню-чжей; наконецъ, императоръ ню-чжей, Сюйанъ-Цзунъ, бѣжалъ на югъ и тѣмъ совершенно отрѣзалъ себя отъ сѣверныхъ вспомогательныхъ источниковъ (1214 г). Главный городъ Ѣн-Кинъ, соотвѣтствующій приблизительно нынѣшнему Пекину, попалъ въ руки монголовъ; но война эта кончилась лишь въ 1234 г., съ паденіемъ Цзиньской династіи, спустя семь лѣтъ послѣ смерти Чингизъ-хана (стр. 86). Для ню-чжей было очень кстати, что они могли выставить противъ монголовъ силы половины Китая и могли опереться на сильно укрѣпленные китайскіе города. Лишь постепенно монголы, наученные горькимъ опытомъ, изучили осадное искусство, въ которомъ они оказали впослѣдствіи, къ несчастію тѣснимыхъ ими культурныхъ народовъ, большіе успѣхи; примѣненіе пороха, (ср. стр. 102) при осадѣ крѣпостей, было уже тогда въ обыкновеніи у китайцевъ, да и вообще въ этой отрасли военнаго дѣла, гдѣ требуется больше ума, чѣмъ храбрости, было чему поучиться тогда у этого культурнаго народа.

Во время войнъ монголовъ съ ню-чжами, ханъ Кучлукъ отправился въ Туркестанъ, вступилъ тамъ въ союзъ съ султаномъ хорезмійскимъ Кутб-ад-динъ Мухаммедомъ и намѣревался при его помощи основать государство въ западной части Средней Азіи. Вмѣшательство хорезмійцевъ въ пользу Кучлука должно быть объяснено отчасти торговымъ соревнованіемъ; Чингизъ-ханъ дѣлалъ, конечно, попытку направить торговлю по сѣвернымъ путямъ, но наткнулся здѣсь на рѣшительное сопротивленіе туркестанскихъ властителей, изъ которыхъ самымъ могущественнымъ былъ султанъ хорезмійскій. Мухаммедъ, владѣвшій Кашгаромъ, а, слѣдовательно, и южными дорогами, безъ дальнихъ разсужденій велѣлъ убить пословъ Чингизъ-хана, желавшихъ заключить нѣчто въ родѣ торговаго договора. Самоувѣренность туркестанскаго властелина должна была быть тогда довольно таки велика: казалось, что хорезмійцы станутъ преемниками падающихъ сельджуковъ въ господствѣ надъ Западной Азіей и въ верховномъ протекторатѣ надъ багдадскими калифами (т. III. стр. 343). Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, значительная доля могущества хорезмійцевъ опиралась на обладаніи среднеазіатскими и индійскими торговыми путями и притекавшими благодаря этому богатствами.

Теперь эта сила, вмѣстѣ со связанными съ нею честолюбивыми мечтами, благодаря натиску монголовъ, получила рѣшительный ударъ. Прежде всѣхъ окончательно былъ разбитъ и умерщвленъ во время бѣгства Кучлукъ, выставившій значительное войско (1218 г.); потомъ монгольскія военныя силы направились на Хорезмъ, обнимавшій тогда, кромѣ Хивы, значительную часть Туркестана и Персіи. Бухара, которая оказала лишь ничтожное сопротивленіе при осадѣ, была разграблена и сожжена; лучше держался Отраръ на среднемъ теченіи Сыръ-Дарьи, эта настоящая пограничная крѣпость противъ Средней Азіи, но и онъ попалъ, наконецъ, въ руки Чингизъ-хана, какъ и Ходжентъ, Узгентъ и другіе укрѣпленные пункты (см. прилагаемую карту). Главная армія была направлена на Самаркандъ, который, хотя и сдался сейчасъ, долженъ былъ поплатиться за грѣхи своего властелина страшной кровавой баней. Отнынѣ сопротивленіе султана Мухаммеда было сломлено; не осмѣлившись дать ни единаго сраженія, онъ бѣжалъ въ Персію, изъ города въ городъ безпрестанно преслѣдуемый монгольскими войсками, пока не погибъ въ лишеніяхъ на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря. Большая часть Персіи покорилась монголамъ (1220 г.). Отпоръ, данный сыномъ Мухаммеда, Джелаль-ад-динъ Манкбурни, временно отбросилъ назадъ войска Чингизъ-хана, но личное появленіе монгольскаго полководца вынудило хорезмійцевъ бѣжать въ Индію, причемъ различные отпавшіе города, въ томъ числѣ Гератъ, были сожжены, а жители перебиты. Монголы пробрались къ Инду и опустошили Пешаваръ, Лагоръ и Маликпуръ.

Вступивъ въ Индію по исконной дорогѣ всѣхъ завоевателей, Чингизъ-ханъ точно также сдѣлалъ первые шаги по давно проложенной дорогѣ, которая вела изъ степей Западной Сибири въ Европу. Поводы къ военному походу, который былъ направленъ прежде всего противъ кочевыхъ племенъ сѣвернаго Кавказа, были вскорѣ найдены; а когда послѣ этого русскіе изъ Кіева выступили на полѣ брани въ качествѣ союзниковъ этихъ народовъ, произошло первое столкновеніе между монгольскими и европейскими войсками (1223 г.). Русскіе, одерживавшіе вначалѣ побѣды, къ концу были разбиты; самъ великій князь кіевскій попалъ въ плѣнъ. Однако, монголы, противъ которыхъ даже Константинополь усилилъ свои укрѣпленія, не использовали тогда своей побѣды.

Въ 1224 г. Чингизъ-ханъ задумалъ лично предпринять походъ въ Индію, но вслѣдствіе какого-то предзнаменованія, а скорѣе, быть можетъ, вслѣдствіе усталости своего войска, далъ себя уговорить вернуться въ Каракорумъ, прежнюю столицу христіанскихъ кераитовъ, ставшую теперь центромъ монгольскаго государства (см. прилагаемую карту). За годъ передъ тѣмъ онъ устроилъ въ южно-сибирской степи со всѣмъ своимъ войскомъ огромную облаву, видъ охоты, доведенной до исполинскихъ размѣровъ и служившей среднеазіатскимъ номадамъ какъ развлеченіемъ, такъ и источникомъ пропитанія.

Тѣмъ временемъ война въ Китаѣ продолжалась. И западно-китайское государство Ся (стр. 83 и 153) съ его, частью, тибетскимъ (тангутскимъ) населеніемъ было вовлечено въ военныя смуты и опустошено уже въ 1209 и 1217 гг.; а теперь, послѣ потери сѣверной провинціи Ордосъ, оно претерпѣло еще большее опустошеніе отъ монголовъ (1223—26 гг.), пока въ 1227 г. не былъ взятъ въ плѣнъ послѣдній представитель династіи, и страна окончательно не была покорена полководцами Чингизъ-хана. Цзини или ню-чжи на сѣверѣ Китая, напротивъ, все еще (до 1234 г.) оказывали противодѣйствіе монголамъ, лучшій полководецъ которыхъ Могли умеръ въ 1225 г.

Чингизъ-ханъ пережилъ своего полководца лишь двумя годами. Онъ умеръ въ 1227 г. въ одномъ изъ городовъ въ верховьяхъ Гоанго, неизвѣстно, естественной-ли смертью или онъ былъ отравленъ одной изъ своихъ

женъ. Съ нимъ умеръ типичнѣйшій представитель дикихъ необузданныхъ кочевниковъ Средней Азіи, воздвигнувшій себѣ, по старому гуннскому обычаю, исполинскій тронъ изъ труповъ и развалинъ. Жажда власти и жестокое наслажденіе разрушеніемъ были мотивами его дѣйствій; потребность, хотя бы для внѣшности, въ какомъ-нибудь высшемъ мотивѣ для своихъ опустошительныхъ войнъ была ему совершенно чужда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у у него не было недостатка и въ тѣхъ чертахъ грубой честности и величія характера, которыя всегда примиряютъ съ героями номадизма; нельзя отрицать у него вполнѣ и нѣкоторой воспріимчивости къ культурѣ. Все, что узнали въ концѣ-концовъ всѣ дикіе полководцы Средней Азіи, должно было отразиться и на немъ, а, въ особенности, на его потомкахъ: культура, растоптанная, истекающая кровью изъ тысячи ранъ, оказалась въ духовной борьбѣ сильнѣе и сломила, наконецъ, упрямое высокомѣріе степныхъ властелиновъ, покорно преклонившихся въ концѣ-концовъ въ часовняхъ и храмахъ предъ идеалами культурнаго міра и съ трудомъ пріучившихъ свой желѣзный кулакъ къ орудіямъ письма.

в) Государственное управленіе при Темучинѣ.

Этимъ вліяніямъ подчинились лишь преемники Чингизъ-хана. Но уже рядомъ съ мрачной, запятнанной кровью фигурой этого перваго монгольскаго властелина выступаетъ человѣкъ, котораго могущественный степной государь избралъ, какъ казалось, представителемъ и посредникомъ культуры: это Ѣлю чжу цзай (Jeliu Chutsai), членъ владѣтельнаго дома Цзиновъ, слѣдовательно тунгусъ съ китайской культурой. Причиной, побудившей Чингизъ-хана привлечь къ своему двору члена враждебной ему фамиліи и довѣрить ему вскорѣ все внутреннее управленіе государствомъ, было, навѣрно, не столько желаніе поднять цивилизацію монголовъ, сколько стремленіе организовать свое государство и особенно доходы его по китайскому образцу. Это до такой степени удалось, что Ѣлю чжу цзай до самой своей смерти сохранилъ свое положеніе и при потомкахъ Чингизъ-хана. Но безконечно больше чести дѣлаетъ ему то, что въ то же время онъ смотрѣлъ на себя, какъ на защитника высшей культуры, смѣло выступалъ противъ жестокихъ рѣшеній своего властелина, бралъ подъ свое покровительство преслѣдуемыхъ и, гдѣ только могъ, защищалъ памятники искусства отъ разрушенія. Свое собственное состояніе онъ принесъ въ жертву этимъ стремленіямъ или тратилъ его на собираніе документовъ и надписей; множество этихъ матеріаловъ и нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ составляли все его состояніе, найденное у него, когда клеветники заподозрили его въ недобросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей. Въ Чингизъ-ханѣ и его министрѣ мы видимъ воплощеніе великой вѣчной борьбы дикаго самоволія и нравственнаго самообузданія: вся исторія Средней Азіи какъ бы сконцентрировалась тутъ въ этой человѣческой парѣ.

Трудно опредѣлить протяженіе монгольскаго государства при смерти Чингизъ-хана: это было еще совершенно незаконченное зданіе (см. прилагаемую карту). Степныя страны Монголіи и юго-западной Сибири были въ непосредственномъ владѣніи новаго господствующаго племени или, подобно странѣ уйгуровъ, находились подъ властью туземныхъ, но вполнѣ преданныхъ побѣдителямъ властелиновъ. Туркестанъ можно было считать покореннымъ, между тѣмъ какъ въ Персіи монгольское владычество имѣло еще очень слабую почву подъ ногами, а сѣверо-западная Индія была скорѣе разграблена, чѣмъ дѣйствительно покорена. Въ Китаѣ государство западныхъ ся было вполнѣ завоевано; ню-чжи, напротивъ, все еще оказывали упорное сопротивленіе въ провинціяхъ нижняго Гоанго. Наименѣе ясно распространеніе монгольскаго вліянія на югъ. Болѣе значи-

тельные походы въ бассейнъ Тарима или въ Тибетъ не предпринимались; по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ, часть государствъ въ оазахъ Восточнаго Туркестана подчинилась добровольно. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ государствъ, вѣроятно, были подъ властью уйгуровъ, кераитовъ и т. д. и раздѣляли участь этихъ народовъ; другіе, какъ Кашгаръ, были уже покорены во время войнъ съ хорезмійцами.

Система управленія монгольскимъ государствомъ была скроена по образцу военныхъ организацій и въ этомъ смыслѣ представляла лишь возрожденіе среднеазіатскихъ организацій, практиковавшихся у гунновъ и тюрокъ. Всѣ мужчины различныхъ племенъ, способные носить оружіе, были раздѣлены на десятки, сотни, тысячи и т. д.; войско пополняло свои потери изъ молодыхъ людей покоренныхъ странъ, которыхъ распредѣляли между наличнымъ составомъ войска, или же, если страна покорялась добровольно, изъ нихъ образовывали отдѣльные военные корпуса. Знамена изъ хвостовъ яковъ и лошадей, между которыми самыми важными были девятихвостое монгольское знамя и знамя хана, состоявшее изъ четырехъ черныхъ конскихъ хвостовъ, также свидѣтельствуютъ о среднеазіатскомъ происхожденіи. Девятихвостое знамя означало девять большихъ дѣленій или военныхъ корпусовъ, на которые распадалось монгольское ополченіе.

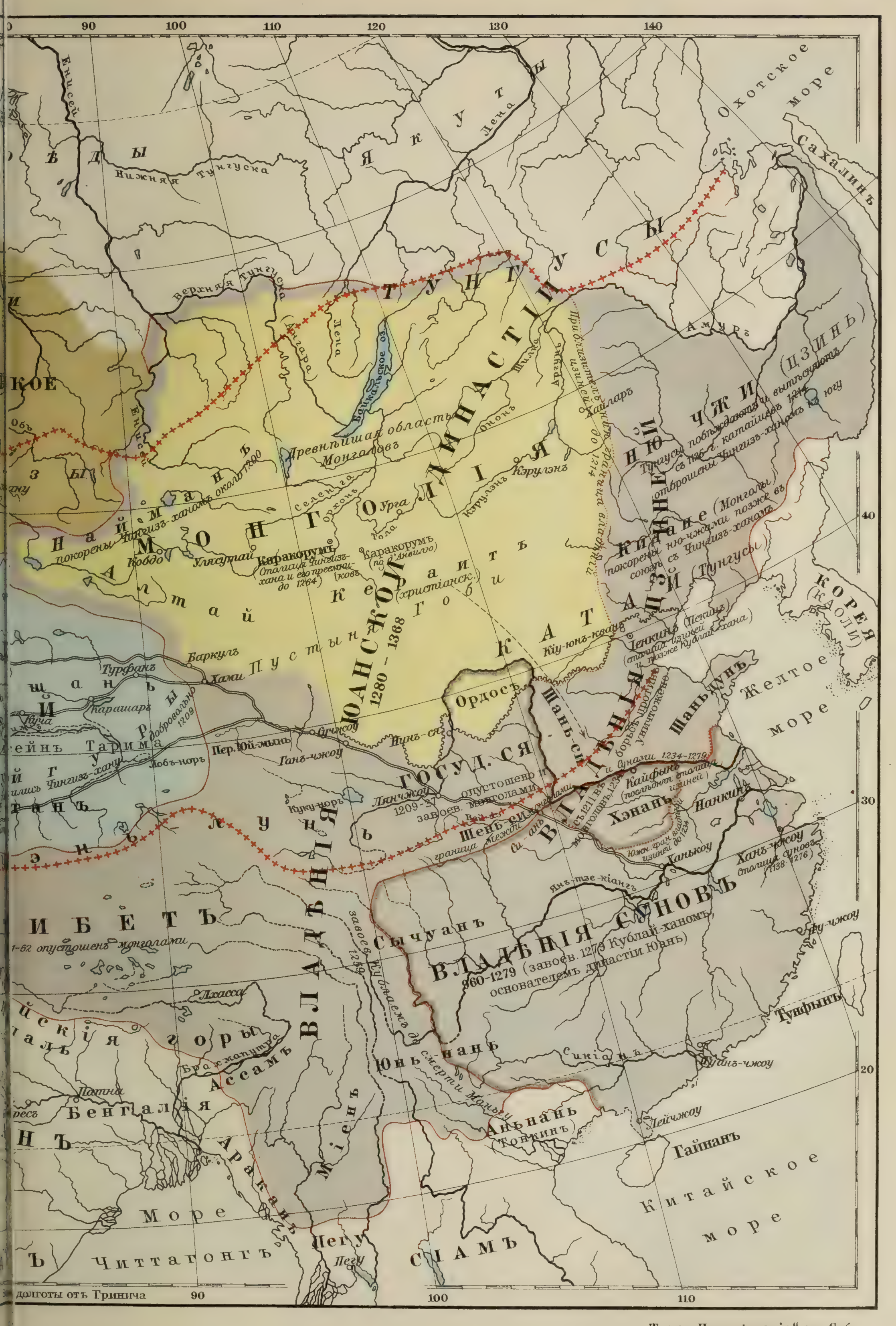
Внутреннюю жизнь своего народа Чингизъ-ханъ регулировалъ цѣлымъ рядомъ законовъ, опиравшихся большей частью на традиціи и прежніе образцы и вполнѣ еще соотвѣтствовали особенностямъ кочевого быта. Замѣчательно отношеніе къ религіямъ: съ одной стороны выступаетъ стремленіе облагородить старинную шаманскую вѣру, выдвигая на первый планъ вѣру въ Бога; съ другой стороны рекомендовалось относиться съ уваженіемъ ко всѣмъ другимъ религіямъ и къ ихъ священнослужителямъ. Однако, общественныя должности не довѣрялись духовенству. Вообще же распоряженія Чингизъ-хана касаются главнымъ образомъ военныхъ вопросовъ; наряду съ этимъ, они регулируютъ также весьма несложными нормами семейную жизнь, устанавливаютъ запретные сезоны для охоты и возводятъ нѣкоторые монгольскіе обычаи въ обязательныя нормы, каковы: убой скота распарываніемъ живота, запрещеніе купанья и тому подобное. Въ послѣдніе годы своей жизни Чингизъ-ханъ обнаруживалъ нѣкоторую склонность къ буддизму, но вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялъ ту равнодушную терпимость къ различнымъ религіямъ, которая вообще характерна для монголовъ: религіозное рвеніе, которое у другихъ народовъ служило оправданіемъ для столькихъ жестокостей, не было причиной кровопролитій монголовъ.

Б. Монгольское государство до его раздѣленія.

Въ 1227 г. вельможи монгольскаго государства собрались у рѣки Керуленъ (Кирылунъ), въ сѣверной степи, для торжественнаго совѣщанія. По духовному завѣщанію Чингизъ-ханъ назначилъ преемникомъ своего третьяго сына Угэдэя (Огодай; китайск. Тай Цзунъ, стр. 86); на великомъ сеймѣ въ Каракорумѣ онъ принялъ вскорѣ послѣ того присягу отъ своихъ подданныхъ. Такъ какъ Угэдэй далъ первому министру своего отца, Ѣлю-чжу-цзаю, еще бо́льшія полномочія, то онъ могъ продолжать заниматься внутреннимъ устроеніемъ государства, радикально упорядочить взиманіе податей, составлять списки военнообязанныхъ: здравое основаніе, позволявшее монгольскимъ властелинамъ эксплоатировать подчиненныя имъ культурныя страны, не уничтожая ихъ. Превосходное устройство монгольскаго государства, которому такъ удивлялся впослѣдствіи Марко Поло, главнымъ образомъ дѣло рукъ этого министра.

Внѣшнія завоеванія соединенныхъ степныхъ народовъ сдѣлали при Угэдэѣ огромные успѣхи. Персія, отъ которой хорезміецъ Джелаль-ад-динъ снова оторвалъ часть своего наслѣдства (ср. стр. 162), опять была

МОНГОЛЬСКІЯ ГОСУДАРСТВА
съ XII по XV столѣтіе
по Шурцу, Шпрунеру, Дройзену и др.
1 : 28 000 000
200 400 600 800 километровъ.
Приблизительная граница монгольской имперіи ко времени смерти Чингизъ-хана 1227.
Граница госуд. Мухамеда Хорезмійскаго до завоев. Чингизъ-ханомъ (1218-20).
Граница госуд. Тимура при его кончинѣ 1405. (Египетъ и Кипчакъ были обязаны данью.)
При преемникахъ Чингизъ хана. Монгольская міровая имперія распалась на рядъ государствъ, нанесенныхъ на картѣ красками и сохранившихъ независимость б. или м. долгое время.
Важные торговые пути.
20
30
40
70
80
Респуб. Новгородск.
Новгородъ
Орденъ
Рига
Нѣмецкій
Вел. Княж. Литовское
Вильна
Польское Кор.
Краковъ
Венгрія
Галицкое Княж.
Галичъ
Кіевъ
Черниговъ
Москва
Рязань
Волга
Вятка
Казань
Уральскія горы
Самоѣды
Обь
Югрія
Остяки
Сибирь
Царство Сибирь
Иртышъ
Киргизы
Кипчакъ
Госуд. Кипчакъ (Золотая Орда)
Ханство Казанское (до 1552)
Распалось 1502
Ханство Крымское
Ханство Астраханск.
Ногайцы
Сарай (столица Кипчака)
Уралъ
Донъ
Крымъ
Тана
Каффа
Черное море
Аланы
Кавказъ
Лезгины
Грузія
Тифлисъ
Трапезундъ
Ангора
Сивасъ
Конія
Эрзерумъ (Карина)
Арменія
Дербентъ
Баку
Тавризъ
Астрахань
Сарайчикъ
Каспійское море
Аральское м. (Хорезм.м.)
Сыръ-дарья (Яксартъ)
Оз. Балхашъ
Госуд. Джагатая
Туркестанъ
Отраръ
Таласъ
Иссыкъ-куль
Ташкентъ
Ходжендъ
Фергана
Коканъ
Бухара
Самаркандъ
Кешъ (родина Тимура)
Кашгаръ
Яркандъ
Памиръ
Балхъ
Хорезмъ
Туркмены
Мервъ
Астерабадъ
Хорасанъ
Госуд. Тимура
Владѣнія Ильханов
Сирія
Алеппо
Ассассины
Дамаскъ
Мосулъ
Месопотамія
Евфратъ
Тигръ
Багдадъ
Хамаданъ
Испагань
Иракъ
Бафра
Фарсистанъ
Іездъ
Гератъ
Газни
Кабулъ
Пешаваръ
Иранъ
Кандагаръ
Келатъ
Ормузъ
Персидскій зал. (Фарсійское море)
Аравія
Пенджабъ
Лагоръ
1398 опустошено Тимуромъ
Мултанъ
Дели
Агра
Кашмиръ
Гималаи
Индъ
Индостанъ
Синдъ
Дайбалъ
Оманское море
Діу
Деканъ



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

покорена, а несчастный государь вынужденъ былъ въ августѣ 1231 г. спастись бѣгствомъ въ западныя горы, гдѣ онъ былъ убитъ разбойничьими курдами; самъ Угэдэй направился противъ Китая, гдѣ дряхлѣвшее государство цзиней (ню-чжей) боролось за свое существованіе. Провинціи Печили, Шаньдунъ, Шаньси и Ляодунъ были уже тогда во владѣніи монголовъ; цзини держались еще лишь къ югу отъ Гоанго, въ Шэньси и Хэнанѣ. Тули, младшій братъ Угэдэя, въ послѣднихъ сраженіяхъ по большей части предводительствовалъ монголами. Осада столицы Кайфынфу, во время которой китайцы съ большимъ успѣхомъ пользовались для своей защиты порохомъ, была снята въ 1232 г. Но союзъ, заключенный монголами съ китайской имперіей южныхъ суновъ, быстро сломилъ стойкость цзиней; въ 1234 г. палъ послѣдній императоръ ню-чжей предъ соединеннымъ монгольско-китайскимъ войскомъ. Шеньси достался монголамъ, Хэнань — большею частью сунамъ, не безъ пререканій между союзниками, явившимися предвѣстниками позднѣйшхъ событій. Для монголовъ завоеваніе сѣвернаго Китая имѣло огромное значеніе: китайская культура была первая, съ которой они пришли въ продолжительное соприкосновеніе, и государственныя учрежденія Китая во многихъ отношеніяхъ послужили образцомъ для дикаго степного народа; зато вліяніе уйгурской культуры, первоначально служившей образцомъ, стало сильно ослабѣвать. Мало-по-малу древняя сила Китая въ дѣлѣ преобразованія и ассимилированія степныхъ народовъ стала проявляться все рѣзче и рѣзче: чѣмъ глубже проникали монголы въ Срединную имперію, тѣмъ больше они китаизировались, пока, наконецъ, распаденіе ихъ огромнаго міровото государства, съ одной стороны, на среднеазіатскія области, съ другой, на Китай, не стало неизбѣжнымъ.

Силы, освободившіяся послѣ паденія государства цзиней, были предназначены для того, чтобы расширить предѣлы монгольскаго государства на западъ. Въ 1235 г. монгольскія орды двинулись подъ предводительствомъ Батыя черезъ западно-сибирскія степи въ Европу, пограничный оплотъ которой былъ въ рукахъ русскихъ князей. 21 декабря 1237 г. была взята Рязань, 14 февраля 1238 г. палъ Владиміръ-на-Клязьмѣ. Русскіе князья должны были признать надъ собою верховенство монголовъ. 6 декабря 1240 г. былъ разрушенъ Кіевъ. Далѣе была опустошена Польша, герцогъ сандомирскій Болеславъ V Стыдливый (или Цѣломудренный) вынужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, а 9 апрѣля 1241 г. близъ Лигница было уничтожено польско-нѣмецкое войско подъ предводительствомъ Генриха II. Но здѣсь, на границѣ великой степи, кончился западный походъ Пайдара и его монголовъ; они направились въ Венгрію, куда уже ворвался самъ Батый (въ мартѣ 1241 г.). Была близка опасность, что эти монголы утвердятся въ венгерской степи и что степь эта опять станетъ, какъ это ужъ было много разъ, гнѣздомъ кочевыхъ разбойничьихъ ордъ, державшихъ Европу въ постоянной паникѣ. Мадьяры испытали то же, что ихъ предки заставили испытать столько цвѣтущихъ странъ: лѣтомъ и осенью 1241 г. монголы, казалось, имѣли намѣреніе радикально истребить здѣсь населеніе и освободить для себя мѣсто. Но по полученіи извѣстія о смерти великаго хана Угэдэя, послѣдовавшей въ Каракорумѣ 11 декабря 1241 г., они рѣшили весною 1242 г. вернуться черезъ Куманію въ Россію.

Сила расширенія монгольскаго государства была еще чрезвычайно велика (см. прилагаемую карту „Средняя Азія во времена Чингизъ-хана и Тимура“). Въ то время, какъ велись войны съ Европой, войска Угэдэя угрожали Ираку и Малой Азіи. Подобно тому, какъ раньше, и впослѣдствіи дѣлали тюркскія орды, и монголы воспользовались дорогой черезъ Арменію и многократно пытались напасть на Багдадъ. Въ то же время въ Китаѣ началось нападеніе на государство южныхъ суновъ, властители котораго въ безразсудномъ ослѣпленіи помогли разрушенію государства

цзиней, этого передового оплота ихъ могущества. Войска суновъ, путемъ кровавыхъ сраженій, долгое время отстаивали линіи средняго Гоанго и Вэйхо; одновременно велась яростная борьба въ Сы-чуанѣ, по верхнему Янъ-тсе-кіану, причемъ, во время осады Лучеу, было почти окончательно истреблено сильное монгольское войско. И здѣсь смерть Угэдэя положила на время конецъ дальнѣйшимъ предпріятіямъ.

Великій ханъ оставилъ свое государство одному изъ своихъ несовершеннолѣтнихъ внуковъ; но въ 1241 г. первая супруга Угэдэя — Найма чжань (Юракина) захватила регентство. Престарѣлый канцлеръ двухъ первыхъ великихъ хановъ Ѣлю-чжу-цзай, который хотѣлъ обезпечить за обиженнымъ наслѣдникомъ его права, внезапно скончался. Теперь императрицѣ удалось провести на большомъ курултаѣ (сеймѣ) признаніе своего сына Куйюкъ-хана (Гаюкъ, кит. Гуай-ю или Динъ-Цзунъ) государемъ (1246 г.) и тѣмъ устранить междуцарствіе, которое нанесло большой ударъ наступательной силѣ монголовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ монголы стояли лицомъ къ лицу съ государствами Западной Европы, несмотря на всевозможныя угрожающія приготовленія, завоевательная политика вообще не была возобновлена. Впрочемъ, на сеймъ явились послы отъ папы (стр. 89) съ просьбой, чтобъ монголы воздержались отъ дальнѣйшихъ походовъ противъ христіанъ, но они лишь раздразнили надменныхъ властителей міра. Несмотря на то, общая вражда христіанъ и монголовъ противъ магометанъ послужила, кажется, основаніемъ для соглашенія, въ особенности въ Сиріи, гдѣ крестоносцы и монголы должны были стать въ извѣстныя взаимныя отношенія; наконецъ, была, казалось, надежда обратить самое монгольскую династію вь христіанство и тѣмъ добиться великаго торжества церкви.

Куйюкъ обратилъ свое вниманіе преимущественно на Востокъ и началъ войну съ Кореей, которая могла послужить мостомъ въ Японію (стр. 105). Но онъ умеръ уже въ 1248 г., и на престолъ вступилъ, правда, послѣ долгихъ совѣщаній вельможъ (1251 г.), Маньгу-ханъ (Мынгэ или Сянь Цзунъ), сынъ Тулуя и внукъ Чингизъ-хана. Огромное протяженіе тогдашняго монгольскаго государства явствуетъ изъ той медленности, съ которой могли созываться и приходить къ соглашенію большіе сеймы; и распаденіе безпомощнаго государственнаго организма было лишь вопросомъ времени. Первые шаги къ этому были сдѣланы самимъ Маньгу, назначившимъ своего брата Кублая генеральнымъ намѣстникомъ въ Китаѣ (Мо нань, надъ „странами къ югу отъ пустыни“), культура котораго оказала, по обыкновенію, сильное вліяніе на Кублая, который въ недалекомъ будущемъ долженъ былъ сдѣлаться преемникомъ Маньгу: и монгольская династія должна была вскорѣ обратиться въ китайскую.

На первыхъ порахъ, однако, въ царствованіе Маньгу, границы монгольскаго государства все еще продолжали расширяться. Тибетъ, который до сихъ поръ былъ пощаженъ благодаря своему положенію, подвергся нападенію и, согласно позднѣйшимъ свѣдѣніямъ Марко Поло, былъ сильно опустошенъ (стр. 154). Богаче послѣдствіями былъ вторичный походъ въ Иракъ и Сирію подъ предводительствомъ Хулагу; война была направлена прежде всего противъ ассасиновъ, восточная, или персидская вѣтвь которыхъ была почти совершенно уничтожена (Рукнъ-ад-динъ-Коршахъ былъ убитъ 19 ноября 1256 г.; ср. т. III, стр. 347). Потомъ монгольское войско направилось въ Багдадъ, котораго не могло спасти слабое сопротивленіе тогдашняго калифа: страшная кровавая баня уничтожила въ 1256 г. (ср. тамъ же, стр. 348) почти все населеніе этой духовной столицы магометанскаго міра. Враждебныя отношенія, въ которыя стала, благодаря этому, монгольская династія по отношенію къ магометанской вѣрѣ, воскресили надежду на то, что монголовъ удастся склонить къ христіанству. И дѣйствительно, христіане заняли при дворѣ весьма выгодное положеніе; но

Маньгу смотрѣлъ на крещеніе и т. п., какъ на своего рода полезное колдовство: поведеніе испорченнаго несторіанскаго и армянскаго духовенства могло лишь еще сильнѣе укрѣпить его въ этомъ убѣжденіи (ср. стр. 90). О сущности же различныхъ религіозныхъ ученій, церемоніи которыхъ они при случаѣ исполняли, монгольскіе князья должны были имѣть очень смутное понятіе.

Послѣ того, какъ значительная часть Сиріи и Малой Азіи была опустошена, вниманіе монгольскаго властелина было опять направлено на государство южныхъ суновъ, которое подвергалось нѣсколько лѣтъ сряду жестокимъ нападеніямъ. Кублай, счастливо избавившійся отъ угрожавшей ему немилости, овладѣлъ западными окраинами Китайской имперіи, Сычуаномъ и Юннаномъ, и, подвинувъ свои войска до Тонкина и Кохинхины, окружилъ южный Китай со всѣхъ сторонъ. Смерть великаго хана снова вызвала временную остановку въ военныхъ предпріятіяхъ: Маньгу умеръ въ 1259 г., и всѣ монгольскіе полководцы отправились на сеймъ въ татарскую степь.

B. **Распаденіе мірового монгольскаго государства.**

а) Начало распаденія.

Отнынѣ должно было начаться распаденіе этого исполинскаго государства. Тутъ вліяли не только огромные размѣры монгольскаго государства, невозможность, при громадныхъ разстояніяхъ, сохранять его цѣлость и единство; болѣе разрушительно дѣйствовало вліяніе различныхъ культуръ, которыя повсюду одинаково пробивались сквозь песчаный покровъ, нанесенный ураганомъ пустыни, видоизмѣняя его каждая въ своемъ духѣ. Если Кублай склонялся къ тому, чтобы обратиться въ настоящаго китайца, то западные намѣстники испытывали на себѣ вліяніе культуръ Западной Азіи и Европы, въ то время какъ только въ среднеазіатской степи настоящій древній монгольскій духъ сохранился во всей его дикой первобытности. Та самая сила географическаго положенія, которая впервые призвала къ жизни болѣе раннія государства и культуры, снова обнаружила свою непреодолимую устойчивость; изъ провинцій мірового монгольскаго государства возникли національныя государства во главѣ съ династіями монгольскаго происхожденія. Путь, по которому должно было пойти распаденіе, зависѣлъ отъ того, гдѣ былъ центръ тяжести государства; если онъ приходился на Востокъ, то раньше всего долженъ былъ отпасть Западъ, а если онъ, наоборотъ, приходился на западныя культурныя страны, то должно было ожидать, что Китай достигнетъ самостоятельности подъ властью какого-нибудь монгольскаго властелина.

Выборъ палъ въ 1260 г. на хана Кублая (кит. Хуби-лѣ, Ши-цзу или Вен-ву-Хуанъ-ди); этимъ центръ тяжести былъ перенесенъ на Востокъ. Правда, Кублай все еще считался верховнымъ главой всѣхъ монголовъ, но въ дѣйствительности онъ господствовалъ только надъ восточной частью среднеазіатской степи и надъ покоренными до того частями Китая. Иранъ и владѣнія въ Сиріи и Малой Азіи достались его брату, Гулагу; въ Кипчакѣ, въ западно-сибирскихъ степяхъ и въ пограничныхъ областяхъ Европы господствовали потомки Батыя; другія монгольскія династіи образовались въ Туркестанѣ.

Въ восточномъ, главномъ государствѣ отнынѣ восторжествовала китайская культура; остатокъ завоевательной силы, сохранившейся еще въ монгольскомъ народѣ, послѣ устраненія смутъ въ Монголіи, которыя возникли изъ-за перемѣны правителя, былъ употребленъ на низложеніе имперіи „южной сунской династіи“ и на тщетныя нападенія на Японію (см. Отд. I, E.). Серьезные шаги противъ суновъ были предприняты лишь въ 1267 г., и прошло еще двѣнадцать лѣтъ, пока кончилось послѣднее

сопротивленіе южныхъ китайцевъ. Но въ то время, какъ Кублай достигъ, такимъ образомъ, господства надъ всѣмъ Китаемъ, ему угрожала потеря среднеазіатскихъ владѣній по проискамъ мятежныхъ монгольскихъ принцевъ (провозгласившій себя императоромъ: Алипуко или Арикбуга въ Каракорумѣ, въ 1260—64 гг.; возстаніе Кайду, внука Угэдэя, умершаго въ 1301 г.); но Байянъ, которому, главнымъ образомъ, обязаны были побѣдой надъ сунами, снова подчинилъ Монголію съ ея древней столицей Каракорумомъ власти своего повелителя. Самъ Кублай жилъ съ самаго начала въ Пекинѣ (Хамбалыкъ, стр. 90) и тѣмъ возвѣстилъ, что китаецъ одержалъ въ немъ побѣду надъ монголомъ. Исторія Китая признала этотъ фактъ, считая съ 1280 г. монгольскій царствующій домъ Кублая настоящей китайской династіей; дальнѣйшія судьбы этой послѣдней принадлежатъ поэтому, только въ весьма ограниченномъ смыслѣ, исторіи Средней Азіи, особенно со смерти Кублая (1294 г.), имя котораго все еще служило въ нѣкоторомъ родѣ идеальной связью между различными обломками монгольской имперіи.

Кто хочетъ составить себѣ вѣрное сужденіе объ этой распадавшейся міровой имперіи и ставитъ себѣ вопросъ, чѣмъ она была для культуры человѣчества, того, при перелистываніи документовъ тѣхъ кровавыхъ временъ, охватываетъ прежде всего чувство отвращенія, полнаго отчаянія въ силѣ прогресса, въ успѣхахъ высшей культуры. Не вѣчная ли это участь народовъ, упорнымъ трудомъ подвигающихся по пути прогресса, падать подъ натискомъ грубыхъ варваровъ, которыхъ безумная страсть къ войнѣ и добычѣ опьяняетъ до отвратительной, неразборчивой, безцѣльной жажды убійствъ? Неужели для того только возвышаются трудами цѣлыхъ поколѣній цвѣтущіе города, богатые произведеніями искусства и науки, чтобы дикія орды топтали ихъ въ крови, подобно капризному ребенку, который растаптываетъ игрушку въ безсмысленномъ порывѣ къ разрушенію? Поистинѣ, ни съ одной страницы исторіи исконная жестокость природы и рока не смотритъ на насъ съ такой насмѣшкой, какъ здѣсь, гдѣ тысячи жизней гибнутъ ради сохраненія немногихъ счастливцевъ; когда подъ мечами кочевниковъ истекаютъ кровью безчисленныя массы живыхъ людей, она смотритъ на это такъ же равнодушно, какъ будто бы рой играющихъ комаровъ былъ уничтоженъ степнымъ пожаромъ.

Но мы уже говорили, что этому злу противостоятъ вліянія, которыя въ состояніи смягчить это ужасное впечатлѣніе. Буря не только производитъ опустошенія, но она очищаетъ также воздухъ. Монголы первые положили конецъ ассассинамъ, этой сектѣ убійцъ; это особенно блестящій, хотя и не единственный примѣръ этой очищающей силы. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что всѣ культурные народы Стараго Свѣта, хотя и на короткое время и подъ верховнымъ управленіемъ варварскаго народа, вступили въ свободныя сношенія; всѣ дороги были на время открыты, и при дворѣ въ Каракорумѣ появились представители всѣхъ народовъ. Тамъ поселились китайскіе ремесленники; персидскіе и армянскіе купцы встрѣчали пословъ папы и западныхъ державъ; золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Парижа (стр. 90) изготовилъ для Маньгу главное украшеніе его двора, серебряное дерево; многочисленные арабы состояли на службѣ у хана, а буддійскіе жрецы служили посредниками индійской культуры. Эти представители различныхъ культуръ должны были оказывать вліяніе другъ на друга. Въ особенности для замкнутаго Китая монгольскій періодъ ознаменовалъ притокъ новыхъ вліяній (см. таблицу при стр. 158). Многія арабскія сочиненія переводились на китайскій языкъ, персидскіе астрономы и математики пріѣзжали въ Китай; и даже европейскіе искатели приключеній не разъ находили случай дѣлиться своими знаніями. Свѣжая любознательность лучшей части монголовъ была, казалось, перенесена на китайцевъ и побѣдила на время упрямство этого стараго, исполненнаго самомнѣнія культурнаго народа.

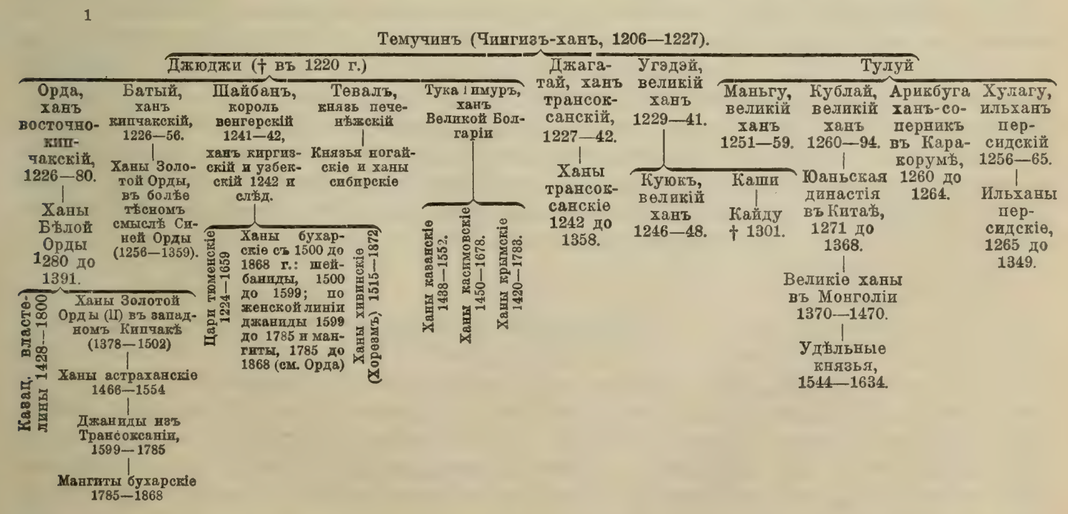
б) Западныя удѣльныя государства[1].

Если исторія восточнаго монгольскаго государства постепенно обратилась въ часть китайской исторіи, то на Западѣ образовалось иранское государство съ монгольской династіей, которую отнынѣ называли династіей Ильхановъ. Хулагу, который во времена Маньгу укрѣпилъ за собою земли, завоеванныя въ Персіи, и присоединилъ другія части западной Азіи, со вступленіемъ на престолъ Кублая могъ уже считаться самостоятельнымъ правителемъ, хотя внѣшняя зависимость была еще сохранена. Послѣ завоеванія Багдада (стр. 166) Хулагу подчинилъ себѣ часть мелкихъ магометанскихъ князьковъ, въ чемъ ему помогли хорошія отношенія съ христіанами Арменіи и Палестины. Но когда египетское войско нанесло недалеко отъ Тиверіады тяжкое пораженіе его полководцу Кетбуга, то и здѣсь монгольская волна остановилась (1260 г.). Попытки Хулагу снова подчинить себѣ Сирію повлекли за собою ужасающія кровопролитія, но не дали надлежащихъ успѣховъ послѣ его смерти (1265 г.).

Его преемникъ Абака (Абага), такимъ образомъ, долженъ былъ ограничиться Персіей и Иракомъ, и иранское государство подъ властью монгольской династіи стало дѣйствительностью (т. III, стр. 351). По ироніи судьбы, Абака, какъ это издавна водилось въ Иранѣ, долженъ былъ сейчасъ же выступить на защиту своего государства противъ своихъ же соотечественниковъ, противъ капчакскихъ монголовъ, угрожавшихъ ворваться черезъ кавказскія врата Дербента и вошедшихъ уже въ соглашеніе съ египтянами, главными врагами Абаки. Ничто не можетъ служить лучшимъ указаніемъ того, какъ глубоко было уже тогда распаденіе монгольскаго государства. И на другой, издавна угрожаемой границѣ Ирана съ Туркестаномъ началась борьба: монголы изъ Джагатая ворвались въ Хорасанъ и могли быть изгнаны снова изъ Персіи лишь благодаря побѣдѣ, одержанной Абакой у Герата. Послѣдняя попытка снова овладѣть Сиріей кончилась, наоборотъ, пораженіемъ Абаки при Эмезѣ (1281 г.). Въ томъ же году умеръ Абака, а при его преемникѣ произошло, кажется, окончательное прекращеніе династіи: этотъ государь, братъ покойнаго, принявшій первоначально христіанство, потомъ открыто перешелъ въ исламъ подъ именемъ Ахмета и тѣмъ порвалъ послѣднюю связь со своими необузданными среднеазіатскими собратьями. Но это было сдѣлано, несомнѣнно, слишкомъ рано: христіане Арменіи и Грузіи, эта лучшая опора династіи, пришли въ угро-

---

1



(Составлено, главнымъ образомъ, по Stanley Lane Poole, The mohammadan Dynasties; Вестминстеръ, 1894).

жающее возбужденіе, а монголы не могли такъ скоро отказаться отъ своей ненависти къ исламу и его послѣдователямъ. Вспыхнули возстанія, предводители которыхъ обращались къ помощи далекаго великаго хана, Кублая; Ахметъ былъ низвергнутъ, и престоломъ овладѣлъ его племянникъ Аргунъ. Теперь наступилъ періодъ смутъ и новыхъ войнъ въ Сиріи, которыя при ильханѣ Газанѣ (1295—1304 гг.) сходили благополучно для монголовъ, но потомъ кончились многократными пораженіями. При Газанѣ, который отнынѣ, дѣйствительно, содѣйствовалъ побѣдѣ ислама, государство ильхановъ пріобрѣло на время новую силу; но примиреніе съ магометанскимъ міромъ не удалось, и рвеніе христіанъ въ пользу монгольской династіи быстро остыло.

При преемникахъ Газана въ государствѣ наступили смуты. До смерти ильхана (А)бу Саидъ Багадура (1335 г.) сохранялось, по крайней мѣрѣ, хоть подобіе единства. Послѣ началось распаденіе, явившееся повтореніемъ въ малыхъ размѣрахъ судьбы монгольской міровой имперіи: провинціи стали самостоятельными, и ильханъ сохранилъ только тѣнь прежняго значенія безъ фактической власти. Уже въ 1336 г. около Багдада образовалось, подъ властью Шайхъ Газанъ Бузурга, (ум. въ 1356 г.), эмира джелаирскаго, государство ильхановъ, могущество котораго постепенно возрастало, но которое, въ концѣ-концовъ, пало въ борьбѣ съ музаффаридами и Тимуромъ (1393—1405 гг.); въ 1410 г. предпослѣдній ильханъ Ахмедъ ибнъ Овайсъ кончилъ плѣнникомъ туркменскаго князя Кара Юсуфа. (т. III, стр. 357).

Владѣтельные дома, основавшіеся въ степяхъ Западной Сибири и Туркестана, сумѣли утвердить свою власть лучше монгольскихъ князей Китая и Ирана; изъ этихъ областей и вышелъ при Тимурѣ второй великій потокъ монголовъ. Въ Туркестанѣ возникло государство Джагатай (Цагатай, Mâwarâ'l-nahr, Трансоксанія), получившее свое названіе по имени одного изъ сыновей Чингизъ-хана и включавшее въ лучшіе дни свои всѣ земли, лежавшія по Оксусу и Яксартесу, равно какъ и большую часть бассейна Тарима. Въ этихъ странахъ исламъ былъ господствующей религіей: магометанскіе сектанты оказали здѣсь въ 1232 г. болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ раньше туземные князья; одинъ изъ монгольскихъ властителей давно уже перешелъ въ магометанство, хотя масса народная не послѣдовала, разумѣется, его примѣру. Отсутствіе внѣшнихъ враговъ, естественно, должно было привести къ тому, что монголы стали враждовать между собою; споры изъ-за престолонаслѣдія и возстанія не прекращались настоящая царствующая династія изъ рода Чингизъ-хана съ 1358 г. совершенно отступила на задній планъ, и властью овладѣли майордомы, но власть эта не могла безъ борьбы удержаться въ рукахъ одной фамиліи. Отдѣльныя провинціи стали совершенно самостоятельны, какъ, напримѣръ, Кашгаръ, который въ 1369 г., когда Тимуръ выступилъ впервые на сцену, былъ самымъ могущественнымъ государствомъ этой страны. Монгольская династія шейбанидовъ, на время низвергнутая, не погибла, но, послѣ паденія тимуридовъ (1494 г.), снова захватила престолъ самаркандскій и бухарскій, который она и удержала за собой по мужской линіи до 1599 г., по женской — до 1868 г.

Кипчакское государство (Капчакъ), обнимавшее, главнымъ образомъ, западно-сибирскую и восточно-европейскую низменность, выказало себя болѣе устойчивымъ, чѣмъ Джагатай. Здѣсь столь же возможна была, какъ и необходима, болѣе твердая внѣшняя политика, оказавшая свое объединяющее вліяніе на монголовъ. Удержаніе въ подчиненіи вѣчно безпокойной Россіи, борьба съ Польшей и Византіей, хищническіе набѣги черезъ Кавказъ въ западную Азію поддерживали древній воинственный духъ этого народа-завоевателя. Страны, образовавшія впослѣдствіи Кипчакское государство, были сначала частью покорены старшимъ сыномъ

Чингизъ-хана, Джюджи (Туши), а потомъ, при Батыѣ (см. примѣчаніе на стр. 169), окончательно подпали подъ власть монголовъ. Съ походомъ Батыя въ Западную Европу (стр. 165) окончился періодъ великихъ завоеваній на Западѣ; въ Венгріи и Польшѣ, которыя въ 1254 г. снова подверглись ихъ нападенію, монголы не могли утвердиться; лишь Россія осталась вся въ ихъ рукахъ. Батый, умершій въ 1256 г., былъ уже почти самостоятеленъ въ своей власти; ему наслѣдовалъ, безъ возраженія со стороны великаго хана Кублая, его младшій братъ Беркай (Береке, Барака, Бурка), который вскорѣ былъ втянутъ въ войны съ могольскимъ властелиномъ въ Иранѣ Абакой (стр. 169). Культурнымъ центромъ Кипчакскаго государства служилъ тогда Крымъ съ его издревле цвѣтущими и размножившимися, благодаря монголамъ, городами, которые имѣли сношенія съ Византіей и странами южной Европы. Вліяніе высшей цивилизаціи не могло не отразиться на монгольскихъ князьяхъ. Многіе изъ нихъ, при всей ихъ воинственной жестокости, обнаруживали любовь къ научнымъ интересамъ, старались привлекать къ своему двору ученыхъ и выказывали по отношенію къ послѣдователямъ различныхъ религій ту терпимость, которая является, быть можетъ, самой привлекательной чертой монгольскаго характера. Но и здѣсь надежды обратить монгольскихъ князей въ опредѣленную религію долго оставались тщетными.

Внѣшняя исторія Кипчакскаго государства вся переполнена безпрестанными войнами съ западными и южными сосѣдями, спорами изъ-за престолонаслѣдія и внутренними возстаніями; часть ея находится въ связи съ исторіей Россіи (т. V). Для Россіи монгольскій періодъ не былъ кратковременнымъ кровавымъ эпизодомъ, какъ для большинства западныхъ государствъ; здѣсь, наоборотъ, духъ степныхъ номадовъ одно время, повидимому, такъ сроднился съ духомъ туземнаго населенія, что у русскаго человѣка до сихъ поръ еще остались неизгладимые слѣды этихъ отношеній. Болѣе тѣсному слiянію воспрепятствовало то обстоятельство, что, въ концѣ-концовъ, кипчакская династія перешла во время Узбека (Уцбека; 1312—40 гг.) въ исламъ и тѣмъ такъ же оттолкнула русскихъ христіанъ, какъ персидскіе монголы оттолкнули армянъ и грузинъ (стр. 169). Съ 1360 г. въ государствѣ наступили смуты; лишь объединеніе Бѣлой и Синей орды Тохтамышомъ (1378 г.) и вторженіе Тимура (1391 и 1395 гг.) опять возстановили на время порядокъ, но со смертью Тохтамыша (1406 г.) наступили еще бóльшія смуты, и силы государства непрерывно стали все болѣе и болѣе падать. Въ XV вѣкѣ Крымъ съ пограничными частями южной Россіи составлялъ послѣднее ядро нѣкогда столь обширнаго Кипчакскаго государства; въ 1502 г. пала „Золотая Орда“, и государство окончательно распалось.

Ногайцы, вѣтвь монголовъ изъ рода Джюджи, образовали въ 1466 г. Астраханское царство, павшее подъ натискомъ великихъ князей московскихъ. Дальше на сѣверѣ возникло въ 1438 г. ханство Казанское. Маленькое монгольское государство, основанное въ Крыму въ 1420 г., удержалось благодаря помощи Турціи, по отношенію къ которой оно стало въ вассальную зависимость, пока, наконецъ, не было присоединено въ 1783 г. къ Россіи.

Г. Тимуръ.

Съ распаденіемъ монгольскаго государства при Кублаѣ періодъ великихъ завоеваній почти кончился, хотя разбойничьи набѣги и пограничныя войны продолжались еще долго. Съ покореніемъ южнаго Китая восточные монголы вполнѣ подпали вліянію китайской культуры; другія государства даже и въ тяготѣніи къ культурнымъ странамъ выказывали полную неподвижность. Самымъ важнымъ доказательствомъ этого застоя

служитъ то, что никто не дѣлалъ попытки покорить Индію, хотя доступъ къ этой странѣ, столь заманчивой для всѣхъ великихъ завоевателей Азіи, былъ въ рукахъ монголовъ и хотя уже во времена Чингизъ-хана монголы прошли черезъ Пенджабъ. Нуженъ былъ новый могущественный толчокъ, который снова соединилъ бы въ однѣхъ рукахъ часть старой монгольской державы для того, чтобы достигнуть этой послѣдней великой цѣли.

а) Начало царствованія Тимура.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что новая буря завоеваній началась именно съ Туркестана, съ государства Джагатая, то есть съ того монгольскаго государства, которое было наиболѣе раздираемо внутренними раздорами и меньше всего проявляло свою силу во-внѣ. Но эти раздоры какъ разъ служатъ доказательствомъ того, что старинная воинственная страсть монголовъ была еще здѣсь особенно сильна, что силы и склонности кочевниковъ сохранились самымъ рѣшительнымъ образомъ. Слегка омонголившіеся кочевые народы Туркестана, которые уже задолго до Чингизъ-хана побѣдоносно проникали не разъ въ Иранъ и Индію, представляли превосходный матеріалъ для полководца, который сумѣлъ-бы формировать изъ нихъ преданныя арміи. Въ то время, какъ собственно Монголія, которая распространила свои орды по цѣлой половинѣ земного шара, сама была теперь бѣдна населеніемъ и не представляла почвы для крупныхъ предпріятій, Туркестанъ имѣлъ всѣ права на то, чтобы стать авангардомъ кочевниковъ; для этого нужна была только рѣшительная воля.

Культура могла испытать свои чары на предкахъ Тимура, этого истиннаго сына степей, потомка одного монгольскаго полководца, родившагося 8-го апрѣля 1336 г.: въ теченіе столѣтія они, въ качествѣ ленныхъ владѣтелей мелкаго государства Кешъ (Кашъ, Шааръ, Шехрисебсъ), жили въ самомъ сердцѣ туркестанскаго культурнаго міра, къ югу отъ цвѣтущаго города Самарканда; но душа Тимура едва обнаруживаетъ слѣды этихъ вліяній. Даже въ его отношеніяхъ къ своей родинѣ въ немъ сказалась черта кочевника: хотя маленькая страна Кешъ и была исходнымъ пунктомъ первыхъ его предпріятій, онъ вскорѣ тѣмъ не менѣе порвалъ съ ней, превратившись въ бродячаго воина, истинную родину котораго составляютъ легкія палатки его лагеря, воина, который сегодня предводительствуетъ сильной разношерстной арміей изъ примкнувшихъ добровольно либо набранныхъ насильно элементовъ, быть можетъ, для того, чтобы завтра же, съ немногими преданными людьми, искать жалкаго убѣжища гдѣ-нибудь въ степи или въ ущельяхъ горъ. Рѣзкія противоположности между жестокостью и великодушіемъ, жестокое презрѣніе къ чужой жизни и полный отчаянія трауръ по родственникамъ и друзьямъ мы находимъ и у Тимура. Какъ истый монголъ, онъ къ вопросамъ религіи равнодушенъ, но — эту дурную черту онъ перенялъ у культурныхъ народовъ — онъ умѣлъ разыгрывать фанатика-магометанина, если это нужно было для его цѣлей: онъ умѣлъ при случаѣ облекать свои военныя предпріятія въ идеальный покровъ.

Въ 1358 г. государство Джагатай находилось въ крайнемъ замѣшательствѣ. Ханъ Буянъ Кули сталъ игрушкой въ рукахъ своихъ майордомовъ; но и властвовавшая, вмѣсто него, фамилія, вслѣдствіе всеобщаго въ томъ году возстанія ленныхъ князей, оказалась лишенной какого-бы то ни было вліянія, и государство распалось на свои отдѣльныя провинціи. Различныя мелкія государства, естественно, вели постоянную борьбу, въ которой Кютбъ ад-динъ-Амиръ-Тимуръ, въ качествѣ племянника тогдашняго князя Кеша, принималъ славное участіе. Первыя попытки преобразовать государство подъ другимъ управленіемъ были сдѣланы со стороны Кашгара, князь котораго Туклукъ Тимуръ (родственникъ Джагатая въ шестомъ поколѣніи)

простеръ, повидимому, свою власть вплоть до Алтая. Въ 1359 и 1360 гг. кашгарскія войска проникли побѣдоносно въ Западный Туркестанъ; Тимуръ нашелъ для себя выгоднымъ присоединиться къ нимъ и, послѣ паденія своего дяди, онъ добился того, что княжество Кешъ досталось ему. Однако, Тимуръ сознавалъ, что этимъ путемъ онъ немногаго достигнетъ. Вскорѣ онъ опять очутился на полѣ битвы, но на этотъ разъ въ качествѣ союзника эмира Хуссейна, считавшаго себя потомкомъ фамиліи майордомовъ въ Кабулѣ и выступившаго теперь снова со своими притязаніями на верховную власть. Еще въ 1360 г. оба союзника подвергались самой перемѣнчивой участи, то какъ побѣдители, то какъ бѣглецы и даже плѣнники. Но послѣ многолѣтнихъ битвъ счастье склонилось на ихъ сторону: перемѣна правителя въ Кашгарѣ развязала имъ руки, и въ 1363 г. имъ удалось возвести на самаркандскій престолъ номинальнаго хана изъ фамиліи Джагатая, султана Кабула. Само собою разумѣется, что Тимуръ постарался теперь устранить своего верховнаго главу Гуссейна, но въ 1366 г. онъ былъ совершенно разбитъ на голову, сумѣвъ, однако, получить въ 1367 г. прощеніе Хуссейна и опять добиться прежняго вліянія. Но въ 1369 г. предпріятіе его, лучше подготовленное, удалось. Хуссейнъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ, и сеймъ призналъ Тимура верховнымъ великимъ ханомъ (Chakan). Номинальное господство потомковъ Чингизъ-хана не было, впрочемъ, устранено и впослѣдствіи: Суйюргатмышу наслѣдовалъ (1388—87 гг.) его сынъ Махмудъ, какъ ханъ Трансоксаніи.

б) Завоевательные походы Тимура.

Новый „властелинъ міра“ владѣлъ пока, правда, лишь Западнымъ Туркестаномъ, да и тотъ частью предстояло еще только покорить. Юзуфъ Бегъ изъ Хорезма, который включалъ тогда Хиву и Бухару, много разъ оказывалъ Тимуру сопротивленіе и лишь въ 1379 г. былъ окончательно покоренъ; Камаръ ад-динъ кашгарскій, не смотря на многочисленные походы противъ него (1375—1376 гг.), оставался все-таки непокореннымъ. Лишь послѣ окончательнаго подчиненія Западнаго Туркестана, крупные, полные роковыхъ послѣдствій для культуры военные и разбойничьи походы Тимура начались съ нападенія на Персію, которая, какъ раньше Джагатай, распалась на многочисленныя самостоятельныя государства. Эти разрозненныя государства не сопротивлялись объединеннымъ силамъ Туркестана. Первымъ палъ подъ натискомъ Тимура въ 1381 г. древній оплотъ Ирана противъ номадовъ Хорасанъ (съ послѣднимъ изъ сербедаридовъ Али Муайядомъ) и Гератъ (съ послѣднимъ изъ куртидовъ Гіяс-ад-динъ Пиръ-Али). Въ 1386—1387 гг. монгольское войско покорило Арменію, туркменовъ и ильхановъ (джелайровъ) багдадскихъ. 1388 годъ былъ свидѣтелемъ ужаснаго паденія иранскихъ національныхъ государствъ музаффаридовъ, образовавшихся въ Фарсистанѣ (древней Персидѣ), Кирманѣ и Курдистанѣ, и полнаго разрушенія столицы Испагани. Вторженіе неблагодарнаго хана Тохтамыша кипчакскаго въ Туркестанъ вынудило Тимура оставить въ 1388—1391 гг. Персію; онъ былъ тогда занятъ покореніемъ бассейна Тарима. Лишь въ 1392 г. онъ снова обрушился на Персію, такъ какъ большинство изгнанныхъ государей, въ томъ числѣ и муззаффариды, снова овладѣли частью своего наслѣдства. На этотъ разъ родъ муззаффаридовъ былъ совершенно истребленъ; въ 1393 г. Арменія и Курдистанъ были снова заняты.

Для покоренныхъ странъ особенное несчастье составляло то, что жажда завоеваній заставляла Тимура постоянно переходить изъ покоренныхъ земель въ другія части своихъ владѣній; туземные князья успѣвали тѣмъ временемъ снова занимать свои земли, вслѣдствіе чего Тимуръ, съ своей стороны, имѣлъ поводъ предпринимать карательные походы. Фантазія Тимура

истощалась въ придумываніи гнусныхъ жестокостей, чтобы далеко вокругъ сѣять ужасъ: онъ съ особенной любовью приказывалъ сооружать башни изъ череповъ или воздвигать исполинскіе памятники изъ труповъ и живыхъ плѣнниковъ. На этотъ разъ Тимура отвлекъ отъ Персіи важный по своимъ послѣдствіямъ походъ въ Индію.

Вліяніе монголовъ простиралось на сѣверѣ мѣстами до Инда. Независимыя пограничныя племена затрудняли, какъ и теперь еще, сношенія между Афганистаномъ и долиной Инда; по ту сторону Инда лежали магометанскія государства. Въ 1398 г. часть пограничныхъ племенъ была побѣждена послѣ труднаго похода подъ личнымъ предводительствомъ Тимура. Тѣмъ временемъ внукъ Тимура Пиръ Мухаммедъ овладѣлъ, послѣ шестимѣсячной осады, Мултаномъ, послѣ чего соединенная армія направилась къ Дели; послѣ кроваваго сраженія оно досталось въ руки Тимура. Побѣдитель продолжалъ свой путь, остановившись только по ту сторону Ганга, послѣ чего, нагруженный безконечной добычей, онъ вернулся въ 1399 г. въ Самаркандъ.

Отнынѣ тотчасъ возобновились нашествія на Западъ. Уже въ 1399 г. Тимуръ очутился въ Грузіи, которую онъ страшно опустошилъ; но взоры его уже направились на Малую Азію, гдѣ османы основали свое государство, и на Сирію, которая находилась подъ властью Египта. Въ 1400 г. началась османская война осадой города Сиваса, который держался такъ долго, что Тимуръ послѣ взятія его на этотъ разъ отказался отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. За то онъ набросился на слабо защищенную Сирію, сѣверная часть которой, включая Дамаскъ, досталась ему; былъ взятъ также Багдадъ, гдѣ держался еще Ахмедъ ибнъ Овайсъ (стр. 170). Послѣ этого гроза разразилась и надъ османами: въ срединѣ 1402 г. турецкое войско было совершенно разбито при Ангорѣ отрядами Тимура. Самъ султанъ Баязетъ I попалъ въ плѣнъ, и Малая Азія была совершенно опустошена. Фараджъ египетскій, опасавшійся такой же участи, призналъ верховную власть Тимура.

Такимъ образомъ „хромой“ Тимуръ (Тимуръ-и-ллынъ, Тимуръ-ленкъ = Тамерланъ) снова соединилъ въ одно три главныхъ составныхъ части западной половины монгольскаго государства,—Джагатай, Кипчакъ и Персію, и еще болѣе расширилъ ихъ границы (см. карту „Средняя Азія при Чингизъ-ханѣ и Тимурѣ“). Когда онъ въ 1404 г. созвалъ въ Самаркандѣ большой сеймъ, онъ объявилъ своимъ вельможамъ, что ему осталось еще только одно крупное предпріятіе: завоеваніе Китая. Но на этотъ разъ благопріятный случай пощадилъ цвѣтущую китайскую имперію. Было уже наготовѣ двухсоттысячное войско, самъ Тимуръ въ началѣ 1405 г. проникъ уже по р. Сыръ-Дарьѣ до Отрара, когда 18-го февраля смерть положила конецъ его планамъ; онъ умеръ отъ лихорадки, 69 лѣтъ отъ роду (см. прилагаемую таблицу „Мечеть Гуръ-Эмиръ въ Самаркандѣ, съ гробницей Тимура“) [1]. Въ немъ снова олицетворился духъ необузданнаго властолюбія и страсти къ завоеваніямъ; съ нимъ же этотъ духъ погасъ, и растоптанныя сѣмена культуры, поскольку въ нихъ еще шевелилась жизнь, получили возможность снова взойти. Со смертью Тимура кончается, наконецъ, періодъ великихъ кочевыхъ государствъ, но лишь послѣ того, разумѣется, какъ онъ причинилъ безконечныя бѣдствія и уничтожилъ, почти окончательно, древнѣйшую культуру западной Азіи.

---

[1]) На надгробномъ камнѣ Тимура, въ 200 сантм. длиною, 40 сантм. шириною и 30 сантм. вышиною, выгравирована его родословная. По Дюкмейеру плита состоитъ изъ двухъ камней, прожилки которыхъ идутъ въ различныхъ направленіяхъ, но эти камни такъ тонко прилажены одинъ къ другому, что ихъ можно принять за расколовшійся монолитъ (ср. объясненіе къ таблицѣ). Въ головахъ возвышаются на высокомъ древкѣ знамена завоевателя и конскіе хвосты; въ могильномъ склепѣ, подъ самымъ нефритомъ, покоятся эго останки, покрытые тяжелымъ чернымъ мраморомъ.

Исторія человѣчества. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Мечеть Гуръ-Эмиръ въ Самаркандѣ съ гробницей Тимура.

(По ташкентскимъ фотографіямъ.)

Объясненія къ рисункамъ на оборотѣ.

Верхній рисунокъ: **Мечеть Гуръ-Эмиръ въ Самаркандѣ** съ гробницей Тимура. Огромное куполообразное зданіе изъ обожженныхъ кирпичей, превосходная глазурь которыхъ хорошо сохранилась до настоящаго времени, съ высокими фасадами и обширными сводчатыми воротами, относится еще ко временамъ монгольскаго завоевателя, устроившаго въ 1400 г. свою резиденцію въ Самаркандѣ.

Нижній рисунокъ: **Гробница Тимура и его родственниковъ,** подъ куполомъ мечети Гуръ-Эмиръ въ Самаркандѣ. Темный, въ срединѣ поврежденный камень — надгробный камень завоевателя; онъ состоитъ изъ цѣльной глыбы темнозеленаго нефрита, неоцѣненной стоимости. Неизвѣстной рукой камень расколотъ по срединѣ; у этой трещины суевѣрные магометане, считающіе осколки надежнымъ средствомъ противъ всѣхъ болѣзней, а также русскіе коллекціонеры отбивали куски камня. Согласно сообщенію изъ Петербурга въ „Daily Chronicle“, гробница эта подверглась разграбленію въ октябрѣ 1901 года разбойниками: разрушенъ былъ не только драгоцѣнный надгробный камень Тимура, но и украдены всѣ цѣнныя вещи изъ мечети, которая не имѣла никакой охраны, несмотря на ея интересныя надписи.

(Большею частью по Franz v. Schwarz: Turkestan; Freiburg im Breisgau, Herder, 1900).

Государство Тимура держалось только личностью его властелина, но даже у него оно крошилось подъ руками, лишь только вниманіе его бывало слишкомъ приковано въ одномъ какомъ-нибудь направленіи. „Государство“ — слишкомъ претенціозное названіе для этой политической организаціи, которая скорѣе заслуживаетъ названія военноправства (Militärherrschaft). Національная основа была тутъ почти всецѣло замѣнена чисто-солдатской: на войну выступало не ополченіе опредѣленныхъ областей, но наемная или насильно набранная дружина отдѣльныхъ полководцевъ; всякій военный походъ былъ предпріятіемъ на общій счетъ, причемъ предводительство принадлежало Тимуру. Войска получали плату не отъ Тимура, но отъ полководцевъ, старавшихся возмѣстить свои издержки налагаемой данью. Но если у нихъ накоплялось слишкомъ много богатствъ, то Тимуръ отдавалъ простой приказъ — усилить всѣ отряды: тогда всякій предводитель долженъ былъ на свои средства вербовать еще солдатъ. Понятно, что такое войско можно было удержать лишь до тѣхъ поръ, пока оно воевало; въ мирное время оно бы весьма скоро само себя истребило. Такимъ образомъ, за неукротимой воинственной страстью Тимура, вполнѣ соотвѣтствовавшей, конечно, его характеру, стояла еще и принудительная сила, отъ которой онъ не могъ освободиться безъ опасности для самого себя: лишь до тѣхъ поръ, пока онъ велъ войну и получалъ добычу, у него было войско, готовое сражаться, и лишь до тѣхъ поръ, пока войско это оставалось ему вѣрнымъ, онъ былъ властелиномъ огромнаго государства. Ему противустояли національные государи, существованіе которыхъ имѣло болѣе глубокіе корни, но которые рѣдко могли устоять противъ натиска бурной волны его исполинскихъ армій.

Д. **Тимуриды.**

Со смертью Тимура эти сопротивлявшіяся силы должны были вскорѣ одержать верхъ; потомкамъ мірового завоевателя ничего больше не оставалось, какъ либо сойти со сцены, либо самимъ принять національную окраску, образцомъ чего имъ могли служить болѣе древнія монгольскія династіи. На первыхъ порахъ, пока существовала еще армія, это непобѣдимое оружіе Тимура, ея предводители готовы были продолжать дѣло своего вождя, хотя для этого имъ недоставало уже прежняго руководящаго духа; прежде всего предполагалось предпринять многообѣщающій походъ въ Китай, подъ предводительствомъ своего рода коллегіи полководцевъ, и на время оставить вопросъ о преемникѣ Тимура. Но вспыхнувшій тотчасъ же споръ изъ-за наслѣдства вскорѣ положилъ конецъ этимъ планамъ.

Цѣлыхъ четыре года продолжалась борьба изъ-за престолонаслѣдія. Сначала казалось, что наслѣдство достанется внуку Тимура Халилу; но Шахрухъ (Рохъ), сынъ завоевателя, родившійся въ 1378 г., утвердился въ Персіи. Въ 1409 г. благожелательный и мирный Халилъ былъ низвергнутъ, и государство Тимура, которое, казалось, готово было уже распасться на два государства, Туркестанъ и Персію, снова было объединено подъ властью Шахруха. Но это ужъ не было прежнее государство. Болѣе значительныя государства, которыя съ виду покорились мечу властителя міра,—Кипчакъ, Египетъ, османское государство, туркменскія владѣнія и Арменія, бо́льшая часть индійскихъ владѣній, — со смертью Тимура могли почти окончательно считаться потерянными; лишь Западный Туркестанъ, Иранское плоскогоріе и часть Пенджаба остались за тимуридами. О продолженіи же прежней воинственной и завоевательной политики Шахрухъ, по самому характеру своему, не могъ думать. Ему оставался только одинъ исходъ, — призвать на помощь національныя силы своихъ государствъ, иначе говоря: признать и иранскую народность съ ея культурой и споспѣшествовать имъ. И если онъ могъ утвердить за собою

на долгіе годы вплоть до самой смерти своей (въ апрѣлѣ 1447 г.) остатки государства, онъ обязанъ былъ этимъ, главнымъ образомъ, той здравой политикѣ, съ помощью которой онъ преслѣдовалъ свою цѣль.

Главными его врагами были туркмены (т. III, стр. 357) въ Арменіи и Азербейджанѣ, дикія орды среднеазіатскихъ кочевниковъ, которыя утвердились здѣсь на старой военной дорогѣ тюркскихъ и монгольскихъ нашествій и образовали разбойничье государство въ старо-гуннскомъ стилѣ. Это были обломки всевозможныхъ кочевыхъ племенъ, которыя то вступали между собою въ яростную борьбу, то, въ виду предстоявшей добычи, соединялись въ страшную военную силу. Начальство надъ ордами принадлежало сначала туркменскому племени „черныхъ барановъ" (Кара Коюнлу) подъ предводительствомъ Кара Юсуфа, подчинившаго своей власти Месопотамію и Багдадъ и серьезно угрожавшаго Персіи. Внезапная смерть Кара Юсуфа (1420 г.) освободила Шахруха отъ его опаснѣйшаго противника; теперь удалось оторвать у туркменовъ Азербейджанъ.

Но смуты, возникшія послѣ смерти Шахруха, положили конецъ надеждѣ на то, что иранизировавшимся тимуридамъ достанутся по крайней мѣрѣ Персія и Туркестанъ. Дикія времена, когда брато- и отцеубійства не были рѣдкостью, обрушились на несчастную имперію, и въ то время, какъ тимуриды стремились взаимно уничтожить другъ друга, новыя толпы туркменовъ, во главѣ которыхъ была орда „бѣлыхъ барановъ" (Акъ Коюнлу), ворвались черезъ персидскія границы. Внукъ Шахруха Абул-Касимъ-Бабаръ-Бахадуръ утвердился вплоть до 1457 г. въ Хорасанѣ; потомъ двоюродный внукъ Шахруха султанъ Абу Сеидъ присвоилъ себѣ власть (1459 г.) въ то время, какъ западная Персія досталась уже туркменамъ. Но въ 1467 г. онъ вынужденъ былъ вступить въ войну съ Узунъ Хасаномъ, предводителемъ Акъ Коюнлу („бѣлыхъ барановъ"). Тимуридъ былъ разбитъ и умерщвленъ (1468 г.), и бо̀льшая часть его персидскихъ владѣній досталась туркменамъ. Въ Туркестанѣ царила тогда полная смута, пока страной не овладѣли въ 1500 г. Мухаммедъ Шейбани (изъ фамиліи Чингизъ-хана, ср. стр. 169), и его узбеки, то есть представители туземныхъ кочевниковъ, бывшихъ подъ иранскимъ вліяніемъ. Узбекскія династіи шейбанидовъ, джанидовъ и маньгитовъ владѣли до 1868 г. тѣми отдѣльными государствами, на которыя страна опять распалась приблизительно такъ же, какъ въ до-монгольскій періодъ.

Одна тимуридская династія удержалась въ Ферганѣ. Царствовавшій тогда Цехиръ-ад-динъ Бабуръ внукъ Абу-Сеида, родившійся въ 1483 г., былъ прогнанъ предводителемъ узбековъ Шайбекъ-ханомъ и кинулся въ горы Афганистана, гдѣ онъ овладѣлъ входомъ въ Индію. Въ Бабурѣ проснулся старый воинственный духъ его предковъ: блестящій походъ Тимура въ Индію могъ вызвать въ немъ желаніе послѣдовать его примѣру. Прежде всего онъ утвердился въ Кабулѣ (1505 г.), гдѣ онъ собралъ вокругъ себя маленькую армію (приблизительно въ 2000 человѣкъ). Пять разъ онъ выступалъ въ походъ, пока ему не удалось, наконецъ, въ 1526 г., разбить Ибрагима Делійскаго (изъ династіи Балулъ Лоди) и тѣмъ подчинить своей власти самое могущественное изъ пяти магометанскихъ государствъ, существовавшихъ тогда въ Индіи. Этотъ послѣдній и самый выдающійся по уму завоеватель изъ монгольскаго племени оставилъ послѣ своей смерти, послѣдовавшей въ 1530 г., прочное государство,—государство „великихъ моголовъ", павшее лишь въ 1857 г. подъ натискомъ англичанъ (ср. объ этомъ отдѣлъ IV).

E. Тибетъ и восточный буддизмъ съ конца XIII столѣтія.

Міръ еще содрогался отъ алчущихъ войны среднеазіатскихъ полчищъ, когда уже стали дѣйствовать тѣ силы, которымъ удалось современемъ покорить и сдѣлать безвредными дикія степныя государства. Силы эти пред-

ставляла китайская колонизація, о которой будетъ рѣчь впереди (стр. 180), и восточный буддизмъ, вліяніе котораго становится понятнымъ лишь по изученіи новѣйшей исторіи Тибета, этой восточно-азіатской теократіи. На индійской родинѣ ученіе Будды давно уже потеряло свое вліяніе къ тому времени, когда, исходя изъ Тибета, оно охватило восточную часть Средней Азіи. Монгольскій буддизмъ коренится не въ индійской культурѣ, но въ своеобразно развившейся монашеской и церковной жизни уединеннаго тибетскаго плоскогорія, которое послѣ того, какъ буддійское ученіе угасло въ индійской низменности, твердо замкнуло себя отъ какого бы то ни было общенія съ этой послѣдней.

Поэтому-то новѣйшій, восточный буддизмъ Средней Азіи рѣзко отличается отъ болѣе древняго, западнаго, который имѣлъ когда-то большое вліяніе на цивилизацію обширныхъ странъ. Эта болѣе древняя форма стояла въ тѣсной связи съ низменностями Инда и Ганга; во времена Асоки, когда индійскій буддизмъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ, миссіонеры проникали по южнымъ горнымъ валамъ Средней Азіи черезъ Кашемиръ и расраспространяли свои священныя книги, письмена и культуру непосредственно по бассейну Тарима, а оттуда дальше насаждали ихъ среди уйгуровъ и на востокѣ, въ Китаѣ. Среди монголовъ и другихъ восточныхъ номадовъ новое ученіе едва нашло тогда какой-нибудь откликъ; въ Тибетѣ оно стало утверждаться лишь постепенно. Но съ теченіемъ времени вся западная область миссіонерской дѣятельности снова была потеряна. Христіанскіе и заратустровскіе миссіонеры противодѣйствовали буддійскимъ священникамъ, пока, наконецъ, великое своей простотой ученіе Ислама, удивительно привлекавшее полукультурные народы, не вытѣснило всѣ другія религіи; сверхъ того, вслѣдствіе побѣды браминскаго ученія въ Индіи, среднеазіатскій буддизмъ потерялъ поддержку и былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Терминъ „простой“ можетъ прилагаться лишь съ оговоркой къ исламу, проникшему въ Среднюю Азію изъ Персіи: подъ вліяніемъ иранской духовной жизни развилась магометанская мистика, едва ли уступавшая буддійской по своей глубинѣ и причудливости, но потому именно бывшая въ состояніи вытѣснить и замѣнить ее. Въ болѣе глубокомъ смыслѣ слова, побѣда магометанскаго ученія означала въ то же время побѣду западно-азіатской культуры надъ индійской. И побѣда эта была естественна, такъ какъ Западная Азія на большомъ протяженіи прилегаетъ къ среднеазіатскимъ степямъ и тѣсно съ ними связана старинными торговыми путями, между тѣмъ какъ Индія всегда была связана съ внутренней Азіей тонкими нитями.

Позднѣйшее распространеніе буддійской вѣры на востокъ черезъ Среднюю Азію было бы немыслимо, если бы буддизмъ не насчитывалъ многочисленныхъ приверженцевъ и въ Китаѣ (стр. 74 и слѣд.) и еслибъ китайцы намѣренно не покровительствовали мягкому, смягчающему воинственную жестокость ученію. Что касается того, что именно Тибетъ сталъ священной страной буддизма, то этому еще содѣйствовалъ Чингизъ-ханъ, который, какъ истый монголъ, старался использовать для своихъ цѣлей „волшебныя силы“ всѣхъ религій, не отдаваясь исключительно ни одной. Въ сущности вполнѣ естественно, что для среднеазіатовъ Тибетъ въ религіозномъ отношеніи заступилъ мѣсто Индіи: они привыкли искать родину буддизма на югѣ, а разъ Индія отдѣлилась, то ее вполнѣ замѣнилъ и безъ того таинственный Тибетъ.

На первыхъ порахъ, разумѣется, нарождавшаяся репутація святости не спасла страны отъ тяжкихъ испытаній: при первыхъ монгольскихъ властелинахъ она подверглась полному разграбленію и опустошенію. Но, быть можетъ, именно эти печальныя событія, приведшія къ паденію свѣтскаго государства, Тибета, способствовали, въ числѣ другихъ причинъ, тому, что отнынѣ на первый планъ выступила сила духовная, которая.

съ большей надеждой на успѣхъ, взяла на себя защиту страны (ср. стр. 154).

Ханъ Кублай (стр. 76 и 167), сообразуясь съ измѣнившимися обстоятельствами, назначилъ ламу Пазепу, происходившаго изъ знатной тибетской фамиліи, главой всѣхъ ламъ своего государства и тѣмъ перенесъ центръ тяжести буддійской іерархіи въ Тибетъ. Въ дѣйствительности онъ этимъ самымъ перенесъ на него и свѣтскую власть надъ этой страной. Во время полнаго распаденія монгольскаго государства Тибетъ, который не былъ покоренъ монгольской династіей въ Китаѣ, остался независимымъ церковнымъ государствомъ, которое въ теченіе болѣе столѣтія при преемникахъ Пазепы имѣло достаточно времени, чтобы усилить свою самостоятельность. Въ то время, какъ въ Китаѣ буддійскій папизмъ тибетскаго верховнаго ламы не признавался болѣе или оставался безъ вліянія, въ Монголіи, напротивъ, дѣятельность тибетскихъ миссіонеровъ продолжалась съ успѣхомъ. Для этихъ новыхъ пріобрѣтеній Тибетъ долженъ былъ стать религіознымъ центромъ.

Ученіе Будды о перерожденіи привело къ тому, что верховныхъ ламъ стали вскорѣ разсматривать, какъ перевоплощеніе великихъ святыхъ, а, наконецъ, даже самого Будды. Въ концѣ концовъ стали даже допускать, что великій лама всегда одинъ и тотъ же и что сейчасъ послѣ смерти онъ опять воплощается въ какомъ-нибудь ребенкѣ, котораго, безъ дальнихъ разсужденій, слѣдуетъ считать и почитать, какъ верховнаго ламу; первое перерожденіе этого рода произошло будто бы въ 1399 г. Въ началѣ XV столѣтія о строго организованной религіозной іерархіи и рѣчи не было. Каждый вновь воплощенный великій лама ни въ коемъ случаѣ не встрѣчалъ общаго признанія, и лишь спустя много лѣтъ пріобрѣталъ болѣе высокое значеніе; большинство монастырей, служившихъ центрами религіозной жизни и наукъ, вели, повидимому, довольно самостоятельное существованіе. Когда новой минской династіи стала угрожать изгнанная изъ Монголіи въ 1368 г. династія монгольская, Китай снова обратилъ свое вниманіе на Тибетъ, съ религіознымъ вліяніемъ котораго на среднеазіатскихъ номадовъ трудно было не считаться. Одинъ изъ знатнѣйшихъ тибетскихъ ламъ Халима былъ приглашенъ къ китайскому двору, осыпанъ пышными титулами и облаченъ высшей духовной властью въ Тибетѣ, но подъ условіемъ уплаты ежегодно небольшой дани. Такимъ образомъ, Тибетъ вступилъ въ болѣе тѣсную связь съ Китаемъ, и отнынѣ прогрессъ обращенія среднеазіатскихъ номадовъ въ буддизмъ и пріобщенія ихъ къ культурѣ, исходившій изъ этой священной страны, быстро подвинулся впередъ въ духѣ политики Китая.

Буддійская реформація, происшедшая въ рединѣ XV столѣтія, представляетъ замѣчательную аналогію съ реформаціей Лютера, начавшейся лишь немного позднѣе. И въ Тибетѣ ближайшимъ поводомъ къ движенію была распущенность духовенства, смѣшеніе чистаго ученія съ первоначальной народной, шаманистской религіей (стр. 155), между тѣмъ какъ національные вопросы, которые въ Европѣ играли тогда такую рѣшающую роль, здѣсь почти не имѣли никакого значенія. Цзонкава (Дзунгкаба; 1419—78 гг.) основалъ новую секту „желтыхъ ламъ“, противниками которой были приверженцы старины, или „красные ламы“. Желтая секта осталась побѣдительницей въ собственномъ Тибетѣ, между тѣмъ какъ красная утвердилась въ Ладакѣ. Цзонкава остался отнынѣ настоящимъ основателемъ тибетской іерархіи въ той формѣ, въ какой она сохранилась до настоящаго времени: одного изъ своихъ учениковъ онъ назвалъ Далай-Ламой, другого — Баньчжань-Ламой; они оба должны были въ будущемъ постоянно обновляться путемъ перерожденія и постоянно владѣть верховной духовной властью. Тибетъ былъ раздѣленъ между ними обоими; но Далай-Лама получилъ бо́льшую половину и постепенно оттѣснилъ Баньчжань-Ламу на задній планъ. Въ Китаѣ слишкомъ поздно за-

мѣтили новый порядокъ въ Тибетѣ, который, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ имѣть опасныя послѣдствія. Китайское посольство, за которымъ слѣдовало небольшое войско, появилось въ 1522 г. при дворѣ Далай-Ламы, чтобы пригласить его ко двору императора; когда же этотъ духовный князь отказался и былъ укрытъ своими подданными, то его попытались увести силой, но китайцы жестоко поплатились за эту попытку. Какъ разъ въ то время умеръ китайскій императоръ Ву Цзунъ, а его преемникъ Ши Цзунъ, покровительствовавшій даоизму, не продолжалъ этой политики противъ Тибета.

Третій перерожденный Далай-Лама Со-намъ выдавалъ себя уже за „живого Будду“ и, какъ таковой, добился широкаго признанія. Онъ предпринялъ путешествіе въ Монголію, гдѣ былъ принятъ съ величайшимъ почетомъ, какъ посредникъ мира между однимъ монгольскимъ княземъ и китайцами. Тогда же была рѣшена побѣда желтой секты и на сѣверѣ; безчисленныя толпы монгольскихъ пилигримовъ стали съ тѣхъ поръ ежегодно ѣздить въ Лхассу, и было основано множество монастырей. Китай скоро увидѣлъ въ возрастающемъ миролюбіи степныхъ номадовъ благодѣтельное вліяніе тибетскаго верховнаго священника. Ши Цзу, первый императоръ изъ маньчжурской династіи, вытѣснившей въ 1644 г. династію минскую, также сумѣлъ это оцѣнить, и на подарки тибетскихъ пословъ отвѣтилъ лестнымъ приглашеніемъ Далай-Ламы пріѣхать въ Пекинъ. На этотъ разъ приглашеніе было принято: Великій Лама явился къ маньчжурскому двору въ 1653 г., гдѣ сдѣлался объектомъ всеобщаго почитанія, былъ награжденъ блестящими титулами и, наконецъ, вернулся на родину въ сопровожденіи гвардіи, предводительствуемой императорскимъ принцемъ.

Но вскорѣ послѣ этого тріумфа „живого Будды“ послѣдовало его униженіе. Такъ какъ со смертью каждаго Далай-Ламы санъ его переходилъ на ребенка, считавшагося его воплощеніемъ, то каждый разъ власть въ теченіе многихъ лѣтъ находилась въ рукахъ регентовъ, для которыхъ, естественно, являлось искушеніе сохранить свою власть и при совершеннолѣтнемъ Далай-Ламѣ или, что еще проще, не давать вообще мальчику перейти за извѣстный возрастъ. Регентами были свѣтскіе князья, въ которыхъ мы узнаемъ преемниковъ тѣхъ древнихъ тибетскихъ властителей, которые одно время создали изъ Тибета могущественное государство (стр. 153), но потомъ все болѣе и болѣе были оттѣснены іерархіей; какъ свѣтскіе защитники духовенства, опираясь къ тому на крупныя поземельныя владѣнія, они сумѣли сохранить за собою извѣстное положеніе.

Теперь, когда изъ рукъ дряхлаго пятаго Далай-Ламы ускользнули бразды правленія, тогдашній типа (король) Санъ-гю нашелъ, что наступилъ, наконецъ, настоящій моментъ фактически поставить свѣтскую власть на мѣсто власти духовной, оставляя за этой послѣдней лишь ея номинальное значеніе. Когда въ 1682 г. умеръ верховный Лама, „типа“ скрылъ его смерть и сталъ фактически властелиномъ Тибета. Окружающія страны скоро замѣтили эту перемѣну. „Типа“ поставилъ во главѣ калмыцкаго народа калмыцкаго принца Калдана, воспитывавшагося въ Тибетѣ въ качествѣ ламы, и зато калмыки (элеты, джунгары) оказали ему помощь противъ вторженія непаловъ, которые, какъ сильное горное племя, были опасными сосѣдями священной страны. Съ тайнаго согласія типы элетскій князь расширилъ свою власть и отважился на походъ въ Китай, гдѣ съ возроставшимъ неудовольствіемъ стали замѣчать, что мирное вліяніе Тибета на степныхъ номадовъ обратилось въ свою противоположность; одинъ китайскій лама, посланный къ Далай-Ламѣ, не былъ даже допущенъ къ нему. Когда же, послѣ одного пораженія, князь элетскій объявилъ своему войску, что онъ затѣялъ войну съ Китаемъ исключительно по желанію Далай-Ламы, тогда, послѣ рѣзкаго письма императора Шенъ-Цзу (Канъ-си), испуганный типа сознался, что пятое воплощеніе Далай-

Ламы давно умерло и что покойный опять воплотился въ одного мальчика, но смерть покойнаго скрыли и не объявили публично о шестомъ воплощеніи, чтобы избѣгнуть смутъ. Вѣсть объ этихъ событіяхъ быстро распространилась и значительно ослабила власть типы, хотя Китай и не вмѣшивался болѣе. Когда въ 1705 г. типа снова затѣялъ войну противъ одного мелкаго тибетскаго князя, онъ былъ разбитъ и умерщвленъ.

Побѣдоносный князь Ла-цзанъ поставилъ уже раньше новаго Далай-Ламу. Но Китай его не призналъ, и онъ былъ замѣщенъ другимъ, котораго Ла-цзанъ взялъ подъ свою защиту; другой Далай-Лама, который появился въ Монголіи и долженъ былъ считаться шестымъ истиннымъ воплощеніемъ, также не получилъ признанія китайскаго правительства и былъ признанъ лишь святымъ низшаго порядка. Но дурной примѣръ типы Санъ-гю оказалъ свое дѣйствіе: князь джунгарскій Цаганъ Араптанъ, преемникъ Калдана (см. стр. 182), понявшій, какую политико-религіозную власть могъ бы проявить защитникъ Далай-Ламы, ворвался съ войскомъ въ Тибетъ, чтобы овладѣть буддійскимъ папой (1717 г.). Потала, близъ Лхассы, гдѣ находился Далай-Лама съ ханомъ Ла-цзаномъ, была взята штурмомъ, ханъ былъ убитъ, а верховный Лама отданъ подъ строгій надзоръ.

Теперь уже Китай рѣшилъ немедленно силой воспротивиться этому опасному обороту, который долженъ былъ привести къ новому натиску номадовъ на Срединную имперію. Китайское войско и монгольская дружина проникли въ Тибетъ; но джунгары обошли по рѣкѣ Колѣ соединенныя силы и уничтожили ихъ. Вслѣдствіе упадка духа, овладѣвшаго послѣ этого китайцами и монголами, было сдѣлано предложеніе предоставить Тибетъ самому себѣ и поставить въ другой какой-нибудь мѣстности новаго папу. Но императоръ Канъ-си настоялъ на томъ, чтобы возобновить походъ съ бо́льшими силами. На этотъ разъ предпріятіе удалось: джунгары очистили въ 1720 г. страну, и Канъ-си могъ, наконецъ, установить необходимую, болѣе тѣсную связь Тибета съ Китаемъ. Отнынѣ защита Далай-Ламы была вручена, вмѣсто туземныхъ свѣтскихъ князей, двумъ китайскимъ резидентамъ, необходимое уваженіе къ которымъ было обезпечено значительной военной силой. Благоговѣніе предъ живымъ Буддой, впрочемъ, значительно ослабло въ Китаѣ, когда въ 1780 г. Далай-Лама, гостившій тогда въ Пекинѣ, умеръ отъ оспы, какъ обыкновенный смертный. Вначалѣ мелкіе вассальные князья Тибета сохранили еще нѣкоторую власть; но послѣ многократныхъ волненій они въ 1780 г. были окончательно подчинены Далай-Ламѣ, иначе говоря, китайскимъ губернаторамъ. Внутреннее управленіе страной, въ которое Китай, впрочемъ, мало вмѣшивался, тоже было организовано вполнѣ въ духѣ іерархіи, причемъ ко всякому мѣстному правителю приставлялся лама, завѣдывавшій съ нимъ сообща дѣлами управленія.

Хотя Далай-Лама снова сталъ верховнымъ главой, но о дѣйствительномъ господствѣ „живого Будды“ на болѣе или менѣе продолжительное время нельзя было и думать, такъ какъ новый Далай-Лама всегда возводился въ свое званіе въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и настоятельно нуждался въ опекунѣ. Для всѣхъ внѣшнихъ дѣлъ роль эту принимали на себя китайскіе регенты; для внутреннихъ дѣлъ образовалось нѣчто въ родѣ новаго свѣтскаго королевства, причемъ „раджа“ лхасскій долженъ былъ управлять государствомъ до совершеннолѣтія Далай-Ламы. Но странному случаю угодно было, чтобы Далай-Ламы почти никогда не достигали требуемаго двадцатилѣтняго возраста, а по большей части умирали незадолго до этого возраста и потомъ опять воплощались въ какомъ-нибудь ребенкѣ. Такимъ образомъ ослаблялось и китайское вліяніе; Тибетъ все болѣе и болѣе замыкался со всѣхъ сторонъ и до настоящаго времени остался одной изъ наиболѣе таинственныхъ и наименѣе соприкасающихся

съ остальнымъ міромъ странъ.[1] Въ 1792 г., послѣ того какъ новое нападеніе непаловъ было отражено при помощи китайцевъ, то и границу съ Индіей почти совершенно заперли. Оплотъ противъ культурныхъ вліяній образуетъ также гималайское государство Бутанъ, лежащее къ югу отъ Лхассы, этотъ маленькій Тибетъ съ двойнымъ духовно-свѣтскимъ правленіемъ и съ такимъ же рѣшительнымъ отвращеніемъ ко всякому вліянію внѣшняго міра.

Тибетъ выполнилъ крупную историческую задачу тѣмъ, что сохранилъ гибнувшій въ Индіи буддизмъ и сдѣлался исходнымъ пунктомъ успѣшной пропаганды среди среднеазіатскихъ народовъ. Если Китай и Западный міръ были пощажены отъ новыхъ натисковъ номадовъ или безъ особыхъ усилій отражали ихъ, то главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ распространенію буддійскаго ученія съ его кроткой моралью и его разслабляющему монашеству.

Ж. Монголія и бассейнъ Тарима отъ 1300 г. до настоящаго времени.

а) Послѣдніе Чингизиды.

Когда періодъ прилива монгольскихъ завоеваній кончился, родина новыхъ міровыхъ завоевателей быстро упала со своей блестящей высоты. Эта рѣдко населенная страна истратила всѣ свои лучшія силы, и нужно было много времени, пока она могла снова оправиться. Для древнѣйшей вѣтви монгольской династіи, китайской, было дѣломъ чести сохранить за собою старую родину съ древней столицей Каракорумомъ; это стремленіе согласовалось вмѣстѣ съ тѣмъ и съ традиціонной китайской политикой, всегда мечтавшей объ извѣстномъ вліяніи на безпокойные степные народы и воспринятой монгольскими властелинами, послѣ того какъ они все болѣе и болѣе превращались въ настоящихъ китайцевъ. Ханъ Кублай много разъ подавлялъ возстанія въ Монголіи и утвердилъ за собой страну; его преемникъ Тимуръ (Чжэнъ-Цзунъ, стр. 87) временно подчинилъ своему вліянію всю восточную часть Средней Азіи. Въ эпоху монгольскаго владычества надъ Китаемъ буддійская пропаганда, покровительствуемая китайскими императорами, большинство которыхъ было обращено въ буддизмъ, стала, повидимому, сильно распространяться изъ Тибета; обратное движеніе монголовъ, переселившихся въ Китай и снова вытѣсненныхъ Минами на ихъ старую родину, могло только ускорить это превращеніе.

Въ то время, какъ монгольская династія вела свою отчаянную борьбу съ Минами, монголы Средней Азіи оказали лишь слабую и притомъ двусмысленную поддержку. Потерпѣвъ полное пораженіе (1368 г.), монгольскій императоръ Шунъ-Ди (Дохуанъ, или Туганъ Тимуръ) бѣжалъ на сѣверъ въ Шань-дунъ и вскорѣ послѣ того умеръ; его сынъ и преемникъ Биликту (1370—78 г.г.) перенесъ опять свою столицу въ Каракорумъ. Такъ какъ всѣ внѣшнія монгольскія земли давно уже отпали, то ему досталась лишь, въ видѣ остатка, пастбищная страна къ сѣверу отъ Гоби, нѣкогда исходный пунктъ могущества его дома. Все еще была вѣроятность, что здѣсь постепенно соберется новая гроза, которая могла стать роковой для культурныхъ странъ. Но потеря Китая, которую въ значительной степени слѣдуетъ приписать раздорамъ между полководцами и государями, не сдѣлала монголовъ умнѣе; чѣмъ меньше становился остатокъ ихъ владѣній, тѣмъ ожесточеннѣе сражались они за отдѣльные клочки, пока не дошли до полнаго раздробленія. Императоры минской династіи воспользовались

---

[1] Англійская экспедиція въ Тибетъ, предпринятая на нашихъ глазахъ и нынѣ еще не оконченная (май 1904 г.), повидимому, знаменуетъ конецъ вѣковой замкнутости этой страны и насильственное пріобщеніе ея къ общечеловѣческой культурѣ. Прим. перев.

этимъ, чтобы покорить восточную Монголію. Въ сѣверо-западной части Гоби, какъ послѣдній остатокъ монгольскаго могущества, осталось государство Алтынъ-хана.

б) Государство калмыковъ (1630—1757).

Новѣйшія попытки основать великую державу въ Средней Азіи и потомъ выступить въ истинно-гуннскомъ духѣ противъ культурныхъ странъ не исходили болѣе отъ монголовъ, характеръ которыхъ измѣнился подъ вліяніемъ племенного раздробленія и возростающаго рвенія къ буддійской религіи, а изъ областей, лежащихъ на югѣ и юго-западѣ Гоби, часть которыхъ обозначается въ настоящее время подъ именемъ Джунгаріи. Здѣсь созерцательный буддизмъ не дѣлалъ такихъ быстрыхъ успѣховъ, такъ какъ значительная часть номадовъ была привержена исламу, который менѣе опасенъ для воинственнаго духа. Отъ смѣси народовъ Средней Азіи на югѣ Гоби отдѣлилась новая вѣтвь монгольской расы, элеты или калмыки (стр. 179), которые съ 1630 г. свергли съ себя владычество монголовъ и простерли свое вліяніе на востокъ вплоть до Китая.

При ханѣ своемъ Калданѣ этотъ народъ овладѣлъ Кашгаромъ, гдѣ религіозныя распри могущественнаго исламскаго духовенства способствовали его вмѣшательству, разрушилъ монгольское государство Алтынъ-хана и около конца XVII-го столѣтія сталъ угрожать Китаю. При этомъ Калданъ старался использовать въ своихъ интересахъ и религіозную власть Тибета, утверждая, что онъ возведенъ въ свой санъ Далай-Ламой; тайно же его поддерживалъ свѣтскій князь Тибета, Сан-гю (стр. 179). Монголы сильно страдали отъ нашествій элетовъ, а вліяніе Китая въ Средней Азіи значительно ослабло, пока маньчжурскій императоръ Канъ-си не рѣшился въ 1696 г. предпринять большой походъ противъ Калдана. Послѣдній долженъ былъ отступать все дальше и дальше. Такъ какъ поддержка Далай-Ламой его притязаній казалась ему безполезной, то онъ теперь обратился къ исламу, насчитывавшему въ западной части его владѣній многочисленныхъ приверженцевъ; но послѣдовавшая вскорѣ послѣ того смерть его положила конецъ этимъ планамъ.

Воинственный духъ номадовъ, сконцентрировавшійся еще разъ въ Джунгаріи, какъ въ фокусѣ, не погасъ еще послѣ этого. Преемникъ Калдана Цаганъ-Араптанъ подчинилъ себѣ большинство городовъ бассейна Тарима и расширилъ свои владѣнія и по другимъ направленіямъ; потомъ у него возникъ планъ послать войско въ Тибетъ, вынудить силой покровительство Далай-Ламы и тѣмъ использовать въ своихъ интересахъ религіозное вліяніе этой священной куклы. Попытка эта, сверхъ ожиданія, удалась, но она принудила китайцевъ къ болѣе рѣшительнымъ шагамъ, результатомъ чего было изгнаніе элетовъ изъ Тибета (1720 г.). Джунгарское государство, несмотря на то, долго еще оставалось опаснымъ сосѣдомъ для остальныхъ среднеазіатскихъ народовъ и китайцевъ. Наконецъ, Китай все-таки воспользовался спорами изъ-за престолонаслѣдія и внутренними войнами, чтобы разрушить послѣднее государство кочевниковъ Средней Азіи и тѣмъ, какъ кажется, окончательно завершить періодъ великой борьбы между пастушескими племенами Средней Азіи и культурными народами. Восточный Туркестанъ, бывшій въ рукахъ калмыковъ, достался теперь китайцамъ (1757 г.).

в) Наступательное движеніе Россіи и смягчающее вліяніе буддійскаго ученія.

Китайцы не впервые владѣли бассейномъ Тарима, господствуя надъ среднеазіатскими торговыми путями и разъединяя кочующіе народы сѣвера и юга (стр. 140); но на этотъ разъ вліяніе ихъ было продолжительнѣе

и совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вѣчно безпокойные кочевые народы лишь тогда могли бы дѣйствительно быть усмирены, еслибъ ихъ сдавили съ обѣихъ сторонъ и, еслибъ неизмѣримо далекій степной горизонтъ закрывался кругомъ укрѣпленными аванпостами культуры. На этотъ путь вступила тѣмъ временемъ Россія въ своемъ наступательномъ движеніи: граница съ Сибирью была уже твердо установлена, и движеніе монголовъ на сѣверъ и сѣверо-западъ стало невозможнымъ. На юго-западѣ же Россіи удалось лишь постепенно овладѣть Туркестаномъ. Здѣсь и положеніе китайцевъ было такъ слабо, что бассейнъ Тарима былъ на время потерянъ; когда же, тѣмъ временемъ, русскіе заняли туркестанскія ханства, то и Китай вскорѣ вернулъ свои потерянныя владѣнія.

Распространеніе русскаго владычества, не безопасное въ будущемъ и для самого Китая, явилось превосходной поддержкой китайской политикѣ, издавна направленной къ укрощенію номадовъ Средней Азіи. Но эта политика, кромѣ старыхъ средствъ, колонизаціи и натравливанія кочевыхъ князей другъ противъ друга, пользуется еще и новѣйшимъ средствомъ — покровительствомъ буддизму. Маньчжурская династія въ этомъ отношеніи слѣдуетъ вполнѣ примѣру минской династіи, и полученные результаты дѣйствительно поразительны. „Буддійское ученіе", говоритъ Николай Пржевальскій, „пустило здѣсь (т. е. въ Монголіи) такіе глубокіе корни, какъ едва-ли въ какой-либо другой части свѣта ... Буддизмъ, высшимъ идеаломъ котораго является лѣнивое созерцаніе, вполнѣ подходитъ къ характеру монголовъ и породилъ страшный аскетизмъ, удерживающій номада вдали отъ всякаго прогресса и побуждающій его искать цѣли человѣческаго существованія въ туманныхъ, абстрактныхъ идеяхъ божества и загробной жизни". Обычная добродушная лѣнь номадовъ сохранилась; но, вмѣсто взрывовъ воинственной дикости, которая, какъ противоположность ей, властно овладѣвала какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми народами, наступило медленное разряженіе энергіи въ видѣ религіозныхъ упражненій, молитвъ и пиллигримства. Въ этомъ смыслѣ пиллигримство въ Тибетъ или къ знаменитымъ монгольскимъ святынямъ является замѣной прежнихъ разбойничьихъ и воинственныхъ походовъ. Но тѣмъ ничтожнѣе оказывается для духовной жизни среднеазіатовъ значеніе буддійскаго ученія, которое въ первоначальной формѣ было столь вдохновенно и глубокомысленно: это ученіе было уже искажено въ самомъ Тибетѣ и въ такомъ видѣ, чисто внѣшнимъ образомъ, было перенесено въ Монголію, гдѣ даже священники, по большей части, не понимали священныхъ писаній и формулъ, но слѣпо пользовались ими, какъ темными волшебными силами. Эта вѣтвь буддизма обнаруживаетъ нѣкоторую самостоятельность лишь въ томъ отношеніи, что и въ Монголіи оказались религіозные центры, въ особенности городъ Урга, верховные священники которыхъ, кутукту, уступаютъ въ духовной іерархіи лишь двумъ высшимъ тибетскимъ ламамъ и, подобно этимъ послѣднимъ, постоянно вновь воплощаются; впрочемъ, почти каждый буддійскій монастырь имѣетъ своего „гегена", воплотившагося святого. Священники, по своему вліянію, заступили мѣсто прежнихъ начальниковъ племенъ: съ ними обращаются съ безграничнымъ почтеніемъ, и въ ихъ святилища стекаются богатства страны. Въ областяхъ, граничившихъ съ магометанскими землями, укрѣпленные буддійскіе монастыри служили убѣжищами, въ которыхъ народъ укрывался отъ разбойничьихъ или мятежныхъ магометанъ.

Въ то время какъ буддійская религія, какъ средство укрощенія дикихъ среднеазіатовъ, оказывала удивительное дѣйствіе, въ то время какъ китайскія колоніи все болѣе и болѣе суживали область кочевниковъ, другое старинное средство, способствовавшее прогрессу культуры, постепенно потеряло бо́льшую часть своего значенія: именно торговыя и международныя сношенія по восточно-западнымъ дорогамъ внутренней Азіи. Еще во времена монголовъ возгорѣлись войны за обладаніе этими доро-

гами: нападеніе Чингизъ-хана на хорезмійцевъ (стр. 162) отчасти было совершено по торгово-политическимъ соображеніямъ. Но открытіе морского пути въ Остъ-Индію, приведшее вскорѣ къ тому, что въ китайскихъ гаваняхъ появились и европейскіе корабли, должно было довести до ничтожныхъ размѣровъ и безъ того упавшую сухопутную торговлю: теперь уже не стоило предпринимать огромныя путешествія съ цѣнными товарами по опаснымъ мѣстамъ. Крупная караванная торговля прекратилась, и, вмѣсто нея, осталась только передаточная торговля отъ стоянки къ стоянкѣ, не имѣвшая значенія для культуры. Лишь въ одномъ мѣстѣ, которое прежде не играло никакой роли, стала теперь процвѣтать сухопутная торговля, въ особенности вывозъ чаю: именно на сѣверѣ Монголіи, гдѣ соприкасались границы двухъ культурныхъ государствъ, Россіи и Китая. Это не могло не оказать благотворнаго вліянія на мирное настроеніе монголовъ, которые находили хорошій заработокъ при перевозкѣ чаю черезъ степи и потому были заинтересованы въ процвѣтаніи торговли.

г) Періодъ дунганскихъ возстаній (1825—94).

Китайская политика встрѣчала не мало затрудненій въ Средней Азіи, несмотря на указанныя выше благопріятныя условія; главными виновниками этого были приверженцы ислама въ Джунгаріи, бассейнѣ Тарима и западныхъ провинціяхъ Китая. Гдѣ исламъ однажды утвердился, его ужъ нельзя было вытѣснить болѣе удобнымъ буддизмомъ; нельзя было не считаться съ тѣмъ вліяніемъ, которое оказывало ученіе Магомета на воинственный духъ, прилежаніе и энергію своихъ послѣдователей, и отъ китайскихъ чиновниковъ требовалось много осторожности и сдержанности, чтобы избѣгать опасныхъ возстаній народной массы, тѣсно сплоченной своей вѣрой. И все-таки не разъ дѣло доходило до продолжительныхъ кровавыхъ, порой успѣшныхъ возстаній дунгановъ, служившихъ до извѣстной степени проявленіемъ послѣднихъ вспышекъ среднеазіатской жажды войны. Въ бассейнѣ Тарима магометанскій мятежъ бушевалъ уже въ 1825—28 г. г. (стр. 97). Въ срединѣ XIX-го столѣтія потомки той династіи, которая въ 1757 г., къ концу элетской войны, была изгнана китайцами изъ западной части бассейна Тарима, начали дѣлать попытки къ завоеванію ея вновь, послѣ того какъ они уже раньше охотно предпринимали мелкіе набѣги на китайскую границу. Первый походъ потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе сопротивленія городовъ Кашгара и Ярканда. Возстаніе магометанъ подъ предводительствомъ Рашъ ад-динъ Ходжа подготовило, однако, въ 1862 г. почву для дальнѣйшихъ предпріятій. Въ другомъ нападеніи, которымъ руководилъ тогдашній претендентъ Бузургъ (Бузурукъ)-ханъ, принимало участіе вспомогательное войско изъ Кокана подъ начальствомъ Мухаммеда Якубъ Бея. На этотъ разъ возстали также дунганскіе солдаты китайцевъ, осадившіе Яркандъ и Хотанъ, между тѣмъ какъ подоспѣвшіе въ то же время киргизскія разбойничьи шайки осадили Кашгаръ (1864 г.); но когда они взяли городъ, Бузургъ-ханъ отобралъ у нихъ добычу. Во время дальнѣйшихъ войнъ съ китайцами и дунганскими мятежниками, которые ни за что не хотѣли покориться пришедшимъ изъ Кокана магометанамъ, Якубъ-бей выступалъ все болѣе и болѣе блестящимъ полководцемъ, пока не устранилъ окончательно неспособнаго Бузургъ-хана и не отослалъ его обратно въ Фергану. Въ 1868 г. бóльшая часть бассейна Тарима была въ рукахъ этого новаго властелина, который называлъ себя съ 1878 г. „Аталыкъ Гази".

Успѣхи эти были бы невозможны, если бы въ то же время китайское правительство не было приведено въ крайнее замѣшательство вслѣдствіе одновременнаго возстанія магометанъ въ западномъ Китаѣ и въ Джунгаріи. Къ счастью для Китая, который, въ довершеніе всего, былъ еще ослаб-

ленъ возстаніемъ тайпинговъ, мятежники не преслѣдовали крупныхъ цѣлей и не соединились для общаго нападенія на расшатанную Небесную имперію; еще меньше, естественно, думали они о томъ, чтобы дѣйствовать заодно съ Якубъ-беемъ, съ которымъ они, напротивъ того, боролись, или даже соединиться съ тайпингами и недовольными буддійскими монголами. Такимъ образомъ, великое дунганское возстаніе было въ сущности лишь рядомъ мѣстныхъ возстаній, которыя вели за собою страшныя кровопролитія и обширныя опустошенія. Китайцы спасались въ городахъ, которые частью сдавались подъ напоромъ жившихъ вокругъ дунгановъ, частью же устояли и представляли тогда важные опорные пункты при вторичномъ покореніи страны, въ особенности въ Ганьсу, образующемъ мостъ къ бассейну Тарима, гдѣ вспыхнуло возстаніе въ 1862 г. Въ 1869 г. дунганское войско совершило еще опустошительный походъ до Ордоса; въ 1873 г. города южной Монголіи подверглись нападенію и разрушенію. Война съ обѣихъ сторонъ велась далеко не блестяще.

Съ 1872 г. китайцы возобновили опять свое наступательное движеніе и стали отвоевывать себѣ вновь Ганьсу. Когда имъ это удалось послѣ многолѣтней борьбы, судьба Якубъ-бея также могла считаться рѣшенной; а между тѣмъ возвращеніе къ своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ въ Западномъ Туркестанѣ было ему отрѣзано вслѣдствіе наступательнаго движенія русскихъ. Послѣ того какъ внезапная смерть Якубъ-бея (31-го мая 1877 г.) положила конецъ всякому серьезному сопротивленію, бассейнъ Тарима снова попалъ въ 1878 г. въ руки китайцевъ и былъ преобразованъ, вмѣстѣ съ владѣніями на Тянь-Шанѣ, въ особую провинцію. И здѣсь Китай граничитъ почти всюду съ владѣніями культурныхъ государствъ, Россіи и Англіи, съ тѣхъ поръ какъ и послѣдняя опасная пограничная область, плоскогоріе Памиръ, была подѣлена между этими тремя державами. Торговля въ бассейнѣ Тарима снова поднялась благодаря тому, что Англія, задавшись цѣлью связать Памиръ съ Индіей, завела значительную караванную торговлю. Съ другой стороны, и Россія старается воскресить старые пути, ведущіе въ Западный Туркестанъ. Исповѣданіе магометанской вѣры населеніемъ бассейна Тарима и нѣкоторыхъ частей западнаго Китая является, конечно, для китайцевъ постоянной опасностью (въ 1894 г. возстаніе дунгановъ), которая можетъ быть устранена съ теченіемъ времени развѣ только широкой колонизаціей китайцевъ.

3. Западный Туркестанъ отъ конца Тимуридовъ до проникновенія русскихъ.

Послѣ нашествія монголовъ населеніе постепенно распалось на три группы. Первая состояла изъ сартовъ, осѣдлаго земледѣльческаго населенія городовъ, оазовъ и жителей береговъ рѣкъ; въ нихъ мы видимъ остатки древнѣйшихъ культурныхъ элементовъ, которые съ теченіемъ времени иранизировались и, благодаря сильной персидской иммиграціи, стали и по внѣшности очень похожи на персовъ. Эти черты еще усиливались вслѣдствіе ввоза персидскихъ рабовъ и съ другой стороны уравновѣшивали продолжавшуюся примѣсь короткоголовыхъ номадовъ. Древній культъ свѣта давно уже исчезъ у сартовъ, и вездѣ принятъ исламъ. Способности создавать государства сарты не проявили. Подъ узбеками же, второй группой, нужно разумѣть полуосѣдлыхъ тюрко-татаръ, которымъ, правда, не чужда примѣсь иранской крови и высшая культура, но въ которыхъ преобладаютъ, однако, воинственныя черты номадовъ. Этотъ многочисленный классъ населенія, возникшій въ завоевательный періодъ кочевниковъ, долженъ былъ первый заявить притязаніе на господство и, наконецъ, вырвалъ власть изъ рукъ монгольскихъ династій. Настоящій ударъ былъ нанесенъ со стороны бассейна Тарима, гдѣ кашгарцы, которыхъ никогда

не удавалось подчинить вполнѣ, уже во времена Тимура дѣлали многократныя попытки покорить Западный Туркестанъ (стр. 173). Третью группу туркестанскаго населенія составляютъ собственно номады, главныя пастбища которыхъ лежатъ частью на сѣверѣ, частью къ западу отъ Аму-Дарьи, по направленію къ Каспійскому морю и Хорасану (см. карту къ стр. 173). На сѣверѣ издревле были поселенія киргизовъ (казаковъ), изъ которыхъ они лишь временно были вытѣснены движеніемъ другихъ номадовъ; на западѣ изъ обломковъ кочевыхъ народовъ возникли туркмены, разбойничьи орды, державшія въ своихъ рукахъ сношенія между Персіей и туркестанскими государствами.

а) Киргизы отъ начала XVI до конца XVIII столѣтія.

Господство тимуридовъ въ Туркестанѣ кончилось въ 1494 г. Толчкомъ къ этому перевороту послужило нападеніе нѣсколькихъ тимуридскихъ владѣтельныхъ князей на хана Мухаммеда Шайбека (Шейбани), предводителя узбековъ, которые, повидимому, жили тогда по верхнему теченію Сыръ-Дарьи и въ земляхъ, граничившихъ съ Восточнымъ Туркестаномъ. Это нападеніе повлекло за собою полное сверженіе тимуридовъ, потерявшихъ тогда свои владѣнія и въ Мазендеранѣ, и Хорасанѣ. Казалось, что вся Персія будетъ завоевана Шайбекомъ, но именно тогда иранскій народъ проснулся къ новой жизни подъ предводительствомъ Исмаилъ-эль-Сафи: Шайбекъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ былъ побѣжденъ этой новой силой (1510 г.). При его преемникахъ, шейбанидахъ, Туркестанъ оставался еще нѣкоторое время единымъ государствомъ, но потомъ, какъ въ позднѣйшую эпоху тимуридовъ и еще раньше, при правителяхъ юе-чжи, онъ распался на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, положеніе и размѣры которыхъ были уже предопредѣлены естественными условіями страны. Чисто-кочевыя области, по большей части, добились при этомъ самостоятельности.

Киргизы, жившіе въ степяхъ къ сѣверу отъ Аральскаго моря и озера Балхашъ, вообще лишь отчасти покорились тимуридамъ и узбекамъ. Паденіе Кипчакскаго государства постепенно принесло этимъ номадамъ бо́льшую свободу, пока въ XVI-мъ столѣтіи въ степяхъ западной Сибири не образовалось двухъ государствъ, государства улусъ-монгуловъ и собственныхъ киргизовъ, или казаковъ подъ начальствомъ хана Арслана, покорившаго своей власти многочисленные кочевые народы Средней Азіи. Киргизское государство мѣшало узбекамъ двигаться дальше на сѣверъ, но потомъ оно распалось, т. е., киргизскій народъ распался на множество ордъ. Въ XVIII столѣтіи мы находимъ южныхъ киргизовъ, которые, по большей части, относительно, культивировались и отчасти сдѣлались осѣдлыми, въ Ташкентской области политически организованными; они господствовали, такимъ образомъ, надъ среднимъ теченіемъ р. Сыръ-Дарьи. Чисто-кочевые элементы этого народа образовали Большую, Среднюю и Малую орду. И въ киргизахъ продолжали еще жить остатки прежнихъ воинственныхъ и разбойничьихъ наклонностей среднеазіатовъ, отъ чего часто терпѣли сосѣдніе народы. Въ началѣ XVIII столѣтія составился поэтому союзъ изъ джунгаровъ, башкировъ, волжскихъ калмыковъ и уже осѣдлыхъ казаковъ Сибири, этого форпоста Россіи; союзъ этотъ поставилъ киргизовъ въ такое затруднительное положеніе, что въ 1719 г. они обратились къ посредничеству Россіи, но безуспѣшно. Столица Средней орды, Туркестанъ, на правомъ берегу средняго теченія Сыръ-Дарьи, была завоевана джунгарами; часть киргизовъ покорилась, другіе бѣжали на югъ. Вскорѣ они опять ворвались и снова овладѣли своей страной, но разумѣется, лишь для того, чтобы потомъ окончательно подпасть русскому вліянію.

Положеніе сѣверныхъ городовъ культурной части Западнаго Турке-

стана, носившаго въ средніе вѣка по большей части общее названіе Мавераннехръ (Mâ warâ' l-nahr; стр. 170), т. е. Ташкентъ и Туркестанъ, по отношенію къ номадамъ подвергалось постояннымъ перемѣнамъ: когда власть киргизовъ ослабѣвала, то они или ихъ узбекскіе князья становились почти самостоятельными, когда же власть киргизовъ снова усиливалась, они подпадали болѣе или менѣе подъ господство этихъ номадовъ; иногда ихъ присоединяли и къ государствамъ узбековъ. Въ 1723 г. джунгары осадили Туркестанъ, но съ 1741 г. киргизы снова владѣли городомъ. Въ 1780 г. Юнусъ Ходжа изъ Ташкента нанесъ такое тяжкое пораженіе киргизамъ Большой Орды и такъ ихъ запугалъ тѣмъ, что перебилъ много тысячъ плѣнныхъ, что они признали надъ собою его власть.

б) Узбекскія государства Хива, Бухара и Коканъ съ 1500 г.

Мавераннехръ по устройству поверхности распадался на различныя области, изъ которыхъ въ теченіе исторической жизни, въ свою очередь, образовались соотвѣтственныя государства: бассейнъ нижняго теченія Аму-Дарьи (Хива), бассейнъ средняго теченія той же рѣки съ долиной Зерафшана (Бухара) и верхняя долина Сырь-Дарьи (Фергана, Коканъ). Сюда же присоединялась часто страна по верхнему теченію Аму-Дарьи (Балхъ), которая легко подпадала вліянію Афганистана, когда на югѣ образовывалось болѣе сильное государство. Среднее и нижнее теченіе Сыръ-Дарьи были подъ слишкомъ сильнымъ давленіемъ чисто-кочевыхъ племенъ, чтобы здѣсь могли возникнуть болѣе сильныя государства. Отъ Бухары, опять-таки, нерѣдко выдѣлялось въ особое государство верхняя долина Зерафшана со столицей Самаркандомъ (Мавераннехръ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова).

Изъ этихъ государствъ Хива (Хорезмъ), послѣ низложенія и смерти Шайбекъ-хана, была сначала занята персами. Но такъ какъ покровительство персовъ шіитской пропагандѣ вызвало скоро нелюбовь къ нимъ со стороны строго-суннитскихъ жителей страны, то въ 1515 г. вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго сталъ узбекскій принцъ Ильбарсъ; при содѣйствіи своихъ братьевъ онъ постепенно изгналъ персовъ изъ всѣхъ городовъ страны и даже дѣлалъ успѣшные набѣги на Хорасанъ. Дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи встрѣтило препятствіе со стороны туркменскихъ племенъ, которыя тогда уже смотрѣли на пограничную степь между Персіей и Хивой, какъ на свою исключительную собственность. Такъ какъ братья Ильбарса утвердились въ разныхъ городахъ въ качествѣ феодальныхъ владѣтелей, то послѣ смерти перваго властителя о какомъ-либо строгомъ единствѣ и рѣчи не было. Только послѣ того, какъ утихли до нѣкоторой степени раздоры между отдѣльными ленными князьями, и туркмены были умиротворены, узбеки хивинскіе вмѣстѣ съ узбеками бухарскими могли возобновить свои нападенія на персидскія земли. Сефевидъ Тахмаспъ I персидскій въ концѣ-концовъ не могъ найти другого исхода, какъ породниться съ хивинскимъ царствующимъ домомъ и за крупную сумму денегъ купить союзъ, который обезпечивалъ спокойствіе его пограничнымъ землямъ. Новыя смуты въ Хивѣ привели къ тому, что потомки Ильбарса были почти совершенно истреблены Динъ-Мухаммедъ-султаномъ, который раздѣлилъ страну между членами своей семьи и былъ провозглашенъ ханомъ (1549 г.). Онъ отнялъ отъ хана бухарскаго городъ Мервъ, этотъ старинный аванпостъ персидской культуры, и установилъ здѣсь свою резиденцію. Но послѣ его смерти (1553 г.) Мервъ опять перешелъ къ персамъ. Въ наступившія послѣ этого междоусобія многократно вмѣшивался ханъ бухарскій Абдуллахъ, пока ему не удалось въ 1578 г. овладѣть всѣмъ государствомъ. Лишь въ 1598 г. одинъ изъ изгнанныхъ князей сумѣлъ опять отобрать большую часть страны.

И впослѣдствіи Хиву раздирали гражданскія войны: принцы царствующаго дома получали въ удѣлъ города и управляли ими почти самостоятельно, опираясь то на узбековъ, то на туркменовъ, то на наймановъ, киргизовъ и уйгуровъ, остатки которыхъ также жили въ предѣлахъ Хивы. Около средины XVII-го столѣтія, когда Абулгазъ I Бехадуръ (1605—64 гг.) объявилъ себя государемъ (1644—63 гг.) и исторіографомъ Чингизидовъ, калмыки (стр. 182) простерли свое господство на киргизскую степь вплоть до Хивы; слѣдующія десятилѣтія наполнены битвами съ этими новыми противниками и новыми войнами съ Бухарой. Потомъ наступило болѣе спокойное время; ханъ, резиденція котораго была въ Ургенчѣ или Хивѣ, былъ въ сущности лишь самымъ могущественнымъ изъ многочисленныхъ ленныхъ князей, жившихъ въ разныхъ городахъ и при случаѣ рѣшавшихъ между собою свои мелкія распри. Эта черта мелочности является характерной для исторіи Туркестана новѣйшихъ временъ. Въ XVIII-мъ столѣтіи киргизы Малой Орды присвоили себѣ власть надъ Хивой, пока въ 1792 г. одинъ узбекскій князь не основалъ новой династіи, удержавшейся до 1873 г. (см. ниже, стр. 211).

Ядро Западнаго Туркестана — **Бухара** (Бохара) также уже болѣе не играло крупной исторической роли. Сначала здѣсь удержались потомки Шайбекъ-хана, изъ которыхъ Обаидъ-Аллахъ (1533—39 гг.) велъ войну съ Персіей, если только можно такъ называть его разбойничьи походы. Самый выдающійся изъ Шейбанидовъ, Абдуллахъ II (1556—98), съ большимъ успѣхомъ стремился къ поднятію культуры. Въ 1599 г. на престолъ вступила династія **Аштарханидовъ** (Джанидовъ) [1], переселившаяся въ 1554 г. изъ Астраханскаго ханства назадъ въ Трансоксанію; ханства Балхъ и Самаркандъ теперь совсѣмъ отдѣлились отъ Бухары. И политическій упадокъ сталъ еще сильнѣе, когда въ 1737 г. шахъ персидскій Надиръ удачнымъ походомъ отомстилъ за постоянные набѣги на его владѣнія. Новая узбекская династія **мангитовъ** [2], также гордившаяся своимъ монгольскимъ происхожденіемъ, свергла въ 1785 г. аштарханидовъ и (ср. ниже, стр. 211) удержала за собою бухарскій престолъ вплоть до 1868 г.

Фергана, или ханство Коканское была страной, гдѣ Тимуриды дольше всего удержались. Потомъ страна досталась Шейбанидамъ и Аштарханидамъ, но въ 1700 г. она достигла полной самостоятельности, которую и сохранила до 1876 г. Вслѣдствіе географическаго положенія Ферганы персидское могущество, съ которымъ Хивѣ и Бухарѣ всегда приходилось считаться, не имѣло для нея никакого значенія, зато положеніе дѣлъ въ Восточномъ Туркестанѣ и въ киргизской степи требовало постояннаго вниманія: изъ Ферганы, напр., начался походъ Якубъ-хана, изгнавшаго одно время китайцевъ изъ бассейна Тарима (стр. 184). Въ 1814 г. усилившійся тогда Коканъ покорилъ южную киргизскую степь съ Ташкентомъ и Туркестаномъ, что возбудило зависть Бухары. Уже съ воцаренія династіи мангитовъ между Бухарой и Коканомъ возникли раздоры; въ концѣ-концовъ Коканъ былъ завоеванъ въ 1841 г. бухарскимъ ханомъ Насръ Улла (1827—60), который, не смотря на повторныя возстанія, удержалъ его за собой. Дальнѣйшія судьбы ея лучше разсматривать въ связи съ тѣми событіями, благодаря которымъ Россія вступила во владѣніе Средней Азіей (стр. 211 и слѣд.)

---

[1] Шейбанъ (ср. стр. 169, прим.)
- Шахъ Будагъ
  - Мухаммедъ Шайбекъ-ханъ (Шейбани)
- Коджа Мухаммедъ
  - Искандеръ
    - Абдуллахъ II.
    - Цара Ханумъ

Яръ Мухаммедъ астраханскій
- Джанъ

Цара Ханумъ, Джанъ: Джаниды (Аштарханиды)

[2] Джанъ
- Абулгазъ (1758—85)
  - Дочь его

Князь Ногайскій
- Даніилъ (Мангитъ)
  - Миръ Мазумъ Шахъ Мурадъ

Дочь его, Миръ Мазумъ Шахъ Мурадъ: Мангиты

СѢВЕРНЫЯ ПОЛЯРНЫЯ ЗЕМЛИ.
Широтн. масштабъ 1 : 25.000 000.
0 250 500 750 1000 километры
Глубины:
0-200 м. ниже уровня моря
200-2000
2000-4000
болѣе 4000
Высоты:
0-300 м. выше уровня моря
300-1000
1000-2000
свыше 2000
Южн. граница плавающихъ льдовъ
Гран. полярн. льдовъ
Сѣв. граница лѣса
Зап. 180 Вост. д. отъ Гринича 170
ТИХІЙ ОКЕАНЪ
БЕРИНГОВО МОРЕ
СѢВ. ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
НЕИЗСЛѢДОВАННОЕ
НОРДЕНШЕЛЬДОВО МОРЕ
АЛЯСКА (Терр. Соед. Штатовъ)
СѢВ. АМЕРИКА
СИБИРЬ
Камчатка
Чукотскій п-овъ
Становой хребетъ
Верхоянскій горы
Скалистыя горы
О-въ Врангеля
О-ва Новой Сибири
Вост. Таймырскій п-овъ
М. Челюскинъ

История человѣчества. II.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Къ статьѣ „Сѣверныя полярныя земли".

Въ общемъ узбекскій періодъ былъ для Туркестана періодомъ мелкой борьбы, которой слабо противостояла настоящая культурная работа. Въ населеніи преобладалъ духъ кочевничества, проявлявшійся въ особенности въ постоянныхъ разбойничьихъ походахъ противъ Персіи. Международное общеніе, обусловливавшее нѣкогда блескъ Туркестана, было направлено по другимъ путямъ, и отъ прежнихъ богатыхъ городовъ осталась лишь тѣнь ихъ былого величія.

4. Сибирь и Азіатская Россія.

Подобно полуокоченѣвшему отъ мороза организму-великану, покоится Сибирь между монгольскими степями и холодными волнами Сѣвернаго Ледовитаго океана. Сколько силы, сколько богатствъ могли бы дать своимъ обитателямъ эти огромныя пространства съ ихъ величественными рѣками, еслибы жестокій климатъ не наполнялъ устьевъ рѣкъ льдомъ, не обращалъ обширныхъ равнинъ въ болотистыя безплодныя тундры и не сохранялъ въ оледенѣломъ состояніи болѣе глубокіе слои земли даже лѣтомъ. Страна, которую мы называемъ Сибирью, представляетъ, конечно, разнообразіе въ климатическомъ отношеніи. Къ сѣверной полосѣ, которая едва въ состояніи пропитать свое разбросанное рѣдкое населеніе, примыкаетъ съ юга полоса лѣсовъ, весьма распространенныхъ въ гористой восточной части, между тѣмъ какъ въ равнинной западной части простираются степи, продолжающіяся далеко въ Туркестанъ и въ Восточную Европу. Въ зависимости отъ этого Сибирь раздѣляется на нѣсколько хозяйственныхъ поясовъ: сѣверно-сибирскій, обнимающій область тундръ и болѣе широкій на западѣ, чѣмъ на востокѣ, далѣе, западно-сибирскій — степной и восточно-сибирскій — лѣсной. Сюда слѣдуетъ еще прибавить восточное прибрежье, представляющее своеобразную хозяйственную полосу: въ то время какъ для обитателей тундръ сѣверныя моря почти не имѣютъ никакого значенія, какъ источникъ пропитанія, восточное прибрежье съ нижнимъ теченіемъ Амура и Камчаткой можно опредѣлить какъ полосу, гдѣ рыболовство составляетъ основу существованія.

А. Поясъ гиперборейскій.

Различныя хозяйственныя формы Сибири не ограничиваются, конечно, исключительно только этой страной. Какъ ни усложняются простыя климатическія условія различіемъ въ высотѣ мѣстности и вліяніемъ температуры моря, климатическія зоны въ общемъ охватываютъ землю въ видѣ поясовъ; въ предѣлахъ этихъ послѣднихъ мы вездѣ встрѣчаемъ народы, которые находятся почти въ одинаковыхъ естественныхъ условіяхъ и приспособили свой бытъ къ этимъ условіямъ. Даже народы совершенно различнаго происхожденія обнаруживаютъ благодаря этому культурное родство, которое часто сильнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ родство крови: степной номадъ-арабъ обнаруживаетъ сходство съ номадомъ-монголомъ; бродячій бушменъ южной Африки стоитъ ближе къ австралійскому негру, чѣмъ къ суданскому земледѣльцу. Но не одно климатическое положеніе обусловливаетъ хозяйственную жизнь народа: сюда еще слѣдуетъ прибавить условія общенія. Если бы, напр., изолированнымъ австралійцамъ была знакома хозяйственная форма кочевого быта, для чего весьма пригодны значительныя пространства ихъ страны, то европейцы, при своемъ появленіи, нашли бы совершенно другой, вѣроятно, болѣе способный къ сопротивленію народъ. Съ другой стороны, иногда и хорошій примѣръ проходитъ безслѣдно: бушмены ничему не научились у своихъ сосѣдей-скотоводовъ; здѣсь рѣшительное вліяніе оказываютъ и черты характера, выработавшіяся пу-

темъ долгой наслѣдственной передачи и подбора, но не легко поддающіяся точному опредѣленію. Но, несмотря на эти ограниченія, климатическо-хозяйственные пояса тѣмъ важнѣе, чѣмъ скуднѣе другіе источники историческаго познанія. Съ этой точки зрѣнія мы не должны разсматривать сѣверныхъ сибиряковъ просто, какъ особую группу человѣчества, но должны изслѣдовать тотъ хозяйственный поясъ, къ которому они относятся наравнѣ съ американскими и европейскими народами, именно, сѣверный полярный поясъ, жителей котораго мы называемъ общимъ именемъ гиперборейцевъ (см. карту „Сѣверныя полярныя страны“ при стр. 191).

Основы этой общей гиперборейской культуры опредѣляются прямыми и косвенными вліяніями климата, но особенности отдѣльныхъ вѣтвей, на которыя распадается эта культура, опредѣляются особенностями страны, ея положеніемъ по отношенію къ остальному міру и характеромъ ея жителей. Непосредственное вліяніе климата сказывается очень рѣзко въ одеждѣ и постройкѣ жилищъ, такъ какъ, въ виду суровости климата, тѣло гиперборейца безусловно нуждается въ защитѣ. Косвенныя вліянія выражаются въ томъ, что количество съѣдобныхъ растеній на сѣверѣ весьма незначительно, между тѣмъ какъ представители животнаго міра, водящіеся въ огромныхъ массахъ, составляютъ основу пропитанія и доставляютъ бо́льшую часть сырыхъ продуктовъ для матеріальной культуры. Обширное и почти исключительное примѣненіе матеріаловъ животнаго и минеральнаго царства вмѣсто растительнаго является главной характерной чертой гиперборейской культуры.

Самую чистую форму этой культуры мы находимъ у американскихъ эскимосовъ, такъ какъ здѣсь вліяніе юга едва замѣтно; утварь и оружіе изъ кости, рога и камня, одежда изъ шкуръ, дома и шалаши изъ камней, снѣжныхъ глыбъ или шкуръ являются наиболѣе характерными чертами, къ которымъ нужно прибавить такія особенности, также обусловленныя климатомъ, какъ лыжи, очки противъ снѣга и сани, запряженныя собаками (ср. т. I). Вмѣстѣ съ тѣмъ эскимосы доказываютъ, что полярные народы, какъ и всѣ другія первобытныя расы земного шара, ведутъ чисто „захватную“ форму хозяйства: охота на млекопитающихъ и птицъ, рыбная ловля въ малыхъ размѣрахъ доставляютъ главную массу питательныхъ продуктовъ. Тамъ, гдѣ можно достать немного растительной пищи, произрастающей въ дикомъ видѣ, ею не брезгуютъ: у южныхъ остяковъ корни и луковицы составляютъ даже значительную часть пропитанія; но о воздѣлываніи ихъ нигдѣ и рѣчи нѣтъ. Такъ же мало думаютъ они о томъ, чтобы разводить полезныхъ для себя животныхъ, за единственнымъ исключеніемъ собаки, которая является на всемъ земномъ шарѣ спутникомъ человѣка даже у народовъ бродячихъ, а у гиперборейцевъ пріобрѣла совсѣмъ особенное значеніе: какъ животное, служащее для перевозки тяжестей, она усиливаетъ здѣсь подвижность человѣка и тѣмъ увеличиваетъ область его пропитанія. Съ другой стороны зимой, когда оскудѣваютъ средства пропитанія, она издавна служила своему господину пищей; по большей части оставляютъ въ живыхъ лишь нѣсколько собакъ для приплода.

И европейскіе обитатели южнаго предѣла льдовъ, какъ свидѣтельствуютъ доисторическія находки, въ эпоху дилювіальную вели простѣйшій образъ жизни гиперборейцевъ. Подобно эскимосамъ, они культивировали искусство, сводившееся, главнымъ образомъ, къ вѣрному природѣ воспроизведенію изображеній животныхъ и человѣка (см. фиг. 20—22 на таблицѣ къ стр. 120 I тома) и вполнѣ соотвѣтствовавшее, вѣроятно, характеру и склонностямъ этихъ чисто охотничьихъ племенъ. Для объясненія этого сходства нѣтъ надобности допускать существованіе материковой связи, соединявшей нѣкогда Гренландію съ Западной Европой и дѣ-

лавшей, быть можетъ, возможными переселенія полярныхъ народовъ (см. морскія глубины на прилагаемой картѣ „Сѣверныя полярныя страны“). Удивительно, что азіатскіе и современные европейскіе гиперборейцы не обнаруживаютъ этой склонности къ натуралистическому искусству, но предпочитаютъ ему стилизированный орнаментъ. Эта маленькая черта указываетъ на важное различіе, выработавшееся между американскими и азіатскими полярными народами: первые остались охотниками и „собирателями“, вторые же, наоборотъ, обратились, по большей части, въ арктическихъ номадовъ и тѣмъ сильно измѣнили основы своего хозяйственнаго строя, свои интересы и наклонности. Это фактъ историческій, который до извѣстной степени можно еще прослѣдить.

a) Длинноголовые охотники и оленеводы.

По окончаніи ледниковаго періода, какъ мы видѣли (стр. 120), сѣверъ Азіи и Европы заселился длинноголовой расой, которая была приспособлена къ относительно суровому климату и потому, съ отступленіемъ большого ледниковаго покрова, могла заселить тѣ области, которыя стали доступными. Такимъ образомъ, по всей Сибири появились длинноголовые полярные охотничьи народы, которые постепенно все рѣзче и рѣзче стали отличаться отъ своихъ жившихъ южнѣе сородичей. Въ то время какъ эти послѣдніе подверглись впослѣдствіи вліянію высшей земледѣльческой и металлической культуры короткоголовыхъ народовъ Западной и Восточной Азіи, въ то время какъ на Алтаѣ образовался сѣверный отпрыскъ культуры мѣди и бронзы, носителями которой были, главнымъ образомъ, длинноголовые, вліянія эти почти не коснулись сѣверныхъ сибиряковъ. Земледѣліе было невозможно, а добыча металловъ требуетъ наличности огромнаго количества горючаго матеріала, почти совершенно отсутствующаго на тундрахъ. Отдѣльныя новыя отрасли искусства и навыки могли случайно проникать и на сѣверъ: такъ, въ прежнія времена среди остяковъ были распространены гончарное и кузнечное искусство, но въ общемъ азіатскіе гиперборейцы остались жалкими, малочисленными племенами, не манившими ни къ дружескимъ, ни къ враждебнымъ отношеніямъ. Охота, рыбная ловля да собираніе ягодъ и кедровыхъ орѣховъ доставляли главныя средства къ пропитанію.

Появленіе кочевыхъ пастушескихъ племенъ сначала арійскаго, а потомъ и монгольскаго происхожденія вначалѣ не могло внести много перемѣнъ; непосредственное перенесеніе скотоводства (рогатаго скота, лошадей и овецъ), было, конечно, невозможно, хотя впослѣдствіи якуты и доказали, что разведеніе скота возможно и подъ очень сѣверными широтами. Такимъ образомъ, среднеазіатскій номадизмъ могъ дѣйствовать лишь косвенно своимъ примѣромъ; безъ сомнѣнія, и нѣкоторыя пастушескія племена были оттѣснены въ сѣверныя тундры, гдѣ ихъ скотъ не могъ размножаться, такъ что они были вынуждены замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ. Но прошло, кажется, долгое время, пока сдѣлали открытіе, что сѣвернаго оленя можно приручить, какъ и нашъ рогатый скотъ, и употреблять его мясо и молоко и пользоваться его вьючной силой. Нѣкоторыя племена лишь очень поздно перешли къ новымъ хозяйственнымъ формамъ, таковы, по мнѣнію Якобсена, ороки о. Сахалина. Къ эскимосамъ знакомство съ сѣвернымъ оленемъ и вовсе не проникло еще, хотя всегда существовало нѣкоторое сообщеніе черезъ Беринговъ проливъ; даже камчадалы, ко времени ихъ открытія, разводили только собакъ.

Сѣверный олень во многихъ отношеніяхъ заступилъ мѣсто собаки и расширилъ предѣлы обитанія человѣка благодаря тому, что увеличилъ еще болѣе, чѣмъ собака, способность къ передвиженію; онъ употребляется не только подъ упряжь въ саняхъ, но и для верховой ѣзды, и какъ вьючное жи-

вотное, и къ тому еще самъ отыскиваетъ себѣ пищу. Онъ, конечно, даетъ гораздо меньше молока, чѣмъ рогатый скотъ, но зато даетъ возможность обращать горькіе мхи и лишаи тундры въ человѣческую пищу, не прибѣгая къ убою животнаго. До какой степени существованіе большинства азіатскихъ гиперборейцевъ находится въ зависимости отъ оленеводства, свидѣтельствуютъ замѣчанія Отто Финша объ опасностяхъ, связанныхъ съ падежами оленей въ Западной Сибири: „При недостаткѣ въ сѣверныхъ оленяхъ туземное населеніе должно все болѣе и болѣе впадать въ бѣдность и опуститься до уровня рыбаковъ, живущихъ изо дня въ день. Безъ сѣверныхъ оленей тундра и водящіеся на ней пушные звѣри и т. п. дѣлаются недоступными и теряютъ свою цѣнность; безъ сѣверныхъ оленей туземные жители теряютъ бо́льшую часть источниковъ для обмѣна, пропитанія, одежды и жилищъ“. Безъ сомнѣнія, благосостояніе населенія не вездѣ такъ тѣсно связано съ обладаніемъ сѣверными оленями, такъ какъ часто главную массу пищи доставляетъ охота, а по уменьшеніи дичи—рыбная ловля; кромѣ того, не вездѣ еще умѣютъ или лишь недавно только научились пользоваться молокомъ. Это указываетъ на то, что разведеніе сѣвернаго оленя, не упоминаемаго ни греками, ни римлянами, относительно новѣйшаго происхожденія; незначительное число разновидностей и весьма незначительное разнообразіе въ окраскѣ сѣверныхъ оленей наводитъ на то же заключеніе. Если же, наконецъ, наблюденіе показываетъ, что у западныхъ гиперборейцевъ Стараго Свѣта, у лапландцевъ, больше всего пользуются сѣвернымъ оленемъ, между тѣмъ какъ восточные гиперборейцы, живущіе, напр., у Берингова пролива, еще не знаютъ его, то это служитъ до нѣкоторой степени указаніемъ на то, откуда и въ какомъ направленіи распространилось разведеніе этого животнаго. Вообще же оленеводство принадлежитъ исключительно гиперборейцамъ; никакой другой народъ не послужилъ для нихъ въ этомъ отношеніи непосредственно образцомъ, и ни одинъ культурный народъ, проникшій въ сѣверные предѣлы, не перенялъ оленеводства въ такихъ размѣрахъ, чтобъ о немъ стоило упоминать.

б) Гиперборейская смѣшанная культура.

Вопросъ о бытѣ гиперборейцевъ принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ, когда мы изслѣдуемъ кровное родство отдѣльныхъ племенъ. Оказывается, что и азіатскіе гиперборейцы не являются чистыми потомками того длинноголоваго первобытнаго населенія, которое къ концу дилювіальнаго періода наполняло сѣверную Азію и Европу, но у большинства изъ нихъ есть значительная примѣсь короткоголовыхъ. Это вполнѣ подтверждается изслѣдованіемъ языковъ: „енисейскіе“ языки, принадлежавшіе первоначально гиперборейскимъ длинноголовымъ, были, по бо́льшей части, вытѣснены монгольскими или финно-угорскими языками, обладателями которыхъ должны были быть короткоголовые. Народомъ, который твердо держался старины и въ лингвистическомъ отношеніи, являются енисейскіе остяки, которыхъ ошибочно смѣшивали съ западными финно-угорскими или обскими остяками. Въ Западной Сибири къ гиперборейцамъ могли примѣшаться отколовшіеся отъ арійской расы длинноголовые блондины, какъ это указываютъ часто встрѣчающіеся бѣлокурые индивиды среди остяковъ; но возможно также, что среди самихъ гиперборейцевъ выработалась даже мѣстная бѣлокурая разновидность. Во всякомъ случаѣ эти блондины еще болѣе усиливаютъ господствующую здѣсь этническую путаницу. Въ общемъ же можно сказать, что финно-угорская группа народовъ, къ которой теперь причисляютъ большинство гиперборейцевъ, представляетъ результатъ смѣшенія длинноголовыхъ гиперборейцевъ, съ одной стороны, и короткоголовыхъ монголовъ, съ языкомъ, чуждымъ монгольскимъ идіомамъ — съ другой стороны, но что внутри отдѣльныхъ племенъ степень

смѣшенія можетъ быть весьма различна. Общая культура, естественно, привела къ тому, что различія сгладились.

Но и эта культура заслуживаетъ болѣе внимательнаго изслѣдованія, такъ какъ, несмотря на свой чисто гиперборейскій характеръ, она сложилась изъ двоякаго рода элементовъ, изъ которыхъ одни были присущи древнимъ длинноголовымъ, или енисейцамъ, между тѣмъ какъ другіе должны быть приписаны монгольскимъ переселенцамъ. Остатки первыхъ элементовъ, уясняющіе намъ древнѣйшій образъ жизни и міровоззрѣніе сѣвера, и должны быть особенно внимательно изслѣдованы.

Однимъ изъ наиболѣе явныхъ слѣдовъ является поклоненіе медвѣдю, связанное первоначально съ воззрѣніемъ, что духи умершихъ воплощаются въ медвѣдей; въ дальнѣйшемъ развитіи медвѣдь является уже божествомъ, хозяиномъ лѣсовъ, которому оказываютъ чрезвычайныя почести даже тогда, когда его побѣждаютъ или приносятъ въ жертву. Этотъ культъ медвѣдя вполнѣ сохранился у айновъ и гиляковъ, но на западѣ онъ значительно упалъ, хотя и не исчезъ окончательно. Въ финнскихъ преданіяхъ старинное значеніе медвѣдя выступаетъ еще очень сильно. Остяки и вогулы также устраиваютъ праздники по случаю убіенія медвѣдя и клянутся медвѣжьей лапой и шкурой; по В. В. Радлову, енисейскіе остяки, эти самые чистые остатки древняго населенія, также придерживаются этихъ обрядовъ.

Вторую особенность древнихъ гиперборейцевъ составляетъ то громадное значеніе, которое они придаютъ опредѣленнымъ мистическимъ объектамъ, первоначальный смыслъ которыхъ трудно уяснить. Сюда въ особенности относятся шесты, обвѣшанные лоскутками и т. п. Еще Георгъ Вильгельмъ Штеллеръ (1709 — 46 гг.) разсказываетъ о камчадалахъ, что они поклонялись „мухогонкамъ", т. е. палочкамъ, обвѣшаннымъ травами, которымъ они поклонялись, какъ божествамъ подъ именемъ „инауль", причемъ травы должны были изображать курчавые волосы божества. Айны также изготовляютъ подобныя святыни, причемъ они заструживаютъ съ одного конца палочку такъ, что образуется нѣчто въ родѣ „мухогонки"; эти объекты можно встрѣтить вплоть до южной Японіи: даже древняя религія Шинто (ср. стр. 6) насчитываетъ въ числѣ своихъ священныхъ объектовъ палочки, обвѣшанныя полосками бумаги (Gohei). По обыкновенію, слѣды этого древняго волшебнаго средства встрѣчаются все рѣже и рѣже по мѣрѣ удаленія на западъ; но, при внимательномъ изученіи, ихъ все же находятъ и тутъ въ достаточномъ количествѣ. У минусинскихъ татаръ, у которыхъ, безъ сомнѣнія, значительная примѣсь гиперборейской крови, очень въ большомъ ходу палочки, обвѣшанныя лоскутками, а буряты поклоняются, какъ святынѣ, привѣскамъ изъ кожаныхъ ремешковъ и лоскутковъ матеріи. Даже у мадьяръ, еще во времена историческія, было въ обычаѣ изготовлять „деревья съ лоскутками".

Чисто гиперборейской чертой является также вѣра въ подземный міръ, совершенно сходный съ міромъ надземнымъ: суровость климата не поощряетъ человѣка искать загробной жизни въ холодномъ облачномъ небѣ, она направляетъ его взоры на теплую защищающую землю. Эту черту труднѣе прослѣдить, такъ какъ вѣру въ существованіе подземнаго царства можно найти и въ другихъ мѣстахъ; но у народовъ, живущихъ южнѣе, подземный міръ принимаетъ мрачный характеръ и представляетъ противоположность свѣтлымъ небеснымъ жилищамъ. Наконецъ, орнаментика во всей сѣверной Сибири обнаруживаетъ поразительное сходство; и на этотъ разъ мы находимъ на востокѣ именно самые явственные остатки этого древняго искусства, хотя мотивы орнаментики можно также хорошо прослѣдить еще далеко на западѣ, среди самоѣдовъ и остяковъ.

Во всемъ этомъ отражается долгое историческое существованіе, выразившееся не столько въ странствованіяхъ и передвиженіяхъ, сколько въ

медленныхъ измѣненіяхъ, которыя можно прослѣдить лишь по ихъ результатамъ. Большія наступательныя войны, слѣдствіемъ которыхъ бывали внезапныя перемѣны этнической картины, едва-ли имѣли мѣсто въ гиперборейской области древнѣйшихъ временъ. Правда, воинственные номады юга, для которыхъ были открыты богатыя культурныя страны, при случаѣ совершали разбойничьи набѣги и въ „страну мрака“, но сама природа не допускала обширныхъ завоеваній въ странѣ, которая не могла дать пропитанія большому войску и была доступна лишь туземцамъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи сани и сѣверныхъ оленей или собакъ.

в) Переселеніе на сѣверъ якутовъ.

Если, несмотря на это, монгольскія племена постепенно смѣшивались отчасти съ гиперборейцами, то это были лишь отщепенцы, оттѣсненные въ негостепріимныя сѣверныя страны. Ближайшимъ примѣромъ служатъ якуты, живущіе въ области р. Лены вплоть до Ледовитаго океана. Якуты— настоящіе тюрки, сохранившіе еще воспоминаніе о своемъ южномъ происхожденіи. Какъ полагаютъ, они были вытѣснены бурятами, проникшими въ XIII столѣтіи съ Амура въ область Байкальскаго озера, и были вынуждены отступить на сѣверъ, оттѣсняя на своемъ пути тунгусскія племена (ср. ниже стр. 198). Они отлично приспособились къ своему новому мѣстообитанію, не отказавшись, однако, отъ своей первоначальной хозяйственной формы, разведенія рогатаго скота; якутскій скотъ также приспособился къ новой родинѣ и доставляетъ подвижнымъ якутамъ лучшую основу существованія, чѣмъ сѣверный олень тунгусамъ и остякамъ. По своей энергіи и дѣятельности якуты, сохранившіе остатокъ предпріимчиваго духа номадовъ, несомнѣнно стоятъ выше своихъ сосѣдей.

Б. **Жители Западной Сибири.**

Особо отъ настоящихъ гиперборейцевъ, уже въ силу различія въ хозяйственныхъ формахъ, стоятъ, образуя отдѣльныя группы, съ одной стороны, кочевые народы Западной Сибири, съ другой — охотничьи племена Восточной Сибири, хотя и тѣ, и другіе находятся въ бо́льшемъ или меньшемъ этническомъ родствѣ съ древними длинноголовыми полярной области.

Въ то время, какъ гиперборейскія племена жили въ общемъ спокойно въ своихъ негостепріимныхъ мѣстахъ и, съ своей стороны, почти не обнаруживали никакого стремленія искать новыхъ мѣстообитаній въ болѣе южныхъ странахъ, жители западно-сибирскихъ степей (см. прилагаемую карту) были вовлечены во многія великія передвиженія народовъ Средней Азіи, а территоріи ихъ часто входили въ составъ міровыхъ государствъ номадовъ. Жители Западной Сибири въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, отъ которыхъ необходимо, разумѣется, отличать обитателей сѣверныхъ полярныхъ странъ, занимаютъ степныя пространства, которыя лучше всего могли быть использованы при сочетаніи кочевничества и охоты, сочетаніи, которое у гунновъ и у монголовъ составляло важнѣйшую основу существованія. Изъ этого слѣдуетъ, что жителямъ Западной Сибири присуща значительная подвижность. И дѣйствительно, въ эпоху гунновъ здѣсь выступилъ народъ, который имѣлъ продолжительное вліяніе на культурное развитіе Европы: это были мадьяры.

а) Мадьяры, аланы и авары.

Въ противоположность османамъ, область распространенія которыхъ соприкасалась съ областью распространенія мадьяръ, эти послѣдніе сумѣли гораздо лучше первыхъ приноровиться къ европейскимъ условіямъ и посте-

пенно все тѣснѣе и тѣснѣе сроднились со своей новой родиной, между тѣмъ какъ турки понемногу снова вытѣсняются съ материка Европы. Причина, почему именно имъ удалось это приспособленіе, кроется отчасти въ ихъ этническихъ особенностяхъ. На самой зарѣ исторіи юго-западная Сибирь была наполнена скиѳскими племенами, большинство которыхъ было иранскаго происхожденія, слѣдовательно, принадлежало свѣтлокожей длинноголовой группѣ европейскихъ народовъ (ср. т. IV, стр. 73). Вѣроятно, благодаря этимъ скиѳамъ, охотничьи племена, жившія далѣе къ сѣверу и находившіяся въ родствѣ съ длинноголовыми гиперборейцами, познакомились съ кочевой формой хозяйства, что̀ врядъ-ли произошло безъ соотвѣтственнаго смѣшенія расъ. Лишь позднѣе, когда скиѳы были вытѣснены или поглощены монгольскими номадами, эти послѣдніе, путемъ сильнаго смѣшенія съ племенами Западной Сибири, могли наложить свою печать на ихъ физическій типъ и языкъ, не будучи, однако, въ состояніи преобразовать ядро народа; приволжскіе финны остались даже типичными длинноголовыми. Этимъ можно объяснить то поразительное явленіе, что современные мадьяры своей внѣшностью очень мало уже напоминаютъ степныхъ жителей Средней Азіи; позднѣйшія смѣшенія съ европейскими народами, естественно, также вліяли въ этомъ смыслѣ.

Уралъ не составлялъ предѣльной грани для финно-угорскихъ племенъ, или, вѣрнѣе, смѣшеніе, отъ котораго они произошли, совершалось также и въ степяхъ Восточной Европы; „урало-алтайцы“ были распространены на югѣ до Волги, на сѣверѣ—до Финляндіи и Норвегіи. Сходный съ ними смѣшанный народъ, аланы, въ которомъ, впрочемъ, примѣсь иранской и монгольской крови была сильнѣе гиперборейской, долгое время отдѣлялъ финнскія племена Западной Сибири и Восточной Европы отъ сношеній съ культурнымъ міромъ; и лишь послѣ того, какъ онъ былъ увлеченъ великимъ нашествіемъ гунновъ (стр. 143), онъ освободилъ путь народамъ, жившимъ далѣе на сѣверъ.

Древнѣйшая исторія финно-угорскихъ кочевниковъ, привлекшихъ къ себѣ тогда впервые вниманіе культурнаго міра, очень мало извѣстна. Повидимому, прежде сѣверную границу между собственно-кочевыми народами и гиперборейскими охотничьими племенами составляла линія Тобольскъ — Томскъ — Красноярскъ, такъ какъ громадные курганы, столь характерные для Западной Сибири, лежатъ лишь къ югу отъ этой линіи. Содержимое этихъ кургановъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что культура номадовъ была тѣсно связана съ культурой Алтая, культурой мѣди и бронзы, являющейся отраслью древней цивилизаціи юга. Постепенно граница съ гиперборейцами отодвигалась все дальше на сѣверъ; возможно, что введеніе оленеводства ослабило контрастъ между кочевниками и сѣверными охотниками.

Болѣе точныхъ данныхъ о первоначальныхъ мѣстообитаніяхъ мадьяръ мы не имѣемъ, но множество тюркскихъ словъ, встрѣчающихся въ ихъ языкѣ, указываетъ на то, что они жили сравнительно далеко на югѣ Западной Сибири и тамъ имѣли возможность смѣшиваться съ тюркскими племенами. Здѣсь они были вовлечены въ великое движеніе среднеазіатскихъ народовъ на Западъ, движеніе, которое послѣ нашествія гунновъ въ Европу продолжалось еще нѣсколько вѣковъ. Предшественниками ихъ во многихъ отношеніяхъ были авары, составлявшіе, повидимому, часть кочевыхъ жуанъ-жуановъ (стр. 145), которые, послѣ уничтоженія ихъ государства въ Средней Азіи, двинулись на Западъ, увлекая за собой и уйгурскія племена. Въ 565 г. они ворвались въ нынѣшнюю Венгрію и продержались здѣсь до 796 г., когда были покорены Пипиномъ. Тѣмъ временемъ мадьяры, достигшіе уже въ 550 г. Волги, подвинулись еще дальше, пока не появились въ 886 г. на Дунаѣ, гдѣ основали въ прежней территоріи аваровъ новое прочное государство. Въ противопо-

ложность родственнымъ имъ въ отдаленной степени болгарамъ, жившимъ къ югу отъ Дуная и перемѣнившимъ свой языкъ на славянскій діалектъ, мадьяры сохранили свой родной языкъ, и это составило залогъ ихъ самостоятельнаго существованія.

б) Угрія.

Послѣ паденія могущества гунновъ и алановъ и послѣ отступленія мадьяровъ, въ юго-западной Сибири выдвинулся кочевой народъ, киргизы, или казаки (стр. 186). Народы сѣверо-западной Сибири, наоборотъ, носятъ общее названіе угровъ, а страна ихъ называется Угріей. Несмотря на свою отдаленность, страна эта стала обращать на себя нѣкоторое вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась средоточіемъ значительной мѣховой торговли и завязала сношенія съ Европой далеко за Ураломъ. Въ политическомъ отношеніи Угрія въ общемъ раздѣляла судьбы болѣе южныхъ странъ, которыя, съ своей стороны, присоединялись обыкновенно къ крупнымъ кочевымъ государствамъ Средней Азіи и прежде всего къ государству тюркскому и уйгурскому; впослѣдствіи киргизы, этотъ главный народъ юго-западной Сибири, образовали сами довольно могущественное государство. Новая волна завоеваній, хлынувшая въ монгольскій періодъ изъ Средней Азіи, пронеслась, конечно, также и надъ Западной Сибирью. Ко времени распаденія монгольской имперіи она входила въ составъ Кипчакскаго государства, включавшаго сверхъ того степи Аральскаго и Каспійскаго морей и Восточно-европейскую низменность (стр. 170). Попытка монгольскаго предводителя Ногая, внука Теваля (стр. 169, примѣч.), основать на сѣверѣ государство, въ концѣ-концовъ, не удалась (1291 г.); но его „ногайцы“ удержались въ Западной Сибири и южной Россіи. Съ тѣхъ поръ объ Угріи, какъ о части монгольскаго государства, едва-ли можетъ быть рѣчь, ни даже при Тимурѣ, который присоединилъ на время Кипчакъ къ своему недолговѣчному міровому государству; Тимуръ достигъ лишь одинъ разъ, послѣ труднаго перехода черезъ юго-западныя степи Сибири, до Иртыша и Тобола, но потомъ повернулъ на западъ къ низовьямъ Волги.

Но, хотя въ политическомъ отношеніи значеніе Угріи было ничтожно, зато она издавна привлекала къ себѣ много вниманія въ экономическомъ отношеніи. Уже въ XI столѣтіи новгородскіе купцы открыли здѣсь торговлю мѣхами. Съ теченіемъ времени эти торговыя сношенія стали оживленнѣе: здѣсь возникли укрѣпленныя факторіи новгородцевъ, и, наконецъ, на туземныхъ жителей стали смотрѣть, какъ на подданныхъ могущественнаго торговаго города, Новгорода, которому они должны были платить дань мѣхами; повидимому, страна доставляла тогда и благородные металлы. Въ 1187 г. угорскія племена, находившіяся подъ властью различныхъ князей, подняли возстаніе. Предпринятый въ 1193 г. походъ новгородцевъ въ сѣверо-западную Сибирь окончился несчастливо, и прежде, чѣмъ они рѣшились предпринять новый походъ, наступила эпоха монгольскихъ завоеваній. Новгородцы сумѣли настолько хорошо поставить себя по отношенію къ новымъ господамъ, что успѣли, по крайней мѣрѣ, снова возобновить свои торговыя сношенія, такъ что и тогда сношенія западной Россіи съ Угріей не совсѣмъ прекратились.

в) Сибирское царство.

При распаденіи Кипчакскаго государства предводители ногайскихъ ордъ въ Угріи стали основывать маленькія княжества. Когда умеръ Тимуръ, самымъ могущественнымъ княземъ въ странѣ, названной тогда впервые Сибирью, былъ князь Онъ; но и новгородцы имѣли тогда снова вла-

дѣнiя въ Угрiи. Вовлеченный въ споры изъ-за престолонаслѣдiя въ Кипчакѣ (стр. 171), Онъ былъ разбитъ и умерщвленъ, послѣ чего сынъ его, Тайбуга, направился къ низовьямъ Тобола, вытѣснилъ оттуда новгородцевъ и основалъ маленькое государство, столица котораго соотвѣтствовала приблизительно нынѣшней Тюмени (см. прилагаемую карту). Не было недостатка въ войнахъ съ остяками и вогулами, киргизами и монгольскими ханами Казанскаго царства; въ связи съ этимъ произошло то, что съ 1465 г. Угрiя стала платить дань русскимъ, выступившимъ теперь на сцену, какъ новая великая сила. Разрушенiе Новгорода Иваномъ Грознымъ заставило перенести на Россiю всѣ притязанiя на господство и этого стариннаго торговаго города. Въ 1499 г. были присоединены земли по нижнему теченiю Оби; татарскiй князь изъ Тюмени перенесъ свою столицу въ окрестности нынѣшняго Тобольска, гдѣ онъ заложилъ укрѣпленный городъ Искеръ, или Сибирь. Здѣсь сибирскiе князьки спокойно удерживали долгое время свои владѣнiя, благодаря тому, что они благоразумно согласились платить ежегодную дань Россiи.

Кромѣ „Сибирскаго царства", въ Западной Сибири должны были существовать еще другiя татарскiя княжества. Но и у остяковъ, этого самаго южнаго изъ гиперборейскихъ народовъ, эти примѣры государственной организацiи не прошли незамѣченными. Вѣроятно, нападенiя татаръ побуждали ихъ къ соединенiю въ болѣе тѣсные союзы. Вскорѣ послѣ того въ каждой мелкой остяцкой ордѣ появился городокъ (вошъ), гдѣ начальники проявляли свою власть по образцу татарскихъ князей. Каждое укрѣпленное мѣстечко становилось, такимъ образомъ, центромъ маленькаго княжества; впослѣдствiи нѣсколько такихъ мелкихъ государствъ соединялось мѣстами въ одно бóльшее. Крѣпости были расположены на возвышенностяхъ, по берегамъ рѣкъ и, по татарскому образцу, были защищены валами, рвами и частоколами; по преданiямъ, встрѣчались даже такiя крошечныя крѣпости, стѣны которыхъ были покрыты мѣдной обшивкой. И теперь еще можно встрѣтить въ Западной Сибири многочисленные остатки этихъ крѣпостей; южныя крѣпости, сооруженныя татарами, выгодно отличаются отъ сѣверныхъ, которыя слѣдуетъ приписать остякамъ. Остяцкiя княжества имѣли очень рѣдкое населенiе: самое большое изъ нихъ, Тяпарвошъ, въ нынѣшнемъ Тобольскомъ округѣ, едва могло выставить 300 человѣкъ воиновъ, изъ чего можно заключить, что жителей въ немъ было, самое бóльшее, 1200 человѣкъ, а меньшiя княжества насчитывали всего нѣсколько сотъ душъ и даже того меньше. При такой раздробленности новгородскiе купцы легко могли сойти временами за королей. Княжества татарскiя были нѣсколько больше: Сибирь, самое могущественное изъ нихъ, имѣло населенiе душъ въ 30,000.

Въ этомъ государствѣ Сибири во второй половинѣ XVI-го столѣтiя произошелъ переворотъ. Тогдашнiй князь Ядгаръ (Едигеръ) былъ низвергнутъ въ 1563 г. узбекомъ Кучумомъ (Кёцюмомъ), Сибирь была имъ завоевана и начала воинственную политику противъ окружающихъ мѣстностей; новый властелинъ принялъ гордый титулъ царя сибирскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по вполнѣ разумнымъ соображенiямъ, сталъ насильно распространять исламъ среди своихъ по большей части языческихъ подданныхъ, для чего онъ испросилъ у князя Абдъ-Аллаха бухарскаго необходимыхъ для этого миссiонеровъ. Еслибъ эта мѣра не была проведена слишкомъ поспѣшно и еслибъ вторженiе новой силы не измѣнило радикально положенiя дѣлъ, она оказалась бы необычайно полезной для поднятiя значенiя сибирскаго царства: при обширныхъ размѣрахъ и рѣдкомъ населенiи страны болѣе тѣсное объединенiе возможно было бы лишь тогда, еслибъ духовная связь, какой являлся исламъ, тѣснѣе связала между собой отдѣльныя группы народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ магометанскiй фанатизмъ былъ бы превосходнымъ оружiемъ противъ христiанъ-русскихъ. Но

такъ какъ проповѣдь магометанства сразу натолкнулась на сильное сопротивленіе остяковъ, то она скорѣе способствовала еще бóльшему ослабленію государства и притомъ въ такой моментъ, когда крупные купцы изъ восточной Россіи, сильно терпѣвшіе отъ набѣговъ сибиряковъ, отправили въ Угрію казацкаго атамана, Ермака. Извѣстія объ этомъ походѣ (ср. ниже, стр. 207) свидѣтельствуютъ, что въ Угріи существовало множество мелкихъ татарскихъ княжествъ, находившихся, смотря по обстоятельствамъ, въ бóльшей или меньшей зависимости отъ сибирскаго „царства". Государственная власть и большинство поселеній сосредоточивались по берегамъ рѣкъ; по рѣкамъ же шло наступленіе русскихъ, постепенно овладѣвавшихъ неизмѣримыми пространствами Сибири. Юго-западныя степи, эта арена ногайскихъ и киргизскихъ номадовъ, гораздо дольше сохраняли свою независимость, чѣмъ угрскій сѣверъ.

B. Населеніе Восточной Сибири.

Восточная Сибирь — страна по преимуществу гористая и лишь на дальнемъ сѣверѣ она переходитъ въ тундру (см. прилагаемую карту „Сибирь"). Въ хозяйственномъ отношеніи эта гористая страна весьма разнообразна: мѣстами она такъ богата лѣсомъ и дичью, что одна охота и связанная съ нею торговля пушниной могутъ содержать довольно значительное населеніе, а многочисленныя рѣки являются богатымъ источникомъ другой отрасли чисто „захватнаго" хозяйства, рыболовства; въ болѣе южныхъ областяхъ нѣтъ недостатка въ холмахъ и равнинахъ, на которыхъ возможно земледѣліе, ни въ пастбищахъ, которыя могутъ быть использованы для скотоводства. Такимъ образомъ, возрастаніе населенія не поставлено здѣсь въ слишкомъ тѣсныя рамки, но зато гористость страны препятствуетъ тѣмъ великимъ переселеніямъ народовъ, которыя столь характерны для Средней Азіи, и въ которыя была вовлечена лишь южная окраина Восточной Сибири; вѣрнѣе, она была колыбелью народовъ, которые наводняли отсюда Среднюю Азію, или Китай. Страна, прилегающая къ Байкальскому озеру, была колыбелью монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, а изъ Маньчжуріи вышли многочисленныя толпы народовъ-завоевателей, имѣвшихъ, однако, по своимъ успѣхамъ меньшее значеніе.

a) Переселеніе тунгусовъ на сѣверъ.

Изъ южной окраины Восточной Сибири предпринимались переселенія и на сѣверъ, которыя постепенно измѣнили этническую картину болѣе полярныхъ странъ; но, само собою разумѣется, это произошло путемъ медленнаго процесса вторженія и оттѣсненія. Весьма вѣроятно, что цѣпь гиперборейскихъ народовъ, которая протянулась отъ прибрежья Ледовитаго океана въ Европѣ вплоть до Америки и Гренландіи, въ прежнія времена шла непрерывно и черезъ сѣверо-восточную Сибирь; за это говорятъ уже старыя культурныя связи между западными гиперборейцами и племенами прибрежья Берингова моря (стр. 202). Но цѣпь эта была прервана переселеніемъ на сѣверъ тунгусскаго народа, который образовался въ юго-восточномъ нагорьѣ Восточной Сибири, главнымъ образомъ, изъ монголоидовъ, но съ сильной примѣсью гиперборейской крови; ближайшими ихъ родственниками нужно считать народъ ню-чжи (стр. 201) и маньчжуровъ (стр. 201).

Тунгусы представляютъ замѣчательный примѣръ первобытнаго народа, у котораго языкъ и національныя особенности не находятся въ тѣсной зависимости отъ хозяйственныхъ формъ; это объясняется физическими условіями страны, представляющими большое разнообразіе въ добываніи средствъ существованія, и одновременнымъ сосѣдствомъ ея какъ съ терри-

торiями кочевыхъ народовъ Средней Азiи, такъ и съ земледѣльческими странами Китая и полярными территорiями охотничьихъ народовъ. Этимъ объясняется, что, быть можетъ, никакой другой народъ не мѣнялъ такъ легко свои хозяйственныя формы и не приспособлялся такъ легко къ самымъ разнообразнымъ жизненнымъ условiямъ, какъ тунгусы. Когда тунгусское племя было извѣстно еще лишь поверхностно, различныя группы его различали по хозяйственнымъ формамъ быта, именно, тунгусовъ-оленеводовъ, коневодовъ, степныхъ, лѣсныхъ и собаководовъ; въ этомъ смыслѣ можно было бы говорить и о тунгусахъ-земледѣльцахъ на югѣ. Такимъ образомъ, среди этого многосторонняго народа существуютъ чистые охотники, степные номады, полярные номады и осѣдлые земледѣльцы и скотоводы, а отдѣльныя племена, въ случаѣ необходимости, еще въ новѣйшее время мѣняли основы своего существованiя: тунгусы-оленеводы, потерявшiе свои стада отъ падежа, обратились къ разведенiю собакъ; земледѣльцы, проникшiе въ болѣе сѣверныя страны, превратились въ чистыхъ охотниковъ и рыболововъ. Въ древнiя времена, какъ и теперь еще въ значительной степени, охота составляла главное занятiе тунгусовъ, въ характерѣ которыхъ ясно выражены черты горнаго и охотничьяго народа. Всѣ изслѣдователи согласно изображаютъ настоящихъ тунгусовъ людьми храбрыми и въ то же время добродушными, честными и честолюбивыми, умственно одаренными и дѣятельными. Этимъ своимъ качествамъ въ связи съ большой приспособляемостью къ хозяйственнымъ условiямъ тунгусы обязаны тѣмъ, что они могли распространиться далеко на сѣверъ и могли вытѣснить въ значительной степени гиперборейцевъ. Остатки древнихъ полярныхъ народовъ составляютъ еще самоѣды на полуостровѣ Таймырѣ, юкагиры у прибрежья Ледовитаго океана, къ востоку отъ устьевъ Лены, и чукчи на большомъ сѣверо-восточномъ полуостровѣ, оканчивающемся мысомъ Восточнымъ.

Но тунгусовъ не переставали тревожить и на новыхъ мѣстахъ. Если въ ихъ лицѣ колыбель народовъ въ Маньчжурiи направила отпрыскъ на сѣверъ, то въ монгольскiй перiодъ изъ другой колыбели, у Байкальскаго озера, направились къ полярнымъ странамъ якуты, проложившiе себѣ черезъ земли тунгусовъ широкiй путь до самыхъ устьевъ Лены. Судя по самоѣдскимъ преданiямъ, въ прежнiя времена гиперборейцы отступили болѣе или менѣе добровольно при нашествiи тунгусовъ; но воинственные тунгусы уступили свои земли лишь послѣ кровавыхъ сраженiй, изъ которыхъ самое жестокое произошло недалеко отъ впаденiя Патомы въ Лену. Побѣдоносные якуты ввели въ полярныхъ странахъ разведенiе рогатаго скота (ср. выше, стр. 194). И на сѣверо-востокѣ тунгусы опять были нѣсколько оттѣснены и именно чукчами, подвижность и сила которыхъ значительно возросли благодаря введенiю оленеводства.

б) Движенiе тунгусовъ на юго-востокъ и югъ.

Хотя, благодаря движенiю на сѣверъ, тунгусы заняли огромныя пространства, но вслѣдствiе того, что полярныя страны могли давать пропитанiе лишь очень немногочисленному населенiю, изъ всѣхъ путей, какими шло движенiе тунгусовъ изъ Маньчжурiи (а оно шло во всѣ стороны, за исключенiемъ, быть можетъ, чисто западной), переселенiе на сѣверъ имѣло, относительно, наименьшее значенiе. Бо́льшую роль играло движенiе тунгусовъ въ Корею и Японiю, которое, подобно позднѣйшимъ движенiямъ на югъ, явилось, какъ кажется, результатомъ рано обнаружившагося косвеннаго влiянiя китайской культуры. Уже въ 1100 г. до Р. Х. жившее въ Маньчжурiи тунгусское племя, сучинъ, платило дань Китаю каменными наконечниками стрѣлъ. Государственный строй Китая, съ одной стороны, государство кочевниковъ сюнъ-ну (Hiung-nu), съ другой—послужили вскорѣ образ-

цомъ для тунгусскихъ племенъ, съ тѣмъ только различіемъ, что тунгусы, по своему національному характеру, обнаруживали склонность къ республиканскимъ или, по крайней мѣрѣ, къ федеративнымъ формамъ правленія.

a) Ву-хуань и сянь-би.

Первымъ политическимъ образованіемъ этого рода былъ, какъ кажется, союзъ племенъ ву-хуань (стр. 130) въ западной Маньчжуріи, который достигъ расцвѣта незадолго до второго вѣка до Р. Х., но потомъ подпалъ власти гунновъ и сохранилъ остатки своей былой самостоятельности лишь благодаря тому, что отдался подъ покровительство Китая. Въ восточной Маньчжуріи организовались сянь-би, хотя часть ихъ двинулась въ Корею и Японію, гдѣ оказала сильное вліяніе на этническій составъ населенія. Вѣроятно, что это ихъ „наступательное движеніе“ было скорѣе отступленіемъ предъ гуннами, которые прогнали въ 209 г. до Р. Х. западныхъ тунгусовъ, а теперь стѣснили также тунгусовъ восточныхъ. Дѣйствительно ли это переселеніе было руководимо китайцами, какъ свидѣтельствуютъ историки Срединной имперіи, еще не выяснено; но не подлежитъ сомнѣнію, что тунгусы принесли съ собой въ Корею и Японію культуру, которая была подъ сильнымъ вліяніемъ Китая: начало японскаго государства (см. Японія, В) указываетъ на китайскіе образцы.

Ядро сянь-би осталось въ Маньчжуріи и здѣсь стало мало-по-малу усиливаться, между тѣмъ какъ ву-хуани были вторично разбиты гуннами въ 77 г. до Р. Х. и потомъ окончательно покорены китайцами. Когда въ 84 г. по Р. Х. пало сѣверное государство гунновъ (стр. 132), сянь-би овладѣли бо́льшей частью Монголіи и, несмотря на различныя превратности судьбы, долгое время были главной силой восточной части Средней Азіи. Наибо́льшихъ размѣровъ государство ихъ достигло около средины второго вѣка, когда Дунь-ши-хуай раздвинулъ его границы за Тянь-Шань и Алтай (стр. 145); по гуннскому обычаю оно было раздѣлено на часть срединную, на правое и лѣвое крыло. Распространеніе сянь-би по средне-азіатскимъ степямъ служитъ указаніемъ на то, что они вели, главнымъ образомъ, кочевой образъ жизни. Малокультурные тунгусскіе обитатели побережья Тихаго океана, настоящія рыболовныя племена, не заботились объ организаціи государства, между тѣмъ какъ южные осѣдлые тунгусы Ляодуна, которые уже тогда сильно смѣшались съ тунгусами, основали государство по образцу Китая, которое должно было только признавать верховную власть сянь-би.

Со смертью Дунь-ши-хуая государство сянь-би время отъ времени приходило въ упадокъ, но народъ еще въ теченіе столѣтій удерживалъ за собою наслѣдіе гунновъ, монополизировалъ западную торговлю и старался оказывать вліяніе на Китай. Вскорѣ въ Срединной имперіи, раздираемой гражданскими войнами (стр. 79), возникли государства съ тунгусскими династіями, основатели которыхъ проникли въ Китай, либо въ качествѣ вождей отдѣльныхъ племенъ сянь-би, либо какъ предводители наемныхъ войскъ. Въ Ляодунѣ йюмыны основали въ 317 г. по Р. Х. государство, въ составъ котораго вошли впослѣдствіи большая часть Китая и Корея; другими господствующими племенами были дуань, му сунъ, въ особенности же тоба (стр. 146). Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ бо́льшая часть Китая была подъ властью тунгусскихъ князей.

Но эти тунгусскіе властелины скоро обратились въ китайцевъ и ни въ коемъ случаѣ не служили поддержкой для государства сянь-би, а лучше китайцевъ съумѣли защищать свою новую родину отъ нападеній своихъ единоплеменниковъ. Не смотряна временное возрастаніе могущества сянь-би, власть ихъ стала ослабѣвать; ихъ западныя владѣнія достались жуанъ-жуанамъ, потомъ уйгурамъ и тюркамъ, такъ что у нихъ осталась

только восточная окраина среднеазіатской степи и Маньчжурія. Они вообще представляли еще тогда лишь слабый союзъ отдѣльныхъ племенъ, случайно тѣснѣе сплоченныхъ энергичнымъ предводителемъ. Отдѣльныя части народа проникли на югъ до Куку-нора: здѣсь возникло въ IV вѣкѣ довольно значительное государство сянь-би. Когда въ Средней Азіи образовывались большія государства, какъ государство тюрокъ (стр. 147), то и различныя тунгусскія племена подчинялись ихъ власти; когда усиливался Китай, то онъ простиралъ свое вліяніе на нихъ. Постепенно племя сянь-би совершенно стушевалось, и гегемонія перешла къ другимъ племенамъ. Въ VII вѣкѣ въ Маньчжуріи возникло государство Бу хай (Бо хай), достигшее вскорѣ высокаго процвѣтанія.

β) Кидани, ню-чжи и маньчжуры.

Важное значеніе для внѣшняго міра тунгусскіе народы Маньчжуріи получили опять лишь въ началѣ X-го столѣтія, когда племя ки-дань (катай; см. карту къ стр. 165 и Китай) стало распространять свое владычество. Кидани, живя въ странѣ, граничившей съ Ляодуномъ, естественно, смѣшивались и съ китайцами и сильно прониклись китайской культурой; они представляли счастливое смѣшеніе вліянія цивилизаціи и первобытной грубой силы. Предводимые Ѣлюй А-бао-чжи (Yélü A рао chi), который сознательно способствовалъ этому смѣшенію путемъ поселенія китайскихъ плѣнныхъ въ Маньчжуріи, они напали въ 907 г. на Да-дунъ-фу въ Шань-си, гдѣ, благодаря паденію танской династіи, вспыхнула гражданская война. Въ 947 г. могущество киданей, которые подчинили себѣ въ 924 г. государство Бу-хай, а впослѣдствіи — значительную часть Монголіи, и предводитель которыхъ (ум. въ 926 г.) съ 916 г. именовалъ себя Дай Цзу, т. е. „императоръ", достигло кульминаціоннаго пункта, чтобы потомъ быстро склониться къ упадку. Однако ихъ государство, принявшее въ 937 г. оффиціальное названіе (Да) Ляо — (великая) династія Ляо — продержалось до 1125 г., когда другое тунгусское племя, цзинь или ню-чжи овладѣло сѣвернымъ Китаемъ (стр. 85 и 160). Но и оно было покорено въ 1234 г. (стр. 85 и 165) монголами, послѣ чего и Маньчжурія стала данницей новаго народа-завоевателя. Впрочемъ и тогда, когда монгольская династія вынуждена была удалиться изъ Китая (1368 г.), южные культивировавшіяся области остались въ бо́льшей или меньшей зависимости отъ Китая, тогда какъ сѣверныя племена, поскольку они не были обезпокоены натискомъ якутовъ (стр. 194 и 200), при своей раздробленности, вели незамѣтное существованіе. Долгое время китайцы, систематически сѣя раздоръ, удачно предупреждали образованіе новаго тунгусскаго государства, такъ какъ они знали по опыту, что оно вскорѣ распространилось бы и на югъ; Маньчжурія была тогда раздѣлена на четыре аймака, которые почти безпрестанно воевали между собою. Лишь въ началѣ XVII столѣтія накопившаяся сила прорвалась неудержимымъ потокомъ. Возстаніе, вспыхнувшее въ 1608 г. по поводу притѣсненія податями, должно было послужить предостереженіемъ; но уже и до этого маленькая искра, на которую долгое время не обращали вниманія, продолжала тлѣть, пока, наконецъ, не разгорѣлась въ грозный пожаръ и не сдѣлалась роковой для всего Китая.

Одинъ мелкій князекъ маньчжурскаго происхожденія былъ побѣжденъ и убитъ своими противниками при помощи китайцевъ. Въ лицѣ его сына, Нурхаци, (Тай Цзу, Гао Хуанъ ди или Айсинь-Гіоро; стр. 92) возсталъ мститель, выступившій въ походъ въ 1583 г. съ тринадцатью латниками и, послѣ долгихъ побѣдоносныхъ годовъ, соединившій подъ своею властью (1616 г.) маньчжуровъ. Тогда только китайцы обратили вниманіе на опасность, но не могли предпринять рѣшительныхъ мѣръ. Угрозы китайцевъ дали Нурхаци удобный поводъ ворваться въ 1623 г. въ пограничную про-

винцію Ляодунъ и тѣмъ открыть рядъ сраженій, которыя все болѣе и болѣе ослабляли Китай и поколебали власть минской династіи. Въ 1625 г. повелитель маньчжуровъ перенесъ свою столицу изъ Синъ-чжэна въ Мукденъ. Преемникъ Нурхаци, Дай Цзунъ Вень Хуанъ ди (1627—43) уже принялъ въ 1636 г. титулъ императора; но въ сущности не маньчжуры уничтожили минскую династію, но китайскія банды, противъ которыхъ съ отчаянія были призваны маньчжурскія войска (стр. 92). Съ тѣхъ поръ, какъ маньчжуры заняли въ 1644 г. Пекинъ, они ужъ не покидали страны и послѣ сорокалѣтней борьбы овладѣли и южнымъ Китаемъ (стр. 95).

Новая маньчжурская династія утвердила за собою и обладаніе старой родиной вплоть до Амура. Далѣе на сѣверѣ стала тѣмъ временемъ распространяться власть русскихъ, съ которыми китайскому правительству приходилось отнынѣ считаться. Судьбы сѣверо-восточной Сибири были отнынѣ во власти русскихъ (ср. стр. 209).

Г. Народы побережья и острововъ сѣверо-западной части Тихаго океана.

Гиперборейцы, окаймляющіе своими далеко разбросанными убогими поселеніями сѣверный предѣлъ обитанія земного шара, представляютъ настоящій окраинный народъ, имѣющій лишь съ одной стороны сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Племена сѣверо-восточной окраины Азіи не въ такой степени заслуживаютъ этого названія, такъ какъ берега омываются здѣсь доступнымъ для судоходства и богатымъ островами моремъ, а материкъ Америки здѣсь близко подходитъ къ мысу Восточному (см. карты, приложен. къ стр. 194 настоящаго тома и къ I тому). Подобно всѣмъ окраиннымъ странамъ, и эта часть Азіи хранитъ обломки народовъ, отколовшіеся или оттѣсненные остатки древнѣйшихъ и низшихъ культуръ, представители которыхъ либо спаслись отъ великихъ нашествій народовъ съ материка бѣгствомъ на полуострова и острова, либо на узкихъ береговыхъ полосахъ оказали послѣднее успѣшное сопротивленіе.

Два обстоятельства благопріятствовали этому сопротивленію. При разсмотрѣніи карты, приложенной къ стр. 198, можно увидѣть на сѣверо-востокѣ Становой хребетъ, окаймляющій бóльшую часть морского побережья, и отдѣляющій его отъ остального материка; узкое пространство между этими горами и моремъ не давало завоевателямъ никакого простора для распространенія. Еще меньше опасностей отъ ихъ нашествій представляли, естественно, такія мѣста, какъ полуостровъ Камчатка, который лишь далеко на сѣверѣ соединяется съ материкомъ узкимъ перешейкомъ, или острова Сахалинъ и Іесо. Но еслибы даже степные номады Средней Азіи или охотничьи племена Маньчжуріи и сдѣлали попытку утвердить за собой побережье, то они были бы вынуждены перейти къ совершенно необычной для нихъ хозяйственной формѣ, именно къ рыболовству. Отдѣльныя тунгусскія племена, рано достигшія морского побережья, дѣйствительно обратились въ типичныя рыболовныя племена съ поразительно низкой культурой, слѣдовательно, они приспособились къ древнѣйшимъ обитателямъ этихъ мѣстъ; для степныхъ пастушескихъ народовъ такой переходъ едва былъ возможенъ, тѣмъ болѣе, что они во всякомъ случаѣ явились сюда, какъ случайные завоеватели, а не какъ побѣжденные.

а) Общія черты въ исторіи сѣверо-восточной Азіи.

Бѣдность культуры и полная политическая раздробленность типичны для народовъ сѣверо-восточнаго побережья Азіи и ея острововъ. Написать связную „исторію“ этихъ племенъ никогда не будетъ возможности — самое бóльшее, если можно указать на нѣсколько общихъ чертъ; впрочемъ, можно довольствоваться попыткой — привести кой-какія исто-

рическiя данныя объ отдѣльныхъ областяхъ и племенахъ. Важнѣйшими областями являются Чукотскiй полуостровъ на сѣверѣ, Камчатка, острова Сахалинъ и Iесо, побережье Охотскаго моря и бассейнъ низовьевъ Амура, единственное мѣсто, гдѣ побережье тѣснѣе связано съ материкомъ и существованiе рыболовныхъ народовъ возможно и дальше, внутри страны; здѣсь жители сѣверо-восточной Азiи чаще всего приходили въ соприкосновенiе съ высшими культурами.

Въ общихъ чертахъ исторiя племенъ сѣверо-восточной Азiи должна была идти слѣдующимъ путемъ. Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за дилювiальнымъ перiодомъ, длинноголовое населенiе арктическихъ рыболововъ и охотниковъ распространилось и по значительной части сѣверо-восточнаго материка и перешло уже черезъ Беринговъ проливъ, на что указываетъ, повидимому, нѣкоторое культурное родство съ полярной и сѣверо-западной Америкой. Движенiе монголоидныхъ народовъ на сѣверъ вынудило часть жителей переселиться на полуострова и острова, гдѣ они долгое время никѣмъ не были тревожимы. Впослѣдствiи движенiе на сѣверъ тунгусскихъ племенъ (стр. 198/9) послужило толчкомъ къ новымъ передвиженiямъ и прорвало мѣстами цѣпь прибрежныхъ народовъ, въ то время какъ переходъ другихъ тунгусовъ въ Японiю способствовалъ тому, что древнiе сѣверо-восточные азiаты подверглись оттѣсненiю и на островахъ. Китайцы, съ своей стороны, неоднократно простирали свое господство вплоть до Амура и оказали влiянiе на туземныя племена путемъ смѣшенiя съ ними и насажденiя своей культуры.

б) Нѣкоторыя данныя изъ исторiи отдѣльныхъ палеазiатскихъ племенъ.

Самымъ крайнимъ сѣверо-восточнымъ племенемъ палеазiатскихъ народовъ, какъ предлагаетъ называть всю группу Леопольдъ фонъ-Шренкъ, служатъ чукчи. Часть этого племени перешла отъ чисто „захватнаго“ хозяйства къ оленеводству лишь очень недавно еще; употребленiе оленьяго молока, согласно Стефану Крашенинникову („Камчатка“; 1754 г.), не было еще извѣстно въ серединѣ XVIII столѣтiя. Подобнымъ же образомъ живущiе южнѣе коряки распались на осѣдлыхъ рыболововъ и кочующихъ оленеводовъ. Номады презираютъ рыболововъ. И, дѣйствительно, благодаря перемѣнѣ формы хозяйства, они много выиграли въ силѣ и воинственномъ духѣ: тунгусы недавно были оттѣснены назадъ чукчами (ср. стр. 190). Знакомство съ оленеводствомъ не перешло въ Америку черезъ Беринговъ проливъ (стр. 191). Но что здѣсь тѣмъ не менѣе существовали сношенiя между племенами, доказывается присутствiемъ на азiатскомъ берегу Берингова моря настоящихъ эскимосовъ, намолло или ю-ите.

Если не по языку,[1] то по тѣлостроенiю, въ родствѣ съ чукчами находятся жители Камчатки, камчадалы или ительмены. Разнообразiе языковъ, встрѣчающихся среди палеазiатовъ, наряду съ различiями въ физическомъ строенiи (напр., различiе между чукчами и айнами), указываютъ на то, что эта группа народовъ, разсѣянная нѣкогда на громадномъ пространствѣ, значительно дифференцировалась. Камчадалы считали себя первобытными обитателями; по всей вѣроятности, появленiе ихъ на полуостровѣ въ качествѣ бѣглецовъ произошло относительно давно. Что ихъ переселенiе относится ко временамъ далекимъ, подтверждается и чрезвычайной приспособленностью ихъ къ природѣ своей родины. Политически камчадалы жили разрозненно, но когда русскiе впервые познакомились съ ними ближе, то примѣръ государственности прошелъ не совсѣмъ без-

[1] Недавнiя изслѣдованiя В. Богораза доказали существованiе и лингвистическаго сродства между чукчами и камчадалами. Прим. перев.

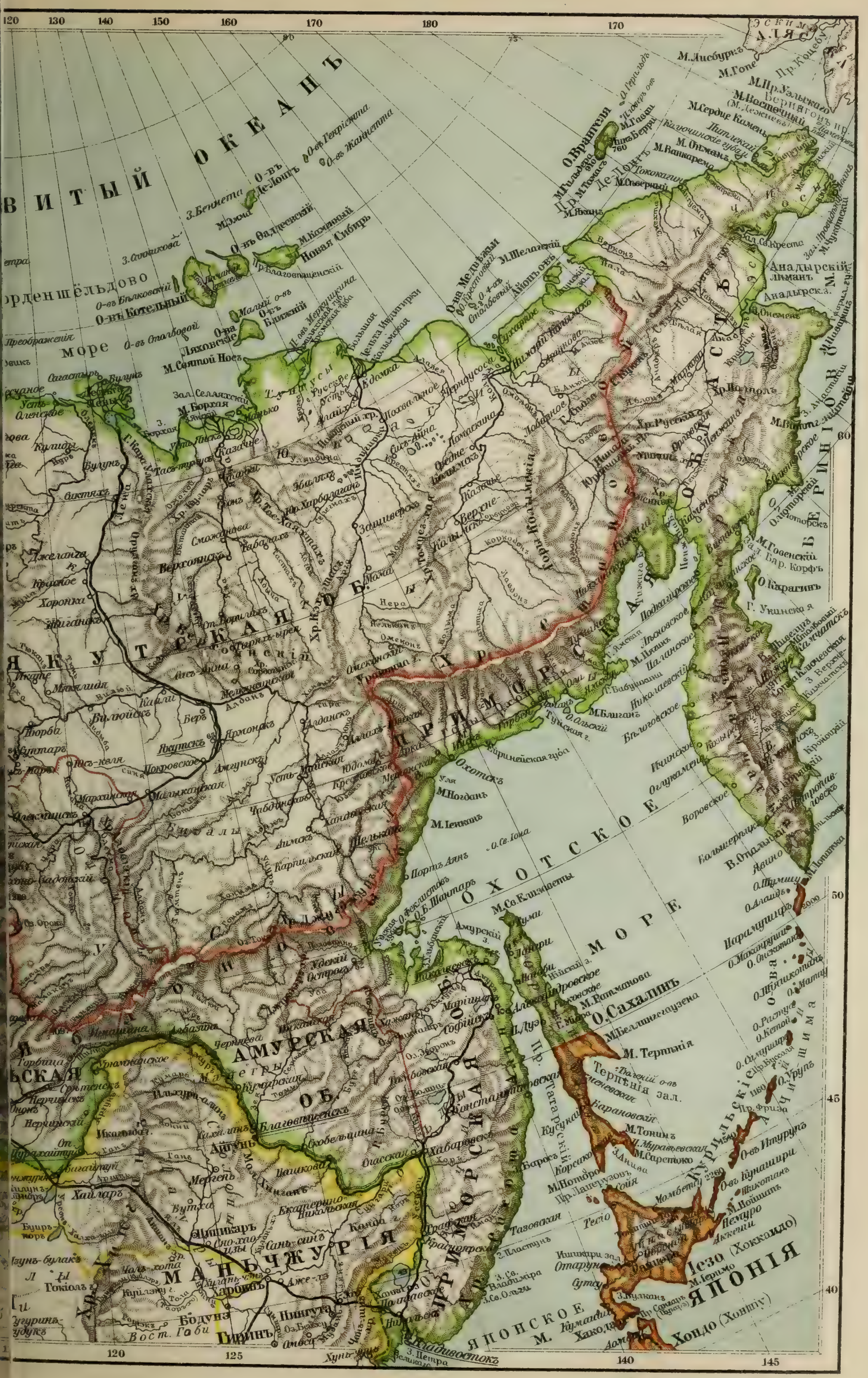
слѣдно для нихъ. Кромѣ внутреннихъ раздоровъ, къ этому побуждали и внѣшнія вторженія: съ сѣвера вторгались въ Камчатку **коряки**, вѣроятно, какъ болѣе подвижные оленеводы, а знакомые съ мореходствомъ жители Курильскихъ острововъ грабили южныя части полуострова и увозили многихъ камчадаловъ въ рабство. При этомъ происходило, вѣроятно, нѣкоторое общеніе съ культурными народами: такъ, русскіе нашли у камчадаловъ японскія надписи и монеты и даже плѣнныхъ японскихъ моряковъ, потерпѣвшихъ крушеніе у береговъ полуострова. Начатки государственнаго строя подъ властью сильнаго начальника привели къ образованію на полуостровѣ двухъ федерацій, сумѣвшихъ утвердить свою независимость, пока не появились впослѣдствіи русскіе, которые положили конецъ этимъ медленнымъ внутреннимъ преобразованіямъ.

Своеобразное мѣсто среди палеазіатовъ по своему тѣлостроенію, языку и даже культурѣ занимаютъ **айны** (айну; ср. томъ I). Они являются представителями того типа древней сѣверной расы, который, своей внѣшностью, именно богатой растительностью на головѣ и лицѣ, поразительно напоминаетъ сѣверныхъ европейцевъ, между тѣмъ какъ другія черты, какъ цвѣтъ кожи, выдающіяся скуловыя кости и т. п., сближаютъ его опять-таки съ расой монгольской. И этотъ народъ долженъ былъ уже издавна жить на своей родинѣ, на сѣверныхъ японскихъ островахъ и на Сахалинѣ, на что указываетъ уже его изолированный языкъ. Когда на югѣ Японіи начали складываться государства взаимодѣйствіемъ малайцевъ и тунгусовъ, то вскорѣ завязалась борьба съ первобытными обитателями, „земляными пауками", подъ которыми мы, конечно, должны разумѣть карликовую расу, жившую въ пещерахъ (ср. стр. 4), а также айновъ. Первые, „коко пок гуру", были истреблены, а айны были вытѣснены или поглощены. Изученіе названій мѣстностей указываетъ на то, что айны жили нѣкогда къ югу до Кіу-сіу; въ историческое время они еще жили въ большомъ числѣ и въ сѣверномъ Нипонѣ (Гонсіу). Въ настоящее время они ограничены островами Іесо, Сахалиномъ и нѣкоторыми изъ Курильскихъ. Это отступленіе айновъ совершилось не безъ того, чтобы палеазіатская культура не наложила глубокихъ слѣдовъ на нравы, религію и искусство японцевъ. Нѣкоторыя загадочныя явленія въ японской культурѣ находятъ себѣ объясненія лишь тогда, когда мы находимъ отголоски ея среди айновъ.

Въ настоящее время айны производятъ впечатлѣніе народа, который во всѣхъ отношеніяхъ регрессируетъ. Нѣкоторыя изъ присущихъ имъ прежде культурныхъ пріобрѣтеній (знакомство съ гончарнымъ искуссвомъ, ср. стр. 4), повидимому, пропали, отчасти подъ вліяніемъ болѣе сильной японской культуры. Даже и то обстоятельство, что на мѣстѣ прежней силы и дикости айны проявляютъ теперь, главнымъ образомъ, кротость и добродушіе, служитъ скорѣе признакомъ истощенія силъ въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ доказательствомъ роста цивилизаціи. Въ политическомъ отношеніи регрессъ не подлежитъ сомнѣнію. Пока шла борьба съ японцами, существовало извѣстное объединеніе; и теперь еще айны о. Іезо разсказываютъ, что въ Пиратори жилъ прежде могущественный начальникъ, собиравшій дань со всего острова. Въ настоящее время каждая деревня имѣетъ своего мелкаго начальника, подъ управленіемъ котораго она ведетъ самостоятельное существованіе.

На Сахалинѣ произошли, повидимому, нѣкоторыя перемѣщенія. Еще до прибытія русскихъ **гиляки**, племя, стоящее по своей культурѣ близко къ айнамъ, переселились отсюда на устья Амура, быть можетъ, вслѣдствіе войнъ съ айнами, область обитанія которыхъ все тѣснѣе ограничивалась вслѣдствіе движенія съ юга японцевъ. Вѣроятно, что короткоголовое, сильно смѣшавшееся съ тунгусами племя гиляковъ было этимъ только возвращено на свою прежнюю родину. Зато впослѣдствіи на сѣверный Са-

Исторія человѣчества. II.


ВИТЫЙ ОКЕАНЪ
О-въ Котельный
Новая Сибирь
О-въ Ѳаддеевскій
Ляховскіе О-ва
море
М. Святой Носъ
О. Врангеля
Анадырскій лиманъ
ЯКУТСКАЯ ОБ.
Якутскъ
Верхоянскъ
ПРИМОРСКАЯ ОБЛ.
Охотскъ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
О. Сахалинъ
АМУРСКАЯ ОБ.
Благовѣщенскъ
Хабаровскъ
Владивостокъ
МАНЬЧЖУРІЯ
Хайларъ
Харбинъ
Гиринъ
Курильскіе о-ва
Iезо (Хоккайдо)
ЯПОНІЯ
Хондо (Хоншу)
ЯПОНСКОЕ М.
Татарскій пр.
120
130
140
150
160
170
180
170
120
125
140
145
60
50
45
40

халинъ переселились повидимому мирнымъ путемъ кочующіе тунгусскіе оленеводы и ороки.

Подобно гилякамъ, въ которыхъ нельзя не признать примѣси палеазіатской крови, и народы, живущіе по нижнему теченію Амура и по сосѣднему побережью, вѣроятно, смѣшаннаго происхожденія, съ несомнѣннымъ преобладаніемъ тунгусской крови. Сюда относятся ламуты на берегу Охотскаго моря, гольды на Амурѣ и нѣкоторыя болѣе мелкія племена. Сами тунгусы представляютъ смѣсь монгольскихъ народностей съ древнѣйшими длинноголовыми обитателями (стр. 199).

Какъ ни ничтожны историческія свѣдѣнія, которыя даетъ намъ бѣглый обзоръ странъ сѣверо-восточной Азіи, все же интересно видѣть, какъ подъ разрушительнымъ напоромъ европейцевъ волны культуры постепенно проникаютъ въ самыя отдаленныя окраины. Внутри страны, по мѣрѣ движенія впередъ якутовъ, новѣйшая волна культуры, которая теперь, наконецъ, приноситъ на сѣверъ скотоводство, извѣстное въ болѣе южныхъ областяхъ уже съ древнѣйшихъ временъ, наполняетъ впервые бассейнъ Лены; болѣе старая волна, распространившая кочевое оленеводство, достигла мѣстами береговъ Берингова моря и постепенно начинаетъ проникать въ сѣверную Камчатку, а благодаря кочеваньямъ ороковъ, и на островъ Сахалинъ. Но на болѣе отдаленныхъ полуостровахъ и островахъ живутъ еще настоящіе рыболовы и охотники, которые знаютъ только одно домашнее животное — собаку и, при „захватномъ“ хозяйствѣ, ведутъ такое же жалкое существованіе, какъ и тысячи лѣтъ тому назадъ.

Д. Русскіе въ Сибири и Средней Азіи.

Появленіе русскихъ въ Сибири въ предѣлахъ Средней Азіи знаменуетъ собою новую важную эру въ исторіи Стараго Свѣта. Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ продолжалась борьба необузданнаго кочевничества съ культурными странами, окаймлявшими степную область Азіи. Подъ тяжестью безпрерывныхъ ударовъ Западная Азія пала или обратилась въ страну кочевниковъ, Индія много разъ оказывалась безоружной противъ натиска сыновъ степей, Восточную Европу постигла та же участь, и со временъ Чингизъ-хана она находилась подъ игомъ варваровъ; только старый Китай, хотя также постоянно подвергался все новымъ и новымъ нашествіямъ и съ виду покорялся, съ несокрушимымъ упорствомъ шагъ за шагомъ отстоялъ себя противъ разрушительныхъ силъ и простеръ предѣлы своего вліянія до западной окраины Средней Азіи. Если бы теперь выступила на сцену новая культурная сила съ Запада и если бы она, съ своей стороны, двинулась со своимъ оружіемъ для прочнаго водворенія вплоть до границъ Китайской имперіи, то злой духъ разрушенія былъ бы скованъ, и современемъ, быть можетъ, окончательно задушенъ подъ давленіемъ культуры. Вѣдь китайцы уже доказали своимъ покровительствомъ буддизму и земледѣльческой колонизаціей, что можно укротить даже дикихъ среднеазіатовъ!

Что Европа должна будетъ, въ концѣ концовъ, нанести уничтожающій ударъ этому очагу столь невыразимыхъ бѣдствій и подчинить часть внутренней Азіи власти западныхъ культурныхъ народовъ, можно было съ очевидностью предсказать послѣ того, какъ въ ней развилась современная высшая сила культуры и цивилизаціи. Предъ этой силой, для которой даже земной шаръ оказался вскорѣ слишкомъ малымъ, долженъ былъ смириться воинственный духъ степныхъ номадовъ, разъ она вступила на путь къ достиженію этой цѣли. Скорѣе можно удивляться тому, что этотъ отпоръ былъ данъ такъ поздно. Но на это были свои причины,

которыя кроются, въ значительной степени, въ условіяхъ географическаго положенія.

Но разъ европейская культура должна была выступить противъ внутренней Азіи, то это могло произойти не иначе, какъ черезъ посредство Восточной Европы. Восточная же Европа представляетъ не что иное, какъ продолженіе обширныхъ равнинъ сѣверо-западной Азіи, часть Азіи, которую необходимо было покорить и колонизовать прежде, чѣмъ думать о дальнѣйшемъ движеніи на Востокъ. Въ особенности югъ Россіи представлялъ собою съ давнихъ временъ постоянную арену номадовъ: здѣсь толпы скиѳскихъ наѣздниковъ заставили отступить персидское войско Дарія; здѣсь аланы были застигнуты завоевательнымъ потокомъ гунновъ; здѣсь останавливались на болѣе или менѣе продолжительное время толпы болгаръ, хазаровъ, аваровъ и венгровъ; здѣсь, наконецъ, властвовали въ теченіе многихъ столѣтій монгольскія орды. Далѣе на сѣверѣ, гдѣ лѣса препятствовали продолжительному пребыванію степныхъ кочевниковъ, жили финнскія и гиперборейскія охотничьи племена, которыя, по низкому уровню своей культуры и по своему убогому существованію, стояли близко къ охотничьимъ племенамъ Сибири. Противъ всѣхъ этихъ враждебныхъ культурѣ силъ Европа даже не могла выдвинуть наиболѣе сильныхъ и прогрессивныхъ народовъ: русскіе, которые, въ качествѣ восточнаго оплота арійской расы, должны были принять на себя борьбу, едва уступали по своей некультурности самимъ необузданнымъ среднеазіатамъ, но въ то же время, какъ мирный земледѣльческій народъ, стояли гораздо ниже ихъ въ отношеніи военномъ. Этимъ только и объясняется, что русскіе такъ скоро поддались натиску монголовъ и потомъ, въ теченіе долгихъ столѣтій, переносили позорное иго степныхъ народовъ, и даже по сверженіи его еще долго не могли справиться съ татарскими царствами въ Крыму и на Волгѣ. А долгое рабство, эпилогомъ котораго былъ кровожадный деспотизмъ Ивана Грознаго, естественно, мало могло способствовать нравственному подъему народа, которому еще въ XVII вѣкѣ врядъ-ли можно было предсказать великую будущность. Но постепенное пріобщеніе къ европейской культурѣ сдѣлало свое дѣло. Благодаря переселенцамъ изъ Западной Европы, вліявшимъ сначала на князей, а черезъ нихъ и на народъ, въ Россію стали проникать начала европейской культуры, пока, наконецъ, Петръ Великій не порвалъ открыто съ азіатскимъ варварствомъ и не употребилъ всѣхъ средствъ европейской культуры для укрѣпленія и расширенія своего государства (ср. т. V). Лишь съ этого времени Россія была въ состояніи взять на себя борьбу съ разрушительными силами кочевничества и выйти изъ нея побѣдительницей.

а) Казаки до 1600 г.

Если въ русскихъ сохранились изъ тѣхъ временъ, когда они были скорѣе азіатами, чѣмъ европейцами, черты, дѣлавшія ихъ родственными степнымъ народамъ, то это, пожалуй, не было въ ущербъ ихъ новой задачѣ: для того, чтобы преслѣдовать номадовъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ, нужно было самимъ имѣть кое-что сродное съ ними; кому приходилось управлять азіатами, тотъ понималъ своихъ подданныхъ лучше, когда онъ въ своемъ собственномъ характерѣ и склонностяхъ чувствовалъ отголосокъ азіатскаго духа. Кромѣ того, русскій народъ, вопреки желаніямъ своихъ властителей, до извѣстной степени самъ создалъ себѣ органъ, удивительно приспособленный къ покоренію степей и выступившій вскорѣ съ большимъ успѣхомъ противъ номадизма: это были казаки. Въ безпокойныхъ пограничныхъ областяхъ между русскими владѣніями и татарскими степями образовалась мало-помалу новая народность: всѣ тѣ, кому тягостно становилось жить въ Россіи, преступники, какъ и невинно преслѣдуемые, бѣглые крѣпостные, расколь-

ники, недоимщики, разбойники и бродяги,—всѣ бѣжали въ эти свободные края, гдѣ они организовались и въ ежедневной борьбѣ съ русскими и татарами отстаивали свою свободу и жизнь. Всякій переворотъ въ Россіи привлекалъ новыя толпы недовольныхъ въ казацкія поселенія; нѣтъ сомнѣнія, что къ нимъ присоединялись бѣглецы и изъ татарскихъ земель. Такъ образовалось полукочевое населеніе всадниковъ, и раньше всего украинскіе казаки, по преимуществу малорусскаго происхожденія, по Днѣпру, и великорусскіе донскіе казаки по нижнему Дону. Лишь постепенно они были присоединены къ русскому государству. Тогда же поняли, что эти разбойничьи пограничные элементы были превосходно приспособлены для борьбы со степными жителями Азіи. Большое количество организованныхъ по-военному казаковъ съ теченіемъ времени было переселено подъ различными названіями въ Сибирь вплоть до Амура, а потомъ и въ Туркестанъ.

Дорогу въ Сибирь впервые открыли купцы новгородскаго народоправства, которые даже учредили тамъ нѣчто вродѣ политическаго господства надъ тамошними племенами (стр. 195). Такое поступательное движеніе, котораго не могли вполнѣ задержать даже неурядицы монгольскаго періода и которое, послѣ покоренія Новгорода (1477—79; ср. томъ VII), было вскорѣ возобновлено русскими царями, возможно было благодаря тому, что на сѣверѣ путь пролегалъ черезъ рѣдко заселенныя территоріи финнскихъ и арктическихъ охотничьихъ племенъ, а не черезъ мѣстообитанія степныхъ кочевниковъ. Перевороты, происходившіе на югѣ, не оказывали никакого вліянія на сѣверный путь, которымъ шла торговля пушниной; путь этотъ не находился даже подъ контролемъ русскихъ, власть которыхъ, сосредоточенная вокругъ Москвы, какъ центра, не простиралась далеко нс сѣверъ. И послѣ паденія Новгорода (1570 г.) купцы сѣверо-восточной Россіи жили почти совершенно независимо, и только благодаря имъ русскіе князья простерли свое господство надъ нѣкоторыми частями сѣверо-западной Сибири. Изъ этихъ отношеній возникъ почти случайно походъ противъ независимыхъ еще сибирскихъ князей, который долженъ былъ радикально измѣнить положеніе дѣлъ.

Во второй половинѣ XVI-го столѣтія пермскіе купцы Строгановы захватили въ свои руки сибирскую торговлю, но ихъ доходамъ и вліянію угрожали съ двухъ сторонъ: великій ханъ сибирскій затѣялъ тогда наступательную политику и посылалъ толпы своихъ татаръ даже черезъ Уралъ вплоть до Пермской области; а съ юго-запада приволжскіе казаки, родственники донскихъ ордъ, грабили и разоряли территорію дѣятельности этихъ крупныхъ купцовъ. Строгановы старались примѣнять испытанную торговую политику, именно выдвигать однихъ притѣснителей противъ другихъ и съ этой цѣлью обратились къ казакамъ, которые и безъ того совершали разбойничьи набѣги на сѣверъ, такъ какъ они были вытѣснены русскими изъ своихъ старыхъ поселеній и искали себѣ новой родины. Строгановымъ не стоило особеннаго труда нанять 7000 человѣкъ казаковъ и, подъ предводительствомъ Ермака Тимофеевича, снарядить ихъ въ 1579 году въ походъ, но уже въ первую зиму, которую ему пришлось еще провести по эту сторону Урала, онъ потерялъ большую часть своего войска. Съ остатками своей арміи, которая все болѣе и болѣе таяла, онъ двинулся дальше и въ 1581 г. достигъ Тобола, на берегахъ котораго разбилъ нѣсколько разъ войско сибирскаго хана Кучума (стр. 197). Хотя 23-го октября 1582 г. была взята столица хана, Искеръ, но послѣ этого о дальнѣйшемъ движеніи этой слабой кучки, противъ которой выступили со всѣхъ сторонъ татарскіе князьки, нечего было и думать, такъ какъ нельзя было ожидать помощи ни со стороны Строгановыхъ, ни со стороны отставшихъ группъ казаковъ.

Въ эту трудную минуту Ермакъ обратился къ русскому царю, Іоанну IV, Грозному, который и безъ того изъявилъ притязаніе на обладаніе землями по р. Оби.

Первыя извѣстія о походѣ противъ Сибирскаго ханства были приняты въ Москвѣ недружелюбно, такъ какъ достаточно было возни съ крымскими татарами, и не было никакого желанія вооружать противъ Россіи татарское государство Сибири, могущество котораго явно преувеличивалось. Тѣмъ съ большей радостью было встрѣчено теперь новое завоеваніе. Правда, поддержка, оказанная на первыхъ порахъ Ермаку, была незначительна: Искеръ былъ опять потерянъ; и когда въ 1584 г. палъ Ермакъ, то въ рукахъ русскихъ было не больше той области, на которую они давно изъявляли притязаніе, но которой они никогда не обладали въ дѣйствительности. Но путь былъ проложенъ, страхъ предъ татарами исчезъ и сознана была пригодность казаковъ для подобныхъ предпріятій; уже одна возможность дать этимъ безпокойнымъ людямъ новое поле дѣятельности поощряло къ дальнѣйшимъ шагамъ. Въ 1588 г., послѣ того какъ былъ основанъ Тобольскъ, какъ центръ русскаго владычества, Искеръ былъ снова осажденъ. Въ 1598 г. Кучумъ-ханъ, утвердившійся на югѣ, потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и бѣжалъ въ Среднюю Азію, гдѣ онъ пропалъ безъ вѣсти. Его сыновья и внуки*) долго еще совершали набѣги на русскія земли, но не достигли никакихъ прочныхъ результатовъ.

б) Движеніе Россіи на востокъ и югъ (съ 1600 г.).

Отнынѣ въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи приходилось отражать нападенія и въ то же время наступать на два фронта: южный фронтъ — со стороны южно-сибирскихъ и туркестантскихъ степей, гдѣ жили безпокойные и опасные сосѣди, воинственные кочевые народы, и восточный фронтъ — со стороны тундръ и холмистыхъ странъ Восточной Сибири, гдѣ малокультурные охотники и оленеводы оказывали слабое сопротивленіе. Прежде всего, естественно, выступили противъ восточнаго фронта, гдѣ сравнительно быстро достигли до береговъ Тихаго океана. Но и на югъ русскихъ настойчиво толкала впередъ необходимость пріобрѣсть безопасную границу, хотя это стоило имъ современемъ большихъ жертвъ и большого напряженія силъ. Фланговая позиція, пріобрѣтенная ими послѣ завладѣнія Каспійскимъ моремъ, лишь долго спустя послѣ несчастной попытки Петра великаго (1717 г.) была съ успѣхомъ использована въ борьбѣ съ Хивой и туркменами. На сѣверѣ же началось скоро судоходное сообщеніе по Ледовитому океану: уже въ 1614 г. появились англійскія суда изъ Архангельска въ устьяхъ Оби.

α) Мирное покореніе восточной и сѣверной Сибири (до 1800 г.).

Восточная Сибирь была занята, главнымъ образомъ, казаками, которые двигались впередъ вдоль по рѣкамъ, защищая вновь завоеванныя земли укрѣпленными поселеніями, и проникли, такимъ образомъ, въ продолженіе какого-нибудь полустолѣтія вплоть до отдаленнѣйшей Камчатки. Русское правительство заботилось только о томъ, чтобы прикрывать это поступательное движеніе путемъ завязыванія дружественныхъ отношеній съ монгольскимъ княземъ Алтынъ-ханомъ (стр. 181). Тогда уже завязалась

*) Чингизъ-ханъ
|
Чуджи
|
Шейбанъ
|
Кучумъ
Али — Ишимъ — Джувекъ
Ишимъ: Аблай Гирей; Джувекъ: Девлетъ Гирей
(Аблай Гирей, Девлетъ Гирей — Тюменскіе цари до 1659 г.)

торговля съ Китаемъ: первый чай попалъ въ Россію въ 1638 г. благодаря посредничеству Алтынъ-хана. Тѣмъ временемъ быстро шло движеніе и на сѣверъ. Въ 1632 г. былъ основанъ на Ленѣ Якутскъ; въ 1643 г. первые казаки проникли въ верховья Амура, а по этой рѣкѣ — внизъ, вплоть до Охотскаго моря. Немного лѣтъ спустя была открыта Камчатка, но въ дѣйствительности ее заняли лишь въ 1696 г. Все это произошло, конечно, не безъ борьбы; особенно частыя возстанія вызывало обложеніе ясакомъ, т. е. данью мѣхами, но, благодаря незначительной численности туземцевъ и благодаря европейскому вооруженію казаковъ, возстанія эти постоянно кончались въ пользу новыхъ властителей. Важнымъ исходнымъ пунктомъ для покоренія Сѣверо-восточной Сибири служилъ долгое время основанный въ 1644 г. казакомъ Михаиломъ Стадухинымъ острогъ Нижне-колымскъ, недалеко отъ впаденія Колымы въ Ледовитый океанъ. Вскорѣ послѣ этого возникъ Анадырскъ, жители котораго утвердились здѣсь послѣ многолѣтней борьбы съ чукчами. Послѣ того, какъ казаки укрѣпились на Амурѣ, земли вокругъ Байкальскаго озера тоже были присоединены къ русскимъ владѣніямъ, и въ 1652 г. былъ основанъ Иркутскъ. Лишь постепенно русскому правительству удалось упрочить свое вліяніе въ новыхъ владѣніяхъ, такъ какъ казаки держали себя часто независимо (въ 1711—13 гг. они открыто сопротивлялись на Камчаткѣ распоряженіямъ правительства) или грабили и убивали другъ друга.

Въ пріамурскихъ земляхъ натолкнулись на сопротивленіе маньчжуровъ, которые сначала отступили, но потомъ отвоевали назадъ свои прежнія владѣнія (1656 г.), опираясь на силу покоренной ими китайской имперіи. Еще одинъ разъ русскіе сдѣлали попытку изъ укрѣпленнаго Албазина въ верховьяхъ Амура распространить свое владычество дальше, но, послѣ двукратнаго взятія и разрушенія этого городка (1659 и 1685 г.) китайцами, они вынуждены были въ 1689 г. очистить весь пріамурскій край. Несмотря на то, однако, Россія не стала во враждебныя отношенія къ Китаю, въ который она много разъ посылала пословъ, а торговля по самому сѣверному пути, который отнынѣ весь былъ въ рукахъ русскихъ, стала, напротивъ того, развиваться все сильнѣе. Оба народа мало-по-малу сознали, что лучше и безопаснѣе всего будетъ, если ихъ владѣнія будутъ имѣть непосредственныя, строго опредѣленныя взаимныя границы. Подобными границами представлялись горные хребты, окаймлявшіе съ сѣвера Гоби и бассейнъ Тарима. Первое установленіе границъ посланными обѣихъ великихъ державъ произошло въ 1728—29 гг. А въ Маньчжуріи, вслѣдствіе войнъ съ русскими, весьма усилилось китайское вліяніе, и проведено было правильное раздѣленіе земли, такъ что отнынѣ китайская цивилизація торжествовала даже на родинѣ маньчжуровъ. Китайскія военныя колоніи охраняли Амуръ, который долгое время составлялъ прочную границу. Центромъ военнаго управленія былъ основанный въ 1684 г. Айгунъ, потомъ Мергенъ и, наконецъ, Цицикаръ. Волненія на границѣ почти совсѣмъ прекратились.

Спокойствіе, наступившее мало-по-малу въ Сибири, дало теперь возможность русскому правительству приступить къ научному изслѣдованію этой огромной, по большей части еще совершенно неизвѣстной, страны. На первомъ планѣ предстояло разрѣшить вопросы географическіе, въ особенности вопросъ о томъ, существуетъ-ли связь между Азіей и Америкой. Сообщеніе казака Дежнева о переѣздѣ черезъ проливъ, названный впослѣдствіи Беринговымъ (1648), спокойно лежало, никѣмъ нечитанное, въ иркутскомъ архивѣ. Въ 1733 г. была снаряжена ученая экспедиція, которая, благодаря своей превосходной организаціи, впервые ознакомила культурный міръ съ природой Сибири. Экспедиція эта почти вся состояла не изъ русскихъ: во главѣ экспедиціи стоялъ датскій капитанъ Витусъ Берингъ, изслѣдовавшій уже въ 1725—30 гг. моря, омывающія Камчатку;

и на этотъ разъ его сопровождали лейтенантъ Мартынъ Шпангенбергъ и Алексѣй Чириковъ; къ нимъ присоединились члены русской академіи наукъ: тюбингенскій ботаникъ Іоаннъ Георгъ Гмелинъ („Flora sibirica", С.-Петербургъ, 1748/49 гг. и „Путешествіе черезъ Сибирь", Гетингенъ, 1751/52 гг.), астрономъ Луи Делиль де-ля-Круайеръ (Delisle de la Croyère; ум. 22-го октября 1741 г.) и историки Герардъ Фридрихъ Мюллеръ („Sammlung russischer Geschichten", С.-Петербургъ, 1758 г.) и Іоаннъ Эбергардъ Фишеръ изъ Эслингена („Исторія Сибири", С.-Петербургъ, 1768 г.). Впослѣдствіи отправились еще Георгъ Вильгельмъ Штеллеръ (ср. стр. 193; „Путешествіе изъ Камчатки въ Америку", С.-Петербургъ, 1793 г.) и Стефанъ Крашенинниковъ, посвятившіе себя преимущественно изслѣдованію Камчатки (ср. выше, стр. 203). Въ то же время было снаряжено нѣсколько меньшихъ экспедицій для изслѣдованія отдѣльныхъ областей, въ особенности восточнаго побережья. Послѣ многолѣтнихъ трудовъ была изучена значительная часть Сибири, между тѣмъ какъ самъ Берингъ, подвергаясь опасностямъ и различнымъ приключеніямъ, колесилъ по ледянымъ берегамъ моря, названнаго его именемъ. Онъ доказалъ существованіе пролива, но 19-го декабря 1741 г. умеръ отъ скорбута. Мюллеръ и Гмелинъ вернулись въ С.-Петербургъ въ 1743 г., а остальные члены экспедиціи — въ 1749 г.; Штеллеръ умеръ на обратномъ пути изъ Камчатки въ 1746 г. Со времени этого столь грандіозно задуманнаго предпріятія научное изслѣдованіе Сибири продолжалось непрерывно, хотя и съ перемѣннымъ рвеніемъ. Особенно успѣшны были геологическія изысканія, вновь оживившія горное дѣло на Алтаѣ и открывшія мѣсторожденія золота. Знакомству съ восточнымъ берегомъ содѣйствовали также путешествія русскихъ кругосвѣтныхъ мореплавателей, старавшихся вмѣстѣ съ тѣмъ завязать сношенія съ Японіей; таково путешествіе Адама Іоанна фонъ-Крузенштерна (1803—1806 гг.) и Отто фонъ-Коцебу (1815—18 гг. и 1823—26 гг.).

β) Борьба съ кочевничествомъ въ Юго-западной Сибири.

Иначе, чѣмъ въ Сѣверной и Восточной Сибири, обстояли дѣла на юго-западѣ, гдѣ безграничный степной горизонтъ, казалось, насмѣхался надъ всякой прочной и сдерживающей культурной работой. Здѣсь же разыгралась настоящая борьба Россіи съ кочевничествомъ, восточные представители котораго какъ разъ въ это время были окончательно усмирены Китаемъ. Въ то время, какъ покореніе и заселеніе востока совершалось добровольно казаками, въ юго-западныхъ степяхъ Сибири, куда поселенцы направлялись весьма неохотно, русское правительство должно было взять борьбу съ кочевничествомъ въ свои руки. Послѣ смерти Петра Великаго (1725 г.), поднявшаго Россію до уровня европейской державы, граница шла отъ Кургана на Омскъ, потомъ по Иртышу вплоть до предгорій Алтая. Фельдмаршалъ Буркгардъ Христофъ фонъ-Минихъ ввелъ систему кордонныхъ линій, и такая линія, соотвѣтствовавшая приблизительно указанной границѣ, шла также черезъ Западную Сибирь. За предѣлы этой линіи русскіе долгое время почти не переходили, хотя вліяніе русскаго могущества привело скоро къ тому, что имъ подчинилась значительная часть жившихъ дальше къ югу киргизовъ. Разбойничьи набѣги этихъ „подданныхъ" въ область русскихъ поселеній и соотвѣтственныя карательныя экспедиціи наполняли почти въ теченіе столѣтія скудную исторію западно-сибирскихъ владѣній.

Лишь по окончаніи наполеоновскихъ войнъ вниманіе снова было обращено на азіатскія дѣла. Ближайшей цѣлью представлялось, само собою, прочное занятіе киргизскихъ земель путемъ продолженія русскихъ пограничныхъ линій, для чего снова успѣшно воспользовались казаками. Но этимъ только вступили на путь завоеваній, который могъ быть закон-

ченъ лишь покоренiемъ безпокойной степи и прочнымъ утвержденiемъ на ея южной окраинѣ, гдѣ находились укрѣпленныя поселенiя. Шагъ за шагомъ подвигались впередъ. Каждое дальнѣйшее передвиженiе пограничной линiи, въ чемъ номады видѣли стѣсненiе своей свободы передвиженiя и загораживанiе своихъ пастбищъ, приводило ихъ въ отчаянiе и вызывало возстанiя, во избѣжанiе которыхъ въ будушемъ русскiе старались переносить свои укрѣпленные пункты еще дальше впередъ. Но долгое время это не проводилось особенно систематично уже по тому одному, что огромныя степныя пространства вообще не были пригодны для укрѣпленныхъ поселенiй. Поэтому русскiя оборонительныя линiи должны были держаться береговъ рѣкъ; въ 1847 г. южная пограничная линiя шла уже отъ нижней Сыръ-Дарьи къ рѣкѣ Чу, а оттуда къ р. Или. Но и здѣсь нельзя было остановиться: если до сихъ поръ боролись съ киргизами и другими кочевническими ордами, то теперь проникли въ предѣлы Туркестана. Если бы ханства представляли прочно установленныя государства, съ которыми возможно было бы установить твердыя границы, то, быть можетъ, дальнѣйшее движенiе впередъ прервалось бы здѣсь надолго, какъ это дѣйствительно имѣло мѣсто на китайской границѣ, за исключенiемъ прiамурскихъ земель. Но это были только центры съ неопредѣленнымъ поясомъ влiянiя, который то стягивался, то расширялся въ зависимости отъ энергiи властителей и случайныхъ обстоятельствъ.

Первое столкновенiе произошло съ Хивой, такъ какъ проведенiе пограничной линiи на западѣ, между Аральскимъ и Каспiйскимъ морями, противъ разбойничьихъ номадовъ, которые охотно выдавали себя здѣсь за подданныхъ Хивы, возможно было лишь путемъ покоренiя самого ханства. Въ 1839 г. генералъ Перовскiй выступилъ въ походъ изъ Оренбурга, но вынужденъ былъ вернуться назадъ, потерявъ въ степи отъ снѣжныхъ бурановъ четвертую часть своего войска и 10400 верблюдовъ и не видавъ даже войскъ хана Аллахъ-кули. Съ другой стороны возникли первыя столкновенiя съ Коканомъ, въ 1850 г., причемъ коканцы и находившiеся въ зависимости отъ нихъ киргизы старались вытѣснить русскихъ изъ низовьевъ Сыръ-Дарьи, но добились лишь того, что количество русскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ увеличилось; фортъ Перовскiй былъ основанъ въ 1853 г., какъ самый передовой постъ. Послѣ продолжительнаго спокойствiя, вызваннаго крымской войной, на зло Кокану, была занята Чуйская долина, начиная съ бассейна Или; 24-го iюня 1864 г. палъ Туркестанъ, а 4-го октября — Чимкентъ.

Тѣмъ временемъ вспыхнула война между Бухарой и Коканомъ, и когда русскiе, подъ начальствомъ Михаила Черняева, овладѣли 29-го iюня 1865 г. Ташкентомъ, который бухарцы считали уже своей вѣрной добычей, то они этимъ были вовлечены въ войну съ бухарцами. Послѣ одного безплоднаго похода русскiе разбили на голову при Иджарѣ, 20-го мая 1866 г., бухарское войско; а потомъ генералъ Романовскiй выступилъ противъ Коканскаго ханства, находившагося въ зависимости отъ Бухары, и взялъ здѣсь городъ Ходжентъ. Владѣнiя на Сыръ-Дарьѣ, которыми до тѣхъ поръ управляли изъ Оренбурга, были соединены въ 1867 г. съ владѣнiями на Или (Семирѣчье) въ одно Туркестанское генералъ-губернаторство (до 1878 г.). Моцаффаръ-ад-динъ бухарскiй, который долженъ былъ отказаться отъ Кокана, теперь напрасно старался заключить съ нимъ союзъ противъ русскихъ. И Хива отказала ему въ своей помощи, когда, подъ религiознымъ давленiемъ своего народа, онъ снова началъ готовиться къ вторженiю изъ Самарканда въ новыя русскiя владѣнiя. Но мечъ выпалъ у него изъ рукъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ его поднять: генералъ Константинъ фонъ Кауфманъ неожиданно выступилъ къ Самарканду, побѣдилъ превосходившихъ его численностью бухарцевъ и 14-го мая 1868 г. вступилъ въ древнюю столицу Тимура. Потерпѣвшая пораженiе Бухара

14*

должна была уступить долину Зерафшана съ Самаркандомъ и тѣмъ потеряла одну изъ лучшихъ своихъ провинцій. Въ сущности для Бухары было счастьемъ, что Россія получила такимъ образомъ прочную пограничную линію въ культурной странѣ; только этимъ можно объяснить, что она не настаивала на полномъ подчиненіи и сохранила за царствующимъ бухарскимъ домомъ его власть, хотя и очень ограниченную. Россія поддержала даже впослѣдствіи эмира бухарскаго (ум. 12-го ноября 1885 г.) и сына его Сеидъ Абдулъ-Ахада во время возстаній его подданныхъ.

Съ проникновеніемъ въ Туркестанъ русскіе вступили въ страну, которая издревле владѣла среднеазіатской торговлей и путями, идущими черезъ бассейнъ Тарима; какъ ни пала тогда торговля, все же она являлась еще важнымъ источникомъ богатства и политическаго могущества. Россія уже давно старалась вступить въ сношенія съ Яркандомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ возстаніе дунгановъ и успѣхи Якубъ Бега въ бассейнѣ Тарима (стр. 184) сдѣлали невозможными непосредственныя сношенія съ Китаемъ, которыя должны были быть конечной цѣлью русскихъ; они должны были довольствоваться тѣмъ, что заняли Кульджу (1871 г.), исходный пунктъ болѣе сѣвернаго пути, и заставили Якубъ Бега заключить торговый договоръ (1872 г.). Уже тогда въ оставшихся еще независимыми государствахъ Туркестана разгоралось дипломатическое соперничество съ англичанами, съ безпокойствомъ смотрѣвшими на расширеніе русскаго владычества въ Средней Азіи; въ то время, какъ русскіе стремились направить торговлю бассейна Тарима въ свои владѣнія, англичане завязывали здѣсь торговыя связи съ Индіей. Вездѣ, въ Коканѣ, Бухарѣ и Хивѣ, англійское золото выступало противъ русскихъ штыковъ. Мало-по-малу и Китай, подавивъ возстанія путемъ огромнаго напряженія силъ и овладѣвъ вновь бассейномъ Тарима, выступилъ на сцену, какъ великая держава, съ которой можно было установить твердыя границы; китайцы добились даже возвращенія Кульджи.

Тѣмъ временемъ и на западѣ вновь началась борьба съ Хивой, такъ какъ Сеидъ Мухаммедъ Рахимъ-ханъ не желалъ и не могъ остановить вторженій киргизовъ и туркменовъ въ русскія владѣнія. Весною 1873 г. ханство это подверглось одновременному нападенію съ нѣсколькихъ сторонъ, между прочимъ со стороны Каспійскаго моря. Ханъ не былъ свергнутъ съ престола, но 12-го августа онъ принужденъ былъ отказаться отъ праваго берега и дельты Аму-Дарьи и стать въ вассальную зависимость отъ Россіи. Вскорѣ послѣ того и дни Коканскаго ханства были сочтены: возстаніе, заставившее князя Кудаяра спастись бѣгствомъ въ 1875 г., дало русскимъ удобный поводъ для вторженія въ страну. Наконецъ, 3-го марта 1876 г. весь остатокъ отъ Кокансказо ханства, Фергана, былъ просто присоединенъ къ русской имперіи. Этимъ въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ Туркестана достигнуто было такое положеніе дѣлъ, которое обѣщало сохраниться надолго: къ русскимъ владѣніямъ, степные обитатели которыхъ могли уже считаться покоренными, прилегали подчиненныя русскому вліянію ханства Хива и Бухара, которыя представляли безопасную границу и въ полномъ присоединеніи которыхъ русская имперія совсѣмъ не была заинтересована.

Иначе обстояли дѣла на западѣ, въ степяхъ между Каспійскимъ моремъ и Аму-Дарьей. Здѣсь жили еще необузданныя разбойничьи племена туркменовъ, которыхъ покоренная Хива столь же мало, какъ и прежде, могла сдерживать и замиреніе которыхъ возможно было лишь подъ условіемъ, если бы граница была продолжена до южныхъ предѣловъ степей и до персидскихъ владѣній. Многократныя попытки запугать ихъ съ сѣвера мелкими походами не увѣнчались успѣхомъ. Болѣе прочные результаты получались лишь тогда, когда наступали на непріятельскія владѣнія съ фланга, со стороны Каспійскаго моря, причемъ старались проникнуть со

стороны устья Атрека въ цѣпь оазовъ или со стороны Красноводска, у подошвы пограничныхъ горъ Персіи, въ главный опорный пунктъ туркменскаго могущества. Первая попытка этого рода, въ 1879 г., не удалась. Но уже черезъ годъ начался новый походъ подъ начальствомъ генерала Михаила Скобелеђа; на этотъ разъ одновременно съ движеніемъ впередъ арміи стали прокладывать желѣзную дорогу, первый участокъ позднѣйшей Закаспійской желѣзной дороги, которая доходитъ уже теперь до Самарканда и открыла новый путь для всемірной торговли. Судьба туркменовъ была отнынѣ очень быстро рѣшена: 24-го января 1881 года была взята геройски защищавшаяся главная крѣпость Геокъ-Тепе и вслѣдъ за тѣмъ были окончательно покорены сѣверные туркмены, текинцы (текке). Въ томъ же году еще въ пограничномъ договорѣ съ Персіей вполнѣ выяснился тотъ фактъ, что и съ этой стороны Россія пріобрѣла сосѣдство съ довольно культурнымъ государствомъ. На юго-востокѣ же движеніе русскихъ могло остановиться лишь на границѣ съ Афганистаномъ. Съ номадами больше не приходилось воевать: туркмены изъ Мерва сами изъявили въ 1884 г. свою покорность. Зато афганцы, подстрекаемые англичанами, старались силою помѣшать дальнѣйшему укрѣпленію русскихъ въ южной части степной области; лишь послѣ пораженія, нанесеннаго русскими войсками, они согласились въ 1887 г. на пограничный договоръ, который доставилъ Россіи желаемую ею позицію. Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги сразу втянуло эти такъ долго пребывавшія въ запустѣніи страны въ сферу міровыхъ сношеній и окончательно обезпечило здѣсь господство русскихъ.

Если бросить общій взглядъ на движеніе русскихъ въ Туркестанѣ, то оказывается, что о грандіозномъ планѣ завоеваній, конечной цѣлью котораго является Индія, и рѣчи быть не можетъ. Мнимая „алчность" русскихъ къ завоеваніямъ объясняется тѣми же мотивами, которые привели и мирный Китай къ границамъ среднеазіатскихъ степей: именно, стремленіемъ включить въ свои окраины территорію безпокойныхъ номадовъ и тѣмъ достигнуть прочнаго замиренія ихъ. Разумѣется, при этомъ можетъ развиться стремленіе къ еще бо́льшему обладанію, которое въ концѣ-концовъ становится цѣлью само-по-себѣ. Въ этомъ могла заключаться опасность, которую въ Англіи предвидѣли гораздо раньше, чѣмъ она была подтверждена дѣйствительными фактами; но сознательнаго стремленія къ тому, чтобы подготовить походъ въ Индію и тѣмъ возобновить традиціи среднеазіатскихъ завоевателей, Россія пока не проявила: ея наступательное движеніе останавливается вездѣ, гдѣ болѣе сильныя государства являются до нѣкоторой степени порукой за сохраненіе твердыхъ границъ. Къ дальнѣйшему движенію на югъ (не говоря уже объ осложненіяхъ въ другихъ частяхъ имперіи, на которыя она могла бы отвѣтить угрозой по отношенію къ Индіи) Россію могло бы побудить лишь желаніе обладать гаванью въ Индійскомъ океанѣ, которая служила бы отдушиной для исполинской материковой страны. Но и въ этомъ случаѣ цѣлью будетъ скорѣе Персія или устье Евфрата, чѣмъ Индія.

γ) Стремленіе къ упроченію своего положенія въ Тихомъ океанѣ (съ 1800 г.).

Событія въ восточной Азіи показали, что необходимость найти свободный выходъ къ морю можетъ на дѣлѣ измѣнить столь ясно начертанную давнишнюю политику Россіи: въ то время, какъ во внутренней Азіи границы между Россіей и Китаемъ, за исключеніемъ Кульджи, почти остались безъ измѣненія, Россія неудержимо подвигается впередъ на востокъ, противъ Китая и Кореи, и вслѣдствіе этого стоитъ предъ рѣшеніемъ труднѣйшихъ задачъ своей политики. Причины этого явленія тѣ же, что и мотивы войны русскихъ со шведами, владѣвшими прибрежьемъ

Балтійскаго моря: именно стремленіе къ широкой позиціи у открытаго моря.

Когда русскіе казаки утвердились на берегахъ Охотскаго моря, то для русскаго государства, центръ котораго былъ отдѣленъ отъ Восточной Сибири безпредѣльными пространствами съ рѣдкимъ населеніемъ, открылось вдругъ совершенно новое положеніе: какъ ни громадно было разстояніе моремъ до гаваней Балтійскаго или Чернаго моря, его все же легче было преодолѣть, чѣмъ болѣе короткое разстояніе черезъ всю Сибирь. Но, помимо этого, открывшаяся возможность сношеній съ культурными странами восточной Азіи и съ ихъ міровой торговлей представляла значительную выгоду для края, прилегавшаго къ Тихому океану; а съ введеніемъ пароходства выгода отъ этого положенія значительно возросла. Съ другой стороны, нельзя было отрицать, что морское положеніе Россіи на Востокѣ было крайне неблагопріятное: берега Охотскаго моря съ прилегавшимъ къ нимъ слабо заселеннымъ материкомъ, съ замерзающими въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ гаванями съ горными цѣпями, возвышающимися непосредственно у самаго побережья, ни въ коемъ случаѣ не благопріятствовали тому, чтобы здѣсь могла развиться оживленная торговля. Улучшеніе этого положенія возможно было лишь путемъ пріобрѣтенія области р. Амура: здѣсь были болѣе удобныя гавани, здѣсь долина этой могучей рѣки открывала путь въ сравнительно богатую внутренность страны и давала возможность болѣе легкаго сношенія съ остальной Сибирью. Китайцы, заселявшіе только правый берегъ верхняго Амура и не имѣвшіе ни крѣпостей, ни колоній по нижнему теченію Амура и по морскому побережью, внушали мало страха. Такимъ образомъ, въ XIX-мъ вѣкѣ снова началось движеніе на югъ, которымъ русскіе уже однажды владѣли отчасти, но который пришлось очистить вслѣдствіе угрозъ маньчжуровъ. Въ 1849 г. на устьяхъ Амура былъ поднятъ безъ сопротивленія русскій флагъ, въ 1851 г. была занята бухта близъ границъ Кореи, гдѣ впослѣдствіи возникъ Владивостокъ, въ 1854 г., съ верховьевъ Амура, гдѣ русскіе имѣли еще съ давнихъ временъ владѣнія, къ устьямъ этой рѣки былъ снаряженъ флотъ, подъ начальствомъ Николая Муравьева („Амурскаго"), и былъ сильнѣе укрѣпленъ Николаевскъ, основанный здѣсь въ 1850 г. Протесты пекинскаго правительства, которое не было въ состояніи рѣшиться на войну, были напрасны; по Айгунскому договору (28-го мая 1858 г.) весь лѣвый берегъ Амура былъ признанъ за Россіей, а 14-го ноября 1860 г. былъ присоединенъ бассейнъ Уссури вмѣстѣ со всѣмъ морскимъ побережьемъ вплоть до Кореи.

Такъ какъ съ основаніемъ Владивостока Россія пріобрѣла почти незамерзающую гавань, то дальнѣйшее движеніе ея прекратилось надолго; происходило только дипломатическое соперничество между Россіей и другими державами, въ особенности съ усиливающейся Японіей, изъ-за вліянія въ Кореѣ. Китайское правительство по возможности содѣйствовало колонизаціи Маньчжуріи, причемъ много безпокойства причиняла ему борьба съ разбойничьими бандами, которыя образовались въ пустынныхъ пограничныхъ областяхъ. Лишь успѣхи Японіи въ войнѣ съ Китаемъ въ 1894—1895 гг. заставили Россію вмѣшаться въ дѣла восточной Азіи, такъ какъ она увидѣла, что всѣ ея планы на будущее подвергаются серьезной опасности и что изъ восточно-азіатскаго островного государства развивается великая держава, противъ которой ея собственная позиція при морѣ не могла уже считаться удовлетворительной. Попытка Японіи овладѣть южной Маньчжуріей потерпѣла неудачу. Вмѣсто Японіи Россія заняла Портъ-Артуръ и Таліенванъ при Печилійскомъ заливѣ (договоръ 27-го марта 1898 г.), вынудивъ предварительно согласіе Китая на постройку желѣзной дороги черезъ Маньчжурію (6-го сентября 1896 г.), которая должна была примкнуть къ начатой тѣмъ временемъ великой сибирской дорогѣ (ср. ниже, стр. 217).

Вспыхнувшее въ Китаѣ движеніе противъ иностранцевъ, направленное съ особенной силой противъ русскихъ, сразу измѣнило положеніе дѣлъ и дало поводъ Россіи занять Маньчжурію (1900 г.). Главной причиной, заставляющей русскихъ округлить Маньчжуріей свои владѣнія въ Восточной Сибири, служитъ, повидимому, сознаніе, что пріамурскій край, непригодный для колонизаціи въ широкихъ размѣрахъ, не можетъ служить для русскаго владычества твердой опорой при Тихомъ океанѣ, между тѣмъ какъ Маньчжурія могла бы въ совершенствѣ выполнить эту задачу. Сверхъ того, незамерзающая гавань Портъ-Артура мало пользы приноситъ Россіи до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ полнаго обладанія внутренностью страны и сухопутнымъ сообщеніемъ съ Сибирью. Вмѣстѣ съ тѣмъ задуманъ, кажется, планъ продолжить вездѣ русскія границы за предѣлы степей, вплоть до собственнаго Китая; даже съ Далай-Ламой Россія вступала недавно нѣсколько разъ въ сношенія (стр. 180). Этимъ она перенесла бы на Востокъ и въ сердце нагорной Азіи ту же политику, которая привела ее на западѣ къ границамъ Афганистана и къ вратамъ Индіи; политическое и экономическое господство надъ Китаемъ было бы естественнымъ слѣдствіемъ этого.[1]

Въ то время, какъ путемъ долгой борьбы завоевывались выгодныя границы, экономическое положеніе Сибири претерпѣло много превращеній. Первыми колонизаторами Сибири были казаки, которые поставили себя по отношенію къ гиперборейцамъ на правахъ господъ, собирали ясакъ и хотя, правда, были нисколько не хуже испанскихъ или англійскихъ конквистадоровъ, все же во многихъ отношеніяхъ явились виновниками необыкновеннаго уменьшенія населенія; возстанія туземцевъ, въ которыхъ не было недостатка (таково возстаніе на Камчаткѣ въ 1731 г.), ускорили этотъ процессъ. Но и тогда, когда положеніе дѣлъ было болѣе упорядочено, уменьшеніе туземнаго населенія продолжалось съ той же силой. С. Паткановъ, подробно изслѣдовавшій положеніе иртышскихъ остяковъ, указываетъ на ничтожный и безъ того ростъ туземнаго населенія, который неминуемо долженъ останавливаться или регрессировать, коль скоро увеличивается число смертныхъ случаевъ; поэтому-то занесенныя европейцами заразительныя болѣзни, въ особенности оспа и тифъ, производятъ страшныя и продолжительныя опустошенія. Еще болѣе роковое дѣйствіе оказываетъ водка и не столько вырожденіемъ и распущенностью, къ которой она ведетъ, а гораздо больше тѣмъ, что пьяныя матери не заботятся о своихъ дѣтяхъ, которыя гибнутъ поэтому въ раннемъ дѣтствѣ. Къ этому присоединяются перемѣны экономическія, уменьшеніе дичи и появленіе русскихъ крестьянъ въ остяцкихъ общинахъ; лишь только русскіе оказываются въ большинствѣ, они распоряжаются общинными землями исключительно въ своихъ интересахъ и тѣмъ чувствительно уменьшаютъ источники существованія туземцевъ. Слѣдствіемъ этого являются обнищаніе, недоимки и закабаленіе за долги, что опять-таки неблагопріятно вліяетъ на ростъ населенія. Но, во всякомъ случаѣ, уменьшеніе роста идетъ не настолько быстро, чтобы нельзя было ожидать благопріятныхъ перемѣнъ отъ улучшенія ихъ положенія, такъ какъ въ общемъ остяки ни въ коемъ случаѣ не выказали себя неспособными приспособляться къ требованіямъ высшей культуры. То же, что у остяковъ, должно наблюдаться и у большинства племенъ Сѣверной Сибири.

Все, что стекалось въ Сибирь изъ Россіи, кромѣ казаковъ, еще менѣе, чѣмъ эти послѣдніе, было способно къ правильной колонизаціи и къ заселенію земель, пригодныхъ для земледѣлія. Отчасти для того, чтобы по-

---

[1] 27 января 1904 г. началась война между Японіей и Россіей, которой суждено окончательно рѣшить вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ задачъ Россіи на крайнемъ Востокѣ Азіи. Примѣч. перев.

мочь этой бѣдѣ, отчасти по другимъ основаніямъ, уже въ половинѣ XVII столѣтія стали ссылать въ Сибирь преступниковъ, а также насильно поселять тамъ военноплѣнныхъ, въ особенности поляковъ. Господствовавшій въ сибирской жизни духъ авантюризма, непостоянства, казацкаго молодечества еще болѣе усиливался благодаря этому и долгое время служилъ препятствіемъ къ здоровому развитію. Другимъ препятствіемъ служила привычка чиновниковъ смотрѣть на страну, какъ на источникъ своихъ доходовъ, для увеличенія которыхъ они не останавливались ни передъ какими средствами. Лишь къ концу XVIII вѣка стали примѣнять и къ заброшенной Сибири усовершенствованныя системы управленія запада. Колонизація свободными крестьянами, попытки которой были сдѣланы и раньше, стала теперь проводиться болѣе планомѣрно, хотя и не всегда успѣшно: такъ какъ черезъ культурную полосу Сибири проходилъ торговый путь изъ Китая въ Россію, то бóльшая часть поселенцевъ находила болѣе выгоднымъ посвятить себя торговлѣ или извозному промыслу, нежели расчищенію лѣсовъ и обработкѣ полей, тѣмъ болѣе, что торговля или извозъ давали возможность легче ускользнуть отъ притѣсненій чиновниковъ. Благодѣтельное вліяніе на улучшеніе такого положенія дѣлъ оказалъ короткій періодъ реформъ Михаила Сперанскаго (1819—1821 гг.; ср. т. VIII). Много способствовало росту Сибири начавшееся въ 1723 г. на Алтаѣ горное дѣло, которому пришлось только воскресить здѣсь старыя традиціи этого прежняго центра культуры. До какой степени бóльшая часть Сибири оставалась тѣмъ не менѣе въ пренебреженіи и въ общемъ совершенно неизвѣстной, видно изъ того, что даже въ земледѣльческой полосѣ Сибири новыя поселенія часто по многу лѣтъ оставались неизвѣстными чиновникамъ, пока только случайно не открывали ихъ и не привлекали къ податному обложенію; лишь благодаря самоотверженнымъ изслѣдованіямъ многочисленныхъ ученыхъ страна эта была лучше изучена. Духовная жизнь Сибири развивалась очень медленно, хотя значительное количество образованныхъ ссыльныхъ оказывало свое вліяніе. Благопріятное вліяніе оказало основаніе томскаго университета въ 1888 году, за которымъ послѣдовало 31-го декабря 1900 года освященіе перваго сибирскаго политехникума. Въ ноябрѣ 1899 года во Владивостокѣ открыто первое высшее учебное заведеніе для Восточной Сибири (Восточный Институтъ).

Наибольшее же значеніе для всего будущаго развитія Сибири должно будетъ имѣть проведеніе сибирской желѣзной дороги, которая связываетъ Востокъ съ Западомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно упрочиваетъ положеніе Россіи на Тихомъ океанѣ, которое уже давно укрѣпляется цѣлесообразной колонизаціей Амурскаго края.

Постройка желѣзной дороги начата по указу Императора Александра III отъ 29-го марта 1891 г. Дорога начинается у Челябинска, на южномъ Уралѣ, и пересѣкаетъ Западную Сибирь приблизительно подъ 55⁰ широты, проходитъ черезъ Омскъ, Томскъ и Красноярскъ, потомъ направляется на юго-востокъ, въ Иркутскъ, обходитъ Байкальское озеро, пересѣкаетъ Забайкальскую область, потомъ спускается по лѣвому берегу Амура до Хабаровска и, наконецъ, направляется на югъ къ Владивостоку. До окончательной постройки линіи мѣстами, на Байкальскомъ озерѣ и на Амурѣ, ее дополняетъ пароходное сообщеніе. Тѣмъ временемъ приступлено къ постройкѣ „восточно-китайской дороги", представляющей продолженіе сибирской и ведущей изъ верховьевъ Амура въ Маньчжурію; въ настоящее время ее продолжаютъ до Портъ-Артура и Таліенвана. Постройка дороги начата одновременно въ разныхъ пунктахъ, въ томъ числѣ и со стороны Тихаго океана, у Владивостока, гдѣ тогдашній Наслѣдникъ и нынѣ царствующій Государь Николай II-й сдѣлалъ 19-го мая 1891 г. первый ударъ заступомъ. Въ 1901 г. была закончена постройка трудной линіи по южному берегу Бай-

кальскаго озера, и къ началу 1902 г. все грандіозное сооруженіе было вчернѣ готово. [1]

Къ концу XIX столѣтія упомянутая выше колонизація Сибири свободными русскими переселенцами также сдѣлала крупные шаги, поводомъ къ чему косвеннымъ образомъ послужилъ необычайный приростъ прежде столь рѣдкаго населенія Европейской Россіи. Особенный толчокъ дала начатая тогда постройка желѣзной дороги, такъ какъ теперь открылась возможность вывозить въ бо́льшихъ размѣрахъ продукты земледѣлія, а въ западной части дорога пересѣкаетъ плодородную черноземную полосу. Въ 1800 г. европейское населеніе Сибири насчитывало всего около полумилліона жителей. Медленный ростъ населенія въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія, съ отмѣной крѣпостного права въ 1861 г., пошелъ болѣе ускореннымъ темпомъ, который становился потомъ все быстрѣе и быстрѣе. Въ 1860—80 гг. число свободныхъ переселенцевъ равнялось 110.000; въ 1880—92 гг. тамъ поселилось уже 467.000 новыхъ колонистовъ, а въ 1892—99 гг. число лицъ, устремившихся въ Сибирь, равнялось уже цѣлому милліону.

Уже первая желѣзнодорожная линія (Пермь-Екатеринбургъ-Тюмень), перешагнувшая въ 1881 г. черезъ Уралъ, повела за собою значительный ростъ колонизаціи. Съ 1889 г. дѣйствуетъ законъ, по которому всякій, переселившійся съ разрѣшенія правительства, получаетъ въ собственность 15 десятинъ земли и освобожденіе отъ воинской повинности на 9 лѣтъ; а тѣ, которые переселялись въ Пріамурскій край, были поставлены еще лучше. Большинство поселеній возникаетъ, естественно, вдоль желѣзнодорожной линіи, подъ руководствомъ Комитета сибирской желѣзной дороги, который вмѣстѣ съ тѣмъ воздвигаетъ церкви и школы и всячески способствуетъ благоустройству переселенцевъ. Не пренебрегали при этомъ и водными путями: напр., пароходный флотъ по р. Оби возросъ въ теченіе 1880—98 гг. съ 37 до 120 судовъ. Такимъ образомъ, всюду происходитъ движеніе, которое, несмотря на всѣ неудачи, должно оказать самое серьезное вліяніе на будущее Сѣверной, а, косвеннымъ образомъ, и Средней Азіи.

Тяжелые сельскохозяйственные кризисы не пощадятъ, конечно, и Сибири. Уже теперь оказывается, что во многихъ случаяхъ переселеніе произошло слишкомъ поспѣшно и земля непригодна. Въ то время, какъ изъ голодныхъ мѣстъ Россіи все еще устремляются въ Сибирь толпы бѣдныхъ переселенцевъ, навстрѣчу имъ движется уже обратный потокъ голодныхъ, разочаровавшихся, стремящихся къ старому пепелищу. Кромѣ того, сельскому хозяйству Сибири, начиная съ границы полярныхъ странъ, въ старой полосѣ лѣсовъ, и кончая степными областями, болѣе, чѣмъ гдѣлибо, угрожаютъ неблагопріятныя физическія условія. Даже поселенцамъ на Амурѣ приходится бороться съ неожиданными затрудненіями.

Отъ опаснаго средства колонизаціи страны преступниками или политически неблагонадежными элементами, повидимому, готовы отказаться. Въ 1899 г., по приказанію Императора Николая II, была учреждена коммиссія, которой поручено было разработать вопросъ объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь. Это начало конца того учрежденія, которое придавало колонизаціи Сибири и нарождающейся общественности тяжелый отпечатокъ. Ссылка въ Сибирь политически неудобныхъ элементовъ началась уже давно; первый достовѣрный случай имѣлъ мѣсто въ 1599 г. Исправительной колоніей для уголовныхъ преступниковъ Сибирь стала съ 1653 г. (стр.

---

[1] Въ настоящее время (май 1904 г.) осталась недостроенной только кругобайкальская вѣтвь. Амурская вѣтвь (по первоначальному плану) не была построена и замѣнена Маньчжурской дорогой, отъ которой идетъ вѣтвь къ линіи Уссурійской и Владивостоку. По всей дорогѣ установлено регулярное движеніе. Примѣч. перев.

216); но въ то же время ссылали на далекій востокъ немало честныхъ и умныхъ людей лишь по политическимъ соображеніямъ. О дальнѣйшей судьбѣ сосланныхъ мало заботились. Большинство, вѣроятно, погибало. Другіе, напротивъ, являлись здѣсь піонерами культуры; такъ, первый толчокъ къ развитію горнаго дѣла на Алтаѣ былъ данъ ссыльными. Лишь въ 1754 г. началось регулированіе ссылки и занятій ссыльныхъ, причемъ между ними различали двѣ группы: преступниковъ, осужденныхъ на каторгу, и ссыльно-поселенцевъ. Въ XIX вѣкѣ бунтъ декабристовъ (т. VIII), польскіе мятежи и нигилистическое движеніе привели въ Сибирь множество образованныхъ людей. Трудно подвести итогъ вліянію ссыльныхъ на развитіе Сибири; во всякомъ случаѣ, было бы ошибочно разсматривать его только съ отрицательной стороны. Но съ отмѣной законовъ о ссылкѣ, которые, быть можетъ, для самой Россіи были еще болѣе опасными, для Сибири наступитъ періодъ экономическаго, нравственнаго и духовнаго подъема.

III. Австралія и Океанія.

Проф. д-ра **Карла Вейле.**

1. Введеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что юго-восточная часть Австраліи, съ лежащимъ предъ нею островомъ (Новой Зеландіей), предназначена господствовать со временемъ надъ всею океаническою половиною земного шара.
Карлъ Е. Мейнике, 1836.

Въ противоположность французскому обозначенію, охватывающему подъ общимъ именемъ Океаніи австралійскій материкъ вмѣстѣ со всѣмъ обширнымъ островнымъ міромъ Тихаго океана, поскольку онъ не относится къ Индонезіи и къ юго-восточному берегу Азіи, нѣмецкіе ученые, не слѣдуя столь широкому опредѣленію, все еще раздѣляютъ эту громадную область на двѣ половины, противупоставляя австралійскому материку—Океанію въ болѣе узкомъ смыслѣ, какъ понятіе, заключающее въ себѣ только острова Полинезіи, Микронезіи и Меланезіи. Въ основу такого раздѣленія легли въ равной мѣрѣ какъ условія антропологическо-географическія, такъ и географическія. Оно противополагаетъ, съ одной стороны, компактной массѣ австралійскаго материка разбросанный на обширномъ пространствѣ, но очень незначительный по величинѣ своей поверхности, островной міръ; съ другой — противополагаетъ австралійцу материка, какъ нѣчто сомкнутое, островное населеніе, хотя и различное въ антропологическомъ, но, благодаря воздѣйствію одинаковыхъ повсюду условій природы, значительно сближающееся въ этнографическомъ отношеніи.

Для исторіографіи, поскольку вообще можетъ быть о ней рѣчь по отношенію къ туземнымъ народамъ Южнаго моря, едва ли необходимо было бы слѣдовать этому примѣру. Хотя между исторіей народовъ островныхъ и народовъ материка существуетъ то различіе, что культурное развитіе первыхъ достигло повсюду болѣе высокой степени, чѣмъ въ Новой Голландіи; къ тому же нѣкоторое небольшое число архипелаговъ можетъ указать въ своемъ прошломъ на извѣстную самостоятельность политическаго развитія, тогда какъ материкъ, поскольку это относится къ туземному населенію, сильно отсталъ какъ въ той, такъ и въ другой области, — въ политическомъ же отношеніи онъ, собственно, не выказываетъ вообще никакихъ признаковъ эволюціи, — тѣмъ не менѣе различіе не такъ ужъ рѣзко выражено, чтобы обусловливать раздѣленіе этой области на двѣ половины. Оно явилось бы неизбѣжнымъ, коль скоро та или другая половина, выйдя изъ своихъ рамокъ, приняла бы активное участіе въ исторической жизни остальныхъ народовъ; или же, если бы одна изъ нихъ подпала вліянію этой послѣдней въ значительно большей степени, чѣмъ другая. Здѣсь мы не видимъ ни того, ни другого. Въ дѣйствительности исторія всей этой обширной области, отъ Новой Зеландіи на югѣ до Гаваи на сѣверѣ и отъ Новой Гвинеи и Каролинскихъ острововъ на западѣ до острова Пасхи на востокѣ, — характеризуется замѣчательной изолированностью. Лишь крайній западъ: Маріанскіе острова съ Каролинскимъ архипелагомъ и Палаусскими островами, западная часть Новой Гвинеи и сѣверо-западная Австралія оставляютъ по временамъ эту замкнутость для бѣглаго боль-

шею частью и не всегда даже добровольнаго соприкосновенія съ сосѣдними, исторически болѣе тяготѣвшими къ распространенію, народностями; вся же остальная часть, материкъ и острова, живутъ своею собственною маленькою историческою жизнью въ строго очерченныхъ границахъ родной страны.

Если при такихъ обстоятельствахъ мы тѣмъ не менѣе придерживаемся обычнаго раздѣленія, то побуждаютъ насъ къ этому слѣдующія причины. Прежде всего чисто внѣшняя: мы примѣняемся къ господствующему дѣленію, принятому въ столь близкихъ къ исторіи отрасляхъ, какъ географія и народовѣдѣніе. Безъ настоятельной причины ни одна отрасль науки не должна никогда нарушать или совершенно отбрасывать классификаціи, принятыя въ другихъ ея отрасляхъ. Тѣмъ меньше повода къ этому здѣсь, гдѣ немало времени понадобилось, чтобы вообще добиться яснаго и удовлетворительнаго раздѣленія. Вторая причина — это приведенныя выше противоположности въ степени культуры и политической самобытности обѣихъ главныхъ областей. Въ особенности большое ядро островного міра съ Фиджи, Самоа и Тонга и сѣверный и южный столпы, которые представляютъ собою Гаваи и Новая Зеландія, имѣютъ право быть выдѣленными на основаніи своей исторической самобытности. Наконецъ, послѣдняя и самая важная причина къ территоріальному раздѣленію находится въ связи съ тѣми перемѣнами, которыя произошли въ Южномъ морѣ, благодаря вмѣшательству извнѣ. Въ наши дни надъ кореннымъ населеніемъ, безъ различія, успѣло ли оно доразвиться когда либо прежде до исторической жизни, или же прозябало какъ народъ „собирателей", налегъ новый, едва насчитывающій немногія столѣтія, чуждый слой европейцевъ, американцевъ, малайцевъ и восточныхъ азіатовъ. Въ Тихомъ океанѣ онъ повсюду взялъ въ свои руки колонизацію, а также и руководящую роль въ политической и экономической жизни. Но въ то время, какъ территоріальная ограниченность не дала возможности ни одной изъ островныхъ группъ достигнуть значенія, которое замѣтно подняло бы ее въ экономическомъ или политическомъ отношеніяхъ надъ кругомъ сосѣднихъ группъ; въ то время, какъ каждая изъ нихъ еще и теперь разсматривается заинтересованными государствами скорѣе съ точки зрѣнія стратегическаго опорнаго пункта въ многообѣщающемъ Тихомъ океанѣ, — развитіе австралійскаго материка съ господствомъ пришлыхъ европейцевъ достигло такихъ размѣровъ, что въ настоящее время, въ какое-нибудь столѣтіе отъ начала колонизаціи, его уже ни въ какомъ отношеніи нельзя сравнивать съ островнымъ міромъ.

Главное различіе состоитъ прежде всего въ полномъ, впрочемъ, легко объяснимомъ, устраненіи туземнаго населенія отъ сотрудничества; на островахъ же это населеніе нигдѣ нельзя было оттѣснить. На небольшихъ островахъ Микронезіи и Полинезіи, гдѣ колонизаторская дѣятельность бѣлыхъ ограничивается эксплуатаціей немногихъ годныхъ для мірового рынка естественныхъ богатствъ, — туземецъ или хотя бы пришлый океаніецъ является неизбѣжнымъ сотрудникомъ бѣлаго. На центральныхъ группахъ, островахъ Фиджи, Самоа и Тонга, населеніе, относительно значительное, оставалось такимъ же безучастнымъ къ экономическимъ стремленіямъ бѣлыхъ, какъ туземецъ материка; но въ политическомъ отношеніи соприкосновеніе съ чужеземцами не осталось для него безъ послѣдствій: въ то время, какъ до открытія здѣсь повсюду господствовали формы простого островного государства или совершенно неурегулированныя отношенія, въ теченіе XIX столѣтія отдѣльныя группы соединяются въ болѣе или менѣе однородныя государства, въ которыхъ руководящая роль до самаго послѣдняго времени оставалась въ рукахъ туземцевъ. Гаваи и Новая Зеландія, наконецъ, вступили на этотъ путь еще до вмѣшательства бѣлыхъ; они довершили его затѣмъ съ удивительной энергіей, и лишь въ настоящее время соединеннымъ усиліямъ

Т-во Просвѣщеніе въ Спб.

пришельцевъ удалось низвергнуть съ трудомъ возведенное государственное зданіе и оттѣснить совершенно на задній планъ коренное населеніе. И если даже, благодаря своему прошлому и высотѣ своей прежней культуры, оно никогда не опустится до ничтожнаго значенія австралійцевъ, — то его историческая роль все-таки сыграна разъ навсегда. Дальнѣйшее развитіе обѣихъ островныхъ группъ отнынѣ находится точно также исключительно въ рукахъ бѣлыхъ, какъ и въ Австраліи со времени высадки ихъ въ Ботанибеѣ въ 1788 г.

Въ Новой Зеландіи эта перемѣна наступила значительно раньше, чѣмъ на Гавайскихъ островахъ, благодаря близости австралійскаго материка, примѣнившаго свои молодыя силы прежде всего на этомъ, лежащемъ какъ разъ у него на виду, двойномъ островѣ. Между обѣими странами завязались вскорѣ сношенія, становившіяся съ теченіемъ времени все болѣе тѣсными. Лишь въ недавнее время Новая Зеландія нѣсколько отстала, не пожелавъ присоединиться къ осуществившейся, наконецъ, федераціи австралійскихъ государствъ. Сохранитъ ли она надолго это обособленное положеніе — покажетъ будущее. Съ точки зрѣнія географическаго положенія ничто не заставляетъ ее примкнуть къ своему могучему въ территоріальномъ отношеніи сосѣду; напротивъ, все скорѣе говоритъ въ пользу обособленности. Тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ нельзя сомнѣваться относительно будущности этого двойного острова; его положеніе какъ разъ у широко открывающагося къ югу Тихаго океана слишкомъ благопріятно, чтобы на его долю не выпало главное участіе въ будущей исторіи Тихаго океана.

Своеобразное положеніе въ общей картинѣ занимаетъ Меланезія (см. прилагаемую карту „Океанія“). Если къ ней приложить территоріальный масштабъ, то ея небольшіе острова можно по-просту причислить къ родственнымъ образованіямъ Микронезіи и Полинезіи; такъ же ничтожны они и въ историческомъ отношеніи. Къ болѣе обширнымъ группамъ, какъ Архипелагъ Бисмарка, Соломоновы острова, Новыя Гебриды и Новая Каледонія, этотъ масштабъ уже не приложимъ. Каждая изъ этихъ группъ по своему пространству и количеству народонаселенія могла бы имѣть свою исторію, по важности соотвѣтствующую по крайней мѣрѣ среднеокеанійской. Но что же мы видимъ? Если оставить въ сторонѣ Фиджи, носящіе на себѣ въ политическомъ отношеніи еще болѣе, чѣмъ въ антропологическомъ и этнографическомъ, печать полинезійскую, ни одна изъ группъ не достигла какой-либо формы государственнаго устройства, которая бы поднялась надъ государствомъ-деревнею. О сколько-нибудь замѣтномъ соучастіи въ исторической жизни здѣсь, слѣдовательно, не приходится и говорить. Съ другой же стороны, здѣсь нѣтъ и долготерпѣнія сосѣдняго австралійца, по крайней мѣрѣ до поры до времени, такъ какъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ еще ни одна изъ этихъ островныхъ группъ не захвачена бѣлыми въ смыслѣ культурнаго очага. Только тогда, когда это случится, можетъ проявиться и историческій характеръ меланезійцевъ. Однако, едва ли можно утверждать, чтобы шансы ихъ на болѣе замѣтную роль, даже въ томъ случаѣ, если бы они, съ своей стороны, имѣли къ тому всѣ необходимыя данныя, — были велики, принимая во вниманіе современныя условія на Тихомъ океанѣ и общее міровое его положеніе. Благодаря этому послѣднему, Тихій океанъ въ настоящее время оказался въ центрѣ общихъ интересовъ, и флотиліи всѣхъ колоніальныхъ государствъ постоянно крейсируютъ въ немъ. Такимъ образомъ, океанійскій островной міръ уже пересталъ быть тою отдаленною частью земной поверхности, какою онъ былъ въ прежнія времена и даже еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Къ этому присоединяется еще сильное экономическое соревнованіе всѣхъ націй также и въ этой области; словомъ, все указываетъ на то, что туземцамъ придется съ самаго начала

удовольствоваться нѣмою ролью зрителей. Если предположить при этомъ, что болѣе живые и предпріимчивые меланезійцы сумѣютъ противостоять такому оттѣсненію, какое постигло австралійцевъ, — то, съ другой стороны, невозможно допустить и сплоченія ихъ въ бóльшіе союзы, хотя бы уже по одному тому, что ихъ раздѣляетъ множество нарѣчій, не говоря уже о безграничномъ недовѣріи одного племени къ другому.

Таково положеніе дѣлъ, какъ по отношенію къ островнымъ группамъ, такъ, еще въ большей степени, и въ отношеніи Новой Гвинеи. Этотъ островъ-гигантъ, превосходящій по величинѣ японское и британское островныя государства, взятыя вмѣстѣ, въ историческомъ отношеніи стоитъ особнякомъ не только въ Тихомъ океанѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ; только Борнео еще нѣсколько напоминаетъ его. Своею обширностью и, повидимому, также своими естественными богатствами, призванная достигнуть владычества надъ всѣмъ индонезійско-океаническимъ островнымъ міромъ, Новая Гвинея имѣетъ прежде всего ту невыгоду, что лежитъ въ непосредственной близи отъ несравненно болѣе громадной Австраліи, а именно съ ея пустынной стороны. Тогда какъ лежащая съ лицевой стороны материка Новая Зеландія почти одновременно съ нимъ была вовлечена въ живой ходъ развитія, Новая Гвинея дольше всѣхъ другихъ большихъ острововъ земного шара оставалась забытой въ своемъ углу. Лишь подъ напоромъ недавнихъ захватовъ современныхъ колоніальныхъ государствъ вспомнили и о ней, причемъ ее постигла новая неудача, и она не была пріобщена къ своей естественной сосѣдкѣ — Австраліи, а была раздѣлена ни болѣе ни менѣе, какъ между тремя государствами, преслѣдующими совершенно противоположные интересы. Хотя противоестественность такого порядка вещей еще не очень даетъ себя чувствовать въ настоящее время, съ его робкими еще начинаніями, но придетъ пора, когда вся его невыгода сдѣлается очевидной. Стороной страдающей является прежде всего сама Новая Гвинея, а затѣмъ Австралія. Хотя Британская Новая Гвинея имѣетъ то преимущество, что образуетъ противоположный сѣверо-восточной Австраліи берегъ,—положеніе, которое повсюду и всегда въ исторіи человѣчества оказывалось выгоднымъ, но зато передъ нею не имѣется открытаго моря, и въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ, напр., германской части Новой Гвинеи, — странѣ Императора Вильгельма. Англо-австралійскія колоніи сознали, впрочемъ, невыгоду такого положенія еще задолго до начала новой колоніальной эры, такъ какъ вообще онѣ всегда имѣли правильный взглядъ на особенности и значеніе своего географическаго положенія. Южное море онѣ любятъ называть „своимъ океаномъ", и всѣмъ памятно еще, какъ на зарѣ колонизаціи колонія Куинслэндъ предъявила свое „естественное право владѣнія" на все пространство отъ Новой Гвинеи на западѣ и до Фиджи на востокѣ. Это сомнительное тогда для всѣхъ наслѣдіе взяла на себя теперь великая федерація австралійскихъ государствъ.

Источники для исторіи Австраліи и Океаніи различны по характеру и по достоинству, смотря по тому, касаются ли они эпохи до или послѣ нашествія бѣлыхъ. Относительно новаго времени, какъ съ полнымъ правомъ называютъ здѣсь періодъ отъ окончательнаго открытія острововъ до нашихъ дней, мы въ общемъ снабжены достаточными свѣдѣніями, благодаря описаніямъ миссіонеровъ и путешественниковъ; зато ничего достовѣрнаго не имѣется для исторіи всей предшествующей эпохи. Здѣсь выступаютъ преданія, да и тѣ не охватываютъ всей области, а ограничиваются лишь Полинезіей, гдѣ онѣ выступаютъ такъ ярко, какъ, быть можетъ, ни у одного изъ примитивныхъ народовъ. Все лѣтосчисленіе построено на родовомъ началѣ; у отдѣльныхъ группъ острововъ роды насчитываются длинными рядами. Такъ, Раротонга указываетъ на 30 генерацій, Новая Зеландія со времени переселенія маори отъ 15 до 20, королевская

линія Мангаревы 27. Гаваи со своими 67 предками Камеамеа I и Нукагива съ 88 родами далеко превосходятъ вышеприведенныя цифры; однако здѣсь, очевидно, къ родословной властителей примѣшиваются поколѣнія боговъ и духовъ.

Если на основаніи ужъ одного вышеизложеннаго преданіе, какъ источникъ, отличается неясностью, теряетъ отчасти свою цѣнность и является сомнительнымъ, то и по другимъ причинамъ имъ можно пользоваться лишь условно. Какой бы интересъ ни представляло для излѣдователя болѣе подробное изученіе отдѣльной области, на общую исторію человѣчества не можетъ имѣть никакого вліянія, жило ли и дѣйствовало ли на какомъ нибудь затерянномъ въ далекомъ Тихомъ океанѣ островѣ двумя-тремя вождями болѣе или менѣе того или другого имени. Важно достовѣрное знаніе общаго ихъ числа лишь тѣмъ, что оно даетъ возможность установить приблизительно начало жизни племени на мѣстахъ его современнаго жительства, чѣмъ пріобрѣтается точка опоры и для установленія эпохи первыхъ переселеній полинезійцевъ въ Южномъ морѣ. Выясненіемъ этого вопроса занята первая общая часть нашихъ, посвященныхъ Океаніи, изслѣдованій. Вторая, въ болѣе узкомъ смыслѣ историческая часть, начинается повсюду только съ появленіемъ европейцевъ. И только съ этого времени начинаетъ быть замѣтной взаимность отношеній между Южнымъ моремъ и остальнымъ міромъ.

На долю народовѣдѣнія, какъ вспомогательной исторической науки, выпала относительно Океаніи, пожалуй, еще болѣе трудная задача, чѣмъ относительно Африки (ср. т. III). Прежде всего только она въ состояніи установить отношенія между отдѣльными большими народными группами въ самой области; здѣсь не имѣется другого метода помимо сравнительныхъ антропологическо - этнографическихъ наблюденій. Болѣе важной, но и несравненно болѣе трудной, является другая задача: рѣшеніе вопроса о происхожденіи и этнической связи полинезійцевъ. Задача эта еще и по сю пору остается нерѣшенной, несмотря на труды многочисленныхъ изслѣдователей. Можно, однако, не только предположить, но и надѣяться, что рѣшеніе будетъ найдено и притомъ при помощи этнографіи.

2. Австралія и Тасманія, какъ части обитаемой земли.

А. **Австралія.**

а) Положеніе Австраліи.

Положеніе Австраліи съ точки зрѣнія всемірной исторіи и исторіи культуры лучше всего характеризуется, какъ конечное или окраинное. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ Африкой, особенно съ ея южной половиной: подобно тому, какъ эта послѣдняя къ западу выступаетъ въ узкій, почти лишенный острововъ Атлантическій океанъ, а къ югу въ пустынное и негостепріимное Антарктическое море, — такъ вокругъ западной и южной половины Австраліи простирается обширная водная пустыня южныхъ частей Индійскаго и Тихаго океана; и такъ же, какъ изъ всѣхъ народностей Африки именно жители ея западной и южной частей остались наиболѣе чуждыми морю, такъ и соотвѣтствующія области Австраліи менѣе всего въ состояніи были пріохотить къ нему населеніе. Даже въ нынѣшнее, богатое сношеніями время, когда бѣлый не оставляетъ въ сторонѣ и наименѣе привлекательныхъ областей, югъ и юго-западъ Австраліи во всѣхъ отношеніяхъ остаются еще позади другихъ частей материка. Открытое положеніе Австраліи нарушается только къ востоку; здѣсь передъ нами богато развитой остров-

ной міръ, производящій, по крайней мѣрѣ на нашихъ картахъ, впечатлѣніе большой сплоченности. Въ дѣйствительности же этотъ восточный островной міръ меркнетъ какъ предъ обширнымъ воднымъ пространствомъ, такъ и предъ материкомъ; со своимъ крошечнымъ территоріальнымъ протяженіемъ, онъ, не считая Новой Зеландіи, не можетъ быть принятъ въ разсчетъ даже въ смыслѣ противолежащаго побережья, которое могло бы имѣть историческое значеніе для континента.

Такимъ образомъ, Австралія является самой островной изъ всѣхъ частей свѣта. Она была бы совершенно изолированной отъ остальныхъ материковъ, если бы въ одномъ по крайней мѣрѣ направленіи,— къ сѣверо-западу, — не лежало между нею и юго-восточнымъ краемъ Азіи нѣсколько болѣе тѣсное скопленіе острововъ въ видѣ Индонезіи. Эта островная группа располагаетъ бóльшими массами суши, чѣмъ ея океаническое продолженіе, и острова въ ней расположены тѣснѣе, благодаря чему она является какъ бы мостомъ для переселенія народовъ. Такую службу эти острова несомнѣнно и сослужили; по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ австралійскихъ растеній и животныхъ удалось доказать переходъ ихъ изъ Азіи; весьма вѣроятно, поэтому, что также и предокъ нынѣшняго новоголландца перешелъ черезъ Индонезійскій мостъ.

Если мы, въ виду подобныхъ обстоятельствъ, причислимъ Австралію къ Старому Свѣту, то поступимъ вполнѣ правильно; побуждаютъ насъ къ этому, однако, не столько указанные выше важные біогеографическіе факты, сколько современныя государственныя и культурныя условія Австраліи, складывающіяся вполнѣ по образцу культуръ Стараго Свѣта. Однако первыя изъ вышеприведенныхъ соображеній представляютъ большій интересъ и имѣютъ большее историческое значеніе, такъ какъ одновременно съ Австраліей онѣ захватываетъ въ свой кругозоръ также и всю Океанію, біогеографическая зависимость которой отъ Азіи выступаетъ гораздо рѣзче, чѣмъ зависимость Австраліи. Путь къ этимъ обѣимъ областямъ почти одинъ и тотъ же.

Окраинное положеніе Австраліи создало для ея коренныхъ жителей тѣ же условія, которыя мы находимъ у всѣхъ примитивныхъ народовъ, находящихся въ такомъ или же подобномъ положеніи: все развитіе ихъ культуры носитъ характеръ обособленности. Эта неблагопріятная сторона географическаго положенія ничуть не измѣняется отъ разнообразія внутреннихъ формъ. Развитіе береговой линіи, положимъ, значительнѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ; въ сравненіи съ небольшимъ пространственнымъ протяженіемъ, оно больше, напримѣръ, чѣмъ развитіе береговой линіи Южной Америки и Африки. Своимъ расчлененіемъ на полуострова Австралія также находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ обѣ названныя части свѣта, въ чемъ можно убѣдиться при взглядѣ на карту при стр. 223. Но что за польза туземцамъ отъ этихъ, къ тому же весьма скромныхъ, преимуществъ, если острова и полуострова такъ же безплодны, недоступны и пустынны, какъ и большинство береговыхъ областей и большая часть внутренности самого материка.

b) Устройство поверхности Австраліи.

Устройство поверхности Австраліи уже на первый взглядъ выказываетъ большую бѣдность и однообразіе формъ. По своему вертикальному расчлененію эта часть свѣта представляетъ большое, на востокѣ болѣе высокое, на западѣ болѣе низкое плоскогоріе, понижающееся въ то же время съ сѣвера на югъ. Это плоскогоріе окаймляется горными цѣпями только со своихъ узкихъ сторонъ. Вдоль восточнаго берега, отъ южной оконечности, тянется горная цѣпь, которая, то приближаясь, то удаляясь, слѣдуетъ на недалекомъ разстояніи отъ берега и заканчивается лишь на

мысѣ Іоркъ. Отъ этого большого водораздѣла страна медленно понижается въ юго-западномъ направленіи къ Индійскому океану, прорѣзываясь лишь отдѣльными горными кряжами и горами, которыя безъ связи между собою поднимаются до умѣренной высоты. Западная краевая цѣпь не такъ высока, какъ восточная; но, въ противоположность послѣдней, она переходитъ въ простирающееся далеко внутрь материка плоскогоріе, богатое продолговатыми соляными болотами. На югѣ и сѣверѣ подобные приподнятые глыбовые края отсутствуютъ. Еще полъ-столѣтія тому назадъ они играли большую роль во взглядахъ относительно внутренности материка, такъ какъ ихъ предполагавшееся существованіе превращало послѣднюю въ громадный бассейнъ, въ который воды стекали со всѣхъ сторонъ, образуя большое внутреннее море. Въ настоящее время мы знаемъ, что сѣверъ повышается отъ моря къ внутренности подъ такимъ ничтожнымъ угломъ, что рѣки, вслѣдствіе слабаго и повсюду равномѣрнаго паденія, сильно выступаютъ изъ береговъ послѣ каждаго значительнаго тропическаго дождя. Еще меньшую разницу въ высотахъ мы находимъ внутри материка на югѣ; область озеръ, простирающаяся длинной полосой отъ залива Спенсера къ сѣверу и сѣверо-западу, лежитъ почти уже на уровнѣ моря

c) Орошеніе Австраліи.

Въ тѣсной связи съ этой своеобразной формой поверхности находится орошеніе Австраліи. Ни одинъ изъ ея горныхъ хребтовъ недостаточно высокъ для того, чтобы скопленіемъ снѣговыхъ массъ образовать бассейны для постояннаго питанія рѣкъ; но самый значительный и по своему положенію самый важный изъ нихъ, — хребетъ восточнаго побережья, — достаточно, однако, высокъ для того, чтобы не допускать атмосферную влагу ко всей остальной части континента. Предъ нами здѣсь такія же условія, какъ и въ южной Африкѣ, имѣющей въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи вообще много сходства съ Австраліей. Какъ тамъ приподнятый глыбовый край восточнаго берега осаждаетъ на своихъ причудливо изрѣзанныхъ склонахъ всѣ испаренія, которыя несетъ юго-восточный пассатъ съ Индійскаго океана, такъ и вся влага юго-восточнаго пассата Тихаго океана не переходитъ черезъ край восточно-австралійской горной страны, ко благу колоній Викторіи, Новаго Южнаго Уэльса и Куинслэнда, на которыхъ лежитъ до сихъ поръ и всегда будетъ лежать экономическій и историческій центръ тяжести страны, но къ несчастью для всей остальной внутренней части материка.

Слѣдствіемъ такихъ одностороннихъ условій осадковъ является образованіе только на востокѣ материка дѣйствительно значительной рѣчной системы. Это — система Дарлингъ-Муррея, которая, благодаря отсутствію всякаго водораздѣла внутри страны, распространяетъ область своихъ истоковъ на весь западный склонъ восточно-австралійскаго побережнаго горнаго хребта отъ Новаго Южнаго Уэльса до Куинслэнда. На европейскій масштабъ пространство, заключенное между обѣими рѣками, обнимаетъ треугольникъ, углы котораго образовали бы города Туринъ, Кенигсбергъ и Бѣлградъ; мы, слѣдовательно, имѣемъ здѣсь дѣло съ размѣрами, какіе наша родная часть свѣта можетъ указать развѣ только въ своей восточной половинѣ. Къ сожалѣнію, ни у этихъ, ни у большинства остальныхъ текучихъ и стоячихъ водъ Австраліи дѣйствительное ихъ значеніе не стоитъ въ соотвѣтствіи съ ихъ размѣрами. Дарлингъ, хотя и значительно болѣе длинный, но зато и менѣе водный рукавъ, становится судоходнымъ только послѣ большихъ дождей и тогда доступенъ лишь для плоскодонныхъ пароходовъ приблизительно до мѣста своего пересѣченія съ 30 гр. южной широты. Точно также и правый притокъ Муррея, Муррумбиджи, открытъ для судоходства лишь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Только самъ

15*

Муррей можетъ въ настоящее время, съ тѣхъ поръ, какъ на урегулированіе его фарватера было направлено особое и постоянное вниманіе, служить во всякое время для сообщеній.

На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, благодаря благопріятнымъ условіямъ осадковъ, орошеніе болѣе обильное. Мы имѣемъ здѣсь многочисленные потоки значительной ширины, изъ которыхъ цѣлый рядъ судоходенъ на короткомъ протяженіи. Но и они не открываютъ доступа въ самую глубь материка. Только мало изслѣдованныя еще рѣки сѣверной территоріи, — Роперъ, Дели и Викторія, — составляютъ, повидимому, счастливое исключеніе, такъ какъ онѣ даже для большихъ судовъ доступны далеко вверхъ по теченію.

Совсѣмъ печальную картину, въ противоположность этому, представляетъ весь западъ и югъ, а также и внутренность материка. На картѣ мы находимъ здѣсь, положимъ, многочисленные и, повидимому, большіе рѣчные потоки, но въ дѣйствительности ихъ не существуетъ. То, что здѣсь носитъ названіе рѣки, это русла, либо остающіяся большею часть года сухими, либо же, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, представляющія цѣлую цѣпь широкихъ, раздѣленныхъ мелями бассейновъ, которые даже не всегда одинаковаго происхожденія. Настоящими рѣками эти образованія становятся лишь въ періодъ лѣтнихъ дождей, причемъ онѣ принимаютъ такіе размѣры, что и въ этомъ случаѣ нигдѣ не служатъ ко благу страны. Достигая глубины нѣсколькихъ метровъ, несутся эти потоки и, пройдя короткое протяженіе, исчезаютъ въ вѣчно ненасытной почвѣ и, такимъ образомъ, снова уступаютъ мѣсто старой картинѣ: какъ и Африка, Австралія также страна противоположностей. Что касается южнаго берега, то онъ не пользуется даже такимъ сомнительнымъ преимуществомъ; напротивъ того, до самыхъ устьевъ Муррея онъ совершенно не имѣетъ ни одного сколько нибудь значительнаго потока.

Что подобное неравномѣрное распредѣленіе орошенія этой части свѣта влечетъ за собою громадныя послѣдствія во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни, очевидно само собою. Непосредственные переходы отъ самой выраженной засухи къ убивающему всякую жизнь разливу водъ уже сами по себѣ достаточны, чтобы низвести цѣлыя пространства на уровень пустыни, тѣмъ болѣе, что и многочисленныя внутреннія озера подвержены тѣмъ же контрастамъ. Но болѣе важнымъ, чѣмъ эти смѣны, въ этнографическомъ, а тѣмъ болѣе въ историческомъ отношеніи, является постоянство въ характерѣ материка, а именно удивительная сухость, господствующая надъ всей страной до ея тропическихъ частей, сухость, которую рѣдкіе и быстро проносящіеся дожди дѣлаютъ только тѣмъ чувствительнѣе. Прежде всего такія засухи являются причиной безплодности страны; затѣмъ онѣ вынуждаютъ туземное населеніе къ вѣчнымъ странствованіямъ вслѣдствіе необходимости добывать достаточное пропитаніе. Онѣ же являются, наконецъ, причиной того, что непостоянныя странствующія орды никогда не нарастаютъ до значительныхъ размѣровъ, такъ какъ иначе онѣ не нашли бы достаточнаго пропитанія въ скудныхъ запасахъ почвы. Слѣдствіемъ этого является распаденіе австралійцевъ на множество крошечныхъ племенъ, или ордъ, у которыхъ нельзя открыть никакихъ слѣдовъ настоящей государственности. Рука объ руку съ этимъ идетъ ихъ прозябаніе, лишенное исторіи. Впрочемъ, эта основная черта орошенія Австраліи проявила свое вліяніе не на однихъ лишь туземцахъ: она же опредѣлила и густоту населенія бѣлыхъ. Въ отдаленныхъ отъ берега мѣстностяхъ колонисту здѣсь точно такъ же, какъ и во внѣтропической южной Африкѣ, необходимо обезпечить себя значительнымъ пространствомъ земли, и нельзя считать случайностью тотъ фактъ, что образованіе государствъ начиналось въ Австраліи повсюду съ плодородныхъ окраинныхъ областей.

d) Австралійскій климатъ.

Также и въ климатическомъ отношеніи сухость является основной чертой природы Австраліи. По своему положенію между 10 и 40° южн. широты Австралія большею своею частью и, къ своему несчастью, именно всѣмъ продольнымъ протяженіемъ лежитъ въ области южныхъ пассатовъ. Къ этому присоединяется еще другое, уже упомянутое выше неблагопріятное обстоятельство, заключающееся въ томъ, что наивысшаго развитія горы достигаютъ съ климатической навѣтренной стороны, съ чѣмъ связано и положеніе большей части материка внѣ полосы вѣтровъ и дождей. Если внутреннія части материка не достигли при такихъ обстоятельствахъ той высокой степени пустынности, которую представляетъ въ центрѣ сѣверо-африканской области пассатовъ Сахара, то внутренняя Австралія обязана этимъ только чрезмѣрному нагрѣванію своей почвы и открытому сѣверному побережью. Первое обстоятельство служитъ причиною образованія лѣтомъ обширнаго центральнаго австралійскаго минимума, который можетъ вызывать сѣверо-западный муссонъ, несущій дождь, и притягивать его далеко внутрь континента, иногда даже почти до южнаго берега. Къ сожалѣнію, это воздушное теченіе по пространству, которое оно захватываетъ, и по своему климатическому значенію сильно уступаетъ юго-восточному пассату, благодаря господству котораго нѣкоторыя области лишаются на многіе мѣсяцы какихъ бы то ни было осадковъ. Особенно страдаетъ при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ западъ, котораго пассатъ достигаетъ уже совершенно сухимъ.

Состояніе осадковъ въ Австраліи подвержено контрастамъ. It never rains, but it pours (дождь никогда не идетъ, но льетъ), говоритъ поселенецъ и этимъ мѣтко характеризуетъ, какимъ образомъ тучи проливаютъ небесную влагу: вѣдь выпало же однажды въ Сиднеѣ въ $2^1/_2$ часа 269 мм. дождя, т. е. почти четвертая часть всего годового количества. Чтобы сохранить подобныя массы воды, растительный покровъ Австраліи слишкомъ недостаточенъ; онѣ проносятся съ болѣе или менѣе страшными опустошеніями и, тотчасъ же, поглощенныя жаждущей почвой, уступаютъ свое мѣсто такой же засухѣ, какая господствовала передъ этимъ.

Температуры также соотвѣтствуютъ общей картинѣ. На окраинахъ близость моря хотя и смягчаетъ нѣсколько контрасты, но тѣмъ не менѣе въ Пертѣ, напримѣръ, максимальной температурѣ въ 44,4° Ц. противополагается минимумъ въ 0,4° Ц. Внутри же материка, напротивъ того, господствуетъ вполнѣ выраженный континентальный климатъ; здѣсь днемъ температура подымается до 50 и болѣе градусовъ по Цельсію, тогда какъ ночью лужи воды покрываются довольно толстой ледяной корой; — въ Австраліи ночь какъ бы замѣняетъ зиму. Насколько легко европейцу удалось подладиться подъ эти особенности климата, настолько же беззащитнымъ стоялъ всегда предъ ними туземецъ. Къ мучительнымъ заботамъ объ ежедневномъ пропитаніи и прежде всего о живительной влагѣ присоединяется, по крайней мѣрѣ во внѣтропическихъ областяхъ, другая, не менѣе тяжелая забота, — о кровѣ. По истинѣ, для существа, столь зависимаго отъ природы, какъ австраліецъ, эта тройная забота болѣе чѣмъ достаточна для того, чтобы убить всякую мысль о высшей духовной жизни даже у самыхъ разумныхъ изъ нихъ.

e) Растительный міръ Австраліи.

Въ борьбѣ за существованіе австраліецъ находитъ въ растительномъ мірѣ своего отечества поддержку, хотя и относительную, но все же большую, чѣмъ въ животномъ мірѣ. Австралійская флора богата видами, какъ и всѣ степныя страны: она ихъ насчитываетъ, напр., больше, чѣмъ

Европа; но сухая, лишенная упругости и сочности флора по характеру своему ни въ чемъ не отступаетъ отъ общаго характера страны. Этой чертой отличается австралійское дерево съ жесткою, вѣчно зеленою, но блѣдною и лишенною блеска листвою и скудною тѣнью. Эта же черта еще въ значительно болѣе выраженной степени свойственна типичной австралійской кустарниковой степи, — скрубу, — цѣпкому, сѣрому хаосу жесткихъ, сухихъ кустовъ, съ которымъ съ трудомъ справляется даже огонь и который ставитъ человѣку на пути больше преградъ, чѣмъ самая роскошная тропическая растительность. Тотъ же характеръ жесткости и сухости проглядываетъ далѣе и въ каждомъ стеблѣ спинифекса или колючей травы австралійской степи съ ея сухими, острыми, какъ лезвіе ножа, травами. И, наконецъ, мы его встрѣчаемъ наиболѣе рѣзко выраженнымъ въ тѣхъ прорѣзываемыхъ дюнами, соляными равнинами и каменистыми пространствами областяхъ, гдѣ степь превращается въ пустыню и гдѣ лишь поразительная неприхотливость нѣкоторыхъ травъ и колючекъ ухитряется спасти мѣстность отъ полнѣйшей оголенности.

По отношенію къ населенію Австраліи значеніе этихъ растительныхъ формъ совершенно различно. Въ смыслѣ доступности, лѣсъ и травянистая степь стоятъ на одной сторонѣ, скрубъ и спинифексовая степь — на другой. Лѣсъ или, чтобы выразиться правильнѣе, австралійская роща съ ея далеко отстоящими другъ отъ друга стволами и отсутствіемъ подлѣсья никогда не представляла препятствій для передвиженія ни туземцамъ, ни бѣлымъ; напротивъ, обиліемъ травы, которая безпрепятственно разрастается повсюду между гладкими, лишенными вѣтвей стволами, она образуетъ настоящій коверъ, по которому поселенцы могли пробираться къ многообѣщающимъ пастбищамъ внутри страны. На этихъ безлѣсныхъ лугообразныхъ областяхъ, ограничивающихся юго-восточною и сѣверною частью внутренности материка, лежитъ въ настоящее время экономическій центръ всей страны, такъ какъ ими исключительно держится самая обширная и самая важная изъ видовъ ея промышленности, — скотоводство.

Ничего подобнаго не представляютъ обѣ другія растительныя формы. Извѣстно, что именно непроницаемость скруба была одною изъ главныхъ причинъ, замедлявшихъ изслѣдованіе Австраліи; цѣлыя недѣли и даже долгіе мѣсяцы бродили самые отважные путешественники вокругъ неизмѣримыхъ зарослей, не находя прохода сквозь ихъ цѣпкую массу. Но и безконечныя равнины, поросшія спинифексомъ, съ ихъ привѣтливымъ, напоминающимъ волнующіяся нивы видомъ, представляютъ не очень пріятный путь для путешественника. Ихъ травяные стебли сухи и жестки, и непригодны, какъ кормъ для скота, а листья такъ остры, что до крови ранятъ ноги всякаго, вздумавшаго пробиваться черезъ эти равнины, являющіяся, такимъ образомъ, препятствіемъ для сношеній. Для европейца эти растительныя формы не имѣютъ въ экономическомъ отношеніи покуда никакого значенія. Впрочемъ, при помощи колодцевъ уже давно и съ большимъ успѣхомъ стараются сдѣлать сухія травянистыя степи болѣе пригодными; а въ будущемъ, несомнѣнно, попытаются культивировать какъ кустарниковую, такъ и покрытую спинифексомъ степи. Увѣнчается ли, однако, затраченный трудъ успѣхомъ, является весьма сомнительнымъ. Отъ этихъ двухъ видовъ растеній ничего не можетъ ожидать туземецъ: они были для него недоступны до сихъ поръ и въ будущемъ не дадутъ ему ни пищи, ни крова.

Питательными растеніями снабдила туземца его родина не такъ ужъ скудно, какъ это казалось по прежнимъ описаніямъ. Хотя характерныя для степныхъ странъ вообще луковичныя растенія и отступаютъ въ Австраліи на задній планъ, но вмѣсто нихъ въ распоряженіи неразборчиваго австралійца имѣется множество другихъ растеній: корни, дикіе злаки, грибы, ягоды и цвѣты, такъ что собственно о недостаткѣ въ пищѣ не мо-

жетъ быть и рѣчи. Положимъ, добываніе этихъ растеній при скудости природы дается туземцу не легко; но даже и бѣлый поселенецъ не можетъ питать надежды сдѣлать когда либо земледѣліе, а не скотововодство, главной отраслью хозяйства.

f) Животный міръ Австраліи.

Менѣе всего обезпечиваетъ австралійца міръ животныхъ, который соотвѣтственно общему характеру природы материка весьма небогатъ; и это обстоятельство становится тѣмъ болѣе роковымъ, что онъ не доставляетъ ни одного домашняго или полезнаго животнаго. Немногія животныя, которыя могли бы быть пригодны для такихъ цѣлей, считаются всѣ слишкомъ дикими. Динго, единственное изъ млекопитающихъ, доступное прирученію, по всей вѣроятности было ввезено уже какъ прирученное и лишь впослѣдствіи одичало. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что охота, при быстротѣ бѣга всѣхъ животныхъ, могущихъ представлять въ этомъ отношеніи интересъ, является для туземца, при его несовершенныхъ орудіяхъ, предпріятіемъ слишкомъ труднымъ; даже ни одна изъ многочисленныхъ, хорошо вооруженныхъ европейскихъ экспедицій не могла никогда этимъ путемъ добывать себѣ средства пропитанія. Кромѣ того, охота затрудняется еще тѣмъ, что значительная часть животныхъ Австраліи принадлежитъ къ ночнымъ.

Переселенецъ сумѣлъ обойти роковое для туземца обстоятельство тѣмъ, что ввезъ европейскихъ домашнихъ животныхъ. Они всѣ отлично акклиматизировались, размножились поразительнымъ образомъ и составляютъ въ настоящее время весьма цѣнную часть національныхъ богатствъ; наряду съ развитіемъ добыванія металловъ, скотоводство больше всего способствовало поразительно быстрому росту колоній.

d) Полезные минералы Австраліи.

Совершенно не коснулись, наконецъ, туземца только что упомянутыя минеральныя богатства его страны. Ему незнакомъ даже, какъ бушмену южной Африки, холодный способъ обработки какого либо металла; европеецъ засталъ его въ полномъ смыслѣ человѣкомъ каменнаго вѣка, отчасти даже еще болѣе ранней ступени. Но тѣмъ ревностнѣе принялись бѣлые за обработку минеральныхъ сокровищъ Австраліи. Открытіе золотыхъ розсыпей въ серединѣ XIX столѣтія проводитъ, безъ сомнѣнія, самую рѣзкую границу въ исторіи колоній. Еще и теперь, когда золотая лихорадка понизилась до нормальной температуры, металлическое производство имѣетъ тѣмъ большую важность для развитія и значенія Австраліи, при имѣющемъ большую будущность Тихомъ океанѣ, чѣмъ неоспоримѣе ея богатства другими полезными минералами, главнымъ образомъ углемъ и желѣзомъ. Восточная часть материка, находящаяся во всѣхъ отношеніяхъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и тутъ беретъ естественный перевѣсъ; она является областью, наиболѣе богатою углемъ. Такимъ образомъ въ исторіи материка востокъ и сѣверъ должны играть въ будущемъ еще болѣе видную роль, чѣмъ играли до сихъ поръ.

B. **Тасманія.**

О природѣ Тасманіи можно сказать немногое. Представляя прямое продолженіе горъ восточно-австралійскаго побережья, она какъ по характеру поверхности, такъ и относительно животнаго и растительнаго міра имѣетъ большое сходство съ юго-восточной частью материка. Какъ по этой причинѣ, такъ, главнымъ образомъ, и по геологическимъ условіямъ

ее нельзя отдѣлить отъ континента, въ сравненіи съ которымъ она, впрочемъ, въ климатическомъ отношеніи поставлена въ болѣе благопріятныя условія. Она не подвержена ни рѣзкимъ контрастамъ температуры, ни непостоянству орошенія; сравнительно обильные осадки распредѣляются на весь годъ, а температуры колеблются въ границахъ мягкаго, умѣреннаго морского климата. Имѣющіяся въ изобиліи текучія и стоячія воды никогда не изсякаютъ, а растительность такая роскошная, какая на материкѣ встрѣчается развѣ въ тѣхъ областяхъ Викторіи, которыя находятся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, собственно Тасманія заслуживаетъ названія „счастливой Австраліи“, которое дается юго-восточной части материка.

Если на первый взглядъ кажется страннымъ, что на такой благопріятной почвѣ туземецъ не достигъ въ культурѣ болѣе высокой ступени, чѣмъ австраліецъ, то объясненіе этому нетрудно найти. Прежде всего, при тѣсномъ родствѣ тасманійца съ австралійцемъ, ихъ духовные задатки являются одинаковыми. Въ области народной психологіи также имѣетъ силу законъ инерціи; болѣе благопріятныя условія жизни тасманійца парализовались вслѣдствіе большей обособленности и замкнутости страны. Лѣсъ и море, врѣзывающіеся многими бухтами глубоко въ страну, хотя и доставляли туземцу пропитаніе въ изобиліи, но Тасманіи еще болѣе, чѣмъ Австраліи недоставало противолежащаго побережья, которое было бы носителемъ или источникомъ новыхъ культурныхъ пріобрѣтеній. Побережье материка, въ качествѣ носителя культуры, не могло быть принято во вниманіе; общеніе же тасманійца съ моремъ было самое ограниченное: оно завело бы его только въ водную пустыню.

3. Населеніе Австраліи и Тасманіи.

Какъ же обстоитъ дѣло съ жителемъ этихъ странъ, внѣшнія условія которыхъ, какъ проводника историческаго развитія, мы только что описали, — съ носителемъ ихъ исторіи? Какое положеніе въ человѣчествѣ занимаетъ коренной житель? Аборигенъ ли онъ, или же онъ пришелъ извнѣ? Имѣются ли родственные ему народы и гдѣ ихъ слѣдуетъ искать? И каково, наконецъ, современное чужеземное населеніе этой части свѣта?

A. Мѣсто австралійцевъ въ антропологіи.

Относительно антропологическаго положенія австралійцевъ царствуетъ въ настоящее время полное единогласіе. Ихъ одинаковый повсюду образъ жизни, одинаковая степень развитія, одни и тѣ же нравы и до извѣстной степени также сходство языковъ могли заставить видѣть въ нихъ единую расу, которую нельзя было пріобщить ни къ малайской, ни къ папуасской расамъ. И только антропологическое изслѣдованіе показало, что этого единства расы на самомъ дѣлѣ не существуетъ, и что туземное населеніе Австраліи представляетъ скорѣе продуктъ смѣшенія по крайней мѣрѣ двухъ очень различныхъ элементовъ. Этотъ взглядъ основывается прежде всего на различіи въ цвѣтѣ кожи и ростѣ волосъ, а также и въ складѣ лица. Цвѣтъ кожи колеблется между выраженно-желтымъ и бархатисто-чернымъ съ многочисленными промежуточными переходами, между которыми темно-коричневый цвѣтъ является самымъ распространеннымъ. Характеръ волосъ при постоянно наблюдаемой наклонности виться также колеблется между прямымъ волосомъ и негроподобной шерстистостью. Наконецъ, складъ лица и форма черепа проявляютъ различія столь многообразныя, что даже у народовъ съ доказанной сильной примѣсью чуждой крови онѣ не проявляются сильнѣе. Толстый,

какъ у негра, носъ у однихъ, типичный семитическій носъ у другихъ являются здѣсь крайними формами. Такимъ образомъ, нужно считать установленнымъ фактомъ то, что въ образованіи типа австралійца принимали участіе одинъ болѣе темнокожій шерстисто-волосый народъ и другой болѣе свѣтлокожій прямоволосый.

Но откуда ихъ происхожденіе? Оба народа не могутъ, само собой, быть въ одно и то же время аборигенами; самая природа Австраліи, повидимому, исключаетъ возможность того, чтобы она могла явиться колыбелью хотя бы одной расы. Откуда же взялись въ такомъ случаѣ оба элемента, послужившіе къ образованію смѣшаннаго типа народа, и который изъ нихъ появился раньше на нетронутой почвѣ?

Ключъ къ отвѣту мы еще и теперь находимъ на сѣверномъ берегу Австраліи, — въ существующихъ еще и понынѣ сношеніяхъ малайцевъ съ сѣверо-западомъ и въ непосредственномъ сосѣдствѣ Новой Гвинеи съ ея папуасскимъ населеніемъ, которое также охотно перемѣщается къ югу по группѣ острововъ Торресова пролива. Едва ли могъ существовать другой путь для прилива папуасско-меланезійской или, говоря вообще, негроидной примѣси, какъ черезъ Новую Гвинею. Малайской же расѣ были открыты два пути; прямой, — индійскій островной міръ, по которому еще и по настоящее время поддерживается сообщеніе, и обходный, — черезъ Полинезію. Доказательствъ тому, чтобы пользовались этимъ вторымъ путемъ, у насъ нѣтъ; но изъ этнографіи Новой Гвинеи намъ извѣстно, что въ ея населеніи есть замѣтная примѣсь малайско-полинезійской крови. Однако то, что доказано какъ фактъ для Новой Гвинеи, возможно и для Австраліи, такъ какъ условія пути изъ Полинезіи къ обѣимъ странамъ почти одинаковы.

Вопросъ о пріоритетѣ отступаетъ на задній планъ предъ разрѣшеніемъ главной задачи. Едва ли даже возможно отвѣтить на него, такъ какъ переселеніе и тѣхъ, и другихъ въ Австралію нельзя никоимъ образомъ считать событіемъ, совершившимся единовременно; оно могло происходить въ видѣ продолжительнаго или же многократнаго прилива. Извѣстная единовременность при этомъ неизбѣжна.

И съ другой точки зрѣнія вопросъ о пріоритетѣ отступаетъ предъ вопросомъ о преобладаніи той или другой составной части. Словомъ, дѣло заключается въ томъ, чтобы установить причины замѣчательной н е с п о с о б н о с т и н ы н ѣ ш н я г о а в с т р а л і й ц а к ъ м о р е п л а в а н і ю, — качество, которое помѣшало ему населить хотя бы одинъ изъ сосѣднихъ острововъ, не говоря уже о болѣе отдаленныхъ противолежащихъ побережьяхъ, за исключеніемъ Тасманіи, доступъ къ которой облегчила ему густосплоченная группа острововъ Бассова пролива. Мы видимъ, что негръ и всѣ темнокожія народности на южной окраинѣ Азіи страдаютъ тою же боязнью моря; когда при этомъ примешь во вниманіе, что меланезіецъ, несмотря на то, что природа его теперешняго мѣстожительства побуждаетъ его къ судоходству, далеко не можетъ считаться настоящимъ морякомъ, — то прежде всего является предположеніе, не негроидной ли крови въ своихъ жилахъ обязанъ австраліецъ сильною привязанностью къ сушѣ. До извѣстной степени это предположеніе несомнѣнно справедливо; ибо законъ устойчивости имѣетъ силу также и въ области народной психологіи. Однако, нельзя сложить отвѣтственности на одно только наслѣдіе папуасской крови, съ одной стороны, въ виду высокой степени отчужденности австралійца отъ моря, а съ другой — довольно значительныхъ во всякомъ случаѣ способностей къ мореплаванію меланезійца, стоящаго, какъ завѣщатель, на первомъ мѣстѣ.

Эту вторую причину найти нетрудно. Она вытекаетъ сама собою изъ бѣдной и негостепріимной природы страны, создавшей чрезвычайно скудныя экономическія условія для ея коренного населенія. Кто, подобно

ему, долженъ посвящать каждый моментъ заботѣ о насущномъ хлѣбѣ, вынужденъ, не зная покоя, слѣдовать, подобно ему, съ мѣста на мѣсто за убѣгающею дичью, у того не найдется ни времени, ни охоты сохранить или развить въ себѣ еще больше такое искусство, какъ мореплаваніе, которое требуетъ постояннаго упражненія и въ примѣненіи котораго въ новой странѣ не представляется крайней надобности. И даже еслибы примѣсь малайской крови передала молодой расѣ склонность къ мореплаванію, которой мы удивляемся еще и теперь у полинезійцевъ и западныхъ малайцевъ, — австралійскій материкъ сумѣлъ бы и ихъ уничтожить: онъ всегда являлся страною матеріальныхъ заботъ, а вмѣстѣ съ этимъ и постояннаго регресса.

Потеря способности къ мореплаванію составляетъ лишь одинъ изъ признаковъ этого регресса. Отчужденность отъ внѣшняго міра, явившаяся какъ ея послѣдствіе, была первымъ толчкомъ къ существованію, лишенному исторіи, въ которомъ Австралія прозябала тысячелѣтія со времени ея заселенія. Причину этого нельзя искать въ отчужденности материка: другіе, также совершенно оторванные отъ міра народы сумѣли подняться до исторической и культурной ступени. Не разобщенность съ остальнымъ міромъ, не недвижный покой, въ которомъ пребываетъ Австралія, какъ краеугольный камень Стараго Свѣта между Индійскимъ и Тихимъ океаномъ, были виною совершеннаго отсутствія историческаго саморазвитія, — причина этого заключалась въ полнѣйшей невозможности вызвать на скудныхъ равнинахъ этой страны истинную народную жизнь; правда, при своемъ водвореніи европейцы застали нѣкоторыя попытки создать ее, но попытки эти могутъ быть признаны только каррикатурою на государственную организацію.

B. Мѣсто тасманійцевъ въ антропологіи.

Въ смыслѣ государственнаго развитія и тасманіецъ недалеко ушелъ. Такъ какъ природа его страны богаче источниками существованія, чѣмъ Австралія, то не въ экономическихъ условіяхъ можетъ лежать причина такого факта. То же самое относится и къ ничтожному развитію судоходства. Объясненіе этому нужно искать только въ болѣе тѣсномъ родствѣ тасманійца съ меланезійской народной группою, на которое указываютъ всѣ изслѣдователи. Оно выразилось, во первыхъ, въ строеніи тѣла; затѣмъ въ неспособности папуасовъ возвыситься надъ государствомъ-деревней. Новая Гвинея представляетъ для этого лучшее доказательство.

C. Бѣлый.

Бѣлый не принадлежитъ къ этой части свѣта, но онъ подчинилъ ее себѣ въ экономическомъ отношеніи, и сдѣлался истиннымъ носителемъ ея исторіи, въ противоположность туземцу, неспособному освободиться отъ тяжелыхъ оковъ, наложенныхъ на него природой. Исторія эта насчитываетъ теперь немногимъ болѣе одного столѣтія, — промежутокъ времени, который въ жизни народовъ едва замѣтенъ; но она успѣла уже претерпѣть достаточно превратностей, хотя въ этомъ отношеніи остается далеко позади сравнительно съ похожей на нее своею внѣшней стороною исторіей Соединенныхъ Штатовъ Америки. Австралія до сихъ поръ шла удобнымъ путемъ колоніи; бури начинаются всегда лишь съ первыми мечтаніями о самостоятельности.

Въ противоположность Америкѣ, которая уже столѣтіе играетъ роль плавильной печи для всѣхъ почти расъ и народовъ земного шара, пришлое населеніе Австраліи, Тасманіи, а также Новой Зеландіи, составлено необыкновенно однородно; оно состоитъ почти исключительно изъ британцевъ, въ ряду которыхъ представители другихъ націй почти

исчезаютъ. Даже сто тысячъ нѣмцевъ не измѣняютъ существенно этой картины, тѣмъ болѣе, что ихъ ассимиляцiя съ остальнымъ населенiемъ является лишь вопросомъ времени; китайцы же, какъ никогда не пускающiе корней въ странѣ вообще не могутъ быть приняты въ расчетъ при развитiи жизни государства.

Этнографическое единство бѣлаго населенiя Австралiи имѣетъ для британской мiровой имперiи громадное значенiе. Пока положенiе Англiи, какъ влiятельной державы (сравни отдѣлъ въ концѣ тома), на Индiйскомъ океанѣ самое благопрiятное; но при стремленiи остальныхъ западно-европейскихъ метрополiй укрѣпить свои недавно тамъ прiобрѣтенныя владѣнiя и вообще расширить свое влiянiе, главнымъ же образомъ въ виду опасности, которая грозитъ Индiи съ сѣвера, со стороны русскихъ, положенiе это можетъ со дня на день ухудшиться. Такой же оборотъ для Англiи (и всѣхъ другихъ европейскихъ метрополiй) можетъ принять положенiе дѣлъ и въ Тихомъ океанѣ. Здѣсь же прорытiе среднеамериканскаго перешейка представляетъ для Соединенныхъ Штатовъ, преимущественно предъ другими государствами, такiя выгоды въ стратегическомъ и экономическомъ отношенiяхъ, что грозитъ дать имъ въ Южномъ морѣ сильный перевѣсъ надъ всѣми другими соперниками. При данномъ положенiи вещей больше всѣхъ на карту поставила Англiя. Поэтому необыкновенно благопрiятно для Альбiона то обстоятельство, что краеугольный камень, на которомъ, съ одной стороны, зиждется ея преобладанiе въ Индiйскомъ океанѣ и который, съ другой стороны, служитъ главнымъ посредникомъ британскихъ интересовъ въ Тихомъ океанѣ, не только принадлежитъ Англiи, но и составляетъ какъ-бы часть самой Англiи. Въ образѣ мыслей и дѣйствiй, въ образѣ жизни и въ нравахъ метрополiя и колонiя похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды; даже въ одеждѣ колонiя не находитъ нужнымъ считаться съ непостоянствомъ климата Австралiи: цилиндръ и на улицахъ Сиднея и Мельбурна считается единственнымъ допустимымъ головнымъ покровомъ.

Для метрополiи чувство полнѣйшей солидарности должно имѣть нѣчто необыкновенно успокоительное. Она сознаетъ, что составляетъ со своей колонiей одно культурное цѣлое и изъ этого выводитъ, какъ само по себѣ понятное, что и въ остальныхъ областяхъ народной жизни должно существовать такое-же единство. Это сознанiе настолько сильно, что даже самый недавнiй и самый великiй изъ всѣхъ политическихъ шаговъ австралiйскихъ, колонiй, — объявленное 17 сентября 1900 г. соединенiе ихъ въ одинъ государственный союзъ (Commonwealth of Australia), считается въ Англiи актомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ великобританскимъ интересамъ. За такимъ взглядомъ, выражающимъ полнѣйшее довѣрiе, нельзя не признать нравственнаго преимущества, но, съ другой стороны, онъ болѣе чѣмъ рискованъ. Что, если это сплоченiе, несмотря на всю лойяльность, есть ничто иное, какъ первый шагъ къ политической независимости? Iосифъ Чемберленъ, несмотря на всѣ темныя стороны своей нравственной личности, несомнѣнно дальновиднѣйшiй изъ всѣхъ англiйскихъ государственныхъ людей настоящаго времени, заявилъ въ публичной рѣчи, что подобный шагъ, даже мысль о немъ, совершенно выходитъ изъ границъ возможнаго; но въ жизни современныхъ народовъ экономическiе интересы превышаютъ всѣ другiя соображенiя и буквально служатъ показателемъ международныхъ отношенiй; припомнимъ также отпаденiе Соединенныхъ Штатовъ, которые въ этнографическомъ отношенiи стояли въ такихъ же благопрiятныхъ условiяхъ къ метрополiи, какъ и Австралiя, — и мы едва ли согласимся съ точкою зрѣнiя англiйскаго министра.

Слабый лучъ надежды, если бы для Англiи въ этомъ когда нибудь представилась надобность, можно бы видѣть въ явленiи, которое, еще интереснѣе съ точки зрѣнiя историческаго развитiя, чѣмъ въ качествѣ

фактора, могущаго имѣть серьезныя послѣдствія для колоніальной политики, — именно въ физическихъ и духовныхъ отклоненіяхъ, которыя замѣчаются у бѣлыхъ поселенцевъ Австраліи (и Новой Зеландіи). Замѣчательная перемѣна во всемъ физическомъ обликѣ, происшедшая съ бѣлой расой въ Сѣверной Америкѣ, всѣмъ извѣстна. Она въ настоящее время дошла до выработки особого типа, янки, длинной сухой фигуры на американскій ладъ, едва еще напоминающей прототипъ эмигрировавшаго европейца. Даже по цвѣту кожи и росту волосъ янки начинаетъ уклоняться отъ своихъ европейскихъ родичей и приближаться къ туземцу-индѣйцу. Подобныя же измѣненія; вполнѣ выяснить которыя мы еще не въ состояніи, хотя въ общемъ главную причину такихъ отклоненій можно было бы искать въ климатѣ, испыталъ на себѣ британецъ также въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Уже въ 1876 году, спустя только треть столѣтія послѣ заселенія Новой Зеландіи европейцами, А. К. Ньюманъ, по свидѣтельству Генриха Шуртца въ его „Исторіи примитивной культуры", указывалъ на образованіе особаго новозеландскаго типа, выразившагося въ суженіи нижней челюсти, уменьшеніи зубной луночки и неправильности зубовъ. Нѣтъ недостатка и въ другихъ измѣненіяхъ. „Свѣтлая окраска англичанъ уступаетъ мѣсто у молодого новозеландскаго поколѣнія болѣе вялымъ и стушеваннымъ тонамъ. Замѣченъ удивительный фактъ, что въ Новой Зеландіи очень немногія дѣти рождаются съ темными глазами и волосами; какіе бы брюнеты ни были родители, хотя бы съ совершенно черными кудрями и черными глазами, — ихъ потомство съ каждымъ разомъ будетъ имѣть все болѣе блѣдныя краски. На австралійскомъ же материкѣ,напротивъ того, блондины, повидимому, уступаютъ мѣсто брюнетамъ". Такъ же замѣтно проявляется и вліяніе болѣе жаркаго климата на человѣка какъ въ Новой Зеландіи, такъ особенно на австралійскомъ материкѣ. „Въ Австраліи", говоритъ Ньюманъ, „подъ вліяніемъ свирѣпаго солнечнаго зноя, дѣти быстро развиваются, но они также быстро увядаютъ, подобно оранжерейному цвѣтку, и ихъ духовныя и физическія силы исчерпаны уже въ возрастѣ, когда англичанинъ находится еще въ полной силѣ своей молодости. Молодежь Новой Зеландіи и австралійскихъ колоній слабѣе и физически, и духовно, чѣмъ населеніе того же возраста ея прежняго отечества; она менѣе вынослива, тяжелая работа и лишенія ее быстро истощаютъ. Этотъ колоніальный отпрыскъ отличается слабой физической устойчивостью; каждая болѣзнь быстро сваливаетъ его съ ногъ, и поправляется онъ медленно. И женщины также отцвѣтаютъ быстро. Подобно янки, и австралійцы представляютъ въ большинствѣ случаевъ высокую развинченную фигуру съ слабой мускулатурою, чему они обязаны насмѣшливой кличкой „хлѣбный колосъ" (cornstalks)". Для настоящаго времени это замѣчательное явленіе интересно только съ антропологической точки зрѣнія; для проявленія его историческаго вліянія прошло еще слишкомъ мало времени. Но еслибы возникъ вопросъ относительно политической автономіи колоній, то не исключена возможность, что умножившаяся тѣмъ временемъ сумма только что перечисленныхъ отрицательныхъ признаковъ заставитъ рѣшить его не въ пользу австралійцевъ.

4. Судьбы австралійцевъ и тасманійцевъ, насколько ихъ можно прослѣдить по исторіи.

А. Выводы относительно доевропейскаго періода.

Одно изъ самыхъ великихъ пріобрѣтеній XIX столѣтія въ области народовѣдѣнія, — искусство возстановлять по доисторическимъ находкамъ исторію народовъ, давно отжившихъ, существовавшихъ во времена, исключающія возможность преданій и лѣтописей, — къ Австраліи

непримѣнимо. Этимъ еще не сказано, что подобныя находки не были тамъ сдѣланы: напротивъ, эта часть свѣта имѣетъ свои кучи золы до 3 метровъ высотою и часто въ нѣсколько сотъ метровъ въ окружности, содержащія остатки костей и каменные топоры; такія кучи, mirnjong, часто встрѣчаются въ южной Австраліи и Викторіи, именно у озера Конневаръ, и представляютъ полную противоположность кёккенмёдингерамъ Даніи и sambaqui Южной Америки (ср. т. I, стр, 187). Встрѣчаются также большія кучи раковинъ вблизи побережья; имѣется даже настоящая искусная постройка, съ претензіей на доисторическую эпоху. Этимъ дѣйствительно древнимъ архитектурнымъ памятникомъ является каменный лабиринтъ Бриварины по верхнему теченію Дарлинга, около 100 километровъ выше Боурке. Онъ состоитъ изъ каменнаго, длиною около 90 м., барьера, протягивающагося поперекъ рѣки по скалистому фундаменту. Отъ этой поперечной плотины отходитъ, на протяженіи приблизительно 100 м. вверхъ по теченію, цѣлый лабиринтъ каменныхъ стѣнъ, назначеніе которыхъ было облегчить ловлю идущей вверхъ и внизъ по рѣкѣ рыбы. Сверхъ того стѣны образуютъ еще круглые бассейны въ 2 — 4 фута въ діаметрѣ, изъ которыхъ нѣкоторые связаны между собою сильно извивающимися ходами, тогда какъ другіе имѣютъ лишь одинъ выходъ. Эти стѣны, по свидѣтельству Эмиля Юнга, такъ прочно сложены изъ громадныхъ камней, что бурныя воды, несущіяся надъ ними иногда на высотѣ 20 фут., въ состояніи были бы смѣстить развѣ только верхніе слои.

Выводы, которые мы можемъ сдѣлать изъ существованія mirnjong'овъ и раковинныхъ кучъ, особенно же изъ Бриваринскаго лабиринта, бросаютъ нѣкоторый, хотя и небольшой, свѣтъ на древнихъ австралійцевъ. Каждое изъ этихъ трехъ явленій прежде всего говоритъ въ пользу того, что населеніе, по крайней мѣрѣ, на юговостокѣ, дожно было быть въ прежнія времена значительно плотнѣе, чѣмъ ко времени появленія европейцевъ; въ противномъ случаѣ наслоеніе отбросовъ заставляетъ предположить такой періодъ времени, о продолжительности котораго мы не въ состояніи создать себѣ никакого представленія. Точно также и такая постройка, какъ лабиринтъ, можетъ быть объяснена только тѣмъ, что надъ нею работали массы людей, тѣмъ болѣе, что матеріалъ для постройки долженъ былъ дабываться издалека. Кромѣ того, такая постройка могла быть сооружена только населеніемъ, имѣющимъ извѣстную организацію; австралійскія бродячія шайки настоящаго времени не были бы способны на такой общественный трудъ.

Еще и другое явленіе подтверждаетъ нашъ взглядъ на численный и культурный регрессъ австралійцевъ. Челноки, какъ бы жалки они ни были и хотя бы состояли только изъ куска коры, связаннаго на обоихъ концахъ и расширеннаго въ серединѣ посредствомъ вставленной палочки или даже просто изъ связанныхъ на подобіе плота вѣтвей, всегда бываютъ снабжены огнемъ, разведеннымъ посреди челнока на кучкѣ глины. Этотъ огонь, служащій въ настоящее время только для того, чтобы тотчасъ же варить пойманную рыбу, наводитъ своимъ постояннымъ присутствіемъ на мысль, что онъ представляетъ ничто иное, какъ пережитокъ прежнихъ временъ, когда предпринимались серьезныя морскія плаванія, и когда брать его съ собою было вполнѣ умѣстно.

Это правдоподобное доказательство того, что уменьшилось какъ число австралійцевъ, такъ и степень ихъ культуры, но оно въ то же время есть и единственнное, что можно позаимствовать изъ всего, о чемъ свидѣтельствуютъ страна и народная жизнь. Пріобрѣтеніе это невелико; однако, и оно показываетъ, насколько значительно преобладаніе неблагопріятныхъ физическихъ условій надъ силами и способностями туземцевъ. Съ какимъ періодомъ времени намъ здѣсь приходится считаться, и не были ли виновны въ этомъ регрессѣ также и климатическія ухудшенія,

покуда еще судить невозможно. Ничего невѣроятнаго тутъ нѣтъ (о Сахарѣ ср. т. III стр. 380).

Изъ всего сказаннаго ясно, что исторію австралійца и тасманійца можно прослѣдить только съ момента его столкновенія съ бѣлой расой; о дѣйствительномъ развитіи, какое можно установить у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ немногихъ окраинныхъ народовъ на сѣверѣ и югѣ земного шара, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Выраженіе „исторія“, собственно, тутъ непримѣнимо, — то, что принесли съ собою европейская культура и бѣлая раса, въ сущности, лишь единовременный актъ: медленное, но неизбѣжное вымираніе всей расы. Способъ вымиранія различенъ, результатъ же всегда одинъ и тотъ же.

Въ физической географіи выраженіе „географическія гомологіи“ есть обычное понятіе. Его заимствовали у сравнительной анатоміи и имъ обозначаютъ повтореніе однѣхъ и тѣхъ же формъ, будь это въ горизонтальныхъ очертаніяхъ или въ возвышеніяхъ почвы, какъ мы ихъ находимъ на ландшафтахъ нашей земли. Самая извѣстная изъ такихъ гомологій, это поразительное сходство въ очертаніяхъ Южной Америки, Африки и Австраліи, которыя, говоря словами Оскара Пешеля, являютъ такое однообразіе въ своей формѣ, какъ если бы онѣ были сработаны по одному шаблону. Мы не станемъ касаться здѣсь ближайшаго разслѣдованія этого сходства; лишь на выходящей далеко за предѣлы однѣхъ линій аналогичности южныхъ оконечностей этихъ частей свѣта мы должны еще остановиться на одинъ моментъ.

Выклиниваніе къ антарктикѣ, свойственное всѣмъ тремъ материкамъ, если къ Австраліи мы причислимъ островъ Тасманію, разсмотрѣнное съ чисто морфографической точки зрѣнія, есть ничто иное, какъ результатъ каприза въ тектоникѣ линій; сокровенный смыслъ и причина этой формы линій остались скрытыми даже для такихъ ученыхъ, какъ Александръ Гумбольдтъ и Оскаръ Пешель. Вліяніе этихъ одиноко и рѣзко выступающихъ въ океанъ оконечностей прежде всего въ области геофизики, а затѣмъ и въ антропогеографическомъ отношеніи, очень велико. Ихъ положеніе и форма обусловливаютъ характеръ всей циркуляціи морскихъ водъ въ южномъ полушаріи. Это въ свою очередь оказываетъ вліяніе на характеръ климатическихъ условій и, такимъ образомъ, имѣетъ въ концѣ концовъ рѣшающее значеніе для большей или меньшей обитаемости материковъ южнаго полушарія. Въ антропогеографическомъ отношеніи выклиниваніе вліяетъ лишь въ отрицательномъ смыслѣ. Оно приводитъ жителя этихъ оконечностей къ самому отдаленному южному краю ойкумены, отрѣзываетъ его къ сѣверу отъ культурныхъ центровъ человѣчества и ограничиваетъ его, кромѣ того, въ пространственномъ отношеніи въ этихъ все суживающихся къ югу областяхъ. Еще болѣе роковое вліяніе оно оказываетъ въ морскомъ отношеніи. Могучее безграничное водное пространство охватываетъ каждую изъ этихъ оконечностей, не нарушаясь ни однимъ островомъ; какимъ образомъ рѣшился бы первобытный человѣкъ ступить на море тамъ, гдѣ даже высоко развитое судоходство не можетъ процвѣтать безъ противолежащаго побережья?

Но гомологія идетъ еще дальше, для Африки и Австраліи въ полномъ объемѣ, для Южной Америки — въ болѣе скромномъ. На этотъ разъ она выражена въ судьбѣ туземцевъ подъ вліяніемъ столкновенія съ бѣлой расой. Какъ поступала эта послѣдняя съ бушменами и готтентотами въ Южной Африкѣ, указано въ другомъ мѣстѣ (т. III, стр. 406), точно также и результатомъ продолжавшейся два съ половиною столѣтія губительной борьбы является то, что обѣ эти народности едва ли заслуживаютъ теперь даже названія руинъ. Туземецъ Южной Америки до сихъ поръ находился въ лучшихъ условіяхъ; хотя для патагонцевъ и арауканцевъ столкновеніе съ бѣлымъ пришельцемъ не прошло безслѣдно, тѣмъ

не менѣе имъ все-таки удалось сохранить свои племенныя особенности и остаться свободными и независимыми. Однако, ни одинъ проницательный человѣкъ не будетъ думать, что это слѣдствіе благородства креоловъ; то, что предохраняло до сихъ поръ индѣйцевъ отъ гибели, это только юность государства и невозможность для бѣлаго заполнить собою это обширное пространство.

B. **Исторія тасманійцевъ.**

Не такова судьба австралійцевъ и тасманійцевъ. Послѣдніе уже четверть столѣтія, какъ совершенно вычеркнуты изъ списка живыхъ народовъ; первымъ еще только предстоитъ подобная судьба, но, по всей очевидности, она неизбѣжна. Тасманійская трагедія не только по своему исходу самая серьезная, но она имѣетъ печальное преимущество располагать массою потрясающихъ подробностей. Начало ея падаетъ на 4 мая 1804 г., когда мирные туземцы, приблизившіеся къ новому поселенію Гобартъ, были встрѣчены со стороны англійскихъ солдатъ картечью; можно упомянуть еще 13 іюня 1803 г., — день, когда первая партія поддонковъ англійскаго общества высадилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ главный городъ страны, Гобартъ. Это годъ рожденія тасманійки Труканини или Лалы-Рукъ, которой суждено было пережить всѣхъ своихъ единоплеменниковъ; она умерла въ Лондонѣ въ 1876 году: — итакъ, агонія цѣлаго народа продолжалась какъ разъ періодъ одной человѣческой жизни.

Гибель тасманійцевъ происходила не безъ упорнаго сопротивленія съ ихъ стороны. Мирные, простодушные и веселые по природѣ, они долгіе годы сносили дурное обращеніе ссыльныхъ и колонистовъ, не преступая законовъ самозащиты; лишь съ 1826 года, доведенные до полнаго отчаянія, они начали добросовѣстно отплачивать за обращеніе, которому подвергались, убивая изъ своихъ мучителей всѣхъ, кто только попадался имъ въ руки. 22 предыдущіе года не только не составляютъ славной страницы въ исторіи англійской колонизаціи, но и вообще не служатъ къ чести человѣчества. Уже въ первые годы заселенія острова непріязненныя отношенія, виновниками которыхъ, даже по оффиціальнымъ признаніямъ, всегда являлись бѣлые, достигли такого предѣла, а притѣсненіе туземцевъ такъ усилилось, что въ 1810 году пришлось издать спеціальный законъ (collins), по которому убіеніе дикаря должно было наказываться, какъ дѣйствительное преступленіе. Однако, подобно многимъ другимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ колоніальной политикой Европы въ защиту примитивныхъ народовъ, и этотъ законъ остался совершенно безъ примѣненія, такъ какъ нечего было и думать, чтобы показанія чернокожихъ, на которыхъ привыкли смотрѣть, какъ на безправныхъ, могли имѣть когда либо законную силу. Туземцевъ, напротивъ того, подстрѣливали, какъ и раньше, гдѣ только находили, а женъ ихъ ловили или завлекали, чтобы дѣлать изъ нихъ сожительницъ.

Рука объ руку съ этой охотой на туземцевъ шло по мѣрѣ развитія колонизаціи все усиливавшееся ухудшеніе прежнихъ условій ихъ жизни. До появленія бѣлыхъ море со своимъ неисчерпаемымъ рыбнымъ богатствомъ, изобиліемъ раковинъ и другихъ морскихъ животныхъ доставляло туземцамъ почти все ихъ пропитаніе; но по мѣрѣ того, какъ росла колонія, основывались и расцвѣтали города, какъ все дальше проникали колонисты, умножались и расширялись пастбища,—уменьшалась и область, оставленная туземцамъ. Прежде всего ихъ оттѣснили отъ побережья. Для тасманійцевъ это было вопросомъ жизни и смерти, такъ какъ внутренность острова по своей дикости и суровости и по недостатку въ средствахъ пропитанія была непригодна для жительства; и вотъ становится понятнымъ, какъ даже эти, сначала столь боязливые люди, въ своемъ отчаяніи превра-

тились въ настоящихъ героевъ и старались вредить своимъ мучителямъ, гдѣ и какъ только могли.

„Побѣда" далась англичанамъ недешево. Оттѣсненные насильно внутрь страны, туземцы очень скоро такъ близко ознакомились съ этою изрѣзанною ущеліями и густо поросшею мѣстностью, что съ трудомъ давались въ руки. По свидѣтельству Чарльза Дарвина, они спасались отъ своихъ преслѣдователей тѣмъ, что бросались ничкомъ на черную землю или стояли совершенно неподвижно, такъ что даже на довольно близкомъ разстояніи ихъ нельзя было отличить отъ ствола высохшаго дерева. Въ виду такой тактики англичане сочли нужнымъ, наконецъ, прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ: было объявлено, что туземцамъ запрещается переходить извѣстную границу. Тогда же, въ 1828 г., имъ было предложено убѣжище (reservation), гдѣ они, затравленные и преслѣдуемые, могли бы мирно влачить свое существованіе. Обѣ мѣры остались, однако, безуспѣшными. Первая не могла быть доступна чувству этого народа даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ понялъ ее по смыслу; для второй же было уже слишкомъ поздно: туземцы не были больше чувствительны къ хорошему обращенію, европейцы не были склонны вести себя миролюбиво. Такимъ образомъ, все вернулось опять къ прежнему порядку. Были назначены преміи за подстрѣленнаго и пойманнаго туземца и, какъ и слѣдовало ожидать, преміи не малыя за каждую голову столь цѣнной дичи; привозились даже туземцы изъ Австраліи, чтобы вѣрнѣе выслѣживать врага; наконецъ, когда и это не привело къ желаемому результату, губернаторъ, полковникъ Артуръ, отецъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, попробовалъ устроить грандіозную облаву: выстроивъ линію стрѣлковъ отъ одного берега къ другому черезъ весь островъ, рѣшили согнать всю „дичь" на узкій полуостровъ. „Трофеями" этого предпріятія, обошедшагося метрополіи въ 30.000 фунтовъ стерлинговъ, явились два, по другимъ же свѣдѣніямъ всего одинъ туземецъ.

Съ неудачей этого послѣдняго предпріятія Артура исторія страданій тасманійцевъ вступаетъ въ новую фазу. Отнынѣ хотя и безкровная, но не менѣе роковая, чѣмъ предыдущая, она нераздѣльно связана съ именемъ Георга Августа Робинзона. Этотъ странный человѣкъ, простой плотникъ изъ Гобарта, не умѣвшій правильно писать по-англійски, предложилъ, послѣ того какъ всѣ воинственныя предпріятія ни къ чему не привели, добиться мирнымъ путемъ выселенія туземцевъ. Извѣстно, какъ онъ разрѣшилъ принятую на себя задачу. То, что не удавалось въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ кровавымъ усиліямъ цѣлой многочисленной колоніи, того достигъ онъ одинъ, невооруженный, одними мирными переговорами, доказавъ этимъ вполнѣ, какъ легко было бы ужиться съ тасманійцами, если бы была на то только добрая воля. Результатомъ посредничества Робинзона было водвореніе одного племени на Лебединомъ островѣ и трехъ другихъ на островѣ Генъ Керріеджѣ. Впослѣдствіи (1843) всѣ туземцы были соединены на островѣ Флиндерсѣ. „Племена" были къ тому времени не очень ужъ многочисленны; порохъ и свинецъ, венерическія болѣзни и оспа слишкомъ успѣшно хозяйничали въ теченіе истекшихъ 40 лѣтъ. Для 1804 года можно принять численность туземнаго населенія въ 8000 душъ; въ 1815 г. ихъ насчитывали еще 5000. Въ 1830 г. ихъ было около 700, а для 1835 г. указываютъ 250 или 111 душъ. Въ 1847 году, когда оставшихся въ живыхъ перевозили на Ойстеръ Кевъ въ каналѣ д'Антрекасто, ихъ было 45, а въ 1861 г.—18. Послѣдній тасманіецъ, король Билли, или Вильямъ Ланне, умеръ 34 лѣтъ отъ роду въ Гобартѣ въ 1869 году, а въ 1876 г., со смертью Труканини, угасло окончательно племя тасманійцевъ: судьба, которая ожидаетъ всѣ примитивные народы при соприкосновеніи съ культурой.

Было бы безполезно осыпать теперь упреками всѣхъ причастныхъ къ этой исторіи. Ни одной націи, имѣющей колоніи, не суждено было до сихъ

уберечь идею человѣчества совершенно чистой и незапятнанной. Нельзя не признать, что позднѣйшія десятилѣтія серьезно старались загладить то, въ чемъ прежнія провинились передъ туземцами. Что при этомъ дѣлались ошибки въ выборѣ средствъ, это другое дѣло; оно не уничтожаетъ вины, но свидѣтельствуетъ о смягчающихъ обстоятельствахъ.

C. Исторія австралійцевъ.

Судьба австралійцевъ до настоящаго часа еще не свершилась Еще этотъ народъ бродитъ, не зная покоя, по безпредѣльнымъ степямъ, еще охотится онъ тамъ и тутъ за подвижнымъ кенгуру, бросаетъ съ силою и ловкостью метательное копье и бумерангъ. Но какъ стѣсненъ онъ на своей когда то обширной родинѣ! Весь востокъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ, дававшій даже сыну природы достаточныя средства къ существованію, уже давно сдѣлался достояніемъ бѣлаго; теперь, въ послѣднее время, онъ властно подвигается съ запада внутрь страны, и все больше и больше захватываетъ также и сѣверъ. Туземцу остается выбирать между отступленіемъ въ пустынную глубь материка и необходимостью очистить мѣсто для цивилизаціи и сдѣлаться рабомъ европейца. Ни то, ни другое не можетъ сохранить надолго его самобытности.

Мартирологъ австралійцевъ отличается отъ тасманійскаго въ двухъ отношеніяхъ: онъ охватываетъ большій періодъ времени и распредѣляется на несравненно большее пространство. По характеру же онъ очень сходенъ съ послѣднимъ, и конечный результатъ былъ бы одинъ и тотъ же, еслибы въ распоряженіи жертвъ не имѣлись лучшія естественнныя условія, — обширная область для отступленій, — и еслибы не стали мягче времена и нравы даже въ австралійской глуши. Въ сущности все несчастье, свалившееся на эту расу со вступленіемъ бѣлыхъ на австралійскую почву, произошло отъ того безграничнаго презрѣнія, которое англичанинъ выказывалъ съ 1788 г. по отношенію къ „черному отродью“, къ „черной сволочи“. Это презрѣніе помѣшало изучить народъ и его учрежденія и, главнымъ образомъ, помѣшало признать за туземцемъ вообще право на владѣніе землею. Но кому извѣстно, что государственная организація прежней Австраліи находила свое, такъ сказать, единственное выраженіе въ правахъ племени на точно опредѣленную область (даже въ границахъ самого племени происходило по временамъ распредѣленіе земли между отдѣльными семьями), тотъ пойметъ, что грубое вмѣшательство европейцевъ, со стороны ли ссыльнаго, или свободнаго колониста, должно было подать поводъ къ прискорбнымъ по своимъ послѣдствіямъ столкновеніямъ; нарушеніе земельнаго права считалось среди самихъ туземцевъ самымъ худшимъ нарушеніемъ мира. Вмѣстѣ съ такимъ попираніемъ всѣхъ правъ туземцевъ на форму будущихъ отношеній повліялъ также и подборъ перваго ввоза человѣческаго матеріала. Относительно цѣлесообразности ссылки, какъ средства наказанія или какъ колонизаторскаго мѣропріятія, мнѣнія могутъ расходиться, но какъ средство сохранить для потомства коренную народность, а вмѣстѣ съ этимъ и нѣчто цѣнное во многихъ отношеніяхъ, ссылка должна быть единогласно осуждена. Это доказала, — чтобы не выходить изъ предѣловъ интересующей насъ области, — Тасманія; это доказывается Новой Каледоніей; это также очевидно и относительно Австраліи. Даже тогдашніе оффиціальные отчеты не могутъ скрыть, что партіи ссыльныхъ сгружались съ кораблей безъ всякихъ предосторожностей и еще небрежнѣе водворялись на мѣста: еще въ 1803 году раздавались жалобы на недостатокъ въ конвояхъ. Убѣжать арестанту было, поэтому, нетрудно, и случаями къ побѣгу широко пользовались. Послѣдствія такого положенія вещей для бѣдныхъ чернокожихъ не заставили себя долго ждать: первыми подарками для туземцевъ была оспа, водка, табакъ и венерическія

болѣзни; за этимъ послѣдовало совращеніе къ разврату, ругани и клятвамъ, нищенству и воровству. Скоро грубость и насиліе ссыльныхъ привели къ тому, что мирные и дружелюбные вначалѣ туземцы стали непріязненны и, наконецъ, со своей стороны прибѣгли къ нескончаемой партизанской войнѣ, которая тянется вотъ уже болѣе столѣтія. Въ добрыхъ намѣреніяхъ, впрочемъ, и на материкѣ не было недостатка. Дѣйствія правительства не разъ были направлены къ тому, чтобы расположить и привлечь къ себѣ туземцевъ; уже управленіе перваго губернатора Филиппа (стр. 246), было преисполнено благородныхъ стремленій въ этомъ направленіи. Но о какомъ нибудь успѣхѣ только тогда могла бы быть рѣчь, если бы все пришлое населеніе измѣнило радикально свое поведеніе по отношенію къ туземцамъ.

Со своей стороны и поселенцы, иммиграція которыхъ началась съ 1790 года, добросовѣстно заботились объ увеличеніи земныхъ благъ. Они крали у чернокожихъ женъ, пристрѣливали каждаго, кто только попадался имъ подъ дуло, и открыто похвалялись, что будутъ отравлять туземцевъ мышьякомъ, какъ травятъ крысъ и мышей. Горсть муки, которую подносили довѣрчивому туземцу, или кусокъ баранины, который заманчиво подвѣшивался на кустъ, рекомендовались, какъ отличныя средства. Оффиціально правительство, положимъ, брало подъ защиту новыхъ подданныхъ, но только на бумагѣ. Такъ по одному постановленію всякій, кто предавалъ въ руки правосудія чернокожаго, который убилъ бѣлаго, получалъ награду въ 100 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ въ случаѣ убійства чернокожаго бѣлымъ предлагалось только 25 фунтовъ. Но кто же изъ бѣлыхъ, примѣняясь къ такому замѣчательному масштабу, рѣшился бы давать показанія противъ собрата по расѣ, уличеннаго въ поступкѣ, который никому не казался не только преступленіемъ, но даже несправедливостью, А показанія туземца такъ же не имѣли силы здѣсь, какъ и въ Тасманіи.

Иллюстраціей общественнаго настроенія и того, какъ высоко цѣнился (и теперь еще цѣнится) туземецъ, можетъ служить слѣдующая исторія. Въ 1839 году въ Сиднеѣ, какъ разсказываетъ Эмиль Юнгъ, составилось для защиты туземцевъ общество, которому съ большимъ трудомъ удалось провести законъ о назначеніи коммиссаровъ, на обязанности которыхъ лежало бы попечительство надъ аборигенами. Этой мѣры, ограничивавшей произволъ поселенцевъ по отношенію къ ихъ чернымъ сосѣдямъ, было достаточно, чтобы вызвать сильное возбужденіе въ извѣстномъ слоѣ населенія. Чтобы доказать свое презрѣніе къ постановленію, покушавшемуся на давнія ихъ права надъ презрѣнной и ненавистной имъ расой, семь англичанъ отправились однажды въ воскресенье верхомъ въ одно изъ поселеній туземцевъ, состоявшее изъ тридцати мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Всѣхъ этихъ несчастныхъ согнали въ одну хижину, привязали другъ за другомъ къ одной веревкѣ и перебили затѣмъ одного за другимъ съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ. Когда убійцы были привлечены къ суду, вся колонія возстала противъ приговора, и понадобился весь авторитетъ губернатора, чтобы защитить свидѣтелей, которымъ открыто угрожали, и предать висѣлицѣ запятнавшихъ себя преступленіемъ убійцъ. Въ болѣе отдаленныхъ частяхъ страны еще и по настоящее время обращеніе съ туземцами нельзя назвать гуманнымъ. Въ Западной Австраліи каждому туземцу, который не можетъ указать свой „опредѣленный доходъ“, угрожаетъ опасность быть заключеннымъ на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму, если онъ не предпочтетъ наняться къ кому нибудь изъ фермеровъ въ качествѣ „законтрактованнаго рабочаго“. Какое вознагражденіе онъ тамъ получитъ за свой трудъ, не требуетъ, конечно, поясненія; охотно и часто ловятъ такимъ образомъ на удочку чернокожихъ съ цѣлью обезпечить ихъ „доходомъ“.

Послѣдствія такого обращенія съ австралійской расой на крайнихъ постахъ цивилизаціи нетрудно оцѣнить. Въ теченіе болѣе столѣтія оттѣсняли чернокожаго систематически отъ рѣкъ и этимъ подвергали его опасности погибнуть отъ недостатка воды; точно также систематически обращали его нѣкогда безпредѣльныя охотничьи области въ огороженныя пастбища и этимъ лишали его самаго доходнаго источника существованія. Сверхъ того, его предавали общему презрѣнію и врожденную гордость свободнаго дикаря превращали въ приниженность нищаго. Физическое и нравственное вырожденіе расы—вотъ первое слѣдствіе; второе—быстрое уменьшеніе числа народонаселенія. Конечно, питаніе австралійца никогда не было роскошнымъ: объ этомъ позаботилась скудная природа его страны; но у него была возможность дѣйствовать по собственной волѣ, и онъ безпрепятственно могъ приспособляться къ обстоятельствамъ, сдерживаемый только неписанными законами своего скромнаго племени. Такимъ образомъ, онъ являлъ собою образъ, хотя и безконечно бѣдной, но экономически и морально независимой народности. Въ настоящее же время онъ бродитъ исхудалый, голодный и покрытый лохмотьями, съ трудомъ поддерживая свое существованіе нищенствомъ и воровствомъ и напоминая скорѣе привидѣніе изъ временъ прошлаго, чѣмъ члена современнаго человѣческаго общества.

Численность австралійскихъ туземцевъ не поддавалась никогда точному опредѣленію. Самую высшую цифру приводитъ Л. К. Д. де Фрейсине, считая число австралійцевъ въ началѣ европейской иммиграціи въ 1.100.000. Число это несомнѣнно преувеличено и всѣми отвергнуто; остальныя опредѣленія колеблются между 100.000 и 200.000 для до-европейскаго періода. Несомнѣнно, что континентъ и раньше былъ населенъ очень рѣдко. Теперь же густота населенія туземцевъ еще меньшая: 50.000 навѣрное представляетъ еще слишкомъ высокую цифру. Уменьшеніе туземнаго населенія шло, слѣдовательно съ ужасающей быстротой. Въ Викторіи насчитывали въ 1896 году 5000 душъ; въ 1881 г. число это упало до 770. Конечно, не во всѣхъ округахъ уменьшеніе идетъ такъ же быстро; но оно существуетъ повсюду; нигдѣ количество рожденій не достигаетъ цифры смертности.

Правительство метрополій съ тѣхъ поръ, какъ признало грустный фактъ вырожденія туземцевъ и свою собственную въ этомъ вину, старалось различными мѣропріятіями спасти ихъ насколько возможно; оно неоднократно дѣлало серьезныя представленія колоніальному правительству о необходимости позаботиться о чернокожихъ и само тратило большія суммы на основаніе школъ въ Аделаидѣ и другихъ городахъ. Но самой сути дѣла оно не коснулось. Школы, положимъ, посѣщались прилежно и не безуспѣшно но какую пользу могли онѣ принести, если ученики отъ болѣе тѣснаго соприкосновенія съ европейцами только тѣмъ скорѣе погибали вмѣстѣ со всѣмъ своимъ племенемъ. Надзоръ за колонизаціей могъ бы помочь дѣлу, но прежде всего слѣдовало бы отказаться отъ дешеваго и удобнаго, но тѣмъ не менѣе рокового для туземцевъ, безвозмезднаго отбиранія земли. Запрещеніемъ вѣчныхъ охотъ на людей могла быть защищена непосредственно жизнь туземцевъ; справедливое же удовлетвореніе ихъ притязаній не давало бы во-первыхъ, повода къ роковой для нихъ расовой борьбѣ, во вторыхъ, улучшило бы ихъ экономическое положеніе. Англія не нашла въ себѣ силы ни къ тому, ни къ другому шагу и несетъ, поэтому, и въ данномъ случаѣ отвѣтственность въ непрерывномъ вырожденіи австралійскихъ туземцевъ. Если здѣсь вообще можетъ быть рѣчь о смягчающихъ обстоятельствахъ, то ихъ можно видѣть развѣ только въ томъ загадочномъ явленіи, что соприкосновеніе съ бѣлыми само по себѣ уже является роковымъ для каждаго примитивнаго народа, безразлично, какому бы обращенію онъ ни подвергался.

5. Исторія колонизаціи Австраліи и Тасманіи.

Въ противоположность вліянію европейца въ пятой части свѣта на поприщѣ этнографіи, его тамошняя дѣятельность въ области экономической и политической увѣнчалась отраднымъ и поразительнымъ успѣхомъ. Съ одной стороны, вычеркнуты изъ ряда живыхъ совершенно или отчасти два, хотя и находившіеся въ упадкѣ, но все же жизнеспособные народа; съ другой,—изъ уголка міра, на который Европа въ теченіе полутора вѣковъ съ открытія его въ 1642 году Абелемъ Тасманомъ и до высадки Филиппа въ Ботанибеѣ въ 1788 году,—не считала нужнымъ обратить сколько нибудь серьезное вниманіе, создалось какъ бы по волшебству государство, которому нужно только дать время, необходимое для развитія, достиженія независимости и солидной массы населенія для того, чтобы оно заняло почетное мѣсто въ исторіи человѣчества; но всѣ подобные недостатки исцѣляются временемъ.

А. Исторія колонизаціи Австраліи.

а) Исторія открытія.

Исторія открытія Австраліи съ точки зрѣнія исторіи культуры и міровой экономіи въ высшей степени интересна по своей аналогичности съ исторіей открытія Америки: культурному міру пришлось дважды открывать обѣ эти части свѣта, прежде чѣмъ онъ понялъ все ихъ значеніе и счелъ нужнымъ удержать ихъ за собою. Эта аналогія проявляется даже во времени, протекшемъ отъ одного открытія до другого и пропорціонально величинѣ обоихъ материковъ. У Америки промежутокъ времени между открытіемъ ея норманнами и путешествіемъ Колумба (ср. т. I. стр. 352), обнимаетъ половину тысячелѣтія; у Австраліи между плаваніемъ Квироса въ 1606 г. черезъ Торресовъ проливъ и открытіемъ восточнаго берега Джемсомъ Кукомъ въ 1770 г. легло немного болѣе полутораста лѣтъ. Но, если считать первымъ открытіемъ собственно путешествія Абеля Тасмана въ 1642 и 1644 гг., то промежутокъ времени еще значительно уменьшится.

Тотъ фактъ, что первое открытіе прошло безслѣдно для обѣихъ частей свѣта, не является простой случайностью: дѣло въ томъ, что потребность въ привлеченіи новыхъ областей въ кругъ собственной экономической жизни тогда еще не наросла. Ко времени перваго открытія Америки, какъ и въ предшествовавшіе вѣка, Европа тяготѣла только въ одну сторону,—къ востоку, доставлявшему ей уже издавна разныя блага, вещественныя и духовныя. Поэтому новое открытіе осталось внѣ ея пониманія и интересовъ и было предано полному забвенію. При вторичномъ, окончательномъ открытіи Америки положеніе дѣлъ было совсѣмъ иное: можно даже сказать, что самое открытіе было слѣдствіемъ именно такой перемѣны. Европа и по истеченіи тысячелѣтія сильно тяготѣла къ востоку, о чемъ свидѣтельствуютъ крестовые походы и процвѣтаніе средиземноморскихъ городовъ-государствъ (ср. т. VI и т. VII стр. 9); но со времени появленія османовъ у Геллеспонта (1357) центръ тяжести значительно передвинулся, — все настоятельнѣе становилась потребность освобожденія отъ торговаго посредничества Египта, Сиріи и Понта и необходимость отыскать прямой путь для сношеній съ южнымъ и восточнымъ побережьемъ Азіи. Отказаться отъ этой цѣли, осуществленіе которой видѣли сначала въ открытіяхъ Колумба и его современниковъ, не было повода даже тогда, когда страны, съ которыхъ спала завѣса, признали за совершенно новый міръ. Что же касается Австраліи, то относительно перваго открытія ея и послѣ-

довавшаго затѣмъ забвенія такія широкія экономическія соображенія не имѣютъ мѣста. Вся исторія ея открытія стоитъ скорѣе подъ знаменемъ двухтысячелѣтнихъ поисковъ terra australis incognita, великой неизвѣстной южной страны. Существованіе этой южной страны исходило лишь изъ предположенія, что громадные материки сѣвернаго полушарія должны обусловливать, какъ противовѣсъ, соотвѣтствующее скопленіе суши въ южномъ, и она вызывала всегда лишь теоретическое къ себѣ влеченіе, что при практическомъ направленіи XVI и XVII столѣтій не могло не вліять на исторію ея открытія. Доказать существованіе этой страны было цѣлью, которую всегда имѣли въ виду; но привести эту цѣль въ исполненіе никому не приходило въ голову. Такимъ образомъ, Австралія, послѣ первыхъ обозрѣній ея побережья, была снова предана забвенію. Первое путешествіе Тасмана доказало, что океанъ до значительныхъ южныхъ широтъ свободенъ отъ материковъ, т. е., что въ этомъ направленіи предполагаемая страна не лежала. Это было столь важнымъ открытіемъ, что никто и не подумалъ о материкѣ, лежавшемъ внутри очерченной мореплавателемъ извилистой линіи; научный интересъ былъ удовлетворенъ.

Другое обстоятельство въ свою очередь надолго отдалило практическую Европу отъ Австраліи: негостепріимность береговъ, которыхъ пришлось сначала коснуться. Хотя, за исключеніемъ юго-восточнаго и восточнаго берега, большая часть побережья Австраліи мало способствуетъ тому, чтобы о достоинствахъ страны могло составиться благопріятное представленіе, но все же можно счесть особенно неудачнымъ для этой части свѣта то обстоятельство, что большинство ступавшихъ на ея берега многочисленныхъ мореплавателей, предшествовавшихъ Джемсу Куку, наталкивалось исключительно на особенно пустынныя, безплодныя и негостепріимныя части материка. Такъ случилось съ голландцемъ Диркомъ Гартогомъ въ 1616 году на берегахъ залива Шаркса, такія же условія встрѣтили и всѣхъ другихъ многочисленныхъ голландцевъ, не исключая и Абеля Тасмана, посѣтившихъ въ первой половинѣ XVII столѣтія западный, сѣверный и южный берега. Но особенно тяжелыя послѣдствія для материка имѣло заключеніе англичанина Вильяма Дампіера. Этотъ мореплаватель, имѣвшій одинаковый успѣхъ какъ въ качествѣ пирата, такъ и изслѣдователя, совершилъ нѣсколько путешествій въ концѣ XVII столѣтія, осмотрѣлъ значительную часть западнаго берега и настолько проникъ въ глубь страны, что могъ составить себѣ понятіе о ея значеніи. Его мнѣніе было болѣе, чѣмъ поразительное; мѣстность, по его отзыву, оказалась самой жалкой въ мірѣ, гораздо хуже даже, чѣмъ португальскій берегъ южной Африки. Тамъ не расло никакихъ злаковъ, никакихъ съѣдобныхъ корней, ни стручковыхъ растеній, ни овощей, которыми могли бы питаться бѣдные туземцы, не имѣвшіе ни одежды, ни хижинъ и представлявшіе изъ себя самыя несчастныя созданія на всемъ земномъ шарѣ. Даже готтентотты казались ему джентельменами въ сравненіи съ этими чернокожими. Послѣдствія Дампіеровскаго описанія, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрнаго, выразились въ полномъ прекращеніи путешествій въ Австралію на болѣе чѣмъ двѣ трети столѣтія, если не считать нѣкоторыхъ колонизаторскихъ попытокъ, направленныхъ на эту часть свѣта, какъ, напримѣръ, попытки голландцевъ въ 1628 году.

Однако, даже окончательное и прочное открытіе Австраліи Джемсомъ Кукомъ въ 1770 году еще не принесло прямыхъ практическихъ результатовъ. Конечно, именно такую цѣль имѣлъ въ виду этотъ дальновидный изслѣдователь, когда отъ имени своего короля объявилъ англійскимъ владѣніемъ весь восточный берегъ отъ 38° ю. ш. до мыса Іорка; восторженныя похвалы Банкса чудной мѣстности и великолѣпному климату могли также навести правительственные круги на мысль утилизировать

этотъ земной рай. Но политическія условія того времени мало вязались съ подобными проектами. Англія была накануне продолжительной войны съ Северной Америкой; принужденная заботиться о сохраненіи своего положенія на близкомъ Атлантическомъ океане, она не могла носиться съ какими либо планами относительно такого отдаленнаго уголка земли. И темъ не менее именно освободительная война Соединенныхъ Штатовъ явилась и часомъ нарожденія Австралійскихъ колоній.

b) Основаніе и первые годы существованія Новаго Южнаго Уэльса.

Съ 1600 года Англія стала перевозить значительную часть своихъ преступниковъ въ американскія колоніи (особенно въ Виргинію, ср. т. I, стр. 432), где ихъ принимали охотно въ качестве работниковъ-каторжниковъ и хорошо за нихъ платили метрополіи. Освободительная война положила уже въ 1779 году конецъ этому порядку вещей, и Англія, тюрьмы которой скоро переполнились, увидела себя вынужденной подыскать другое место для ссылки. Изъ предложенныхъ для этой цели въ парламенте въ 1783 году областей, — Гибралтара, Гамбіи и Новаго Южнаго Уэльса у Ботанибея, можно было по причинамъ, легко понятнымъ, серьезно остановиться только на последнемъ: Гибралтаръ былъ слишкомъ непоместителенъ, а ссылка въ область Гамбіи значила бы не что иное, какъ „приведеніе въ исполненіе смертнаго приговора при посредстве маляріи“, какъ значится въ отчете парламента. Противъ Австраліи говорила только громадность разстоянія и связанныя съ этимъ затрудненія при массовыхъ транспортахъ. Во всякомъ случае, постановленіе парламента, несмотря на королевское одобреніе, не такъ скоро было приведено въ исполненіе, чтобы темъ временемъ у некоего Матра (впоследствіи англійскаго консула въ Танжере) не успелъ зародиться планъ поселить все многочисленныя семьи, изгнанныя изъ Северной Америки за то, что держали сторону метрополіи, въ Новомъ Южномъ Уэльсе и одновременно съ этимъ, благодаря увеличенной производительности страны, значительно укрепить положеніе Англіи въ европейской торговле. Но и Матра не тотчасъ удалось провести свое предложеніе. Въ 1784 году статсъ-секретарь лордъ Сидней сталъ склоняться въ пользу плана Матра, но въ конце концовъ онъ снова перешелъ къ мысли о необходимости устроить тамъ место ссылки.

Два военныхъ корабля, шесть транспортныхъ и три корабля съ грузомъ въ 1100 человекъ, изъ которыхъ около 350 было свободныхъ людей, отправились изъ Англіи 13 мая 1787 года и высадились у береговъ Ботанибея между 18 и 20 января 1788 года. Эта экспедиція была отдана подъ начальство капитана Артура Филиппа, сына одной немецкой преподавательницы языковъ, вышедшей замужъ за англійскаго моряка. Филиппъ провелъ свой опасный транспортъ съ тою осторожностью и гуманностью, которыми онъ отличался и въ сношеніяхъ съ туземцами въ теченіе всей своей пятилетней службы въ качестве губернатора. Осмотрительность, связанная съ непоколебимой энергіей, являлись именно теми качествами, которыя требовались въ первые годы отъ губернатора вновь созидающейся общины. Филиппъ и его поселенцы не избежали ни одного изъ испытаній, съ которыми идетъ, вообще, рука объ руку основаніе земледельческихъ колоній.

Еще въ феврале 1788 года губернаторъ переселилъ небольшое число ссыльныхъ подъ надзоромъ лейтенанта Кинга и несколькихъ солдатъ въ лежащій приблизительно на середине между Новой Зеландіей и Новой Каледоніей Норфолькъ (см. карту при стр. 223). Задача этой второстепенной колоніи должна была заключаться въ обработке найденнаго тамъ Кукомъ въ большомъ количестве льна для того, чтобы дешево и удобно снабжать главную колонію матеріалами для одежды. Кингъ ревностно

принялся за дѣло, посѣялъ хлѣбъ и овощи и занялся обработкой льна. Но несмотря на всѣ усилія, и здѣсь, какъ на материкѣ, уже съ самаго начала не было возможности прокармливать колонію собственнымъ производствомъ; поддержка въ первые годы оказалась необходимой для обѣихъ колоній. То же самое наблюдалось при колонизаціи въ различныхъ частяхъ восточнаго берега Америки, въ Виргиніи и Каролинѣ; объ это же разбились въ 1763 году огромныя усилія французовъ создать колоніи въ Каеннѣ. Дѣвственная почва не можетъ прокармливать большія массы народа, особенно если къ ней приступаютъ такъ мало знакомые съ дѣломъ, какими были поселенцы Филиппа и Кинга, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о земледѣліи; да и почва Сиднея, сверхъ того, еще оказалась безплодной. При этомъ охота къ труду была очень ничтожна у ссыльныхъ, значительно преобладавшихъ своею численностью: по словамъ Филиппа, двадцать свободныхъ дѣлали больше, чѣмъ тысяча ссыльныхъ. Увеличеніе числа свободныхъ поселенцевъ и привлеченіе опытныхъ сельскихъ хозяевъ было, поэтому, руководящей мыслью всей дѣятельности Филиппа, закончившейся въ декабрѣ 1792 года добровольнымъ его уходомъ, причиною котораго было его пошатнувшееся здоровье; первые пять вольныхъ поселенцевъ прибыли въ Австралію лишь послѣ его отъѣзда.

При господствовавшихъ условіяхъ внутреннее положеніе дѣлъ въ колоніи въ первые годы было положительно ужасающее. Наступившій вскорѣ послѣ прибытія поселенцевъ недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію сдѣлался уже въ 1790 году такимъ ощутительнымъ, что цѣлыми мѣсяцами выдавались только половинные пайки, число которыхъ также было уменьшено; привезенный скотъ убѣгалъ или погибалъ, засѣянныя вначалѣ поля ничего не давали. Къ этому присоединился скорбутъ вслѣдствіе недостатка въ свѣжемъ мясѣ. Среди солдатъ дѣло вскорѣ дошло до непослушанія и бунтовъ, а пьянство сдѣлалось общимъ порокомъ. Грабежъ, убійства и поджоги сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Въ февралѣ 1790 года нужда сдѣлалась такой невыносимой, что губернаторъ увидѣлъ себя вынужденнымъ выслать 200 ссыльныхъ на островъ Норфолькъ, хотя и тамъ не было изобилія. Между тѣмъ Англія высылала все новые транспорты со ссыльными; цѣлыя массы людей безчеловѣчно затискивались на судно; изъ нихъ нерѣдко болѣе половины умирало во время длиннаго переѣзда. Оставшіеся въ живыхъ часто до того ослабѣвали, что ихъ приходилось выгружать въ портѣ Джаксонъ полуживыми и перевязанными, какъ тюки товаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не получалось ни жизненныхъ припасовъ, ни хлѣба, ни скота.

Губернаторъ Филиппъ, несмотря на всю эту нужду, заставлявшую и его часто пробавляться, подобно ссыльнымъ, половинными раціонами, ни на мгновеніе не терялъ мужества. Напротивъ того, при всей тяжести заботъ, которыя доставляли ему постройки жилищъ, разведеніе садовъ и полей, постоянная борьба съ голодомъ и бунтами, онъ находилъ время посвящать свои интересы еще изслѣдованію внутренности материка; вмѣстѣ съ этимъ онъ старался вступить въ мирныя сношенія съ туземцами. Но было одно обстоятельство, которое могло въ теченіе времени отбить охоту къ службѣ даже у этого настойчиваго, выносливаго человѣка: пассивное, но зато тѣмъ болѣе упорное сопротивленіе, которое встрѣчало каждое его мѣропріятіе даже со стороны его собственныхъ отрядовъ. До конца 1790 года морской отрядъ, а затѣмъ и спеціально образованный для службы въ Австраліи ново-южно-уэльскій корпусъ противодѣйствовали буквально всякому его начинанію; даже акты парламента, въ силу которыхъ дѣйствовалъ Филиппъ, не принимались ими во вниманіе, и они сообразовались только съ военными законами.

Преемникъ губернатору Филиппу былъ назначенъ только въ концѣ 1795 года въ лицѣ Гентера, также моряка, сопровождавшаго уже экспедицію

1787 года. Почти трехлѣтній промежутокъ былъ заполненъ правленіемъ двухъ начальниковъ ново-южно-уэльскаго корпуса, — маіора Грозе и капитана Патерсона. Правленіе обоихъ замѣчательно тѣмъ, что неурядицы, съ которыми тщетно боролся Филиппъ, разрослись до ужасающихъ размѣровъ. На первомъ мѣстѣ стояло повальное пьянство, достигшее очень опаснаго распространенія, благодаря, главнымъ образомъ, широко ведшейся торговлѣ спиртными напитками, въ которой какъ солдаты милиціи, такъ и ихъ начальники на досугѣ видѣли свое главное призваніе. Кличка „ромный корпусъ“, данная вскорѣ этому войску, увѣковѣчила ихъ своеобразное понятіе о службѣ; самой же колоніи все это нанесло, само собою понятно, страшный вредъ. Вмѣсто того, чтобы создать изъ ссыльныхъ мирныя, трудолюбивыя семьи фермеровъ, ихъ губили алкоголемъ самаго низкаго достоинства; а грубый развратъ, возмутительныя насилія и безчеловѣчная жестокость, какъ послѣдствія всего этого, — явились въ порядкѣ вещей.

Точно также и губернаторъ-капитанъ Гентеръ (Hunter) во время своего управленія, продолжавшагося съ сентября 1795 до 1800 года, не въ состояніи былъ справиться съ этимъ зломъ. Правда онъ сумѣлъ положить конецъ своевольному господству военныхъ и ввести снова давно уже упраздненный гражданскій судъ; правда, что производство спирта въ колоніи по мѣрѣ силъ подавлялось, и обуздывалась общая развращенность,— но зло пустило уже слишкомъ глубокіе корни, чтобы его можно было уничтожить въ такое короткое время и особенно человѣку, недостаточно безпощадному, какимъ былъ Гентеръ. Пьянство шло, такимъ образомъ, спокойно своимъ чередомъ точно такъ же, какъ и распри среди самихъ бѣлыхъ и раздоры съ туземцами. По-прежнему въ рукахъ офицеровъ и чиновниковъ оставались обширныя земли, розданныя имъ предшественникомъ Гентера, и громадное число ссыльныхъ, которыми они распоряжались, какъ рабами. Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо осудить односторонне управленіе Гентера; напротивъ, оно во многихъ отношеніяхъ способствовало развитію колоніи. Прежде всего обработка обширныхъ земель, производившаяся землевладѣльцами при посредствѣ ссыльныхъ, оказала существенную помощь при недостаткѣ средствъ пропитанія, что является главнымъ зломъ колоніи вплоть до XIX столѣтія, — тогда какъ, съ другой стороны, это же обстоятельство повело къ монополизаціи всѣхъ экономическихъ выгодъ въ рукахъ немногихъ; и то и другое, впрочемъ, имѣлось въ свое время въ виду маіоромъ Грозе.

Болѣе односторонни, но не менѣе важны по своимъ послѣдствіямъ два новыхъ пріобрѣтенія, которыми можетъ похвалиться время правленія Гентера. Во первыхъ, при немъ знакомство съ материкомъ захватило большій районъ; въ теченіе 1797/98 гг. началось знакомство съ островной природой Вандименовой земли, затѣмъ проникли впервые въ Голубыя горы и наконецъ, открыли угольныя залежи у мыса Саландеръ. Къ тому же стало извѣстно, что скотъ, убѣжавшій въ началѣ колонизаціи, расплодился внутри страны, образуя громадныя стада одичалыхъ животныхъ.

Введеніе раціональнаго овцеводства съ цѣлью полученія шерсти, еще и по настоящее время самой важной отрасли хозяйства Австраліи, неразрывно связано съ именемъ Джона Макъ Артура. Во время грустной борьбы между губернаторомъ и солдатами въ этомъ офицерѣ сильнѣе всего выразилась роковая склонность къ производству спиртныхъ напитковъ и промышленію ими. Этому практическому человѣку, между прочимъ, австралійская винная торговля обязана и самымъ своимъ происхожденіемъ. Въ 1794 г. Макъ Артуръ выписалъ 60 бенгальскихъ овецъ изъ Калькутты и, присоединивъ къ нимъ немного времени спустя нѣсколько ирландскихъ, онъ путемъ скрещиванія получилъ породу со смѣшанной

шерстью. Въ 1797 году онъ, чтобы добиться болѣе тонкой шерсти, досталъ при посредничествѣ морскихъ офицеровъ нѣсколько овецъ изъ Капштадта. Случайно они оказались мериносами тонкошерстной породы, и это послужило ко благу страны: первая пара животныхъ, къ которой присоединились затѣмъ обыкновенныя капштадтскія овцы, какъ родоначальники огромныхъ стадъ, положили основаніе теперешнему богатству Австраліи.

Результаты скрещиванія, достигнутые Макъ Артуромъ, были поразительны. Когда онъ въ 1801 году, по поводу дуэли съ однимъ товарищемъ, былъ отозванъ въ Англію, онъ взялъ съ собою образцы шерсти собственной культуры и представилъ ихъ въ Лондонѣ на разсмотрѣніе экспертовъ. Отзывы этихъ послѣднихъ были необыкновенно благопріятны. Предложеніе Макъ Артура предоставить ему въ Австраліи землю и каторжниковъ для того, чтобы поставить дѣло на широкую ногу и снабжать шерстяную промышленность Англіи австралійскимъ матеріаломъ, прошло только въ 1804 году. Новый статсъ-секретарь Лордъ Кемденъ послалъ губернатору Новаго Южнаго Уэльса предписаніе предоставить Макъ Артуру въ вѣчное пользованіе 5000 акровъ земли (2000 гектаровъ) подъ пастбища, дать ему въ пастухи ссыльныхъ и вообще оказывать ему всевозможное содѣйствіе. По поводу этого состоялось постановленіе губернатора, которымъ дано было вообще разрѣшеніе на полученіе участковъ для овцеводства и скотоводства. Макъ Артуръ выбралъ землю въ лучшей части колоніи, у Тауруса, въ округѣ Каупастурѣ, гдѣ въ 1795 году были найдены одичалыя стада скота. Со своимъ стадомъ, увеличеннымъ покупками въ Англіи и Австраліи, онъ началъ хозяйство, названное имъ въ честь статсъ-секретаря Кемденъ Эстате. Оно является исходнымъ пунктомъ новой, быстро расцвѣтающей шерстяной промышленности.

Губернаторомъ съ 1800 г. былъ Филиппъ Джидлей Кингъ, человѣкъ, который явился болѣе чѣмъ кто либо другой подготовленнымъ къ тому, чтобы вытащить изъ болота погрязшій возъ австралійской колонизаціи. Кинга мы встрѣчали уже въ качествѣ вицегубернатора Норфолька (стр. 246), гдѣ онъ въ теченіе десятилѣтней борьбы съ природою и злобою отданныхъ подъ его защиту людей выказалъ себя съ самой лучшей стороны. Принятая имъ на себя миссія представляла мало утѣшительнаго. Корпусъ Новаго Южнаго Уэльса былъ болѣе могуществен въ странѣ, чѣмъ когда либо, и только что предъ этимъ доказалъ свое вліяніе въ Лондонѣ тѣмъ, что свергнулъ предшественника Кинга. Согласно съ этимъ отлично процвѣтала и водочная торговля, — въ одномъ Сиднеѣ было запаса не менѣе 20,000 галлоновъ (круглымъ счетомъ 90,000 литровъ). Товары другого рода буквально монополизировались чиновниками и офицерами, что составляло для нихъ очень важную статью дохода, хотя и не приносившую, какъ водка 1200 процентовъ чистой прибыли. Первымъ шагомъ Кинга было положить конецъ такому беззаконію. Уполномоченный лондонскимъ правительствомъ поставить выгрузку спиртныхъ напитковъ въ портѣ Джаксонъ въ зависимость отъ своего разрѣшенія, онъ осенью 1800 г. запретилъ ввозъ и торговлю ими безъ особаго на то разрѣшенія. Все же, что, несмотря на это, доставлялось кораблями, либо отсылалось обратно (за одинъ годъ, по Циммерману, не менѣе 32,000 галлоновъ или 144,000 литровъ спиртныхъ напитковъ и 22,000 галлоновъ или 100,000 литровъ вина), либо же покупалось Кингомъ и продавалось по дешевой цѣнѣ, что само по себѣ уже способствовало прекращенію прежней ростовщической торговли.

Легко можно себѣ представить, какой пріемъ мѣропріятія Кинга встрѣтили у новаго южно-уэльскаго корпуса, особенно если принять во вниманіе, какую протекцію этотъ корпусъ имѣлъ именно въ то время въ Лондонѣ. По причинѣ безпрерывныхъ европейскихъ войнъ доставка испанской шерсти въ Лондонъ сильно тормозилась, такъ что предложеніе Макъ Артура снаб-

жать рынокъ сырымъ матеріаломъ изъ Австраліи было съ благодарностью принято. Самъ Макъ Артуръ создалъ себѣ этимъ прекрасное положеніе на родинѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь ново-южно-уэльскій корпусъ, самымъ вліятельнымъ членомъ котораго онъ былъ. Однако, при всемъ озлобленіи корпуса, до открытой враждебности противъ губернатора дѣло не дошло. Корпусъ, само собою, старался дѣлать жизнь губернатора по возможности невыносимой, дѣйствуя на каждомъ шагу вопреки его распоряженіямъ, на что Кингъ отвѣчалъ ограниченіемъ полномочій войска въ чисто военныхъ дѣлахъ; все это, однако, не заходило настолько далеко, чтобы мѣшать губернатору открыто и честно помогать Макъ-Артуру въ его предпріятіи по производству шерсти. Тѣмъ не менѣе безконечныя непріятности заставили въ концѣ концовъ Кинга сложить съ себя въ іюлѣ 1805 г. свою отвѣтственную должность. Онъ ушелъ, не ожидая и не получивъ благодарности отъ Лондонскаго правительства, у котораго его противники находили всегда больше довѣрія, чѣмъ онъ; но онъ могъ унести съ собою сознаніе, что сдѣлалъ для колоніи очень многое.

Важнымъ въ географическомъ отношеніи и имѣвшимъ большое значеніе для позднѣйшей колонизаціи было сдѣланное во время управленія Кинга обслѣдованіе восточнаго берега и западной части южнаго между мысомъ Стефенсомъ (33° южн. ш.) и мысомъ Пальмерстономъ (22° южн. ш.), а затѣмъ съемка плана залива Карпентаріи Матью Флиндерсомъ. Истинное завоеваніе материка посредствомъ заселеній, охватившихъ большое пространство страны, было также его дѣломъ. Поводомъ къ усиленному заселенію послужили неустанныя попытки французовъ стать твердою ногою въ Австраліи. Хотя Кингъ отстаивалъ предъ французскими изслѣдователями болѣе древнія права Англіи, но въ то же время онъ счелъ нужнымъ увеличеніемъ числа заселенныхъ мѣстъ сдѣлать эти права для всѣхъ очевидными. Въ 1803 году занята была Вандименова земля и, чтобы одновременно избавиться отъ самыхъ опасныхъ ссыльныхъ, основана на лѣвомъ берегу Дервента колонія Рестдоунъ (впослѣдствіи извращенная въ Рисдонъ); въ то же время изъ Лондона сдѣлана первая (конечно, неудачная) попытка создать поселеніе въ портѣ Филиппѣ, большой бухтѣ, у которой теперь лежитъ Мельбурнъ, и, наконецъ, было положено основаніе Дальримплю, у сѣвернаго берега Вандименовой земли, и Ньюкастлю, нынѣшней второй по значенію гавани Новаго Южнаго Уэльса.

Своими политико-экономическими успѣхами Кингъ къ концу своей дѣятельности могъ остаться также доволенъ. При уходѣ Филиппа 1792 г. постоянной культурой было занято около 1700 акровъ (680 гектаровъ), а полезныя животныя едва насчитывались дюжинами; 1796 г., спустя годъ по вступленіи въ должность Гентера, полезныхъ животныхъ въ странѣ было 5000; количество пахотной земли достигало до 5400 акровъ (2100 гектаровъ). Въ августѣ 1798 года числа, по Іенксу, были слѣдующія: 6000 акровъ (2400 гектаровъ) и 10,000 головъ скота; для августа 1799: 8000 акровъ (3200 гектаровъ) и 11.000 головъ скота. Бѣлое населеніе насчитывало при вступленіи Гентера въ должность 4000 душъ; при его уходѣ въ 1800 году оно возрасло по Мосману до 6000. За время пятилѣтняго управленія Кинга состояніе колоній выразилось слѣдующими цифрами; въ 1806 г., по Циммерману, земель было роздано или оставлено за казной 165,882 акра (66,353 гектара), изъ которыхъ расчищено было 20,000 (8000). Изъ нихъ подъ пшеницей было 6000 акровъ, подъ маисомъ 4000, подъ ячменемъ 1000, подъ картофелемъ 185; 433 было занято садами. Изъ розданныхъ земель во владѣніи чиновниковъ было 15,620 акровъ, офицеровъ — 2067; 18,666 акровъ были собственностью 405 освобожденныхъ ссыльныхъ. Свободныхъ поселенцевъ было 112 человѣкъ; сверхъ того было 80 вольноотпущенныхъ матросовъ и солдатъ и 13 человѣкъ, рожденныхъ въ колоніи. Составъ скота былъ къ этому времени слѣдующій: 566 лошадей, 4790 головъ рогатаго

скота, 23,110 овецъ, 2283 козы, 7019 свиней — всего 37,768 домашнихъ животныхъ. Наконецъ, бѣлое населеніе въ 1886 году считалось въ 9462 души. Изъ нихъ мужчинъ 5172, женщинъ 1701, дѣтей 2,589.

Въ іюлѣ 1805 г. преемникомъ Кингу былъ назначенъ Вильямъ Блигъ, давно извѣстный въ кругу географовъ своимъ чудеснымъ морскимъ путешествіемъ, которое онъ совершилъ въ 1789 г. въ открытой лодкѣ черезъ значительную часть Тихаго и Индійскаго океановъ. Получивъ, въ качествѣ капитана корабля Боунти, порученіе пересадить хлѣбное дерево изъ Таити въ Вестъ-Индію, онъ съ 18 людьми былъ высаженъ во время пути недовольнымъ его безпощадною строгостью экипажемъ въ лодку, въ которой послѣ продолжительнаго плаванія прибылъ въ Батавію, тогда какъ остальной экипажъ частью вернулся въ Таити, частью основалъ на островѣ Питкаирнъ небольшое государство, о которомъ впослѣдствіи такъ много писали. Чудесное спасеніе Блига не смягчило прежней рѣзкости его характера; будучи командиромъ одного линейнаго корабля, онъ своею суровостью вызвалъ бунтъ среди экипажа; точно также въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, куда онъ прибылъ въ серединѣ августа 1806 года, онъ успѣлъ съ самаго начала возстановить противъ себя всѣхъ своей безчеловѣчною строгостью. Въ честныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать преуспѣянію находившейся тогда въ полномъ расцвѣтѣ колоніи у него, конечно, не было недостатка, но ему не хватало истиннаго пониманія положенія вещей. Всякаго рода произволъ, ужасныя тѣлесныя наказанія, даже по отношенію къ свободнымъ поселенцамъ, срываніе домовъ, положеніе которыхъ ему не нравилось, послѣдовавшее въ 1807 г. насильственное переселеніе колонистовъ изъ Норфолька въ Вандименову землю, — все это были поступки, которые сдѣлали ненавистнымъ новаго губернатора, оттолкнувшаго отъ себя сверхъ того лучшихъ людей и окружившаго себя личностями, пользовавшимися дурной репутаціей.

Случай, при которомъ озлобленіе прорвалось наружу, составляетъ, какъ выражается Эдвардъ Іенксъ въ своей „History of the Australasian Colonies", самое яркое событіе въ исторіи молодой колоніи. Дѣйствуя въ духѣ мѣропріятій Кинга, направленныхъ противъ самовластія ново-южно-уэльскаго корпуса и желая главнымъ образомъ бороться противъ все еще господствовавшей водочной торговли, Блигъ издалъ въ февралѣ 1807 года постановленіе, которымъ совершенно запрещалось производство спиртныхъ напитковъ и торговля ими, равно какъ и установка дистилляторовъ у частныхъ владѣльцевъ. Между тѣмъ Макъ Артуръ выписалъ изъ Англіи для опытовъ, предпринятыхъ имъ также и по винодѣлію (стр. 248), дистиллизаціонный аппаратъ. По приказанію губернатора этотъ аппаратъ былъ отобранъ и отправленъ назадъ. Установившіяся вслѣдствіе этого натянутыя отношенія обострились тѣмъ, что Блигъ обвинилъ Макъ Артура въ пріобрѣтеніи 5000 акровъ пастбищъ путемъ фальшивыхъ показаній. Въ свое оправданіе Макъ Артуръ сослался на постановленіе Privy Council; Блигъ отвѣтилъ тѣмъ, что притянулъ его къ суду, когда какой-то ссыльный убѣжалъ на одинъ изъ его кораблей, а затѣмъ, когда тотъ не пожелалъ явиться, — арестовалъ его. Если даже по сути дѣла право и было на сторонѣ Блига, то, въ виду исключительнаго положенія Макъ Артура, рѣзкій поступокъ губернатора былъ по меньшей мѣрѣ безтактенъ. Раздраженіе ново-южно-уэльскаго корпуса тотчасъ проявилось на дѣлѣ. По настоянію офицеровъ, маіоръ Джонстонъ освободилъ 26 января 1808 года узника, занялъ правительственное зданіе, объявилъ, по требованію Макъ Артура и другихъ видныхъ колонистовъ, губернатора отставленнымъ отъ должности и послалъ его плѣнникомъ на одинъ изъ кораблей, стоявшихъ въ гавани. Всѣ лица, причастныя къ управленію и державшія сторону губернатора, были отставлены или арестованы; колонія была объявлена на военномъ положеніи и почти два года, до прибытія новаго губернатора,

(31 декабря 1809 г.), управлялась Джонстономъ и членами военнаго корпуса. Самъ Макъ Артуръ при вторичномъ разбирательствѣ былъ единогласно оправданъ.

Отношеніе британскаго правительства къ этому печальному событію, долго оставалось неизвѣстнымъ. Прежде всего извѣстіе о случившемся дошло до Англіи лишь въ концѣ года; но тамъ всѣ такъ были заняты войною съ Наполеономъ, что прошелъ еще годъ, прежде чѣмъ рѣшили предпринять что либо противъ мятежниковъ. Посломъ явился Лахланъ Маккари. Джонстонъ, обвиняемый въ бунтѣ, былъ отправленъ подъ строгимъ конвоемъ въ Англію. Всѣ назначенія по службѣ и раздача земель, совершившіяся послѣ ареста Блига, были объявлены не имѣющими силы, а всѣ прежніе чиновники снова возвращены на свои мѣста. Блигъ, который все еще находился въ Австраліи, на кораблѣ, былъ снова признанъ губернаторомъ, но тотчасъ же отозванъ и замѣщенъ Маккари; наконецъ, самъ Макъ Артуръ былъ высланъ изъ страны. Такимъ образомъ, худшій жребій выпалъ на его долю: сосредоточившій всѣ свои интересы на хозяйствѣ, онъ долгіе годы долженъ былъ оставаться вдали отъ страны и своихъ предпріятій. Только въ 1817 году ему разрѣшено было вернуться въ Камденъ Эстате. Джонстона постигла лучшая участь; благодаря Маккари, который удовлетворительнымъ образомъ освѣтилъ характеръ и образъ дѣйствій Блига, Джонстонъ получилъ только отставку. Что касается, наконецъ, самого Блига, то его на родинѣ осыпали почестями; онъ сдѣлался адмираломъ, Fellow of the Royal Society и умеръ 7-го декабря 1817 г.

Маккари прибылъ не одинъ изъ Англіи; онъ привезъ съ собою цѣлый полкъ линейныхъ солдатъ. Это означало ни болѣе, ни менѣе, какъ полнѣйшее измѣненіе системы. Ново-южно-уэльскій корпусъ былъ присоединенъ къ англійскому войску и отозванъ навсегда изъ Австраліи; вмѣсто этого войска, испорченнаго двадцатилѣтнимъ пребываніемъ въ колоніи ссыльныхъ, губернаторъ отнынѣ располагалъ хорошо обученной регулярной арміей. Положеніе Маккари было вообще благопріятнѣе, чѣмъ положеніе всѣхъ его предшественниковъ. Двадцать лѣтъ работы создали, несмотря на всѣ препятствія и временныя затишья, большія богатства; особенно сильно расцвѣла колонія во время управленія Кинга. Бѣлыхъ колонистовъ насчитывалось въ 1810 г. уже 11,590; 7615 акровъ было подъ пахотой; число рогатаго скота достигало 12,442 головъ, овецъ 25,888; таможенные сборы давали ежегодный доходъ въ 8000 фунтовъ стерлинговъ.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ служба Маккари могла принять характеръ положительный, дѣятельный, что также соотвѣтствовало больше всего и его натурѣ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенною противоположностью Блигу, который всѣ свои силы направлялъ только на подавленіе зла и совершенно лишенъ былъ всякаго организаторскаго таланта. Первой заботой Маккари было созданіе сравнительнаго благоустройства въ Сиднеѣ. Онъ его почти перестроилъ наново; прокладка хорошихъ улицъ, введеніе констеблей, постройка общественныхъ зданій, особенно школъ и церквей, устройство бульваровъ,—все это было его дѣломъ. Въ 1816 году къ этому присоединилось открытіе перваго банка, три года спустя—сберегательной кассы. Маккари заботился также о проведеніи хорошихъ дорогъ въ окрестностяхъ города и объ урегулированіи русла рѣкъ; онъ поощрялъ вообще культивированіе почвы во всѣхъ направленіяхъ, и не послѣднимъ средствомъ къ тому являлась его необыкновенная щедрость въ раздачѣ земель. Эта щедрость, наряду съ широкимъ пользованіемъ общественными суммами, т. е. средствами родины для своихъ реформъ, навлекла на него уже тогда много нареканій какъ въ Англіи, такъ и въ Австраліи.

Такое же значеніе, какъ старанія Маккари улучшить внутреннее моральное и экономическое состояніе колоніи, имѣютъ и его стремленія расширить колонизаціонную область. Его четыре предшественника по

должности были всѣ безъ исключенія моряки, географическіе интересы которыхъ исчерпывались путешествіями для изслѣдованія береговъ. Очертаніе и форма австралійскаго материка были, положимъ, при этомъ окончательно установлены; зато знакомство бѣлыхъ съ внутренностью материка, по прошествіи цѣлой четверти столѣтія послѣ высадки ихъ въ Ботанибеѣ, все еще ограничивалось только узкою полосою между берегомъ и Голубыми горами на западѣ, которыя считались съ самаго начала непреодолимой преградой. Маккари склонилъ колонистовъ къ новымъ изслѣдованіямъ, и вотъ въ 1813 году Уэнтвортъ, Блекслендъ и Лаусонъ открыли, наконецъ, путь черезъ горы, за которыми ихъ встрѣтили безпредѣльныя равнины плодородной страны. Маккари, несмотря на сотни километровъ непроходимыхъ дебрей между Сиднеемъ и новою областью, тотчасъ же взялъ въ свои руки постройку дороги, открытіе которой могло состояться уже въ 1815 г. Одновременно съ этимъ, было основано мѣстечко Бетёрстъ, какъ центръ новой области, сдѣлавшейся вскорѣ мѣстомъ очень дѣятельной культивировки пастбищъ и исходнымъ пунктомъ быстраго расцвѣта колоній. Второму расцвѣту Новаго Южнаго Уэльса не мало способствовало благопріятное время, въ которое послѣдовало открытіе и доступъ къ новой области. Съ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ у Англіи развязались руки; съ своей стороны и частныя лица стали посвящать бо́льшій интересъ владѣніямъ по ту сторону моря. Новый Южный Уэльсъ сдѣлался теперь цѣлью все усиливающейся иммиграціи, прибавлявшей къ прежнимъ элементамъ, состоявшимъ либо изъ выслужившихся солдатъ, либо изъ освобожденныхъ ссыльныхъ, значительный процентъ свободныхъ поселенцевъ. Самъ Маккари не относился дружелюбно къ новому населенію; онъ съ самаго начала придерживался мнѣнія: Австралія для ссыльныхъ и старался всѣми средствами препятствовать притоку новыхъ пришельцевъ. Въ 1818 г. ему даже удалось добиться того, что ихъ лишили безплатнаго переѣзда, введеннаго съ основанія колоніи. Но послѣдствія такого шага были, однако, не тѣ, которыхъ ожидалъ Маккари: мелкій людъ, конечно, не появлялся больше, но не исчезъ поселенецъ зажиточный; а этотъ послѣдній былъ въ состояніи приступить тотчасъ же къ крупному производству; ему нужно было для этого купить только овецъ: землю и ссыльныхъ въ качествѣ пастуховъ доставляло ему правительство. Такимъ путемъ онъ становился сразу крупнымъ землевладѣльцемъ; ссыльному же мѣропріятія Маккари никакой пользы не принесли. Явное покровительство несвободной части населенія вызвало съ теченіемъ времени, при всей популярности Маккари, враждебное ему теченіе среди свободныхъ, которое привело въ концѣ концовъ къ отставкѣ заслуженнаго губернатора. Недовольство правительства противъ него раздувалось, кромѣ того, еще подстрекательствами со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ. Эти послѣдніе требовали для своихъ пастбищъ обширныя пространства земли; губернаторъ же защищалъ интересы мелкихъ поселянъ, образовавшихся изъ освобожденныхъ ссыльныхъ; это и подало окрѣпшей шерстяной промышленности достаточный поводъ добиваться отставки Маккари, чего она и достигла въ 1821 г.

Своею дѣятельностью Маккари могъ остаться еще болѣе удовлетвореннымъ, чѣмъ Кингъ. Уже цифры представляютъ совсѣмъ иную картину, чѣмъ раньше: въ 1821 бѣлое населеніе колоніи насчитывало круглымъ числомъ 39,000 душъ; обработанной земли было 32,267 акровъ; рогатый скотъ достигалъ 103,000 головъ; лошадей было 4,564 и болѣе четверти милліона овецъ. Ежегодный доходъ съ общины составлялъ 30,000 фунтовъ стерлинговъ. При этомъ отличное внутреннее благоустройство и небезосновательная надежда, что не изсякнетъ потокъ переселенцевъ, — словомъ, уходившій губернаторъ могъ вполнѣ сознавать, что только одной его одиннадцатилѣтней напряженной дѣятельности обязана Австралія тѣмъ, что была вырвана изъ болота распущенности и безнадежнаго, повидимому, положенія.

c) Развитіе Новаго Южнаго Уэльса до средины XIX столѣтія.

Какъ вступленіе Маккари въ управленіе колоніей принесло съ собою перемѣну всей системы правленія, точно также перемѣной сопровождался и уходъ его. Въ первомъ случаѣ военное управленіе уступило мѣсто гражданскому, во второмъ — самодержавіе замѣнилось началомъ конституціи. И дѣйствительно, до этого времени всѣ губернаторы колоніи были самодержцами: они по собственному усмотрѣнію опредѣляли способъ колонизаціи и воплощали въ себѣ законодательную власть; они даже представляли собою высшую аппелляціонную инстанцію. Губернаторы, хотя и были отвѣтственны передъ британскимъ колоніальнымъ вѣдомствомъ, — но Лондонъ былъ далеко, а политическое положеніе Европы было не таково, чтобы Австраліей могли много заниматься. Девизъ Блига: my will is the law (воля моя — законъ) характеризуетъ положеніе вещей. Пока главная масса населенія состояла изъ ссыльныхъ или же изъ отбывшихъ свое наказаніе, соединеніе неограниченныхъ полномочій въ однѣхъ рукахъ было умѣстно; но съ того момента, какъ преобладающимъ стало свободное населеніе, оно сдѣлалось невозможнымъ. Уже въ 1812 году былъ поднятъ вопросъ объ образованіи совѣта изъ среды чиновниковъ и колонистовъ; Маккари, однако, считалъ подобное учрежденіе, оказавшееся полезнымъ во всѣхъ другихъ англійскихъ колоніяхъ, непригоднымъ для Австраліи.

Съ его уходомъ ограниченіе власти губернатора сдѣлалось, наконецъ, совершившимся фактомъ. По постановленію 19 іюля 1823 г., при губернаторѣ долженъ былъ состоять совѣтъ, и каждый законъ подлежалъ его утвержденію; въ обязанности чиновъ совѣта, числомъ отъ пяти до семи, входилъ также до нѣкоторой степени и финансовый контроль. Только въ случаѣ возстанія губернатору предоставлялась диктаторская власть. Если большинство совѣта высказывалось противъ какого-нибудь закона, то его надлежало для разрѣшенія представить правительству. Коренныя реформы были предприняты также и въ области юридической. До сихъ поръ высшей инстанціей во всѣхъ вопросахъ, касавшихся права, былъ губернаторъ; теперь же эти вопросы не подлежали больше его рѣшенію и переданы были высшей судебной палатѣ, основанной по англійскому образцу; только право помилованія преступниковъ, но подъ условіемъ разрѣшенія со стороны англійскаго правительства, оставалось еще за губернаторомъ.

Первымъ губернаторомъ при этихъ новыхъ порядкахъ былъ сэръ Томасъ Брисбенъ (Brisbane), (1821—25). Его управленіе не выходило за предѣлы предоставленной губернатору власти; зато онъ посвятилъ главное свое вниманіе дальнѣйшему изслѣдованію материка и открытію новыхъ областей. При немъ прослѣдили теченіе Муррея и Муррумбиджи; пересѣкли страну поперекъ и проникли вплоть до Южнаго берега, вблизи нынѣшняго Мельбурна, занялись изслѣдованіемъ побережій Куинслэнда и Сѣверной Австраліи, а поселеніями въ различныхъ очень отдаленныхъ пунктахъ обезпечили материкъ отъ новыхъ притязаній со стороны французовъ. Брисбеномъ также создана первая обсерваторія на австралійской землѣ.

Въ экономическомъ смыслѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ плоды этой научной дѣятельности, имѣло его отношеніе къ колонизаціи вновь открываемыхъ областей внутри страны. Маккари ставилъ заселеніе внутри материка въ зависимость отъ своего личнаго усмотрѣнія. Брисбенъ былъ либеральнѣе: онъ раздавалъ свободнымъ переселенцамъ, число которыхъ безостановочно наростало, земли подъ пастбища безвозмездно и отвелъ основавшейся въ 1824 году въ Англіи съ капиталомъ въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ Australian Agricultural Company ни болѣе ни менѣе, какъ милліонъ акровъ (4000 кв. км.) земли у Портъ-Стефенса и въ Ливерпуль Плейнсъ. Промышленность и торговля также встрѣчали съ его стороны всякаго рода поощренія; въ 1825 году имѣлось

45,514 акровъ пахотной земли; было вывезено болѣе 4000 центнеровъ шерсти, и около 30 австралійскихъ кораблей занималось рыболовствомъ и торговлей. Доходы (свыше 70,000 фунтовъ стерлинговъ) съ 1821 года болѣе чѣмъ удвоились.

Еще два значительныхъ, по существу своему различныхъ, событія совершилось во время правленія Брисбена: отдѣленіе острова Вандименовой земли отъ Новаго Южнаго Уэльса и оффиціальное признаніе свободы печати. Первое было рѣшено въ 1823 году и вступило въ силу въ 1825; свобода же печати, хотя и была объявлена въ 1824, но при преемникѣ сэра Томаса не вошла еще въ силу. Фактически это совершилось только съ четвертаго десятилѣтія, при Боурке (стр. 257).

Преемникомъ Брисбена былъ сэръ Ральфъ Дарлингъ, руководившій съ 1825 по 1831 гг. судьбами колоніи. „Любимцемъ народа“, какъ означаетъ его имя, онъ не сдѣлался за эти шесть лѣтъ своей службы. Онъ продолжалъ, положимъ, съ успѣхомъ политику своего предшественника по расширенію колонизаціонной области и къ ряду англійскихъ станцій прибавилъ еще Вестернпортъ на югѣ и Шарксбей на западѣ: и на этотъ разъ цѣлью заселеній было опередить предполагавшееся водвореніе французовъ; но въ самой колоніи его дѣятельность мало способствовала тому, чтобы онъ могъ пріобрѣсти себѣ друзей. Не только ссыльные въ его глазахъ вообще не заслуживали никакого гуманнаго обращенія, но и со свободными онъ обращался своевольно и жестоко, Двухъ солдатъ, укравшихъ штуку матеріи въ надеждѣ быть сосланными въ Вандименову землю, онъ приказалъ, несмотря на состоявшійся въ этомъ смыслѣ приговоръ введеннаго тѣмъ временемъ суда присяжныхъ, сковать вмѣстѣ, надѣть на каждаго изъ нихъ тяжелое желѣзное ожерелье съ шипами, обращенными къ шеѣ; и въ такомъ видѣ заставилъ ихъ при жгучей жарѣ работать при постройкѣ дороги. Одинъ изъ несчастныхъ, страдавшій болѣзнью сердца, умеръ черезъ нѣсколько дней; другой потерялъ разсудокъ. Для оппозиціонныхъ газетъ, существовавшихъ со времени Брисбена, такой случай далъ поводъ къ жестокимъ нападкамъ; отвѣтомъ на нихъ было уничтоженіе свободы печати.

Тѣмъ не менѣе у Дарлинга нельзя отнять его заслугъ въ развитіи колоніи. Сюда относятся его рѣшительныя мѣры противъ бродяжничества, или bushranger, и его планомѣрное отношеніе къ поземельному вопросу, становившемуся съ каждымъ годомъ все болѣе затруднительнымъ. Со стороны Лондонскаго правительства въ этой области было сдѣлано очень много попытокъ; до средины столѣтія одно „регулированіе“ слѣдовало за другимъ. Съ 1824 года земли раздавались даромъ; налогъ состоялъ только въ опредѣленной, весьма незначительной годовой платѣ (quitrent), нѣсколько разъ видоизмѣнявшейся: съ 2 шилинговъ за 100 акровъ для свободныхъ и 6 пенсовъ за 30 акровъ для вольноотпущенныхъ, она постепенно повысилась до 5 процентовъ съ оцѣнки стоимости земли. Губернаторъ Брисбенъ въ 1824 г. сдѣлалъ эти условія болѣе тяжелыми. Прежде всего онъ отмѣнилъ вообще безвозмездную раздачу земель и установилъ покупную цѣну въ 5 шиллинговъ за акръ; кромѣ того, дѣйствовавшее съ основанія колоніи обязательство содержать и прокармливать на каждые 100 акровъ земли по одному преступнику онъ видоизмѣнилъ въ томъ смыслѣ, что увеличилъ число ихъ до пяти. Къ этому присоединяется еще quitrent въ 2 шиллинга за каждые 100 акровъ. Но даже такія условія не могли ограничить бурнаго спроса на землю, такъ что въ 1828 году Дарлингъ прибѣгнулъ къ учрежденію особаго управленія. Для урегулированія дѣла раздачи земель это былъ неоспоримый шагъ впередъ. Но это такъ же мало разрѣшило земельный вопросъ, какъ и послѣдовавшее затѣмъ въ 1831 году изъ Лондона постановленіе, въ силу котораго губернаторъ долженъ былъ продавать земли съ публичныхъ торговъ. Наименьшая оцѣнка была 5 шиллинговъ за акръ,

соотвѣтствовавшая постановленію Брисбена отъ 1824 г.; наибольшее количество земли, на которое имѣлъ право одинъ покупатель, было 9600 акровъ.

Цѣлью такого ограниченія было подавленіе принявшихъ неимовѣрные размѣры земельныхъ спекуляцій. Преимущество должно было отдаваться дѣйствительнымъ поселенцамъ, а занятіе земель подъ хозяйство должно было отвѣчать истиннымъ потребностямъ колоніи. Наконецъ, необходимо было также подумать и о будущемъ съ его растущими земельными потребностями. Однако, результаты не соотвѣтствовали неутомимымъ заботамъ правительства. При указѣ Дарлинга въ 1831 году пространство проданной или заарендованной земли равнялось 3.422.000 акровъ; такое количество, само собою, не въ состояніи были обработать 51.155 бѣлыхъ колонистовъ. Въ короткій промежутокъ времени отъ 1831 до 1835 гг. это число увеличилось не менѣе чѣмъ на 585.000 акровъ, пріобрѣтенныхъ путемъ аукціона. Правительство получило за нихъ сумму въ 202.600 фунтовъ стерлинговъ; но въ то же время оно было увѣрено, что изъ этихъ земель лишь меньшая часть была пріобрѣтена съ цѣлью непосредственной обработки,—большая же часть была чисто спекулятивной куплей, Это же относилось и къ 1.548.700 акрамъ, проданнымъ съ публичныхъ торговъ въ 1836—1840 гг. (1836 : 389,500; 1837 : 368,600; 1838 : 315,300; 1839 : 285,900; 1840 : 189,400 акровъ). Указазаны въ этихъ цифрахъ пространства слишкомъ колоссальны, чтобы въ нихъ могла выразиться, если даже принять во вниманіе оживленную эмирграцію этихъ лѣтъ, дѣйствительная потребность въ землѣ. Какъ бы то ни было, эти цифры служатъ признакомъ сильнаго подъема, на встрѣчу которому шла тогда колонія, — расцвѣтъ, прерванный, впрочемъ, уже въ началѣ сороковыхъ годовъ роковымъ экономическимъ кризисомъ: начало его выражается въ вышеприведенныхъ цифрахъ за 1839 и 1840 года.

a) Поземельный вопросъ.

Наряду съ безумной земельной спекуляціей, правительству причинялъ тяжелыя заботы еще другой способъ пріобрѣтенія земли: чисто австралійскій обычай скваттерства. Это слово и связанное съ нимъ понятіе первоначально зародились въ сѣверной Америкѣ; но въ развитіи Австраліи скваттерство сыграло относительно большую роль, чѣмъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Оно состояло въ томъ, что скотоводы самовольно, безъ всякаго разрѣшенія и безъ уплаты покупныхъ денегъ, занимали подъ выгоны и въ пользованіе земли, что дѣлало невозможнымъ законное ихъ распредѣленіе между позднѣйшими претендентами. Уже сама природа выгоновъ требуетъ, чтобы занимаемыя подъ нихъ земли имѣли значительное протяженіе. Кромѣ того, во избѣжаніе вѣчныхъ споровъ и ссоръ, скотоводамъ не оставалось другого исхода, какъ прибѣгнуть къ тому, къ чему прибѣгаютъ всѣ выгонныя общества при обыкновенныхъ условіяхъ, да и вообще всѣ примитивные народы: тамъ, гдѣ земля не представляла естестенныхъ границъ, для устройства же искусственныхъ не имѣлось ни желанія, ни времени, ни средствъ, естественное раздѣленіе достигалось просто тѣмъ, что между отдѣльными хозяйствами оставлялись безъ всякаго употребленія широкія пространства. И здѣсь, слѣдовательно, проявлялся первоначальный характеръ границы, какъ межи какимъ онъ ярко выступаетъ въ пустыняхъ и въ полосахъ дѣвственнаго лѣса африканскихъ государствъ-деревень, и какимъ онъ обыкновенно былъ въ юную пору европейскихъ культурныхъ народовъ.

Для правительства изъ такого положенія вещей вытекали затрудненія самаго разнообразнаго характера. Оно съ самаго начала объявило весь материкъ своею собственностью, а всѣ земли казенными. Этимъ оно, положимъ, получало неоспоримое право безграничнаго распоряженія землями; но съ другой стороны оно безспорно наложило на себя обязанность руко-

водить ихъ распредѣленіемъ и притомъ такимъ образомъ, чтобы всѣ стороны, заинтересованныя въ развитіи колоніи, которому нужно было способствовать всѣми силами—метрополія, колоніальное правительство и поселенцы—были бы удовлетворены. Однако, при быстро развившейся, именно при скваттерствѣ, розни интересовъ между крупнымъ землевладѣніемъ и мелкимъ хозяйствомъ, между скотоводствомъ и земледѣліемъ, это было далеко не легкой задачей.

Для рѣшенія ея было предпринято много самыхъ разнообразныхъ мѣръ. Уже въ 1833 г. губернаторъ Сэръ Робертъ Боурке (Bourke 1831—1838 гг.) сдѣлалъ попытку подавить скваттерство постановленіемъ, въ силу котораго за своевольнымъ захватомъ земли не признавалось никакихъ правъ. Когда и это ни къ чему не привело, а, напротивъ того, все больше росло число скотоводовъ, отправлявшихся искать свое счастье внутрь страны, какъ только оскудѣвалъ кормъ въ области побережья, парламентъ въ 1836 году приступилъ къ разслѣдованію, результатомъ котораго въ общихъ чертахъ явилось признаніе постановленія 1831 года. Одна часть членовъ коммиссіи высказалась за высокія цѣны на землю; другіе, напротивъ того, считали уже слишкомъ высокой прежнюю минимальную плату въ 5 шиллинговъ за акръ на томъ основаніи, что какъ разъ цѣны на землю являются главнымъ поводомъ къ скваттерству. Губернаторъ Новаго Южнаго Уэльса былъ поэтому уполномоченъ уменьшать, смотря по надобности, вышеназванную минимальную плату.

Но и это мѣропріятіе не имѣло ожидаемаго успѣха. Самовольные захваты обширныхъ областей внутри страны принимали, напротивъ того, все большіе размѣры; а кровавая борьба съ туземцами, распри между самими скваттерами и все усиливающееся недовольство мелкихъ крестьянъ, страдавшихъ отъ захвата земель, были въ порядкѣ вещей. Поэтому, въ виду невозможности подвести само скваттерство хотя бы подъ нѣкоторый контроль, уже въ 1837 году новое распоряженіе губернатора поставило пользованіе имъ въ зависимость отъ опредѣленнаго налога; всякій, уплатившій налогъ имѣлъ право поселиться фермеромъ внутри страны, выбравъ мѣсто по своему усмотрѣнію. На доходъ отъ этого налога былъ учрежденъ и содержался новый полицейскій отрядъ, на обязанности котораго лежала забота объ общественномъ спокойствіи и порядкѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, эта мѣра также не устранила недостатковъ, съ какими неизбѣжно связано молодое хозяйство. Положимъ, что скотоводство, а вмѣстѣ съ нимъ и доходность достигли необыкновеннаго расцвѣта: рогатаго скота насчитывали въ 1839 г. уже четверть милліона; положимъ, что казенный мѣшокъ наполнялся отъ тяжести налога на пастбища, установленнаго тогда въ 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, къ которому присоединились еще 1 пенни подати за каждую овцу, 3 пенса за голову рогатаго скота и 6 пенсовъ за лошадь; положимъ, что только предпріимчивому духу скотоводовъ обязана колонія своею экономическою самостоятельностью (изъ возросшаго въ 1840 г. до 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ вывоза значительно большая часть падала на долю шерстяной промышленности). Но безспорно и то, что однородность налога приносила съ собою тяжелыя неурядицы и что поощряемая этимъ форма крупнаго пастбищнаго хозяйства вліяла глубоко, но неблаготворно на все соціальное развитіе бѣлаго населенія материка.

Право занять землю зависѣло, конечно, отъ уплаты налога, но все остальное, выборъ мѣстоположенія земли, какъ и ея размѣры, было вполнѣ предоставлено благоусмотрѣнію колониста. Излишней скромностью никто изъ нихъ не страдалъ: каждый бралъ столько, сколько могъ или насколько дозволяло это сосѣдство уже занятыхъ областей. При такомъ порядкѣ вещей большая часть пастбищныхъ пространствъ была значительно обширнѣе, чѣмъ это было необходимо для наличности живот-

ныхъ землевладѣльца, даже принявъ во вниманіе приростъ стадъ — причина, на которую часто указывалось; владѣнія, по размѣрамъ своимъ равныя нѣмецкому княжеству, были не рѣдкостью. Пока свободныхъ земель было въ изобиліи, это было еще допустимо. Но, когда ихъ стало меньше, эти колоссальныя помѣстья, препятствуя колонизаціи, давали себя чувствовать тѣмъ непріятнѣе, что для всѣхъ стали теперь очевидны и громадныя неравенства въ землевладѣніи. Что въ этомъ отношеніи нужно приписать постановленію 1837 года, могутъ показать немногіе примѣры. Помимо обширныхъ земель, которыя слишкомъ поспѣшно были предоставлены Australian Agricultural Company (1 милліонъ акровъ) и помимо безвозмездной раздачи земель офицерамъ и чиновникамъ ново-южно-уэльскаго корпуса, остальная раздача земель въ первыя десятилѣтія не выходила изъ предѣловъ умѣренности: даже богачи не могли присвоить себѣ болѣе пары сотенъ акровъ. Иначе были поставлены короли стадъ въ четвертомъ и пятомъ десятилѣтіи! Когда губернаторъ Джиппсъ въ 1845 г. подвергъ владѣнія нѣкоторыхъ колонистовъ ближайшей ревизіи, онъ нашелъ, что въ одномъ округѣ восемь человѣкъ при столькихъ же привилегіяхъ владѣли 1.747.000 акровъ, тогда какъ въ томъ же округѣ девять другихъ при девяти привилегіяхъ имѣло только (!) 311.000 акровъ; четверо самыхъ крупныхъ скотоводовъ всей колоніи обладали 7.750.000 акрами, т. е. они владѣли областью, болѣе, чѣмъ въ два раза, превосходившею по величинѣ королевство Саксонію.

Колоссальные размѣры такихъ помѣстій не могли не имѣть дурныхъ послѣдствій для всей колоніи. Какъ, съ одной стороны, пастбищное хозяйство требуетъ наличности большихъ пространствъ, такъ, съ другой, оно обусловливаетъ собою, особенно при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ Австраліи, участіе лишь немногихъ рабочихъ рукъ; даже самыя большія овцеводства занимаютъ постоянной работой только небольшое число людей. Изъ этого вытекаетъ непосредственно двойной вредъ для всей массы населенія: шерстяное производство хотя и привлекаетъ въ страну много денегъ, но не распредѣляетъ ихъ, а скопляетъ въ немногихъ рукахъ, чѣмъ поощряетъ развитіе капитализма. Рука объ руку съ этимъ является невозможность увеличить густоту населенія надъ ничтожной минимальной нормой. Тамъ, гдѣ на сотни квадратныхъ километровъ не требуется и дюжины рабочихъ рукъ, гдѣ поселить другихъ самостоятельныхъ колонистовъ значило бы всадить скотоводству ножъ въ тѣло, населеніе не можетъ достигнуть значительной густоты. Фактически еще и въ настоящее время сельское населеніе внутри материка своею численностью теряется въ массѣ городского населенія береговыхъ областей.

Однако, болѣе опасной, чѣмъ всѣ эти отрицательныя стороны постановленія 1837 года, являлась независимость количества требуемой земли отъ размѣра единовременнаго взноса налога, такъ какъ это противорѣчило общему чувству справедливости. Кому улыбалось счастье, или кто обладалъ достаточною долею безцеремонности, тотъ могъ за свои 10 фунтовъ стерлинговъ пріобрѣсти цѣлое королевство въ то время, какъ на долю его сосѣда выпадало не больше пяди земли. Владѣльцы такихъ колоссальныхъ пространствъ на самомъ дѣлѣ не заплатили ни однимъ пенни больше, чѣмъ каждый другой колонистъ, пріобрѣвшій свою землю послѣ того, какъ состоялось упомянутое постановленіе. Замѣчательно то, что стремленіе устранить это невозможное положеніе вещей не исходило отъ самого населенія — оно было достаточно близоруко, чтобы видѣть благополучіе колоніи въ непосредственной и безпрепятственной эксплуатаціи пастбищъ — а было исключительно заслугой самовластнаго, но дальновиднаго губернатора Георга Джиппса, управлявшаго колоніей съ 1838 г. и рискнувшаго сдѣлать попытку предупредить дальнѣйшее развитіе скваттерства. Онъ издалъ въ апрѣлѣ 1844 г. указъ съ обратнымъ дѣйствіемъ,

по которому каждый скваттеръ обязывался, для сохраненія за собою своихъ прежнихъ правъ на владѣніе, пріобрѣсти путемъ аукціона, по крайней мѣрѣ, 320 акровъ земли; издержки по сдѣланнымъ имъ улучшеніямъ въ своемъ владѣніи должны были ему при этомъ зачитываться. Если онъ не выполнялъ этого требованія, ему грозила опасность быть вытѣсненнымъ изъ своего владѣнія другимъ скваттеромъ, удовлетворившимъ предписанному условію.

Указъ этотъ встрѣтилъ со стороны населенія самый плохой пріемъ. Что касается скотоводовъ, которымъ онъ непосредственно угрожалъ, то такое отношеніе вполнѣ понятно; но и всѣ другіе слои населенія были охвачены сильнымъ волненіемъ, съ одной стороны, по поводу содержанія указа, съ другой же, изъ-за неуваженія, съ которымъ Джиппсъ при этомъ обращался съ парламентомъ Новаго Южнаго Уэльса, Legislative Council, существовавшимъ съ 1842 года: онъ не только не представилъ своего плана на его усмотрѣніе, но и не сдѣлалъ ему даже никакого оффиціальнаго сообщенія о совершившемся фактѣ. Возмущеніе населенія было такъ велико, что посланы были петиціи въ лондонскій парламентъ и даже къ королевѣ, въ надеждѣ добиться отмѣны указа или, по крайней мѣрѣ, смягченія строгихъ постановленій. Джиппсъ, съ своей стороны, указалъ правительству метрополіи на то, что, если будетъ продолжаться прежній образъ дѣйствій, то казна лишится очень скоро всѣхъ своихъ свободныхъ земель; онъ доказалъ при этомъ, что самыми злѣйшими подстрекателями были именно крупные землевладѣльцы, и сумѣлъ добиться того, что постановленія его были оставлены въ прежней силѣ, и только въ мелочахъ были сдѣланы уступки скваттерамъ. При всемъ томъ нельзя отрицать, что указъ 1844 года не могъ, помимо скотоводовъ, не отразиться тяжело также и на всей странѣ, если принять во вниманіе тогдашнее плохое экономическое положеніе Австраліи. А это послѣднее обстоятельство находилось въ тѣсной связи съ другимъ вопросомъ.

β) Вопросъ о ссылкѣ.

Вопросъ о томъ, полезенъ или вреденъ ввозъ англійскихъ ссыльныхъ, въ теченіе первыхъ четырехъ десятилѣтій колоніальнаго развитія Австраліи не возникалъ вовсе. Только, когда свободное населеніе стало преобладать своею численностью, а наплывъ непреступнаго англійскаго земледѣльческаго люда повлекъ за собою достаточное предложеніе свободной работы, стали проявляться стремленія задержать или хотя бы отклонить въ другую сторону все еще богатый притокъ съ родины преступниковъ. Въ пользу этихъ стремленій говорило наблюденіе, что присутствіе въ странѣ множества людей болѣе низкаго нравственнаго уровня (изъ 60.794 жителей Новаго Южнаго Уэльса въ 1883 г. было не менѣе 16.151 ссыльныхъ, въ 1836—27.831) дѣйствовало въ высшей степени деморализирующимъ образомъ на все населеніе, что расходы по содержанію преступниковъ тяжело обременяли финансы колоніи и что число преступленій и преступныхъ дѣйствій достигло, благодаря имъ, положительно ужасающихъ размѣровъ.

И все-таки нельзя было бы и помышлять о какомъ-либо измѣненіи въ скоромъ будущемъ существующаго порядка вещей, если бы и въ самой Англіи не убѣдились, что ссылка и тамъ несла главную вину въ ужасающемъ ростѣ преступленій, что вызвало одинаково сильное теченіе въ пользу отмѣны этого неудачнаго учрежденія. Въ то время, какъ населеніе Англіи, по исчисленію Альфреда Циммерманна, увеличилось въ періодъ времени отъ 1805 до 1841 на 79 процентовъ, число преступленій возрасло на 482 процента, и однихъ преступниковъ въ періодъ времени между 1834 и 1843 годами было сослано 38.844 человѣка. Дѣло въ томъ, что ссылка въ тѣхъ слояхъ населенія, которые она затрагивала, не счи-

талась вовсе наказаніемъ. Благодаря теченію, направленному противъ ссылки, нижней палатой въ 1838 г. была созвана коммиссія, которая высказалась за пріостановку ссылки преступниковъ въ Новый Южный Уэльсъ и Вандименову землю и указала, какъ на желательный исходъ, на необходимость облегчать по возможности преступникамъ, по отбытіи ими срока наказанія, эмиграцію въ другія страны. По мнѣнію австралійцевъ, которые сами не разъ хлопотали о прекращеніи ссылки, эти заключенія коммиссіи шли слишкомъ далеко; они опасались, что лишатся прежнихъ дешевыхъ рабочихъ рукъ, и теперь снова ходатайствовали объ оставленіи прежняго порядка вещей; однако, успѣха они не добились. Уже въ въ 1839 г. исправительная колонія для преступниковъ, учрежденная въ 1826 г. въ Моретонбеѣ была упразднена, а 22 мая 1840 г. и Новый Южный Уэльсъ былъ изъятъ изъ списка странъ, предназначенныхъ для ссылки. Только Вандименова земля и Норфолькъ еще удерживали покуда свой прежній характеръ. (Ср. стр. 261 и 268).

Для Новаго Южнаго Уэльса этотъ столь важный также и съ точки зрѣнія человѣколюбія шагъ принесъ съ собою цѣлый рядъ тяжелыхъ годовъ. Еще въ 1839 году пространство проданной колонистамъ земли равнялось 285.900 акрамъ; въ 1840 оно достигало только 189.400 акровъ, чтобы упасть затѣмъ въ 1841 до 86.300, а въ 1842 даже до 21.900 акровъ. Причиною этого поразительнаго упадка былъ прежде всего недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, сдѣлавшійся чувствительнымъ тотчасъ же по прекращеніи доставки ссыльныхъ; затѣмъ, общій экономическій кризисъ, распространившійся быстро на всю страну. Его причины были: пониженіе цѣнъ на всѣ жизненные продукты, шедшее рука объ руку съ уменьшеннымъ спросомъ со стороны тюремныхъ управленій, прекращеніе прежнихъ субсидій со стороны Англіи, приносившихъ ежегодно въ среднемъ не менѣе 200,000 фунтовъ стерлинговъ, выплачиваемыхъ металлическими деньгами, и еще то обстоятельство, что, несмотря на паденіе цѣнъ, рабочая плата не понижалась. Къ тому же благородные металлы не добывались въ самой странѣ, а правительственныя кассы, при сильномъ упадкѣ продажи земель, очень скоро оказались совершенно пустыми. Чтобы помочь этому, прибѣгли ко взысканію многочисленныхъ недоимокъ по quitrent'у, что, съ своей стороны, принесло, немало затрудненій для поселенцевъ. Ничего не улучшилъ и новый, изданный въ 1842 году, законъ, опредѣлявшій минимальную стоимость акра въ одинъ фунтъ стерлинговъ; тотчасъ же покупка земель еще болѣе пошла на убыль; въ 1843 г.—до 4.800 акровъ, а въ 1844 г. даже до 4.200. Лишь съ концомъ кризиса эти числа начинаютъ снова повышаться: въ 1845 г. до 7.200, въ 1846 г. до 7.000 акровъ.

Поворотъ къ лучшему совпадаетъ съ паденіемъ англійскаго министерства Пиля 26 іюня 1846 г. Новый секретарь колоній графъ Генри Грей вступилъ снова на старый путь и дозволилъ раздавать пастбища съ правомъ выкупа на 14 лѣтъ; одновременно съ этимъ значительно смягчены были и мѣры ко взысканію quitrent'а. Еще дальше въ томъ же направленіи пошло законодательство страны въ слѣдующемъ году, предоставивъ 9 марта 1847 г. губернатору Новаго Южнаго Уэльса полномочіе отдавать въ аренду въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ пространства въ 16.000 или 32.000 акровъ на 8 или 14 лѣтъ. Каждый арендаторъ получалъ вмѣстѣ съ контрактомъ и право пріобрѣсти для своего поселенія 640 акровъ за 640 фунтовъ стерлинговъ, а по истеченіи 14 лѣтъ возобновить аренду еще на слѣдующіе 5 лѣтъ. Аренда соотвѣтствовала количеству скота; пастбище, достаточное для 4.000 овецъ, должно было стоить 10 фунтовъ стерлинговъ. Арендный договоръ обусловливалъ въ то же время и право арендатора на выкупъ. Этимъ поземельный вопросъ былъ на слѣдующіе пятнадцать лѣтъ окончательно урегулированъ для Новаго Южнаго Уэльса. Постановленія эти не только не встрѣтили общаго одобренія, но, напротивъ

того, вслѣдствіе новыхъ бѣшенныхъ спекуляцій на земли и нанесеннаго уже ранѣе вреда заселеннымъ областямъ, въ этихъ послѣднихъ дѣло дошло до бурныхъ манифестацій. Правительство между тѣмъ не имѣло ни времени, ни охоты разрушать съ трудомъ доведенное только-что до конца дѣло и начинать его наново, — и всѣ вопли объ измѣненіи его остались тщетными.

Причину такого поведенія метрополіи нужно искать въ затрудненіяхъ, которыя она съ отмѣной ссылки въ Новый Южный Уэльсъ сама встрѣтила при размѣщеніи своихъ преступниковъ. Вандименова земля очень скоро переполнилась; планъ же основать новую колонію для преступниковъ въ Сѣверной Австраліи оказался невыполнимымъ. Такимъ образомъ, мысль осчастливить снова преступниками Восточную Австралію, области которой въ теченіе болѣе полустолѣтія принимали ихъ съ такою готовностью, тѣмъ болѣе могла зародиться, что, съ одной стороны, основавшаяся тѣмъ временемъ на югѣ колонія Портъ-Филиппъ (съ 1851 года „Викторія") громко требовала дешевыхъ рабочихъ рукъ, съ другой, и въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ не мало было землевладѣльцевъ, которые пламенно желали возвращенія прежнихъ порядковъ, дававшихъ избытокъ рабочихъ рукъ. И то, и другое заставило въ 1848 г. правительство въ Лондонѣ снова вернуться къ прежнему образу дѣйствій; постановленіе 1840 года было отмѣнено, и намѣчено устройство новыхъ колоній для преступниковъ.

Эти планы не суждено было, однако, привести въ исполненіе. Съ одной стороны, убѣжденіе во вредѣ ссылки стало въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ уже слишкомъ общимъ и пустило слишкомъ глубокіе корни; съ другой — и противодѣйствіе со стороны значительно окрѣпшаго тѣмъ временемъ класса свободныхъ рабочихъ угрожавшей имъ конкурренціи сдѣлалось столь сильнымъ и упорнымъ, что, по крайней мѣрѣ, старѣйшая изъ австралійскихъ колоній осталась избавленной на будущее время отъ непрошеннаго подарка. Только два корабля, нагруженныхъ ссыльными, были присланы въ 1849 году; пассажировъ одного изъ нихъ было разрѣшено высадить въ Сиднеѣ, но только для того, чтобы отдать ихъ тайнымъ образомъ въ наймы частнымъ лицамъ и препроводить внутрь страны; другой же корабль, пытавшійся пристать въ Мельбурнѣ, долженъ былъ отправиться обратно со всѣмъ своимъ грузомъ. Сильное сопротивленіе со стороны населенія не осталось безрезультатнымъ. Съ 1851 года Новый Южный Уэльсъ, принявшій между 1788 и 1839 годами не менѣе 59,788 ссыльныхъ, окончательно пересталъ считаться мѣстомъ ссылки; для Викторіи виды едва ли были менѣе благопріятны, а въ 1853 году и Вандименовой землѣ, получившей отъ метрополіи съ 1803 года громадное число (67.655) ссыльныхъ и въ данный моментъ дававшей пріютъ 20,000 самыхъ опасныхъ преступниковъ, удалось добиться того, чтобы ее избавили отъ дальнѣйшихъ присылокъ. Послѣ 1853 года австралійской исправительной колоніей считалась еще только Западная Австралія, такъ какъ Южная Австралія съ самаго начала была поставлена на иныя начала. Но и тамъ ссылка недолго еще просуществовала: въ 1868 году ее окончательно уничтожили, послѣ того, какъ съ 1849 по 1868 годъ было ввезено круглымъ счетомъ 10.000 преступниковъ. Отнынѣ населеніе Австраліи равномѣрно составлялось изъ одниxъ только свободныхъ элементовъ.

D. Образованіе и развитіе колоній до середины XIX столѣтія.

a) Колонизація въ связи съ изслѣдованіемъ материка.

Вмѣстѣ съ внутреннимъ государственнымъ развитіемъ, проявившимъ себя въ теченіе четвертаго и пятаго десятилѣтій главнымъ образомъ въ отношеніи къ поземельному вопросу и вопросу о ссылкѣ, шло рука объ

руку и расширеніе занятой колонизаціей области. Но тогда какъ въ поземельномъ вопросѣ дѣло шло прежде всего только о распредѣленіи областей, лежавшихъ въ предѣлахъ приблизительно нынѣшняго Новаго Южнаго Уэльса, это пространственное расширеніе стремилось далёко за предѣлы его. Въ первомъ молодомъ порывѣ своемъ оно пыталось было охватить разомъ весь материкъ, и только послѣ того, какъ пришлось убѣдиться въ несостоятельности своихъ собственныхъ силъ, дѣло ограничилось заселеніемъ лишь немногихъ областей, распредѣленныхъ къ тому же крайне неравномѣрно по окраинѣ материка: въ то время, какъ онѣ скучены на юго-востокѣ и востокѣ, далекій западъ остается разобщеннымъ, а на долю сѣвера не выпало ничего.

Это своеобразное распредѣленіе тѣсно связано съ исторіей основанія отдѣльныхъ колоній, а эта послѣдняя, въ свою очередь, опять-таки сильно зависитъ отъ хода географическаго изслѣдованія Австраліи. Въ общемъ, изслѣдованіе предшествовало, а заселеніе шло уже за нимъ. Только основаніе Западной Австраліи шло обратнымъ порядкомъ: тамъ заселеніе начинается съ одного давно извѣстнаго пункта, изслѣдованіе же дальше внутрь страны является уже дѣломъ позднѣйшихъ десятилѣтій.

Успѣшный переходъ Уэнтворса, Блексленда и Лоусона въ 1812 году черезъ Голубыя горы внутрь страны (стр. 253) пробудилъ снова большое усердіе къ изслѣдованію материка. Въ 1817 и 1818 году І. Окслей открылъ обширную пастбищную область у Ливерпульской равнины. Въ 1824 году молодые колонисты Гамильтонъ Юмъ и Вильямъ Говеллъ проникли первыми изъ Сиднея черезъ весь юго-востокъ материка, перерѣзавъ истоки Муррумбиджи и Муррея, почти вплоть до Гилонга, вблизи нынѣшняго Мельбурна. Одновременно съ этимъ ботаникъ Алленъ Кённингамъ расширилъ изслѣдованія Окслея къ сѣверу до Дарлингъ-Доунсъ (1827). Въ 1828 и 1829 годахъ, наконецъ, совершены были важныя путешествія Чарльза Стерта нъ бассейнъ Дарлингъ-Муррея; этимъ, съ одной стороны, поставлены были на новыя основанія взгляды на гидрографію страны, съ другой — и колоніальному развитію Австраліи открылись болѣе широкіе пути. Въ этомъ отношеніи всѣ эти путешествія вообще были важны по своимъ послѣдствіямъ. Съ путешествіемъ Юма и Говелля связано первое успѣшное заселеніе Портъ-Филиппа; по стопамъ Аллена Кёнинггама слѣдуютъ отдѣльные овцеводы изъ глубины страны и этимъ кладутъ настоящее основаніе будущему Куинслэнду; наконецъ, только благопріятный отзывъ Стерта относительно областей между нижнимъ Мурреемъ и заливомъ Винцента вызвалъ основаніе Южной Австраліи.

Путешествія позднѣйшихъ годовъ, за однимъ исключеніемъ, не повлекли за собою въ общемъ никакихъ политическихъ послѣдствій, послѣ того какъ уже было заложено ядро новыхъ государствъ. Но по своему географическому значенію они не уступаютъ большею частью первымъ побѣдамъ надъ материкомъ, а относительно экономическихъ преимуществъ или недостатковъ страны они, безъ сомнѣнія, дали болѣе основательныя свѣдѣнія, чѣмъ первыя поверхностныя путешествія. Прежде всего это относится къ экспедиціямъ, цѣлью которыхъ было изслѣдованіе рѣчной системы Дарлингъ-Муррея, а именно, къ путешествіямъ маіора Томаса Ливингстона Митчеля, окончившаго съ успѣхомъ свое дѣло въ 1836 году, послѣ шестилѣтнихъ упорныхъ усилій; то же можно сказать и относительно открытія внутреннихъ областей Викторіи („Australia felix") тѣмъ же путешественникомъ и не менѣе—относительно предпріятій—смѣлаго Эдварда Джона Эйра (род. въ 1815, ум. въ янв. 1902) въ глубинѣ южной Австраліи, въ тамошней низкой озерной области и вдоль страшно пустыннаго южнаго берега до залива короля Георга (1839 — 41).

Немного утѣшительнаго сообщило большинство всѣхъ этихъ путешественниковъ; если исключить Викторію, всѣ свѣдѣнія относительно

экономическаго значенія изслѣдованныхъ областей были мало поощрительны или носили совершенно отрицательный характеръ. Только сѣверовостокъ составляетъ въ этомъ отношеніи похвальное исключеніе; здѣсь и гораздо позднѣйшія путешествія добились результатовъ, которые нѣкоторымъ образомъ могутъ сравниться съ открытіями первыхъ изслѣдователей внутреннихъ частей материка. Такое магическое дѣйствіе оказали путешествія нѣмецкаго ученаго Лудвига Лейхгардта, а Куинслэндъ и Сѣверная Австралія являются тѣми областями, которыя обязаны нѣмцу своимъ настоящимъ открытіемъ и заселеніемъ. И, дѣйствительно, не будетъ преувеличеніемъ, если утверждать, что грандіозное путешествіе Лейхгардта отъ Дарлингъ-Доунсъ до Портъ-Эссингтона (1844 — 46) увеличило колонизаціонную область этой части свѣта на всю ея сѣверо-восточную треть. Колонистамъ оставалось только послѣдовать по стопамъ путешественника, чтобы получить въ свое распоряженіе неизмѣримое пространство годной земли.

Черта, свойственная всѣмъ изслѣдованіямъ Австраліи до средины XIX столѣтія, это то, что они ограничиваются лишь окраиной материка; центръ остается совершенно внѣ ихъ стремленій. Это явленіе находитъ свое объясненіе въ новизнѣ самой области; прежде, чѣмъ не былъ изслѣдованъ широкій окраинный поясъ въ большинствѣ своихъ частей, не было никакого повода приниматься за самую глубь материка.

Даже, когда во второй половинѣ XIX столѣтія цѣль была наполовину достигнута, отсутствіе чего-либо ощутительно заманчиваго значительно затормозило ходъ изслѣдованія.

в) Исторія колонизаціи Тасманіи (Вандименовой земли).

Изъ шести колоній, составляющихъ федерацію австралійскихъ государствъ, только три — Тасманія, Викторія и Куинслэндъ — являются дочерьми Новаго Южнаго Уэльса; Южная и Западная Австралія (какъ и Новая Зеландія), напротивъ того, образовались путемъ прямой колонизаціи изъ Англіи. При тѣхъ чрезмѣрныхъ затрудненіяхъ, съ которыми Новому Южному Уэльсу пришлось бороться впродолженіе долгаго времени, это обстоятельство кажется страннымъ: для Западной Австраліи уже одно большое разстояніе отъ восточной окраины материка является достаточнымъ, чтобы парализовать духъ мѣстной предпріимчивости: основаніе же Южной Австраліи было такимъ рискованнымъ экспериментомъ, что правительство въ Сиднеѣ отлично сдѣлало, оставшись въ роли непричастнаго зрителя. Впрочемъ, даже и здѣсь, на востокѣ Австралійскаго залива, разстоянія не лишены значенія; по меньшей мѣрѣ, нельзя считать случайностью тотъ фактъ, что три дочернія колоніи лежатъ въ одномъ поясѣ съ материнскою. Чрезвычайно интересно далѣе, съ точки зрѣнія антропогеографіи, то явленіе, что первымъ отсадкомъ явился относительно отдаленный отъ Сиднея островъ Вандименова земля, при чемъ были прямо обойдены сосѣднія области материка, и что даже первые шаги къ основанію Викторіи, слѣдовательно, одной изъ этихъ сосѣднихъ областей, были сдѣланы не со стороны Сиднея, но съ Вандименовой земли. Рѣдко естественное преимущество, свойственное положенію острова на виду обширнаго противолежащаго побережья, проявлялось съ такою очевидностью, какъ здѣсь.

Первымъ шагомъ австралійской колоніи Новаго Южнаго Уэльса на пути государственнаго раздробленія было основаніе колоніи для преступниковъ на Вандименовой землѣ въ 1803 году. Поводомъ къ этому послужилъ прежде всего страхъ передъ колонизаторскими поползновеніями французовъ, бывшій не разъ причиной основанія военныхъ постовъ на австралійскомъ берегу. Затѣмъ, англійское правительство счи-

тало вреднымъ скоплять слишкомъ большое количество преступниковъ на одномъ мѣстѣ, что доказываетъ также и все снова повторявшіяся отправки преступниковъ въ Норфолькъ (стр. 246); правительству казалось прежде всего желательнымъ сдѣлать безвредными, благодаря отдаленности острова, по крайней мѣрѣ, самыхъ опасныхъ изъ нихъ. Для приведенія въ исполненіе этихъ намѣреній, губернаторъ Кингъ (ср. стр. 250) отправилъ лейтенанта Боуена, съ отрядомъ солдатъ и нѣсколькими ссыльными на Вандименову землю; здѣсь въ іюнѣ 1803 года, на лѣвомъ берегу устьевъ Дервента, основалось поселеніе „Рестдоунъ", названіе, исковерканное впослѣдствіи въ Рисдонъ.

Въ это же время въ Англіи зародился планъ заселить берега незадолго предъ тѣмъ открытаго Портъ-Филиппа въ юго-восточномъ углу материка. Исполненіе этого плана поручено было полковнику Коллинсу, человѣку, прибывшему въ качествѣ судьи еще съ первымъ транспортомъ ссыльныхъ въ Портъ-Джаксонъ, бывшему затѣмъ долгое время генеральнымъ адвокатомъ Новаго Южнаго Уэльса и находившемуся въ то время какъ разъ въ Лондонѣ. 3 октября 1803 года экспедиція, состоявшая изъ двухъ кораблей со слишкомъ 300 ссыльными и необходимой командой, высадилась въ южной части Портъ-Филиппа, приблизительно тамъ, гдѣ теперь находится Сорренто. Небольшія экскурсіи внутрь страны очень скоро убѣдили, что она лишена растительности, непривѣтлива, а когда Коллинсу послѣ продолжительныхъ розысковъ не удалось найти даже воды, онъ покинулъ эту мѣстность 27 января 1804 г. съ тѣмъ, чтобы перевести своихъ людей на Вандименову землю, что, по его просьбѣ, ему было разрѣшено Кингомъ. Онъ направилъ корабль также и къ устьямъ Дервента, снялъ съ мѣста бывшую тамъ колонію Боуена и основалъ на правомъ берегу рѣки новое общее поселеніе у подошви Моунтъ Веллингтона. Въ честь тогдашняго англійскаго министра колоній лорда Гобарта онъ назвалъ ее Гобарттоуномъ, сокращеннымъ въ 1881 г. въ Гобартъ.

Но и сѣверъ острова не остался нетронутымъ. Въ одно время съ экспедиціей Коллинса и все изъ-за той же боязни предъ французской окупаціей полковникъ Патерсонъ препроводилъ изъ Сиднея другую партію ссыльныхъ на Вандименову землю, гдѣ на западномъ берегу Портъ-Дальримпля было основано сначала мѣстечко Іорктоунъ. Его первые жители не могли стать тамъ твердою ногою, такъ какъ уже въ 1806 году ихъ отвезли дальше внутрь страны и поселили въ новомъ мѣстѣ, названномъ въ честь находящагося въ Корнваллисѣ мѣсторожденія Кинга Лаунчестономъ.

Заселеніе новой колонизаціонной области съ противоположныхъ сторонъ необыкновенно ускорило изслѣдованіе острова, а вмѣстѣ съ этимъ и оцѣнку его экономическихъ преимуществъ; — все это совершилось, однако, помимо воли правительства, и нельзя сказать, чтобы оно способствовало его спокойствію. Продолжительная нужда въ жизненныхъ припасахъ, какою страдали въ началѣ колонизаціи Новый Южный Уэльсъ и Норфолькъ, вскорѣ сказалась и во вновь насажденной колоніи. Причиною этому была, съ одной стороны, ея строгая замкнутость, разрѣшавшая высадку только привозившимъ преступниковъ кораблямъ; во-вторыхъ же,—полная экономическая зависимость отъ Новаго Южнаго Уэльса. При обыкновенныхъ условіяхъ это могло бы и не привести къ вреднымъ послѣдствіямъ; но когда въ материнской колоніи являлась нужда, какъ это случилось въ 1806 году, благодаря большому наводненію, причиненному рѣкою Гоуксбери, то положеніе всѣхъ поселенцевъ становилось тѣмъ болѣе опаснымъ, что число жителей Вандименовой земли въ это время (1807) увеличилось еще всѣмъ населеніемъ Норфолька, все еще какъ-то не налаживавшагося. При такихъ обстоятельствахъ условія жизни на Вандименовой землѣ складывались вначалѣ не утѣшительно. Въ теченіе долгаго времени правительство принуждено было предоставлять каждому ссыльному самому добывать себѣ

пищу, одежду и кровъ. Такъ какъ мясо кенгуру было признано достаточно удовлетворительнымъ, то ссыльные въ нуждѣ своей скоро разсѣялись по всей внутренности страны. Это способствовало изслѣдованію острова, но далеко не упорядоченію жизни колонистовъ и еще менѣе поддержанію хорошихъ отношеній съ туземцами (ср. стр. 239). Туземцевъ уничтожали самымъ жестокимъ и немилосерднымъ образомъ, — способъ, имѣвшій, по крайней мѣрѣ, преимущество быстроты и единодушія: бѣлое населеніе выступило противъ чернокожаго сомкнутой массою. Ссыльный убивалъ туземца изъ-за одной только жажды убійства, поселенецъ изгонялъ его изъ-за мнимой самообороны, а правительство старалось овладѣть имъ изъ-за стремленій къ земельной наживѣ. Результатъ этихъ соединенныхъ усилій былъ поразительный; знаменитая „черная война" 1830 года съ дорогостоившей облавой губернатора Артура (стр. 240) явилась почти уже слишкомъ поздно.

Отношенія среди самихъ бѣлыхъ наладились не такъ просто. Нападающей стороной здѣсь является только ссыльный, которому противопоставляется, какъ страдающая сторона, вся масса поселенцевъ и правительство. И тѣмъ не менѣе неравная борьба замедлила здѣсь на цѣлые двадцать лѣтъ государственное и экономическое развитіе колоніи. Многимъ изъ отпущенныхъ для охоты на кенгуру ссыльныхъ, кромѣ того, всѣмъ бѣжавшимъ изъ исправительныхъ заведеній — а такихъ было не мало — и въ голову не приходило возвращаться изъ своихъ экскурсій внутрь страны снова подъ ярмо заключенія; они скоро входили во вкусъ вольной жизни въ кустахъ, собирались шайками, пробавлявшимися грабежомъ бѣлыхъ поселенцевъ, и этою пріятною, но для процвѣтанія колоніи очень мало полезною, дѣятельностью положили основаніе тому дикому bushranger'ству, которое до 1830 г. было бичемъ для Вандименовой земли и которое явилось впослѣдствіи также и на самомъ материкѣ (ср. стр. 255). Причинъ избѣгать человѣческаго общества какъ для одного, такъ и для другого сорта бѣглецовъ было немало. Издавна во всей Австраліи было въ обычаѣ предоставлять колонистамъ пользоваться ссыльными въ качествѣ работниковъ; эти послѣдніе, особенно у болѣе грубой и неотесанной части населенія, не всегда встрѣчали снисходительное обращеніе; безпощадное сѣченіе розгами изъ-за малѣйшаго проступка было еще самымъ мягкимъ наказаніемъ. И все-таки тѣ, которые изнывали подъ ярмомъ частныхъ лицъ, могли считать себя еще счастливцами въ сравненіи съ другими несчастными, помѣщенными въ основанныхъ правительствомъ исправительныхъ тюрьмахъ, изъ которыхъ на Вандименовой землѣ самою дурною славою пользовались основанный въ 1821 г. Маккари-Гарбоуръ и присоединенный въ 1832 г. Портъ-Артуръ. Многіе изъ содержавшихся въ нихъ преступниковъ предпочитали добровольную смерть; другіе же бѣжали, чтобы погибать въ непроходимыхъ лѣсахъ. Наконецъ, тѣ немногіе, бѣгство которыхъ оканчивалось удачей, не находили, въ свою очередь, никакого повода сколько-нибудь щадить остальное свободное человѣчество; грабежъ, убійства и поджоги на долгое время характеризовали колоніальную жизнь на Вандименовой землѣ. Только въ 1825 и 1826 г. г. дѣятельному губернатору Артуру удалось неожиданнымъ походомъ положить конецъ безчинствамъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время; двадцать лѣтъ спустя, при губернаторѣ Вильмотѣ, они возобновились снова и еще съ большею силою.

При всемъ томъ злѣ, которое bushranger'ство нанесло острову, нужно счесть за счастье, что всѣ ужасы и безпокойства осѣдлаго населенія ограничивались преимущественно внутренностью страны; южный и сѣверный берега остались въ общемъ пощаженными и могли, поэтому, — хотя и медленно, но безъ помѣхъ, — итти на пути развитія. Самому Коллинсу, положимъ, умершему въ Гобарттоунѣ въ 1810 году, многое не суждено было увидѣть изъ преуспѣянія колоніи, которому онъ положилъ начало постройкой пре-

красной, могущей служить образцомъ искусства, дороги между Лаунчестономъ и Гобарттоуномъ, начатой еще въ 1807 году; но не въ его власти было при существующихъ условіяхъ подвинуть колонію еще дальше на пути развитія. Его преемникъ — подполковникъ Давей прибылъ въ Гобарттоунъ лишь въ началѣ 1813 года. На этотъ промежутокъ времени падаетъ первое посѣщеніе губернатора Маккари (стр. 252) въ ноябрѣ 1811 г.; оно имѣло большое значеніе для Вандименовой земли, такъ какъ Маккари со свойственной ему живостью излилъ на этотъ островъ настоящій рогъ изобилія, наполненный разными планами: онъ затѣвалъ постройки дорогъ, публичныхъ зданій, даже цѣлыхъ городовъ, и, что главное, сумѣлъ пробудить духъ общественности у лучшей части населенія. Настоящая организація стала замѣтной лишь съ этой поры; однимъ изъ первыхъ ея проявленій было объявленіе въ 1812 году Гобарттоуна главнымъ городомъ страны. Дѣятельность Давея, продолжавшаяся до 1817 года, мало подвинула впередъ дальновидные планы Маккари. Самъ онъ смотрѣлъ на свои обязанности, по свидѣтельству Іенкса, какъ на шутку, игралъ и пилъ со всѣми и не пользовался ни малѣйшимъ уваженіемъ. Лишь bushranger'ство было для него сучкомъ въ глазу, и только желаніе подавить его заставило его не окончательно бездѣйствовать. Дѣятельность его выразилась въ томъ, что онъ объявилъ весь островъ на военномъ положеніи и запретилъ всѣмъ жителямъ оставлять свои дома въ ночное время безъ разрѣшенія. Если при такихъ обстоятельствахъ колонія вообще можетъ еще указать на нѣкоторые успѣхи, то этимъ она обязана исключительно частнымъ лицамъ. Уже въ 1815 г. колонія могла вывозить въ Сидней пшеницу, а въ слѣдующемъ году также и солонину. Въ 1816 году послѣдовало основаніе первой газеты въ Гобарттоунѣ. Когда Давей оставилъ управленіе, бѣлое населеніе достигало слишкомъ 3000 душъ, и столько же акровъ находилось подъ культурой. Но скотоводство и овцеводство еще отсутствовали.

Эти послѣднія составляютъ пріобрѣтеніе лишь слѣдующихъ годовъ. Мѣсто Davey'a заступилъ Вильямъ Сорель, человѣкъ разумный, ближайшей заботой котораго было наряду съ населеніемъ, вышедшимъ изъ ссыльныхъ, привлечь также и свободныхъ переселенцевъ; вмѣстѣ съ этимъ онъ обратилъ свое вниманіе какъ на экономическое развитіе острова, такъ и на подавленіе bushranger'ства. Какъ и Davey, онъ не сумѣлъ добиться успѣха на этомъ послѣднемъ поприщѣ; переселенцевъ же, напротивъ того, ему удалось привлечь большими массами, благодаря выгоднымъ предложеніямъ, которыя онъ имъ дѣлалъ. Правительство предоставляло имъ не только совершенно безвозмездно земельные участки, но также и содержаніе на шесть мѣсяцевъ, давало взаймы весь скотъ для обзаведенія и сѣмена для перваго посѣва и обезпечивало сверхъ того минимальныя цѣны на все производство пшеницы и мяса. Когда въ 1821 году губернаторъ Маккари послѣ десятилѣтняго промежутка времени посѣтилъ вторично Вандименову землю, на этотъ разъ для того, чтобы навсегда съ нею проститься, бѣлое населеніе достигало 7.400 душъ, владѣло 14.000 акрами пахотной земли и имѣло на пастбищахъ 180.000 овецъ и 35.000 головъ рогатаго скота. Введеніе раціональнаго овцеводства хотя и совпадаетъ съ періодомъ управленія Сореля, но составляетъ заслугу не разъ уже упомянутаго полковника Патерсона, побудившаго въ 1820 г. опытнаго скотовода Макъ Артура (стр. 248) прислать ему транспортъ его знаменитыхъ руносцевъ. Сдѣланный въ 1819 г. опытъ выступить съ шерстью на англійскомъ рынкѣ потерпѣлъ печальную неудачу; но въ 1822 г. было вывезено уже 794 тюка, и они были хорошо приняты на рынкѣ. Въ настоящее время шерстяное производство, какъ извѣстно, уже давно составляетъ экономическую основу колоніи. Вполнѣ понятно, что при такихъ обстоятельствахъ колонисты неохотно встрѣтили уходъ губернатора, котораго любили также и за его личныя качества. Когда въ 1823 г. онъ былъ отозванъ, его со-

провождало всеобщее сожалѣніе; былъ даже посланъ адресъ лондонскому правительству съ просьбой вернуть его снова на прежнюю должность.

Преемникъ Сореля Артуръ (1823—36 г.; стр. 240) не могъ похвастать такимъ успѣхомъ, несмотря на долгую службу и большія заслуги. Виною этому были, съ одной стороны, его личныя качества, съ другой — его недружелюбное отношеніе къ свободнымъ поселенцамъ. Вступленіе Артура на службу связано съ важными перемѣнами въ государственномъ строѣ Вандименовой земли. За послѣдніе годы быстрый ростъ бѣлаго населенія далъ почувствовать отсутствіе самостоятельнаго правленія. Не только вопросы, касавшіеся общественнаго блага, были поставлены въ зависимость отъ Сиднея, но тамъ должны были рѣшаться и повседневныя дѣла; на это уходили недѣли; хотя со стороны Маккари была сдѣлана попытка устранить это зло, и онъ снабдилъ губернатора большими полномочіями, тѣмъ не менѣе такое положеніе вещей не могло долго удержаться. Въ Лондонѣ это скоро поняли. Указъ парламента отъ 1823 года, ограничившій власть губернатора Новаго Южнаго Уэльса, отдѣлилъ совершенно Вандименову землю, и она была объявлена *самостоятельной колоніей* съ собственными судебными учрежденіями и особымъ исполнительнымъ совѣтомъ, — словомъ, она была уравнена съ Новымъ Южнымъ Уэльсомъ. Губернаторомъ былъ назначенъ полковникъ Артуръ.

Хотя островъ находился теперь въ порѣ расцвѣта, недостатка въ работѣ у губернатора не было; время его болѣе чѣмъ двѣнадцатилѣтняго правленія является самымъ бурнымъ во всей исторіи Вандименовой земли. Большой энергіи требовало прежде всего урегулированіе *вопроса о ссыльныхъ*. Вскорѣ послѣ прибытія на островъ новаго губернатора, изъ Портъ-Маккари бѣжала шайка преступниковъ въ 100 слишкомъ человѣкъ, взимавшая контрибуцію со всего острова. Только при помощи большой военной силы удалось положить конецъ этому безчинству. По приказанію губернатора были казнены одинъ за другимъ 103 злодѣя. Вообще, мягкостью по отношенію къ преступникамъ Артуръ и въ другихъ случаяхъ не отличался, несмотря на то, что онъ, какъ въ свое время и Маккари относительно Австраліи, смотрѣлъ на островъ исключительно, какъ на мѣсто ссылки. На свободныхъ поселенцевъ онъ смотрѣлъ какъ на необходимое зло. Это одностороннее отношеніе къ дѣлу выразилось въ неутомимой, хотя и нельзя сказать, чтобы отеческой, заботѣ о ссыльныхъ. Когда въ 1832 г. пришлось упразднить Портъ-Маккари на западномъ берегу изъ-за слишкомъ густой населенности, онъ основалъ на юго-востокѣ въ Портъ-Артурѣ новую тюрьму, въ которой тюремное дѣло было возведено въ настоящую науку.

Второй задачей Артура было урегулированіе *вопроса о туземцахъ* (ср. стр. 240).

Несмотря на всѣ безпокойства, претерпѣвавшіяся островомъ изъ-за борьбы съ ссыльными и туземцами, *преуспѣяніе* колоніи не нарушалось; населеніе и пространство, занятое подъ культуру, необыкновенно быстро росли именно въ періодъ службы Артура. Ко времени его прибытія населеніе перешло цифру 10.000; когда въ 1836 г. онъ оставилъ управленіе, численность населенія учетверилась, точно такъ же, какъ и пространство обработанной земли. Число овецъ достигало тогда приблизительно милліона головъ, а торговля, выражавшаяся въ 1823 г. цифрой въ 25.000 фунтовъ стерлинговъ, поднялась свыше полумилліона. Для широкаго развитія острова въ экономическомъ отношеніи, въ Англіи образовалась Van Diemen's Land Company, которой было предоставлено сначала 250.000 акровъ, а затѣмъ еще 100.000; эта компанія вплоть до послѣдняго времени принимала дѣятельное участіе въ развитіи колоніи. Для просвѣщенія населенія имѣлось 29 школъ, для церковной службы — 18 церквей. Пресса, съ которой Артуръ въ продолженіе многихъ лѣтъ велъ такую же ожесточенную

борьбу, какъ сэръ Ральфъ Дарлингъ въ Австраліи (стр. 255), была, наконецъ, упорядочена; съ 1828 г. господствовала полнѣйшая свобода печати. Однимъ словомъ, какъ Артуръ, такъ и колонія могли быть довольны полученными результатами.

Дальнѣйшая исторія Вандименовой земли до начала второго періода, наступившаго приблизительно одновременно и равномѣрно для всѣхъ австралійскихъ колоній, можетъ быть передана въ немногихъ словахъ.

Преемникомъ Артура былъ сэръ Джонъ Франклинъ (1836—43 гг.), человѣкъ, уже въ то время извѣстный своимъ изслѣдованіемъ областей сѣвернаго полюса. Склонный по натурѣ больше къ дѣятельности на поприщѣ науки, онъ былъ не на высотѣ многоразличныхъ трудностей своего отвѣтственнаго положенія, тѣмъ болѣе, что съ періодомъ его управленія совпадаетъ и экономическій упадокъ Австраліи (ср. стр. 260). Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать его заслугъ въ отношеніи острова. Организація дѣла просвѣщенія всецѣло принадлежитъ ему; онъ же основалъ далѣе Royal Society of Tasmania, далъ возможность издать трудъ Вильяма Джаксона Гукера (Hooker) о флорѣ Тасманіи и, наконецъ, поощряя путешественниковъ, далъ ходъ геологическому и естественно-историческому описанію острова. Періодъ его управленія есть въ то же время и періодъ процвѣтанія науки на Вандименовой землѣ.

Кратковременное управленіе его преемника, сэра Эрдлея Вильмота (1843 — 46) заполнено уже борьбою между населеніемъ и лондонскимъ правительствомъ изъ-за отмѣны ссылки. Вандименова земля всегда пользовалась сомнительной привилегіей имѣть въ своемъ распоряженіи значительныя массы преступниковъ, не соотвѣтствовавшія ея пространству; неудивительно, поэтому, что всѣ отрицательныя стороны колонизаціи путемъ ссылки какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи стали наиболѣе ощутительны именно здѣсь, и уже въ 1835 году ссылка вызвала противъ себя настоящее движеніе, направленное къ прекращенію высадки преступниковъ. Это движеніе не совсѣмъ затихло и въ слѣдующіе года, и, когда въ началѣ сороковыхъ годовъ на островъ были переведены заключенные изъ Моретонбея, оно ожило съ новою силою. Возмущеніе разгорѣлось еще благодаря доставкѣ 2000 заключенныхъ съ острова Норфолька, сдѣлавшагося съ 1825 года снова исправительной колоніей, — и поддерживалось, наконецъ, партіями, безпрерывно прибывавшими изъ самой Англіи. До 1844 г. число сосланныхъ на Вандименову землю преступниковъ равнялось 40.000; самыми негодными элементами были сосланные изъ Норфолька, среди которыхъ было много бѣглыхъ, собиравшихся въ разбойничьи шайки въ 100 — 500 человѣкъ, объявившихъ войну всему обществу. Они поджигали дома, убивали жителей, угоняли скотъ, и старое зло bushranger'ства снова ожило въ его самой худшей формѣ.

Это переполнило чашу. Движеніе противъ заселенія острова ссыльными сдѣлалось общимъ. Былъ основанъ большой агитаторской союзъ, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усилій, въ 1853 году, при губернаторѣ Вильямѣ Денисонѣ, бывшемъ съ 1846 года преемникомъ Вильмота, добились полной отмѣны ссылки на Вандименову землю.

c) Портъ-Филиппъ (Викторія).

Нынѣшняя Викторія является скорѣе внучкой, чѣмъ дочерью Новаго Южнаго Уэльса. Настоящимъ своимъ основаніемъ она обязана Вандименовой землѣ; только предшествовавшая ему краткая исторія ея чисто австралійскаго происхожденія. Она начинается съ извѣстной уже намъ попытки Коллинса въ 1803 г. (стр. 264), основать у береговъ Портъ-Филиппа колонію для преступниковъ. Неудача, которую потерпѣла эта попытка, повела къ тому, что въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ никто не

заботился больше о мѣстности, считавшейся „непродуктивной и малообѣщающей“. Только въ 1825 году благопріятные отзывы Юма и Говеля (стр. 262), равно какъ и намѣреніе опередить французовъ, заставили сдѣлать новую попытку: у Вестернпорта, ошибочно принятаго за Портъ Филиппъ, была основана колонія для ссыльныхъ подъ именемъ Дюмареска; но такъ какъ на мѣстѣ не оказалось воды, то поселеніе въ 1828 году было заброшено. На этомъ кончается предварительная исторія Портъ-Филиппа.

Дѣйствительнымъ своимъ основаніемъ Портъ-Филиппъ, какъ называлась нынѣшняя Викторія до 1851 года, обязанъ всецѣло духу предпріимчивости частныхъ лицъ. Въ 1834 году къ небольшому числу рыбаковъ и лодочниковъ, ведшихъ въ первую треть XIX столѣтія жизнь полудикарей въ восточной части южнаго берега Австраліи, присоединилась семья Генти (Henty), поселившаяся въ Портландбеѣ. Эта семья принимала въ 1829 году участіе въ неудачномъ западно-австралійскомъ предпріятіи (ср. ниже стр. 273), затѣмъ пыталась найти свободныя земли на Вандименовой землѣ и, наконецъ, когда средства ея стали приходить къ концу, она рѣшилась на этотъ смѣлый шагъ къ неизвѣстному будущему. На поданную уже послѣ своего водворенія просьбу о разрѣшеніи поселиться послѣдовалъ со стороны властей сначала отказъ, но затѣмъ это разрѣшеніе было ей дано, благодаря все тому же опасенію французскаго вторженія.

Успѣхъ Генти далъ толчокъ предпріятію, намѣтившему своею цѣлью снова Портъ-Филиппъ, — настоящее ядро нынѣшней колоніи Викторіи и считающійся, поэтому, многими собственно за исходный пунктъ этого государства. Руководителемъ предпріятія явился Джонъ Батманъ, зажиточный овцеводъ изъ Вандименовой земли. Онъ отправился въ 1835 г. съ нѣсколькими товарищами къ южному берегу Австраліи, осмотрѣлъ страну и 6 іюня 1835 года, за дюжины двѣ топоровъ, ножей и ножницъ, нѣсколько одѣялъ, 30 зеркалъ и 200 носовыхъ платковъ, и за обѣщаніе платить ежегодно круглымъ счетомъ 200 фунтовъ стерлинговъ товаромъ, „купилъ“ двѣ громадныя области, обнимавшія вмѣстѣ 600.000 акровъ (2.400 кв. км.), пространство приблизительно величиною съ великое герцогство Люксембургское. Слѣдствіемъ этого было образованіе союза различныхъ поселенцевъ изъ Вандименовой земли, Port Phillip Association, и основаніе перваго поселенія въ Джилонгѣ. Самый же договоръ по куплѣ былъ посланъ въ Англію; само собою, его тамъ не признали: если область принадлежала Англіи, то туземцы не имѣли права продавать никакой земли безъ разрѣшенія губернатора; если же она Англіи не принадлежала, то союзъ не могъ претендовать на защиту со стороны Англіи. Ассоціація согласилась съ этими доводами, и отъ нея отдѣлились 20.000 акровъ, по тогдашней стоимости около 150,000 марокъ; а въ 1836 г. она совсѣмъ прекратила свое существованіе.

Въ Англіи основаніе новой колоніи встрѣтило сначала мало сочувствія; боялись расходовъ по управленію и не хотѣли безъ крайней нужды подвергать опасности сильной конкурренціи намѣченное поселеніе въ близкой Южной Австраліи. Но обстоятельства были сильнѣе воли правительства. Еще 26 августа 1835 г. губернаторъ Новаго Южнаго Уэльса Боурке предостерегалъ отъ занятія земель безъ его разрѣшенія; но уже годъ спустя, въ сентябрѣ 1836 г., неожиданный громадный наплывъ переселенцевъ заставилъ какъ губернатора, такъ и англійское правительство открыть страну для колонизаціи. Дальнѣйшее развитіе пошло впередъ быстрыми шагами. Въ 1835 году все управленіе состояло изъ одного единственнаго чиновника, нѣкоего капитана Лонсделя; но уже въ слѣдующемъ году составъ управленія расширился, явился настоящій отрядъ констеблей, къ которому присоединилось еще небольшое число землемѣровъ. Въ 1837 году сэръ Робертъ Боурке самъ положилъ основаніе

Мельбурну и Вильямстоуну, изъ которыхъ первый уже въ 1842 г. получилъ городское самоуправленіе. Перепись въ іюнѣ 1836 г. показала 177 колонистовъ и около 26.000 овецъ; два года спустя обѣ эти цифры увеличились въ три и въ четыре раза. Въ то же время вывозъ молодой колоніи выражался въ 12.000 фунтахъ стерлинговъ, тогда какъ ввозъ достигалъ даже 115.000 фунтовъ. Пріобрѣтеніе земли, какъ и въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, совершалось путемъ аукціона. При сильномъ приливѣ переселенцевъ въ постоянныя руки перешло къ концу 1841 года не менѣе 205,748 акровъ земли, увеличившихъ на 394.300 фунтовъ стерлинговъ фонды страны, изъ которыхъ покрывались расходы по общественнымъ учрежденіямъ. Такая громадная сумма является характерной для избытка денегъ, циркулировавшихъ въ то время въ странѣ. При недостаткѣ въ рабочихъ рукахъ подённая плата въ 10 шиллинговъ считалась еще невысокой; быкъ стоилъ 12—15 фунтовъ стерлинговъ, лошадь 100 фунтовъ и больше, овца до 3 фунтовъ. Шампанское, по словамъ Альфреда Циммерманна, истреблялось въ такомъ количествѣ, что однѣми бутылками изъ-подъ него можно было бы вымостить улицы на цѣлыя мили.

Реакція не заставила себя долго ждать. Наступившее вскорѣ затѣмъ перепроизводство пшеницы и скота привело во всѣхъ отрасляхъ хозяйства къ упадку цѣнъ, повлекшему за собою настоящій кризисъ. Наемная плата сильно понизилась; скотъ стоилъ теперь столько шиллинговъ, сколько прежде фунтовъ стерлинговъ, и сотни торговыхъ фирмъ пріостановили платежи. Кризисъ былъ громадный, однако кратковременный; конецъ его наступилъ уже къ серединѣ сороковыхъ годовъ. Съ тѣхъ поръ, — если не считать начавшуюся нѣкоторое время спустя золотую лихорадку и объявленіе автономіи колоніи, — ни одно значительное событіе не нарушало мирнаго преуспѣянія Портъ-Филиппа; развитіе его шло быстро и непрерывно впередъ. Въ 1840 году въ Мельбурнѣ было установлено порто-франко; въ 1843 г. торговые обороты колоніи выражались уже цифрою въ 341.000 фунтовъ стерлинговъ; въ 1848 г. — даже 1.049.000. Въ равной мѣрѣ расли и доходы отъ продажи земель. Изъ 250.000 фунтовъ валового дохода колоніи въ 1850 г. на нихъ однихъ приходилось болѣе половины. Расходы были ниже доходовъ на 30 процентовъ.

Пріятно поражаютъ тѣ довольно хорошія отношенія, которыя установились съ самаго начала между колонистами и туземцами. Это обстоятельство является отчасти результатомъ разумнаго поведенія первыхъ поселенцевъ, отчасти заслугою извѣстнаго своею замѣчательною судьбою Вильяма Бёклея (Buckley). Это былъ ссыльный, который въ 1804 году бѣжалъ изъ экспедиціи Коллинса, прожилъ затѣмъ цѣлыхъ 32 года среди туземцевъ и теперь сдѣлался посредникомъ между ними и бѣлыми. Борьба съ туземцами, примѣры жестокости и т. д. почти отсутствуютъ въ исторіи Портъ-Филиппа; поселенцы могли безпрепятственно расширять свои пастбища, распространяясь все далѣе вглубь страны. Въ 1849 г. Портъ-Филиппъ насчитывалъ болѣе милліона овецъ; вывозъ шерсти равнялся почти 13 милліонамъ фунтовъ.

Блестящее развитіе колоніи дало уже въ 1842 г. почувствовать политическую ея зависимость отъ Новаго Южнаго Уэльса. Цѣлый рядъ представленій, дѣлавшихся Лондонскому правительству и имѣвшихъ цѣлью политическую автономію колоніи, не привели, однако, ни къ какимъ результатамъ. Тогда колонисты въ іюлѣ 1848 года рѣшились на столь же смѣлый, какъ и оригинальный шагъ. Колонія должна была избрать шесть депутатовъ для засѣдающаго въ Сиднеѣ Legislative Council; кандидатовъ заставили взять назадъ свою кандидатуру и избрали единственнымъ представителемъ колоніи англійскаго статсъ-секретаря графа Генри Грея. Уловка была, само собою, понята, и въ состоявшихся затѣмъ въ

октябрѣ вторичныхъ выборахъ правительство добилось избранія дѣйствительныхъ депутатовъ; тѣмъ не менѣе цѣль была достигнута въ томъ смыслѣ, что въ Англіи увидѣли себя вынужденными серьезно взвѣсить вопросъ о раздѣленіи обѣихъ колоній. Эту задачу взялъ на себя Board of Trade, министерство уступило, наконецъ, и Constitution Act отъ 1850 г. объявилъ поселеніе (достигавшее къ тому времени 77,000 душъ) самостоятельной колоніей подъ именемъ Викторіи. Извѣстіе объ этомъ событіи дошло до Мельбурна въ ноябрѣ 1850 г.; но новый порядокъ вещей вступилъ въ силу лишь съ 1 іюля 1851 г.

d) Куинслэндъ.

Экспедиція Окслея (ср. стр. 262) въ 1823 году вдоль лежащаго къ сѣверу отъ Сиднея восточнаго берега повела къ нѣсколькимъ колонизаціоннымъ попыткамъ; такъ, напр., были основаны поселенія въ Портѣ Эссингтонѣ, на островѣ Мельвиллѣ и въ другихъ пунктахъ, но никакихъ положительныхъ результатовъ эти поселенія не дали. Когда нѣсколько времени спустя возникли затрудненія по поводу поселенія ссыльныхъ на Вандименовой землѣ, прибѣгли къ основанію въ 1826 г. исправительной колоніи для преступниковъ у Моретонбея. Это поселеніе просуществовало до 1840 г. и подъ именемъ Брисбэна осталось и до настоящаго времени центромъ управленія позднѣйшаго Куинслэнда; настоящимъ же ядромъ колоніи его нельзя, однако, считать. Прежде всего наличность преступниковъ страшила свободныхъ поселенцевъ колоніи; затѣмъ и самой страною нельзя было располагать свободно. Такимъ образомъ политико-географическое развитіе Куинслэнда шло, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, единственнымъ въ своемъ родѣ путемъ: отъ внутренности страны къ берегамъ.

Настоящимъ своимъ основаніемъ Куинслэндъ обязанъ скваттерамъ (стр. 256), которые послѣдовали по стопамъ Аллена Кэннинггама (стр. 262) изъ Новаго Южнаго Уэльса къ сѣверу. Отъ Ливерпуль-Плейнсъ они подвигались со своими стадами все дальше на сѣверъ до округа Новой Англіи и еще далѣе до Дарлингъ-Доунсъ. Эти мѣстности представляли лучшія въ мірѣ пастбища, но отсутствіе прямого выхода къ морю являлось большимъ неудобствомъ: изъ-за преграждавшихъ путь горныхъ кряжей приходилось для сбыта предметовъ производства дѣлать длинный обходъ черезъ Новый Южный Уэльсъ. Даже открытіе труднаго горнаго перевала къ Моретонбею не принесло никакой пользы, такъ какъ начальство запретило скваттерамъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ этимъ мѣстомъ. Перемѣна къ лучшему наступила только съ 1839 г., когда послѣ упраздненія исправительной колоніи (стр. 259) начали прокладывать доступныя дороги черезъ горы, ввели въ 1842 г. публичную продажу земель, и когда, наконецъ, во вновь открытую область удалось направить волну переселенцевъ. Однако развитіе колоніи подвигалось впередъ медленно; хотя годной земли и было въ изобиліи, но для ея обработки недоставало рабочихъ рукъ: въ теченіе девяти лѣтъ было роздано не болѣе 2.500 акровъ. Здѣсь, какъ и повсюду въ Австраліи, выходъ изъ этого затрудненія видѣли вначалѣ въ доставкѣ ссыльныхъ; не побоялись даже принять къ себѣ ссыльныхъ, отвергнутыхъ Сиднеемъ въ 1849 году, когда Новому Южному Уэльсу хотѣли навязать цѣлый новый транспортъ. Когда же и это оказалось недостаточнымъ, прибѣгли къ обоюдоострому средству, — ввозу китайцевъ. Вопросъ о ссыльныхъ не коснулся Куинслэнда благодаря отрицательному къ нему отношенію метрополіи; но зато Куинслэндъ не былъ избавленъ отъ болѣе тяжелаго китайскаго вопроса, не сходившаго почти никогда со сцены и обострившагося снова въ 1901 г. вслѣдствіе все ослабѣвающаго прилива бѣлыхъ

рабочихъ. Впрочемъ и первые кули не принесли скваттерамъ никакой пользы. Къ врожденной расовой враждѣ присоединилась разжигаемая еще болѣе китайской войной 1841—42 гг. (стр. 261) ненависть китайцевъ ко всѣмъ бѣлымъ вообще; кули отравляли своихъ господъ чаемъ и спѣшили затѣмъ какъ можно скорѣе убраться изъ колоніи.

Такимъ образомъ рабочій вопросъ оставался для Куинслэнда все еще неразрѣшеннымъ. Открытіе золота въ 1851 г. въ Викторіи и въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ еще больше способствовало увеличенію нужды въ рабочихъ рукахъ въ странѣ, которой не коснулась еще въ то время золотая горячка. Нужда колонистовъ въ ссыльныхъ была столь велика, что вскорѣ вызвала стремленіе къ политическому отдѣленію отъ Новаго Южнаго Уэльса только для того, чтобы снова ввести у себя ссылку. Перваго они скоро добились: въ 1859 г. сѣверо-восточный уголъ Австраліи былъ объявленъ отдѣльной самостоятельной колоніей подъ именемъ Куинслэнда. До ввоза ссыльныхъ дѣло, однако, не дошло. Съ одной стороны, общее теченіе во всей остальной Австраліи было не въ пользу ссылки, съ другой стороны, для ссылки оставалась тогда еще открытой болѣе удобная Западная Австралія, куда доставка ссыльныхъ обходилась дешевле.

Куинслэндъ представляетъ ко времени объявленія его автономіи совершенно иную картину, чѣмъ остальныя австралійскія колоніи въ свое время. Общее число бѣлаго населенія достигало въ 1859 году 30.000 душъ, распредѣлявшихся приблизительно на равныя части между городомъ и деревней. Городовъ насчитывалось 20, изъ которыхъ Брисбэнъ имѣлъ въ то время 4.000 жителей, тогда какъ другіе города могли указать лишь на нѣсколько сотъ; „городъ“ Аллора имѣлъ не болѣе 55 душъ. Не только по ничтожному количеству жителей, но и по существу своему эти поселенія носили характеръ чистой деревни; мы нигдѣ не встрѣчаемъ и слѣда организованнаго городского управленія. Тѣмъ болѣе нужно удивляться той самоувѣренности и быстротѣ, съ какими всѣ учрежденія сумѣли примѣниться къ такъ неожиданно нагрянувшимъ на нихъ новымъ условіямъ. Эдвардъ Іенксъ склоненъ видѣть въ этомъ фактѣ доказательство громаднаго дара англосаксовъ къ политической приспособляемости. Дѣйствительно, куинслэндцы приступили къ самоуправленію, не имѣя за собою той подготовительной школы, какая выпала на долю всѣхъ остальныхъ австралійскихъ колоній, политическое развитіе которыхъ шло лишь шагъ за шагомъ.

e) Западная Австралія.

Западная Австралія была основана непосредственно самой Англіей. Хотя въ 1826 году изъ Сиднея было послано извѣстное число ссыльныхъ къ западному берегу материка съ цѣлью предупредить возможныя поползновенія французовъ занять страну, но основаніе такихъ пунктовъ, какъ Альбани и Рокинггамъ едва ли можно назвать настоящею колонизаціей. Лишь въ 1829 году было положено дѣйствительное начало заселенію края. За годъ передъ этимъ нѣкій капитанъ Стирлингъ опубликовалъ блестящее сообщеніе о низовьяхъ Сванъ Ривера, побудившее правительство поручить капитану Фримантлу водрузить тамъ англійскій флагъ. Но дальнѣйшіе шаги со стороны правительства не были сдѣланы изъ-за недостатка средствъ.

Главнымъ выразителемъ духа частной предпріимчивости былъ Томасъ Пиль, первый давшій толчокъ колонизаціи. Въ сообществѣ съ другими онъ вызвался привлечь въ четырехлѣтній срокъ 10.000 свободныхъ переселенцевъ къ Сванъ Риверу подъ условіемъ, что ему будетъ обѣщано въ возмѣщеніе издержекъ, оцѣненныхъ имъ въ 300.000 фунтовъ стерлинговъ.

пространство въ 4 милліона акровъ (16,000 кв. км.). Когда правительство не согласилось на его предложеніе, Пиль значительно умѣрилъ свои требованія и добился успѣха. Подъ предводительствомъ назначеннаго на постъ губернатора новой колоніи капитана Стирлинга, которому было обѣщано 100.000 акровъ земли, изъ Англіи отплыла весною 1829 года первая партія эмигрантовъ. Она прибыла въ іюнѣ къ Сванъ Риверу и основала у его устьевъ городъ Фримантль, а затѣмъ, выше по теченію, городъ Пертъ. За первой партіей послѣдовало въ Западную Австралію въ теченіе слѣдующихъ полутора лѣтъ 39 эмигрантскихъ судна съ 1125 колонистами, привлеченными заманчивыми отзывами. Эмигрантамъ, однако, не повезло; земли было достаточно, но не доставало рабочихъ рукъ, не было ни дорогъ, ни рынковъ для сбыта.

Планъ Пиля состоялъ въ томъ, чтобы культивировать табакъ и хлопокъ, сахаръ и ленъ, разводить лошадей для Индіи и откармливать рогатый скотъ и свиней для того, чтобы снабжать англійскій флотъ солониной. Изъ всего этого ничего, однако, не вышло; колонистамъ скоро и самимъ нечего было ѣсть, и чѣмъ больше земли было въ ихъ распоряженіи, тѣмъ сильнѣе были безпомощность и нужда. Часть поселенцевъ, среди которыхъ было и семейство Гёнти (стр. 269), рѣшилась оставить неблагодарную колонію; многіе потеряли при этомъ все свое состояніе: самъ Пиль, поселившійся вмѣстѣ съ 200 колонистами, потерялъ, какъ говорятъ, 50.000 фунтовъ стерлинговъ. Основатели колоніи не только не заботились о пристанищѣ для вновь прибывавшихъ переселенцевъ, но и не давали себѣ никакого труда приступить хотя бы къ приблизительному раздѣлу земли, не говоря уже о дѣйствительныхъ размежеваніяхъ. Переселенцы послѣ высадки часто цѣлыми мѣсяцами оставались на берегу безъ крова, беззащитные противъ жгучаго австралійскаго солнца, предоставленные песчанымъ бурямъ и жестокимъ ливнямъ. При этомъ гибло и достояніе, и здоровье. Когда же они получали, наконецъ, возможность занять назначенную имъ область, тогда начинались затрудненія другого рода. Отношенія къ туземцамъ стали съ самой первой минуты въ высшей степени враждебными, и только при помощи коннаго полицейскаго отряда можно было защитить себя. При такихъ обстоятельствахъ здѣсь не могло быть и рѣчи о преуспѣяніи, какое наблюдалось въ другихъ колоніяхъ въ юную пору ихъ существованія. Развитіе колоніи подвигалось впередъ очень медленно, особенно, когда за первой волною переселенцевъ иммиграція совершенно прекратилась. Немногіе изъ оставшихся поселенцевъ дѣлали съ своей стороны все возможное, взялись энергично особенно за овцеводство и разведеніе лошадей, положили основаніе нѣкоторымъ городамъ и заселили заливъ Короля Георга; но дальше этого развитіе въ первыя шесть лѣтъ не пошло, если не считать распредѣленія 1.600.000 акровъ земли между колонистами: въ 1834 году подъ культурой было занято только 564 акра.

Нѣкоторый толчекъ къ развитію колоніи дала основанная въ 1835 г. маіоромъ Ирвиномъ Western Australian Association, цѣлью которой было содѣйствовать эмиграціи въ Западную Австралію и блюсти интересы этой страны также и въ другихъ отношеніяхъ. Наряду съ англичанами къ ней присоединились и жители Калькутты, намѣревавшіеся основать, кромѣ торговаго поселенія, также и климатическую станцію. Это общество принесло колоніи большую пользу; но и ему не удалось, несмотря на всю свою агитацію, измѣнить медленный ходъ ея экономическаго развитія. Въ 1840 году колонія насчитывала только 2300 душъ; за два года до этого колонистамъ дано было право посылать 4 членовъ въ Legislative Council (стр. 259).

1841 годъ вызвалъ нѣсколько дальнѣйшихъ предпріятій въ пользу Западной Австраліи. Одно изъ нихъ было основанное Western Australian Association,—акціонерное общество, поставившее себѣ цѣлью ску-

пать дешево предоставленныя нѣкогда капитану Стирлингу земли съ тѣмъ, чтобы перепродавать ихъ затѣмъ по частямъ. Основной таксой былъ 1 фунтъ стерлинговъ за акръ. Этому плану не суждено было, однако, осуществиться. Большій успѣхъ обѣщало другое предпріятіе того же Западно-австралійскаго Общества. По инициативѣ путешественника Георга Грея, будущаго превосходнаго государственнаго дѣятеля (стр. 277), было основано въ округѣ Лешенаультѣ, на сѣверномъ берегу залива Географовъ, нѣсколько сотъ миль къ югу отъ Перта, поселеніе, получившее названіе Австралинда. Оно было въ лучшей порѣ расцвѣта, когда Западно-австралійское Общество прекратило свое существованіе. Это небольшое мѣстечко существуетъ еще и понынѣ.

Становившійся съ каждымъ годомъ все болѣе ощутительнымъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ принудилъ колонію послѣдовать примѣру Куинслэнда. Въ 1845 г. Council серьезно обсуждалъ вопросъ о привлеченіи нѣмецкихъ поселенцевъ, исходя изъ того предположенія, что при господствовавшемъ недружелюбномъ обращеніи съ нѣмецкими эмигрантами въ Соединенныхъ Штатахъ легко будетъ направить волну этихъ эмигрантовъ въ другую сторону. При этомъ принималось во вниманіе допущеніе лицъ неимущихъ. Но самымъ серьезнымъ по своимъ послѣдствіямъ явилось рѣшеніе ввести ссылку. Въ 1846 году Council постановилъ допускать ежегодно опредѣленное число ссыльныхъ, доставка которыхъ должна была производиться на счетъ метрополіи, съ цѣлью употреблять ихъ при постройкахъ дорогъ и другихъ общественныхъ предпріятіяхъ. Англійское правительство откликнулось на это предложеніе со слишкомъ большою готовностью. Не приходя на помощь Council'ю въ осуществленіи другихъ его плановъ, оно поспѣшило воспользоваться предлагаемой ему новой областью, чтобы сбрасывать въ нее одинъ транспортъ преступниковъ за другимъ, и объявило оффиціально 1 мая 1849 года Западную Австралію мѣстомъ ссылки. Съ 1850 года туда стали посылаться преступники „Ticket of leave", — условно помилованные ссыльные, пользовавшіеся свободой въ предѣлахъ колоніи, но остававшіеся подъ контролемъ полиціи.

Въ противоположность Новому Южному Уэльсу и Вандименовой землѣ эта столь поздно введенная колонизація ссыльными въ Западной Австраліи не мало способствовала развитію колоніи. До апрѣля 1852 г. страна насчитывала уже 1500 ссыльныхъ, изъ которыхъ половина принадлежала къ полупомилованнымъ. Такое большое число ссыльныхъ потребовало цѣлый штатъ чиновниковъ, усиленіе войска и вызвало цѣлый рядъ крупныхъ построекъ, на которыя одною Англіею было отпущено 86.000 фунтовъ стерлинговъ; словомъ, въ колоніи появились деньги, а вмѣстѣ съ ними и оживленіе. Старые поселенцы ободрились, установился притокъ свободныхъ людей; количество раскупаемой и культивируемой земли все расло, а вмѣстѣ съ этимъ наростали и фонды страны. Къ тому же были открыты залежи каменнаго угля, было найдено и стало разрабатываться гуано, вывозиться сандальное дерево; индійская конница стала получать свои ремонты изъ Западной Австраліи, а въ заливѣ Шарко начался ловъ жемчуга. Ничего нѣтъ удивительнаго, поэтому, что при такихъ обстоятельствахъ бѣлое населеніе, насчитывавшее въ 1850 году только около 5.000 душъ, возрасло въ 1859 году до 15.000. Соотвѣтственно этому, расширились скотоводство и торговля.

Эта блестящая картина не лишена, однако, и темныхъ сторонъ. Несмотря на то, что продажа земель расла, доходы не покрывали расходовъ. Чтобы придти этому на помощь, было издано постановленіе, по которому условно помилованные ссыльные могли выкупить себя, уплативъ отъ 7 до 25 фунтовъ стерлинговъ, соотвѣтственно сроку отбытія наказанія. Но, несмотря на то, что ссыльные, принадлежавшіе въ Западной Австра-

ліи всѣ безъ исключенія къ мужскому полу, широко пользовались этимъ постановленіемъ — мѣропріятіе это ни къ чему не привело; колонія попрежнему не могла обходиться безъ значительныхъ субсидій со стороны метрополіи. Эта финансовая зависимость въ связи со ссылкой, которая была на-руку Англіи, сыграла роль въ политическомъ развитіи колоніи, явившись главною причиною того, что при введеніи Responsible Government Западную Австралію просто-на-просто обошли. Другою причиною былъ составъ населенія и степень его культурности въ 1850 г. Въ 1859 еще году 41 процентъ мужского населенія состоялъ изъ отбывающихъ или отбывшихъ уже свое наказаніе ссыльныхъ, а въ большинствѣ поселеній число ихъ превосходило даже число свободныхъ поселенцевъ. Число же не вошедшихъ въ реестръ достигало въ то время 37,5 процентовъ, не принимая въ разсчетъ дѣйствительныхъ ссыльныхъ. Поставить такую общину на собственныя ноги было попросту немыслимо.

Свою отсталость отъ другихъ австралійскихъ колоній Западная Австралія могла наверстать нескоро. Она утратила характеръ исправительной колоніи скорѣе, чѣмъ это было желательно свободнымъ колонистамъ и отбывшимъ срокъ наказанія ссыльнымъ, избалованнымъ дешевыми рабочими руками и тѣми суммами, которыя отпускались метрополіей на ссылку.

Постоянный наплывъ бѣглыхъ каторжниковъ возстановлялъ сосѣднія колоніи, чему немало способствовало и то обстоятельство, что многіе западно-австралійскіе преступники, отбывъ наказаніе, направляли свои стопы на востокъ. Въ 1864 г. Викторія выступила съ ожесточеннымъ протестомъ противъ колонизированія далекаго Запада ссыльными и предложила даже принудительныя мѣры. Въ 1868 году англійское правительство вычеркнуло, наконецъ, изъ *списка колоній для преступниковъ* Западную Австралію, принявшую къ себѣ въ общемъ 9.718 ссыльныхъ. Разбогатѣвшіе на дешевомъ трудѣ ссыльныхъ колонисты предсказывали колоніи полное разореніе отъ такой реформы; предсказаніе ихъ, однако, не сбылось. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того факта, что съ отмѣной ссылки развитіе Западной Австраліи замедлилось. Только въ самое послѣднее время она стала въ состояніи покрывать свои расходы изъ собственныхъ суммъ и лишь съ 1890 года, съ пожалованіемъ ей Self-government'а, она вступила въ ряды остальныхъ колоній. Открытіе обширныхъ золотыхъ розсыпей внутри колоніи служитъ ей залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія.

f) Южная Австралія.

Толчкомъ къ основанію *Южной Австраліи*, иниціативу котораго, какъ и при основаніи Западной Австраліи, взяла на себя Англія, послужили собственно благопріятные отзывы изслѣдователя Стерта (стр. 262) о видѣнной имъ у устьевъ Муррея странѣ, равно какъ и сообщенія капитана Колетта Баркера, которому было поручено изслѣдованіе залива Св. Винцента. Слѣдствіемъ этихъ благопріятныхъ отзывовъ явилось основаніе въ Лондонѣ въ 1831 г. South Australian Land Company, къ которой примкнулъ мѣстѣ со многими членами парламента также и Эдвардъ Гиббонъ *Векфильдъ*.

По собственному опыту знакомый съ недостатками англійской тюремной жизни, Векфильдъ видѣлъ исходъ въ цѣлесообразномъ выдѣленіи излишка населенія Англіи, повергавшаго, по его мнѣнію, это населеніе въ нужду и приводившаго его къ преступленіямъ, въ новыя области, какъ, напр., въ выдвинутую въ то время на сцену Южную Австралію. По его плану, слѣдовало учредить снабженное достаточными средствами колонизаціонное общество и отвести ему въ Южной Австраліи обширныя

необработанныя земли для того, чтобы на нихъ были основаны общинныя поселенія. Свои расходы по учрежденію общество должно было покрывать изъ продажи земель по установленнымъ цѣнамъ; сверхъ того эти же доходы должны были употребляться на доставку въ колонію англійскихъ рабочихъ, причемъ число рабочихъ въ каждой колоніи должно было соотвѣтствовать имѣющейся въ нихъ потребности.

Планы Векфильда и предложенія South Australian Land Company встрѣтили со стороны англійскаго правительства вначалѣ такое же отношеніе, какъ и основаніе Портъ-Филиппа (стр. 264). Основаніемъ новыхъ колоній правительство не хотѣло ослаблять уже существующія; кромѣ того, оно боялось предоставить частному обществу законодательныя права. Но, съ другой стороны, было очень велико и вліяніе семьи Векфильдъ, да и сама новая система была заманчива и могла, въ противоположность тѣмъ, которымъ слѣдовали до тѣхъ поръ, оказаться какъ разъ болѣе цѣлесообразной. Такимъ образомъ въ 1834 г. правительство рѣшило сдѣлать попытку осуществить планъ Векфильда. О средствахъ для этого предпріятія должно было позаботиться само общество. Руководителство въ Лондонѣ было отдано въ руки трехъ коммиссаровъ; въ самой коьоніи правительство удержало за собою право назначать губернатора и нѣлкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ; выборъ остальныхъ былъ предоставленъ обществу. Доставка ссыльныхъ въ Южную Австралію была разъ навсегда исключена.

Въ февралѣ 1836 г. изъ Англіи отправились первые три корабля. Два изъ нихъ прибыли въ іюлѣ къ острову Кенгуру, гдѣ, у Непеанбея, пассажиры тотчасъ же начали устраиваться; третій корабль, прибывшій уже въ августѣ, отправился къ побережью материка, а именно, къ берегамъ Торренса. Выборъ этого мѣста для высадки, сдѣланный полковникомъ Лайтомъ (Light), показался большинству переселенцевъ настолько же неудачнымъ, насколько Непеанбей казался неблагопріятнымъ ихъ руководителю. Въ слѣдующемъ году, посредствомъ голосованія между колонистами, дѣло было окончательно рѣшено въ пользу выбраннаго Лайтомъ мѣста и тотчасъ же приступлено къ основанію города, названнаго по желанію короля Вильгельма IV въ честь его супруги Аделаидой.

Исторія развитія молодой колоніи имѣетъ свою свѣтлую и свою неутѣшительную сторону. Неудачный составъ должностныхъ лицъ и различныя стѣсненія, наложенныя на нѣкоторыхъ изъ нихъ, привели вскорѣ къ такимъ преніямъ, что большинство изъ нихъ должно было быть отозвано обратно. Такое положеніе вещей имѣло, однако, мало вліянія на экономическое развитіе колоніи; только за одинъ 1837 г. было продано болѣе 60.000 акровъ земли, принесшихъ обществу 43.151 фунтовъ стерлинговъ. До середины 1839 г. число акровъ, пріобрѣтенныхъ за 230.000 фунтовъ достигало уже 1/4 милліона. Въ 1840 г. насчитывалось 10.000 поселенцевъ, владѣвшихъ 200.000 овецъ и 15.000 головъ рогатаго скота.

Какъ въ Викторіи, такъ и здѣсь, въ Южной Австраліи, за быстрымъ блестящимъ подъемомъ слѣдуетъ громадный крахъ. И здѣсь также бѣшеная спекуляція на земли достигла невѣроятныхъ размѣровъ, и хотя вмѣстѣ съ этимъ поднялась до головокружительной высоты также и заработная плата (опытные рабочіе зарабатывали въ день до 50 шиллинговъ), тѣмъ не менѣе легкая нажива, достигавшаяся путемъ спекуляціи, влекла къ себѣ еще больше и отрывала многихъ отъ работъ. Къ тому же, второй губернаторъ колоніи полковникъ Гаулеръ (Gawler) увлекся большими общественными постройками, несмотря на то, что метрополія рѣшительно заявила, что не обязываетъ себя никакими субсидіями. Такимъ образомъ, колонія очень скоро оказалась обремененной долгомъ въ 405.000 фунтовъ стерлинговъ. South Australian Company не совсѣмъ свободна отъ вины въ томъ оборотѣ, который приняли дѣла колоніи. Ея предсѣдатель

Ангасъ, совершенно противно намѣченнымъ цѣлямъ Векфильда, также занимался спекуляціями. Онъ вложилъ половину капиталовъ Общества въ поземельные участки, занимался ловлей китовъ, торговлей и банковыми дѣлами и привлекалъ колонистовъ къ вкладамъ ихъ сбереженій, выдавая чрезмѣрно высокіе проценты на ихъ депозиты. Съ своей стороны и коммиссары плохо понимали свои обязанности. Цѣна, назначенная при основаніи колоніи за акръ земли, равнялась одному фунту стерлинговъ; по этой цѣнѣ были проданы колоссальныя пространства. И вотъ, вмѣсто того, чтобы повысить цѣну, они ее непонятнымъ образомъ понизили вскорѣ до 12 шиллинговъ.

Только съ призваніемъ Георга Грея въ руководители колоніи началъ улучшаться этотъ порядокъ вещей. Имя Грея будетъ всегда блистать на страницахъ исторіи англійскихъ колоній; оно останется и въ области этнографіи окруженнымъ ореоломъ славы. По возвращеніи изъ совершенныхъ имъ двухъ путешествій въ Западную Австралію въ 1837 и 1839 годахъ (стр. 274) Грей выработалъ докладную записку о томъ, какъ должны были бы управляться британскія владѣнія въ Южномъ морѣ и въ Южной Африкѣ; когда въ 1841 г. Южная Австралія объявила свое банкротство, Грею представился случай приложить на дѣлѣ свои взгляды. Его назначили штадтгальтеромъ въ Аделаиду, и съ этого момента управленіе колоній фактически перешло въ руки англійскаго правительства.

Грею предстояла колоссальная работа. Кассы были пусты: полчища чиновниковъ поглощали всѣ доходы колоніи, а бремя долговъ было нестерпимо, несмотря на то, что англійскій парламентъ погасилъ часть прежнихъ долговыхъ обязательствъ. Первымъ шагомъ Грея было пріостановить тѣ постройки, въ которыхъ не было неотложной надобности, уволить лишнихъ чиновниковъ и уменьшить оклады.

Поворотъ къ лучшему не заставилъ себя долго ждать. Въ 1841 г. изъ проданныхъ 299.077 акровъ земли только 2.503 находились подъ культурою; къ концу 1842 г. ихъ было уже болѣе 20.000 при увеличеніи населенія съ 14.600 душъ на 17.000. Къ несчастью для колоніи метрополія не пожелала придти ей на помощь, взявъ на себя также и остальную часть старыхъ долговъ. Грей не могъ, да и не желалъ сразу порвать съ господствовавшей финансовой системой: онъ выдалъ векселя на мѣстное правительство. Однако, лишь самая небольшая часть ихъ была погашена, что вызвало недовольство въ Южной Австраліи, гдѣ финансовый кризисъ достигъ въ 1843 году своей высшей точки. Однако, положеніе колоніи сдѣлалось болѣе сноснымъ, когда были открыты и начали обрабатываться богатыя залежи мѣди. Съ незначительными колебаніями, понятными для юной колоніи, развитіе Южной Австраліи пошло съ этихъ поръ своимъ нормальнымъ путемъ. Населеніе достигло въ 1848 г. 38.600 бѣлыхъ и 3.700 туземцевъ; торговые обороты (въ 1839 г. только 427.000 фунтовъ стерлинговъ) выразились въ 1849 г. уже въ 888.000 фунтовъ, изъ которыхъ 504.000 падали на вывозъ. Соотвѣтственно съ этимъ расли и доходы; съ 1845 г. они не только стали покрывать расходы, но и давали значительный излишекъ.

Дѣятельность Грея, столь благотворная для Южной Австраліи, закончилась уже въ 1845 г. На его долю выпала судьба быть всегда тамъ, гдѣ нужны были и его дальновидность, и его твердая рука; на этотъ разъ онъ былъ назначенъ въ Новую Зеландію. Въ исторіи управленія его ничѣмъ не выдавшихся преемниковъ нельзя отмѣтить ничего, кромѣ стремленія колонистовъ къ политической самостоятельности. При основаніи колоніи англійское правительство обѣщало даровать ей самоуправленіе, какъ только число жителей возрастетъ до 50.000. Уже въ 1842 г., вмѣстѣ съ отмѣною должности коммиссаровъ, былъ учрежденъ долженствовавшій состоять при губернаторѣ совѣтъ (council) изъ 8 членовъ, изъ которыхъ

4 назначались изъ должностныхъ лицъ, другіе 4 избирались губернаторомъ изъ колонистовъ. Дальше этого, само собою лишь слабаго представительства интересовъ колонистовъ, предупредительность правительства, однако, не пошла и въ слѣдующіе годы, несмотря на все возраставшее благосостояніе Южной Австраліи. Но когда въ 1849 г., сверхъ ожиданія, населеніе колоніи повысилось до 52.000 душъ, правительство увидѣло себя вынужденнымъ исполнить данное обѣщаніе, и въ 1850 г. Южная Австралія сдѣлалась полноправной колоніей. 20 августа 1851 г. въ первый разъ собрался council изъ 24 членовъ; изъ нихъ двѣ трети были избраны колонистами, 8 членовъ (изъ которыхъ должностныхъ лицъ не должно было быть больше четырехъ) назначены были губернаторомъ.

E. Колоніи во второй половинѣ XIX столѣтія.

a) Достиженіе самостоятельности.

Благопріятное и быстрое, въ общемъ, развитіе болѣе молодыхъ австралійскихъ колоній во второй половинѣ сороковыхъ годовъ заронило въ руководящихъ колоніями кругахъ Англіи мысль поставить ихъ на такую же степень самостоятельности, какою Новый Южный Уэльсъ пользовался уже съ 1842 года (ср. стр. 259). Не только Вандименова земля и Портъ-Филиппъ, достигшіе уже возможности покрывать свои расходы изъ собственныхъ средствъ, могли претендовать на право распоряжаться самостоятельно своими доходами, но и Южная Австралія быстрыми шагами приближалась къ такому утѣшительному положенію вещей. Только Западная Австралія оставалась еще позади. Въ 1847 г. намѣренія правительства приняли болѣе опредѣленныя формы. Тогдашній министръ колоній Карлъ Генри Грей (стр. 260) открыто высказалъ губернатору Новаго Южнаго Уэльса свое намѣреніе даровать молодымъ колоніямъ конституцію 1842 года; онъ хотѣлъ даже учредить, и притомъ во всѣхъ австралійскихъ колоніяхъ, наряду съ Legislative Council верхнюю палату, члены которой должны были избираться изъ городскихъ общинъ. Когда эти послѣднія двѣ части проекта встрѣтили въ Австраліи энергичный протестъ, Грей отъ нихъ отказался и представилъ дѣло на разсмотрѣніе Committee of the Privy Council for Trade and foreign Plantations. Результатомъ совѣщанія явилось въ 1849 г. то, что для Вандименовой земли, Южной Австраліи и Портъ-Филиппа, который долженъ былъ быть отдѣленъ отъ Новаго Южнаго Уэльса, рекомендовалось введеніе конституціи по образцу конституціи Новаго Южнаго Уэльса. Дальнѣйшая разработка реформы должна была быть предоставлена отдѣльнымъ парламентамъ; но Committee высказалъ при этомъ надежду, что таможенныя дѣла будутъ подлежать еще покуда вѣдѣнію британскаго парламента. Въ то же время Committee находилъ желательнымъ введеніе однороднаго тарифа для всѣхъ колоній.

Составленный на основаніи доклада комитета проэктъ получилъ 5 августа 1850 г. силу закона подъ заглавіемъ An act for the better government af Her Majesty's Australian Colonies. Вандименова земля, Южная Австралія и Викторія (прежній Портъ-Филиппъ; ср. стр. 271) получили предложенную комитетомъ конституцію; Западной Австраліи она была обѣщана, какъ только расходы по гражданскому управленію колоніи будутъ покрываться ею изъ собственныхъ средствъ. Право выбора получалъ въ возрастѣ не менѣе 21 года каждый, владѣвшій участкомъ земли стоимостью въ 100 фунтовъ стерлинговъ, или же каждый нанимавшій домъ или арендовавшій землю съ платою 10 фунтовъ въ годъ. Таможенный вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что высота пошлинъ должна была устанавливаться колоніальными правительствами; причемъ запрещалось взиманіе дифференціальной пошлины. Въ то же время не

должны были облагаться пошлиной товары, предназначавшіеся для нуждъ англійскаго войска и не должны были нарушаться существующіе торговые договоры.

Какъ первую ступень къ совершившемуся лишь въ недавнее время объединенію австралійскихъ колоній въ одно федеративное государство, нужно отмѣтить проведенное Карломъ Греемъ, послѣ того, какъ вошла въ силу новая конституція, назначеніе губернатора Новаго Южнаго Уэльса генералъ-губернаторомъ четырехъ колоній, — Новаго Южнаго Уэльса, Викторіи, Тасманіи и Южной Австраліи. Этимъ шагомъ Грей хотѣлъ въ наглядной формѣ выразить идею общности колоній; заставляя, однако, правителей трехъ послѣднихъ колоній давать такимъ образомъ отчетъ наряду съ колоніальнымъ вѣдомствомъ также и генералъ-губернатору Новаго Южнаго Уэльса, Грей низводилъ ихъ положеніе на степень вице-губернатора. Духъ независимости и взаимное соперничество послѣднихъ трехъ колоній не обѣщало будущности этой реформѣ. Такъ, напр., Викторія назначила своему губернатору 7.000 фунтовъ годового оклада, тогда какъ генералъ-губернаторъ Сиднея получалъ только 5.000. Въ 1855 г. во главѣ каждой колоніи былъ поставленъ губернаторъ; и хотя губернаторъ Сиднея до 1861 года носилъ вмѣстѣ съ тѣмъ также и титулъ генералъ-губернатора, этотъ послѣдній не давалъ ему никакихъ преимуществъ.

Актомъ 5 августа 1850 г. сдѣланъ былъ главный шагъ къ измѣненію государственнаго строя австралійскихъ колоній; этимъ, однако, онъ не завершился. Хотя таможенные доходы и были обѣщаны колоніямъ, но пошлины продолжали взиматься чиновниками, назначавшимися изъ Англіи. Точно также колоніи не могли свободно распоряжаться и доходами отъ продажи казенныхъ земель, такъ какъ половина этихъ доходовъ употреблялась метрополіей на поощреніе эмиграціи. Наконецъ, и само назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ зависѣло всецѣло отъ правительства метрополіи. Непосредственно послѣ введенія новой конституціи поднялось общее движеніе, направленное къ отмѣнѣ всѣхъ этихъ пунктовъ. Требовали полнаго самоуправленія безъ всякихъ ограниченій, и лондонское правительство не замедлило уступить этому бурному натиску.

Побужденіемъ къ такой готовности метрополіи придти навстрѣчу колоніямъ ничуть не было одно только гуманное доброжелательство, — ею руководило прежде всего опасеніе, что отказомъ она испортитъ свои отношенія къ массѣ австралійскаго населенія. Уже сама по себѣ необузданная и ни предъ чѣмъ не останавливающаяся, эта масса, благодаря необычайно усилившемуся вслѣдствіе открытій золота притоку не всегда безукоризненныхъ въ нравственномъ отношеніи переселенцевъ, значительно усугубила неутѣшительныя стороны своего характера, чему доказательствомъ служили ежедневныя столкновенія съ начальствомъ въ лагеряхъ золотоискателей. Другою причиною уступчивости метрополіи была съ одной стороны тяготѣвшая надъ нею крымская война (см. т. VIII), оставлявшая ей мало досуга для колоній, съ другой — общее положеніе Европы. Такимъ образомъ, уже въ апрѣлѣ 1851 г. все таможенное управленіе перешло въ вѣдѣніе колоній; годъ спустя въ ихъ распоряженіе были отданы также и доходы съ налоговъ на золото, и въ то же время имъ предоставлено было изложить лондонскому правительству свои дальнѣйшія желанія относительно формы самоуправленія. Въ концѣ 1854 г. колоніи представили въ Лондонъ свои проекты. Проекты Южной Австраліи и Тасманіи были тотчасъ же приняты королемъ, тогда какъ отъ Новаго Южнаго Уэльса и Викторіи потребовали нѣкоторыхъ измѣненій; въ 1855 г. и ихъ проекты были приняты.

Содержаніе новыхъ конституцій можно передать вкратцѣ слѣдующимъ образомъ. Самое существенное, общее всѣмъ четыремъ колоніямъ, нововведеніе состояло въ измѣненіи системы одной палаты на систему двухъ па-

латъ; наряду съ прежнимъ Legislative Council, — теперешней первой камерой, или верхней палатой, — является Assembly, — нижняя палата. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ первая состояла изъ 21 члена, избираемыхъ имперіей пожизненно, тогда какъ въ нижней палатѣ, согласно проекту, было 54 депутата, они избирались изъ имущихъ классовъ съ опредѣленнымъ доходомъ. Въ настоящее время число членовъ верхней палаты неограниченно, тогда какъ въ нижней палатѣ оно равно 125; эти послѣдніе избираются на три года. Въ Викторіи Council состоялъ по закону 1855 года изъ 30 членовъ (теперь 48), Assembly — изъ 75 (теперь 95). Здѣсь и та, и другая палаты составлялись путемъ выборовъ; продолжительность службы — шесть и три года. Въ Южной Австраліи Council состоялъ изъ 12 членовъ, назначаемыхъ правительствомъ; Assembly составлялось путемъ выборовъ и имѣло 36 членовъ; но уже въ 1856 году и для верхней палаты были введены выборы, и число членовъ увеличено до 18. Впослѣдствіи составъ верхней палаты возросъ до 24 членовъ (избираемыхъ на 12 лѣтъ), нижней палаты до 54 членовъ, избираемыхъ на три года; депутаты получали хорошее содержаніе. Однако, въ 1902 году число представителей изъ экономическихъ соображеній было понижено до 18 и 42. Наконецъ, въ Тасманіи съ самаго начала и по настоящее время Council состоялъ изъ 18, Assembly — изъ 37 представителей; обѣ палаты составлялись путемъ выборовъ.

Наряду съ системой двухъ палатъ каждая колонія имѣетъ губернатора, который назначается правительствомъ, но оплачивается колоніей. Продолжительность службы губернатора въ среднемъ шесть лѣтъ, окладъ— отъ 3.500 фунтовъ стерлинговъ (въ Тасманіи) до 7.000 фунтовъ (Новый Южный Уэльсъ). При утвержденіи законовъ, касающихся колоніи, они даютъ свое согласіе отъ имени британскаго короля. Въ настоящее время положеніе губернатора является въ сущности однимъ лишь представительствомъ; на законодательство они не имѣютъ никакого вліянія: въ 1899 году „губернаторомъ“ Новаго Южнаго Уэльса былъ назначенъ 27-лѣтній тщеславный Карлъ Уильямъ Лигонъ Бошанъ (Beauchamp), а губернаторомъ Южной Австраліи баронъ Галламъ Теннисонъ,—сынъ знаменитаго отца,— еще болѣе несвѣдущій, несмотря на свои 50 лѣтъ, въ дѣлахъ правленія, чѣмъ Бошанъ.

Своеобразнымъ является правовое отношеніе колоній и ихъ населенія къ метрополіи. Парламенты, согласно предложенной ими самими формѣ, именуются „парламентами короля“, отъ имени котораго они издаютъ законы для австралійскихъ подданныхъ Его величества короля Британіи. Колонисты фактически пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ всѣми правами и преимуществами британскихъ гражданъ, не платя ни одного пенни Англіи, верховная власть которой выражается только въ томъ, что англійское право тамъ, гдѣ оно не вытѣснено мѣстнымъ законодательствомъ, имѣетъ силу также и въ Австраліи.

Высшими органами правленія являются министры; ихъ число колеблется отъ шести (въ Тасманіи) до девяти (въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ). Такъ какъ они избираются парламентомъ по большинству голосовъ, то, съ одной стороны, это ведетъ къ ихъ частой смѣнѣ: за 1856 — 76 гг. у кормила правленія стояло въ Викторіи 18 различныхъ министровъ, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ 17, въ Южной Австраліи 29; съ другой,— благодаря этому обстоятельству, поста министра достигаютъ представители самыхъ различныхъ профессій, большею частью выказывающіе въ управленіи большую умѣлость.

b) Открытіе золота.

Вопросъ о самоуправленіи, навѣрное, не пришелъ бы къ такому быстрому рѣшенію, если бы все положеніе Австраліи не измѣнилось въ на-

чалѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія такъ внезапно и радикально, благодаря открытію богатыхъ золотыхъ розсыпей въ различныхъ ея мѣстностяхъ. Золото было найдено еще раньше при прокладываніи дороги черезъ Голубыя горы (въ 1814 г.; стр. 253), но въ то время правительство умолчало объ этомъ открытіи изъ опасенія не справиться съ возбужденіемъ, которое должно было неминуемо охватить населеніе при его обнародованіи. Слухи объ открытіи залежей золота всплывали затѣмъ время отъ времени, но встрѣчали мало довѣрія. Только когда открытіе золота въ Калифорніи (1848) привлекло туда вниманіе всего свѣта и вызвало настоящее переселеніе народовъ въ лицѣ золотоискателей, этотъ благородный металлъ обратилъ на себя и въ Австраліи болѣе серьезное вниманіе. Австралійскій кузнецъ Hargreaves, проведшій нѣкоторое время въ Калифорніи, изслѣдовалъ въ февралѣ 1851 г. горы у Бетёрста и 12 числа того же мѣсяца нашелъ дѣйствительно множество промывного золота въ Льюсъ-Пондъ-Крикѣ. Это открытіе не осталось, какъ прежнія, тайной; напротивъ того, на вѣсть о немъ скоро весь материкъ откликнулся, и уже въ маѣ колонисты стали являться цѣлыми массами. Нѣсколько недѣль спустя золото было найдено также у Балларата въ Викторіи, а въ октябрѣ затѣмъ и у Моунтъ-Александра, къ сѣверу отъ Мельбурна. Еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя къ этому присоединились залежи, найденныя южнѣе у Бендиго. Въ Куинслэндѣ золото найдено было въ 1858 г., а въ Западной Австраліи только въ 1886 — 87 г.

Дѣйствіе, оказанное этими открытіями на все человѣчество, было неописуемо. Золотая лихорадка охватила прежде всего все населеніе Австраліи. Всякій, кто только въ состояніи былъ работать и двигаться, спѣшилъ къ пріискамъ, все равно, былъ ли то крестьянинъ, морякъ или должностное лицо. Прежнія поселенія пустѣли настолько, что въ Мельбурнѣ, напр., въ теченіе нѣкотораго времени оставался только одинъ полицейскій; Южная Австралія производила впечатлѣніе страны, населенной только женщинами и дѣтьми. То же самое было въ Тасманіи и даже на Новой Зеландіи. Позже, когда извѣстіе объ этихъ открытіяхъ достигло Америки и Стараго Свѣта, въ страну хлынула новая волна эмигрантовъ, и весь избытокъ населенія устремился въ округи, гдѣ было золото. При такихъ обстоятельствахъ число населенія Австраліи быстро возрасло. Въ Викторіи, куда устремилось больше всего переселенцевъ, населеніе въ іюлѣ 1851 г. равнялось 70.000 душъ; черезъ девять мѣсяцевъ эту цифру давало уже населеніе однихъ золотыхъ пріисковъ, а въ 1861 колоніи насчитывали 541.800 душъ. Новый Южный Уэльсъ имѣлъ къ этому времени 358.200 жителей, Южная Австралія — 126.800, Тасманія — 90.200; въ Куинслэндѣ число жителей равнялось 34.800, а въ Западной Австраліи 15.600. Насколько такой ростъ населенія повліялъ благотворно на экономическое развитіе колоній, настолько же стало затруднительнымъ, въ виду этихъ столь внезапно нахлынувшихъ на него событій, положеніе правительства. Бѣгство чиновниковъ со вновь учрежденныхъ должностей сдѣлалось настолько всеобщимъ, что дальнѣйшему управленію грозила попросту опасность быть совершенно пріостановленнымъ. Было удвоено содержаніе, но и это не помогло: притягательная сила золотыхъ пріисковъ была слишкомъ велика. Въ Викторіи губернаторъ увидѣлъ себя, въ концѣ концовъ, вынужденнымъ обратиться къ Англіи съ просьбою прислать полкъ солдатъ, такъ какъ страхъ военнаго суда удерживалъ бы ихъ отъ бѣгства; одновременно съ этимъ для заполненія должностей было выписано изъ Англіи 200 отставныхъ тюремныхъ надзирателей.

Другого рода затрудненія явились для правительства въ его правовомъ отношеніи къ новому промыслу. По мнѣнію юрисконсультовъ правительства, всѣ залежи благородныхъ металловъ, какъ на казенной землѣ, такъ и на частной должны были принадлежать казнѣ; на этомъ основаніи

они совѣтовали губернаторамъ просто-на-просто запретить разработку золота, дабы не нарушать спокойнаго теченія развитія колоній. При господствовавшихъ условіяхъ такой совѣтъ былъ настолько же безполезенъ, какъ и нелѣпъ, такъ какъ послѣдовать ему съ тѣми силами, которыя были въ распоряженіи властей, не было даже отдаленной возможности. Сэръ Чарльзъ Фицрой, тогдашній губернаторъ Новаго Южнаго Уэльса, удовлетворился, поэтому, только тѣмъ, что, при первомъ извѣстіи объ открытіи золота, издалъ указъ, которымъ разрѣшалось копать на казенной землѣ только при внесеніи въ пользу правительства опредѣленнаго налога на шурфованіе (30 шилл. въ мѣсяцъ) и, сверхъ того, 10 процентовъ съ дохода отъ эксплоатаціи кварца.

Со стороны золотоискателей это постановленіе встрѣтило, само собою, мало сочувствія, хотя оно могло способствовать развитію колоній, т. к. увеличило бы общественныя средства. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, гдѣ государственныя условія вообще были не такъ сильно потрясены, съ нимъ примирились. Не такъ обстояло дѣло въ Викторіи, губернаторъ которой также присоединился къ постановленію Сиднея. Съ одной стороны, здѣсь правительство не успѣло еще стать твердою ногою, какъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ; съ другой — именно въ Викторіи населеніе увеличилось насчетъ особенно большого процента самыхъ грубыхъ людей и авантюристовъ. Не на долю каждаго изъ нихъ выпадало счастье найти золото; не будучи въ состояніи платить установленнаго большого налога, онъ начиналъ агитировать, сначала противъ высоты налога, а затѣмъ и противъ самого налога вообще. Недовольство сдѣлалось скоро общимъ, не только на золотыхъ пріискахъ, но даже въ старыхъ поселеніяхъ и городахъ. Здѣсь были того мнѣнія, что употребленіе большихъ суммъ, образовавшихся изъ налоговъ на шурфованіе и на само золото, исключительно на покрытіе расходовъ по управленію, не соотвѣтствуетъ интересамъ народонаселанія, и требовали, поэтому, отмѣны этихъ налоговъ. Налоги были понижены, но это никого не удовлетворило; напротивъ того, волненія на пріискахъ расли. На пріискѣ Еурека у Балларата совершено было въ октябрѣ 1854 г. убійство. Слабая полиція сдѣлала при разслѣдованіи этого дѣла нѣсколько ошибокъ, вслѣдствіе чего между нею и золотоискателями дѣло дошло до столкновеній; волненія направились скоро противъ ненавистнаго налога на шурфованіе и, наконецъ, когда губернаторъ прислалъ въ возмутившійся округъ всѣ бывшія въ его распоряженіи войска, дѣло дошло до открытаго сопротивленія, причемъ было убито около 30 золотоискателей и нѣсколько солдатъ. 120 бунтовщиковъ было арестовано, зачинщиковъ же отправили въ Мельбурнъ для производства надъ ними суда. Но тамъ не нашлось ни одного судебнаго учрежденія, которое пожелало бы, несмотря на подавляющую массу уликъ, произнести приговоръ.

Вопросъ о налогахъ былъ урегулированъ только въ 1855 году. На мѣсто совершенно упраздненнаго налога на шурфованіе былъ установленъ налогъ съ золотоискателей въ 1 фунтъ стерлинговъ въ годъ. Чтобы пополнить вызванное этою мѣрою уменьшеніе доходовъ казны, была введена пошлина на вывозимое золото, въ размѣрѣ $1/2$ кроны на каждую унцію золота. Этимъ цѣлесообразнымъ мѣропріятіемъ налогъ падалъ прежде всего на золотоискателя, имѣвшаго удачу, что обезпечивало новому закону дружелюбный пріемъ и удовлетворяло всѣ стороны. Еще до истеченія года губернаторъ Викторіи могъ уже донести въ Лондонъ, что на всѣхъ пріискахъ установилось спокойствіе.

c) Развитіе Австраліи по настоящее время.

α) Экономическое развитіе.

Открытіе поразительнаго богатства Австраліи въ золотѣ хотя и не было прямою причиною дарованія колоніямъ полнаго самоуправленія, тѣмъ

не менѣе необыкновенно ускорило ходъ совѣщаній; и дѣйствительно, общее положеніе дѣлъ измѣнилось съ началомъ эксплоатаціи рудниковъ такъ разительно, что достиженіе наивозможно большей самостоятельности сдѣлалось для мѣстныхъ правительствъ жизненнымъ вопросомъ. Актъ 1855 г. свидѣтельствуетъ о политической проницательности англійскаго правительства. Промежутокъ времени между дарованіемъ конституцій 1850 и 1855 гг. есть переходное время. Созданный въ 1850 г. сложный организмъ управленія не успѣлъ еще окрѣпнуть, чему никоимъ образомъ не могла способствовать охватившая все населеніе золотая горячка. Да и само населеніе — какъ уже пустившее въ странѣ корни, такъ и вновь прибывшее и продолжающее прибывать — стояло передъ новыми условіями: прежніе населенные центры пустѣли, на золотыхъ же пріискахъ города выростали, какъ грибы. Это сдвинуло прежде всего экономическій центръ колоній, а послѣ того, какъ въ 1855 году право выборовъ было даровано также чужимъ золотоискателямъ, — и политическій.

Сверхъ того снова всплылъ на поверхность старый земельный вопросъ. При всемъ богатствѣ Австраліи въ золотѣ (средній годовой доходъ съ 1851 по 1901 гг. составлялъ девять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ) все-таки было неизбѣжно, чтобы изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ золотоискателей нѣсколько тысячъ терпѣли неудачу. Немногія дѣла доставляли въ то время столько непріятностей начальству, какъ необходимость какъ-нибудь пристроить этихъ неудачниковъ. Какъ нѣкогда Маккари считалъ первымъ условіемъ всякаго экономическаго развитія созданіе путей сообщеній, такъ и теперь колоніальныя правительства видѣли въ этомъ свою главную задачу. Уже въ 1855 году была открыта желѣзно-дорожная линія Сидней-Параматта; за этимъ послѣдовало устройство обширной сѣти дорогъ и телеграфныхъ сообщеній. Съ гордостью указываетъ Іенксъ на то, что между 1788 и 1821 гг. Англія истратила на хозяйственныя нужды Новаго Южнаго Уэльса и Тасманіи сумму въ 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; это, конечно, немало и само собою способствуетъ поддержанію добрыхъ чувствъ къ метрополіи также и въ нынѣшнемъ австралійцѣ. Но что значитъ эта сумма въ сравненіи съ тѣми 100 милліонами фунтовъ стерлинговъ которые сама Австралія истратила на тѣ же нужды въ короткій промежутокъ времени отъ 1855 до 1880 г.! Тѣ десять милліоновъ вышли изъ кармановъ англійскихъ плательщиковъ налоговъ; для этихъ ста милліоновъ австралійскіе карманы были слишкомъ недостаточны. Они были собраны большею частью путемъ государственныхъ займовъ, сдѣланныхъ въ Лондонѣ. Съ одной стороны, это положило начало огромной суммѣ государственнаго долга австралійскихъ колоній (187 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ 1900 году, т. е. 50 фунтовъ стерлинговъ на каждую душу $3^3/_4$ милліоннаго населенія); съ другой — англійскій денежный рынокъ, со своею всегдашнею готовностью предоставлять къ услугамъ австралійскихъ колоній свои богатыя средства, немало способствовалъ укрѣпленію въ австралійцахъ сознанія ихъ кровной связи съ метрополіей.

Дарованіе широкихъ избирательныхъ правъ конституціей 1855 года скоро привело въ движеніе поземельный вопросъ. Оно принесло прежде всего пользу мелкимъ поселенцамъ, число которыхъ, превосходившее всегда число крупныхъ землевладѣльцевъ или скваттеровъ, непомѣрно расло, благодаря новымъ притокамъ. Умно воспользовавшись усиленіемъ своего вліянія, они поспѣшили возобновить старый разладъ между интересами скотоводовъ и земледѣльцевъ для того, чтобы рѣшить его въ свою пользу. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ былъ изданъ въ 1861 году новый законъ, регулировавшій раздѣлъ казенныхъ земель на новыхъ основаніяхъ; примѣру этому послѣдовали и другія колоніи. Мелкимъ поселенцамъ повсюду было отдано преимущество, права же крупнаго землевла-

дѣльца урѣзывались, Такъ, напр., въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ мелкимъ поселенцамъ дано было право выбрать для себя на неразмежеванныхъ еще пастбищныхъ пространствахъ опредѣленный небольшой участокъ подъ жилье и ферму.

Экономическая борьба, начатая съ обѣихъ сторонъ съ такимъ рвеніемъ еще полстолѣтія тому назадъ подъ вліяніемъ вызваннагó открытіемъ золота экономическаго подъема, продолжается и по настоящее время, если не столь ожесточенно, то еще болѣе упорно. Стороной страдающей все еще является крупный землевладѣлецъ. Онъ, положимъ, храбро отстаиваетъ свои интересы; но за послѣднія десятилѣтія мелкій собственникъ („selector“, или „cockatoofarmer“) все больше и больше беретъ верхъ не только въ поземельномъ законодательствѣ, но и въ дѣйствительности. Съ 1890 года покровительство, оказываемое ему во всѣхъ колоніяхъ, идетъ такъ далеко, что для покупки земли ему выдаются подъ низкіе проценты ссуды, въ которыхъ другому отказывается.

Большой интересъ представляетъ движеніе народонаселенія въ Австраліи за послѣднее полустолѣтіе. Мы уже указали на огромный его приростъ въ непосредственной связи съ открытіемъ золота въ юго-восточныхъ колоніяхъ и привели цифры, указывающія численность населенія за 1861 г. Впослѣдствіи населеніе не возрастало, само собою, съ такою быстротою, какъ въ пятидесятыхъ годахъ; но если не считать двухъ послѣднихъ десятилѣтій, ростъ его держался все-таки на такой высотѣ, которая, принимая во вниманіе сильную американскую конкурренцію, остается тѣмъ не менѣе поразительной. Въ 1861 году материкъ вмѣстѣ съ Тасманіей насчитывалъ 1.167.695 бѣлыхъ; къ 1 января 1900 г. число ихъ достигло 3.756.894, т. е. менѣе, чѣмъ въ четыре десятилѣтія, число бѣлыхъ увеличилось больше, чѣмъ въ три раза. Больше всего способствовала этому приросту бѣлыхъ иммиграція, особенно сильная со стороны Великобританіи. Съ 1853 по 1890 гг. это островное государство дало Австраліи 1.374.422 переселенцевъ, изъ которыхъ половина получила денежную поддержку отъ отдѣльныхъ колоніальныхъ правительствъ. Подъ вліяніемъ сильнаго экономическаго упадка въ началѣ девятидесятыхъ годовъ (стр. 285) число переселенцевъ значительно уменьшилось; въ Викторіи и въ Южной Австраліи за послѣднее время преобладаетъ даже эмиграція, и приростъ населенія въ этихъ колоніяхъ поддерживается исключительно превышеніемъ рожденій надъ смертностью.

Число рожденій падаетъ, однако, съ каждымъ годомъ, отчасти вслѣдствіе того же экономическаго застоя, дурно вліяющаго на число браковъ, отчасти же по другой причинѣ, имѣющей для будущности материка несравненно болѣе роковое значеніе и заставляющей австралійскихъ государственныхъ людей смотрѣть на эту будущность съ немалымъ опасеніемъ. Мы говоримъ о физическомъ и духовномъ вырожденіи бѣлой расы въ пятой части свѣта (стр. 236). Причины этого вырожденія хотятъ видѣть въ неблагопріятномъ вліяніи австралійскаго климата и неприспособленности къ нему чисто-англійскаго способа питанія, основаннаго почти исключительно на мясной пищѣ. Какъ бы то ни было, но первоначальный видъ бѣлаго измѣнился къ худшему; понизился также и общій уровень его нравственности: разводы—въ порядкѣ вещей, дѣторожденія насильственно подавляются.

Немало способствовало уменьшенію иммиграціи послѣдовавшее въ 1890 г. со стороны большей части колоній прекращеніе денежныхъ субсидій столь склоннымъ къ переселеніямъ британамъ. Это мѣропріятіе является отраженіемъ внутреннихъ политическихъ условій колоній, т. к. ясно указываетъ на большое вліяніе имѣющей почти всюду рѣшающій голосъ партіи рабочихъ. Само собою понятно, что въ интересахъ этой послѣдней поддерживать высокую заработную плату и вся-

чески стараться, поэтому, препятствовать иммиграціи. Въ видахъ этого она значительно ограничила или же совсѣмъ подавила также и притокъ цвѣтного населенія. Созванный Куинслэндомъ, Новымъ Южнымъ Уэльсомъ, Викторіей и Южной Австраліей „интернаціональный конгрессъ рабочихъ“ въ маѣ 1899 г. въ Брисбэнѣ рѣшилъ даже не допускать въ Австралію вообще никакихъ чужеземцевъ.

Это чрезмѣрно выраженное сознаніе своей силы у партіи рабочихъ ввергло однажды материкъ въ большую опасность. Къ концу восьмидесятыхъ годовъ старинная вражда между мелкимъ собственникомъ и крупнымъ пастбищнымъ хозяйствомъ, между трудомъ и капиталомъ, такъ обострилась, что потребовался самый ничтожный поводъ для того, чтобы прежніе легкіе раздоры разгорѣлись въ ожесточенную борьбу. Сама борьба была только испытаніемъ силы. Экономическія условія были въ Австраліи всегда лучше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой культурной странѣ, какъ относительно высоты заработной платы, такъ и относительно дешевизны жизненныхъ продуктовъ и земли, а равно и продолжительности рабочаго времени. Рабочіе потребовали большаго участія въ регулированіи работы; когда же это притязаніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны работодателей, дѣло въ 1890 г. дошло до открытой борьбы. Поводомъ къ ея началу послужилъ отказъ одного судовладѣльца принять обратно отпущеннаго рабочаго. Это тотчасъ же повело къ стачкѣ портовыхъ рабочихъ, примѣру которыхъ послѣдовали также рабочіе и другихъ отраслей. По плану вожаковъ этого движенія всеобщая стачка должна была парализовать всю промышленность материка,— замыселъ самъ по себѣ грандіозный; но онъ оказался невыполнимымъ. Хотя рабочіе и были по большей части хорошо организованы еще до этого, но работодатели очень скоро восполнили упущенное, соединившись въ свою очередь въ большіе союзы; къ тому же невошедшіе въ организацію рабочіе не были подчинены обязательности стачки. Послѣ многократныхъ отдѣльныхъ забастовокъ побѣда по всей линіи осталась за капиталомъ.

Вызванный отчасти экономическими неурядицами, отчасти вслѣдствіе одного обстоятельства, характернаго, повидимому, для земледѣльческихъ и скотоводческихъ колоній — надъ материкомъ разразился въ 1893 г. тяжелый финансовый кризисъ. Какъ полъ вѣка тому назадъ безумная спекуляція на земли и поземельные участки въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, Южной Австраліи и Викторіи привели молодыя колоніи на край гибели, такъ и теперь увеличенное въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ отклоненіе отъ нормальной экономической жизни, дикая спекуляція на земли и акціи повергли весь материкъ въ крайне опасное положеніе. Даже самыя солидныя предпріятія пошатнулись. Въ настоящее время, лишь немного лѣтъ спустя, слѣдовъ этого кризиса въ пятой части свѣта почти ужъ незамѣтно. Австралія—и въ этомъ отношеніи она сходна съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки — обладаетъ въ сравненіи съ численностью своего населенія громадными естественными богатствами. Не только золото и другіе полезные минералы представляютъ дѣйствительное средство противъ всякихъ экономическихъ неурядицъ, но и почвенныя богатства большей части ея поверхности, равно какъ и благопріятныя климатическія условія. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ почти внезапно умножившійся вывозъ животныхъ и растительныхъ пищевыхъ веществъ.

Главными отраслями хозяйства Австраліи все еще являются скотоводство, горное производство и земледѣліе, которымъ далеко уступаетъ промышленность. Развитіе скотоводства идетъ неравномѣрно, хотя въ общемъ все-таки успѣшно. Несмотря на сильно уменьшившееся, вслѣдствіе продолжительныхъ засухъ послѣднихъ лѣтъ, число рогатаго

скота и овецъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ и Куинслэндѣ, Австралія и Тасманія насчитываютъ почти 100 милліоновъ полезныхъ животныхъ (рогатаго скота, овецъ, лошадей и свиней); вывозъ шерсти далеко превосходитъ милліонъ тюковъ, а вывозъ мясныхъ консервовъ, масла и сыра даетъ странѣ ежегодно не одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ.

Не такъ блистательны успѣхи земледѣлія. Самою большою для него помѣхою является общая сухость, о которой мы много говорили, а затѣмъ и необыкновенныя періодическія засухи. Изъ 1900 милліоновъ акровъ, которыми располагаютъ Австралія и Тасманія, въ настоящее время продано 112 милліоновъ и отдано въ аренду 700 милліоновъ, тогда какъ приблизительно 1100 милліоновъ акровъ остаются и останутся еще надолго безъ употребленія. Характеренъ для отношенія между отдѣльными отраслями хозяйства тотъ фактъ, что изъ указанныхъ 812 милліоновъ акровъ угодій едва лишь $7^1/2$ милліоновъ идетъ подъ земледѣліе; весь же колоссальный остатокъ служитъ покуда исключительно для скотоводства. Такая громадная несоразмѣрность заставляла австралійцевъ не разъ задумываться, и не безъ причины старались повсюду облегчить бѣдному классу населенія пріобрѣтеніе земли. Ввиду частыхъ засухъ и экстенсивной культуры пытались въ послѣднее время, и не безъ успѣха, регулировать снабженіе водою при помощи артезіанскихъ колодцевъ, оросительныхъ канавъ и плотинъ. И для Австраліи, какъ и для Сѣверной Америки, оказывается все болѣе и болѣе необходимымъ переходъ къ раціональному полевому хозяйству и интенсивной культурѣ. То же самое относится, впрочемъ, и къ находившемуся такъ долго въ пренебреженіи лѣсному хозяйству.

Самой важной, наряду со скотоводствомъ, отраслью является все еще горное производство, несмотря на то, что оно запоздало на полъ столѣтія и несмотря на увеличившуюся хищническую разработку. Положимъ, что въ старыхъ золотоносныхъ округахъ Викторіи, Новаго Южнаго Уэльса и Куинслэнда давно уже прошло время легкой наживы: напротивъ того, золотую руду тамъ нужно добывать теперь на довольно значительной глубинѣ. Но все же и эти колоніи еще достаточно прибыльны, хотя Западная Австралія съ 1899 г. значительно обогнала ихъ: въ этомъ году въ ней было добыто золота на $6^1/4$ милліона фунтовъ стерлинговъ, въ другихъ же трехъ колоніяхъ вмѣстѣ на $8^1/4$ милліона; все же добыча золота Австраліи и Тасманіи вмѣстѣ составляла круглымъ счетомъ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Менѣе бросается въ глаза, хотя имѣетъ также немаловажное значеніе для преуспѣянія колоній, развитіе производства остальныхъ минераловъ. Добыча мѣди, вслѣдствіе увеличившагося, благодаря развитію электротехники, спроса, растетъ съ каждымъ днемъ; то же относится къ олову и серебру. Для развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ, а также горнаго производства и промышленности, находящейся покуда еще въ начальномъ своемъ періодѣ, весьма важнымъ является богатство Австраліи въ каменномъ углѣ. Въ настоящее время она не только удовлетворяетъ своимъ собственнымъ потребностямъ, но вывозитъ даже уголь въ южную и восточную Азію и Америку. Только производство желѣза какъ-то мало подвигается впередъ, несмотря на обширныя, вполнѣ достойныя обработки залежи.

β) Духовное развитіе.

Настойчивая политика займовъ, которую австралійскія колоніи во второмъ періодѣ своего развитія вели съ такимъ поразительнымъ успѣхомъ, что, по сравненію съ количествомъ населенія, лишь немногія страны превзошли ихъ въ этомъ отношеніи (стр. 283), послужила немало также и на пользу развитія народнаго образованія. Только благодаря боль-

шимъ суммамъ, доставленнымъ странѣ этими займами, явилась для правительства возможность пойти дальше удовлетворенія однѣхъ только матеріальныхъ нуждъ и позаботиться также о духовномъ развитіи своихъ подданныхъ.

Не подлежатъ попеченію правительствъ многочисленныя вѣроисповѣданія, обязанныя сами заботиться объ удовлетвореніи своихъ нуждъ. За-то созиданіе и улучшеніе дѣла начальнаго образованія занимаетъ уже давно почетное мѣсто въ программахъ правительствъ. До 1880 г. существовали школы двоякаго типа. „Начальныя школы", подлежавшія непосредственно контролю правительствъ, и другой, создавшійся особенно въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, типъ школъ, находившихся въ вѣдѣніи четырехъ вѣроисповѣданій или сектъ — англиканской, пресвитеріанской, весліянской и римско-католической; свои средства, впрочемъ, эти школы получали отъ правительства. Въ 1880 г., однако, школу изъяли изъ вѣдѣнія вѣроисповѣданія и сдѣлали ее обязательной въ ея элементарныхъ частяхъ. Отъ платы за ученье освобождались вначалѣ только бѣдные; впослѣдствіи ее совершенно уничтожили. (Въ Викторіи эту реформу ввели уже въ 1872 г.) Кромѣ того, нѣмецкія школы, не считая нѣкоторыхъ школъ нѣмецкихъ общинъ въ Викторіи, имѣются только въ Южной Австраліи въ большомъ числѣ (1901 г. — 46 школъ съ 47 учителями и 1.200 учениками); первая школа была основана еще въ 1839 г. въ Клемцигѣ, близъ Аделаиды.

Медленнѣе подвигалось впередъ дѣло высшаго образованія; но и оно находится въ настоящее время въ удовлетворительномъ состояніи. Имѣется большое число высшихъ учебныхъ заведеній (Grammar Schools, Collegiate Schools, Colleges), находящихся, впрочемъ, какъ прежде всѣ школы вообще, въ рукахъ частныхъ или религіозныхъ обществъ. Лишь въ послѣднее время само правительство взялось за основаніе такихъ школъ. На материкѣ имѣются три университета: въ Сиднеѣ, Мельбурнѣ и Аделаидѣ. Въ 1892 году основанъ былъ университетъ въ Гобартѣ; онъ представляетъ, однако, до сихъ поръ только экзаменаціонную коммиссію. Степени, выдаваевыя университетами, по достоинству равняются степенямъ, получаемымъ въ англійскихъ университетахъ; право на полученіе ихъ предоставлено также и женщинамъ. Наряду съ университетами существуютъ въ главныхъ городахъ ученыя общества, имѣющія большое значеніе какъ для изученія края, такъ и для естественныхъ наукъ; по своей организаціи и наименованіямъ они большею частью тѣсно примыкаютъ къ соотвѣтствующимъ обществамъ въ Англіи.

Мало утѣшительнаго представляетъ развитіе прессы. Хотя число ея органовъ и велико, — вмѣстѣ съ періодическими насчитывается 1.000 изданій, — но всѣ они въ общемъ стоятъ невысоко. Внѣшніе вопросы затрагиваются поверхностно и притомъ безъ экономическаго и политическаго обзора, внутренніе же, напротивъ того, очень обстоятельно.

γ) Развитіе военнаго дѣла.

Отношенія австралійскихъ колоній къ метрополіи въ общемъ были всегда хорошими (ср. стр. 235); и антиподы чувствуютъ себя болѣе или менѣе заодно съ единоплеменниками въ Англіи. Несмотря на это не было по временамъ недостатка въ противорѣчіяхъ, треніяхъ и распряхъ. Такъ, напр., въ 1869 году, когда Royal Colonial Institute обратилось ко всѣмъ колоніямъ съ призывомъ собрать конференцію для выясненія отношеній между метрополіей и колоніями, Викторія высказала рѣзкій протестъ противъ вмѣшательства Англіи во внутреннія дѣла колоніи. Викторія держала себя тогда самонадѣянно и угрожающе; но это не мѣшало, однако, богатой колоніи пользоваться и впредь защитой войска, оплачиваемаго метрополіей, несмотря на то, что уже въ 1862 г. англій-

скій парламентъ высказался за предоставленіе всѣмъ колоніямъ, получившимъ самоуправленіе, самимъ заботиться о своей защитѣ. Лишь въ 1870 году Англія отозвала свои войска не только изъ Викторіи, но и изъ остальной Австраліи, и только тогда Австралія поняла, насколько она безпомощна въ случаѣ нападенія извнѣ, и какъ дорого ей должна обходиться, съ другой стороны, защита страны.

Появленіе собственной вооруженной силы заставило себя долго ждать, и прежде всего изъ-за финансовыхъ соображеній. Она становится замѣтной лишь съ того момента, какъ внутреннее государственное развитіе болѣе зрѣлыхъ колоній принимаетъ болѣе законченную форму, и являются первыя поползновенія перешагнуть за предѣлы материка. Наряду съ французами, которыхъ все еще продолжали опасаться, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, нѣмцы, со своими колонизаторскими попытками въ Южномъ морѣ, вызвали въ австралійцахъ неменьшія опасенія, а вмѣстѣ съ этимъ и сознаніе въ необходимости вооруженной защиты. Въ настоящее время каждая колонія имѣетъ свое собственное небольшое постоянное войско и нѣсколько тысячъ человѣкъ милиціи волонтеровъ. Въ своемъ отечествѣ или хотя бы въ Тихомъ океанѣ эта вооруженная сила еще не имѣла случая проявить себя. Зато въ 1885 г. Новый Южный Уэльсъ выставилъ метрополіи въ ея войнѣ съ Суданомъ (см. т. III) подкрѣпленіе въ 600 человѣкъ; а на поворотѣ столѣтія нѣсколько тысячъ австралійской милиціи принимало участіе въ бурской войнѣ (тамъ же).

Въ случаѣ энергичнаго натиска извнѣ, сухопутныя войска Австраліи, незначительныя по числу и небезукоризненныя по дисциплинѣ, далеко недостаточны. Въ этомъ отношеніи Австралія находится въ томъ же положеніи, какъ и Соединенные Штаты Сѣверной Америки; но эти послѣдніе, съ другой стороны, располагаютъ для своей защиты сильнымъ флотомъ, тогда какъ болѣе бѣдный по своимъ средствамъ и по населенію материкъ Тихаго океана не владѣетъ такимъ флотомъ, который могъ бы имѣть какое-либо военное значеніе. Каждая изъ колоній имѣетъ въ своемъ распоряженіи одно или нѣсколько военныхъ судовъ; но всѣ они въ своемъ численномъ и тактическомъ „одиночествѣ“ производятъ скорѣе впечатлѣніе военной игрушки, чѣмъ серьезной боевой силы, и совершенно недостаточны для защиты значительнаго протяженія береговой линіи. Сознавая эту слабую свою сторону, но все же, по инициативѣ Англіи, Австралія въ 1887 году вошла съ метрополіей въ соглашеніе, по которому эта послѣдняя обязуется поставлять для колоній „австралійскую вспомогательную эскадру“. Этотъ флотъ, состоящій изъ пяти двухвинтовыхъ крейсеровъ и двухъ канонерскихъ лодокъ, доставляется Англіей съ экипажемъ и полнымъ оборудованіемъ, содержаніе же его лежитъ на колоніяхъ. Эти послѣднія платятъ ежегодно 126.000 фунтовъ стерлинговъ и сверхъ того 5% со стоимости пловучаго матеріала. Это соглашеніе вошло въ силу въ 1891 году съ появленіемъ эскадры въ Тихомъ океанѣ (главная стоянка — Сидней). Рядомъ съ этимъ Англія содержитъ въ Австраліи еще собственный флотъ, расходы по которому составляютъ теперь, какъ замѣчаетъ Морицъ Шанцъ, единственныя издержки, налагаемыя Австраліей на британское государство.

Чтобы усилить защиту береговъ и въ то же время сомкнуть цѣпь охватывающей весь земной шаръ этапной линіи британскаго морского и міроваго могущества, съ 1890 г. цѣлый рядъ австралійскихъ гаваней укрѣпленъ или обращенъ въ военные порты; таковы Брисбенъ, Сидней, Мельбурнъ, Аделаида, Лоунчестонъ и Гобартъ.

д) Завершеніе внутрен. устройства и первыя попытки выйти за предѣлы материка

Съ дарованіемъ полнаго самоуправленія австралійскимъ колоніямъ въ серединѣ XIX столѣтія и отдѣленіемъ отъ Новаго Южнаго Уэльса Викторіи

въ самостоятельную колонію еще далеко не закончились организація и внѣшнее устройство всей колоніальной системы. Въ 1859 году Моретонбей, черезъ годъ послѣ того, какъ въ его округѣ было найдено золото въ большомъ количествѣ, отдѣлился, по ходатайству населенія, отъ Новаго южнаго Уэльса и подъ именемъ Куинслэнда получилъ такое же самоуправленіе, какъ и старшія его сестры. Его Legislative Council состоитъ изъ 41 члена, назначаемыхъ правительствомъ, Assembly изъ 72 членовъ, избираемыхъ на три года. Кромѣ того, королемъ Англіи назначается губернаторъ, при которомъ состоятъ семь министровъ.

Развитіе Куинслэнда подвергалось такимъ же колебаніямъ, какъ и большинство другихъ колоній. 1866 годъ принесъ съ собою засуху и громадный падежъ скота, повевшій къ разоренію многихъ фирмъ и частныхъ лицъ: кризисъ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ также былъ тяжелымъ ударомъ для колоній. Но, несмотря на эти испытанія, населеніе размножалось относительно быстро и благосостояніе расло. Въ то время какъ число жителей въ 1861 году едва равнялось 35,000, оно поднялось въ 1873 г. до 147,000, а къ 1 января 1900 оно достигало уже 512,604 душъ. Такому росту, обязанному прежде всего сильной иммиграціи, не мало способствовала покровительственная политика, которой придерживались съ 1871 года по отношенію къ иммигрантамъ, выдавая имъ субсидіи. Сверхъ того, значительныя массы людей привлекались также изобиліемъ въ странѣ золота. Въ настоящее время эксплоатируются 25 золотыхъ пріисковъ. Громадное протяженіе Куинслэнда на 18 градусовъ широты и связанное съ этимъ разнообразіе отраслей его производства (очень слабо населенный сѣверъ носитъ вполнѣ тропическій характеръ, густо населенный югъ имѣетъ хлѣбопашество умѣренной полосы) — заставили уже давно подумать о раздѣленіи колоніи на двѣ области съ отдѣльными правительствами, но общимъ центральнымъ управленіемъ; границей предполагалось назначить 21 градусъ широты.

Самой послѣдней изъ всѣхъ австралійскихъ колоній получила самоуправленіе Западная Австралія. Ссылка продолжала существовать въ ней до 1868 г.; прекращеніе ея не привело ни къ какой перемѣнѣ въ отношеніяхъ колоній къ метрополіи. Хотя въ 1870 г. ей и былъ данъ Legislative Council, члены котораго частью назначались, частью избирались, но лишь съ 21 октября 1890 года колонія, бывшая до тѣхъ поръ коронной, вошла, какъ полноправная, въ ряды остальныхъ колоній. Ея Council имѣетъ 24, Assembly 44 избираемыхъ члена. Лишь въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ съ 1887 года въ ней стали находить въ большомъ количествѣ и на большомъ протяженіи золото, развитіе Западной Австраліи пошло впередъ болѣе быстрыми шагами. Населеніе, насчитывавшее въ 1881 году едва 30,000 душъ, увеличилось въ послѣднее время, — почти исключительно путемъ иммиграціи, — приблизительно до 200,000.

Рука объ руку съ внутреннимъ устроеніемъ колоній уже довольно рано начинается стремленіе Австраліи пріобрѣсти вліяніе также и внѣ предѣловъ материка. Это стремленіе впервые становится замѣтнымъ, когда въ 1869 году былъ поднятъ вопросъ о Фиджи (ср. далѣе стр. 303); но дѣйствительная попытка Австраліи выйти изъ своихъ границъ была сдѣлана впервые въ 1883 году. Несмотря на положеніе Новой Гвинеи въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Австраліей, ни колоніи, ни сама Англія не проявляли никогда желанія овладѣть тамъ территоріей. Только когда въ серединѣ семидесятыхъ годовъ распространились слухи о намѣреніяхъ Германіи относительно этого гигантскаго острова, въ Австраліи вспомнили о его близости, и въ 1876 году Новый Южный Уэльсъ предложилъ присоединить по-просту ту часть Новой Гвинеи, которая еще не находилась подъ голландскимъ протекторатомъ. Англія дала свое согласіе подъ усло-

віемъ, чтобы австраліііцы сами несли расходы по управленію этой новой области: это было, однако, отклонено. Между тѣмъ разъ поднятый вопросъ уже больше не замиралъ въ Австраліи, и когда намѣренія нѣмцевъ оказались дѣйствительно серьезными, премьеръ Куинслэнда самовольно объявилъ въ мартѣ 1883 года оккупацію восточной половины острова. Англія опасалась отдать судьбу столь обширной области въ руки немногихъ Куинслэндцевъ, хотя и австралійская колоніальная конференція высказалась также за пріобрѣтеніе острова. Тѣмъ временемъ нѣмцы успѣли овладѣть сѣверомъ острова, и Англіи ничего больше не оставалось, какъ удовлетвориться югомъ, оккупація котораго была объявлена 6 ноября 1884 года. Въ настоящее время Британская Новая Гвинея представляетъ англійскую коронную колонію, на управленіе которой Куинслэндъ, Новый Южный Уэльсъ и Викторія, со своей стороны, вносятъ ежегодно извѣстную сумму; правитель острова сносится съ Лондонскимъ колоніальнымъ вѣдомствомъ только черезъ губернатора Куинслэнда.

Съ австралійской точки зрѣнія этотъ первый шагъ къ интернаціональной политикѣ является несомнѣнной неудачей. Колоніи никогда не переставали это чувствовать; и теперь еще ихъ пресса держитъ себя враждебно по отношенію къ нѣмцамъ. Дальнѣйшаго практическаго примѣненія колонизаторскія поползновенія Австраліи не нашли больше. Британскую Новую Гвинею можно разсматривать какъ придатокъ къ Куинслэнду; въ такомъ же отношеніи къ Новому Южному Уэльсу стоятъ отдаленный Питкаирнъ, островъ лорда Гова и, съ 1896 г., также и Норфолькъ, — на этомъ и заканчивается все ихъ океаническое достояніе. Тѣмъ сильнѣе проявило себя за послѣднія два десятилѣтія стремленіе оказывать давленіе въ желанномъ для Австраліи смыслѣ на ту часть британской внѣшней политики, которая затрагиваетъ широкую сферу австралійскихъ интересовъ. Такъ, въ дѣлѣ Самоа (стр. 320) Англія только потому не могла пойти на встрѣчу Германіи и Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, что этимъ будто бы затрагивались интересы Австраліи. Стремленіе къ „большей Австраліи“ уже носится въ воздухѣ.

ε) Стремленія къ объединенію.

Одновременно со стремленіями къ расширенію области своего вліянія у Австраліи зародилась идея политическаго объединенія всѣхъ своихъ колоній. Уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ было намѣреніе осуществить общій австралійскій парламентъ; но верхняя палата Англіи отвергла этотъ планъ. Да и въ самой Австраліи идея объединенія встрѣчала какъ тогда, такъ и впослѣдствіи мало сочувствія. Только въ 1871 году, послѣ основанія Канадскаго Таможеннаго Союза, явилась мысль создать такой же союзъ и въ Австраліи, къ большому неудовольствію Англіи, которая въ то время еще больше, чѣмъ теперь, видѣла въ болѣе тѣсномъ единеніи колоній опасность отпаденія ихъ отъ метрополіи.

Тѣмъ не менѣе въ 1873 г. при первомъ министерствѣ В. Е. Гладстона колоніи добились отмѣны прежняго запрещенія взимать дифференціальную пошлину. Отнынѣ отдѣльнымъ колоніямъ предоставлялась свобода оказывать другъ другу таможенныя льготы или же закрывать свои двери; только къ Англіи и другимъ государствамъ дифференціальная пошлина попрежнему не должна была примѣняться. Въ дѣйствительности это мѣропріятіе нельзя считать шагомъ впередъ на томъ пути, на который вступила Австралія; для этого между отдѣльными колоніями существовало слишкомъ мало единодушія. Только въ 1884 году, послѣ „вторженія“ Германіи въ сферу австралійскихъ интересовъ, былъ сдѣланъ дѣйствительно шагъ впередъ: было рѣшено учредить „Federal Council“, который долженъ былъ обсуждать интересы, касавшіеся всей Австраліи, не вмѣши-

ваясь во внутреннія дѣла отдѣльныхъ колоній. Однако, несмотря на то, что большинство колоній присоединилось къ союзу и что Council имѣлъ нѣсколько засѣданій, изъ этого ничего не вышло.

По иниціативѣ Генри Паркеса, премьера Новаго Южнаго Уэльса, была созвана въ 1890 и 1891 г. сначала въ Мельбурнѣ, а затѣмъ въ Сиднеѣ конференція, на которой всѣ пять австралійскихъ колоній, а также Тасманія и Новая Зеландія, были представлены въ лицѣ своихъ премьеровъ. Послѣ долгихъ преній былъ составленъ „Federal Bill", который послѣ многократныхъ совѣщаній представителей всѣхъ колоній въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ осуществился, наконецъ, 1 января 1901 г.

Новый союзъ австралійскихъ колоній носитъ названіе Commonwealthof Australia. Онъ объединяетъ въ настоящее время всѣ австралійскія колоніи и Тасманію; Новая Зеландія покуда еще не присоединилась къ нему. По конституціи, объявленной 17 сентября 1900 г., законодательная власть находится въ рукахъ правительства, состоящаго изъ представителя британскаго короля въ лицѣ генералъ-губернатора, изъ сената и изъ парламента. Сенатъ состоитъ изъ 6 членовъ отъ каждой колоніи; парламентъ изъ одного члена на каждые 50.000 жителей и не менѣе пяти членовъ на каждую колонію, что по послѣдней переписи населенія дало для Новаго Южнаго Уэльса 26 представителей, для Викторіи — 23, Куинслэнда — 10 Южной Австраліи — 7, Тасманіи и Западной Австраліи по 5. Сенатъ избирается на шесть лѣтъ, парламентъ — каждые три года. Вѣдѣнію союзнаго законодательства подлежатъ вопросы, касающіеся пошлины, путей сообщенія, государственныхъ долговъ, торговли и санитарнаго положенія; точно также дѣла флота и арміи и, сверхъ того, урегулированіе отношеній между работодателями и рабочими. Каждый законъ, изданный Commonwealth требуетъ согласія короля и можетъ въ теченіе одного года послѣ принятія его австралійскимъ парламентомъ быть отвергнутымъ являющимся представителемъ короля генералъ-губернаторомъ. Высшей судебной инстанціей является High Court of Australia; аппелировать можно въ состоящую при Privy Council аппеляціонную палату, въ которой Канада, Австралія, Южная Африка и Индія имѣютъ каждая своего представителя въ лицѣ одного судьи. Первымъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Джонъ Адріанъ Луи Гопе Карлъ офъ Гопетоунъ; но уже въ 1902 году онъ сложилъ съ себя управленіе.

Вмѣстѣ съ новымъ государственнымъ строемъ Австралія вступила въ совершенно новую фазу своего полнаго превратностей развитія; основаніе австралійскаго федеративнаго государства является несомнѣнно самымъ важнымъ шагомъ въ исторіи материка. Даже подданные британскаго короля, не видящіе въ союзѣ колоній никакой опасности для міровой имперіи, не будутъ отрицать, что отнынѣ внѣшняя политика Commonwealth'а изберетъ болѣе широкій и, несомнѣнно, болѣе независимый путь. Громадное значеніе Тихаго океана для исторіи человѣчества и, особенно, для ея будущей исторіи, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; Австралія является какъ разъ преддверіемъ къ этой исторической аренѣ, — если роль, которую она возьметъ на себя, будетъ хотя бы на половину вѣрно угадана, то политика ея должна обнять весь Тихій океанъ въ гораздо большей степени, чѣмъ за послѣднія десятилѣтія. Первымъ признакомъ этого новаго направленія можно считать рѣшеніе, принятое премьеромъ въ ноябрѣ 1901 г., по которому союзное правительство Австраліи должно взять на себя управленіе Британской Новой Гвинеей. Несомнѣнно, что въ широкомъ смыслѣ австралійская политика будетъ еще извѣстное время также и британской; но остается еще вопросомъ, не будетъ ли измѣненіе географическихъ и экономическихъ условій, вызванное завершеніемъ средне-американскаго канала, достаточно сильнымъ, чтобы поколебать старинную вѣрность и направить политику новаго государства

на пути, далеко отстоящіе отъ прежняго направленія и мало соотвѣтствующіе интересамъ метрополіи.

6. Океанія, какъ часть обитаемой земли.

А. Положеніе, величина и распредѣленіе острововъ.

Если разсматривать Океанію съ географической точки зрѣнія, то она является единственнымъ въ своемъ родѣ образованіемъ земного шара. Прежде всего, по своему протяженію: отъ Палаускихъ острововъ на западѣ до острова Пасхи или Сала-и-Гомесъ на востокѣ она простирается черезъ 120 градусовъ долготы, т. е. черезъ цѣлую треть поверхности земного шара; и отъ Гаваи на сѣверѣ до Новой Зеландіи на югѣ она пересѣкаетъ 80 градусовъ широты и въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, почти равна самой громадной части свѣта—Азіи; всѣмъ-же своимъ протяженіемъ въ 66 милліоновъ кв. км. она даже превосходитъ ее на цѣлую половину.

Распредѣленіе островного міра внутри этой колоссальной рамки довольно неравномѣрно. Въ общемъ, можно сказать: сплоченіе острововъ, особенно-же ихъ величина уменьшается отъ запада къ востоку. Меланезія хотя не обнимаетъ собою сплошь большихъ острововъ, но въ Новой Гвинеѣ она имѣетъ область, не только превосходящую въ два раза всѣ остальные острова Океаніи, взятые вмѣстѣ (808,000 кв. км. на одной сторонѣ и 447,000 кв. км. на другой), но и являющуюся самымъ большимъ островомъ на земномъ шарѣ. Архипелагъ Бисмарка и о. Соломоновы заключаютъ въ себѣ острова, далеко превосходящіе по своей величинѣ всѣ микронезійскіе и большинство полинезійскихъ; уже одна Новая Каледонія по своему пространству почти вдвое больше всѣхъ полинезійскихъ острововъ вмѣстѣ, если выдѣлить Гавайи (17,000 кв. км. на одной и 10,000 кв. км. на другой сторонѣ). Наконецъ, Новая Зеландія, по своему устройству примыкающая къ поясу меланезійскихъ острововъ, содержитъ въ себѣ пространство ровно въ десять разъ превосходящее всѣ полинезійскіе острова вмѣстѣ съ Гавайскими (268,000 кв. км. на одной и 27,000 кв. км. на другой сторонѣ). Меланезія, какъ мы это видимъ на картѣ при стр. 223, представляетъ внутренній изъ двухъ образуемыхъ островами и островными группами поясовъ, окаймляющихъ стройно-изогнутою дугою материкъ Австраліи; внѣшній поясъ заключаетъ всю Микронезію и Полинезію. Группа меланезійскихъ острововъ, несмотря на значительную ихъ величину и распредѣленіе ихъ по меньшей периферіи, отдѣлены другъ отъ друга обширными пространствами океана,—насколько-же безконечно разсѣянными на могучей водной поверхности являются небольшіе острова Микронезіи и Полинезіи!

И дѣйствительно, разрозненность составляетъ основную черту въ ихъ распредѣленіи. Наши карты Тихаго океана слишкомъ небольшого масштаба, чтобъ въ нихъ могло ясно выразиться это явленіе. Каролинскіе острова, напримѣръ, хотя и не являются на нихъ густосплоченной группой, но ихъ связь между собою выступаетъ ясно. Включая Палаускіе острова, они насчитываютъ 49 острововъ и атолловъ, общая поверхность которыхъ обнимаетъ 1450 кв. км.,—что, переложенное на европейскія отношенія, представляетъ величину герцогства Саксенъ-Альтенбургскаго (1324 кв. км.). Это ужъ и само по себѣ, конечно, немного; но какой ничтожной представится эта поверхность, если ее распредѣлить на все заключенное этими архипелагами пространство моря! Своимъ протяженіемъ черезъ 32 градуса долготы и 9 градусовъ широты оно равно европейскому Средиземному морю, то есть обнимаетъ собою 2½ милліона кв. км. Въ дѣйствительности, здѣсь приходится имѣть дѣло съ величинами ни съ чѣмъ несравнимыми, тѣмъ болѣе, что изъ указанныхъ 1450 кв. км. болѣе двухъ третей приходится на пять только острововъ, притомъ на единственные некоралловые.

Крошечный же остатокъ распредѣляется между 44 едва возвышающимися надъ уровнемъ моря атоллами, которые, имѣя въ среднемъ величину одной квадратной мили, буквально теряются въ безконечной водной пустынѣ. Большинство микронезійскихъ и полинезійскихъ архипелаговъ находится въ такомъ-же положеніи. Они не всегда такъ разрознены, какъ Каролинскіе острова, но насколько, тѣмъ не менѣе, пространство суши въ нихъ ничтожно въ сравненіи съ водной поверхностью, можно видѣть изъ того факта, что испанцы въ XVI столѣтіи, цѣлыми десятилѣтіями пересѣкая во всѣхъ направленіяхъ Южное море, наталкивались лишь на единичные острова, и притомъ на острова, принадлежавшіе къ самымъ густосплоченнымъ группамъ,

Для народовъ, населяющихъ Океанію, эта разбросанность на столь обширномъ пространствѣ имѣла громадное значеніе. Прежде всего, только при помощи судоходства эти народы могли достигать мѣстъ своего окончательнаго поселенія; а затѣмъ и возможность завязывать и поддерживать сношенія съ сосѣдями зависѣла всецѣло отъ такого способа сообщенія. Слѣдствіемъ этого явилось, съ одной стороны, высокое развитіе мореплаванія у океанійцевъ ко времени появленія среди нихъ европейцевъ, съ другой,— поразительное презрѣніе къ разстоянію и необыкновенная для промышленныхъ народовъ подвижность. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ни одинъ изъ народовъ земного шара не можетъ сравниться съ океанійцами. Только болѣе тяжеловѣсные меланезійцы остаются позади; но зато у кого найдемъ мы суда, равныя по изяществу и пригодности къ плаванію полинезійскимъ или микронезійскимъ? Какія морскія плаванія превосходятъ по разстоянію тихоокеанійскія, и какой другой примитивный народъ, кромѣ полинезійцевъ, можетъ указать на такую обширную и сознательную колонизацію? И всѣ эти поразительные результаты при техникѣ, которая вплоть до недавняго прошлаго не знала желѣза и должна была довольствоваться камнемъ, деревомъ и раковинами.

Б. **Устройство поверхности острововъ.**

Не меньшее вліяніе на жизнь народовъ Южнаго моря, чѣмъ пространственное распредѣленіе и величина острововъ, имѣло устройство ихъ поверхности. Смотря по тому, насколько эти острова выступаютъ надъ поверхностью моря, ихъ дѣлятъ на высокіе (большею частью вулканическіе) и низкіе (коралловые). Рѣзкое раздѣленіе въ распредѣленіи обоихъ этихъ видовъ острововъ внутри обширнаго пространства не имѣетъ мѣста. Нѣкоторые архипелаги, какъ острова Паумоту, Жильбертовы и Маршальскіе, являются чистыми коралловыми образованіями; другіе же, какъ всѣ прочія группы восточной и западной Полинезіи, представляютъ высокіе острова. Но въ общемъ мы видимъ, что коралловыя образованія, будь это береговые или барьерные рифы, являются постоянными спутниками высокихъ острововъ. То же самое мы наблюдаемъ и относительно пяти высокихъ острововъ Каролинской группы.

Для океанійца и для его историческаго развитія это своеобразное устройство острововъ и форма ихъ поверхности имѣли огромное значеніе. Прежде всего, дѣятельность коралловъ увеличила пространство суши; это выразилось, больше всего, на атоллахъ: эти образованія, служащія мѣстомъ жительства для человѣка, обязаны своимъ существованіемъ на всемъ своемъ протяженіи всецѣло дѣятельности живыхъ существъ, созидающихъ рифы. Относительно окруженныхъ рифами высокихъ острововъ, дѣятельность коралловъ, хотя и имѣющая здѣсь сама по себѣ меньшее значеніе, является болѣе многосторонней. Она, прежде всего, расширяетъ береговую полосу, а вмѣстѣ съ этимъ и всю экономическую основу островныхъ жителей. Плодородная дельта р. Рева на Вити Леву, какъ и пло-

скія береговыя полосы, окаймляющія острова Таити шириною въ 1—5 км., покоятся на прежнихъ рифахъ. Сами рифы являются повсюду отличными мѣстами для рыбной ловли; сверхъ того, они образуютъ всегда прекраснѣйшія гавани и каналы, что для океанійцевъ, какъ мореплавателей, чрезвычайно важно. Такимъ образомъ, дѣятельность крошечныхъ морскихъ моллюсковъ замѣтно вліяетъ на развитіе духа и отваги мореплавателя въ этой народной группѣ.

Значительное вліяніе на исторію океанійцевъ оказала большая, въ общемъ, *бѣдность острововъ*. Только издали они кажутся прекраснымъ раемъ; вблизи-же оказывается, что даже самые красивые изъ нихъ на видъ могутъ дать человѣку очень немногое. На коралловыхъ островахъ едва 1/2 до 1 процента поверхности можетъ приносить что-нибудь; на большинствѣ болѣе значительныхъ по величинѣ вулканическихъ острововъ плодородная почва занимаетъ не болѣе четверти, а по другимъ показаніямъ, даже не болѣе восьмой части общаго пространства. Прѣсная вода при этомъ иногда совершенно отсутствуетъ. При такихъ обстоятельствахъ возможность заселенія колеблется въ узкихъ границахъ: если населеніе переходитъ извѣстную норму, то ему грозитъ опасность умереть отъ голода или жажды. Отсюда вытекаетъ склонность островитянъ Южнаго моря къ странствованію; съ другой стороны, это-же обстоятельство ведетъ къ жестокому обычаю дѣтоубійства съ цѣлью предотвратить увеличеніе населенія.

Третьимъ, важнымъ въ отношеніи географическаго значенія, послѣдствіемъ бѣдности острововъ является *сосредоточіе заселенныхъ мѣстъ на ихъ окраинахъ*. На атоллахъ такой способъ заселенія самъ собою обусловливается кольцеобразнымъ ихъ строеніемъ; но онъ же является какъ правило и на высокихъ островахъ, и даже на самыхъ большихъ изъ нихъ: такъ, громадная Новая Гвинея съ ея многообразной поверхностью заселена, повидимому, значительно плотнѣе на своей береговой полосѣ, чѣмъ внутри острова. Это *біогеографическая основная черта Океаніи: страна бѣдна; море же*, единственное средство сообщенія, *богато живыми существами*.

B. **Климатъ Океаніи.**

Бѣдность островного міра находится въ связи отчасти съ устройствомъ поверхности и огромными, для большинства организмовъ непреоборимыми, разстояніями между островами, отчасти же и съ ихъ *климатомъ*. Если мы оставимъ въ сторонѣ Новую Зеландію, отодвинутую въ умѣренныя широты, то Океанія обладаетъ *смягченнымъ*, благодаря окружающему морю, *тропическимъ климатомъ*. Температуры его даже европейцу кажутся сносными, главное же ихъ достоинство — равномѣрность: суточное и годовое колебаніе остается большею частью въ предѣлахъ лишь нѣсколькихъ градусовъ Цельсія.

Гораздо значительнѣе разность въ *осадкахъ*. Въ общемъ они обильны и достигаютъ 6 и 7 м. въ годъ; тѣмъ не менѣе въ этой громадной области встрѣчаются полосы, которыя отличаются такою сухостью, что дали возможность образоваться обширнымъ залежамъ гуано. Разительнѣе, въ виду сосредоточенности на болѣе узкомъ пространствѣ, различія въ осадкахъ на отдѣльныхъ группахъ и островахъ. На плоскихъ, возвышающихся всего на какихъ-нибудь нѣсколько метровъ надъ уровнемъ моря коралловыхъ островахъ, эти различія не выступаютъ замѣтно; но поднятіе высокихъ острововъ въ болѣе обильные водяными парами воздушные слои обусловливаетъ болѣе рѣзкое проявленіе навѣтренной и подвѣтренной сторонъ: полоса затишья есть въ то же время и полоса бездождія. Опредѣленіе этихъ обѣихъ сторонъ неодинаково для всего Океана. Его западная часть, до Соломоновыхъ острововъ, принадлежитъ области западно-

пацифическаго муссона; восточная же часть, напротивъ, представляетъ выраженную область пассата. Вслѣдствіе этого на островахъ, расположенныхъ на востокѣ южнаго полушарія, роскошною тропической растительностью покрыта восточная и южная сторона, на островахъ же сѣвернаго полушарія восточная и сѣверная, тогда какъ съ подвѣтренной стороны выступаетъ чисто степной характеръ. На западѣ Океаніи мы видимъ почти обратное явленіе.

Вліяніе этого климата на культурное и историческое развитіе океанійца становится очевиднымъ, если мы примемъ во вниманіе различія въ темпераментѣ и характерѣ между дикими и энергичными, высоко одаренными для историческаго развитія маори на далекой Новой Зеландіи, съ ея закаляющимъ нервы альпійскимъ воздухомъ, и между ихъ сѣверными современниками, которые, хотя и не лишены способностей, но экономически вялые и не проявившіе почти никакого политическаго развитія, находятся подъ разслабляющимъ вліяніемъ вѣчно ровной температуры. Съ другой стороны, постоянство метеорологическихъ условій создало изъ океанійцевъ первый примитивный народъ мореплавателей.

Тамъ, гдѣ, какъ въ Океаніи, на цѣлые мѣсяцы впередъ можно быть увѣреннымъ въ погодѣ, легче рѣшиться, по нуждѣ или по склонности, пуститься наудачу, чѣмъ въ областяхъ, гдѣ уже ближайшій часъ можетъ опрокинуть всѣ разсчеты. Постоянство вѣтровъ и теченій Тихаго океана (см. карту при стр. 564 I тома) играло всегда большую роль въ выработкѣ взглядовъ на передвиженія полинезійцевъ; большинство гипотезъ основано положительно на этомъ обстоятельствѣ. Благодаря океанографическому изслѣдованію, намъ теперь стало извѣстнымъ, что это постоянство вѣтровъ далеко не такое общее, какъ это принималось въ прежнія времена; что, напротивъ, и здѣсь вѣтеръ слѣдуетъ за перемѣщающимся минимумомъ, а морское теченіе за вѣтромъ; такимъ образомъ и здѣсь по временамъ происходили отклоненія отъ господствовавшаго обыкновенно направленія изъ восточныхъ квадрантовъ. Съ другой стороны, мы знаемъ также, благодаря развитію этнографическихъ изслѣдованій, что искусство полинезійцевъ въ мореплаваніи не ограничивалось однимъ умѣньемъ идти по вѣтру, но что при случаѣ они умѣли лавировать и противъ вѣтра. Такимъ образомъ океанъ и его метеорологія несомнѣнно теряютъ свое значеніе при выясненіи вопроса о происхожденіи полинезійцевъ и уступаютъ въ этомъ отношеніи антропологическимъ и этнографическимъ доводамъ; но устранить ихъ совершенно было бы, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ. Даже въ томъ случаѣ, если сумѣютъ удачно воспользоваться вышеназванными методами изслѣдованія, чтобы разрѣшить загадку происхожденія полинезійцевъ, то другой, почти столь же важный вопросъ о распространеніи ихъ на весь океанъ можетъ быть рѣшенъ лишь при полной оцѣнкѣ географическихъ вліяній.

Г. Растительный міръ Океаніи.

Основная черта растительнаго міра Океаніи—это его общность съ областью муссона юго-восточной Азіи. Она проявляется всего очевиднѣе въ Меланезіи; дальше же на востокъ она все больше и больше теряется вмѣстѣ съ оскудѣніемъ вообще числа видовъ. Но страннымъ образомъ, именно благодаря этой скудости, растительный міръ сыгралъ важную роль въ исторіи океанійца. Меланезіецъ, утопающій въ своей роскошной растительности, прозябаетъ, лишенный исторіи; все, что нужно для его жизни, ему доставляется щедрымъ моремъ или богатыми источниками пропитанія лѣсомъ. Только на архипелагѣ Фиджи, гдѣ природа становится бѣднѣе, начинается историческая жизнь. Полинезійца и микронезійца природа не такъ баловала. Скудость почвы и недостатокъ въ полез-

ныхъ растеніяхъ ставили его лицомъ къ лицу съ широкой водной пустыней. И онъ побѣдилъ ее. Не имѣя въ своемъ распоряженіи даже дерева, изъ котораго можно было бы выдолбить годный для плаванія челнокъ, онъ сдѣлался техникомъ, который умѣло восполнялъ своимъ искусствомъ бѣдность природы. Но разъ освободившись отъ ея оковъ въ одномъ отношеніи, онъ увидѣлъ, что ничто не мѣшаетъ ему покорить ее и въ другомъ. Техническіе успѣхи всегда были необходимымъ условіемъ всякихъ другихъ преуспѣяній, тѣмъ болѣе здѣсь, гдѣ приходилось преодолѣвать пространство.

При всемъ томъ полинезійцы не могли бы такъ распространиться, если бы скудная во всемъ остальномъ природа не пришла имъ на помощь, давъ имъ кокосовую пальму. Только сѣмена этой пальмы и еще немногихъ другихъ растеній могутъ, не теряя своей произростательной способности, переноситься на такія пространства, какъ разстоянія между океаническими островами; такимъ образомъ кокосовая пальма была неизбѣжнымъ условіемъ перваго распространенія населенія по обширному островному міру Океаніи. Только въ настоящее время остальныя полезныя растенія умалили ея значеніе въ хозяйствѣ островитянъ.

Все сказанное не относится къ Новой Зеландіи. Какъ въ климатическомъ отношеніи она выдѣляется изъ среды остальныхъ океаническихъ островъ, такъ и растительный ея міръ носитъ иной характеръ. Онъ представляетъ необыкновенное разнообразіе видовъ, которые насчитываются тысячами. Для туземцевъ, однако, только два растенія пріобрѣли большое значеніе: rarauhe (Pteris esculenta) — папоротникъ со съѣдобными корнями и harakeke — новозеландскій ленъ (Phormium tenax). Первые европейцы сумѣли оцѣнить его значеніе, и это обстоятельство положило начало также и хорошимъ отношеніямъ между маори и европейцами.

Д. Животный міръ Океаніи.

Недостатокъ въ полезныхъ животныхъ и млекопитающихъ, проявляющійся на Востокѣ еще болѣе, чѣмъ на Западѣ, составляетъ характерную черту фауны Океаніи. То, въ чемъ не было отказано даже жалкому австралійцу, нашедшему себѣ въ динго (стр. 231) товарища, хотя бы и сомнительнаго, не было дано океанійцу. Лишь въ послѣднее время человѣколюбіе бѣлыхъ восполнило этотъ пробѣлъ, доставивъ на Новую Зеландію домашнихъ животныхъ. Нѣкогда Новая Зеландія была богата формами и числомъ своихъ животныхъ: птица моа (Dinornis) во многихъ видахъ и отчасти громадной величины, — самый большой видъ достигалъ 4 метровъ высоты, — носилась надъ обширными равнинами. Въ настоящее время она принадлежитъ къ давно вымершимъ видамъ, павъ жертвою ненасытнаго голода маори. Что небольшіе острова отличаются бѣдностью животныхъ формъ, совершенно понятно, — на своемъ ограниченномъ пространствѣ они представляютъ для большихъ животныхъ слишкомъ неудовлетворительныя условія для существованія. Не можетъ, однако, не казаться страннымъ, что фауной бѣдна также и Новая Гвинея, которая въ этомъ отношеніи, несмотря на все богатство своей тропической природы, уступаетъ даже скудной въ отношеніи своего животнаго міра Австраліи. Для населенія Новой Гвинеи одна свинья имѣла еще нѣкоторое значеніе.

Для историческаго развитія народовъ Полинезіи и Микронезіи эта бѣдность животнаго міра была не безъ значенія, что отразилось въ одномъ важномъ въ этнографическомъ отношеніи явленіи: у народовъ, живущихъ на очень небольшихъ островахъ, лукъ и стрѣлы какъ оружіе, отсутствуютъ въ настоящее время либо совершенно, либо же встрѣчаются еще только какъ пережитокъ. Оскаръ Пешель видитъ причину этого явленія въ недостаткѣ поводовъ къ употребленію этого оружія, требующаго больше

Рѣзьба ме

(Частью по Ф. ф.-Лушану: „Beiträge zur Völkerkunde", частью по ри

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

незійцевъ.

из Л. Сютерлина съ оригиналовъ Берлинскаго музея народовѣдѣнія.)

Рѣзьба меланезійцевъ.

Фиг. 1. **Танцовальная маска** съ Новой Ирландіи; съ очень большими крыльеобразными ушами, рѣзанная изъ дерева и пестро раскрашенная.

Фиг. 2. **Танцовальная маска** съ Новой Ирландіи; на подобіе шлема, съ высокимъ гребнемъ.

Фиг. 3. **Танцовальная маска** съ Новой Ирландіи; изображаетъ необыкновенно естественно типичнаго меланезійца съ его красной и бѣлой раскраской лица.

Фиг. 4. **Рѣзная фигура** съ Соломоновыхъ острововъ; голова и рука человѣка; съ перламутровой выкладкой. Украшеніе носовой части лодки.

Фиг. 5. **Большая танцовальная маска** съ Новой Ирландіи; вмѣсто ушей далеко отстоящія крылья въ формѣ рыбъ. Волосы, выбѣленные, по обычаю туземцевъ, известью, сдѣланы изъ желтоватыхъ палочекъ древесной сердцевины.

Фиг. 6. **Танцовальная маска** съ Новой Ирландіи; на подобіе шлема. Между зубами на лицѣ маски просовывается небольшая фигура пѣтуха, другая такая же фигура высится на макушкѣ маски.

Фиг. 7. **Рѣзной столбъ** съ Новой Ирландіи. На верхушкѣ человѣческая фигура съ большими крыльеобразными ушами, прижимающая руками къ груди птицу; на лицѣ нарисованы двѣ черныя и одна бѣлая ящерицы; внизу змѣи, птицы и рыбы.

Фиг. 8. **Рѣзной столбъ** съ Новой Ирландіи; по всей вѣроятности, память объ умершей въ родахъ женѣ.

(Сравни: F. v. Luschan, „Beiträge zur Völkerkunde der deutschen Schutzgebiete“, Berlin 1897.)

Фиг. 9. **Рѣзная фигура** съ Новой Ирландіи; изображаетъ большого орла, схватившаго змѣю. По всей вѣроятности, символическое изображеніе земли и неба, подобно индійскому Гаруда съ Нагами.

Фиг. 10. **Рѣзная и раскрашенная планка** съ Новой Ирландіи; въ серединѣ человѣческая фигура между двумя рыбами. Ср. фиг. 2 на хромолитографіи „Рѣзьба микронезійцевъ“.

Оригиналы ко всѣмъ рисункамъ этой таблицы находятся въ Берлинскомъ Королевскомъ Музеѣ Народовѣдѣнія.

всякаго другого навыка; даже если при своемъ вселеніи охотничьи племена и находили большой запасъ дичи, ея не могло хватать надолго. Само собою, что потеря дальнострѣльнаго оружія имѣла замѣтное вліяніе на тактику островитянъ. На нѣкоторыхъ островныхъ группахъ, положимъ, туземцы избѣжали борьбы на близкомъ разстояніи, которой такъ боятся всѣ примитивные народы, благодаря тому, что на мѣсто стрѣлы появились праща и метательная палица; но въ общемъ переходъ къ борьбѣ лицомъ къ лицу съ помощью копья, топора и палицы былъ неизбѣженъ. Съ точки зрѣнія тактики, это считается шагомъ впередъ, какъ показываетъ классическій примѣръ зулусовъ южной Африки, которые только благодаря введенному Чакой (см. т. III, стр. 418) нападенію сомкнутымъ строемъ и употребленію длиннаго копья, какъ главнаго оружія, достигли своего господства въ юго-восточной части чернаго материка. Въ Полинезіи этотъ новый способъ борьбы несомнѣнно способствовалъ той кровопролитности войнъ (между туземцами и между ними и бѣлыми), которой отличается ея исторія въ сравненіи съ исторіей всѣхъ другихъ примитивныхъ народовъ. Политическія послѣдствія, въ виду отсутствія подходящаго врага, не могли здѣсь, естественно, принять такіе размѣры, какъ въ южной Африкѣ; однако въ относительно строгой организаціи большинства полинезійцевъ тактика ихъ играетъ, конечно, не послѣднюю роль.

7. Населеніе Океаніи.

А. Мѣсто океанійцевъ въ антропологіи.

Народовѣдѣніе дѣлитъ населеніе Океаніи на три группы: меланезійцевъ, населяющихъ внутренній островной поясъ отъ Новой Гвинеи до Новой Каледоніи и Фиджи; микронезійцевъ, на островахъ Каролинскихъ, Маріанскихъ, Палаускихъ, Маршальскихъ и Жильбертовыхъ, и полинезійцевъ, занимающихъ остальную часть обширнаго островного міра, включая Новую Зеландію. Вопросъ о расовой принадлежности, взаимоотношеніи и происхожденіи этихъ трехъ группъ занималъ ученыхъ съ перваго дня открытія этого міра и породилъ поистинѣ колоссальную литературу; но къ сколько-нибудь удовлетворительному рѣшенію не могли придти и по настоящее время. Относительно меланезійцевъ вопросъ можно считать настолько выясненнымъ, что теперь никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ принадлежности ихъ къ большой группѣ негроидныхъ народовъ (см. фиг. 3 на изображеніи „рѣзьбы меланезійцевъ“). Также и относительно микронезійцевъ всѣ согласны въ томъ, что ихъ нельзя противопоставлять полинезійцамъ: въ нихъ видятъ вѣтвь полинезійцевъ, и именно тотъ отпрыскъ ихъ, который, благодаря близости къ меланезійцамъ, получилъ наибольшій процентъ примѣси негроидной крови.

Такимъ образомъ только вопросъ о происхожденіи полинезійцевъ ждетъ еще своего рѣшенія. Ничто не указываетъ на то, чтобы они были аборигенами занимаемыхъ ими теперь острововъ, — это невозможно предположить уже на основаніи однѣхъ географическихъ данныхъ. Остается, слѣдовательно, переселеніе ихъ изъ другихъ мѣстъ. Голоса въ пользу „происхожденія полинезійцевъ изъ Америки, — переселенія изъ Индонезіи“ все еще не умолкаютъ. Однако, подъ напоромъ новыхъ взглядовъ относительно смѣшенія народовъ и ихъ переселеній они высказались за физическую и лингвистическую связь съ одной стороной (Индонезіей), не отрицая этимъ этническихъ отношеній къ другой (Америкѣ). Расовое сродство полинезійцевъ съ обитателями Малайскаго архипелага въ виду физическаго сходства и родства языковъ вполнѣ установлено; гораздо менѣе согласія царитъ относительно рода и количества чужой примѣси.

По данному положенію вещей здѣсь можетъ быть вопросъ только о примѣси негроидной. По отношенію къ сѣверо-западу (Микронезіи) ее не могутъ отрицать даже защитники расовой чистоты полинезійцевъ вообще. Между тѣмъ многочисленныя новѣйшія наблюденія дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что подобная примѣсь существуетъ вплоть до о. Самоа и еще дальше; даже далекій островъ Пасхи, повидимому, не совсѣмъ отъ нея свободенъ.

Множество фактовъ говоритъ также въ пользу этнической связи Полинезіи съ Америкой. Вѣрованія и религіозные обычаи въ обѣихъ областяхъ основываются въ общихъ чертахъ на одной и той же вѣрѣ въ души и почитаніи предковъ; зачатки космогоніи, почитаніе родового символа и циклъ преданій одни и тѣ же, не говоря уже объ аналогіи въ характерѣ матеріальныхъ культурныхъ пріобрѣтеній и объ общемъ въ той и другой области отсутствіи желѣза. Въ виду такой аналогіи народовѣдѣніе стоитъ предъ трудной задачей. Предполагать прямое переселеніе изъ Америки, на это не рѣшается уже большинство этнологовъ. Хотя полинезійцы и смѣлые мореплаватели и часто по собственной волѣ или по нуждѣ проходили большія разстоянія при своихъ передвиженіяхъ, но проплыть 40—60 градусовъ долготы, не имѣя даже возможности пристать куда-нибудь, было бы и имъ не подъ силу, а тѣмъ болѣе ихъ предкамъ.

При данномъ положеніи вещей насъ дальше всего приведетъ предположеніе о существованіи большой монголоидной первичной расы, развѣтленія которой заняли весь „востокъ“ земного шара: восточную Азію, Океанію и Америку. Такое предположеніе устраняетъ тотчасъ же всѣ затрудненія, возникающія при выясненіи вышеуказанной аналогіи; но оно далеко еще не рѣшаетъ вопроса о различіяхъ въ монголоидныхъ родственныхъ культурахъ. Объяснить ихъ вліяніями различныхъ полушарій является рискованнымъ, хотя и небезнадежнымъ.

Б. **Переселенія океанійцевъ.**

Первыми дѣйствительно историческими шагами океанійцевъ были ихъ переселенія. Еще и по настоящее время они являются самымъ подвижнымъ изъ первобытныхъ народовъ, и переѣзды въ болѣе чѣмъ тысячу морскихъ миль далеко нерѣдки. Въ поводахъ къ такимъ морскимъ странствованіямъ нѣтъ недостатка. Склонность или необходимость въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдями, голодъ, не рѣдкій на болѣе бѣдныхъ островахъ, политическія неурядицы и выраженное стремленіе къ странствованію. Послѣднее является основной чертой въ характерѣ малайо-полинезійца, которой прежде всего обязано распространеніе этой народной группы на область, простирающуюся на 210 градусовъ долготы, отъ Мадагаскара до острова Пасхи, и 80 градусовъ широты. Предъ этою чертою отступаютъ на задній планъ другія причины, вызывающія переселенія, хотя относительно отдѣльныхъ мѣстностей онѣ часто играютъ главную роль и влекутъ за собою различныя историческія послѣдствія.

Число извѣстныхъ намъ путешествій невелико; время, прошедшее отъ открытія океанійскаго островного міра еще слишкомъ коротко, и сама Океанія слишкомъ далека отъ насъ. Тѣмъ не менѣе не одна уже черта изъ прошлаго этихъ народовъ выступила съ достаточной ясностью предъ нашими глазами. Прежде всего мы убѣждаемся изъ того факта, что теченіемъ переселявшихся относило часто туда, куда не лежалъ ихъ путь, изъ непроизвольныхъ, такъ сказать, путешествій, что прославленнаго изстари постоянства въ воздушныхъ и морскихъ теченіяхъ изъ восточныхъ квадрантовъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ, что, слѣдовательно, природа не ставила препятствій распространенію полинезійцевъ съ запада на востокъ; даже къ далекому острову Пасхи путь съ запада при такихъ обстоятельствахъ не былъ за-

крытъ. Далѣе частыя передвиженія рисуютъ намъ истинный характеръ Тихаго океана. Это не водная пустыня, гдѣ острова и архипелаги, подобно оазисамъ, прозябаютъ въ тишинѣ своей замкнутости; это полное жизни море, на которомъ оживленныя сношенія не допускаютъ нигдѣ строгаго обособленія какой-нибудь островной группы отъ остального міра.

Такой характеръ океанъ носитъ не только со времени послѣднихъ двухъ-трехъ вѣковъ, этотъ характеръ свойственъ ему съ той минуты, когда первый корабль коснулся утесовъ Гавайи, Новой-Зеландіи и острова Пасхи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сами туземцы. Богатый циклъ ихъ сказаній какъ вокругъ своей оси вертится вокругъ этихъ старыхъ странствованій; наполненный больше всего первыми переселеніями, онъ даетъ намъ полную возможность заглянуть въ прежнія отношенія островитянъ какъ другъ къ другу, такъ и ко внѣшнему міру; даже вопросъ о первоначальной родинѣ полинезійцевъ думали разрѣшить этимъ путемъ. Не въ одномъ только кругу этнологовъ извѣстна роль, которую играетъ понятіе Гавайки и его синонимы (Савайи, Гавайи, Гапай, Гевава, Авайки и т. д.) у большинства полинезійцевъ въ сказаніяхъ объ ихъ происхожденіи. Мы его встрѣчаемъ снова у маори Новой Зеландіи, на Таити, Райатеа, Раротонга, Маркизскихъ островахъ, на Гавайи и въ другихъ мѣстахъ. Видѣть въ этомъ понятіи опредѣленную ограниченную мѣстность, откуда теченіе переселенія распространялось въ разныя времена въ самыхъ различныхъ направленіяхъ океана не приходится уже въ виду того факта, что географическое положеніе Гавайки не во всѣхъ преданіяхъ точно опредѣлено, а значительно колеблется; иногда даже это просто страна духовъ, страна Запада, гдѣ души вмѣстѣ съ солнцемъ погружаются въ преисподнюю.

Схема переселеній океанійцевъ.

Тѣмъ не менѣе прослѣдить преданіе о Гавайи является болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи полезнымъ для изученія ранняго періода исторіи полинезійцевъ, если только дополнить это преданіе антропологическими, этнографическими, а также и географическими взглядами. Относительно маори можно тогда съ большой вѣроятностью принять за исходный пунктъ ихъ переселенія на Новую Зеландію принадлежащій къ группѣ Самоа островъ Савайи. Онъ же подъ именемъ Гавайи образуетъ исходный пунктъ для жителей Райатеа и Таити. На то же указываютъ преданія Маркизскихъ и Гавайскихъ острововъ, отчасти также и острова Раротонга, который, съ своей стороны, — по преданію „ближайшій Гавайки", — послужилъ для маори промежуточной станціей на пути ихъ къ Новой Зеландіи, являясь въ то же время и дѣйствительнымъ исходнымъ пунктомъ для жителей острововъ Тубуаи и Гамбиръ. Послѣдній исходный пунктъ представляетъ группа Тонга: жители о. Нука-Гива въ Маркизской группѣ приводятъ своихъ предковъ вмѣстѣ съ хлѣбнымъ деревомъ и сахарнымъ тростникомъ изъ Вавау. Въ сравненіи съ величиною занятой полинезійцами области не только поразительно ничтожно число исходныхъ пунктовъ, но и первоначальныя отношенія между отдѣльными группами являются

по преданіямъ изумительно простымъ. При современномъ состояніи науки народовѣдѣнія и историческихъ знаній простота эта не выдерживаетъ критики. Относительно маори установлено, что переселеніе ихъ не произошло въ видѣ одной народной волны, а совершалось послѣдовательными притоками съ сѣвера; указывается и на очень позднее переселеніе. Жителей Гавайскихъ острововъ связываютъ по языку, обычаямъ и преданіямъ о переселеніяхъ съ Таити; съ другой стороны, мѣстныя названія носятъ слѣды живыхъ воспоминаній о Самоа. Раротонга является исходнымъ пунктомъ для всего крайняго юга, тогда какъ самъ островъ почти одновременно заселился притокомъ населенія съ Самоа и Таити. Наконецъ, острова Таити послали, повидимому, переселенцевъ на Раротонга и Гавайи, и сверхъ того на южные Маркизскіе острова, на что указываетъ сходство въ языкѣ и обычаяхъ (см. схему переселеній, помѣщенную на стр. 299).

Установить время этихъ переселеній уже потому трудно, что явленіе этого движенія представляетъ нѣчто продолжительное. Нельзя, само собою, придавать значенія числу генерацій на отдѣльныхъ островныхъ группахъ, колеблющихся между 20—88 родами (см. стр. 224—225). Съ помощью исторіи мы здѣсь, вообще, недалеко уйдемъ; только народовѣдѣніе даетъ намъ указанія на то, что распространеніе полинезійцевъ на Тихомъ океанѣ не должно быть отнесено къ далекимъ временамъ: они не успѣли еще достигнуть сильно выраженныхъ особенностей въ своей культурѣ; относительно Новой Зеландіи и многихъ другихъ областей вопросъ можетъ быть только въ нѣсколькихъ вѣкахъ; первое заселеніе Таити и, пожалуй, Гавайи могло имѣть мѣсто и раньше. Но выходить за періодъ полутора тысячъ не приходится нигдѣ.

Переселенія захватываютъ и Меланезію. На востокѣ ея, что само собою вытекаетъ уже изъ большихъ разстояній, оно происходило болѣе сплошными массами, чѣмъ на западѣ; въ то время, какъ Фиджи не только въ этнографическомъ и политическомъ отношеніи примыкаютъ къ Полинезіи настолько же, какъ и обѣ сосѣднія группы Тонга и Самоа, но и въ антропологическомъ отношеніи указываютъ на сильную примѣсь полинезійской крови,—мы хотя и находимъ на Новой Гвинеѣ очень замѣтные слѣды этой примѣси, но ничто уже не указываетъ на полинезійскіе обычаи и государственное устройство. Въ какомъ отношеніи другъ къ другу стояли въ этихъ вкрапленіяхъ полинезійскаго элемента въ западную область Тихаго океана сознательныя и недобровольныя переселенія, едва-ли можно установить въ настоящее время; но несомнѣнно, что на ряду съ частыми недобровольными заселеніями, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, не отсутствовала также и сознательная колонизація. Здѣсь мы знакомимся съ полинезійцами съ такой стороны, какую у примитивныхъ народовъ видимъ нечасто. Въ Африкѣ можно указать только на ваньямвези въ средней области германской восточной Африки (т. III, стр. 424), колонизація которыхъ, начиная съ середины XIX столѣтія, захватила весь экваторіальный востокъ материка и продвинула свои колоніи далеко на югъ бассейна Конго; сюда-же можно причислить и Кіоко на западѣ государства Конго (тамъ-же, стр. 453), о способности которыхъ внѣдряться въ коренное населеніе разсказываютъ Попе, Л. Вольфъ и Виссманъ. Изъ американскихъ народовъ сюда можно причислить развѣ только карибовъ (т. I, стр. 193), покорившихъ и колонизировавшихъ значительныя пространства внутренней части материка и весь островной міръ американскаго Средиземнаго моря. Колонизаторская дѣятельность полинезійцевъ не должна насъ удивлять. Какъ въ области мореплаванія они выказали себя достойнымъ отпрыскомъ малайской народной группы, такъ и въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ они едва-ли уступаютъ западнымъ малайцамъ. Если эти послѣдніе опираются на то, что распространеніе ихъ достигаетъ Мадагаскара на западѣ и Филиппинскихъ острововъ на сѣверо-востокѣ, то и полине-

зійцы могутъ указать на занятіе ими области, простирающейся отъ Каролинскихъ острововъ и Новой Гвинеи на западѣ до острова Пасхи на востокѣ.

8. Исторія океанійцевъ.

А. Выводы относительно прошлаго океанійцевъ.

Исторія океанійцевъ до открытія тихоокеаническаго островного міра намъ почти неизвѣстна; преданія Полинезіи, проникающія гораздо далѣе въ глубь прошлаго, нигдѣ не отдѣляются дѣйствительностью отъ миѳовъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторая возможность бросить взглядъ на прошлое есть и для Океаніи. Какъ и въ Австраліи (стр. 237), и здѣсь имѣются остатки древнихъ построекъ и сооруженій, изъ которыхъ, само собою, вытекаютъ извѣстные выводы относительно прежняго политическаго и соціальнаго быта; кромѣ того, и то состояніе, въ которомъ они были найдены, даетъ также не мало точекъ опоры для изслѣдователя.

Нѣтъ сомнѣнія, что теперешнее культурное состояніе полинезійцевъ и микронезійцевъ, какъ и у австралійцевъ, не соотвѣтствуетъ той высотѣ развитія, которой они раньше достигли; напротивъ того, регрессъ, повидимому, имѣлъ мѣсто во всѣхъ областяхъ народной жизни. У меланезійцевъ-же, культура которыхъ не доросла даже до нынѣшней культуры ихъ восточныхъ сосѣдей, мы не находили никакихъ указаній на ея прежнее высокое состояніе. Ихъ культура представляетъ какъ бы ложбину между возвышенностью на западѣ — малайской культурой и меньшей возвышенностью на востокѣ—полинезійской культурой. Этимъ еще далеко не сказано, что культурное достояніе Меланезіи само по себѣ менѣе цѣнно или лишено самобытности. Напротивъ того, какъ указываетъ намъ иллюстрація при стр. 297, они владѣютъ имъ въ полной мѣрѣ: не только нѣкоторая часть матеріальнаго достоянія, но и нѣкоторыя отрасли духовнаго, даже превосходятъ достояніе хотя-бы микронезійцевъ. Меланезіецъ отсталъ только въ политическомъ отношеніи. Причину этого нужно искать прежде всего, вѣроятно, въ характерѣ самой негроидной расы, а затѣмъ и въ недостаткѣ побудительныхъ обстоятельствъ извнѣ: тамъ, гдѣ и то и другое отступаетъ на задній планъ, какъ на Фиджи, и меланезіецъ выказалъ себя способнымъ къ политическому развитію.

О культурномъ регрессѣ полинезійцевъ и микронезійцевъ можно судить по двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, по ихъ постройкамъ и сооруженіямъ, которыя по своей массѣ, размѣрамъ и протяженію совершенно исключаютъ возможность того, чтобы ихъ могло создать населеніе такое, какимъ оно представилось первымъ европейцамъ; во-вторыхъ,—по ихъ государственнымъ и соціальнымъ учрежденіямъ, носящимъ всѣ слѣды упадка. Въ остаткахъ перваго рода нѣтъ недостатка въ Южномъ морѣ. На давно оставленномъ всѣми первобытными жителями Питкернѣ еще по настоящее время сохранились каменные фундаменты древнихъ храмовъ; на Рапа старинныя укрѣпленія вѣнчаютъ холмы, а на Гуагейнѣ рядомъ съ циклопической, проложенной въ скалахъ дорогой возвышается долменъ; по залежамъ гуано на островѣ Рождества простираются, свидѣтельствуя о времени болѣе сильнаго духа предпріимчивости, болѣе высокой техники и выраженнаго чувства общности, дороги изъ искусно сложенныхъ кусковъ кораллозаго известняка; на Тиніанѣ, одномъ изъ Маріанскихъ острововъ, жилища древнихъ сильныхъ хаморро украшены увѣнчанными капителями каменными колоннами. Но что все это значитъ въ сравненіи съ развалинами Нанматаля на Понапе и каменными изваяніями Рапануи, острова Пасхи!

Упадокъ въ области политической и соціальной, въ общемъ, не такъ еще ярко выступаетъ, какъ техническій; но и его нигдѣ нельзя отрицать,

какъ нельзя отрицать и того, что онъ несомнѣнно игралъ въ дальнѣйшемъ государственномъ развитіи островитянъ болѣе роковую роль, чѣмъ послѣдній. Онъ проявляетъ себя единственно въ исчезновеніи патріархальной формы государства, когда король былъ для народа въ одно и то-же время и богомъ, когда онъ былъ естественнымъ собственникомъ всей земли, и когда господствовало убѣжденіе, что все исходитъ отъ него и все существуетъ для него. Когда Джемсъ Кукъ и его современники появились въ Южномъ морѣ, во многихъ мѣстахъ едва еще сохранились слѣды такого государства; въ другихъ-же мѣстахъ оно быстро распадалось. Старинные роды властителей были мѣстами совершенно уже устранены, а государства исчезли; тамъ же, гдѣ эти послѣднія еще продолжали существовать, древніе властители пользовались лишь тѣнью прежняго блеска. Исчезло также и раздѣленіе народа съ его строго опредѣленными ступенями; на мѣсто прежней ленной системы явилось стремленіе знатныхъ лицъ къ собственности и могуществу. Оно повсюду увѣнчалось успѣхомъ и способствовало прежде всего разрушенію строгой, но удобной для всѣхъ организаціи. Наконецъ, и сама религія утеряла совершенно свой прежній характеръ. Древніе боги, хотя и были еще въ силѣ, но ихъ первоначально ограниченное число возрасло съ теченіемъ времени до чрезмѣрности благодаря тому, что къ древнимъ богамъ постепенно приравнивались и божества, вышедшія изъ класса высшей аристократіи. Такимъ образомъ, государственная и народная религія превратилась въ суевѣрное почитаніе. По мнѣнію Карла Мейнике, одна и та же причина разрушила какъ государство, такъ и религію полинезійцевъ: это низверженіе древнихъ государственныхъ и религіозныхъ авторитетовъ или же возвышеніе болѣе низкихъ предъ тѣмъ степеней, но во всякомъ случаѣ, отступленіе отъ прежней государственной идеи.

Признаки упадка Океаніи въ своей совокупности довольно краснорѣчивы. Прежде всего они указываютъ на то, что въ прошлой исторіи островитянъ Южнаго моря долженъ былъ быть періодъ, когда насажденіе колоній становилось необходимостью въ виду чрезмѣрнаго увеличенія населенія на заселенныхъ уже островахъ; а затѣмъ, что время колонизаціи было, по всей вѣроятности, также и временемъ наивысшаго культурнаго развитія. Колонизація была возможна лишь при господствѣ строгой политической организаціи, одинъ развѣ отблескъ которой мы можемъ еще уловить въ позднѣйшей жизни народовъ Южнаго моря. Невозможно, съ другой стороны, предположить, что на заселенныхъ островахъ продолжала развиваться техника, какая была необходима для сооруженія громадныхъ построекъ, такъ что и въ области матеріальной культуры намъ остается только думать, что общій ея уровень былъ нѣкогда выше. Мы имѣемъ здѣсь предъ собою явленіе, одинаково интересное какъ въ историческомъ, такъ и въ геологическомъ отношеніи: моментъ наибольшаго распространенія народа является въ то же время и началомъ его упадка.

Это явленіе не должно поражать насъ, если примемъ во вниманіе природу мѣстожительствъ народа. Для населенія небольшихъ острововъ легче достигнуть высшей ступени культуры и болѣе строгой политической организаціи, чѣмъ удержаться на унаслѣдованной или же занесенной извнѣ высотѣ; ограниченность пространства даетъ возможность легко овладѣть данными условіями къ развитію, но въ ней же и опасность столкновеній противоположностей, а вмѣстѣ съ этимъ и разрушенія уже созданнаго. Этой судьбы не могъ избѣгнуть ни одинъ изъ полинезійскихъ острововъ, тѣмъ болѣе, что въ характерѣ народа мало консервативныхъ чертъ; съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ полинезійцевъ, ссоры и распри были всегда главнымъ и любимымъ ихъ занятіемъ. Наибольшій регрессъ имѣлъ мѣсто тамъ, гдѣ островныя государства меньше, разрушительное вліяніе слѣдовательно сильнѣе,—въ центрѣ островного міра: здѣсь никакіе слѣды прежней

высоты культуры не удержались до нашего времени. Только по его краямъ, на Гавайи и Новой Зеландіи, да еще на отдаленномъ островѣ Пасхи европейцы нашли при своемъ появленіи болѣе замѣтные слѣды этой прежней высоты культуры: на первыхъ — болѣе интенсивную народную жизнь, на послѣднемъ — грандіозные памятники.

Какъ быстро можетъ идти оскудѣніе культурныхъ достояній, мы видимъ на примѣрѣ маори. По природѣ склонные къ насилію и распаденію, они превратили большія государства своего двойного острова въ многочисленныя малыя государства, лишенныя какого бы то ни было сознанія національной связи и культурнаго могущества. Въ то же время прежній сильно выраженный характеръ народа терялъ все больше свою выдержанность и становился дикимъ и жестокимъ. Рука объ руку съ этимъ шелъ, наконецъ, и распадъ религіи. Древніе боги теряли свой индивидуальный характеръ, превращаясь во множество лѣсныхъ и морскихъ демоновъ, которые по своей искаженности и карикатурности не имѣютъ себѣ равныхъ. Рисунки 1 и 2, 4 и 5, 7 и 8 на таблицѣ при стр. 326 даютъ объ этомъ отличное понятіе. Не были пощажены также и искусство и техника; уже во времена Кука древняя рѣзьба (фиг. 1, 4 и 5 на той же таблицѣ) не находила себѣ больше мастеровъ.

Б. Исторія меланезійцевъ.

а) Общій очеркъ.

Если исключить Фиджи, то Меланезія не имѣетъ собственно никакой исторіи,—можно говорить лишь о судьбахъ ея населенія подъ натискомъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Главной причиной этого явленія, напоминающаго пассивность Австраліи, является, вѣроятно, ничтожная склонность негроидной расы къ политической жизни; другой — замкнутость ея отъ внѣшняго міра, которой не мало способствовала дикость меланезійца; страхъ предъ нею удерживалъ какъ подвижныхъ меланезійцевъ отъ колонизированія въ бóльшихъ размѣрахъ средней и западной Меланезіи, такъ и бѣлыхъ, не приложившихъ къ открытію ея острововъ того усердія, которое они выказали со временъ Кука для всей остальной Океаніи. Изслѣдованія и миссіонерство начинаются здѣсь поздно и робко, и гораздо позже еще слѣдуетъ по ихъ стопамъ европейская колонизація.

Несмотря на это позднее начало серьезныхъ вторженій извнѣ, меланезійцы уже довольно рано пришли въ столкновеніе — не дружелюбное — съ бѣлыми. Изъ длиннаго ряда изслѣдователей едва ли найдется одинъ, на которомъ не лежала бы вина въ самыхъ большихъ жестокостяхъ по отношенію къ туземцамъ, начиная съ И. Ле Мэра и В. Шоутена (1616), В. Дампьера (1700) и И. Роггевеена (1722) и кончая Л. А. Бугенвилемъ и де Сюрвилемъ (1768); даже Кукъ велѣлъ въ 1774 году разстрѣлять пушками туземцевъ Эрроманго за ничтожный проступокъ. Но еще больше вины по отношенію къ Меланезіи лежитъ на XIX столѣтіи. Богатство ея сандальнымъ деревомъ привлекло очень скоро многочисленныхъ промышленниковъ, особенно англичанъ и американцевъ, а также и полинезійцевъ. Гоняясь только за личной выгодой, всѣ эти люди хозяйничали, какъ истые варвары, они похищали обыкновенно туземцевъ и отвозили ихъ рабами на другіе острова, рубили полезныя деревья, вызывая этимъ распри съ владѣльцами, оканчивавшіяся большею частью не въ пользу послѣднихъ. Обстрѣливаніе деревень безъ всякаго повода, вымогательства всякаго рода были въ порядкѣ вещей. Промышленники захватывали въ плѣнъ какого нибудь вождя и отпускали его на свободу не иначе, какъ получивъ за него цѣлое судно сандальнаго дерева; а когда однажды жители новогебридскаго острова Фате съ женами и дѣтьми укрылись въ пещерѣ отъ

преслѣдованія экипажа одного англійскаго корабля и кучки присоединившихся къ нимъ тонганцевъ, враги разложили передъ входомъ въ пещеру огонь и дали задохнуться всѣмъ бѣглецамъ.

Послѣдствія такого обращенія съ туземцами не заставили себя долго ждать. Воинственный и способный къ сопротивленію меланезіецъ не спускалъ ни одного удара и мстилъ за злодѣянія бѣлаго и поруганія надъ своими братьями гдѣ и какъ только могъ: онъ убивалъ всякаго, кто имѣлъ неосторожность высадиться на его берегахъ. Исторія изслѣдованія Меланезіи вплоть до нашихъ дней писана буквально кровью; а миссіонерству пришлось (ср. ниже; стр. 333) одолѣть здѣсь болѣе трудное начало и болѣе тяжелую работу, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Южномъ морѣ.

Длительная расовая борьба не могла не нарушить прежней неприкосновенности меланезійской народности. Новая Гвинея, изслѣдованная едва еще только по краямъ своимъ, мало, положимъ, пострадала въ этомъ отношеніи, а жители архипелага Бисмарка и Соломоновыхъ острововъ выходили до сихъ поръ всегда еще побѣдителями при всѣхъ серьезныхъ вторженіяхъ въ ихъ духовное и матеріальное достояніе Менѣе, однако, благопріятно обстоитъ дѣло на восточныхъ архипелагахъ, Санта-Крусъ, Новыхъ Гебридахъ, Новой Каледоніи и Фиджи. Здѣсь болѣе значительная нѣкогда примѣсь полинезійской крови ослабила несомнѣнно стойкость населенія; кромѣ того, эти группы дольше и сильнѣе другихъ подвергались натиску бѣлаго врага. Результатомъ былъ, какъ и повсюду, гдѣ дикарь приходитъ въ соприкосновеніе съ культурой, регрессъ туземнаго населенія въ численности, наружномъ обликѣ и обычаяхъ. Это замѣтнѣе всего на Новой Каледоніи, гдѣ туземцы, подъ вліяніемъ французской системы ссылки, изъ воинственной, честолюбивой, высоко-одаренной духовно націи опустились на уровень низкаго сброда. Относительно упадка численности населенія трудно составить себѣ понятіе, такъ какъ прежнія указанія основываются лишь на приблизительномъ его подсчетѣ. Тѣмъ не менѣе и для Новыхъ Гебридъ и для Санта Крусъ сильное уменьшеніе численности находится внѣ всякаго сомнѣнія, а для Фиджи оно можетъ быть доказано даже цифрами.

b) Фиджи.

Большая, по отношенію къ меланезійскимъ условіямъ вообще, способность къ политической жизни островитянъ Фиджи (Фидши, Вити) сводится, съ одной стороны, къ сильной примѣси къ нимъ полинезійцевъ, съ другой,—къ положенію архипелага. Его исторія начинается для насъ тѣми распрями, которыя разыгрывались цѣлыми вѣками на всѣхъ полинезійскихъ островахъ. Въ такую въ сущности ничтожную борьбу вмѣшались въ началѣ XIX столѣтія европейцы, безъ всякихъ сначала политическихъ намѣреній. Въ 1804 году 27 бѣглыхъ преступниковъ изъ Норфолька стали принимать сторону то одного, то другого вождя; еще рѣшительнѣе повліялъ на ходъ дѣлъ вооруженный мушкетами экипажъ потерпѣвшаго въ 1808 году у береговъ Наираи крушеніе рабовладѣльческаго судна „Элиза“. Выборъ экипажа палъ на вождя Науливау изъ Мбау, что дало этому послѣднему возможность свергнуть владычество „государства“ Верата на восточномъ Вити Леву; его преемники удерживали за собою владычество до 1874 года. Науливау умеръ въ 1829 году; его правленіе было богато военными успѣхами, которымъ онъ обязанъ именемъ „Вуни Валу“, т. е. „корень войны“. Ему наслѣдовалъ братъ его Таноа, одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ каннибаловъ, какихъ только знавали Фиджи.

Въ правленіе сына его Серу, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Какобау или Такомбау (1852 — 74), владычество, которому положилъ начало впервые Вуни Валу, достигло своего высшаго расцвѣта и распространилось

почти на весь архипелагъ. Серу принялъ правленіе въ такое время, когда архипелагъ Фиджи болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи привлекалъ къ себѣ взоры бѣлыхъ. Съ 1835 года тамъ основалась весленская миссія, съ 1844—католическая. Благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности первой миссіи старыя распри прекратились, по крайней мѣрѣ, въ береговыхъ областяхъ Вити Леву; англійскій, американскій и другой торговый людъ могъ селиться теперь тамъ съ полной безопасностью. Въ 1847 г. Соединенные Штаты Сѣверной Америки, вполнѣ оцѣнивая вновь открывшуюся имъ область, учредили тамъ свое консульство; въ то же время, чтобы ослабить англійское вліяніе, они начали систематически навлекать на миссію подозрѣніе. Въ 1849 г., во время пожара въ домѣ консула Вильямса, туземцы расхитили кое-что изъ его имущества. Вильямсъ потребовалъ отъ Такомбау возмѣщенія убытковъ въ размѣрѣ „3006 долларовъ 12½ центовъ"; эта сумма была, какъ показываетъ безпристрастный свидѣтель, неправильна. Сумма не была уплочена. Уже въ слѣдующемъ году она вслѣдствіе другихъ покражъ достигла 5001 доллара 38 центовъ. Вильямсъ передалъ свое требованіе на разсмотрѣніе командировъ двухъ американскихъ военныхъ судовъ, съ просьбою поддержать его, но получилъ отказъ, Однако въ 1855 г. капитанъ судна Боутуэлъ, посланный на Фиджи для новаго разслѣдованія дѣла, приказалъ Такомбау тотчасъ же уплатить капиталъ и проценты; при второмъ требованіи сумма, подлежащая къ уплатѣ, была опредѣлена въ 30,000 долларовъ, а въ случаѣ ея неуплаты угрожалось порохомъ и свинцомъ. Въ концѣ концовъ Боутуэлъ призвалъ вождя на свое судно и потребовалъ съ него подъ угрозою петли 45,000 долларовъ,—тогда Такомбау подписалъ.

Кромѣ того, грозили еще столкновенія съ Франціей. Четырнадцать лѣтъ спустя послѣ неудачной колонизаторской попытки 1844 года, французскіе католическіе миссіонеры снова попытались утвердиться на Вити Леву. Такъ какъ Такомбау, перешедшій въ 1854 году, частью изъ убѣжденія, главнымъ же образомъ изъ политическихъ побужденій, въ христіанство, чувствовалъ невозможность держаться долѣе, тѣмъ болѣе, что и его отношеніе къ Тонга было въ то время очень натянутымъ, онъ рѣшилъ для избѣжанія разныхъ случайностей уступить свою страну Англіи. 12 октября 1858 года онъ заключилъ съ англійскимъ консуломъ Притчардомъ договоръ, къ которому потомъ присоединились всѣ вожди острова. Такомбау, который хотѣлъ сдѣлаться англійскимъ подданнымъ, но удержать при этомъ свой титулъ и верховную власть, обѣщалъ 200,000 акровъ земли; взамѣнъ этого Англія должна была принять на себя долгъ Америки, Изъ опасенія конфликтовъ съ Америкой англійское правительство отклонило предложеніе Такомбау. Этимъ воспользовались не только американцы, тотчасъ же выступившіе снова со своими притязаніями, но и Тонга, съ своей стороны потребовавшая большую сумму денегъ за оказанную будто бы прежде услугу. Въ своемъ затрудненіи владѣтельный вождь согласился на предложеніе Мельбурнской „Полинезійской Компаніи", которая обѣщала ему удовлетворить требованія американцевъ подъ условіемъ передачи земель, обѣщанныхъ англійскому правительству; процвѣтаніе дѣйствовавшихъ въ странѣ съ 1860 года нѣмецкихъ фирмъ заставило компанію обратить вниманіе на Фиджи. По заключеніи договора общество уплатило американцамъ 9000 фунтовъ стерлинговъ, за что ей было тотчасъ же предоставлено 45,000 гектаровъ.

Тѣмъ временемъ распри между туземцами не прекращались; наряду съ этимъ начались столкновенія между ними и прибывавшими въ большомъ числѣ бѣлыми. Чтобы положить конецъ такому порядку вещей, Такомбау ввелъ въ 1871 году конституціонный образъ правленія, съ министерствомъ, состоявшимъ изъ двѣнадцати вождей, съ Legislative Council по выбору бѣлыхъ и съ верховнымъ судомъ. Покуда интересы правитель-

ства и колонистовъ не сталкивались, эта игра, къ которой не разъ прибѣгали въ Южномъ морѣ, протекала довольно невинно; но когда бѣлымъ пришлось платить налоги, они попросту не захотѣли признавать законовъ. Къ тому же государственный долгъ быстро доросъ до 80,000 фунтовъ стерлинговъ. Такомбау не видѣлъ другого исхода для своего спасенія, какъ предложить снова свою страну Великобританіи, но на этотъ разъ въ полное владѣніе. Сначала Англія снова отклонила предложеніе. Только опасеніе, что другія государства, Америка или Германія, заинтересованная какъ разъ въ то время предпріятіями Годеффруа (стр. 320), воспользуются подобнымъ же предложеніемъ, заставило Англію посмотрѣть на дѣло иначе. 30 сентября 1874 г. Англія приняла предложеніе Такомбау, послѣ того, какъ Германія, которой оно тѣмъ временемъ было дѣйствительно сдѣлано, отклонила его. Фиджи сдѣлались британской коронной колоніей. Англія взяла на себя всѣ долги и выплачивала Такомбау до самой его смерти (1883) ежегодно извѣстную сумму на его содержаніе. Продажа земель, совершившаяся до передачи Фиджи Германіи, сначала не была признана, но дѣло было затѣмъ разсмотрѣно; черезъ десять слишкомъ лѣтъ, въ 1885 г., причастные къ этому дѣлу нѣмцы получили ничтожное удовлетвореніе (10,620 фунтовъ). Весною 1902 года Фиджи носились съ мыслью заключить съ Новой Зеландіей (Мр. Седдонъ) отдѣльный союзъ, на подобіе австралійскаго Commonwealth

B. **Исторія микронезійцевъ.**

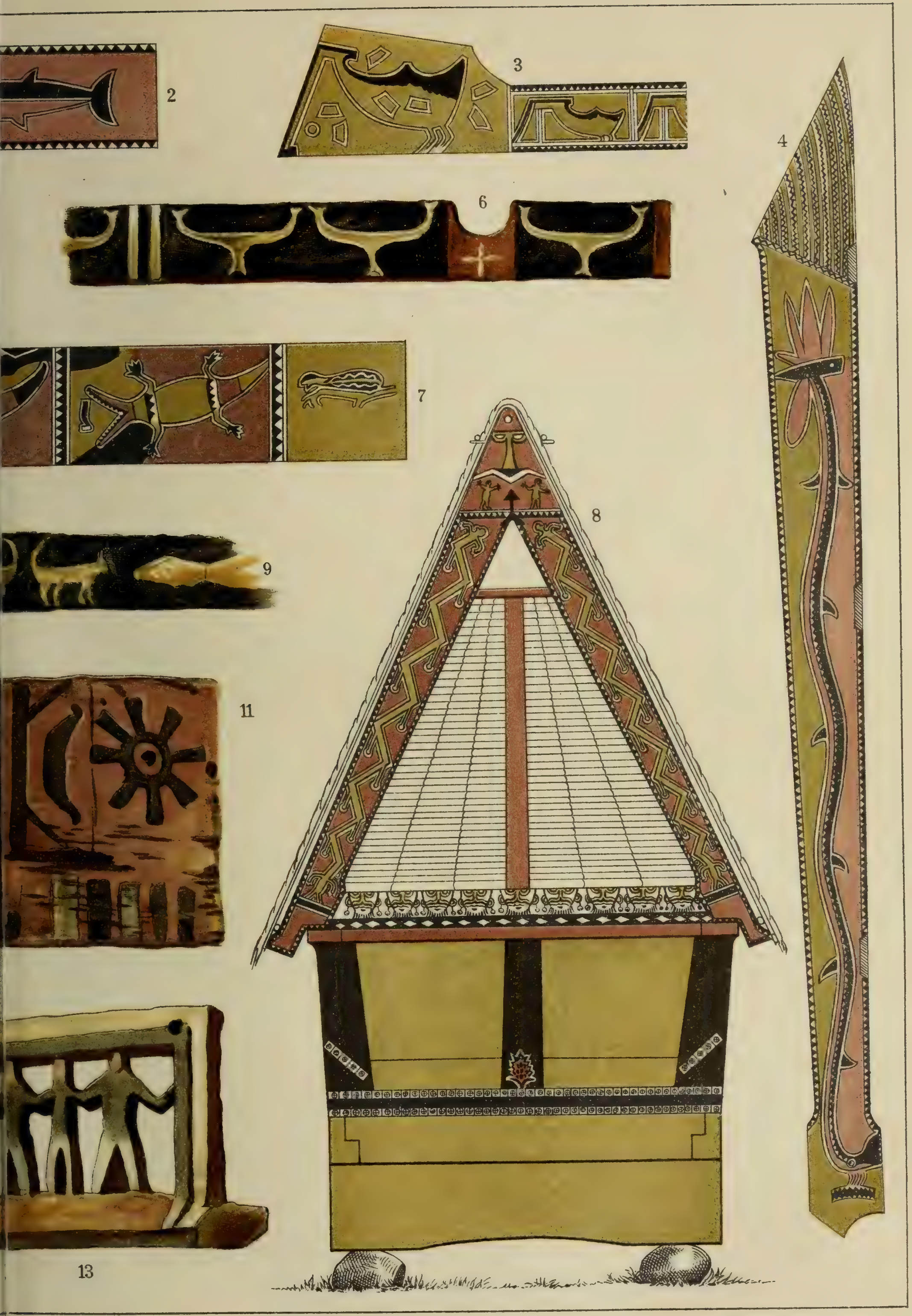
Несмотря на небольшую величину всѣхъ микронезійскихъ острововъ, населеніе ихъ достигло своеобразной и во многихъ отношеніяхъ болѣе высокой культуры, чѣмъ родственные ему народы на востокѣ и югѣ (см. приложенную хромолитографію „микронезійская рѣзьба“). Само собою, слишкомъ ограниченное пространство нѣкоторыхъ острововъ дѣлало невозможнымъ развитіе политико-историческое; событія нигдѣ не выходятъ за предѣлы обычныхъ распрей между отдѣльными государствами — деревнями, хотя, если дѣлать заключенія по древнимъ постройкамъ на островахъ Палаускихъ, Понапе и Маріанскихъ (стр. 301), условія для организованной политически дѣятельности должны были быть въ прежнія времена благопріятнѣе, чѣмъ въ наши дни. Имѣетъ ли упадокъ культуры на Палаускихъ и Каролинскихъ островахъ еще какія-либо другія причины, кромѣ обусловленныхъ узкостью пространства столкновеній интересовъ, остается для насъ покуда еще не разрѣшеннымъ.

Процессъ разложенія на Маріанскихъ островахъ, напротивъ того, можно точно прослѣдить. Всѣ отзывы относительно періода, предшествовавшаго началу испанскаго завоеванія и обращенія, рисуютъ съ самой лучшей стороны положеніе острововъ, высоту ихъ культуры и численность населенія. Гуамъ походилъ на сплошной огромный садъ и насчитывалъ въ 1668 году, при началѣ миссіи іезуитовъ, 180 прекрасныхъ деревень. Общее число хаморро, какъ испанцы называли коренное населеніе, опредѣляется различно: большею частью указываютъ на 200,000, а иногда даже на 600,000; ниже 40,000 не идетъ даже самое низкое опредѣленіе. Наряду съ земледѣліемъ, ушедшимъ значительно впередъ, несмотря на примитивность орудій, и культивирующимъ даже рисъ, мы сталкиваемся здѣсь съ прекрасно развитымъ мореплаваніемъ, гончарнымъ производствомъ, установленнымъ календаремъ и мн. др.

Все это въ самый короткій срокъ было уничтожено испанцами. По точному вычисленію, въ 1710 году — 42 года спустя послѣ прибытія іезуитскаго патера Санвитореса — оставалось еще 3539 хаморро; въ 1741 — всего 1816! Такое быстрое вымираніе было вызвано жестокою борьбою между обѣими партіями, начавшеюся, какъ только свободолюбивое на-

Рѣзьба ми

(Частью по Кубари: „Beiträge zur Kenntnis des Karolinen-Archipels“, частью



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

незійцевъ.

рисункамъ Л. Сютерлина съ оригиналовъ Берлинскаго музея народовѣдѣнія.)

Рѣзьба микронезійцевъ.

Фиг. 1. **Балка дома,** съ о-въ Пелау; на ней изображеніе арековой пальмы, по которой человѣкъ хотѣлъ взобраться на небо, но свалился.

(По Кубари.)

Фиг. 2. **Балка дома,** съ о-въ Пелау; на ней изображеніе человѣка между двумя рыбами (Belone; названіе вида не установлено). Ср. фиг. 10 на хромолитографіи „Рѣзьба меланезійцевъ“.

(По Кубари.)

Фиг. 3. **Часть балки дома,** съ о-въ Пелау; изображаетъ, по мнѣнію Кубари, миѳическую птицу Adalrok; съ монетами, вырытыми имъ въ Кеклау.

Фиг. 4. **Боковая балка съ фронтона,** съ о-въ Пелау; на ней изображеніе пѣтуха съ непомѣрно длинной шеей. Ср. фиг. 8 на этой таблицѣ.

(По Кубари.)

Фиг. 5. **Часть балки дома,** съ о-ва Япъ; на ней изображеніе ряда кашалотовъ (Physeter macrocephalus).

(Съ оригинала Берлинскаго Музея Народовѣдѣнія.)

Фиг. 6 и 9. **Части орнаментированной балки дома,** съ о-ва Япъ.

(Съ оригинала Берлинскаго Музея Народовѣдѣнія.)

Фиг. 7. **Балка дома,** съ о-въ Пелау; на ней изображеніе крокодила, котораго перехитрила обезьяна.

(По Кубари.)

Фиг. 8. **Фронтонъ дома,** называемаго **Aulonà,** на о-вахъ Пелау, служащаго для изолированія рожениць и другихъ подобныхъ цѣлей; на обѣихъ балкахъ фронтона по одному человѣку съ удлиненною верхнею частью туловища.

(По Кубари.)

Фиг. 10. **Рѣзьба съ фронтона дома** на о-вѣ Япъ.

(Съ оригинала Берлинскаго Музея Народовѣдѣнія.)

Фиг. 11. **Рѣзная внутренняя сторона планки** дома на о-вѣ Япъ; на ней изображеніе солнца (?), рыбъ, собакъ и т. д. Рисунокъ нужно, само собою, представить себѣ въ вертикальномъ положеніи.

(Съ оригинала Берлинскаго Музея Народовѣдѣнія.)

Фиг. 12 и 13. **Рѣзьба съ фронтона** домовъ на о-вѣ Япъ, Фиг. 12 изображаетъ женщину въ сидячемъ положеніи съ протянутыми руками и ногами, фиг. 13 — трехъ танцующихъ.

(Съ оригинала Берлинскаго Музея Народовѣдѣнія.)

селеніе убѣдилось, что обращеніе имѣетъ своею конечною цѣлью также и порабощеніе его подъ испанское иго; борьба прекратилась лишь въ 1699 г. Однако результатъ переписи 1741 г. заставилъ, наконецъ, испанцевъ убѣдиться въ обширности вызваннаго ими разрушенія. Чтобы сгладить результаты ужасающей смертности, они ввезли тагаловъ съ Филиппинскихъ острововъ. Съ этихъ поръ число жителей стало повышаться: въ 1783 г. оно равнялось 3231 души, въ 1803 — 4303, въ 1815 — 5406, а въ 1850 оно переходило за 9000 душъ. Въ 1856 году, однако, оспенная эпидемія снова сильно уменьшила число населенія. Лишь въ 1864 г. оно опять поднялось до 5610 душъ; въ настоящее время оно насчитываетъ приблизительно вдвое больше. Безпощадное истребленіе населенія является, пожалуй, еще не самымъ большимъ зломъ, причиняемымъ хаморро испанцами; гораздо худшимъ нужно считать уничтоженіе народности. Отъ прежней культуры съ ея постройками, съ ея мореплаваніемъ, земледѣліемъ, ея техникой, въ настоящее время осталось столь же мало слѣдовъ, какъ и отъ прежняго сильнаго и гордаго облика самого населенія. Любовь къ свободѣ уступила мѣсто въ нынѣшнемъ жалкомъ смѣшанномъ народѣ тупому равнодушію, прилежаніе смѣнилось лѣностью, а полное свѣжести язычество — неосмысленнымъ исполненіемъ христіанскихъ обрядностей. Послѣ тасманійцевъ ни одинъ народъ Южнаго моря не испыталъ на себѣ въ такой мѣрѣ проклятіе отъ прикосновенія съ европейцами, какъ хаморро.

Г. **Исторія полинезійцевъ.**

Представить исторію полинезійцевъ затруднительно въ томъ отношеніи, что каждая отдѣльная группа имѣетъ свою собственную исторію; связь съ сосѣдними архипелагами является только какъ исключеніе. Это обстоятельство обусловливаетъ собою необходимость разсмотрѣть отдѣльно, по крайней мѣрѣ, самыя большія и важныя группы, хотя нѣкоторыя главныя черты повторяются здѣсь съ извѣстной правильностью. Такъ какъ это явленіе проявляется еще рѣзче на меньшихъ архипелагахъ, отступающихъ и по своему значенію и по густотѣ населенія на задній планъ, то мы должны отказаться отъ подробнаго ихъ описанія, а относительно нѣкоторыхъ интересныхъ чертъ, которыя они могли бы тѣмъ не менѣе представить, мы отсылаемъ читателя къ главѣ о христіанской миссіи (стр. 333).

а) Восточная Полинезія.

Среди группъ полинезійскаго островного міра острова Гервей, Тубуаи, Товарищества, Паумоту и Маркизскіе выдѣляются въ особую отдѣльно стоящую группу (см. карту при стр. 223). Эта чисто внѣшняя связь хотя и не имѣетъ геологической подкладки, но оправдываетъ соединеніе этихъ архипелаговъ подъ однимъ общимъ опредѣленіемъ Восточной Полинезіи, хотя сношенія между этими группами относятся, главнымъ образомъ, къ періоду, предшествовавшему ихъ исторіи, или же къ ея раннему періоду.

α) Таити.

Главная часть исторіи восточной Полинезіи, какъ собственной, такъ и колоніальной, падаетъ на двойной островъ Таити (Отаити); онъ представляетъ единственный очагъ самобытнаго развитія и является въ то же время естественнымъ исходнымъ пунктомъ и центромъ восточно-полинезійскаго колоніальнаго французскаго государства. Когда Самуилъ Уоллисъ окончательно открылъ 19 іюня 1767 г. островъ, онъ засталъ на немъ три государства, которыя яростно боролись за свое преобладаніе. 1 января 1775 г.

испанцы завладѣли островомъ, но, по смерти капитана своего фрегата Domingo de Bonechea (26 января), оставили его снова. Въ 1789 г. на Таити высадились мятежники съ Боунти (стр. 251); нѣкоторые изъ нихъ предпочли остаться на островѣ, стали на сторону властителя Оту или Помаре, какъ онъ любилъ себя называть, и дали ему этимъ возможность распространить свое господство также и на другіе острова архипелага. 7 марта 1797 г. здѣсь высадились первые англійскіе миссіонеры, которымъ пришлось вскорѣ играть большую роль также и въ политической жизни Таити. Въ 1802 г. Помаре похитилъ священное изображеніе Оро (Ороххо) изъ Мараэ (Мораи) въ Атахуру, изъ-за обладанія которымъ происходила жестокая борьба. Но въ концѣ концовъ ему пришлось возвратить идола; самъ онъ внезапно умеръ 3 сентября 1803 г., а сынъ его Помаре II, родившійся въ 1780 г., долженъ былъ бѣжать. Онъ поселился на Муреа (Эймео), главномъ мѣстопребываніи христіанской миссіи. Съ нѣкоторымъ числомъ христіанъ онъ переправился въ іюлѣ 1807 г. на Таити, напалъ на своихъ враговъ и учинилъ надъ ними такую отвратительную кровавую расправу, что весь островъ поднялся противъ него и миссіонеровъ и выгналъ ихъ обратно на Гуагине и Муреа. Но въ битвѣ при Наріи (12 ноября 1815 г.) Помаре II, перешедшій 12 іюля 1812 г. въ христіанство, окончательно разбилъ своихъ враговъ; этимъ было положено начало христіанству и на остальныхъ островахъ архипелага. Помаре сломилъ власть аристократіи и издалъ для острововъ въ концѣ 1818 г. новый, писаный законъ. Онъ умеръ 30 ноября 1821 г.

11 января 1827 г. смерть постигла и несовершеннолѣтняго сына Помаре II. На престолъ вступила подъ именемъ Помаре IV (или Помаре Вахине I) шестнадцатилѣтняя сестра его Аимата, тогда какъ тетка ея Аріипая, согласно обычаю, назначена была „регентшей“.

Правленіе Аиматы было преисполнено несчастій, посыпавшихся вскорѣ на Таити и закончившихся потерею самостоятельности. Начало этому было положено предпринятой въ ноябрѣ 1836 г. съ о. Гамбиръ попыткой католической церкви стать твердою ногою на островѣ. На основаніи изданнаго британскими провозвѣстниками вѣры закона, французскимъ миссіонерамъ было запрещено высаживаться на островѣ; эти послѣдніе обратились за поддержкой къ Франціи. 27 августа 1838 г. капитанъ Abel Dupetit-Thouars появился съ своимъ фрегатомъ „Венера“ у Пепите, требуя удовлетворенія, состоявшаго въ томъ, что королева должна была написать бумагу, въ которой приносила свое извиненіе, и уплатить 2000 испанскихъ піастровъ; королева принуждена была согласиться. Въ апрѣлѣ 1839 г. капитанъ C. P. Th. Laplace потребовалъ полнаго уравненія правъ католической церкви съ протестантской и мѣста для построенія церкви. А въ сентябрѣ 1842 г. возвратившійся Dupetit Thouars предъявилъ правленію снова свои чрезмѣрныя „желанія“; когда же онѣ не могли быть удовлетворены, онъ, несмотря на протестъ королевы и англійскихъ миссіонеровъ, объявилъ страну подъ французскимъ протекторатомъ. Въ 1843 г., когда народное собраніе таитянъ, полагаясь на поддержку англійскаго капитана Nicholas, объявило себя на сторонѣ Англіи и Помаре IV, Dupetit-Thouars 6 ноября свергнулъ королеву съ престола; англійскаго же консула Pritchard'а, въ домъ котораго королева бѣжала, онъ заключилъ въ тюрьму. Буря негодованія (Пиль), которую все это вызвало въ Англіи, принудила Францію въ 1844 г. возвратить престолъ королевѣ Помаре IV; однако, протекторатъ надъ островомъ былъ ею удержанъ за собою. Но только послѣ трехлѣтней войны, которая велась съ обѣихъ сторонъ съ большимъ ожесточеніемъ, таитяне 6 февраля 1847 г. окончательно подчинились, и королева возвратилась изъ Эймео на Пепите.

17 сентября 1877 г., послѣ пятидесятилѣтняго царствованія, Помаре IV умерла. Сынъ ея Помаре V уступилъ 19 іюня 1880 г. Франціи за пожизненную пенсію въ 25,000 франковъ все свое призрачное величіе и умеръ въ 1891 г.

Для сохраненія народности туземцевъ политическое ихъ развитіе ни въ какомъ отношеніи не было благопріятно. Во времена Кука число ихъ опредѣлялось въ 120,000, и если оно даже слишкомъ преувеличено, то во всякомъ случаѣ оно указываетъ на необыкновенную густоту населенія; еще въ 1892 г. оно насчитывало свыше 10,000 душъ. Занесенныя болѣзни, развратъ и пьянство заставили таитянъ горько почувствовать „блага“ цивилизаціи.

β) Остальные архипелаги.

Не лишена человѣческаго, политическаго и религіознаго интереса также исторія и другихъ группирующихся вокругъ Таити архипелаговъ,— острововъ Товарищества, Паумоту (Туамоту), Маркизскихъ и Тубуаи (Австралійскіе). Картина, развертывавшаяся передъ изслѣдователями, была повсюду одна и та же: борьба и распри господствовали, ограничиваясь большею частью отдѣльными островами или группами. Воинственные жители одного изъ острововъ Паумоту, Анаа, еще въ началѣ XIX вѣка предпринимали даже смѣлые набѣги на другіе острова, опустошали ихъ и увозили туземцевъ, какъ своихъ плѣнниковъ, пока Таити не положило этому конецъ.

Начало сношеніямъ между туземцами и европейцами положили здѣсь повсюду миссіонеры. Если бы дѣло ограничилось только введеніемъ одного вѣроисповѣданія! Но за протестантскими миссіонерами на всѣхъ группахъ появились вскорѣ католическіе подъ защитой Франціи и какъ неизбѣжное послѣдствіе этого—стремленіе съ протестантской стороны отразить это вторженіе, съ католическо-французской—стать твердой ногою не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Страдающей стороной, какъ всегда, явился при этомъ туземецъ; чего изъ заразительныхъ болѣзней не успѣлъ занести торговый людъ, то дополнялось экипажемъ военныхъ судовъ. Теперь надъ всѣмъ этимъ громаднымъ скопищемъ острововъ развѣвается французскій трехцвѣтный флагъ. Точно также и римской пропагандѣ удалось, хотя далеко не въ той мѣрѣ, въ какой ей это было желательно, сломить единовластіе протестантизма. Сама же европейская цивилизація въ концѣ концовъ привела къ вымиранію туземцевъ, и на мѣсто, хотя и богатой неприглядными сторонами, но все же свѣжей и самобытной народности, создала каррикатуру.

γ) Рапануи (о. Пасхи).

Те Пито те Генуа, какъ называютъ самый отдаленный островъ обширнаго островного міра туземцы, или Рапануи, какъ называютъ его остальные полинезійцы, является со своими 118 клм. однимъ изъ самыхъ малыхъ изъ высокихъ острововъ Тихаго океана. Тѣмъ не менѣе онъ привлекаетъ къ себѣ взоры, благодаря одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ народовѣдѣнія и, слѣдовательно, исторіи человѣчества. Если вообще существуетъ связь между полинезійцами и американцами, то въ Рапануи нужно видѣть самое восточное ея звено (см. карту при стр. 223). Между тѣмъ, въ этнографіи острова Пасхи, достаточно извѣстнаго европейцамъ, мы не находимъ никакихъ указаній въ пользу такой связи. Таитянинъ Салмонъ, свидѣтель нѣмецкой экспедиціи „Гіена“ въ 1882 г., подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Гейзелера, и американской экспедиціи „Могиканъ“ въ 1886 г. передаетъ, положимъ, одинъ разсказъ туземцевъ Рапануи, гдѣ говорится, что они, принесенные пассатомъ, явились съ одного изъ Галапагосскихъ острововъ и высадились близъ Анакена на сѣверѣ острова; онъ, однако, не скрываетъ, что это преданіе противорѣчитъ мнѣнію другихъ туземцевъ, считающихъ, что они переселились съ запада.

Характеръ построекъ Рапануи также будто бы напоминалъ средне- и южноамериканскія постройки; однако, простыя хижины островитянъ Пасхи едва ли можно сравнивать съ грандіозными американскими постройками (см. приложенія при стр. 266 и 315 въ I томѣ). Сооруженіе же знаменитой статуи изъ лавы („Ханга“), почти въ 5 метровъ высоты, относится къ сравнительно недавнимъ временамъ, когда ни о какой связи съ Америкой не могло быть и рѣчи; кромѣ того, работы такихъ же размѣровъ, если и не совсѣмъ того же характера, не составляютъ и у другихъ океанійцевъ чего-нибудь необыкновеннаго, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ прежнимъ временамъ.

Тѣмъ богаче зато современныя сношенія между Рапануи и Америкой. Соприкосновеніе съ бѣлыми приносило, положимъ, до сихъ поръ островитянамъ только несчастье и гибель. „Культурная миссія“ начинается появленіемъ голландца Якова Roggeveen'а 6 апрѣля 1722 г., начавшаго стрѣлять въ туземцевъ безъ всякой видимой причины. Онъ засталъ въ то время островъ въ цвѣтущемъ состояніи и богато населеннымъ,—качества, которыя теперь давно уже обратились въ нѣчто совершенно противоположное: можетъ быть, туземцы были первоначально слишкомъ дружелюбны и услужливы по отношенію къ бѣлымъ. Въ 1805 г. на Рапануи прибыло судно „Нанси“ изъ Нью-Лондона, занимавшееся ловлею тюленей на Масъ-а-фуера (къ юго-востоку отъ Жуанъ-Фернандеса) и похитило послѣ жестокой стычки съ туземцами двѣнадцать мужчинъ и десять женщинъ. Когда черезъ три дня въ открытомъ морѣ съ плѣнниковъ сняли оковы, мужчины тотчасъ-же бросились за бортъ, чтобы вплавь достигнуть родины; женщины же были привезены на Масъ-а-фуера. И впослѣдствіи „Нанси“, какъ говорятъ, неоднократно дѣлало свои разбойничьи набѣги. Еще позже американское судно „Пиндосъ“ похитило столько дѣвушекъ, сколько на немъ было мужчинъ, а на слѣдующее утро для одного только препровожденія времени стрѣляло въ собравшихся на берегу туземцевъ. Но періодъ настоящихъ страданій начался только съ 1863 г. Къ этому времени перуанскіе торговцы людьми устроили на Рапануи свой складъ, чтобы набрать съ окружающихъ архипелаговъ рабочихъ для разработки перуанскаго гуано; при этомъ они захватили и большую часть населенія Рапануи. Большинство его было, положимъ, по настоянію французскаго правительства, снова возвращено; но къ несчастью, вмѣстѣ съ возвращенными была занесена оспа, которая произвела большія опустошенія. Въ 1866 г. начали свою дѣятельность католическіе миссіонеры, но уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ они оставили островъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ обращенныхъ и отправились на Мангареву. Послѣднее опустошеніе среди населенія произведено было, наконецъ, одной таитянской фирмой увозомъ 400 островитянъ съ о. Пасхи на Таити и Эймео, гдѣ ихъ заставили работать на плантаціяхъ.

Такому многократному и обильному кровопусканію населеніе не могло противостоять. Насчитывавшее по опредѣленію Кука 700 душъ, по опредѣленію болѣе позднихъ путешественниковъ—1500, и достигавшее въ 1860 г. даже цифры 3000, оно сократилось въ настоящее время до 150 душъ; полное ихъ исчезновеніе въ массѣ наводнившихъ островъ таитянъ, чилійцевъ и т. д. является только вопросомъ времени. Съ 1888 года Рапануи служитъ для Чили исправительной колоніей для преступниковъ

д) Питкернъ.

Исторія одиноко лежащаго далеко на юго-востокѣ Паумоту Питкерна въ предѣлахъ времени, доступнаго нашему обозрѣнію, выходитъ изъ рамокъ исторіи туземцевъ: носителями ея являются въ главныхъ ея чертахъ европейскіе переселенцы. Питкернъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ острововъ,

которые были найдены открывшими ихъ впервые путешественниками совершенно безлюдными, хотя многочисленные памятники въ видѣ каменныхъ изображеній, развалинъ мараэ, каменныхъ топоровъ и могилъ съ костяками свидѣтельствуютъ о томъ, что островъ былъ нѣкогда заселенъ.

Новѣйшая исторія острова начинается мятежемъ экипажа „Боунти“ противъ капитана Блига (Bligh) въ 1789 г. (стр. 251). Въ то время, какъ этотъ послѣдній со своими 18 спутниками въ небольшой лодкѣ направлялся къ Батавіи, 24 мятежника отправились сначала на Таити; здѣсь часть изъ нихъ осталась (стр. 308), восемь же человѣкъ подъ предводительствомъ младшаго рулевого Христіана въ сопровожденіи 6 таитянъ и 12 таитянскихъ женщинъ, въ январѣ 1790 г. отправились дальше къ незаселенному острову Питкерну. Чтобы воспрепятствовать своимъ спутникамъ бросить островъ, Христіанъ сжегъ „Боунти“, который со своими высокими мачтами могъ бы выдать мѣстопребываніе бѣглецовъ. Началомъ исторіи этой маленькой общины было недовольство и распри; мужчины погибли въ борьбѣ, и въ 1801 году единственнымъ мужчиной на островѣ наряду съ нѣсколькими женщинами и двадцатью дѣтьми былъ Джонъ Адамсъ (прежде Алекс. Смисъ; умеръ въ мартѣ 1829 г.).

Все пережитое открыло глаза Адамсу на тѣ опасности, которыя угрожали его маленькому государству, и онъ рѣшилъ пойти другимъ путемъ. Благодаря его заботѣ о воспитаніи подрастающаго поколѣнія образовалось племя, которое, говоря языкомъ Мейнике, соединивъ въ себѣ наряду съ преимуществами полинезійцевъ и многое хорошее отъ европейцевъ, своею привѣтливостью и чистотою нравовъ сумѣло снискать себѣ въ высокой степени любовь Англіи; тѣмъ болѣе, что эти колонисты считаютъ себя англичанами и говорятъ на англійскомъ языкѣ такъ же хорошо, какъ и на таитянскомъ. Англія отплачивала этому народцу заботою о его благополучіи. Когда изъ-за недостатка воды на островѣ размножившіеся островитяне стали терпѣть нужду, она перевела въ 1831 г. населеніе, состоявшее къ тому времени изъ 87 душъ, на Таити; но большинство черезъ нѣкоторое время возвратилось на Питкернъ. Въ 1856 г., когда вслѣдствіе уравновь населеніе, снова быстро разросшееся, съ трудомъ находило пропитаніе, 187 человѣкъ изъ 194 поселенцевъ было перевезено на безлюдный въ то время островъ Норфолькъ (стр. 246). Большинство пустило тамъ корни и отлично преуспѣвало: въ 1871 г. число населенія возрасло до 340 душъ; въ 1891 г. оно насчитывало 738 душъ, а по послѣднимъ свѣдѣніямъ оно достигало уже 900. Нѣкоторые изъ переселенцевъ, впрочемъ, и на этотъ разъ не могли ужиться на чужбинѣ, — они возвратились въ Питкернъ, гдѣ число ихъ въ 1879 г. снова возрасло до 79 душъ [1]. Вопреки тревожнымъ извѣстіямъ, проникнувшимъ въ 1896 г. въ нѣмецкую прессу о томъ, что Питкернъ не можетъ больше прокармливать свое населеніе, жители его и понынѣ благоденствуютъ.

b) Гавайи.

a) Языческій періодъ.

Исторія Гавайскихъ острововъ начинается для насъ открытіемъ ихъ Джемсомъ Кукомъ; все, что совершалось на нихъ раньше, носитъ характеръ преданій. Она насчитываетъ 67 предковъ Камеамеа I, т. е. относитъ начало заселеній Гавайскихъ острововъ ко времени, которое соотвѣтствовало бы приблизительно шестому вѣку по Р. Х. Дѣйствительно, человѣческія кости найдены были среди древнихъ слоевъ коралловъ и лавы; само собою, что при подобныхъ опредѣленіяхъ времени приходится считаться съ большими ошибками. Гораздо важнѣе вопросъ о происхожденіи

[1] 1790 : 27; 1800 : 30; 1825 : 66; 1831 : 87; 1837 : 92; 1841 : 114; 1856 : 194; 1897 : 79.

гавайцевъ, который, въ видѣ исключенія, поддается на этотъ разъ рѣшенію. Значительная часть преданій указываетъ на Савайи, самоанскій островъ, какъ на главную область эмиграціи (ср. стр. 299), чѣмъ не исключается возможность переселенія также изъ другихъ островныхъ группъ Полинезіи. Одинаковыя географическія названія на Гавайи и Самоа, говорятъ въ пользу этой послѣдней.

Судя по частному упоминанію Таити и Маркизскихъ острововъ, главный путь гавайцевъ долженъ былъ лежать черезъ эти острова.

А. Форнандеръ приходитъ къ заключенію, что 20 поколѣній спустя послѣ перваго переселенія, слѣдовательно около XI вѣка, къ гавайскимъ островамъ прихлынула новая народная волна, вызванная общимъ движеніемъ народовъ островныхъ государствъ Южнаго моря, которое съ своей стороны сводится къ изгнанію полинезійскихъ пришельцевъ съ острововъ Фиджи. Къ этому времени относятся по преданію путешествія знаменитыхъ вождей и жрецовъ къ отдаленнымъ островамъ, выполненіе которыхъ было возможно благодаря бо̀льшему духу предпріимчивости прежнихъ поколѣній и болѣе высокому развитію искусства мореплаванія. Этотъ первый и единственный морской походъ уступаетъ вновь мѣсто періоду замкнутости, продолжающемуся по меньшей мѣрѣ вплоть до XVI столѣтія, но по всей вѣроятности даже до появленія Джемса Кука. За этотъ долгій періодъ выработалась гавайская народность со всѣми ея особенностями; тогда же образовались и всѣ многочисленныя государства и поселенія, постоянно враждовавшія между собою. Особеннаго разгара достигла борьба въ XIV вѣкѣ, когда король Калаунуйогуа вздумалъ въ первый разъ соединить подъ своимъ скипетромъ всѣ острова. Первыя соприкосновенія съ европейцами относятся, по Джемсу И. Ярвесу (Iarves) и Реми, къ XVI столѣтію: въ 1527 г. одинъ изъ трехъ кораблей дона Альварадо де Сааведра потерпѣлъ крушеніе у скалистыхъ береговъ Южной Коны, а въ 1555 г. испанскій мореплаватель Жуанъ Гаетано открылъ Гавайскіе острова. Ни на внѣшнюю, ни на внутреннюю исторію архипелага оба эти обстоятельства, если они въ дѣйствительности имѣли мѣсто (см. фиг. 3a и 3b на таблицѣ при стр. 326), никакого вліянія не оказали.

Джемсъ Кукъ при своей высадкѣ (1778) засталъ три государства: Гавайи и Мауи, имѣвшія оба одного властителя (Тарайопу, Терріобу), т. к. властитель Гавайи женился на овдовѣвшей королевѣ Мауи,—и третье государство Оагу, къ которому принадлежали Кауаи и Нiигау. Не только Оагу и Гавайи враждовали между собою, но всѣ эти государства страдали также и отъ внутреннихъ распрей. Внести порядокъ въ эту неурядицу было суждено лишь Камеамеа I (Тамеа-меа; 1789 — 1819), человѣку не только богатому внѣшними успѣхами болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ полинезійскихъ властителей, но и по духовнымъ своимъ качествамъ далеко выдающемуся надъ уровнемъ своей расы. Уже молодымъ человѣкомъ, онъ выказалъ военныя дарованія, и пророческіе пѣвцы его народа уже тогда воспѣвали его какъ будущаго властителя, который соединитъ всѣхъ подъ своимъ владычествомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ насильственной смерти Кука (14 февраля 1779 г.) онъ началъ приводить въ исполненіе свои смѣлые замыслы, сначала на Гавайи, а послѣ покоренія этого острова также на Мауи (1781) и другихъ островахъ. Отчасти благодаря своей личной храбрости, отчасти благодаря войску, обученному приглашенными для этой цѣли европейцами (въ 1804 г. къ войску присоединился даже флотъ изъ 21 судна), Камеамеа I достигъ своей цѣли еще до 1795 г.: по взятіи укрѣпленія „Пали“ на Оагу, куда Камеамеа, какъ говорятъ, переправился съ 16,000 человѣкъ, онъ заставилъ объявить себя единымъ властителемъ Гавайскихъ острововъ. Два самые сѣверо-западные острова, Кауаи и Нiигау, подчинились послѣ этого добровольно.

Подобно зулусскому властителю Чака и предводителю ваньямвези

Мирамбо (т. III, стр. 424), и Камеамеа сравнивали съ великими властителями культурной области Средиземнаго моря: Тернбуль ставитъ его наряду съ Филиппомъ Македонскимъ, а Ярвесъ называетъ его Наполеономъ Южнаго моря; другіе же сравнивали его съ Петромъ Великимъ. Это была, повидимому, мощная личность. Такой человѣкъ, какъ Адальбертъ Шамиссо, гордился, что, кромѣ генерала Маркиза Лафайета и сэра Іосифа Банкса, пришлось пожать руку также и великому гавайцу. Камеамеа I былъ великъ, какъ говоритъ Теодоръ Вайтцъ, не только силою своего ума, но еще болѣе силою и чистотою своей воли. Если присоединить къ этому еще его внушающую уваженіе наружность, то безграничное вліяніе, которымъ пользовался Камеамеа, станетъ совершенно понятнымъ.

Правленіе Камеамеа, послѣ объединенія государства, протекло мирно. Для гавайцевъ оно явилось временемъ переворотовъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни; наименѣе другихъ — въ соціальной. Въ отношеніяхъ отдѣльныхъ классовъ населенія другъ къ другу и къ государю Камеамеа ничего не измѣнилъ; низшій классъ по-прежнему оставался въ строгой зависимости и подчиненности, а ничтожное уже до него могущество аристократіи онъ подавилъ еще болѣе. Новымъ явился внѣшній блескъ, достигнутый политическимъ объединеніемъ, благодаря которому Гавайи достигли могущества, совершенно необычайнаго въ Тихомъ океанѣ. Это обстоятельство привлекло уже въ довольно ранній для океаніи періодъ вниманіе европейскихъ державъ и сѣверной Америки къ ея сѣверу, что доказываютъ многочисленныя британскія, русскія, американскія и французскія экспедиціи.

Большое значеніе для будущности гавайскаго народа имѣли измѣненія въ области культурной и экономической.

Хотя „европеизація“ по внѣшности коснулась только высшихъ слоевъ народа, тогда какъ большая масса продолжала пребывать въ прежней полинезійской полукультурѣ, тѣмъ не менѣе она съ теченіемъ времени не могла не оказать общаго вліянія и на всю массу населенія. Что она выразится въ полномъ разложеніи прежней народности, Камеамеа и не подозрѣвалъ и не желалъ этого. Этому разложенію способствовало преимущественно привлеченіе европейской культуры, которая проникла во всѣ главнѣйшія явленія государственной жизни и вызвала торговыми предпріятіями по ту сторону океана и таможенной политикой временный экономическій расцвѣтъ, но которая въ то же время, придя въ близкое соприкосновеніе съ туземцами, не могла не пошатнуть основъ народности — религію.

β) Христіанскій періодъ до конца царствованія Камеамеевъ.

До тѣхъ поръ, покуда Камеамеа держалъ въ своей твердой рукѣ бразды правленія, религія оставалась неприкосновенной. Самъ Камеамеа былъ всю свою жизнь рѣшительнымъ сторонникомъ язычества; только строгая приверженность къ ученію предковъ могла въ тѣ времена общаго броженія поддержать уваженіе народа къ личности и власти уподоблявшагося богу короля.

Съ его смертью, послѣдовавшею 8 мая 1819 года, дѣло измѣнилось. Его сынъ Ліоліо (Ріо—Ріо), вступившій на престолъ подъ именемъ Камеамеа II, тотчасъ же сдѣлался игрушкою въ рукахъ своихъ придворныхъ, особенно же своей соправительницы Каауману (Каумонна), любимой жены умершаго короля, и бывшаго долгіе годы его совѣтникомъ Калеймоку (Каремаку), — „Питта Южнаго моря“. По ихъ совѣту король отмѣнилъ древнее священное табу, заставивъ женщинъ принять участіе въ большомъ публичномъ пиршествѣ и ѣсть запрещенное имъ свиное мясо. Большая часть народа радостно привѣтствовала этотъ шагъ. Вѣрное язы-

честву меньшинство, во главѣ котораго сталъ Кекуаокалани, двоюродный братъ короля, было побѣждено въ кровавой битвѣ при Куамоо; рядомъ съ Кекуаокалани пала его мужественная жена Манона.

Послѣ этого событія съ новымъ рвеніемъ принялись за уже раньше начатое разрушеніе древнихъ храмовъ и изображеній; но язычество продолжало имѣть еще тайныхъ почитателей. Гораздо хуже было то, что реформы были проведены только наполовину; у гавайцевъ было отнято язычество, но взамѣнъ не было дано ничего существеннаго.

Посѣщеніе европейскихъ и американскихъ флотилій навело короля на мысль искать союза съ Англіей, тѣмъ болѣе, что и Россія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки сдѣлали уже попытку утвердиться на архипелагѣ; еще Камеамеа I, думая союзомъ съ великой державой усилить свое значеніе въ государствѣ, уступилъ его въ 1794 г. Англіи, у которой не встрѣтилъ тогда, однако, большого сочувствія. Въ 1823 г. Ліоліо и его супруга Камамоло отправились въ Лондонъ, чтобы предупредить поползновенія другихъ державъ. Оба они умерли въ 1824 г. въ Англіи, но были погребены на родинѣ.

Преемнику Ліоліо, брату его Кеаукеауоули (Кауікеоули, Кіукіули) было только девять лѣтъ, когда его возвели на тронъ подъ именемъ Камеамеа III. До его совершеннолѣтія регентство было въ рукахъ Кааუману и стараго испытаннаго Калеймоку. Обоимъ имъ предстояло въ ближайшіе года немало работы. Хотя съ 1820 года въ странѣ большимъ успѣхомъ пользовались протестантскіе миссіонеры; но все, чего они успѣвали добиться, парализовалось нароставшимъ съ каждымъ годомъ слоемъ нравственно и физически испорченныхъ бѣлыхъ переселенцевъ. Пьянство и проституція настолько развились, что только путемъ законодательства можно было надѣяться улучшить положеніе вещей. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ и на Гавайи началось соперничество христіанскихъ миссіонеровъ. Протестантскіе миссіонеры находились подъ покровительствомъ американцевъ; католическіе же стали твердою ногою только послѣ многократныхъ угрозъ со стороны французскихъ военныхъ судовъ подъ начальствомъ Dupetit-Thouars (стр. 308). Въ 1837 году французы заставили Гавайи объявить общую свободу вѣроисповѣданія, чѣмъ положенъ конецъ часто жестокому преслѣдованію католическихъ христіанъ.

Осмотрительный Калеймоку умеръ уже въ 1827 г.; въ 1832 г. за нимъ послѣдовала дѣятельная регентша Кааумaну. Годъ спустя, въ 1833 г., Камеамеа III объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, избравъ одновременно съ этимъ другую женщину, Кинау, своею соправительницею, а сына ея Александра наслѣдникомъ престола. Въ 1834 г. явились первыя газеты на гавайскомъ языкѣ; всевозможныя церкви и школы учреждались въ большомъ числѣ. Одновременно съ этимъ англичане развели первыя сахарныя плантаціи и ввели шелководство; позже сюда присоединилось еще, какъ новая отрасль промышленности, воздѣлываніе хлопчатника. Въ октябрѣ 1840 года Гавайи получили свою первую конституцію. Она была выработана американцемъ Ричардсомъ (Richards) и представляла, по выраженію Карла Эмиля Юнга, странную смѣсь древняго феодализма и англо-американскихъ формъ. Министерство почти цѣликомъ состояло изъ чужестранцевъ. Ричардсъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія; Вили (Wylie), шотландскій врачъ,—министромъ иностранныхъ дѣлъ. Финансами съ 1842 г. управлялъ Dr. med. Юддъ (Judd); при немъ государственные доходы съ 41,000 долларовъ въ 1842 г. повысились до 284,000 долларовъ въ 1852 году.

Несмотря на свободу вѣроисповѣданій, распри между протестантскимъ и католическимъ духовенствомъ и послѣ 1837 г. не прекращались. Французскій консулъ пользовался часто этимъ обстоятельствомъ, чтобы оказывать на гавайское правительство давленіе въ пользу католической миссіи.

Въ то же время и поступки англійскаго консула указывали, повидимому, на желаніе Великобританіи присоединить острова. Это заставило правительство потребовать гарантіи независимости королевства отъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (въ декабрѣ 1842 г.), Франціи (въ началѣ 1843 г.) и Англіи (26 іюля 1843 г.); самовольное присоединеніе королевства Лордомъ Паулетомъ, командиромъ фрегата „Earys", 25 февраля 1843 г., не было признано въ Лондонѣ.

Конституція 1840 года подверглась измѣненію въ 1852, 1864 и 6 іюля 1887 г., каждый пересмотръ приближалъ ее къ принятымъ въ Европѣ конституціоннымъ формамъ, особенно послѣ того, какъ въ 1864 г. было отмѣнено уложеніе, введенное Куина нуи, второй регентшей. Наряду съ властителемъ былъ учрежденъ Тайный Совѣтъ, состоявшій изъ министровъ и извѣстнаго числа назначенныхъ королемъ членовъ. Кабинетъ состоялъ сначала изъ пяти, впослѣдствіи изъ четырехъ членовъ, парламентъ — изъ верхней палаты и палаты депутатовъ. Всѣ важныя должности замѣщались по-прежнему чужестранцами.

Камеамеа III умеръ въ декабрѣ 1854 г. Его 20-ти лѣтній преемникъ Александръ Ліоліо (Камеамеа IV, женатый на королевѣ Эммѣ) поспѣшилъ стать въ лучшія отношенія къ Франціи, которая, несмотря на гарантированную независимость королевства, продолжала тѣснить и не разъ глубоко унижала его. Въ 1858 году между обоими государствами былъ заключенъ окончательный миръ. По смерти Камеамеа IV въ 1863 г., ему наслѣдовалъ его старшій братъ, напоминавшій немного Камеамеа I. Первымъ дѣломъ Камеамеа V было измѣненіе конституціи въ 1864 г. Въ слѣдующемъ году, для борьбы съ постояннымъ уменьшеніемъ народонаселенія, было учреждено переселенческое бюро; сначала въ страну было привлечено 500 китайцевъ; за ними въ 1868 году послѣдовали первые японцы. Наконецъ, были также приняты мѣры для борьбы съ проказою, занесенною въ 1853 г. изъ Китая и принявшею устрашающіе размѣры. Въ 1872 г. умеръ внезапно Камеамеа V, — послѣдній въ родѣ.

γ) Послѣдній періодъ государственной самостоятельности Гавайи.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жезлъ правленія былъ въ рукахъ Луналило, родственника Камеамеевъ. По смерти его, послѣдовавшей уже 3 февраля 1874 г., королемъ былъ избранъ родившійся въ Гонолулу 16 ноября 1836 г. полковникъ Давидъ Калакауа, — дальновидный правитель, несмотря на свой веселый нравъ. Уже въ 1875 г. онъ заключилъ съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки торговый договоръ, которымъ его государству предоставлялись самыя обширныя льготы и который значительно поднялъ благосостояніе архипелага. Производство сахару и рису, двухъ главныхъ предметовъ вывоза, значительно увеличилось, какъ и вообще весь ввозъ и вывозъ. Этотъ экономическій подъемъ коснулся однако, однихъ только бѣлыхъ. Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ принуждалъ все снова прибѣгать къ доставкѣ чужихъ элементовъ; въ 1877 г. въ странѣ появились первые португальцы, прибывшіе съ Азорскихъ острововъ (въ 1884 г. ихъ было уже около 10,000); наряду съ ними страну все больше заполняли китайцы и японцы (въ 1890 г. насчитывали первыхъ — 15,301, вторыхъ — 17,360). Численное отношеніе этихъ монголовъ къ мѣстному населенію значительно ухудшилось къ началу XX столѣтія. Завоеваніе Тихаго океана желтой расой нашло въ Гавайи свою лучшую точку опоры.

Параллельно съ этнографической монголизаціей Гавайи въ царствованіе Калакауа (1874—91) идетъ экономическая и политическая американизація. Еще зимою 1873—74 г. Луналило предложилъ американцамъ въ отплату за торговыя льготы гавань Тирль близъ Гонолулу.

Когда въ 1875 г. договоръ нужно было возобновить, Соединенные Штаты Сѣверной Америки потребовали, чтобы это мѣсто было навсегда оставлено за ними; кромѣ того, Гавайи должны были обязаться безъ ихъ разрѣшенія не заключать договоровъ ни съ какой другой державой; для себя же они выговаривали право высаживать во всякое время на Гавайи свои войска. Благодаря вліянію англійскихъ поселенцевъ, Калакауа не далъ своего согласія на эти унизительныя условія. Но въ экономическомъ отношеніи отклоненіе американскихъ предложеній было равносильно началу финансоваго кризиса, явившагося, по мнѣнію Адольфа Маркузе, причиною гибели гавайскаго королевскаго дома.

Калакауа умеръ 20 января 1891 г. въ Санъ-Франциско. Его семнадцатилѣтнее правленіе было съ внѣшней стороны богато „культурными успѣхами". Онъ располагалъ небольшимъ постояннымъ войскомъ; Гавайи получили желѣзныя дороги и правильное пароходство; появились дворцы и маяки, а въ Гонолулу было введено электрическое освѣщеніе. Были устроены водопроводы, проведены телеграфы, а системою искусственнаго орошенія цѣлыя пространства прежде безплодной земли были сдѣланы пригодными для земледѣлія. Правда, эра европейской культуры началась громадными долгами, обязанными отчасти легкомыслію и расточительности женатаго съ 1863 г. на Капіолани, но бездѣтнаго короля, котораго народъ очень любилъ.

Ему наслѣдовала 52 лѣтняя сестра его Лидія Камакаеа Лиліуокалани, объявленная 29 января 1891 г. королевой. Ея кратковременное правленіе закончилось паденіемъ гавайскаго королевства и присоединеніемъ его къ Соединеннымъ Штатамъ. При господствѣ новыхъ американскихъ тарифныхъ законовъ, предоставлявшихъ своему сахарному производству значительныя льготы по вывозу, Гавайи не могли уже больше конкуррировать на всемірномъ рынкѣ; вывозъ страшно быстро упалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и общее благосостояніе. Для той части населенія, которая состояла изъ иностранцевъ, и въ экономическомъ отношеніи зависѣла главнымъ образомъ отъ Америки, это было основательнымъ поводомъ не скрывать своего желанія примкнуть къ Соединеннымъ Штатамъ; дѣло дошло до несогласій въ самихъ правительственныхъ кругахъ, до поспѣшнаго измѣненія конституціи, которымъ думали ослабить вліяніе чужестранцевъ, и даже до угрозы государственнымъ переворотомъ самой королевой. Результатомъ этого было низверженіе королевы и ѳбъявленіе Гавайи республикой 17 января 1893 г.

Стремленіе одержавшихъ побѣду гонолулскихъ американистовъ примкнуть къ Соединеннымъ Штатамъ вначалѣ не имѣло успѣха. Президентъ Бенжаменъ Гаррисонъ незадолго до конца своей служебной дѣятельности (4 марта 1893 г.), въ своемъ посланіи къ сенату высказался въ пользу присоединенія; но преемникъ его Гроверъ Кливлэндъ относился къ этому вопросу отрицательно. 4 іюля 1894 г. государство было объявлено Republic of Hawaii съ конституціей, признававшей законодательное собраніе, сенатъ и парламентъ. Республика эта едва успѣла осуществиться, когда по вступленіи въ должность Макъ Кинлея весною 1897 г. присоединеніе страны къ Соединеннымъ Штатамъ совершилось безъ всякихъ затрудненій. Правовое положеніе архипелага было объявлено 14 іюня 1900 г., Гавайи признаны территоріей Соединенныхъ Штатовъ съ народнымъ представительствомъ, состоящимъ изъ сената (15 членовъ) и парламента (30 членовъ). Первый выборъ депутата въ конгрессъ состоялся 6 ноября 1900 г. Губернаторъ, секретарь и трое судей высшей судебной инстанціи назначаются президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, остальные чиновники губернаторомъ.

Водруженіе американскаго флага на сѣверѣ Тихаго океана не является первымъ шагомъ на пути американскаго имперіализма съ 1898 г.

(ср. т. I, стр. 561), но несомнѣнно однимъ изъ самыхъ важныхъ. Тутуила въ Самоанской группѣ и Гуамъ въ Маріанской являются какъ бы щупальцами, протягивающимися далеко на юго-западъ по направленію къ Меланезіи и Австраліи; обширные Филиппины стоятъ на пути главнаго направленія народовъ и торговли изъ Европы къ восточному краю Азіи. Къ Гавайи приходится примѣнить болѣе широкій масштабъ.

То, что дѣлаетъ Гавайи, не говоря уже объ ихъ производительности, необходимыми для Соединенныхъ Штатовъ съ того момента, когда они съ прорытіемъ средне-американскаго перешейка сдѣлаются поистинѣ тихоокеанской державой, это положеніе архипелага, господствующее надъ всей сѣверной половиной Тихаго океана и обусловливающее значеніе его, какъ единственной промежуточной станціи на далекомъ пути отъ средне американскаго канала и Санъ-Франциско къ восточной и южной Азіи. Присоединеніе Гавайи къ Америкѣ было тяжелымъ ударомъ особенно для Японіи, потерпѣвшей однажды полную неудачу съ подобной же попыткой: но оно не на руку также и Англіи, Германіи, Россіи и Франціи.

Отъ туземной расы имѣются еще только остатки, отъ гавайской народности лишь слѣды. Движеніе народонаселенія шло со времени открытія архипелага безпрерывно внизъ. Для 1778 г. указываютъ — и навѣрное еще слишкомъ высоко — 3 — 400,000 душъ; первая настоящая перепись населенія въ 1832 г. показала 130,313 туземцевъ. Четыре года спустя ихъ оставалось еще только 108,579; въ 1850 — лишь 82,203; 1860: 71,019; 1872: 49,044; 1884: 40,014; 1896: 31,019. Въ настоящее время чрезвычайно трудно установить число чистыхъ туземцевъ, благодаря многочисленнымъ помѣсямъ, число которыхъ опредѣлялось въ 1890 г. въ 6,186 душъ, въ 1896—8,485: въ теченіе шести лѣтъ—приростъ въ 33 процента.

Въ тотъ же періодъ число чистокровныхъ гавайцевъ уменьшилось на 10 процентовъ. Они составляютъ едва еще пятую часть всего населенія (1900 : 154,000) и такимъ образомъ уступаютъ по численности китайцамъ и японцамъ въ отдѣльности и скоро сравняются съ португальцами. Въ этомъ ужасающе быстромъ вымираніи гавайцевъ нельзя винить однихъ европейцевъ. Наряду съ внесенными ими болѣзнями главными причинами вымиранія были скорѣе прежняя легкость нравовъ, пьянство, отдѣльныя эпидеміи, и на первомъ планѣ освященное обычаемъ дѣтоубійство. На мѣстѣ туземцевъ на Гавайи скоро будутъ одни только китайцы, японцы, европейцы и американцы.

c) Самоа.

На изслѣдованіе исторіи Самоа въ послѣднее время обращено больше труда, чѣмъ, быть можетъ, на всѣ остальныя островныя группы Полинезіи вмѣстѣ взятыя. Полученный результатъ едва соотвѣтствуетъ этому. Длинный рядъ гордыхъ генерацій съ безчисленнымъ множествомъ именъ говоритъ, положимъ, о дѣятельной жизни небольшихъ государствъ на отдѣльныхъ островахъ и на отдѣльныхъ ихъ частяхъ; преданія передаютъ и о нѣсколькихъ набѣгахъ со стороны Фиджи и Тонга. Но къ какому періоду относятся эти отдѣльныя событія, мы не знаемъ рѣшительно ничего. Изъ всѣхъ изслѣдованій Георга Турнера, В. ф. Бюлова, О. Штюбеля, Августина Кремера и другихъ мы можемъ вынести только заключеніе, что общее положеніе вещей Самоа до ихъ открытія европейцами едва отличалось отъ другихъ архипелаговъ; только политическая организація Самоа и до нѣкоторой степени соціальныя ступени были выражены нѣсколько рѣзче. Дошедшія до насъ и не имѣющія для человѣчества почти никакого значенія распри и вражды между отдѣльными вліятельными семьями и классами населенія, раздуты, конечно, полинезійцами въ событія громадной важности.

a) Собственная исторія

Преданія Самоа не очень стары: намъ не слѣдуетъ принимать болѣе чѣмъ полъ тысячелѣтія для существованія населенія этого архипелага какъ исторической націи; на сколько заселеніе островов произошло раньше этого, не поддается никакому опредѣленію. Главнымъ событіемъ изъ прошлаго самоанцевъ является порабощеніе ихъ тонганцами и послѣдовавшая за этимъ борьба самоанцевъ за свою свободу (по Ф. Бюлову около 1600 г., по Кремеру около 1200 г. по Р. Х.). Это главный героическій періодъ ихъ исторіи: „Malie tau, malie toa“ (отлично боролись храбрые воины)—воскликнулъ,—какъ говоритъ преданіе,—тонганскій король, выражая свое удивленіе двумъ молодымъ вождямъ, когда, принужденный отступить, онъ отчаливалъ отъ берега. Это восклицаніе стало прозвищемъ старшаго брата обоихъ вождей, Савеа, и удержалось, передаваясь въ его семьѣ по наслѣдству, до настоящаго времени.

Самоа — страна титуловъ. Надъ простымъ народомъ стоитъ аристократія, изъ среды которой высшее положеніе занимаетъ вождь селенія—алiи и начальникъ округа—туи; главный же вождь (король) носитъ титулъ тупу. Немного только уступаютъ ему по значенію тулуфале или ораторы, политическій рангъ которыхъ всецѣло зависитъ отъ личныхъ ихъ способностей. Наряду съ этими титулами существуютъ почетныя прозвища, которыя раздаются извѣстными мѣстностями или селеніями въ память извѣстныхъ личностей или событій; обладаніе такими почетными именами было необходимымъ условіемъ для достиженія руководящей политической роли. Самымъ извѣстнымъ изъ этихъ прозвищъ является вышеупомянутое „Маліе тоа“, правомъ раздачи котораго владѣетъ мѣстечко Маліе, лежащее въ 12 км. къ западу отъ Апіа; другое, не менѣе извѣстное прозвище, „Мата'афа“, раздаваемое селеніемъ Фалеата. Притязаніе на титулъ короля стояло въ зависимости отъ обладанія заслуженными четырьмя прозвищами Туіатуа и Туіаана, Гатоаителе и Тамасоаліи, изъ которыхъ два послѣднихъ сводятся къ именамъ двухъ дочерей вождя.

Незадолго до высадки здѣсь графа Жана Франсуа Лаперуза въ 1787 г.. вождь изъ семейства Тупуа, Галумалемана, послѣ тяжелой междоусобной борьбы захватилъ въ свои руки власть надъ всѣмъ архипелагомъ. Смерть его (около 1790 г.) вызвала жестокую борьбу между его братьями, имѣвшими право наслѣдовать ему, изъ которыхъ побѣдителемъ вышелъ Нофоасаефа (предокъ Тамасесе). Онъ, однако, не сумѣлъ удержаться и удалился въ свое родовое селеніе Асау на Савайи. Ему обязанъ новымъ расцвѣтомъ каннибализмъ, почти было исчезнувшій на Самоа. Тронъ перешелъ затѣмъ къ родившемуся позже сыну Галумалемана И'амафана, которому еще до его рожденія умирающій отецъ пророчески предсказалъ роль объединителя государства. Ему послѣдовалъ (послѣ 1800 г.) Мата'афа Филисоуну'у, вступившій тотчасъ же снова въ тяжелую борьбу съ Маліетоами. Побѣдителемъ вышелъ Маліетоа Ваiинупо, находившійся въ союзѣ съ властителемъ Манопо. Онъ разрушилъ страну Аана и захватилъ въ свои руки власть въ тотъ самый день августа 1830 г., когда первый миссіонеръ, Джонъ Вильямсъ (т. VII) ступилъ на землю Савайи. Маліетоа принялъ впослѣдствіи титулъ „тупу“, который съ тѣхъ поръ утвердился на Самоа. Онъ перешелъ въ христіанство, принялъ имя Тавита (Давидъ) и умеръ 11 марта 1841 года.

Оба слѣдующія за его смертью десятилѣтія наполнены для Самоа всеобщею борьбою. Изъ множества претендентовъ на престолъ взяли, наконецъ верхъ Маліетоа Лаупепа и дядя его Пе'а или Талавоу, державшіе сообща въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ власть въ своихъ рукахъ. Подъ вліяніемъ, однако, явившихся въ страну чужестранцевъ, Самоанцы рѣшили въ 1868 году, поставить во главѣ только одного властителя и пе-

ренести свои сословныя собранія изъ Маноно въ Мулинуу близъ Апіа. Макоко, гордый своей древней привиллегіей, объявилъ Пе'а королемъ и побѣдилъ Маліетоа Лаупепа и его приверженцевъ. Только въ 1873 г., благодаря вмѣшательству введенныхъ тѣмъ временемъ иностранныхъ консуловъ, выработано было соглашеніе, по которому правительственная власть отдана была въ руки Та'имуа, состоявшему изъ семи членовъ и представлявшему какъ бы верхнюю палату, тогда какъ собранія начальниковъ округовъ, Фаи Пуле, оставленныя въ прежней силѣ, составили нижнюю палату. Но уже въ 1875 г. смуты начались снова, и на этотъ разъ благодаря внѣшнимъ причинамъ.

β) Вмѣшательства извнѣ.

Въ 1872 г. предпріимчивая Новая Зеландія стала хлопотать о присоединеніи Самоа къ Великобританіи и предложила снарядить для этого судно. Одновременно съ этимъ Соединенные Штаты заставили уступить себѣ (17 февраля 1872 г.) гавань Панго-Панго на Тутуилѣ, самую лучшую на всемъ архипелагѣ; самовольно объявленное однимъ морскимъ капитаномъ присоединеніе всего о. Тутуила не было одобрено въ Вашингтонѣ. Въ серединѣ 1873 г. на Самоа въ качествѣ коммиссара появился американскій „полковникъ“ Штейнбергеръ, нѣмецко-еврейскаго происхожденія, съ цѣлью изученія богатствъ архипелага. Въ короткое время этотъ хитрый и честолюбивый человѣкъ достигъ вліятельнаго положенія и побудилъ туземцевъ искать протектората Соединенныхъ Штатовъ. Просьбу объ этомъ Штейнбергеръ вручилъ въ Вашингтонѣ самъ; 1 апрѣля 1875 г. онъ вторично появился на Самоа, хотя только съ подарками и рекомендательнымъ письмомъ отъ президента Улисса С. Гранта.

Штейнбергеръ далъ странѣ несложную конституцію, посадилъ на тронъ только для виду королемъ Маліетоа Лаупепа, тогда какъ себя онъ скромно назвалъ „министромъ-президентомъ“; онъ урегулировалъ престолонаслѣдіе, упорядочилъ судопроизводство и внесъ въ государство миръ и покой. Но въ декабрѣ 1875 г., благодаря проискамъ англійскаго населенія и миссіонеровъ, ревность которыхъ онъ возбудилъ, Штейнбергеръ послѣ кровавой борьбы былъ схваченъ англійскимъ военнымъ судномъ и отвезенъ на Новую Зеландію; онъ умеръ въ Нью-Іоркѣ въ концѣ девятидесятыхъ годовъ.

Намѣренія Соединенныхъ Штатовъ относительно Самоа проявлялись все съ большею очевидностью; въ 1877 г. американскій консулъ поднялъ на Самоа флагъ Штатовъ, и только энергичный протестъ Германіи и Англіи помѣшалъ американцамъ окончательно утвердиться въ странѣ. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ германское правительство заключило съ самоанцами договоръ, которымъ они обязывались не предоставлять никакой другой иностранной державѣ преимуществъ предъ Германіей на Самоа. 17 января 1878 г. американцы съ своей стороны заключили дружескій и торговый договоръ съ Маліетоа Лаупепа; въ то же время имъ окончательно передавалась гавань Панго-Панго. 24 января 1879 г. и Германія получила гавань Салуафата на Уполу для стоянки своихъ судовъ, Англія также обезпечила себѣ договоромъ отъ 28 августа 1879 г. пользованіе всѣми водами и правомъ выбора для себя угольной станціи. 2 сентября того же года договоромъ между Германіей, Англіей, Соединенными Штатами и Маліетоа округъ Апіа былъ объявленъ нейтральной областью и подчиненъ муниципальному совѣту, избираемому по очереди тремя заинтересованными державами. 23 декабря, наконецъ, Маліетоа Талавау (Пе'а) собраніемъ многочисленныхъ вождей былъ провозглашенъ на нѣмецкомъ суднѣ „Бисмаркъ“ пожизненнымъ королемъ, Лаупепа же назначенъ регентомъ.

Съ середины пятидесятыхъ годовъ гамбургская торговая фирма Іоганнъ

Цезарь Годеффруа и Сынъ сдѣлала Южное море главнымъ центромъ своихъ предпріятій, и пятнадцать лѣтъ спустя монополизировала торговлю съ центральными и восточными островными группами; кромѣ того, она пріобрѣла значительныя пространства земли на Каролинской группѣ и на трехъ большихъ самоанскихъ островахъ Саваійи, Уполу и Тутуила. Неудачи на биржѣ поколебали въ концѣ семидесятыхъ годовъ фирму настолько, что князь Бисмаркъ, въ виду англо-австралійскихъ поползновеній присвоить всѣ незанятые острова Южнаго моря, отступилъ отъ своей сдержанной колоніальной политики и внесъ въ началѣ 1880 г. свое „самоанское предложеніе", имѣвшее цѣлью вызвать вмѣшательство имперіи и гарантію для фирмы извѣстной небольшой выгоды. Однако, германскій парламентъ отклонилъ это предложеніе 27 апрѣля 1880 г.: „тамъ, гдѣ высокія задачи могутъ рѣшаться только при помощи государства, наша исторія указываетъ лишь на рядъ упущенныхъ случаевъ" (Оскаръ Пешель).

γ) Самоа при союзныхъ державахъ.

8 ноября 1880 г. умеръ король Маліетоа Талавоу. Племянникъ его Маліетоа Лаупепа оказался не въ силахъ бороться съ распрями, возгорѣвшимися вскорѣ снова между туземцами; въ началѣ 1886 г. одна изъ партій выбрала, по указанію Эйжена Брандейса, вождя Тамасесе королемъ. Этотъ послѣдній нашелъ поддержку со стороны Германіи, т. к. Лаупепа въ ноябрѣ 1885 г. тайно предложилъ верховную власть Англіи. Непрерывный ущербъ, наносившійся германскимъ интересамъ, оскорбленіе и ограбленіе нѣмецкихъ подданныхъ приверженцами Лаупепа привели къ тому, что въ августѣ 1887 года Лаупепа былъ взятъ въ плѣнъ нѣмецкими моряками и отвезенъ сначала въ Камерунъ, а затѣмъ на Маршальскіе острова.

Но и благоденствіе Тамасеса не продолжалось долго; уже 9 сентября 1888 г. приверженцы Маліетоа Лаупепа провозгласили королемъ знатнаго Матаафа и разбили Тамасеса. Когда его люди позволили себѣ выходки противъ нѣмцевъ, германскій консулъ Кнаппе побудилъ два военныхъ судна, стоявшихъ въ виду Апіа, высадить на берегъ свои отряды; но благодаря измѣнѣ, они попали 18 декабря въ засаду и были почти уничтожены. Лишь усиленные нѣмецкіе военные отряды разсѣяли мятежниковъ. Кромѣ того, ураганъ, свирѣпствовавшій 16 марта 1889 г. въ бухтѣ Апіа уничтожилъ обѣ нѣмецкіе канонерки „Eber" и „Adler", причемъ погибло 95 храбрыхъ моряковъ. Американцы понесли такія же потери.

Конференція, созванная въ Берлинѣ лѣтомъ 1889 г. Германіей, Англіей и Соединенными Штатами, урегулировала дѣла Самоа. Въ заключительномъ протоколѣ отъ 14 іюля архипелагъ былъ объявленъ независимымъ и нейтральнымъ подъ общей охраной всѣхъ трехъ державъ, Тамасесе и Матаафа лишались власти и королемъ снова объявленъ Маліетоа Лаупепа, возвращенный поздней осенью на Самоа. Но вскорѣ партія Матаафа выбрала снова королемъ этого послѣдняго; въ 1893 г., однако, онъ былъ побѣжденъ на Маноно и сосланъ тремя союзными державами на Маршальскіе острова. Его мѣсто заступилъ Тамасесе младшій и междоусобная война продолжалась. Вскорѣ умеръ Маліетоа Лаупепа (22 августа 1898 г.). Серьезныхъ кандидатовъ на престолъ было только два: изгнанный, но любимый народомъ Матаафа и Тану Мафили, 16-лѣтній сынъ Лаупепа, которому покровительствовала англійская миссія, а слѣдовательоо и англійское и американское правительства. Младшаго Тамасесе англичане держали только въ запасѣ на случай замѣщенія Тану.

Въ драмѣ, которая разыгралась зимою 1898—1899 гг. на далекомъ архипелагѣ Южнаго моря, дѣло было не столько въ благоденствіи нѣсколькихъ самоанцевъ или въ пріобрѣтеніи этихъ небольшихъ островковъ, сколько въ гораздо болѣе важномъ столкновеніи интересовъ. О причинахъ пополз-

зновеній англо-австралійскихъ нечего, конечно, распространяться. Соединенные Штаты Сѣверной Америки, завладѣвшіе незадолго передъ тѣмъ Гавайскими и Филиппинскими островами, хотя и имѣли въ нихъ превосходныя какъ стратегическія, такъ и географическія, въ смыслѣ сообщеній, базы, но это имѣло значеніе для сѣверной части океана, а че для его южныхъ частей. Интересы Германіи имѣли, главнымъ образомъ, экономическую подкладку: она значительно превосходила обѣ другія стороны какъ въ промышленномъ, такъ и торговомъ отношеніи; кромѣ того, это было дѣломъ національной чести не допустить перейти ни въ чьи руки дѣтище, которое она однажды сама потеряла.

Самоанцы громаднымъ большинствомъ избрали Матаафа. Тѣмъ не менѣе американскій верховный судья Чемберсъ объявилъ 21 декабря молодого Таку избраннымъ съ его согласія; о Матаафѣ же не могло быть и рѣчи, такъ какъ онъ былъ исключенъ по берлинскому трактату, хотя внесенная въ этомъ смыслѣ княземъ Бисмаркомъ статья не была принята въ его окончательной редакціи. Протестъ германскаго консула Розе и нѣмецкаго муниципальнаго совѣтника д-ра Раффеля остался безрезультатнымъ. Матаафа, однако, справился самъ, вытѣснивъ изъ Апіа отрядъ Тану къ морю и на корабли союзныхъ державъ. Послѣ многократныхъ бомбардировокъ побережныхъ поселеній британскими и американскими военными отрядами, во второй половинѣ марта была созвана весною 1899 г., по предложенію Германіи, слѣдственная комиссія, которая въ іюлѣ перенесла права отмѣненнаго королевства временно на консуловъ трехъ державъ. На основаніи лондонскаго договора отъ 14 ноября состоялось соглашеніе между Германіей и Англіей; въ силу Вашингтонскаго протокола отъ 2 декабря къ нему присоединились также и Соединенные Штаты. Великобританія отказалась отъ какихъ-либо видовъ на острова Самоа; съ уничтоженіемъ самоанскихъ актовъ, Уполу и Савайи вмѣстѣ съ прилегающими небольшими островами перешли во владѣніе Германіи, тогда какъ Тутуила и остальные острова Самоа, лежащіе къ востоку отъ 171 градуса западной долготы, выпали на долю Соединенныхъ Штатовъ. Взамѣнъ этого Германія отказывалась отъ своихъ притязаній на острова Тонго и Сэведжъ (Ніуе) въ пользу Англіи и уступила Великобританіи также два острова Соломонова архипелага Шуазель и Изабель. 13 февраля 1900 года нѣмецкій рейхстагъ подписалъ этотъ договоръ и 1 марта вновь назначенный нѣмецкій губернаторъ Сольфъ принялъ островъ оффиціально въ германское владѣніе. 14 августа снова вошло въ силу разумно предоставленное островамъ самоуправленіе туземцевъ. Только королевское достоинство осталось отмѣненнымъ; Матаафа вмѣсто прежняго титула тупу носитъ теперь титулъ аліи-сили (верховный вождь).

d) Тонга.

Въ средней части океаническаго островного міра наряду съ Фиджи и Самоа только архипелагъ Тонга имѣетъ за собою сколько-нибудь замѣтное историческое прошлое. Періодъ, предшествовавшій появленію Джемса Кука, намъ мало извѣстенъ за исключеніемъ его соціальной стороны. Во главѣ государства, пользуясь неограниченной властью надъ личностью и достояніемъ своихъ подданныхъ, стоялъ туитонга — властитель и божество въ одно и то же время. Почти равный ему по значенію и святости былъ туи ардео, — по мнѣнію Мейнике, потомокъ прежняго рода властителей, удержавшій еще за собою особое положеніе: туитонга въ различныхъ случаяхъ долженъ былъ оказывать туи ардео извѣстныя почести. Король и его семья составляли первый классъ („гау“) дворянства. Второй („эики“ или „эги“, носившіе также титулъ туи = господинъ) состоялъ изъ высшихъ сановниковъ и начальниковъ округовъ и

хотя избирался королемъ, но достоинство это переходило по наслѣдству. Первый изъ эики въ доевропейскомъ періодѣ былъ туи гатакалава, министръ внутреннихъ дѣлъ; во времена Маринера (1810), онъ по своему положенію стоялъ позади туи канакаболо, военнаго министра. Такъ какъ въ XIX столѣтіи туитонга былъ устраненъ отъ всякаго участія въ войнахъ, то военный министръ легко достигалъ бо́льшаго вліянія, чѣмъ самъ король: путешественники часто принимали туи канакаболо за туитонга. Значеніемъ пользовались еще ата — главнокомандующій на войнѣ, и лавака — министръ народнаго просвѣщенія. Послѣдній классъ дворянъ (матабуле) давалъ совѣтниковъ и подчиненныхъ эиковъ и туитонга, начальниковъ округовъ, народныхъ учителей и представителей наиболѣе важныхъ отраслей техники, какъ кораблестроеніе и оружейное ремесло. Эти три класса дворянъ держали въ своихъ рукахъ всю землю, а также и силу табу. Простой народъ былъ лишенъ и того, и другого. За нимъ оставалась только его личная свобода, а средства къ пропитанію онъ добывалъ обработкою земли, принадлежавшей дворянамъ, ремеслами и рыболовствомъ. При этомъ ремесла были привилегіей высшаго слоя этого класса, муа, тогда какъ его низшему слою, туа, были предоставлены обработка земли и поварское искусство.

Уже Кукъ въ 1773 и 1777 гг. засталъ старинный родъ властителей фатафеи (фатафаи) въ сильномъ упадкѣ блеска въ сравненіи съ могуществомъ благородныхъ тупо, захватившихъ въ свои руки всѣ важныя государственныя должности; по мнѣнію Мейнике, туитонга могли выбирать себѣ женъ, повидимому, только изъ семьи тупо. Къ концу XVIII столѣтія могущество тупо почти вытѣсняетъ туитонга. Этому примѣру слѣдуютъ другіе эики: сначала отпадаютъ правители Гапаи и Вавау, затѣмъ и Тонгатабу. Послѣ долгихъ распрей побѣдителемъ вышелъ Финау (Финовъ), Гапайскій эики, хотя и ему не удалось уже больше собрать весь архипелагъ подъ своимъ скипетромъ. Въ началѣ XIX столѣтія Финау перенесли политическій центръ на Вавау. Въ 1830 г. Тауфаагау, властитель Гапаи, и Тубо, эики съ Тонгатабу, приняли христіанство. Когда въ 1833 году родъ Финау прекратился, Вавау перешло къ Тауфаагау, который такимъ образомъ соединилъ подъ своею властью то же государство, которымъ тридцать лѣтъ предъ тѣмъ владѣлъ Финау I. Въ 1845 г. умеръ также и Тубо, или Іосіа изъ Тонгатабу, какъ онъ назывался послѣ своего крещенія. Тауфаагау сдѣлался королемъ и подъ именемъ Георга Тубо (Тубоу) I соединилъ подъ своею властью весь архипелагъ.

Это государство съ самаго начала носитъ печать европейскаго вліянія. Веслеянская миссія очень скоро распространила свое вліяніе на его политическую и соціальную стороны. Въ 1839 г. Георгъ издалъ для Гапаи и Вавау постановленіе, предначертавшее судебную палату изъ четырехъ членовъ, и писанный законъ, устранявшій древніе обычаи, по которымъ каждый вождь могъ судить по своему благоусмотрѣнію. Наконецъ, законодательство 1862 г. возвысило прежнихъ крѣпостныхъ до свободныхъ арендаторовъ земель, съ которыхъ они не могли быть вытѣсняемы, покуда ими вносилась арендная плата. Налоги (6 долларовъ въ годъ) распредѣлялись равномѣрно на все мужское населеніе, достигшее 16 лѣтняго возраста.

Съ 1838 г. и на Тонга католическая миссія стала тѣснить протестантскую. Въ декабрѣ 1841 г. угрозы одного французскаго военнаго корабля заставили властителя Тонгатабу добиваться англійскаго протектората, который вскорѣ затѣмъ осуществился; тѣмъ не менѣе католическіе миссіонеры по прежнему имѣли доступъ въ страну. На религіозномъ поприщѣ ихъ успѣхи никогда не были значительны; на политическомъ же вліяніе ихъ уже въ 1847 г. было столь велико, что вызвало возстаніе тамошнихъ вождей противъ владычества Георга I, подавленное лишь въ 1852 г. послѣ того, какъ были взяты защищавшіяся французскими миссіонерами крѣ-

пости Гума и Беа. Хотя вождямъ была снова возвращена власть, а миссіонерамъ оставлены были жизнь и достояніе, Франція почувствовала себя тѣмъ не менѣе оскорбленной и, добившись въ 1858 г. оффиціальнаго допущенія католическаго ученія, вытѣснила въ нѣскольких случаяхъ протестантскихъ вождей, замѣнивъ ихъ католическими.

Несмотря на такое положеніе вещей король Георгъ нашелъ время и для великихъ походовъ. Уже издавна тонганцы, благодаря своимъ значительнымъ мореплавательнымъ способностямъ, предпринимали походы, доходя до Самоа и Нука-Гива, и особенно безпокоя сосѣдніе архипелаги. Этимъ путемъ населеніе Фиджи получило сильную полинезійскую окраску; нѣсколько лѣтъ спустя послѣ второго путешествія Кука (въ 1777 г.) одинъ тонганскій вождь сыгралъ большую роль въ фиджійскихъ смутахъ. Въ 1854 г. король Георгъ появился съ большимъ флотомъ подъ предлогомъ оказать Такомбау поддержку въ его затруднительномъ положеніи (стр. 305). Впослѣдствіи этотъ походъ далъ тонганцамъ поводъ потребовать большого вознагражденія, что заставило Такомбау отдаться въ концѣ концовъ въ руки Англіи.

Внутреннее устройство своего островного государства Георгъ Тубоу I завершилъ конституціей 4 ноября 1875 г. Въ своихъ главныхъ частяхъ она обязана самому королю, въ остальномъ — его многолѣтнему вѣрному совѣтнику, миссіонеру Шерлей Бейкеру. По своему содержанію конституція эта тѣсно примыкаетъ къ англійскимъ формамъ; въ своей окончательной, санкціонированной камерами и напечатанной въ 1877 году на англійскомъ языкѣ формѣ, она вводитъ законодательное собраніе, созывающееся каждые два года. Половина его членовъ состоитъ изъ родового дворянства и назначается королемъ, другая избирается народомъ. Исполнительная власть находится въ рукахъ министерства изъ четырехъ членовъ, образующаго съ губернаторами четырехъ провинцій и высшими должностными судебными лицами совѣтъ кабинета. Судопроизводство является самостоятельнымъ учрежденіемъ и состоитъ изъ высшей судебной палаты, суда присяжныхъ и полицейскаго суда. Народное образованіе находится въ рукахъ миссіонеровъ, основавшихъ на всѣхъ островахъ школы, которыя хорошо посѣщаются. Основаны еще коммерческое училище и семинарія, названная въ честь короля Tubow College. Большое значеніе съ экономической точки зрѣнія имѣетъ для будущности тонганцевъ проведенное по настоянію Бейкера въ конституціи запрещеніе продажи земель чужестранцамъ („тонганцевъ не должно гнать въ море“); даже отдача земли въ аренду дозволялась только съ разрѣшенія правительства.

При томъ высокомъ интересѣ, какой возбуждали острова Южнаго моря въ семидесятыхъ годахъ въ европейскихъ державахъ, благопріятное положеніе архипелага Тонга не могло не обратить на себя скоро вниманія. Король Георгъ и его канцлеръ Бейкеръ не скрывали своего расположенія къ Германіи: когда началась франко-прусская война, они завѣрили короля Вильгельма въ своемъ полнѣйшемъ нейтралитетѣ. 1 ноября 1876 г. это „расположеніе“ привело къ торговому и дружескому договору съ Германской Имперіей, причемъ гавань Тауланга на о. Вавау была уступлена ей въ качествѣ угольной станціи. Послѣдовавшая одновременно съ этимъ со стороны Георга Тубоу просьба о протекторатѣ была тогда, само собою, отклонена. 29 ноября 1879 г. Тонга заключила подобный же дружескій договоръ съ Англіей. По соглашенію, состоявшемуся 6 апрѣля 1886 г. между Германіей и Англіей, Тонга должна была оставаться нейтральною областью. 1 августа 1888 года былъ заключенъ дружескій договоръ также и съ Соединенными Штатами.

Король Георгъ Тубоу I умеръ 18 февраля 1893 г. въ своей столицѣ Нукуалофа на 95 году своей жизни. Ему наслѣдовалъ родившійся въ 1874 г. робкій правнукъ его Георгъ Тубоу II Тауфаагау. До вступленія

его на престолъ Германія въ отношеніи торговли и вліянія пользовалась въ странѣ бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ Англія. Послѣ того, однако, какъ министръ-президентъ Бейкеръ сдѣлался жертвою англійскихъ происковъ и какъ прекратились въ 1893 г. субсидируемые государствомъ рейсы сѣверно-американскаго Ллойда на Тонга и Самоа, преобладаніе оказалось на сторонѣ англичанъ. Когда въ мартѣ 1899 г. у береговъ Тонгатабу появилось германское военное судно „Фальке“, имѣя яко бы порученіе не оставлять гавани Тауланга до тѣхъ поръ, пока тонганскіе должники не выплатятъ подлежащихъ къ уплатѣ 100,000 долларовъ (по Морицу Шанцу порученіе состояло въ томъ, чтобы принудить короля открыть тонганскія судебныя учрежденія для долговыхъ требованій чужеземцевъ), въ свою очередь появилось 10 апрѣля англійское военное судно австралійской станціи и выплатило Георгу II 125,000 долларовъ подъ условіемъ, чтобы король не уступалъ никакой чужой державѣ какихъ бы то ни было правъ на страну; съ своей стороны и Англія снова гарантировала Тонга ея независимость. Для Германіи эта островная группа имѣла съ этихъ поръ значеніе лишь какъ объектъ обмѣна; договоромъ отъ 8 ноября 1899 г. она за половину Самоанскаго архипелага отказалась отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній на нее. Такимъ образомъ Тонга и сосѣдній о. Ніуё 19 мая 1900 г. были, несмотря на протестъ короля Георга II, объявлены состоящими подъ протекторатомъ Англіи.

Съ тонганскимъ государствомъ исчезла и послѣдняя изъ туземныхъ государственныхъ формъ Тихаго океана. Въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ скроенная на европейскій ладъ конституція плохо укладывалась въ рамки полинезійской жизни, и архипелагъ Тонга продолжалъ сохранять многое, что напоминало прежнюю народность. Но и эти остатки самобытнаго развитія скоро исчезнутъ навсегда.

e) Новая Зеландія.

a) Положеніе и природа Новой Зеландіи.

Конечное и окрайное положеніе Австраліи выступаетъ еще болѣе рѣзко въ Новой Зеландіи, которую на основаніи вѣскихъ причинъ лучше разсматривать здѣсь, чѣмъ въ рамкахъ колоніальной исторіи Австраліи (стр. 244 и д.). Югъ и востокъ почти свободны отъ сколько-нибудь значительныхъ острововъ; только къ сѣверу и западу можно установить связь съ обитаемой землею: здѣсь — съ Австраліей и Тасманіей, тамъ — съ Новой Каледоніей, Фиджи, Тонга и съ островами Гервей. Относительно всѣхъ этихъ областей Новая Зеландія лежитъ такъ, что линіи, соединяющія ихъ съ нею, образуютъ почти радіусы круга, — обстоятельство, имѣющее въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ огромное значеніе. Тотъ фактъ, что первоначальное заселеніе Новой Зеландіи не исходило также и со стороны Австраліи, Новой Каледоніи и Фиджи, нужно считать только слѣдствіемъ неспособности жителей этихъ послѣднихъ къ мореплаванію.

Разстояніе между Новой Зеландіей и только что названными странами составляетъ 2000 километровъ, — такое разстояніе представляется даже для судоходства полинезійцевъ, несмотря на высокое развитіе у нихъ мореплаванія, слишкомъ большимъ, чтобы привести маори къ продолжительнымъ и планомѣрнымъ походамъ: ихъ морскія предпріятія не идутъ дальше двухъ-трехъ походовъ на Гавайки, какъ говоритъ преданіе (стр. 299), и захвата въ 1834 г. сосѣднихъ острововъ Хатамъ (Варекаури), совершеннаго, впрочемъ, при помощи европейскаго капитана. Иначе обстоитъ дѣло съ Новой Зеландіей для европейца. Для него за два или три поколѣнія тому назадъ Новая Зеландія лежала достаточно близко отъ Австраліи и Тасманіи для того, чтобы колонизировать ее оттуда систематически и быстро;

теперь же, когда Новая Зеландія благодаря числу жителей и своему могуществу почувствовала свою силу, разстояніе, отдѣляющее ее отъ материка, является опять-таки достаточнымъ для того, чтобы она могла тѣшить себя мыслью создать наряду съ австралійскимъ союзнымъ государствомъ свое собственное. Ея стремленія къ самостоятельности проявились уже въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, черезъ одно лишь поколѣніе послѣ начала настоящей колонизаціи. За вмѣшательствомъ Новой Зеландіи въ самоанскія дѣла въ 1872 г. (стр. 319) послѣдовало въ 1887 г, присоединеніе къ ней Кермадскихъ острововъ, а въ 1900 г. — острововъ Гервей или Кука и Манигики; теперь, повидимому, наступила очередь Фиджи (стр. 306). Въ руководящихъ кругахъ Новой Зеландіи господствуетъ вообще взглядъ, что всѣ полинезійскія островныя группы также, естественно должны принадлежать ей, какъ, по мнѣнію австралійцевъ, должна входить въ кругъ Австраліи и западная часть Тихаго океана Каждая изъ этихъ двухъ странъ чувствуетъ себя первенствующей державой въ южномъ полушаріи; вотъ почему въ 1900 г. Ритчардъ Джонъ Сэддонъ, министръ-президентъ Новой Зеландіи, произнесъ великое слово о „подобающемъ его странѣ мѣстѣ“ въ концертѣ державъ.

Хотя населеніе Новой Зеландіи по переписи 1900 г. немногимъ лишь превышало по числу жителей ганзейскій городъ Гамбургъ (800,000 душъ), тѣмъ не менѣе было бы неблагоразумно совершенно игнорировать подобныя притязанія. Помимо своего счастливаго, господствующаго надъ южной частью Тихаго океана положенія, этотъ двойной островъ отличается еще столь богатымъ расчлененіемъ, что въ этомъ отношеніи оставляетъ за собою даже богатую бухтами Италію. Сверхъ того онъ уже теперь является немаловажнымъ производителемъ золота и угля; мѣдь, серебро, желѣзная руда, сѣра, платина и антимоній также встрѣчаются во множествѣ.

Дальнѣйшее преимущество Новой Зеландіи, лежащей цѣликомъ въ предѣлахъ умѣреннаго пояса, заключается въ ея климатѣ, котораго, принимая во вниманіе физическія и духовныя качества маори, нельзя не считать факторомъ, вліяющимъ на измѣненіе расы (ср. выше стр. 295), хотя въ европейцѣ онъ, повидимому, вызываетъ физическое вырожденіе. Въ Новой Зеландіи, какъ и въ Австраліи, земледѣліе отступаетъ на задній планъ; при равномѣрности температуры лѣто приноситъ съ собою холодныя ночи, подвергающія результаты жатвы сильнымъ колебаніямъ. Тѣмъ не менѣе въ настоящее время подъ культурой находятся болѣе 700,000 акровъ земли; изъ нихъ, по общему опредѣленію, 26 милліоновъ являются годными для земледѣлія, т. е. слишкомъ 100,000 кв. км., слѣдовательно около двухъ пятыхъ всей поверхности, изъ которой, положимъ, въ настоящее время еще болѣе двухъ третей покрыты лѣсомъ. Какъ и находящаяся во многихъ отношеніяхъ въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ Тасманія, Новая Зеландія видитъ покуда свою экономическую опору въ скотоводствѣ, развитіе котораго еще не достигло своихъ предѣловъ. Скотъ можетъ оставаться на пастбищахъ въ теченіе цѣлаго года и находитъ кормъ въ достаточномъ количествѣ. Благодаря этому, Новая Зеландія давно уже опередила въ вывозѣ замороженнаго мяса Австралію, хотя послѣдняя и лежитъ на нѣсколько дней пароходнаго сообщенія ближе къ Старому свѣту. Изъ всего вывоза 1899 года, достигшаго приблизительно 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, на животные продукты пало не менѣе 8 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; минеральныя богатства дали 1,6 милліона, земледѣліе только 0,9 милліона.

β) Исторія маори до 1839 года.

Преимущества Новой Зеландіи были для ея коренного населенія, маори, полезны лишь въ одномъ отношеніи: они послужили къ улучшенію

ея расы; въ экономическомъ же отношеніи населеніе не сумѣло воспользоваться ни зелеными равнинами, ни лѣсами великолѣпной сосны каури. Только изъ мѣстной фауны оно извлекало пользу, пока встрѣчались животныя, привлекавшія охотника; еще и по настоящее время героическія пѣсни маори повѣствуютъ о борьбѣ съ гигантской птицей моа, павшей первой жертвой человѣка, проникшаго въ этотъ животный міръ, покой котораго не нарушался цѣлыми тысячелѣтіями.

Первые маори переселились на пустынный въ то время островъ слишкомъ полтысячелѣтія тому назадъ; съ теченіемъ времени за ними послѣдовали новыя волны переселенцевъ, изъ которыхъ послѣдняя падаетъ, по всей вѣроятности, на XVIII-ое столѣтіе. Исходнымъ пунктомъ переселенія былъ окутанный сагами островъ Гавайки, Савайи самоанской группы; промежуточной станціей, отчасти также и исходнымъ пунктомъ для нѣкоторыхъ маори былъ о. Раротонга (ср. выше, стр. 300). Сказаніе повѣствуетъ, что вождь Нгауэ съ 800 подданными явился на двѣнадцати корабляхъ, названія которыхъ чтутся еще и понынѣ, и высадился въ бухтѣ Пленти на сѣверномъ островѣ; когда англичане начинали колонизацію, населеніе опредѣлялось въ 100,000 — 200,000 душъ. Такой приростъ въ сравнительно короткій періодъ могъ совершиться, по мнѣнію Роберта фонъ-Ленденфельда, только во времена ничѣмъ неомраченнаго мира. Это, конечно, не относится къ животнымъ, и прежде всего къ многочисленнымъ гигантскимъ, достигавшимъ до 4 метровъ высоты видамъ моа; всѣ они до послѣдняго пали подъ кольями и палицами вторгшагося въ ихъ царство человѣка. Лишившееся этого источника пропитанія и привычное къ мясу населеніе, сильно размножившееся тѣмъ временемъ, стало искать исхода, и нужда толкнула его скоро на путь каннибализма. Этотъ роковой шагъ былъ началомъ поворота въ исторіи маори, положившимъ разъ навсегда конецъ періоду ихъ мирнаго развитія; то, что слѣдуетъ за этимъ моментомъ, представляетъ картину сплошного убійства и рѣзни,—борьбы племени противъ племени, человѣка противъ человѣка.

Все свидѣтельствуетъ о существованіи въ первые вѣка, послѣдовавшіе за переселеніемъ, болѣе или менѣе значительныхъ государствъ, временами несомнѣнно объединявшихся подъ властью общаго правителя. Повидимому, и почитаніе боговъ имѣло свой центръ. Это былъ періодъ національнаго процвѣтанія маори, періодъ, въ которомъ и техника ихъ достигла своего наивысшаго развитія (см. приложенную таблицу „полинезійскія древности и рѣзьба“). Европейцамъ удалось лишь бѣгло ознакомиться съ маори на этой высокой ступени; одинъ только Абель Тасманъ видѣлъ еще у нихъ въ 1640 году громадныя великолѣпныя двойныя лодки, строить которыя ужъ не умѣли маори XVIII столѣтія. Регрессъ коснулся всѣхъ областей жизни. Древнія государства распались на небольшія шайки смѣлыхъ поджигателей и разбойниковъ, не признававшихъ никакого политическаго центра. Вѣра въ древнихъ боговъ уступила мѣсто суевѣрію, духамъ-покровителямъ, колдовству и заговорамъ. Характеръ народа, склонный къ гордости и властолюбію, становился все болѣе кровожаднымъ, мстительнымъ и дикимъ.

Соприкосновеніе съ европейцами въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка познакомило маори съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и сдѣлало безпрерывныя междоусобныя ихъ войны только тѣмъ болѣе жестокими. Въ 1820 г. вождь маори Хонги (Hongi или Shongi) посѣтилъ въ сопровожденіи миссіонера Кендаля Англію, былъ тамъ представленъ королю Георгу IV, отлично имъ принятъ и осыпанъ подарками. Посвященный скоро въ тайны европейской политики, ослѣпленный блестящимъ поприщемъ завоевателя Наполеона I, онъ, по прибытіи въ Сидней, обмѣнялъ полученные имъ подарки на оружіе и амуницію, вооружилъ этимъ свое племя, и вплоть до 1828 года опустошалъ войною весь сѣверный островъ. Маори были тысячами раз-

Объясненіе къ изображеннымъ на оборотѣ полинезійскимъ древностямъ и рѣзьбѣ.

Фиг. 1. **Гробъ маори,** нижняя доска. Приблизительно на три поколѣнія древнѣе эпохи Кука, слѣд., изъ второй половины XVII вѣка. Съ двумя богато татуированными фигурами женщины и мущины. Отверстіе по серединѣ служило для укрѣпленія гроба на деревянномъ столбѣ на высотѣ больше, чѣмъ въ ростъ человѣка.

(Съ оригинала, находящагося въ Берлинскомъ музеѣ Народовѣдѣнія.)

Фиг. 2. **Поу-поу,** внутренняя сторона рѣзного стѣнного столба большого общественнаго дома въ Охинемуту. Богато татуированная фигура изображаетъ, повидимому, Тama-te-Kapua, великаго предка плем. арава, идущаго, какъ думаютъ, на ходуляхъ.

(Съ оригинала, находящагося въ Охинемуту на Новой Зеландіи.)

Фиг. 3 a и b. **Большое изображеніе изъ базальтовидной лавы,** найденное на одномъ изъ Гавайскихъ острововъ, Оаху. Фигура представляетъ стараго европейца въ парикѣ, съ косою и въ брыжахъ, — по всей вѣроятности, одного изъ прежнихъ неизвѣстныхъ испанскихъ путешественниковъ, „открывшихъ“ Гаваи задолго до Кука.

(Съ оригинала, находящагося въ Берлинскомъ музеѣ Народовѣдѣнія.)

Фиг. 4. **Корупе,** косякъ отъ дверей одного стараго дома на Новой Зеландіи. Изъ коллекцій Кука. Относится, по всей вѣроятности, къ XVII столѣтію или еще болѣе раннему періоду, такъ какъ уже ко времени Кука имѣлъ старый видъ. Одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и красивыхъ произведеній древняго искусства маори; миѳологическое значеніе трехъ богато татуированныхъ фигуръ осталось невыясненнымъ.

(Съ оригинала, находящагося въ Берлинскомъ музеѣ Народовѣдѣнія.)

Фиг. 5 a и b. **Рѣзной ящикъ** съ Новой Зеландіи для храненія украшеній изъ перьевъ, справа (5 a) одна изъ стѣнокъ этого ящика, слѣва (5 b) вставляемая въ нее крышка. Изъ коллекцій Кука. Относится, вѣроятно, къ XVII столѣтію.

(Съ оригинала, находящагося въ Берлинскомъ музеѣ Народовѣдѣнія.)

Фиг. 6. **Рѣзное изображеніе** съ Новой Зеландіи, представляетъ двухъ татуированныхъ мущинъ, добывающихъ при посредствѣ тренія („паханія“) огонь.

(Съ оригинала, находящагося въ Вѣнскомъ Королевскомъ музеѣ.)

Фиг. 7. **Средняя часть большой богато украшенной поперечной планки,** съ фасада pataka (домъ, въ которомъ хранятся запасы). Рѣзное изображеніе, носящее почти геральдическій характеръ, — до сихъ поръ не

1.

2

5b

6

Полинезійскія р

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

вности и рѣзьба.

нашло себѣ объясненія; полагаютъ, что оно относится къ исторіи сотворенія міра. Злые духи, съ головами птицъ и ящерицъ, играютъ важную роль въ древнемъ искусствѣ Новой Зеландіи. Небольшія трехугольныя зарубки, характерныя для нѣкоторыхъ частей этой рѣзьбы, носятъ названіе tara-tara o kai. Pataka, съ котораго снята эта планка, былъ построенъ въ 1820 году вождемъ Haere Huka и находился между Роторуа и озеромъ Ротоити. Въ настоящее время онъ находится въ Ауклендскомъ музеѣ.

(Съ копіи Гамильтона.)

Фиг. 8. **Планка** изъ внутренности большого общественнаго дома маори, съ изображеніемъ мелюзинообразнаго злого духа, taniwha или mara-kihau, съ языкомъ въ видѣ трубки, которымъ эти демоны могутъ присасывать челноки, чтобы затѣмъ топить ихъ. Подобные же экземпляры еще въ настоящее время встрѣчаются въ Руатагуна и въ Те́-Куити на Новой Зеландіи.

(Съ оригинала въ музеѣ Гонолулу.)

стрѣлены или взяты въ рабство, цѣлыя сотни сдѣлались жертвами каннибализма. Самъ Хонги, во время одного сраженія въ 1827 году, когда онъ забылъ надѣть на себя подаренную ему британскимъ королемъ кирасу, былъ раненъ выстрѣломъ въ легкое и черезъ 15 мѣсяцевъ умеръ отъ послѣдствій этой раны.

Сильное ослабленіе туземнаго населенія многолѣтними войнами послужило на пользу бѣлымъ, успѣвшимъ пустить корни въ странѣ. Уже съ 1800 года появилось не мало „піонеровъ культуры“: дезертировъ-матросовъ, бѣглыхъ каторжниковъ изъ Новаго Южнаго Уэльса и другихъ искателей приключеній. Ихъ отношенія къ маори ограничивались въ первое время вялой торговлей, предметами которой были новозеландская пенька и дерево, съ одной стороны, ромъ, желѣзо и другіе европейскіе продукты—съ другой; впослѣдствіи сюда присоединилась еще торговля татуированными головами маори, о чемъ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ европейскія и американскія коллекціи. Въ 1814 году англиканская миссія съ Самуэлемъ Марсденомъ во главѣ начала свои дѣйствія у Эйлендбея и скоро достигла такого вліянія среди туземцевъ, что уже къ 1820 году можно было думать, что сѣверная Новая Зеландія преобразится въ христіанское государство маори. Ужасы, вызванные Хонги, лишь временно могли задержать это развитіе; послѣ его смерти не только пошло быстро впередъ дѣло обращенія, но и сама идея государства маори подъ англиканскимъ руководствомъ стала приближаться къ своему осуществленію.

Въ Англіи въ то время не замѣчалось склонности сдѣлать колонизированіе Новой Зеландіи дѣломъ государственнымъ: Австралія лежала ближе, и населеніе ея было менѣе опаснымъ. Когда, однако, въ 1831 г. въ Эйлендбеѣ бросило якорь одно французское военное судно, миссіонеры побудили 13 мѣстныхъ вождей просить у короля Вильгельма IV покровительства для Новой Зеландіи. Правительство вняло просьбѣ, назначивъ въ 1833 г. резидента въ лицѣ Джемса Бёсби, колониста изъ Новаго Южнаго Уэльса, и предоставивъ ему въ дѣлахъ британскихъ поселенцевъ судопроизводство, впрочемъ, безъ какихъ бы то ни было полномочій.

Первымъ дѣяніемъ Бёсби было дарованіе Новой Зеландіи національнаго флага, который былъ въ 1834 г. оффиціально признанъ Англіей. Такимъ образомъ миссіонеры получили то, чего добивались съ такимъ упорствомъ — самостоятельное на видъ, но зависимое отъ нихъ въ дѣйствительности государство маори. По иниціативѣ Бёсби это государство, представленное 35 вождями сѣвера, стало называться съ осени 1835 г, United Tribes of New Zealand, Одновременно съ этимъ вожди объявили, что будутъ собираться ежегодно для изданія необходимыхъ законовъ. Самъ Бёсби хотѣлъ руководить правленіемъ при помощи состоявшаго изъ туземцевъ совѣта (council), въ который черезъ извѣстные промежутки времени должны были избираться депутаты. Первыя издержки по основанію этого государства должна была взять на себя Англія, у которой хотѣли просить не только ссуды, но и дальнѣйшаго покровительства.

Этотъ планъ Бёсби, осмѣянный всѣми, знакомыми съ условіями, въ которыхъ находилась Новая Зеландія, стоялъ въ связи съ другимъ фантастическимъ предпріятіемъ, виновникомъ котораго былъ баронъ фонъ Тьерри. Этотъ англичанинъ поручилъ въ 1820 г. миссіонеру Кендалю пріобрѣсти для него на Новой Зеландіи обширныя земли, и Кендаль купилъ въ 1822 г. на Гокіангѣ у трехъ вождей 40, 000 акровъ за 36 топоровъ. Тьерри, однако, не вступая во владѣніе этой землею, продолжалъ бродить по Южной Америкѣ, надѣясь сдѣлаться „сувереномъ“ какого нибудь народа, хотя бы самаго захудалаго племени индѣйцевъ. Затѣмъ онъ преслѣдовалъ тѣ же

цѣли на островахъ Южнаго моря, пока, наконецъ, не былъ избранъ однимъ изъ Маркизскихъ островов, Нука-Гивой, своимъ властителемъ. Въ качествѣ „верховнаго вождя на Новой Зеландіи и короля Нука-Гивы“ онъ съ острова Таити извѣстилъ въ 1835 г. англійскаго резидента о своемъ предстоящемъ пріѣздѣ; короли Великобританіи и Франціи, равно какъ и президентъ Соединенныхъ Штатовъ дали, по его словамъ, свое согласіе на основаніе у Гокіанга самостоятельнаго государства, и онъ только ждетъ прибытія высланнаго изъ Панамы и снабженнаго нужнымъ экипажемъ военнаго судна, чтобы отправиться къ Эйлендбей.

Мѣрой, къ которой прибѣгнулъ для противодѣйствія этому шагу Бёсби, было основаніе United Tribes of New Zealand. Страннымъ образомъ въ Англіи (но не въ Австраліи) отнеслись серьезно къ этому шагу, и вождямъ была обѣщана всякаго рода защита. Между Тьери и Бёсби состоялся по всѣмъ правиламъ обмѣнъ нотъ, а въ концѣ 1837 г. Тьерри въ сопровожденіи 93 искателей приключеній, европейцевъ, явился лично на сѣверный островъ. Принятый сначала дружелюбно нѣкоторыми изъ вождей, онъ скоро убѣдился, что и миссіонеры и англійскіе поселенцы дѣйствуютъ противъ него. Когда же затѣмъ выяснилось, что всѣ его оповѣщенія о сотняхъ его подданныхъ, которые должны прибыть вслѣдъ за нимъ, были пустымъ вымысломъ, Тьерри сдѣлался посмѣшищемъ какъ бѣлыхъ, такъ и маори, былъ оставленъ всѣми и съ тѣхъ поръ влачилъ въ бѣдности свое жалкое существованіе.

γ) Ваитангскій договоръ.

Французское имя Тьерри, основаніе французской „Compagnie Nanto-Bordelaise“ для колонизированія восточной части южнаго острова, наконецъ, водвореніе въ 1837 г. на Новой Зеландіи французскаго миссіонера Pompallier (Pomparlier), — все это усилило постепенно въ частныхъ кругахъ Англіи интересъ къ этому двойному острову. Еще въ XVIII вѣкѣ Джемсъ Кукъ ратовалъ за заселеніе изслѣдованной имъ въ 1769-70, 1773-74 и 1777 годахъ страны; затѣмъ и Веніаминъ Франклинъ предложилъ основать общество для колонизированія Новой Зеландіи; и то и другое осталось безуспѣшнымъ. Въ 1825 г., положимъ, составилась „New Zealand Company“, снарядившая на Новую Зеландію нѣкоторое число эмигрантовъ; но поведеніе туземцевъ такъ испугало переселенцевъ, что всѣ они, за исключеніемъ четырехъ самыхъ смѣлыхъ, вернулись обратно въ Англію или отправились въ Австралію. Такимъ образомъ эта попытка, поглотившая 20,000 фунтовъ стерлинговъ, не привела ни къ чему. Въ 1837 году идея колонизированія Новой Зеландіи снова ожила, благодаря Эдварду Гиббону Векфильду, основателю колоніи Южной Австраліи (стр. 275), графу I. G. Lambton Durham'у, руководителю попытки 1825 года, и другимъ депутатамъ британскаго парламента; однако, образовавшаяся „Association for the Colonization of New Zealand“ не сумѣла побѣдить противодѣйствія со стороны правительства и парламентовъ, поддерживаемаго миссіонерскими обществами, и должна была вскорѣ прекратить свое существованіе.

Въ концѣ 1838 года мѣсто ея заступила New Zealand Land Company, также основанная Векфильдомъ и Durham'омъ. Общество это намѣревалось пріобрѣтать у маори земли съ тѣмъ, чтобы продавать ихъ затѣмъ англійскимъ эмигрантамъ. Цѣны должны были быть такъ разсчитаны, чтобъ оставался излишекъ на постройку дорогъ, школъ и церквей, а затѣмъ и извѣстная выгода для акціонеровъ. Когда 1-го іюня 1839 года общество пустило въ продажу съ публичнаго торга 110,000 акровъ новозеландскихъ земель, то спросъ на нихъ такъ возросъ, что въ короткое время касса общества пополнилась 100,000 фунтовъ стерлинговъ.

Въ виду того факта, что дѣятельная колонизація Новой Зеландіи теперь не могла быть ужъ ничѣмъ задержана, министръ колоній маркизъ E. H. Phipps Normanby рѣшилъ предупредить New Zealand Land Company и обезпечить правительству всю выгоду такого предпріятія. Подъ вліяніемъ агитаціи Векфильда, уже въ концѣ 1838 г. предшественникъ Норманби, Чарльзъ Грантъ, лордъ Гленелгъ задумалъ учредить британское консульство на Новой Зеландіи и пріобщить занятыя уже тамъ бѣлыми земли къ управленію Новаго Южнаго Уэльса. 15 іюня 1839 г. Норманби назначилъ моряка, капитана Гобсона консуломъ Новой Зеландіи и поручилъ ему уговорить туземцевъ признать верховную власть королевы Англіи; онъ же, замѣщая губернатора, долженъ былъ управлять островами какъ принадлежащими къ Новому Уэльсу. Чтобы погубить планы компаніи еще въ зародышѣ, Гобсону надлежало обязать вождей маори продавать свои земли исключительно казнѣ и подавить сильно свирѣпствовавшую также и на Новой Зеландіи спекуляцію на земли (сравни стр. 258) тѣмъ, что всѣ земляныя пріобрѣтенія британскихъ подданныхъ должны были подвергаться разсмотрѣнію особаго комитета.

Правительство, однако, запоздало со всѣми этими мѣропріятіями. Уже 16 августа 1839 г. экспедиція, снаряженная New Zealand Land Company, подъ начальствомъ брата Векфильда, прибыла въ заливъ королевы Шарлотты, и, несмотря на всѣ происки миссіонеровъ, пріобрѣла у туземцевъ за небольшое количество товару громадную область и тотчасъ же основала у Портъ-Никольсона городъ Веллингтонъ. Этимъ былъ созданъ центръ для „Британіи Южнаго моря“. Впрочемъ одиннадцатый акръ пріобрѣтенной земли долженъ былъ оставаться за туземцами, какъ неприкосновенное имущество.

Такъ какъ и компанія Nanto-Bordelaise была уже близка къ тому, чтобы стать твердою ногою на Новой Зеландіи, то Гобсонъ, прибывшій 29 января 1840 г. на сѣверный островъ, найдя поддержку въ миссіонерахъ‘ видѣвшихъ въ правительственной колоніи меньшее зло, заключилъ 6 февраля съ вождями Ваитанги договоръ, которымъ они всецѣло и на всегда признавали за Англіей верховную власть надъ своею страною. За это Англія въ свою очередь гарантировала маори свое королевское покровительство, всѣ права британскихъ подданныхъ и всѣ ихъ права на земли и собственность, но оставляла за собою право первенства при покупкѣ всякой области, которую туземцы вздумали бы продавать. Къ немногимъ десяткамъ вождей, которые подписались первыми, вскорѣ присоединились еще другіе, такъ что число подписей къ серединѣ 1840 года достигало уже 512. Такимъ образомъ уже въ іюнѣ британская верховная власть была признана также и для южнаго острова и Стевартъ Эйленда, „на основаніи права, пріобрѣтеннаго открытіемъ Кука“; 19 сентября Гобсонъ поднялъ британскій флагъ въ Ауклэндѣ. 16 ноября 1840 г. Новая Зеландія была объявлена коронной колоніей. Губернаторомъ былъ назначенъ Гобсонъ; правительственнымъ же центромъ сдѣлался покуда Ауклэндъ.

Ваитангскій договоръ является во многихъ отношеніяхъ событіемъ исторической важности. Въ немъ впервые европейская нація признала и за туземцами некультурной страны полное право собственности на родовыя ихъ земли; сравнимъ съ этимъ хотя бы поведеніе правительства и поселенцевъ по отношенію къ сосѣдней Австраліи и Тасманіи! Впервые, какъ указываетъ Теодоръ Вайтцъ, съ „дикарями“ оффиціально обращались какъ съ переселенцами, т. е. какъ съ людьми.

Другая сторона договора—это его политическое значеніе. Ставъ твердою ногою какъ разъ у широкаго входа въ Тихій океанъ, Англія обезпечила себѣ этимъ первенствующее положеніе во всей средней и южной части океаническаго міра. Для Франціи это было ударомъ тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что послѣ неудачи, которую она потерпѣла со

своими колонизаціонными планами въ Австраліи и Тасманіи, она уже вообще не разсчитывала больше ни на какую сколько нибудь значительную область, которая могла бы служить ей твердой опорой среди ея далеко разбросанныхъ въ южной части Тихаго океана колоніальныхъ владѣній; суда ея, прибывшіе на Новую Зеландію въ іюлѣ 1840 г., должны были вернуться обратно, не добившись никокого результата.

Кто останется въ концѣ концовъ побѣдителемъ въ борьбѣ за преобладаніе на Тихомъ океанѣ? Вопросъ, на который трудно отвѣтить. Въ настоящій моментъ Тихій океанъ является еще ареной, на которой подвизаются многочисленные игроки; въ недалекомъ уже можетъ быть будущемъ на этой аренѣ останутся только Соединенные Штаты, Россія и Англія, которая больше другихъ сроднилась съ Тихимъ океаномъ (ср. т. I, стр. 587). Какъ бы то ни было, Новая Зеландія всегда сохранитъ свое значеніе, благодаря своему географическому положенію. Въ стратегическомъ отношеніи она представляетъ прекрасное фланговое прикрытіе для беззащитной съ сѣвера и востока Австраліи; въ экономическомъ же — она по меньшей мѣрѣ одарена не хуже этой послѣдней: если она уступаетъ ей въ смыслѣ пространства, то, съ другой стороны, она обладаетъ болѣе благопріятными климатическими условіями.

д) Судьбы маори съ 1840 г. по настоящее время.

Для самой колоніи Ваитангскій договоръ повлекъ за собою тяжкія событія. Англійское правительство, не признававшее съ самаго начала New Zealand Land Company, сбавило ея требованія (изъ 46 милліоновъ акровъ земли „купленныхъ“ только европейцами — 20 милліоновъ) сперва на 997,000, а по ближайшему разслѣдованію (въ 1843 г.) на 282,000 акровъ. Англичанамъ, предъявившимъ претензію на остальные 26 милліоновъ акровъ, было присуждено лишь 100,000, Лондонской миссіи вмѣсто 216,000 акровъ — только 66,000. Остатокъ во всѣхъ этихъ случаяхъ не былъ возвращенъ туземцамъ, а былъ объявленъ казенной землею и распродавался самимъ правительствомъ. Съ этихъ поръ туземцы получили совершенно другое понятіе о цѣнности своей земли, которую они до того отдавали въ своемъ невѣдѣніи за ружья, ромъ, табакъ, одѣяла и побрякушки. Теперь они все чаще стали оспаривать старые контракты, прибѣгая сначала къ тяжбамъ и жалобамъ, затѣмъ къ насиліямъ и въ концѣ концовъ къ открытой борьбѣ и убійствамъ. Послѣ того, какъ въ 1843 году маори убили нѣсколькихъ европейцевъ и неоднократно срывали англійскій флагъ, Англія увидѣла себя вынужденной стать съ островитянами на военную ногу. Преемникъ Гобсона (ум. 1842 г.) Робертъ Фицрой, получившій извѣстность, какъ командиръ корабля „Бигль“, на которомъ въ 1831—36 гг. Чарльзъ Дарвинъ совершилъ свое кругосвѣтное путешествіе, оказался не на высотѣ своего положенія; всевозможными уступками (уничтоженіе ввозныхъ пошлинъ, предоставленіе маори права свободной продажи земель переселенцамъ) онъ поощрялъ туземцевъ все къ новымъ и новымъ требованіямъ. Къ тому же мѣропріятія его очень быстро истощили колоніальную мошну. New Zealand Land Company вслѣдствіе постоянныхъ безпорядковъ также попала въ затруднительное положеніе и пріостановила на время свои дѣйствія. Кромѣ того, и англійскія войска, не имѣя артиллеріи, плохо справлялись съ храбро отстаивавшими себя маори.

Въ ноябрѣ 1845 г. прибылъ на Новую Зеландію Георгъ Грей, заслужившій себѣ шпоры въ качествѣ перваго губернатора Южной Австраліи (стр. 277). Когда попытка умиротворить возставшихъ не имѣла успѣха, губернаторъ запретилъ всякій ввозъ оружія и амуниціи и быстрымъ натискомъ сразилъ вождей Хеки и Кавири. Въ концѣ января 1846 года миръ былъ заключенъ. Отдѣльныя, возникавшія еще возстанія, также были быстро

подавлены. Ближайшей заботой Грея было путемъ реформъ предупредить возможность дальнѣйшихъ междуусобныхъ войнъ. Помимо уже упомянутаго ограниченія миссіонерскихъ земель, онъ замѣстилъ должность завѣдующаго дѣлами туземцевъ, занимавшуюся до тѣхъ поръ миссіонеромъ, офицеромъ и упорядочилъ наиболѣе благопріятнымъ для туземцевъ образомъ земельный вопросъ. Выработанную въ 1846 г. Лондонскимъ правительствомъ новую конституцію, предоставлявшую колоніи полное самоуправленіе, онъ счелъ преждевременною и не далъ ей вступить въ силу; онъ ограничился тѣмъ, что раздѣлилъ колонію на двѣ провинціи, Чтобы оживить почти заглохшую иммиграцію, New Zealand Land Company дана была безпроцентная ссуда въ 236,000 фунтовъ стерлинговъ и предоставлены были въ пользованіе до іюля 1850 г. казенныя земли въ округѣ Нью Мэнстеръ; ей было предписано не понижать цѣны за акръ болѣе чѣмъ до 1 фунта стерлинговъ. При ея содѣйствіи Free Church of Scotland основала въ 1847 году на южномъ островѣ колонію Отаго, а Church of England основала въ 1849 г. мѣстечко Кентербёри. Это были послѣднія заслуги общества, дирекція котораго вынуждена была въ 1850 году окончательно пріостановить свои дѣла за недостаткомъ средствъ, что для Новой Зеландіи было въ сущности большимъ счастьемъ, такъ какъ она только страдала отъ соперничества между „Компаніей„ (Company) и правительствомъ (Government). Правительство подарило обществу данную ему ссуду, а акціонеры получили за земли, которыхъ лишились, 268,000 фунтовъ стерлинговъ.

Служба Георга Грея закончилась 31 декабря 1853 г.; послѣ кратковременнаго отпуска на родину, онъ получилъ назначеніе въ Капскую колонію (ср. т. III стр. 490). Но передъ уходомъ ему удалось добиться для своего двойного острова тѣхъ же благъ самоуправленія, какія метрополія даровала австралійскимъ колоніямъ — такъ называемаго отвѣтственнаго правительства, „Responsible Government“ (въ 1852 г.). Конституція, составленная въ своихъ главныхъ частяхъ самимъ Греемъ, начертала шесть провинцій съ отдѣльнымъ для каждой управленіемъ, своимъ совѣтомъ и свободноизбраннымъ руководителемъ. Провинціи образовали союзное государство съ парламентомъ, состоящимъ изъ нижней палаты, составляющейся путемъ выборовъ, и верхней — по назначенію. Впервые парламентъ собрался въ 1854 г. въ Оклэндѣ, мѣстопребываніи губернатора и центральнаго правительства. Вмѣстѣ съ окончательнымъ урегулированіемъ австралійскихъ конституцій вообще было проведено въ 1855 и Responsible Government во всѣхъ его частяхъ. Только дѣла, касавшіяся туземцевъ, оставались еще до 1862 года въ рукахъ правительства.

Послѣ ухода сэра Георга Грея наступилъ рядъ годовъ, отличавшихся внѣшнимъ спокойствіемъ и полезныхъ для развитія колоніи. Однако, они несли уже въ себѣ зародыши новаго бѣдствія. Туземцы, изъ опасенія, чтобы палаты, въ которыхъ они не имѣли представительства, не ослабили встрѣченное съ довѣріемъ центральное правительство, соединились въ такъ назыв. „Земскую Лигу“ („Land League“), съ цѣлью совершенно воспретить дальнѣйшую продажу земель правительству. Въ 1857 году образовался даже національный союзъ, имѣвшій цѣлью поставить преграду росту чужеземнаго вліянія. Старый вождь Потатау те Вгеровгеро былъ провозглашенъ королемъ; душою всего движенія, поддерживаемый болѣе молодыми вождями, былъ энергичный Вильямъ Томпсонъ изъ племени Нгатигауа, по прозвищу — Kingmaker („Создатель королей“). Покуда жилъ „король мира“ Потатау I, маори держали себя спокойно.

При его преемникѣ Потатау II въ 1860 г. начались распри съ бѣлыми; онѣ приняли вскорѣ такіе размѣры, что Лондонское правительство увидѣло себя вынужденнымъ вторично прислать на Новую Зеландію сэра Георга Грея. Несмотря на все почитаніе, которымъ Грей пользовался

среди туземцевъ, и несмотря на данную имъ маори конституцію, ему не удалось подавить войну: вопросъ шелъ теперь о томъ, какая раса вообще должна остаться въ странѣ. Великая война маори длилась съ нѣсколькими перерывами, вызванными истощеніемъ обоихъ противниковъ, полныхъ десять лѣтъ. Маори выказываютъ за эту войну столько мужества и выносливости, что имъ принадлежитъ первое мѣсто среди первобытныхъ народовъ. Одно пораженіе англичанъ слѣдовало за другимъ; изъ Англіи и изъ Австраліи доставлялись все новыя и новыя войска. Въ 1867 г. согласились, наконецъ, дать маори четыре мѣста въ нижней палатѣ, но партизанская война продолжала свирѣпствовать. Только въ 1870 г. наступилъ миръ. Колоніи и метрополіи эта война стоила громадныхъ денегъ, значительной части поселенцевъ и къ тому же она обременила страну тяжелыми налогами на цѣлые полтора десятка лѣтъ.

Униженные въ своей гордости, лишенные всякой надежды сохранить свою народность и даже расу, туземцы стянулись въ „страну короля“, мѣстность въ 4050 кв. км. къ сѣверо-западу отъ озера Таупо, гдѣ ихъ пока оставили въ покоѣ. Совершенно безъ столкновеній между ними и бѣлыми не обошлось и за послѣднее тридцатилѣтіе; но въ общемъ маори примирились съ положеніемъ вещей. Въ значительной части занятой ими земли они завели разумное хозяйство; они владѣютъ тремя слишкомъ милліонами овецъ, 50,000 рогатаго скота и 100,000 свиней. Почти всѣ они умѣютъ читать и писать по англійски, и всѣ они крещены, они ревностно проводятъ выборы въ парламентъ, гдѣ имѣютъ за собою четыре мѣста въ нижней палатѣ и два въ верхней. Но прежняя народность и здѣсь безповоротно исчезла; 40,000 маори, остатки племени, насчитывавшаго во времена своего процвѣтанія 150,000 душъ, едва ли въ какомъ-нибудь отношеніи напоминаютъ еще своихъ предковъ. Они ужъ два поколѣнія, какъ не предаются больше каннибализму, но мѣсто его заступило пьянство; чахотка, астма и золотуха служатъ спутниками этого порока.

ε) Колоніальное развитіе Новой Зеландіи.

„Новой Зеландіи въ ея колоніальномъ развитіи не посчастливилось съ самого начала и до нашихъ дней“, такъ писалъ въ 1862 г. Фердинандъ фонъ Гохштеттеръ. Почти столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Джемсъ Кукъ водрузилъ флагъ Великобританіи на ея берегахъ, а число европейскихъ колонистовъ не перешло даже за первую сотню тысячъ. Никто не станетъ искать причины этого весьма медленнаго въ сравненіи съ Новымъ Южнымъ Уэльсомъ и Викторіей хода развитія Новой Зеландіи въ физическихъ условіяхъ страны: южный островъ, котораго междоусобія почти совершенно не коснулись, развивался въ эти первыя десятилѣтія значительно быстрѣе, чѣмъ обуреваемый борьбою сѣверный островъ. Эмигрировавшіе изъ Новаго Южнаго Уэльса и Тасманіи скваттеры (стр. 256) и овцеводы скоро убѣдились, что южный островъ очень пригоденъ для овцеводства, и немного лѣтъ спустя послѣ основанія церковныхъ колоній Отаго и Кентербери (стр. 331), вся почти средняя и восточная части острова были раздѣлены на пастбищные участки. Въ 1861 году островъ уже вывозилъ круглымъ счетомъ 8 милліоновъ фунтовъ шерсти стоимостью въ полъ милліона фунтовъ стерлинговъ; въ 1899 г. шерсть являлась самымъ главнымъ предметомъ вывоза для Новой Зеландіи (= 4,3 милліона фунтовъ стерлинговъ).

Затѣмъ южный островъ своимъ развитіемъ во многомъ еще обязанъ нахожденію тамъ золота. За отдѣльными Коромандельскими и Нельсоновскими находками на сѣверномъ островѣ, начиная съ 1852 года, послѣдовало въ 1861 году открытіе богатыхъ аллювіальныхъ залежей въ Отаго, повлекшее за собою настоящую золотую горячку. Когда онѣ были исполь-

зованы, началась разработка богатыхъ розсыпей на западномъ берегу. Отаго вывезло въ 1863 г. свыше 2 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а западный берегъ еще больше въ 1866 г. Къ концу шестидесятыхъ годовъ разработка и вывозъ золота на сѣверномъ островѣ также увеличились. Все это необыкновенно усилило довѣріе метрополіи къ будущности Новой Зеландіи: въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ послѣдовалъ на Лондонскомъ денежномъ рынкѣ цѣлый рядъ займовъ для поднятія производительности страны. Въ настоящее время Новая Зеландія является въ отношеніи государственнаго долга первою страною въ мірѣ (31 марта 1900 г.: 47,87 милл. фунтовъ стерлинговъ, т. е. 61 фунтъ 13 шиллинговъ на душу).

Въ управленіи страною произошло за послѣднее полустолѣтіе мало перемѣнъ. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ было ясно, что соединеніе почти независимыхъ другъ отъ друга провинцій, число которыхъ постепенно увеличилось еще на три (стр. 331), является лишь вопросомъ времени. Въ 1876 г., послѣ того какъ въ октябрѣ 1864 г. лежащій въ центрѣ (у пролива Кука; см. карту при стр. 227) Веллингтонъ объявленъ былъ главнымъ городомъ для обоихъ островов, были уничтожены также и особыя права провинцій. Съ тѣхъ поръ Новая Зеландія состоитъ изъ 81 графства, которыя посылаютъ своихъ представителей въ Веллингтонскій парламентъ. Относительно главнаго вопроса внѣшней политики — рѣшенія за или противъ присоединенія къ австралійскому союзному государству — смотри выше стр. 235, 291 и 325. Вопросы внутренней политики еще мало выяснены и по сіе время. Въ Новой Зеландіи занимаются „демократической экспериментальной политикой“ (Морицъ Шанцъ), затѣмъ все еще стараются разрѣшить поземельный вопросъ, по возможности, въ пользу бѣдныхъ классовъ, равно какъ и поднять высокой ввозной пошлиной промышленность страны, но въ общемъ со времени упадка добычи золота держатся больше соціалистическаго фарватера.

9. Миссіи въ Тихомъ океанѣ.

А. Миссія въ Австраліи.

Какъ на большинство примитивныхъ народовъ, такъ и на судьбы австралійцевъ и океанійцевъ, бѣлая раса вліяла двоякимъ путемъ: политическимъ и экономическимъ захватомъ ихъ областей и внесеніемъ христіанства въ ихъ исконное язычество. Для Океаніи является характернымъ тотъ фактъ, что оказанное миссіей вліяніе значительно превосходитъ другія какъ по своей устойчивости, такъ отчасти и по достигнутымъ результатамъ. Этого нельзя сказать относительно австралійскаго материка: здѣсь попытки миссіонеровъ оставались въ сравненіи съ колоссальнымъ пространствомъ материка всегда лишь единичными, прививались робко и не достигли никакихъ замѣтныхъ результатовъ. Хотя и много разсказывается о преуспѣяніи темнокожихъ воспитанниковъ въ чтеніи, письмѣ и ариѳметикѣ, но это свидѣтельствуетъ больше о духовной одаренности расы, чѣмъ объ общемъ успѣхѣ миссіи. Любовь австралійца къ безпокойной бродячей жизни охотника слишкомъ вкоренилась въ него.

Б. Миссія въ Океаніи.

Гораздо большихъ результатовъ могъ ожидать миссіонеръ на островахъ Океаніи (см. „Карту религій и миссіонерскихъ станцій“ при стр. 380 т. VII). Ограниченность пространства дѣлала возможнымъ соединеніе всѣхъ имѣвшихся въ его распоряженіи факторовъ, а національная разрозненность океанійцевъ значительно подготовляла почву для миссіонеровъ. Дока-

зательствомъ тому служитъ переходъ въ христіанство Такомбау, Помаре, Камеамеа II. Надежда на политическое содѣйствіе бѣлыхъ глашатаевъ вѣры была слишкомъ заманчива, чтобы не воспользоваться удобнымъ средствомъ во многихъ случаяхъ только формальнаго перехода въ другую религію. Но несмотря на это успѣхи обращенія на первыхъ порахъ въ общемъ были незначительны. За многообѣщавшими первыми шагами на Таити (стр. 308) дѣло обращенія, послѣ вмѣшательства миссіонеровъ въ распри изъ-за трона, сильно пошло назадъ. На Новой Зеландіи смуты при Хонги (стр. 326) задержали на цѣлые годы распространеніе христіанства. То же было на Гавайскихъ островахъ вслѣдствіе борьбы династіи Камеамеевъ за политическое преобладаніе на архипелагѣ. Только на Тонга дружное обращеніе въ христіанство всего сѣвера совершилось въ теченіе одного лишь десятилѣтія миссіонерской дѣятельности (1830—1840): властители Тауфаагау и Тубо служили отличной опорой миссіи; кромѣ того, арена была въ то время исключительно предоставлена протестантскому вѣроисповѣданію. Съ того момента, какъ французскій епископъ Помпалье ступилъ на землю Тангатабу (въ 1841 г.); мы и здѣсь видимъ передъ собою картину борьбы вѣроисповѣданій и крайней зависти среди послѣдователей различныхъ религіозныхъ направленій, что въ свою очередь вливало отраву и въ другія области народной жизни.

Это недоброжелательство между вѣроисповѣданіями является самымъ большимъ изъ золъ, отъ которыхъ приходилось страдать миссіи въ Океаніи, и не оставляетъ мѣста чувству чистой радости при привлеченіи цѣлой народной группы въ лоно христіанства. Не такъ легко отвѣтить на вопросъ, кто въ данномъ случаѣ является главнымъ виновникомъ такого положенія дѣлъ, такъ какъ изображеніе отдѣльныхъ эпизодовъ, какъ и всей дѣятельности въ совокупности, варіируется въ зависимости отъ того, къ какому вѣроисповѣданію оно относятся. Однако, въ большинствѣ мѣстностей виновной слѣдуетъ признать запоздавшую католическую миссію. Пользуясь повсюду покровительствомъ Франціи, она старалась наверстать потерянное время крайне безцеремоннымъ образомъ дѣйствій, о чемъ свидѣтельствуютъ событія на Таити, Маркизскихъ островахъ и Паумоту, на Гавайи и особенно на островахъ Лойальти. Здѣсь англійскому миссіонеру Муррею съ 1841 г. удалось обратить въ протестантизмъ значительную часть населенія трехъ острововъ. Въ 1864 году, благодаря стараніямъ католическихъ миссіонеровъ, послѣдовало занятіе Франціей этой островной группы, и въ то же время протестантское богослуженіе было вытѣснено католическимъ. Французское войско проявило при этомъ по отношенію къ туземцамъ столько безпощадности, что другія державы увидѣли себя вынужденными сдѣлать представленія правительству Наполеона III. Особенно роковымъ это вторженіе сдѣлалось въ 1872, 1873 и 1880 гг., когда дѣло дошло до настоящихъ религіозныхъ войнъ между послѣдователями обоихъ вѣроисповѣданій, во время которыхъ не щадились даже женщины и дѣти.

Но и на протестантской миссіи лежитъ большая отвѣтственность за то, что она часто въ одномъ лицѣ совмѣщала и миссіонера и торговца. Даже апостолъ Южнаго моря, Джонъ Уилльямсъ, не брезгалъ торговлей и, несмотря на многократныя запрещенія со стороны Англіи, такого совмѣщенія невозможно было искоренить. Единеніе всѣхъ бѣлыхъ вообще, столь необходимое для истинной культурной миссіи условіе, не мало страдало отъ этого: купцы не видѣли никакого для себя повода оказывать поддержку стремленіямъ церкви, являвшейся для нихъ нежелательнымъ конкуррентомъ. Къ этому присоединилось еще второе обстоятельство. Въ то время какъ католическій миссіонеръ строго изолировалъ отъ внѣшняго вліянія свою общину, всецѣло посвящая себя ей (отсюда успѣхи іезуитовъ въ созиданіи большихъ общинъ, приростъ католиковъ на Гавайскихъ

островахъ и т. д.), торговая дѣятельность протестантскаго священника отвлекала его значительно отъ его главнаго назначенія.

Но одинаково заслужили упрекъ оба вѣроисповѣданія въ томъ, что вмѣшивались въ политическія дѣла океанійцевъ до тѣхъ поръ, пока не всѣ области были еще захвачены. Часто, конечно, стоявшіе одиночно среди возбужденныхъ народностей миссіонеры принуждены были присоединяться къ той или другой партіи, если не хотѣли вообще рисковать жизнью и успѣхомъ обращенія, но также часто мы не находимъ къ тому никакого видимаго повода. На Новой Зеландіи (стр. 326) намѣревались даже основать особое царство Маори съ духовнымъ главенствомъ — подобіе іезуитскаго государства въ Парагваѣ (т. I стр. 400).

Что дала миссія океанійцамъ? Въ поднятыхъ въ печати спорахъ о значеніи миссіи въ Южномъ морѣ, продолжавшихся въ теченіе почти всего XIX столѣтія, нѣкоторые голоса, по примѣру Отто фонъ Котцебу, безапелляціонно осудили ея образъ дѣйствій. Въ противоположность этому Чарльзъ Р. Дарвинъ указывалъ на то, что, помимо другихъ успѣховъ, нельзя отрицать смягченія нравовъ, вызваннаго дѣятельностью миссіи, которая — и это нужно особенно выдвинуть — покрыла обширное пространство Южнаго моря цѣлою сѣтью станцій прежде, чѣмъ западнымъ державамъ стало очевиднымъ все значеніе такой мѣры: стоитъ только сравнить почти нетронутыхъ еще островитянъ Соломонова архипелага съ нѣкогда совершенно дикими, теперь же вполнѣ мирными фиджійцами. Впрочемъ, эта заслуга нигдѣ всецѣло не падаетъ на миссію: напротивъ того, покуда она одна олицетворяла собою бѣлую расу, въ Океаніи не мало было пролито крови (войны Хонги, борьба династій на Таити, Гавайи, Тонга и Самоа). Лишь съ того времени, какъ колоніальныя правительства, которымъ въ сущности не столько было важно благоденствіе жителей, сколько мирное пользованіе земельною собственностью, взяли дѣло въ свои сильныя руки, успѣхи сдѣлались очевидными.

И въ области науки дѣятельность миссіонеровъ имѣетъ и хорошія, и дурныя стороны. Никогда не изгладится память о томъ усердіи, съ которымъ болѣе дальновидные изъ нихъ уже давно интересовались душевною жизнью океанійцевъ и собрали многое, что для насъ, болѣе позднихъ изслѣдователей, является необходимымъ матеріаломъ для пониманія этого народа. Такъ же точно не слѣдуетъ забывать, что никто не принималъ съ большимъ отсутствіемъ здраваго смысла участія въ уничтоженіи (правда неизбѣжномъ) океанійской народной самобытности, какъ именно проповѣдники христіанства. Они безпощадно вторгались во всѣ отрасли народной жизни, чтобы перекраивать ее согласно своимъ собственнымъ воззрѣніямъ. Даже на мѣсто унаслѣдованной красивой и практичной одежды они во многихъ мѣстахъ ввели безвкусную бумажную ткань, придавая ей формы, которыя не могли не оскорблять чувства прекраснаго, столь развитаго въ туземцахъ, и кромѣ того мало соотвѣтствовали требованіямъ гигіены, способствуя лишь распространенію хроническихъ заболѣваній.

Теперь, когда островной міръ Океаніи разобранъ по частямъ, миссія со своею важною послѣдствіями дѣятельностью уже сыграла свою историческую роль. Исторія человѣчества приняла большій розмахъ, и широкіе пути ея охватываютъ также и крошечные острова Тихаго океана.

10. Колоніальная исторія Тихаго океана.

Океанія является въ настоящее время на всемъ своемъ протяженіи колоніальною областью; немногіе клочки земли, на которыхъ не развѣвается еще флагъ какой-либо державы, или незаселены или представляютъ неплодородные скалы и рифы. Однѣ только Новыя Гебриды ждутъ еще своего назначенія.

Океанію оцѣнили лишь въ позднѣйшее время, и это выразилось въ политическихъ захватахъ ея территорій. Если не считать Маріанскихъ острововъ, на которыхъ начало испанской колонизаціи относится еще къ XVI ст., ни одна изъ островныхъ группъ не заслужила благосклоннаго вниманія европейскихъ правительствъ до конца XVIII ст. Причиной этому было отсутствіе въ Океаніи благородныхъ металловъ, цѣнныхъ пряностей и богатыхъ тканей. Для Испаніи и Португаліи, главныхъ колонизаторовъ прежнихъ временъ, этотъ недостатокъ дѣлалъ область ничего нестоющей; Голландія же, Франція и Англія уже имѣли достаточно дѣла съ устроеніемъ своихъ индійскихъ, африканскихъ и американскихъ колоніальныхъ владѣній.

Толчекъ къ открытію Океаніи для колоніальныхъ пріобрѣтеній дали въ XIX ст. французы. Такъ какъ завоеваніе Алжира (т. IV, стр. 246) не было достаточнымъ, чтобъ поддержать свой расшатанный тронъ, Людовикъ Филиппъ еще въ серединѣ тридцатыхъ годовъ выдвинулъ проектъ созданія полинезійскаго колоніальнаго государства. Этотъ планъ осуществился только въ восточной Полинезіи, гдѣ французамъ удалось подчинить себѣ округленную область; въ общемъ же Франціи пришлось бороться съ противниками своихъ стремленій, которые нашлись не только въ рядахъ протестантскихъ миссіонеровъ, но и въ кабинетахъ Лондона, Вашингтона и С.-Петербурга. Такимъ образомъ въ западной Меланезіи ей удалось присвоить себѣ лишь юго-восточную область — Новую Каледонію съ сосѣдними островами.

Англія присоединила большую часть своихъ теперешнихъ океанійскихъ владѣній, включая и Новую Зеландію, лишь по принужденію. Стимуломъ къ тому служила въ прежніе вѣка всплывавшая по временамъ боязнь французской міровой конкурренціи. Затѣмъ, съ расширеніемъ германскихъ торговыхъ сношеній въ Южномъ морѣ, явилось опасеніе захватовъ со стороны Германіи, причемъ, однако, выразителями идеи британской колонизаціи явились, главнымъ образомъ, сознавшія свое историческое призваніе австралійскія колоніи и Новая Зеландія. Съ выступленіемъ на колоніальную міровую арену Германской Имперіи, прекратилось на половину вынужденное присоединеніе новыхъ областей къ британскимъ колоніальнымъ владѣніямъ. Съ этого момента Альбіонъ старается забирать все, что еще возможно взять. Въ настоящее время онъ смотритъ на среднюю Меланезію, среднюю Полинезію и юго-восточную Микронезію, какъ на сферу своихъ интересовъ; „свободныя" Новыя Гебриды, французская Новая Каледонія и германскіе О-ва Самоа ни чуть не измѣняютъ дѣла.

Германія сдѣлалась океанической колоніальной державой въ погонѣ за торговыми рынками. Отчасти ей удалось при этомъ стать твердою ногою на непринадлежавшихъ еще никому областяхъ; отчасти же, подобно американцамъ, она захватила наслѣдіе самыхъ древнихъ колонизаторовъ въ Тихомъ океанѣ—испанцевъ. Въ настоящее время Германія располагаетъ округленною, обширною и богатою областью, обнимающею значительныя пространства Меланезіи и почти всю Микронезію; она, однако какъ и французскія владѣнія, страдаетъ отъ слишкомъ большой отдаленности отъ метрополіи; кромѣ того, она имѣетъ подъ бокомъ, не говоря уже о молодыхъ американскихъ колоніяхъ Гавай и Филиппинахъ, такую опасную въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ сосѣдку, какъ Австралія. Выдвинувшіеся впередъ о-ва Самоа принесутъ Имперіи больше заботъ, чѣмъ радости.

Самой молодой державой на тихоокеанской аренѣ являются Соединенные Штаты Сѣверной Америки, вторженіе которыхъ было куплено цѣною вынужденнаго отступленія Испаніи. Занятіе Соединенными Штатами Филиппинъ, Гавайи, Гуама (Маріанскіе о-ва) и Тутуилы (Самоа) — слѣдовательно четырехъ, разбросанныхъ по всему островному міру пун-

ктовъ — влечетъ за собою важныя послѣдствія, уже благодаря тому, что этимъ мѣняется все міровое положеніе: Америка, которая до сихъ поръ поворачивала фронтъ исключительно на востокъ, теперь оборачивается лицомъ къ Тихому океану. Въ это же время она готовится прорыть средне-американскій перешеекъ — единственное препятствіе къ развитію ея мощи на Западѣ. Въ своей совокупности это американское движеніе имѣло послѣдствіемъ то, что океанійскія владѣнія поднялись въ оцѣнкѣ, а Тихій океанъ въ общемъ сталъ центромъ интересовъ человѣчества (т. I, отд. VI); событія на восточномъ побережьѣ Азіи служатъ этому лучшимъ доказательствомъ

Въ океаніи однѣ только великія державы могли проявить колонизаціонную дѣятельность. Испанія должна была устраниться, какъ только имя ея было вычеркнуто изъ ряда жизнеспособныхъ міровыхъ державъ. Португалія, слѣдуя повелѣнію папы, никогда и не пыталась ступить туда ногой. Голландія вдается въ Тихій океанъ только самымъ восточнымъ уголкомъ своихъ колоніальныхъ владѣній — Нидерландской Новой Гвинеей; активной же дѣятельности она, однако, тамъ еще не проявляла. Чили владѣетъ островомъ Пасхи только для виду. Остается, наконецъ, Японія, передъ которой захлопнулись двери Гавайскихъ о-въ.

11. Антарктида.

Область, прилегающая къ южному полюсу, по всей вѣроятности, не заселена; мы даже не знаемъ, сплошная ли масса суши или же острова являются носителями могучаго полярнаго ледяного покрова. Исторія такой области можетъ выразиться лишь въ томъ вліяніи, которое предпринимавшіяся изслѣдованія ея оказали на ходъ культурнаго развитія человѣчества. Въ смыслѣ неизвѣданнаго Южнаго материка, понятіе о немъ существовало уже въ очень ранній періодъ (ср. стр. 245). Затѣмъ поиски этого материка заполняютъ значительную часть XVI-го, все XVII-ое столѣтіе и цѣлыхъ двѣ трети XVIII-го. Среди географическихъ изслѣдованій тѣхъ временъ, предпринимавшихся изъ матеріальныхъ видовъ, это единственное изслѣдованіе, имѣвшее идеальную подкладку и уже по одному этому оно должно имѣть значеніе для исторіи человѣчества; изученіе отношенія между водою и сушею на земной поверхности является однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ физической географіи, которымъ серьезно занимались два столѣтія. Лишь грандіозное кругосвѣтное путешествіе Джемса Кука въ 1772—75 гг. разсѣяло чувство неувѣренности: съ тѣхъ поръ люди успокоились въ сознаніи, что и безъ того массивнаго противовѣса сѣвернымъ материкамъ, котораго требовала физическая географія, земля спокойно совершаетъ свой путь. Въ этомъ отношеніи Антарктида, которая уступаетъ сѣвернымъ полярнымъ странамъ въ ихъ значеніи для исторіи человѣчества, стоитъ несомнѣнно на первомъ планѣ.

Съ началомъ вѣка научныхъ изслѣдованій значеніе обѣихъ полярныхъ областей для культурнаго развитія человѣчества нѣсколько видоизмѣнилось. Съ оживленіемъ изслѣдованія Сѣвернаго и южнаго полюсовъ въ 1818 г. (I. Россъ и В. Э. Парри) обѣ крайнія области ойкумены стали играть роль нейтральнаго поля для изслѣдованій всѣхъ культурныхъ націй. Попытки XIX столѣтія проникнуть въ самые отдаленные уголки обитаемой области представляютъ одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ отдѣловъ всемірной исторіи. Самыя роковыя ошибки не могли остановить культурный міръ въ его стремленіи достигнуть той высокой цѣли, надъ которою онъ работалъ съ большимъ успѣхомъ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Но въ то время, когда при всемъ идеализмѣ, которымъ проникнуты современныя изслѣдованія, тотчасъ проявляется человѣческое корыстолюбіе, какъ только подымается вопросъ о судьбахъ вновь открытыхъ далекихъ земель, Арктида

(ср. выше, стр. 190) и Антарктида (стр. 238) составляли въ этомъ отношеніи исключеніе: экономическихъ выгодъ здѣсь ожидать нельзя было, но за то какое богатство научныхъ завоеваній! Поэтому современное культурное человѣчество и смотритъ на обѣ эти области, особенно на южныя полярныя страны, какъ на священную землю, на которой каждый, кто серьезно желаетъ потрудиться надъ поднятіемъ завѣсы съ погруженныхъ въ ледяную ночь крайнихъ областей обиталища человѣка, является желаннымъ гостемъ. Съ того момента, какъ эта завѣса будетъ поднята, человѣчество, потерявъ это общее достояніе, почувствуетъ себя бѣднѣе.

IV. Индія.

Проф. д-ра **Эмиля Шмидта.**

1. Природа Индіи.

А. Страна.

а) Общій очеркъ.

Едва ли найдется другая страна, которая соединяла бы въ себѣ на такомъ ограниченномъ пространствѣ столько самыхъ различныхъ географическихъ и антрополого-этнографическихъ особенностей, какъ Индія. Это какъ бы цѣлый міръ въ сжатомъ видѣ; самыя разнообразныя естественныя и культурныя условія встрѣчаются здѣсь рядомъ, и богатству природы соотвѣтствуетъ многообразіе народной жизни и ея развитія. Противоположности сталкиваются рѣзко: обширныя аллювіальныя равнины и самыя высокія въ мірѣ горы, жгучій лѣтній зной и вѣчный холодъ снѣговыхъ вершинъ, полнѣйшая засуха и самые обильные на всемъ земномъ шарѣ осадки, необыкновенное плодородіе и ужасающія пустыни. Здѣсь дикарь, пробавляющійся почти одной охотой, самымъ примитивнымъ образомъ воздѣлывающій землю, а рядомъ досужій брахманъ, спокойно погружающійся въ размышленія о сокровеннѣйшихъ тайнахъ бытія; здѣсь черный дравидъ и желтолицый монголъ, тамъ—въ быстро созидающихся міровыхъ городахъ—представитель бѣлыхъ! Борьба всѣхъ этихъ различныхъ расъ и народовъ за преобладаніе составляетъ исторію Индіи.

Индія обязана своимъ названіемъ пограничной рѣкѣ на сѣверо-западѣ, „быстротечному“ Синдху арійцевъ, названіе котораго древніе культурные народы Европы при своемъ первомъ соприкосновеніи съ этой далекой страной распространили на всю прилегающую область. Индія представляетъ средній изъ большихъ полуостробовъ, удлиняющихъ Азію къ югу. Своей южной половиной она принадлежитъ къ тропическому поясу, сѣверными же частями простирается за 35^0 широты умѣреннаго пояса. Занимая окрайное положеніе, она только съ сѣвера, сѣверо-востока и сѣверо-запада непосредственно соприкасается съ остальной Азіей, примыкая къ поясу степей и пустынь, между тѣмъ какъ ея юго-западные и юго-восточные берега граничатъ съ обширными морями, которыя служатъ только препятствіемъ въ сношеніяхъ народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія. Совсѣмъ на югѣ лежитъ островъ Цейлонъ, но такъ близко примыкая къ материку, что отдѣляющій его узкій и мелкій проливъ является скорѣе не раздѣляющей преградой, а связующимъ звеномъ.

По величинѣ Индія равна Западной Европѣ, если мы эту послѣднюю обозначимъ линіей, проведенной вдоль восточной границы Норвегіи, Даніи, Германіи и Австріи (см. т. VII, стр. 1); по числу же жителей она значительно превосходитъ очерченную такимъ образомъ область (293 милліона противъ 240 милліоновъ), а восточную Европу (125 милл.) она превосходитъ въ два слишкомъ раза.

б) Расчлененіе страны.

Горизонтальное расчлененіе страны представляется чрезвычайно простымъ: растянутая линія ея береговъ имѣетъ очень мало выступовъ и углуб-

леній; самой большой бухтой является Камбейскій заливъ (Кхамбатъ), который издавна уже пріобрѣлъ большое значеніе въ сношеніяхъ народовъ. Хорошія гавани имѣются лишь въ незначительномъ числѣ (Бомбей, Гоа); на западѣ крутые берега у склоновъ Западныхъ Гатовъ, на востокѣ низкіе берега съ ихъ страшнымъ прибоемъ въ періодъ муссоновъ представляютъ большія трудности для мореплаванія. Только по обѣимъ сторонамъ южной оконечности полуострова образовались лагуны, благопріятствующія даже въ періодъ муссоновъ береговому сообщенію. На сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ береговой полосы переполненныя иломъ рѣки Индъ и Гангъ-Брахмапутра выдвинули въ море громадныя дельты, мало доступныя для судовъ какъ по причинѣ измѣнчиваго русла ихъ рукавовъ, такъ и вслѣдствіе засоренія ихъ иломъ; только одинъ изъ притоковъ Ганга (Хугли) уже полтора столѣтія пользуется громаднымъ значеніемъ въ политическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Что касается границы, отдѣляющей Индію отъ остальной Азіи,то она очерчена такъ же просто, какъ и береговая линія.

Болѣе разнообразнымъ является вертикальное расчлененіе страны; тутъ предъ нами три большія области съ рѣзко обозначенными особенностями: великая горная цѣпь на сѣверѣ полуострова, сѣверо-индійская низменность и плоскогоріе на югѣ.

Сѣверный край Индіи и его границу съ средне-азіатской нагорной страной образуетъ высочайшая въ свѣтѣ горная цѣпь, „жилище снѣговъ“, Гималаи. Ограниченная на востокѣ и западѣ обоими прорывами, образуемыми Брахмапутрой и Индомъ, эта цѣпь простирается въ длину на 2400 км. при равномѣрной ширинѣ въ 220 км. и при основаніи, равномъ по величинѣ всей Германіи. Ея значеніе для Индіи заключается въ образуемой ею климатической защитѣ противъ лишенныхъ стока областей Азіи, равно какъ въ ея свойствѣ собирать осадки, питающіе могучія рѣки, орошающія сѣверную Индію, и, наконецъ, въ томъ, что она представляетъ собою пограничный валъ, защищающій Индію отъ вторженія безпокойныхъ степныхъ народовъ; ибо Гималаи не только имѣютъ высочайшія въ мірѣ вершины, но и на всемъ протяженіи своего хребта почти недоступно высоки и для большихъ группъ людей совершенно непроходимы. Никогда еще не происходило вторженія значительныхъ народныхъ массъ или войскъ черезъ Гималаи со стороны Тибета; а безумная попытка султана Магомета - ибнъ - Тоглука напасть на Китай со стороны суши окончилась полною гибелью индостанскаго войска въ снѣгахъ Гималайскихъ горъ (въ 1337 г.). Немногочисленные проходы доступны лишь небольшимъ группамъ: черезъ нихъ проникаютъ купецъ и миссіонеръ, и этимъ то путемъ уже съ давнишнихъ временъ не только происходило медленное просачиваніе монгольскихъ элементовъ (Бутанъ, Сиккимъ, Непалъ), но и буддизмъ нашелъ тутъ себѣ дорогу на сѣверъ.

Съ обоихъ концовъ къ Гималаямъ примыкаютъ горы, завершающія со стороны суши границы Индіи съ остальной Азіей. На сѣверо-западѣ эти пограничныя цѣпи между Индіей съ одной стороны, Афганистаномъ и Белуджистаномъ—съ другой съ сѣвера на югъ понижаются и прорѣзываются нѣсколькими горными проходами: черезъ ихъ длинныя узкія долины вторгались всѣ тѣ чуждые элементы (арійцы, ассирійцы, греки, скиѳы, афганцы, монголы, персы и т. д.), которые съ давнихъ поръ служили закваской для дальнѣйшаго историческаго развитія народностей Индіи.

Съ востока къ Гималаямъ примыкаетъ рядъ высокихъ и крупныхъ, направленныхъ по меридіану горныхъ цѣпей съ пролегающими между ними глубокими долинами, по которымъ стремятся на югъ Иравади, Сальвенъ, Меконгъ, Янтзе-кіангъ—сильная преграда для сношеній съ востокомъ. Самая западная изъ этихъ горныхъ цѣпей отдѣляетъ отъ себя въ юго-западномъ направленіи еще одинъ отрогъ, доходящій до Бенгальскаго залива, — это достигающія 1700 м. Паткайскія горы. Такимъ образомъ Индія и съ востока замыкается горнымъ барьеромъ, окоймляющимъ въ видѣ подковы

низменность устьевъ Брахмапутры. Южная часть этого барьера не совсѣмъ доступна; черезъ нее то и происходило вторженіе индо-китайскихъ элементовъ, примѣсь которыхъ сильно проявляется въ антропологическихъ признакахъ населенія Ассама, Нижняго Бенгала и Ориссы.

Вторая обширная область Индіи составляется двумя большими рѣчными системами: Инда и Ганга-Брахмапутры. То обстоятельство, что Индъ въ быстромъ теченіи и кратчайшимъ путемъ стремится къ морю подъ прямымъ угломъ къ горной цѣпи, имѣло для природы бассейна и жизни его обитателей столь же важныя послѣдствія, какъ и параллельное къ горамъ и прямое направленіе теченій Ганга и Брахмапутры Только на своемъ протяженіи въ предгоріяхъ Гималаевъ, гдѣ Индъ обогащается горными притоками горъ, онъ доставляетъ достаточное орошеніе для воздѣлыванія почвы; здѣсь земля расточаетъ человѣку свои дары въ такомъ изобиліи, что еще въ далекіе вѣка Пятирѣчье было цѣлью всѣхъ стремленій номадовъ, обитавшихъ въ сухихъ степяхъ Афганистана и Средней Азіи. По нижнему же теченію Инда земля, годная для обработки, ограничивается узкой полосой по обѣимъ его сторонамъ; сама же рѣка отличается здѣсь такою стремительною быстротою, что представляетъ величайшія затрудненія для плаванія судовъ; кромѣ того, большія количества ила, которыя она несетъ, подвергаютъ дельту ея постояннымъ измѣненіямъ, засоряя рукава дельты и прилегающее море мелями, чрезвычайно затрудняющими выходъ въ открытое море. Къ востоку отъ Инда, за плодородной полосой простирается огромная пустыня, представляющая серьезную преграду для сообщеній. На югѣ эта пустыня доходитъ до моря, на сѣверѣ она почти достигаетъ подножія Гималаевъ и только здѣсь, между обоими рѣчными бассейнами, она оставляетъ узкую полоску, по которой можетъ совершаться сообщеніе. Въ этомъ мѣстѣ, поэтому, постоянно происходили столкновенія между народами, желавшими проникнуть съ запада вглубь Индіи, и между обитателями бассейна Ганга. Здѣсь неоднократно происходили рѣшительныя битвы, надолго опредѣлившія судьбы Индіи.

Въ гораздо лучшія условія, чѣмъ западная, поставлена болѣе обширная восточная часть сѣверо-индійской низменности. Гангъ и Брахмапутра текутъ параллельно къ горной цѣпи, но на такомъ разстояніи какъ отъ Гималаевъ, такъ и отъ южныхъ высотъ Декана (Деккхана) и отъ граничащихъ съ Бирмою горъ, что по обѣимъ ихъ сторонамъ образуются широкіе склоны, доступные самому обильному искусственному орошенію. Весь бассейнъ состоитъ изъ наносной почвы; здѣсь слѣдуетъ, однако, различать болѣе ранній аллювій отъ аллювія позднѣйшаго происхожденія: граница между ними лежитъ у начала дельты Ганга. До дельты мѣстность въ направленіи съ запада настолько поката, что почва суха и здорова; повсюду можно устроить достаточное орошеніе для самой тщательной обработки земли, въ которую вмѣстѣ съ водою, благодаря содержанію въ этой послѣдней ила, вводится постоянно большое количество веществъ, служащихъ къ удобренію почвы. Судоходныя рѣки прорѣзываютъ эту страну, болѣе другихъ областей Индіи предназначенную для образованія большихъ государствъ (царство Магадха, магометанскія царства, средоточіе англійскаго могущества; см. также таблицу при стр. 366). Совершенно иную картину представляетъ восточная часть бассейна: въ дельтѣ Ганга и во всемъ Ассамѣ наносы еще столь недавняго происхожденія, и уровень почвы такъ низокъ, что никакой дренажъ невозможенъ; страна наполнена удушливой сыростью, и въ ней господствуетъ губительная для человѣка малярія. Судоходство затруднительно, точно такъ же, какъ и сообщеніе на сушѣ, гдѣ для проложенія дорогъ почва не представляетъ достаточной плотности, Такимъ образомъ вплоть до расцвѣта англійскаго могущества въ Индіи развитіе народной жизни въ этой части бассейна Ганга-Брахмапутры представляетъ собой картину отсталости; арійское и мусульманское вліянія поздно про-

никаютъ туда, и только за послѣднія полтора столѣтія высшая духовная одаренность и энергія европейцевъ принесли свои плоды и для дельты Ганга.

Въ южной половинѣ Индіи, изолированно отъ окружающихъ странъ, возвышается плоскорье Деккханъ—„южная страна“ сѣверо-индостанскихъ арійцевъ. Это обширное плоскогорье съ крутыми краями, рѣзко обрывающимися на западѣ у самаго Аравійскаго моря (Западные Гаты), тогда какъ менѣе высокій восточный край его, не приближаясь нигдѣ къ Бенгальскому заливу, все больше и больше отступаетъ отъ него по направленію къ югу, образуя такимъ образомъ между плоскогоріемъ и моремъ низменность, прерываемую отдѣльными, разобщенными между собою плато съ безчисленными одиноко стоящими группами скалъ. Наибольшую высоту (горы Анемалаи—2693 м. выс. и Нильгири—2546 м. выс.) эта нагорная страна достигаетъ на западномъ краѣ, къ востоку же она постепенно понижается. Поэтому и большинство рѣкъ Декана течетъ въ восточномъ направленіи (Сонъ, Маханади, Годавари, Кришна, Кавери, Тамбрапарни); только двѣ рѣки, Нарбади и Тапти, прорыли себѣ глубокія русла, обративъ свое теченіе къ западу. Вмѣстѣ съ параллельно стоящими къ нимъ горами Виндхья Сатпура онѣ дѣлятъ Деканское плоскогоріе на южную и сѣверную части (Средняя Индія); гористый характеръ мѣстности, главнымъ образомъ дикія чащи лѣсовъ и губительныя лихорадки долгое время останавливали дальнѣйшее распространеніе арійцевъ. Всѣ перечисленныя рѣки, вслѣдствіе непостоянства ихъ уровня, пороговъ и водопадовъ, на крутыхъ склонахъ плоскогорія не имѣютъ въ качествѣ путей сообщенія почти никакого значенія.

в) Положеніе страны.

Одинъ изъ остроумнѣйшихъ современныхъ географовъ, Фридрихъ Ратцель, настойчиво указывалъ на значеніе географическаго положенія страны; для Индіи это положеніе имѣло рѣшающее значеніе въ смыслѣ развитія природы и населенія страны.

Географическое положеніе средняго изъ полуострововъ Южной Азіи, примыкающаго съ одной стороны къ области обширныхъ сухихъ пустынь и степей, съ другой къ тропическому морю съ его насыщенной влагою атмосферой, — обусловливаетъ во-первыхъ, количество осадковъ и ихъ распредѣленіе, во вторыхъ, плодородіе отдѣльныхъ областей, а вмѣстѣ съ этимъ и заселеніе страны. Весною и лѣтомъ, когда подъ палящими лучами солнца раскаляется голая почва великихъ среднеазіатскихъ пустынь и степей и въ нихъ господствуетъ низкое барометрическое давленіе, тяжелый, насыщенный влагою воздухъ устремляется съ тропическихъ индійскихъ морей въ сѣверо-восточномъ (отклоненномъ вслѣдствіе вращенія земли) направленіи черезъ Индію. Въ ея южной половинѣ это воздушное теченіе встрѣчаетъ крупный валъ западныхъ Гатовъ и, ударяясь объ его каменныя громады, изливаетъ значительную часть своей влаги въ видѣ проливныхъ дождей, которые бурными ручьями и потоками снова возвращаются въ море; вѣтры же, перенесшіе ее черезъ этотъ водораздѣлъ Гатовъ и сдѣлавшіеся болѣе сухими, отдаютъ восточнымъ склонамъ плоскогорья лишь незначительное количество влаги. Всѣ же содержащіяся еще въ нихъ испаренія осаждаются на гигантской преградѣ Гималаевъ; такимъ образомъ горы Ассама принадлежатъ къ наиболѣе богатымъ осадками мѣстностямъ земного шара (высота осадковъ въ Черра Панчи въ горахъ Кхасіа въ Ассамѣ лѣтомъ. 11, годовая 13 м.!). Въ зимнее полугодіе надъ Средней Азіей царитъ охватывающій большое пространство барометрическій максимумъ, область же наименьшаго давленія лежитъ надъ раскаленной солнцемъ Южной Африкой и надъ Индійскимъ океаномъ. Воздушное теченіе мѣняетъ направленіе и несется въ видѣ сѣвернаго муссона съ обширнаго сухого материка; количество отдаваемой имъ Индіи влаги значительно меньше и, что еще хуже,

не столь постоянно. Поэтому многія области на востокъ отъ Гатовъ и вплоть до самыхъ Гималаевъ страдаютъ отъ недостатка воды; а когда восточный муссонъ не приноситъ дождя, то имъ угрожаетъ полнѣйшій голодъ.

Плодородіе страны зависитъ отъ естественнаго или искусственнаго снабженія почвы водою. Растительное царство на Малабарскомъ берегу блещетъ раскошной красотою безъ всякаго труда со стороны человѣка. Но картина мѣняется по ту сторону гребня Западныхъ Гатовъ. Сначала появляются лѣса, которые періодическимъ опаденіемъ листвы защищаютъ себя отъ слишкомъ большой потери влаги въ сухое время года; затѣмъ еще дальше растительный міръ принимаетъ почти степной характеръ, земледѣліе стягивается поближе къ колодцамъ или стоячимъ прудамъ, къ берегамъ рѣкъ и ихъ дельтамъ. Крутой валъ западныхъ Гатовъ заканчивается на сѣверѣ рѣкою Тапти, благодаря чему влажность воздуха проникаетъ въ этомъ мѣстѣ далѣе въ глубь страны; лежащія за нимъ высоты средней Индіи получаютъ, поэтому, больше осадковъ: въ нихъ больше лѣсовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ свирѣпствуетъ и устрашающая людей маларія. Обширная низменность на сѣверѣ Индіи получаетъ по мѣрѣ своего удаленія отъ дельты Ганга по направленію къ западу все меньшее количество атмосферическихъ осадковъ, но зато всюду, гдѣ можно использовать рѣки Гималайскихъ горъ, а отчасти и рѣки сѣвернагокрая Декана, искусственное орошеніе щедро возмѣщаетъ недостатокъ атмосферической влаги. Дельта же Ганга и низменности долины Брахмапутры, наооборотъ, страдаютъ отъ избытка осадковъ и влажности почвы.

Воздѣлываніе почвы, особенно для хлѣбныхъ растеній, обусловливается главнымъ образомъ возможностью достаточнаго водоснабженія. Рисъ засѣвается преимущественно тамъ, гдѣ имѣется въ изобиліи вода, такъ, напр, по всему Малабарскому берегу, у дельтъ рѣкъ Деканскаго плоскогорія. Инда, Ганга и въ Ассамѣ. Менѣе влажная почва при благопріятныхъ условіяхъ орошенія даетъ колоссальные урожаи пшеницы, какъ мы это видимъ въ Пенджабѣ, въ Британскихъ сѣверо-западныхъ владѣніяхъ, Аудѣ, въ центральныхъ провинціяхъ и полосами въ Бомбейскомъ президентствѣ, При недостаточномъ орошеніи еще удаются нѣкоторые виды злаковъ (Eleusine coracana), нѣкоторые виды проса и стручковыхъ растеній. Тамъ же, гдѣ почва ужъ слишкомъ суха, какъ, напр., въ обширныхъ округахъ южнаго Декана, скотоводство (овцы, буйволы и т. д.) даетъ человѣку средства къ существованію, хотя, правда, довольно скудному: разбросанная на далекомъ пространствѣ и пришедшая нынѣ въ упадокъ каста курумба (пастухи) въ древности играла выдающуюся роль.

B. **Населеніе.**

Плотность населенія тѣсно связана въ Индіи съ условіями процвѣтанія земледѣлія. Минеральными богатствами Индія не изобилуетъ. Уголь встрѣчается въ небольшомъ количествѣ, и лишь въ послѣднее время разработка его приняла большіе размѣры; желѣзная руда, хотя и имѣется во многихъ мѣстахъ, но туземцы пользовались ею лишь въ небольшихъ производствахъ, а въ настоящее время, при конкурренціи съ крупнымъ европейскимъ производствомъ, эта отрасль почти совсѣмъ заглохла. Представленіе о богатствѣ Индіи благородными металлами и драгоцѣнными каменьями было сильно преувеличено: ея дѣйствительныя сокровища скрыты не въ нѣдрахъ земли, а заключаются въ ея поверхности. Вслѣдствіе этого населеніе по преимуществу земледѣльческое: по послѣдней переписи изъ 717,549 населенныхъ мѣстъ городовъ лишь 2035; изъ нихъ 1401 имѣли менѣе 1000 жителей, 407 — отъ 10,000 до 20,000, 227 — болѣе 20,000. Свыше 100,000 жителей имѣютъ лишь 26 городовъ и только 4 города насчитываютъ 300,000 слишкомъ жителей (Калькутта, Бомбей, Мадрасъ и Гайдарабадъ). Въ то время

какъ въ Англіи 53 процента населенія живетъ въ 182 городахъ, насчитывающихъ болѣе 20,000 жителей, въ Индіи это можно сказать лишь относительно 4,84 проц. (въ 227 городахъ).

Если обратиться къ общей густотѣ населенія (287.133,481 жителей на 1,560,080 квадратныхъ миль, не считая Бирмы), то получится 184 человѣка на одну квадратную милю. Въ нѣкоторыхъ довольно значительныхъ округахъ это отношеніе колеблется между 24 и 1395; въ Британской Индіи густота населенія значительнѣе, чѣмъ въ туземныхъ государствахъ, что слѣдуетъ приписать частью поднятію благосостоянія страны европейцами, главнымъ же образомъ тому, что Англія пріобщила всѣ наиболѣе богатыя государства къ своимъ владѣніямъ.

Не мало затрудненій встрѣчаетъ систематическое этнографическое описаніе населенія Индіи; нельзя установить никакой строгой системы, которая захватила бы всѣ важнѣйшія явленія народной жизни. Различныя проявленія ея далеко не идутъ параллельно. Главнѣйшими точками отправленія служатъ физическіе признаки, языкъ, религія и соціальныя особенности со всѣми сюда относящимися проявленіями народнаго духа.

а) Физическое строеніе.

Принимая во вниманіе исторію Индіи, полную переворотовъ, нельзя ожидать, что мы встрѣтимъ въ ея населеніи извѣстную однородность физическихъ признаковъ. Помимо примѣси португальской, голландской и англійской крови за послѣднія четыре столѣтія неоднократно черезъ сѣверо-западные горные проходы вливалась въ страну примѣсь чуждыхъ элементовъ, принадлежавшихъ бѣлой или желтой расѣ. Положимъ, что всюду, гдѣ господствовали монгольскіе властители, слѣды ихъ въ расовыхъ признакахъ современныхъ индусовъ въ настоящее время почти совершенно исчезли. Но средиземная (бѣлая) раса оказалась болѣе стойкой: потомки ея образуютъ одну изъ двухъ главныхъ основныхъ частей въ расовомъ составѣ страны. На западномъ берегу уже съ давнишнихъ временъ поддерживались оживленныя мирныя торговыя сношенія съ Западомъ, оставившія свои слѣды на физическомъ обликѣ берегового населенія: семитическія черты лица магометанъ Малабарскаго берега обязаны своимъ происхожденіемъ арабамъ; также не разъ появлялись большими группами еврейскіе выходцы, какъ, напр., евреи изъ Кочина (нынѣ до 1300), которые по преданіямъ оставили отечество послѣ разрушенія Титомъ ихъ святыни (70 г. по Р. Х.), затѣмъ евреи іудейской колоніи въ Бомбеѣ, изгнанные изъ своей родины фанатизмомъ послѣдователей Ислама. Въ 717 г., спасаясь отъ охватившей учениковъ Магомета маніи обращенія, бѣжало изъ Персіи значительное число огнепоклонниковъ; въ настоящее время Бомбейскій берегъ представляетъ пунктъ, на которомъ сосредоточено 90,000 персовъ, остающихся вѣрными религіи Заратуштры. Многіе изъ нихъ напоминаютъ семитическимъ типомъ лица изображенія царей въ древней Ниневіи, другіе же походятъ на теперешнихъ представителей бѣлой расы на плоскогорьѣ Арменіи (таджики).

На восточномъ берегу больше индусской крови; здѣсь не столько вторглось чуждыхъ элементовъ извнѣ, сколько вселилось индусовъ, особенно на противолежащій бирманскій берегъ (Клинги, т. е. потомки царства Калинга). Значительная же примѣсь монгольской крови имѣла мѣсто на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Южные склоны Гималаевъ къ востоку отъ Дардистана заселены монголо-индусскими смѣшанными племенами, благодаря медленному просачиванію монгольскихъ элементовъ, происходившему, повидимому, со стороны Тибета черезъ крайне затруднительные горные проходы. Сходное по составу смѣшанное населеніе Ассама, равно какъ и нѣкоторыя племена, населяющія восточный Бенгалъ и Ориссу, по-

лучили свою монгольскую примѣсь, вѣроятно, не столько со стороны крайне трудно проходимыхъ параллельныхъ горныхъ цѣпей на востокѣ Ассама, сколько черезъ удобные пути со стороны Бирмы.

Но всѣ эти чуждыя примѣси образуютъ лишь небольшія и, кромѣ монголо-индусскаго смѣшаннаго населенія, незамѣтныя звенья въ расовомъ составѣ всей страны. Обѣ главныя его части являются представителями, съ одной стороны, бѣлой расы, пришедшей сюда въ относительно недавній періодъ (4—5000 л. тому назадъ) съ сѣверо-запада, съ другой—темнокожей расы, которую можно разсматривать какъ прямыхъ потомковъ коренного населенія. Темной окраской волосъ, глазъ и кожи, достигающей часто самыхъ интенсивныхъ темно-коричневыхъ оттѣнковъ, и, кромѣ того, узкимъ черепомъ и широкимъ сплющеннымъ носомъ, эта раса, сильно приближается къ черной американско-негрской расѣ; однако, съ другой стороны, ее отличаютъ отъ этой послѣдней не столь крупное лицо съ менѣе выраженнымъ прогнатизмомъ и особенно волосы, хотя и черные, но умѣренно вьющіеся, часто слегка волнистые или падающіе локонами, но отнюдь не шерстистые. Ростъ, котораго достигаютъ принадлежащіе къ этой расѣ индивидуумы, въ общемъ далеко ниже средняго роста нѣмцевъ; племена, живущія при очень неблагопріятныхъ и скудныхъ условіяхъ (многіе жители горъ и джанглей, касты рабовъ и т. д.) настолько ниже нашего средняго роста, что ихъ приходится причислить къ карликовымъ народамъ (ср. т. III), хотя отдѣлить ихъ только на этомъ основаніи отъ остальной темной расы Индіи все-таки нельзя.

Бѣлая раса въ Индіи отличается отъ темной главнымъ образомъ, слабой окраской кожи; въ своихъ чистокровныхъ представителяхъ она густотою окраски не превосходитъ европейскія народности Средиземнаго моря. Ростъ въ общемъ большій, лицо же и болѣе выступающій впередъ носъ съ высокой спинкой уже, чѣмъ у чернокожихъ.

Если мы обратимся теперь къ географическому распространенію различныхъ расъ Индіи, то на сѣверо-западѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ афганцами и белуджами, получившими большую или меньшую примѣсь семитической крови, мы встрѣтимъ относительно чистыхъ представителей бѣлыхъ расъ. Въ Кашмирѣ, холмистыхъ мѣстностяхъ Пятирѣчья и далѣе до верхняго теченія Ганга слѣды примѣси другихъ расовыхъ элементовъ мало замѣтны: напротивъ, болѣе выраженная пигментировка кожи въ различныхъ, смотря по кастѣ и мѣстожительству, градаціяхъ проявляется далѣе къ востоку по среднему и особенно нижнему теченію Ганга.

Еще далѣе на востокъ, въ Ассамѣ, признаки бѣлой расы все болѣе и болѣе исчезаютъ и только въ высшихъ кастахъ замѣтна еще незначительная примѣсь ея крови; преобладающая же масса населенія представляетъ помѣсь черной и желтой расы. Сходенъ съ этимъ и составъ многочисленныхъ мелкихъ горныхъ племенъ въ Гималаяхъ вплоть до Дардистана. Къ югу смѣшеніе желтой и черной расъ почти не распространяется далѣе Ориссы; здѣсь въ высшихъ кастахъ (брахманахъ) становится замѣтнымъ болѣе сильная примѣсь бѣлой расы. Въ средней Индіи мы увидимъ уже поясъ почти чистаго темнокожаго населенія; точно также далѣе на югъ, на Деканскомъ плоскогорьѣ и на лежащей предъ нимъ окрайной равнинѣ, кровь черной расы является значительно преобладающей, хотя въ отдѣльныхъ кастахъ къ ней въ различной степени примѣшивается кровь бѣлой расы. На западномъ же берегу, помимо мелкихъ чужеземныхъ колоній (евреи, парсы), мы видимъ вкрапленными въ темнокожее населеніе отдѣльныя сплоченныя почти бѣлыя группы.

Особенно тщательно оберегаютъ чистоту своей касты и крови отдѣльныя вѣтви брахманской касты (конканатхъ, намбутири, хаига); военная каста наиръ и каста жрицъ также выдѣляется среди остальнаго населенія свѣтлымъ цвѣтомъ своей кожи.

б) Языки Индіи.

Въ лингвистическомъ отношеніи Индія весьма многообразна. Лингвистика различаетъ три основныя формы языка: изолирующіе, агглютинирующіе и флектирующіе языки, — всѣ эти формы имѣютъ въ Индіи своихъ представителей и соотвѣтствуютъ въ общемъ тремъ господствующимъ тамъ расамъ: смѣшанному населенію монгольской и темнокожей расы (индокитайцы), чистой темнокожей расѣ (дравиды) и бѣлой (арійцы). Если отъ Гоа провести прямую линію въ сѣверо-западномъ направленіи до Раджъ-магала у начала дельты Ганга (см. карту при стр. 421), то къ юго-востоку отъ нея будетъ лежать главная масса агглютинирующихъ языковъ; сѣверо-западъ и востокъ, вплоть до дельты Ганга и распространяясь въ долину Брахмапутры, занимаетъ область флектирующихъ языковъ, тогда какъ край южныхъ склоновъ Гималаевъ и горнаго Ассама принадлежитъ языкамъ изолирующимъ.

Граница между арійскими и дравидскими языками не можетъ быть рѣзко проведена: отдѣльные островки дравидскаго языка далеко проникли въ область арійскихъ языковъ. То обстоятельство, что они уже давно отдѣлились отъ густой массы дравидскихъ народностей, не могло, конечно, не повліять на нѣкоторое отклоненіе грамматическихъ формъ отъ формъ языка остальныхъ дравидовъ; появилось также много словъ, заимствованныхъ изъ окружающихъ ихъ языковъ. Эти разбросанныя островками крошечныя дравидскія племена ведутъ всѣ безъ исключенія жалкое существованіе и стоятъ на низкой ступени развитія; къ нимъ принадлежатъ кхонды въ горныхъ мѣстностяхъ Ориссы, ганджаны, каттаки, гонды— племя, распавшееся на нѣсколько лингвистическихъ группъ между Нарбодой и Годавари, — ораоны въ Чота-Нагпурѣ и, наконецъ, дальше другихъ продвинувшееся на сѣверъ и живущее въ горахъ Раджмахала по нижнему теченію Ганга племя малъ-пахарія, нарѣчіе котораго, несмотря на сильное отклоненіе отъ другихъ дравидскихъ нарѣчій, причисляется къ дравидскому семейству языковъ. Болѣе сомнительнымъ является происхожденіе племени брахуй, живущихъ къ западу отъ нижняго Инда вплоть до Белуджистана. Если они принадлежатъ къ тому же семейству языковъ, то сильное отклоненіе ихъ нарѣчія отъ родственныхъ языковъ легко можно объяснить тѣми бурями, которыя пронеслись также и надъ ихъ страной при различныхъ переселеніяхъ народовъ. Какъ бы то ни было, въ ихъ языкѣ еще сохранилось сходство съ дравидскими языками южной Индіи. Готовящійся выйти въ свѣтъ трудъ Георга А. Грейерсона „Iinduistic Survey of India“ поможетъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Этнологическую загадку представляютъ для насъ коларійцы (около 3 милліоновъ душъ), разсѣянные отдѣльными островками въ президентствахъ Бенгалъ и Мадрасъ и въ центральныхъ провинціяхъ; область ихъ языка была когда-то несомнѣнно обширнѣе, но съ распространеніемъ арійскихъ, а также, конечно, и дравидскихъ языковъ, она сузилась и распалась. Языкъ ихъ отличается отъ языка дравидовъ (отъ которыхъ они своимъ физическимъ обликомъ нисколько не отличаются) совершенно различнымъ запасомъ словъ и зачатками флексіи; эта народность еще слишкомъ мало изслѣдована, и взгляды на происхожденіе ихъ языка и его раздѣленіе на отдѣльные діалекты при ближайшемъ изученіи, вѣроятно, еще существенно измѣнятся. Лингвистическая связь съ отдѣльными племенами Индокитая, хотя многими и утверждалась, но доказана не была.

в) Распространеніе индійскихъ религій.

Картина распространенія различныхъ религіозныхъ системъ заслоняется отъ насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что не всегда является воз-

можнымъ провести между ними строгое разграниченіе. Простое пониманіе сути божественнаго, унаслѣдованное и стойко удерживаемое со временъ самаго ранняго развитія народной жизни, лежитъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ системъ и проходитъ даже черезъ высшія изъ нихъ. Если индусъ въ своемъ поклоненіи обращается то къ Вишну, то къ Шивѣ, то не найдется между ними ни одного, который не боялся бы въ то же время злыхъ духовъ, имѣющихся во всѣхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и въ суевѣріяхъ низшихъ племенъ; вѣдь и передъ этими силами раскрылось небо индуса! Что касается данныхъ относительно числа послѣдователей отдѣльныхъ религій, то на эти данныя положиться нельзя; онѣ съ каждой новой переписью подвергаются такимъ колебаніямъ, которыя ясно указываютъ на то, что границы между отдѣльными религіями далеко еще не установлены. Относительно стоящаго на самой низкой ступени среди этихъ религій культа демоновъ народная перепись 1890 г. даетъ только цифру отношенія его къ общему числу населенія, а именно 2,64 на каждые сто жителей въ британской части Индіи и 5,20 въ остальныхъ ея частяхъ.

Прежде всего здѣсь имѣются въ виду не затронутыя еще брахманской культурой независимыя дикія племена, живущія въ труднодоступныхъ областяхъ джанглей, а также и нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ кастъ рабовъ.

Такъ культъ демоновъ особенно развитъ у дравидскихъ и коларійскихъ племенъ въ среднихъ провинціяхъ (14,7 процента всего населенія) и въ сосѣднихъ туземныхъ государствахъ (22,7 процентовъ), затѣмъ еще въ нижнемъ Бенгалѣ (13,0 процентовъ), въ Ассамѣ (17,7 процента) и т. д.

Значительно бо̀льшая часть населенія Индіи ($72^1/_3$ процента) поклоняется тому или другому изъ главныхъ божествъ индусовъ. Тамъ, гдѣ этотъ средній процентъ ниже, индуизмъ начинаетъ вытѣсняться исламомъ, а отчасти и вѣрою въ демоновъ или же особыми формами религій; это имѣетъ мѣсто въ Пенджабѣ (37,1 процента индусовъ, 55,7 процента магометанъ, 6,7 процента сикховъ), въ Кашмирѣ (27,2 проц. индусовъ, 70,5 проц. магометанъ), въ Ассамѣ (54,7 проц. индусовъ, 27 проц. магометанъ, 17,7 проц. язычниковъ), во всемъ Бенгалѣ (63,4 проц. индусовъ, 32,8 проц. магометанъ и 3,2 проц. язычниковъ). Во всѣхъ другихъ провинціяхъ и государствахъ и больше всего на югѣ Индіи, индуизмъ превышаетъ это среднее отношеніе, особенно въ Майсурѣ, Кургѣ, Гайдерабадѣ, въ президентствѣ Мадрасъ, а также въ Пунѣ и Бародѣ.

Изъ общаго числа всѣхъ исповѣдующихъ исламъ, доходящаго до 243 милліоновъ, 57 милліоновъ, слѣдовательно почти четвертая часть (23,5 процента), приходится на Индію. Эта форма религіи имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ частяхъ Индіи: непричастность магометанъ къ кастовому началу даетъ имъ то преимущество, что они могутъ вступать въ торговыя сношенія со всѣми соціальными слоями страны: больше всего, разумѣется, тамъ, гдѣ магометанскія государства уже давно упрочились. Такъ сѣверо-западныя провинціи и государства (ворота, черезъ которыя вторгался исламъ) населены магометанами гуще другихъ: къ укзаннымъ уже цифрамъ въ Пенджабѣ и Кашмирѣ можно присоединить еще Синдъ съ его 70 процентами магометанъ; затѣмъ слѣдуютъ главныя страны царства Могула, предгоріе сѣверо-западныхъ провинцій (30,6 проц.), восточный Бенгалъ (гдѣ магометанъ болѣе половины всего населенія), а также отдѣльныя части президентства Бомбей (особенно центры древней торговли и т. д.). На югѣ отношеніе магометанъ къ остальному населенію понижается. Въ племена центральныхъ провинцій исламъ почти совсѣмъ не проникъ; въ Майсурѣ и Гайдерабадѣ магометанъ лишь небольшой процентъ. Въ остальной части президентства Мадрасъ исламъ совсѣмъ не имѣлъ бы представителя, если бы отдѣльныя группы (мапилла, или моплахъ на Малабарскомъ берегу, лаббе на Коромандельскомъ, — и та и другая обязаны

своимъ происхожденіемъ присутствію арабскихъ торговцевъ) не прерывали однообразія индусской народности.

Столь распространенный нѣкогда въ Индіи буддизмъ уступилъ теперь всецѣло мѣсто политеизму индусовъ; только въ гористыхъ мѣстностяхъ сѣвера (Кашмиръ, долина Гималаевъ) и сѣверо-востока (на границахъ Тибета и Бирмы) встрѣчаются еще послѣдователи сѣверной вѣтви этой религіи, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что только въ Кашмирѣ они достигаютъ одного процента всего населенія. Нѣсколько чаще встрѣчается въ отдѣльныхъ провинціяхъ близкое къ буддизму ученіе джайновъ, хотя и оно нигдѣ не превышаетъ 5 процентовъ всего населенія. Раджпутана, Аджмиръ и Гуджератъ составляютъ центры этой религіи, насчитывающей во всей Индіи только 1,4 милліона послѣдователей ($^1/_2$ процента всего населенія).

Изъ другихъ религій мы должны назвать еще религію сикховъ, сосредоточившихся почти исключительно въ одномъ Пенджабѣ (1,9 милліона, $^2/_3$ процента всего населенія). Это индусская секта, находившаяся подъ вліяніемъ магометанства, но отличающаяся въ настоящее время отъ индуизма только лишь нѣкоторыми своими церемоніями. Остальныя занесенныя въ Индію извнѣ религіи мало распространены: парсы (на западномъ берегу Индіи, гдѣ центромъ ихъ служитъ Бомбей), насчитывающіе 90,000, т. е. 0,03 проц., евреи (древнія колоніи въ Бомбеѣ и Кочинѣ, кромѣ того, отдѣльные иностранные, разсѣянные по всей Индіи культы) — до 17,200 душъ (0,006 процента) и христіане — 2,3 милліона (0,8 процента). Среди этихъ послѣднихъ насчитывается 2,036,600 = 89 процентамъ крещеныхъ туземцевъ, 80,000 = 3,5 проц. смѣшаннаго европейско-индійскаго населенія и 168,000 = 7,4 проц. европейцевъ, изъ которыхъ болѣе половины составляютъ солдаты съ ихъ семьями.

г) Кастовый строй.

Въ соціальной жизни индійскихъ народовъ каста составляетъ явленіе, имѣющее глубокое значеніе и потому наиболѣе характерное; это учрежденіе столь безконечно многообразно въ своихъ проявленіяхъ, что для пониманія его необходимо прослѣдить исторію его развитія въ связи съ исторіей всего народа (ср. стр. 369 и д.).

2. Исторія Индіи.

Исторія Индіи — это драма въ трехъ актахъ, изъ которыхъ первый наполненъ борьбою двухъ расъ за господство, второй — соперничествомъ двухъ религій, третій — экономической борьбой. Первая большая эпоха занята столкновеніемъ арійцевъ съ дравидами; результатомъ этой борьбы является развитіе смѣшанной расы и смѣшаннаго народа, государственный, соціальный и религіозный строй котораго объясняется отчасти сліяніемъ обѣихъ народностей, отчасти большей жизнеспособностью той или другой стороны. Образовавшаяся этимъ путемъ смѣшанная народность является носительницей индусскаго міровоззрѣнія и индусской религіи. Семитическо-туранско-монгольскія племена, проникшія въ Индію съ сѣверо-запада, принесли исламъ, — и жестокая борьба обоихъ этихъ элементовъ составляетъ вторую эпоху. Въ третьей же эпохѣ на сцену выступаетъ европеецъ, и экономическая борьба изъ за богатствъ страны оканчивается полной гибелью какъ магометанской, такъ и индусской самостоятельности и побѣдою большей духовной одаренности, сознательности стремленій и силы. Съ древнѣйшихъ временъ и до поворота отъ перваго ко второму тысячелѣтію по Р. Х. продолжался періодъ туземнаго, арійско-дравидскаго развитія („древняя исторія“), три четверти тысячелѣтія занимаетъ средневѣковая борьба индусскаго міра съ чуждыми ей религіями,

(„средніе вѣка“ Индіи). „Новая“ исторія страны обнимаетъ только около 150 лѣтъ, которыхъ, впрочемъ, было достаточно для того, чтобы произвести въ цѣломъ народѣ измѣненія, гораздо болѣе глубокія, чѣмъ это могли сдѣлать предшествовавшія тысячелѣтія.

A. Древняя исторіи Индіи.

а) Доисторическій періодъ.

Такъ какъ древняя эпоха состоитъ изъ борьбы двухъ расъ и ихъ обоюднаго сліянія, то прежде всего необходимо сдѣлать обзоръ этихъ расъ.

α) Первобытное населеніе страны.

Туземная первобытная раса не оставила намъ ни устныхъ, ни письменныхъ преданій о своемъ существованіи въ доисторическія времена. Но Индія хранитъ творенія рукъ человѣческихъ той далекой эпохи. И тамъ, такъ же какъ въ Европѣ, находки каменныхъ орудій, наконечниковъ копій и стрѣлъ, ножей, скребковъ, молотковъ и т. д. изъ ясписа, агата, кальцедона (настоящій кремень въ Индіи не встрѣчается) указываютъ на то, что эпохѣ металла предшествовала болѣе первобытная форма существованія человѣка. Нужно ли ее отнести еще къ третичной эпохѣ, какъ склонны предполагать нѣкоторые излѣдователи, остается пока нерѣшеннымъ вопросомъ.

Могильники и могильные памятники встрѣчаются часто: вырытыя въ малабарскомъ латеритѣ пещеры, земляные курганы или холмы изъ камней (керны) попадаются въ значительномъ числѣ по всей Индіи; одинъ изъ такихъ „керновъ“ въ странѣ гондовъ приписывается павшей въ битвѣ царицѣ одного племени; каждый, проходящій мимо памятника, прибавляетъ къ нему кусокъ кристаллическаго кварца, попадающагося во множествѣ въ этой мѣстности. Встрѣчаются также каменныя камеры, каменные ходы, мегалитическіе дольмены съ тремя и большимъ числомъ большихъ камней, служащихъ упорами, менгиры (отдѣльные, вертикально поставленные камни), каменные круги въ одинъ или нѣсколько рядовъ, каменные корридоры и т. д.. — словомъ, всѣ каменныя сооруженія, встрѣчающіяся во всѣхъ странахъ Средиземнаго моря (ср. т. I, стр. 166 и д.) наряду съ чисто индійскими формами, какъ кудикалъ (т. е. каменный зонтъ) или топикалъ на малабарскомъ берегу (каменная шляпа, дольменъ съ одной только каменной подпоркой). Особенно часто встрѣчаются вышеупомянутые мегалитическіе памятники какъ на самомъ сѣверѣ (въ горахъ Кхассія), такъ и въ средней Индіи (Гайдерабадѣ и т. д.) и на югѣ въ горахъ Нильгири, Анемалаи, округахъ Коимбаторъ и Тинневелли и т. д.). Въ болѣе древнихъ могильникахъ металла еще не встрѣчается; находимые же въ могилахъ болѣе поздняго періода металлическіе предметы указываютъ на высокую технику и развитіе культуры вообще (желѣзные наконечники стрѣлъ, ножи, лампы, треножники, стремена и т. д.). Къ числу болѣе частыхъ могильныхъ находокъ относятся черепки утвари изъ красной или черной обожженной глины или же цѣлыя урны; попадаются даже грубыя глиняныя изображенія людей или буйволовъ; часто при погребеніяхъ трупъ сожигался, на что указываютъ урны съ пепломъ; въ другихъ могилахъ встрѣчаются несожженные скелеты, рѣдко хорошо сохранившіеся, большею же частью на столько уже вывѣтрившіеся, что при соприкосновеніи съ воздухомъ они тотчасъ же разсыпаются. Часто въ одну и ту же могилу вокругъ главнаго лица клали женщинъ или мужчинъ, у которыхъ были отрублены головы. Въ рѣдкихъ случаяхъ съ могилой связано воспоминаніе объ опредѣленной личности. Народъ называетъ эти могилы въ южной Индіи Pandicazhay, т. е. могилы династіи Пандія, от-

нося ихъ ко времени того могущественнаго царства Пандія, память о которомъ смутно сохранилась въ его воображеніи (стр. 382). Древняя литература, какъ дравидская, такъ и санскритская, ни словомъ не упоминаетъ объ этихъ могилахъ.

Напротивъ, пѣсни арійцевъ, побѣдоносно вторгшихся въ Индію еще въ началѣ исторической эпохи ея, раскрываютъ многое изъ жизни первобытнаго населенія этой страны, — хотя, конечно, во враждебномъ освѣщеніи. Въ нихъ туземцы называются презрительнымъ именемъ даса (рабы), дасью (низшіе), млекха (говорящіе на тарабарскомъ языкѣ). Они отличаются чернымъ цвѣтомъ кожи, маленькой и уродливой фигурой, хотя любятъ увѣшивать себя золотомъ и драгоцѣнными каменьями; широкій и плоскій носъ и небольшіе глаза дополняютъ наружный видъ ихъ.

Эти черты рѣзко отличали ихъ отъ арійцевъ, съ ихъ высокимъ и стройнымъ ростомъ, бѣлымъ цвѣтомъ кожи и красивымъ носомъ (созданныхъ по своему образу боговъ они называютъ „прекраснonосыми") и имъ особенно долженъ былъ бросаться въ глаза контрастъ, который представляли съ ними ихъ враги. Арійцы оттѣснили въ горы туземцевъ, которые, отплачивая за вражду враждою, совершали въ качествѣ „разбойниковъ" набѣги на стада и имущество своихъ притѣснителей. Въ пѣсняхъ имъ даже приписывается волшебная сила, при помощи которой они могутъ заставить изсякнуть ручьи и рѣки, несущіе въ долину плодородіе и урожай. Боги, которымъ они поклоняются, наводятъ ужасъ; имъ даютъ поэтому названіе „злыхъ духовъ", „Якшу"; они погашаютъ огонь арійскихъ жертвоприношеній („Шимуи"), сами же не зажигаютъ священнаго огня („Киката").

Картина, которую намъ рисуютъ здѣсь древнеарійскія описанія первобытнаго населенія, совершенно соотвѣтствуетъ какъ племенамъ, живущимъ въ горахъ и джангляхъ, такъ и тому низшему классу населенія нынѣшней Индіи, который стоитъ внѣ брахманскаго кастоваго строя. Всѣ эти племена втиснуты въ рамки скуднаго существованія, и культура ихъ такъ же жалка, какъ и окружающая ихъ обстановка. Часто заостренная на огнѣ палка, при помощи которой дикарь джанглей выкапываетъ для себя корни и клубни, составляетъ единственную утварь его хозяйства; на слѣдующей ступени развитія онъ занимается земледѣліемъ: изъ году въ годъ онъ выжигаетъ участокъ лѣса, бросаетъ въ удобренную золою почву сѣмена мѣстныхъ злаковъ или луковицы и, собравъ быстро созрѣвающій, но скудный урожай, перекочевываетъ дальше, чтобы выбрать новый участокъ лѣса для слѣдующаго посѣва. Пара козъ или овецъ и маленькая собака паріевъ составляютъ всю его движимость. Онъ умѣетъ плести сѣть изъ вьющихся растеній или лыка лѣсныхъ деревьевъ, отравить при помощи листьевъ или плодовъ воду въ ручьѣ, чтобы добыть себѣ безъ особаго труда рыбу на обѣдъ; лѣсные звѣри падаютъ отъ его мѣткой стрѣлы или попадаютъ къ нему въ ловушки; дикій медъ служитъ приправой къ его ѣдѣ. Онъ готовитъ себѣ кушанья на огнѣ, который добываетъ посредствомъ тренія другъ о друга двухъ кусковъ дерева, приводя ихъ во вращательное движеніе. Не всѣмъ племенамъ, живущимъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, знакомо гончарное искусство. Крыша изъ листьевъ или выступающій утесъ служатъ туземцу жилищемъ, передникъ изъ травы или листьевъ, или же изъ древеснаго лыка составляетъ всю его одежду, скудость которой представляетъ полный контрастъ съ украшеніями, навѣшанными на тѣлѣ, гдѣ только можно.

Насколько скудное существованіе, которое ведутъ эти племена, вызываетъ въ насъ чувство жалости, настолько же внушаетъ намъ искреннее уваженіе ихъ характеръ. Всѣ, кому только случалось приходить съ ними въ соприкосновеніе и узнавать ихъ ближе, хвалятъ въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства и любовь къ независимости, храбрость, заставляющую ихъ презирать смерть, правдивость, честность и вѣрность. Они вѣрны данному слову, вѣрны женамъ своимъ, вѣрны своему племени. Стрѣла

одного вождя, которую жена его дала въ его отсутствіе англійскому послу въ видѣ рекомендаціи, послужила ему охраной его безопасности и доставила гостепріимство въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ у всѣхъ членовъ этого дикаго племени.

Семейная жизнь часто складывается иначе, чѣмъ у современныхъ культурныхъ народовъ; но, какова бы ни была форма супружества, — въ предѣлахъ освященной обычаемъ формы семейной жизни мужъ и жена остаются вѣрны другъ другу, и горе тому, кто вздумалъ бы нарушить вѣрность или же склонить къ невѣрности жену другого!

Встрѣчается какъ отцовское, такъ и материнское право, т. е. въ одномъ случаѣ главою и родоначальникомъ семьи является отецъ, въ другомъ первое мѣсто въ домѣ занимаетъ мать, и родъ продолжается только по материнской линіи. При отцовскомъ правѣ господствуетъ моногамія, и супружество продолжается до смерти одного изъ супруговъ. Мужъ получаетъ свою жену путемъ купли или похищенія, впрочемъ, всегда лишь фиктивнаго. Въ рѣдкихъ только случаяхъ мужъ беретъ еще вторую жену или даже нѣсколькихъ женъ. Чаще, однако, женитьбой одного брата остальные становятся eo ipso мужьями его жены (въ Кургѣ, у племенъ тода, курумба и т. д.). Отъ этой формы поліандріи, при которой мужъ остается главою семьи, совершенно отличенъ другой древній обычай (у многихъ кастъ Малабарскаго берега), по которому жена не только сама выбираетъ себѣ мужа, но и можетъ, по своему усмотрѣнію, мѣнять его на другого, не подвергая себя никакому нареканію. Такіе непостоянные браки считаются дѣйствительными, точно такъ же какъ признаются законными и рожденныя отъ такихъ браковъ дѣти; при этомъ мужъ считается въ семьѣ чужимъ, а дѣти присоединяются къ племени матери. Такимъ образомъ въ одномъ случаѣ потомство образуетъ только по непрерывной женской линіи, въ другомъ, — гдѣ господствуетъ отцовское право, — только по мужской линіи большую соціальную общину: орду, состоящую изъ немногихъ семей (ведды, улады, наяди и т. д.), или же — при дальнѣйшемъ развитіи — племя. Во главѣ послѣдняго стоитъ вождь: у однихъ племенъ достоинство вождя наслѣдственно, у другихъ вождь избирается старшинами; онъ является представителемъ племени и руководитъ общественными дѣлами. Каждое племя строго обособленно: враждебныя посягательства со стороны чужихъ ведутъ часто къ кровавой мести; мирныя же сношенія и обмѣнъ продуктами совершаются путемъ такъ называемой нѣмой торговли, какъ, напр., у веддовъ на Цейлонѣ.

Тяжела борьба за существованіе для обитателя горъ и джанглей, когда даже поставленныя въ лучшія условія племена терпятъ часто страшный голодъ. Оттѣсненный въ чащу лѣсовъ или въ голыя безводныя степи, въ климатѣ съ постоянными переходами отъ жгучаго зноя къ страшнымъ проливнымъ дождямъ, обитатель джанглей лишь съ трудомъ можетъ добывать себѣ скудное пропитаніе. Въ чащѣ лѣсовъ подстерегаютъ его тигръ и ядовитая змѣя; его скудный посѣвъ уничтожается лѣсными звѣрями: слономъ, кабаномъ, дикобразомъ; проказа, малярія, холера и другія болѣзни проникаютъ въ самыя отдаленныя его жилища, и смерть съ неумолимою жестокостью коситъ людей въ его поселеніяхъ. Его окружаютъ лишь враждебныя силы! Можетъ ли онъ представлять себѣ высшія существа, направляющія судьбы человѣка и всего міра, въ видѣ благодѣтельныхъ божествъ? Нѣтъ, злыя божества преслѣдуютъ его отъ колыбели до могилы, божества, алчущія его крови. Повсюду подстерегаютъ они его въ нѣдрахъ земли и въ водѣ, въ скалахъ, въ темной чащѣ лѣсной и въ пустынной степи; они носятся даже въ ночной мглѣ на погибель того, кто встрѣтится имъ на пути. Они требуютъ крови, и только кровавыми жертвами — пѣтухами, козами и даже людьми — можно на время укротить ихъ гнѣвъ или отвратить его отъ себя волшебными чарами, къ

какимъ прибѣгалъ бѣснующійся, подобно шаману, жрецъ (плясунъ дьявола). Что же удивительнаго, если арійцы, которымъ покровительствовали свѣтлые боги неба, считали и самихъ обитателей джанглей злыми духами, демонами — „Jakshu, Râkshasa“!

Старинныя пѣсни арійцевъ, впрочемъ, рисуютъ намъ не однихъ только жалкихъ дикарей, мы видимъ тамъ и племена, ушедшія нѣсколько дальше на пути культуры. Наряду съ бродячимъ племенемъ киката (стр. 352) встрѣчаются также племена осѣдлыя, какъ нишади, съ извѣстнымъ общественнымъ строемъ, богатство которыхъ вызывало въ арійцахъ зависть и злобу. Часто боги, въ особенности Индра, разрушитель городовъ Пурандара, прославляются за то, что они сотнями уничтожали поселенія чернокожихъ дасью, владѣвшихъ не только укрѣпленными жилищами, защищавшими ихъ отъ враговъ, но имѣвшихъ въ горахъ недоступныя „зимнія убѣжища“ отъ холода, дождя и непогодъ, куда они спасались также отъ наводненій и отъ вредныхъ міазмовъ равнины. Племя нага, поклонники змѣй, должно быть покорено изъ за несмѣтныхъ богатствъ, которыми оно владѣетъ. Главный городъ, въ которомъ царитъ князь ихъ Васуки, полонъ сокровищъ и прекрасныхъ женщинъ; а самъ князь обладаетъ талисманомъ, который можетъ пробудить даже мертвецовъ. „Сокровищница, построенная на скалѣ, биткомъ набита рогатымъ скотомъ, лошадьми и разнымъ добромъ: пани, стерегущіе ихъ, отличные сторожа“. Въ то же время это племя — хитрые, корыстолюбивые торговцы, приносящіе арійцамъ для мѣны все то, что даетъ имъ благодѣтельная природа или искусство ремесленника. Торговля вещь желанная, но ненавистны представители ея, эти „бездушные скупцы“, люди „безъ вѣры, безъ чести, безъ жертвоприношеній“. И вотъ призывается Индра растоптать ногами этихъ алчущихъ барыша. Затѣмъ мы узнаемъ, что на своемъ дальнѣйшемъ пути арійцы встрѣтили значительныя государства туземцевъ, съ которыми завоеватели входили, конечно, также и въ дружескія сношенія (Кришна, черный родоначальникъ племени ядава). Когда арійцы вторглись въ „Среднюю страну“ между Джамной и Гангомъ, они назначили хранителемъ священной земли при сліяніи этихъ двухъ рѣкъ короля племени нишади, вассала царства Аіодхья. Дальше въ южной части полуострова арійско-брахманскіе миссіонеры (Агастья) вступили въ цвѣтущее царство Пандія.

Относительно культуры этихъ туземцевъ, ушедшихъ дальше на пути развитія, мы не находимъ въ древне-арійскихъ пѣсняхъ и миѳахъ никакихъ болѣе подробныхъ указаній, — но языкъ темнокожей расы — дравидская семья языковъ (стр. 348) представляетъ истинный кладъ для того, чтобы составить себѣ понятіе о высотѣ древней культуры туземцевъ. Правда, языки эти и въ настоящее время сильно разбавлены арійскими элементами (санскритъ), но зато именно неарійская часть словаря развертываетъ передъ нами ясную картину доарійской культуры вышеупомянутыхъ племенъ. Благодаря епископу Р. Кольдуэлю, жившему среди темнокожаго населенія и посвятившему изслѣдованію его языковъ болѣе чѣмъ обыкновенную человѣческую жизнь, мы можемъ заключить изъ раскрытаго имъ предъ нами и очищеннаго отъ постороннихъ примѣсей словаря дравидскихъ языковъ, что еще до соприкосновенія съ арійцами дравиды имѣли „царей“, которые жили въ укрѣпленныхъ жилищахъ и правили небольшими областями. У нихъ были пѣвцы, увеселявшіе ихъ на празднествахъ и, повидимому, уже тогда они обладали алфавитомъ, который писали грифелемъ на листьяхъ пальмирской пальмы. Связка такихъ листьевъ называлась книгой. У нихъ не было изображенія боговъ и наслѣдственнаго сословія жрецовъ, а представленіе о небѣ и адѣ, какъ и о грѣхѣ или душѣ, было, повидимому, чуждо первобытнымъ дравидамъ; но они вѣрили въ боговъ, которыхъ обозначали словомъ, совершенно несвойственнымъ арійскому языку — ко, т. е. царь. Въ честь ихъ сооружа-

лись храмы, которые назывались ко-иль — домъ боговъ; но языкъ не даетъ намъ никакихъ указаній относительно способа служенія этимъ богамъ. Дравиды тѣхъ временъ имѣли законы, но у нихъ не было судей; они руководствовались старинными традиціями. Бракъ былъ у нихъ прочно установленнымъ институтомъ. Имъ были знакомы важнѣйшіе металлы (за исключеніемъ олова, свинца и цинка); точно также большія планеты, за исключеніемъ Меркурія и Сатурна. Счетъ ихъ доходилъ до числа 100, а въ нѣкоторыхъ языкахъ до 1000; числа болѣе высокія, какъ напр., арійскій лакъ (100,000) или кроръ (10 милліоновъ), были имъ незнакомы. Лѣкарства были у нихъ въ употребленіи, но не существовало ни науки врачеванія, ни врачей. Встрѣчаются поселки и деревни, но нѣтъ большихъ городовъ. У дравидовъ имѣлись челноки, лодки и даже мореходныя суда съ палубами; но далекихъ плаваній они совершать не могли, поэтому имъ, за исключеніемъ Цейлона, незнакомы были страны, лежащія за моремъ; въ языкѣ ихъ нѣтъ слѣдовъ, которые указывали бы на то, что они знали разницу между материкомъ и островомъ. Они умѣли обрабатывать землю; война была для нихъ удовольствіемъ, лукъ и стрѣлы, копье и мечъ были ихъ оружіемъ. Ремесла, какъ пряденіе, тканье и окраска, процвѣтали, а гончарное производство достигло большого совершенства (на что указываютъ находки въ могилахъ). Далеко не въ такомъ положеніи были наука и искусства. Такъ, напр., не существуетъ никакого слова для выраженія понятія о ваяніи и зодчествѣ, нѣтъ термина для астрономіи и астрологіи, точно также какъ и для философіи или грамматики. Во всемъ, что касается болѣе глубокой духовной жизни, словарь ихъ очень бѣденъ; единственное слово, которымъ этотъ народъ обозначаетъ духовную сущность, это „грудобрюшная преграда“ или „внутренность“; на языкѣ дравидовъ есть слово, обозначающее *думать*, но нѣтъ особаго слова для памяти, сужденія, сознанія, воли [1]. Однако, взвѣшивая все только что сказанное, мы не должны забывать, что подъ сильнымъ вліяніемъ брахмановъ, внесшихъ свою высокоразвитую терминологію для всѣхъ отвлеченныхъ понятій, многія туземныя выраженія были вытѣснены и забыты. Относительно всего, что касается религіи, сравнительное изученіе языка не даетъ намъ достаточно удовлетворительныхъ результатовъ; сравненіе того, что въ этой области относится къ древне-ведійскому, и что обще всѣмъ дравидскимъ племенамъ, включая и болѣе культурныя изъ нихъ, показываетъ намъ, что основныя представленія и религіозная обрядность туземныхъ племенъ джанглей принадлежали не только имъ однимъ, но съ самаго начала были общимъ достояніемъ всего дравидскаго мышленія и религіознаго культа.

Несомнѣнно, что арійцы при своемъ вторженіи въ Индію застали какъ самыхъ древнихъ обитателей *темнокожую* расу, но остается невыясненнымъ, принадлежали ли эти племена къ коларійской или къ дравидской народной группѣ. Весьма вѣскіе доводы говорятъ за принадлежность *главной массы* населенія къ *дравидской* группѣ. Въ пользу этого говоритъ прежде всего то обстоятельство, что отпрыски дравидскаго языка проникли дальше въ область арійскихъ языковъ, чѣмъ коларійскія нарѣчія. На крайнемъ сѣверо-западѣ брахуи удержали, повидимому, въ своемъ языкѣ все еще большое число несомнѣнно дравидскихъ элементовъ, несмотря на продолжительную обособленность отъ своего народа и глубокое вліяніе народовъ, говорившихъ на иныхъ языкахъ. Но въ восточной части Индіи дравидскіе языки проникаютъ далѣе на сѣверъ, чѣмъ островки коларійскаго языка: пахаріи и раджмахали проникаютъ дальше, чѣмъ сантхали и джуанги, а въ средней Индіи хосы, мунды, бхумиджи и гонды дальше, чѣмъ курку. Въ общемъ лингвистическія особенности коларійцевъ,

[1] R. Caldwell, „A comparative grammar of the Dravidian or South Indian family of languages“. 2-е изданіе, Лондонъ, 1875.

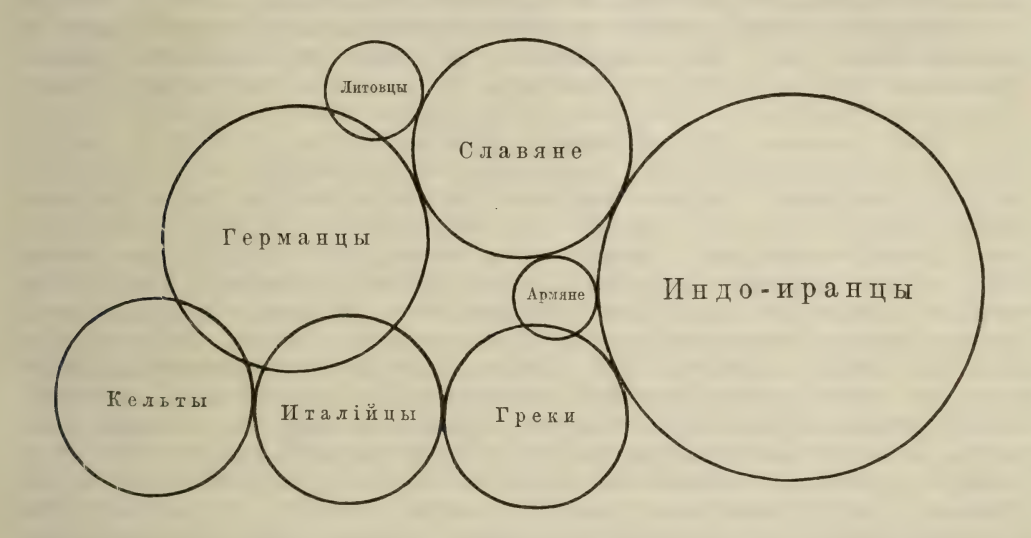
какъ ни мало изслѣдованы до настоящаго времени ихъ языки, все же болѣе указываютъ на востокъ, какъ на исходный свой пунктъ (Индо-Китай); да и сами они по направленію къ востоку представляются болѣе сплоченными, тогда какъ на западѣ они живутъ меньшими и болѣе разбросанными поселеніями и производятъ скорѣе впечатлѣніе народа, продвинувшагося въ страну съ востока. Это говорило бы еще больше въ пользу принадлежности къ племени дравидовъ также и доарійскаго населенія сѣверной Индіи, если бы лучше было обосновано мнѣніе нѣкоторыхъ лингвистовъ, считающихъ, что близкое родство по языку дравидовъ съ урало-алтайцами дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ иммиграцію первыхъ съ сѣверо-запада. Но доказательства, основанныя на лингвистическихъ данныхъ, все таки недостаточны для того, чтобы сдѣлать предположеніе, идущее такъ далеко; встрѣчающіяся въ этихъ языкахъ сходства отчасти лишь единичныя (и поэтому весьма можетъ быть лишь случайныя), отчасти же слишкомъ общаго характера; съ другой же стороны физическіе признаки такъ очевидно говорятъ противъ родственной связи ихъ съ монгольскими народами, что считаться съ подобнымъ взглядомъ не приходится. Въ тѣхъ ограниченныхъ предѣлахъ, въ которыхъ можно вообще говорить о начальномъ періодѣ первобытной исторіи, темнокожіе люди — и среди нихъ въ значительно преобладающемъ количествѣ дравиды — были во всякомъ случаѣ кореннымъ населеніемъ Индіи.

β) Ирано-индійскіе арійцы на первоначальныхъ мѣстахъ своего жительства.

Въ 1833 году Францъ Боппъ прочно установилъ на основаніи уже до него замѣченнаго сходства санскрита, языка брахмановъ, и большинства древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ, несомнѣнную тѣсную связь между большой группой языковъ. Онъ доказалъ, что санскритъ стоитъ въ близкомъ родствѣ не только съ древне-персидскимъ (зендъ) но и со всѣми почти языками Европы. Исключеніе изъ этого составляетъ языкъ басковъ и отдѣльные урало-алтайскіе языки на сѣверѣ и востокѣ Европы. Чѣмъ можно было объяснить подобное сходство? Ближе всего было предположить кровное родство народовъ, соединенныхъ родствомъ языковъ, т. е. принять происхожденіе ихъ отъ одного общаго первобытнаго народа: Авг. Поттъ, Христіанъ Лассенъ, Яковъ и Вильгельмъ Гриммы и другіе возвели чуть не въ догматъ предположеніе, что мѣстомъ жительства этого первобытнаго народа была Азія. Отъ живущаго тамъ народа-родоначальника постепенно отпадали, по ихъ мнѣнію, отдѣльные члены, распространявшіеся далѣе по разнымъ направленіямъ, большею частью на западъ, приблизительно такъ, какъ представляютъ себѣ при образованіи нашей солнечной системы отдѣленіе планетъ и ихъ спутниковъ отъ космическаго вещества. Позднѣе, подъ вліяніемъ ученія Дарвина о происхожденіи видовъ, стали предпочитать картину многократно развѣтвляющагося родословнаго дерева; однако представленіе, что Азія является общей колыбелью этой „индогерманской“ или „арійской“ семьи народовъ, все еще продолжало господствовать. Уже въ послѣднее время, основываясь на лингвистическихъ и антропологическихъ данныхъ, стали искать мѣсто происхожденія всѣхъ этихъ народовъ въ той или другой части Европы; къ этому взгляду присоединилось въ настоящее время большинство лингвистовъ, этнологовъ и антропологовъ.

Но правдоподобно ли вообще, чтобы на громадномъ протяженіи степной области, простирающейся отъ середины Азіи до Сѣвернаго моря, колыбелью такой многочисленной семьи народовъ могло явиться одно какое нибудь мѣсто? Степь не ставитъ преградъ, и безпредѣльно можетъ распространяться ея населеніе. Обитающій въ ней номадъ, вынужденный самой природою степи, гдѣ растительность смѣняется съ временами года и

климатомъ, любитъ перекочевывать и распространяться: такъ языкъ якутовъ на сѣверо-востокѣ Сибири очень близокъ къ языку османовъ на крайнемъ юго-западѣ обширнаго материка Азіи. Въ какомъ именно мѣстѣ проникъ въ степь первый пришелецъ — вопросъ, не имѣющій значенія; по всей вѣроятности, какъ только извѣстное племя вступило въ нее твердою ногою, оно не ограничилось небольшою областью, а, несдерживаемое никакими преградами, распространилось на далекое пространство, образуя хотя и не густое, но однородное населеніе. Лишь впослѣдствіи, благодаря территоріальной обособленности, различію природы, соприкосновенію съ сосѣдями, явились отклоненія въ тѣлосложеніи, въ языкѣ и нравахъ, Такимъ путемъ отъ однородной нѣкогда и широко-распространенной на-



родной массы образовались въ различныхъ пунктахъ отдѣльныя племена, болѣе или менѣе отличныя другъ отъ друга. Въ 1872 г. Іоганнъ Шмидтъ слѣдующимъ образомъ представлялъ себѣ возникновеніе индо-германскихъ языковъ: „я хотѣлъ бы родословное дерево замѣнить картиною волны, которая расширяется концентрическими кругами, ослабѣвающими по мѣрѣ удаленія отъ центра". Съ такимъ взглядомъ лучше всего согласуется тотъ фактъ, что близко живущіе другъ отъ друга народы, точно такъ же, какъ и языки ихъ, всегда болѣе сходны между собою, чѣмъ отдаленные. Если мы представимъ себѣ индо-германскіе народы такими волнообразными кругами, то въ своемъ соотношеніи они дадутъ прилагаемую здѣсь схематическую картину.

Изслѣдованіе пути, которымъ шло дальнѣйшее развитіе западныхъ круговъ отъ этихъ первоначальныхъ центровъ, не входитъ въ предѣлы нашей задачи,— мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ самымъ восточнымъ кругомъ — ирано (ерано) индійскимъ. Сравненіе языковъ, преданія и древняя литература народовъ, вышедшихъ изъ него, служатъ намъ путеводною нитью при изслѣдованіи эпохи, мѣста и народности этого первичнаго круга. Мы убѣждаемся, что оба нынѣ совершенно самостоятельныхъ народа — иранцы (еранцы) и индусы лишь за нѣсколько тысячелѣтій отъ нашего лѣтосчисленія отдѣлились отъ общаго корня вышеуказаннаго круга народовъ. Что отдѣленіе произошло въ такой относительно недавній періодъ, вытекаетъ не только изъ незначительной разницы между древне-иранскимъ языкомъ (зендъ) и языкомъ старшихъ индійскихъ гимновъ, но также и изъ большого сходства нравовъ и обычаевъ, особенно въ области религіи, миѳовъ и культа. Оба народа называютъ себя однимъ

и тѣмъ же гордымъ именемъ арійцевъ (Arya, Airyu — „знатные“, „высокіе“); у тѣхъ и у другихъ юноши посвящаются въ мужи опоясываніемъ шнурка. Одни и тѣ же имена: Митра, Индра, Шива, Яма, (Има), Асура (Ахура-мазда) встрѣчаются въ религіяхъ того и другого народа. Въ развитіи понятій, однако, проявляется уже глубокое различіе обоихъ народовъ: боги, которыхъ индійская вѣтвь чтитъ какъ существа высшія, у иранцевъ спускаются на ступень низшихъ, нечестивыхъ духовъ. Сіяющій, чудесный, сострадательный Индра древнеиндійскаго культа и великій богъ (Махадева) Шива превращаются въ Персіи въ злыя демоническія силы, враждебныя богамъ и людямъ, какъ, напр., Асура въ Индіи. Боги остались тѣ же, но обликъ ихъ измѣнился. Жертва, которая приносится высшимъ существамъ — все тотъ же напитокъ сома (Хаома).

Преданія и языкъ обоихъ народовъ указываютъ на сѣверъ, какъ на прежнее общее ихъ мѣстопребываніе, и едва ли ошибочно распространенное предположеніе, принимающее за прежнюю ихъ родину страну, орошаемую Оксусомъ и Яксартомъ (Аму Дарьей и Сыръ Дарьей). Культура этого древняго круга народовъ обрисовывается въ общихъ своихъ чертахъ сокровищницей словъ, одинаково унаслѣдованной вышедшими изъ него народностями. Самымъ важнымъ источникомъ пропитанія, соотвѣтственно природѣ степной страны, было скотоводство: стада рогатаго скота, овецъ и козъ составляли главную статью народнаго богатства; на пастбищахъ собака являлась вѣрнымъ помощникомъ человѣка. Разводились также и лошади, но лишь для упряжи, а не для верховой ѣзды; запряженная конями колесница играла большую роль уже въ битвахъ вторгшихся въ Индію арійцевъ. Уже одно существованіе повозки указываетъ на то, что индо - иранцы не были исключительно пастушескимъ народомъ. То обстоятельство, что они строили деревянные дома и что животныхъ своихъ загоняли въ защищенные дворы, подтверждаетъ предположеніе, что у нихъ существовала извѣстная осѣдлость, на что указываетъ также и воздѣлываніе различнаго вида злаковъ: ячмень, пшеница, просо были уже въ первобытную эпоху общимъ достояніемъ большой индогерманской семьи народовъ. По всей вѣроятности, арійцы при своемъ вторженіи въ благословенную страну Пятирѣчья, принесли съ собою искусство орошенія земли, что они изучали уже на берегахъ Оксуса и Яксарта. Какъ бы то ни было скотоводство составляло главную статью пропитанія — молоко и мясо (рыбу они не любили),—и давало одежду (шерсть и шкуры). Изъ металловъ извѣстны мѣдь и бронза (руда), желѣзо же встрѣчалось рѣдко; наконечники стрѣлъ у арійцевъ дѣлались, вѣроятно, чаще изъ рога (смазаннаго ядомъ), чѣмъ изъ металла. Кромѣ лука и стрѣлъ, оружіемъ служили палица, топоръ, мечъ и копье. Мирныя сношенія велись, по всей вѣроятности, въ довольно значительныхъ размѣрахъ: существовали правильныя дороги, по которымъ двигались запряженныя лошадьми телѣги, а по рѣкамъ скользили плоты и весельныя суда; товаръ обращался путемъ мѣновой торговли, и миролюбивому чужестранцу охотно оказывалось гостепріимство. Если говорить объ общемъ моральномъ обликѣ индо-иранцевъ, то мы должны представить себѣ его стремящимся къ высокимъ идеаламъ: семейная его жизнь была чиста, взаимныя отношенія членовъ одного и того же племени были урегулированы опредѣленными нравственными законами; онъ былъ честенъ и вѣренъ, а въ отношеніи къ врагу проявлялъ мужество, храбрость и воинственность. Главою семьи является отецъ; наряду съ нимъ высоко чтится и уважается также и хозяйка дома. Во главѣ племени или областной общины стоитъ вождь, или правитель, „царь“, который не только управляетъ свѣтскими дѣлами своего племени, но и является его представителемъ предъ лицомъ небесныхъ владыкъ Отдѣльнаго званія жрецовъ еще не существовало; но зато весь народъ былъ преисполненъ глубокой религіозности.

б) Первая ступень арійской иммиграціи въ Пенджабъ.

У насъ нѣтъ ближайшихъ указаній на причины, заставившія индійскихъ арійцевъ оставить первоначальныя мѣста своего жительства; поводовъ къ этому огромному передвиженію народовъ могло быть не мало: чрезмѣрное увеличеніе населенія, поставившее страну въ невозможность прокормить его, враждебныя вторженія другихъ степныхъ народностей, – родственныхъ индогерманцевъ съ запада или безпокойныхъ монгольскихъ племенъ съ востока и сѣвера, — или, быть можетъ, внутренніе раздоры, которые въ концѣ концовъ привели къ полному разобщенію иранской и индійской вѣтвей, наконецъ, просто вѣсть о баснословномъ плодородіи обширной страны на югѣ. Установить точное время этого передвиженія совершенно невозможно; новѣйшіе изслѣдователи склонны отнести его къ серединѣ третьяго тысячелѣтія дохристіанской эры или еще къ значительно болѣе раннему періоду.

α) Пути иммиграціи.

Путь, который избрала иммиграція, привелъ къ югу. Здѣсь простирался высокій горный валъ, Хиндукушъ и Памиры; но онъ не представлялъ собой препятствія для сильнаго, испытаннаго въ странствованіяхъ по горамъ пастушескаго народа и не помѣшалъ ему достигнуть лежавшихъ по ту сторону равнинъ, которыя со своими природными богатствами должны были казаться тѣснимому нуждою обитателю степей заманчивымъ раемъ. Весьма возможно, что индійскіе арійцы переходили какъ черезъ Памиръ, такъ и чрезъ Хиндукушъ; придерживаясь болѣе восточнаго направленія, они безъ большого труда могли проникнуть черезъ Читралъ или Гильгитъ къ Инду и въ чудный Кашміръ, равно какъ и въ верхній Пенджабъ; западный путь черезъ Хиндукушъ приводилъ ихъ къ сѣверному Афганистану, въ область Кабула. Здѣсь, повидимому, зародились древнія священныя пѣсни, дошедшія до насъ; здѣсь же могло совершиться и послѣднее отдѣленіе другъ отъ друга иранской и индійской арійскихъ вѣтвей. Отъ краевъ афганскаго нагорья взоръ переносится къ благодатнымъ нивамъ Пятирѣчья, и чрезъ естественныя ворота окрайныхъ горъ не трудно было проникнуть далѣе въ равнину. Этимъ путемъ, вѣроятно, главная масса арійской народной вѣтви достигла своей новой родины; это совершилось, конечно, не однимъ могучимъ движеніемъ, но различными, слѣдовавшими въ продолженіе долгаго періода времени натисками отдѣльныхъ племенъ. Впечатлѣнія, охватывавшія ихъ при переходѣ черезъ уходившія въ небеса горы, должны были быть необыкновенно сильны, — долго еще живетъ въ нихъ воспоминаніе о покрытыхъ снѣгомъ горныхъ колоссахъ, достойныхъ служитъ трономъ небеснымъ богамъ.

Странствованія арійцевъ привели къ чудной цѣли: Пенджабъ, орошаемый переполненными отъ дождей и таянія снѣговъ могучими рѣками— источниками неисчерпаемаго плодородія, — расточалъ свои блага въ невиданномъ еще дотолѣ изобиліи. Вдохновенный пѣвецъ прославляетъ его рѣки, особенно Индъ, Сарасвати ведовъ, принимающій въ себя воды пяти другихъ рѣкъ и несущій ихъ въ море; далѣе Витаста (Джиламъ), Асикни (Чинабъ), быстрая Марудвридха (Рави), Випашъ (Біасъ) и Сутудри (Сетледжъ) — вотъ тѣ рѣки, числу которыхъ „Панчанада“ — Пятирѣчье обязано своимъ названіемъ. Поэтъ воспѣваетъ эту облась еще какъ страну семи рѣкъ — „Сапта Синдхава“, причисляя сюда и рѣки, связанныя по воспоминаніямъ съ переселеніемъ въ Индію,—Кабулъ, присоединяющійся съ запада и старшую изъ семи сестеръ — Сарасвати.

Не безъ борьбы досталась пришельцамъ эта прекрасная страна; населявшіе ее еще до ихъ прихода темнокожіе коренные жители (стр. 347)

не добровольно уступили имъ свои права. Веды того времени наполнены шумомъ битвъ и побѣдными кликами; высокіе боги призываются, чтобъ разбить завистливыхъ злыхъ дасью, и имъ возносятся полныя ликующей благодарности похвалы за то, что они разрушили сотни прочныхъ убѣжищъ несчастныхъ, низкихъ рабовъ, дасью. Не обходилось дѣло безъ тяжелыхъ столкновеній также и между отдѣльными племенами собственнаго народа, когда вновь прибывавшія полчища требовали своей доли земли. Скоплявшаяся масса арійцевъ тѣснила другъ друга все больше и больше на востокъ. Мы можемъ прослѣдить это движеніе съ момента пребыванія арійцевъ на высотахъ афганскаго предгорья до того момента, когда они, продвигаясь черезъ Пятирѣчье, достигли Джамны (Ямуны), самой западной изъ рѣкъ бассейна Ганга: она часто упоминается въ болѣе позднихъ ведахъ, тогда какъ Гангъ вообще упоминается не больше одного - двухъ разъ. Надвиганіе другъ на друга и смѣшеніе различныхъ племенъ, соперничавшихъ въ захватѣ богатой добычи — земли, должно было неизбѣжно приводить къ столкновеніямъ. Нѣкоторыя племена и ихъ цари упоминаются съ ихъ именами; такъ прежде всего союзъ „Пяти народовъ“ въ сѣверной части Пятирѣчья, яду, турваса, друхью, ану и оставшихся больше другихъ позади пуру; первыя два племени и затѣмъ третье и четвертое продолжали оставаться между собою въ болѣе тѣсной связи. Къ востоку, за предѣлы этихъ пяти союзныхъ народовъ, населявшихъ настоящую Аріяварту, страну арійцевъ, проникли тритсу, вѣтвь воинственнаго, испытаннаго въ бояхъ и побѣдахъ племени бхарата; между ними и болѣе западными народами Пятирѣчья дѣло дошло до кровавой борьбы. Оттѣсненныя въ этой борьбѣ союзныя племена, вынужденныя ограничиваться однимъ Пятирѣчьемъ, теряли все болѣе и болѣе общность интересовъ и чувство родства съ продолжавшими распространяться на востокъ арійцами. О большинствѣ этихъ племенъ мы ужъ больше ничего не слышимъ; только пуру продержались нѣсколько дольше въ области Инда (царь Поросъ).

β) Культурные успѣхи.

Въ общей культурѣ проникшихъ въ Пятирѣчье арійцевъ повсюду замѣчается тотъ прогрессъ, который приноситъ съ собою обусловленное земледѣліемъ поднятіе существованія на болѣе высокія ступени и который проявляется въ большемъ благоденствіи, большей безопасности и вообще въ болѣе расширенныхъ рамкахъ всѣхъ формъ жизни. Арійцы не кочуютъ больше по необозримымъ степямъ, они ведутъ осѣдлый образъ жизни въ опредѣленныхъ, благопріятныхъ для земледѣлія областяхъ. Скотоводство остается все еще однимъ изъ главныхъ занятій; рогатый скотъ продолжаетъ служить мѣриломъ не только оживленности сношеній, но и богатства отдѣльныхъ лицъ; вождь племени все еще называется „обладатель коровъ“ (gopati), а борьба — „жажда пріобрѣтенія коровъ“ (gawishti). Молоко въ свѣжемъ видѣ или въ формѣ кислаго молока, сливокъ, масла или сала составляетъ по прежнему главную часть пищи; зато мясо домашнихъ животныхъ употребляется мало, а охота предпринимается больше какъ спортъ или какъ мѣропріятіе противъ хищныхъ звѣрей; рыба же остается въ пренебреженіи. Мясная пища все больше и больше замѣняется хлѣбными растеніями, въ пищу идетъ ячмень, менѣе пшеница, рисъ же совсѣмъ еще не употребляется. Плугъ и серпъ играютъ бо́льшую роль, чѣмъ прежде. Зерно вымолачивается на токѣ, размельчается женщинами на жерновахъ и затѣмъ идетъ въ пищу, въ видѣ хлѣба или лепешки или же въ видѣ каши. Домъ строится болѣе крѣпко и прочно, чѣмъ прежде. Крыша изъ растительныхъ волоконъ, коры или соломы защищаетъ отъ дождя; въ серединѣ главнаго помѣщенія пылаетъ очагъ, а вокругъ него устроенъ цѣлый рядъ скамеекъ (вѣроятно, земляныхъ, какъ и въ настоящее время),

покрытыхъ шкурами и служащихъ для отдохновенія. Глиняные горшки, а также и мѣдные котлы, камни для размельченія зерна составляютъ главную домашнюю утварь. Рядомъ съ домомъ помѣщается огороженный загонъ для скота; тутъ же и токъ, на которомъ молотятъ хлѣбъ. Домъ находился всецѣло на попеченіи женщинъ: здѣсь она готовила кушанья на всю семью; здѣсь она пряла свою тонкую пряжу и изготовляла изъ нея искусныя ткани или шила красиво украшенные плащи изъ шкуръ убитыхъ звѣрей; здѣсь же росли подъ ея надзоромъ дѣвочки и мальчики. Мужчина работалъ внѣ дома, на полѣ, на лугу и пашнѣ, на охотѣ или же на войнѣ. Ремесла, достигавшія все большаго совершенства и спеціализированія, находились въ рукахъ мужчинъ: каждый поселянинъ умѣлъ дѣлать прочныя повозки: кузнецъ обрабатывалъ при помощи огня, раздуваемаго посредствомъ птичьяго крыла, мѣдь и желѣзо, которыя доставлялись ему, по всей вѣроятности, въ необработанномъ видѣ коренными жителями, выплавлявшими ихъ изъ руды (туземная индійская форма мѣховъ на подобіе сумки не была, повидимому, въ употребленіи у арійцевъ); золотыхъ дѣлъ мастера умѣли изготовлять блестящія драгоцѣнности искусной работы — бляхи, браслеты и кольца, которыми женщины украшали уши, шею, руки и ноги.

Отношенія между мужемъ и женой были основаны на прочныхъ нравственныхъ началахъ. Подарить племени дѣльныхъ, достойныхъ своихъ родителей сыновей было высшей гордостью отца и матери. Жена господствуетъ въ домѣ наравнѣ съ мужемъ и пользуется одинаковымъ уваженіемъ и правами, хотя мужъ, какъ болѣе сильный, является естественнымъ главою, защитникомъ семьи и ея руководителемъ. Мужчина сваталъ черезъ друзей и родственниковъ избранную его сердцемъ дѣвушку; если родители дѣвушки принимали подарокъ жениха, то бракъ совершался предъ очагомъ того дома, въ которомъ, подъ защитой своихъ родителей, жила до той поры невѣста. Женихъ бралъ руку дѣвушки и обводилъ ее три раза вокругъ очага; тотъ же обрядъ повторялся и въ будущемъ жилищѣ новобрачной, куда ее привозили на колесницѣ, запряженной бѣлыми быками; торжество завершалось общимъ пиршествомъ. Побочныя жены составляли явленіе рѣдкое; поліандрія же была совершенно чужда древнимъ арійцамъ. Если домъ посѣщала смерть, то трупъ хоронился или сожигался (оба способа погребенія упоминаются уже въ древнѣйшихъ ведахъ); вдова никогда не слѣдовала въ могилу за умершимъ супругомъ.

Дома стояли отдѣльными поселками или же соединялись въ деревни. Нѣкоторыя изъ такихъ поселеній обнесены были для защиты отъ нападенія враговъ землянымъ или каменнымъ валомъ (названія этихъ мѣстъ оканчиваются словомъ „пуръ“ — крѣпость); часто люди и животныя должны были укрываться въ нежилыхъ въ обычное время, защищенныхъ валомъ убѣжищахъ, когда имъ грозила опасность со стороны враговъ или наводненія. Группы отдѣльныхъ деревень соединялись въ общины, нѣсколько такихъ общинъ въ свою очередь соединялись въ округъ, весь союзъ округовъ — въ племя, и каждая изъ этихъ группъ имѣла своего главу; во главѣ же всего племени стоялъ царь (râdjan — „правитель“), достоинство котораго переходило по наслѣдству или же передавалось путемъ выбора; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, однако, новый царь долженъ былъ быть утверждаемъ общимъ народнымъ собраніемъ (samiti) всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ. Въ самити обсуждались вообще всѣ дѣла, касавшіяся племени, особенно же войны и мира. Для менѣе многолюдныхъ собраній въ округѣ или деревнѣ имѣлись особыя помѣщенія (sabhâ), служившія не только для совѣщаній и судопроизводства, но также и для увеселеній и сборищъ, при которыхъ игра въ кости составляла главное развлеченіе. Какъ племя имѣло свою организацію для мирныхъ цѣлей, точно также и войско, составленное изъ всего способнаго носить оружіе населенія, дѣ-

лилось на части, соотвѣтствовавшія семьямъ, деревнямъ и округамъ и имѣвшія каждая своего предводителя. Знатные воины отправлялись въ битву на своихъ запряженныхъ двумя конями и управляемыхъ возницей колесницахъ, вся же остальная масса войска передвигалась пѣшимъ образомъ.

Царь велъ свое войско противъ врага; онъ же являлся посредникомъ между народомъ и богами, молилъ ихъ о помощи, славилъ ихъ или приносилъ имъ жертвы. Онъ могъ въ отдѣльныхъ случаяхъ предоставлять дѣлать это пурохитѣ, руководившему жертвоприношеніями, или совсѣмъ передавать свои обязанности жреца кому либо, кто обладалъ представительной наружностью и отличался какъ пѣвецъ. Остальныя знатныя лица, напр., князья отдѣльныхъ округовъ, и т. д., могли также держать своихъ пурохитъ, вліяніе которыхъ все болѣе крѣпло по мѣрѣ того, какъ молитва заступала мѣсто внезапныхъ сердечныхъ изліяній и какъ культъ боговъ вырабатывалъ болѣе опредѣленныя формы, находившія выраженіе въ особыхъ обычаяхъ и установленномъ ритуалѣ. Въ этомъ отдѣленіи царской власти отъ сана жреца мы видимъ уже зародышъ той розни, которой суждено было сыграть столь важную роль въ дальнѣйшемъ развитіи арійскаго народа (см. стр. 368).

γ) Религія индо-арійцевъ въ Пенджабѣ.

Изъ своего прежняго отечества арійскій народъ вынесъ, какъ цѣнное наслѣдіе, глубокое религіозное чувство, исполненное благодарности и почитанія высшихъ силъ, тѣхъ силъ природы, которыя дарили человѣку безпечное существованіе, покровительствуя его стадамъ и посѣвамъ. Это были благодѣтельные, доброжелательные боги, посылавшіе человѣку живительный дождь и благотворный солнечный свѣтъ, и этимъ богамъ онъ приносилъ, какъ высокимъ, расположеннымъ къ нему друзьямъ, благодарственную молитву и благочестивыя моленія. Къ нимъ онъ взывалъ о благоденствіи своихъ стадъ, о побѣдѣ въ битвахъ, дарованіи сыновей и долгой жизни; эти свѣтлые, чистые, всевѣдущіе боги были охранителями нравственности, покровителями дома, гау, всего племени. Небо завоевавшихъ Пятирѣчье арійцевъ еще полно боговъ древняго періода: Адитья — „безконечные", Митра и Варуна, великій духъ Асура (Ахура мазда иранцевъ) Арьяманъ и т. д. — все это свѣтлыя существа, которыхъ равно почитали какъ иранцы, такъ и индо-арійцы. Но у послѣднихъ они блѣднѣютъ и, какъ туманные образы неуловимаго прошлаго, все больше отступаютъ передъ осязаемой дѣйствительностью, значеніе ихъ расплывается, они становятся таинственными, страшными или демоническими (какъ Асура); другіе же боги, — боги съ болѣе опредѣленнымъ обликомъ, выдвигаются на передній планъ.

Прежде всего передъ нами три великихъ божества, — древне-индійская Тримурти: Индра, Сурья и Агни. Изъ нихъ особымъ почитаніемъ пользуется Индра, къ которому чаще всего обращаются въ дошедшихъ до насъ священныхъ пѣсняхъ. Индра, богъ воздуха, больше другихъ расположенъ къ арійцамъ, онъ посылаетъ дождь и благодать, ему подчинены зима и бури. Вполнѣ понятно, что именно богъ воздуха долженъ былъ пользоваться у арійцевъ такимъ поклоненіемъ: чѣмъ ближе арійцы знакомились въ новой области съ періодичностью атмосферическихъ явленій и главнымъ образомъ муссоновъ и проливныхъ дождей, отъ которыхъ зависѣло все благоденствіе человѣка, тѣмъ больше и глубже были ихъ благодарность и благоговѣніе именно передъ этимъ богомъ. Индра освобождаетъ воды небесъ, разсѣкая молніей сблака, передъ которыми мчатся бурные вѣтры, Маруты, а впереди всѣхъ ревущій Рудра, ураганъ, бѣшено несущійся передъ черной грозовой тучей. И какъ молніей своей Индра

разрываетъ тучи, такъ разбиваетъ онъ крѣпости враговъ и въ битвѣ мужей убиваетъ тысячами низкихъ дасью. Такъ защищаетъ богъ арійское племя, которое въ свою очередь приношеніями — божественнымъ напиткомъ сома — и хвалебными гимнами воздаетъ ему благодарность. Второе мѣсто въ почитаніи арійцевъ занимаетъ Сурья, блестящій богъ солнца, дарующій свѣтъ, тепло и жизнь — предметъ величайшаго поклоненія. Ушасъ, заря, раскрываетъ передъ нимъ ворота, изъ которыхъ онъ выѣзжаетъ на небо на колесницѣ, запряженной семью красными конями. Третьимъ присоединяется къ этимъ двумъ богамъ Агни — огонь, треніемъ рожденный изъ дерева; это домашній богъ: онъ живетъ въ очагѣ, свѣтитъ и грѣетъ, уничтожаетъ все злое, нечистое въ домѣ и печется также о нравственности его обитателей. Въ видѣ жертвеннаго огня на алтарѣ онъ является посредникомъ между человѣкомъ и прочими богами; въ видѣ разрушительнаго пожара онъ уничтожаетъ поселенія враговъ и убѣжища ихъ демоновъ, скрывающихся въ лѣсной чащѣ.

Гордое чувство самосознанія сказалось въ сношеніяхъ человѣка съ богами. Онъ не только получаетъ отъ боговъ, но и даетъ имъ. Боги, конечно, сами готовятъ себѣ напитокъ безсмертія, амриту, но они не могутъ обойтись и безъ жертвоприношеній, которыхъ алчутъ. Особенно любятъ они сладкій, какъ медъ, напитокъ сому [1] и жадно тѣснятся къ жертвенному огню, на которомъ происходитъ возліяніе напитка, дающаго даже самому Индрѣ мужество для совершенія великихъ дѣлъ, а силѣ его — напряженіе, обезпечивающее побѣду. Молитва, которой Индра призывается къ сомѣ, кажется намъ почти заносчивой: „Готовъ напитокъ сома, о Индра; да исполнитъ онъ тебя силы! Упивайся же имъ, превосходнымъ, дающимъ безсмертіе и веселье! Приди, о Индра, съ радостью пей его! этотъ выжатый сокъ; опьяняй себя, о герой, дабы умерщвлять враговъ, Садись на мое покрывало! Здѣсь, о Добрый, выжатый сокъ, наполни же хорошенько свое чрево; тебѣ, о Страшный, приносимъ мы его“. Въ этомъ приглашеніи Индра уподобляется человѣку, но тѣмъ не менѣе древне-индійское представленіе о богахъ не достигло еще того олицетворенія, какое мы находимъ въ греческой миѳологіи. Представленіе о божествѣ и форма, въ которую оно выливается, колеблются между человѣческимъ образомъ и абстрактнымъ представленіемъ тѣхъ силъ природы, которыя заключаются въ огнѣ, грозѣ, солнечномъ теплѣ и т. д. Поэтому отдѣльный богъ индоарійца является чѣмъ то неопредѣленнымъ, расплывчатымъ; часто одному божеству приписываются аттрибуты, свойственные другому, а отдѣльные аттрибуты олицетворяются. Созиданіе миѳовъ не выходитъ изъ узкихъ рамокъ, а генеалогія боговъ далека отъ того семейнаго начала, которое намъ являетъ Олимпъ (т. IV, стр. 265).

Большое число гимновъ (1017), посвященныхъ богамъ — самое раннее свидѣтельство о жизни, мышленіи и чувствованіи индусовъ — сохранилось до нашего времени. Самыя древнія изъ этихъ пѣсенъ слагались, вѣроятно, еще во времена странствованій арійцевъ, когда они обращались къ богамъ, прося у нихъ защиты и помощи; новѣйшія пѣсни возникли уже на берегахъ Пятирѣчья и при дальнѣйшемъ вторженіи арійцевъ въ область Ганга. То, что вначалѣ было непосредственнымъ изліяніемъ набожнаго сердца, перешло постепенно въ установленную молитву; сначала эти пѣсни точно и безъ измѣненій передавались изъ рода въ родъ въ семьяхъ пѣвцовъ изустнымъ путемъ и лишь гораздо позднѣе онѣ были закрѣплены письмомъ. Такимъ образомъ возникло древнѣйшее собраніе (saṁhitâ) священныхъ книгъ вообще: Риг-веда (риг обозначаетъ пѣснь, стихотвореніе; веда — [священное] знаніе); позднѣе создались новѣйшія веды.

---

[1] На яз. Хинди еще и теперь одно растеніе (Sarcostemma brevistigma) называется сомъ или сома.

Продолжительность періода ихъ образованія сказывается во многихъ отличіяхъ ихъ языка; они сильно разнятся другъ отъ друга также и по содержанію.

Во многихъ ведахъ, а именно въ принадлежащихъ къ болѣе раннему періоду, проявляется глубокое стремленіе къ истинѣ, къ разрѣшенію величайшихъ тайнъ бытія и тотъ спекулятивный умъ, какимъ характеризуется позднѣйшая ступень развитія брахманизма. Другія веды представляютъ просто сборникъ моленій о побѣдѣ, о потомствѣ, долгой жизни и т. п. или же содержатъ обѣты приношеній и восхваленій на случай, если помощь боговъ окажется дѣйствительной. Собраніе въ одно цѣлое всѣхъ этихъ гимновъ совершилось уже въ болѣе поздній періодъ, послѣ переселенія въ область Ганга, т. е. не ранѣе VII вѣка до Р. Х.

в) Распространеніе арійцевъ въ области Ганга.

Самыя важныя событія на исходѣ ведійской эпохи разыгрались въ странѣ, лежащей между Индомъ и Гангомъ. Здѣсь уже проявилась между военной аристократіей и жрецами та рознь, которой суждено было сыграть впослѣдствіи рѣшающую роль въ исторіи Индіи. Во главѣ союзныхъ племенъ Пенджаба стоялъ гордый царь Вишвамитра, который, какъ это водилось въ древнія времена, совмѣщалъ въ своей особѣ въ одно и то же время и царя и жреца и испрашивалъ у боговъ покровительства для своего народа. Но у враговъ его царь Судасъ уже не самъ, и не черезъ посредство своихъ домашнихъ жрецовъ приноситъ богамъ моленія и жертвы, а предоставляетъ дѣлать это особому сословію — жрецамъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ вьющимися волосами, изъ рода Васиштхы, молитва которыхъ была богамъ угоднѣе, чѣмъ молитва царя-жреца. Это обстоятельство является прототипомъ для всей второй половины древне-индійской исторіи: она оканчивается полной побѣдой жрецовъ надъ военной аристократіей и ихъ господствомъ надъ всею духовною жизнью индусовъ, на которую они накладываютъ самыя тѣсныя оковы. По времени это духовное порабощеніе народа совпадаетъ съ распространеніемъ арійцевъ въ области Ганга.

α) Источники для исторіи Индіи: Махабхарата.

Какъ источники для внѣшней исторіи этой эпохи священныя книги являются менѣе полными, чѣмъ какими были пѣсни Ригведы для предыдущаго отдѣла. Тѣмъ не менѣе онѣ, какъ, напр., брахманы, содержатъ много важныхъ указаній относительно отдѣльныхъ племенъ, ихъ мѣстообитанія и ихъ судебъ. Особенно много историческаго матеріала даютъ намъ два большихъ эпоса того времени, Махабхарата и Рамаяна (см. ниже, стр. 484), поэтически изукрашенные, правда, богатѣйшей, безпредѣльной въ своихъ преувеличеніяхъ фантазіей и требующіе, по явной тенденціозности своихъ изображеній, строгой критики.

Въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ Махабхарата, она представляетъ самый обширный изъ эпосовъ всѣхъ временъ и народовъ; каждый изъ 18 отдѣловъ содержащихся въ ней 110,000 двустишій (ślokas) составляетъ объемистый печатный томъ. Исторической основой пространной пѣсни о Бхаратахъ (стр. 359) служатъ древнія преданія. Избытокъ чувствъ, вызванныхъ подвигами воиновъ, изливался во вдохновенныхъ пѣсняхъ, и изъ устъ въ уста передавалась хвала героямъ. Такое начало героической поэмы могло зародиться еще гораздо ранѣе перваго тысячелѣтія до христіанской эры. А затѣмъ, когда за бурнымъ періодомъ послѣдовалъ періодъ болѣе спокойнаго преуспѣянія, и картины прошлаго все болѣе расплывались въ памяти потомковъ, старинныя пѣсни и баллады были собраны

и переработаны въ одинъ обширный эпосъ. Немало лицъ (братья Панду) и событій было при этомъ присочинено и представлено въ ореолѣ неисчерпаемой фантазіи, но много матеріала, съ другой стороны, было сжато: судьбы народовъ становятся побѣдами или пораженіями отдѣльныхъ героевъ, многолѣтняя борьба воинствующихъ племенъ превращается въ одну безконечную битву. Къ этой эпически-исторической части Махабхараты присоединилась еще значительная доля преднамѣреннаго брахманскаго элемента. Если мы очистимъ поэму отъ всѣхъ неэпическихъ наслоеній, то получимъ вкратцѣ слѣдующую фабулу.

Тамъ, гдѣ двѣ рѣки, Джамна и Гангъ, оставивъ позади себя горы, вступаютъ въ равнину, поселилось, распространившись за предѣлы восточныхъ и западныхъ береговъ ихъ, сильное племя бхаратовъ — куру; еще и теперь мѣстность на правомъ берегу Джамны называется Курукшетра — (священная) страна Куру. Царствующій родъ этого племени распался на двѣ линіи: старшій изъ двухъ сыновей царя Сантану, Дхритараштра, родился слѣпымъ, и королевскій санъ перешелъ, поэтому, къ младшему его брату Панду. У послѣдняго родилось пять сыновей, у перваго—сто, и борьба обѣихъ этихъ группъ (Курава-Пандава) составляетъ эпическое ядро поэмы. Всѣ принцы были прекрасно обучены брахманомъ Дрона различнымъ рыцарскимъ искусствамъ: „стрѣльбѣ изъ лука, нанесенію удара палицей, метанію топора и копья, владѣнію мечемъ и ножомъ, какъ въ битвахъ при натискѣ коней и слоновъ съ колесницъ, такъ и въ пѣшемъ и рукопашномъ бою и въ поединкѣ“. На сторонѣ старшей линіи особенно отличался искусствомъ владѣть въ борьбѣ палицей старшій изъ ста братьевъ Дурьодхана, на сторонѣ же сыновей Панду второй, Бхима — своей сверхчеловѣческой силой, а третій, сіяющій красотою кудрявый Арджуна — необычайнымъ искусствомъ владѣть всякаго рода оружіемъ, особенно же своей мѣткостью въ стрѣльбѣ изъ лука. На турнирѣ, которымъ заканчивается воспитаніе принцевъ, онъ превосходитъ всѣхъ остальныхъ; затѣмъ въ состязаніи со многими другими принцами добивается прекрасной Кришны („черная“), дочери Друпады, царя Панчалы. Съ его побѣдой Кришна становится въ то же время и женою остальныхъ четырехъ братьевъ — поліандрическій бракъ, который поэтъ, придерживающійся брахманскаго міровоззрѣнія, старается извинить недоразумѣніемъ со стороны матери принцевъ Панду.

Изъ страха предъ храбростью своихъ двоюродныхъ братьевъ и могуществомъ Панчала, связаннаго съ ними узами родства, благодаря браку съ Кришной, Дурьодхана, сдѣлавшійся тѣмъ временемъ царемъ, раздѣлилъ свое царство со старшимъ изъ братьевъ Панду, Юдхиштхирой. Но уже во время своего посвященія въ цари этотъ послѣдній проигрываетъ въ кости не только власть, но и свободу, какъ свою, такъ и своихъ братьевъ, а подъ конецъ и общую супругу Куравамъ, враждебно настроеннымъ къ Пандавамъ, и только благодаря вмѣшательству дряхлаго слѣпого князя Дхритараштра этотъ исходъ игры принялъ другой оборотъ и былъ замѣненъ тринадцатилѣтнимъ изгнаніемъ. По истеченіи этого срока изгнанія, проведеннаго братьями Панду вмѣстѣ со своею супругою въ дикомъ уединенномъ лѣсу въ нуждѣ и несчастьи, они потребовали своей доли царства. Куравы не согласились на это требованіе, и обѣ стороны собираютъ вокругъ себя многочисленныхъ и сильныхъ союзниковъ: къ Куравамъ присоединяется проявившій въ этихъ битвахъ чудеса храбрости и ловкости Карна (второй Зигфридъ или Ахиллъ); Пандавы же пользуются хитроумными совѣтами Кришны, царя племени ядава, который отдаетъ себя въ распоряженіе Арджуны въ качествѣ возницы. Разыгрывается страшная битва, продолжающаяся восемнадцать дней, въ которой, послѣ самыхъ удивительныхъ геройскихъ подвиговъ, погибаютъ всѣ воины, кромѣ пяти братьевъ Панду. Отнынѣ имъ принадлежитъ все царство, которымъ еще долго правитъ

Юдхиштхира — истинный идеалъ князя въ духѣ брахмановъ. Въ концѣ концовъ всѣ братья отказываются отъ земныхъ благъ, становятся аскетами и, переходя отъ одного священнаго мѣста къ другому, достигаютъ священной горы Меру и входятъ въ царство боговъ.

Какъ ни много въ Махабхаратѣ чистаго вымысла, тѣмъ не менѣе можно установить съ нѣкоторою точностью мѣстообитаніе цѣлаго ряда племенъ, вплетенныхъ въ исторію обоихъ царскихъ родовъ и, въ качествѣ дѣйствующихъ или страдающихъ лицъ, принимающихъ участіе въ борьбѣ, въ которой погибло привилегированное положеніе сословія воиновъ. Главными представителями этого послѣдняго являются живущіе по верхнему теченію Джамны и Ганга куру (см. карту при стр. 422) съ ихъ главнымъ городомъ Хастинапурой; къ западу отъ Джамны до самой Сарасвати, исчезающей въ пескахъ пустыни, они держатъ въ своихъ рукахъ священную страну Куру. Въ средній Дуабъ (страна между Джамной и Гангомъ) поэма переноситъ панду съ ихъ главнымъ городомъ Хастинапурой (нынѣшній Дели на Джамнѣ); въ нижнемъ Дуабѣ господствуетъ союзъ пяти племенъ — панчала. Противъ нихъ, на западной сторонѣ Джамны живутъ шурасена, на востокѣ по ту сторону Ганга — кошала (главный городъ Гогра), достигшіе послѣ истребленія куру и панду большого могущества; главный городъ ихъ сдѣлался впослѣдствіи центромъ брахманской культуры. Къ югу отъ соединенія Джамны съ Гангомъ, священнаго сліянія — Праяга, гдѣ уже раньше Пратистхана (Аллахабадъ) сдѣлался цѣлью паломничества, жило на сѣверномъ берегу главной изъ рѣкъ бхаратское племя матсья, а къ юго-востоку отъ нихъ, въ сторонѣ нынѣшняго Бенареса (см. приложенную таблицу „Бенаресъ на Гангѣ") — каши, тогда какъ на горномъ берегу первобытное туземное племя нишада служило охраной для арійскихъ племенъ на сѣверѣ. Страну къ востоку и сѣверу отъ Ганга, кромѣ кошала занимало еще союзное куру горное племя кирата, далѣе къ югу пундра банга и анга, митхила, видеха (тирхатъ) и магадха.

Въ области, населяемой всѣми этими народностями, происходитъ дѣйствіе эпоса. Со времени вышеупомянутой битвы царя Судаса должно было пройти нѣсколько вѣковъ, въ продолженіе которыхъ арійцы, основывая государство за государствомъ, постепенно овладѣвали всей плодородной серединной страной, Мадхья-деша, и распространились вплоть до извѣстнаго теперь подъ именемъ Гарути притока Ганга. Тогда какъ въ болѣе ранней стадіи этого индійскаго періода главныя событія совершаются въ странѣ между Гангомъ и его большимъ западнымъ притокомъ Джамной, позднѣйшая, чисто брахманская культура достигаетъ особаго расцвѣта въ государствахъ, примыкающихъ съ **востока**: къ сѣверу отъ Ганга въ Видехѣ (главный городъ Митхила, нынѣшній Мусаффарпуръ; на горномъ же берегу великой рѣки въ Магадхѣ и Вихарѣ (нынѣ Бихаръ; главный городъ Паталипутра, нынѣшняя **Патна**). Восточная граница этихъ государствъ образуетъ въ то же время и восточную границу арійскихъ поселеній этого періода: тамъ, гдѣ по ту сторону горъ Раджмахала отдѣляются отъ южнаго берега Ганга первые рукава обширной дельты, пріостановилось и движеніе арійскихъ народныхъ массъ; почти непроходимыя, чреватыя лихорадками болотныя чащи, покрывавшія въ ту пору всю дельту, еще долго оставались неприкосновенною собственностью дикихъ стадъ джанглей и всякихъ хищныхъ и ядовитыхъ животныхъ. Напротивъ, послѣднія волны арійскаго народнаго потока въ эпоху наивысшаго развитія брахманскаго могущества направились изъ Магадха далѣе къ югу, къ плодороднымъ мѣстностямъ **Ориссы**; сѣверо-восточные рукава дельты Маханади указываютъ здѣсь крайнюю границу тогдашней арійской области, доходившей такимъ образомъ на востокѣ до самаго моря (см. карту при стр. 422).

Еще раньше арійцы достигли западнаго Аравійскаго моря. Тотчасъ послѣ занятія Пятирѣчья народная волна хлынула внизъ по Инду, и арійцы

Исторія человѣчества. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Бенаресъ на Гангѣ.

(Съ натуры.)

увидѣли у устьевъ его море, которое назвали именемъ Синдху. Но, укрѣпившись на его берегахъ, они не сдѣлали его исходной точкой для морскихъ сношеній (ср. отдѣлъ VI этого тома). Болѣе благопріятнымъ для простого судоходства, чѣмъ негостепріимные берега этого моря, оказался зато лежащій далѣе къ юго-западу Камбейскій заливъ (стр. 342), заселеніе котораго, впрочемъ, произошло не непосредственно за достиженіемъ арійцами устьевъ Инда, а значительно позднѣе. Обширная пустыня и нездоровыя соляныя болота, отдѣляющія этотъ заливъ отъ области Инда, задерживали народное движеніе въ этомъ направленіи; но, когда напирающія изъ Пятирѣчья въ страну Ганга народныя массы скопились въ узкой полосѣ, раздѣляющей обѣ эти области, болѣе легкій путь привелъ туда-же. Новые пришельцы находили страну уже занятой, и не разъ, должно быть, происходили здѣсь кровавыя столкновенія. Тѣснимые сзади вновь прибывавшими массами, сдерживаемые въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи опередившими ихъ переселенцами, они нашли выходъ, намѣченный имъ самою природою, въ той плодородной полосѣ, которая тянется къ югу между сѣверо-западными склонами средне-индійскаго нагорья (горами Аравалли) и пустыней: слѣдуя этимъ путемъ, они должны были достигнуть глубоко врѣзывающагося въ материкъ Камбейскаго залива, на восточныхъ берегахъ котораго разстилались предъ ними богатыя нивы Гуджерата и устьевъ Нарбады (Нармада) и Тапти. На Западѣ Индіи это былъ самый южный пунктъ, котораго достигли сплоченныя массы арійцевъ.

Такимъ образомъ арійская Индія обнимала въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, всю сѣверо-западную равнину, доходя на юго-западѣ вплоть до Гуджерата, на востокѣ до дельты Ганга, а самый юго-восточный пунктъ ея лежалъ въ дельтѣ Ориссы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ подымалось средне-индійское плоскогорье, лежала рѣзко-обозначенная граница между арійскими и дравидскими племенами. Но этимъ не ограничивалась область арійскаго вліянія: оно протягивало свои щупальцы еще въ ранній періодъ этой эпохи далеко за вышеуказанные предѣлы. Что арійцы еще раньше познакомились съ моремъ, и что оно служило для нихъ не преградой, а мостомъ, соединявшимъ ихъ съ далекими странами, на это указываетъ встрѣчающееся въ древнихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ битвы, сравненіе тѣснимаго врагомъ воина съ морякомъ въ открытомъ морѣ на кораблѣ, гонимомъ бурею. Еще прежде, чѣмъ было сломлено могущество воинства и прежде, чѣмъ брахманизмъ успѣлъ наложить свою печать на всѣ условія жизни, арійская колонизація коснулась и Цейлона.

Во всей этой борьбѣ и заселеніяхъ мы увидимъ предъ собою совершенно новыя условія арійской жизни, если сравнимъ эту эпоху со временемъ вторженія арійцевъ въ область Пятирѣчья. На мѣсто патріархальной пастушеской жизни явились княжества во всемъ блескѣ рыцарства. Переходъ къ другимъ условіямъ жизни неизбѣжно повлекъ за собою коренное измѣненіе всего политическаго и соціальнаго строя народа. Большая осѣдлость, перевѣсъ земледѣлія надъ скотоводствомъ привели къ большему раздѣленію труда; и если, побуждаемый необходимостью, хлѣбопашецъ и мѣнялъ свой плугъ на мечъ, то несомнѣнно и то, что уже въ очень раннія времена появились зачатки военной аристократіи, полагавшей ношеніе оружія своей жизненной задачей. Руководительство племенемъ тоже получало болѣе опредѣленныя формы по мѣрѣ его роста и преуспѣянія: на мѣсто главы племени, который первоначально былъ только primus inter pares, является снабженный большими полномочіями царь, личность котораго высоко стоитъ надъ народомъ. Въ области Ганга, гдѣ вся жизнь приняла болѣе широкіе размѣры, и положеніе царя и аристократіи было болѣе блестящимъ. Если даже въ Махабхаратѣ битвы и связанныя съ ними имена большею частью не что иное, какъ поэтическій вымыселъ, то

во всякомъ случаѣ описанія, характеризующія общее состояніе культуры, не могли не соотвѣтствовать дѣйствительности; и нельзя не считать достовѣрнымъ историческимъ фактомъ романтизмъ придворной жизни и рыцарства, напоминающій намъ европейскіе средніе вѣка.

β) Политическіе и соціальные перевороты.

Какой огромный переворотъ предстанетъ предъ нами, когда мы перенесемъ нашъ взоръ съ этой эпохи гордой военной мощи на позднѣйшее положеніе тѣхъ же народовъ! Нѣтъ слѣдовъ полной силъ юности, жизнерадостныхъ битвъ, — зеленые листья весны арійскаго народа поблекли, а самъ онъ состарился. Аристократія утратила свое первенствующее значеніе; ея мѣсто заступило сословіе жрецовъ, наложившее на всѣ свободныя самостоятельныя движенія народной души свои желѣзныя оковы. Эта новая сила выступаетъ, облеченная въ убогія одежды, — но тѣмъ глубже вліяніе ея на умы: честолюбіе жрецовъ состояло не въ томъ, чтобы получить царскую власть, — они стремились стать выше царей и властвовать надъ ними.

Зачатки этого огромнаго внутренняго переворота въ жизни нужно искать далеко позади. Рознь между свѣтской и духовной властью зарождается уже въ тотъ періодъ, когда арійцы ограничивались еще однимъ только Пенджабомъ; въ большой битвѣ, въ которой царь Судасъ побѣждаетъ союзъ народовъ Пенджаба, эта рознь впервые проявляется болѣе рѣзко (ср. стр. 364). Прежде глава племени былъ и естественнымъ посредникомъ между народомъ и богами. Но не каждый изъ царей и предводителей владѣлъ даромъ стихотворца и пѣвца, и часто публичное священнослуженіе богамъ поручалось пурохитѣ (стр. 362). Его личность, его даръ облекать высокія мысли въ вдохновенную форму поднимали его значеніе, которое вмѣстѣ съ устной передачей гимновъ переходило отъ отца къ сыну. Такимъ путемъ являлись семьи жрецовъ, пользовавшіяся большимъ уваженіемъ; стремленіе ихъ было направлено къ тому, чтобы все болѣе и болѣе укрѣплять за собою свое выдающееся положеніе. Самымъ лучшимъ для этого средствомъ было созданіе обширнаго ритуала при моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ, выполнить который въ состояніи были только прошедшіе извѣстную школу жрецы. Мѣсто для жертвенника устраивалось очень тщательно, алтари для каждаго отдѣльнаго случая требовали особаго украшенія; жертвы приносились при самомъ точномъ соблюденіи очень сложныхъ обрядностей; одни жрецы произносили только молитвы изъ Ригъ-веды (hotar), другіе пѣли только гимны изъ Сама-веды (udgâtar); надъ всѣми этими жрецами стоялъ въ качествѣ руководителя верховный жрецъ.

Этимъ, конечно, радикально мѣнялся и весь характеръ молитвъ, жертвоприношенія и даже самое представленіе о божествѣ. Прежде жертва была искреннимъ приношеніемъ отъ исполненнаго благодарности сердца, а молитва — задушевной, полной смиренія мольбой, съ которою слабый человѣкъ обращался къ всесильнымъ небеснымъ существамъ. Но постепенно къ жертвѣ примѣшалось представленіе, что приношенія богамъ не только желательны, но что они представляютъ нѣчто необходимое, неотъемлемое. Въ позднѣйшихъ священныхъ писаніяхъ не разъ упоминается, что боги сдѣлались слабыми оттого, что злые духи мѣшаютъ благочестивымъ жрецамъ приносить имъ должное количество жертвъ. Только силою жертвы боги, прежде смертные, какъ и люди, достигли безсмертія: „Боги жили подъ страхомъ смерти, не щадящей никого, и только тяжелыми покаяніями и множествомъ жертвоприношеній они добились безсмертія“. Но это привело въ свою очередь къ мысли, что жертвою можно пріобрѣсти нѣкоторую власть надъ самими богами, что такимъ путемъ можно вынудить у нихъ просимое; въ концѣ концовъ жертва въ пред-

ставленіи человѣка выросла въ огромную, самую могущественную силу, предъ которою должны были склоняться всѣ боги. Брахманы держали въ своихъ рукахъ всесильную жертву; она составляла твердую основу для ихъ все возраставшаго могущества. Индійская поговорка говоритъ: свѣтъ зависитъ отъ боговъ, боги — отъ мантры (жертвенныя изреченія), мантра отъ брахмановъ — слѣдовательно, брахманы наши боги.

Какимъ образомъ совершился въ деталяхъ переходъ верховенства отъ аристократіи къ сословію жрецовъ, преданія не говорятъ. Въ интересахъ жрецовъ было какъ можно скорѣе и основательнѣе изгнать изъ памяти народа дѣйствительныя событія и вселить въ него вѣру, что высокое положеніе брахмановъ существовало испоконъ вѣковъ. Только случайно проливается иногда слабый свѣтъ на этотъ преднамѣренно затемненный періодъ. Эпосъ, предметомъ котораго служитъ гибель великаго рода Бхаратовъ, показываетъ намъ, какъ сломилась сила аристократіи въ жестокой кровавой борьбѣ: нѣкоторые жрецы, какъ Дрона и сынъ его Ашваттхаманъ, принимаютъ съ оружіемъ въ рукахъ пагубное для аристократіи участіе въ битвахъ. Миѳическая фигура Рамы съ топоромъ (parasurâma), рожденнаго брахманомъ, выступающая уже въ этой поэмѣ, а впослѣдствіи ставшая воплощеніемъ Вишну, является характерной для жестокихъ распрей между обоими борющимися за обладаніе высшей властью сословіями. Что при этомъ вѣсы не всегда склонялись на сторону брахмановъ, явствуетъ изъ смиреннаго тона многихъ изреченій въ ритуальныхъ и философскихъ книгахъ: „Никто не выше кшатрія (воина), поэтому брахманъ приноситъ при царскихъ жертвоприношеніяхъ свою жертву послѣ кшатрія“. Если бы борьба не грозила принять для брахмановъ опасный оборотъ, миѳологія не прибѣгла бы къ личному вмѣшательству сострадательнаго бога Вишну, который спускается къ людямъ, воплощенный въ человѣческій образъ, когда положеніе ихъ становится безвыходнымъ; въ данномъ случаѣ Вишну приходитъ на помощь своимъ особымъ любимцамъ — брахманамъ. Послѣ безконечныхъ кровавыхъ битвъ они одерживаютъ съ его помощью блестящую побѣду: трижды семь разъ Парашурама очищаетъ землю отъ кшатріевъ.

γ) Брахманскій кастовый строй.

Аристократія со своею воинственностью и своею физическою силою была сломлена, — жрецъ со своею таинственною волшебною силою жертвы овладѣлъ духовною жизнью народа. Онъ не замедлилъ прочно утвердить за собою эту власть, монополизируя все религіозное и философское мышленіе, регулируя по строго-выработанному плану всю общественную и частную жизнь, втискивая умъ, чувства и волю индуса въ предписанныя имъ совершенно опредѣленныя рамки. Въ чемъ состоялъ высокій идеалъ общественныхъ формъ, къ которымъ стремился брахманъ и который строго провести въ дѣйствительности возможно было развѣ только въ узкой сферѣ отдѣльныхъ мелкихъ государствъ, показываютъ намъ книги законовъ, изъ которыхъ самыя раннія составляли въ древнихъ ведійскихъ школахъ курсъ литературъ (Дхармасутры Гаутамовъ, Апастамба, Баудхаяна и т. д.).

Прежде всего назовемъ распространенную подъ именемъ Ману Дхармасастру Манавовъ, относящуюся къ болѣе позднему періоду и устанавливающую положеніе жрецовъ самымъ точнымъ и подробнымъ образомъ. Чтобы придать ей большее значеніе, авторы ея приписывали ей божественное происхожденіе и почти вѣчное существованіе (30 милліоновъ лѣтъ), относя ее ко времени миѳологическаго Ману, родоначальника арійцевъ. Въ дѣйствительности же брахманское ученіе лишь незадолго до середины перваго тысячелѣтія дохристіанской эры выработало такое чрезмѣрное

количество правилъ и вылилось въ такую рѣзкую форму; въ своемъ теперешнемъ видѣ сочиненіе Ману представляетъ болѣе позднюю передѣлку, появившуюся, по мнѣнію Артура К. Бернелля, между первымъ вѣкомъ до Р. Х. и пятымъ по Р. Х. Въ немъ уже явно выступаютъ буддійскіе принципы, которые нерѣдко стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ положеніями, относящимися къ болѣе раннему періоду (напр., убіеніе животныхъ и потребленіе мяса на ряду со строгимъ предписаніемъ щадить животныхъ); на болѣе поздній періодъ указываютъ также извѣстныя буддійскія выраженія и упоминаніе объ отшельницахъ „одной отпавшей секты". Сочиненіе представляетъ собою собраніе изреченій, предназначенныхъ утвердить въ опредѣленной области сѣверной Индіи выработанное брахманами обычное право. Оно содержитъ 2685 двустишій, которыя раздѣлены на двѣнадцать книгъ; пять изъ нихъ удѣлены правамъ и обязанностямъ брахмановъ; военной кастѣ отведены только двѣ книги, остальнымъ же кастамъ лишь одна.

Совершенно опредѣленно указывается лишь на четыре касты[1]: „брахманы, кшатрія и вайшья образуютъ дваждырожденные классы, шудра рождены лишь однажды и составляютъ четвертый классъ; пятаго же класса не существуетъ". Въ этомъ раздѣленіи выступаетъ прежде всего противопоставленіе дваждырожденныхъ рожденнымъ одинъ разъ, что совпадаетъ съ различіемъ крови арійцевъ и коренныхъ жителей; въ арійской группѣ въ свою очередь проводится раздѣленіе на три сословія, соотвѣтствующія нашимъ сословіямъ: ученому, военному и рабочему.

Ману признаетъ здѣсь только четыре общественныя ступени: но въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ о дальнѣйшихъ кастовыхъ дѣленіяхъ: подраздѣленія четвертаго класса составляютъ касты врачей, астрономовъ, ремесленниковъ, маслобоевъ, кожевниковъ, музыкантовъ, чандала и т. д. Происхожденіе этихъ кастъ по Ману отличается, однако, отъ происхожденія главныхъ группъ: эти послѣднія были созданы съ самого начала сотворенія міра, а именно (и это характерно) силою жертвы. Извѣстный гимнъ Риг-веды — ея позднѣйшее добавленіе — слѣдующимъ образомъ описываетъ происхожденіе кастъ: „Жертвой былъ Пуруша, рожденный въ самомъ началѣ (первый человѣкъ), его приносятъ въ жертву на жертвенной травѣ, ему жертвуютъ боги, садхья и риши. Когда они разрѣзали Пурушу, на сколько кусковъ раздѣлили они его? Что создалось изъ рта его, что изъ его рукъ и его ногъ? Брахманъ вышелъ изъ рта его, раджанья (кшатрія) образовался изъ рукъ его, вайшья—изъ бедеръ, шудра—изъ ногъ. Луна создалась изъ его души, солнце изъ его глаза, Индра и Агни изъ его рта, Ваю изъ его дыханія. Изъ его пупа вышелъ воздухъ, изъ его головы образовалось небо, изъ ногъ—земля, изъ уха страны свѣта: такимъ образомъ боги сотворили міръ". Символически брахманы происходятъ изъ той же части тѣла, какъ и великіе древнеиндійскія божества Индра и Агни: изъ рта, изрекающаго „святость и истину"; воинственные кшатрія происходятъ изъ рукъ, благодаря чему получаютъ „силу и крѣпость". Грубую работу въ жизни, механическое существованіе берутъ на себя бедра; изъ нихъ происходитъ идущій за плугомъ вайшья, достигающій своими прилежаніемъ „выгодъ и богатствъ". Изъ ногъ же, пресмыкающихся вѣчно въ низкой грязи, происходитъ низкій шудра, „предназначенный съ самаго начала къ служенію и повиновенію". Такъ произошли по толкованію Ману силою жертвы боговъ и риши, святыхъ первобрахмановъ, главные четыре рода человѣческаго общества.

Относительно существованія дальнѣйшихъ подраздѣленій касты шудра у брахмана имѣется другое объясненіе: это по его толкованію смѣшанныя касты, происшедшія отъ соединенія между собою членовъ различныхъ кастъ. Характерно при этомъ то, что общественное положеніе

[1] Слово каста португальскаго происхожденія; casta значить раса.

въ предѣлахъ этихъ смѣшанныхъ кастъ зависитъ отъ того, кто принадлежитъ къ высшей кастѣ—жена или мужъ? Законъ допускаетъ союзы между мужчинами высшей касты и даже брахманамъ съ женщинами низшей касты; потомство, происшедшее отъ такого союза хотя и не вступаетъ въ касту отца, но и не опускается на ступень низшей касты. Если же женщина имѣла потомство отъ мужчины, принадлежавшаго къ низшей кастѣ, то измѣна ея кастѣ имѣла роковыя послѣдствія; она не только со стыдомъ и позоромъ изгонялась изъ своей касты, но какъ она сама, такъ и дѣти ея низводились на тѣмъ болѣе низкую ступень общественнаго положенія, чѣмъ выше была каста, къ которой она принадлежала по своему рожденію: самая низкая изъ всѣхъ кастъ вообще, каста чандала, произошла, по толкованію брахмановъ, отъ союза женщины изъ брахманской касты съ мужчиной изъ касты шудра. Напротивъ того, дѣти, рожденные отъ брахмана и женщины изъ касты шудра причислялись къ высшей ступени въ группѣ шудра, а привилегированное положеніе отца ихъ не терпѣло никакого ущерба.

Таково ученіе брахмановъ о происхожденіи смѣшанныхъ кастъ, какъ оно изложено въ книгѣ Ману. Но тотъ, кто не будетъ полагаться на одни только санскритскіе источники, а самъ изучитъ жизнь индійскихъ народовъ и будетъ судить о фактахъ безъ предвзятыхъ идей, тотъ не можетъ не вынести убѣжденія, что ученіе о происхожденіи смѣшанныхъ кастъ такъ же шатко, какъ и ученіе объ образованіи главныхъ четырехъ кастъ путемъ жертвы. Настоящей смѣшанной кастой можно назвать только касту жрицъ и ихъ дѣтей, при чемъ дочери становятся снова жрицами, сыновья же остаются при храмахъ въ качествѣ музыкантовъ, низшихъ прислужниковъ и т. д. Во всѣхъ же случаяхъ, когда различіе кастъ обоихъ родителей не слишкомъ велико, ребенокъ вступаетъ въ низшую изъ обѣихъ кастъ, но никогда этимъ путемъ не образуется новая каста. Въ тѣхъ, однако, рѣдкихъ случаяхъ, когда женщина изъ очень высокой касты снисходитъ къ мужчинѣ очень низкаго происхожденія, мать всегда прибѣгаетъ или къ вытравленію плода или къ самоубійству.

Брахманское ученіе о происхожденіи низшихъ кастъ преднамѣренно искажено. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ кастоваго строя, В. Р. Корнишъ говоритъ: „все толкованіе (Ману) о смѣшанныхъ кастахъ такъ наивно и выказываетъ столько сословной ненависти и нетерпимости, предоставляетъ брахману столько свободы въ половыхъ сношеніяхъ безъ всякаго ущерба для его положенія и навлекаетъ, съ другой стороны, на провинившуюся брахманскую женщину такія ужасныя кары, что преднамѣренность толкователей очевидна сама собою“. Преднамѣренность эта основывается на желаніи сохранить чистоту крови высшихъ кастъ и главнымъ образомъ касты брахмановъ тѣмъ, что присуждаетъ женщину, провинившуюся противъ своей касты, къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ. Не такимъ путемъ образовались низшія соціальныя группы: онѣ старше, чѣмъ законы Ману; законодатель только воспользовался ужасомъ ихъ презрѣннаго положенія, чтобъ по возможности больше обезпечить чистоту крови брахмановъ.

Въ дѣйствительности каста создалась изъ различныхъ факторовъ. Прежде всего расовыя отличія и расовая нетерпимость создали между расами извѣстную грань. На это указываетъ и арійское названіе касты, varna, т. е. цвѣтъ. Бѣлые и черные арійцы и коренные жители, „лучшіе", „первые“ (ибо пользующіеся успѣхомъ и господствующіе) и низшіе, простые — дасью, — вотъ первыя рѣзко обозначенныя грани. При первомъ столкновеніи эти дасью не были включены, само собою, въ арійскій соціальный строй: для нихъ полагалось лишь одно—избіеніе. Лишь впослѣдствіи, когда упрочились благосостояніе и осѣдлость, побѣдители нашли для себя болѣе выгоднымъ обратить своихъ плѣнныхъ или подчиненные ими народы въ безправныхъ рабовъ, которые должны были исполнять всякія тяжелыя работы. Съ этимъ принятіемъ въ свою общину туземнаго

элемента арійцы внесли въ нее первый глубокій соціальный расколъ. Дальнѣйшее дифференцированіе послѣдовало уже въ самомъ арійскомъ населеніи. Совершенно естественно, что тотъ, кто особенно отличался въ военныхъ подвигахъ. пользовался и бо̀льшимъ почетомъ и получалъ большую долю какъ въ добычѣ, такъ и въ землѣ и нужныхъ для ея обработки рабовъ. Такимъ путемъ создалась съ теченіемъ времени военная аристократія, кшатрія, съ расцвѣтомъ которой мы познакомились въ битвахъ Махабхараты. Какимъ образомъ произошло дальнѣйшее дѣленіе общества и создалось наслѣдственное сословіе жрецовъ, брахмановъ, мы уже говорили (стр. 368), Но чѣмъ больше оба эти сословія формировались въ наслѣдственныя, обособленныя касты, тѣмъ больше они возвышались надъ остальной массой народа, земледѣльцами, пастухами, ремесленниками, занятія которыхъ считались ими болѣе низкими профессіями. Въ своей гордости кшатрія называлъ себя также раджана, раджванси, т. е. царственный, или раджпута (râdjaputra), изъ царскаго рода, и считалъ себя гораздо выше обыкновеннаго vis (misera plebs), — вайшья.

Такъ создались главныя касты, о которыхъ говоритъ Ману. Онѣ уже въ свою очередь дифференцировались. Только брахманы и кшатрія продержались дольше другихъ, не распадаясь на меньшія группы. Отъ распаденія предохранялъ ихъ, съ одной стороны, строго опредѣленный кругъ дѣйствія, съ другой — строго соблюдаемая, по крайней мѣрѣ, у брахмановъ, чистота крови. Что касается остальныхъ двухъ группъ, вайшья и пріобщенныхъ къ соціальному строю арійцевъ шудра, то условія для нихъ сложились иначе: развитіе государственности влекло за собою и большее раздѣленіе среди этихъ группъ. По мѣрѣ того, какъ существованіе становилось болѣе обезпеченнымъ и благосостояніе увеличивалось, росли и потребности; прежде, при простотѣ образа жизни древнихъ арійцевъ, каждый отдѣльный членъ племени могъ самъ удовлетворить всѣмъ техническимъ своимъ потребностямъ; съ развитіемъ же на Гангѣ сложной государственной жизни это становилось уже болѣе невозможнымъ. Если нужно было достичь большаго совершенствованія техники, какъ того требовала жизнь, поставленная въ болѣе широкія рамки, то неизбѣжно должно было явиться раздѣленіе труда и должны были создаться различныя техническія спеціальности. Какъ у брахмановъ и кшатрія, ремесло и въ другихъ кастахъ приняло форму наслѣдственнаго цеха. Вопросъ о томъ, не существовало ли уже у коренного населенія страны еще до его соприкосновенія съ арійцами, кастоваго раздѣленія труда, остается открытымъ. Не всѣ туземцы стояли въ пору нашествія арійцевъ на степени дикарей; среди нихъ были племена, которыя своими техническими знаніями превосходили арійцевъ и продавали послѣднимъ производства своего искусства при посредствѣ купцовъ, vânidja (на ново-индійскомъ — банья). Въ пользу того, что у нихъ уже раньше существовали напоминающіе касты цехи, говоритъ то обстоятельство, что Ману пріобщилъ цѣлый рядъ ремесленныхъ кастъ къ низкому сословію шудра (астрологовъ, маслобоевъ, кожевниковъ, музыкантовъ и т. д.). Едва ли можно предположить, что законодатели индійскаго строя, брахманы, тщательно занимались детальнымъ раздѣленіемъ многочисленныхъ кастъ шудра, которыхъ они, какъ нѣчто нечистое, старались держать подальше отъ себя; гораздо вѣроятнѣе, что они застали уже готовымъ кастовое раздѣленіе шудра, совпадавшее съ родомъ занятія.

Развитію арійскаго кастоваго строя способствовали далѣе политическія отношенія къ неарійскому туземному населенію. Смертельная ненависть къ чернымъ „козлоносымъ“, наполняющая гимны Ригведы, улеглась: въ борьбѣ между арійскими князьями и государствами политическіе расчеты требовали часто сближенія, союза и дружбы и даже кровнаго смѣшенія съ туземными племенами. Въ Махабхаратѣ мы видѣли царя нишадовъ въ качествѣ охранителя важныхъ рѣчныхъ переправъ у Праяга

(стр. 366); дравидскія племена борются, какъ добрые союзники, бокъ о бокъ съ чисто арійскими племенами; имена нѣкоторыхъ выдающихся героевъ великаго эпоса и особенности въ ихъ характерѣ и нравахъ говорятъ о близкихъ отношеніяхъ аристократическаго арійскаго военнаго сословія къ туземцамъ. Кришна, „черный“, это имя царя ядавовъ, близкаго союзника и вѣрнаго друга пандавовъ. Если бы вздумали объяснить это имя тѣмъ, что племя его раньше другихъ переселилось въ Индію и благодаря болѣе продолжительному воздѣйствію солнца пріобрѣло болѣе темную окраску, то противъ этого можно возразить, что пигментація кожи усиливается не благодаря вліянію солнца, а благодаря смѣшенію съ темнокожими расами. И по характеру Кришна не аріецъ: онъ исполненъ лжи и обмана, даетъ коварные совѣты и измышляетъ увертливыя оправданія своимъ неблагороднымъ поступкамъ, несовмѣстимымъ съ рыцарскимъ духомъ арійскаго воина. Принцесса панчаловъ также называется Кришна, „черная“; а то, что она по чисто дравидскому обычаю вступаетъ въ поліандрическій бракъ со всѣми пятью арійскими князьями Панду (стр. 365), краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о близкихъ отношеніяхъ между арійскими и туземными народами. Эти отношенія проявляются также и въ исторіи заселенія Цейлона: уже дѣдъ Виджаи, аріецъ, взялъ въ жены дравидскую принцессу калинговъ, а внукъ его, какъ и соплеменники послѣдняго вступаютъ безъ всякихъ расовыхъ колебаній въ союзъ съ дочерьми туземцевъ. Какъ мы видѣли, въ отношеніяхъ обѣихъ расъ произошла со времени арійскаго вторженія значительная перемѣна. Непрерывное смѣшеніе еще и теперь проявляется въ физическихъ различіяхъ между сѣверо-западомъ и страною Ганга: такъ, въ Пятирѣчьѣ, въ Кашмирѣ и отчасти также въ Раджпутанѣ, вслѣдствіе завоевательныхъ войнъ, которыя велись съ крайнимъ ожесточеніемъ, встрѣчаются лишь слѣды чернаго первобытнаго населенія; далѣе на востокъ смѣшеніе, проявляющееся въ болѣе темной окраскѣ кожи и болѣе широкой формѣ лица и носа, выступаетъ все въ большей степени. Вполнѣ очевидно, что подобное кровосмѣшеніе, въ особенности же присоединеніе къ арійской народности цѣлыхъ туземныхъ племенъ, должно было умножать ранговыя ступени въ самихъ кастахъ.

Примѣсь чуждыхъ (расовыхъ) элементовъ меньше всего коснулась брахмановъ, заботившихся со всею строгостью о сохраненіи чистоты своей касты; по крайней мѣрѣ въ сѣверной Индіи каста ихъ и по настоящее время удержала чистымъ арійскій типъ. Но уже въ Ориссѣ, и въ усиливающейся по мѣрѣ удаленія на югъ степени, эта строгая каста нашла нужнымъ при случаѣ принимать въ свою среду отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлые роды, если это обѣщало имъ выгоду; такъ, напр., въ Деканѣ въ настоящее время встрѣчается больше темнокожихъ брахмановъ, чѣмъ свѣтлокожихъ (см. также верхнюю часть таблицы при стр. 411).

Гораздо снисходительнѣе относились къ смѣшенію крови въ сектѣ воиновъ; у нихъ даже существовала узаконенная форма брака, при которой дѣвушка похищалась изъ лагеря враждебнаго (часто темнокожаго) племени; — такой бракъ назывался „ракшаса“. Если аристократія не пренебрегала брачными союзами съ туземцами, то тѣмъ меньше повода было для простого народа заботиться о чистотѣ арійской крови. Но именно эти-то союзы и приводили часто къ кастовымъ подраздѣленіямъ: въ глазахъ правовѣрныхъ рожденные отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ лишались права быть чистыми кшатрія или вайшья, общенія съ ними избѣгали, и однородная первоначально группа распадалась такимъ образомъ съ теченіемъ времени на все увеличивавшееся число ничѣмъ не связанныхъ между собою кастъ. Постепенно эта примѣсь чуждой крови проникла, повидимому, въ большую часть касты кшатрія и почти во всю касту вайшья. Такимъ образомъ становится понятнымъ, что въ настоящее время осталось лишь немного мѣстностей (напр. Раджпутана), гдѣ извѣстныя касты могли бы нѣкоторымъ

образомъ доказать свое происхожденіе отъ древней арійской военной аристократіи; въ большинствѣ случаевъ право называть себя кшатрія основывается на измышленныхъ генеалогіяхъ. Касты же вайшья, которая стояла бы въ несомнѣнной связи съ древними вайшья арійскихъ государствъ Ганга, вообще уже не существуетъ больше.

Современный кастовый строй Индіи растворился въ сотняхъ и даже въ тысячахъ отдѣльныхъ группъ; въ древнебрахманскія времена, однако, дѣйствительно существовали четыре большія соціальныя группы, на которыя указываютъ книги законовъ. Среди нихъ шудра были обречены на самое жалкое существованіе: какъ рожденные только однажды, они были совершенно изолированы отъ тѣхъ, которые вторичнымъ своимъ рожденіемъ были подняты на высшую ступень. Они были лишены священнаго шнурка, которымъ опоясывали въ знакъ совершеннолѣтія юношу, принадлежавшаго къ тремъ высшимъ кастамъ (двѣ нити, перехватывавшія лѣвое плечо и правое бедро; см. выше, стр. 358). Сообщить лицу изъ касты шудра священное изреченіе или молитву считалось для высшихъ классовъ преступленіемъ, достойнымъ смертной казни: „запрещается шудрѣ давать совѣтъ, удѣлять ему остатки отъ жертвоприношеній, ѣды или масла, запрещается также посвящать его въ религіозное ученіе и обряды. Ибо какъ обучающій шудру закону или разрѣшающій ему участвовать въ богослуженіи, такъ и самъ шудра погружаются въ нѣдра ада, называемаго Асамвратта“. Уже одно дыханіе шудры даже на большомъ разстояніи оскверняло дважды рожденнаго. Поэтому шудра должны были строить свои жалкія хижины далеко отъ прочихъ жилищъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, въ густыхъ кустарникахъ; если шудра встрѣчалъ кого либо изъ высшей касты, онъ долженъ былъ уходить съ дороги на сто шаговъ; грязное рубище, самая скверная пища, самая низкая работа были еще слишкомъ хороши для этихъ несчастныхъ презираемыхъ существъ.

Глубокая пропасть раздѣляла шудру отъ вайшья. Положимъ на этого послѣдняго обѣ высшія касты — жрецовъ и воиновъ смотрѣли свысока; но онъ принадлежалъ все-таки къ дважды рожденнымъ, носилъ священный шнурокъ, и для него было доступно изученіе веды. Только родъ его занятій, носившій характеръ обыденности, повседневности, дѣлалъ его положеніе униженнымъ. Онъ не могъ ни посвящать себя высокимъ занятіямъ воина, ни отдаваться глубокимъ духовнымъ и религіознымъ размышеніямъ и интересамъ; его окружала атмосфера почвы, которую онъ былъ призванъ обрабатывать. Это былъ землепашецъ, пастухъ; въ созидавшихся городахъ — мѣщанинъ, ремесленникъ, купецъ, мѣняла, часто достигавшій большого благосостоянія, но тѣмъ не менѣе никогда не преступавшій той грани, которую создалъ для него строгій кастовый строй.

Надъ вайшья стоялъ на брахманско-общественной лѣстницѣ воинъ, кшатрія. Его вліяніе, блескъ рыцарства, лежавшій на немъ, были лишь слабою тѣнью того, что они представляли въ первые вѣка послѣ вторженія арійцевъ въ страну Ганга. Болѣе спокойныя времена, послѣдовавшія за заселеніемъ этой области, предъявляли меньшія требованія военной аристократіи. Но чѣмъ больше падало ея значеніе въ дѣйствительности, тѣмъ больше брахманы старались сохранить для нея въ глазахъ остальной массы народа хотя бы призракъ прежняго блестящаго положенія, чтобы имѣть въ ней вліятельнаго союзника для своихъ стремленій. Благодаря этому аристократія все еще занимала высокое положеніе; въ сравненіи съ другими сословіями она пользовалась большей свободой; а богатыя помѣстья и оказываемый ей почетъ обезпечивали ей наслажденія жизнью. Когда же кшатрія, использовавъ всѣ радости и преимущества своего высокаго внѣшняго положенія, чувствовалъ пресыщеніе жизнью, ему не возбранялось присоединяться къ отшельникамъ и посвящать остатокъ своей жизни внутреннему созерцанію.

Одни только **брахманы**, несмотря на то, что принадлежали къ той же группѣ дважды рожденныхъ и что были опоясаны тѣмъ же священнымъ шнуркомъ, какъ и остальныя касты, сумѣли тѣмъ не менѣе поднять на недосягаемую высоту свое значеніе. Въ своихъ книгахъ законовъ они довели до крайнихъ предѣловъ тотъ необычайный принципъ, по которому они являются особыми, совершенно отличными отъ всѣхъ другихъ людей существами, надѣленными божественнымъ знаніемъ, божественною силою и соотвѣтствующими всему этому преимуществами и правами. Для характеристики положенія брахмановъ приведемъ нѣкоторыя изреченія изъ Ману: „Какое существо можетъ быть выше того, черезъ ротъ котораго боги вкушаютъ жертву, а тѣни усопшихъ душъ принимаютъ дары?“ „Поэтому все на свѣтѣ принадлежитъ брахманамъ: ибо брахманъ можетъ потребовать все, чего захочетъ, такъ какъ на его сторонѣ превосходство и высокое рожденіе. Только благодаря добротѣ и благосклонности брахмановъ люди пользуются тѣмъ, что имѣютъ“. „Кто могъ бы рискнуть безъ смертельной опасности для себя разсердить этихъ святыхъ мужей, которымъ обязаны своимъ сотвореніемъ всепожирающій огонь, моря съ соленою водою, луна со смѣняющими другъ друга новолуніемъ и полнолуніемъ? Какой царь могъ бы разсчитывать на успѣхъ, возставъ противъ тѣхъ, которые въ своемъ гнѣвѣ могли бы создать другіе міры и дать имъ всесильныхъ владыкъ, могли бы призвать къ жизни новыхъ боговъ и новыхъ смертныхъ? Кто, кому дорога жизнь, пожелалъ бы обидѣть тѣхъ, по милости которыхъ продолжаютъ существовать и міры и боги?“ Сравнимъ съ этимъ слѣдующія изреченія, относящіяся къ кастѣ шудра: „Одну обязанность возложилъ создатель на шудра: безропотно служить высшимъ кастамъ“. „Шудру, будь онъ рабомъ или свободнымъ, брахманъ можетъ заставить исполнять для себя рабскія работы, ибо шудра былъ созданъ высшимъ божествомъ для служенія брахману“. „Брахманъ можетъ безъ всякихъ угрызеній совѣсти присвоить себѣ имущество шудры, ибо послѣдній не имѣетъ права считать что либо своею собственностью: онъ принадлежитъ къ тѣмъ, у которыхъ господинъ можетъ отнять имущество“. Характернымъ является также и то, что законы о наказаніяхъ различны для брахмановъ и шудра: тогда какъ бритье головы служитъ высшимъ наказаніемъ для брахмана, — другія касты приговариваются къ смертной казни. „Царь не имѣетъ права бить брахмана, даже если послѣдній застигнутъ на мѣстѣ преступленія; онъ можетъ только обречь его на изгнаніе, но съ сохраненіемъ всего его имущества и личной неприкосновенности“. „Если брахманъ убьетъ кошку, ихневмона или лягушку, собаку, ящерицу, сову или ворону, то онъ долженъ исполнить тѣ же обряды очищенія, какъ если бы онъ убилъ шудра“. Напротивъ того, для шудра существуютъ совсѣмъ другіе законы: „Если однажды рожденный говоритъ оскорбительно о комъ-либо изъ дваждырожденныхъ или о цѣлой ихъ кастѣ, то въ ротъ его нужно всунуть кусокъ раскаленнаго желѣза длиною въ десять пальцевъ“. „Если такой человѣкъ осмѣлится судить о поведеніи жрецовъ, король долженъ приказать влить ему въ ротъ и уши кипящее масло“.

Въ противоположность кшатрія **внѣшній обликъ брахмана** не соотвѣтствовалъ тому могуществу, которое олицетворялось его кастой. Его образъ жизни, его положеніе были скромны, почти бѣдны. Многія доходныя, но въ его глазахъ недостойныя занятія были для него закрыты. Съ другой стороны, каждому брахману вмѣнялось въ обязанность обзаводиться семьею, и его главнымъ стремленіемъ было имѣть сыновей, которые послѣ его смерти чтили бы его память и молитвами и жертвами заботились бы о его душѣ. Такимъ образомъ и достояніе брахмановъ съ теченіемъ времени все больше и больше дробилось. Къ тому же и духовное направленіе брахмановъ было чуждо всему земному; не только тѣло, но и всѣ земныя блага считались ими препятствіемъ на пути къ блаженству, которое

состояло въ возвращеніи къ очищенной отъ всего матеріальнаго міровой душѣ. Поэтому брахманъ, которому, по его понятіямъ, принадлежалъ весь міръ, не видѣлъ для себя ничего унизительнаго въ томъ, чтобы просить милостыню и собирать подаянія; напротивъ, это казалось ему самымъ достойнымъ способомъ добывать себѣ пропитаніе, ибо оно меньше всего отрывало его отъ высокихъ задачъ. Конечно, добровольныя даянія, даже во времена наивысшаго могущества брахмановъ, не всегда были достаточны, и многіе изъ нихъ были вынуждены добывать себѣ средства работой Источникомъ подаяній была умственная работа, религіозныя поученія, молитва, жертвоприношеніе, судъ; если этого было недостаточно, то разрѣшалось пахать поле или пасти стада. Брахману не возбранялось даже учиться военному дѣлу и примѣнять свое искусство (Дрона и Ашваттхаманъ, стр. 369) или же заниматься честной торговлей; запрещенными занятіями были ростовщичество, продажа опьяняющихъ напитковъ и продуктовъ, доставляемыхъ священной коровой, молока и масла. Брахманъ не могъ также добывать себѣ пропитаніе такимъ низкимъ искусствомъ, какъ музыка и пѣніе, или оскверняющимъ дѣломъ, какъ кожевенное ремесло.

Полная брахманская жизнь заключала въ себѣ нѣсколько ступеней: учащагося, отца семьи, отшельника и аскета. Когда наступала зрѣлость, юношу опоясывали священнымъ шнуркомъ и принимали въ общину дваждырожденныхъ. Съ этого момента онъ поступалъ ученикомъ къ одному изъ духовныхъ учителей, гуру, котораго долженъ былъ чтить больше, чѣмъ родного отца: „Если ученикъ-брахманъ порицаетъ своего учителя, хотя бы и заслуженно, онъ во второй разъ родится осломъ, а если онъ его ложно оклеветалъ—собакой; если онъ безъ спросу взялъ что либо принадлежащее учителю, онъ родится ничтожнымъ червемъ, если же онъ позавидуетъ ему, онъ родится насѣкомымъ“. У гуру молодой брахманъ изучаетъ въ долгіе годы своего ученія священныя книги, всѣ молитвы, жертвоприношенія и необходимые при этомъ обряды, а равно и законы брахманскаго общественнаго строя. За этимъ періодомъ слѣдуетъ ступень, на которой брахманъ является главою семьи,—дань, отдаваемая имъ земному существованію для того, чтобы черезъ сыновей поддержать свой родъ и касту. Когда цѣль эта достигнута, брахманъ можетъ посвятить остатокъ своей жизни самой высокой и прекрасной задачѣ — отдаться совершенно спасенію и очищенію своей души отъ всего земного: брахманъ оставляетъ свой домъ, часто въ сопровожденіи своей жены, и становится лѣснымъ отшельникомъ. Онъ питается только плодами и кореньями, которые находитъ въ лѣсу, или подаяніемъ, которое приносятъ ему набожные почитатели, посвящаетъ себя совершенно исполненію религіозныхъ предписаній и погружается въ глубокія размышленія о грѣховности міра и о средствахъ къ избавленію. Самый высшій подвигъ брахманской жизни состоитъ въ лишенной всякихъ потребностей, освобожденной отъ всѣхъ земныхъ интересовъ созерцательной жизни, посвященной размышленію о самыхъ глубокихъ вопросахъ бытія, какіе только могутъ возникнуть въ человѣческомъ умѣ. Единомыслящіе брахманы соединялись часто, чтобы сообща отправлять религіозные обряды; создавались духовные ордена съ установленными правилами относительно поведенія и съ общею цѣлью совершенно забыть окружающій міръ и жить лишь для внутренняго созерцанія. Многіе не удовлетворялись только тѣмъ, что погружались въ себя для созерцанія божества, а старались уже при жизни побѣдить свою плоть, убить въ себѣ все земное. Придумывались самыя изысканныя мученія для умерщвленія плоти. Все устрояющій Ману и тутъ даетъ извѣстныя правила: „Кающійся долженъ кататься по землѣ или по цѣлымъ днямъ простаивать на кончикахъ пальцевъ, или же непрерывно садиться и вставать. Въ жаркое время года онъ долженъ сидѣть среди зноя четырехъ костровъ подъ жгу-

чими лучами солнца; въ дождь долженъ подставлять свое обнаженное тѣло подъ потоки, изливающіеся изъ тучъ, въ холодное время года долженъ носить мокрыя одежды. Все сильнѣе бичуя себя, пусть убиваетъ онъ свое смертное тѣло. Когда же онъ будетъ уже во власти болѣзни, пусть двинется въ путь и идетъ все въ прямомъ направленіи къ сѣверо-востоку, питаясь воздухомъ и водою, пока не свалится его смертное тѣло и душа его не соединится съ Брахманомъ".

д) Брахманская философія.

Какъ бы различно ни относился каждый брахманъ въ отдѣльности къ умерщвленію плоти, но всѣ они имѣли передъ собою высокую идеальную задачу. Чѣмъ больше вырабатывалась для большой массы народа ритуальная сторона жертвоприношенія, и чѣмъ больше этой массѣ внушалась вѣра въ чудодѣйственную силу жертвы, тѣмъ скорѣе лучшіе умы и самые глубокіе мыслители должны были прійти къ убѣжденію въ ничтожествѣ подобныхъ обрядностей; сознательная ложь, на которой зиждилось все брахманское могущество, должна была отвращать ихъ отъ наслажденія жизнью. Вотъ почему все мышленіе именно тѣхъ, которые сдѣлали высшее умозрѣніе своей профессіей, опредѣляется глубокимъ пессимистическимъ настроеніемъ, настроеніемъ міровой скорби: все существованіе человѣка и всего міра есть одно огромное страданіе, и высшая цѣль всей жизни можетъ состоять только въ избавленіи отъ этого страданія, а высшая задача ума — въ исканіи пути къ этому избавленію. Его можно достигнуть только познаніемъ основныхъ причинъ страданія и логической связи, проходящей черезъ все мірозданіе. Путь къ избавленію — это путь къ познанію (djnâna). Такимъ образомъ въ своихъ цѣляхъ брахманская философія отлична отъ философіи европейской культуры: въ то время, какъ эта послѣдняя ищетъ истины ради истины, брахманъ въ своихъ умозрѣніяхъ преслѣдуетъ одну практическую цѣль, — избавленіе отъ страданія, которое, какъ проклятіе, тяготѣетъ надъ всѣмъ міромъ.

Философія брахмановъ изложена въ упанишадахъ — „мистическомъ ученіи о томъ, что сокрыто подъ поверхностью". Подобно ведамъ, и упанишады считаются святымъ откровеніемъ; но въ то время, какъ веды доступны также и вайшьямъ, упанишады составляютъ исключительное достояніе высшихъ кастъ. Ученіе ихъ представляетъ собою спиритуалистическій пантеизмъ: весь міръ есть не что иное, какъ одно единое существо, одна міровая душа — Атманъ или Брахманъ. Ученіе упанишадъ стройно развито въ философской системѣ „Веданты".

Въ своемъ совершенномъ первоначальномъ и въ своемъ будущемъ — конечномъ — состояніи міровая душа есть „Самость", безличная (Брахманъ — оно), безсознательная, пребывающая въ абсолютномъ покоѣ, безконечная, безъ начала, безъ конца, существующая сама собою и сама въ себѣ. Но какъ только въ ней пробуждается желаніе перейти въ состояніе активности, она становится воплощеннымъ Всесозидателемъ (Брахманъ — онъ, Брахма), сотворяющимъ міръ, воспринимаемый чувствами. Все, что заключается въ этомъ мірѣ: небо и твердь земная, огонь, воды, воздухъ и земля, камни, растенія и всѣ одушевленныя существа, животныя, люди и боги суть только воплотившійся, перешедшій въ состояніе активности духъ первоначальнаго, всепроникающаго духа, Брахмана. Когда этотъ Брахманъ-оно хочетъ творить, оно въ мірѣ явленій соединяется съ духомъ (воспріятіе, мышленіе, хотѣніе) и тѣлесными оболочками. Для живыхъ существъ эти оболочки двоякаго рода: матеріальное тѣло, которое со смертью умираетъ и исчезаетъ, и другая, болѣе тонкая оболочка, въ которой душа остается послѣ того, какъ оставляетъ тѣло, и которая исчезаетъ только тогда,

когда присущее ей существо снова сливается съ безличнымъ, безсознательнымъ Брахманомъ. Ради своего земного существованія эта самосуществующая міровая душа оставляетъ наивысшее состояніе абсолютнаго покоя; она падаетъ съ высоты своего совершенства. Въ этомъ заключается страданіе всего земного существованія, а возвращеніе къ идеальному состоянію покоя міровой души составляетъ самую глубокую потребность всѣхъ существъ. Это спасеніе не легко дается: по неумолимому закону причинности активное состояніе міровой души становится проклятіемъ, тяготѣющимъ надъ всѣмъ матеріальнымъ бытіемъ. Всякая активность, будь она направлена къ добру или злу, ведетъ къ новой активности, къ новому удаленію отъ высшаго бытія, къ новому несчастью. За каждою смертью слѣдуетъ возрожденіе и это происходитъ въ зависимости отъ дѣяній каждой отдѣльной законченной жизни — въ высшемъ или низшемъ существѣ: въ божествѣ, брахманѣ или шудрѣ, четвероногомъ животномъ, насѣкомомъ или червякѣ. (Практическое ученіе, имѣвшее въ виду народъ, ввело еще, какъ переходную ступень, чистилище и адъ съ его наказаніями, которыя индійская фантазія рисуетъ яркими красками). Такимъ образомъ, благодаря безчисленнымъ перерожденіямъ, является безконечная цѣпь переселенія душъ. Тѣмъ не менѣе и она имѣетъ свою конечную цѣль, и для воплотившейся души не исключена возможность сліянія и раствореція въ абсолютномъ покоѣ и полной безсознательности Перво-Брахмана. Путь, ведущій туда, есть путь къ познанію, который можетъ быть достигнутъ лишь послѣ абсолютнаго самопогруженія.

Это пантеистическое ученіе брахмановъ сталкивается съ противорѣчіемъ между чисто духовною природою Перво-Брахмана и дѣйствительнымъ міромъ. Нѣкоторыя (шесть изъ нихъ всѣми признаны за таковыя) философскія системы и школы различнымъ путемъ старались разрѣшить эту великую задачу. Изъ нихъ большое значеніе для дальнѣйшаго развитія духовной жизни индуса имѣли особенно два ученія: философскія системы Санкхья и только что упомянутая Веданта (конецъ, завершеніе ведъ). Первая изъ нихъ видитъ во внѣшнемъ мірѣ фактическую дѣйствительность, созданную творческою силою міровой души; по второй — философіи Веданты—все матеріальное есть лишь воображеніе и въ дѣйствительности не существуетъ. По этому ученію, какъ только Брахманъ переходитъ въ состояніе сознанія и воплощается, онъ соединяется—но лишь въ воображеніи—съ тѣлесными оболочками. Въ наиболѣе тонкой своей оболочкѣ онъ является олицетворённымъ высшимъ божествомъ Ишварой. Всѣмъ такимъ оболочкамъ присущи качества: дѣятельности (radjas), доброты (sattva) и безстрастности или мрака (tamas), вслѣдствіе чего это высшее божество является въ трехъ образахъ: какъ личный дѣятельный созидатель, Брахма, какъ благодѣтельный, вѣчно творящій Вишну или какъ все вновь поглощающій и разрушающій Рудра-Шива. Но тѣмъ не менѣе, какъ эти, такъ и всѣ остальные боги, равно какъ и люди и весь воспринимаемый чувствами міръ суть не что иное, какъ миражъ, какъ представленіе міровой души, внѣ которой вообще нѣтъ ничего реальнаго.

Не легко было побороть трудности, заключавшіяся во всѣхъ индійскихъ философскихъ системахъ; трудно было соглосовать съ ними текстъ священныхъ ведъ, на которыхъ зиждилось все знаніе. Приходилось прибѣгать къ самымъ изворотливымъ толкованіямъ, къ самымъ изощреннымъ доказательствамъ. Каждый старался превзойти другого въ учености и познаніяхъ, въ находчивости и ловкости, въ искусствѣ толкованія. Въ концѣ концовъ внѣшняя форма заполонила самую суть мышленія, и индійская философія была низведена до схоластики, не уступавшей схоластикѣ нашихъ среднихъ вѣковъ.

ε) Брахманское ученіе о богахъ.

Ученія философствующихъ брахмановъ способны были, конечно, овладѣть пытливымъ умомъ терзаемаго міровою скорбью и находившагося во власти суроваго аскетизма брахмана и казаться ему высшей, непреложной истиной,—но большой массѣ народа эти ученія были недоступны и не могли удовлетворить ее: тотъ, кто живетъ реальною жизнью, требуетъ совершенно иной пищи для алчущаго высокой истины ума; для него божество при всемъ своемъ всемогуществѣ должно быть понятно и съ человѣческой точки зрѣнія. Чтобы не утерять своего вліянія на народъ,—опасность, которая все болѣе росла по мѣрѣ распространенія ученія Будды съ его громаднымъ вліяніемъ на умы,—брахманы должны были дать ему понятныхъ осязаемыхъ боговъ.

Древневедійскіе боги героическаго періода потеряли вмѣстѣ съ паденіемъ аристократіи часть своего блеска и могущества; они выросли на другой почвѣ и плохо приспосабливались къ новымъ временамъ и новымъ условіямъ жизни. Но сказанія и пѣсни создали новые идеальные образы героевъ блестящей эпохи арійской жизни въ западной области Ганга. Миѳологія изобрѣла для нихъ генеалогію, связывавшую ихъ съ силами природы, которыя арійцы издревле привыкли почитать (династіи солнца и луны). Тѣмъ не менѣе индійскій героическій періодъ стоялъ по времени слишкомъ близко къ эпохѣ развитія брахманизма, чтобы изъ созданныхъ имъ образовъ могли выработаться высшія божества. Между тѣмъ боги могли быть заимствованы изъ другого источника. Паденію значенія древневедійскихъ боговъ не мало способствовало также сближеніе и совершившееся затѣмъ отчасти смѣшеніе обѣихъ, столь ненавидѣвшихъ сначала другъ друга расъ. Въ ту пору арійскіе боги были прежде всего богами воинственными; теперь уже настали болѣе миролюбивыя и спокойныя времена. Но чѣмъ больше народъ подъ вліяніемъ брахмановъ терялъ гордое сознаніе своей силы, чѣмъ больше и въ него проникало сознаніе міровой скорби, тѣмъ доступнѣе становился онъ къ воспринятію первобытной индійской вѣры въ демоновъ, въ страшныя, враждебныя человѣку силы, которыми туземцы наполняли свой міръ духовъ.

Эта перемѣна въ вѣрованіяхъ большой массы не шла въ разрѣзъ съ желаніями брахмановъ: въ культѣ новыхъ боговъ, въ заклинаніяхъ и чародѣйствѣ, въ преобладаніи внѣшняго ритуала они находили многое, что соотвѣтствовало способу почитанія ихъ собственныхъ боговъ, и потому не боялись поощрять сближеніе съ дравидскими демоническими духами. И вотъ въ болѣе позднихъ священныхъ книгахъ брахмановъ, и даже уже въ позднѣйшей изъ ведъ, Атхарва-ведѣ, передъ нами предстаетъ цѣлый сонмъ враждебныхъ духовъ, которые были совершенно чужды древнѣйшимъ книгамъ, особенно Риг-ведѣ. Брахманамъ не трудно было населить этими духами свое небо, такъ какъ необыкновенная растяжимость ихъ понятія о проникновеніи и эманаціи позволяло имъ пріобщить къ своей системѣ даже самое небожественное. Если высшее существо ихъ, Всеединая міровая душа, могла проявляться въ безконечныхъ формахъ, почему же не могло оно принимать также формы злыхъ демоновъ и духовъ? Собственныя умозрѣнія брахмановъ относительно трехъ формъ воплощеннаго высшаго существа привели по крайней мѣрѣ въ двухъ изъ нихъ къ типамъ, въ которыхъ сказались качества, характеризующія боговъ какъ одной, такъ и другой расы: въ доброжелательномъ, готовомъ къ помощи Вишну — воплощеніе древне-ведійскихъ, дружественныхъ человѣку боговъ; во всеразрушающемъ Рудра-Шивѣ (см. верхнюю часть таблицы „Древне-индійское ваяніе“ при стр. 385)—соединеніе всѣхъ враждебныхъ силъ, которыя въ образѣ демоновъ наводили ужасъ на дравидовъ. Третья сторона воплощенной брахман-

ской міровой души, Брахма-творецъ, не нашелъ отклика въ религіозныхъ чувствованіяхъ и потребностяхъ народной массы, а остался исключительно достояніемъ брахманскаго представленія. Въ то время какъ въ тысячахъ и тысячахъ храмовъ оба другія воплощенія высшаго существа пользуются почитаніемъ, едва ли наберется два храма во всей Индіи, гдѣ бы брахманъ поклонялся созидающей силѣ міровой души въ образѣ осязаемаго кумира.

ζ) Распространеніе брахманизма въ Южной Индіи.

Чѣмъ больше арійскія государства на Гангѣ расцвѣтали и расширялись, чѣмъ жизнь становилась шумнѣе, тѣмъ дальше уходилъ брахманъ отъ земной суеты и искалъ полнаго уединенія. Въ странахъ, дотолѣ еще не тронутыхъ брахманскимъ культомъ, въ лѣсныхъ чащахъ и въ чуждомъ брахманамъ мірѣ туземныхъ государствъ выростали цѣлыя колоніи отшельниковъ, селившихся порознь или большими группами—монастырями. Не обходилось при этомъ безъ столкновеній съ враждебными племенами, и часто упоминается о злыхъ ракшаса, нарушавшихъ покой набожныхъ отшельниковъ и убивавшихъ ихъ. Но часто брахманы встрѣчали и болѣе мягкіе нравы людей, относившихся къ нимъ благожелательно и приносившихъ болѣе культурнымъ чужестранцамъ свои лепты, получая отъ нихъ взамѣнъ поученія и совѣты. Такимъ образомъ эти отшельники становились піонерами брахманизма и вмѣстѣ съ отшельничествомъ распространяли и брахманское вліяніе все далѣе на югъ. Махабхарата описываетъ, какъ Арджуна во время своего паломничества отъ одного монастыря къ другому достигъ источниковъ дѣвственницъ въ Комарьи на мысѣ Коморинъ; въ свою очередь и Рама встрѣчаетъ повсюду отшельниковъ и монастыри. Имя, которое постоянно повторяется во всѣхъ этихъ описаніяхъ, имя человѣка, помогающаго всѣмъ своимъ арійско- брахманскимъ соплеменникамъ совѣтомъ и дѣломъ и пользующагося на всемъ югѣ большимъ вліяніемъ—это Агастья. Миѳологія сдѣлала изъ него одного изъ самыхъ великихъ мудрецовъ (риши) древняго времени и называетъ его сыномъ Митры и Варуны, являющимся на помощь древнеарійскимъ богамъ, когда имъ угрожаетъ опасность со стороны злыхъ демоновъ, Асуровъ. Онъ является на югѣ воплощеніемъ побѣдоноснаго шествія брахманской культуры. Предъ нимъ склоняются горы Виндхья, черезъ которыя до него никто еще не переходилъ; онъ непримиримый врагъ злыхъ демоновъ, Ракшаса (боговъ туземцевъ) и носитель культуры для дравидскихъ государствъ; отсюда—Тамиръ Муни, Мудрецъ тамиловъ.

Добрахманскій древній періодъ южной Индіи теряется для насъ во мракѣ прошлаго, и только на отдѣльные эпизоды можетъ быть пролитъ слабый свѣтъ. Мѣстныя преданія переносятъ исходный пунктъ общаго культурнаго и государственнаго развитія страны въ Коркай (греческій Колхой) при впаденіи священной рѣки Тамрапарни въ Манаарскій заливъ, защищенный съ востока отъ негостепріимнаго Бенгальскаго залива съ его опасными циклонами Адамовымъ мостомъ, образующимъ звено между обѣими богатыми странами на югѣ и сѣверѣ, Индіей и Цейлономъ. Коркай былъ уже древнимъ городомъ въ пору появленія тамъ грековъ, принесшихъ вѣсть о немъ на западъ. Своимъ существованіемъ и своимъ расцвѣтомъ онъ обязанъ жемчугу, который высоко цѣнился уже въ древности и которымъ упомянутый заливъ снабжалъ издревле весь міръ болѣе щедро, чѣмъ какой либо другой пунктъ на землѣ: Коркай съ его торговлей жемчугомъ можно считать столь же древнимъ, какъ и употребленіе для украшенія самого жемчуга у народовъ Стараго Свѣта. Древнія развалины Коркая открыты снова въ нѣсколькихъ миляхъ отъ нынѣшняго побережья въ слоѣ аллювіальнаго песка, который продвигаетъ устье Тамрапарни все далѣе въ море (недалеко отъ теперешней гавани Тутикоринъ). По преданію Коркай былъ

основанъ тремя братьями, которые жили тамъ сначала долгое время въ полномъ мирѣ, но затѣмъ разошлись и основали три царства (Мандала): царство Пандія (по-гречески Пандіонъ) на крайнемъ югѣ, царство Чола на сѣверо-востокѣ и царство Чера на сѣверѣ и сѣверо-западѣ (сравни ниже). Самымъ значительнымъ изъ нихъ было царство Пандія, столицей котораго еще долгое время оставался приморскій городъ Коркай; тотемомъ, или гербомъ его царей была рыба (карпъ), что подтверждаетъ преданіе, по которому исходный пунктъ расцвѣта лежалъ на берегу моря. Впослѣдствіи столица была перенесена ближе къ центру страны, въ Матхуру. Когда первые отряды арійско-брахманскихъ отшельниковъ проникли въ эти далекія страны, ихъ уже встрѣтили тамъ цвѣтущія, благоустроенныя государства. Все, что внесла туда новаго впослѣдствіи сѣверная культура, связано съ именемъ Агастьи; онъ прибылъ ко двору царя Кулашекхары, былъ тамъ хорошо принятъ и, изучивъ мѣстный языкъ, писалъ на немъ книги, касавшіяся всѣхъ отраслей знанія и культуры.

Насколько различно протекало насажденіе арійства здѣсь на югѣ! На сѣверѣ мы видѣли борьбу расъ, борьбу грубой силы болѣе одаренной духовно и физически расы противъ отсталыхъ племенъ, окончившуюся или совершеннымъ исчезновеніемъ этихъ племенъ, или оттѣсненіемъ ихъ на самыя низкія ступени общественной лѣстницы—здѣсь борются духовнымъ оружіемъ, на арену выступаютъ большія знанія и большія способности отдѣльныхъ выдающихся личностей. Осторожно и податливо пробиваетъ себѣ дорогу брахманство, дѣлаетъ уступки населенію, оставляетъ народу его языкъ, лишь дополняя его тамъ, гдѣ понятія и слова являются недостаточно выработанными (для абстрактнаго мышленія и религіознаго ученія), элементами священнаго брахманскаго языка (санскрита); но языкъ этотъ пользуется такимъ почетомъ, что какъ короли, такъ и города считаютъ за честь прибавлять къ своему древнему дравидскому имени еще санскритское имя, которое одно только и упоминается въ позднѣйшихъ сообщеніяхъ грековъ. Кромѣ того, мѣстное имя Пандія (сокъ пальмы, главный продуктъ страны) настолько сходно съ именемъ Пандава арійскихъ преданій, что оба они выдаются за одно и то же, и династія Пандія южнаго государства связывается съ ведущей свое происхожденіе отъ арійскихъ боговъ сѣверной династіей Панду. Брахманы оставили народу и письмо его; древній алфавитъ страны, Ваттезатъ (Ваттелутту), не имѣющій связи ни съ какой другой системой, былъ вытѣсненъ въ трехъ южно-индійскихъ государствахъ лишь къ концу перваго тысячелѣтія по Р. Хр. новыми алфавитами, происхожденіе которыхъ нужно отнести къ южно-индійскимъ надписямъ Ашоки.

Къ какому времени относится брахманизированіе южной Индіи, также трудно опредѣлить съ точностью, какъ и всю до-греческую хронологію. То обстоятельство, что кшатріи не играютъ никакой роли въ этомъ духовномъ завоеваніи юга, какъ и чисто брахманскій характеръ, который носило тамъ насажденіе культуры, указываетъ на то, что борьба между обоими высшими сословіями была къ этому времени уже закончена. Съ другой стороны, и греки временъ Александра Великаго, римляне временъ Августа застаютъ брахманскую культуру уже настолько окрѣпшей въ странѣ, что несомнѣнно должно было пройти не мало вѣковъ отъ начала ея насажденія. Все это даетъ возможность предположить, что завоеваніе южной Индіи для брахманизма произошло въ первой половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Хр.

η) Древнія государства въ Южной Индіи.

Древнѣйшія историческія данныя относительно Пандійскихъ царствъ южной Индіи мы находимъ въ буддійскихъ хроникахъ Цейлона: уже пер-

вая арійская волна при Виджаѣ встрѣчаетъ тамъ сильное царство, которому, по всей вѣроятности, сѣверъ Цейлона платилъ дань; вновь прибывшіе арійцы, берущіе оттуда для себя женъ, должны также платить Пандійскимъ царямъ опредѣленную дань жемчугомъ и жертвенными раковинами. Точно также и свѣдѣнія, относящіяся къ концу IV и началу III ст. до Р. Хр., которыя даетъ намъ Мегасѳенъ, упоминаютъ о царствѣ Пандія на крайнемъ югѣ Индостанскаго полуострова, присовокупляя, что оно доставляетъ много жемчугу. Объ этомъ царствѣ упоминается далѣе въ надписяхъ Ашоки на ряду съ обоими тамильскими сосѣдними государствами (Пада=Пандія, Чуда=Чола и Кера=Чера); а нерѣдкія находки римскихъ монетъ въ самой южной части Индіи подтверждаютъ свѣдѣнія, которыя даетъ намъ Страбонъ о торговыхъ сношеніяхъ римскаго государства съ царствомъ Пандія и о посольствѣ, отправленномъ этимъ послѣднимъ къ императору Августу. Границы этого царства (см. карту при стр. 422) совпадали на югѣ и юго-востокѣ съ сѣвернымъ берегомъ Манаарскаго залива и Палкскимъ проливомъ, отъ сѣвернаго конца котораго пограничная линія тянулась въ западномъ направленіи къ горамъ Пальни; на западѣ могущество Пандійскаго царства не разъ простиралось до Аравійскаго моря, а на языкѣ востока, тамильскомъ, говорятъ еще и по настоящее время въ южной части Малабарскаго берега. Воинственность и храбрость отличали Пандійское царство во все время его существованія; распри между нимъ и его сосѣдями съ юга (сингалезами) и чолами на сѣверѣ почти не прекращались. По уровню своей культуры, это царство оставило далеко позади себя всѣ другія южно-индійскія государства.

Сосѣдями Пандійскаго царства съ сѣверо-востока были чолы (названіе Коромандельскаго берега есть испорченное Чола мандаламъ, царство Чола) — племя, несомнѣнно столь же древнее, какъ и пандія. Птоломей говоритъ о „Сорай номадесъ“ этой области, о кочующихъ чола. Главнымъ среди нихъ было кочующее пастушеское племя курумба; воинственныя наклонности этого племени, соотвѣтствовавшія ихъ безпокойному образу жизни, были источникомъ постоянныхъ распрей съ сосѣдями; часто они предпринимали также походы противъ далекаго Цейлона. Главный городъ ихъ часто перемѣщался: Комбакомунъ, Тричинополи, Танджуръ стоятъ на мѣстахъ прежнихъ столицъ. Сѣверная граница, проходившая сначала южнѣе, продвинулась съ теченіемъ времени въ область языка телугу. Здѣсь въ направленіи къ сѣверу до Кистны (Кришны) расположился рядъ независимыхъ племенъ, изъ которыхъ самымъ значительнымъ было племя паллава; наконецъ, по ту сторону Кистны вплоть до Ориссы простиралось древнее дравидское государство Калинга.

На югѣ полуострова лежало третье дравидское государство, Чера; оно простиралось по Малабарскому берегу приблизительно отъ Каликута до мыса Коморина, временами продвигая свои границы далѣе на востокъ черезъ Гхаты (Майсуръ, Коимбаторъ, Салемъ), временами уступая часть своей области на Малабарскомъ берегу Пандійскимъ царямъ. Въ общемъ, эта вѣтвь дравидской группы государствъ значительно уступала въ воинственности своимъ восточнымъ сосѣдямъ; богатая природа Малабарскаго берега благопріятствовала болѣе спокойному развитію его населенія и выработкѣ въ немъ чувства миролюбія. Мѣстный языкъ лишь за послѣднее тысячелѣтіе настолько удалился отъ тамильскаго, что долженъ теперь считаться самостоятельнымъ языкомъ; до этого времени въ употребленіи былъ еще древне-тамильскій алфавитъ, Ваттецхатъ.

ϑ) Распространеніе брахманизма на Малабарскомъ берегу.

Больше, чѣмъ въ остальной части южной Индіи, проявилось вліяніе брахманской культуры еще въ раннія времена на населеніи Малабар-

скаго берега къ сѣверу отъ государства Чера. Уже въ періоды расцвѣта военнаго сословія арійцы проникли въ Гуджератъ до Камбейскаго залива (стр. 367). Отсюда арійское вліяніе шло дальше въ восточномъ направленіи; въ коренныя, остававшіяся независимыми племена бхилловъ (бхилъ) внѣдрялось все больше колонистовъ, распространявшихъ арійскую культуру на западѣ центральной Индіи (въ Мальвѣ, а съ теченіемъ времени также и въ землѣ махраттховъ). Побѣдоносная колонизація западнаго берега, называемаго по санскритски Керала (страна черовъ), относится уже къ позднѣйшему періоду расцвѣта брахманскаго могущества. Въ сѣверной его части, особенно въ нынѣшней Канарѣ и въ Малабарѣ, существовалъ, повидимому, уже въ до-брахманскій періодъ общинный союзъ, въ который входили 64 области, изъ которыхъ шестая часть (10 $1/2$ областей) должна была нести обязанность защиты страны; союзъ управлялся совѣтомъ изъ шести министровъ, избиравшихся каждые четыре года. По мѣрѣ того, какъ брахманы проникали все больше въ эту плодородную страну, они, не измѣняя прежней формы государственнаго управленія, сумѣли заставить смотрѣть на себя какъ на истинныхъ господъ страны. Тенденціозная легенда приписываетъ появленіе здѣсь брахмановъ содѣйствію расположеннаго къ нимъ бога Вишну, воплощеніемъ котораго является Рама съ топоромъ (Парашу Рама, стр. 369). По легендѣ Рама сынъ мудраго брахмана Джамадагни. У этого послѣдняго въ его отсутствіи былъ выкраденъ изъ кельи однимъ кшатріемъ, княземъ Картавирья, жертвенный телецъ; сынъ отмстилъ за отца, убивъ кшатрія. Когда же вслѣдъ затѣмъ Джамадагни падаетъ жертвою кровавой мести, Рама клянется мстить всему сословію кшатріевъ, и дѣйствительно уничтожаетъ ихъ („онъ 21 разъ очищалъ землю отъ кшатріевъ"). Боги щедро одарили его: ему должно было принадлежать столько земли, сколько онъ могъ захватить, бросивъ топоръ. Топоръ былъ брошенъ отъ Гокамы и долетѣлъ до мыса Коморинъ. Такимъ образомъ былъ отвоеванъ у моря весь Малабарскій берегъ, который и былъ заселенъ брахманами, получившими эту область въ даръ отъ Парашу Рамы. Еще и теперь лѣтосчисленіе Малабари ведется отъ того момента, когда былъ брошенъ топоръ, отъ момента образованія этой страны, который относятъ къ 1176 г. до Р. Х. Легенда создалась брахманами для того, чтобы опереться на нее въ притязаніяхъ на эту страну. Они сдѣлались фактическими господами страны, которую отдавали только въ аренду прежнимъ владѣльцамъ; имъ должны были служить и приносить присягу воины. Еще и въ настоящее время высшія касты брахмановъ занимаютъ на всемъ Малабарскомъ берегу болѣе высокое положеніе, чѣмъ брахманы восточнаго берега полуострова. Брахманы намбури на западномъ берегу строго соблюдаютъ чистоту своей арійской крови и съ презрѣніемъ относятся къ темнокожимъ брахманамъ южной Индіи, хотя и эти послѣдніе опоясаны священнымъ шнуркомъ.

d) Буддизмъ въ Индіи.

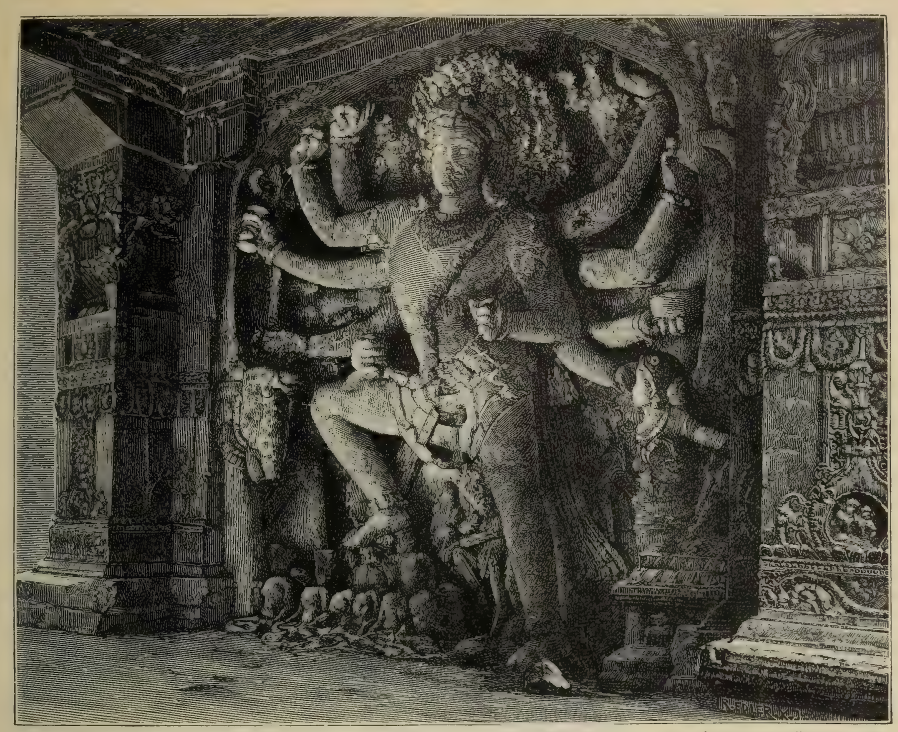
Если мы обратимся къ положенію Индіи въ серединѣ перваго тысячелѣтія до нашего лѣтосчисленія, то предъ нами предстанетъ слѣдующая картина. Арійцы достигли высокаго благосостоянія, внѣшняя жизнь ихъ мирно развивалась, образовались большія и малыя государства, многолюдные города блистали роскошью царскихъ дворовъ и богатствомъ гражданъ; земледѣліе, промышленность и торговля процвѣтали. Измѣнилась также и внутренняя жизнь господствующей расы, но въ менѣе благопріятную сторону: нѣтъ больше жизнерадостности, бодраго духа, гордой свободы. Глубокая кастовая рознь раздѣляетъ общество. Сознаніе общаго равенства смѣнилось кастовымъ духомъ, заставлявшимъ представителей высшихъ кастъ съ презрѣніемъ смотрѣть на нижестоящихъ, исключавшимъ всякую

общность интересовъ и этимъ заглушавшимъ національное самосознаніе. Каждая отдѣльная каста связана въ своихъ дѣйствіяхъ строгими предписаніями, а лучшее достояніе человѣка, мышленіе, брахманы присвоили себѣ, какъ свою исключительную привиллегію; утверждая, что они вышли изъ головы перваго человѣка (стр. 371), они въ дѣйствительности были головою общества. Но мышленіе измѣнилось кореннымъ образомъ со времени арійскаго вторженія. Жрецы молились теперь уже только для виду старымъ богамъ — въ дѣйствительности никто въ нихъ не вѣрилъ. Вмѣсто этого тяжелая міровая скорбь овладѣла всѣми мыслителями; относительно же того, какимъ путемъ можно избавиться отъ этой скорби, мнѣнія расходились. Образовалось множество школъ, монашескихъ орденовъ. Будто тяжелый бенгальскій смерчь пронесся надъ лѣсомъ: подобно колоссальнымъ стволамъ древніе боги лежали безжизненными на землѣ, на мѣстѣ же разрушенія выростали новые побѣги, изъ которыхъ каждый отвоевывалъ у другого воздухъ, свѣтъ и пространство. Лишь одному изъ этихъ побѣговъ суждено было разростись въ большое дерево, собравшее подъ своими вѣтвями почти весь міръ центральной и восточной Азіи, — это былъ буддизмъ.

Центры развитія индійско-арійской культуры съ теченіемъ времени медленно перемѣщаются съ запада на востокъ. Проникнувъ въ III тысячелѣтіи до Р. Х. черезъ сѣверо-западные горные проходы, арійцы заняли во второмъ тысячелѣтіи Пятирѣчье; въ срединѣ этого періода имѣла мѣсто, по всей вѣроятности, та кровавая борьба на границѣ Пенджаба и области Ганга, въ которой царь Судасъ отбросилъ союзныя племена западной Индіи. Къ концу этого же тысячелѣтія нужно отнести расцвѣтъ княжествъ на Джамнѣ и по верхнему теченію Ганга, воинственные подвиги которыхъ составляютъ эпическій центръ большой героической поэмы бхаратовъ. Еще полъ-тысячелѣтія спустя центръ арійства передвигается еще болѣе на востокъ, въ страны, конечные пункты которыхъ опредѣляются дельтою Ганга и городомъ Бенаресомъ. Здѣсь создается въ этотъ періодъ времени цѣлый рядъ княжествъ и независимыхъ государствъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ могущественное царство Магадха съ древней столицей Раджагриха (въ лежащей къ югу отъ Ганга области нынѣшняго Бихара). Едва ли пришлось бы услышать о различныхъ мелкихъ независимыхъ государствахъ къ сѣверу отъ Ганга, противъ Магадхы, если бы именно здѣсь не появился основатель новой религіи, — Будда, ученіе котораго исповѣдуютъ еще въ настоящее время сотни милліоновъ людей. Въ предгорьи Гималаевъ, на берегу небольшой рѣки Рохини, нынѣшней Коханы, поселилось племя шакья; при постоянныхъ распряхъ съ сосѣдними мелкими государствами аристократическое сословіе кшатріевъ не могло не играть значительной роли; къ нему принадлежалъ также и проживавшій въ столицѣ этого маленькаго царства, Капилаваттху (pâli; на санскр. — vastu), вождь этого племени Шуддходана изъ семьи Гаутама, отецъ Будды.

a) Жизнь Будды.

Буддійская легенда повѣствуетъ, что Шуддходана былъ женатъ на двухъ дочеряхъ сосѣдняго царя кольевъ (на противоположномъ берегу Рохини), который тоже былъ кшатріемъ. Долгое время оба брака оставались бездѣтными; только на 45-омъ году супружества забеременѣла старшая изъ двухъ женъ, Мая. Когда она, какъ этого требовалъ обычай того времени и ея общественное положеніе, хотѣла удалиться въ домъ своихъ родителей, чтобы тамъ дождаться родовъ, она по дорогѣ неожиданно разрѣшилась отъ бремени въ рощѣ Лумбини сыномъ, получившимъ имя Сиддхарты. Это и есть настоящее имя Будды, котораго чаще называютъ его фамильнымъ именемъ — Гаутама (Готама). Всѣ другія имена Будды суть только



Бсгъ Сива, украшенный вѣнкомъ изъ череповъ и плясущій на тр пахъ; брхаманскій рельефъ изъ Эллоры. (По фотографіи.)

Будда: а) глиняная фигура. б) изваяніе изъ камня.

(Оба изображенія по Альберту Грюнведелю.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Древне-индійское ваяніе.

эпитеты, и число ихъ соотвѣтствуетъ благоговѣнію и почитанію, которое питали къ нему его ученики: всѣ эти прозвища, подобно именамъ Іисуса — Спаситель, Избавитель, Христосъ и т. д., — суть не что иное, какъ выраженіе его качествъ; такъ, Шакья Муни значитъ мудрецъ изъ рода Шакья, Шакья Синха — Шакья-левъ, Бхагаватъ — достойный, Саттха — учитель, Джина — побѣдитель и т. д.; имя Будда есть также только прозвище и обозначаетъ „Познавшій“ (см. нижнюю половину приложенной таблицы „Древне-индійское ваяніе“).

Рожденіе Сиддхарты можно съ нѣкоторою вѣроятностью отнести къ 560—557 г., годъ же его смерти къ 480—477 до Р. Х. Мать ребенка умерла уже на седьмой день послѣ его рожденія, и воспитаніе его взяла на себя сестра покойной, Праджапати (пали: Паджапати), растившая его съ большою любовью. По обычаю того времени молодой Сиддхарта уже на 19 году былъ обвѣнчанъ съ двоюродной сестрой своей Язодхарой, дочерью царя кольевъ; на десятомъ году этого супружества у него родился сынъ Рахула. Другой на мѣстѣ Сиддхарты былъ бы счастливъ и доволенъ: на его долю выпало все, что составляло идеалъ знатнаго кшатрія. Но его, двадцатидевятилѣтняго мужа, все это не удовлетворяло: среди внѣшней роскоши, которою онъ былъ окруженъ, его серьезный и возвышенный умъ съ отвращеніемъ отворачивался отъ мірской суеты. Мысли его о міровомъ несчастьи и объ освобожденіи отъ этого несчастья воплощаются въ преданіи въ объективную, очеловѣченную форму: божество предстаетъ предъ нимъ сначала въ видѣ дряхлаго старца, затѣмъ въ видѣ тяжело больного, еще позже въ видѣ разложившагося трупа, и, наконецъ, въ видѣ почтеннаго отшельника. Рожденіе сына было послѣднимъ толчкомъ, заставившимъ его привести въ исполненіе давно назрѣвшее рѣшеніе; въ ребенкѣ онъ видѣлъ только новыя узы, связывавшія его съ міромъ. Повѣствованіе о бѣгствѣ Сиддхарты — это самый трогательный эпизодъ изъ всей легенды о его жизни. Только еще одинъ разъ хочетъ онъ видѣть самое дорогое, что у него есть на свѣтѣ, и прижать къ сердцу своего новорожденнаго сына. Тихо прокрадывается онъ въ опочивальню, гдѣ спятъ его жена и сынъ. Но рука матери покоится на головкѣ ребенка, и Сиддхарта, боясь разбудить мать, не рѣшается обнять его.

Такъ безъ прощанія оставляетъ онъ жену и ребенка и одинъ со своимъ возницей отправляется на встрѣчу ночи. Далѣе онъ даритъ этому послѣднему всѣ свои украшенія и поручаетъ ему привезти своимъ роднымъ вѣсть о своемъ рѣшеніи; послѣ этого онъ обрѣзаетъ коротко свои волосы, мѣняетъ свои богатыя одежды на платье прохожаго нищаго и одинокій направляется къ столицѣ государства Магадха, Раджагриха, вблизи которой въ скалистыхъ пещерахъ жили отшельники. Онъ присоединился къ нимъ въ надеждѣ отъ нихъ узнать смыслъ великой загадки бытія. Но метафизика брахмановъ не могла удовлетворить его пытливый умъ: ни у Алара Каламы, ни у Уддака Рамапутты онъ не нашелъ того, чего искалъ, — пути къ спасенію отъ міровой скорби. Онъ оставляетъ обоихъ учителей и направляется къ лѣсамъ Урувелы (при нынѣшнемъ Буддагаѣ), гдѣ, посвятивъ себя самому строгому аскетизму, жило уже пять другихъ отшельниковъ. Въ теченіе шести лѣтъ онъ превосходитъ всѣхъ своихъ товарищей въ самомъ безпощадномъ умерщвленіи своей плоти; отъ прежняго Сиддхарты, полнаго красоты и силы, остается одна только тѣнь. Слава о его нечеловѣческомъ самобичеваніи разносится далеко; самъ же онъ, въ то время какъ другіе считаютъ его уже на пути къ спасенію, чувствуетъ себя все болѣе несчастнымъ.

Наконецъ слабость доводитъ его до обморока; послѣ того, какъ онъ приходитъ въ себя, онъ рѣшаетъ оставить избранный имъ ложный путь. Но когда онъ снова начинаетъ принимать пищу, какъ всѣ прочіе люди, онъ теряетъ вѣру и уваженіе своихъ пяти товарищей; они не желаютъ

оставаться долѣе въ его обществѣ и направляются къ священному городу Бенаресу, чтобъ тамъ въ болѣе чистой обстановкѣ продолжать предаваться умерщвленію плоти. Оставшемуся одинокимъ Сиддхартѣ предстоитъ еще самая тяжелая душевная борьба. Буддійская легенда представляетъ намъ происходящій въ немъ душевный и умственный разладъ, какъ борьбу свѣтлыхъ и темныхъ духовъ, которая ведется съ такимъ ожесточеніемъ, что весь міръ содрогается и грозитъ рушиться. На берегахъ Наиранджары на него, наконецъ, снисходитъ благодать познанія. Все ему становится яснымъ; онъ получаетъ откровеніе, которое указываетъ ему смыслъ страданія и путь къ спасенію. Теперь онъ становится „Буддой“—Познавшимъ,—достигшимъ не только для себя, но и для всего міра того познанія, которое ведетъ къ спасенію. Семь дней пребываетъ Будда въ возвышенной ясности духа, въ блаженномъ просвѣтленіи подъ священной смоковницей (ficus religiosa; по сингалезски: дерево—бо, древо познанія; по санскритски: bodhi). Находятся два добрыхъ человѣка, которые приносятъ ему рисовыя лепешки и медъ; онъ даетъ имъ взамѣнъ высшее, чѣмъ онъ обладаетъ,—свое ученіе; и оба, Тапуса и Бхаллика, становятся его первыми послѣдователями, они „приходятъ подъ защиту Будды и его ученія“. На просвѣтленнаго Будду находитъ сомнѣніе, будетъ ли въ состояніи тупой умъ народной массы обнять великую истину. Но богъ міра Брахманъ заставляетъ его возвѣстить міру свое ученіе, и Будда уступаетъ: онъ идетъ въ тотъ самый лѣсъ, гдѣ пребываютъ его прежніе пять товарищей по покаянію, и излагаетъ имъ въ „Бенаресской проповѣди“ основы своего ученія. Ни радости жизни, ни умерщвленіе плоти не могутъ привести къ цѣли, къ ней ведетъ только средній путь. Въ широкихъ чертахъ излагаетъ онъ имъ истину о страданіи и восьмикратный путь къ спасенію.

Съ этого момента жизнь Будды наполнена *поученіемъ* и *обращеніемъ народа*: небольшая община быстро увеличивается присоединеніемъ къ ней шести знатныхъ гражданъ изъ Бенареса; затѣмъ примыкаютъ еще 50 учениковъ. Слухъ о новомъ ученіи разносится далеко; со всѣхъ сторонъ стекаются народы, чтобы услышать его. Будда высылаетъ всѣхъ своихъ 60 учениковъ апостолами въ міръ: „идите, о нищіе, несите спасеніе и благо народамъ, спасеніе, пользу и благо богамъ и людямъ“. Не долго пришлось оставаться Буддѣ одинокимъ послѣ того, какъ онъ выслалъ апостоловъ: скоро еще новыхъ 30 богатыхъ юношей, а затѣмъ 1000 аскетовъ-огнепоклонниковъ примыкаютъ къ его ученію. Но самымъ важнымъ было присоединеніе къ ученію Будды *Бимбисары*, царя великаго царства Магадха: въ немъ буддизмъ пріобрѣлъ могущественнаго покровителя, и непосредственно за его обращеніемъ Будда уже десятками тысячъ насчитываетъ своихъ духовныхъ братьевъ. Еще важнѣе было присоединеніе двухъ самыхъ выдающихся учениковъ Будды; Сарипутты и Могалланны.

Съ присоединеніемъ къ ученію Будды царя Бимбисары впервые проявляется та черта, которая характеризуетъ дальнѣйшее развитіе этой религіи: склонность пріобрѣтать благорасположеніе *правителей* и становиться подъ ихъ защиту. И вотъ волна буддизма въ отдѣльныхъ государствахъ то приливаетъ, то отливаетъ въ зависимости отъ того, процвѣтаетъ ли или падаетъ господствующая въ нихъ династія; явленіе это мы видимъ, между прочимъ, и на Цейлонѣ, гдѣ буддійская община необыкновенно процвѣтаетъ подъ эгидой сильныхъ и счастливыхъ правителей, но зато при обрушившихся на страну политическихъ несчастьяхъ въ періодъ войны съ дравидами, она неоднократно приходитъ въ упадокъ и, наконецъ, совершенно исчезаетъ. Буддизмъ всегда выказывалъ до извѣстной степени податливость по отношенію къ сильнымъ міра: уже первый высокій покровитель его, Бимбисара, сумѣлъ добиться того, чтобы въ монашеской общинѣ были введены принятыя уже раньше у многихъ брахман-

скихъ монаховъ ежемѣсячныя покаянія (строгое соблюденіе четырехъ лунныхъ четвертей; дни поя нынѣшнихъ сингалезовъ) и дни упосадха. Въ другой разъ, когда Будда въ одно изъ своихъ позднѣйшихъ странствованій возвращается въ свой родной городъ, и собственный сынъ его, Рахула, примыкаетъ къ его общинѣ, онъ по просьбѣ стараго князя къ правиламъ о принятіи въ общину присовокупляетъ еще постановленіе, по которому никакой сынъ не можетъ сдѣлаться монахомъ безъ согласія своего отца. Едва ли тоже Будда поборолъ бы свое отвращеніе къ устройству орденовъ монахинь, если бы его пріемная мать Праджапати, желавшая основать такой орденъ, не была царскаго рода. Съ другой стороны, новое ученіе пріобрѣтало, благодаря покровительству сильныхъ, не только благорасположеніе народа, но и желательную опору: бѣдность была обязательна лишь для отдѣльнаго монаха,—орденъ съ самаго начала съ благодарностью принималъ богатыя приношенія. Первымъ такимъ даромъ была бамбуковая роща при столицѣ царства Магадха, и еще при жизни учителя цари и богатые люди соперничали между собой въ такихъ приношеніяхъ; цѣлый рядъ обширныхъ садовъ и парковъ уже при его жизни былъ завѣщанъ ордену; особенно знаменитымъ былъ садъ въ Джетаванѣ при Саваттхи. На Цейлонѣ, относительно котораго исторія буддизма болѣе выяснена, въ рукахъ ордена находилась большая и самая лучшая часть всѣхъ плодородныхъ земель.

Изъ учениковъ Будды, стоявшихъ къ нему особенно близко, самымъ симпатичнымъ является двоюродный братъ его Ананда; онъ не отличался большимъ умомъ, но его нѣжная заботливость и преданность учителю завоевываютъ наши сердца. Тѣсный кругъ людей, сплотившихся вокругъ Будды, не былъ, однако, свободенъ онъ темныхъ пятенъ, какъ и кругъ учениковъ Христа: въ лицѣ Девадатты, преисполненнаго высокомѣрія и неукротимаго честолюбія, выступаетъ предъ нами уже во времена Будды духъ сектантства, приводившій впослѣдствіи неоднократно къ расколу; многіе послѣдователи Будды отпали еще при жизни учителя. И какъ потомъ каждая секта старалась очернить другія, такъ и здѣсь легенда упрекаетъ честолюбиваго ученика даже въ покушеніи на жизнь своего учителя.

Въ теченіе сорока пяти лѣтъ послѣ того, какъ на него снизошло „озареніе“, Будда странствовалъ, поучая, по странѣ; и послѣдователи его насчитывались уже многими тысячами, когда тяжелая болѣзнь впервые напомнила ему о близости кончины. Озабоченно задаетъ себѣ вопросъ община, кто по смерти его будетъ ея руководителемъ. Учитель указываетъ имъ на нихъ же самихъ: „будьте сами себѣ свѣточемъ, сами себѣ прибѣжищемъ и не ищите другого прибѣжища; ученіе должно быть вашимъ свѣтомъ, ученіе вашимъ прибѣжищемъ, и не ищите другого прибѣжища“. Силою воли больной выздоравливаетъ еще разъ, но по его собственному предсказанію кончина его должна наступить черезъ три мѣсяца. Легенда рисуетъ намъ послѣдніе дни Будды съ такими реальными подробностями, что здѣсь, по всей вѣроятности, мы имѣемъ дѣло уже съ историческими воспоминаніями. Будда отправился со своимъ любимымъ ученикомъ Анандой въ Паву; въ гостяхъ у кузнеца Кунды, въ обществѣ другихъ монаховъ, Будда за трапезой вкушаетъ отъ испорченнаго кабаньяго мяса, послѣ чего заболѣваетъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ свой путь. Но уже вблизи Кусинары силы измѣняютъ ему. Въ тѣни двухъ деревьевъ-близнецовъ, куда его положили, Будда ожидаетъ смерти. Еще разъ благодаритъ онъ своего вѣрнаго Ананду за всю его любовь и преданность и спрашиваетъ собравшихся вокругъ него монаховъ, имѣетъ ли кто либо изъ нихъ еще какія нибудь сомнѣнія; когда никто ихъ не выражаетъ, Будда обращается къ окружающимъ съ послѣдними своими словами: „истинно, о монахи, говорю вамъ: тлѣнно все существующее, стре-

митесь безъ устали къ совершенству“. Послѣ этого существо его вступило въ Нирвану.

„Какъ поступаютъ съ останками короля королей, такъ должно поступить съ останками Совершеннаго“, — таковъ отвѣтъ Ананды, когда Маллы изъ Кусинары спросили его о способѣ погребенія. Шесть дней продолжались приготовленія; и, наконецъ, съ большой торжественностью былъ зажженъ костеръ. Кости великаго усопшаго были собраны; со всѣхъ сторонъ стали требовать мощей, чтобы сохранять ихъ въ достойныхъ мавзолеяхъ (stûpas). Тогда порѣшили раздѣлить останки на восемь частей и раздать ихъ главнымъ государствамъ, въ которыхъ жилъ и училъ Будда.

β) „Три собора“.

Позднѣйшее преданіе говоритъ, что вскорѣ послѣ погребенія выдающіеся монахи собрались въ Раджагахѣ подъ руководствомъ Кашьяпы (пали: Кассапа) для того, чтобы установить по возможности точное ученіе Будды. (первый соборъ въ Раджагахѣ), Изреченія Будды, относящіяся къ уставу ордена (виная), были изложены Упалой, общія нравственныя правила (sûtra; пали: sutta) для всѣхъ, также и послѣдователей мірянъ,—Анандой; собравшіеся 500 монаховъ запечатлѣли все это въ своей памяти и разнесли по міру. Спустя 200 лѣтъ по смерти учителя явилась потребность во второмъ соборѣ, состоявшемся въ Весали (Ваишали). Такъ какъ часть монаховъ расходилась въ нѣкоторыхъ пунктахъ, то въ Весали собрались выборные и выработали снова Канонъ буддійскаго ученія.

Только съ третьимъ соборомъ, созваннымъ въ Патнѣ (около 250 до Р. Хр.), мы вступаемъ на историческую почву. Вотъ что говоритъ объ этомъ Дипаванша, древнѣйшая хроника Цейлона: „Чтобы искоренить безвѣріе, многіе ученики Будды, 60.000 сыновей Джины, собрались на совѣщаніе. Руководилъ этимъ собраніемъ Тисса Могаллипутта (или Моггали путта; сынъ Могалли). Съ цѣлью очистить вѣру и на долгія времена установить канонъ ученія Будды, Тисса избралъ 1.000 самыхъ лучшихъ арахатовъ, съ которыми и составилъ синодъ. Третій соборъ, засѣдавшій въ монастырѣ Ашокарама, построенномъ царемъ Дхаммашокой, продолжался девять мѣсяцевъ“. На этомъ соборѣ ученіе Будды, какъ оно жило въ памяти учениковъ, было изложено въ каноническихъ книгахъ tripitaka. Въ связи съ этимъ было разослано много миссіонеровъ, перенесшихъ между прочимъ буддизмъ также и на Цейлонъ; съ этихъ поръ начинаются записи въ сингалезскихъ монастыряхъ, переработанныя впослѣдствіи въ хроники. Въ нихъ перечисляются имена нѣкоторыхъ изъ разосланныхъ въ ту пору миссіонеровъ, а найденная въ сѣверной Индіи могила одного изъ миссіонеровъ (Мадоххима) подтверждаетъ достовѣрность этихъ хроникъ.

Если на основаніи этого третій соборъ можно считать достовѣрнымъ фактомъ, то оба предшествовавшіе собора вызываютъ большія сомнѣнія. Что касается собора въ Весали, то онъ имѣлъ мѣсто спустя 200 лѣтъ послѣ смерти Будды, слѣдовательно, менѣе чѣмъ за полустолѣтіе до введенія буддизма на Цейлонѣ, и поэтому можно предположить, что позднѣйшее преданіе достаточно освѣдомлено въ исторіи тѣхъ временъ. Но изъ цейлонскихъ источниковъ явствуетъ, что рѣчь идетъ не о соборѣ, долженствовавшемъ установить догматы буддійскаго ученія, а лишь о собраніи буддійскихъ монаховъ извѣстной области для совѣщанія о второстепенныхъ пунктахъ монашескаго устава. Нѣкоторые монахи выступили съ такими вопросами, какъ, напр., можно ли ѣсть твердую пищу только до обѣда или также и послѣ обѣда, покуда длина тѣни, бросаемой солнцемъ, не достигнетъ двухъ дюймовъ; можно ли хранить соль въ буйловомъ рогѣ, можно ли садиться на стулъ, который покрытъ неподрубленнымъ платкомъ, и т. д. Что впослѣдствіи такое собраніе монаховъ было раздуто въ со-

боръ, можно объяснить извѣстнымъ буддійскимъ пріемомъ усиливать значеніе всякаго сколько нибудь выдающагося событія, представляя его въ многократномъ видѣ. Такъ по позднѣйшей легендѣ Будда является не единственнымъ, уже до него ихъ было много (24); Будда нынѣшней міровой эпохи посѣтилъ Цейлонъ не одинъ разъ, а три раза и т. д. Такъ и каноническое ученіе устанавливалось не одинъ разъ, а нѣсколько разъ; легенда не удовлетворяется тѣмъ, что превращаетъ Весалійскій конвентъ въ соборъ, но придумываетъ еще одинъ соборъ, созванный непосредственно по смерти Будды въ Раджагахѣ. Объ этомъ соборѣ упоминается только въ тѣхъ отдѣлахъ, которые, несомнѣнно, были присоединены гораздо позднѣе къ каноническимъ сочиненіямъ.

γ) Историческая личность Будды.

Если исторія буддійскаго ученія до Ашоки такъ мало достовѣрна, то вполнѣ естественнымъ является вопросъ, насколько все то, что легенда сообщаетъ намъ о самомъ основателѣ религіи, можно считать исторической правдой. Были сдѣланы попытки совершенно отрицать личность Будды, ссылаясь на аллегорическое значеніе главныхъ именъ въ исторіи жизни Готамы: Шуддходана (стр. 384) означаетъ: „тотъ, чья пища чиста", Мая—иллюзія (философія Веданты), Капилавасту—городъ Капилы, основателя философіи Санкхья, Сиддхарта—„выполнившій свою задачу". Такое сомнѣніе заходитъ уже слишкомъ далеко. Въ мартѣ 1895 г. въ Тераяхъ Непала близъ селенія Ниглива, недалеко отъ Горакхпура, приблизительно въ 10 англійскихъ миляхъ отъ развалинъ холма съ реликвіями (stûpa) открыта была на одной колоннѣ надпись царя (Ашоки) Піядаси („набожнаго"; ср. стр. 400), которая гласитъ, что Ашока на 15 году своего царствованія (255 до Р. Х.) приказалъ во второй разъ воздвигнуть ступу Будды—Конагаманы (миѳическаго предшественника историческаго Будды); а на 21 году своего правленія (249 до Р. Х,) онъ явился туда самъ и сотворилъ тамъ свою молитву. Китаецъ Сюань Цзанъ (Іенъ-цзунъ), посѣтившій около 636 по Р. Х. святыя мѣста буддистовъ, упоминаетъ о ступѣ и надписи на колоннѣ. Затѣмъ 1 декабря 1896 г. въ 13 англійскихъ миляхъ отъ Нигливы близъ деревни Падеріа была изслѣдована—также видѣнная Сюань Цзаномъ — колонна; выступившая на 9 футовъ надъ землею часть колонны была покрыта надписями паломниковъ, а находившаяся подъ землею часть въ три фута носила эпиграфически весьма древнюю, остававшуюся скрытою по крайней мѣрѣ съ 800 по Р. Х., надпись на алфавитѣ „Брахми" (прежде, несоотвѣтственно, „Маурья" или „Ашока"). Она гласила, что Пріядаршинъ (пали: Піядаси) послѣ двадцатилѣтняго царствованія поклонялся здѣсь лично и обозначилъ это мѣсто положительно какъ родину Будды, увѣковѣчивъ его колонной; поселеніе Луммини (пали: Лумбини [стр. 384], нынѣ: Румин-дей) освобождено было имъ отъ налоговъ, а жители одарены. Наконецъ, Вилльямъ Клекстонъ Пеппе, при раскопкахъ въ Тераяхъ, предпринятыхъ имъ въ январѣ 1898 г. въ своемъ имѣніи близъ Пиправы, слѣдовательно въ непосредственномъ сосѣдствѣ Капилавасту, вскрывая древнюю ступу, наткнулся на покрытый громадной каменной плитой ящикъ изъ песчаника тонкой работы, содержавшій между прочимъ останки костей въ урнѣ, носившей надпись: „это хранилище мощей возвышеннаго Будды есть набожная дань семьи Шакья, братьевъ и сестеръ, съ дѣтьми и женами". Такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ достовѣрности этихъ указаній, то мы можемъ считать эти останки (предметы переданы въ Калькуттскій музей, останки же костей—сіамскому королю) подлинными мощами Будды, а именно той восьмой долею останковъ Возвышеннаго, которая по смерти Будды и послѣ сожженія его тѣла предоставлена была семьѣ Шакья изъ Капилава-

сту и съ тѣхъ поръ тщательно ею хранилась. (Ср. Р. Пишель, „Подлинность мощей Будды“; приложеніе къ „Allgemeine Zeitung“ отъ 7 января 1902). Надо надѣяться, что предпринятыя лишь за послѣдніе годы систематическія изслѣдованія въ области индійской эпиграфики дадутъ намъ вскорѣ еще болѣе цѣнные результаты.

Что касается самой жизни Будды, то мы можемъ опираться лишь на большую или меньшую правдопобность разсказовъ легенды. Основныя черты въ нихъ слишкомъ просты и естественны, чтобы считать ихъ плодами необузданной фантазіи позднѣйшаго времени; такъ, напр., разсказъ о его происхожденіи изъ знатнаго рода и его воспитаніи, его ранней женитьбѣ, объ охватившей его міровой скорби — общемъ недугѣ его времени, — о бѣгствѣ его изъ міра, его умерщвленіи плоти, освобожденіи отъ брахманизма, а также и о его смерти. Прежде всего мы должны представлять себѣ его личность такъ, какъ намъ ее рисуетъ легенда: несомнѣнно, что обаянію этой личности обязано новое ученіе большею частью своего успѣха. Мы не можемъ не вѣрить легендѣ, когда она намъ говоритъ, что внушительная наружность и прирожденная важность осанки соединялись въ немъ съ высокимъ духовнымъ развитіемъ, когда она описываетъ намъ силу его взгляда, его убѣжденность, мощь его рѣчи, его мягкость, привѣтливость, его сердечную доброту, его обаятельную любезность. Когда Ананда обратилъ вниманіе своего учителя на то, что малла Роя очень вліятельный человѣкъ, привлеченіе котораго принесло бы ученію большую пользу, „онъ излилъ на него такіе потоки любви, что тотъ послѣдовалъ за учителемъ, какъ теленокъ за коровой“.

Черта человѣколюбія, характеризующая все существо Будды, главнымъ образомъ и завоевывала ему сердца людей. Конечно, онъ выработалъ свою собственную метафизическую систему, установилъ правила для жизни своихъ учениковъ, отчасти заимствовалъ ихъ у брахманскихъ орденовъ, отчасти создалъ ихъ наново; но не этому обязанъ Возвышенный своимъ успѣхомъ. То, что его больше всего отличало отъ Брахмановъ, было біеніе теплаго сердца, исполненнаго любви къ ближнему. Въ системѣ, какъ она впослѣдствіи была выработана и донынѣ сохранилась на Цейлонѣ, выразилась лишь механическая работа эпигоновъ; въ Буддѣ же жили и дѣйствовали оригинальность высокаго благороднаго ума и благотворная сила чистаго, теплаго чувства. Вліяніе ихъ продолжалось еще въ первые вѣка послѣ его смерти, на что указываютъ Эдикты Ашоки. Этотъ царь вступилъ въ управленіе могущественнымъ царствомъ Магадха, не будучи еще буддистомъ (269 до Р. Х.): лишь въ 261 г. онъ принялъ ученіе Будды и только съ 259 г. началъ исповѣдывать его открыто: въ его эдиктахъ человѣколюбіе учителя находитъ громкій откликъ въ страстномъ воодушевленіи царственнаго ученика. Своею горячею любовью Ашока обнимаетъ все человѣчество: „всѣ люди какъ бы дѣти мои. Какъ я желаю собственнымъ дѣтямъ своимъ всякаго счастья и благополучія на этомъ и на томъ свѣтѣ, такъ и всѣмъ людямъ я желаю того же“. Въ многочисленныхъ высѣченныхъ въ скалахъ и на колоннахъ обращеніяхъ къ своимъ народамъ онъ поучаетъ ихъ тому, чего требуетъ религія: „Что такое Дхамма? Это значитъ: избѣгать зла и дѣлать добро, служить любви, истинѣ, терпѣнію и чистотѣ жизни“. Король внушаетъ всѣмъ нравственную чистоту, правду, благородство, кротость, привѣтливую рѣчь, доброту ко всѣмъ, почитаніе и послушаніе родителей, любовь къ дѣтямъ, снисходительность къ слабымъ, состраданіе ко всѣмъ живымъ существамъ, уваженіе къ священнослужителямъ, широкую терпимость по отношенію къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, щедрость въ милостынѣ, подавленіе гнѣва, страстей, жестокости. Какое различіе между ученіемъ Будды здѣсь и въ закоснѣломъ хламѣ формальностей современнаго буддизма!

Относительно того, когда произошла эта перемѣна въ ученіи Будды,

мы находимъ нѣкоторое указаніе въ одномъ изъ Эдиктовъ Ашоки, можетъ быть, послѣднемъ, а именно: въ открытой въ 1840 году Баиратской или Бхабрской надписи, которую Эдмундъ Гарди относитъ къ 249 году до Р. Х. Въ ней впервые чувствуются отзвуки позднѣйшаго ученія; въ ней уже встрѣчаются обычные впослѣдствіи обороты, выражающіе Будду, ученіе, общину, и затѣмъ слѣдущій тезисъ: „все, что сказано возвышеннымъ Буддою, сказано хорошо"; въ нихъ же указывается на цѣлый рядъ узаконеній. Р. С. Коплестонъ также того мнѣнія, что Бхабрскій едиктъ былъ изданъ уже послѣ собора въ Патнѣ, но подъ его вліяніемъ; на этомъ соборѣ буддійское ученіе получило, слѣдовательно, опредѣленную форму. Въ пользу этого предположенія говоритъ еще послѣдовавшая вскорѣ послѣ собора посылка многихъ миссіонеровъ: очевидно, что поводомъ къ этому послужило новое разъясненіе ученія Будды. Благодаря этимъ миссіямъ, особенно миссіи Махинды, родного сына Ашоки на Цейлонѣ, гдѣ ученіе въ общемъ осталось безъ измѣненія, позднѣйшій буддизмъ лежитъ предъ нами раскрытымъ.

д) Буддизмъ послѣ Ашоки.

Буддизмъ эпохи, послѣдовавшей за царствованіемъ Ашоки, основывается, какъ и ученія брахмановъ, на метафизикѣ. Бодхи (Будхъ—знаніе) составляетъ основу всего ученія Будды. Но то, что понимается подъ этимъ не отличается ни глубиной, ни объемомъ. Мышленіе не доискивается первоначальной причины всего бытія, какъ это дѣлаетъ философія брахмановъ, но ограничивается познаніемъ, что всякая жизнь есть страданіе, что страданіе рождаетъ всегда новое страданіе, и удовлетворяется, когда находитъ путь къ спасенію. Въ этой своей пессимистической основѣ буддизмъ—дитя своего времени, онъ удовлетворяется однимъ признаніемъ факта страданіе. Онъ не хочетъ дойти до представленія высшаго существа, до понятія о первоначальной, находящейся въ покоѣ міровой душѣ; онъ не объясняетъ страданія, какъ брахманы, тѣмъ, что высшее существо опускается въ низкіе слои активнаго состоянія: подобные вопросы лежатъ внѣ его стремленія къ познанію. Поэтому и буддизмъ не имѣетъ высшаго божества. Боги существуютъ, но они не могутъ помочь человѣку, они обречены на то же страданіе, какъ и онъ. Поэтому же Будда не признаетъ никакой благодарности по отношенію къ богу, никакой мольбы, никакой молитвы, не нуждается ни въ какихъ посредникахъ между божествомъ и человѣкомъ, ни въ какихъ жрецахъ, ни въ жертвѣ, ни въ культѣ. Божество изъято изъ круга мышленія послѣдователей этой религіи, но загадка бытія не перестаетъ существовать и для нихъ. Что такое единичная жизнь? Какъ совершается продолженіе ея при новомъ нарожденіи? Какъ можетъ погаснуть страданіе жизни?

Здѣсь буддійское мышленіе расходится съ брахманскимъ представленіемъ, которое приписываетъ отдѣльной душѣ дѣйствительное бытіе. Для него нѣтъ существа, которое послѣ смерти переходитъ въ другое существо. Отдѣльное существованіе создается только сплоченіемъ извѣстной суммы различныхъ элементовъ, которые сами по себѣ лишены самостоятельности, не представляютъ ни личности, ни души. Эти пять аггрегатовъ жизни суть матерія, ощущеніе, представленіе, воля, сознаніе. Ихъ соединеніе въ одно цѣлое называется жизнью, ихъ раздѣленіе — смертью. Одно только продолжаетъ оставаться послѣ смерти: нравственные результаты, итогъ добрыхъ и злыхъ дѣлъ, камма, стремленіе, заставляющее эти пять элементовъ сплотиться по смерти въ новую жизнь. Это возсоединеніе колеблется, какъ стрѣлка вѣсовъ, и, смотря по конечному итогу, подымается или опускается, образуя высшія или низшія существа. Не родиться снова значитъ заставить погаснуть стремленіе. Если же эта камма есть результатъ

дѣяній каждой отдѣльной жизни, то ее можно уничтожить только тогда, когда человѣкъ уже при жизни сможетъ противостоять всякому стремленію къ активности и отказаться отъ всякихъ желаній,

И вотъ здѣсь вступаетъ въ свои права знаніе: только тотъ, кто достигнетъ полнаго пониманія причинной связи жизни и страданія, можетъ подняться на эту высоту; зато, наоборотъ, невѣдѣніе ведетъ къ продолженію активнаго состоянія, къ возрожденію, къ новому страданію. Поэтому, самое важное по буддійской формулѣ это познаніе „четырехъ святыхъ истинъ". Онѣ обнимаютъ то, что Будда понимаетъ подъ знаніемъ. Вкратцѣ онѣ выражены въ Бенаресской проповѣди: „Вотъ, о монахи, святая истина о страданіи: рожденіе есть страданіе, болѣзнь есть страданіе, смерть есть страданіе, соединеніе съ тѣмъ, кто непріятенъ,—страданіе, разлука съ тѣмъ, кто пріятенъ, — страданіе, не получить, чего желаешь — страданіе, словомъ пятикратная привязанность къ жизни (къ пяти аггрегатамъ) — это страданіе. Вотъ, о монахи, святая истина о происхожденіи страданія: это есть жажда (бытія), ведущая отъ возрожденія къ возрожденію, находящая то тутъ, то тамъ свое наслажданіе: жажда страстей, жажда бытія, жажда власти. Вотъ, о монахи, святая истина спасенія отъ страданія: устраненіе жажды полнымъ уничтоженіемъ вожделѣнія, удаленіемъ его отъ себя, освобожденіемъ отъ него, отдѣленіемъ себя отъ него, изгнаніемъ его. Вотъ, о монахи, святая истина пути, ведущаго къ спасенію отъ страданія: это священная стезя, состоящая изъ восьми частей: истинная вѣра, истинная рѣшимость, истинное слово, истинное дѣло, истинная жизнь, истинное стремленіе, истинное размышленіе, истинное созерцаніе".

Кто ищетъ свое спасеніе въ познаніи, долженъ прежде всего вѣрить въ догматъ страданія, долженъ питать отвращеніе ко всѣмъ явленіямъ жизни, Пусть прообразомъ служитъ ему отвращеніе, охватившее Будду передъ бѣгствомъ его изъ міра при видѣ дряхлаго старика, при видѣ больного, близкаго къ смерти, при видѣ разлагающагося трупа (стр. 385). Это чувство долженъ всегда испытывать буддистъ. Онъ охотнѣе всего долженъ погружаться въ размышленіе о 32 вещахъ въ человѣческомъ тѣлѣ, вызывающихъ отвращеніе, о смерти и о разложеніи; только такимъ путемъ онъ достигнетъ настоящаго настроенія, при которомъ ничто мірское не будетъ имѣть власти надъ нимъ. Только тотъ, кто бѣжитъ изъ міра, слѣдовательно только монахъ можетъ стать истиннымъ буддистомъ.

ε) Буддійскій монашескій строй.

Буддійскій монашескій строй примкнулъ непосредственно къ брахманскому: такъ же какъ и въ брахманскомъ, и здѣсь выдающіеся отшельники собираютъ вокругъ себя толпы учениковъ; желтое платье, стриженая голова, сосудъ для собиранія милостыни заимствованы отъ прежнихъ временъ, точно такъ же, какъ и дни болѣе строгаго воздержанія съ праздниками покаянія (упосадха) въ дни новолунія и полнолунія и болѣе тихая жизнь въ теченіе трехъ дождливыхъ мѣсяцевъ. Но организація ордена была съ самаго начала такъ же неустойчива и слаба, какъ и организація брахманскаго монашества. И здѣсь учитель предоставилъ своихъ учениковъ самимъ себѣ. Это было еще возможно, покуда во главѣ стояла сильная личность съ яснымъ умомъ и энергіей, которая умѣла пользоваться всеобщимъ почетомъ. Но не всегда это было такъ, и слабость организаціи ордена не только была причиной хроническаго недуга буддизма, раскола, но и привела его въ концѣ концовъ къ тому, что онъ не выдержалъ подъ напоромъ возобновленнаго сильнаго брахманизма Индіи.

Существованіе ордена было неизбѣжно связано съ возможностью имѣть друзей среди мірскихъ послѣдователей буддійскаго ученія, упаса-

ковъ. Ибо каждое активное участіе въ добываніи средствъ къ жизни было несовмѣстимо съ стремленіемъ довести камму до полнаго покоя. Поэтому міряне не могли быть буддистами въ полномъ смыслѣ слова, а могли быть лишь буддистами второго разряда; собственно община состояла только изъ нищенствующихъ монаховъ, которые добывали себѣ все необходимое для жизни путемъ милостыни и которые гордились названіемъ нищаго, бхикшу (пали: бхиккху). Для этихъ монаховъ выработались съ теченіемъ времени извѣстныя правила, включенныя, согласно буддійской методѣ, въ установленныя формулы; отъ этихъ правилъ вѣетъ уже инымъ духомъ, отличнымъ отъ духа исполненнаго горячаго человѣколюбія ученія Будды. Монахъ обязанъ былъ слѣдовать десяти предписаніямъ (дашашила): нельзя убивать ничего живого („ни червяка, ни муравья“); нельзя брать того, что тебѣ не принадлежитъ („ни стебелька“); нельзя говорить неправду; нельзя пить опьяняющихъ напитковъ; надо воздерживаться отъ половыхъ сношеній („скверная вещь“); не слѣдуетъ ѣсть не во время, ночью; нельзя носить вѣнковъ или употреблять благовоній; нужно спать на разостланной на полу циновкѣ; нужно воздерживаться отъ танцевъ, музыки, пѣнія и театральныхъ представленій; нужно избѣгать употребленія золота и серебра.

Поступленіе въ орденъ допускалось для всякаго (препятствіями служили только: заразительная болѣзнь, какъ проказа и т. п., рабство, заниманіе государственной должности, несогласіе родителей и т. д.). Кто желалъ сдѣлаться монахомъ, долженъ былъ,—но не ранѣе, чѣмъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду,—поступить послушникомъ къ какому-нибудь монаху, принадлежащему къ ордену, гдѣ онъ проходилъ полный курсъ ученія и воспитанія; посвященіе въ монахи, упасанпада, не должно было совершаться раньше достиженія двадцатилѣтняго возраста. Уставъ предписывалъ монаху „средній путь“, которому училъ уже Будда въ своей Бенаресской проповѣди (стр. 386); т. е. жизнь его не должна была быть самобичеваніемъ, но онъ долженъ былъ избѣгать всего, что выходило за предѣлы самыхъ простыхъ потребностей и могло бы соблазнить его дорожить земными благами. Жилище его не должно было находиться вблизи шумныхъ деревень и городовъ, нарушающихъ покой, но въ то же время на разстояніи достаточно близкомъ для того, чтобы милостиней добывать тамъ все необходимое для жизни. Рѣдко монахи жили одиноко въ „пансалѣ“: большею частью они селились по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ; въ періодъ процвѣтанія ордена монастыри соединяли часто въ своихъ стѣнахъ значительное число бхиккховъ. Одежда (верхнее платье желтаго цвѣта) должна была быть совершенно простой, а пища испрашивалась у милосердыхъ людей и для этой цѣли монахи носили при себѣ чашу для подаяній. Сборомъ милостыни заполнялась первая половина дня; остальное время монахъ долженъ былъ посвящать внутреннему созерцанію и молитвѣ. Два раза въ мѣсяцъ, при новолуніи и полнолуніи, монахи, жившіе недалеко другъ отъ друга собирались для торжества покаянія, причемъ читался вслухъ исповѣдный требникъ (патимоккха), и каждый монахъ могъ при этомъ исповѣдаться въ своихъ прегрѣшеніяхъ противъ ученій Будды; на этихъ собраніяхъ пріобщались къ ордену новые монахи и рѣшались дѣловые вопросы. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ дождливаго періода (warsha; пали: wassa) монахъ не долженъ былъ странствовать, а спокойно оставаться на мѣстѣ, въ монастырѣ или у какого либо зажиточнаго покровителя.

Лишь съ большою неохотою согласился Гаутама на основаніе женскаго ордена (стр. 387); онъ въ немъ видѣлъ большую опасность для своего ученія. Надсмотръ надъ монахинями и уставъ для нихъ были строже, чѣмъ для монаховъ, которые имѣли надъ первыми извѣстную власть. Надписи Ашоки говорятъ о большомъ числѣ монахинь; дочь этого царя Самнгхамитта еще при жизни отца учреждаетъ женскій орденъ на Цейлонѣ.

Но ни на Цейлонѣ, ни въ Индіи этотъ орденъ не достигъ большого значенія. По сингалезскимъ хроникамъ онъ, повидимому, совершенно исчезъ еще до конца I вѣка по Р. X.

ζ) Значеніе буддизма для индійской культуры.

Если мы хотимъ правильно оцѣнить значеніе буддизма для индійской культуры, то намъ необходимо разсмотрѣть два вопроса: удовлетворяло ли его ученіе религіозной потребности народа? и какое вліяніе оказывали его догматы, касавшіеся нравственности? Лишь немногіе выдающіеся умы могли найти полное удовлетвореніе въ буддійскомъ ученіи о спасеніи. Отъ него вѣетъ холодомъ, такъ какъ оно не вѣритъ ни въ какое вознагражденіе за то великое страданіе, которое долженъ испытывать истинный буддистъ. Для него не существуетъ никакого высшаго существа, которое облегчало бы горесть человѣческаго существованія, никакого блаженства, которое вознаграждало бы человѣка за всѣ земныя страданія, его ждетъ простое исчезновеніе, ничто. Для широкихъ массъ это ученіе было слишкомъ абстрактно; имъ нужны божества, сотворенныя по образу человѣка, предметы для почитанія, доступные его пониманію.

Благодаря этой потребности легенда о жизни Будды является необыкновенно богато изукрашенной. Буддѣ не только приписывается высшая мудрость, всемогущественная сила и тысячи другихъ чудесъ, — но Будду преумножаютъ (ср. стр. 178 и 389). Когда истинное ученіе приходитъ въ упадокъ, и человѣчество предается грѣху, тогда чрезъ большіе промежутки времени является каждый разъ новый Будда, чтобы опять сызнова проповѣдывать истину о спасеніи. Уже 24 Будды и среди нихъ послѣднимъ Кашьяпа, предшествовали Буддѣ Сиддхартѣ (пали: Сиддхаттха), и снова черезъ 5000 лѣтъ послѣ его удаленія въ Нирвану возродится новый Будда, Майтрея: о всѣхъ этихъ Буддахъ легенда сообщаетъ безконечныя подробности, глазъ жаждетъ ихъ лицезрѣть и ихъ изображеніями, особенно изображеніями Гаутамы, въ камнѣ и картинахъ, наполнены всѣ буддійскіе храмы и дворцы (см. таблицы „Древне-индійское ваяніе“ и „Будда и его ученики“ при стр. 384 и 507). Такая же потребность обладать ощутимыми объектами поклоненія вылилась наружу тотчасъ же по смерти учителя. Всѣ желали имѣть что либо священное на память объ умершемъ, и его земные останки, вынутые изъ пепла костра, были раздѣлены. Вмѣстѣ съ распространеніемъ ученія росла съ теченіемъ времени въ равной мѣрѣ и потребность въ реликвіяхъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ исповѣдуется буддизмъ, возвышаются многія тысячи хранилищъ съ реликвіями, ступы, или дагобы (см. таблицу при стр. 490), — куда стекаются многіе милліоны набожныхъ паломниковъ.

Но это были только символы. Будда ушелъ въ Нирвану, въ Ничто; народъ же требовалъ живыхъ божествъ, а ихъ не отрицалъ и самъ Будда. Широкая масса народа не была охвачена міровою скорбью въ такой мѣрѣ, какъ философствующіе монахи, но страдала тѣмъ не менѣе больше, чѣмъ онъ, отъ мелкихъ злополучій жизни, которыя приносилъ съ собою каждый день. Въ этихъ несчастьяхъ помощь можно было найти только у древнихъ боговъ. Правда, буддизмъ произноситъ механически свою спасительную формулу, но прибѣжище онъ находитъ у арійско-брахманско-дравидскихъ боговъ, начиная отъ священной смоковницы и змѣи Нага до солнца и звѣздъ, отъ злыхъ демоническихъ божествъ дравидскаго вѣрованія до свѣтлыхъ образовъ Вишну или Шивы. Всѣхъ ихъ вмѣщаетъ на ряду съ Гаутамой обширное сердце набожнаго буддиста, и ихъ уродливыя изображенія несутся при торжественныхъ процессіяхъ рядомъ съ кроткимъ образомъ Прозрѣвшаго. Въ дѣйствительности земныя судьбы

буддиста все еще управляются древними богами, которыхъ учитель думалъ отстранить, какъ ненужныхъ. Положимъ, что въ южной вѣтви буддизма, какимъ онъ сохранялся въ южной Индіи приблизительно до 1000 по Р. Х., а на Цейлонѣ, въ Бирмѣ и Сіамѣ и по настоящее время (см. таблицы при стр. 490 и 507). Эти божества связаны съ буддійской вѣрой лишь механически; но въ сѣверномъ буддизмѣ (въ Тибетѣ, Монголіи и т. д.) они настолько преобразовали ученіе, съ которымъ тѣсно слились, что наврядъ ли можно признать въ немъ ту первоначальную форму, которая проповѣдывалась Гаутамой.

Моральная сторона ученія Будды опирается не на божественныя начала, а на эгоизмъ отдѣльнаго лица; это ученіе не признаетъ никакого нравственнаго долга, никакой добродѣтели, какъ таковыхъ, оно ищетъ только выгоды. Эта точка зрѣнія опредѣляетъ правила морали по отношенію къ самому себѣ: самовоспитаніе, обузданіе страстей, уничтоженіе потребностей, бдительность. Да и всѣ правила морали по отношенію къ другимъ—преувеличенное уваженіе къ чужой жизни, даже жизни самаго маленькаго животнаго, сострадательность, привѣтливость, благотворительность и т. д.— не исходятъ отъ чистаго сердца, а изъ эгоистическаго желанія соблюденіемъ ихъ приблизиться къ цѣли, къ избавленію. Буддійское ученіе о нравственности, со своимъ требованіемъ любви и милосердія ко всѣмъ людямъ, оставляетъ далеко позади себя ученіе брахмановъ; но ему недостаетъ чистоты и благородства христіанскаго ученія. Прежде всего ему недостаетъ жизненности. Какъ могла религія выработать сильное, энергичное ученіе о нравственности, когда высшую свою задачу она полагаетъ въ воздержаніи отъ всякихъ дѣяній, когда высшую свою цѣль она видитъ въ исчезновеніи (Нирванѣ)? Печать вялости лежитъ на всемъ будійскомъ мірѣ; онъ хвораетъ идеей міровой скорби и умѣетъ больше терпѣть и сносить, чѣмъ дѣйствовать. Да и какъ могли бы развиться въ такомъ изнѣженномъ народѣ сильное захватывающее чувство, пониманіе величія племени или государства, любовь къ отечеству? Нельзя не признать всего того, что цари сдѣлали для своего народа, но они довольствовались всегда незначительными средствами. Они заботились о бѣдныхъ и больныхъ, они сажали фруктовыя деревья по дорогамъ, устраивали большія сооруженія для орошенія, они были щедры, особенно по отношенію къ ордену. Но именно эта щедрость ослабляла страну: лучшія и самыя богатыя земли скоплялись въ рукахъ ордена, а орденъ обрекалъ многія сильныя руки на бездѣятельность. Народъ бѣднѣлъ при этомъ, но онъ влачилъ свое жалкое существованіе со смиреніемъ и равнодушіемъ.

Будда такъ же мало стремился уничтожить кастовый строй (стр. 370), какъ и боговъ; онъ считалъ и то и другое включенными въ міровой порядокъ и потому неизбѣжными фактами. Но онъ отличался отъ брахмановъ тѣмъ, что въ преподанное имъ человѣчеству ученіе свое онъ включилъ всѣ касты безъ различія. Ученики его должны были быть одинаково ласковы и благосклонны и по отношенію къ низкорожденному шудрѣ, имъ не воспрещалось даже принимать отъ него пищу. Тѣмъ не менѣе кастовыя понятія такъ срослись съ Буддой и со всѣмъ орденомъ, что въ жизнеописаніи учителя мы видимъ часто вступленіе въ братскую общину благороднорожденныхъ изъ высшихъ кастъ, но никогда рѣчь не идетъ о буддистѣ-шудрѣ. И въ настоящее время еще всѣ буддійскія секты Цейлона пополняются только высшими кастами.

Нельзя не упрекнуть также буддизмъ въ томъ, что онъ ничего не сдѣлалъ для улучшенія соціальнаго положенія женщины. Основатель религіи не мало колебался и уступилъ только сильному вліянію извнѣ, когда былъ поднятъ вопросъ о допущеніи въ общину женщины; одинаковыхъ съ мужчиною правъ она, однако, не получила. Для женщины въ ея подчиненномъ положеніи у него не имѣлось другого утѣшенія, какъ смиреніе,

такъ какъ ноша, которую она обречена нести, такъ же предназначена ей естественнымъ ходомъ вещей, какъ шудрѣ и червяку.

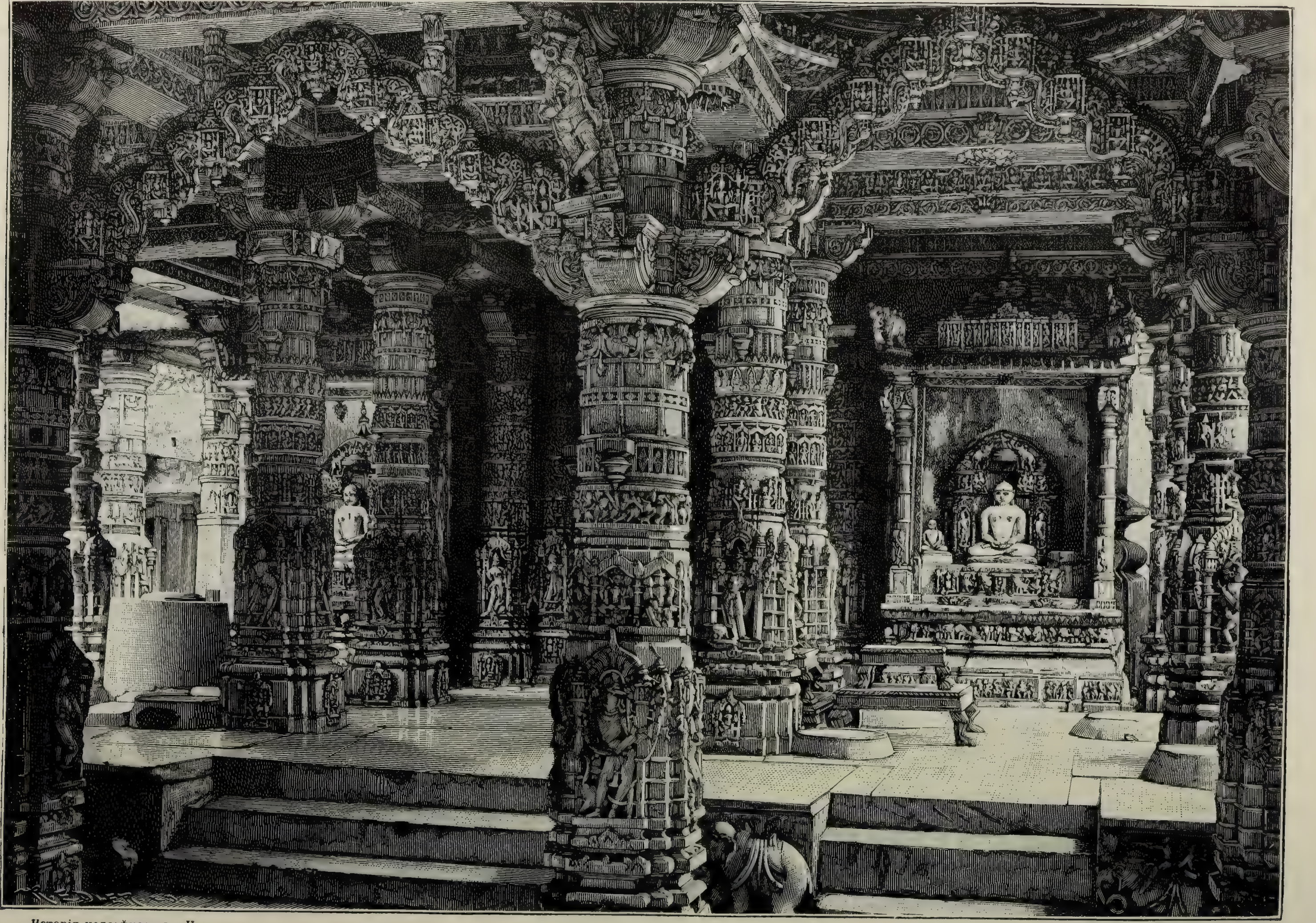
Справедливы хотя и безпощадны слова епископа Коплстона, что буддизмъ **низводитъ** человѣка, не признавая надъ нимъ высшихъ существъ.

η) Джайнизмъ.

Буддійская вѣра хотя и имѣла наибольшій успѣхъ, не является, однако, единственнымъ религіознымъ ученіемъ этой эпохи великаго броженія умовъ. Одновременно съ Гаутамой жилъ человѣкъ, которому еще и понынѣ существующая секта **джайновъ** (джайна, яйнъ) приписываетъ свою вѣру; это былъ **Натапутта** (санскр.: Djnâtriputra), котораго его поклонники почитаютъ подъ именемъ Махавира Вардхамана или Джина (покоритель міра). Онъ происходилъ изъ той же выдающейся въ духовномъ отношеніи страны по нижнему теченію Ганга, какъ и Будда, и жизнь его, какъ и его ученіе, представляютъ много сходныхъ чертъ съ жизнью и ученіемъ его болѣе великаго современника. Подобно Буддѣ онъ былъ сыномъ знатнаго кшатрія, по имени Сиддхарта, бывшаго, вѣроятно, старшиною предмѣстья Кандапура въ Весали (стр. 388), гдѣ господствовала такая же феодальная аристократія, какъ и у Шакья. Будучи съ материнской стороны въ родствѣ съ Бимбисарой, царемъ Магадха (стр. 386), онъ, какъ и Гаутама, нашелъ въ немъ покровителя своего ученія, и обѣ религіозныя системы обязаны своимъ успѣхомъ въ значительной мѣрѣ процвѣтанію этого обширнаго царства, во главѣ котораго стоялъ этотъ царь. Натапутта жилъ до 28 лѣтняго возраста въ домѣ своихъ родителей; но затѣмъ, какъ и Гаутама, онъ отправился къ брахманскимъ аскетамъ, гдѣ, согласно ихъ предписаніямъ, онъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ предавался самому строгому покаянію, проведя послѣднія одиннадцать лѣтъ нагимъ аскетомъ (гимнософистомъ). Этимъ путемъ онъ достигъ высшаго познанія, кевалы, а вмѣстѣ съ нимъ обрѣлъ и освобожденіе души отъ оковъ плоти. Послѣднія тридцать лѣтъ его жизни (до 527 года) были посвящены распространенію его ученія и организаціи общины.

Названные по почетному его прозвищу Джина джайны вѣрятъ въ большое число пророковъ своей религіи, предшествовавшихъ Натапуттѣ, и особенно почитаютъ послѣдняго изъ нихъ Паршву или **Паршванатху**. Это не только миѳическая фигура: Паршванатху и есть собственно основатель джайнскаго ученія (776 ?), тогда какъ явившійся черезъ нѣсколько поколѣній послѣ него преемникъ его Махавира можетъ считаться лишь реформаторомъ этого ученія. Уже во времена Гаутамы основанная Паршвой религіозная община, **Нигантха** (санскр.: Нирграитха) представляла прочно установившуюся секту, которая, какъ свидѣтельствуютъ буддійскія хроники, не разъ причиняла затрудненія новой религіи. Большое сходство между буддизмомъ и джайнизмомъ въ достаточной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что оба они вышли изъ брахманскаго ученія и орденской школы. Канонъ джайновъ появился лишь въ V вѣкѣ по Р. Х. послѣ того, какъ на соборѣ въ Валабхи (по мнѣнію А. Ф. Р. Гёрнле—уже въ 154 г.), которымъ руководилъ Девардхиганинъ, были выработаны „священныя“ писанія; по мнѣнію же Германа Якоби письмена, изъ которыхъ развился Канонъ джайновъ, относятся по меньшей мѣрѣ къ первому, скорѣе же ко II или III вѣку до Р. Х.

Какъ и буддисты, джайны также исходятъ изъ брахманскихъ принциповъ съ ихъ міровою скорбью и съ ихъ жаждою спасенія; въ томъ же пунктѣ, однако, который рѣзче всего раздѣляетъ буддійскую философію отъ философіи брахмановъ, они слѣдуютъ древнему представленію. **Система** ихъ признаетъ для души дѣйствительное существованіе; прикован-



Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Внутренность джайнскаго храма въ Моунтъ Абу въ Раджпутанѣ.

(По фотографіи.)

Объясненіе къ иллюстраціи на оборотѣ.

Въ Сирохи, одномъ изъ 20 государствъ Раджпутанской области, въ сѣверо-западной Индіи, лежитъ у сѣверо-западнаго края богатой минералами горной цѣпи Аравали гора Абу, достигающая высоты 1700 метровъ. Здѣсь, кромѣ лѣтней резиденціи британскаго правительственнаго агента, находится одно изъ самыхъ чтимыхъ святыхъ мѣстъ джайновъ, — пять храмовъ, изъ которыхъ два, возведенные изъ бѣлаго мрамора въ 1031 и 1200 гг. по Р. Х., принадлежатъ къ самымъ красивымъ памятникамъ индійской архитектуры.

ная при жизни къ грубо-матеріальному тѣлу, она по смерти оставляетъ его, удерживая лишь тонкую эфирную оболочку, покуда карма (камма, стр. 391), нравственный итогъ жизненныхъ дѣлъ, не принудитъ ее къ новому матеріальному возрожденію и новому страданію. Буддійская философія стремится къ освобожденію отъ этихъ возрожденій, т. е. къ „Ничто"; для джайна же за предѣлами ряда возрожденій существуетъ цѣлая выработанная система высокихъ и высшихъ существъ, требующихъ себѣ поклоненія человѣка. Въ различныхъ регіонахъ, въ которыхъ онъ размѣщаетъ все божественное, Джина, Всепобѣдители, занимаютъ главное мѣсто. Они одни, внѣ смерти и возрожденія, живутъ въ вѣчной абсолютной чистотѣ. Это освобожденныя отъ всего земного души великихъ пророковъ, число которыхъ въ этой религіи значительно больше, чѣмъ въ буддійской. Міровое время состоитъ изъ прошедшаго, настоящаго и будущаго, и въ каждомъ изъ этихъ періодовъ, черезъ большіе промежутки, появляются 24 джина, чтобы возвѣстить міру высшія истины, ведущія къ спасенію; двадцать третьимъ въ настоящемъ міровомъ періодѣ былъ Паршванатха, двадцать четвертымъ—Махавира. Всѣ они словомъ и примѣромъ своимъ указывали міру путь къ спасенію, который состоитъ въ истинной вѣрѣ, въ правильномъ пониманіи и въ чистой добродѣтели.

Истинная вѣра—это вѣра въ Джиновъ и во всю систему высшихъ существъ; правильное пониманіе даетъ философская система джайновъ. Она учитъ, что міръ дѣйствителенъ и вѣченъ, и душа фактически существуетъ. Все несчастье души состоитъ въ томъ, что она связана съ тѣломъ; она освобождается, когда въ ней погасаетъ стремленіе къ активности. Въ пониманіи чистой добродѣтели, наконецъ, джайны почти вполнѣ сходятся съ буддистами: изъ пяти основныхъ предписаній джайнскихъ монаховъ первыя четыре совершенно одинаковы съ брахманскими; они гласятъ: ты не долженъ разрушать ничего живущаго; ты не долженъ лгать; не долженъ брать того, что тебѣ не дано; ты долженъ воздерживаться отъ половыхъ сношеній. Пятое же предписаніе обнимаетъ въ одномъ всѣ остальныя предписанія буддійскихъ монаховъ: ты долженъ отказаться отъ всего мірского и, особенно, не называть ничего своимъ. Наряду съ важнымъ значеніемъ, которое ученіе джайновъ придаетъ соблюденію этихъ предписаній, оно признаетъ еще строгій аскетизмъ какъ одно изъ средствъ къ спасенію. Этотъ пунктъ привелъ въ 80 г. по Р.-Х. къ расколу обѣихъ главныхъ, почти согласныхъ между собою въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, сектъ этого ученія: Дигамбара, „одѣяніе которыхъ воздушное пространство", т. е. нагіе и Шветамбара, „одѣтые въ бѣлое".

Въ предметахъ культа при томъ высокомъ значеніи, которымъ пользуется божественное, нѣтъ недостатка. Такъ всѣ джайнскіе храмы, построенные преимущественно на высокихъ горахъ: Маунтъ Абу (см. приложенную таблицу „Внутренность джайнскаго храма въ Маунтъ Абу въ Раджпутанѣ"), Маунтъ Гирнаръ въ Гуджератѣ и т. д. и богато изукрашенные, заполнены изображеніями различныхъ джиновъ и ихъ аттрибутовъ (быка, обезъяны, рыбы и т. д.).

Эта религіозная форма удержалась и до настоящаго времени. Въ прошломъ она временами достигала большого развитія, какъ, напр., въ V вѣкѣ по Р.-Х. въ Деканѣ, въ VI въ Гуджератѣ и т. д. По послѣдней народной переписи (въ 1891 г.) въ Индіи считается 1,417,000 джайновъ, почти полпроцента (0,49) всего населенія; кромѣ того, повсюду, гдѣ внѣ предѣловъ отечества поселялось большее число индусовъ, какъ, напр., въ восточной Африкѣ, появлялись и джайны. Ихъ цѣнятъ всюду какъ честныхъ и дѣльныхъ людей; въ значительныхъ городахъ сѣверной Индіи, равно какъ и въ Деканѣ, они, благодаря своей надежности и своему прилежанію, сдѣлались зажиточными купцами, и достигаютъ нерѣдко большого состоянія. Благотворитильность ихъ доходитъ часто до смѣшного, какъ мы

можемъ судить по многимъ основаннымъ ими госпиталямъ для животныхъ, по сѣточкѣ и маленькой метелкѣ, которыя они носятъ всегда при себѣ, для того, чтобы не раздавить или не проглотить нечаянно даже самаго маленькаго живого существа.

e) Періодъ отъ похода Александра Великаго до вторженія ислама.

Неистощимыя естественныя богатства великой индо-гангской низменности были всегда источникомъ благополучія и несчастій Индіи. Никогда, ни въ какія времена они не теряли своей притягательной силы для чужихъ народовъ. Великое переселеніе арійцевъ было лишь первымъ вторженіемъ чужеземцевъ, о которомъ мы знаемъ, но далеко не послѣднимъ. Преданія, собранныя Ктесіемъ, Арріаномъ и т. д., повѣствуютъ о вторженіяхъ ассирійскихъ властителей, Нина и Семирамиды и если даже считать ихъ миѳическими фигурами, то все-таки ядро этихъ преданій несомнѣнно историческаго характера. Сохранившееся для насъ благодаря Діодору (2,19) имя тогдашняго индійскаго царя Стабробата (владѣлецъ рабочаго скота) положимъ не индійскаго, повидимому, а иранскаго происхожденія; но на ассирійскихъ памятникахъ (напр. на обелискѣ Салманассара II отъ 842 года до Р.-Х.) встрѣчаются изображенія индійскаго слона и носорога, которыхъ вмѣстѣ съ плѣнными приводятъ предъ лицо побѣдоноснаго царя. Позднѣе, какъ говоритъ преданіе, персидскій Киръ предпринялъ неудачный походъ въ Индію, былъ отбитъ и бѣжалъ черезъ ту самую пустыню Гедрозію черезъ которую Александръ велъ назадъ своихъ македонянъ. Несомнѣннымъ является покореніе Даріемъ Гистаспомъ племенъ, жившихъ къ сѣверу отъ рѣки Кабула и къ западу отъ Инда, теченіе котораго онъ велѣлъ изслѣдовать (около 510 до Р.-Х.); эти племена составили особую сатрапію Персіи и ихъ войско, какъ говоритъ Геродотъ, боролось при Ксерксѣ противъ грековъ.

α) Походъ Александра въ Индію.

Индійскій походъ Александра Великаго (ср. т. IV, стр. 121 и д.) является самымъ древнимъ хронологически достовѣрнымъ историческимъ фактомъ. Въ 327 году до Р.-Х. онъ со 100,000 воиновъ вышелъ изъ Согдіаны и Бактріи. На своемъ пути вдоль рѣки Кабула онъ долженъ былъ не разъ вступать въ ожесточенную борьбу съ храбрыми горными племенами, не разъ брать ихъ крѣпости, и лишь весною слѣдующаго года онъ достигъ Инда, границы благословенной страны Пятирѣчья.

Мало измѣнились условія жизни тамошнихъ народовъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ собратья перебрались дальше на востокъ въ страну Ганга, основали тамъ государства (стр. 366), боролись съ возрастающей силой брахманизма и наконецъ подчинились ей (стр. 368). Населеніе все еще дѣлилось на множество мелкихъ племенъ, среди которыхъ первое мѣсто занимала каста воиновъ. Александръ встрѣтилъ со стороны этой послѣдней неожиданное сопротивленіе. Плутархъ говоритъ о кшатріяхъ: „самыми храбрыми и воинственными среди индусовъ были „наемники", которые переходили отъ города къ городу, защищая каждый изъ нихъ самымъ энергичнымъ образомъ и нанося этимъ Александру большой вредъ". Озлобленіе побѣдителя противъ нихъ было столь велико, что на защищавшихъ одинъ городъ кшатріевъ, которымъ онъ обѣщалъ безопасность въ случаѣ отступленія, онъ измѣннически напалъ, когда они уже отступали, и велѣлъ ихъ изрубить въ куски. „Не меньше огорченія причиняли ему философы индусовъ, которые осыпали бранью переходившихъ на его сторону царей и возстанавливали противъ него свободныя народности; поэтому многихъ изъ нихъ онъ велѣлъ вѣшать".

Прежняя храбрость не перевелась, но и не перевелись прежнія распри между племенами, и Александръ отлично сумѣлъ воспользоваться натянутыми отношеніями между гандхара и самымъ значительнымъ изъ племенъ Пятирѣчья, живущими къ востоку отъ него пуру. Гандхарскій царь Такшашила (Таксилесъ, Омфисъ или Мофисъ) вышелъ съ почестями на встѣчу Александру вмѣстѣ съ другими вождями племени, и войска ихъ просоединились къ его войску, когда онъ весною 326 г. перешелъ Индъ недалеко отъ нынѣшняго Аттока (по Фр. Пинкотту близъ Амба) и, послѣ того, какъ въ Такшилѣ (Дери Шаханъ недалеко отъ Лагора; санск. Такшашила — скала такша, скиѳскаго племени) народъ торжественно его принялъ, отправился противъ Пора, царя пуру. Этотъ послѣдній ожидалъ его на восточномъ берегу Гидаспа (Джиламъ; стр. 359). Кшатріи бились ожесточенно и большая часть войска пуру осталась на полѣ битвы. Престарѣлый герой-царь на боевомъ слонѣ отступилъ только тогда, когда все его войско было уничтожено, два его сына пали, а самъ онъ былъ серьезно раненъ. Македонянинъ не только оставилъ ему его царство, но и увеличилъ его присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ покоренныхъ областей. Послѣ тридцатидневнаго отдыха Александръ отправился дальше для новыхъ предпріятій: онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о народахъ плодородной страны Ганга, о населенныхъ городахъ и блестящихъ столицахъ. Но войско измѣнило ему у Гифазиса (Біасъ). Завоеватель міра достигъ конца своего побѣдоноснаго поприща, На лодкахъ и паромахъ онъ спустился по рѣкамъ къ устью Инда; тамъ онъ раздѣлилъ свое войско. Тогда какъ одна часть его подъ предводительствомъ Неарха вернулась моремъ назадъ въ Персію, ему самому удалось спасти лишь небольшой остатокъ другой половины въ походѣ черезъ безводную пустыню Гедрозіи подъ жгучими лучами августовскаго солнца. Трудность похода, невоздержанный образъ жизни и климатъ свели немного времени спустя и самого Александра въ могилу (лѣтомъ 323 г.).

β) Царство Магадха: Чандрагупта и Ашока.

Походъ Александра въ Индію не былъ продолжителенъ, но размѣры послѣдствій этого похода для страны соотвѣтствовали силѣ его напора: сопротивленіе чужеземному вторженію вызвало къ жизни могущественное царство Магадха. Среди тѣхъ, которыхъ надежда на выгоду привела къ Александру, былъ также искатель приключеній, Чандрагупта (Сандрокотосъ у грековъ). Шудра по рожденію (по имени его матери, Мура, происходившей изъ низкой касты, и царскій родъ, смѣнившій Нанда, называется династіей Маурья), онъ пріобрѣлъ дурную славу своими похожденіями въ странѣ нижняго Ганга. Въ томъ бурномъ движеніи, которое вызвало вторженіе Александра въ страну Пятирѣчья, онъ находитъ благопріятную почву для своихъ честолюбивыхъ стремленій, и играетъ двусмысленную роль у обѣихъ партій. Когда же послѣ отступленія и послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ смерти Александра среди оставшихся греческихъ партій начались безпорядки и Поръ былъ измѣннически убитъ однимъ греческимъ предводителемъ Эвдемомъ, а между Діадохами начались изъ за раздѣленія міровой имперіи кровавыя распри, Чандрагупта сталъ во главѣ индусскаго движенія; въ 316 г. до Р. Х. онъ достигъ владычества надъ Пенджабомъ, а вскорѣ затѣмъ (въ 315 г.) и надъ царствомъ Магадха, которое въ его правленіе (ум. въ 296 г. до Р. Х.) простиралось отъ устьевъ Инда къ устьямъ Ганга. Селевкъ I Никаторъ засталъ въ 303 г. Магадха уже такимъ могущественнымъ государствомъ, что предпочелъ дать восточному сосѣду своему въ жены свою дочь и отказаться отъ притязаній на восточную Гедрозію, Арахозію и Паропамизъ; хорошія отношенія обоихъ царей выразились въ обмѣнѣ послами между дворами Вавилона и Паталипутры (ср. т. IV, стр. 141).

Греческому представителю Мегасѳену обязанъ западъ первыми подробными, письменно изложенными самимъ свидѣтелемъ свѣдѣніями о странѣ и о народѣ Индіи. Сочиненіе его „Индика“ сохранилось лишь въ ничтожныхъ отрывкахъ; но и въ нихъ мы находимъ важные факты изъ жизни царства Магадха. Даже въ греческомъ освѣщеніи они являютъ выгодную картину; Мегасѳенъ описываетъ тамошній народъ честнымъ, искреннимъ, сильнымъ, умѣреннымъ, миролюбивымъ, но въ то же время готовымъ дать воинственный отпоръ врагамъ. Земледѣліе составляло прочную основу для преуспѣянія государства; оно считалось такимъ священнымъ, что даже во время войны оставалось неприкосновеннымъ, и земледѣлецъ могъ спокойно обрабатывать свою землю въ то время, какъ рядомъ съ нимъ разыгрывались кровавыя битвы. Защиту страны составляло многочисленное, хорошо организованое и развитое военное сословіе, одинъ изъ семи классовъ (кастъ) народа, раздѣленныхъ столь строго, что они не должны были даже ѣсть вмѣстѣ. Земля была собственностью общинъ, изъ доходовъ съ нея государство получало четвертую часть для покрытія своихъ расходовъ. На буддійскихъ аскетовъ (срамановъ) смотрѣли въ тѣ времена еще какъ на брахмановъ.

Внукъ Чандрагупты, сынъ и преемникъ Биндусары, самый могущественный изъ правителей древней Индіи, государство котораго занимало большую половину полуострова и вліяніе котораго далеко выходило за его предѣлы, былъ Асока (санскр. Ашока; 269—232 до Р. Х.). Ни одинъ царь не почитается такъ высоко по прошествіи тысячелѣтій, какъ этотъ правитель Магадха, имя котораго еще и въ настоящее время произносится съ благоговѣніемъ милліонами людей отъ береговъ Чернаго моря до крайнихъ острововъ восточной Азіи и отъ границъ полярныхъ льдовъ до экватора. Но не величію своего политическаго могущества обязанъ онъ своей славой, а евангелію человѣколюбія, съ которымъ онъ сталъ на сторону ученія Гаутамы (ср. выше, стр. 390).

Основанное Чандрагуптой въ 315 г. до Р. Х. царство Магадха съ главнымъ городомъ Паталипутрой (Патна) просуществовало не долго: самый блестящій періодъ его падаетъ на царствованіе внука Чандрагупты, Ашоки, при которомъ оно простиралось отъ Афганистана до области нынѣшняго Майсура и отъ Катхіавада до Ориссы (см. карту при стр. 422). Но не прошло и столѣтія со времени восшествія на престолъ этого великаго государя, какъ на 137 году основанія династіи Маурья, послѣдній изъ ея правителей, десятый по счету, былъ свергнутъ съ престола генераломъ Брихадратхой. Слѣдующая затѣмъ династія Шунга просуществовала только 112 лѣтъ (178—66 до Р. Х.), и государство въ правленіе послѣдовавшей за нею династіи Канва начинаетъ все больше и больше падать при все возрастающемъ могуществѣ скиѳовъ.

γ) Скиѳо-тибетскія царства въ сѣверо-западной Индіи.

Природа азіатскаго плоскогорья принуждаетъ человѣка къ кочевой жизни (ср. выше, отд. II). Послѣ эмиграціи арійцевъ монгольскіе, тюрко-татарскіе и скиѳскіе народы вели между собою постоянную борьбу изъ за обладанія травянистыми степями и пастбищными странами; одно племя бросается на другое и движеніе, подобно прибою волны въ бурю, передается все дальше до самыхъ отдаленныхъ областей. Особенно сильное движеніе охватило эти кочевыя племена во второмъ вѣкѣ до Р. Х.: въ проживавшее на востокѣ отъ бассейна Оксуса, въ степныхъ странахъ между Хивою и Хотаномъ монгольское племя хіунъ-ну предприняло набѣгъ на западныхъ сосѣдей своихъ, тибетское племя юе-чжи (стр. 130), во всякомъ случаѣ идентичныхъ со скиѳскими чесседонами (стр. 135), и заставило его выселиться. Эти послѣдніе проникли около 250 до Р. Х. въ основанное

Діадотомъ греко-бактрійское государство (т. IV, стр. 154), простиравшее свои границы за предѣлы Инда въ Пенджабъ, и положили вскорѣ послѣ 140 до Р. Х. прежде всего въ самой Бактріи конецъ господству грековъ. Скиѳская вѣтвь, шаки (выше, стр. 124), въ правленіе царей своихъ Мауеса (100 до Р. Х.) и Ацеса (70 до Р. Х.) направилась къ Инду и, слѣдуя по его теченію въ южномъ направленіи къ Синдху достигла, наконецъ, Гуджерата. Другое племя, кушана (кушанъ), отправилось при царѣ Коцуло (Куджула) Кадфизѣ внизъ по теченію Кабула въ Пенджабъ, гдѣ въ 25 г. до Р. Х. уничтожило послѣдніе остатки греческаго владычества (Гермай). Преемникъ Коцуло Гуэмо Кадфизъ распространилъ свое могущество на большую часть сѣверо-западной Индіи (стр. 134).

Въ ряду этихъ правителей самымъ выдающимся былъ слѣдующій за Гуемо Канишка, царство котораго простиралось отъ Яркенда и Кокана до Гуджерата и отъ Афганистана до Джамны. Годъ его помазанія на царство (15 марта 78 по Р. Х.) служитъ началомъ „лѣтосчисленія Шака“; A. M. Boyer и др. считаютъ, впрочемъ, основателемъ его Нахапана. При своемъ вторженіи въ Индію скиѳскія полчища пришли въ соприкосновеніе съ буддизмомъ и съ восторгомъ переняли новое вѣроученіе. Какъ и Ашока, Канишка созвалъ особый соборъ въ Кашмирѣ, который издалъ канонъ ученія Будды и выработалъ поясненія къ тремъ питакамъ, составленнымъ на соборѣ въ Патнѣ (стр. 388). Судя по этому, буддизмъ въ сѣверной Индіи въ то время уже не придерживался строго прежняго ученія; вліяніе брахманскихъ и древне-дравидскихъ представленій сдѣлали тамъ свое дѣло; принесенныя съ собою скиѳскія божества также не могли не оказать своего вліянія на толкованія созваннаго могущественнымъ скиѳскимъ правителемъ собора.

δ) Индусскія династіи сѣверной и средней Индіи I тысячелѣтія христіанской эры.

Основанное Кадѳизомъ государство, подобно государству Чандрагупты, достигло въ правленіе его преемника своего апогея, но съ III вѣка по Р. Хр. значеніе его начинаетъ падать, между тѣмъ какъ на первый планъ выступаютъ другія династіи и другія государства. Исторія Индіи I тысячелѣтія по Р. Хр. является для насъ какъ бы огромной мозаичной картиной, отъ которой сохранились лишь отдѣльные камешки или небольшія группы. Монеты, случайныя сообщенія путешественниковъ (особенно китайскихъ), надписи — все говоритъ о появленіи и исчезновеніи, о ростѣ и паденіи малыхъ и большихъ государствъ. Но ни объ одномъ изъ государствъ мы не можемъ составить себѣ полной картины. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ свѣдѣнія ограничиваются лишь очень скудными историческими указаніями, отдѣльными отрывочными именами и событіями; остальныя же не оставили никакихъ другихъ слѣдовъ своей исторіи, кромѣ факта своего существованія.

Знаменитая династія Маурья исчезаетъ вскорѣ послѣ Ашоки; но отблескъ прежняго величія воскресаетъ при династіи, основанной Гупта (290 по Р. Хр.). Вассалъ Магадха, онъ становится независимымъ, и государство въ правленіе его внука Чандрагупты I и ближайшихъ его преемниковъ расцвѣтаетъ такъ быстро, что скоро объединяетъ подъ своимъ владычествомъ всѣ страны между Непаломъ и Нарбадой, между Качемъ и дельтой Ганга. Этотъ блестящій періодъ продолжается до VI вѣка, когда набѣгъ „бѣлыхъ гунновъ“ (Хуна; ср. стр. 1), въ 515 году сильно пошатнулъ это царство. Хотя въ 530 г. гунны были разбиты при Кахрорѣ однимъ изъ вассалловъ царства Гупты, Яшодхармой, но этотъ послѣдній самъ захватилъ власть въ свои руки; онъ расширилъ еще границы государства, о дальнѣйшихъ судьбахъ котораго намъ, кромѣ нѣсколькихъ именъ правителей, почти ничего неизвѣстно.

Изъ борьбы съ бѣлыми хуна, оставившими съ 435 г. по Р. Хр. свои обиталища на берегахъ Оксуса и вторгшимися въ Индію, выросло еще другое могущественное государство, лежавшее далѣе къ югу. Въ сопротивленіи, которое было оказано ихъ королю Михиракула, отличился еще до упомянутаго нами Яшодхармы другой вассалъ царства Гупта, Сенапати Бхатарка (495 по Р. Хр.). Онъ сдѣлался родоначальникомъ династіи Валабхи и царства того же имени, которое при шестомъ преемникѣ его, Дхрувасена, достигло высокаго расцвѣта. Оно обнимало Гуджератъ и доходило до Нарбады. Правители его то поощряли больше буддизмъ, то высказывали предпочтеніе брахманамъ или джайнамъ. Джайнизмъ еще и по настоящее время насчитываетъ въ области древняго царства Валабхи много послѣдователей; на соборѣ, состоявшемся въ Валабхи (стр. 396), былъ окончательно установленъ канонъ этого вѣроученія подъ руководствомъ Деварддхиганина Кшамашрамана.

Во вторую половину I тысячелѣтія нашего лѣтосчисленія выростаетъ другое значительное государство индусовъ въ Деканѣ, Чалукья (см. карту при стр. 422). Родъ Чалукья вышелъ, какъ полагаютъ, изъ сѣверной Индіи и основатель династіи, Джаясинха, поселился около 500 по Р. Х. въ Деканѣ, оттѣснивъ дравидское племя паллава. Новое индусское государство вскорѣ сдѣлалось не только сильнымъ, но и обширнымъ, такъ что уже въ слѣдующемъ вѣкѣ обнимало большую часть Декана. Въ 630 г. произошло раздѣленіе государства на западное и восточное: Чалукскій принцъ Вишнувардхана получилъ царство Венги, прилегавшее къ восточному берегу и обнимавшее береговыя полосы устьевъ Кришны и Гадаверы; оно долгое время боролось съ чолами на югѣ, пока въ 1060 г. не погибло окончательно въ этой борьбѣ. Западная Челукья была до 747 г. по Р. Хр. цвѣтущимъ царствомъ, но послѣ того, какъ она была побѣждена народомъ раштракута (Гуджератъ), она сильно ослабѣла. Нѣкоторое время она ведетъ незамѣтное существованіе, но въ 973 г. по Р. Хр. Таилапа, сынъ Викрамадитья IV, побѣждаетъ племена раштракута Малкхеда, равно какъ малава и чола, и основываетъ позднѣйшую династію Чалукья, царство которой къ концу XII столѣтія окончательно исчезаетъ, отдѣливъ отъ себя предварительно цѣлый рядъ побочныхъ линій и небольшихъ государствъ.

ε) Индуизмъ.

Во время этихъ политическихъ перемѣщеній и смѣшеній различныхъ народовъ и расъ коренныя раличія между ними все болѣе и болѣе стушевываются и изъ первоначальнаго этническаго дуализма начинаетъ медленно вырабатываться современное единство индійскаго народа, индуизмъ. Его характеръ опредѣляется прежде всего двумя явленіями: религіозными вѣрованіями и соціальными условіями (касты).

1) Буддизмъ: его распространеніе; распаденіе его на южное и сѣверное ученія; конецъ его въ Индіи.

Во времена Ашоки религіозная область являетъ намъ картину рѣзкихъ кантрастовъ. Брахманское ученіе о сущности міра и божества остается тайною, не выходящею за предѣлы этого сословія, тогда какъ другія касты, въ особенности большая масса шудры, вѣрятъ въ силу демоновъ. Въ лонѣ брахманскаго ученія развилась еще третья религія, буддизмъ, оппозиціонное значеніе котораго осталось вначалѣ незамѣченнымъ, что и было причиною, что новое вѣроученіе не встрѣтило преслѣдованія со стороны брахмановъ. Своимъ быстрымъ развитіемъ буддизмъ въ значительной мѣрѣ обязанъ Ашокѣ: миссіонеры этого царя проповѣдуютъ его по всей Индіи, а тотчасъ послѣ собора въ Патнѣ онъ вводится на

Цейлонѣ. Буддизмъ проникаетъ далеко за предѣлы своей родной Индіи: въ I вѣкѣ нашего лѣтосчисленія онъ появляется въ Китаѣ, гдѣ въ IV вѣкѣ объявляется государственной религіей (стр. 74); въ 372 г. онъ переходитъ изъ Китая въ Корею (стр. 103), въ IV и V вѣкахъ въ Кохинхину, Монголію и на Формозу (стр. 156), а въ VI вѣкѣ въ Японію (стр. 12). Еще до этого онъ въ толкованіи палійскаго канона распространяется изъ Цейлона и завоевываетъ себѣ Бирму (450 г. по Р. Хр.), а затѣмъ и Сіамъ (638 г.); на Яву онъ былъ перенесенъ съ Индійскаго материка въ VI или VII вѣкѣ. Какое вліяніе его ученіе о спасеніи и его призывъ къ человѣколюбію оказывало даже на болѣе дикіе народы, мы видимъ на краснорѣчивомъ примѣрѣ скиѳовъ (Канишка); на Кашмирскомъ соборѣ (стр. 401) принимается установленное въ Патнѣ ученіе.

Но именно на сѣверѣ Индіи развитіе буддизма приняло, по всей вѣроятности, еще раньше иное направленіе; въ его ученіе и культъ проникли, съ одной стороны, безплодная діалектика, съ другой—дравидскія вѣрованія съ ихъ демоническими силами. Впослѣдствіи ученіе это до того извратилось у народовъ татарскаго и монгольскаго происхожденія, что нынѣшній сѣверный буддизмъ является лишь карикатурой на чистое ученіе Будды (стр. 178). Душа, существованіе которой отрицалось Гаутамой, снова занимаетъ свое мѣсто въ религіозномъ мышленіи, и души будущихъ Буддъ, бодисатвъ, особенно же душа Манджушри и Авалокитешвары, пріобрѣтаютъ божественное значеніе. Они становятся воплощеніями мистически-религіознаго познанія и духа буддійской церкви, тогда какъ наряду съ ними Ваджрадхара воплощалъ собою Всемогущество. Такимъ образомъ небеса этого буддійскаго направленія имѣли свою Тримурти (стр. 362). Ей придали самый отвратительный видъ низшихъ божествъ; въ культѣ были переняты шаманистическіе обычаи, заклинательныя формулы и даже кровавыя жертвы. Этимъ сліяніемъ индо-дравидскаго представленія и индо-дравидскихъ обычаевъ съ буддизмомъ сѣверное ученіе обязано главнымъ образомъ индійскому монаху Афангѣ, жившему въ VI вѣкѣ по Р. Хр. въ Пешаверѣ въ Пенджабѣ. Какимъ образомъ впослѣдствіи это направленіе, которое сѣверные буддисты называютъ „Великой колесницей“ въ отличіе отъ презираемой ими „Малой колесницы“, т. е. древняго буддизма, развилось дальше внѣ Индіи въ ламаизмъ съ его представленіемъ, что духъ церкви каждый разъ вновь воплощается въ смертномъ и свѣтскомъ главѣ, мы коснулись на стр. .

Самыми важными источниками для исторіи индійскаго буддизма эпохи, послѣдовавшей за царствованіемъ Ашоки, являются сообщенія китайскихъ буддистовъ, предпринимавшихъ паломничества къ святымъ мѣстамъ своей религіи, главнымъ образомъ Фа-Сянь (400—414 по Р. Х.; стр. 74) и Сюань-Цзанъ (629—645; стр. 76), Мы узнаемъ отъ Фа-Сяня, что по всей Индіи оба направленія, „Великая колесница“, Махаяна, и „Малая колесница“, Хинаяна, господствовали одинаково, но на ряду съ ними и брахманскія ученія имѣли многочисленныхъ послѣдователей. Во времена Сюань-Цзана весь Кашмиръ исповѣдывалъ сѣверный буддизмъ, тогда какъ въ остальной западной и южной Индіи преобладала „Малая колесница“; въ области Ганга буддизмъ не мало страдалъ отъ соперничества брахманизма. Сюань-Цзанъ принималъ участіе въ соборѣ въ Канауджѣ, на которомъ сѣверное ученіе было осуждено. Хотя родина Будды (стр. 384 и 389) и представляла въ то время уже однѣ развалины, но религія его въ странахъ, гдѣ онъ главнымъ образомъ самъ поучалъ, держалась еще прочно. Въ остальной Индіи древнее ученіе также еще процвѣтало; только въ Калинга оно было вытѣснено брахманской религіей.

Вскорѣ послѣ паломничества Сюань-Цзана для буддистовъ наступили тяжелыя времена. По всей вѣроятности дѣло ограничивалось по большей части мѣстными преслѣдованіями; причина гибели буддизма въ Индіи ле-

жала, конечно, не столько въ открытой враждѣ другихъ религій, сколько въ его внутренней несостоятельности и его многочисленныхъ расколахъ. Онъ не на много пережилъ I тысячелѣтіе по Р. Хр., около 1200 года онъ исчезъ почти по всей Индіи. Найдя еще подъ конецъ своего существованія поддержку въ правителяхъ Кашмира и Ориссы, онъ около 1340 года лишился и своего послѣдняго оплота, Кашмира; ко времени основанія первыхъ магометанскихъ царствъ Индіи почти все ея населеніе (если исключить джайновъ и не считать отдѣльныхъ приверженцевъ въ Бенгалѣ и Ориссѣ), было предано богамъ индусской религіи.

2. Индусская религія.

Продолжительный періодъ политическаго броженія мало благопріятствовалъ развитію религіознаго чувства. Глубокій метафизическій умозрительный періодъ смѣнился у брахмановъ полнымъ застоемъ, а въ народъ все больше и больше проникали низшія формы божества и грубаго культа. Лишь въ VIII вѣкѣ наступила реакція. Преданіе называетъ жившаго въ первой половинѣ этого столѣтія Кумарила заклятымъ врагомъ буддистовъ, возродившимъ брахманскую религію. Но истиннымъ великимъ реформаторомъ былъ Шанкара Ачарья (родился въ Деканѣ въ 788 г., но дѣйствовалъ въ сѣверной Индіи и умеръ въ 820 г. въ Гималаяхъ); онъ вновь оживилъ философію Веданты и создалъ новую популярную индусскую религію. Въ своемъ эзотерическомъ ученіи онъ признаетъ только одного высшаго бога, Брахму Пара Брахму, творца и вседержителя міра, поклоненіе которому должно состоять въ мистическомъ созерцаніи; всѣ же религіозныя начала, жившія въ народѣ, онъ соединилъ въ одно и одухотворилъ ихъ въ образѣ Шивы. Культъ Вишну, напротивъ того, нашелъ себѣ великаго апостола въ лицѣ Рамануджа, жившаго въ первой половинѣ XII вѣка; въ его духѣ проповѣдывалъ Кабиръ (1380 — 1420) въ Бенгалѣ и Чаитанья (род. въ 1485 г.) въ Ориссѣ. Со времени этихъ реформъ Шива и Вишну становятся краеугольными столпами индусской религіи.

Основной чертой философскаго представленія о Вишну является всепроникновеніе. Такимъ образомъ благосклонный богъ и есть собственно богъ воплощеній, аватаръ. Онъ проникаетъ во все существующее, можетъ принимать самые различные образы, и каждый разъ, когда боги или люди находятся въ крайней нуждѣ, Вишну, принявъ тотъ или другой образъ, несетъ имъ спасеніе. Миѳологія развила цѣлый рядъ такихъ воплощеній (до 22), но общеприняты только десять. Въ первыхъ трехъ богъ появляется въ видѣ рыбы, черепахи, кабана, въ четвертой—въ видѣ получеловѣка, полульва: въ позднѣйшихъ воплощеніяхъ онъ принимаетъ образъ человѣка: сначала карлика, въ шестой, седьмой и восьмой—Парашурамы, Рамачандры и Кришны; все это образы, заимствованные изъ героической легенды древней Индіи (ср. стр. 365, 369, 383). Особую популярность пріобрѣлъ Кришна, такъ какъ въ веселыхъ выходкахъ, которыя ему приписываются легендой, народъ узнаетъ самого себя. Девятое воплощеніе Вишну въ Буддѣ относится, по всей вѣроятности, къ тому времени, когда питали еще надежду соединить буддизмъ съ индусской религіей; позднѣйшее толкованіе считаетъ это воплощеніе въ Буддѣ лишь приманкой, соблазняющей скверныхъ людей пренебрегать ведами и кастовыми различіями для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе привести ихъ къ гибели и такимъ образомъ освободить отъ нихъ міръ. Наконецъ послѣднее воплощеніе Вишну принадлежитъ еще будущему: въ концѣ нынѣшняго мірового періода богъ появится въ образѣ Кальки и создастъ новое царство чистоты.

Въ изображеніи Шивы брахманскія понятія о „тьмѣ“ встрѣчаются

съ демоническими представленіями дравидовъ. Отъ гималайскихъ горныхъ племенъ (стр. 354) заимствована фигура Шивы — „горнаго духа“, Кирата, утопающаго въ чувственныхъ наслажденіяхъ, въ пьянствѣ и танцахъ (Natês'wara, глава танцующихъ) и окруженнаго цѣлымъ роемъ низшихъ духовъ; основное представленіе дравидскихъ племенъ о злой природѣ божества сливается съ брахманскимъ понятіемъ „тьмы“ въ Шивѣ, богѣ-разрушителѣ. Въ Рудрѣ онъ воплощаетъ собою бурную силу природы, въ Махакалѣ — всенивелирующую силу времени, въ Бхайравѣ = „разрушеніе“ или исчезновеніе само по себѣ, а въ лицѣ украшеннаго гирляндами изъ змѣй и череповъ Бхутешвары онъ является повелителемъ всѣхъ демоновъ, входящихъ въ кругъ дравидскихъ представленій (см. верхнюю половину таблицы „Древне-индійское ваяніе“ при стр. 385). Что Шива стоитъ значительно ближе къ дравидскому вѣрованію, Вишну же къ арійскому, явствуетъ уже изъ распространенія обоихъ культовъ: культъ Шивы имѣетъ больше послѣдователей на югѣ, культъ Вишну — на сѣверѣ. Такъ въ сѣверныхъ округахъ президентства Мадрасъ вишнуиты преобладаютъ надъ шиваитами въ пропорціи 10 : 1 до 4 : 1; въ среднихъ частяхъ той же области число приверженцевъ обоихъ боговъ почти одинаково; на югѣ же число шиваитовъ превосходитъ число вишнуитовъ въ пропорціи 4 : 1 до 67 : 1. Въ высшихъ образахъ Шивы значительно больше выступаетъ брахманская идея: изъ смерти рождается новая жизнь, изъ разрушенія создается новое и болѣе прекрасное. Такимъ образомъ „разрушитель“ преображается въ бога, несущаго благо. Сада-Шива, Шанкара, Шамбху; онъ воплощаетъ въ себѣ обновляющую силу природы и какъ таковой ему поклоняются подъ именемъ Махадевы, великаго бога, Ишвары, высочайшаго повелителя. Ни одно изображеніе бога не встрѣчается въ Индіи чаще, чѣмъ его символъ, лингамъ (phallus). Еще болѣе соотвѣтствуетъ брахманскому духу представленіе о силѣ жертвы и аскетизма: Шива олицетворяетъ ихъ въ образѣ „великаго смиренника“, Махайогина.

Индусскія божества не очеловѣчены въ такой степени, какъ греческія и римскія, и не образуютъ, поэтому, подобно тѣмъ, одной единственной большой семьи изъ прародителей, родителей, дѣтей и правнуковъ. Брахма и Вишну не надѣлены сыновьями, а съ Шивой связаны довольно шатко два сына: Субрахманья или Сканда, богъ войны, и Ганеша, богъ хитрости и успѣха, къ которому обращаются въ повседневной жизни при всякомъ удобномъ случаѣ; его уродливое изображеніе съ головою слона и толстымъ животомъ можно встрѣтить повсюду.

Всѣ высшіе боги снабжены супругами: но понятіе о супругѣ отступаетъ у нихъ передъ представленіемъ объ усиленіи качествъ (s̀akti = могущество, сила). Какъ только по брахманскому мышленію высшее существо воплощается, въ немъ происходитъ дѣленіе на мужскую половину и женскую, которая, противно нашимъ взглядамъ, есть болѣе дѣятельная сторона. Въ богахъ болѣе спокойныхъ, какъ Брахма и Вишну, эта противоположность не проявляется въ столь выразительной формѣ: супруга Брахмы, Сарасвати, является богиней учености и мудрости; супруга Вишну, Лакшми— богиней высшей доброты и красоты. Но въ почитаніи Шивы женская сторона его существа играетъ тѣмъ большую роль, чѣмъ большими страстями снабженъ самъ богъ и чѣмъ больше онъ воспринялъ въ себя дравидскихъ божествъ, которыя въ первоначальномъ представленіи являются женскими. Каждой изъ главныхъ формъ Шивы дана, какъ усиленіе его качествъ, супруга: богу горъ Кирата — Парвати, Махакалѣ кровожадная Кали, Бхавѣ—Бхавини, Махадевѣ—Махадеви, смиреннику Махайогинѣ— Іогини.

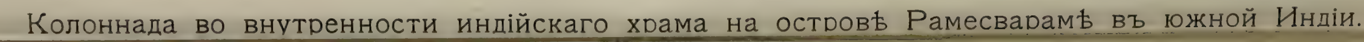
Къ этому тѣсному кругу высокихъ боговъ примыкаетъ еще сонмъ высшихъ существъ, заимствованныхъ отчасти изъ доисторической ле-

генды, какъ, напримѣръ, риши, святые пѣвцы ведъ, братья Панду изъ борьбы бхаратовъ и т. д., отчасти изъ сокровищницы низшихъ божествъ отдѣльныхъ племенъ. Обширное небо индусовъ вмѣщаетъ въ себѣ все, что хоть сколько-нибудь таинственно или значительно: камни и горы, рѣки и озера, кусты и деревья, полезныхъ и вредныхъ животныхъ, самыя разнообразныя небесныя явленія, духовъ умершихъ, независимыхъ демоновъ и т. д.

Разнообразіе и даже часто противоположность формъ, въ которыхъ является божественное, отражается въ свою очередь въ ихъ культѣ: самый грубый фетишизмъ уживается рядомъ съ почитаніемъ чистыхъ и высокихъ небесныхъ силъ. Отъ монотеистическихъ богослуженій индусское отличается прежде всего тѣмъ, что оно не имѣетъ общины и въ сущности никакой общей вѣры. Поклоняется ли индусъ главнымъ образомъ Вишну или Шивѣ, въ той или въ другой ихъ формѣ, или же Ганешѣ, или одной изъ многочисленныхъ Шакти, зависитъ отъ того, какую молитвенную или заклинательную формулу (mantra) вручитъ ему его духовный учитель и руководитель, гуру; такая формула, различная для каждаго отдѣльнаго бога, имѣетъ силу сдѣлать этого бога покровителемъ того индуса, который носитъ на лбу его знакъ, нама (для Шивы это три бѣлыя горизонтальныя линіи, для Вишну—большею частью камертонообразная фигура; см. также верхнюю половину таблицы „Древнеиндійская живопись и архитектура“ при стр. 411). Такимъ образомъ культъ не можетъ быть общимъ; онъ, какъ и вѣра, индивидуаленъ и складывается изъ формулъ и обрядностей, имѣющихъ магическую силу, изъ очищеній, изъ жертвъ, которыя молящійся приноситъ богамъ самъ или черезъ посредство жреца. Этотъ родъ богослуженія не требуетъ большихъ помѣщеній, въ которыхъ собиралась бы община для единенія съ богомъ; собственно святилище представляетъ всегда небольшую божницу или ничтожную молельню съ символомъ или изображеніемъ бога. Благодаря различнымъ второстепеннымъ пристройкамъ, какъ помѣщенія для паломниковъ, галлереи (см. приложенную таблицу „Колоннада во внутренности индійскаго храма на островѣ Рамешварамѣ“), террасы съ прудами и т. д., храмъ часто, особенно въ южной Индіи, превращается въ колоссальную громаду.

Поклоненіе богамъ совершается въ главныхъ чертахъ троякимъ образомъ. Среди высшихъ боговъ Вишну больше другихъ уподобленъ человѣку. Соотвѣтственно этому за его изображеніемъ ухаживаютъ какъ за человѣкомъ приставленные для этого спеціально жрецы; богослуженіе предъ его статуей напоминаетъ игру малолѣтняго ребенка со своей куклой, а дары, которые ему преподносятся, состоятъ изъ тѣхъ же вещей, которыя радуютъ сердце индуса: риса, коракау, печеній и цвѣтовъ или украшеній изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Но на недосягаемой для человѣка высотѣ возсѣдаетъ Шива, возвышенный, а часто и страшный богъ. Рѣдко лишь храмъ снабжается его изображеніемъ Зато повсюду ему поклоняются подъ символомъ его, лингамъ, который поливается святой водой, намазывается масломъ или осыпается цвѣтами. Поклоненіе же третьей группѣ боговъ, представленіе которыхъ зиждется на дравидскихъ вѣрованіяхъ, требуетъ кровавыхъ жертвъ. Предъ алтарями Кали и Дурга закалываются козы, и кровью убитаго животнаго обрызгиваютъ ихъ изображенія и полъ храма передъ ними; бѣдные люди приносятъ имъ и другимъ низшимъ божествамъ въ жертву пѣтуха. Бывшія прежде въ обычаѣ человѣческія жертвы теперь почти совершенно вывелись, но слабые пережитки такихъ жертвъ можно встрѣтить еще и въ настоящее время.

Къ повседневнымъ обрядностямъ, молитвамъ и жертвамъ присоединяются еще безчисленныя религіозныя празднества въ дни, посвященные отдѣльнымъ богамъ: едва ли найдется еще другой народъ или другая религія, гдѣ бы праздновалось столько святыхъ дней, какъ у ин-



Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Колоннада во внутренности индійскаго храма на островѣ Рамесварамѣ въ южной Индіи.

Объясненіе къ иллюстраціи на оборотѣ.

Въ сѣверной части низкаго и песчанаго острова Рамесварама (Рамиссерамъ), лежащаго въ Манаарскомъ заливѣ между Индіей и Цейлономъ, находится одинъ изъ наиболѣе грандіозныхъ памятниковъ дравидской архитектуры, — могучій и высоковздымающійся своими башнями индійскій храмъ, внутренность котораго пересѣкается мрачными колоннадами. Ежегодно въ теченіе уже многихъ столѣтій паломники тысячами отправляются къ этой святынѣ, богатыми доходами которой живетъ все населеніе острова, — по большей части, брахманы.

дусовъ. Особенной же заслугой считается, если совершить сопряженное со всевозможными трудностями паломничество къ истокамъ какой либо священной рѣки (Ганга, Нарбады) или къ одной изъ великихъ святынь Шивы или Вишну,

3. Развитіе кастоваго строя индусовъ.

Какъ для индуизма и его дальнѣйшаго развитія на религіозной почвѣ зародышъ былъ заложенъ уже раньше, такъ и въ соціальной области привились начала, положенныя брахманами въ основу кастоваго строя. Многое вліяло на этотъ строй, то задерживая его, то давая толчокъ его дальнѣйшему развитію. Еще въ буддизмѣ проявлялась тенденція смягчать и сглаживать рѣзкіе контрасты; съ господствомъ же мусульманъ, у всѣхъ ихъ послѣдователей каста была совершенно отмѣнена, и нѣкоторыя индусскія секты провозгласили принципъ соціальнаго равенства всѣхъ людей.

Съ другой стороны, были факторы, вліявшіе въ смыслѣ развитія и пріумноженія кастъ. Еще въ древнія времена смѣшеніе съ другими родами вело къ расчлененію внутри самой касты: вновь принятые пришельцы изъ чуждыхъ племенъ все-таки не считались полноправными членами, и различія эти съ теченіемъ времени обострялись и вели къ окончательному раздѣленію касты. Въ кастѣ воиновъ это было частымъ явленіемъ; но и въ брахманской кастѣ не разъ совершались такимъ путемъ глубокія расщепленія, особенно на югѣ. Нерѣдко какая-либо уже существующая каста цѣликомъ или частями пробирается, пользуясь фальшивыми родословными или другими свидѣтельствами, на болѣе высокую ступень, не достигая, однако, этимъ полнаго равноправія. Пространство, раздѣляющее членовъ одной и той же касты, также ведетъ къ умноженію кастъ: обѣ стороны становятся недовѣрчивы другъ къ другу, хотя бы каждая изъ нихъ и сохранила свою касту въ чистотѣ; въ концѣ концовъ чувство общности совершенно утрачивается, и изъ одной касты становятся двѣ. Такія раздѣленія кастъ происходятъ нерѣдко среди странствующихъ пастуховъ или племенъ цыганъ (ср. т. V), среди кастъ торговцевъ и земледѣльцевъ, вынужденныхъ періодически повторяющимся голодомъ къ частой перемѣнѣ мѣстъ и продолжительной разлукѣ со своими членами, а также и вслѣдствіе войнъ и политическихъ перемѣщеній границъ. Иногда членъ какой либо касты, достигшій большого благосостоянія, пытается, и не всегда безуспѣшно, отдѣлиться отъ своихъ собратьевъ и присвоить себѣ имя и особыя привычки высшей касты. Не менѣе способствуютъ раздѣленію касты также и религіозныя несогласія. Одной изъ самыхъ частыхъ причинъ размноженія кастъ является перемѣна рода занятія, къ которой вынуждаетъ нерѣдко перемѣна среды или измѣнившіяся соціальныя условія. Со времени господства европейцевъ случается почти ежедневно, что индусъ, поступающій на службу къ бѣлому, мнитъ себя выше своихъ собратьевъ по кастѣ и что такимъ образомъ создаются новыя касты кучеровъ, водоносовъ, рѣзчиковъ корма и т. д. Именно различіе рода занятій и является въ настоящее время главнымъ отличительнымъ признакомъ касты, составляя наслѣдственный цехъ. Какъ таковой этотъ послѣдній заботится о чистотѣ крови: кто принадлежитъ къ нему, не долженъ вступать въ бракъ съ членомъ другой касты: у высшихъ кастъ оскверняетъ уже одно прикосновеніе и даже, хотя бы на далекомъ разстояніи, ужъ одно дыханіе низкорожденнаго. Совмѣстная трапеза съ членомъ другой касты безусловно запрещается. Строгія правила регулируютъ поведеніе каждаго отдѣльнаго лица. Каста имѣетъ своихъ особыхъ представителей и начальниковъ, приговариваетъ къ денежнымъ штрафамъ или въ серьезныхъ случаяхъ къ исключенію изъ своей среды, но она же заботится также не только объ общемъ благѣ (регулируетъ заработную плату, уста-

навливаетъ рабочее время, устраиваетъ при случаѣ стачки и т. д.), но и о благополучіи отдѣльнаго лица (поддерживаетъ бѣдныхъ, содержитъ вдовъ и сиротъ и т. д.).

4. Положеніе женщины.

Не менѣе касты вліяло неблагопріятно на развитіе народа и низкое положеніе женщины. Если у арійцевъ и у низшихъ туземныхъ племенъ женщина занимала видное и почетное мѣсто, и въ эпическій періодъ являлась центромъ блестящихъ турнировъ кшатріевъ, а пѣвцами болѣе поздней эпохи воспѣвалась какъ высоко чтимая подруга мужа, то въ настоящее время она представляетъ несчастное существо, жалкую, безправную рабу. И здѣсь это были опять таки брахманы, начертавшіе для женщины ея низкое положеніе. Они думали лучше обезпечить чистоту касты — высшій принципъ ихъ общественнаго строя,, — наложивъ на свободу женщины тѣсныя оковы. На ея долю выпала лишь одна задача, — дарить мужу чистокровное потомство, и этой задачѣ приносилось въ жертву все, что возвышаетъ и облагораживаетъ женщину. Презрѣніе и самая тяжелая неволя составляютъ удѣлъ ея отъ колыбели до могилы. Если у индуса рождается сынъ, то праздничный рогъ возвѣщаетъ объ этомъ друзей и знакомыхъ, которые спѣшатъ въ счастливый домъ со своими поздравленіями и веселыми дарами. Другое дѣло, если новорожденный ребенокъ— дѣвочка: въ замѣшательствѣ смотритъ отецъ въ землю, когда друзья приносятъ ему вмѣсто поздравленій одни только слова утѣшенія. Только рожденіе мальчика заслуживаетъ особыхъ празднествъ, — дѣвочка ихъ не удостаивается. Родильница послѣ рожденія мальчика считается нечистой въ продолженіе трехъ недѣль, послѣ рожденія дѣвочки — въ продолженіе четырехъ недѣль. Мальчикъ, смотря по положенію отца, получаетъ воспитаніе у духовнаго учителя, дѣвочка лишена этого: все, чему она научается, исходитъ отъ матери, которая сама не знаетъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ формулъ и молитвъ для дарованія ей хорошаго мужа и заклинательныхъ формулъ противъ полигаміи и невѣрности.

Едва достигши 7 — 9 лѣтъ, дѣвочка обвѣнчивается съ 12 — 14 лѣтнимъ мальчикомъ или же со старымъ вдовцомъ; при этомъ не только не спрашивается у нея согласія, но часто она даже не имѣетъ случая видѣть раньше своего мужа. По окончаніи свадебной церемоніи она остается еще нѣкоторое время въ домѣ своихъ родителей и только при первыхъ признакахъ зрѣлости ее отправляютъ къ супругу. 13 или 14-лѣтнія матери въ Индіи далеко не рѣдкость; насколько подобные ранніе браки должны вліять неблагопріятно на физическое и духовное развитіе народа, ясно само по себѣ. Съ момента замужества для женщины начинается недостойное рабство въ темницѣ женскихъ покоевъ: женщина должна закрывать свое лицо предъ каждымъ мужчиной хотя бы изъ своей семьи; даже съ собственнымъ мужемъ ей не дозволяется говорить въ теченіе дня, она не должна произносить его имя или ѣсть вмѣстѣ съ нимъ; въ убійственной духовной пустотѣ влачитъ женщина свое существованіе. До господства англичанъ идеальнымъ поступкомъ для женщины считалось ея добровольное самосожженіе на кострѣ вмѣстѣ съ умершимъ супругомъ. Въ настоящее время этихъ „сати" больше уже не существуетъ; но судьба вдовъ почти еще страшнѣе сожженія на кострѣ. Смерть мужа приписывается ея проступку въ одномъ изъ прежнихъ ея существованій; ненависть окружающихъ, строгое покаяніе и самобичеваніе, бремя самыхъ тяжелыхъ работъ гнетутъ остатокъ ея дней.

Такова судьба женщины въ общественныхъ кругахъ, мнящихъ себя на высотѣ идеала индусскаго образа жизни. Въ дѣйствительности часто безпощадная нужда является для женщины дружественнымъ союзникомъ.

смягчающимъ ея удѣлъ. У бѣдныхъ индусовъ и у низшихъ кастъ женщина поневолѣ должна также принимать участіе въ заботахъ о снисканіи для семьи средствъ къ существованію, и такимъ образомъ, какъ помощница мужа, она становится на высшую ступень въ сознаніи того, что и она не даромъ живетъ на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ классахъ на женщину смотрятъ, какъ на низшее существо.

5. Культивированіе наукъ и искусствъ брахманами.

Въ раздѣленіи труда въ созданномъ ими гражданскомъ строѣ брахманы удержали за собою ученость, знаніе и его культивированіе; сами они находились подъ особымъ покровительствомъ богини учености, Сарасвати, высокой супруги Брахмы. Брахманы создали языкъ ученыхъ, санскритъ, и этимъ наложили особую печать на всю религіозную, ученую и художественную литературу индусовъ. Древнѣйшіе, относящіеся, быть можетъ, еще къ III вѣку до Р. Хр., гимны ведъ написаны стариннымъ, но богатымъ и развитымъ языкомъ, отъ котораго народный языкъ, распавшійся съ теченіемъ времени на нѣсколько діалектовъ, все больше и больше удаляется. Жрецы придавали значеніе тому, чтобы языкъ, который служилъ общеніемъ между ними и богами, былъ выше, совершеннѣе, чѣмъ обиходный языкъ простолюдина. По мѣрѣ того, какъ они достигали могущества, ставившаго ихъ высоко надъ остальной массой народа, и языкъ религіознаго мышленія и культа вырабатывался ими строго логически и научно въ тотъ самый „Saṁskṛita", „совершенный языкъ", въ отличіе отъ „первоначальнаго" языка „Prâkṛita", на которомъ говоритъ народъ; они по праву могутъ гордиться и считать своимъ самаго великаго грамматика всѣхъ временъ, Панини, жившаго, по всей вѣроятности, около середины IV вѣка до Р. Хр. Разница между эзотерическимъ тайнымъ ученіемъ брахмановъ и обращающимся къ широкимъ массамъ населенія ученіемъ Будды выражается еще въ томъ, что какъ Будда, такъ и ученики его въ различныхъ странахъ говорили съ народомъ на его обиходномъ языкѣ. Лишь послѣ того, какъ Буддагхоша (410 — 430) переложилъ на языкъ Магадха еще и нынѣ существующіе на Цейлонѣ на сингалезскомъ языкѣ и составленные великимъ буддистомъ Махиндой комментаріи (Atthakathâ) къ питакамъ, языкъ этотъ, „пали", сдѣлался священнымъ языкомъ южнаго буддизма. Брахманское вліяніе на развитіе сѣверной вѣтви буддизма сказывается еще въ томъ, что для религіозныхъ сочиненій этого направленія предпочтеніе отдано не пали, а санскриту.

Главная часть брахманской литературы трактуетъ о религіозныхъ предметахъ. Веды остаются основой всего дальнѣйшаго религіознаго и философскаго развитія. Изъ четырехъ собраній ведъ Ригъ-веда относится къ очень древнему періоду, отчасти, вѣроятно, еще къ III вѣку до Р. Хр.; обѣ позднѣйшія веды, Сама-веда и Яджур-веда — ко времени уже выработаннаго ритуала. Онѣ представляютъ собранія пѣсенъ и изреченій, которыя должны были произноситься при жертвоприношеніяхъ жрецомъ Риг-веды громкимъ голосомъ. Четвертое собраніе, Атхарва-веда, содержитъ, наряду съ отрывками изъ Риг-веды, заклинательныя формулы противъ болѣзней и воровъ. Также къ добуддійской эпохѣ относятся и брахманы, прозаическія сочиненія, въ которыхъ много легендарнаго смѣшано съ нѣкоторою долею историческаго элемента; въ общемъ онѣ представляютъ изложеніе церемоніи большихъ жертвъ для различныхъ жрецовъ. Совсѣмъ надругой почвѣ стоятъ упанишады: онѣ представляютъ результатъ умозрѣній философствующаго брахманизма и содержатъ религіозно-философскія ученія о характерѣ міра и монотеистически понимаемой міровой душѣ. Онѣ глубокомыслены и полны идей,— результатъ серьезнаго исканія истины. Совершенно иного характера относящіяся къ гораздо болѣе позднему вре-

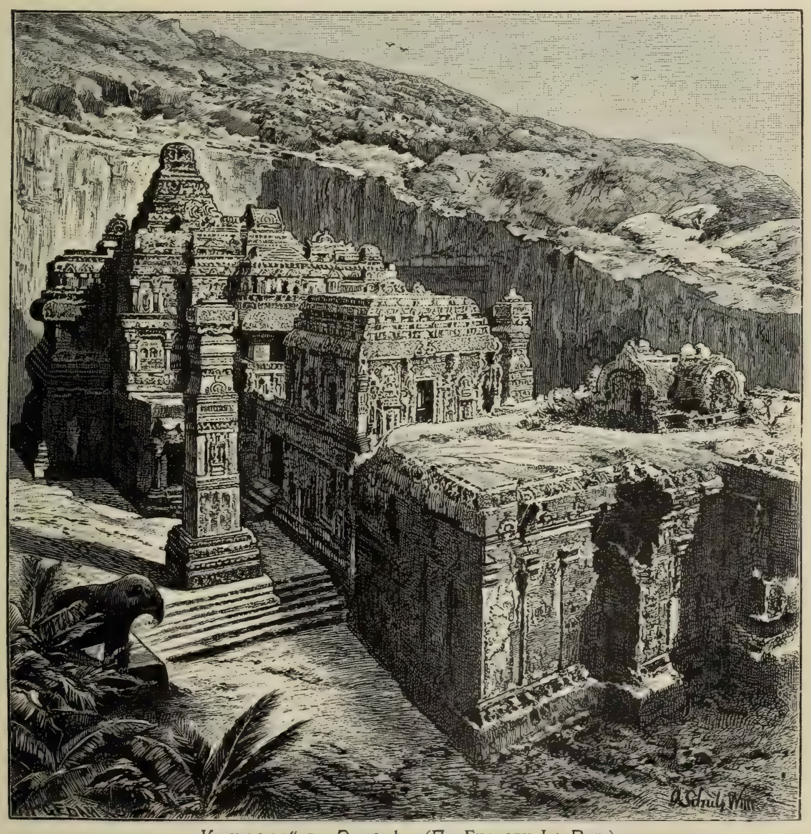
мени тантры, — собраніе мистическо-религіозныхъ правилъ, молитвъ, заклинательныхъ формулъ для служенія злому воплощенію Шивы и его женскому воплощенію, Дургѣ. Созданныя уже послѣ названныхъ выше теософическихъ сочиненій, онѣ все-таки болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ посвященныя главнымъ образомъ легендамъ о Вишну 18 пуранъ въ ихъ нынѣшней формѣ (съ 18 приложеніями, упапуранами, онѣ составляютъ приблизительно 400,000 двустишій). Брахманы причисляютъ ихъ также къ „древнимъ сочиненіямъ", хотя время ихъ происхожденія опредѣлить трудно. До насъ онѣ дошли только въ обработанной формѣ; но зародышъ ихъ данъ уже въ Махабхаратѣ.

Наряду съ религіозной стороной санскритская литература обнимаетъ и всѣ другія отрасли брахманскаго знанія. Самымъ слабымъ пунктомъ этой литературы является исторія. Въ этомъ отношеніи брахманы представляютъ сильную противоположность какъ мусульманамъ, которые охотно занимались исторіей своей эпохи и своихъ царей, такъ и буддистамъ, сохранившимъ, благодаря своимъ хроникамъ, въ памяти молодыхъ поколѣній всѣ важнѣйшія для монастырей событія. Вмѣстѣ съ запустѣніемъ въ Индіи буддійскихъ монастырей погибли и всѣ эти хроники; только въ Кашмирѣ, гдѣ буддизмъ сохранился дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, чутье къ исторіи не совсѣмъ заглохло вмѣстѣ съ паденіемъ монастырей и тамошняя книга царей, Раджатарангини, продолжаетъ вести исторію этой маленькой страны и послѣ исчезновенія буддизма. На Цейлонѣ же, гдѣ еще и понынѣ буддизмъ составляетъ господствующую религію, имѣются послѣдовательныя хроники отъ древнѣйшихъ временъ до паденія сингалезскаго царства и захвата страны англичанами.

Удѣлять научныя занятія природѣ также не было въ духѣ брахмановъ; здѣсь изслѣдованіе останавливалось передъ божественнымъ, которымъ были проникнуты растенія и животныя и которое оживляло даже камни. Тѣмъ не менѣе, однако, служеніе жертвѣ вело само собою уже къ извѣстному ознакомленію со строеніемъ тѣла и къ умѣнію обращаться съ нимъ, — хорошая школа для эмпирической хирургіи, достигшей въ Индіи значительной высоты. Даже такія тяжелыя операціи, какъ извлеченіе катаракты и камней мочевого пузыря, ринопластика, удаленіе операціоннымъ путемъ человѣческаго плода и т. д., производились въ Индіи съ большимъ умѣніемъ и успѣхомъ, а въ медицинскихъ книгахъ брахмановъ перечислено не менѣе 127 различныхъ хирургическихъ инструментовъ. Когда арабы познакомились съ индусской медициной, они съ большой похвалой отзывались о ея высокомъ уровнѣ. Леченіе внутреннихъ болѣзней основывалось на одномъ грубомъ эмпиризмѣ; при этомъ въ распоряженіи имѣлся большой запасъ лекарственныхъ средствъ, а при ихъ приготовленіи прикладная химія научилась создавать искусственнымъ путемъ цѣлый рядъ важныхъ химическихъ тѣлъ.

Изъ естественныхъ наукъ больше другихъ была связана съ призваніемъ жреца астрономія: первобытная религія арійцевъ состояла въ поклоненіи тѣмъ силамъ, которыя импонировали имъ въ небесныхъ явленіяхъ, — движеніи солнца, планетъ и звѣздъ. Такъ, уже въ древнѣйшихъ ведахъ почти вѣрно опредѣленъ солнечный годъ прибавленіемъ къ каждому пятому году, состоявшему изъ двѣнадцати тридцатидневныхъ мѣсяцевъ, еще одного високоснаго мѣсяца. Точно также и религіозныя церемоніи и празднества уже напередъ распредѣлялись въ тѣ времена въ зависимости отъ астрономическихъ явленій. Тѣмъ не менѣе точная астрономія даже во времена Александра Великаго не стояла еще на значительной высотѣ, и нѣкоторый толчокъ былъ ей данъ ушедшими въ этомъ отношеніи впередъ чужестранцами. Но затѣмъ около середины I вѣка по Р. Хр. эта наука поднялась на значительную высоту съ тѣмъ, чтобы снова упасть во времена образованія великихъ мусульманскихъ

Народные типы, фрески въ пещерѣ X въ Аджантѣ, относящіяся къ II столѣтію до Р. Х.
(По Джемсу Burgess'y.)
(Изображенныя фигуры имѣютъ на лбу Нама брахманскихъ божествъ. Складъ лица скорѣе арійскій, чѣмъ дравидскій; украшенія и зонтикъ также не указываютъ на низшія касты, какъ предполагаютъ Fergusson и Burgess.)



„Каиласа“ въ Эллорѣ. (По Густаву Le Bon.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Древне-индійская живопись и архитектура.

государствъ. Только отдѣльные цари (Джайпуръ) продолжали еще до послѣдняго времени покровительствовать астрономіи, какъ своему любимому занятію. Рука объ руку съ наукой о звѣздахъ шла математика, къ которой брахманы выказывали большія способности. Они самостоятельно развили десятичную систему счисленія, и арійцы несомнѣнно многому научились въ математической школѣ брахмановъ. Высшей точки алгебра достигла съ Арьябхатой (род. въ 476 г. по Р. Хр.)

Наряду съ древними, изложенными въ краткихъ догматахъ, дхармасутрами и написанною въ стихахъ книгою законовъ Ману (стр. 369) большимъ почетомъ пользовались также такія сочиненія, какъ дхармашастра Яджнавалкья и Параширы; всѣ они, кромѣ соціальнаго строя, посвящены главнымъ образомъ законовѣдѣнію въ тѣсномъ смыслѣ. Въ болѣе поздній періодъ въ различныхъ частяхъ Индіи основалось пять юридическихъ школъ, установившихъ, смотря по особенностямъ населенія, болѣе или менѣе различныя направленія для законовѣдѣнія.

Въ искусствахъ руководителями народа были тѣ же брахманы. Не только музыка и поэзія имѣли свои корни въ служеніи богамъ, которое сопровождалось облеченною въ высокую форму рѣчью и торжественнымъ пѣніемъ, но почитаніе божественнаго давало главный толчокъ и такимъ искусствамъ, какъ ваяніе, архитектура и живопись.

Гамма изъ семи интерваловъ уже издавна была знакома индусамъ; и если современная ихъ музыка не соотвѣтствуетъ нашимъ вкусамъ, то причина этого лежитъ во внесеніи многочисленныхъ промежуточныхъ интерваловъ, къ которымъ наше ухо не привыкло. Въ своихъ священныхъ гимнахъ индусы создали много выдающагося (ср. стр. 363); едва ли менѣе значительно и то, что создалось ими подъ вліяніемъ брахмановъ въ области эпоса: Махабхарата и Рамаяна (стр. 364). Эпическій элементъ вплетенъ также въ брахманы. Что басня своимъ развитіемъ обязана индусамъ, всѣмъ извѣстно. Одно изъ самыхъ древнихъ собраній этого рода, Панчатантра, относится, вѣроятно, ко второму вѣку, но во вскомъ случаѣ къ періоду не ближе VI вѣка по Р. Хр., въ которомъ оно было переведено на персидскій языкъ; дальнѣйшимъ развитіемъ этого собранія является еще болѣе распространенная Хитопадеша. Индійская басня совершила свое тріумфальное шествіе черезъ весь міръ, и басни Эзопа, какъ не менѣе того и похожденія Рейнеке-Лиса являются лишь слабымъ откликомъ индійской поэзіи.

Изъ драматическихъ произведеній у индусовъ имѣется до 60 пьесъ, принадлежащихъ прежнимъ временамъ, — почти все это больше комедіи съ пріятной развязкой, чѣмъ трагедіи съ потрясающимъ исходомъ. Въ нихъ нѣтъ больше необузданной силы и юношескихъ порывовъ героевъ первыхъ арійскихъ временъ—характеръ народный успѣлъ уже сформироваться подъ руками брахмановъ: люди въ этихъ произведеніяхъ болѣе мягки. Въ нихъ не столько характера, сколько чувства, но чувство это удивительной нѣжности и задушевности; въ нихъ столько любви къ природѣ, какой мы почти не находимъ уже больше въ современныхъ индусахъ. Среди драматическихъ поэтовъ Индіи первое мѣсто принадлежитъ Калидасѣ, стихотвореніе котораго приводится уже въ одной надписи, относящейся къ 472 г. по Р. Хр.; „Шакунтала“, „Викраморваши“ (Викрама и Урваши), а также и „Малавикагнимитра“ (Малавика и Агнимитра) считаются высшими произведеніями индійской драмы. Рядомъ съ Калидасой выдаются: въ VII вѣкѣ по Р. Хр. царь Шри Харша („Ратнавали“, „Пріядаршика“ и буддійская драма „Нагананда“); на зарѣ VIII вѣка—Бхатта Бхавабхути (драмы: „Малатимадхава [„Малати и Мадхава], „Махавирачарита“ и „Уттарарамачарита [„Жизнь и подвиги великаго героя“ и „Дальнѣйшая судьба Рамы“]; еще, повидимому, раньше царь Шудрака (?) съ его „Мриччхакатика“ (Васантасена) и Вишакхадатта (быть можетъ лишь около 1100) съ „Мудраракшаса“ (печать министра) Ракшаса. Какъ эпическій

поэтъ („Рагхуванша“ и „Кумарасамбхава“) и лирикъ („Мегхадута“, посланникъ облаковъ) Калидаса также выдается среди другихъ поэтовъ этого рода.

Образовательное искусство не менѣе, чѣмъ поэзія, ведетъ свое происхожденіе отъ культа боговъ; такимъ образомъ и оно своимъ развитіемъ обязано брахманамъ. Живопись (см. верхнюю половину таблицы „Древнеиндійская живопись и архитектура“) и скульптура почти не поднялась надъ первоначальной ступенью декоративнаго искусства; только отъ изображеній фигуры Будды вѣетъ, благодаря грекамъ, уже чистой красотою (см. таблицу „Древне-индійское ваяніе“ при стр. 385). Живопись въ эпоху цѣнившихъ искусство мусульманскихъ царей создала въ своихъ миніатюрахъ много хорошаго. Въ общемъ же оба искусства служили больше подспорьемъ архитектурѣ. Фантастическое сочетаніе человѣческихъ и животныхъ формъ или умноженіе отдѣльныхъ частей тѣла, шаржировка въ движеніяхъ, полнѣйшій недостатокъ чувства художественной мѣры, нагроможденіе, отсутствіе перспективы — вотъ отличительныя черты какъ того, такъ и другого искусства.

Выше стоитъ архитектура. Она становится по преимуществу искусствомъ памятниковъ послѣ того, какъ чужеземцы (греки) вводятъ камень, какъ строительный матеріалъ. Въ продолженіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія это искусство служило почти исключительно для религіозныхъ построекъ; дворцы высокаго стиля появляются лишь съ расцвѣтомъ мусульманскихъ царствъ. Индуизмъ въ религіи и культѣ кладетъ на архитектуру свою печать: община отсутствуетъ, поэтому нѣтъ потребности въ обширныхъ храмахъ; святилище представляетъ тѣсное помѣщеніе для изображенія или для символа бога. Но вокругъ этого святилища, чтобы вмѣстить всю толпу паломниковъ, стекающихся для принесенія своихъ даровъ и совершенія молитвы, группируются длинныя галлереи, грандіозныя коллонады (см. таблицу при стр. „Колоннада на Рамешварамѣ“), обширные пруды съ террасами для омовеній и т. д. Понятно, что такіе храмы, которые пользуются особою славою и гдѣ въ теченіе года перебываютъ десятки тысячъ богомольцевъ, часто достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Своими размѣрами и массивностью особенно отличаются дравидскіе храмы, имѣющіе у входа башни съ богато изукрашенными, ступенчато-пирамидальными крышами. Сооруженія царства Чалукья (стр. 402) отличаются тонкостью отдѣлки, джайнскія же обременены подавляющимъ богатствомъ украшеній. Къ ранней эпохѣ буддизма относятся громадные, вырубленные въ скалахъ пещерные храмы въ Карли, Аджантѣ, Эллорѣ и т. д. (см. нижнюю половину приложенной таблицы). Характерными для буддійской архитектуры являются многочисленныя сооруженія для реликвій (ступы), которыя встрѣчаются особенно на Цейлонѣ въ большомъ количествѣ (см. таблицу „Древне-буддійскіе храмы“). Мусульманская эпоха оставила по себѣ великолѣпныя мечети и дворцы (Дели, Агра и т. д.) Подковообразная форма и куполъ составляютъ характерные признаки этихъ сооруженій, а въ украшеніяхъ проявляется вліяніе соприкосновенія съ персами и арабское изобиліе мотивовъ.

В. Мусульманская эпоха Индіи (1001—1740).

а) Религіозная борьба между исламомъ и Индуизмомъ (1001 — 1526).

Исторія перечисляетъ обыкновенно событія мусульманской эпохи Индіи по династіямъ. Но при ближайшемъ изученіи внутренняго содержанія этого обширнаго періода въ немъ выступаютъ два большихъ отдѣла, раздѣленные 1526 годомъ. Первый — это періодъ безпокойнаго броженія, бурныхъ порывовъ: индусы и мусульмане въ постоянной

тяжелой взаимной борьбѣ, государства основываются и падаютъ, династіи появляются и исчезаютъ. Во второмъ же, напротивъ того, значительно больше устойчивости: различія между народами все больше и больше сглаживаются, и въ продолженіе слишкомъ трехъ столѣтій царство управляется безъ перерыва 17 правителями одной и той же династіи, Тимуридами.

Въ первомъ періодѣ „шесть династій" смѣняютъ одна другую; домъ Газневидовъ 1001—1186, Гуридовъ 1186—1206, господство Мамлюковъ 1206—1290, династія Хальджи 1290—1321, династія Тоглукидовъ 1321—1412, Сеидовъ 1416—1451 и, наконецъ, династія Бехлуль Лоди 1451—1525. При первой изъ этихъ „династій" владѣнія мусульманъ ограничивались Пенджабомъ; Гуриды расширили царство, занявъ всю сѣверо-индійскую низменность; Мамлюки дошли до горъ Виндхья, а второй изъ Хальджійскихъ правителей распространилъ свое владычество на всю Индію почти до южной ея оконечности. Этимъ была достигнута первая вершина мусульманскаго могущества въ Индіи. Затѣмъ начинается распаденіе: Тоглукиды потеряли Деканъ и Бенгалъ; а при послѣднихъ двухъ династіяхъ границы государства не разъ простирались не дальше нѣсколькихъ миль по ту сторону стѣнъ резиденціи Дели.

Эти пять вѣковъ были для индусовъ періодомъ тяжелыхъ испытаній, жестокихъ убійствъ и ожесточенной борьбы. Какъ ярко сверкнувшая молнія возвѣщаетъ грозу, такъ и бурямъ, пронесшимся надъ несчастной страной, предшествовалъ предвѣстникъ, при чемъ толчокъ былъ данъ самой Индіей. Въ 949 г. по Р. Хр. Джайпалъ, Лагорскій царь въ Пенджабѣ, видѣвшій въ возраставшемъ могуществѣ своего западнаго сосѣда, Насир-ад-динъ Себукъ-тегина, правителя Газни (Газна; 976—997), опасность для своей страны, рѣшился для предупрежденія ея предпринять военный походъ въ Афганистанъ. На первый разъ дѣло окончилось мирными переговорами. Когда же Джайпалъ, подкрѣпленный царями Дели, Аджмира и Канауджа, повторилъ въ 988 г. свое нападеніе, онъ былъ тяжело разбитъ при Ламганѣ, и страна оказалась во власти тюрко-афганскихъ ордъ, наводнившихъ ее грабежами и убійствами. Себукъ-тегинъ утвердился на мѣстѣ сліянія Кабула и Инда, и получилъ такимъ образомъ въ свои руки ворота въ Индію. Ему наслѣдовалъ сынъ его Исмаилъ; но уже въ 998 г. онъ былъ свергнутъ съ престола братомъ своимъ Махмудъ Іемин-ад-дауля и заключенъ въ крѣпость.

a) Домъ Газневидовъ.

Махмудъ (998—1030), по прозвищу Бхутъ Шиканъ („сокрушитель идоловъ"), былъ самымъ значительнымъ изъ правителей династіи Газневидовъ.. Отъ своего отца-татарина онъ унаслѣдовалъ стойкость и силу вмѣстѣ съ военными доблестями, отъ матери-персіянки—склонность къ высшей культурѣ. Онъ былъ уменъ, дѣятеленъ и предпріимчивъ и въ то же время ревностный покровитель искусствъ и наукъ (ср. т III, стр. 325); резиденція въ царствованіе его обогатилась множествомъ великолѣпныхъ мечетей и дворцовъ; лучшимъ украшеніемъ его блестящаго двора были самые великіе ученые того времени (хронологъ эл-Бируни и полисторикъ Абу Али-л-Хусейнъ, извѣстный подъ именемъ ибнъ-Сина (Авиценна), и поэты (Фирдоуси 1020—1030). Махмудъ основалъ въ Газни университетъ и богато обставилъ его; въ цѣляхъ обученія имъ былъ созданъ также естественно-историческій музей. Онъ дѣлалъ богатыя пожертвованія, чтобы предоставить выдающимся въ умственномъ отношеніи личностямъ безбѣдное существованіе. Несмотря на то, что военныя его предпріятія держали его большею частью вдали отъ государства, за время его 33-лѣтняго царствованія не произошло никакихъ неурядицъ. Онъ не отличался дальновидностью политика; предпринимая походы на Индію,

онъ не имѣлъ въ виду завоевать эту богатую страну и вести ее по пути прогресса, предпріятія его были лишь разбойничьими набѣгами, дававшими въ результатѣ только золото, драгоцѣнности и рабовъ. Мусульманскій міръ готовъ видѣть въ Махмудѣ Газни одного изъ самыхъ великихъ повелителей всѣхъ временъ, а его современники и единовѣрцы считали его военные подвиги высшими дѣяніями, на какія только способенъ правитель, но для этихъ послѣднихъ, кромѣ славы побѣдителя, важенъ былъ еще ореолъ религіознаго фанатика, разбивавшаго чужихъ боговъ и разрушавшаго храмы невѣрныхъ. Они въ этомъ случаѣ слишкомъ преувеличиваютъ заслуги своего кумира: цѣлью набѣговъ Махмуда на индійскіе храмы было только желаніе разграбить громадныя сокровища, скоплявшіяся тамъ въ теченіе многихъ вѣковъ.

Первые годы правленія новаго государя прошли въ борьбѣ съ мелкими сосѣдями. Затѣмъ взоръ его обратился къ Индіи. Въ 1001 г. Джайпалъ былъ побѣжденъ вторично и добровольно покончилъ жизнь на кострѣ; западный Пенджабъ съ Лагоромъ палъ въ руки побѣдителя. За этимъ первымъ индійскимъ походомъ Махмуда послѣдовало еще 16 другихъ бурныхъ набѣговъ, приведшихъ Махмуда въ Кашміръ (1013), Мультанъ (1006), къ Гангу и даже къ южной оконечности Гуджератскаго полуострова; особенно богатую добычу доставило ему разгромленіе храмовъ въ Нагаркотѣ, Танесарѣ (Тханешвара; 1014), Сомнатѣ (Паттана Сомнатха; 1016/17) и въ Маттрѣ (Матхура; 1018), между тѣмъ какъ границы царства Газни не выходили за предѣлы западнаго Пенджаба. Значительнѣе было расширеніе въ западномъ и сѣверномъ направленіи, гдѣ Махмудъ нашелъ тѣмъ временемъ еще возможность завоевать, хотя и не безъ ожесточенной борьбы, страну Гуръ (западный Афганистанъ), Трансоксанію и Персію.

Когда въ 1030 г., 63 лѣтъ отъ роду, умеръ Махмудъ, онъ оставилъ послѣ себя могущественное царство (см. карту при стр. 422). Но 14 преемниковъ Махмуда не сумѣли удержать его: вслѣдствіе распрей между претендентами на престолъ, возстаній, борьбы съ врагами на западѣ и сѣверѣ (сельджуками) отъ этого царства отпадалъ кусокъ за кускомъ. Въ 1150 г. царство Газни перешло въ руки Гуридовъ; отъ всей роскоши великолѣпныхъ построекъ и сооруженій остались послѣ разгромленія только надгробные памятники Махмуда и двухъ другихъ царей. Оба послѣдніе Газневида: Муызз-ад-дауля-Хусрау-шахъ, 1152—60, и Хусрау-меликъ, 1160—86 вели скромное существованіе въ Лагорѣ, пока наконецъ и этотъ послѣдній остатокъ нѣкогда столь могущественнаго царства Газни не былъ уничтоженъ Гуридами.

β. Домъ Гуридовъ.

Западный Афганистанъ игралъ со времени покоренія его Махмудомъ (1010) лишь второстепенную роль; но когда въ 1163 г. на престолъ вступилъ Гіяс (Гхаятхъ)-ад-динъ Мухаммедъ-ибн-Самъ, могущество Гура быстро поднялось на значительную высоту. Новый властитель — явленіе очень рѣдкое въ мусульманскихъ государствахъ — призвалъ къ совмѣстному правленію брата своего Муызз-ад-дин-Гури; только по смерти Гіяса (10 декабря 1203 г.) младшій братъ сдѣлался полновластнымъ правителемъ.

Въ 1186 году Газневидъ Хусрау-меликъ подвергся нападенію, былъ побѣжденъ, посаженъ сначала въ тюрьму, а затѣмъ въ 1192 г. убитъ вмѣстѣ со своими сыновьями. Такимъ образомъ династія Газневидовъ угасла; западный Пенджабъ съ главнымъ городомъ Лагоромъ перешелъ въ руки Муызз-ад-дина. Съ этимъ пріобрѣтеніемъ границы Гура продвинулись до самыхъ Раджпутанскихъ государствъ, а именно до Аджмира, гдѣ царствовалъ Питхора Рай (Притхвираджа II); противъ этого царства

направилъ Муызз-ад-динъ прежде всего свои походы. У Тханешвары, на узкомъ пространствѣ между пустыней и горами и между рѣками Сарасвати и Джамной произошла битва, въ которой индійскія военныя касты нанесли афганскимъ наѣздникамъ тяжелое пораженіе (1191). Но уже въ слѣдующемъ году Муызз-ад-динъ побѣдилъ Аджмиръ и союзныя съ нимъ индійскія государства; Питхора Рай бѣжалъ, но былъ пойманъ и убитъ. Вскорѣ послѣ этого Аджмиръ былъ въ рукахъ побѣдителя; болѣе жестокій, чѣмъ Махмудъ Газни, Муызз-ад-динъ приказалъ жителей частью перебить, частью увести въ рабство.

Затѣмъ онъ двинулся на Дели (вѣрнѣе: Дихли), который, покоренный въ 1193 его главнымъ полководцемъ Кутб (Котубъ или Кутубъ) -ад-диномъ, сдѣлался съ тѣхъ поръ центромъ мусульманскаго могущества на Индостанѣ. Въ 1194 г. Муызз-ад-динъ, разбивъ царя Джаячандра, подчинилъ себѣ Бенаресъ и Канауджъ и тѣмъ расширилъ свое государство до границъ Бихара. Слѣдующіе годы онъ былъ задержанъ въ Мерви, Хорезмѣ и Гератѣ вмѣстѣ со своимъ братомъ, а по смерти послѣдняго онъ сдѣлался полновластнымъ правителемъ обширнаго государства. Тѣмъ временемъ Кутб-ад-динъ и подчиненный ему полководецъ, Хальджійскій вождь Мухаммедъ ибн-Бахтіяръ, покорилъ также Бехаръ (Бихаръ; 1194) и Верхній Бенгалъ (1195), Гваліоръ (1196), Гуджератъ и Аудъ: этимъ династія Гуридовъ достигла апогея своего могущества. Неудача, которую Муызз-ад-динъ потерпѣлъ въ 1204 г. въ предпріятіи противъ Хорезма, потрясла всю западную часть государства до Пенджаба. Хотя султану и удалось подавить возстаніе своихъ тамошнихъ намѣстниковъ, но самъ онъ палъ въ 1206 г. на берегахъ Инда по всей вѣроятности отъ кинжала какого либо измаелита (ассассина) или нѣсколькихъ гхакка (дикое горное племя).

b) Мамлюки („династія рабовъ или татаръ“).

Такъ какъ Муызз-ад-динъ Гури не оставилъ послѣ себя мужского потомства и не сдѣлалъ никакого распоряженія относительно престолонаслѣдія, то со смертью его начались для государства тяжелыя неурядицы. Хотя изъ его племянниковъ Гіяс-ад-динъ II Махмудъ былъ назначенъ наслѣдникомъ престола, но въ дѣйствительности намѣстники въ четырехъ главныхъ провинціяхъ правили почти самостоятельно. Въ Индіи бразды правленія взялъ тотчасъ (26 іюня) въ свои твердыя руки испытанный вождь и намѣстникъ Кутб-ад-динъ Айбекъ (Jbak), тогда какъ въ другихъ провинціяхъ до присоединенія ихъ къ Хорезму еще въ теченіе девяти лѣтъ, до 1215, бушевала междоусобная война. Съ провозглашеніемъ Кутба самостоятельнымъ правителемъ Индостанъ[1], бывшій до того времени лишь провинціей государства Газни и Гура, сдѣлался независимымъ. Новый правитель былъ раньше турецкимъ невольникомъ Муызз-ад-дина. Подняться изъ низкаго положенія постепенно до степени генерала и намѣстника было вообще типичной карьерой для правителей послѣдующаго затѣмъ періода; и хотя нѣкоторые изъ нихъ достигли трона путемъ естественнаго престолонаслѣдія, тѣмъ не менѣе весь рядъ правителей этой династіи получилъ общее прозвище „династіи рабовъ“ (1206—1290).

Кутбъ правилъ еще только четыре года: онъ умеръ въ Лагорѣ въ 1210 г. вслѣдствіе несчастья, постигшаго его при игрѣ поло. Одинъ магометанскій историкъ отлично характеризуетъ его слѣдующими словами: „страна была наполнена благомыслящими и очищена отъ враговъ; благодѣянія его не прекращались такъ же, какъ и кровопролитія“. О его ревности къ вѣрѣ еще и теперь свидѣтельствуетъ великолѣпная мечеть

---

[1]) Индостанъ (Хиндустанъ): въ болѣе тѣсномъ смыслѣ — бассейнъ рѣкъ Ганга и Джамны; въ болѣе широкомъ — вообще мусульманская Индія.

и гордый минаретъ въ Старомъ Дели, называющійся и по сю пору его именемъ (Кутубъ минаръ). Его слабосильный пріемный сынъ Арамъ-шахъ былъ разбитъ уже въ годъ восшествія на престолъ (1210) возставшимъ Шемс-ад-диномъ-Алтамш'емъ (или Алтмышъ, Илтамишъ, точнѣе Ильтутмышъ) и, по всей вѣроятности, убитъ. Этотъ послѣдній также былъ турецкимъ рабомъ; ему удалось попасть въ милость Кутбу, который отдалъ ему въ жены свою дочь Малика Джеханъ и назначилъ его намѣстникомъ Будауна. Алтамшу не удалось въ началѣ подчинить себѣ всю страну: въ Синдхѣ, Мультанѣ, Бхакорѣ и Сивистанѣ объявилъ себя не зависимымъ другой зять Кутба; точно также отпалъ и Пенджабъ, а на Бихаръ и Бенгалъ изъявилъ притязанія въ 1219 г. намѣстникъ Хасанъ ад-динъ изъ рода Хальджи. Прежде, чѣмъ Алтамшъ успѣлъ двинуться противъ него, надъ западнымъ Индостаномъ пронеслась гроза въ лицѣ Чингизъ-хана. Этотъ послѣдній покорилъ царство Хорезмъ; изгнанный правитель Джелаль-ад-динъ Манкбурни (Мингбурни) бросился искать защиты въ Пенджабѣ; Чингизъ-ханъ преслѣдовалъ его, слѣдствіемъ чего явилось разореніе провинцій Мултана, Лагора, Пешавера и Маликпура (1221/22; ср. стр. 162). Алтамшъ, къ которому изгнанный правитель Хорезма обратился за помощью, побоялся раздражить еще больше монгольскія полчища и спокойно остался въ Дели: такимъ образомъ, гроза такъ же быстро пронеслась, какъ и налетѣла. Послѣ этого Алтамшъ подчинилъ себѣ въ 1225 г. Бенгалъ и Бихаръ; въ 1228 г. онъ распространилъ свою власть на Пенджабъ и Синдхъ, а послѣ продолжительной борьбы, длившейся отъ 1226 до 32 года, онъ покорилъ также и царство Мальву на югѣ, разрушивъ при этомъ храмы Бхилса, Уджаина и Гваліора. Съ тѣми индусскими царствами, которыя не выказали ему прямой враждебности, онъ обошелся мягко, поставивъ ихъ лишь въ условную зависимость отъ своего государства. Это государство въ годъ смерти Алтамша (28 апрѣля 1236 г,) простиралось отъ Инда до Брахмапутры и отъ Гималайскихъ горъ до горъ Виндхья. Правленіе Алтамша отличалось порядкомъ; при дворѣ его господствовала оживленная умственная дѣятельность, а развалины Рэ-Питхоры (Старый Дели) свидѣтельствуютъ не только о богатствѣ, но и о тонкомъ ходожественномъ вкусѣ талантливаго правителя.

Со смертью Алтамша для государства наступило тревожное время: въ ближайшія одиннадцать лѣтъ на престолѣ въ Дели смѣнилось ни болѣе ни менѣе какъ пять преемниковъ Алтамша. Всѣмъ правителямъ Мамлюкской династіи грозила съ трехъ сторонъ постоянная опасность: со стороны индусовъ, подчинявшихся чужеземному игу съ тѣмъ большею враждебностью, чѣмъ безпощаднѣе притѣсняли ихъ въ своемъ религіозномъ рвеніи мусульмане; со стороны полководцевъ и намѣстниковъ, для которыхъ первые Мамлюки, поднявшіеся на ступень правителей, были слишкомъ заманчивымъ примѣромъ, и со стороны монголовъ, разрушительные набѣги которыхъ послѣ перваго натиска Чингизъ-хана стали повторяться быстро одинъ за другимъ. Ближайшимъ преемникомъ Алтамша былъ его второй безпутный сынъ Фирзъ-шахъ Рукн-ад-динъ, правленію котораго положила быстрый конецъ дворцовая революція спустя семь мѣсяцевъ послѣ восшествія его на престолъ (1236). Его мѣсто заступила сестра его Радія (Реція, Расія) Бегумъ (1236 — 39), женщина, обладавшая всѣми талантами правителя, — единственная магометанка на индостанскомъ престолѣ. Съ яснымъ мужскимъ умомъ, сильная и справедливая, отличавшаяся смѣлостью и храбростью, она бодро несла тяжелыя обязанности своего положенія и не боялась сама появляться въ битвахъ, на своемъ боевомъ слонѣ, переодѣтая въ мужское платье. Но, какъ говоритъ историкъ Мухаммедъ Касимъ Хинду-шахъ Фириштахъ (около 1600 г.), ея единственнымъ недостаткомъ было то, что она была женщина; ея любовь къ одному абессинскому невольнику подорвала довѣріе къ ней

народа и вызвала рядъ возмущеній, повлекшихъ за собою ея паденіе. Внутреннія неурядицы и постоянные набѣги монгольскихъ ордъ во время непродолжительнаго правленія двухъ послѣдующихъ преемниковъ Раціи (Бехрамъ-шаха: 21 апрѣля 1240 и Мас'уда: 1241—46), мало способствовали успокоенію страны. Только при шестомъ сынѣ Алтамша, серьезномъ и отличавшемся строгою нравственностью Наср-ад-динъ Махмудъ-шахѣ (1246 — 66), передавшемъ почти всѣ дѣла правленія своему зятю и тестю, великому визирю Гіяс-ад-динъ Балбану, она могла перестать опасаться внѣшнихъ враговъ. Монголы были отброшены въ 1247 г.; такъ какъ они тѣмъ временемъ сломили силу Багдадскаго царства Аббасидовъ (стр. 166), то Хулагу ограничилъ свое могущество Персіей и черезъ миссію, посланную ко двору въ Дели, выразилъ свои миролюбивыя отнынѣ намѣренія. Характерно для духа того времени и для личности всемогущаго великаго визиря, что при въѣздѣ названной миссіи ворота Дели были украшены трупами убитыхъ мятежниковъ-индусовъ. Въ этихъ послѣднихъ недостатка не было. Едва подавлялось цѣною крови возстаніе въ одномъ мѣстѣ, какъ уже новыя смуты смѣняли его въ другомъ. Однихъ за другими пришлось желѣзною рукою осилить индусовъ Дуаба, Бандельканда, Мевара, Мальвы, Уча, Каррака, Маникпура.

18 февраля 1266 г. умеръ Махмудъ; его преемникомъ сдѣлался великій визирь Гіяс-ад-динъ Балбанъ, бывшій уже и до того фактическимъ правителемъ; онъ также началъ свое поприще туркменскимъ рабомъ. Онъ подвергъ строгому наказанію мятежныя шайки на сѣверо-востокѣ и индусовъ Мевата, Бихара и Бенгала; при покореніи раджпутовъ въ Меварѣ, онъ велѣлъ перебить, какъ говорятъ, до 100,000 мужчинъ. Изъ внѣшнихъ событій нужно упомянуть набѣгъ на Пенджабъ монголовъ (1285), отброшенныхъ въ двухъ битвахъ сыномъ султана, Мухаммедъ-ханомъ. причемъ палъ и самъ побѣдитель. Балбанъ прежде всего былъ фанатикомъ; если тѣмъ не менѣе Дели при немъ прославился какъ питомникъ наукъ и искусствъ, то этимъ онъ обязанъ не столько своему властителю, сколько тревожному времени, заставлявшему выдающіеся умы искать тамъ для себя безопаснаго убѣжища. Тамъ же нашли пріютъ и многіе сверженные правители и высокіе сановники, и еще долгое время спустя улицы и площади носили названія тѣхъ странъ, изъ которыхъ были изгнаны эти бѣглецы. Балбанъ умеръ въ 1287 году 80 лѣтъ отъ роду. Престолъ занялъ внукъ его, 18 лѣтній Муызз-ад-динъ Кай-Кубадъ, наслѣдовавшій отъ своего дѣда суровость и жестокость, но не строгость его по отношенію къ самому себѣ. Развратная жизнь сдѣлала изъ него скоро безвольное орудіе въ рукахъ его великаго визиря Низамъ-ад-дина. Въ 1290 году онъ, чтобы освободить себя отъ него, прибѣгъ къ яду, но самъ былъ вскорѣ убитъ въ своемъ дворцѣ новымъ визиремъ Джелаль ад-диномъ.

б) Домъ Хальджи (вторая татарская династія).

Уже при Балбанѣ въ характерѣ Мамлюкскаго періода произошелъ поворотъ: въ противоположность своимъ предшественникамъ, Балбанъ принципіально пересталъ замѣщать важныя государственныя должности временщиками изъ рабовъ, а выдвигалъ прежде всего членовъ старинныхъ сановитыхъ семей афганскаго или тюрко-татарскаго происхожденія. Однимъ изъ самыхъ значительныхъ родовъ уже издревле считался Кхильджи (Хальджи); въ X вѣкѣ они отчасти жили въ бассейнѣ Аму-Дарьи, отчасти проникли въ Афганистанъ, гдѣ говорили еще на тюркскомъ нарѣчіи, но приняли вскорѣ магометанскую вѣру, а затѣмъ постепенно также и персидскую культуру.

Глава этого рода, Джелаль-ад-динъ Хальджи, имѣлъ уже 70 лѣтъ отъ роду, когда въ 1290 г. дворцовая революція сдѣлала его правителемъ

Дели; на тронѣ онъ носилъ имя Фирузъ-шаха II (Фирусъ). Чтобы не имѣть опаснаго врага въ лицѣ своего сына, Кай-Кубада Гайомартха, онъ велѣлъ умертвить его; но въ общемъ это былъ человѣкъ мягкій, привѣтливый со всѣми, незлобливый до слабохарактерности даже по отношенію къ врагу, покровитель ученыхъ и жрецовъ. Вскорѣ ему пришлось имѣть дѣло съ моголами (монголы); въ то время, какъ онъ съ успѣхомъ лично выступилъ противъ нихъ въ Пенджабѣ (1292), племянникъ его Ала ад-динъ Мухаммедъ, назначенный имъ намѣстникомъ Дуаба между Джамной и Гангомъ, подавилъ возстаніе въ Бандель径кандѣ и Мальвѣ (1293). Затѣмъ въ 1294 г. Ала ад-динъ по собственному рѣшенію отважно прошелъ черезъ непроходимыя горы и лѣса хребта Виндхья на 700 миль далѣе къ югу. По дорогѣ онъ разграбилъ храмъ въ Сомнатѣ (стр. 414). Самую богатую добычу онъ нашелъ въ хорошо охраняемой крѣпости Девагири (Дауладабадъ), которую ему удалось взять хитростью; прежде чѣмъ южные раджи успѣли собрать свои войска, онъ вернулся другимъ путемъ въ свою провинцію. Подъ предлогомъ выпросить прощеніе у дяди за свой самовольный походъ, онъ заманилъ престарѣлаго Фирузъ-шаха въ свою провинцію, гдѣ коварнымъ образомъ велѣлъ его умертвить (19 іюля 1295 г.)

Этотъ поступокъ уже достаточно характеризуетъ Ала-ад-динъ Мухаммедъ-шаха I, завладѣвшаго въ 1296 году трономъ, послѣ того, какъ онъ удалилъ Ибрагимъ шаха I, своего двоюроднаго брата, законнаго наслѣдника престола. Жестокій, фальшивый и коварный, не знавшій угрызеній совѣсти, ни предъ чѣмъ не останавливавшійся для достиженія своихъ цѣлей, онъ представлялъ полную противоположность своему мягкосердечному дядѣ. Подданные боялись его, хотя онъ и старался великолѣпіемъ, щедростью и внутреннимъ устроеніемъ своего царства заслужить расположеніе народа. Заговоры и возмущенія родственниковъ, визирей и индусовъ почти не прекращались въ продолженіе его 20-лѣтняго правленія, несмотря на то, что онъ подавлялъ ихъ съ безпощадной жестокостью. Страна пережила также три набѣга моголовъ; первый былъ энергично отраженъ въ 1297 г., слѣдующіе два (1298 и 1303) велись болѣе вяло; долгое время послѣ нихъ набѣги не повторялись. Только въ 1310 г. Мухаммедъ-шаху удалось осуществить зародившееся въ немъ еще со времени Девагирскаго набѣга желаніе расширить свое могущество на югѣ.

Исторія Декана въ первые мусульманскіе вѣка сѣверной Индіи наполнена борьбою между раджпутами (стр. 372) и дравидами и основаніемъ и перемѣщеніемъ арійско-дравидскихъ государствъ въ среднемъ Деканѣ: царства южныхъ махраттховъ, восточныхъ чалукья въ Калингѣ, западныхъ чалукья въ сѣверномъ Конканѣ, съ XIII столѣтія гаупатовъ и беллаловъ, и далѣе на югъ — Майсура и древнихъ государствъ Пандья, Чола и Чера (ср. выше стр. 382).

Мухаммедъ-шахъ I предоставилъ дѣло покоренія Декана своему временщику Маликъ Кажуру, прежнему индусскому рабу, перешедшему въ магометанство и достигшему высокихъ государственныхъ степеней. Онъ быстро совершилъ свое побѣдоносное шествіе черезъ страну махраттховъ; столица беллаловъ, Дварасамудра, была имъ взята въ 1311 г. и отдана на разграбленіе, царства Чола и Пандья были покорены, и по истеченіи двухъ лѣтъ вся Индія до Мыса Коморинъ была подвластна правителю Дели. Покоренные раджи были сдѣланы вассалами и обложены данью; и только въ случаѣ возмущенія съ ихъ стороны или отказа вносить дань (Девагири) они силою удалялись, а страна ихъ пріобщалась къ остальному государству.

При всѣхъ этихъ блестящихъ успѣхахъ, однако, непопулярность султана и его временщика была причиною все новыхъ возстаній. Ала-ад-

динъ Мухаммедъ-шахъ, предававшійся неумѣренному потребленію вина, захворалъ водянкой и умеръ 19 декабря 1316 г., отравленный, быть можетъ, Кафуромъ. Однако, и этотъ послѣдній былъ убитъ въ томъ же году, и послѣ кратковременнаго правленія старшаго сына Ала-ад-дина Шихабъ ад-дина (Омаръ-шаха) на престолъ вступилъ 21 марта 1317 г. его третій сынъ, Мубарекъ-шахъ, поспѣшившій закрѣпить его за собою ослѣпленіемъ своихъ братьевъ. Нѣкоторыя разумныя мѣры возбудили на первыхъ порахъ надежду на хорошее правленіе; но вскорѣ молодой распутный султанъ предоставилъ всѣ государственныя дѣла одному индусскому ренегату изъ презираемой касты парвари, Насир-ад-динъ Хусрау-хану. Уже 24 марта 1321 султанъ со всѣми членами своей семьи былъ убитъ своимъ эмиромъ, завладѣвшимъ трономъ подъ именемъ Хусрау-шаха. Если уже раньше онъ былъ ненавистенъ какъ великій визирь, то озлобленіе противъ него достигло крайнихъ предѣловъ послѣ того, какъ онъ безстыдно оскорбилъ религіозное чувство не только индусовъ, но и магометанъ, раздаривъ женщинъ изъ гарема убитаго султана своимъ любимцамъ и велѣвъ перенести въ мечети изображенія индусскихъ боговъ и т. п. Во главѣ движенія за недостаткомъ настоящихъ наслѣдниковъ престола сталъ мусульманскій губернаторъ Пенджаба, Гіяс (Гхаятхъ)-ад-динъ Тоглукъ; при Дели онъ разбилъ и затѣмъ умертвилъ ненавистнаго узурпатора, правившаго не болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Только въ теченіе одного поколѣнія продолжалось господство династіи Хальджи, и изъ этихъ 30 лѣтъ двѣ трети приходятся на одно правленіе Мухаммедъ-шаха I; но велика была перемѣна, происшедшая въ государствѣ силою его могущества. Непримиримые враги страны, моголы, были отброшены надолго и удалились въ глубь Азіи послѣ того, какъ приняли мусульманство; многіе изъ оставшихся перешли въ исламъ и сдѣлались наемниками, но въ 1311 году, какъ участники заговора, были всѣ перебиты. Въ области религіи Хальджи проявляли терпимость, и если индусы не прекращали своихъ возмущеній, то къ этому понуждала ихъ больше національная ненависть, чѣмъ религіозныя притѣсненія. Постепенно различія въ народѣ до извѣстной степени сгладились. Мусульмане переняли нѣкоторые нравы индусовъ, а что послѣдніе также не сторонились господствующей расы,—показываетъ примѣръ индусскихъ временщиковъ, пріобрѣтавшихъ часто большое вліяніе на исторію Индіи того времени. Этому сближенію обязанъ также своимъ происхожденіемъ обиходный языкъ страны, индустани или урду (языкъ военнаго лагеря), въ которомъ разнородность словаря (дуабскій пракритъ, персидскій, тюрко-татарскій и т. д.) отражаетъ въ себѣ тогдашнее смѣшеніе народовъ въ Индіи.

Что касается внѣшней стороны правленія Мухаммедъ-шаха I, то государство при немъ достигло апогея своего расширенія (см. карту при стр. 422): приказы изъ Дели диктовались до крайней южной оконечности Индіи; только отдѣльные раджпутскіе раджи съ успѣхомъ продолжали защищать свою независимость. Но недолго могло продержаться то, что было взято бурнымъ натискомъ: распаденіе началось уже при Мухаммедѣ и пошло гигантскими шагами впередъ при слѣдующихъ династіяхъ.

ε) Домъ Тоглукидовъ (третья татарская династія).

Гіяс-ад-динъ Тоглукъ I, сынъ одного туркменскаго раба султана Балбана (стр. 417) и матери-индусски, поднявшійся благодаря своимъ личнымъ качествамъ до положенія намѣстника Пенджаба, остался вѣренъ себѣ и какъ султанъ во все продолженіе своего кратковременнаго правленія (1321—25). Онъ одинаково заботился какъ о благосостояніи страны, такъ и о защитѣ западной границы, возвращеніи отпавшихъ провинцій (Варангель) и объ успокоеніи мятежниковъ (Харасинха въ Тирхатѣ). По

возвращеніи изъ Тирхата онъ погибъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ подъ развалинами обрушившагося, только что отстроеннаго въ честь праздника павильона, — быть можетъ, дѣло рукъ второго сына его Факхръ ад-динъ Джаунахъ-хана, наслѣдовавшаго тронъ подъ именемъ Мухаммеда II, (ибнъ) Тоглука (1325—51). Странѣ суждено было испытать по его винѣ огромное несчастье. Богато одаренный отъ природы, онъ получилъ прекрасное воспитаніе, былъ высоко образованъ и краснорѣчивъ, какъ немногіе; самъ прекрасный писатель, онъ покровительствовалъ ученымъ; при всемъ томъ это былъ строгій ревнитель своей вѣры; онъ былъ щедръ до росточительности и основалъ множество больницъ, убѣжищъ для бѣдныхъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій. Но всѣ эти блестящія стороны его личности затемнялись химерами Цезаря, руководившими всѣми его политическими предпріятіями и граничившими съ помѣшательствомъ. Противъ монголовъ онъ повелъ несмѣтное войско, чтобы, не сдѣлавъ ни одного удара саблей, заставить ихъ отступить цѣною уплаты громадной суммы (1327); въ другой разъ онъ повелъ 100,000 человѣкъ, которые должны были направиться противъ Китая черезъ совершенно непроходимые для такого огромнаго войска горные проходы Тибета, и всѣ они почти до послѣдняго человѣка погибли въ снѣгахъ и ледникахъ Гималаевъ (1337; ср. стр. 342). Третье войско было послано въ Персію. Но прежде, чѣмъ оно начало еще свои дѣйствія оно было снова распущено; солдаты разсѣялись, опустошая грабежами собственную страну. Въ 1339 году всѣ жители Дели должны были внезапно переселиться въ Девагири, получившее отнынѣ названіе Дауладабада (стр. 418); дважды имъ было разрѣшено возвратиться, и дважды отдавался приказъ къ выселенію, какъ разъ въ пору ужаснаго голода, унесшаго многія тысячи жертвъ. Насильственное введеніе мѣди (вмѣсто серебра) привело страну къ финансовому разоренію. Для забавы властелина устраивались въ цѣлыхъ округахъ облавы на собственныхъ подданныхъ, которыхъ тутъ же убивали, какъ дичь. Налоги были повышены до невѣроятныхъ размѣровъ и собирались съ такою жестокостью, что поселяне массами бѣжали въ лѣса, гдѣ сплачивались въ разбойничьи шайки. Ничего нѣтъ удивительнаго, что при такомъ правленіи повсюду разгорался пожаръ мятежа и что провинціи пытались возвратить себѣ самостоятельность. Государство, обнимавшее до вступленія на престолъ Мухаммедъ Тоглука почти всю Индію, не насчитывало уже въ своихъ предѣлахъ въ годъ его смерти, послѣдовавшей въ лихорадочныхъ болотахъ Синдха, Бенгала (съ 1338 г.), Короманде́льскаго берега, Девагири, Гуджерата, Синдха и всѣхъ южныхъ провинцій (съ 1347 г.); изъ 23 провинцій оставалась едва половина. Мухаммедъ ибн - Тоглукъ „оставилъ по себѣ славу одного изъ самыхъ образованныхъ правителей, но зато и одного изъ самыхъ свирѣпыхъ тиранновъ, служившихъ когда либо къ украшенію или къ униженію человѣчества“ (Mountstuart Elphinstone).

Всѣ эти тяжкія бѣды, обрушившіяся на государство по винѣ умалишеннаго правителя, не могло загладить даже направленное на благоустройство страны царствованіе родившагося въ 1300 году преемника его Фирузъ (Фирусъ)—шаха III (1351—88). Его попытки возвратить государству отпавшія провинціи окончились лишь внѣшнимъ признаніемъ его господства. Но во внутреннемъ управленіи онъ создалъ много хорошаго. Разумными и справедливыми налогами, правосудіемъ, регулированіемъ военныхъ издержекъ, для которыхъ онъ назначилъ доходы съ опредѣленныхъ областей (джайгиры), поощреніемъ полезныхъ общественныхъ сооруженій искусственнаго орошенія, водоемовъ, плотинъ и каналовъ (напр., большого канала Джамны, отчасти возстановленнаго лишь въ послѣднее время англичанами), основаніемъ школъ, больницъ, караванъ - сараевъ и т. д. онъ много способствовалъ возрожденію страны.

По смерти Фируза быстро одинъ за другимъ слѣдовали на тронѣ

пять послѣднихъ Тоглукидовъ. Съ 1388 до 94 не прекращались междоусобныя войны, пока, наконецъ, столь могущественное нѣкогда государство не свелось на нѣсколько округовъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ Дели. Къ этому присоединился еще набѣгъ моголовъ, который на этотъ разъ превзошелъ по своимъ размѣрамъ и ужасамъ всѣ когда либо бывавшіе до этого. Это не были уже необузданныя орды Чингизъ-хана, это были хорошо обученныя полчища подъ предводительствомъ Тимура (стр. 174). Въ то время, какъ послѣдній Тоглукидъ, Махмудъ-шахъ II, нашелъ безопасное убѣжище въ Гуджератѣ, престарѣлый побѣдитель проникъ въ Дели, который раскрылъ предъ нимъ ворота, заручившись съ его стороны обѣщаніемъ безопасности (18 декабря 1398 г.). Но вслѣдствіе „недоразумѣнія“, какъ это часто случалось при набѣгахъ Тимура, населеніе было подвергнуто ужасной кровавой бойнѣ. Побѣдитель, нагруженный богатой добычей, возвратился въ 1399 г. въ Самаркандъ; а на сцену снова выступилъ Махмудъ Тоглукъ. Вмѣстѣ съ его мало достойною жизнью угасла въ низведенномъ почти къ нулю государствѣ и династія Тоглукидовъ (въ февралѣ 1412 г.).

ζ) Сеиды.

Послѣ кратковременнаго правленія афганца Даулетъ-хана Лоди (1413—14), Хызръ-ханъ, бывшій губернаторомъ, а затѣмъ и независимымъ эмиромъ Мултана, завладѣлъ всѣмъ, что еще оставалось отъ Индостана. Такъ какъ вскорѣ отстала отъ него и собственная его провинція, то онъ (ум. 20 мая 1421), а затѣмъ и три его преемника: Мубарекъ-шахъ II до 28 января 1435 г., Мухаммедъ-шахъ IV до 1445 г. и Алимъ-шахъ, несмотря на всѣ попытки вернуть снова Пенджабъ, остались почти при одномъ только городѣ Дели. Эти шіиты-князья индусскаго, какъ полагаютъ, происхожденія и составляютъ династію Сеидовъ (1414—51). При Алимъ-шахѣ граница страны проходила въ одномъ мѣстѣ въ одной только англійской мили разстоянія отъ резиденціи и нигдѣ она не отдалялась далѣе двѣнадцати миль.

η) Домъ Лоди.

Въ 1451 году городомъ Дели завладѣлъ Бехлуль Лоди, правившій изъ Лагора всѣмъ Пенджабомъ. Ему (умеръ въ 1488 г.) и его сыну Низамъ Искандеру (Сикендеръ) II (ум. въ 1517) удалось продвинуть границы государства на западѣ за Лагоръ, на востокѣ за Бенаресъ и Бандельકандъ. Но внукъ Бехлуля Ибрагимъ II (1517—26) своею гордостью и своимъ тиранствомъ снова вызвалъ серьезныя возстанія. Востокъ совершенно отпалъ; въ Пенджабѣ противъ него поднялся его намѣстникъ, призвавшій на помощь своего могущественнаго сосѣда Бабура изъ Кабула. Этотъ толчокъ нанесъ окончательный ударъ гнилому правленію Лодинскихъ князей (стр. 423). Съ этого момента начинается для Индостана новая эра блестящаго расцвѣта.

ϑ) Политическія перемѣны въ южной Индіи съ 1347 г.

Мухаммедъ ибн-Тоглуку пришлось дожить до горестнаго момента, когда любимая его южная провинція съ главнымъ городемъ Дауладабадомъ отпала отъ него и сдѣлалась независимой. Тамошній вице-король, Хасанъ Гангу, афганецъ-шіитъ, объявилъ въ 1347 году свою независимость, перенесъ резиденцію въ лежащую къ западу отъ Гайдерабада Кульбаргу и сдѣлался основателемъ династіи Бахменидовъ. Границы

его владычества простиралась отъ Берара до Кистны и отъ Бенгальскаго до Аравійскаго моря; правнукъ его Ала-ад-динъ Ахмедъ-шахъ II (1435—57) присоединилъ еще Кокандъ, Кхандешъ и Гуджератъ. Самой большей власти эта династія достигла въ началѣ царствованія Махмудъ-шаха II (1482—1518), господствовавшаго надъ всѣмъ Деканомъ къ сѣверу отъ Майсура. Но за этой высотой послѣдовало вскорѣ внезапное паденіе: вслѣдствіе опять таки возстанія намѣстниковъ весь сѣверъ, въ теченіе періода отъ 1484 до 1512, распался на пять небольшихъ мусульманскихъ царствъ, тогда какъ на югѣ царство Виджаянагаръ быстро достигло высокой степени расцвѣта.

Среди возставшихъ намѣстниковъ первымъ объявилъ себя независимымъ Фаттхъ Аллахъ Имадъ (Ихмадъ-шахъ) изъ Берара, обращенный индусъ изъ Виджаянагара; государство, основанное имъ въ 1484 г. съ главнымъ городомъ Элличпуромъ, существовало до 1568 г., когда оно было присоединено Акбаромъ. Вскорѣ за первымъ послѣдовали намѣстники Адиль-шахъ въ Биджапурѣ (царство существовало съ 1489 до 1686) и Низамъ-шахъ въ Ахмеднагарѣ (царство существовало съ 1490—1595). Два года спустя объявилъ себя независимымъ намѣстникъ Беридъ-шахъ въ Бидарѣ (Бедаръ); — династія существовала до 1609 г.; наконецъ въ 1512 г. отпала Голконда (Гайдерабадъ) съ Кутбъ-шахомъ во главѣ; династія существовала до 1687. Всѣ эти небольшія мусульманскія царства, не достигнувъ никакого первенства надъ другими, послѣ извѣстнаго расцвѣта снова сливались съ тѣмъ же государствомъ Дели, отъ котораго они происходили.

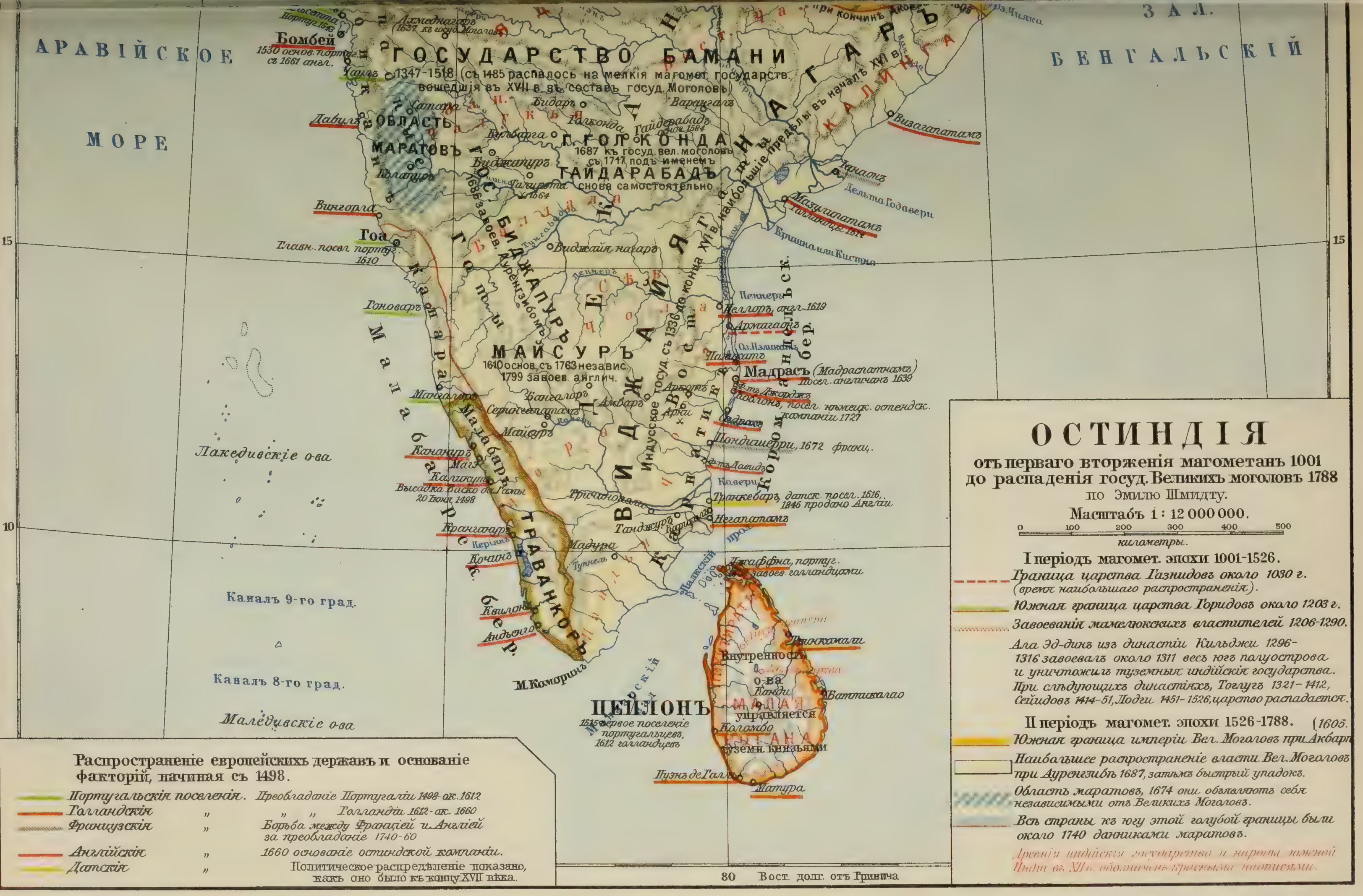
Больше всего выиграло отъ соперничества мусульманскихъ царствъ въ Деканѣ одно южное индусское царство Виджаянагаръ(а). Основанное въ 1326 г. двумя бѣглецами изъ племени курумба (пастухи), оно долгое время не могло достигнуть большого значенія наряду съ могуществомъ сосѣднихъ мусульманъ на сѣверѣ. Въ 1479 г. угасла первая династія Виджаянагара; вторая династія, основавшаяся около 1450 г., какъ побочная линія въ Нарасинха, быстро достигла блестящаго положенія. Послѣ Чолы, которая уже задолго передъ тѣмъ потеряла свое прежнее значеніе, была сломлена и сила Пандійскаго царства. Такимъ образомъ къ концу XV вѣка Виджаянагаръ представлялъ безспорно первенствующее царство на южномъ полуостровѣ: незначительные князья отъ Каттака до Траванкора стояли въ зависимости отъ него; въ началѣ XVI столѣтія ему принадлежалъ весь восточный берегъ (см. карту при стр. 422). Значеніе великаго индусскаго государства и его умѣвшихъ цѣнить искусство правителей еще и теперь отражается въ великолѣпныхъ развалинахъ, погребенныхъ въ джангляхъ Беллари. До середины XVI столѣтія Виджаянагару не приходилось опасаться мусульманскихъ царствъ на сѣверѣ, соперничество которыхъ другъ съ другомъ держало ихъ въ извѣстномъ равновѣсіи; но когда около указаннаго времени соединенныя силы ихъ направились противъ индусскаго государства, оно не могло не рушиться.

b) Могольское царство Тимуридовъ до Аламгира II (1526—1759).

α) Бабуръ

Рядъ могольскихъ правителей открываетъ собою одна изъ самыхъ блестящихъ и въ то же время привлекательныхъ личностей во всей исторіи Азіи, — султанъ Бабуръ (Захир-ад-динъ Мухаммедъ Бабуръ или Ба-

Горъ
Кабулъ
1506 завоев. Бабуромъ
Джелалабадъ
Пешаверъ
Газни
столица Газнидовъ
1150 завоев. князьями Гора
АФГАНЦЫ
ГОСУДАРСТВО ГАЗНИДОВЪ
1001 - 1186
Кандагаръ
1594 1648 къ госуд. Вел. Моголовъ
КАШМИРЪ
1586 присоед. Акбаромъ къ госуд.
Моголовъ, 1752 къ Афганистану
Сринагаръ
Джаму
Сикъ
Лагоръ
послѣдняя столица князей Газна
ПЕНДЖАБЪ
Сивистанъ
Мултанъ
Сетледжъ
Индъ
около 1030 года
Гималайскія горы
ТИБЕТЪ
Гангъ
Паниптъ
Дели
съ 1193 столица
магомет. госуд.
ГОСУДАРСТВО ГОРИДОВЪ
1186 - 1206
Биканиръ
Тарръ
Пустыня
Граница государства Газнидовъ
РАДЖПУТАНА
Джодпуръ
Аджмиръ
МАРВАРЪ
АДЖМИРЪ
Агра
Муттра
Гуркха
НЕПАЛЪ
Катманду
Рогилькандъ
БУТАНЪ
Брамапутра
АУДЪ
КАНАУДЖЪ
Гваліоръ
Аллагабадъ
Бенаресъ
Патна
Чунаръ
БИХАРЪ
БЕНГАЛІЯ
покорена 1203 Кутубомъ
завоевана 1576-92 Акбаромъ
Плассей
1757
Бардванъ
Калькутта
24 Перганы
Балясоръ
ОРИССА
около 1590
присоединена Акбаромъ къ госуд. Моголовъ
ГАНАПАТИ
ГОС. БЕРАРЪ
КАНДЕШЪ
Сурата
Горы Виндхья
Нарбада
Джабальпуръ
Бильза
МАЛОВЪ
1226 - 32
подчинено Алтамшу
Удджейнъ
Ахмеднагаръ
БАНДЕЛЬКАНДЪ
УДАЙПУРЪ
Читоръ
МЕВАРЪ
Горы Аравалли
ГУДЖЕРАТЪ
1573 присоед. Акбаромъ къ
госуд. Моголовъ
Барода
Ранъ
Зал. Кач
Дельта Инда
СИНДЪ
Діу
Сомнатъ



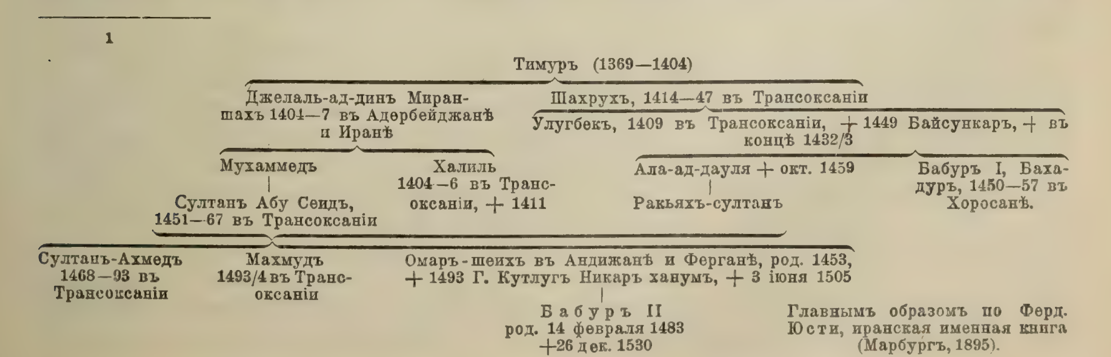
Исторія человѣчества. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

баръ II[1], — „левъ“. Какъ сынъ Омара, незначительнаго князя въ чудной гористой странѣ Ферганѣ (въ сѣверной части бассейна Оксуса), происходившаго въ четвертомъ поколѣніи непосредственно отъ Тимура, и матери-монголки, онъ уже рано по смерти своего отца (1493) былъ брошенъ въ пучину самыхъ тяжелыхъ невзгодъ. Въ 1494 г. онъ взялъ въ свои руки бразды правленія, и всего того, что ему пришлось пережить въ слѣдующее за тѣмъ десятилѣтіе,—борьбы и опасностей, мужественныхъ дѣлъ и самыхъ тяжелыхъ пораженій, блестящихъ пріобрѣтеній и жестокихъ потерь, то на тронѣ великаго царства, то почти забытымъ бѣглецомъ въ недоступныхъ ущельяхъ своихъ родныхъ горъ, — было бы достаточно, чтобы самую долгую жизнь сдѣлать такой содержательной, какая могла только когда либо выпасть на долю человѣка. Въ концѣ 1504 г. онъ былъ вынужденъ отступить предъ превосходными силами узбековъ (стр. 176) и бѣжать въ Афганистанъ, отказавшись отъ страны по ту сторону Хиндукуша. Но уже спустя два мѣсяца (1505) онъ взялъ Кабулъ, который отнынѣ остался въ его владѣніи; однако и тутъ не прекратились для него напряженные труды и удивительныя превратности судьбы. При всемъ этомъ насъ въ немъ больше всего трогаетъ его человѣческая сторона: его неподдѣльныя глубокія чувства, любовь къ матери и роднымъ, его мягкость по отношенію къ побѣжденнымъ. То, что онъ чувствовалъ глубоко и тепло, онъ изливалъ въ прекрасныхъ тюркскихъ и персидскихъ стихахъ, а его написанныя на восточно-тюркскомъ нарѣчіи (джагатай) „достопримѣчательности“, рисующія намъ какъ въ зеркалѣ этого рѣдкаго человѣка, представляютъ несомнѣнно одно изъ самыхъ выдающихся сочиненій этого рода литературы.

Неудачи, которыя Бабуръ потерпѣлъ въ Трансоксаніи и Бактріи, заставили его обратить свои взоры на Индію; предлогами для него явились его права на Пенджабъ, какъ на наслѣдіе Тимура, а призывъ Даулетъ-хана Лоди, возставшаго Лагорскаго намѣстника, далъ въ 1524 г. толчокъ къ походу на сосѣднее государство. Сопротивленіе Пенджаба было безъ труда сломлено. Баберъ, превосходившій своихъ противниковъ особенно артиллеріей, двинулся черезъ Сэтледжъ въ концѣ 1525 года. Вблизи Панипата, между Сэтледжемъ и Джамной, въ 10 миляхъ къ сѣверу отъ Дели, 25 тысячное войско Бабура было встрѣчено 21 апрѣля 1526 г. Ибрагимомъ Лоди со 100.000 солдатъ и 1000 боевыхъ слоновъ; несмотря на превосходство своихъ силъ Ибрагимъ поплатился трономъ и жизнью. Дели (24 апрѣля) и Агра, съ 1503/4 года резиденція индостанскихъ афганцевъ, попали въ руки побѣдителя, который раздѣлилъ богатыя сокровища казны между своими воинами, а знаменитый алмазъ Кохинуръ („гора свѣта“), прежняя добыча Хальджи Мухаммедъ-шаха, достался сыну Бабура Хумаюну; съ 1850 г. этотъ алмазъ украшаетъ сокровищницу англійской короны. Побѣда при Панипатѣ отдала въ руки Бабура всю сѣверную Индію къ сѣверо-востоку отъ Дели и сверхъ того еще узкую полосу вдоль Джамны до Агры. Конецъ 1526 года застаетъ его уже властителемъ всей

[1]



области къ югу отъ Джамны до Гваліора. Здѣсь его встрѣтили индусы. Князья Раджпутаны съ Рана Санка во главѣ, правитель Читора, Мевара и Аджмира явились съ огромнымъ войскомъ въ семи миляхъ къ западу отъ Агры. При Фаттепурѣ Сикри или Канвѣ произошло 16 марта 1527 года сраженіе, въ которомъ раджпуты были разбиты на голову; Меваръ достался побѣдителю, который приступилъ тотчасъ же къ реорганизаціи внутренняго строя вновь пріобрѣтенной области. Въ слѣдующемъ году Баберу пришлось снова испытать отчаянную храбрость раджпутовъ, когда онъ, преслѣдуя одного изъ ихъ раджей, спасшагося во время Сикринской битвы, осадилъ его крѣпость Чандери. Когда уже на второй день войска Бабера взяли штурмомъ валы, осажденные сожгли, по древнему обычаю кшатріевъ, своихъ женъ и дѣтей и нагіе съ мечами наголо бросились на врага; стража раджи убивала другъ друга, при чемъ каждый старался получить ударъ первымъ. Въ 1529 г. былъ вытѣсненъ изъ Ауда Махмумъ Лоди, братъ Ибрагима; на правомъ берегу Ганга былъ взятъ южный Бихаръ, а раджа Бенгала Насир-ад-динъ Насретъ-шахъ былъ вынужденъ сложить оружіе.

Въ какіе-нибудь три года Бабуръ совершилъ свой блестящій побѣдоносный походъ черезъ всю сѣверо-индійскую низменность до Бенгала (см. приложенную карту исторіи „Остъ-Индіи"). Но здоровье его не выдержало безпримѣрныхъ трудностей его полной треволненій жизни. 26 декабря 1530 г., не достигши 50 лѣтъ, умеръ Бабуръ, — левъ; послѣдними словами его было: „не убивайте братьевъ своихъ, заботьтесь объ нихъ съ любовью".

β) Хумаюнъ и Суриды.

Сынъ и преемникъ Бабура, Насир-ад-динъ Мухаммедъ Хумаюнъ, родившійся въ 1507 году, наслѣдовалъ отъ отца своего храбрость, но не наслѣдовалъ его сильной воли, его постоянства, его твердыхъ принциповъ, его высокаго честолюбія, сердечности и неизмѣнной вѣрности. Бабуръ назначилъ Хумаюна властелиномъ всего государства, а второго своего сына Камрана намѣстникомъ Кабула и Кандагара. Хумаюнъ думалъ скрѣпить еще больше узы между собою и братомъ, предоставивъ ему также и управленіе Пенджабомъ. Но, отказавшись отъ своей родовой страны, онъ отстранилъ отъ себя также и испытанныхъ, закаленныхъ афганцевъ и этимъ значительно ослабилъ свое военное положеніе въ Индіи какъ разъ въ такое время, когда со смертью могучей личности Бабера выростали для него со всѣхъ сторонъ враги. Прежде всего понадобилось подавить возстаніе полководцевъ послѣднихъ афганскихъ властителей, затѣмъ нужно было наказать Бахадуръ-шаха, раджу Гуджерата, за его происки. Царь самъ прогналъ Бахадуръ-шаха; но едва онъ, вынужденный безпорядками въ Бенгалѣ, возвратился въ свою резиденцію, какъ оставленныя имъ въ Гуджератѣ войска были оттуда вытѣснены, и ему пришлось отказаться даже отъ Мальвы.

Тѣмъ временемъ на крайнемъ востокѣ, въ Бенгалѣ, надвигалась гроза противъ владычества моголовъ. Феридъ-ханъ, мусульманинъ съ выдающимися способностями и, какъ полагаютъ, по происхожденію членъ афганскаго царственнаго дома Сури, сталъ во главѣ всѣхъ враговъ моголовъ и быстро овладѣлъ Бихаромъ. Между тѣмъ какъ Хумаюнъ цѣлыми мѣсяцами осаждалъ сильную крѣпость Чунаръ близъ Бенареса, его умный противникъ, принявшій тѣмъ временемъ титулъ Ширъ („левъ") шаха, завоевалъ Бенгалъ. Затѣмъ въ двухъ битвахъ, при Хонса въ 1539 г. и при Канауджѣ 1540 г., онъ окончательно разбилъ Тимурида, такъ что тотъ долженъ былъ бросить свое государство и бѣжать въ Лагоръ къ своему брату Камрану. Но и здѣсь онъ не нашелъ безопас-

ности: когда Камранъ, подавленный совершенно неожиданными успѣхами Ширъ-шаха, заключилъ съ нимъ миръ цѣною уступки Пенджаба, для изгнанника-царя началась жизнь, полная разочарованій и ужасныхъ лишеній въ Раджпутанѣ, гдѣ онъ принужденъ былъ переходить съ мѣста на мѣсто; въ пустынѣ Тхаръ при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ родился у него сынъ Акбаръ (14 октября 1542 г,) Въ 1543 г. онъ отправился въ Кандагаръ. Ширъ-шахъ, сдѣлавшійся послѣ рѣшительной побѣды надъ Хумаюномъ властелиномъ всей области Ганга, обратилъ теперь свои силы на улучшеніе внутреннихъ условій страны, стараясь поощрять земледѣліе, создать порядокъ и спокойствіе, развить торговлю сооруженіемъ обширной сѣти дорогъ, поднять на большую высоту государственный строй, налоги и правосудіе. Но дѣятельность его была неожиданно прервана: 22 мая 1545 г. его постигла смерть при осадѣ одной непріятельской крѣпости.

Преемникъ его Селимъ (Исламъ)-шахъ старался продолжать правленіе въ духѣ отца; однако, въ продолженіе своего кратковременнаго царствованія, ему пришлось посвятить много времени подавленію мятежей. При слѣдующихъ бездарныхъ и порочныхъ преемникахъ его Ферузѣ (1553), Мухаммедѣ (1553), Ибрагимѣ (1554) и Сикандерѣ (1555) государство быстро пришло въ упадокъ. Повсемѣстныя возстанія подготовили путь къ возвращенію Хумаюна. Онъ разбилъ при Сирхиндѣ двѣ арміи и лѣтомъ 1555 г., уже снова царемъ, совершилъ свой въѣздъ въ Дели. Но уже черезъ полгода онъ умеръ отъ послѣдствій паденія съ лошади (въ январѣ 1556 г.).

γ) Акбаръ.

Отъ своего отца молодой Абу-л-фатх-Джелаль ад-динъ Акбаръ, вступившій на индостанскій престолъ 23 февраля 1556 г., получилъ въ наслѣдство испытаннаго туркмена Бе (и) рамъ-хана, благодаря храбрости котораго армія Лодхи, продвинувшаяся тѣмъ временемъ снова за предѣлы Дели и Агры, была подъ предводительствомъ Хему (Химу) вторично разбита при Панипати (стр. 423) 5 ноября 1556 г. Всѣ государственныя дѣла Акбаръ также предоставилъ ненавистному Бераму, гордившемуся своими титулами Ханъ-Бабу (царскій отецъ). Но во время одной охоты Акбаръ внезапно возвратился въ резиденцію и объявилъ, что отнынѣ онъ самъ будетъ править всѣми государственными дѣлами (1560). Пораженный Берамъ попытался было возстать, но, не встрѣтивъ ни въ комъ поддержки, онъ долженъ былъ подчиниться молодому государю, который принялъ его снова со всѣми подобающими почестями. Но въ томъ же году Берамъ, собравшійся на богомолье въ Мекку, былъ убитъ однимъ изъ своихъ враговъ.

Такимъ образомъ Акбаръ снова остался одинъ передъ трудной задачей собрать въ одно единое могущественное государство Индію, распавшуюся въ многовѣковой борьбѣ на сотни мелкихъ владѣній. Всѣ завоетели, предшествовавшіе ему, принадлежали другой странѣ, изъ которой они черпали свою силу и въ которой имѣли опору; 18 же лѣтній Акбаръ былъ предоставленъ самому себѣ. Личность Бабура воскресла въ его внукѣ: отъ дѣда Акбаръ наслѣдовалъ свою даровитость, желѣзную волю, благородное сердце, тепло бившееся для всего человѣческаго. Сынъ скитальца-царя, родившійся въ пустынѣ и выросшій на половину въ заключеніи, онъ уже ребенкомъ познакомился съ тяжелой стороной жизни. Судьба одарила его прекраснымъ тѣлосложеніемъ, которое онъ развилъ до совершенства. Онъ занимался всегда тѣлесными упражненіями; страстно предавался охотѣ, особенно же любилъ укрощать дикихъ лошадей и слоновъ и мѣряться съ опаснымъ тигромъ. Однажды, когда пришлось отклонить Раджу

Джотпура отъ намѣренія заставить вдову его умершаго сына отдать свою жизнь на кострѣ, Акбаръ проскакалъ 220 англійскихъ миль въ два дня. Въ борьбѣ онъ выказывалъ необыкновенное мужество. Въ опасныхъ походахъ онъ самъ предводительствовалъ войскомъ; болѣе легкое окончаніе войны онъ предоставлялъ своимъ генераламъ.

Врагъ какой бы то ни было жестокости, онъ обходился съ побѣжденными по человѣчески, разъ побѣда была одержана. Свободный отъ всякихъ предразсудковъ, раздѣляющихъ людей и дѣлающихъ ихъ врагами другъ другу, свободный отъ ненависти къ иновѣрцамъ и предубѣжденности по отношенію къ чуждымъ его племени индусамъ и дравидамъ, онъ былъ призванъ сплотить разрозненные народы своего государства въ одно сильное и счастливое цѣлое.

Онъ серьезно посвятилъ себя дѣлу умиротворенія страны. Умѣренный въ наслажденіяхъ, отдавая очень немного времени сну и придерживаясь самаго строгаго распредѣленія времени, онъ находилъ еще достаточно досуга, чтобы по окончаніи своихъ занятій дѣлами государства отдаваться наукамъ и искусству. Онъ любилъ общество выдающихся людей и ученыхъ, украшавшихъ его городъ, и каждый четвергъ вечеромъ вокругъ него собирался кружокъ людей для умныхъ бесѣдъ и философскихъ разсужденій. Ближайшими его друзьями были два высокоодаренные брата, Шехъ Фаизи (Фэзи) и Абу-л-Фазлъ, сыновья одного свободомыслящаго ученаго. Старшій изъ нихъ былъ прекрасный знатокъ индусской литературы; Акбаръ поручилъ ему перевести самому и руководить переводомъ главныхъ сочиненій этой литературы съ санскритскаго языка на персидскій, Фазлъ же, съ которымъ Акбаръ былъ особенно друженъ, былъ полководцемъ, государственнымъ дѣятелелемъ и организаторомъ; ему главнымъ образомъ обязано государство Акбара своимъ твердымъ внутреннимъ строемъ.

Въ Индіи давно уже перестали считаться съ какими бы то ни было авторитетами, а въ эпоху моголовъ тяжелые годы изгнанія Хумаюна также мало способствовали водворенію строгихъ порядковъ. И при Акбарѣ дѣло также не обходилось безъ того, чтобы какой-нибудь полководецъ, послѣ усмиренія одной изъ возставшихъ провинцій, не сдѣлалъ попытки удержать подлежавшіе къ отправкѣ въ Дели налоги и оставить за собою самую область; такъ случилось въ Аудѣ, Мальвѣ, Бенгалѣ и т. д. Съ иными Акбаръ расправлялся со всею строгостью; другихъ же, напротивъ того, онъ приковывалъ къ себѣ мягкостью. Родной братъ Акбара Мухаммедъ Хакимъ, вздумавшій занять въ 1566 г. Пенджабъ, былъ имъ подвергнутъ изгнанію. Раджпутскихъ же князей Акбаръ привлекъ на свою сторону ласковымъ обращеніемъ. Самъ онъ былъ женатъ на двухъ принцессахъ изъ Амбера и Марвара; его старшій сынъ Селимъ Джехангиръ также былъ женатъ на одной Амберской принцессѣ. Князья этихъ мелкихъ государствъ, съ которыми могущественный властелинъ обращался какъ съ равными, забывали свою гордость передъ чуждымъ имъ по происхожденію и религіи повелителемъ и почитали за честь занимать въ арміи Акбара высокія мѣста. Лишь одинъ изъ нихъ остался въ сторонѣ,— раджа Читора. Въ 1567 г. Акбаръ осадилъ его резиденцію; храбрый начальникъ гарнизона былъ застрѣленъ самимъ царемъ на валахъ крѣпости; гарнизонъ крѣпости по древнему обычаю раджпутовъ убилъ сначала женъ и дѣтей, а затѣмъ и самихъ себя — тѣмъ не менѣе бѣжавшій Раджа не сдался. Впослѣдствіи, еще при жизни Акбара, сыну этого Раджи удалось основать въ Удипурѣ новое государство, правители котораго еще по сю пору гордятся тѣмъ, что ихъ родъ не запятнанъ родствомъ съ царями Дели.

Еще большее сопротивленіе чѣмъ со стороны раджпутовъ Акбаръ встрѣтилъ со стороны остатковъ послѣдней мусульманской династіи. Въ 1559 году такіе „афганцы“ были изгнаны изъ Ауда и Мальвы. Въ Гуд-

жератѣ оспаривали свои права другъ у друга различные претенденты на тронъ. Призванный однимъ изъ такихъ претендентовъ, Акбаръ прогналъ ихъ всѣхъ и присоединилъ страну къ своему государству какъ провинцію (1572/73); когда же въ 1581 г. тамъ снова начались безпорядки, борьба опять возгорѣлась безъ рѣшительнаго, однако, успѣха для той или другой стороны, пока смерть Музаффара III Хабиба (1593) не положила начало миру. Такимъ же образомъ затягивалось и окончательное покореніе Бенгала; отобранный еще въ 1576 г. у сына Сулейман-хана Карарани, Давудъ-шаха, онъ терпѣлъ еще долгое время отъ неоднократныхъ возстаній какъ могольскихъ, такъ и афганскихъ предводителей и лишь въ 1592 году былъ окончательно умиротворенъ. Орисса также была пріобщена къ государству Дели. Въ Синдхѣ хозяйничали военные проходимцы, остатки афганскаго владычества; они были побѣждены въ 1592 г. и, будучи назначены на высокія государственныя должности, окончательно успокоились. Небольшой походъ противъ Кашмирскаго раджи Юсуфа изъ династіи Чака привелъ въ 1586/87 г. къ покоренію этой маленькой страны, сдѣлавшейся отнынѣ любимой лѣтней резиденціей могольскихъ царей. Болѣе затруднительной была борьба съ племенами почти недоступнаго Кафиристана (юзуфсаями); природа страны еще понынѣ обезпечиваетъ имъ ихъ независимость. Послѣднимъ пріобрѣтеніемъ на крайнемъ западѣ былъ Кандагаръ, завоеванный уже Хумаюномъ, но взятый обратно персами въ первые годы правленія Акбара; въ 1593/94 г. государь снова подчинилъ его своей власти.

Такимъ образомъ государство Акбара (см. карту при стр. 422) простиралось теперь отъ Афганистана до Ориссы и отъ Гималайскихъ горъ до Нарбады. По ту сторону этой послѣдней господствовала не меньшая сумятица, чѣмъ какая была раньше къ сѣверу отъ нея. Призванная одной изъ воюющихъ сторонъ армія Акбара быстро завладѣла Берaромъ (съ главнымъ городомъ Элличпуромъ); но передъ Ахмеднагаромъ, центромъ мусульманскихъ царствъ въ Деканѣ, она встрѣтила неожиданное сопротивленіе. Чандъ Биби, регентша за несовершеннолѣтіемъ своего внучатнаго племянника Бахадура Низамъ-шаха, женщина рѣдкаго характера, сплотила въ виду приближавшейся опасности нѣсколькихъ враждовавшихъ между собою вождей; осажденная въ своей резиденціи, она сумѣла такъ воспламенить духъ сопротивленія своихъ союзниковъ, что моголы были довольны, когда могли заключить миръ (1596) подъ условіемъ отказа Чандъ Биби отъ Берара. Возобновившіяся смуты привели къ новому натиску моголовъ. Послѣ рѣшительной битвы Акбаръ самъ повелъ свои войска (1599); но Ахмеднагаръ палъ лишь въ 1600 г., послѣ того, какъ Чандъ Биби была убита своими собственными подданными. Акбаръ назначилъ только для виду правителя въ лицѣ Муртеда II, династія котораго угасла въ 1637 г. при Шахъ Джеханѣ.

Послѣдніе годы жизни Акбара были омрачены тяжелыми семейными заботами и горемъ, которое ему доставила смерть его друга Абу-л-Фазла. Наслѣдникъ престола, принцъ Селимъ (Джехангиръ), человѣкъ страстный и предававшійся опіуму и пьянству, смертельно ненавидѣлъ перваго совѣтника своего отца, Фазла. Акбаръ назначилъ сына вице-королемъ Аджмира; но это не удовлетворило честолюбію послѣдняго: онъ стремился къ престолу, завладѣлъ государственной казной, принялъ титулъ царя и захватилъ Аудъ и Бехаръ. Несмотря на это, Акбаръ обошелся съ нимъ ласково, и Селимъ снова подчинился отцу; но онъ не замедлилъ отомстить низкимъ образомъ: онъ подговорилъ одного изъ мелкихъ князей въ Бандельхандѣ предательски убить Абу-л-Фазла (1602). Ко всѣмъ горестямъ Акбара присоединилась потеря третьяго принца, Даніяла, который, какъ и его старшій братъ Мурадъ въ 1599 году, умеръ отъ пьянства 8 апрѣля 1605 г. Царь не могъ перенести этихъ ударовъ

судьбы. Послѣ продолжительнаго недомоганія его состояніе ухудшилось, и 15 октября 1605 года не стало Акбара, самаго великаго повелителя, какой когда либо царствовалъ на тронѣ Индіи.

При всѣхъ мусульманскихъ завоевателяхъ, проникшихъ съ сѣверо-запада въ Индію, страна страдала отъ раздвоенности религіи и расы. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи индусы, значительно преобладающая часть населенія, считались низшими; за высокомѣріе и презрѣніе, съ которыми смотрѣли на нихъ, они отплачивали ненавистью, —при такихъ правителяхъ Индія не могла быть счастливой страной. Если исторія справедливо называетъ Акбара „Великимъ“, то этимъ прозвищемъ онъ обязанъ не столько своимъ военнымъ успѣхамъ, сколько заботамъ о внутреннемъ благоустройствѣ страны, которой онъ далъ миръ, сгладивъ религіозную и расовую рознь.

При своемъ вступленіи на тронъ Акбаръ былъ ревностнымъ магометаниномъ; еще въ 1576 году онъ носился съ мыслью отправиться въ Мекку на богомолье къ гробу пророка. Но вскорѣ къ философскимъ вечерамъ, на которыхъ происходилъ обмѣнъ мыслей (стр. 426), былъ привлеченъ не только магометанскій мулла, но и ученый брахманскій жрецъ и даже римскій миссіонеръ. Ни одно изъ ихъ ученій не представлялось Акбару какъ единственно вѣрное. Подъ ихъ вліяніемъ и въ дружескомъ общеніи со своимъ кружкомъ его представленіе о карающемъ богѣ, которое Магометъ заимствовалъ у Моисея, перешло въ представленіе о высшемъ существѣ, обнимающемъ всѣхъ съ равною любовью, ученіе объ очеловѣченномъ богѣ углубилось и вылилось въ чистую, возвышающуюся надъ всѣмъ чувственнымъ вѣру, по которой божество познается не путемъ откровенія, а лишь однимъ разумомъ и разсудкомъ, то божество, которому нужно служить не разными религіозными обрядностями и пустыми формулами, а нравственно чистыми дѣлами. Если слабый человѣкъ требуетъ осязательныхъ символовъ высшаго божества, то самые высокіе изъ нихъ это солнце, звѣзды или огонь. Въ представленіи Акбара о богѣ не было мѣста ни для предписаній ритуала, ни для пророковъ или жрецовъ.

Если, несмотря на все это, онъ для поддержанія своего значенія предъ народомъ велитъ объявить ему черезъ законовѣдовъ, что царь является главою церкви, если его credo гласитъ: нѣтъ бога кромѣ бога и Акбаръ его калифъ, то онъ все-таки не прибѣгалъ ни къ какимъ насиліямъ для распространенія своихъ религіозныхъ воззрѣній. Для большой массы народа эти воззрѣнія были слишкомъ глубоки и слишкомъ отвлеченны, чтобы не остаться почти исключительно достояніемъ небольшого круга философски мыслящихъ послѣдователей. Терпимость лежала въ основѣ характера Акбара; поэтому онъ не желалъ никого, кто молился другому богу, отвратить отъ его религіи. Каждый мусульманинъ могъ безпрепятственно исполнять свои религіозныя обрядности, если онъ этого желалъ; но, съ другой стороны, никого не должно было понуждать къ этому. Акбаръ выступилъ, поэтому, противникомъ того насилія, которое исламъ оказывалъ на разныя стороны общественной и частной жизни: изученіе языка корана не поощрялось больше Акбаромъ, не отдавалось больше предпочтенія арабскимъ именамъ, какъ Мухаммедъ, Ахмедъ и т. д.; вмѣсто привѣтствія: „Миръ вамъ“, была введена формула: „Богъ великъ“ и т. д. Такимъ образомъ Акбаръ до нѣкоторой степени ограничилъ преимущества, которыми пользовалась религія его предковъ. Одновременно съ этимъ онъ снялъ оковы, тяготѣвшія на индусахъ и ихъ религіи: онъ совершенно отмѣнилъ подушную подать, которой были обложены невѣрующіе — источникъ глубокаго озлобленія для индусовъ — а также и налогъ на индусовъ-богомольцевъ; въ исполненіи своихъ религіозныхъ обрядностей они были стѣснены только тамъ, гдѣ требованія ихъ жрецовъ

стояли въ вопіющемъ противорѣчіи съ принципами человѣколюбія, какъ, напр., судъ божій, браки дѣтей, принудительное сожженіе и безбрачіе вдовъ и т. д. Во всѣхъ гражданскихъ правахъ мусульмане и индусы были уравнены; и тѣмъ, и другимъ въ одинаковой степени были открыты всѣ государственныя должности отъ высшихъ до низшихъ.

Во внутреннемъ управленіи своего обширнаго государства Акбаръ выказывалъ немало осмотрительности и энергіи. Взысканіе налоговъ было при всѣхъ прежнихъ правителяхъ больной стороной управленія. Доходы съ значительныхъ округовъ были предоставлены отдѣльнымъ генераламъ, которые были вольны выжимать изъ данниковъ все, что только было возможно получить; взамѣнъ этого они должны были поставлять и содержать извѣстное количество войска. Собственно же государственные налоги взимались цѣлымъ штатомъ спеціальныхъ чиновниковъ, которые были доступны всякаго рода подкупамъ и значительную часть сбора прятали въ свои карманы. Только Ширъ-шахъ (стр. 424) положилъ во время своего недолгаго царствованія начало справедливому обложенію налогами, но послѣдовавшія за этимъ безпокойныя времена снова уничтожили почти совершенно это хорошее начинаніе. Въ общемъ Акбаръ принялъ снова систему Ширъ-шаха, которую онъ разработалъ дальше и провелъ въ жизнь. Онъ имѣлъ счастье найти въ индусѣ Тодаръ Малѣ человѣка безупречной честности и выдающихся организаторскихъ способностей, который отлично сумѣлъ возстановить управленіе государствомъ, особенно же систему налоговъ. Благодаря ему, въ первый разъ въ Индіи была сдѣлана полная и точная расцѣнка всѣхъ земель къ сѣверу отъ Нарбады. Всѣ обработанныя земли были измѣрены, доходность ихъ точно занесена въ книги, и на такихъ основаніяхъ были вычислены налоги, высота которыхъ опредѣлялась третью доходности, принимая средній размѣръ этой послѣдней за десять лѣтъ. При этомъ по возможности избѣгались всякія строгости: при неурожаѣ и голодѣ налоги не взимались, давались ссуды деньгами или зерномъ и т. п. Ширъ-шахъ принялъ за налоговую единицу только четверть дохода съ урожая; тѣмъ не менѣе система Акбара была выгоднѣе не только для государства, но и для крестьянина, такъ какъ строгая отчетность и возможность сослаться на высшія власти препятствовали хищеніямъ; точно установленныя инструкціи давали возможность сократить почти на половину штатъ чиновниковъ. Чтобы возмѣстить чиновникамъ потерю законныхъ или незаконныхъ побочныхъ доходовъ, имъ всѣмъ, равно какъ и для офицеровъ и солдатъ, было назначено достаточное содержаніе.

Торговыя сношенія поощрялись, и этому немало способствовало введеніе однородныхъ опредѣленныхъ денежныхъ цѣнностей; сотни различныхъ родовъ денегъ, бывшихъ до того въ ходу, были изъяты изъ употребленія, и царскія деньги чеканились въ монетахъ каждой провинціи. Государство было раздѣлено на 15 провинцій (изъ которыхъ три падали на Деканъ), управлявшихся намѣстникомъ, совмѣщавшимъ въ себѣ гражданскую и военную власть, подъ верховенствомъ государя. Правосудіе находилось для мусульманъ въ рукахъ произносившаго приговоровъ верховнаго судьи, мир-и-адля, и приставленнаго къ нему кази, на обязанности котораго было вести слѣдствіе и указывать соотвѣтствующіе параграфы законовъ; индусы же судились свѣдущими въ законахъ брахманами. Относительно менѣе послѣдовательно и строго была проведена организація войска. Но въ общемъ внутренніе порядки государства, установленные до мельчайшихъ подробностей въ „Ain-Akbari“ (постановленія Акбара) Абу-л-Фазля, являлись громаднымъ шагомъ впередъ и благомъ для страны, которая въ правленіе Акбара ожила и расцвѣла, какъ никогда до этого.

д) Джехангиръ.

Умирая, Акбаръ назначилъ своимъ преемникомъ своего сына Нур-аддинъ Мухаммедъ Селима, носившаго, какъ царь, имя Джехангира (Джехангиръ—завоеватель міра). Еще при жизни отца онъ доставлялъ ему немало тяжелыхъ заботъ, между прочимъ своимъ пьянствомъ и вспыльчивостью, которая доводила его до жестокости и часто давала себя знать также и во время его правленія. Когда старшій полководецъ его Махабатъ-ханъ, не заявивъ ему объ этомъ раньше, выдалъ замужъ свою дочь, онъ велѣлъ высѣчь терновникомъ раздѣтаго до нага новобрачнаго и отобрать у него не только приданое, но и его собственное состояніе; послѣ же возстанія своего сына Хусрау онъ велѣлъ 700 изъ его приверженцевъ посадить на колъ вдоль дороги, ведущей въ Лагоръ, и провести черезъ эти шпалеры закованнаго въ цѣпи и посаженнаго на слона сына.

Сэръ Томасъ Рое, проведшій въ качествѣ посланника короля Іакова I при индійскомъ дворѣ съ 1615 до 1618 года, свидѣтельствуетъ о блескѣ придворной жизни, о любви государя къ роскоши и искусствамъ, о его дружественномъ отношеніи къ европейцамъ, стекавшимся во множествѣ къ его двору, вѣротерпимости по отношенію къ другимъ религіямъ, особенно же къ христіанской: двѣ жемчужины въ его четкахъ представляли головы Спасителя и Маріи, а двумъ своимъ племянникамъ онъ разрѣшилъ даже перейти въ христіанскую вѣру. Но Рое, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ также о происходившихъ каждую ночь оргіяхъ, на которыхъ никто не оставался трезвымъ и паче всѣхъ самъ царь. При этомъ наружно онъ старался сохранить ореолъ истаго строго-нравственнаго мусульманина; если кто-либо изъ посвященныхъ позволялъ себѣ днемъ малѣйшій неосторожный намекъ, государь совершенно серьезно спрашивалъ, кто провинился такимъ образомъ передъ закономъ, и затѣмъ наказывалъ названнаго извѣстнымъ количествомъ палокъ по пятамъ; одинъ изъ наказанныхъ такимъ образомъ умеръ. Вообще же внутренніе порядки государства Рое рисуетъ далеко не столь благопріятными, какими они были при Акбарѣ. Финансы были, по его мнѣнію, въ хорошемъ состояніи, но все управленіе было довольно шатко, чиновники деспотичны и подкупны, а военный духъ въ войскѣ, въ которомъ только раджпуты и афганцы были еще хорошими солдатами, онъ находилъ упавшимъ. Тѣмъ не менѣе правленіе Джехангира протекало безъ особенно глубокихъ потрясеній: государственный строй Акбара успѣлъ пустить уже слишкомъ глубокіе корни, чтобы не быть въ состояніи пережить даже и еще болѣе слабое правленіе.

Джехангиръ женился рано (1586/7) на дочери Рай-Сингха изъ Амбера; но онъ скоро подпалъ подъ вліяніе одной персіанки по имени Нуръ-Джеханъ, „свѣтъ міра“. Дѣдъ ея занималъ видное положеніе въ Тегеранѣ, но отецъ былъ ужъ такъ бѣденъ, что будущая царица тотчасъ по рожденіи была вынесена на улицу, гдѣ ее нашелъ богатый купецъ, который усыновилъ ее и взялъ къ ней въ кормилицы ея собственную мать. Нуръ Джеханъ получила хорошее воспитаніе; своимъ умомъ и красотою она завоевала сердце наслѣднаго принца Селима (Джехангира), который такъ настойчиво началъ ухаживать за нею, что по совѣту Акбара она была выдана замужъ за одного молодого персіянина, который вмѣстѣ съ ея рукою получилъ ленное помѣстье въ Бенгалѣ. Едва Джехангиръ побылъ на тронѣ одинъ годъ, какъ онъ сдѣлалъ ея мужу предложенія, на которыя персіянинъ отвѣтилъ тѣмъ, что закололь посредника; но самъ онъ былъ при этомъ разрубленъ на куски. Въ 1611 г. Нуръ Джеханъ наконецъ сдалась и съ этихъ поръ она совершенно забрала царя въ свои руки. Покуда былъ живъ достойный отецъ Нуръ Джеханъ, сдѣлавшійся великимъ

визиремъ государства, она имѣла на Джехангира хорошее вліяніе: онъ старался побороть въ себѣ страсть къ пьянству; прекратились и его безчеловѣчные поступки, такъ запятнавшіе имя царя въ первое время его правленія.

Возгорѣвшаяся война съ Удипуромъ (стр. 426) скоро была закончена (1614) вторымъ принцемъ Шихабъ ад-динъ Муххамедъ хуррам-шахъ Джеханомъ (шахъ Джеханъ); этотъ храбрый принцъ привелъ также къ благопріятному концу несчастную въ началѣ войну противъ мусульманскаго Декана. Насколько царь ненавидѣлъ своего старшаго, умершаго въ 1622 г. въ темницѣ, сына, Хусрау, настолько же былъ любимцемъ не только его, но и государыни, его второй сынъ, которому она отдала въ жены свою племянницу; Шахъ Джеханъ былъ оффиціально объявленъ наслѣдникомъ престола. Но милость Нуръ-Джеханъ, которая со смертью своего отца признавала только свою собственную волю, обратилась впослѣдствіи на самаго младшаго изъ принцевъ, который сталъ ей ближе со времени женитьбы на ея собственной дочери. Когда серьезно захворалъ его отецъ, оттѣсненный на заднiй планъ, Шахъ-Джеханъ направился къ Дели, но долженъ былъ отступить къ Телинганѣ и Бенгалу, гдѣ былъ разбитъ Махабатъ-ханомъ. Но тутъ вдругъ самъ Махабатъ навлекъ на себя немилость царицы, и, чтобы предупредить дальнѣйшіе враждебные шаги съ ея стороны, онъ завладѣлъ какъ ею, такъ и особою царя. Хотя имъ обоимъ и удалось бѣжать изъ заключенія и войти съ Махабатомъ въ соглашеніе, по которому тотъ обязывался снова выступить противъ Шахъ-Джехана, но, опасаясь дальнѣйшей мести Нуръ-Джеханъ, генералъ перешелъ на сторону принца. Дѣло, однако, не дошло больше до столкновенія обѣихъ партій: царь умеръ въ 1627 г. на пути изъ Кашмира въ Лагоръ. Нуръ-Джеханъ, съ которой наслѣдникъ престола обошелся почтительно, пережила своего супруга еще на 19 лѣтъ, которыя она провела въ почетномъ уединеніи, любимая всѣми за свои благотворительныя дѣла.

ε) Шахъ-Джеханъ.

При Шахъ-Джеханѣ I, который послѣ умерщвленія своего брата Шахріяра, вошедшаго въ союзъ съ двумя сыновьями Даніяла (стр. 427), подавленія возстанія въ Банделькандѣ и короткаго правленія своего племянника Даварбахша, сына Хусрау, съ 1628 года прочно овладѣлъ трономъ, монгольское государство достигло апогея своего благоденствія и процвѣтанія. Царь обладалъ большою дальновидностью въ выборѣ дѣльныхъ чиновниковъ, самъ строго слѣдилъ за управленіемъ, ввелъ много улучшеній и распространилъ созданную Тодаръ-Малемъ (стр. 429) систему топографической съемки земель и обложенія налогами въ двадцатилѣтнемъ трудѣ также и на тѣ части государства, которыя лежали по ту сторону Нарбады. Насколько онъ описывается недоступнымъ до своего вступленія на тронъ, настолько же онъ впослѣдствіи сдѣлался мягокъ, общителенъ и отечески благосклоненъ къ своимъ подданнымъ. Мусульманъ, которыхъ Акбаръ отодвинулъ скорѣе на задній планъ, онъ сумѣлъ снова привлечь къ себѣ, не потерявъ при этомъ, однако, расположенія индусовъ.

Объ этомъ блестящемъ періодѣ свидѣтельствуютъ еще и по настоящее время безчисленныя, выросшія за его царствованіе какъ частныя, такъ и общественныя постройки не только въ обѣихъ столицахъ, Дели и Агрѣ, но во всѣхъ другихъ значительныхъ мѣстностяхъ государства, даже въ совершенно теперь заброшенныхъ. Подобно Риму при Неронѣ, Парижу при Наполеонѣ III, и Дели при Шахъ-Джеханѣ совершенно измѣнилъ свой видъ. Дворцы его времени съ ихъ пріемными залами, мраморными колонадами, дворами и частными покоями, мечети и мавзолеи являются высшими созданіями мусульманскаго искусства въ Индіи. На первомъ

планѣ стоитъ Таджъ-и-Махаллъ („вѣнецъ гарема“; см. приложенную таблицу „Таджъ Магалъ близъ Агры“), гробница любимой супруги государя, Нуръ-и-Махалъ („свѣтъ гарема“). Эта гробница высится въ виду царской крѣпости Агры и представляетъ одну изъ самыхъ изящныхъ въ мірѣ построекъ, въ своихъ формахъ ясную и чистую, какъ кристаллъ, удивительную по нѣжности оттѣнковъ мрамора, изъ котораго она построена, тонкую и цѣломудренную въ своихъ украшеніяхъ. Эмблемою жизни и роскоши двора является знаменитый тронъ, въ видѣ павлина, изъ алмазовъ, смарагдовъ, рубиновъ, сапфировъ, подражающій формѣ и богатому переливу цвѣтовъ распущеннаго павлиньяго хвоста; путешественникъ Жанъ-Баптистъ Тавернье (1605—89), ювелиръ по ремеслу, оцѣниваетъ собранные въ немъ драгоцѣнные камни въ 160,5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Но сколько ни стоили всѣ подобныя постройки и предметы искусства, сколько ни поглощали средствъ многочисленныя войны, народъ въ правленіе Шахъ-Джехана наслаждался высокимъ благосостояніемъ, и царь — въ этомъ онъ превосходилъ Лоренцо Медичи „Велико лѣпнаго“ — оставилъ, умирая, богатѣйшую государственную казну.

Волненія, возникнувшія было въ 1629 году въ Деканѣ, были вскорѣ подавлены царемъ; Ахмеднагару онъ навязалъ благопріятный для Дели миръ. Когда, четыре года спустя, Ахмеднагаръ снова поднялся, онъ его присоединилъ въ 1637 г. къ государству Дели и одновременно сдѣлалъ его союзника Абдаллаха Гонкондскаго своимъ данникомъ. Менѣе благопріятно складывались обстоятельства по ту сторону афганской границы. хотя узбеки, проникшіе въ Кабулъ, и были вначалѣ вытѣснены изъ Бальха, а захваченный персами Кандагаръ въ 1637 г. снова покоренъ,—тѣмъ не менѣе при возобновленномъ натискѣ узбековъ третій сынъ царя, родившійся въ 1618 г., Мухаммедъ Мухьи ад-динъ Ауренгзибъ, принужденъ былъ зимою 1647 года совершить отступленіе черезъ хребетъ Хиндукушъ, стоившее ему значительной части войска; Кандагаръ также былъ въ 1648 г. вторично занятъ персами и остался въ ихъ владѣніи съ тѣхъ поръ, какъ въ 1653 году Шахъ-Джеханъ окончательно отказался отъ попытки покорить его снова. Въ 1655 г. въ Деканѣ начались новыя волненія. Ауренгзибъ, посланный туда въ качествѣ намѣстника, вѣроломно напалъ на Голконду; столица была взята штурмомъ, разграблена, сожжена, и Абдаллахъ былъ вынужденъ заключить на тяжелыхъ для себя условіяхъ миръ (1656). Затѣмъ безъ всякаго серьезнаго повода, Ауренгзибъ явился въ Биджапурѣ. Но еще до его окончательнаго подчиненія извѣстіе о внезапной болѣзни отца заставило Ауренгзиба заключить относительно благопріятный для Биджапура договоръ и удалиться со своими войсками (1657).

Послѣ одного уремическаго припадка Шахъ-Джехана четыре сына царя поспѣшили заявить себя претендентами на престолъ. Одинаково храбрые, они сильно отличались другъ отъ друга по способностямъ и характеру. Родившійся въ 1613 г, Дара-Шукохъ былъ человѣкъ одного типа съ Акбаромъ: даровитый, либеральный, онъ благоволилъ къ индусамъ и дружественно относился къ европейцамъ и христіанамъ; его недостаткомъ была несдержанность: онъ былъ горячъ, наносилъ часто оскорбленія, не имѣлъ приверженцевъ и былъ особенно непопуляренъ среди мусульманъ. Второй принцъ, Шуджа, подверженный пьянству, былъ ненавистенъ мусульманамъ за приверженность свою къ ученію шіитовъ. Зато третій сынъ, Ауренгзибъ, былъ фанатически преданъ ученію Магомета и всѣми любимъ за свой общительный нравъ; его окружалъ ореолъ недавней славы; но это былъ человѣкъ корыстолюбивый и фальшивый, Четвертый принцъ, Мурадъ-Бахшъ, хотя и былъ благороденъ, но не отличался умомъ и предавался низкимъ чувственнымъ порокамъ. Ауренгзибъ, стоявшій во главѣ своего испытаннаго войска, предоставилъ сначала двумъ братьямъ растратить свои силы въ обоюдной борьбѣ, самъ же привлекъ тѣмъ

Тадж Магалъ близъ Агры.

„Мечта, воплощенная въ мраморъ"—таковъ этотъ Тадж Магалъ, сокровище Агры, мавзолей Великаго Могола Шахъ Джехана (1628—58) и его супруги Мумтац-и-Махалъ. Онъ расположенъ въ 1½ км. къ востоку отъ форта, на правомъ берегу Джамны. Стѣна изъ краснаго песчаника окружаетъ большое прямоугольное пространство въ 298 м. длины и 90 м. ширины. Сама постройка, во всемъ ослѣпительномъ блескѣ бѣлаго полированнаго алебастра, возвышается на платформѣ, къ которой ведетъ величественная лѣстница въ 18 метровъ; правильный квадратъ съ притупленными углами несетъ на себѣ видный на далекое разстояніе храмъ, имѣющій въ самомъ широкомъ своемъ мѣстѣ 18,8 м. въ діаметрѣ и высящійся надъ террассой на 73 м.; куполъ заканчивается двумя золочеными шарами съ полулуніемъ. Внутри мавзолея, окруженные легкой ажурной работы мраморной рѣшеткой, стоятъ два пустыхъ гроба, оба, какъ и стѣны, украшенные цвѣтами изъ драгоцѣнныхъ камней и прелестными орнаментами. Все зданіе окружено обширнымъ садомъ, въ которомъ находится длинный прямолинейный бассейнъ съ многочисленными фонтанами.

Таджъ Магалъ близъ Агры.

„Мечта, воплощенная въ мраморъ"—таковъ этотъ Таджъ Магалъ, сокровище Агры, мавзолей Великаго Могола Шахъ Джехана (1628—58) и его супруги Мумтац-и-Махалъ. Онъ расположенъ въ $1^1/_2$ км. къ востоку отъ форта, на правомъ берегу Джамны. Стѣна изъ краснаго песчанника окружаетъ большое прямоугольное пространство въ 298 м. длины и 90 м. ширины. Сама постройка, во всемъ ослѣпительномъ блескѣ бѣлаго полированнаго алебастра, возвышается на платформѣ, къ которой ведетъ величественная лѣстница въ 18 метровъ; правильный квадратъ съ притупленными углами несетъ на себѣ видный на далекое разстояніе храмъ, имѣющій въ самомъ широкомъ своемъ мѣстѣ 18,8 м. въ діаметрѣ и высящійся надъ терассой на 78 м.; куполъ заканчивается двумя золоченными шарами съ полулуніемъ. Внутри мавзолея, окруженные легкой ажурной работы мраморной рѣшеткой, стоятъ два пустыхъ гроба, оба, какъ и стѣны, украшенные цвѣтами изъ драгоцѣнныхъ камней и прелестными орнаментами. Все зданіе окружено обширнымъ садомъ, въ которомъ находится длинный прямолинейный бассейнъ съ многочисленными фонтанами.

Исторія человѣчества. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Таджъ-Магалъ близъ Агры.

временемъ на свою сторону близорукаго Мурада преувеличенной похвалою, лестью и обѣщаніемъ стоять за него въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Разбивъ затѣмъ окончательно съ помощью Мурада Дара, только что вышедшаго побѣдителемъ изъ борьбы съ Шуджой, онъ пригласилъ ничего не подозрѣвавшаго Мурада на пиръ подъ предлогомъ отпраздновать его побѣду. На слѣдующее утро Мурадъ, очнувшись отъ своего опьяненія, увидѣлъ себя въ цѣпяхъ въ Делійской цитадели; позднѣе его перевели въ Гваліорскую городскую тюрьму.

Шахъ-Джеханъ I тѣмъ временемъ оправился отъ болѣзни и снова взялъ управленіе въ свои руки. Но такъ какъ онъ продолжалъ отдавать предпочтеніе своему старшему сыну, то Ауренгзибъ схватилъ его и заключилъ въ цитадель въ Агрѣ (1658), гдѣ съ нимъ обращались почтительно до его смерти, послѣдовавшей въ 1666 году. Вскорѣ послѣ этого Ауренгзибу удалось схватить и старшаго брата; нарядивъ надъ нимъ только для виду судъ, онъ велѣлъ объявить его измѣнникомъ вѣрѣ Магомета и приговорить къ смерти (1659). Такая же судьба постигла въ 1661 г. и Мурада, когда онъ сдѣлалъ попытку бѣжать изъ заключенія. Шуджѣ удалось бѣжать въ Бенгалъ, гдѣ въ 1660 г. онъ умеръ отъ лихорадки, схваченной въ Араканѣ, тогда какъ его сыновья содержались въ заключеніи въ Гваліорѣ до самой ихъ смерти. Такимъ образомъ преемнику Шахъ-Джехана нечего было больше бояться соперниковъ ни среди братьевъ, ни среди родственниковъ.

ζ) Правленіе Ауренгзиба.

Ауренгзибъ (Орангсибъ) Алемгиръ I (1658—1707) не наслѣдовалъ никакихъ высокихъ качествъ Бабура или Акбара, ни ихъ политической дальновидности, ни ихъ человѣколюбія, ни той религіозной терпимости, которая осчастливила народъ и сдѣлала государство могущественнымъ. Оба, какъ Бабуръ, такъ и Акбаръ, были люди творческаго ума, находившіе во всѣхъ затрудненіяхъ надлежащій исходъ, — Ауренгзибъ былъ человѣкомъ узкимъ, примѣнявшимъ свои хорошія качества не тамъ, гдѣ нужно, и не тогда, когда слѣдовало: онъ былъ снисходителенъ тамъ, гдѣ нужна была строгость, строгъ тамъ, гдѣ умѣстнѣе была бы снисходительность; онъ былъ щедръ тамъ, гдѣ слѣдовало быть бережливымъ, и, напротивъ, жаденъ, гдѣ требовалась щедрость; справедливымъ онъ былъ только по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ. На войнѣ онъ выказывалъ личную храбрость; но для великихъ государственныхъ задачъ онъ находилъ лишь мелкія средства. Его дѣяніями управляло не человѣколюбіе, а своекорыстіе, недовѣріе и религіозный фанатизмъ. Никто лучше его не умѣлъ скрывать своихъ мыслей; ни одно средство не было для него слишкомъ низкимъ или слишкомъ насильственнымъ, если ему нужно было достичь своихъ эгоистическихъ цѣлей. Стремленіе его было поощрять едино-истинную вѣру суннитовъ, его честолюбіе — быть примѣромъ односторонняго мусульманскаго правителя. Выказывая по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ мягкость, которая вела часто къ злоупотребленіямъ, хищеніямъ и непослушанію, онъ давалъ чувствовать свою тяжелую руку ненавистнымъ индусамъ, составлявшимъ большинство его подданныхъ. Онъ хорошо зналъ литературу, особенно Коранъ, былъ умѣренъ въ своей частной жизни, но публично выступалъ со всею пышностью и педантично исполнялъ всѣ религіозныя обрядности.

Въ началѣ правленія царь, казалось, склоненъ былъ въ отношеніи вѣротерпимости слѣдовать примѣру своего предка Акбара: онъ даже женилъ своего сына Мухаммедъ Му'аззама на дочери одного индусскаго раджи. Но скоро фанатизмъ царя проявилъ себя въ преслѣдованіи иновѣрцевъ, и между нимъ и народомъ началось отчужденіе. Налоги на

всякую куплю и продажу, высота которыхъ для магометанъ составляла $2^{1}/_{2}$%, Ауренгзибъ повысилъ для индусовъ вдвое, отмѣненная Акбаромъ ненавистная подушная подать для индусовъ была снова введена; это было сравнительно съ привилегированными мусульманами двойное обремененіе для индусовъ, для которыхъ отнынѣ участіе въ управленіи и войскѣ было закрыто. Въ 1679 году Ауренгзибъ приказалъ разрушить три самыхъ священныхъ храма индусовъ, въ Мултанѣ, Маттрѣ и Бенаресѣ, а на мѣстѣ храма Кришны въ Маттрѣ выстроить мечеть. Въ одной Раджпутанѣ брахманскія святилища, сдѣлавшіяся жертвою его религіознаго неистовства, насчитывались сотнями; жрецы убивались, а сокровища, находившіяся въ храмахъ, вывозились въ Дели. Ничто не можетъ лучше характеризовать ослѣпленнаго царя, какъ его попытка схватить дружественныхъ индусскихъ принцевъ и заставить ихъ силою перейти въ мусульманство; ихъ вооруженная стража была перебита до послѣдняго человѣка, сами же они бѣжали и вмѣстѣ со своими приверженцами сдѣлались заклятыми врагами Ауренгзиба.

Первыми поднялись послѣ такихъ притѣсненій сатнами, пуританская индусская секта на лѣвомъ берегу Сэтледжа: съ трудомъ лишь удалось ихъ подавить. За ними послѣдовали раджпутскія племена, и борьба велась съ перемѣннымъ успѣхомъ и такимъ ожесточеніемъ, что съ тѣхъ поръ раджпуты не переставали питать непримѣримую ненависть ко всѣмъ позднѣйшимъ правителямъ Дели. Собственный сынъ Ауренгзиба Мухаммедъ Акбаръ (четвертый принцъ), возмущенный безчеловѣчностью данныхъ ему царемъ приказаній, сталъ на сторону притѣсненныхъ, но скоро долженъ былъ бѣжать и искать помощи сначала у махраттховъ, ведшихъ борьбу съ его отцомъ, а затѣмъ у Персіи, гдѣ онъ въ 1706 г. умеръ.

η) Основаніе могущества махраттховъ.

Ауренгзибъ предводительствовалъ уже однажды съ успѣхомъ войсками Шахъ-Джехана противъ мусульманскихъ государствъ въ Деканѣ и сильно потѣснилъ Голконду и Биджапуръ; но на тамошнемъ тронѣ продолжали еще сидѣть независимые правители. Тѣмъ временемъ изъ ничтожныхъ зачатковъ выросло третье государство, болѣе устойчивое и болѣе опасное, чѣмъ остальныя, такъ какъ сила его коренилась въ національно-религіозной идеѣ,— государство махраттховъ (маратта). Сильное племя, ведущее свое происхожденіе отъ переселенцевъ-кшатріевъ, населяло мѣстность Махараштра и лежавшія къ югу отъ нея области и уже издавна посылало отличныхъ мужей въ сосѣднія мусульманскія государства, особенно въ Биджапуръ, гдѣ они занимали выдающееся положеніе въ управленіи и войскѣ. Глава одной изъ такихъ переселившихся семей, Шаджъ Бхонсла, отличился особенно какъ предводитель отряда наѣздниковъ и былъ награжденъ мусульманскимъ султаномъ Биджапура, давшимъ ему сначала въ ленное владѣніе Пуну, а затѣмъ еще болѣе значительное владѣніе въ нынѣшнемъ Майсурѣ. Отъ его брака съ одной знатной женщиной родился основатель махраттхскаго могущества, С (х) иваджи; національное и религіозное чувство наполнило его глубокою ненавистью ко всему мусульманскому. Въ то время, какъ отецъ пребывалъ въ своемъ южномъ владѣніи, сынъ съ помощью преданныхъ ему войскъ и дружественныхъ махраттховъ завладѣлъ цѣлымъ рядомъ самыхъ сильныхъ крѣпостей, задержалъ налоги и разграбилъ далеко за предѣлы своего округа страну своего государя; отецъ былъ заподозрѣнъ въ сообщничествѣ съ сыномъ и посаженъ Биджапурскимъ султаномъ въ заключеніе. Сиваджи вошелъ въ переговоры съ могущественнымъ Делійскимъ царемъ Шахъ-Джеханомъ, и изъ боязни предъ царемъ отецъ Сиваджи былъ выпущенъ на свободу; тогда Сиваджи сталъ дѣйствовать еще смѣлѣе противъ Биджапура. Наконецъ, противъ

него было послано войско подъ начальствомъ Афзалъ-хана; Сиваджи заманилъ этого послѣдняго подъ предлогомъ мирнаго свиданія къ Пратапгадъ-форту и закололъ его; застигнутое врасплохъ войско было большею частью перебито. Въ концѣ концовъ Сиваджѣ удалось добиться не только признанія за нимъ захваченнаго имъ округа, но также и права содержать 50.000 солдатъ пѣхоты и 7000 конницы.

Все это имѣло мѣсто незадолго до восшествія на престолъ Ауренгзиба. Теперь Сиваджи направилъ свои силы противъ его могущественнаго царства. Войска Сиваджи проникли въ 1662 г. въ область Сурата, опустошая все передъ собою; царское войско позорно отступило предъ побѣдителемъ. Лишь послѣдующимъ военачальникамъ удалось склонить Сиваджи къ тому, чтобы онъ самъ явился ко двору могущественнаго государя. Ауренгзибъ принялъ индуса холодно, почти презрительно, думая силою задержать его въ Дели. Но хитрый махраттха бѣжалъ со своимъ сыномъ, спрятавшись въ двухъ корзинахъ съ провизіей (1665). Въ 1674 году онъ объявилъ себя **независимымъ**, принялъ титулъ Махараджи и началъ чеканить монеты своего имени. Будь Ауренгзибъ болѣе дальновиднымъ правителемъ, онъ долженъ былъ бы признать въ этомъ вновь нарастающемъ индусскомъ государствѣ на юго-западѣ самаго опаснаго для себя врага и соединиться съ мусульманскими государствами Декана. Вмѣсто этого онъ надѣялся достигнуть самовластія надъ всѣми мусульманами Индіи, и отнесся съ поощреніемъ къ новому индусскому раджѣ, когда тотъ вынудилъ Биджапуръ платить четвертую часть своихъ государственныхъ доходовъ, какъ выкупъ за его право на грабежъ, -- **чаутъ**, налогъ, которому впослѣдствіи, въ качествѣ „махраттхской дани“, суждено было причинить государству Дели тяжелыя бѣдствія.

Умный противникъ обоихъ мусульманскихъ враговъ своихъ по мѣрѣ силъ воспользовался благопріятнымъ положеніемъ для внутренняго устроенія своего индусскаго царства. Общество было **организовано** по образцу самаго древняго преданія: брахманы съ пройденной ими въ теченіе цѣлыхъ поколѣній умственной школой съ ихъ высокимъ образованіемъ были призваны, чтобы стать во главѣ націи; высшія государственныя должности были замѣщены членами знатныхъ брахманскихъ родовъ, и они создали благоустроенное управленіе. Военное сословіе, ведшее свое происхожденіе отъ переселившихся нѣкогда въ эту область кшатріевъ, доставляло офицеровъ по профессіи и обученное регулярное войско. Земледѣльцы (кунби) представляли не только трудящееся сословіе, но, составляя вольные отряды, являлись въ то же время и резервомъ регулярнаго войска. Подъ четвертымъ классомъ (шанкардачи) понимались всѣ остальныя сословія (ремесленники, купцы и т. д.). Организованное такимъ образомъ государство имѣло небольшой постоянный отрядъ наѣздниковъ-копьеносцевъ, который, благодаря призыву ополченія, могъ, смотря по надобности, быстро превращаться въ громадное войско, а по минованіи опасности снова уменьшался до своихъ обыкновенныхъ размѣровъ. Махраттхская армія по своей подвижности значительно превосходила тяжеловѣсныя войска могольскаго царя: когда эти послѣднія являлись сплоченной массой, они находили только мирныхъ поселянъ, обрабатывавшихъ свои поля; но какъ только они раздѣляли свои силы, они видѣли себя неожиданно окруженными. Набѣги и наложенная на сосѣдей махраттхская дань давали большіе доходы; часть военной добычи дѣлилась между солдатами и ополченіемъ, но большая ея часть хранилась какъ государственная и военная казна въ небольшихъ, почти неприступныхъ горныхъ крѣпостяхъ. Такимъ образомъ Сиваджи располагалъ сильнымъ, всегда готовымъ войскомъ, которое само себя содержало, тогда какъ дорогостоившіе, неповоротливые отряды противника поглощали всѣ его богатства; махраттхи легко пополняли свои ряды, тогда какъ войско моголовъ могло

набирать рекрутовъ лишь съ трудомъ и издалека. И такого противника Ауренгзибъ мнилъ сдѣлать для себя безопаснымъ, воспользовавшись имъ противъ деканскихъ султановъ; на самомъ же дѣлѣ махраттхское царство, становясь на сторону то одного, то другого противника, вредило и тому и другому, усиливая этимъ самого себя.

ϑ) Конецъ царствованія Ауренгзиба.

Въ 1672 г. Сиваджи напалъ на царскую армію и такъ энергично разбилъ ее, что могольскіе отряды долгое время принуждены были ограничиваться одною защитою главной квартиры въ Орангабадѣ. Усиленное сосредоточіе всѣхъ военныхъ силъ на югѣ было невозможно для царя въ виду возстаній на сѣверѣ и сѣверо-западѣ государства. Благопріятный оборотъ дѣло, казалось, приняло въ 1680 г., когда умеръ Сиваджи и ему наслѣдовалъ сынъ его Самбаджи, далеко не отличавшійся энергіей своего отца. Одновременно съ этимъ совершилось и отпаденіе принца Акбара (стр. 434). Всегда подозрительный царь не довѣрялъ теперь никому и самъ сталъ во главѣ своей южной арміи, чтобы сильнымъ ударомъ сразить сначала своихъ мусульманскихъ противниковъ Али II Биджапурскаго и Абу-л-Хасана Гольќондскаго, а затѣмъ и махраттховъ. Въ 1683 г. онъ выступилъ противъ Декана; въ 1686 г. былъ взятъ Биджапуръ, а годъ спустя пала Голькoнда. Съ этого момента исчезаютъ послѣднія независимыя государства въ Деканѣ.

Въ 1689 г. Ауренгзибъ взялъ въ плѣнъ также и Самбаджи вмѣстѣ съ его шестилѣтнимъ сыномъ: отецъ былъ убитъ послѣ жесточайшихъ пытокъ, сынъ же содержался въ строгомъ заточеніи. Но живучая сила махраттховъ проявила себя теперь тѣмъ упорнѣе. Ауренгзибъ былъ разбитъ на голову близъ Берампура, а его младшій сынъ, Мухаммедъ Камъ-Бахшъ со своимъ старшимъ военачальникомъ Зульфикаромъ очутился въ такомъ положеніи на восточномъ берегу, что долженъ былъ отступить и присоединиться со своими силами къ отцу. Не разъ еще послѣ этого царскія войска разбивались или должны были сдаваться; сама природа, казалось, приняла сторону враговъ: неожиданное наводненіе рѣки Бхима лишило Ауренгзиба всего его обоза и 12,000 наѣздниковъ. Еще разъ собралъ всѣ свои силы могольскій царь; взялъ сильныя крѣпости и разсѣялъ махраттхскія войска. Но крѣпости воздвигались вновь, а разсѣянныя махраттхи опять собирались въ другихъ мѣстахъ. Подъ конецъ регентша Тара Бай, вдова брата Самбаджи, Радха Рама, прибѣгла къ отчаянному средству: она велѣла опустошить всю страну, чтобы отрѣзать врагу возможность какого бы то ни было подвоза. Теперь и физическія силы престарѣлаго царя надломились: въ 1707 году Ауренгзибъ Алемгиръ I скончался во время одного обморока.

ι) Позднѣйшіе могольскіе цари.

Смерть Ауренгзиба застигла финансы Дели въ полномъ безпорядкѣ: большіе доходы были только на бумагѣ; въ дѣйствительности всѣ они пришли въ полнѣйшій упадокъ, благодаря хищеніямъ, возстаніямъ, общему обѣдненію народа; постоянная же война сильно увеличила расходы. Многочисленное индусское населеніе, занимавшее среди подданныхъ лишь второстепенное мѣсто, было исполнено глубокой ненависти къ мусульманской династіи. Прочныя государственныя основы пошатнулись, внутри страны—броженіе, на югѣ — окрѣпшая благодаря близорукой политикѣ Ауренгзиба махраттха, на сѣверо-западѣ — злорадствующіе сосѣди. Само же поколѣніе царей, возсѣдавшее теперь на павлиньемъ тронѣ въ Дели, являло уже процессъ вырожденія: родъ Тимуридовъ истощилъ свои

силы, давъ короткій рядъ выдающихся правителей: всѣ позднѣйшіе были лишь тѣнью царей.

Въ ближайшія двѣнадцать лѣтъ одинъ за другимъ слѣдовали ни болѣе, ни менѣе какъ восемь правителей [1]. Первый изъ нихъ, Му-азземъ Шахъ Алемъ Бахадуръ-шахъ I (1707—12), отличался терпимостью; но силы его были слишкомъ недостаточны, чтобы возстановить пришедшій въ упадокъ государственный строй. Его порочный преемникъ Муызз-ад-динъ-Джехандаръ-шахъ (1712—1713) игралъ печальную роль. За нимъ слѣдовалъ Мухаммедъ Фаррухъ сіяръ (Фароксиръ) (1713—19), человѣкъ слабовольный, окружившій себя жалкими совѣтчиками и тщетно пытавшійся неловкими интригами защитить себя отъ возраставшаго вліянія нѣсколькихъ своихъ подданныхъ: онъ былъ убитъ въ собственномъ дворцѣ. Послѣ этого одинъ за другимъ были возведены на престолъ два ребенка, изъ которыхъ одинъ, Рафи-ад-дереджатъ умеръ отъ чахотки уже черезъ три мѣсяца, другой, Рафи-ад-дауля Шахъ Джеханъ II умеръ еще въ болѣе короткій срокъ отъ той же болѣзни. Болѣе продолжительнымъ было правленіе Раушанахтаръ Мухаммедъ-шаха (1719—48), раба женщинъ, жившаго только для своихъ удовольствій и передавшаго царскую печать своей главной женѣ въ неограниченное владѣніе. Сынъ его Ахмедъ-шахъ (1748—54) былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ вмѣстѣ со своею матерью (ум. въ 1774 г.). Еще короче было правленіе престарѣлаго преемника его Азиз-ад-динъ Алемгира II, умерщвленнаго въ 1759 г. своимъ великимъ визиремъ.

Таковы были, не говоря уже о менѣе счастливыхъ претендентахъ на престолъ, какъ Азамъ-шахъ (1707), Камъ Бахшъ (1707/8), Нику-сіяръ (1719—23) и Ибрагимъ (1720), въ первой половинѣ столѣтія, послѣдовавшаго за царствованіемъ Ауренгзиба, „носители скиптра“ въ Индостанѣ. Дѣйствительная же власть находилась всецѣло въ рукахъ честолюбивыхъ визирей, женщинъ гарема и угодниковъ и товарищей по порокамъ и распутному образу жизни своихъ коронованныхъ правителей. Шахъ Алемъ Бахадуръ страдалъ отъ зависимости отъ Зульфикара, храбраго генерала Ауренгзиба, отличившагося во время Деканскихъ войнъ, а Джехандаръ сдѣлался совершенно безвольнымъ его орудіемъ; годъ спустя послѣ своего восшествія на престолъ этотъ послѣдній былъ во время одного возстанія выданъ Зульфикаромъ мятежникамъ, которые и убили его вмѣстѣ съ его предателемъ. Ближайшіе четыре правителя были возведены на престолъ „дѣлателями царей“, двумя братьями, выдававшими себя за потомковъ пророка; это были Саиды Хусейнъ Али и Абдаллахъ. Они велѣли убить Фаррухъ сіяра, затѣмъ возвели на престолъ двухъ дѣтей, но въ концѣ концовъ, годъ спустя послѣ восшествія на престолъ Мухаммедъ-шаха были

---

[1]

Мухаммедъ Мухьи ад-дин-Ауренгзибъ Алемгиръ I (1658—1707)

1. Мухаммедъ Муаззамъ Шахъ Алемъ Бахадуръ-шахъ I (1707—12)
- 2. Муызз-ад-дин-Джехандаръ-шахъ (1712—13)
  - 8. Азиз ад-дин-Алемгиръ II (1754—59)
    - Али Гухаръ Шахъ-Алемъ II 1759—1806)
      - Абу'л-Насръ Му'инъ ад-дин-Акбаръ Шахъ II (1806—37)
        - Абу'л-Музаффаръ Сираджъ ад-дин-Мухаммедъ Бахадуръ-шахъ II (1837—57, ум. 7 ноябр. 1862)
- Мухаммедъ Азимъ
  - 3. Мухаммедъ Фаррухсіяръ (1713—59)
- Рафи ал-кадръ (+1712)
  - 5. Рафи ад-дауля Шахъ Джеханъ II (1719)
  - 4. Рафи ад-дереджатъ (1719)
  - Ибрагимъ (1720)
- Мухаммедъ Худжисте-Ахтеръ Дхеханъ-шахъ
  - 6. Раушанахтаръ Мухамедъ-шахъ (1719—48)
    - 7. Ахмедъ-шахъ (1748—54, +1774)
      - Бидаръ Бахтъ (1788)

Мухаммедъ Аземъ-шахъ (1707)

Мухаммедъ Акбаръ
- Никусіяръ (1719—23)

Мухаммедъ Камъ-Бахшъ (1704—8)
- Мухаммедъ Мухьи-ус-сунна
  - Шахъ Джеханъ III (1759—60)

(По Стэнли Лэнъ-Пуль (Lane Poole) и Фердинанду Юсти)

сами устранены: Хусейнъ Али палъ отъ кинжала подосланнаго царемъ убійцы, Абдаллахъ былъ разбитъ со своимъ войскомъ, но, изъ уваженія къ его происхожденію, онъ не былъ убитъ, а только подвергнутъ продолжительному заточенію. Отнынѣ всѣ дѣла государства были въ рукахъ женщинъ и различныхъ угодниковъ. Наконецъ, Ахмедъ-шахъ и Алемгиръ II не играли никакой роли при своемъ честолюбивомъ, вѣроломномъ и властолюбивомъ военачальникѣ и великомъ визирѣ Гази-ад-динѣ, внукѣ Асафъ-Джаха Гайдерабадскаго.

Въ такихъ рукахъ находилось кормило государственнаго корабля, несшагося по бурнымъ волнамъ среди опасныхъ подводныхъ камней и начавшаго расходиться по всѣмъ швамъ. Развращенное чиновничество знало только одно стремленіе — извлечь для себя пользу изъ жалкаго положенія правительства; налоги превратились въ вымогательство и грабежъ, правосудіе въ произволъ, основанный на подкупѣ. Принцы и вассалы, военачальники и визири спѣшили урывать у государства провинцію за провинціей; воинственные индусы сбрасывали мусульманское иго. Такъ достигли своей независимости джахи въ Раджпутанѣ (главный городъ Бхартпуръ). Такъ отдѣлилось княжество Джейпуръ (Джайпуръ), правители котораго, особенно Джей Сингхъ II, предавались научнымъ трудамъ (астрономіи); въ 1728 г. былъ выстроенъ, какъ резиденція, Джейпуръ, послѣ того какъ, по приказанію только что названнаго раджи, великолѣпная столица Амберъ была оставлена. Въ Аудѣ персіанинъ-шиитъ Садатъ основалъ царство Лакхнау; Бенгалъ съ Ориссой и Бихаромъ были соединены въ одно государство однимъ обращеннымъ брахманомъ по имени Муршидъ Кули-ханъ; Мальва подпала махраттхамъ, а на югѣ Асафъ Джахъ завладѣлъ всей провинціей индостанскаго Декана.

к) Сикхи.

Чтобы довершить мѣру внутреннихъ неурядицъ, къ политическимъ волненіямъ присоединились еще фанатическія религіозныя распри. На крайнемъ сѣверо-западѣ Индіи, въ Пенджабѣ нѣкто по имени Нанакъ (1469—1538), находившійся подъ вліяніемъ Кабира (стр. 404), началъ около 1500 года проповѣдывать новое ученіе о всеобщемъ мирѣ и человѣколюбіи. Онъ пытался примирить исламъ съ религіей брахмановъ, исходя изъ того, что всѣ ихъ различія суть нѣчто второстепенное, главное же заключается въ воспринятіи представленія о Богѣ. Это была очищенная отъ всего чувственнаго въ ученіи и богослуженіи реформа. По этому ученію всѣ люди равны передъ Богомъ, а различіе кастъ ни на чемъ не основано. Послѣдователи Нанака, присоединившіеся къ нему сначала въ небольшомъ числѣ, называли себя сикхи, т. е. послѣдователи, ученики; въ слѣдующіе полтора вѣка они организовались въ религіозно-государственный союзъ на началахъ окружной общины.

Вполнѣ естественно, что отрицаніе ведійскаго авторитета такъ же мало было по сердцу индусамъ, какъ отрицаніе Корана мусульманамъ. На одного изъ духовныхъ руководителей Сикховъ, Арджуни, въ царствованіе Джехангира была возведена клевета въ томъ, что онъ принималъ участіе въ одномъ мятежѣ: въ 1606 г. онъ былъ посаженъ въ заключеніе и подвергнутъ жестокимъ мученіямъ, отъ которыхъ умеръ. Съ этого момента характеръ религіознаго движенія измѣнился. Сынъ Арджуни, Харъ Говиндъ, горя жаждою мести, далъ въ 1638 г. сектѣ новыя постановленія и новое направленіе; изъ послѣдователей мира сдѣлались дикіе фанатическіе воины и отчаянныя орды грабителей. Несмотря на это, движеніе, вѣроятно, прекратилось бы само по себѣ, если бы фанатическій Ауренгзибъ не велѣлъ казнить въ 1675 г. ихъ гуру Тегъ-Бахадура. Ненависть противъ мусульманъ разгорѣлась съ новою силою, Сынъ убитаго, Го-

виндъ II, объявилъ себя сыномъ Божіимъ, посланнымъ Отцомъ какъ орудіе для преслѣдованія и искорененія зла; понятіе о воинѣ должно быть неразлучно съ понятіемъ о сикхѣ. „Вы не должны больше называться сикхами (учениками), но сингхами (львами)“. Говиндъ съ перемѣннымъ счастьемъ держался противъ Аурензиба, занятаго на югѣ махраттхами. Шахъ Алемъ Бахадуръ пытался сначала привлечь къ себѣ сикховъ дружелюбіемъ; но когда въ 1708 г. Говиндъ былъ убитъ однимъ афганцемъ-мусульманиномъ, гнѣвъ ихъ принялъ ужасные размѣры: съ страшными злодѣяніями, опустошая все по пути и убивая всѣхъ, кто не желалъ принять ихъ вѣру, они проникли къ Дели. Хотя Бахадуръ и разбилъ ихъ на голову и они принуждены были отступить въ недоступныя ущелья, но послѣ того, какъ въ 1712 г. царь неожиданно умеръ въ Лагорѣ (быть можетъ, жертвою отравленія), они воспользовались наступившими неурядицами и возстали снова; при Фаррухъ сіярѣ они владѣли уже опять значительною частью Пенджаба. Подъ начальствомъ Бандаха они въ 1716 г. снова появились, совершая неслыханныя звѣрства; Лагоръ былъ взятъ, намѣстникъ убитъ, а царская армія отброшена. Но здѣсь счастье имъ измѣнило: потерпѣвъ нѣсколько пораженій, они были оттѣснены царскими войсками въ одну изъ сѣверныхъ крѣпостей вмѣстѣ съ Бандахомъ, гдѣ обезсиленные голодомъ они были перебиты. Отъ нихъ остались лишь небольшія разсѣянныя разбойничьи шайки, орудовавшія въ неприступныхъ горныхъ долинахъ Пенджаба.

λ) Набѣги Надиръ-шаха и Ахмедъ-Даррани на Индостанъ.

Какъ бичъ Божій повисла надъ Индостаномъ чужеземная власть. Сынъ туркмена, но рожденный въ Персіи, Надиръ-шахъ (т. III, стр. 364) началъ свою карьеру мародеромъ, а 20 марта 1736 г. захватилъ тронъ Сефевидовъ. Недостаточно почтительное обращеніе съ персидскими послами въ Дели дало ему поводъ явиться въ 1738 г. въ Индостанъ. Побѣдивъ армію моголовъ, усиленную войсками Садата (Аудъ) и Асафа (Гайдерабадъ), онъ въ 1739 г. вошелъ въ столицу, гдѣ его войска проявили строгую дисциплину. Вдругъ среди индусовъ распространился слухъ, что персидскій царь умеръ; жители бросились на разсѣянныхъ по городу солдатъ и умертвили 700 изъ нихъ. Когда же въ самого Надиръ-шаха, желавшаго водворить миръ, были произведены выстрѣлы, онъ приказалъ перебить всѣхъ жителей. Съ восхода солнца и до глубокой ночи въ городѣ не прекращались грабежъ, поджоги и убійства; 30,000 человѣкъ пало жертвою мести персовъ. Всѣ сокровища и драгоцѣнности государственной казны, между прочимъ также и гордость Дели, павлиній тронъ (стр. 432), попали въ руки Надиръ-шаха, который конфисковалъ сверхъ того весь наличный капиталъ царя, высшихъ чиновниковъ и частныхъ лицъ, а на намѣстниковъ въ провинціяхъ наложилъ тяжелую военную контрибуцію. Вся добыча, вывезенная Надиромъ изъ Индостана, оцѣнивается почти въ три милліарда германскихъ марокъ.

Спустя восемь лѣтъ (20 іюня 1747 г.) Надиръ-шахъ былъ убитъ; государство его тотчасъ же распалось на отдѣльныя части. Въ Афганистанѣ (ср. т. III, стр. 367) властью завладѣлъ Ахмедъ Абдали, принявшій по роду своему титулъ Шахъ-Даррани; его соблазняла богатая, вывезенная Надиромъ изъ Индостана добыча. Съ 1747 по 61 годъ онъ совершилъ шесть набѣговъ на несчастную страну и ея столицу. Страшное подобіе Делійской рѣзни представляетъ имѣвшая мѣсто при третьемъ набѣгѣ Ахмедъ-шаха кровавая бойня въ Матюрѣ, святомъ городѣ Кришны: въ разгаръ праздника, когда городъ кишѣлъ мирными богомольцами, въ него ворвался отрядъ арміи Ахмеда и перебилъ многія тысячи людей.

μ) Царство Махраттха на высотѣ своего могущества.

Въ теченіе одного столѣтія, послѣдовавшаго за царствованіемъ Шахъ Джехана, могольское царство, столь могущественное въ его время, опустилось до нищеты и позора; оно, несомнѣнно, исчезло бы окончательно, если бы не британцы, занявшіе около 1760 года первенствующееее положеніе въ Индіи; въ ихъ интересахъ было не допустить полнаго исчезновенія этого царства, представлявшаго теперь лишь одинъ призракъ былого. Тѣмъ временемъ на югѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія совершались важныя событія. Тотчасъ по смерти Аурензиба (1707) былъ освобожденъ внукъ махраттхскаго раджи Сиваджи (стр. 434), Сахнъ; его успѣли сдѣлать, — и это является примѣромъ того, какъ поступали впослѣдствіи съ молодыми индусскими наслѣдниками престола,— совершенно чуждымъ національнымъ интересамъ махраттховъ. Выросшій въ гаремѣ и подпавшій всецѣло вліянію окружавшей его мусульманской среды, онъ душою и помыслами былъ больше мусульманиномъ, чѣмъ индусомъ: первое, что онъ сдѣлалъ, вступивъ на престолъ, было паломничество къ гробу убійцы своего отца.

До вступленія на престолъ Сахны управленіе махраттхскимъ государствомъ находилось въ хорошихъ рукахъ. Когда Самбаджи попалъ въ плѣнъ и былъ убитъ, его молодой сынъ, также бывшій въ плѣну, былъ объявленъ царемъ; регентство взялъ на себя братъ Самбаджи, раджа Рамъ, а по его смерти его энергичная вдова; такимъ образомъ плѣненіе царя не отозвалось вредно на государствѣ. Но дѣло тотчасъ же измѣнилось, какъ только Сахнъ самъ сталъ во главѣ правленія. Изнѣженный тѣломъ и духомъ, онъ предоставлялъ всѣ дѣла государства своему ловкому министру (пешва) Баладжи Вишванатху; ему онъ обязанъ тѣмъ, что его положеніе, по крайней мѣрѣ по отношенію къ могольскому царству, было упрочено; самъ же онъ охотно удовлетворился бы положеніемъ вассала Дели. Пешва прежде всего внесъ больщій порядокъ во всю организацію своеобразнаго военнаго государства махраттховъ. Въ то время, какъ дѣйствовали еще Хусейнъ-Али и Абдаллахъ (стр. 437), онъ совершилъ походъ на Дели и вынудилъ не только признаніе верховной власти махраттхскаго царя, но и формальное право взимать во всемъ Деканѣ махраттхскую дань, четвертую часть всѣхъ государственныхъ доходовъ (стр.). Такимъ образомъ при Сахнѣ власть фактически перешла къ пешвѣ; когда же постъ перваго министра былъ объявленъ наслѣдственнымъ, рядомъ съ династіей Сиваджи, быстро оттѣсняя ее, выросла брахманская махраттхская династія Пешвовъ.

Сынъ Баладжи Вишванатха, Баджи Рао (1720—40), соединявшій съ умомъ брахмана энергію воина, довелъ махраттхское государство до апогея расцвѣта. Царь и его партія оказывали на него давленіе въ смыслѣ укрѣпленія государственнаго могущества въ предѣлахъ территоріи. Но онъ ясно видѣлъ, что сила государства заключалась именно въ его военной организаціи; государство его было могущественное, когда не суживало сферы своихъ интересовъ опредѣленными границами, а распространяло постепенно свои притязанія (махраттхская дань) на все разрушающееся могольское царство и даже за его предѣлы. Внутри государства пешва велъ дѣла исключительно по своему усмотрѣнію, безъ контроля царя, представлявшаго теперь лишь тѣнь правителя. Удержаніе махраттхской дани и умерщвленіе махраттхскаго военачальника Пиладжи Гиква дало поводъ Баджи Рао, подчинить себѣ Гуджератъ. Въ 1733 г. онъ занялъ провинцію Мальву, но потребовалъ при этомъ въ переговорахъ съ Дели не только всю страну къ югу отъ Чамбала (см. карту при стр. 422), но и уступку трехъ священнѣйшихъ городовъ индусовъ: Маттры, Аллахабада и Бенареса. Когда могольскій царь воспротивился этому, Баджи Рао въ 1737 г. явился

подъ стѣнами Дели и уже въ началѣ 1738 г. принудилъ уполномоченнаго Великаго Могола Асафъ Джаха Гайдерабадскаго согласиться на уступку всей страны къ югу отъ Чамбала. Но прежде еще, чѣмъ могло состояться утвержденіе этого соглашенія со стороны Мухаммедъ-шаха, надъ страною въ лицѣ Надиръ-шаха (стр. 422) разразилась гроза, заставившая отступить въ испугѣ даже махраттховъ. Только въ 1743 г. послѣ смерти Баджи Рао (1740) его преемникъ Баладжи, третій пешва, добился формальнаго признанія договора 1738 года.

Около того же времени (1741 — 43) махраттхи предпринимали неоднократные походы,—послѣдній подъ предводительствомъ Рагхуджи Бхонсла,—на сѣверо-востокъ, противъ Бенгала, у котораго они въ 1743 г. вынудили не только махраттхскую дань, но и уступку нѣкоторой части Ориссы (Каттака). Призванные Дели на помощь противъ мятежныхъ рохилла въ Рохилькандѣ, они способствовали ихъ покоренію, получая при этомъ все новыя разрѣшенія на чаутъ; послѣ третьяго набѣга афганца Ахмедъ-шаха они проникли до самаго сѣверозападнаго угла Индіи, взяли Лагоръ и вытѣснили небольшой афганскій гарнизонъ изъ Пенджаба. Теперь они достигли апогея своего могущества: повсюду, гдѣ въ періодъ наивысшаго своего расцвѣта господствовали моголы, простирали теперь свое вліяніе махраттхи; не будучи господами, они почти всюду взимали дань. Но въ Ахмедъ-шахѣ они нашли достойнаго себѣ противника. Предводитель махраттховъ Синдіа былъ разбитъ, двѣ трети его войска перебито, а армія второго полководца, Холькара, разсѣяна. Подъ начальствомъ двоюроднаго брата Пешвы выступила противъ афганцевъ новая, еще большая армія. При Панипатѣ (стр. 423) 6 января 1761 г. произошло рѣшительное сраженіе: махраттхи были разбиты на голову: въ битвѣ и въ бѣгствѣ погибло вмѣстѣ съ полководцемъ, сыномъ пешвы, и множествомъ выдающихся начальниковъ 200.000 человѣкъ.

ν) Превращеніе махраттхскаго царства въ шаткій союзъ отдѣльныхъ государствъ.

Пешва пережилъ недолго паденіе государства съ его высоты. Махраттхи вынуждены были покинуть Индостанъ, а пешвы ужъ не могли больше достигнуть своего прежняго значенія: царство Махраттха превратилось въ шаткій союзъ отдѣльныхъ государствъ. Только немногіе, почти независимые махраттхскіе правители достигли впослѣдствіи нѣкотораго успѣха съ помощью европейскихъ офицеровъ и солдатъ. Политика Баджи Рао, положимъ, вполнѣ соотвѣтствовала характеру махраттхскаго государства: вліяніе царя было совершенно ничтожно, а пешва былъ поставленъ во главѣ государства. Но, съ другой стороны, военный строй предоставлялъ отдѣльнымъ военачальникамъ все возраставшую самостоятельность, приведшую ихъ съ теченіемъ времени почти къ полной независимости. Принципъ этого строя, предоставлявшій высшимъ полководцамъ взимать въ свою пользу махраттхскій налогъ съ богатыхъ провинцій и содержать зато большое количество войска, сдѣлался роковымъ для единства государства: они въ концѣ концовъ становились полновластными господами своихъ провинцій и находившихся подъ ихъ начальствомъ войскъ. Внутреннія неурядицы, низводившія до полнаго ничтожества царствующій родъ, волненія и затрудненія со стороны Гейдерабада, Дели, Бенгала и т. д. благопріятствовали стремленіямъ военачальниковъ къ независимости.

Уже при третьемъ Пешвѣ Баладжи (1740 — 61) распаденіе государства пошло быстрыми шагами впередъ; княжества, которыя до этого времени намѣренно держали въ загонѣ, получили теперь во вредъ цѣлостности государства большее значеніе. Какъ власть царя подъ давленіемъ Пешвы пала и мало по малу сосредоточилась только на Сатарѣ и Кольхапурѣ, такъ и фактическое вліяніе пешвы ограничилось въ концѣ концовъ одной провинціей Пуна. Махраттхскіе раджи, впервые выступающіе на сцену

при Баджи Рао, родоначальники которыхъ при этомъ правителѣ занимаютъ частью еще незавидное положеніе, образовали теперь союзъ, не особенно охотно признававшій во главѣ себя пешву. Около 1838 г. Рагхуджи Бхонела, руководившій походами въ Бенгалъ и Ориссу, заявилъ себя противникомъ Пешвы и достигъ почти независимости въ провинціи Нагпурѣ (соотвѣтствуетъ приблизительно нынѣшнимъ центральнымъ провинціямъ); онъ умеръ въ 1755 г. Военачальникъ Синдіа, хотя и происходившій изъ хорошей семьи, но однажды занимавшій у Баджи Рао низкое мѣсто слуги, и Рао Холькаръ, бывшій нѣкогда пастухомъ, сдѣлались правителями обоихъ государствъ, образовавшихся изъ вновь пріобрѣтенной Мальвы, — Индора и Гволіора. На сѣверо-западѣ гиквары завладѣли провинціей Барода. Такимъ образомъ нѣкогда могущественное царство Махраттха распалось на пять большихъ и нѣсколько меньшихъ государствъ, стоявшихъ еще только номинально подъ верховною властью пешвы.

ξ) Царство Низама.

Наряду съ этимъ прежняя могольская провинція Деканъ, для пріобрѣтенія которой Ауренгзибъ пожертвовалъ благоденствіемъ своего государства (стр. 436), развилась въ значительное независимое царство. Въ 1713 г. Синъ Килихъ-ханъ, болѣе извѣстный подъ своимъ позднѣйшимъ титуломъ Асафъ Джахъ, сынъ одного туркменскаго военачальника въ деканской могольской арміи и самъ бывшій офицеръ, былъ посланъ въ качествѣ низамъ уль-мулька (намѣстника) въ Деканъ, но вскорѣ снова отозванъ ревнивыми сеидами (стр. 421). Самовольно отправился онъ снова въ прежнюю свою провинцію, гдѣ поддерживалъ хорошія отношенія съ мусульманами и махраттхами. Двѣ посланныя противъ него арміи были имъ разбиты; вскорѣ послѣ этого смерть постигла Хусейна и Абдаллаха (стр.). Призванный обратно въ Дели Фаррухъ сіяромъ въ качествѣ великаго визиря, этотъ превосходный человѣкъ, воспитанный въ строгой школѣ Ауренгзиба, засталъ царя и всю государственную машину въ такомъ безнадежномъ состояніи, что онъ снова отказался отъ своего высокаго званія. Асафъ Джахъ былъ отпущенъ Фаррухъ-сіяромъ съ величайшими почестями; но къ Мобарису, исполнявшему должность намѣстника въ Деканѣ, были посланы впередъ гонцы съ приказомъ смѣстить возвращающагося вице-короля. Коварный планъ этотъ потерпѣлъ, однако, неудачу: Моборисъ былъ разбитъ въ 1724 г., и Асафъ Джахъ послалъ его голову въ Дели съ теплыми поздравленіями по случаю быстраго подавленія „возстанія“.

Чтобы сохранить наружный видъ зависимости, онъ продолжалъ посылать время отъ времени подарки въ резиденцію, но во всемъ остальномъ былъ совершенно самостоятеленъ. Онъ умѣлъ держать себя и съ махраттхами; неизбѣжный чаутъ былъ имъ смягченъ тѣмъ, что взимался чиновникими и затѣмъ ужъ отправлялся къ махраттхамъ. Въ то время какъ царство Моголовъ шло ускоренными шагами къ окончательной гибели, отдѣлившаяся провинція все больше и больше преуспѣвала въ своемъ развитіи при Асафъ-Джахѣ: строго организованное управленіе обезпечивало спокойствіе и порядокъ; земледѣліе, ремесла и торговля расцвѣли, установились миръ и благоденствіе. Когда стали напирать махраттхы, Мухамедъ-шахъ произвелъ энергичнаго низама въ диктаторы (въ 1737 г.); но слабость имперіи была уже такъ безнадежна, что и Асафъ Джахъ не былъ въ состояніи оказать никакой существенной помощи ни противъ махраттховъ, ни противъ Надиръ-шаха. Въ 1741 г. онъ вернулся къ себѣ обратно. Умирая (1748), семидесятисемилѣтній правитель оставилъ своей династи государство, равное по величинѣ Испаніи, находившееся въ порѣ расцвѣта, и сверхъ того верховенство надъ небольшими царствами южной Индіи.

На востокѣ, въ Карнатикѣ, т. е. низменности у крутыхъ склоновъ Гатовъ, образовалось государство, стоявшее подъ протекторатомъ низама и управлявшееся нувабомъ (набобомъ)[1] Аркотскимъ. Незначительное царство Танджуръ, къ югу отъ Аркота, находилось подъ управленіемъ одного изъ потомковъ Сиваджи, а нѣсколько далѣе на сѣверо-западъ начиналъ развиваться въ независимое государство Майсуръ (см. карту при стр. 422). Къ этимъ государствамъ примыкало еще множество мелкихъ и самыхъ крошечныхъ царствъ, большею частью ленныя владѣнія изъ временъ царства Виджаянагаръ (стр. 422) или же самостоятельныя созданія отважныхъ полагировъ или наяковъ, распространившихъ свою власть изъ своихъ расположенныхъ въ скалахъ крѣпостей надъ сосѣднею страною.

C. Открытіе европейцами доступа въ Индію и борьба за экономическое преобладаніе (1498 — 1858).

a) Открытіе западно-восточнаго морского пути въ Индію и послѣдовавшія за этимъ открытіемъ торговыя предпріятія европейскихъ государствъ (1498 — 1740).

Между Индіей и западными культурными странами Стараго-Свѣта уже тысячелѣтія тому назадъ существовали торговыя сношенія, носителями которыхъ были семитическіе народы: въ Индійскомъ океанѣ арабы, въ Средиземномъ морѣ въ прежнія времена финикіане. Когда послѣ паденія Карѳагена (146 до Р. Х.) Римъ пріобрѣлъ постепенно господство надъ всѣмъ западнымъ моремъ, стала расти вмѣстѣ съ богатствомъ и благоденствіемъ и потребность въ продуктахъ Индіи: ея драгоцѣнныхъ камняхъ и жемчугѣ и главнымъ образомъ въ ея пряностяхъ, которыя сдѣлались уже насущною потребностью. Торговыя сношенія съ далекой страной скоро достигли необыкновеннаго развитія и даже съ паденіемъ Римской Имперіи только на время замерли: этой торговлѣ обязаны своею силою и своимъ развитіемъ маленькія морскія республики Амальфи, Пиза, Генуа Венеція (т. VII, стр. 6).

Узкій сухопутный мостъ, который представлялъ собою Суэзскій перешеекъ, являлся во всѣ времена препятствіемъ для прямыхъ торговыхъ сношеній. Какимъ образомъ обойти эту преграду, какимъ образомъ обратить въ свою пользу ту выгоду, которая выпадала на долю арабовъ, являвшихся посредниками въ этой торговлѣ? Такіе вопросы должны были напрашиваться предпріимчивымъ умамъ того времени. Путешествія семьи Поло были попыткою найти торговый путь сушею къ богатымъ чудеснымъ странамъ дальняго востока: попытка эта не привела, положимъ ни къ какимъ осязаемымъ результатамъ, но свѣдѣнія о тамошнихъ богатствахъ, которыя эти путешествія привезли на родину, сдѣлали еще болѣе настойчивымъ желаніе найти морской путь для прямыхъ сношеній съ восточными странами.

α) Португальцы въ Индіи.

Первыми, которые занялись разрѣшеніемъ вопроса о возможности объѣхать вокругъ Африки, были португальцы при Генрихѣ-мореплавателѣ (1394 — 1460; ср. т. IV, стр. 541). Шагъ за шагомъ они проникали вдоль западнаго берега Африки все далѣе на югъ, и въ 1487 году Бартоломею Діасу удалось впервые достигнуть Кабо Торментозо. Но португаль-

[1]) Наввабъ или нувабъ, которому обязано своимъ происхожденіемъ испорченное слово набобъ, есть собственно множественное число, а именно отъ арабскаго „Наибъ“ (= намѣстникъ).

цевъ предупредилъ Колумбъ: болѣе смѣлый, этотъ послѣдній рѣшилъ попытаться проникнуть въ желанную Индію самымъ прямымъ путемъ, держа курсъ не вдоль берега, а пересѣкая океанъ въ восточно-западномъ направленіи; такимъ образомъ, думая, что нашелъ Индію, онъ открылъ 12 октября 1492 г. совершенно новый міръ. Но для португальцевъ болѣе чѣмъ когда либо было вопросомъ чести съ своей стороны достигнуть намѣченной цѣли такъ давно и такъ настойчиво преслѣдуемымъ ими западно-восточнымъ путемъ: въ концѣ 1497 г. Васко да Гама (т. III, стр. 465) объѣхалъ тотъ мысъ, котораго такъ боялись и который отнынѣ сдѣлался мысомъ Доброй Надежды, а 20 мая 1498 г. его маленькій флотъ бросилъ якорь на рейдѣ въ Каликутѣ. Такимъ образомъ португальцы первые проникли изъ Европы въ Индію прямымъ морскимъ путемъ; они въ продолженіе болѣе одного столѣтія держали въ своихъ рукахъ монополію торговли съ богатыми побережьями южной и восточной Азіи.

Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Каликутѣ Васко да Гама отправился обратно на родину съ письмомъ тамошняго заморина (государя) къ королю Португаліи; оно гласило: „Васко да Гама, дворянинъ вашего двора, посѣтилъ, къ моей великой радости, мое государство; оно богато корицей, гвоздикой, имбиремъ, перцемъ и драгоцѣнными камнями. То, что я желалъ бы получать изъ вашей страны, это золото, серебро, кораллы и красное сукно“. Благополучное возвращеніе смѣлаго мореплавателя вызвало на его родинѣ цѣлую бурю восторговъ и надеждъ. Годъ за годомъ снаряжались все новыя предпріятія: въ 1500 г. состоялась подъ начальствомъ П. А. Кабраля вторая экспедиція въ Индію, въ 1501 г. третья подъ руководствомъ Іоао да Нова, въ 1502 г. въ Индію отправился снова Васко, въ 1503 г. — Франциско д'Альбукеркъ, двоюродный братъ великаго Аффонсо. Каждая экспедиція расширяла все больше кругъ сношеній Португаліи съ Индіей. Уже въ 1493—94 гг., при „раздѣленіи міра“ папою Александромъ VI, Португалія была утверждена церковью, какъ „владычица судоходства, завоеваній и торговли съ Эѳіопіей, Аравіей, Персіей и Индіей“, т. е. со всѣми южно-азіатскими странами. Въ 1505 г. число укрѣпленныхъ факторій было ужъ столь значительно, что въ Индію былъ посланъ первый губернаторъ и вице-король въ лицѣ Франциска д'Альмеиды.

Борьба съ арабами за преобладаніе въ индійскихъ моряхъ жестоко возгорѣлась съ первымъ же появленіемъ португальцевъ на азіатскомъ поприщѣ; въ то же время высокомѣріе, жадность, грубая жестокость европейцевъ вызвали тяжелыя распри съ мѣстными правителями Малабарскаго берега, которые и между собою не ладили. Часто португальцы попадали въ тяжелое положеніе и несли кровавыя потери; но, несмотря на это, они, благодаря превосходству въ корабляхъ, вооруженіи и тактикѣ, отвоевывали себѣ все большій и большій районъ. Въ 1509 г. Алмеида уничтожилъ на высотѣ Діу египетско-аравійскій флотъ. Но рѣшеніемъ въ свою пользу въ вопросѣ о господствѣ въ индійскихъ водахъ Португалія обязана его преемнику Аффонсо д'Альбукерку, второму вице-королю Индіи (1509—15). Взявъ уже въ 1507 г. Сокотру и Ормузъ (который былъ, правда, вскорѣ снова потерянъ), онъ завоевалъ въ 1510 г. Гоа, въ 1511 — Малакку и въ 1515 г. снова Ормузъ. Такимъ образомъ Португалія владѣла теперь на востокѣ и западѣ отличными опорными пунктами, а въ безопасной и во всякое время года доступной гавани Гоа она пріобрѣла для своего азіатскаго могущества центръ, который поразительно быстро достигъ полнаго расцвѣта. Альбукеркъ, столь же выдающійся человѣкъ, какъ и воинъ, умеръ 16 декабря 1515 г. на рейдѣ въ виду столицы вновь пріобрѣтеннаго владѣнія португальцевъ, которые вознаградили его заслуги, выказавъ ему недовѣріе и отозвавъ его. Еще долго послѣ его смерти туземцы отправлялись къ его гробу, вознося молитвы его духу, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ жестокихъ притѣсненій его преемниковъ.

Сила арабовъ была теперь сломлена, ихъ флоты уничтожены, торговля погублена, и преемники великаго Альбукерка имѣли передъ собою болѣе легкую задачу. Въ 1515 г. Соарецъ утвердился на Цейлонѣ; въ 1518 была открыта торговля съ Бенгаломъ, въ 1543 европейцамъ были уступлены Сальсетта (близъ Бомбея) и Барода. Черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ своего перваго появленія въ Индіи португальцы сдѣлались въ дѣйствительности тѣмъ, что имъ предвѣщалъ раздѣлъ папы. Отъ Абессиніи до Китая, гдѣ съ 1557 г. въ ихъ рукахъ находился Макао, и Японіи (стр. 24), предоставившей имъ свободу торговли, простиралось вліяніе португальцевъ. Въ Аравіи они состояли въ союзѣ съ нѣсколькими вождями, въ Красномъ морѣ и въ Персидскомъ заливѣ они были полновластными господами. Цѣлая цѣпь укрѣпленныхъ торговыхъ рынковъ окаймляла восточный и западный берега Индіи отъ мыса Рамеса до Бенгальскаго залива; надъ Малаккой развѣвался ихъ флагъ. Цейлонъ, Суматра, Ява и Молуккскіе острова отдавали исключительно имъ свои цѣнныя произведенія.

Въ порывѣ перваго воодушевленія заманчивыя предпріятія на далекомъ востокѣ привлекли лучшихъ людей того времени, — ядро рыцарства и народа, прошедшее въ долгой борьбѣ съ маврами школу удали и храбрости, но также и школу религіозной нетерпимости, жестокости и жадности къ наживѣ. Съ такими мужами руководители какъ Васко да Гама, Алмеида, Альбукеркъ, достигли громадныхъ результатовъ; но симпатіи туземцевъ имъ не удалось завоевать, и торговля могла процвѣтать только подъ защитою меча. Въ безпрерывной борьбѣ и въ убійственномъ климатѣ цвѣтъ португальскаго народа не долго выжилъ; за героями послѣдовали Соарецъ, Секвейра, Менезесъ, Лопо Вазъ и др., за честными, испытанными солдатами — подонки страны: уже въ 1538 г. пришлось открыть тюрьмы, чтобы дать должный эскортъ губернатору Гарція де Норонха. Начальство и солдаты, всѣ соперничали другъ съ другомъ въ хищничествѣ и безчеловѣчности; нѣтъ такой жестокости, которой не запятнали бы себя португальцы того времени. Это заставило туземныхъ правителей соединиться для общаго отпора: въ 1567 г. противъ португальцевъ выступилъ союзъ всѣхъ правителей западнаго берега, а въ 1578 г. пришлось подавлять всеобщія возстанія на Малабарскомъ берегу, на Цейлонѣ и на Амбоинѣ. Такое положеніе вещей не могло поощрять торговлю.

Такая же перемѣна, какъ въ военномъ духѣ португальскихъ предпріятій, произошла и въ ихъ религіозныхъ успѣхахъ. Тотчасъ послѣ перваго путешествія Васко да Гамы Кабраль взялъ съ собою монаховъ, которые должны были проповѣдывать язычникамъ Индіи Евангеліе; самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Францискъ Ксавье (стр. 24), апостолъ христіанства для Малабарскаго берега. Его тактичное, скромное, даже смиренное поведеніе привлекло къ нему много приверженцевъ, и при Габріелѣ де Са іезуиты достигли огромнаго вліянія. Но вскорѣ послѣ смерти Ксавье (2 декабря 1552 г.) мрачные доминиканцы привезли съ собою въ страну инквизицію, наложившую оковы на всѣ духовныя проявленія. Въ то время, какъ каждое отклоняющееся отъ католицизма ученіе подвергалось гоненіямъ, общая порочность продолжала спокойно процвѣтать.

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединилась еще близорукость португальской торговой политики. Лишь единственный разъ (1731), когда Португалія потеряла уже почти всѣ свои владѣнія, была учреждена торговая компанія по примѣру болѣе дальновидныхъ государствъ; но эта компанія получила только одинъ разъ разрѣшеніе отъ короля послать одинъ только корабль въ Суратъ и на Коромандельскій берегъ. Вообще же португальская торговля съ Индіей оставалась все время исключительной монополіей казны, которая не брезгала никакими средствами, чтобы защищать свое право пріобрѣтать въ Индіи товары съ тѣмъ, чтобы перепродавать ихъ дома по небывалымъ цѣнамъ. Свыше устанавливалось, какое ко-

личество корицы должно быть пущено ежегодно въ оборотъ; все же, что производилось сверхъ этого, сжигалось, чтобы не понижать цѣнъ. Сначала въ Португалію притекали громадные доходы: въ то время, какъ Венеція быстро теряла свой блескъ, Лиссабонъ въ XVI столѣтіи служилъ складочнымъ пунктомъ почти для всей азіатской торговли, а на Тахо собирались корабли другихъ европейскихъ государствъ для закупки драгоцѣннаго товара. Но весь этотъ доходъ мало принесъ пользы странѣ (ср. т. IV, стр. 542 и 549): богатства скоплялись въ казнѣ, въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ семей и въ многочисленныхъ церквахъ и монастыряхъ, тогда какъ народъ бѣднѣлъ. При этомъ, чѣмъ больше португальцы создавали себѣ въ Индіи враговъ, тѣмъ меньше становился чистый доходъ съ торговли, вооруженная защита которой пожирала почти всю прибыль.

Особымъ несчастіемъ для Португаліи было ея соединеніе съ Испаніей въ 1580 г. при Филиппѣ II, взоръ котораго былъ обращенъ больше на золотоносныя страны Америки и на религіозныя войны въ Европѣ, чѣмъ на дѣла далекаго Востока. Лицемѣрный король истощалъ силы Иберійскаго полуострова въ несчастныхъ войнахъ съ протестантскими англичанами и голландцами. Въ 1588 г. погибла въ британскихъ водахъ гордая Армада (т. IV, стр. 548); еще болѣе роковымъ для Португаліи явилось недальновидное рѣшеніе Филиппа совершенно устранить голландцевъ, главныхъ посредниковъ въ торговлѣ Португаліи съ сѣверными европейскими странами, отъ участія въ лиссабонской торговлѣ; такою мѣрою онъ только направилъ предпріимчивый духъ голландцевъ на прямую торговлю со странами, производящими столь цѣнные продукты.

β) Голландцы въ Индіи.

Сначала голландцы надѣялись открыть въ Индію новый путь, на которомъ имъ не грозила бы опасность столкновенія съ португальцами, избравъ для этой цѣли сѣверо-восточный проходъ: Вилльямъ Барендс (зонъ) провелъ въ 1594—96 гг. три экспедиціи къ Полярному океану; онъ открылъ на этомъ пути Новую Землю, чѣмъ прославилъ себя; но эта въ общемъ неудачная попытка стоила ему собственной жизни (онъ умеръ 20 іюня 1597 г.). Тѣмъ временемъ голландцы своими же соотечественниками были направлены на путь, который шелъ вокругъ мыса Доброй Надежды: Янъ Хуйгенъ ванъ Линшотенъ, бывшій въ теченіе 13 лѣтъ на службѣ у архіепископа Гоаскаго, опубликовалъ въ концѣ XVI столѣтія описаніе своего путешествія и свои карты. Еще большее вліяніе на своихъ соотечественниковъ оказалъ Корнелій де Гутманъ (т. VII, стр. 97). Во время своего заключенія въ Лиссабонской долговой тюрьмѣ, онъ собралъ тамъ точныя свѣдѣнія о тайнахъ португальскихъ морскихъ путей вокругъ мыса. Освобожденный изъ заточенія богатыми голландцами, добровольно уплатившими его долгъ (1594), онъ уговорилъ ихъ послать въ Индію подъ его руководительствомъ голландскую экспедицію. Въ 1595 г. онъ отправился изъ Текселя, достигъ черезъ 17 мѣсяцевъ Суматры и Явы и возвратился въ 1598 г. Обратно въ Голландію. Успѣхъ этого торговаго предпріятія вызвалъ къ жизни тотчасъ же нѣсколько торговыхъ компаній: въ 1599 г. Гутманъ предводительствовалъ въ новой экспедиціи, окончившейся занятіемъ въ 1600 г. острова Маврикія, принадлежавшаго португальцамъ; самъ Гутманъ былъ по дорогѣ убитъ, четыре изъ его кораблей погибло, но остальные четыре возвратились на родину съ необыкновенно богатымъ грузомъ.

Различныя торговыя компаніи слились въ 1602 г. въ одну голландско-остъ-индскую компанію. Теперь голландцы смѣло могли выступить противъ португальцевъ, бывшихъ до тѣхъ поръ всесильными господами остъ-индской торговли; и дѣйствительно, превосходство на морѣ

оказалось скоро на сторонѣ первыхъ. Правда, попытка, сдѣланная въ 1603 г. сильнымъ голландскимъ флотомъ, изгнать португальцевъ изъ Гоа и Мозамбикскаго берега, окончилась неудачей, но уже въ ближайшіе годы голландцами были основаны поселенія на побережьяхъ между Меккой и Китаемъ, на Явѣ и Суматрѣ, — область, на которую до того времени претендовали только португальцы. Въ 1612 г. голландцы утвердились на Цейлонѣ и Тиморѣ, въ 1614 — на Корамандельскомъ берегу (Масулипатамъ) и въ Сіамѣ; въ 1619 г., послѣ ожесточенной борьбы съ англичанами, они добились протектората надъ нѣкоторою частью Явы. Вскорѣ послѣ этого они сдѣлались единственными обладателями цѣнныхъ Пряныхъ острововъ (Молуккскіе о-ва). Въ 1622 г. англійскіе купцы на Амбоинѣ были обвинены въ замыслѣ напасть на фортъ тамошнихъ голландскихъ поселеній; всѣ десять жившихъ на Амбоинѣ англичанъ были приговорены къ смерти и казнены. Это обстоятельство надолго положило конецъ всякой серьезной міровой конкурренціи на Молуккскихъ островахъ; Амбоина сдѣлалась центромъ голландско-остъ-индской торговли и исходнымъ пунктомъ, откуда португальцы шагъ за шагомъ вытѣснялись изъ оставшихся еще въ ихъ рукахъ владѣній. Сначала они были вытѣснены изъ Японіи, гдѣ голландцы въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій владѣли съ извѣстными ограниченіями (стр. 27) исключительнымъ правомъ торговли; затѣмъ у португальцевъ была отнята Формоза, а въ 1640 г. — Малакка; въ 1658 г. перешла къ голландцамъ послѣдняя португальская крѣпость на Цейлонѣ, Джаффна (см. карту при стр. 422). Въ 1664 г. у противника оставалась почти только одна Гоа: повсюду побережье, бывшее до того времени исключительнымъ достояніемъ португальцевъ, было покрыто теперь крѣпостями и факторіями голландцевъ. Этапами ихъ торговаго пути были мысъ Доброй Надежды и названный въ честь ихъ намѣстника Морица Оранскаго о-въ Маврикій. Въ Персіи они владѣли 2 поселеніями, въ Гуджератѣ 2, на Малабарскомъ берегу 4, на Короманделькомъ 3, въ Ориссѣ и Бенгалѣ 5, а на Цейлонѣ 6. Точно также было покрыто ихъ укрѣпленными станціями все побережье восточной Азіи до самой Японіи и Молуккскихъ острововъ.

ζ) Торговыя предпріятія другихъ европейскихъ государствъ.

Такимъ расширеніемъ своего могущества въ Старомъ Свѣтѣ, съ которымъ рука объ руку шелъ и подъемъ престижа въ Новомъ Свѣтѣ (т. VII, стр. 96 и д.), голландцы сдѣлались первой морской и торговой державой въ морѣ: ея торговый флотъ составлялъ четыре пятыхъ всѣхъ купеческихъ кораблей Европы, торговые обороты ея относились къ англійскимъ, какъ пять къ одному. Если англичане не хотѣли быть окончательно подавлены въ міровой конкурренціи, имъ нужно было пустить въ ходъ всѣ свои силы. Очень чувствительный ударъ былъ ими нанесенъ Голландіи въ 1651 и 1660 гг. изданіемъ навигаціонныхъ актовъ (въ указ. м., стр. 107), запрещавшихъ всякое посредничество въ торговлѣ Англіи съ ея колоніями. Это положило начало тяжелой борьбѣ; въ трехъ войнахъ 1652—54, 1664—67 и 1672—74) обѣ морскія державы помѣрялись своими силами: эти войны доказали превосходство Англіи и начало постояннаго упадка голландскаго могущества; въвиду этого не могло быть и рѣчи о полномъ устраненіи всѣхъ другихъ конкуррентовъ изъ восточной Азіи.

Уже въ началѣ XVII столѣтія нѣкоторыя государства, поощряемыя успѣхами первыхъ голландскихъ предпріятій въ Азіи, рѣшили послѣдовать ихъ примѣру. За первыми основаніями небольшихъ голландскихъ торговыхъ обществъ составилась 31 декабря 1600 г. англо-остиндская компанія (въ указ. м., стр, 104), въ 1604 г. — французская и 17 марта 1616 г.

датская въ Копенгагенѣ. Однажды датская торговая компанія потеряла одинъ изъ своихъ кораблей ввиду Танджура. Почти весь экипажъ былъ убитъ туземцами; только капитану удалось бѣжать ко двору Танджурскаго раджи, гдѣ онъ былъ принятъ дружественно, а 19 ноября 1620 г. получилъ разрѣшеніе основать въ Транкебарѣ поселеніе. Но поселеніе это, какъ и основавшееся въ томъ же году поселеніе въ Серампатамѣ на р. Хугли (въ Бенгалѣ), не пріобрѣло никакого политическаго или коммерческаго значенія, такъ какъ существовавшія уже раньше по близости общества сумѣли устранить ихъ отъ всѣхъ сколько-нибудь выгодныхъ дѣлъ. За ней осталась только слава, — и въ этомъ она опередила голландцевъ и англичанъ, — что она первая основала (въ 1705 году) протестантскую миссію въ Индии (ср. поясненія къ таблицѣ при стр. 382 VII т.). Послѣ медленнаго угасанія Транкебаръ въ началѣ XIX столѣтія сдался безъ сопротивленія англичанамъ; возвращенный снова датчанамъ по Вѣнскому миру, онъ былъ проданъ обратно англичанамъ въ 1845 г. вмѣстѣ съ Серампуромъ за 2,5 милліона марокъ. Датская же миссія пріобщена была въ 1847 г. къ евангелическо-лютеранской миссіи въ Лейпцигѣ.

Германская имперія, терзаемая злополучной тридцатилѣтней войной и надолго обезсиленная ею, не могла въ XVII в. и думать о какихъ бы то ни было заокеаническихъ предпріятіяхъ. Только въ 1723 г. въ Остенде основалась имперская остиндская компанія, которой Карлъ VI даровалъ привилегіи. Въ Коблонѣ близъ Мадраса и въ Банхипурѣ на р. Хугли выросло два имперскихъ германскихъ поселенія, которыя, быстро достигнувъ расцвѣта, явились неудобными конкуррентами для другихъ націй. Принцъ Эйженъ сталъ на сторону плана создать нѣмецкій флотъ и преобразовать Остенде и Тріестъ въ двѣ главныя гавани государства. Но, по настоянію морскихъ державъ, государь въ 1727 г. отобралъ у остъ-индской торговой компаніи на семь лѣтъ дарованныя ей привилегіи; этимъ актомъ компаніи были подрѣзаны крылья. Наконецъ, конкурренты ея натравили сѣверныхъ и южныхъ мусульманъ противъ обѣихъ укрѣпленныхъ факторій: Банхипуръ подвергся правильной осадѣ и послѣ мужественнаго сопротивленія долженъ былъ сдаться подавляющему числу осаждающихъ, остатокъ же его гарнизона, составлявшій только 14 человѣкъ, былъ посаженъ на корабль и отправленъ въ Европу. Въ 1784 г. Остендско-индійская торговая компанія закончила свое существованіе полнымъ банкротствомъ.

Отнятіе у Остендской компаніи ея привилегій лишило всѣхъ ея служащихъ средствъ къ существованію; ихъ опытностью и знаніемъ дѣла воспользовался шведъ Генрихъ фонъ Кёнигъ (1686—1736). Но основанная имъ въ 1731 г. шведская торговая компанія, получившая королевскій патентъ, просуществовала недолго.

Дальній востокъ привлекъ также и взоры Фридриха Великаго, короля Пруссіи. Желая преобразовать Эмденъ, главный городъ пріобрѣтенной имъ въ 1744 г. восточной Фризландіи, въ большой торговый портъ, онъ сталъ покровительствовать народившейся тамъ Азіатской компаніи; однако послѣ того, какъ эта послѣдняя послала въ Китай одно за другимъ шесть судовъ, не получивъ достаточной выгоды, компанія эта закрылась, просуществовавъ только три года. Съ другой стороны и Бенгальской компаніи, основаніе которой поощрялось самимъ королемъ, пришлось бороться съ враждебнымъ къ ней отношеніемъ европейскихъ поселеній, существовавшихъ ужъ давно на Хугли. Когда ея корабли прибыли къ устью Ганга, всѣ голландскіе, французскіе и англійскіе лоцманы отказались оказать имъ помощь при проходѣ по опасному фарватеру Хугли. Несмотря на это, корабли поднялись вверхъ по Хугли; при подкупности служащихъ англійской компаніи между ними и нѣмцами развилась вскорѣ бойкая частная торговля, въ которой послѣдніе, далеко уступавшіе англи-

чанамъ въ опытности и пронырствѣ, попадали большею частью въ просакъ. Дипломатическія соображенія по отношенію къ другимъ націямъ, которыми Фридрихъ Великій не могъ пренебрегать ввиду своего затруднительнаго положенія вслѣдствіе войнъ съ Австріей, привели скоро къ совершенному упраздненію Бенгальской торговой компаніи.

δ) Первыя поселенія англичанъ.

Первый англичанинъ, посѣтившій на кораблѣ индійскія воды, былъ Фрэнсисъ Дрэкъ, который въ своемъ кругосвѣтномъ плаваніи коснулся въ 1578 г. Тернате, одного изъ Молуккскихъ острововъ, и заручился у тамошняго вождя обѣщаніемъ продавать исключительно англичанамъ все производство гвоздики. Индійскаго материка Дрэкъ не коснулся; слава піонера на этой почвѣ принадлежитъ католическому духовному лицу, Томасу Стевенсу, который прибылъ въ 1579 г. на португальскомъ суднѣ въ Гоа и затѣмъ сдѣлался ректоромъ іезуитской коллегіи въ Сальсеттѣ. Его письма обратили на себя вниманіе въ Англіи и побудили трехъ купцовъ, Ральфа Фитша, І. Ньюберри и Лидса отправиться въ Индію сухимъ путемъ черезъ Триполи и Ормузъ. Послѣ различныхъ препятствій Фитшъ пробрался на Цейлонъ, въ Бенгалію и Индокитай и возвратился въ свое отечество тою самою дорогой, которою онъ прибылъ; Ньюберри основался какъ купецъ въ Гоа, а Лидсъ поступилъ на службу къ Великому Моголу.

Послѣ уничтоженія испанской Армады въ 1588 г. англійскіе крупные торговцы послали въ остиндскія воды нѣсколько частныхъ экспедицій; всѣ онѣ, однако, потерпѣли неудачу; только послѣ того, какъ голландцы добились въ Индіи большаго успѣха и въ своей близорукой политикѣ повысили болѣе чѣмъ вдвое цѣну на перецъ (1599), въ Лондонѣ образовалась подъ вліяніемъ успѣховъ Томаса Кэвендиша и Дрэка первая англо-остиндская торговая компанія („The Governor and company of merchants trading to the East Indies"; ср. выше стр. 447), которая получила отъ королевы Елизаветы привилегію на свободную торговлю съ Остиндіей, Африкой и Азіей, а равно и право издавать законы и присуждать къ наказаніямъ (поскольку это не противорѣчило англійскимъ законамъ); вмѣстѣ съ тѣмъ ей было дано право безпошлиннаго вывоза всѣхъ товаровъ. Въ выставленномъ только на ограниченное время патентѣ было предусмотрѣно его возобновленіе „въ случаѣ, если предпріятіе послужитъ ко благу Англіи"; въ немъ же королева рекомендовала экспедицію благоволенію всѣхъ правителей и народовъ, страны которыхъ она посѣтитъ. Основной капиталъ составлялъ 72.000 фунтовъ стерлинговъ съ 125 акціонерами. Вначалѣ каждая экспедиція представляла самостоятельное предпріятіе; собирался извѣстный капиталъ и прибыль дѣлилась затѣмъ между участниками; только въ одну изъ экспедицій эта прибыль составляла менѣе 100 процентовъ. Характеръ предпріятій измѣнился, однако, когда капиталъ общества возросъ къ 1612 году до 400.000 фунтовъ стерлинговъ. До тѣхъ же поръ экспедиціи Джемса Ланкастера, Генри Миддльтона и др. представляли почти не что иное, какъ походы морскихъ разбойниковъ противъ испанскихъ и португальскихъ кораблей, Въ 1609 г. Миддльтонъ въ виду Бабъ-эль-Мандебскаго пролива отнималъ у всѣхъ кораблей, нагруженныхъ индійскими товарами, ихъ грузъ и думалъ, что сводитъ отлично счеты со своею совѣстью, если расплачивается съ ними по собственной расцѣнкѣ тѣмъ товаромъ, который онъ везъ съ собою. Посланный частными купцами въ экспедицію Эдв. Михельборнъ грабилъ въ 1605 году также и суда туземцевъ.

Въ общемъ всѣ эти экспедиціи принесли обществу громадную выгоду, и такъ какъ въ этомъ смыслѣ онѣ служили „ко благу страны", то Іаковъ

I охотно возобновилъ въ 1609 году вышеуказанный патентъ. Въ Индіи продолжали господствовать еще португальцы, ревниво преслѣдовавшіе всякую конкурренцію. Англія видѣла себя поэтому вынужденной для защиты своей торговли послать туда въ 1612 г. четыре военныхъ судна подъ начальствомъ капитана Беста. Едва они прибыли въ Суратъ, какъ подверглись нападенію со стороны многочисленныхъ португальцевъ у устьевъ Тапти; побѣда, однако, осталась на ихъ сторонѣ. Послѣ этого Джехангиръ заключилъ съ ними договоръ, по которому имъ давалось право торговли по всему царству моголовъ, и взялъ подъ свою защиту ихъ поселеніе въ Суратѣ; филіальныя факторіи должны были основаться въ Гогрѣ, Ахмедабадѣ, Камбейѣ и Аджмирѣ, а къ царскому двору въ Дели долженъ былъ отправиться англійскій посолъ (1615—18 эту функцію исполнялъ сэръ Томосъ Рое; ср. стр. 430). Благоволенію Джехангира англичане обязаны основаніемъ торговыхъ поселеній въ Агрѣ и Патнѣ. Въ южной Индіи на Малабарскомъ берегу они утвердились въ Каликутѣ и важномъ по значенію Каннанорѣ; въ 1619 г. они пріобрѣли покупкою значительный кусокъ земли на Коромандельскомъ берегу близъ Неллора. Поведеніе англичанъ по отношенію къ туземнымъ раджамъ, особенно правителямъ великаго царства моголовъ, было въ ту пору до покорности скромно; они являлись мирными торговцами, не стремившимися къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ и не вмѣшивавшимися во внутреннія дѣла туземцевъ, — весь ихъ интересъ сосредоточивался на торговлѣ, которая была и для Индіи выгодна.

Когда Шахъ-Джеханъ бѣжалъ отъ своей мачехи Нуръ-Махалъ въ страны нижняго Ганга и обратился за помощью къ португальскому коменданту на Хугли, онъ встрѣтилъ высокомѣрное издѣвательство. Сдѣлавшись вскорѣ послѣ этого правителемъ, онъ не замедлилъ местью: въ 1631 г. онъ велѣлъ взять штурмомъ укрѣпленное поселеніе португальцевъ, а ихъ самихъ изгнать изъ Бенгала, тогда какъ къ англичанамъ онъ относился такъ же благожелательно, какъ и его отецъ. Это дружественное расположеніе царя было, однако, омрачено, когда одно англійское конкуррирующее общество (Courten) захватило разбойничьимъ образомъ два могольскихъ корабля и даже, какъ носился слухъ, подвергло экипажъ пыткѣ. Прежнее общество отправило въ Дели посольство (1637) для того, чтобы пріобрѣсти снова расположеніе царя. Случаю угодно было, чтобы одна изъ принцессъ подверглась сильнымъ ожогамъ; призванному изъ Сурата судовому врачу Габріелю Броутону (Broughton) удалось излечить пострадавшую. Вмѣсто награды онъ упросилъ царя предать забвенію упомянутый случай и разрѣшить англійской компаніи расширить свои торговыя предпріятія на весь Бенгалъ. Вторая услуга того же врача была вознаграждена дарованіемъ компаніи права основать на Хугли и въ Баласорѣ, въ Ориссѣ, новыя факторіи.

Хорошія отношенія съ моголами не омрачались ничѣмъ, покуда британская заносчивость не поставила на карту всей будущности индійской торговли англичанъ. Когда въ 1683 г. Аурензибъ истощилъ въ борьбѣ съ махраттхами свои силы, компанія рѣшила (въ 1685 г.) примѣнять силу противъ каждой индійской власти „которая стала бы вредить торговлѣ“. Десять кораблей, снабженныхъ каждый 10—70 пушками и семью ротами солдатъ, составлявшими вмѣстѣ 1.000 человѣкъ, должны были предпринять подъ начальствомъ „генералъ-губернатора и адмирала Индіи“, сэръ Джона Чайльда, нападеніе на Могольское царство съ запада и съ востока: въ Бенгалѣ подверглось бомбардировкѣ индійское Хугли; на западномъ берегу были взяты царскія суда съ мирными богомольцами, отправлявшимися въ Мекку, и были предприняты единичные походы въ глубь страны. Компанія допускала все это, но сама сваливала все на отвѣтственность главнокомандующаго. Тогда Аурензибъ отдалъ приказъ

изгнать изъ Индіи всѣхъ англичанъ; ихъ факторіи подверглись нападенію, агенты были посажены въ заключеніе, Масулипатамъ, Вайсагапатамъ, Чатанати и Суратъ взяты, Бомбею грозила опасность. Дѣло еще больше ухудшилось, когда во время начавшихся уже мирныхъ переговоровъ явился капитанъ Хисъ (Heath) съ приказаніемъ продолжать войну; слѣдствіемъ этого было то, что агенты изъ страха передъ моголами массами покинули свои посты. Тогда, наконецъ, компанія отреклась отъ своего генералъ-губернатора и адмирала, на котораго она хотѣла свалить всю вину; выраженіями покорности и уплатою контрибуціи въ три милліона марокъ ей удалось умиротворить царя. Когда одна изъ конкуррирующихъ компаній снова захватила нѣсколько могольскихъ судовъ, раздраженный царь приказалъ отнять имущество у старыхъ компаній, посадить въ заключеніе всѣхъ англичанъ и голландцевъ въ Суратѣ и блокировать Мадрасъ. Снова пришлось просить прощенія и уплатить высокую контрибуцію

Почти еще больше затрудненій причиняла компаніи конкурренція своихъ же соотечественниковъ. Частные предприниматели посылали часто, несмотря на привилегію компаніи, собственныя экспедиціи. Не разъ и само правительство, во зло утвержденнымъ правамъ старой компаніи, выдавало патенты новымъ торговымъ обществамъ, которыя по возможности притѣсняли старшую свою конкуррентку, до тѣхъ поръ, пока спустя нѣкоторое время соперники не сливались въ одно общество. Неоднократно старая компанія должна была расплачиваться за ограбленіе индійскихъ кораблей, виновниками которыхъ являлись новыя общества. Такими конкуррирующими предпріятіями были основанное въ 1635 г. Петромъ Кортеномъ общество, названное въ честь одного поселенія на Мадагаскарѣ Ассадой и соединившееся въ 1650 г. со старой лондонской компаніей, затѣмъ основанная въ 1655 г. и также съ нею слившаяся въ 1657 г. Company of Merchant Adventurers, а равно и Всеобщая остиндская торговая компанія, основанная въ 1698 г. съ капиталомъ въ 2 милліона фунта стерлинговъ и слившаяся съ „Лондонскимъ“ обществомъ въ 1709 г. въ одну „United company of Merchants of England trading to the East Indies“. Какими только средствами ни боролись другъ съ другомъ конкурренты! Въ 1703 г. Ауренгзибъ подвергъ заключенію жившихъ въ Суратѣ служащихъ старой компаніи; когда получился приказъ освободить ихъ, то представитель компаніи C. o. M. A. подкупилъ царскихъ чиновниковъ за 2.700 фунтовъ стерлинговъ для того, чтобы продлить заключеніе своихъ соперниковъ.

Неоднократно компаніи приходилось бороться и съ парламентомъ. Патентъ выдавался ей каждый разъ только на опредѣленное число лѣтъ, и каждое возобновленіе его означало новое вымогательство со стороны представителей націи, изъ которыхъ каждый ставилъ свои требованія. Компанію упрекали въ томъ, что она недостаточно оплачиваетъ своихъ служащихъ, что она поощряетъ хищенія и частную торговлю, что она пренебрегаетъ защитою своихъ индійскихъ поселеній и т. д.; когда всѣ подобныя обвиненія заглаживались достаточной суммой „благодарностей“ въ пользу правящихъ мужей парламента, патентъ возобновлялся опять на извѣстное число лѣтъ. Судебныя разслѣдованія установили, что такія подношенія достигали въ нѣкоторые годы двухъ милліоновъ марокъ, причемъ въ дѣла эти были замѣшаны люди, занимавшіе очень высокое положеніе.

Несмотря на все это, Остиндская компанія все больше и больше процвѣтала. Первымъ ея поселеніемъ на Коромандельскомъ берегу была небольшая агентура въ Масулипатамѣ; въ 1619 г. къ ней присоединился фортъ въ Неллорѣ, въ 1622 — Палипатъ, въ 1626 — Армагаонъ и въ 1639 — Мадрасъ (патамъ), замѣнившій неблагопріятный по мѣстоположенію и оставленный въ 1638 г. Армагаонъ и ставшій вскорѣ подъ защитою форта Георга главнымъ центромъ компаніи на Коромандельскомъ берегу. Въ 1654 г. Мадрасъ былъ выдѣленъ изъ президентства Бантамъ

на Явѣ и обращенъ въ особое президентство, округъ котораго захватывалъ сначала также и всѣ бенгальскія поселенія.

Когда англичане прибыли впервые въ Индію, Суратъ былъ главной гаванью Могольскаго царства и сталъ естественно и для британско-индійской торговли центромъ, вокругъ котораго группировалось быстро нароставшее число агентуръ и факторій. Рейдъ Сурата былъ, однако, слишкомъ открытъ для юго-западнаго муссона; отъ враговъ же онъ не былъ защищенъ ни съ моря, ни съ суши. Въ этомъ отношеніи значительно благопріятнѣе былъ Бомбей: онъ представлялъ отличную гавань, а лежащій въ ней островъ служилъ естественной защитой на случай нападенія махраттховъ. Бомбей (Bom bahia, хорошая бухта) былъ первоначально незначительнымъ португальскимъ поселеніемъ; какъ часть приданаго жены Карла II, португальской принцессы Катарины Браганцской, Бомбей перешелъ во владѣніе англійскаго короля, уступившаго въ 1668 г. это интересное рыбацкое мѣстечко компаніи за извѣстную плату въ 200 марокъ ежегодно. Послѣ нападенія махраттховъ въ 1670 г. компанія рѣшила перенести туда центръ президентства, округъ котораго обнималъ весь западный берегъ вмѣстѣ съ торговыми поселеніями у Персидскаго залива и на Евфратѣ.

Развитіе британской торговли въ Бенгалѣ началось позже, чѣмъ на восточномъ и западномъ берегахъ Декана; Суратъ остался гаванью для торговыхъ сношеній, простиравшихся далеко внутрь странъ, расположенныхъ по Гангу, вплоть до находившейся недалеко отъ начала дельты Патны. Португальцы при свой непопулярности также не сумѣли поднять значеніе своего поселенія у дельты Ганга, Хугли (Hougly), лежавшаго на 30 англ. миль выше нынѣшней Калькутты. Послѣ того, какъ Шахъ-Джеханъ въ 1631 г. прогналъ оттуда португальцевъ и предоставилъ это мѣсто спустя девять лѣтъ англичанамъ, торговыя сношенія съ Бенгаломъ велись предпочтительно этимъ, какъ бы созданнымъ природой для такой цѣли, рѣчнымъ путемъ. Прежде британскія суда могли останавливаться только въ Пиппли, въ Ориссѣ, теперь же они подымались вверхъ по Гангу, насколько это допускали его воды, и въ Хугли принимали товары, которые стекались туда по богато-развитой водной сѣти со всѣхъ частей Индостана. Когда же послѣ услугъ, оказанныхъ д-ромъ Броутономъ въ качествѣ врача царскому двору (стр. 450), въ 1645 г. англичане получили монополію на торговлю въ Бенгалѣ, эта послѣдняя быстро расцвѣла: въ 1681 г. поселенія въ Бенгалѣ и Ориссѣ были отдѣлены отъ Мадраса, какъ самостоятельныя президентства. Но уже въ 1686 г. губернаторъ Чарнохъ и всѣ служащіе компаніи были изгнаны изъ Хугли могольскимъ намѣстникомъ Бенгала, Шаиста-ханомъ, и должны были искать спасенія на одномъ болотистомъ островѣ въ устьѣ рѣки. Впослѣдствіи они снова поднялись вверхъ по рѣкѣ до Чатанати, вблизи котораго выстроенъ былъ для ихъ защиты фортъ Уильямъ; 24 августа 1690 г. примирившійся съ ними Аурензибъ предоставилъ имъ право торговли и вернулъ взятыя у нихъ факторіи. А въ 1700 г. они пріобрѣли у любимаго сына царя, Азимъ-шаха, значительную полосу земли, на которой основались поселенія Чатанати, Гавиндпуръ и упоминаемое уже въ мемуарахъ Акбара Кали-Гхатъ, положившія начало быстро разросшейся Калькуттѣ. Защита, которую британская область представляла для населенія въ ту пору упадка Могольскаго царства, и надежда на наживу привлекали туда все новыхъ поселенцевъ: въ 60 лѣтъ упомянутыя три поселенія превратились въ большой городъ, число жителей котораго доходило въ 1752 г. до 400.000.

в) Борьба англичанъ и французовъ за преобладаніе въ Индіи. (1740 — 60).

Англичане стали въ Индіи твердою ногою, и все казалось, обѣщало мирное развитіе ихъ вліянія, когда въ лицѣ французовъ явился для

нихъ опасный соперникъ, ставившій на карту всѣ достигнтуыя ими результаты. Съ того момента, какъ между Англіей и Франціей начинаетъ разыгрываться ожесточенная борьба за преобладаніе въ Индіи, для населенія этого театра войны открывается новая эра: мусульманская эпоха завершилась, а слѣдующія два десятилѣтія, въ концѣ которыхъ борьба заканчивается въ пользу британцевъ, составляютъ первый отдѣлъ остъ-индской „Новой Исторіи“.

Уже въ XVI столѣтіи французы направили свои помыслы на Индію, однако безуспѣшно. Когда затѣмъ безсиліе португальцевъ стало очевиднымъ, образовалась почти одновременно съ голландской и англійской, также и французская компанія, въ которой принималъ участіе самъ король (1604; ср. стр. 447); хотя Генрихъ IV снабдилъ ее обширными привилегіями, а на Мадагаскарскомъ берегу были основаны поселенія, тѣмъ не менѣе въ теченіе первыхъ 60 лѣтъ компанія эта не имѣла особаго успѣха. Только когда въ 1664 г. компанію взялъ подъ свою защиту Кольберъ (т. VII стр.), она пріобрѣла большое значеніе. Въ 1668 г. были основаны первыя поселенія въ Суратѣ и Голкондѣ; въ 1672 г. у голландцевъ былъ отнятъ Сенъ-Томе (близъ нынѣшняго Мадраса) и заняты острова Маврикій и Бурбонъ, долженствовавшіе служить этапными пунктами по пути въ Индію. Сенъ-Томе, правда, уже въ 1674 г. былъ снова отданъ голланцамъ; но часть тамошнихъ французовъ добилась отъ одного изъ мелкихъ раджей уступки значительнаго куска земли на Коромандельскомъ берегу, гдѣ Мартинъ (ум. въ 1706 г.) основалъ Пондишерри. На время новыя поселенія были отняты у французовъ голландцами, но Рисвикскимъ миромъ (1697 г.) были снова возвращены. Въ 1729 г. городъ, основанный только 60 французами, насчитывалъ уже 40.000 жителей.

a) Дюпле (Dupleix).

Въ Бенгалѣ французы также вступили въ конкурренцію съ голландцами и англичанами. Въ 1676 г. былъ основанъ Чанднерагоръ, укрѣпленный въ 1688 г. Но, слѣдуя близорукой политикѣ, Франція запретила въ 1687 г. ввозъ важнѣйшихъ индійскихъ производствъ; въ 1719 г. у компаніи были отняты привилегіи, и ей грозила полная гибель, когда преобразованіе ея въ простое торговое общество вдохнуло въ нее новую жизнь и привело Пондишерри къ новому расцвѣту. За этимъ слѣдуетъ блестящій періодъ сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія. Въ 1730 г. Іозефъ Франсуа Дюпле былъ назначенъ директоромъ поселенія Чандернагоръ; его энергія такъ подняла это поселеніе, что уже по истеченіи десяти лѣтъ со своими 103.000 жителей стало въ ряды первыхъ факторій Бенгала. Переведенный въ 1742 г. въ Пондишерри губернаторомъ, Дюпле сумѣлъ внушить къ себѣ такое уваженіе среди туземныхъ раджей, что когда въ 1743 г. слухъ о войнѣ между Франціей и Англіей достигъ слабо защищеннаго Пондишерри, нувабъ Карнатика (стр. 443) по желанію Дюпле воспретилъ европейцамъ въ своей области всякія выраженія враждебности. Когда же въ 1746 г. Б. Фр. Махэ де Лабурдонне, намѣстникъ Бурбона и Маврикія, появился съ французскимъ флотомъ, Дюпле обѣщаніемъ уступить Мадрасъ склонилъ того же нуваба не препятствовать нападенію французовъ на англичанъ. Лабурдонне разбилъ сначала англійскій флотъ при Негапатамѣ и захватилъ затѣмъ плохо защищенный Мадрасъ. Необыкновенно сильный муссонъ и распри съ Дюпле, который требовалъ безпощаднаго натиска на англичанъ, побудили Лабурдонне, отправиться обратно во Францію. Въ то же время нувабъ Карнатика, Анваръ ад-динъ, не получая обѣщаннаго Мадраса, выступилъ съ 10.000 войска, чтобы изгнать французовъ; несмотря на то, что послѣдніе могли выставить противъ него только 230 европейскихъ солдатъ и 700 индусовъ, обученныхъ

по-европейски, нувабъ былъ отбитъ. Эта битва при Сенъ-Томе имѣетъ въ исторіи Индіи извѣстное значеніе: здѣсь впервые были употреблены въ дѣло туземныя войска, сипаи (sipoys; отъ новоперсидскаго sipahi — солдатъ), здѣсь же впервые европейскія войска пріобрѣли такую славу, что съ этого момента успѣхъ европейцевъ въ борьбѣ съ войсками туземныхъ раджей являлся уже напередъ обезпеченнымъ.

Дюпле тщетно пытался вытѣснить англичанъ также и изъ форта Давида, находившагося подъ начальствомъ маіора Стринджеръ Лоуренса; зато англійскій главнокомандующій Эдвардъ Боскоуенъ, державшій осенью 1748 г. въ теченіе пятидесяти дней въ осадномъ положеніи Пондишерри, куда онъ явился съ сильнымъ флотомъ и 4000 человѣкъ экипажа, долженъ былъ 18 октября отступить ни съ чѣмъ, потерявъ при этомъ четвертую часть своего экипажа. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ въ Аахенѣ мирный договоръ, возвратившій Мадрасъ англичанамъ и положившій конецъ войнѣ между Англіей и Франціей.

Своимъ поведеніемъ противъ Анваръ ад-дина Дюпле нажилъ себѣ въ немъ врага, котораго онъ счелъ нужнымъ устранить какъ можно скорѣе. Обстоятельства ему благопріятствовали. Въ Тричинополи былъ взятъ въ 1741 г. махраттхами и уведенъ въ плѣнъ раджа Чанда-сахибъ, самый предпріимчивый и въ то же время самый популярный изъ всѣхъ южноиндійскихъ правителей: дальновидный французъ увидѣлъ въ немъ самое подходящее орудіе для вытѣсненія Анвара. Дюпле уплатилъ за него выкупъ, и Чанда собралъ скоро отрядъ въ 6000 человѣкъ, чтобы выступить противъ нуваба, не пользовавшагося въ Карнатикѣ любовью. Еще благопріятнѣе сложились для Дюпле обстоятельства со смертью престарѣлаго Низамъ уль-мулька (стр. 442). Послѣдній назначилъ наслѣдникомъ Деканскаго престола своего внука Музаффаръ-Джанга; но тотчасъ послѣ его смерти одинъ изъ сыновей Низама, Насиръ Джангъ, завладѣлъ государственной казной, а вмѣстѣ съ нею и войскомъ. Французы послали законному наслѣднику, привлекшему на свою сторону также и Чанда обѣщаніемъ сдѣлать его правителемъ Карнатика, въ подкрѣпленіе свои войска подъ начальствомъ генерала Х. І. Потиссье маркиза де Бюсси. Въ битвѣ при Амбарѣ 3 августа 1749 г. палъ Анваръ ад-динъ; его сынъ Мухаммедъ Али бѣжалъ въ Тричинополи. Музаффаръ наградилъ за эту побѣду своего союзника Чанда Карнатикомъ, французамъ же онъ уступилъ 81 поселеніе близъ Пондишерри. Но самъ онъ былъ вскорѣ разбитъ при Валатхавурѣ своимъ дядей Насиръ Джангомъ, который получилъ въ подкрѣпленіе англійскихъ солдатъ подъ командой маіора Лоуренса; Музаффаръ былъ взятъ въ плѣнъ и закованъ въ цѣпи, а Чанда удалось бѣжать; побѣдитель объявилъ правителемъ Карнатика Мухаммедъ Али, сына прежняго нуваба. Но счастье быстро повернулось снова въ другую сторону: въ битвѣ при Гингенѣ 4 декабря 1750 г. былъ въ свою очередь разбитъ Мухаммедъ, а Насиръ послѣ одной проигранной Бюсси битвы былъ умерщвленъ мятежниками: теперь правителями Декана и Карнатика были дѣйствительно люди, желательные Дюпле; 15 декабря 1750 г. французъ получилъ отъ Музаффара отъ имени Великаго Могола титулъ губернатора всей области между Кистной (Кришна) и мысомъ Коморинъ. Правда, Музаффаръ Джангъ былъ едва спустя три недѣли убитъ европейцами; но на его мѣсто стараніями Бюсси на тронъ былъ посаженъ снова расположенный къ французамъ преемникъ, братъ Насиръ Джанга. Такимъ образомъ вліяніе Дюпле распространилось на большую часть Декана, и Франція достигла апогея своего могущества въ Индіи.

β) Первое появленіе Клейва и военные успѣхи.

Робертъ Клейвъ, сынъ одного спряпчаго въ Стейчѣ въ Шропшейрѣ, родившійся 29 сентября 1725 г., отправился въ 1743 г. въ Индію, гдѣ слу-

жилъ писаремъ, не удовлетворяя этимъ ни себя, ни своихъ начальниковъ. При капитуляціи Мадраса онъ попалъ въ плѣнъ, но бѣжалъ въ фортъ св. Давида и былъ принятъ въ 1746 г. маіоромъ Лоуренсомъ въ качествѣ прапорщика. Послѣ битвы при Амбарѣ сынъ павшаго нуваба Карнатика, Мухаммедъ Али, бѣжалъ въ сильную крѣпость Тричинополи и тамъ храбро защищался противъ отрядовъ Чанда. Когда же въ 1751 г. Дюпле послалъ въ подкрѣпленіе этимъ послѣднимъ сильный отрядъ французскихъ солдатъ, осажденная крѣпость увидѣла себя въ большой опасности. Тогда Клейвъ, отличившійся уже однажды при нападеніи англичанъ на Девикотта (1749), предложилъ своему начальнику нападеніемъ на Аркотъ, столицу Чанды, отвлечь послѣдняго отъ осады Тричинополи. Онъ самъ двинулся туда только съ двумя сотнями европейскихъ солдатъ и 300 сипаевъ и взялъ Аркотъ 30 августа 1751 г. Планъ Клейва удался: нувабъ съ 10,000 человѣкъ оставилъ Тричинополи, и Клейвъ въ теченіе семи недѣль съ оставшимися въ живыхъ 120 европейцами и 200 сипаевъ выдерживалъ въ плохо укрѣпленномъ городѣ осаду и самые жестокіе штурмы, покуда Чанда не отступилъ при приближеніи отряда махраттховъ и англійскаго подкрѣпленія. Этотъ смѣлый поступокъ поставилъ Клейва сразу въ ряды самыхъ любимыхъ героевъ индійской военной исторіи; впечатлѣніе, произведенное этимъ поступкомъ на самихъ индусовъ было подавляющее, слава французскаго оружія померкла. Французы были разбиты Клейвомъ при Арни; въ іюнѣ 1752 г., въ виду Тричинополи, ихъ осадная армія должна была сдаться англичанамъ, а Чанда сахибъ, сдавшійся врагамъ своимъ, былъ умерщвленъ Мухаммедомъ Али, что не встрѣтило препятствія со стороны маіора Лоуренса. Въ теченіе трехъ лѣтъ—между тѣмъ какъ Клейвъ вынужденъ былъ въ 1753 г. въ виду состоянія своего здоровья возвратиться въ Англію—продолжалась еще съ перемѣннымъ счастьемъ эта война между англичанами и французами, покуда въ августѣ 1754 г. Дюпле не былъ отозванъ во Францію; всѣ его высокіе замыслы были погребены вмѣстѣ съ состоявшимся 11 октября мирнымъ договоромъ, по которому одни только французы понесли тяжелыя жертвы.

На побережьѣ сила французовъ была сломлена. Внутри же страны военный и дипломатическій авторитетъ Бюсси пользовался еще большимъ вліяніемъ у Низама. Онъ нанесъ рѣшительное пораженіе махраттхамъ, явившимся съ подавляющими силами, и принудилъ ихъ заключить миръ; ему удалось пресѣчь опасныя козни и даже изъ проявленій враждебности со стороны непостояннаго Низама онъ умѣлъ извлекать пользу для французовъ, для которыхъ онъ такимъ путемъ добился, наприм., уступки четырехъ сѣверныхъ Циркаръ (въ сѣверной части восточной низменности Кистны). Но и онъ былъ отозванъ по настоянію завидовавшаго его успѣхамъ графа Т. А. Лалли-Толлендаля, назначеннаго тѣмъ временемъ губернаторомъ Пондишерри.

Франко-англійская борьба за первенство въ Индіи разыгривалась до сихъ поръ въ предѣлахъ обоихъ главныхъ южныхъ центровъ; теперь же побѣдоноснымъ британцамъ грозила неожиданная опасность со стороны сѣвера. Основанная Муршидъ Кули-ханомъ династія недолго продержалась въ Бенгалѣ. Въ 1740 г. ее лишилъ власти Али Варди, который во время одного набѣга махраттховъ разрѣшилъ англичанамъ укрѣпить свое поселеніе въ Калькуттѣ валомъ и рвами—„махраттха-дичъ". По смерти его (1756) ему наслѣдовалъ внукъ его Сиваджи-дауля (Сураджахъ ад-дауля), 18-лѣтній, горячій, капризный и развратный человѣкъ небольшого ума, ненавидѣвшій англичанъ и опасавшійся ихъ возраставшей власти. Онъ неожиданно двинулся на Калькутту; англичане безуспѣшно обращались за помощью къ сосѣднимъ французскимъ и голландскимъ поселеніямъ; 20 іюня 1756 г. городъ, недостаточно защищенный, долженъ былъ сдаться послѣ четырехдневной обороны, посадивъ сначала на корабли большую часть

жителей, отправившихся искать спасенія внизъ по рѣкѣ. Оставшіеся 146 человѣкъ были заключены черезъ ночь въ получившую подъ именемъ „черной дыры“ (black hole) столь печальную извѣстность военную тюрьму,— пространство не больше 30 кв. м., имѣвшее только два небольшихъ рѣшетчатыхъ окна: на утро изъ зараженнаго воздуха этой дыры были извлечены только 23 оставшихся въ живыхъ человѣка.

c) Періодъ денежныхъ вымогательствъ (1760—98).

a) Вторичное появленіе Клейва въ Индіи.

Извѣстіе о несчастіи, постигшемъ Калькутту, достигло Мадраса въ августѣ 1756 г., тотчасъ послѣ того, какъ туда изъ Англіи возвратился Клейвъ. Въ октябрѣ, какъ только позволилъ это муссонъ, онъ на кораблѣ отправился въ дельту Ганга съ расположившимся близъ Мадраса адмираломъ Уатсономъ и 2 января 1757 г. онъ взялъ уже обратно Калькутту; дальнѣйшему шагу, на которомъ настаивалъ Клейвъ, помѣшала прежде всего нерѣшительность совѣта, получившаго къ этому времени извѣстіе о разгорѣвшейся войнѣ съ Франціей, а также опасавшагося близости Бюсси и его вліянія на Низама. Договоръ, заключенный нувабомъ Бенгала съ британцами, былъ имъ тотчасъ же расторгнутъ. Чтобы напугать французовъ, Клейвъ взялъ приступомъ Чандернагоръ, принадлежавшее имъ поселеніе на Хугли. Онъ не останавливался даже предъ заговорами и измѣной, чтобы бороться съ могуществомъ Сиваджи: одному изъ родственниковъ при дворѣ нуваба, Миръ-Джафиру, былъ обѣщанъ тронъ, если онъ въ предстоявшей битвѣ измѣнитъ со своими войсками своему повелителю. Бенгальское войско, числомъ свыше 50,000 человѣкъ, заняло близъ Плассей (Палаши близъ Муршидабада (Моксудабадъ) укрѣпленный лагерь: здѣсь на него напалъ Клейвъ съ отрядомъ только въ 2900 человѣкъ и, благодаря измѣнѣ Миръ-Джафира и трусости нуваба, разбилъ его на голову (23 іюня 1757 г.). Въ награду за измѣну Миръ-Джафиръ былъ сдѣланъ нувабомъ Бенгала, и для него въ Дели было для виду испрошено утвержденіе; прежній нувабъ, взятый въ плѣнъ уже послѣ назначенія Миръ-Джафира былъ умерщвленъ сыномъ послѣдняго. Въ „благодарность“ за свое повышеніе новый нувабъ сдѣлалъ англійской компаніи и отдѣльнымъ ея служащимъ богатые „подарки“, въ общемъ болѣе чѣмъ на 50 милліоновъ марокъ (одинъ Клейвъ получилъ 5,400,000 марокъ). Кромѣ того, онъ даровалъ компаніи право земинды, т. е. право взиманія подати для нуваба, на пространствѣ 882 квадратныхъ миль въ окружности Калькутты (нынѣшнія 24 перганы). Въ 1760 г. доходъ съ собиранія этой подати, 600,000 марокъ ежегодно, былъ переведенъ на самого Клейва. Такимъ образомъ Клейвъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ господиномъ надъ служащими компаніи, взимавшими для него подать—невозможное положеніе вещей, которое было измѣнено въ 1765 г. рѣшеніемъ парламента въ томъ смыслѣ, что доходы эти должны были идти въ пользу Клейва въ теченіе десяти лѣтъ, послѣ чего они должны были перейти навсегда къ компаніи.

Новому нувабу Бенгала вскорѣ стала грозить опасность со стороны индусовъ. Али Гухаръ, сынъ Великаго Могола Алемгира II, бѣжалъ изъ дворца своего отца и нашелъ хорошій пріемъ въ Аудѣ и Аллахабадѣ; послѣ умерщвленія государя (1759) онъ самъ объявилъ себя царемъ Индостана и принялъ титулъ Шахъ-Алемъ II (ср. стр. 437). Съ 40,000-ымъ войскомъ, составленнымъ изъ афганцевъ, махраттховъ и т. д., онъ выступилъ противъ Миръ-Джафира и разбилъ сначала при Патнѣ войска нуваба, усиленныя британскими сипаями, но затѣмъ самъ былъ нѣсколько разъ побѣжденъ съ помощью англійскихъ войскъ (1760) и, наконецъ, вынужденъ отказаться отъ своихъ притязаній на Бенгалъ.

Вспыхнувшая тѣмъ временемъ въ Германіи Семилѣтняя война (т. VII. стр. 549) привела къ тому, что Франція и Россія стали на сторону Австріи противъ Пруссіи и союзной съ нею Англіи. Графъ Лалли-Толлендаль (стр. 455), назначенный въ 1756 г. французскимъ губернаторомъ Пондишерри, при всей своей военной опытности и храбрости успѣлъ, благодаря своей безтактности, нажить себѣ повсюду враговъ, такъ что всѣ его предпріятія долгое время сопровождались неудачами. Послѣ отозванія Бюсси, Форду, посланному Клейвомъ, удалось отнять у французовъ сѣверные циркары; 7 апрѣля 1759 года перешелъ въ руки британцевъ вмѣстѣ съ Масулипатамомъ послѣдній изъ французскихъ оплотовъ въ Деканѣ.

1 іюня, вскорѣ послѣ своего прибытія (апрѣль 1758), Лалли завладѣлъ англійскимъ фортомъ Св. Давида; но намѣреніе его идти какъ можно скорѣе на слабо защищенный Мадрасъ встрѣтило сопротивленіе со стороны французскаго адмирала и отказъ въ средствахъ со стороны совѣта Пондишерри. Его попытка добыть себѣ необходимыя деньги штурмомъ Танджура также не привела ни къ чему. Когда же онъ тѣмъ не менѣе осадилъ, наконецъ, Мадрасъ и пробилъ уже въ стѣнахъ его брешь, — его собственные офицеры отказались начать штурмъ; появленіе англійской флотиліи въ виду Мадраса заставило французовъ быстро отступить съ потерей всего осаднаго орудія (февраль 1759). Теперь уже и самъ Низамъ заключилъ съ англичанами договоръ, по которому онъ обязывался никогда больше не брать къ себѣ на службу французовъ. Еще разъ для послѣднихъ зажглась искра надежды, когда въ Пондишерри прибылъ сильный французскій флотъ; но послѣ нерѣшительнаго, хотя и ожесточеннаго морского боя, французы вынуждены были уступить поле британцамъ и удалиться въ Иль-де-Франсъ. Штурмомъ англійскаго форта Вандевашъ Лалли сдѣлалъ еще одну послѣднюю попытку; но тутъ онъ былъ разбитъ 22 января 1760 г. высланнымъ противъ него Клейвомъ полковникомъ Эйръ Кутомъ. Лалли, запертый съ марта 1760 г. какъ со стороны воды, такъ и со стороны суши въ Пондишерри, долженъ былъ сдаться 16 января 1761 г. Возвратившись въ 1764 г. въ Парижъ, этотъ несчастный полководецъ былъ заключенъ въ Бастиллію и позорно казненъ 7 мая 1766 г. Только спустя двѣнадцать лѣтъ, 21 мая 1778 г., благодаря смѣлому заступничеству Вольтера, сыну Лалли-Толлендаля удалось добиться отъ Людовика XVI возстановленія чести своего невинно осужденнаго отца.

Такимъ образомъ былъ устраненъ и второй серьезный конкуррентъ въ борьбѣ за преобладаніе въ Индіи; только на короткое время удалось ему еще врнуть по Парижскому миру (10 февраля 1763 г.). Пондишерри и Чандернагоръ (ср. дальше стр. 462). Когда въ 1760 г. положеніе британцевъ въ Индіи, казалось, начало колебаться, голландско-остъ-индская компанія вошла въ соглашеніе съ хитрымъ Миръ-Джафиромъ и послала съ Явы къ Хугли семь большихъ судовъ съ войсками. Но Клейвъ забралъ ихъ, и, двинувшись къ голландскому поселенію Чинсураху, заставилъ голландцевъ подписать договоръ, по которому они обязывались никогда не закладывать тамъ крѣпостей и не держать тамъ никакого войска, кромѣ небольшого полицейскаго отряда; каждое нарушеніе этого постановленія должно было повлечь за собою немедленное изгнаніе голландцевъ.

β) Миръ-Касимъ; дальнѣйшіе успѣхи компаніи (1761—65) и деморализація ея служащихъ.

Клейвъ возвратился въ Англію въ 1760 г., гдѣ, награжденный ирландскимъ пэрствомъ, какъ лордъ Клейвъ офъ Плассей, сдѣлался любимцемъ народа. Въ Индіи на каждомъ шагу чувствовалось отсутствіе его сильной личности. „Онъ не создалъ для Бенгала никакой твердой

системы правленія, а только укрѣпилъ ту традицію, въ силу которой, пользуясь страхомъ, внушаемымъ ужъ однимъ именемъ Англіи, можно выжимать изъ туземцевъ безграничныя суммы денегъ". Успѣхъ его договоровъ съ Миръ Джафиромъ служилъ для Калькутскаго совѣта дурнымъ примѣромъ. Назначеніе нуваба дало всѣмъ такой неслыханный доходъ, что ничего не могло быть естественнѣе, какъ повторить этотъ опытъ. Созданный ими же самими правитель сталъ терпѣть отъ нихъ столько притѣсненій, что счелъ нужнымъ въ концѣ концовъ отказаться отъ престола. На его мѣсто англичане посадили Миръ Касима, одного изъ его родственниковъ; результатомъ этой перемѣны были не только громадныя подношенія деньгами отдѣльнымъ высшимъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, но и уступка въ видѣ благодарности округовъ Бардванъ, Миднапуръ и Читтагонгъ. Новый нувабъ оказался, однако, человѣкомъ независимаго характера, съ крайнимъ честолюбіемъ и большою энергіею. Онъ ревностно принялся формировать свое собственное, обученное по-европейски, войско. Онъ не особенно охотно переносилъ вмѣшательства англійскихъ торговцевъ. Вошло въ обыкновеніе, что всѣ служащіе компаніи, до послѣдняго писца включительно, пополняли съ избыткомъ скудный свой окладъ частною торговлею; правитель Бенгала даровалъ, правда, компаніи, какъ таковой, право безпошлинной торговли, но отъ него стали требовать тѣхъ же привилегій и для вышеупомянутой частной торговли. Нувабъ представилъ жалобу совѣту, — на нее не только не обратили вниманія, но, напротивъ, стали еще больше раздражать нуваба. Тогда онъ съ своей стороны, сталъ оказывать давленіе и лишилъ компанію привиллегіи безпошлинной торговли. Этимъ былъ данъ поводъ къ войнѣ. Войско нуваба, въ которое вошли и остатки французскаго войска, насчитывало 15,000 человѣкъ; тѣмъ не менѣе оно было разбито опытнымъ маіоромъ Тобіасомъ Адамсомъ при Катвѣ, при Гхаріи и при Удва Налѣ (Раджмахалѣ). Миръ Касимъ съ 155 плѣнными англичанами бѣжалъ въ Патну; но тѣснимый и здѣсь непріятельскими войсками, онъ велѣлъ перебить плѣнниковъ, а самъ съ остаткомъ своего войска удалился въ Аудъ, ко двору тамошняго визиря Шуджи. На Бенгальскій тронъ былъ снова водворенъ прежній нувабъ, Миръ Джафиръ, не безъ того, конечно, чтобы компаніи и ея служащимъ не перепало при этомъ немало богатыхъ подношеній.

Тѣмъ временемъ тяжелая афганистанская гроза (стр. 441) пронеслась надъ Делійскимъ государствомъ и въ битвѣ при Панипатѣ 6 января 1761 г., десять дней до паденія Пондишерри, разгромила царство моголовъ. Въ Дели господствовало полное безправіе; царь бросился искать убѣжища у Шуджи ад-дауля, Аудскаго нуваба. Оба они видѣли въ быстро нароставшемъ могуществѣ англичанъ по нижнему Гангу большую для себя опасность, и Миръ Касимъ со своимъ все еще значительнымъ остаткомъ войска встрѣтилъ хорошій пріемъ при тамошнемъ дворѣ. Соединенныя арміи выступили противъ англичанъ какъ разъ во время мятежа сипаевъ; возстаніе было, однако, быстро подавлено, благодаря примѣненной строгости, и въ битвѣ при Баксарѣ (Буксаръ) 23 октября 1764 г. (а не 1761, какъ ошибочно показано на картѣ при стр. 422) англичане подъ начальствомъ маіора Гектора Монро обратили въ бѣгство превосходившія ихъ силы союзныхъ индусскихъ князей. Миръ Касимъ умеръ въ 1777 г. въ Дели въ бѣдности и забвеніи.

Побѣда при Баксарѣ имѣла для англичанъ еще большее значеніе, чѣмъ побѣда при Плассей: она поставила ихъ лицомъ къ лицу съ повелителемъ Индостана, достоинство котораго все еще сохраняло свой ореолъ, хотя фактическое его могущество было низведено почти до нуля: по мирному договору компанія была оффиціально признана вассаломъ Шахъ-Алема и феодальной владычицей Нижняго Бенгала, Бихара и Ориссы, а

въ 1765 г. она получила диванатъ, т. е. все гражданское и военное управленіе. Взамѣнъ этого она обязывалась платить ежегодно 5 милліоновъ марокъ Моголу, которому былъ гарантированъ нижній Дуабъ (Аллахабадъ и Кора). Шуджа удержалъ за собою Аудъ, заплативъ за это военныя издержки въ размѣрѣ 10 милліоновъ марокъ; нувабъ Бенгала, сынъ умершаго въ февралѣ 1765 г. Миръ-Джафира, получилъ въ возмѣщеніе потери своихъ доходовъ съ Бенгала 12 милліоновъ марокъ ежегодной ренты и низаматъ, т. е. право уголовной юрисдикціи.

Несмотря на большіе доходы, компанія не могла не смотрѣть съ нѣкоторою тревогою на дальнѣйшее развитіе своего положенія въ Индіи. Въ администраціи многое, если не все, было гнило: начиная съ высшихъ и кончая низшими служащими, всѣ были охвачены стремленіемъ обогатиться наивозможно скорѣе какими бы то ни было дозволенными или недозволенными путями, чтобы остатокъ своихъ дней провести въ Англіи „набобами“. Страна высасывалась самымъ ужаснымъ образомъ: „въ Калькуттѣ быстро скоплялись громадныя состоянія, въ то время какъ 30 милліоновъ человѣческихъ существъ низвелись до самыхъ крайнихъ степеней нищеты. Они давно уже привыкли къ господству тирановъ, но никогда они не переживали тиранства подобнаго этому. Мизинецъ компаніи тяжелѣе давилъ ихъ, чѣмъ рука Шуджа ад-дауля“ (Томасъ Бабингтонъ Маколей, лордъ Клейвъ; 1840). Даже войско было заражено дурнымъ примѣромъ чиновниковъ: алчность, страсть къ наслажденіямъ, расшатанность дисциплины проникли и въ него.

γ) Послѣднее появленіе Клейва въ Индіи и его смерть.

Такимъ образомъ, когда въ маѣ 1765 г. Клейвъ вторично прибылъ въ Калькутту въ качествѣ губернатора, онъ увидѣлъ предъ собою трудную задачу. Ему приходилось бороться со зломъ, развитію котораго онъ самъ способствовалъ, служа компаніи; онъ скоплялъ огромныя сокровища и колоссальными налогами, которыми онъ обложилъ правителей, самъ положилъ начало высасыванію страны. Твердою рукою, несмотря на противодѣйствіе всѣхъ служащихъ, дошедшее даже до открытаго возмущенія, онъ устранилъ многія дурныя стороны управленія и наложилъ узду на всеобщую деморализацію. Служащимъ было строго воспрещено принимать подарки, и частная торговля стала менѣе процвѣтать; зато въ видѣ возмѣщенія, хотя и недостаточнаго, онъ установилъ бо̀льшіе оклады, которые покрывались монополіей на соль.

Въ январѣ 1767 года, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, Клейвъ вынужденъ былъ снова оставить Индію съ тѣмъ, чтобы ужъ не возвращаться болѣе. Неуваженіе, которое онъ вызвалъ къ себѣ со стороны всѣхъ европейцевъ въ Бенгалѣ, передалось метрополіи еще до его возвращенія туда. Самые нелѣпые слухи циркулировали о немъ. Дѣло дошло даже до обвиненія и парламентскаго разслѣдованія; оно окончилось тѣмъ, что палата общинъ признала, что Клейвъ „оказалъ своему отечеству большія и важныя услуги“. Тѣмъ не менѣе Клейвъ остался озлобленнымъ; употребленіе опіума подкопало его здоровье, и во время одного припадка меланхоліи 22 ноября 1774 г., онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

δ) Первая война англійской компаніи съ Хайдеръ Али Майсурскимъ.

Съ уходомъ Клейва положеніе дѣлъ въ Индіи стало еще худшимъ, чѣмъ было раньше. Первымъ политическимъ шагомъ Клейва было заключеніе мира съ Великимъ Моголомъ, который уступилъ компаніи такую обширную область, что для управленія ею ей недоставало европейскихъ рукъ. Только высшія должности могли быть замѣщены англичанами,

тогда какъ управленіе округами должно было быть предоставлено туземцамъ, что при различныхъ съ ними взглядахъ на законность и незаконность должно было повлечь за собою не мало затрудненій; между тѣмъ отвѣтственною стороною являлись высшіе европейскіе чиновники, совершенно въ данномъ случаѣ безпомощные. Среди низшихъ чиновниковъ индусовъ недобросовѣстность и хищенія являлись какъ бы обычнымъ правомъ, имѣвшимъ за собою вѣковую давность; съ своей стороны и европейскіе служащіе, какъ только перестали чувствовать сильную руку Клейва, вернулись къ прежнему обычаю заниматься частной торговлей и принимать „подарки". Доходы компаніи стали самымъ тревожнымъ образомъ уменьшаться; съ другой стороны, военныя дѣла на югѣ требовали все большихъ и большихъ расходовъ.

Въ нынѣшнемъ Майсурѣ возвысилась въ XVI и XVII вѣкахъ изъ ничтожнаго положенія и достигла относительно значительнаго могущества туземная династія Водеяръ. Но во время борьбы британцевъ съ французами мусульманскій полководецъ Хайдеръ Али (род. въ 1728 г.) хитростью и силою свергнулъ съ престола слабаго Чикка Кришна раджа Водеяра и, ставъ самъ въ 1761 г. во главѣ государственнаго управленія, расширилъ со всѣхъ сторонъ вновь пріобрѣтенное царство насчетъ своихъ сосѣдей, не безъ помощи отчасти и французовъ. Когда въ 1767 году онъ сталъ грозить Низаму, послѣдній заключилъ оборонительный союзъ съ англичанами, уступивъ имъ при этомъ сѣверныя циркары (стр. 457); но едва англичане вступили въ войну съ Хайдеръ Али, какъ хитрый мусульманинъ деньгами и разными обѣщаніями переманилъ на свою сторону Низама. Британскія войска были оттѣснены Майсурскими конными отрядами до Триномалаи; но здѣсь въ сентябрѣ мѣсяцѣ наступленіе Хайдера обратилось въ пораженіе, и онъ долженъ былъ отступить со своими войсками къ плоскогорію. Быстрое движеніе къ западному берегу освободило его отъ Бомбейскихъ отрядовъ и отдало въ его руки Мангалоръ. Борьба продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ еще долгое время, покуда 3—4 апрѣля 1769 г. не былъ заключенъ миръ, для британцевъ далеко не почетный, по которому обѣ стороны должны были возвратить почти всѣ завоеванныя области.

ε) Уоррэнъ Гэстингсъ.

Компаніи эта война ничего не принесла, но зато стоила много. Богатые источники разныхъ вымогательствъ при перемѣнахъ правителей въ Бенгалѣ изсякли; доходъ съ торговли служащіе клали большею частью въ свои собственные карманы. Къ этому въ 1770 г. присоединился ужасный голодъ, унесшій треть бенгальскаго населенія и пріостановившій почти совершенно всякіе доходы. Общество увидѣло себя въ 1772 г. близкимъ къ банкротству; спасти его могла еще только значительная субсидія со стороны англійскаго государства. Но дѣйствительную помощь могла оказать только радикальная реформа.

Во времена Клейва въ каликутскомъ совѣтѣ выдѣлился съ 1761 года своею осмотрительностью, справедливостью и способностью къ труду нѣкій Уоррэнъ Гэстингсъ (род. 6 декабря 1732 г. въ Черчиллѣ). Въ 1769 г., послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Англіи, онъ былъ посланъ въ Мадрасъ членомъ совѣта; въ 1772 г. его поставили во главѣ совѣта въ Бенгалѣ. Когда же вслѣдствіе упомянутыхъ неурядицъ въ февралѣ 1773 г. весь строй индійскаго торговаго общества былъ радикально преобразованъ Regulating Act'омъ, Гэстингсъ сталъ во главѣ всѣхъ индійскихъ владѣній компаніи. По новому уставу президентство Бенгала должно было занять привилегированное положеніе, такъ какъ его президентъ бралъ на себя къ качествѣ генералъ-намѣстника также и политическое руководительство въ обоихъ новыхъ президентствахъ. Онъ имѣлъ при себѣ четы-

рехъ совѣтниковъ, и, въ случаѣ равенства голосовъ, рѣшающимъ являлось мнѣніе президента; кромѣ того, независимо отъ совѣта, въ Калькуттѣ была учреждена высшая судебная инстанція.

Положеніе перваго генеральнаго намѣстника было очень тяжелое. Его задача очистить Авгіевы конюшни отъ укоренившихся злоупотребленій во всѣхъ отрасляхъ управленія встрѣчала повсюду самое сильное противодѣйствіе. Но еще хуже были препятствія, которыя ставились ему самимъ совѣтомъ: изъ четырехъ членовъ трое были его принципіальными противниками во всѣхъ вопросахъ администраціи, особенно же энергичный, но честолюбивый и нѣсколько завистливый Филиппъ Фрэнсисъ (предполагаемый авторъ писемъ „Junius“ 1768—72). Немало запутанности внесла въ администрацію, кромѣ того, выясненность задачъ и правъ совѣта и высшаго суда. Всѣ эти препятствія Гэстингсъ преодолѣвалъ своимъ умѣньемъ, своею энергіею и настойчивостью. Когда одинъ брахманъ по имени Нунъ-Комаръ, занимавшій видное положеніе, въ своей ненависти хотѣлъ воспользоваться шаткостью положенія въ совѣтѣ генералъ-губернатора и ложнымъ доносомъ свергнуть его, этотъ послѣдній въ свою очередь обвинилъ брахмана въ поддѣлкѣ документовъ; расположенный къ генералъ-губернатору судъ приговорилъ брахмана къ повѣшенію,—предостерегающій примѣръ для всѣхъ индусовъ. Отъ своего злѣйшаго врага въ совѣтѣ, Фрэнсиса, онъ освободился тѣмъ, что вызвалъ его на дуэль и пустилъ въ него пулю; Фрэнсисъ долженъ былъ навсегда покинуть Индію, а Гэстингсъ, располагая теперь большинствомъ голосовъ въ совѣтѣ, могъ отнынѣ безъ дальнѣйшихъ препятствій съ этой стороны, проводить свою реформу. Система собиранія налоговъ была совершенно реорганизована; для администраціи большихъ округовъ были назначены европейцы. Всѣ служащіе получили большіе оклады и всякіе побочные заработки были строго воспрещены; были введены окружные суды и т. д. При общей деморализаціи нельзя было ожидать, чтобы реформы могли быть окончательно проведены въ періодъ управленія одного человѣка; но основаніе, которое и до настоящаго времени не потеряло своей силы, было заложено уже тогда, и этимъ была подготовлена почва для дальнѣйшаго правильнаго развитія.

На Уорренъ Гэстингса была возложена задача не только устранить дурныя стороны администраціи, но главнымъ образомъ, справиться съ дефицитомъ и поставить компанію въ возможность давать высокіе дивиденды. Но изъ страны были уже выжаты всѣ соки, и реформы требовали покуда только денегъ, не принося непосредственнаго дохода. Тѣмъ не менѣе генералъ-губернаторъ со своею растяжимою политическою совѣстью и своею безпощадностью сумѣлъ блестяще справиться и со второю половиною возложенной на него миссіи. Уже Клейвъ въ 1766 г., воспользовавшись смѣною правителей, понизилъ ежегодную ренту, которую компанія должна была согласно договору платить нувабу, съ 12 милліоновъ марокъ на 8 милліоновъ, а въ 1768 г. при такомъ же случаѣ эта рента была уменьшена еще на 2 милліона. Гэстингсъ въ свою очередь уменьшилъ ее еще на 3.200.000 марокъ: несовершеннолѣтняго нуваба бояться было нечего, а по поводу нарушенія договора совѣсть не трудно было успокоить: вѣдь договоръ былъ заключенъ только съ Миръ Джафиромъ, и его преемники могли быть довольны ужъ тѣмъ, что на ихъ долю досталось хотя столько.

Второй неизсякаемый источникъ открылся генералъ-губернатору, никогда не затруднявшемуся въ выборѣ своихъ средствъ, въ отношеніяхъ британцевъ къ Великому Моголу. Въ 1765 г. царю Шахъ-Алему были обѣщаны провинціи Аллахабадъ и Кора и сверхъ того еще $2^1/_2$ милліона рупій изъ доходовъ съ Бенгала. Но когда въ 1765 г. царь уступилъ обѣ эти провинціи махраттхамъ въ обмѣнъ за свою прежнюю страну

на столицу Дели, куда и переселился въ 1771 г.,—британцы не только удержали положенную сумму, но и продали за большія деньги обѣ упомянутыя провинціи, вовсе имъ не принадлежавшія, Шуджѣ, Аудскому нувабу, такъ какъ царь де находится въ зависимости отъ враждебно настроенныхъ противъ англичанъ махраттховъ. Затѣмъ нувабу было предоставлено за извѣстное вознагражденіе британское войско, чтобы покорить Рохиллу у подошвы Гималаевъ, ничѣмъ рѣшительно не провинившуюся противъ англичанъ. Когда же въ 1776 г. нувабъ умеръ, компанія обвинила его мать и вдову (обѣихъ бегамъ), которымъ онъ оставилъ въ наслѣдство 10 милліоновъ рупій,—присужденныхъ затѣмъ въ ихъ пользу самимъ же Калькутскимъ судомъ въ ихъ процессѣ съ Асафъ ад-дауля, наслѣдникомъ престола въ томъ, что онѣ будто бы подстрекали раджу Бенаресскаго противъ британцевъ; обѣ женщины были посажены въ заключеніе, гдѣ подъ угрозою всякихъ насилій онѣ отказались въ концѣ концовъ отъ своего состоянія. Затѣмъ взоры британцевъ обратились на богатаго раджу Бенаресскаго, Чаитъ-Синга. Послѣ того, какъ его заставили не разъ уплачивать громадныя суммы денегъ, у него хотѣли еще незаконнымъ образомъ вынудить выставить особый вспомогательный отрядъ наѣздниковъ. Вспыхнувшій было народный мятежъ былъ подавленъ, и дѣло кончилось водвореніемъ на тронъ болѣе податливаго раджи: это принесло компаніи увеличеніе ежегоднаго ея дохода на 200.000 фунтовъ стерлинговъ.

ζ) Первая война англійской компаніи съ махраттхами; вторая война съ Майсуромъ возвращеніе Гэстингса.

Въ Пунѣ умеръ въ 1761 г. пешва Баладжи (стр. 441). Когда вскорѣ за нимъ послѣдовали его сынъ и внукъ, братъ Баладжи, Рагхнатъ Рао (въ англійскомъ произношеніи—Рагоба), за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ, объявилъ себя пешвой; когда же, уже по смерти послѣдняго пешвы, у него родился сынъ, право Рагхната на престолъ стало оспариваться. Тогда послѣдній обратился (1774 г.) за помощью къ президентству Бомбей, обѣщая ему за это гавани Бассеинъ и Сальсетту, которыя оно и поспѣшило занять. Когда затѣмъ на Рагхната напали махраттхи подъ начальствомъ Синдіа и Холькара и онъ бѣжалъ туда, обѣ эти гавани были переданы Бомбею уже по договору, состоявшемуся въ Бассеинѣ (1775). Президентство, однако, со времени Regulating Act (стр. 460) не имѣло ужъ больше никакого права самостоятельно вести политическіе переговоры. Несмотря на это, оно послало войска подъ начальствомъ Карнака; въ 1779 г. при Вадгаонѣ оно было на голову разбито махраттхскимъ военачальникомъ Синдіа, и вся армія должна была сдаться побѣдителю. Если Калькуттское правительство и не оправдывало поведенія Бомбея, то для него всетаки являлось дѣломъ чести вступиться за побѣжденныхъ: въ 1780 г, было послано на западъ войско, Ахмедабадъ взятъ, а 5 августа майоромъ Попгамъ взятъ штурмомъ и Гваліоръ, считавшійся до тѣхъ поръ неприступной твердыней махраттховъ; самъ Синдіа былъ захваченъ въ ночномъ нападеніи врасплохъ и разбитъ. Предварительный договоръ, состоявшійся въ 1781 г. въ Салбаѣ, освободилъ англичанъ отъ этого опаснаго противника, за которымъ было фактически признано предводительство въ махраттхскомъ союзѣ. По заключенному въ 1782 г. окончательному миру махраттхи получили Гуджератъ, тогда какъ президенство Бомбей удержало Бассеинъ и Сальсетту, а Рагхнатъ за опредѣленную годовую ренту отказался отъ своихъ притязаній на постъ пешвы.

Еще за годъ до Вадгаонскаго пораженія, въ 1778 году, между Англіей и Франціей снова возгорѣлась война, и уже въ октябрѣ Пондишерри былъ взятъ (въ 1783 г. по Версальскому миру онъ былъ снова возвращенъ Франціи). Чтобы вырвать у французовъ также и лежавшее на запад-

номъ берегу Магэ (см. карту при стр. 422), изъ Мадраса было послано войско черезъ область Майсура, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія его правителя. И безъ того уже раздраженный Али явился въ іюлѣ 1780 г. съ сильнымъ войскомъ въ Карнатикъ и совершенно разбилъ 10 сентября при Поллилорѣ уступавшую ему численностью и находившуюся подъ неудачнымъ начальствомъ Бальи Мадрасскую армію. Самъ главнокомандующій водрузилъ бѣлое знамя; несмотря на это, мусульмане, приблизившіеся безъ прикрытія, были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Въ своемъ озлобленіи, вызванномъ такимъ вѣроломствомъ, они изрубили бы англичанъ на куски, если бы не были остановлены французскими офицерами. Предводитель второй англійской арміи, Томасъ Мунро, бросилъ свои пушки въ прудъ и бѣжалъ къ Мадрасу подъ защиту его стѣнъ. Весь Карнатикъ былъ опустошенъ съ цѣлью затруднить англичанамъ веденіе войны. Какъ только въ Калькутту пришло извѣстіе о пораженіяхъ, Гэстингсъ тотчасъ же прервалъ войну съ махраттхами и послалъ новыя войска подъ начальствомъ сэра Эйръ Кута (стр. 457), прибывшія въ Мадрасъ въ концѣ 1780 г.; 1 іюля 1781 г. при Порто Ново была одержана надъ Майсуромъ побѣда. Послѣ продолжительнаго выжиданія Кутъ разбилъ врага 2 іюня 1782 г. при Читтурѣ; Хайдеръ Али умеръ въ томъ же еще году (10 декабря) при осадѣ Беллора. Сынъ его Типпу-сахибъ продолжалъ войну съ большимъ успѣхомъ (въ апрѣлѣ 1783 г. онъ заперъ генерала Маттью въ Беднарѣ, а 20 іюня одержалъ побѣду въ морскомъ бою при Куддалорѣ союзный съ нимъ французскій адмиралъ П. А. Сюффренъ де Сентъ-Тропецъ); только 11 марта 1784 г. былъ заключенъ въ Мангалорѣ миръ подъ условіемъ возвращенія съ обѣихъ сторонъ завоеванныхъ областей.

Весною 1785 г. Уорренъ Гэстингсъ вернулся въ Англію, гдѣ его финансовыя мѣропріятія встрѣтили одобреніе компаніи, но далеко не нашли отклика въ общественной совѣсти. На основаніи проведеннаго Питтомъ 18 мая 1784 г. Индійскаго билля, по которому устроеніе индійскихъ дѣлъ подлежало впредь министерскому Board of control (Контрольному совѣту), Гэстингсъ былъ обвиненъ парламентомъ въ 1787 г. въ нарушеніи закона и вымогательствахъ; процессъ окончился въ 1795 г. оправданіемъ Гэстингса послѣ того, какъ все его состояніе было поглощено судебной волокитой. Компанія обезпечила ему, однако, беззаботную старость, уплативъ его долги и назначивъ ему годовую пенсію въ 4.000 фунтовъ стерлинговъ. Онъ умеръ 22 августа 1818 года, почитаемый королемъ и возстановленный во мнѣніи народа.

η) Лордъ Корнуэльсъ; третья война противъ Майсура.

Джонъ Макферсонъ, управленіе котораго (1785—86) не было отмѣчено никакими значительными событіями, былъ смѣненъ Чарльзомъ Маннъ графомъ Корнуэльсъ (Cornwallis; 1786—93), Этотъ послѣдній несчастливо боролся въ Сѣверо-Американской войнѣ за независимость (т. I, стр. 470), но за нимъ осталась слава честнаго и добраго человѣка; поэтому на него была возложена задача, провести въ Бенгаліи твердую податную систему. Новый генералъ-губернаторъ прежде всего опредѣлилъ, что поземельная подать должна быть установлена по нормѣ прежнихъ доходовъ на десять лѣтъ; но уже въ 1793 г. этотъ пріемъ былъ объявленъ дѣйствительнымъ впредь на болѣе продолжительное время. Мнѣнія относительно значенія этой реформы, установившей доходность съ земельной подати въ Бенгаліи въ 60 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, расходятся. Господствовавшія правовыя отношенія, съ которыми нужно было согласовать податную систему, были очень запутаны, неудобопонятны и кромѣ того не повсюду одинаковы; такимъ образомъ избѣжать несправедливостей не было никакой возможности: въ общемъ, крупные поземельные собственники (заминдары)

были поставлены въ слишкомъ хорошія условія, крестьяне (райоты) — въ слишкомъ тяжелыя. Въ другихъ отрасляхъ управленія Корнуэльсъ предпринялъ реформы, которыя указывали на прогрессъ. Офицеры компаніи были уравнены съ офицерами королевскаго войска, мѣста уголовныхъ судей замѣщены исключительно европейцами, оклады высшихъ чиновъ администраціи (коллекторы) и окружныхъ судей повышены и т. д.

Во внѣшней политикѣ лордъ Корнуэльсъ не былъ избавленъ отъ столкновеній. Новый правитель Майсура Типпу-сахибъ (Типу-султанъ) горячій и мстительный, храбрый, настойчивый и хитрый, отправилъ въ 1787 г. посольство къ Людовику XVI и вошелъ въ сношенія съ губернаторомъ Пондишерри, и кромѣ того съ мусульманскою державою на сѣверѣ, Афганистаномъ; затѣмъ онъ напалъ на состоявшаго въ союзѣ съ англичанами раджу Траванкорскаго (въ декабрѣ 1789 г.), но не имѣлъ успѣха. Такимъ образомъ, англичане Мадраса имѣли въ немъ опаснаго сосѣда, и Корнуэльсъ поспѣшилъ войти въ союзъ съ махраттхами и съ Низамомъ, чтобы свергнуть его и раздѣлить между собою его землю. Но война велась въ 1790 г. безъ всякихъ результатовъ. Тогда лордъ Корнуэльсъ самъ сталъ во главѣ англійской арміи, одержалъ въ 1791 г. побѣду при Бангалорѣ и быстро двинулся къ самой резиденціи противника; но, обманутый своими союзниками, Корнуэльсъ вынужденъ былъ отступить, потерявъ при этомъ весь свой осадный паркъ. Только въ началѣ 1792 г. онъ съ увеличенными силами взялъ штурмомъ лагерь Типпу, атаковалъ его самого въ Серингапатамѣ и 24 декабря продиктовалъ ему миръ. Типпу долженъ былъ уплатить 3 милліона фунтовъ стерлинговъ военной контрибуціи и уступить половину своей страны, Малабаръ и Кургъ (Coorg), союзникамъ, которые раздѣлили ихъ между собой.

ϑ) Сэръ Джонъ Шоръ и вынуждаемые „субсидіарные союзы“.

Преемникомъ Корнуэльса явился его главный сотрудникъ по податной реформѣ и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Индіи, сэръ Джонъ Шоръ (1793—98; съ 1797 г. „баронъ Теньмаусъ“ [Teignmouth]). Его, въ общемъ, слабое правленіе ввело въ Индійскую политику британцевъ „субсидіарные союзы; о подобныхъ же „открытіяхъ“ на скользкой почвѣ отношеній между компаніей и индійскими государствами, Нувабъ Асафъ ад-дауля Аудскій (стр. 462) умеръ въ 1797 г., и вступленіе на престолъ его сына Визирь-Али было сначала хорошо принято Калькуттскимъ правительствомъ. Но вскорѣ убѣдились, что молодой сосѣдъ не только не отказался бы добровольно отъ своей власти, но не прочь, пожалуй, даже присоединиться къ врагамъ Англіи. Шоръ поспѣшилъ въ резиденцію Лакхнау, нашелъ, что происхожденіе Визирь Али не дѣйствительно, смѣстилъ его и посадилъ на тронъ болѣе податливаго брата Асафа, который въ благодарность за это долженъ былъ уступить англичанамъ крѣпость Аллахабадъ, обѣщать не вступать ни съ какимъ чужимъ государствомъ въ политическія сношенія и ежегодно вносить 760,000 фунтовъ стерлинговъ на содержаніе 10,000 британскихъ солдатъ; послѣдніе служили, конечно, больше для подавленія поползновеній къ свободѣ со стороны субсидіарнаго союзника, чѣмъ для его защиты.

d) Идея имперіализма и эпоха крупныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній (1799—1828).

Въ то время какъ въ Индіи возростало англійское могущество, политическія отношенія въ Европѣ были до основанія потрясены. Изъ обломковъ французской революціи поднялась гигантская фигура Наполеона Бонапарта (т. VIII,),—сила, которая стремилась, казалось, къ го-

сподству надъ всѣмъ міромъ. У англичанъ было основаніе тревожиться за свои колоніальныя владѣнія: Бонапартъ былъ уже въ Египтѣ, чтобы подчинить своей власти мусульманскій міръ (т. III стр, 693); о-ва Маврикія (французскіе съ 1715 по 1810 г.) и Бурбонъ (1646—1810) представляли отличныя промежуточныя станціи на пути въ Индію. Изъ различныхъ индусскихъ и мусульманскихъ государствъ Индіи французскіе офицеры и солдаты, остатки изъ временъ Дюпле (стр. 453), состояли на службѣ раджей, арміи которыхъ они обучали по европейскому образцу. Такъ войско Низама было отлично сформировано Бюсси (стр. 454), а затѣмъ его преемникомъ Іохимомъ Маріa Раймондомъ; на службѣ Майсурскаго султана и въ арміяхъ махраттховъ находилось много французовъ, занимавшихъ какъ высшія, такъ и низшія мѣста, какъ, напр., П. Перронъ, де Боань и др. Чѣмъ лучше были ввѣренныя имъ войска, тѣмъ затруднительнѣе становилось для англичанъ укрѣпить свое могущество въ Индіи, гдѣ они были окружены столькими врагами.

a) Уэллслей: смерть Типпа; вторая война съ махраттхами.

Никто не могъ подходить для выполненія такой задачи болѣе, чѣмъ преемникъ Шора, Ричардъ Коулей, баронъ Уэллслей (Wellesley), графъ Морнингтонъ (1798—1805): человѣкъ „изъ матеріала, изъ котораго создаются завоеватели", честолюбивый, не безъ эгоизма, полный широкихъ замысловъ. Близкій другъ Питта, онъ былъ не менѣе его ненавистникъ французовъ, а великій врагъ Англіи зародилъ въ немъ самомъ мысль о владычествѣ надъ міромъ. Такъ онъ сдѣлался передовымъ бойцомъ за британскій имперіализмъ.

Политическое положеніе въ туземныхъ государствахъ Индіи пришло на помощь его планамъ. Предложенный Низаму Гайдерабадскому договоръ, по которому онъ вмѣсто французскихъ получалъ англійскія войска и обязывался заключить наступательный и оборонительный союзъ, былъ имъ принятъ послѣ нѣкотораго колебанія 1 сентября 1798 г. Послѣ этого въ февралѣ 1799 г. потребовали отъ Типпу-сахиба Майсурскаго, чтобы онъ прервалъ всѣ сношенія съ французами и съ махраттхами; это требованіе встрѣтило съ его стороны рѣшительный отказъ. Морнингтонъ, усиливъ англійское войско и обезпечивъ себѣ нейтралитетъ Пунскаго Пешвы, раздѣлилъ свои военныя силы на двѣ части и направилъ ихъ противъ резиденціи врага; одна часть подъ начальствомъ генерала Стуарта должна была выйти изъ Бомбея, другая подъ начальствомъ его брата Артура (1814 „герцогъ Веллингтонъ") изъ Мадраса. 4 и 6 марта султанъ былъ разбитъ, а 4 мая 1799 г. генералъ Гартисъ взялъ штурмомъ Серингапатамъ; Типпу палъ героемъ на порогѣ своего дворца. Царство Майсуръ было значительно урѣзано съ сѣвера и востока и отнятая часть раздѣлена между союзнымъ Низамомъ и президентствомъ Мадрасъ. На освободившійся тронъ былъ водворенъ трехлѣтній внукъ послѣдняго индусскаго раджи изъ дома Водеяръ, вытѣсненнаго Хайдеромъ Али (стр. 460); сыновья Типпа получили пенсію, на которую они жили сначала въ Беллорѣ, затѣмъ въ Калькуттѣ.

Имперіалистическія стремленія генералъ-губернатора не удовлетворялись мелкими пріобрѣтеніями. Между старыми владѣніями на побережьѣ Карнатика и новыми пріобрѣтеніями внутри страны лежали два царства, стоявшія поперекъ пути округленію мадрасскаго президентства. Раджу Танджура попросту свергли; поставленный на его мѣсто одинъ изъ простыхъ титулованныхъ князей далъ свое согласіе на уступку страны за пятую часть чистаго съ нея дохода. Въ Карнатикѣ (Аркотъ) умеръ въ 1795 г. престарѣлый, извѣстный еще по первымъ подвигамъ Клейва Нувабъ (стр. 455); когда его слабый преемникъ не могъ удовлетворить

высокимъ денежнымъ требованіямъ англичанъ за оказанную ими помощь противъ махраттховъ и Майсура, его стали такъ тѣснить, что онъ отказался отъ престола. Новый же „правитель“ долженъ былъ въ 1801 г. подписать договоръ, отдавшій въ руки англичанъ все управленіе, гражданское и военное.

Еще большія задачи, чѣмъ на югѣ, предстояли генералъ губернатору, получившему тѣмъ временемъ за свои заслуги въ войнѣ съ Майсуромъ титулъ маркиза Уэллслея, въ сѣверной Индіи. Шахъ-Аллемъ, правда, по возвращеніи изъ Аллахабада въ Дели былъ ослѣпленъ мятежниками, и значеніе его заключалось не столько въ нѣсколькихъ жалкихъ квадратныхъ миляхъ, которыми онъ еще владѣлъ въ окружности древняго великолѣпнаго дворца своего предка Шахъ-Джехана, сколько въ традиціонномъ величіи, связанномъ съ именемъ Великаго Могола, которое по всей Индіи, смотря по выгодѣ или невыгодѣ различныхъ претендентовъ на престолъ то признавалось, то совершенно игнорировалось. Болѣе сильную помѣху своимъ стремленіямъ Уэллслей видѣлъ въ Махраттхскомъ союзѣ. Положимъ, и здѣсь положеніе Пешвы, какъ верховнаго руководителя (стр. 441), давно уже было только номинальное. Хотя отдѣльные раджи и опасались совершенно нарушить связь, тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ стремился достигнуть возможно большей независимости, въ то время, какъ самые значительные изъ нихъ прилагали всѣ старанія, чтобы хитростью или силою добиться опеки надъ Пешвою. Чтобы низвергнуть всю эту систему, необходимо было начать съ самого Пешвы.

Въ Махраттхскомъ государствѣ Индорѣ (династія Холькаръ; стр. 442) послѣ смерти Тукаи Холькара въ 1797 г. начались распри изъ за престолонаслѣдія между его обоими законными и однимъ побочнымъ сыномъ, Джасвантъ-Рао; несмотря на враждебность своего сосѣда Даулетъ-Рао Синдіа (съ 1794 г. въ Гваліорѣ), послѣдній взялъ верхъ. Его войска направились въ Пуну, чтобы силою заставить Пешву перейти на его сторону. Теперь для Уэллслея, усилившаго тѣмъ временемъ въ ожиданіи предвидѣвшихся осложненій свои военныя силы противъ воли компаніи, наступилъ моментъ, предложить слабому главѣ махраттховъ оборонительный союзъ (1801). Пешва, однако, вздумалъ прибѣгнуть къ уловкамъ. И въ слѣдующемъ году нѣсколько предложеній Уэллслея не привели ни къ чему; Пешва скорѣе соглашался довѣрить свою судьбу Синдіа, чѣмъ англичанамъ. Однако, когда войско Синдіа было на голову разбито при Пунѣ храбрымъ Джасвантомъ, испуганный Пешва бѣжалъ на англійскую территорію близъ Бомбея. Снова ему было сдѣлано предложеніе ввести у себя англійскія войска, для содержанія которыхъ онъ долженъ былъ уступить значительную область. Но Пешва все еще медлилъ. Только, когда были отправлены двѣ англійскія арміи, и Уэллслей угрожалъ еще повысить свои требованія, тѣснимый со всѣхъ сторонъ Пешва принужденъ былъ подписать, наконецъ, 31 декабря 1802 г. въ Бассейнѣ договоръ, по которому англичане добились отъ него „оборонительнаго союза“, иначе говоря, отказа Пешвы отъ политической независимости.

Какъ и слѣдовало ожидать, договоръ съ Пешвой глубоко взволновалъ всѣхъ махраттхскихъ раджей, и больше всего Даулетъ-Рао Синдіа, добившагося надъ Пешвою самаго большого вліянія; теперь у него „былъ сорванъ съ головы тюрбанъ“. Но Уэллслей не далъ ему опомниться. Спѣшными переходами войска двинулись на Пуну, которую они заняли въ маѣ 1803. Теперь Синдіа и Рагхуджи Бхонсла Берарскому были сдѣланы тѣ же предложенія вступить въ оборонительный союзъ; оба отказались. Тогда англичане отозвали своего уполномоченнаго при Синдіа и въ то же время подкупами подстрекали къ возстанію его окружающихъ и войско. Одновременно съ этимъ противъ обоихъ махраттхскихъ раджей двинулись двѣ англійскія арміи, одна въ Индостанѣ подъ предводительствомъ индій-

скаго главнокомандующаго Джерарда, барона Лейка, другая въ самихъ махраттскихъ государствахъ подъ командой генералъ-маіора Артура Уэллслея. Послѣдній взялъ Ахмеднагаръ; особый отрядъ подъ начальствомъ полковника Муррея штурмовалъ Барочъ (Broach) въ низовьяхъ Нарбады. А 23 сентября 1803 г. самъ Синдіа потерпѣлъ тяжелое пораженіе при Ассаѣ (Бераръ). Англичане двинулись тѣмъ временемъ также и противъ Рагхуджи Бхонслы Берарскаго: въ Ориссѣ былъ занятъ Каттакъ, взяты сильный Бурханпуръ и считавшійся неприступнымъ Асиръ, и, наконецъ, при Аргаонѣ Уэллслей на голову разбилъ самого Бхонслу. Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ неудачъ Бхонсла въ концѣ 1803 г. запросилъ мира. По Аргаонскому договору (17 декабря) онъ долженъ былъ отказаться отъ Махраттской дани и уступить британцамъ Ориссу, а Низаму сѣверный Бераръ.

Синдіа, однако, все еще медлилъ съ заключеніемъ мира, надѣясь на благопріятный оборотъ дѣла на сѣверѣ. Ожиданія его были напрасны. Уже 14 сентября Лейкъ взялъ приступомъ усиленную французомъ Перрономъ (стр. 465) твердыню махраттовъ Алигархъ (Алигхуръ), а 11 сентября отряды Синдіа подъ начальствомъ его второго военнаго руководителя, де Буаня, были разбиты у Дели, и слѣпой Шахъ-Алемъ былъ навсегда освобожденъ отъ зависимости отъ махраттовъ. Моголу были гарантированы англичанами ежемѣсячная пенсія въ 90.000 рупій и доходы съ древней резиденціи и ея ближайшихъ окрестностей; сами же британцы оставили за собою весь Дуабъ между Джамной и Гангомъ. Изъ Дели Лейкъ двинулся на Агру, махраттскій гарнизонъ которой былъ принужденъ сдаться 17 октября 1803 г. А 1 ноября при Ласвари была окончательно разбита послѣдняя армія Синдіа, находившаяся подъ начальствомъ Амбаджи. Теперь только Синдіа снизошелъ къ подписанію договора въ Анджангаонѣ (Бераръ), по которому онъ отказывался отъ всякихъ притязаній на Индостанъ и обязывался никогда не принимать на свою службу европейцевъ, отечество которыхъ находилось бы въ войнѣ съ Англіей.

Что касается Джасванта Рао Холькара, то онъ до тѣхъ поръ не выказывалъ къ англичанамъ никакой враждебности. Тѣмъ не менѣе къ нему было предъявлено Уэллслеемъ требованіе отказаться отъ махраттской дани на томъ основаніи, что онъ незаконно владѣетъ Индоромъ. Такъ какъ Холькаръ не согласился на это, то въ теченіе цѣлаго года велась напряженная борьба, въ которой и британцамъ приходилось тяжело (сопряженное съ большими потерями отступленіе Монсона въ Средней Индіи, безуспѣшная осада Бхартпура Лейкомъ); Джасвантъ добился 10 апрѣля 1805 г. еще относительно благопріятныхъ условій. Но вскорѣ послѣ новыхъ враждебныхъ дѣйствій съ его стороны противъ англичанъ, Холькаръ долженъ былъ окончательно покориться; по дополнительному договору, состоявшемуся въ декабрѣ 1805 г. въ Амритсарѣ, ему были оставлены городъ и округъ Гваліоръ, и границей назначена рѣка Чамбалъ.

β) Сэръ Джорджъ Барлоу.

Ричардъ Уэллслей опередилъ свой вѣкъ. Даже такіе умы, какъ Питтъ, Давидъ Дёндасъ, Кэннингъ, Артуръ Уэллслей не могли примириться съ быстрымъ увеличеніемъ британскаго могущества, да и политическая совѣсть большинства не доразвилась еще до того, чтобы не видѣть никакой несправедливости въ насиліяхъ надъ чужими правителями. Боялись также опасностей, которыя могло вызвать такое положеніе вещей. Но торгашескій духъ, который характеризовалъ компанію, заставлялъ ее видѣть въ этомъ только большіе расходы и ничтожные приходы, вызванные военнымъ временемъ; словомъ, британское правительство отозвало Уэллслея. Когда

лордъ Корнуэльсъ въ 1805 г. былъ вторично посланъ въ Индію генералъ-губернаторомъ, ему было вмѣнено въ обязанность во что бы то ни стало держаться мирной политики.

Не прошло и десяти недѣль послѣ его прибытія, какъ смерть его (5 октября) оставила снова вакантной эту высшую должность; одинъ изъ служащихъ по гражданской части, сэръ Джорджъ Барлоу (Barlow) взялъ на себя веденіе дѣлъ и возложенную на его предшественника миролюбивую миссію. Борьба съ махраттхами не была къ тому времени еще приведена къ концу; дальнѣйшія же войны были воспрещены лорду Лейку (онъ умеръ виконтомъ и губернаторомъ Плимута 21 февраля 1808 г.) По отношенію къ махраттскимъ правителямъ была выказана уступчивость: переговоры съ Синдіа пришли къ концу, а съ Холькаромъ (ср. стр. 467) былъ заключенъ миръ, довольно для него выгодный. И тому, и другому дана была полная свобода въ отношеніи дружественныхъ англичанамъ раджпутовъ, и они поспѣшили ею воспользоваться безъ какого бы то ни было заступничества со стороны англичанъ. При выраженной слабости правительства подстрекательства обоихъ сыновей Типпа въ Беллорѣ нашли среди тамошнихъ мусульманскихъ мадрасскихъ отрядовъ благопріятную почву: 10 іюля 1806 г, дѣло дошло до серьезнаго возстанія, которое могло быть подавлено только тяжелымъ кровопролитіемъ. Барлоу былъ вслѣдствіе этого вскорѣ смѣщенъ и назначенъ губернаторомъ Мадраса.

γ) Лордъ Минто: начало политическихъ сношеній съ неиндійскими государствами.

Вмѣсто Барлоу бразды правленія въ Калькуттѣ взялъ въ свои сильныя руки сэръ Джильбертъ Эллiотъ баронъ Минто (1807—13). Онъ прежде всего поспѣшилъ устранить мелкія осложненія съ разбойничьими шайками и незначительными раджами. Болѣе серьезныхъ осложненій опасались все еще со стороны французовъ. Въ соглашеніи съ Португаліей Минто занялъ Гоа, затѣмъ датскія колоніи (Транкебаръ) и счелъ, кромѣ того, нужнымъ завладѣть французско-азіатскими островами, чтобы обезопасить Англіи путь въ Индію. Благопріятный къ этому поводъ представился во все разраставшемся пиратствѣ въ Индійскомъ океанѣ. Бурбонъ (Рейньонъ) былъ легко взятъ 8 іюля 1810 г., а послѣ тяжелой борьбы палъ и Маврикій (Иль-де-Франсъ), оставшійся на долгое время въ рукахъ англичанъ, тогда какъ первый былъ возвращенъ Франціи 2 апрѣля 1815 г. послѣ того, какъ уже первый Парижскій миръ 1814 года вернулъ прежнимъ владѣтелямъ всѣ другія завоеванныя Минто области. Послѣ этого Минто направилъ свои замыслы противъ отнятыхъ у голландцевъ французскихъ острововъ въ Малайскомъ архипелагѣ: небольшая англійская экспедиція завладѣла въ 1810 г. Амбоиной, Целебесомъ и Цейлономъ; большая, предводительствуемая самимъ генералъ-губернаторомъ, взяла въ 1811 г. Яву, усиленную посланными туда Наполеономъ французскими отрядами; а въ 1812 г. такая же судьба постигла голландскія колоніи на Суматрѣ и Борнео.

Начало политическимъ отношеніямъ съ неиндійскими государствами было положено все тѣмъ же опасеніемъ французскаго вмѣшательства; лордъ Минто отправилъ посольство къ своимъ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ. Больше всего успѣха имѣло посольство сэръ Чарльза Меткальфа, который, благодаря своей спокойной увѣренности, а отчасти и благодаря приближенію британскаго войска, добился того, что 25 августа 1809 г. Ранджитъ-Сингъ, правитель сикховъ (стр. 430) подписалъ дружественный договоръ, долженствовавшій имѣть силу въ теченіе тридцати лѣтъ къ обоюдной пользѣ и ко благу раджпутскихъ государствъ. Моунтстуартъ, напротивъ того, добился немногаго въ Кабулѣ (17 іюня 1809 г.); точно также и договоръ съ правителемъ Синдха, состоявшійся въ Гайдерабадѣ 23 августа 1809 г., не могъ имѣть значенія на продолжитель-

ное время. Такъ же мало успѣха добился полковникъ Джонъ Малькольмъ при дворѣ Фатхъ-Али Персидскаго, гдѣ его предупредилъ посланный въ февралѣ 1807 г. Наполеономъ I генералъ Матье Клодъ де Гарданъ; вскорѣ, однако, ходъ вещей въ Европѣ заставилъ покинуть надежду на франко-русскій союзъ съ Персіей: Гарданъ оставилъ страну 16 февраля 1809 г,; пять лѣтъ спустя Англія добилась заключенія договорасъ шахомъ.

Предшественникъ Минто Барлоу пришлось уже въ бытность свою генералъ-губернатором подавлять кровавое возстаніе войска; еще гораздо болѣе опаснымъ явился мятежъ во время его губернаторства въ Мадрасѣ. Распри между нимъ и высшимъ офицерствомъ вызвали общее возмущеніе офицерскаго корпуса во всемъ президентствѣ, и даже въ Майсурѣ и Гайдерабадѣ: болѣе 1000 офицеровъ присоединилось къ открытому мятежу; благодаря, однако, тактичности лорда Минто, мятежниковъ удалось снова вернуть къ ихъ обязанностямъ, Барлоу же былъ смѣщенъ съ своего губернаторскаго поста.

д) Лордъ Моира (Гэстингсъ): войны съ гурка, пиндари и махраттхами.

Въ то время, какъ лордъ Минто придерживался въ отношеніи непримиримаго врага Англіи строгой, даже самовластной политики, онъ оставилъ нетронутыми, согласно полученнымъ инструкціямъ, внутреннія политическія условія Индіи. Лишь Францисъ Роудонъ графъ офъ Мойра (1813—23) снова вступилъ на путь, избранный Уэллслеемъ, и открыто довелъ до извѣстной законченности скрыто проводившуюся послѣднимъ идею имперіализма. Благороднаго образа мыслей, высокообразованный, великодушный и привѣтливый, это былъ государственный человѣкъ, отличавшійся дальновидностью и одушевленный мыслью сдѣлать Англію первенствующей державой въ Индіи (paramount).

Буря, которой въ его правленіе суждено было привести навсегда къ ногамъ Англіи большую часть остававшейся еще свободной Индіи, поднялась изъ уголка, откуда никто не могъ бы ожидать ее,—изъ Непала (Ниналъ). Въ этой простирающейся по южную сторону Гималаевъ странѣ (см. карту при стр.422) уже въ сѣдой старинѣ происходили смѣшенія дравидовъ, монголовъ и арійцевъ; живущіе въ западной части Непала храбрые гуркхали или гурка (goorkha) носятъ явные слѣды смѣшаннаго происхожденія, хотя въ своихъ преданіяхъ они ведутъ свое происхожденіе отъ переселившихся туда раджпутовъ. Достигнувъ, благодаря своимъ энергичнымъ предводителямъ, Притхви Нараяну (умеръ въ 1771 г.) и раджѣ Бахадуру Сахи (1775—1806), господства въ Непалѣ, они почувствовали себя стѣсненными въ старыхъ предѣлахъ: сдерживаемые на западѣ горными цѣпями и сикхами, достигшими сильной государственности, они, слѣдуя по намѣченнымъ теченіемъ рѣкъ путямъ, продвинулись къ югу и избрали Гангъ своей границей. Это привело въ 1814 г. къ войнѣ. Лордъ Моира двинулъ двѣ арміи, которыя должны были соединиться въ Катманду: западную — подъ начальствомъ генералъ-маіора сэра Роберта Ролло Джиллеспи, восточную — подъ начальствомъ генералъ маіора сэра Давида Охтерлони. Западная армія при первой же аттакѣ при фортѣ Калингѣ была отброшена гурка, вооруженными короткими ножами, а Джиллеспи убитъ; съ этого момента на войска, предводительствуемыя частью безразсудно храбрыми, частью опрометчивыми или трусливыми офицерами, сыпались удары за ударами. Въ арміи Охтерлони съ самаго начала былъ взятъ въ плѣнъ весь авангардъ вмѣстѣ съ неосторожнымъ предводителемъ. Но затѣмъ счастье обернулось. 12,000 гурка не могли долго продержаться, какъ противъ превосходившихъ ихъ численностью англичанъ, такъ и противъ лучшаго вооруженія и большаго совершенства въ военномъ дѣлѣ: одна за другою падали ихъ крѣпости, и въ маѣ 1815 г. большая ихъ часть принуждена была сдаться. Миръ былъ, однако,

заключенъ только 3/4 мая 1816 г. въ Сигаули. Британцы пріобрѣли Камаонъ, полосу земли на южной границѣ Непала, гдѣ въ настоящее время Гангскія санаторіи доставляютъ европейцамъ отдыхъ и здоровье (Симла, Дагошанъ, Раникхатъ, долина Наини и т. д.)

Съ злорадствомъ и вновь ожившими надеждами слѣдили покоренные Уэллслеемъ махраттскіе раджи, какъ небольшая кучка храбрыхъ туземцевъ наносила тяжелые удары самонадѣяннымъ англичанамъ и лишала ихъ ореола военной славы, окружавшаго ихъ со временъ Клейва. Свѣдѣнія, которыя получались отъ британскихъ резидентовъ при дворахъ раджей, состоявшихъ съ компаніей въ оборонительномъ союзѣ, были самаго тревожнаго характера. Кромѣ того, изъ армій могольскаго царства, сила котораго была навсегда сломлена, вышли цѣлыя орды разбойниковъ, собиравшихся подъ предводительствомъ отставленныхъ офицеровъ. Ведя бродячую жизнь въ джангляхъ, эти пиндхари врывались время отъ времени въ благоустроенные округи, жгли и убивали, грабили и похищали женщинъ. Махраттхи признавали это явленіе какъ бы законнымъ, принимая отъ разбойничьихъ шаекъ своей собственной страны извѣстную дань. Такъ шайки Эмиръ-хана составляли урегулированное учрежденіе въ государственномъ строѣ Холькара, а пиндхари подъ предводительствомъ своихъ атамановъ Каримъ-хана, Достъ-Мухоммеда, Читу и другихъ опустошали страны Синдіа и платили ему за это дань. Подъ конецъ они распространили кругъ своихъ дѣйствій и на англійскія области. Въ Лондонѣ оставались глухи къ неоднократнымъ представленіямъ генералъ-губернатора. Только послѣ того, какъ пиндхари нанесли британскому Карнатику убытокъ въ нѣсколько милліоновъ рупій, и въ министерство, въ качествѣ президента индійской контрольной палаты вступилъ энергичный Джорджъ Кэннингъ (стр. 463), генералъ-губернаторъ, сдѣланный послѣ счастливаго окончанія войны съ гурка виконтомъ Лоудоуномъ, графомъ Роудономъ и маркизомъ офъ Гэстингсомъ, получилъ разрѣшеніе принять строгія мѣры.

Дальновидный Гэстингсъ уже заранѣе приготовилъ двѣ арміи, численность которыхъ (120.000) далеко превосходила ничтожное число (23.000) недисциплинированныхъ пиндхари. Его уму рисовалась болѣе высокая задача: дѣло шло къ тому, чтобы сломить разъ навсегда, суверенитетъ всѣхъ индійскихъ правителей. Въ своей прокламаціи Гэстингсъ впервые объявилъ общее первенствующее положеніе Англіи: необходимо-де положить конецъ незаконности и возстановить миръ „подъ эгидой всемогущества англійскаго правительства“. Пешва Баджи Рао, несмотря на договоръ, заключенный въ Бассеинѣ (стр. 466), продолжалъ претендовать на управленіе и держать свои собственныя войска, чего ему больше не разрѣшалось. Но бдительность и рѣшительность резидента при его дворѣ, Моунтстуарта Эльфинстона, заставили его въ іюнѣ 1817 г. подписать новый договоръ, по которому онъ навсегда призналъ себя вассаломъ компаніи, отказывался отъ всякихъ политическихъ сношеній и уступалъ кусокъ земли, изъ доходовъ съ которой въ размѣрѣ 2,5 милліоновъ рупій ежегодно долженъ былъ содержаться для его защиты англійскій отрядъ. Легче было добиться отъ Синдіа обѣщанія сохранять нейтралитетъ, а равно и согласія Аппасахиба (Мудхаджи II) Берарскаго войти въ субсидіарный союзъ.

Теперь наступило время пустить въ ходъ обѣ большія арміи, и въ іюлѣ 1817 г. онѣ двинулись съ сѣвера и съ юга подъ главною командою самого генералъ-губернатора; хотя цѣлью ихъ и были пиндхари, но они шли съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ случаѣ надобности тотчасъ же можно было выступить противъ одного изъ махраттскихъ раджей, если бы онъ вздумалъ возстать. И дѣйствительно, одинъ изъ первыхъ въ навязанномъ ему договорѣ раскаялся Пешва; онъ велѣлъ сжечь резиденцію и приказалъ своимъ войскамъ сдѣлать нападеніе на сипаевъ-резидентовъ, окончившееся, впрочемъ, неудачно. На выручку резидентамъ явились тотчасъ

же британскіе отряды, заняли Пуну и прогнали Пешву: послѣдній бѣжалъ прежде всего къ Мудхаджи II въ Бераръ и уговорилъ его поступить такъ же съ тамошнимъ резидентомъ Іенкинсомъ. Дѣло окончилось такою же неудачею, и Мудхаджи былъ арестованъ. Подозрѣваемый Синдіа былъ такъ блокированъ англійскими войсками въ своей резиденціи Гваліорѣ, что не могъ предпринять ничего враждебнаго; умирая, онъ въ 1827 г. добровольно отдалъ въ руки своего британскаго резидента вопросъ о престолонаслѣдіи. Наконецъ, Пешвѣ удалось поднять и Холькара—но и тутъ туземныя войска были разбиты генераломъ сэромъ Томасомъ Гислопомъ при Махидпурѣ. Послѣднее пораженіе было нанесено остатку отрядовъ Пешвы при Аштѣ, недалеко отъ Сатары; ему самому удалось уйти, но спустя нѣкоторое время послѣ безустаннаго бѣгства, онъ попалъ въ руки англичанъ. Впослѣдствіи былъ занятъ и Нагпуръ, резиденція спасшагося изъ англійскаго заточенія Мухаджи; войска его были разбиты при Симагарѣ, и одна крѣпость за другою, въ томъ числѣ и неприступный Асингхаръ, взяты штурмомъ; бѣжавшій раджа нашелъ убѣжище у раджпутскаго правителя Джодхпура и нѣсколько времени спустя умеръ.

Такъ были свергнуты всѣ три принимавшихъ участіе въ борьбѣ противъ англичанъ махраттхскихъ правителя. Владѣнія Пешвы (Пуна) были пріобщены большею своею частью къ президентству Бомбей; небольшой округъ былъ сдѣланъ отдѣльнымъ княжествомъ и его правителемъ назначенъ одинъ изъ проживавшихъ въ забвеніи потомковъ Сиваджи (стр. 434), тогда какъ свергнутый правитель Пуны съ пенсіей въ 800.000 рупій въ годъ содержался въ Биттурѣ при Кахнпурѣ. Правителями Индора (династія Холькара) и Нагпура (династія Бхонслы) были провозглашены несовершеннолѣтнія дѣти, къ которымъ былъ прикомандированъ британскій опекунъ.

Одновременно съ этими войнами была закончена и другая задача: уничтоженіе пиндхаровъ, — тревожная охота на звѣря, котораго во что бы то ни стало нужно было затравить до смерти. Разбойниковъ уничтожали массами; часть предводителей гибла въ безвѣстности (Читу, напр., былъ съѣденъ тигромъ); другая часть избѣгла преслѣдованія и кончила свой вѣкъ мирными поселянами. Самый счастливый исходъ нашелъ Эмиръ-ханъ, который заблаговременно подчинился англичанамъ и получилъ часть отнятой у Холькара земли въ качествѣ вассала Англіи.

ε) Лордъ Амгерстъ и первая война съ Бирмой.

Счастливый исходъ послѣдней махраттхской войны округлилъ границы британскихъ владѣній и установилъ ихъ на четверть слишкомъ вѣка. За этотъ періодъ внутри Индіи не произошло никакихъ сколько-нибудь значительныхъ военныхъ событій, хотя пронесшіяся надъ нею грозы еще долгое время находили откликъ въ небольшихъ возстаніяхъ. За то уже въ правленіе ближайшаго генералъ-губернатора, барона Вильяма Питта Амгерста (августъ 1823—28), возгорѣлась большая война съ Бирмой. Въ Ассамѣ, который присоединилъ къ Бирмѣ Шембуанъ, происходили уже нѣкоторое время несогласія, съ одной стороны, по поводу проведенія длинной пограничной линіи между обѣими странами, съ другой — изъ за пошлины. Наконецъ — новый генералъ-губернаторъ не пробылъ на своемъ посту еще и двухъ мѣсяцевъ, — бирманцы упразднили пограничный постъ сипаевъ и на требованіе Лорда Амгерста извиниться отвѣтили нападеніемъ на лежащій у восточнаго изъ устьевъ Ганга островъ Шапури и арестовали двухъ британскихъ офицеровъ. Война сдѣлалась неизбѣжной; она велась, впрочемъ, небрежно, необдуманно и вяло.

Изъ Бенгала и изъ Мадраса было послано по отряду; послѣ соединенія на Андаманахъ (см. карту при стр 532.) войска подъ начальствомъ Арчибальда Кэмпбелля высадились у устьевъ Иравади и заняли 11 мая 1824 г. Рангунъ, основанный только за 70 лѣтъ передъ тѣмъ, но успѣвшій уже стать вторымъ по величинѣ городомъ въ Бирмѣ. Британцы прибыли какъ разъ въ то время, когда начался юго-западный мусонъ: вся страна была превращена въ одно дышащее лихорадками болото, на которомъ немыслимо было никакое движеніе; въ Иравади же вода такъ поднялась, что нельзя было и думать о проѣздѣ на корабляхъ; солдаты умирали тысячами (45 процентовъ общаго числа) отъ маляріи, не успѣвъ увидѣть ни одного врага. Только въ декабрѣ къ Рангуну подошелъ самый храбрый изъ бирманскихъ генераловъ, Бандула, и окружилъ городъ, въ которомъ удалось поставить войска въ лучшія условія и усилить ихъ новыми подкрѣпленіями; послѣ продолжавшейся нѣсколько недѣль осады Рангуна бирманскія войска были отбиты. Тѣмъ не менѣе британцы отказались отъ первоначальнаго плана проникнуть далѣе на корабляхъ вверхъ по рѣкѣ; напротивъ того, двѣ новыя экспедиціи должны были теперь двинуться сушею къ столицѣ противника изъ Ассама и Читагонга. Первая изъ нихъ, пробродивъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ лѣсахъ пограничной области и не встрѣтивъ врага, вернулась снова обратно. Вторую постигло несчастье еще до ея отправленія: въ октябрѣ 1824 г. туземный бенгальскій полкъ возмутился, убѣдившись, что ничего не было подготовлено къ походу,—его истребили картечью и саблями. Когда затѣмъ экспедиція, направившись сушею къ Читтагонгу, прибыла къ Аракану и взяла главный городъ провинціи, она была также захвачена маляріей. Въ февралѣ 1825 г. военный совѣтъ тѣмъ не менѣе рѣшилъ послать вверхъ по Иравади армію подъ начальствомъ Кэмпбелля. Послѣ того, какъ добрый Бандула палъ отъ пули при Данабевѣ и приведенныя этимъ въ замѣшательство войска были разбиты 1—3 декабря при Промэ и обращены въ бѣгство, начались переговоры въ Паганѣ; прерываемые нѣсколько разъ, они 24 февраля 1826 г. привели, наконецъ, къ миру, заключенному въ Яндабо въ то время, какъ британскія войска находились только въ нѣсколькихъ дневныхъ переходахъ отъ Авы. Король Пхагій-дау долженъ былъ уступить компаніи провинціи Ассамъ, Араканъ и Тенассеримъ (двѣ превосходныя, богатыя рисомъ страны) вмѣстѣ съ областью у устья Салвена (гдѣ былъ основанъ Маулмейнъ); англичанамъ эта война обошлась въ 5000 человѣкъ ($72^1/_2$ процента всего отправленнаго войска) и 130 милліоновъ рупій.

Какъ это было при испанской войнѣ, такъ и теперь, при бирманской, волны ея прокатились далеко вглубь Индіи. За исключеніемъ самыхъ раннихъ британскихъ владѣній въ Бенгалѣ и Мадрасѣ, повсюду господствовало броженіе: и тутъ, и тамъ снова появились разбойничьи шайки; многіе изъ мелкихъ раджей не скрывали своей враждебности, другіе же прямо возстали, и пришлось прибѣгнуть къ оружію. Неудачная осада столицы Бхартпура Лейкомъ (1805; ср. стр. 467) распространила далеко за предѣлы этого мелкаго царства славу ея неприступности; основательно искоренить такой взглядъ являлось для англичанъ дѣломъ, не терпящимъ отлагательства. Умершій въ 1825 г. раджа оставилъ несовершеннолѣтняго сына; когда регентство взялъ на себя Дурджанъ-Салъ, братъ покойнаго, англичане стали утверждать, что онъ имѣетъ намѣреніе устранить законнаго наслѣдника, и потребовали отъ него, чтобы онъ за извѣстную сумму оставилъ страну. Дурджанъ-Салъ отказался, крѣпость была осаждена сильнымъ войскомъ и, послѣ пятинедѣльной осады, взята штурмомъ Стапльтонъ-Коттономъ, барономъ Комбермиромъ (1826): Дурджанъ-Салъ былъ захваченъ во время бѣгства и заключенъ подъ стражу на англійской территоріи въ качествѣ государственнаго преступника.

e) Лордъ Вилльямъ Бентинкъ (1828—35).

Въ промежутокъ времени между послѣдней войной съ махраттхами и первой войной съ сикхами, слѣдовательно, между 1818—45 годами, Индія, отчасти управляемая Англіей, отчасти ей подчиненная, могла въ общемъ наслаждаться благами мира. Значительными успѣхами во внутреннемъ своемъ строѣ она обязана прежде всего управленію такого государственнаго мужа, какъ Вилльямъ Генри Кэвендишъ, лордъ Бентинкъ (1828—35); онъ сумѣлъ развить основы, заложенныя лордомъ Гэстингсомъ. Въ правосудіи были проведены значительныя реформы (введеніе для второстепенныхъ судебныхъ дѣлъ болѣе мелкихъ судебныхъ учрежденій съ составомъ служащихъ изъ туземцевъ, начало общаго Criminal Codex'а и т. д.). Индусы стали допускаться на судебныя и административныя должности въ значительно большемъ числѣ и при лучшихъ окладахъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе надежными; были основаны особыя школы для чиновниковъ, чтобы образовать людей для государственной службы (школа въ Агрѣ), и какъ оффиціальный языкъ признанъ англійскій. Податная система въ новыхъ провинціяхъ была поставлена на лучшія начала тѣмъ, что были приняты во вниманіе давнія права земельныхъ собственниковъ; были сдѣланы кадастры и межевыя карты отдѣльныхъ деревень, поощрялось земледѣліе и т. д. Уже Гэстингсъ, несмотря на дорого стоившія войны, повысилъ чистые доходы, достигавшіе при его предшественникѣ Минто 2 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно, на 3,5 милліона; и хотя неосторожное управленіе графа Амгерста имѣло послѣдствіемъ значительные дефициты, тѣмъ не менѣе, благодаря умнымъ мѣропріятіямъ Бентинка (пониженіе процентовъ по государственнымъ займамъ и т. д.), доходы скоро снова поднялись. Само собою — времена (1600—1800), когда предпріимчивые европейцы черпали баснословныя богатства въ торговлѣ съ Индіей, навсегда прошли; сказочную роскошь двора Великаго Могола, которая такъ занимала фантазію европейцевъ, и о которой давали такое необычайное представленіе иллюстраціи къ столь популярнымъ описаніямъ путешествій Ольферта Дапперта и его подражателей, замѣнила теперь голая проза британскаго господства.

Парламентскимъ актомъ отъ 28 августа 1833 г. привилегіи Британской остиндской компаніи, нѣсколько разъ уже возобновленныя, были на этотъ разъ значительно урѣзаны. По этому акту она съ 22 апрѣля функціонировала еще только какъ политическое учрежденіе, долженствовавшее управлять Индіей подъ контролемъ Board of Control (стр. 457) до 23 апрѣля 1854 г.; такимъ образомъ она съ этого момента переставала существовать какъ снабженное различными монополіями торговое общество. Дальнѣйшимъ постановленіемъ этого важнаго акта была учреждена амортизаціонная касса (sinking fund), чтобы въ теченіе 40 лѣтъ выкупить акціи по ихъ курсовой стоимости (200 проц.); по истеченіи этого срока парламентъ по своему усмотрѣнію можетъ рѣшить, должна ли быть возобновлена привилегія компаніи, или нѣтъ. Это послѣднее дѣйствительно имѣло мѣсто, такъ какъ 4 мая 1854 г. право государства на контроль было расширено, и было постановлено, что дѣла компаніи могутъ быть во всякое время урегулированы закономъ — прелюдія къ наступившему въ 1858 г. концу (ср. стр. 484). Постановленія акта 1833 г. касательно пошлины были отмѣнены уже 16 іюля 1842 г. новыми постановленіями о торговлѣ британскихъ владѣній.

Среди результатовъ, которыхъ Бентинкъ добился въ Индіи, нужно выдѣлить особенно два, оставившіе за нимъ навсегда славу великаго ея благодѣтеля: отмѣна сожженія вдовъ („сати"; стр. 408) и искорененіе тхаговъ. Предшественники Бентинка ограничились тѣмъ, что установили

извѣстный контроль надъ обычаемъ, который былъ введенъ брахманами, т. е. наблюдали за тѣмъ, чтобы ни одна вдова не была сожжена противъ ея воли. Точныя наблюденія привели къ статистическимъ выводамъ, изъ которыхъ явствовало, что обычай этотъ находился въ несомнѣнномъ упадкѣ: въ 1828 г. въ Бенгалѣ, насчитывавшемъ 60 милліоновъ жителей, было только 420 случаевъ самосожженія, тогда какъ еще въ 1817 г. ихъ было 700. На этомъ основаніи Бентинкъ рѣшился, несмотря на сопротивленіе брахмановъ и на опасенія европейцевъ, положить однимъ ударомъ конецъ обычаю сати. 4 декабря 1829 г. былъ изданъ указъ, по которому каждый, кто на будущее время оказался бы участникомъ въ сожженіи вдовы, долженъ былъ наказываться, какъ убійца. Этимъ дѣйствительно былъ положенъ конецъ страшному обычаю, противъ котораго тщетно пытался бороться еще великій Акбаръ. Послѣдній случай сожженія вдовы произошелъ уже внѣ сферы британскаго вліянія въ 1877 г., при смерти властителя Непала, Джангъ Бахадура.

Вторымъ славнымъ дѣломъ Бентинка было устраненіе тхаговъ, секты убійцъ. Въ той же области, которая прошла разбойничью школу пиндхари (стр. 470), въ Средней Индіи, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ почитатели богини разрушенія, кровожадной Кали (Бхавини; стр. 405) сплотились въ наслѣдственную секту, касту, которая сумѣла соединить служеніе богинѣ съ матеріальными заботами тѣмъ, что сдѣлала своею жизненною задачею душить и грабить всѣхъ путешественниковъ, за исключеніемъ европейцевъ. Распространенные далеко по всей странѣ, тхаги имѣли однородную организацію, свои особыя религіозныя обрядности и свой собственный воровской языкъ (ramasyana); передъ каждымъ предпріятіемъ они обращались къ Кали съ молитвою о дарованіи успѣха, и часть награбленнаго имущества приносилась ей, какъ жертва, на алтарь. При нападеніи никогда не проливалась кровь, тхаги убивали только при помощи петли (rumal или phansi). Бентинкъ ревностно занялся искорененіемъ тхаговъ. Онъ нашелъ такую отличную поддержку въ своихъ служащихъ (Молани, Уордлоу, Бортвикѣ), особенно въ маіорѣ Слиманѣ, что до 1835 г. было схвачено не менѣе 1526 этихъ набожныхъ разбойниковъ, остальные же принуждены были отказаться отъ своего древняго варварскаго обычая.

Въ остальныхъ отношеніяхъ англичанамъ въ правленіе Бентинка только два раза пришлось вмѣшаться въ дѣла отдѣльныхъ государствъ Индіи. Въ Майсурѣ избранный британцами и ими же воспитанный индусскій правитель такъ плохо хозяйничалъ, что вызвалъ общее возстаніе своихъ подданныхъ (1831). Махараджа былъ свергнутъ, и правленіе отдано въ руки европейца и трехъ къ нему прикомандированныхъ европейцевъ же. Впослѣдствіи наслѣдникомъ былъ признанъ также и британцами пріемный сынъ (съ 1865 г.) свергнутаго раджи, котораго англичане сами воспитали для его будущаго призванія и посадили на Майсурскій тронъ 25 марта 1881 г. Въ Кургѣ отличались жестокостью послѣдніе три правителя, особенно же обуреваемый настоящею кровожадностью Вирараджаджендра Водеяръ, что заставило первенствующую державу Индіи, озабоченную сохраненіемъ своего добраго имени, двинуть туда свои войска, занять резиденцію Меркара, а затѣмъ, по желанію самого населенія, присоединить къ своимъ владѣніямъ и самую страну (1834). Отправленный въ Бенаресъ съ хорошей пенсіей раджа переѣхалъ впослѣдствіи въ Англію, гдѣ и умеръ въ 1868 г.

f) Ауклэндъ, Элленборо и Гардингъ (1836—48).

Періодъ спокойной работы для внутреннихъ преобразованій пришелъ къ концу вмѣстѣ съ временнымъ управленіемъ дѣлами Индіи барономъ Чарльзомъ Теофилемъ Меткальфомъ (1835—36). Когда, благодаря партіи-

нымъ проискамъ, на мѣсто лорда Вильяма Гейтесбёри генералъ-губернаторомъ Индіи былъ избранъ Джорджъ Эденъ баронъ Ауклэндъ (1838—42), для нея начались 20-лѣтнія цѣпи военныхъ предпріятій. Первымъ дѣломъ онъ воспользовался перемѣною, происшедшею на одномъ изъ троновъ, чтобы снова сузить права туземныхъ властителей. Въ Аудѣ въ 1837 г. былъ отравленъ „правитель“, и мать его хотѣла возвести на тронъ его сына, назначеннаго самимъ отцомъ въ наслѣдники престола. Калькуттское губернаторство снова сдѣлало открытіе, что это незаконный сынъ; оно избрало въ преемники дальняго родственника, отъ котораго можно было ожидать большей податливости и, кромѣ того, — при его высокихъ лѣтахъ, — скорой смерти. Такъ какъ наслѣдникъ, несмотря на это, все-таки приступилъ къ коронаціи, британскій резидентъ приказалъ своимъ войскамъ стрѣлять въ народъ, штурмовать тронный залъ и посадить на тронъ своего кандидата: за это послѣдній подписалъ въ 1837 г. договоръ, предоставлявшій резиденту полную власть „предпринимать всякія дѣйствія, какія онъ найдетъ необходимыми для устраненія недостатковъ существующаго управленія“. Даже въ Англіи были убѣждены, что эти недостатки отчасти существуютъ только въ воображеніи, отчасти сильно преувеличены и что они вызваны главнымъ образомъ британскимъ же вмѣшательствомъ: поэтому въ Лондонѣ этотъ договоръ отклонили. Лордъ Ауклэндъ, однако, не счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ индійскому правителю, который продолжалъ считать себя связаннымъ договоромъ.

Къ концу 1838 г., при ближайшемъ разсмотрѣніи, въ Индіи существовало шесть различныхъ родовъ отношеній англо-индійскаго правительства къ туземнымъ государствамъ. По различію заключенныхъ договоровъ ихъ раздѣляли въ то время на слѣдующіе классы: 1) наступательный и оборонительный союзъ съ правомъ вмѣшательства компаніи также и въ дѣла внутренняго управленія (Аудъ, Майсуръ, Бераръ, Траванкоръ и Кочинъ); 2) то же, что и первый родъ договора, только безъ права вмѣшательства во внутреннія дѣла (Гайдерабадъ, Гаикаваръ, Гуджератъ и Барода); 3) то же, что и договоръ второго рода, но съ платою дани и (въ большинствѣ случаевъ) съ военною повинностью (раджпутскія государства); 4) оборонительный союзъ съ гарантіями (сикхи); 5) дружественный договоръ (Гваліоръ); 6) оборонительный договоръ съ болѣе или менѣе выраженнымъ правомъ руководить внутренними дѣлами (Дели, Сатара и Колапуръ).

α) Первая война противъ Афганистана.

Самымъ роковымъ событіемъ правленія Ауклэнда была война съ Афганистаномъ, на который онъ также надѣялся наложить руку водвореніемъ на престолъ правителя, который бы зависѣлъ отъ британцевъ. Какъ прежде боялись нашествія Наполеона, такъ теперь пугаломъ служило возможное нападеніе Россіи, все дальше проникавшей на югъ Азіи (ср. стр. 209). Уже съ прежнихъ временъ въ этой странѣ произошло раздѣленіе на три части: сѣверо-западная (Кабулъ) находилась главнымъ образомъ подъ владычествомъ сѣверныхъ племенъ (моголовъ и др.), западная (Гератъ) стояла часто въ зависимости отъ Персіи, тогда какъ на югѣ бассейнъ Гильменда съ Кандагаромъ часто мѣняли своихъ властителей. Послѣ персіанина Надиръ-Шаха (стр. 439) афганскимъ трономъ завладѣлъ вождь племени дуррани Ахмедъ-шахъ. Его внукъ Шахъ-Шуджа былъ вытѣсненъ въ 1809 г. младшимъ братомъ своимъ, который, въ свою очередь, былъ свергнутъ въ 1826 г. Достъ-Мухаммедомъ, изъ племени баракзаи; послѣдніе господствовали надъ Кабуломъ, тогда какъ Гератъ продолжалъ оставаться подъ владычествомъ дурранійскихъ правителей. Руководители компаніи были довольны, что столь опасный прежде для Индіи Афганистанъ теперь,

благодаря внутреннимъ распрямъ, распался и былъ ослабленъ, и что къ тому же между ихъ западной границей и безпокойнымъ сосѣдомъ поднялось крѣпостною стѣною окрѣпнувшее при Ранджитѣ Сингхѣ (стр. 478) сикхское царство. Тѣмъ не менѣе компаніи пришлось вскорѣ стать къ Афганистану въ болѣе близкія отношенія.

Когда персы послали въ Гератъ войско, въ которомъ находились и русскіе офицеры, и осадили тамошнюю столицу, а со стороны Лагора Ранджитъ овладѣлъ Пешаверомъ, воротами въ Кабулъ, Достъ Мухаммедъ сталъ хлопотать о дружбѣ съ англичанами, и Ауклэндъ послалъ въ декабрѣ 1836 г. „коммерческую миссію" подъ начальствомъ Александра Бёрнса въ Кабулѣ. Въ это же время и русскій царь прислалъ туда собственноручное письмо. Достъ Мухаммедъ предложилъ англичанамъ прервать сношенія съ Россіей, если они поддержатъ его планы относительно Пешавера; но Ауклэндъ отвергъ это предложеніе. Послѣдствіемъ было то, что Достъ Мухаммедъ обратился къ русскимъ, Бёрнсъ же былъ отозванъ (весною 1838). Ауклэндъ, заключившій тѣмъ временемъ союзъ съ Махараджой пенджабскимъ съ цѣлью водворить на тронъ прежняго правителя Кабула, Шахъ-Шуджу, и прикомандировавшій уже напередъ къ будущему правителю британскаго агента Вильяма Макнайтена (Macnaghten) объявилъ 1 октября 1838 г. Достъ-Мухаммеду войну. Чтобы не обременять своего пенджабскаго союзника прохожденіемъ войска, англичане не только заняли противъ воли населенія и противно прежнимъ договорамъ страну синдховъ, образовавшихъ на Индѣ союзъ мелкихъ племенъ, но и потребовали отъ нихъ денежной субсидіи. Затѣмъ начался походъ, сопряженный со страшными трудностями, черезъ Боланскій горный проходъ, при постоянныхъ нападеніяхъ враждебныхъ племенъ, при невзгодахъ и опасностяхъ отвратительнаго климата, дурномъ продовольствіи и плохо обставленномъ транспортѣ. Въ началѣ мая 1839 г. англичане достигли Кандагара, и Шахъ-Шуджа торжественно вступилъ въ свое царство. Въ іюнѣ войско подъ начальствомъ Джона Кина отправилось дальше въ Газни; ворота были взорваны порохомъ, и городъ взятъ штурмомъ. Достъ-Мухаммедъ принужденъ былъ въ концѣ концовъ бѣжать черезъ Хиндукушъ къ узбекамъ, и новый властитель вступилъ 7 августа 1839 г. вмѣстѣ съ англійскимъ войскомъ въ Кабулъ. Населеніе приняло навязаннаго ему правителя очень холодно; когда же для личной безопасности послѣдняго была организована лейбъ-гвардія изъ самыхъ неукротимыхъ племенъ, недовольство народа выразилось въ неоднократныхъ возстаніяхъ. Въ то же время белуджи стали грозить южной линіи отступленія черезъ Боланскій горный проходъ; съ сѣвера же въ страну ворвался снова Достъ-Мухаммедъ, но послѣ безуспѣшной, само собою, борьбы онъ добровольно отдался въ руки англичанъ и былъ доставленъ въ Индію, какъ государственный преступникъ.

Правительство не одобряло всего веденія войны и командировало Вилл. Джорджа Кейтъ Эльфинстона, отжившаго, разслабленнаго бригаднаго генерала, далеко не стоявшаго на высотѣ свой задачи. Тщетно осмотрительные офицеры предостерегали и настаивали на возвращеніи; Макнайтенъ считалъ, однако, дѣломъ чести, чтобы войска не оставляли оберегаемаго ими правителя. Сильно увеличивавшіеся военные расходы требовали экономіи: думали помочь дѣлу тѣмъ, что отчасти урѣзали, отчасти совсѣмъ удержали суммы, которыя были обѣщаны безпокойнымъ племенамъ, если они будутъ вести себя мирно; это вызвало повсюду только новыя проявленія враждебности. Горные проходы Кхаибера были заняты мятежниками; опасность грозила также и другимъ проходамъ по всей линіи отступленія, 2 ноября 1841 г. въ Кабулѣ былъ убитъ Бёрнсъ, предназначенный въ преемники Макнайтену; 24 декабря, при одномъ свиданіи съ Акбаръ-ханомъ, сыномъ изгнаннаго Достъ-Мухаммеда, былъ умерщвленъ

и самъ Макнайтенъ. Форты Кабула, гдѣ находились всѣ склады осадной арміи, достались въ руки врага; положеніе было отчаянное. Наконецъ, 28 декабря пришли къ рѣшенію снять гарнизонъ Кабула (4000 солдатъ и 12,000 обозной прислуги), оставивъ всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ, солдатъ и женщинъ. Зима уже наступила со всею своею суровостью, всѣ дороги были покрыты глубокимъ снѣгомъ, запасы для людей и вьючныхъ животныхъ истощены; повсюду подстерегалъ безпощадный врагъ. Такъ тянулась эта таявшая съ каждымъ днемъ колонна въ январѣ 1842 г. черезъ тѣснины Курдъ-Кабула и Джагдалака. На послѣднемъ привалѣ у Гандамака оставалось еще только 20 офицеровъ и 25 солдатъ. Подъ конецъ и этотъ ничтожный остатокъ не выдержалъ, и одинъ только докторъ Брайдонъ могъ принести извѣстіе о полнѣйшемъ уничтоженіи всего отряда въ Джеллалабадъ, гдѣ гарнизонъ продолжалъ еще держаться подъ начальствомъ генерала Роберта Сейля. Кромѣ этого отряда, стойко отстаивали себя еще только отряды Газни и Кандагара (подъ командой Вилльяма Нотта). Приказанія главнокомандующаго (оставшагося заложникомъ у Акбаръ-хана, но умершаго вскорѣ отъ подагры) отдать всѣ эти пункты афганцамъ не были исполнены храбрыми войсками; но въ мартѣ 1842 г. палъ и Газни.

Тѣмъ временемъ въ Индіи произошли важныя перемѣны: въ 1839 г. умеръ махараджа Пенджаба, Ранджитъ-Сингхъ, и тамъ воцарилась опасная анархія (ср. ниже стр. 478). Въ октябрѣ 1841 г. и въ самой британской Индіи на мѣсто Ауклэнда, ошибки котораго были виною ея тяжелаго положенія, генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Эдвардъ Лоу, лордъ Элленборо (1842—44), человѣкъ съ благими намѣреніями, но непостоянный, хвастливый и неосторожный. Онъ прибылъ 21 февраля 1842 г. и увидѣлъ себя передъ не терпящей промедленія задачей придти какъ можно скорѣе на помощь запертому въ Афганистанѣ остатку войска. Генералъ сэръ Джорджъ Поллокъ пробился черезъ Кхайберскій горный проходъ и соединился въ Джеллалабадѣ съ генералъ-маіоромъ Ноттомъ, который, слѣдуя приказу Элленборо, очистилъ 10 августа Кандагаръ. Послѣ того, какъ были взорваны укрѣпленія Газни (6 сентября), онъ проникъ до Кабула (16 сентября); но онъ не нашелъ тамъ больше британскаго ставленника: Шахъ-Шуджа былъ умерщвленъ еще 5 апрѣля. Англичане поспѣшили возвести на тронъ его сына, освободили плѣнныхъ и, въ память своего пребыванія, взорвали на воздухъ всю базарную площадь. 12 октября войска оставили Кабулъ, 24 числа того же мѣсяца прибыли въ Джеллалабадъ, разрушили его и 6 ноября 1842 г. достигли безпрепятственно Пешавера. Все предпріятіе было куплено цѣною тяжелыхъ потерь людьми, военныхъ издержекъ въ 240 милліоновъ марокъ и небезопаснаго умаленія британскаго престижа. За драмой послѣдовала комедія: генералъ губернаторъ велѣлъ сдѣлать изображенія воротъ съ могилы Махмудъ Газни, похищенныхъ этимъ послѣднимъ въ 1017 г. изъ храма въ Сомнатѣ (стр. 414), и развозить ихъ въ торжественныхъ процессіяхъ по странѣ, какъ „отомщеніе Сомната“; онъ издалъ напыщенную прокламацію и велѣлъ отчеканить медаль съ надписью: „Pax Asiae restituta“.

β) Смуты въ Синдхѣ и Гваліорѣ; первая война съ сикхами.

Медаль мира еще не была готова, какъ ужъ снова возгорѣлась война. Печальныя вѣсти о неудачахъ англичанъ въ Афганистанѣ вызвали радостный откликъ у Синдхскаго союза, испытавшаго на себѣ насиліе англичанъ (стр. 470), и его эмиры вошли въ тайные переговоры съ Лагоромъ. Англичане перебросили въ Синдхъ еще больше войска, отдавъ командованіе надъ ними воинственному сэръ Чарльзу Джемсу Напиру: эмирамъ былъ предложенъ договоръ, въ которомъ къ нимъ предъявлялись

обширныя требованія; эмиры его подписали, но народъ поднялся противъ своихъ правителей. 17 февраля и 24 марта 1843 г. синдхи потерпѣли кровавое пораженіе при Міани и должны были подчиниться всѣмъ условіямъ, поставленнымъ побѣдителемъ: эмиры были отставлены и отправлены въ изгнаніе, страна присоединена, и Напиръ назначенъ губернаторомъ. Напиръ самъ называлъ все это дѣло „подлостью"; правленіе рѣзко осудило присоединеніе области, издало соотвѣтствующее воззваніе (въ августѣ 1843 г.) и — удержало область за собою.

Тѣмъ временемъ въ Гваліорѣ умеръ Махараджа, оставивъ послѣ себя только малолѣтняго пріемнаго сына. Британцы, само собою, потребовали для несовершеннолѣтняго наслѣдника престола не того регента, котораго желалъ народъ, прибѣгли къ угрозамъ, настаивая при этомъ на уменьшеніи туземнаго войска. Когда на это было отвѣчено отказомъ, дѣло дошло до войны: туземныя войска потерпѣли пораженія при Махараджпурѣ и при Панніарѣ и были уменьшены на двѣ трети своего прежняго состава, а вмѣсто этого въ страну былъ посланъ британскій отрядъ подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ.

Еще большая опасность грозила англичанамъ съ крайняго сѣверо-запада со стороны царства сикховъ (ср. стр. 439), которые терпѣли отъ персидскаго короля Надиръ-шаха и афганскаго властителя Ахмедъ-шаха Даррани (1762, 1763 и 1767) самыя жестокія преслѣдованія и были почти уничтожены. Но при ихъ живучести ихъ трудно было совершенно истребить. Къ концу XVIII столѣтія сикхи снова основались въ восточномъ Пенджабѣ между Біасомъ и Сэтледжемъ. Глава клана Шукарчарья, часто уже упоминавшійся Ранджитъ Сингхъ, получилъ отъ афганцевъ въ въ 1798 г. въ ленное владѣніе Лагоръ, а въ началѣ наступившаго столѣтія воспользовался распрями между внуками Ахмеда Даррани изъ за престолонаслѣдія, чтобы сдѣлаться совершенно независимымъ. Онъ превратилъ шаткій союзъ сикховъ въ прочную монархію, а дикія орды своихъ воиновъ преобразовалъ при помощи европейскихъ офицеровъ (особенно французовъ Жана Франсуа Алларда, Вентуры, Авитабиле и Курта) въ армію, соотвѣтствовавшую требованіямъ времени. Когда же онъ вздумалъ распространить свое могущество далѣе на востокъ, по ту сторону Сэтледжа, ему пришлось придти въ столкновеніе съ англичанами. Благодаря государственному уму британскаго агента Чарльза Меткальфа, онъ согласился 25 апрѣля 1809 г. отказаться отъ всякихъ притязаній на область по ту сторону Сэтледжа, британцы же, съ своей стороны, признали его суверенитетъ въ Педжабѣ. Этому договору онъ остался вѣренъ до самой своей смерти (27 іюня 1839), расширяя свое царство только къ сѣверу (Кашмиръ 1819) и къ западу (Пешаверъ 1829). Со смертью его, однако, началась ожесточенная борьба за престолонаслѣдіе[1]. Во всеобщей смутѣ выдвинулись три партіи: сикхская аристократія (особенно Гхулабъ Сингхъ и Пешора Сингхъ), затѣмъ жившіе въ Пенджабѣ раджпуты и, какъ самая сильная партія, военная. Считая договоръ 1809 г. тяжелымъ насиліемъ,

---

[1]

Чаратъ-Сингхъ (* около 1725, † 1773, князь-соправитель сикховъ

Маха-Сингхъ (* 1764. † 1792) — Далъ-Сингхъ
Ж.: NN. изъ клана Джиндъ († 1797)

Ранджитъ-Сингхъ (* 2 ноябр. 1780, † 27 іюня 1839 г.)
1. Ж. Мехтабъ-Канваръ изъ дома Гхани-Сирдаръ;
2. Ж Рани-Шанда, регентша 1844/45 (Фаворитъ: Лаллъ Сингхъ)

NN.
Джовахиръ-Сингхъ, Визирь 1844

(1.) Кар(ра)к-Сингхъ (* 1802, † 6 ноябр. 1840)
Рани Цендкауръ, регентша 30 нояб. 1840—20 янв. 1841 (* 1795, † въ концѣ янв. 1841)

(2.) Дхулипъ (Дулипъ)-Сингхъ (* 1835), Махараджа 1844, 1846 утвержденъ какъ одинъ изъ князей. 1849 свергнутъ

Ну-Нехалъ-Сингхъ (* 1821, † въ нач. нояб. 1840) — Ширъ-Сингхъ, Махараджа 20 янв. 1841—сент. 1843

Пертхабъ-Сингхъ († сент. 1843).

военная партія больше другихъ питала надежду, что послѣ всѣхъ британскихъ неудачъ въ Афганистанѣ ей удастся порвать его.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Элленборо, въ способностяхъ котораго правленіе общества имѣло основаніе сомнѣваться, былъ смѣщенъ, и преемникомъ ему назначенъ генералъ-лейтенантъ Генри Гардингъ (1844—48), отличившійся въ войнѣ съ Наполеономъ въ Испаніи и при Линьи и бывшій уже дважды военнымъ министромъ (1828—30, 1841—44). Британскія войска на сѣверо-западѣ были усилены еще его предшественникомъ, когда поведеніе сикховъ начало становиться все болѣе и болѣе угрожающимъ. Вскорѣ дѣло дошло до прямого столкновенія. Сикхи, отстранившіе въ сознаніи своей силы европейскихъ генераловъ, въ числѣ 60.000 человѣкъ и съ сильною артиллеріею (150 пушекъ), перешли въ декабрѣ 1845 г. Сэтледжъ; 18 декабря при Мудки они неожиданно напали на англійское войско во время завтрака, но были тѣмъ не менѣе отбиты. Въ сраженіи при Фероцшахѣ (21 декабря), которымъ безпорядочно руководили самъ Гардингъ и сэръ Гёгъ Гоу, британцы понесли тяжелыя потери, но, несмотря на это, сикхи были разбиты. Потерпѣвъ еще одно пораженіе 28 января 1846 г. при Аливалѣ, они окопались при Собраонѣ на Сэтледжѣ. Здѣсь, 19 февраля сикхи оказали отчаянное сопротивленіе, и сила ихъ была окончательно сломлена: потерявъ 8000 человѣкъ, они должны были отступить за Сэтледжъ, и британцы вошли въ Лагоръ. Были выработаны предварительныя условія мира, но, когда сикхи продолжали держать себя враждебно, эти условія были сдѣланы болѣе тяжелыми: по мирному договору, заключенному 9 марта 1846 г. 10-лѣтній Дхулипъ Сингхъ былъ назначенъ раджой-соправителемъ; войско сикховъ было ограничено опредѣленнымъ числомъ, и на средства побѣжденныхъ (ежегодно 2,2 милл. рупій) долженъ былъ содержаться въ странѣ британскій отрядъ. Въ Лагорѣ долженъ былъ съ этихъ поръ пребывать британскій резидентъ (полковникъ Генри Лоуренсъ; затѣмъ сэръ Фредерикъ Кёрри); высшія мѣста въ управленіи должны были занимать главнымъ образомъ англичане. Весь Джаландеръ Дуабъ между Біасомъ и Сэтледжемъ былъ уступленъ компаніи, точно такъ же какъ и Кохистанъ и Кашмиръ, который англичане тотчасъ же снова уступили за 10 милліоновъ рупій Гхулабъ-Сингху, расположенному къ англичанамъ раджѣ Дусаммскому.

Гардингъ, получившій титулъ „виконта Лагорскаго" оправдалъ возложенныя на него надежды также и въ отношеніи внутренняго управленія. Это былъ человѣкъ, честно исполнявшій свои обязанности, тепло заботившійся о благѣ ввѣреннаго ему народа, благоразумный и энергичный. При немъ началъ строиться большой Гангскій каналъ, обезпечивавшій существованіе милліонамъ людей. Были подготовлены устройство телеграфа и проложеніе большой сѣти государственныхъ дорогъ, начаты тригонометрическія съемки всей Индіи, отлично урегулирована система налоговъ. Для войска были созданы различныя благодѣтельныя гигіеническія учрежденія (климатическія станціи и т. п.). Правительство устраивало пробныя плантаціи для культуры чая, цинхонина и т. д. Генералъ-губернаторъ не меньше заботился и о духовной сторонѣ жизни туземцевъ: былъ поставленъ въ лучшія условія школьный вопросъ, и индусы цѣлыми массами устремились въ правительственныя школы, какъ только вышло постановленіе правительства, что на службу будутъ приниматься предпочтительно окончившіе эти школы. Въ связи съ устройствомъ мастерскихъ для сооруженія великаго Гангскаго канала было учреждено близъ Рурки политехническое училище для туземцевъ. Начиная съ правленія Гардинга, отдѣльные индусы стали настолько эмансипироваться отъ своихъ кастовыхъ предразсудковъ, что перестали бояться „чернаго" моря и являлись въ университеты Англіи. Какъ Бентинкъ поборолъ извращенія индусской религіи устраненіемъ сжиганія вдовъ и религіозныхъ убійствъ тхаговъ (стр. 474), такъ и Гар-

дингу и его сподвижникамъ (сэръ Колинъ Кампбель и Джонъ Макферсонъ) удалось искоренить обычай человѣческихъ жертвоприношеній кхондовъ (стр. 348).

g) Дальгаузи (1848—56).

a) Вторая война съ сикхами и съ Бирмой.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ вступленія въ должность новаго генералъ-губернатора (13 января 1848 г.), Джемса Эндру Броунъ-Рамсая графа Дальгаузи (1848—56), какъ ненависть сикховъ, съ трудомъ только сносившихъ свое подчиненіе, прорвалась съ новою силою. Въ Мултанѣ 19 апрѣля 1848 г. подверглись нападенію и были убиты одинъ офицеръ, Вансъ Агнью, и одинъ гражданскій служащій, Андерсонъ; диванъ (князь, платящій дань) Мулраджъ объявилъ себя независимымъ. Несмотря на то, что два молодыхъ капитана (Джорджъ-Гаррисъ Эдвардсъ и Лейкъ) сумѣли достойно встрѣтить непріятеля 18 іюня при Ахмедпурѣ и 1 іюля при Саджамѣ, возстаніе распространилось съ ужасающею быстротою; къ сикхамъ присоединились афганскіе наѣздники, жажда мести которыхъ въ отношеніи вторгнувшихся къ нимъ англичанъ была сильнѣе религіозной ненависти сикховъ. Начатая генераломъ Уншемъ 2 сентября осада Мултана должна была быть снята уже 14-го. Дальгаузи понималъ, что полное покореніе сикховъ сдѣлалось дѣломъ, не терпящимъ отлагательства. Британскія войска, находившіяся въ Пенджабѣ, были соединены въ серединѣ ноября въ Лагорѣ подъ начальствомъ лорда Гоу (Gough) (стр. 479), но понесли подъ его неумѣлой командой тяжелый уронъ. Тѣмъ временемъ со стороны Синдха прибыла армія Унша и приступила 27 декабря ко второй осадѣ Мултана. Городъ послѣ шестидневной бомбардировки былъ взятъ 2 января 1849 г.; цитадель же сдалась только 21 января. За восемь дней до этого Гоу, благодаря своимъ необдуманнымъ дѣйствіямъ, проигралъ кровопролитное сраженіе съ мятежниками при Чилапвалѣ (или Руссурѣ); но 21 февраля онъ проявилъ большую смѣлость и разбилъ на голову врага при городкѣ Гуджератѣ. Остатокъ сикхскихъ отрядовъ, преслѣдуемый по пятамъ генераломъ В. Р. Джильбертомъ, вынужденъ былъ сдаться 14 марта. Теперь англичане могли по своему похозяйничать въ государствѣ сикховъ: Дхулинъ Сингхъ, котораго англичане три года тому назадъ сами признали (стр. 472), былъ свергнутъ 29 марта 1849 г. и отправленъ съ пенсіей въ Пуну, государственныя сокровища съ Кохи-норомъ (стр. 423) и казенныя земли конфискованы, и вся область сикховъ объявлена британскимъ владѣніемъ. Братья Генри и Джонъ Лоуренсы взяли на себя задачу заново организовать эту важную провинцію; Дальгаузи же былъ произведенъ благодарной королевой въ маркизы.

Счастливо законченная война съ сикхами расширила британскія владѣнія на крайнемъ сѣверо-западѣ до ея нынѣшнихъ предѣловъ и привела ихъ къ естественнымъ границамъ, вторая война съ Бирмой присоединила къ нимъ далеко на востокѣ еще одну новую провинцію. Король Паганъ Менгъ не могъ примириться съ потерею важныхъ частей своей страны и пользовался каждымъ случаемъ, чтобы ставить англичанамъ въ своей области всякія затрудненія. Когда, поэтому, купеческій союзъ въ Рангунѣ подалъ въ 1851 г. генералъ-губернатору жалобу, этотъ послѣдній, съ цѣлью разслѣдовать дѣло, отправилъ въ ноябрѣ къ устью Иравади военное судно. Дурное обращеніе съ англійскими офицерами дало поводъ къ объявленію войны. Въ февралѣ 1852 г. туда было послано на пароходахъ 6000 человѣкъ, которые 14 апрѣля взяли штурмомъ Рангунъ и прогнали бирманскія войска. Періодъ дождей, сыгравшій въ первой бирманской войнѣ такую роковую роль (стр. 472), прошелъ теперь при хорошей подготовкѣ и достаточныхъ средствахъ защиты безъ особаго вреда;

по окончаніи его, англійскіе отряды проникли далѣе по теченію рѣки да Промэ (3 октября). Такъ какъ король окончательно отказался войти въ мирные переговоры, то 20 декабря вся Нижняя Бирма (Пегу) было объявлена присоединенной къ индо-британскому государству; благосостояніе этого края и его торговля поднялись съ этого времени поразительно.

β) Внутреннее управленіе Дальгаузи; присоединеніе — инкорпированіе — туземныхъ государствъ по „выморочной“ системѣ.

Во внутреннемъ управленіи Дальгаузи слѣдовалъ по намѣченному его предшественникомъ пути. Въ его правленіе имѣли мѣсто окончаніе великаго Гангскаго канала (1854), открытіе первой желѣзной дороги (при его уходѣ были уже открыты 200 англійскихъ миль), учрежденіе пароходства на Индѣ и правильныхъ рейсовъ къ Красному морю (англо-остиндскій путь), продолженіе тригонометрическихъ съемокъ и нанесеніе на карту морскихъ береговъ, прокладка сѣти телеграфовъ, улучшеніе почтовыхъ сообщеній, учрежденіе центральнаго вѣдомства для публичныхъ работъ и т. д. Несмотря на дорого стоившія войны, доходы снова настолько поднялись, что съ четвертаго года его управленія они уже превышали расходы. Въ школьномъ вопросѣ онъ также дѣйствовалъ въ духѣ своего предшественника.

Въ Англіи склонны преувеличивать заслуги Дальгаузи въ области управленія на счетъ Гардинга: большинство нововведеній были намѣчены и подготовлены уже послѣднимъ; тѣмъ не менѣе у преемника его нельзя отнять того, что онъ съ осмотрительностью дѣлалъ все, чтобы поднять благоденствіе Индіи. Если англійскіе историки называютъ Дальгаузи „величайшимъ изъ всѣхъ индійскихъ проконсуловъ“, то ими руководитъ въ данномъ случаѣ преклоненіе предъ достигнутыми Дальгаузи непосредственными успѣхами во внѣшней и внутренней политикѣ. Въ войнахъ съ сосѣдними государствами онъ пріобрѣлъ для британскаго могущества двѣ богатыя провинціи; а способъ его дѣйствія въ отношеніи индійскихъ царствъ значительно расширилъ владѣнія остиндской компаніи: мы имѣемъ здѣсь въ виду придуманный и проведенный имъ политическій принципъ (седьмой; ср. стр. 475), теорію объ „отчужденіи“ государствъ. По этой теоріи при смерти правителя престолонаслѣдіе признавалось только въ томъ случаѣ, если имѣлся законный сынъ покойнаго. Если же его не было, то пріемный сынъ не имѣлъ права, какъ это было до тѣхъ поръ, на престолъ, и царство это становилось „выморочнымъ“.

Принципъ этотъ былъ въ восьми случаяхъ проведенъ на практикѣ. Впервые онъ былъ примѣненъ уже въ первый годъ правленія Дальгаузи къ Сатара, послѣднему остатку нѣкогда столь могущественнаго господства Пешвы. Въ 1853 г. были присоединены раджпутское царство Джханси и Нагпуръ, гдѣ умеръ послѣдній Бхонсла, не оставивъ законныхъ наслѣдниковъ. Въ трехъ другихъ случаяхъ того же года дѣло касалось титулованныхъ князей, не имѣвшихъ своей области; ихъ пріемные сыновья были отстранены, а титулъ ихъ и назначенныя имъ пенсіи отняты. Это имѣло мѣсто, когда умерли послѣдній нувабъ Карнатика, затѣмъ раджа Танджура и, наконецъ, бывшій Пешва Баджи Рао, пріемный отецъ Дундху Патха, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Нана-Сахиба, который спустя нѣсколько лѣтъ такъ страшно отомстилъ британцамъ за свое устраненіе. Послѣднимъ титулованнымъ правителемъ, съ которымъ долженъ былъ погибнуть слабый отблескъ прежняго могущества и великолѣпія, былъ послѣдній Великій Моголъ Мухаммедъ Бахадуръ-шахъ II (стр. 437); его заставили согласиться на договоръ, по которому его потомки должны были оставить царскую резиденцію Шахъ-Джехана и вести жизнь частныхъ

людей. Чуткая совѣсть Дальгаузи не смогла, наконецъ, дольше терпѣть также и положенія дѣлъ въ Аудѣ, орошаемомъ безчисленными никогда не изсякаемыми рѣками и являющемся первой въ Индіи страною по густотѣ населенія. Правда, по договору 1837 г. (стр. 475) раджа являлся менѣе отвѣтственнымъ за все происходившее, чѣмъ резидентъ, снабженный особымъ правомъ принимать для устраненія всякихъ золъ, хотя они и были во многихъ случаяхъ вызваны лишь британскимъ вмѣшательствомъ, всякія мѣры, какія онъ найдетъ необходимымъ; сама династія тамошнихъ правителей оставалась, кромѣ того, всегда вѣрной британцамъ и оказывала имъ не разъ неоцѣнимыя услуги. Но подобныя соображенія представлялись генералъ-губернатору, очевидно, ничтожными въ сравненіи съ его долгомъ — сдѣлать счастливымъ населеніе Ауда, — когда 7 февраля 1856 г. онъ присоединилъ къ британскимъ владѣніямъ самую богатую изъ провинцій Индіи. Присвоеніе нѣкоторыхъ областей („assigned districts" въ Берарѣ), принадлежавшихъ другому союзнику, Низаму Гайдерабадскому, имѣло по крайней мѣрѣ то фактическое основаніе, что Низамъ не могъ заплатить недоимокъ, накопившихся по содержанію — къ тому же еще навязанному — британскихъ войскъ.

Дальгаузи былъ набожнымъ христіаниномъ. Никто такъ часто и такъ настойчиво не апеллировалъ къ волѣ Всевышняго и такъ хорошо не зналъ этой воли, какъ онъ. Благоденствіе подданныхъ было у него на первомъ планѣ. А такъ какъ туземцы не могли же чувствовать себя такими счастливыми при варварскомъ хозяйничаньи язычниковъ, какъ подъ христіанскимъ владычествомъ Англіи, то для него было дѣломъ совѣсти распространить благодать англійской оккупаціи на всѣ попадающія въ руки британцевъ государства. „Я не могу себѣ представить, чтобы кто-либо могъ оспаривать политику, пользующуюся каждымъ случаемъ, чтобы упрочить принадлежащую уже намъ область присоединеніемъ лежащихъ на пути государствъ и распространить на всѣхъ нихъ нашу систему управленія и этимъ соблюсти ихъ же высшіе интересы". „Милліонамъ человѣческихъ существъ будетъ дарована такою перемѣною свобода и счастье".

Возстаніе 1857 г. было страшной расплатой за такую свободу и счастье по британскому рецепту. Инкорпированіе индійскихъ царствъ въ англійскія владѣнія лишало туземцевъ всякаго права на высшее положеніе въ государствѣ, но еще болѣе важнымъ являлось то, что топталось въ грязь чувство преданности народа дому своихъ правителей, съ которыми онъ былъ связанъ вѣковыми традиціями. Народъ не могъ сразу освоиться съ культурой, развивавшейся на чуждой почвѣ; онъ могъ только ненавидѣть ее и бояться и предпочиталъ терпѣть гнетъ отъ себѣ подобныхъ, чѣмъ получать счастье изъ рукъ иноземцевъ, которые безъ малѣйшаго пониманія народнаго духа оскверняли самое святое его достояніе, смѣщали его царей и увозили неизмѣримыя богатства. Глубже всего было задѣто религіозное чувство. Прежніе генералъ-губернаторы по возможности щадили вѣру, законы и обычаи индусовъ; теперь же вдругъ на сцену явились принципы и поступки, оскорблявшіе самыя коренныя воззрѣнія индусовъ. Каждый изъ нихъ считаетъ высшимъ благомъ для этой и для будущей жизни оставить по себѣ сына, который закрылъ бы ему глаза и набожными дѣлами поддерживалъ бы вѣчное блаженство предковъ. Кому же судьба отказала въ прямомъ наслѣдникѣ, тотъ могъ продолжить свой родъ усыновленіемъ и обезпечить себѣ этимъ въ одинаковой степени вѣчное блаженство. Этой вѣры чужой народъ коснулся грубой рукою подъ предлогомъ, что дѣло идетъ только о благѣ народа; успѣхи, которыхъ британцы добивались, все болѣе и болѣе тѣснили индивидуальность индуса въ то время, какъ они сами получали отъ этого однѣ лишь матеріальныя выгоды. Подчеркивая

то, что они преслѣдуютъ угодное Богу дѣло, они вызывали въ индусѣ только насмѣшку и лицемѣріе.

h) Лордъ Кэннингъ; возстаніе сипаевъ (1857).

Отъ дальновидныхъ людей не укрылось глубокое и получившее широкое распространеніе броженіе среди туземнаго населенія; правленіе компаніи не обращало никакого вниманія на раздававшіеся голоса, а взоры виконта Чарльза Яна Кэннинга (1856—62), преемника Дальгаузи, были сначала отвлечены персами, которые напирали на востокъ. Проявившаяся въ Крымскую кампанію слабость англійскаго войска придала имъ рѣшимость напасть на Гератъ и занять его; но когда въ 1856 г. въ Персидскомъ заливѣ появился индо-британскій флотъ, они принуждены были послѣ нѣсколькихъ пораженій очистить Гератъ и по Парижскому договору отъ 4 марта 1857 г. обязаться не вмѣшиваться больше въ афганскія дѣла.

Въ Индіи тѣмъ временемъ продолжали оскорблять чувства индусовъ: были изданы законы, разрѣшавшіе вдовамъ вступать снова въ бракъ, запрещавшіе брахманамъ многоженство, и постановленіе, что туземныя войска могутъ быть употреблены также для службы внѣ Индіи. Озлобленіе достигло своей высшей точки, и нужна была только искра, чтобы пожаръ разгорѣлся. Поводомъ къ возстанію послужила необходимость примѣненія при введенныхъ въ 1853 г. Энфильдовскихъ шомпольныхъ ружьяхъ „смазанныхъ жиромъ патроновъ“. Среди магометанскихъ войскъ распространился съ быстротою молніи слухъ, что при откусываніи патроновъ приходится брать въ ротъ жиръ самаго нечистаго изъ животныхъ, свиньи; среди индусовъ рѣчь шла о жирѣ самаго священнаго для нихъ животнаго—коровы; и тѣмъ и другимъ нововведеніе представлялось, какъ высшее поруганіе ихъ религіи. Въ Миратѣ нѣсколько сипаевъ (стр. 454) отказалось употреблять новые патроны, и ихъ подвергли аресту. На слѣдующій день, 10 мая 1857 г., они были силою освобождены своими товарищами; мятежная кучка, разраставшаяся подобно лавинѣ, направилась 11 мая къ Дели, гдѣ къ ней присоединился гарнизонъ города. Съ быстротою урагана мятежъ распространился по всей странѣ между Джамной и Патной и далеко за предѣлы ея: характерно при этомъ, что къ движенію пристали именно тѣ „выморочныя“ области, которыхъ коснулось Дальгаузовское инкорпированіе. Президентства Бомбей и Мадрасъ оставались спокойными; въ государствѣ Низама, озлобленномъ отнятіемъ нѣсколькихъ провинцій, удалось, благодаря тактичности министра и присутствію мадрасскихъ отрядовъ, уничтожить въ зародышѣ начинавшуюся было смуту. Въ присоединенномъ Нагпурѣ дѣло дошло уже до серьезныхъ возмущеній. Самое ожесточенное, однако, возстаніе произошло въ присоединенномъ четыре года передъ тѣмъ незначительномъ, но гордомъ раджпутскомъ царствѣ Джханси, въ Аудѣ, въ резиденціи царя, гдѣ его потомки принуждены были отказаться отъ имени Моголовъ, и въ Кахнпурѣ (Cownpore) на Гангѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которымъ жилъ Дундху-Патхъ, прозываемый Нана-Сахибомъ, оскорбленный въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ пріемный сынъ послѣдняго Пешвы.

Нѣкоторыя обстоятельства, касавшіяся войска, пришлись очень кстати мятежникамъ. Потребность въ служащихъ для гражданскаго управленія въ новыхъ провинціяхъ лишила армію множества самыхъ способныхъ офицеровъ; въ то же время офицеры, оставшіеся при своихъ прежнихъ обязанностяхъ, сочли себя униженными и продолжали вяло и съ неудовольствіемъ нести свою службу. Затѣмъ значительная часть войска была переведена во время и по окончаніи послѣдней войны съ сикхами въ Пенджабъ; съ другой стороны, посылка европейскихъ солдатъ изъ Индіи въ Крымъ вызвала такое несоотвѣтствіе въ составѣ войска, что на

каждаго европейскаго солдата приходилось пять индійскихъ сипаевъ. Наконецъ самая важная часть—артиллерія—была предоставлена главнымъ образомъ туземнымъ солдатамъ.

Въ области, охваченной возстаніемъ, выдѣлились три центра: Дели, Кахнпуръ и Лакхнау (Lucknow). Въ теченіе лѣта 1857 г. въ столицѣ Моголовъ собралось постепенно 50.000 мятежныхъ сипаевъ, мечтавшихъ о томъ, чтобы изгнать британцевъ и возстановить прежній блескъ Индостана. Европейцы укрѣпились было въ Кахнпурѣ подъ начальствомъ генерала Уилера (Wheeler); но имъ недоставало рѣшительнаго руководителя, и, когда, послѣ девятнадцатидневной осады, Нана-Сахибъ обѣщалъ имъ свободный пропускъ, они ему повѣрили. Но 27 іюня, когда они достигли Ганга и собирались уже отправиться въ Аллахабадъ, 450 изъ нихъ были перестрѣляны въ лодкахъ (только четверо спаслось вплавь на другой берегъ), и около 150 женщинъ и дѣтей было схвачено и привезено обратно въ Кахнпуръ. Съ большимъ успѣхомъ держалась кучка европейцевъ въ 1000 человѣкъ въ Лакхнау подъ начальствомъ Генри Лоуренса (стр. 479), превратившаго старое резидентство въ маленькую крѣпость; даже послѣ того, какъ онъ палъ отъ пули 2 іюля, они продолжали подъ командой полковника Джона Инглиса героически держаться, несмотря на всѣ штурмы подавляющаго своей численностью противника. Оставшееся вѣрнымъ британцамъ войско собралось въ Аллахабадѣ подъ командой бригаднаго генерала Генри Гавелока; онъ повелъ ихъ сначала противъ Нана-Сахиба, котораго онъ преслѣдовалъ по пятамъ послѣ того, какъ тотъ 17 іюля оставилъ Кахнпуръ. 25 сентября англійскій полководецъ соединился, наконецъ, съ осажденными въ резиденствѣ въ Лакхнау европейцами; но такъ какъ онъ не имѣлъ достаточнаго количества войска, чтобы освободить ихъ, то онъ покуда остался съ ними въ крѣпости. 24 ноября онъ умеръ отъ дизентеріи въ Аламъ Багхѣ при Лакхнау, не успѣвъ узнать о своемъ производствѣ въ баронеты.

Въ Пенджабѣ сикхи не забыли ужасныхъ преслѣдованій моголовъ: они остались вѣрны своимъ новымъ британскимъ господамъ и дали возможность тамошнему главному дипломатическому агенту, I. Лоуренсу, отослать войска для усмиренія Дели. При ихъ приближеніи мятежники пали духомъ, и гарнизонъ царской резиденціи сократился скоро до 20,000 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе уступавшія въ числѣ британскія войска подъ начальствомъ полковника Арчдейля Уильсона, принявшаго на себя командованіе по смерти генералъ-лейтенанта сэра Генри Вилльяма Барнарда (22 іюля), въ теченіе шести дней вели отчаянную уличную борьбу, прежде чѣмъ взяли могольскую крѣпость (20 сентября 1857). Мухаммедъ-Бахадуръ-шахъ II былъ схваченъ со своими обоими сыновьями во время бѣгства; сыновья погибли отъ руки одного британскаго офицера, пристрѣлившаго ихъ, самъ же царь былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ пожизненному изгнанію въ Рангунъ, гдѣ онъ и умеръ 7 ноября 1862 г.

Судьба возстанія была рѣшена съ паденіемъ Дели. Въ началѣ октября въ Индію прибыли англійскія войска съ Капа и изъ Европы. Теперь для сэра Колина Кэмпбеля, произведеннаго въ главнокомандующіе (3 іюля 1858 г. лордъ Клейдъ) явилась возможность начать правильныя дѣйствія противъ Кахнпура (побѣда 6 декабря) и Ауда. Встрѣчая повсюду стойкое сопротивленіе (въ Аудѣ дѣло приняло оборотъ настоящей народной войны),—Кэмпбель пробился 21 марта 1858 г. до резидентства въ Лакхнау, откуда онъ еще раньше, между 17 и 22 ноября 1857 г., освободилъ храбро державшихся тамъ европейцевъ. Точно также были освобождены оставшіяся еще въ живыхъ въ Кахнпурѣ женщины и дѣти, и шагъ за шагомъ вновь покорены Дуабъ, Аудъ и Рохилькандъ, при чемъ сосѣдній Непалъ со своими гурка оказывалъ отличную помощь. Нана-Сахибъ спасся въ джангли, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, погибъ отъ лихорадки.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Вокзалъ Викторія Терминусъ въ Бомбеѣ.

Борьба на югѣ мятежной области была закончена присланными изъ Бомбея войсками подъ начальствомъ сэра Гега Розе. Изъ Джханси была изгнана отчаянно защищавшаяся вдова правителя; въ свою очередь она изгнала Синдіа, овладѣла почти недоступнымъ Гваліоромъ и здѣсь, во главѣ своей арміи, пала 18 іюня 1858 г. Еще въ теченіе нѣкотораго времени тутъ и тамъ вспыхивали искры изъ почти потухшаго очага возстанія; но въ общемъ къ концу 1858 г. кровавую борьбу и критическій періодъ англійскаго владычества въ Индіи можно было считать оконченными.

і) Присоединеніе Индіи къ Британской имперіи (1858).

Возстаніе сипаевъ было послѣдней судорогой умиравшей независимости индійскаго народа: тяжелыя потрясенія нарождали новую эпоху. 3 августа 1858 года королева Викторія скрѣпила своею подписью парламентское постановленіе, которое согласно актамъ 1833 и 1854 годовъ (стр. 473) закрывало остиндскую компанію и назначало ея преемникомъ Британское государство, передавая управленіе англійской коронѣ. Это случилось 1 сентября; лордъ (съ 1859 г. графъ) Кэннингъ въ качествѣ перваго вице-короля Индіи благотворно управлялъ ею до 1862 г. Страна скоро была умиротворена; отдѣльныя возстанія (въ 1863 г. въ Патнѣ) быстро подавлялись. Начавшаяся еще при генералъ-губернаторахъ Гардингѣ и Дальгаузи постройка желѣзныхъ дорогъ (ср. стр. 479) дѣятельно продолжалась (см. приложенную таблицу „Вокзалъ Викторія Терминусъ въ Бомбеѣ") и способствовала распространенію европейской культуры. Новые вице-короли [1] Индіи, объявленной парламентскимъ рѣшеніемъ отъ 29 апрѣля 1876 г. имперіей, посвятили себя отнынѣ — наряду съ охраной границъ — сложнымъ задачамъ внутренняго управленія (урегулированію финансовъ, налоговъ и пошлины, развитію судопроизводства, горному дѣлу, лѣсному хозяйству, заботѣ о больныхъ и борьбѣ съ голодомъ 1873 — 74, 1877 — 78 и конца 90-ыхъ годовъ). Закономъ 1858 г. заканчивается самостоятельная исторія Индіи, вошедшей отнынѣ въ составъ великой Британской міровой имперіи; все, что произошло здѣсь въ послѣдующее время, принадлежитъ уже исторіи Англіи (т. VI).

3. Цейлонъ.

А. Природа Цейлона.

а) Страна.

На исторію Остиндіи, насколько мы можемъ прослѣдить ее съ древнѣйшихъ временъ, имѣло сильное вліяніе положеніе ея на южной оконечности великаго материка. Чуждыя народности то и дѣло переходили ея пограничныя, на первый взглядъ столь неприступныя горы, и эти вторженія имѣли самое различное вліяніе на судьбы этой щедро одаренной природою страны. Не то было на Цейлонѣ: какъ южный передовой

[1] 1862—63 Джемсъ Брюсъ, графъ офъ Эльджинъ и Кинкардайнъ; 1863—68 Джонъ Лэирдъ Мэиръ баронъ Лоуренсъ; 1869 — 72 Ричардъ Саусуэль Боуркъ графъ Майо; 1872 — 76 Томасъ Джорджъ Бэрингъ баронъ Норсбрукъ; 1876 — 80 Эдвардъ Робертъ баронъ Бульверъ-Литтонъ; 1880—84 Джорджъ Фредерикъ Самуэль Робинсонъ маркизъ офъ Рипонъ; 1884—88 Фредерикъ Темпль Блэквудъ графъ офъ Дёфферинъ; 1888—94 Генри Чарльзъ Кейсъ Петти Фитцморисъ маркизъ офъ Лэнсдоунъ; 1894—98 Викторъ Александръ Брюсъ графъ офъ Эльджинъ и Кинкардайнъ, и съ 1899 г. Джорджъ Натаніель баронъ Кёрзонъ офъ Кидлстонъ.

оплотъ Индіи, онъ настолько удаленъ отъ остальной Азіи, что до него не достигали нашествія азіатскихъ племенъ. Все историческое движеніе исходило только отъ полуострова; отдѣленный отъ него узкимъ, подобно рѣкѣ, проливомъ, Цейлонъ и въ отношеніи всей своей природы является непосредственнымъ его продолженіемъ. Къ Декапу, круто ниспадающему въ своихъ восточныхъ и западныхъ Гатахъ, примыкаетъ на югѣ равнина Карнатика, на которой выдѣляются отдѣльныя значительныя плоскогорія (горы Сиварой, Пальни и т. д.) и безчисленными маленькими островками группы гранитныхъ и гнейсовыхъ скалъ. На югѣ, на Коромандельскомъ берегу, низменность едва замѣтной покатостью исчезаетъ въ морѣ, а по ту сторону узкаго Палкскаго пролива почва медленно поднимается надъ уровнемъ моря, образуя почти низменность на сѣверѣ Цейлона (коралловая поверхность), а въ широкой главной части острова принимая форму щита. Средина этого могучаго щита, горная страна Малая, увѣнчана центральными цейлонскими горами, самымъ южнымъ и самымъ величавымъ изъ отдѣльно стоящихъ массивовъ первозданныхъ породъ южной Индіи. Мелководный проливъ, къ тому же еще усѣянный на подобіе быковъ моста многими островами (Адамовъ мостъ), болѣе соединяетъ, чѣмъ раздѣляетъ островъ и материкъ, и природа обоихъ, благодаря этой связи, почти одна и та же. И тутъ, и тамъ скалистую основу почвы образуютъ одинаковыя первозданныя горныя породы; однѣ и тѣ же формы горъ и скалъ встрѣчаются по обѣ стороны Палкскаго пролива. Господствующіе вѣтры также одинаковы; лѣтомъ дожденосный югозападный муссонъ, приносящій обильное количество влаги крутому гористому западу, а зимой, напротивъ, сухой сѣверовосточный муссонъ, дующій на востокѣ.

Вслѣдствіе этого является тождество и въ мірѣ растительномъ: на западѣ обѣихъ странъ обиліе и неизсякаемое плодородіе; на востокѣ— растительность беднѣе, земля скупѣе въ своихъ дарахъ; народонаселеніе, какъ и на равнинахъ сѣверной части острова, можетъ достичь значительной густоты только тамъ, гдѣ трудъ человѣка собираетъ въ искусственные водоемы плодотворную влагу въ періодъ долгой засухи. Міръ животныхъ — одинъ и тотъ же какъ въ южной Индіи, такъ и на островѣ. Слоны, большіе тигры (только королевскій тигръ не переступалъ пролива), обезьяны, змѣи, термиты, піявки—и здѣсь и тамъ населяютъ лѣса; человѣкъ въ обѣихъ странахъ подвергается одинаковымъ эпидемическимъ заболѣваніямъ отъ однихъ и тѣхъ же микроорганизмовъ. Смерть и гибель несетъ человѣку холера и, въ особенности, малярія, свирѣпствующая всего болѣе по окраинамъ крутыхъ горъ и многихъ скалистыхъ массивовъ съ ихъ нагроможденными другъ на друга глыбами, а также въ джангляхъ и по теченію рѣкъ.

b) Коренное населеніе Цейлона.

Странно было бы, если бы сходство природы материка и острова не отразилось и на человѣческой расѣ, которая населяла этотъ послѣдній съ древнѣйшихъ временъ. Въ настоящее время тамъ обитаютъ двѣ главныя расы,— различныя, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ этнологическомъ отношеніи,—одна болѣе темная, другая,—сравнительно позднѣе явившаяся на островѣ,—болѣе свѣтлая. Въ первобытныя времена Индія, какъ и Цейлонъ, является родиной одной только расы, отличавшейся темной пигментаціей кожи, волнистыми волосами и маленькимъ или даже очень маленькимъ ростомъ. Геологическія данныя, такъ же какъ факты касательно географическаго распространенія животныхъ и растеній, говорятъ за то, что не въ столь отдаленныя времена материкъ и островъ составляли одно цѣлое. Но даже если предположить, что Палкскій проливъ существовалъ всегда въ такомъ видѣ, какъ и теперь,—то и въ этомъ случаѣ перебраться черезъ Адамовъ мостъ съ равнинъ южной Индіи на заманчивый островъ—не представляло бы

большихъ затрудненій даже для людей, стоящихъ на низкой степени культуры. Мы имѣемъ историческія свѣдѣнія о вторженіяхъ тамиловъ, имѣвшихъ мѣсто болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ, а обработка плантацій Цейлона еще и теперь привлекаетъ тысячами дравидовъ; но островъ былъ, несомнѣнно, населенъ племенами, весьма родственными дравидамъ въ этнологическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ, еще ранѣе исторически установленнаго вторженія. Упоминаемые въ преданіяхъ дикіе якка, обитавшіе въ лѣсахъ, являются, безъ сомнѣнія, предками современныхъ веддовъ; вѣроятно, первое вторженіе арійцевъ столкнулось на Цейлонѣ съ другими дравидскими племенами, которыя, занявъ мѣста, болѣе благопріятныя для жизни, достигли и болѣе высокой степени культуры. „Цейлонскіе тамилы", правда, нынѣшніе обитатели восточнаго и сѣвернаго береговъ острова, составляютъ большею частью потомство тѣхъ дравидовъ, которые наводнили сѣверъ острова во время своихъ безчисленныхъ военныхъ предпріятій.

B. Доисторическій періодъ Цейлона.

Рядомъ съ этой темнокожей, коренной индійско-цейлонской расой обитаетъ еще народъ — сингалезы, — совершенно непохожій на своихъ сосѣдей ни по культурѣ, ни по физическому строенію, и населяющій очень густо югозападную часть острова, щедро одаренную природой. По происхожденію они чужеземцы, тѣлосложеніе ихъ иное, иной языкъ, такъ же какъ и религія, нравы и обычаи. Гдѣ же родина этихъ пришельцевъ? Навѣрное не въ Южной Индіи, населенной въ тѣ времена чистокровными дравидами.

a) Вторженіе арійцевъ.

Географическое положеніе Цейлона дѣлаетъ вѣроятнымъ то предположеніе, что исходнымъ пунктомъ вторженія была сѣверная Индія. На югѣ острову вообще не противолежитъ никакой материкъ; на востокѣ и на западѣ материкъ очень удаленъ и отдѣляется отъ Цейлона широкимъ моремъ, переправа черезъ которое требуетъ уже высокой степени развитія искусства мореплаванія. Не то на сѣверо-западѣ и на сѣверо-востокѣ: извилистая линія побережья Индіи указываетъ сама собою путь къ Цейлону. Оставляя въ сторонѣ немногихъ малайцевъ, перевезенныхъ на островъ за послѣднія столѣтія, мы не найдемъ ни слѣда индонезійской или малайской крови и ничего, напоминающаго африканскія расы; напротивъ того, слѣдуя вышеуказаннымъ морскимъ путемъ вдоль побережій, мы найдемъ ближайшихъ родственниковъ сингалезовъ среди арійцевъ, перешедшихъ окрайныя цѣпи горъ Индіи за два или за три тысячелѣтія до начала христіанской эры, а также среди происходящихъ отъ нихъ смѣшанныхъ племенъ, населяющихъ сѣверо-индійскую низменность; они схожи между собою строеніемъ тѣла, языкомъ, обычаями и соціальнымъ устройствомъ. По этимъ признакамъ мы можемъ даже указать приблизительно время ихъ появленія на островѣ, а также и путь, которымъ они пришли.

Высшей кастой между сингалезами почитались всегда гоиванса, или хандуруво, что значитъ благороднорожденные; касты брахмановъ у нихъ никогда не существовало. Тамъ, гдѣ о нихъ упоминается,—въ хроникахъ, или историческихъ записяхъ, — мы или имѣемъ дѣло съ вымысломъ составителя хроники, или же рѣчь идетъ о чужеземцахъ-брахманахъ, какъ, напр., въ разсказѣ о введеніи буддизма на Цейлонѣ; но никогда каста брахмановъ не является въ дѣйствительности составной частью сингалезскаго общества. Поэтому выдѣленіе сингалезской вѣтви арійско-индійской группы слѣдуетъ отнести къ тому періоду, когда брахманы еще не успѣли захватить въ свои руки господства надъ организаціей общества, надъ нравами и законами, чувствами, образомъ мыслей и дѣй-

ствій народа, т. е. это событіе должно было предшествовать образованію болѣе крупныхъ государствъ по среднему теченію Ганга (стр. 366). Итакъ выселеніе сингалезовъ изъ Индіи не могло произойти ни съ востока, съ устьевъ Ганга, ни изъ Ориссы: туда проникли арійцы уже послѣ основанія брахманскаго могущества, а дельта Ганга еще въ нашемъ тысячелѣтіи считалась опасной болотистой страной и избѣгалась переселенцами. Гораздо ранѣе арійцы проникли къ морю на западѣ, отъ Пенджаба внизъ по Инду вплоть до его устья, а позднѣе вдоль горъ Аравалли до Гуджерата (стр. 366). Самъ Индъ не могъ имѣть большого значенія въ качествѣ торговаго пути, также какъ его устье — въ роли складочнаго пункта для заокеанской торговли: теченіе его слишкомъ бурно, дельта мелка и измѣнчива, а берега моря недостаточно защищены отъ бурь. Напротивъ, Камбейскій заливъ представляетъ превосходный исходный пунктъ для заморскихъ сношеній: онъ далеко врѣзывается въ материкъ, хорошо защищенъ и за нимъ лежитъ богатая страна. Съ того момента, какъ арійцы проникли до моря, онъ сдѣлался самой важной гаванью Индіи и оставался таковой какъ въ дни расцвѣта великихъ арійскихъ государствъ по Гангу, такъ и въ эпоху мусульманскаго владычества.

b) Источники по исторіи Цейлона.

Рядъ выводовъ, изъ которыхъ, какъ наиболѣе вѣроятное и даже единственно возможное, вытекаетъ предположеніе, что арійское вторженіе могло имѣть мѣсто только черезъ Камбейскій заливъ, — находитъ поддержку въ преданіяхъ. Въ памяти жителей Цейлона историческіе факты за періодъ болѣе чѣмъ двухъ тысячелѣтій сохранились яснѣе, чѣмъ на материкѣ и до нѣкоторой степени тверже и надежнѣе. Конечно, героическая эпопея Рамаяна, сингалезская передѣлка въ сокращенномъ видѣ великаго творенія Вальмики (стр. 364), прославляющая миѳическаго покорителя Цейлона, — есть не болѣе какъ поэтическое произведеніе. Нельзя назвать историческимъ документомъ разсказъ о походахъ Рамы, о похищеніи его вѣрной жены Ситы, о его союзѣ съ обезьянами (чернокожимъ населеніемъ южнаго Декана), о его врагахъ ракшаса, объ устроенномъ имъ мостѣ черезъ морской проливъ, о его чудесныхъ военныхъ подвигахъ и, наконецъ, о возвращеніи въ Индію. Рама — это зерцало добродѣтели въ брахманскомъ духѣ; его вымышленные подвиги не болѣе, какъ канва, по которой художникъ строитъ свой идеалъ брахманскаго царскаго сына.

Имѣются, однако, на лицо и болѣе достовѣрные историческіе источники. Царство, существовавшее болѣе, чѣмъ 2000 лѣтъ, такъ же какъ и буддизмъ, находившійся подъ его охраной, казался болѣе благопріятнымъ для музы исторіи, чѣмъ политическіе и религіозные перевороты, нарушавшіе спокойное развитіе Индіи. Въ монастырскихъ библіотекахъ по преимуществу сохранялось все, имѣвшее отношеніе къ ордену и къ его защитникамъ-царямъ; накоплявшіяся записи время отъ времени соединялись въ сборники. Такъ въ древнѣйшемъ изъ монастырей Цейлона Махавира („великій монастырь") въ Анурадхапурѣ сохранилась хроника „Махаванша", повѣствующая о введеніи буддизма и разсказывающая исторію „великаго рода" 174 царей. Двѣ книги на языкѣ пали - Дипованша („исторія острова") и вышеназванная Махаванша, написанная на 150 лѣтъ позднѣе, представляютъ двѣ переработки, мало отклоняющіяся отъ оригинала; и та, и другая обрываются смертью Дхатусены (479 по Р. Х.). Къ Махаваншѣ, однако, присоединялись впослѣдствіи приложенія, продолжившія хронику до разрушенія сингалезскаго царства и до захвата острова англичанами (1816). Эти произведенія, такъ же какъ и другія подобныя имъ, долго покоились въ монастырскихъ библіотекахъ, пока, наконецъ, въ 1836 г. Георгъ Турнуръ далъ вѣрный переводъ первой части Махаванши и тѣмъ

пролилъ яркій свѣтъ на древнѣйшую исторію буддизма. Другія хроники (Раджавали, Раджа Ратначари и проч.) носятъ въ своихъ уклоненіяхъ отъ главнаго источника указаніе на различныя точки зрѣнія монастырей, въ которыхъ онѣ были написаны: событія въ нихъ изложены кратче, менѣе точно и онѣ переведены не вполнѣ удовлетворительно. Третій рядъ источниковъ, какъ то: Пуджавали, Никаясанграха и проч., таится еще въ хранилищахъ буддійскихъ монастырей.

c) Сказаніе о заселеніи Цейлона.

Всѣ эти хроники являются исторически точными только со времени введенія буддизма на островѣ, т. е. со временъ Ашоки. Все, что говорится о предшествующихъ событіяхъ на Цейлонѣ есть по большей части не болѣе, какъ вымыселъ буддистовъ, руководимыхъ желаніемъ возвеличить священныя мѣста острова разсказами о мнимомъ пребываніи на нихъ Будды или его двадцати трехъ предшественниковъ. Но, помимо этихъ выдумокъ, хроники въ своихъ легендарныхъ отдѣлахъ даютъ намъ разсказы о свѣтскихъ дѣлахъ, имѣющихъ для насъ несравненно болѣе важное значеніе. Все, что сохранялось въ памяти народа изъ его древнѣйшей исторіи и передавалось въ теченіе столѣтій изъ устъ въ уста, очень часто въ прикрашенныхъ и невѣрныхъ разсказахъ, воплощавшихъ работу цѣлыхъ вѣковъ въ одной личности, но оставшихся вѣрными въ главныхъ своихъ чертахъ,—все это мы находимъ записаннымъ въ хроникахъ. Даже первая фигура, появляющаяся въ сингалезской исторіи, находитъ свое фактическое подтвержденіе въ этно-историческихъ условіяхъ. Виджая („Побѣда“) привелъ на островъ чужеземное культурное племя, слѣды котораго мы находимъ еще до владычества брахмановъ у арійцевъ, проникшихъ до моря.

α) Виджая.

Въ странѣ Лâла (Гуджератъ)—такъ повѣствуетъ легенда въ 7-ой главѣ Махаванши—левъ напалъ на караванъ, въ которомъ находилась дочь царя Ванга и принцессы калинговъ; левъ утащилъ царскую дочь въ свою пещеру и отъ ихъ союза родился сынъ Сихабаху и дочь Сихасивали. Мать и дѣти убѣжали изъ подъ стражи льва; сынъ льва выросъ, убилъ своего отца и сдѣлался наслѣдникомъ дѣда съ материнской стороны—царя Ванга; впослѣдствіи, однако, онъ возвратился на родину, Лалу, и основалъ города и деревни въ пустынѣ, въ мѣстахъ, оказавшихся пригодными для орошенія. Когда его старшій сынъ, Виджая, выросъ, то былъ назначенъ помощникомъ царя; но онъ явился „врагомъ закона“ и его приближенные стали совершать безчисленныя вѣроломства и насилія. Ожесточенный народъ пожаловался, наконецъ, царю. Царь, хотя и сложилъ главную вину на товарищей царевича, но и сына своего онъ подвергъ строгому порицанію. Та же самая исторія повторилась и во второй разъ; когда же въ третій разъ народъ сталъ кричать: „накажи твоего сына смертью!“ — царь велѣлъ обрить половину головы Виджаѣ и его семи стамъ приверженцамъ, посадить ихъ на корабль и отвезти въ открытое море. Сначала Виджая высадился въ гавани Суппарака въ Джамбудипѣ (Индія); опасаясь, однако, враждебнаго настроенія туземцевъ, возникшаго вслѣдствіе преступныхъ дѣйствій его окружающихъ, — онъ опять отплылъ въ море. „Царевичъ, по имени Виджая, умудренный опытомъ, высадился въ области Тамбапанни, въ странѣ Ланка (Цейлонъ). Такъ какъ царь Сихабаху убилъ нѣкогда льва (на языкѣ пали: сиха; санскр.: синха), то его сыновья и потомки стали называться Сихала (сингалезы), т. е. убійцы льва, а островъ Ланка, завоеванный однимъ изъ Сихала, а также и заселенный однимъ изъ Сихала, — сталъ называться Сихала [дипа]“ (= львиный островъ; по

санскр.: синхала (двипа); англичане произносятъ его имя Сейлэнъ; по нѣмецки—Цейлонъ).

Историческое ядро этой легенды приводитъ насъ къ исходной точкѣ сингалезскаго заселенія, къ странѣ Лала, имя которой сохранилось еще въ грегческомъ Ларикѣ (или Сурахтренѣ), современномъ Гуджератѣ: левъ пустыни, жившій въ странѣ съ самаго начала, нападавшій на сосѣдей и разорявшій ихъ, означаетъ древнѣйшее появленіе арійцевъ на берегахъ Камбейскаго залива, такъ какъ прозвище „Левъ" было любимѣйшимъ и очень употребительнымъ между воинственными арійцами и предводителями, и именно въ Гуджератѣ удержалась до позднѣйшихъ временъ славная династія „Львовъ" (стр.). Въ то время арійскіе завоеватели еще не были подчинены строгимъ кастовымъ законамъ брахмановъ и имъ нечего было задумываться надъ вступленіемъ въ бракъ съ туземными женщинами (царевна калинговъ) [1]. Собственно переселеніе на Цейлонъ относится къ нѣсколько позднѣйшему періоду. Цари-Львы превратили пустыню въ населенную страну со множествомъ городовъ и селеній. Но вотъ начались волненія. Съ точки зрѣнія буддистовъ, до которыхъ индійскія событія дошли въ передачѣ брахмановъ и которые вслѣдствіе этого признаютъ за преступленіе лишь возмущеніе противъ ихъ соціальныхъ постановленій,—нечестіе Виджаи и его приверженцевъ означаетъ не что иное, какъ сопротивленіе притязаніямъ брахмановъ. Властители стремятся умиротворить мятежниковъ, но свободный духъ воинственныхъ арійцевъ снова и снова возмущается противъ опеки брахмановъ, пока, наконецъ, побѣжденные арійцы не садятся на корабль и не отправляются отыскивать новую страну, гдѣ бы не стѣснялась свобода духа. Отброшенные съ Малабарскаго берега, куда, повидимому, еще ранѣе проникли брахманскія вѣянія (стр. 382), — они, наконецъ, находятъ на сѣверовосточномъ берегу Цейлона то, чего искали: страну доступную культурѣ, куда не проникли еще брахманы.

Виджая со своими спутниками высадился приблизительно около 543 г. до Р. Х. на Тамбапанни (по санскритскому названію рѣки Тамранарни стр. 380, Тапробане грековъ). Преданіе украшаетъ его дальнѣйшую судьбу чертами, очевидно взятыми изъ Одиссеи (торговыя сношенія древнеевропейскихъ культурныхъ странъ съ островомъ Корицы). Чужестранцы попадаютъ въ руки волшебницы Кувени; она ихъ держитъ въ одномъ подземномъ мѣстѣ; затѣмъ, какъ и у Гомера, Виджая возвращаетъ имъ свободу съ помощью благодѣтельнаго божества (здѣсь Вишну), женится на царевнѣ-волшебницѣ и при ея помощи овладѣваетъ страной, послѣ чего покидаетъ ее и вступаетъ въ бракъ съ дочерью могущественнаго сосѣдняго Мадурскаго царя Панду; вслѣдъ за нимъ и его приближенные берутъ себѣ женъ изъ знатныхъ семействъ царства Панду.

β) Преемники Виджаи.

Послѣ смерти Виджаи, не оставившаго потомства, наступило короткое междуцарствіе („страна Ланка цѣлый годъ оставалась безъ царя"); затѣмъ явилось новое вторженіе арійцевъ изъ Лала, и племянникъ Виджаи, Пандувасудева, захватилъ престолъ сингалезскаго царства. Но уже послѣ смерти сына его Абхая преемственность престолонаслѣдія была нарушена и споры изъ за трона продолжались въ теченіе 17 лѣтъ. Наконецъ, замѣчательнѣйшій изъ этихъ легендарныхъ государей, Пандукабхая, побѣдилъ и умертвилъ своихъ дядей и вступилъ на престолъ. При немъ царство сингалезовъ достигло величайшаго могущества: чуждыя по крови племена, населявшія островъ, примирились между собой („царь удовлетворилъ же-

[1] Стр. 472.

ланія якка") и всѣ вмѣстѣ мирно зажили въ столицѣ Анурадхапура. Столица эта была основана еще первыми переселенцами; но только теперь она пріобрѣла большое значеніе: прежній стоячій прудъ превратился въ большое озеро, воздвиглись дворцы и храмы для послѣдователей различныхъ сектъ и религій; по словамъ хроникера, столица стала „чудной и благоустроенной". Старшій дядя царя, Абхая, бывшій прежде государемъ, былъ назначенъ начальникомъ города. Представителями каждыхъ двухъ изъ четырехъ кварталовъ города сдѣланы были два якка и еще одинъ якка былъ назначенъ хранителемъ южныхъ воротъ столицы. Племена, надъ которыми тяготѣло презрѣніе, какъ, напр., чандала, были поселены въ предмѣстьѣ города и на нихъ была возложена обязанность содержать въ чистотѣ городъ, погребать умершихъ и исполнять должность ночныхъ сторожей. Внѣ города были отведены также мѣста для кладбищъ и площади для пытокъ и казней. Царскіе егеря (ведда, еще и донынѣ боязливо сторонящіеся отъ другихъ жителей) получили для житья особую улицу. Царь любилъ благотворительность: для больныхъ воздвигались госпитали; къ религіознымъ сектамъ онъ относился благосклонно: отводилъ имъ помѣщеніе, строилъ для нихъ дома и воздвигалъ храмы.

Эти легендарные сингалезскіе государи не должны быть никоимъ образомъ принимаемы за историческія личности. Личность Виджаи такъ же мало выяснена, какъ личность основателя Рима, и существованіе Пандукабхая такъ же мало доказано, какъ и существованіе законодателя Нумы. Черты выдающихся вожаковъ могли воплотиться въ образахъ легендарныхъ царей, — но въ общемъ обозначаютъ лишь ступени культурнаго развитія. Въ Виджаѣ олицетворенъ первый наплывъ арійцевъ, въ Пандувасудевѣ—позднѣйшія ихъ вторженія, въ Абхаѣ, его преемникѣ,—борьба царей за власть, въ Пандукабхаѣ—рѣшительная побѣда единовластія и начало благоустройства, примиреніе пришлыхъ элементовъ съ туземными, поднятіе общественнаго благосостоянія и расцвѣтъ государства. Въ общемъ развитіе арійства на Цейлонѣ шло рука объ руку съ его преуспѣяніемъ въ странѣ Ганга; побѣда надъ кореннымъ населеніемъ и его покореніе, захватъ страны, междоусобія государей и, наконецъ, образованіе независимыхъ большихъ государствъ, которыя быстро достигаютъ высокой степени культуры, благодаря богатымъ дарамъ природы, которыя она разсыпала сама по себѣ или уступая труду человѣка,—а также благодаря мирному подчиненію побѣжденныхъ общему государственному порядку. Въ одномъ только ходъ развитія арійцевъ острова уклонился отъ пути ихъ собратьевъ на материкѣ: никогда брахманы не могли получить у нихъ такой громадной власти надъ умами обитателей.

γ) Хронологія эпическихъ временъ.

Хронологія эпическихъ временъ не мало страдаетъ отъ того, что все образованіе сингалезскаго царства сводится къ жизни лишь немногихъ личностей. Хронологическія данныя въ сингалезскихъ хроникахъ становятся нѣсколько точнѣе только со времени введенія буддійскаго ученія. Если придерживаться указаній этихъ хроникъ относительно періода царствованія отдѣльныхъ государей, то высадка Виджаи имѣла мѣсто въ 543 году до Р. Х., прибытіе Пандувасудевы въ 504, время царствованія Пандукабхаи между 437 и 367 до Р. Х., а 60 лѣтъ послѣ его смерти тронъ занимаетъ его внукъ Деванампія Тисса, который дружественно отнесся къ первымъ буддійскимъ миссіонерамъ на Цейлонѣ.

По этимъ даннымъ все развитіе государства совершилось въ періодъ какихъ нибудь 236 лѣтъ. Разумѣется, такая культурная работа потребовала гораздо больше времени. Первые арійскіе завоевательные походы должны были совпасть приблизительно съ заселеніемъ Гуджерата и борьбою между

духовной и свѣтской властью на сѣверѣ Индіи; такимъ образомъ всѣ эти данныя приводятъ насъ къ серединѣ второго тысячелѣтія дохристіанской эры.

C. Древняя исторія Цейлона.
(отъ 300 г. до Р. Х. до 1500 по Р. Х.)

Лѣтъ за 300 до Р. Х. древняя исторія Цейлона принимаетъ болѣе опредѣленныя формы. Въ ней господствуютъ главнымъ образомъ три вліянія—вліяніе буддизма, внутреннихъ распрей изъ за престолонаслѣдія и внѣшней борьбы съ дравидами материка.

a) Буддизмъ на Цейлонѣ,

Первой реальной фигурой сингалезской исторіи является Деванампія Тисса („Услада боговъ"), современникъ Ашоки. Время его жизни не совсѣмъ точно указывается въ сингалезскихъ хроникахъ: насколько о немъ говорится подробно — настолько же скудны свѣдѣнія о его трехъ преемникахъ, о которыхъ сообщается только, что они царствовали каждый по 10 лѣтъ и строили монастыри и что они были младшими братьями тиссы. Царь Ашела (по хроникѣ сынъ царя Муташивы, умершаго за 100 лѣтъ передъ тѣмъ!), нарушившій престолонаслѣдіе во время перваго вторженія тамиловъ, также царствовалъ 10 лѣтъ. Данныя эти относительно времени царствованія, очевидно, совершенно произвольны. Величайшее событіе въ исторіи Цейлона—введеніе буддизма при Тиссѣ должно быть, по этой причинѣ, отнесено къ болѣе позднему періоду, чѣмъ тотъ, на который указываютъ хроники: по ихъ даннымъ Тисса принялъ новое ученіе вскорѣ по вступленіи на престолъ въ 307 году; въ дѣйствительности же онъ вступилъ на престолъ за 251 годъ до Р. Х., по тѣмъ же хроникамъ смерть его послѣдовала за 267 лѣтъ до Р. Х., между тѣмъ какъ посылка Ашокою буддійскихъ монаховъ на Цейлонъ имѣла мѣсто лишь около 250 г. до Р. Х.

Разумѣется, государь, столь радушно принявшій монаховъ, обрисованъ ими въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Тисса поставленъ на одну ступень святости съ Ашокой, который расширилъ свое царство отъ Афганистана почти до предѣловъ нынѣшняго Майсура (стр. 400), и легенда готова искать причину ихъ „дружбы" въ прежнемъ существованіи ихъ, когда оба царя были братьями. Но несмотря на все прикрашиваніе, является вѣроятнымъ, что цейлонскій властитель находился въ нѣкоторой зависимости отъ Ашоки. Хотя въ своей XIII надписи на скалѣ послѣдній хвалится тѣмъ, что расширилъ Дхамму (стр. 391) „до Танбапанни", но Тисса, послѣ того какъ съ великой торжественностью вступилъ на престолъ въ 251 г. до Р. Х., велѣлъ короновать себя еще разъ посланнымъ Ашокою и привезшимъ богатые дары, предназначенные для торжества коронованія. Слѣдуетъ отчасти отнести къ сознанію этой зависимости также и необычайное радушіе, съ которымъ были приняты проповѣдники новой религіи. Мѣсяцъ спустя послѣ своего вторичнаго коронованія Тисса дружелюбно принялъ пріѣхавшаго къ нему съ шестью миссіонерами Махинду, сына Ашоки отъ неравнаго брака его съ купеческой дочерью Деви изъ Ведиса. Первыми дарами, переданными съ величайшей торжественностью, явились великолѣпныя земли (чудный паркъ Магамега въ столицѣ и гора Четья), на которыхъ монахи выстроили свои обители. Царь и 6,000 его подданныхъ приняли новое ученіе, которое давно уже оставило свою первоначальную простоту и въ которомъ широко развилось почитаніе реликвій. Такъ была отряжена тотчасъ же особая депутація для перенесенія съ родины основателя религіи двухъ величайшихъ святынь: ключицы „Познавшаго" и вѣтви священнаго дерева Бо (стр. 386). Еще и понынѣ куполообразныя хранилища святынь,

История человѣчества. II.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Древне-буддійскій храмъ и дагоба Руванвели въ Анурадхапурѣ.

(По Henry W. Cave'у: „The ruined cities of Ceylon".)

Объясненіе къ изображеннымъ на оборотѣ буддійскимъ храмамъ вблизи Анурадхапуры на Цейлонѣ.

Вверху: **Храмъ Изурумунія.** Основанный, какъ полагаютъ, королемъ Тиссой (около 300 г. до Р. Х.) у живописнаго, окаймленнаго лотосами, но населеннаго крокодилами пруда, этотъ храмъ, высѣченный въ скалѣ, покрытой горельефами, замѣчателенъ фантастическими фресками и барельефами, которыми украшены его террассы; особенно поражаютъ головы четырехъ слоновъ въ углу пруда, надъ которыми видна фигура въ сидячемъ положеніи, держащая лошадь.

Внизу: **Дагоба Руванвели,** или **Дагоба Золотой пыли.** Во второй половинѣ второго столѣтія до Р. Х. буддійская архитектура достигла новаго расцвѣта при сингалезскомъ королѣ Дуттхагамани. Дагоба, изображенная на оборотѣ, имѣетъ въ высоту почти 300 футовъ; въ настоящее время она вся заросла деревьями и кустарникомъ, но состоитъ изъ массивныхъ стѣнъ. На переднемъ планѣ развалины сторожевого дома, въ которыхъ еще хорошо можно различить первоначальную постройку, состоявшую изъ шести расположенныхъ параллельными рядами колоннъ; замѣчательны стилизированныя изваянія львовъ, налѣво отъ входа. Дагоба окружена валомъ, почти въ 100 футовъ шириною, довольно удобнымъ для процессій, въ которыхъ участвовало большое число слоновъ. Надъ этимъ валомъ возвышается другая платформа (шириною около 500 фут.), поддерживаемая 400 каменными слонами въ 9 футовъ высоты, у которыхъ видны были только голова, передняя часть тѣла и двѣ ноги. На этомъ фундаментѣ была возведена уже собственно дагоба; высота ея равняется 270 футамъ.

(По Henry W. Cave'у, „The ruined cities of Ceylon“, London, 1897.)

тхупы (ступы) или дагобы (Дхатугарбхи), встрѣчаются тысячами на островѣ,— иныя громадныхъ размѣровъ и придаютъ характерную черту его ландшафту (см. приложенную таблицу: „Древне-буддійскій храмъ и дагоба Руванвели въ Анурадхапурѣ"). Съ первыми святынями явился и орденъ монахинь Сангхамитта, въ который также устремилось множество послѣдовательницъ.

Принятіе буддизма имѣло великое значеніе для всего развитія сингалезскаго народа: предки переселились на островъ, чтобы избѣжать ига брахмановъ,—потомки сами водворили у себя буддизмъ. Только тяжелой борьбою достигли брахманы своего высокаго положенія въ Индіи; буддійскіе же монахи получили власть какъ даръ изъ рукъ сингалезскихъ властителей, которые съ этихъ поръ вмѣстѣ со своими подданными становятся подъ ихъ знамя. Хотя орденъ и принималъ земли для основанія монастырей, для лѣтняго пребыванія и для постройки священнохранилищъ, но во всемъ остальномъ онъ продолжалъ слѣдовать заповѣди нищенства, на которое Будда обрекъ своихъ „бикку" „нищихъ" (стр. 393): монахи получали все необходимое для своихъ потребностей только посредствомъ милостыни. Но уже 100 лѣтъ спустя основная заповѣдь эта была нарушена сначала царемъ Дуттха Гамани, котораго высоко чтили за его заслуги въ отношеніи ордена, и затѣмъ его внукомъ Ваттха: монахи получили обширныя помѣстья для своего содержанія. Преемники ихъ также передавали монахамъ лучшія поля, каналы, пруды, цѣлыя населенныя деревни. Съ теченіемъ времени въ качествѣ мертваго капитала скопилась въ ихъ рукахъ лучшая, если не большая, часть всей культурной или годной къ обработкѣ земли.

Вслѣдствіе этого народъ бѣднѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ. Народонаселеніе возрастало соотвѣтственно съ увеличеніемъ, благодаря орошенію, количества культурной земли, но всѣ доходы съ нея шли по большей части въ пользу праздныхъ монаховъ. Жители многихъ деревень сдѣлались монастырскими крѣпостными; остальные же не могли благоденствовать, обремененные, съ одной стороны, податями государю, а съ другой—подаяніями въ горшочки желторясниковъ (стр. 393). Значительная часть подраставшей молодежи исчезала и погибала въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ; другіе подъ гнетомъ религіи, признававшей всякую дѣятельность камнемъ преткновенія къ достиженію истиннаго блаженства, впадали въ нравственное отупѣніе и лишались стремленія къ свободѣ и чувства собственнаго достоинства.

Благочестивый царь, насадившій буддизмъ на островѣ, такъ же какъ и нѣкоторые его преемники, съ удовольствіемъ могли взирать на богатства острова, на приростъ его населенія, на развитіе земледѣлія и на покорную религіозность подданныхъ. Не только въ восторженныхъ описаніяхъ сингалезскихъ историковъ и китайскихъ пилигримовъ находимъ мы свидѣтельства о великолѣпіи столицъ,—о немъ еще громче говорятъ развалины дворцовъ и храмовъ, скрытыя на пространствѣ цѣлыхъ миль въ разросшихся первобытныхъ лѣсахъ; объ обширности культивированныхъ земель, о густотѣ населенія гласятъ громадные, нынѣ высохшіе, пруды, по величинѣ равные озерамъ, а о рабскомъ подчиненіи народа громко свидѣтельствуютъ подобныя горамъ священнохранилища и безчисленныя, на цѣлыя мили растянутыя водныя сооруженія, которыя могли возникнуть лишь при крѣпостномъ трудѣ цѣлыхъ деревень и округовъ. Но въ этомъ призрачномъ величіи таилась слабость царственной власти, ибо царь господствовалъ надъ народомъ, состоявшимъ изъ разслабленныхъ рабовъ. Только въ горахъ сохранились остатки прежней народной мощи: тамъ попадается, правда, мало развалинъ монастырей, но народъ, жившій тамъ, отличался храбростью. Когда приливъ тамиловъ наводнялъ „царскую страну" великой сѣверной равнины и изгонялъ царя изъ его столицы,— его волны разбивались о горный оплотъ.

Почти всѣ государи были, согласно буддійскому изображенію, добрыми властителями, но въ этомъ случаѣ похвала соразмѣрна лишь величинѣ даровъ, которые они расточали ордену. Какъ Махаванша въ одно и то же время называетъ Ашоку, великаго друга ордена, мудрѣйшимъ и лучшимъ изъ государей и разсказываетъ, какъ онъ убилъ 99 своихъ братьевъ, чтобы царствовать одному въ Джамбудипѣ (Индіи); такъ и впослѣдствіи братоубійцы и цареубійцы причисляются къ „людямъ, посвятившимъ себя всецѣло дѣламъ любви и милосердія“, или же разсказывается, что по смерти они „вступили въ общеніе съ царемъ боговъ“, разумѣется, если только во время земного царствованія они являлись щедрыми благодѣтелями относительно ордена. Нѣкоторыя мѣста Махаванши въ этомъ отношеніи чрезвычайно живо напоминаютъ отрывки хроники Григорія Турскаго. Буддизмъ не дѣлалъ ничего для воспрепятствованія убійства царей родственниками или честолюбивыми министрами; такимъ образомъ, точно чумой, истреблено немало царей, и странѣ пришлось переживать тяжелыя смуты. Личности, которыя твердой рукой умѣли держать бразды правленія и ограждать страну отъ нападенія дравидовъ, рѣдки среди царей, большинство было слабовольнымъ орудіемъ въ рукахъ монаховъ. Многіе изъ нихъ дѣлали добро народу въ духѣ ученія буддистовъ. Они заботились о расширеніи культурныхъ земель, о насажденіи плодовыхъ деревьевъ, хлопотали объ основаніи больницъ (нѣкоторые государи считались знаменитыми врачами); они покровительствовали искусствамъ и наукѣ, драмѣ и балету (нѣкоторые государи были замѣчательными поэтами, учеными и художниками). Но о дѣйствительномъ поднятіи благосостоянія народа, объ его воспитаніи, о созданіи въ его средѣ людей мыслящихъ, съ сильной волей,—обо всемъ этомъ цари заботились такъ же мало, какъ и монахи.

Число членовъ ордена возрастало съ необычайной быстротой, возрастало также его богатство и вліяніе. Въ то же время и съ такой же быстротой онъ отдалялся отъ первоначальной чистоты ученія и жизни. Самъ Будда не оставилъ письменнаго изложенія своего ученія; уже вскорѣ послѣ его смерти начались разногласія относительно того, чего именно желалъ „Познавшій“. Такимъ образомъ уже съ самаго начала буддійская церковь страдала наклонностью къ сектантству, а воззрѣніе, признававшее всякое мышленіе и дѣйствіе за страданіе, вело къ пустому формализму и поклоненію внѣшней обрядности. Религіозная нетерпимость выродилась въ ненависть и смертельную вражду, а жажда къ богатству вызвала алчность и недоброжелательность. Такимъ образомъ исторія ордена наполнена тяжкими раздорами. Со времени царствованія Ваттха Гамани братства монастырей Махавихара и Абхаягири (ср. стр. 495) были исполнены взаимной зависти и злобы; расколъ усиливался сообразно съ подношеніями, которыя царь дѣлалъ той или другой сторонѣ; когда царь становился на чью-либо сторону, возникала кровавая распря. Иногда энергичнымъ государямъ удавалось добиться нѣкотораго примиренія враждующихъ сторонъ, но вскорѣ старая ненависть прорывалась яркимъ пламенемъ, нанося сильный ущербъ значенію церкви. Недостатку внутренняго содержанія въ ученіи соотвѣтствовали и развращенность нравовъ среди монаховъ. Махаванша жалуется, „что монахи доказывали чистоту своей жизни въ подаренныхъ имъ деревняхъ лишь тѣмъ, что развращали женщинъ и плодили дѣтей“. Народъ давно пересталъ уважать орденъ и дѣлался къ нему все равнодушнѣе, поэтому во время тяжкихъ и долгихъ войнъ съ тамилами орденъ оскудѣлъ до того, что съ 1065 года по Р. Х. не разъ случалось, что на цѣломъ островѣ нельзя было найти четырехъ орденскихъ монаховъ, которые могли бы составить, согласно церковному уставу, правильную монастырскую общину, которая бы имѣла право принимать къ себѣ новыхъ членовъ: приходилось выписывать монаховъ изъ Бирмы или Индіи.

b) Первыя исторически-подтвержденныя вторженія тамиловъ.

Рядъ преемниковъ Деванампія Тиссы даетъ намъ образы болѣе осязаемые, но зато и менѣе привлекательные, чѣмъ являющіеся въ туманномъ освѣщеніи образы его предшественниковъ. Послѣ трехъ царей, все еще довольно туманно представленныхъ въ хроникахъ, за 237 л. до Р. Х., какъ повѣствуетъ Махаванша, тамилы ворвались въ страну; ими предводительствовали два молодыхъ государя, которые вели за собой множество кораблей и сильную конницу; они умертвили царя Сура Тиссу и царствовали по сказаніямъ буддійскихъ хроникъ въ теченіе 20 лѣтъ справедливо и милостиво. Затѣмъ Ашела (стр. 492) побѣдилъ и умертвилъ ихъ. Но по истеченіи обычныхъ 10 лѣтъ съ сѣвера ворвался въ 205 г. до Р. Х. тамилъ Элара, изъ „знаменитаго рода Уджу“; убивъ царя, онъ царствовалъ на островѣ 44 года, одинаково безпристрастный какъ къ друзьямъ, такъ и къ врагамъ. Одна только гористая область Рохана, лежащая на самой южной окраинѣ острова, не подчинилась иноземному игу; ея властитель, потомокъ „великаго рода“, Дуттха Гамани, прогоняетъ снова тамиловъ: крѣпости тамиловъ, одна за другой, попадаютъ въ его руки. Наконецъ въ 161 г. онъ въ единоборствѣ убиваетъ въ битвѣ при Анурадхапурѣ царя тамиловъ Клара и вскорѣ затѣмъ также племянника его Бхаллука, который явился слишкомъ поздно со свѣжимъ войскомъ изъ Малабара. Это событіе передано въ Махаваншѣ вдохновенными строками: недаромъ монахи прославляли благочестиваго и щедраго побѣдителя тамиловъ, — многочисленны основанныя имъ обители! Тысячеколонный дворецъ Лохапасада, дагобы Марикаватти и Руванвели (см. нижн. половину табл. при стр. 493) остаются вѣчными памятниками Дуттха Гамани.

Внукъ Дуттха Гамани, Ладжи Тисса, убилъ въ 119 году своего дядю Саддха Тиссу, чтобы самому завладѣть престоломъ; его младшій братъ и преемникъ, Кхаллата Нага, былъ убитъ въ 109 г. до Р. Х. своимъ министромъ Махараттака. Едва только младшій внукъ Дуттха Гамани, Ваттха Гамани Абхая успѣлъ отомстить эа это преступленіе, какъ, привлеченные дворцовыми распрями, въ страну вторглись опять тамилы подъ предводительствомъ семи военачальниковъ (въ 103 г. до Р. Х.); юный царь принужденъ былъ бѣжать въ горы и искать тамъ защиты. О чистотѣ расы арійско-сингалезскихъ царей ужъ и тогда не могло быть рѣчи: недаромъ брахманъ Гири крикнулъ презрительно вслѣдъ убѣгавшему монарху: „бѣжитъ большой „черный“ Сихала!“ Подобно дѣду своему, и Ваттха Гамани нашелъ въ горцахъ людей, помогшихъ ему вырвать тронъ Виджаи изъ рукъ заклятыхъ враговъ (88 г. до Р. Х.). Онъ построилъ въ теченіе своего двѣнадцатилѣтняго царствованія много монастырей и пожаловалъ монахамъ, жившимъ дотолѣ милостыней, какъ нищіе, большія земли (патта), долженствовавшія поддержать ихъ дальнѣйшее существованіе (стр. 493): за время господства тамиловъ народъ такъ обнищалъ и милостыни стали поступать такъ скудно, что вся судьба ордена была поставлена на карту. На томъ мѣстѣ, гдѣ царь былъ оскорбленъ брахманомъ, онъ велѣлъ выстроить монастырь и назвалъ его Абхая-Гири, соединивъ одно изъ своихъ именъ съ именемъ оскорбителя. Древній монастырь Махавихара, полный зависти, легко нашелъ поводъ обезславить юнаго собрата. Правда, распря эта имѣла хорошее послѣдствіе: святое ученіе, дотолѣ передававшееся изъ рода въ родъ изустнымъ путемъ, теперь было изложено письменно: три Питаки (стр. 388) съ объясненіями, Аттхакатхи, были изложены на сингалезскомъ языкѣ; тѣмъ не менѣе въ буддійской церкви произошелъ непоправимый расколъ.

c) Послѣдніе цари изъ дома Виджаи и ихъ преемники (отъ 88 до Р. Х. — 1164 по Р. Х.).

Мрачную картину рисуютъ намъ историки монастыря Махавихара, разсказывая о ближайшихъ преемникахъ Ваттха Гамани. Сынъ его, Чола Нага, до вступленія своего на престолъ изображается разбойникомъ, грабителемъ на большихъ дорогахъ, а затѣмъ ярымъ преслѣдователемъ монаховъ: очевидно, онъ сталъ во враждебныя отношенія къ братству. Супруга же его Анула (47—42 до Р. Х.) представляется настоящимъ позоромъ царскаго трона, второй Мессалиной по своей развратной жизни и какъ отравительница. Чтобы достигнуть престола и невозбранно удовлетворять своимъ похотямъ, она отравила преемника своего супруга. Съ тѣхъ поръ убійства не прекращались во дворцѣ: сама Анула была умерщвлена въ 42 до Р. Х.; двѣнадцать лѣтъ спустя палъ подъ кинжаломъ своего младшаго брата Аманда Гимани, а въ 44 году по Р. Х. былъ убитъ Чандамукха Шива.

α) Смуты на тронѣ и въ церкви; Буддхагхоша.

У послѣдняго потомка „великаго рода“ Ясалалака Тисса, убившаго собственноручно своего предшественника, имѣлся привратникъ Субха, чрезвычайно похожій на него наружностью. Царь забавлялся иногда тѣмъ, что переодѣвалъ его въ царское платье, сажалъ на тронъ, а самъ разыгрывалъ роль привратника. Однажды, переодѣтый такимъ образомъ, онъ позволилъ себѣ подшутить надъ лжецаремъ;—„какъ смѣетъ этотъ рабъ смѣяться въ моемъ присутствіи?“ закричалъ Субха. Ясалалака былъ наказанъ смертью, а Субха продолжалъ разыгрывать роль настоящаго монарха. Но не прошло и года, какъ онъ былъ убитъ Васабхой, членомъ касты ламбаканна; на престолъ вступилъ убійца. Ламбаканна еще ранѣе заявили себя мятежниками: когда однажды царь Иланага (38—44 по Р. Х.) оскорбилъ ихъ кастовую гордость, они возмутились и изгнали его на 3 года. На этотъ разъ они удержались на тронѣ въ теченіе трехъ поколѣній. Затѣмъ тронъ переходилъ изъ рукъ въ руки, цари низвергались и убивались, пока въ 248 г. по Р. Х. царь Виджая II не былъ умерщвленъ опять-таки тремя ламбаканна, которые и стали царствовать.

Для государства наступили тяжелыя времена; шайки разбойниковъ грабили страну и лишали ее безопасности; уваженіе къ трону было потрясено, а орденъ страдалъ отъ вражды между двумя главными братствами. Послѣдній изъ трехъ вышеназванныхъ ламбаканна, Готхабхая, заявилъ себя сначала ярымъ противникомъ секты Абхаягири: шестьдесятъ монаховъ, „принявшихъ ложное ученіе Ветулы и сдѣлавшихся шипами для религіи побѣдителя“, были исключены изъ церкви и высланы на материкъ. Позднѣе, однако, онъ подпалъ вліянію Сангхамитты, ученика изгнаннаго первосвященника, и даже поручилъ ему воспитаніе своихъ сыновей. На старшемъ изъ нихъ, Джетха Тисса I, воспитаніе это не принесло ожидаемыхъ плодовъ: вступивъ на тронъ, онъ сталъ преслѣдовать монаховъ Абхаягири и особенно своего воспитателя, который долженъ былъ бѣжать на материкъ. Но спустя двѣнадцать лѣтъ на престолъ вступилъ младшій братъ Махасена (277—304 по Р. Х.); онъ возвратилъ своего учителя изъ изгнанія и подъ его вліяніемъ воздвигъ гоненіе на братство Махавихара; запрещеніемъ подавать монахамъ этого братства милостыню онъ сдѣлалъ ихъ положеніе „въ царской странѣ“ невозможнымъ и заставилъ ихъ бѣжать въ горы. Древнѣйшій, почитаемый монастырь оставался въ теченіе девяти лѣтъ заброшеннымъ; приступлено было даже къ его уничтоженію для того, чтобы дорогой строительный матерьялъ употре-

бить на украшеніе враждебнаго монастыря Абхаягири,—какъ вдругъ царь примирился съ гонимыми имъ монахами. Его совѣтникъ Сангхамитта былъ убитъ во время народнаго мятежа, изгнанные монахи были снова призваны, и ихъ монастырь отстроенъ съ еще большимъ великолѣпіемъ. Царь старался загладить свою несправедливость къ братству щедростью и знаками уваженія.

Слѣдующіе четыре государя оставались добрыми буддистами, щедрыми по отношенію къ церкви и милостивыми къ подданнымъ. Сиримегхаванна, сынъ Махасены (304—332), прославляется, во первыхъ, какъ государь, которому обязанъ своимъ полнымъ возстановленіемъ монастырь Махавира, а во вторыхъ, какъ правитель, въ царствованіе котораго нѣкая царевна изъ Дантапуры, главнаго города Калинги, принесла въ даръ Канди на Цейлонѣ величайшую святыню буддистовъ — зубъ Будды (Датхадхату). Между слѣдующими царями Дшеттха Тисса II прославился въ качествѣ живописца и скульптора (332—341), а сынъ его Буддагхоша (341—370) — какъ врачъ и писатель по медицинѣ („краткое изложеніе общей медицины"). За нимъ слѣдовалъ Упатисса II (370—412), убитый роднымъ братомъ Маханамой. При Маханамѣ (412—434) имѣло мѣсто событіе, получившее громадное значеніе для южнаго буддизма, а именно переводъ Аттхакатхъ (стр. 495) на языкъ пали; до тѣхъ поръ это произведеніе Махинды существовало только на сингалезскомъ языкѣ и въ Индіи еще не было извѣстно. Монахъ Буддагхоша (стр. 409) былъ посланъ своимъ учителемъ Реватой изъ Магадхи на Цейлонъ для того, чтобы перевести его „по правиламъ Магадхи, корня всѣхъ языковъ", и онъ совершилъ свое великое дѣло въ тиши монастыря Гантхакара въ Анурадхапурѣ. Сіамскій король Чулалонгкорнъ по случаю двадцатипятилѣтія своего царствованія, повелѣлъ сдѣлать новое изданіе этого труда въ 39 томахъ (Бангкокъ 1893/94 г.).

β) Ослабленіе царской власти и нашествіе тамиловъ (434—1164 по Р. Х.).

Примѣръ Маханамы, убившаго брата, вскорѣ нашелъ себѣ подражателей. Затѣмъ снова появились тамилы, которые въ царствованіе Панду и его сыновей (416 — 463) укрѣпились въ сѣверной части острова, но въ концѣ концовъ были изгнаны Дхатусеной, владѣтелемъ обширныхъ земель, происходившимъ, какъ полагаютъ, изъ рода Ашоки (династіи Маурья); „онъ водворилъ миръ въ странѣ и возвратилъ религіи, попранной иноземцами, ея прежнія права". Несмотря на это онъ былъ схваченъ своимъ роднымъ сыномъ Кассапой и заживо погребенъ (479 г. по Р. Х.).

За этимъ постыднымъ дѣломъ снова настали для страны тяжелыя времена. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій (479—691) около 12 царей погибло насильственной смертью. Братоубійства и возстанія военачальниковъ обусловливали быструю смѣну властителей, правители провинцій пріобрѣтали силу и самостоятельность; церковь раздиралась неослабѣвающей враждой между сектами. Въ прежнія времена тамилы являлись для грабежей и завоеваній по собственной иниціативѣ, теперь часто ихъ призывали сингалезскіе князья и военачальники для сверженія законныхъ властителей. Храмы и сокровищницы царей были разграблены, религія претерпѣвала гоненія, народъ бѣднѣлъ съ каждымъ днемъ. Еще въ V и VI вѣкахъ во времена царя Кумара Даса (515—524), которому приписывается санскритская обработка Рамаяны (стр. 488) (сохранившаяся только въ сингалезскомъ переводѣ) и царя Аграбхи I (564 — 598), извѣстнаго еще какъ поэтъ,—китайскіе пилигримы описываютъ столицу, какъ блестящую резиденцію царскаго двора; даже отъ VII вѣка сохранилось въ сингалезскомъ источникѣ свидѣтельство, подтверждающее красоту Анурадхапуры. Но Аггабодхи IV (673—689) оказался уже безсильнымъ защитить свою рези-

денцію отъ исконныхъ враговъ своихъ и резиденція была перенесена сначала временно, а затѣмъ окончательно около 846 г. по Р. Х. подальше отъ гавани Мантотте при Манаарскомъ заливѣ, представлявшей постоянный пунктъ высадки тамиловъ, а именно въ болѣе отдаленную Полоннарува (Пулаттхи). Только внутреннія междоусобія среди дравидскихъ племенъ на материкѣ, давали острову время отъ времени возможность вздохнуть свободнѣе. Однако Сена I (846—866) снова долженъ былъ искать защиты въ непроходимыхъ дебряхъ горъ. Вся сѣверная часть острова подверглась жестокому опустошенію, столица была предана разграбленію и всѣ сокровища увезены въ Индію. Но въ это время чолы, прельщенные богатой добычей, начали войну со своими сосѣдями тамилами, благодаря чему внукъ Сены I, Сена II (866—901) имѣлъ возможность переправить сингалезское войско черезъ Палкскій проливъ. Оно убило царя Пандіи, разорило вражескую столицу, Мадуру, и привезло обратно на Цейлонъ похищенныя оттуда сокровища. При Кассапѣ IV (912—929) сингалезское войско даже является на помощь царю Пандіи (но помощь оказалась мало дѣйствительной), и повелитель тамиловъ принужденъ былъ искать спасенія на Цейлонѣ.

Однако такое могущество сингалезовъ продолжалось не долго. При Удаѣ III (964—972) и Махиндѣ IV (975—991) чола возобновили свои набѣги на Цейлонъ. Въ правленіи своего царя Паракесаривармана (1052—61), они проникли до самой южной провинціи Цейлона, Роханы, взяли въ плѣнъ двухъ сыновей Манабхарана и убили царя Вира-Шаламега (около 1056). Страна сильно страдала отъ грабительства и религіозной нетерпимости этихъ малабарцевъ. Только храброму Локѣ, человѣку знатнаго происхожденія, удалось въ 1059 г. изгнать чола изъ своей родины Роханы, послѣдняго оплота сингалезскаго царства. Его преемнику Виджаѣ Баху I (1065—1120), прозванному Сирисангхабодхи, послѣ нѣсколькихъ проигранныхъ битвъ, удалось пробраться снова къ низменности, разбить 3 войска чола, захватить у нихъ крѣпости, возвратить Анурадхапуру и окончательно сломить послѣднее сопротивленіе врага въ кровавой битвѣ подъ стѣнами Полоннарувы, — послѣ чего страна надолго освободилась отъ набѣговъ чола.

Однако могущество Цейлона оказалось непрочнымъ: когда Виджая Баху, желая возстановить дружескія отношенія съ врагами, послалъ царю чола богатые подарки, — его посламъ были отрѣзаны носы и уши. Къ тому же войско, которому пришлось идти на чола, возмутилось; весь югъ возсталъ противъ царя, и онъ съ великимъ трудомъ усмирилъ мятежниковъ. Страна была совершенно истощена, и орденъ пришелъ въ такой упадокъ, что на всемъ островѣ не оказалось ни одного принадлежавшаго къ ордену монаха, и ихъ приходилось добывать изъ Раманья (Мартабана въ нижней Бирмѣ). Въ царствованіе Виккама Баху I южныя провинціи окончательно отпали и были раздѣлены между нѣсколькими владѣтелями; съ величайшимъ трудомъ удалось царю изгнать одного искателя приключеній изъ страны Арья (сѣв. Индія), отъ котораго онъ принужденъ былъ сначала бѣжать въ одну расположенную въ скалахъ крѣпость,—и возвратить Полоннаруву. Народъ совершенно изнемогъ; подати выжимались изъ него „какъ изъ сахарнаго тростника, выжимаетъ сокъ мельница“. Крайняя нужда заставила Виджаю Баху посягнуть на церковныя имущества, но этимъ онъ вооружилъ противъ себя монаховъ, которые удалились въ Рохану, унося съ собою зубъ Будды и его блюдо для сбора милостыни. Многочисленныя войны привели въ разрушеніе архитектурныя сооруженія и превратили плодоносную страну въ наполненную лихорадочными міазмами пустыню. Города и деревни были покинуты и запустѣли до того, что „не стало возможности отыскать слѣда ихъ“.

d) Параккама Баху I Великій.

Изъ всѣхъ возсѣдавшихъ на сингалезскомъ тронѣ царей—величайшимъ является Параккама Баху I (по санскритски Паракрама, 1164—97). Чтобы достойно оцѣнить результаты, достигнутые умомъ, волею и любовью къ родинѣ этого человѣка, котораго исторія справедливо называетъ „Великимъ“, необходимо ясно представить себѣ всѣ бѣдствія, отъ которыхъ изнемогала страна во дни его юности.

По смерти Виджаи Баху I сингалезское царство было почти на краю гибели. Хотя въ Полоннарувѣ сидѣлъ еще какой-то призрачный царь, но большая часть страны распалась на мелкія владѣнія, одна только провинція Рохана раздѣлилась на 4 маленькихъ государства, въ одномъ изъ которыхъ правилъ Манабхарана, властитель крошечной страны „съ двѣнадцатью тысячами деревень“. Это и былъ отецъ Параккамы Великаго, который выросъ въ горахъ „хорошо обученный основамъ религіи, различнымъ системамъ права, риторикѣ, поэзіи, танцамъ и музыкѣ, верховой ѣздѣ, умѣнью владѣть мечемъ и лукомъ и достигъ во всемъ этомъ высшей степени совершенства“ (Махаванша). Вступивъ послѣ смерти дяди на престолъ своего маленькаго государства, онъ далъ ему превосходный образъ правленія, ввелъ правильную систему взиманія податей, позаботился о наилучшемъ использованіи для искусственнаго орошенія рѣчной и дождевой воды, въ особенности же трудился надъ образованіемъ сильнаго воинства, могущаго послужить къ объединенію всей обширной родины. Первымъ его военнымъ предпріятіемъ былъ походъ противъ гористой Малаи, которую онъ и покорилъ при помощи одного изъ генераловъ царя Гаджа Баху IV. Дворъ въ Полоннарувѣ совершенно потерялъ національную окраску: при немъ проживало множество иностранцевъ, даже принцевъ царской крови съ материка, и они вводили чужеземные обычаи, чужой языкъ и вѣру, „наполнивъ царскую страну, какъ терніе покрываетъ ложе“. Параккама объявилъ Гаджа Баху войну, побѣдоносно и быстро достигъ Жемчужной Страны (къ берегамъ Манаарскаго залива) и въ концѣ концовъ взялъ въ плѣнъ какъ царя, такъ и принцевъ. Но побѣдитель, какъ только достигъ своей цѣли, отдалъ побѣжденному царю его царство. Одинъ изъ вождей Роханы, Манабхарана младшій, захотѣлъ воспользоваться войною между Гаджа Баху и Параккамой, но былъ также покоренъ и также снова возстановленъ въ своихъ правахъ. Въ обоихъ этихъ случахъ, однако, право наслѣдовать тронъ побѣдитель оставилъ за собою. Такимъ путемъ Параккама сдѣлался властителемъ всего острова, хотя вначалѣ ему приходилось съ усиленной суровостью подавлять возстанія свободолюбивыхъ жителей юга и западной провинціи Махатитха.

Сильная рука могучаго властителя скоро дала себя почувствовать даже за предѣлами собственнаго царства. Давнишнія дружественныя отношенія связывали островъ съ Романьей (Нижней Бирмой). Виджая Баху I выпросилъ себѣ оттуда монаховъ (стр. 497) и обѣ страны были связаны между собою мирными торговыми сношеніями. Но когда наступили бѣдственныя времена послѣднихъ сингалезскихъ царей, Аримаддана, властитель Романьи, вздумалъ извлечь пользу изъ печальнаго положенія страны: на вывозимыхъ слоновъ была наложена такая высокая пошлина, что обѣднѣвшій Цейлонъ едва могъ уплачивать ее; сингалезскихъ пословъ стали лишать подарковъ, запретили цейлонскимъ кораблямъ приставать къ берегамъ Бирмы и, наконецъ, послы изъ Полоннарувы были ограблены и посажены въ тюрьму. Тогда Параккама послалъ сильный отрядъ въ Романью. Буря нанесла большой вредъ кораблямъ, но сухопутное войско разбило бирманскую армію, столица была взята штурмомъ, самъ царь оказался убитымъ, а Параккама провозгласилъ себя верховнымъ владыкой и даровалъ

миръ только послѣ того, какъ получилъ удовлетвореніе за обиды и установилъ ежегодную дань.

Параккама отомстилъ и южной Индіи (стр. 382) за обиды, нанесенныя Цейлону въ прежніе годы. Со временъ Виджаи Баху I между чола и пандіа (тамилы) войны не прекращались, чола въ правленіе Кулашекхара сильно угрожали царю Панду въ его столицѣ Мадурѣ. Такъ какъ не въ интересахъ Цейлона было образованіе большого государства дравидовъ вмѣсто нѣсколькихъ мелкихъ владѣній, вѣчно враждовавшихъ между собою, — то Параккама послалъ на помощь царю тамиловъ сильное войско подъ предводительствомъ Ланкапуры и Джагадъ Виджаи Наяка. Хотя Мадура сдалась и царь Панду былъ убитъ раньше, чѣмъ подоспѣла помощь,—все таки войско сингалезовъ прогнало чола, вторглось въ ихъ страну и опустошило ее. Затворившійся было въ крѣпости Раджина царь Кулашекхара могъ спастись только съ величайшимъ трудомъ и принужденъ былъ заключить выгодный для врага миръ: царство Пандія было возстановлено, принцъ Вира Панду провозглашенъ въ Мадурѣ царемъ, а въ память этого похода тамилы должны были отчеканить медаль съ изображеніемъ Параккамы. Плѣнныхъ же чола привезли на Цейлонъ и заставили работать надъ возстановленіемъ тѣхъ самыхъ священныхъ зданій, которыя были разрушены ихъ предками во времена хищническихъ набѣговъ. Вѣрный своему девизу: „чего не можетъ достичь на свѣтѣ настойчивый человѣкъ?“, Параккама далъ своему опустошенному острову небывалое дотолѣ благосостояніе. Еще будучи владѣльцемъ маленькаго клочка земли онъ говорилъ: „въ странѣ, подобной нашей, ни одна капля дождевой воды не должна уйти въ море прежде, чѣмъ ее не используетъ человѣкъ;“ то же правило онъ всѣми силами примѣнялъ и къ своему обширному государству: тысячи прудовъ, изъ которыхъ самые большіе достигали величины Фирвальдштетскаго озера (напр., „Море Параккамы“), онъ отчасти копалъ наново, отчасти возстановлялъ пришедшіе въ упадокъ; до пятисотъ каналовъ было вновь сооружено и много тысячъ прежнихъ исправлено; зеленыя рисовыя поля и фруктовыя насажденія на цѣлыя мили протянулись по мѣстностямъ, прежде занятымъ непроходимыми лѣсами и болотами, распространявшими лихорадки; изъ развалинъ возникли города и деревни съ многочисленными счастливыми обитателями. Столица Полоннарува, пришедшая было въ упадокъ, возстала въ новомъ великолѣпіи, снабженная всѣмъ, что украшало и улучшало жизнь. Также и древнюю столицу Анурадхапуру властитель не обошелъ въ своихъ заботахъ: дворцы, воздвигнутые основателями государства, мѣста, освященныя пребываніемъ на нихъ Махинды и его послѣдователей, монастыри и хранилища реликвій были извлечены на свѣтъ Божій изъ своего запустѣнія и вновь возстановлены. Въ управленіи государствомъ водворился порядокъ и введена справедливая и милостивая система податей. Церковныя злоупотребленія были устранены, а вмѣстѣ съ этимъ улучшились и нравы духовенства. Въ концѣ концовъ Параккамѣ удалось даже примирить между собою секты, враждовавшія цѣлыя тысячелѣтія и возстановить единство религіи, а „подвигъ возстановленія этого единства былъ такъ трудно выполнимъ, какъ было бы трудно приподнять гору Меру“.

e) Упадокъ церкви и государства (1200—1500).

Параккамѣ Великому наслѣдовалъ его племянникъ Виджая Баху II (1197—1198), слабый государь, котораго монахи прославили великимъ поэтомъ и ученымъ; уже черезъ годъ послѣ своего воцаренія онъ погибъ отъ руки убійцы. Настали тяжкія времена неурядицъ: за 18 лѣтъ, послѣдовавшихъ со смерти великаго государя, смѣнилось не менѣе пятнадцати царей. Одинъ изъ нихъ царствовалъ только день, другой девять дней,

третій семнадцать дней, четвертый 3 мѣсяца, пятый, шестой и седьмой— семь, девять и двѣнадцать мѣсяцевъ. Изъ нихъ пятеро были убиты, а шестеро свергнуты съ престола, при чемъ иные подверглись ослѣпленію. Передъ нами проходитъ пестрая вереница фигуръ: сингалезы смѣняются калингами (телугу), чола и пандіа. Только Магха (1215 — 1236), князь калинга, завоевавшій островъ при помощи двадцатитысячной арміи, ввелъ нѣкоторую устойчивость во владѣніи трономъ, но для несчастной страны онъ оказался настоящимъ бичемъ Божіимъ; никогда еще не приходилось ей переносить такихъ тяжкихъ испытаній, какъ отъ этихъ „дьяволовъ". Только на югѣ, гдѣ природныя горныя крѣпости, укрѣпленныя еще искусственно, давали защиту, сохранилась независимость кучки храбрыхъ людей. Изъ этихъ крошечныхъ государствъ замѣчательнѣйшимъ можетъ считаться Дамбаденья, въ которомъ утвердился Виджая Баху III (1236—40), производившій свой родъ отъ Виджаи Баху I. Отсюда онъ завладѣлъ цѣлой провинціей Малая. Его сынъ Параккама Баху II (1240 — 75) прогналъ дравидовъ въ 1255 г. и почти истребилъ ихъ. Царь чола Сомешвара былъ убитъ. Но его ожидали еще другія войны, слабость Цейлона привлекла необычайно подвижныхъ въ то время малайцевъ Подъ предводительствомъ Чандрабхану они дважды нападали на страну и опустошили „всю землю Ланка". Однако малайцы не утвердились на островѣ. Параккама II ревностно подражалъ и мирнымъ дѣяніямъ своего великаго предшественника. Дравиды перевернули всѣ имущественныя отношенія; отнынѣ же земля была правильно раздѣлена между свѣтскими владѣльцами и орденомъ, Проводились дороги, сооружались пруды и каналы, почти совершенно разрушенная Полоннарува была вновь отстроена, а въ Анурадхапурѣ предпринято исправленіе сильно пострадавшихъ памятниковъ, Между тѣмъ люди, называвшіе себя монахами, погрязли въ развратѣ, и ссоры между братствами разгорѣлись по старому. Царь и здѣсь ввелъ улучшеніе: дурные монахи были устранены, враждующія секты принуждены къ миру, и орденъ обновленъ притокомъ свѣжей крови, благодаря призванію монаховъ изъ страны чола.

Но преемникъ Параккамы II Виджая Баху IV былъ два года спустя умерщвленъ однимъ изъ своихъ генераловъ, который былъ вскорѣ послѣ того въ свою очередь убитъ. Народъ, лишенный твердаго руководителя, впалъ въ прежнее бѣдственное состояніе. Страшный голодъ переполнилъ чашу страданія. Затѣмъ въ страну снова вторглось войско Пандіа и притомъ такъ неожиданно, что даже не могла быть спасена величайшая святыня буддизма, зубъ Будды (стр. 497), который вмѣстѣ съ другой добычей былъ увезенъ въ Мадуру. Только Параккама Баху III (1288—93), совершившій лично благочестивое странствованіе ко двору пандіа въ роли просителя, получилъ зубъ обратно, конечно, ужъ на тяжелыхъ условіяхъ.

Этотъ разбойничій набѣгъ пандіевъ былъ, повидимому, послѣднимъ вторженіемъ дравидовъ на Цейлонъ: нѣсколько лѣтъ спустя (1311) мусульмане подъ предводительствомъ Кафура проникли съ сѣвера до самаго Палкскаго пролива (стр. 418); съ средины XIV-го столѣтія пандіа являются данниками царства Виджаянагаръ (стр. 422). Хотя въ сингалезскихъ хроникахъ, начиная съ 1290 г. ничего больше не говорилось о битвахъ съ дравидами, эти послѣдніе все-таки удержались на крайнемъ сѣверѣ острова. Впослѣдствіи здѣсь образовалось независимое царство тамиловъ, съ главнымъ городомъ Джаффной. Внутренность сѣверной половины острова, прежней царской страны (Пихиттиратта) превратилась въ почти безлюдную пустыню. По причинамъ постоянныхъ внутреннихъ волненій цари отодвигали свою столицу все дальше и дальше въ горы, и зубъ Будды почти непрерывно странствовалъ вмѣстѣ съ ними. Отъ буддизма сохранилось почти одно только названіе. Поэтому въ монастыряхъ почти вплоть до Параккамы IV (1300) мы находимъ только скудныя записи, а затѣмъ

почти до средины XVIII вѣка и вообще никакихъ историческихъ указаній. Только при Кирти Шри раджѣ Синха — (1747—80) этотъ пробѣлъ былъ нѣсколько пополненъ скудными матеріалами и воспоминаніями.

D. Новая исторія Цейлона (съ 1500).

О 23 царяхъ, управлявшихъ страною въ промежутокъ времени между двумя вышеупомянутыми государями, мы имѣемъ свѣдѣнія въ общемъ незначительныя и не всегда достовѣрныя. Болѣе опредѣленными извѣстія становятся начиная отъ раджи Синха I (1586—92), вступившаго на престолъ послѣ убійства своего отца. Это былъ фанатическій почитатель Шивы и столь яростный гонитель буддійской религіи, что многіе монахи сбрасывали въ его правленіе свои желтыя одежды.

а) Португальцы на Цейлонѣ.

„Въ то время нѣкоторые купцы торговали въ гавани Коламба и торговали долгое время, пока, наконецъ, не сдѣлались очень могущественными. Паранги (португальцы) вообще были скверные безбожники, жестокіе и немилосердные“ (Махаванша), Въ 1498 г. Васко да Гама бросилъ якорь у Каликуты. 17 лѣтъ спустя пала арабская монополія по торговлѣ драгоцѣнными произведеніями Азіи, особенно кореньями: Ормузъ, Малакка и Гоа явились сильнѣйшими оплотами португальскаго могущества на Индійскомъ океанѣ (стр. 444). Португальцы показались у береговъ Цейлона еще въ 1505 г., но цѣлый флотъ ихъ отправился туда впервые въ 1515 г. подъ начальствомъ Лопеца Суареца изъ Каликуты; адмиралъ получилъ разрѣшеніе отъ царствовавшаго тогда въ Котта государя устроить укрѣпленный складочный пунктъ для товаровъ въ гавани Коламба, въ сосѣдствѣ съ самой резиденціей царя. Если царь предполагалъ, что пріобрѣтаетъ себѣ такимъ образомъ могущественныхъ друзей, то онъ долженъ былъ вскорѣ разочароваться: его заставили признать себя вассаломъ Португаліи и наложили на него ежегодную дань, состоявшую изъ корицы, драгоцѣнныхъ камней и слоновъ. Скоро начались враждебныя дѣйствія. Тщетно цари переносили свою резиденцію все дальше и дальше въ глубь страны, сначала въ Ситавака, затѣмъ въ Канди; война продолжалась непрерывно, и португальцы проникали все дальше и дальше.

Но тутъ возникли для нихъ затрудненія: ихъ встрѣтили крутыя горы, непроходимые первобытные лѣса, вредный климатъ. Мужественная сила горцевъ, которые мало по малу заимствовали у враговъ многія свѣдѣнія по стратегіи, тактикѣ и по умѣнью владѣть оружіемъ, а такъ какъ туземцы издавна славились искусной обработкой металловъ, то скоро научились лучше изготовлять оружіе, чѣмъ сами португальцы. Маядхана и сынъ его, раджа Синха I, мужественно отбили нападенія португальцевъ; Махаванша такъ отзывается о Синхѣ II. „Какъ левъ, ворвавшійся въ стадо слоновъ, какъ клочекъ хлопчатой бумаги, подхваченный вѣтромъ, — такъ обезумѣвшій отъ ужаса врагъ бѣжалъ отъ безстрашнаго государя“. Португальцамъ такъ и не удалось утвердиться во внутренности страны: они могли опираться только на крѣпости Негамбо, Коломбо, Галле, Баттикалао и Тринкомали съ прилегающими къ нимъ областями. Нѣсколько счастливѣе оказались они въ борьбѣ съ тамилами, занимавшими сѣверную оконечность острова и узкую полоску земли вдоль восточнаго берега. Столица Джаффна взята была приступомъ въ 1560 г. и священный зубъ Будды очутился въ рукахъ португальцевъ. Тщетно предлагалъ за него царь Пегу 400,000 золотыхъ,—португальцы дороже оцѣнили обладаніе кусочкомъ кости и возможность уничтожить ее. Архіепископъ Гоа, донъ Гаспаръ, истолокъ зубъ въ ступкѣ, испепелилъ его на жаровнѣ и бросилъ пепелъ въ рѣку.

Конечно, отъ этого не исчезло поклоненіе зубу; очень скоро въ Канди появился второй „зубъ“; говорили, что настоящій зубъ былъ скрытъ отъ португальцевъ и зарытъ въ землю, а португальцами была уничтожена только поддѣлка подъ зубъ. Послѣ перваго взятія Джаффны португальцы удовольствовались захватомъ острова Манаара, всѣхъ сокровищъ султана и наложеніемъ на него большой дани. Но въ 1617 г. городъ былъ снова осажденъ за проявленіе будто бы сильной ненависти къ христіанамъ, султанъ обезглавленъ и владѣнія его объявлены собственностью португальцевъ.

Исторія уничтоженія зуба Будды ярко рисуетъ религіозное рвеніе португальцевъ: дѣйствительно, съ каждаго корабля высаживались не только жадные къ добычѣ солдаты, но и монахи, не стѣснявшіеся никакими насиліями при распространеніи своего христіанства. Величайшимъ торжествомъ для нихъ явилось приведеніе одного сингалезскаго царька въ лоно единой истинной церкви: „царь Дхарма Паула Раджа принялъ христіанскую вѣру и получилъ при крещеніи имя Донъ Жуана Пандаура; съ нимъ вмѣстѣ крестились многіе знатные люди изъ Котты. Съ этого дня португальскія деньги заставили немало женщинъ изъ касты благородныхъ, а также и изъ низшихъ кастъ, какъ, напр., женъ рыбаковъ, цирульниковъ, хумавовъ и чальевъ обратиться въ христіанство и жить съ христіанами“ (Раджавали). Царь-отступникъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ Филиппа II, короля Испаніи и Португаліи. Съ тѣхъ поръ португальскіе короли присоединили къ своимъ многочисленнымъ титулямъ еще титулъ властителя Цейлона.

Почва для обращенія сингалезовъ въ христіанство была хорошо подготовлена, такъ какъ прежняя религія дошла до послѣдней степени паденія. Раджа Синха I, поклонникъ Шивы (стр. 502), преслѣдовалъ своихъ подданныхъ буддистовъ; неоднократные призывы монаховъ изъ чужихъ странъ не могли спасти отъ гибели сингалезскій буддизмъ; народомъ овладѣло глубочайшее равнодушіе относительно религіозныхъ вопросовъ. Становясь съ новыми властителями въ хорошія отношенія, члены низшихъ кастъ могли только выиграть въ районѣ португальскихъ владѣній. Поэтому народъ массами переходилъ въ католическую вѣру. Звучныя португальскія имена среди нынѣшнихъ сингалезовъ являются наслѣдіемъ этихъ первыхъ обращенныхъ, принимавшихъ съ переходомъ въ новую вѣру имена своихъ властителей.

Свою принадлежность къ христіанству португальцы проявляли въ безчеловѣчномъ притѣсненіи жителей странъ, подпавшихъ ихъ власти. Этимъ путемъ старались они наверстать сравнительно малую прибыльность торговли. Въ жгучей ненависти къ себѣ туземцевъ португальцы встрѣчали не мало препятствій къ обработкѣ драгоцѣннѣйшаго произведенія острова— корицы, культура которой должна была ограничиваться небольшими пространствами въ сосѣдствѣ укрѣпленныхъ пунктовъ Коломбо и Галле. „Приходилось собирать корицу съ мечемъ въ рукѣ и вывозить ее подъ охраной крѣпостныхъ пушекъ“ (Дж. Эмерс. Теннентъ). Торговля все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ и не возмѣщала военныхъ издержекъ, которыя португальцы несли въ теченіе полутора столѣтій.

b) Голландцы на Цейлонѣ.

Уменьшеніе значенія Цейлона для португальцевъ является лишь однимъ изъ частныхъ признаковъ общаго упадка ихъ могущества. Духъ предпріимчивости, одушевлявшій ихъ въ теченіе XV и даже въ началѣ XVI столѣтій — погасъ, силы маленькой страны истощились отъ постоянныхъ войнъ въ убійственномъ климатѣ, народъ обѣднѣлъ и духъ его сломился подъ давленіемъ инквизиціи. Роль Португаліи въ кругу колоніальныхъ государствъ была сыграна. На ея мѣсто на Цейлонѣ явилась Голландія. Въ 1602 г. къ острову пристали два корабля, и Іорисъ фонъ-Шпиль-

бергенъ предложилъ себя въ союзники озлобленному противъ португальцевъ сингалезскому государю. Царь послалъ двухъ пословъ „въ его прекрасную страну“ (Махаванша) и убѣдилъ тамошній народъ явиться на островъ со многими кораблями. Обѣ державы заключили въ 1609 г. союзъ съ цѣлью изгнанія португальцевъ съ острова, но ни вялый царь Вимала Дхамма Сурья I (1592—1620), ни голландцы еще не сознавали себя достаточно сильными для такого предпріятія; только при раджѣ Синхѣ II могла начаться упорная война; португальскія крѣпости одна за другой переходили въ руки голландцевъ. Наконецъ, послѣ десятилѣтней осады пали Джаффна и Коломбо (1658 г.). На мѣсто португальцевъ водворились голландцы.

Съ ними воцарился на островѣ другой духъ; новые владѣтели крѣпостей, кольцомъ охватившихъ островъ, оказались простыми торгашами, главной цѣлью которыхъ было избѣгать всего, что могло препятствовать торговлѣ. Съ самаго начала стали они отправлять ежегодно посольства къ царю Канди, но царь отнесся къ нимъ съ ненавистью и презрѣніемъ; посланниковъ, случалось, били палками, сажали въ тюрьму и даже убивали, — голландцы ни на что не обращали вниманія. Только однажды при Кирти Шри Раджѣ Синхѣ они рѣшили наказать его и выступили въ походъ съ малайскими солдатами. Канди былъ взятъ приступомъ, царь бѣжалъ, захвативъ съ собою зубъ Будды. Но между солдатами появились болѣзни, явилась нужда въ съѣстныхъ припасахъ, а линіи отступленія были прерваны; много солдатъ погибло отъ нападеній горцевъ, много также исчезло въ негостепріимныхъ лѣсахъ.

Слабохарактерные преемники Синхи II, расположенные къ монахамъ, не смогли, однако, поднять значеніе ордена. Шри Вира Параккама Наринда (1701—34) построилъ для священнаго зуба Будды Далада Малигаву,—храмъ, сохранившійся до нашихъ дней,—и украсилъ его наружныя стѣны картинами, изображающими тридцать двѣ джатаки (разсказы о рожденіи Будды), но уже при его преемникѣ, Виджаѣ Раджѣ Синхѣ (1734—47), опять не оказалось ни одного монаха. Сама религія обратилась въ какую-то смѣсь индуизма, поклоненія демонамъ и буддійскихъ обрядностей. Сношенія съ южной Индіей (длинный рядъ кандійскихъ царей избиралъ въ супруги исключительно царевенъ изъ Мадуры) доставили на Цейлонѣ право гражданства брахманскимъ богамъ: ихъ изображенія носились во время религіозныхъ процессій наравнѣ съ изображеніями Будды, и царь, воздвигая хранилище для какой-либо буддійской святыни, тотчасъ же спѣшилъ выстроить храмъ, посвященный Шивѣ или Вишну. Только при Кирти Шри Раджѣ Синхѣ (1747—80) произошло очищеніе и возрожденіе буддизма потерявшаго всякое внутреннее содержаніе: два посольства доставили изъ Сіама по капитулу монаховъ изъ 10 человѣкъ каждый (первый подъ начальствомъ верховнаго священника Упали). Терпимость голландцевъ и англичанъ дала съ тѣхъ поръ возможность буддизму снова возрасти и укорениться на Цейлонѣ, хотя онъ все еще сильно проникнутъ духомъ почитанія брахманскихъ божествъ и дравидскихъ демоновъ.

Голландцы вначалѣ получали большія выгоды отъ торговли произведеніями Цейлона. Не расширяя отнятыхъ у португальцевъ плантацій корицы, они своей искусной обработкой повысили качество коры коричневаго дерева до степени небывалой, а установленныя высокія цѣны поддерживали строгой монополіей. Но та же монополія привела торговлю къ упадку. Высокія цѣны подстрекнули конкуррентовъ заняться разведеніемъ корицы на другихъ островахъ; цѣлая армія низшихъ служащихъ поглощала большую часть дохода, въ то же время маленькій размѣръ жалованья заставлялъ ихъ прибѣгать къ мошенничеству. Торговля корицей, дававшая вначалѣ такую большую прибыль, перестала въ концѣ концовъ окупать собственныя издержки.

c) Британцы на Цейлонѣ.

Болѣе всего, однако, пострадала цейлонская торговля вслѣдствіе упадка значенія Голландіи, какъ морской державы; захватъ португальскихъ владѣній обозначаетъ кульминаціонный пунктъ ея величія; въ то время голландская торговля относилась къ англійской, какъ 5:1. Но еще во время борьбы за Джаффну и Коломбо Англія нанесла своей соперницѣ ударъ, отъ котораго та не сумѣла оправиться; актами отъ 1651 и 1660 гг. воспрещалось иностраннымъ кораблямъ всякое посредничество въ торговлѣ Англіи и ея колоній (т. VII стр. 107). Въ 1792 г. торговое значеніе двухъ соперничествующихъ державъ выразилось уже отношеніями 2:5. А въ 1794 г., когда французскія войска были двинуты въ Голландію, Англія не только захватила голландскій торговый флотъ, стоимостью до 10 милліоновъ, но еще отняла у Голландіи всѣ ея колоніи въ Капской землѣ, на Малаккѣ, Кочинѣ, Молуккскихъ островахъ и проч. Захватъ Цейлона не представилъ трудностей. Лордъ Гобартъ, (стр. 257) губернаторъ Мадраса, послалъ на Цейлонъ въ 1795 г. флотъ подъ начальствомъ Бланкерта; тотчасъ же въ его руки перешло нѣсколько крѣпостей, а центръ голландскаго правленія, Коломбо, съ остальными еще незахваченными крѣпостями, со складами товаровъ, съ кассами (21|2 милліона) — были безъ малѣйшаго вооруженнаго сопротивленія, переданы англичанамъ подкупленнымъ голландскимъ губернаторомъ Іог. Герг. фонъ Ангельбекомъ (15 февраля 1796 г.). Но правленіе Остиндской компаніи оказалось еще хуже голландскаго режима послѣднихъ годовъ. Черезъ годъ вспыхнуло возстаніе, и Англія, воспользовавшись этимъ предлогомъ, забрала колонію и подчинила ее непосредственно англійской коронѣ.

Фредерикъ Нортъ (позже Карлъ Гильдфордъ) былъ назначенъ первымъ губернаторомъ въ 1798 г. Онъ не могъ не слѣдовать политикѣ Англіи на материкѣ. Поэтому онъ прежде всего вошелъ въ предательскую сдѣлку съ Пелемехъ Талавехомъ, первымъ министромъ сингалезскаго царя Шри Раджи Адхираджа Синха (1780—1898): значительный отрядъ англійскаго войска подъ предлогомъ дружескаго чествованія долженъ былъ сопровождать посланника въ Канди и тамъ, если окажется неизбѣжнымъ, силой заставить царя выполнить требованія Англіи. Однако, встрѣтивъ неодолимыя препятствія какъ въ природныхъ условіяхъ страны, такъ и во враждебномъ настроеніи туземцевъ, англичане явились въ Канди лишь въ незначительномъ числѣ и должны были ни съ чѣмъ вернуться обратно. Въ 1802 году прямое насиліе совершило то, чего не удалось добиться хитросплетеннымъ планомъ: Макъ-Доуэль, имѣя подъ начальствомъ 3,000 человѣкъ, воспользовался благопріятнымъ временемъ года, проникъ до самой столицы и овладѣлъ ею, между тѣмъ какъ царь бѣжалъ. Войско маіора Дави сильно страдало отъ болѣзней, и остатки его были истреблены сингалезами въ 1803 г. до послѣдняго человѣка. Положеніе дѣлъ на европейскомъ театрѣ войны помѣшало англичанамъ тотчасъ загладить свою прежнюю ошибку, но Шри Виккама Раджа Синха (1798—1815) самъ сыгралъ имъ въ руку, такъ какъ послѣ измѣны своего министра сдѣлался до безумія подозрителенъ и жестокъ со своими подданными. Озлобленіе народа противъ него было такъ сильно, что въ 1815 г. англичанамъ легко удалось овладѣть Канди. Царь, захваченный 18 февраля въ плѣнъ въ селеніи Бомюри, былъ заключенъ въ темницу въ Мадрасѣ, гдѣ умеръ въ 1832 г.; общій совѣтъ всѣхъ вождей передалъ въ 1816 году все сингалезское царство британской коронѣ. Съ 1895 года губернаторомъ острова состоитъ сэръ Джозефъ Уэстъ Риджуэй.

4. Индо-Китай.

А. Общій обзоръ.

Индо-Китай является самымъ восточнымъ изъ трехъ большихъ выступовъ южной Азіи. По величинѣ Индо-Китай не уступаетъ южной Индіи (2,126,500 клм.) и граничитъ на сѣверѣ съ Китаемъ, на сѣверо-западѣ съ Индіей; западную границу его составляетъ всѣмъ своимъ протяженіемъ восточный берегъ Бенгальскаго залива, южную — мелководное море между материкомъ и островами Явой и Борнео; восточную—Китайское море (см. карту „Индо-Китай и Малайскій архипелагъ".). Не изъ-за моря, а отъ двухъ культурныхъ сосѣднихъ странъ, Индіи и Китая, заимствовалъ этотъ полуостровъ свою культуру и по праву носитъ поэтому названіе—Индо-Китай.

а) Страна.

На поверхности Индо-Китая доминируютъ параллельные горные хребты, перерѣзывающіе ее, главнымъ образомъ, съ сѣвера на югъ; хребты эти тянутся въ южномъ направленіи отъ горной страны, лежащей къ сѣверу отъ 25-ой параллели между Восточнымъ Тибетомъ и южными провинціями Китая: Юньнанемъ, Гуаньси и Квантуномъ. Близко тѣснясь другъ къ другу у своей исходной точки, они заключаютъ въ свои глубокія ущелья, достигающія иногда 1000 метровъ глубины, среднее теченіе четырехъ могучихъ рѣкъ, берущихъ свое начало въ Тибетѣ; прорвавшись сквозь тѣснину, эти рѣки расходятся затѣмъ вѣерообразно и устремляются къ различнымъ морямъ. На востокѣ течетъ Янцзыцзянъ, представляя, какъ главнѣйшая артерія Небесной Имперіи, естественный путь для сношеній; на западъ, черезъ широкую долину Ассама, направляясь къ долинѣ Ганга, течетъ Брахмапутра; только Сальвенъ и Меконгъ, направляющіеся къ югу, принадлежатъ вполнѣ Индо-Китаю. Съ востока и съ запада, а также и между ними текутъ параллельныя имъ рѣки, но ихъ истоки не доходятъ до вышеупомянутыхъ тѣснинъ; самая западная изъ этихъ рѣкъ, Иравадди, беретъ свое начало въ горахъ, лежащихъ къ востоку отъ Ассама, судоходна въ верховьяхъ на весьма далекое разстояніе и съ помощью своего притока значительно облегчаетъ доступъ къ Юньнаню; орошая плодородныя береговыя равнины Читагонга и Аракана, она при впаденіи въ заливъ Пегу образуетъ одну изъ величайшихъ дельтъ въ мірѣ. Сальвенъ отдѣляется отъ нея только низкими горными хребтами, направляющимися съ сѣвера на югъ и подъ конецъ оттѣсняющими его отъ узкой береговой страны Тенассерима, направляя его вглубь Индо-Китая. Далѣе къ востоку слѣдуетъ Менамъ, также всецѣло принадлежащій Индо-Китаю и являющійся главною рѣкою Сіама; рѣчная область его не заходитъ далѣе 20° сѣв. широты; затѣмъ идетъ вытекающій изъ Тибета Меконгъ, дельта котораго простирается на востокѣ къ Китайскому морю. Всѣ эти рѣки орошаютъ плодородныя долины и дельты но неудобны въ качествѣ путей сообщенія, такъ какъ ихъ пороги и мели обнаруживаются уже на близкомъ разстояніи отъ ихъ устьевъ и исключаютъ возможность судоходства въ обширныхъ размѣрахъ. Цѣпь горъ, направленная съ сѣвера къ югу, образуетъ на востокѣ отъ Меконга рѣзкую пограничную линію между среднимъ и восточнымъ Индо-Китаемъ: Кохинхиной, Аннамомъ и Тонкиномъ. Сонгка, или Красная Рѣка, одна только протекаетъ на сѣверѣ по Тонкину, проходя по восточной трети Индо-Китая, вообще довольно узкой. Но будучи судоходнѣе другихъ рѣкъ средняго Индо-Китая, эта рѣка представляетъ самый удобный путь къ изобилующему минеральными богатствами Юньнаню.

Климатъ тропическій, свойственный азіатской тропической странѣ муссоновъ. Наносная почва долинъ и рѣчныхъ дельтъ являетъ необычай-

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Будда и его ученики, — каменныя изваянія во внутренности храма сіамской пагоды Ватъ Сутхатъ въ Бангкокѣ.

(По фототипіи въ XXVII томѣ „Annales du Musée Guimet“, Paris, 1895.)

Объясненіе къ иллюстраціи на оборотѣ.

Когда вступаешь черезъ ворота, находящіяся противъ пагоды Ватъ Сакетъ, въ городъ сіамскихъ королей Бангкокъ, то прямая улица приводитъ къ пагодѣ Ватъ Сутхатъ. Внутри этого буддійскаго храма (Bôt Phra) мы увидимъ высокочтимаго владыку трехъ міровъ (tri loka thera; по санскр.: sthavira) и собраніе слушателей Будды (sāvaka sangha) вокругъ проповѣдующаго сіамскаго Будды (somana Khôdom: по санскр.: çramana Gautama = Аскетъ Гаутама, или послѣдній Будда, четвертый въ настоящемъ столѣтіи, словомъ: историческій Будда). Каменныя изваянія въ натуральную величину, одѣтыя въ платье низшихъ буддійскихъ священниковъ (talapoin), установлены въ четыре ряда. На заднемъ планѣ возвышается громадная статуя Шакія-Муни. Имя каждаго изъ савоковъ (по санскр.: çravaka; pâli: sāvaka) высѣчено на мраморной дощечкѣ, помѣщенной на нижней части статуи; эти надписи составлены на діалектѣ Сукходава.

(По Lucien Fournereau: „Le Siam ancien", въ XXVII томѣ „Annales du Musée Guimet", Paris, 1895).

ную роскошь природы. Здѣсь съ древнѣйшихъ временъ были центры индокитайской культуры. Горная страна къ сѣверу, не расточающая человѣку такъ щедро своихъ даровъ, въ теченіе тысячелѣтія являлась искусной воспитательницей народовъ: здѣсь издревле уже была родина полуварварскихъ, но сильныхъ племенъ, которыя, подъ давленіемъ-ли безпокойныхъ номадовъ средней Азіи, или по собственному влеченію, прельщаясь богатствами южныхъ низменностей, переселялись сюда постоянно и обновляли ихъ населеніе свѣжимъ притокомъ способнаго къ культурѣ народнаго элемента.

b) Народы Индо-Китая.

Даже и въ настощее время можно различить въ антропологическомъ и этнологическомъ отношеніи происходившее мало-по-малу постепенное наслоеніе племенъ. Прямыми потомками древнѣйшихъ обитателей страны являются три антропологически различныя группы: негритоподобная, малайская и индонезiйская. Негритоподобные народцы, приближающіеся по типу къ обитателямъ Андаманскихъ острововъ, къ аэтамъ на Филиппинахъ и проч., населяютъ нынѣ подъ именемъ сакаевъ и семанговъ небольшіе округи внутри полуострова Малакки. Малайцы, одинаковаго происхожденія съ туземцами острововъ, на которые они были вытѣснены лишь въ позднѣйшія времена также занимаютъ нѣкоторые округи малаккскаго полуострова въ видѣ чистокровныхъ племенъ, а какъ племена, смѣшавшіяся съ другими, позднѣйшими пришельцами (чамъ), занимаютъ обширныя пространства низменностей Сіама и Аннама; повидимому, первоначально они обитали въ индокитайскихъ низменностяхъ. Болѣе высокіе склоны горъ заселены были индонезiйцами, кровныхъ соплеменниковъ которыхъ мы встрѣчаемъ на островахъ индонезiйскаго архипелага, на Филиппинахъ, Борнео (даяки), Суматрѣ, (батта) и т. д. Нынѣшніе представители индонезiйскихъ племенъ въ Индо-Китаѣ суть: наги, на границахъ между Ассамомъ и Бирмой, силонги (архипелагъ Мергуи), мои (полудикія племена между Меконгомъ и берегомъ Ассама и между Юньнанемъ и Кохинхиной), куи (въ юговосточн. Сіамѣ и сѣверозападной Камбоджѣ), монъ или талаинги (въ дельтахъ британскихъ рѣкъ, раньше распространенные по всей Нижней Бирмѣ).

Высокая горная страна, лежащая далѣе къ сѣверу, между восточнымъ Тибетомъ и вплоть до южно-китайскихъ провинцій, съ древнѣйшихъ временъ была заселена сильными племенами, родственными индонезiйцамъ, которыхъ всѣхъ вмѣстѣ соединяютъ въ одну народную группу тай (свободные). Оттуда вплоть до недавнихъ временъ совершались набѣги на низменности: около 1250 г. они водворились въ княжествѣ Цянъ-Мас; при Рамѣ Кхомхенгѣ (1283) встрѣчается въ надписяхъ названіе царства Сукходая, лежащаго далѣе къ югу. Отброшенные вслѣдствіе сопротивленія брахманскихъ царей Камбоджи къ западу, они являются въ 1350 г. властителями нижняго Менама (главный городъ Аютья). Потомковъ этихъ завоевателей мы встрѣчаемъ смѣшавшимися съ туземцами, какъ главную массу населенія культурныхъ государствъ Индо-Китая, дошедшихъ до высокой степени процвѣтанія. Трудно точно установить, составляютъ ли чамъ древнѣйшую отрасль тай, или они ведутъ свое происхожденіе отъ индонезiйцевъ; на низменностяхъ они столкнулись съ малайцами и усвоили себѣ ихъ языкъ (близкій къ семьѣ современныхъ малайскихъ нарѣчій), по физическимъ признакамъ они сильно отклоняются отъ малайскаго типа и скорѣе приближаются къ индонезiйцамъ. Первый проблескъ исторической достовѣрности показываетъ ихъ намъ въ качествѣ обитателей царства, обнимающаго южный Тонкинъ, Анамъ и большую часть средняго Индо-Китая. Вторая народная волна, принадлежащая ужъ къ временамъ нашего

лѣтосчисленія, привела кхмеровъ въ эту плодородную страну; здѣсь они перемѣшались какъ съ малайцами (брахоцефалы), такъ и съ индонезійцами (волнистые волосы племени куи), и возвысили свое царство Камбоджа до высокой степени процвѣтанія въ ущербъ царству Чампа. Позднѣйшіе набѣги тай ограничили ихъ государство его нынѣшними предѣлами, уменьшенной областью Камбоджи и южной Кохинхиной.

Новыя племена все изъ той же колыбели народовъ проникаютъ на югъ и востокъ и тѣснятъ моевъ, малайцевъ и кхмеровъ: это были анамиты. Они живутъ въ настоящее время отъ дельты Тонкина до южной Кохинхины; въ нихъ замѣтна сильная примѣсь китайской крови, и они насквозь пропитаны китайской культурой. Та же самая народная волна, вѣроятно, принесла почти одновременно второй притокъ тай, лао, въ горныя страны теперешняго сѣвернаго Сіама; третій же—бирманцевъ, по языку стоящихъ ближе къ обитателямъ Тибета, увлекла съ горной страны, лежащей на востокѣ отъ Тибета внизъ по теченію Иравадди, откуда они оттѣснили къ берегу осѣвшихъ тамъ моновъ, по языку родственныхъ анамитамъ. За ними послѣдовали въ началѣ нашего тысячелѣтія шаны (Сханы; нынѣ обитаютъ въ горныхъ странахъ верхней Бирмы), которые и теперь еще называютъ себя тай (свободные); далѣе на востокъ сіамцы, которые съ своей стороны сломили въ Камбоджѣ господство ранѣе пришедшихъ туда кхмеровъ и основали собственное государство, доведенное ими до высокой степени процвѣтанія. Физическіе признаки всѣхъ этихъ племенъ говорятъ за то, что они не остались чужды смѣшенія съ другими народами.

B. Доисторическія времена и древнѣйшая исторія Индо-Китая.

Глубочайшій мракъ закрываетъ отъ насъ далекія времена исторіи Индо-Китая; сравнительное изученіе нарѣчій, такъ же какъ и антропологія, свидѣтельствуютъ о раннихъ сношеніяхъ съ другими народами и о смѣшеніи племенъ между собою. По языку можно выдѣлить нѣсколько коренныхъ группъ. Нарѣчія теперешнихъ темныхъ обитателей полуострова почти неизвѣстны; наоборотъ, особенности языка малайскихъ племенъ указываютъ на ихъ обособленіе еще съ древнѣйшихъ временъ. Другія нарѣчія народовъ Индо-Китая, принадлежащія къ группѣ изолирующихъ языковъ, помогаютъ различить уже въ древнѣйшія времена два первобытныхъ народа, которыхъ мы можемъ опредѣлить соотвѣтственно съ нынѣшнимъ распространіемъ ихъ потомковъ, какъ тибетобирмановъ и тайкитайцевъ. Но гдѣ именно обитали эти народы-родоначальники мы не имѣемъ никакой возможности указать. Утверждать можно только одно: отпрыски этихъ древнѣйшихъ племенъ, имѣвшихъ значеніе для исторіи Индо-Китая, очевидно, явились съ сѣвера. Въ болѣе поздній періодъ исторіи Индо-Китая чистокровные тхаи жили въ гористой странѣ на границахъ Индо-Китая и Китая, гдѣ сохранились въ чистотѣ еще и по настоящее время. Изъ сравненія языковъ мы можемъ заключить, что отпрыски тай еще въ очень древнія времена должны были образовать племена мон-анамитовъ; позднѣе эти племена были вытѣснены надвинувшимися тай подъ именемъ моновъ (Пегу) и анамитовъ (восточный берегъ Индо-Китая, мѣстное названіе: юонъ) въ нынѣшнія мѣста ихъ жительства, весьма отдаленныя одно отъ другого. Чамы также образовали уже издавна отдѣльную вѣтвь и столкнулись съ малайскими племенами, сильно повліявшими на ихъ физическое строеніе и на языкъ. За ними уже въ болѣе поздній періодъ исторіи слѣдуютъ кхмеры, лао, шанъ и сіамцы.

Мы ничего не знаемъ о томъ, въ какое время и какимъ образомъ произошли первыя перемѣщенія этихъ племенъ. Китайскіе источники, относящіеся къ 1110 г. до Р. Х., сообщаютъ, правда, о посольствѣ

изъ Индо-Китая (вѣроятно, изъ Тонкина) къ китайскому двору Чжоу (стр. 64): затѣмъ въ 214 г. до Р. Х. и 109 г. по Р. Х. были основаны китайскими генералами особыя династіи въ Тонкинѣ. Ближайшихъ же свѣдѣній относительно событій тѣхъ временъ мы не имѣемъ; мѣстныя легенды до того изукрашены фантазіей что мы не можемъ извлечь изъ нихъ никакого пригоднаго для исторіи матеріала, хотя онѣ и начинаютъ свое повѣствованіе съ сотворенія міра.

Въ первыя столѣтія нашей эры мракъ мало-по-малу проясняется: на сѣверной границѣ и на востокѣ безпокойства и волненія, борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ между китайцами и туземными племенами, на югѣ и западѣ побѣдоносное вторженіе индусской культуры. Важнѣйшимъ источникомъ при изученіи индокитайской исторіи того времени является „Описаніе земли“ Клавдія Птоломея въ первой половинѣ II вѣка по Р. Х. Герини („Journal of the Royal Asiatic Society“ 1897) обязаны мы ключемъ къ разъясненію многихъ его сообщеній. Значительную часть юга занимало царство чамовъ, Чампа, со столицей Чампапура; на востокъ и на сѣверо-востокъ отъ него поселились кхмеры, которые, по свидѣтельству древняго Камбоджійскаго источника, подвинулись къ югу отъ своей родины, лежавшей на сѣверѣ, и пришли въ столкновеніе съ чамами. Птоломей утверждаетъ, однако, также, что въ его время все побережье Индо-Китая было заселено синдоями (индусами). Если уже въ то время настолько было велико ихъ значеніе въ Индо-Китаѣ, что александрійскій историкъ говоритъ о нихъ, какъ о многочисленномъ племени, то, значитъ, индусская культура несомнѣнно должна была проникнуть въ страну за нѣсколько столѣтій до этого.

Введеніе брахманской культуры является просто побѣдой немногихъ піонеровъ высшей цивилизаціи: индокитайское населеніе въ физическомъ отношеніи измѣнилось отъ этого весьма мало. Начало этого движенія имѣло мѣсто не ранѣе заселенія Ориссы брахманами (стр. 367); отсюда брахманизмъ проложилъ свой путь въ Индо-Китай, вѣроятно, черезъ море. Съ одной стороны, брахманы проникли въ Индо-Китай издавна закрытымъ сухимъ путемъ черезъ дельту Ганга и Ассамъ только во второй половинѣ нашего тысячелѣтія, когда брахманство уже давно пришло тамъ въ сильный упадокъ; съ другой стороны, мы можемъ сдѣлать заключеніе въ пользу перехода морскимъ путемъ изъ того, что индусская культура развилась всего лучше въ прибрежныхъ мѣстахъ (сравни выше указанія Птоломея). Изъ южной Индіи не могло исходить движеніе въ Индо-Китай уже потому, что въ то время брахманство еще не получило тамъ правъ полнаго гражданства и перенесеніе культуры съ тѣхъ береговъ едва ли вѣроятно; лишь гораздо позже стали развиваться сношенія между этими странами, что можно прослѣдить по появленію дравидскихъ мотивовъ въ архитектурѣ позднѣйшихъ храмовъ Индо-Китая. Въ пользу того, что индокитайское брахманство было занесено съ сѣвера Индіи, говорятъ, кромѣ того, не только санскритскія названія почти всѣхъ главнѣйшихъ городовъ древней Индонезіи, названія, заимствованныя почти цѣликомъ отъ городовъ дельты Ганга, но также стремленіе тамошнихъ государей производить свой родъ отъ миѳическихъ династій Солнца и Луны Мадхья-деша (стр. 366).

Морской путь привелъ прежде всего къ Бирмѣ; но индійская культура нашла для себя тамъ, повидимому, почву, не столь подготовленную, какъ въ большомъ, болѣе воспріимчивомъ царствѣ Чампа, лежавшемъ къ югу: Лигорійскій заливъ и нынѣшняя Камбоджа въ своей береговой полосѣ вмѣстѣ съ побережьями большихъ рѣкъ сдѣлались вслѣдствіе своихъ хорошихъ экономическихъ условій, повидимому, центромъ брахманскаго вліянія. Это вліяніе оказалось менѣе значительнымъ въ восточныхъ частяхъ полуострова, болѣе удаленныхъ отъ родины брахманизма и находившихся подъ вліяніемъ китайской культуры. Еще до сихъ поръ на всемъ пространствѣ между верхней Бирмой и Кохинхиной безчисленныя раз-

валины храмовъ, съ ихъ богатыми скульптурными украшеніями и санскритскими надписями свидѣтельствуютъ о господствѣ, которое брахманы нѣкогда имѣли надъ умами. Каждый годъ приноситъ важныя открытія, особенно въ областяхъ, занятыхъ французами. Е. Аймонье говоритъ, что по надписямъ можно возстановить въ ихъ санскритской формѣ имена многихъ царей Камбоджи отъ III вѣка по Р. Х. вплоть до 1108 г., — имена, еще сохранившіяся въ народныхъ преданіяхъ; впослѣдствіи санскритъ замѣнился туземнымъ письмомъ кхмеровъ. Судя по подписямъ, а также по памятникамъ зодчества и ваянія, Шива и сынъ его Ганеша съ головою слона пользовались наибольшей популярностью; ихъ изображенія и символы (лингамъ) далеко многочисленнѣе, чѣмъ изображенія другихъ индусскихъ боговъ. Но и Вишну пользовался большимъ почитаніемъ; ему посвящены самые большіе и прекрасные изъ брахманскихъ храмовъ Индо-Китая, напр., Ангкоръ Тхомъ и Ангкоръ Ватъ, построенный, какъ можно видѣть изъ надписей, въ 825 году.

Уже въ тѣ времена, когда первые брахманы проникли въ Индо-Китай, тамъ же пустило корни также и буддійское ученіе, правда, подъ видомъ особаго рода поклоненія древнимъ богамъ. Является, поэтому, весьма вѣроятнымъ, что вмѣстѣ съ переселеніемъ брахманства въ Индо-Китай были заронены и сѣмена буддизма. Такъ же какъ Будда въ кругу поклонниковъ Вишну считался за воплощеніе этого божества на землѣ, такъ и статуи его воздвигались и почитались въ храмахъ Вишну или Шивы во дни процвѣтанія брахманства въ Чампѣ и Камбоджѣ.

Буддизмъ проникъ въ Индо-Китай двумя путями: одинъ велъ сюда прямо изъ Индіи и Цейлона; съ этого острова, какъ гласитъ преданіе, Буддагхоша (стр. 409 и 497), по окончаніи имъ перевода священныхъ книгъ на языкъ пали, принесъ въ V вѣкѣ по Р. Х. буддійское ученіе въ Индокитай, и нѣкоторыя сходства между камбоджійскою рукописью и цейлонскимъ пали несомнѣнно говорятъ въ пользу религіозно-культурныхъ сношеній обѣихъ странъ. Наряду съ этимъ, однако—а, по свидѣтельству Дао-Сянь-Ко, еще раньше — сѣверное (санскритское) ученіе буддизма проникло въ Индо-Китай черезъ среднюю и восточную Азію. Буддизмъ прежде всего распространился между полуварварскими воинственными племенами горцевъ; они, повидимому, сдѣлались его ревностными послѣдователями. По крайней мѣрѣ, племена тай (лао, шанъ, сіамцы), продвинувшіяся впослѣдствіи далѣе на югъ, оказались ревностными буддистами. Вторженіе этихъ племенъ въ Индо-Китай на рубежѣ I и II столѣтій по Р. Х. знаменуетъ окончательный упадокъ брахманства въ этой странѣ: боги исчезаютъ, храмы рушатся; на ихъ мѣсто воздвигаются сооруженія, по незатѣйливости своей вполнѣ соотвѣтствующія простотѣ буддійскаго міросозерцанія и представленій о божествѣ (см. прилагаемый рисунокъ „Будда и его ученики“, каменныя изваянія во внутренности сіамской пагоды Ватъ-Сутхатъ). Только въ Камбоджѣ брахманство существовало долѣе, какъ о томъ свидѣтельствуютъ постройки и надписи, относящіяся къ VI—XIII вѣкамъ. Около 700-го года сѣверный буддизмъ дѣлаетъ тамъ первые робкіе шаги, и царь Джаяварманъ (968—1002) является реформаторомъ, вводящимъ его. Но только въ 1295 г. школы попадаютъ въ руки буддистовъ, и только въ 1320 г. буддизмъ объявляется государственной религіей Камбоджи. Около того же времени и южный буддизмъ (пали) нашелъ себѣ тамъ послѣдователей.

Но какіе глубокіе корни брахманизмъ пустилъ въ жизнь народа, доказывается не только многими словами санскритскаго происхожденія, получившими право гражданства въ нарѣчіяхъ современнаго Индо-Китая, — это проявляется во многихъ особенностяхъ народной жизни. Правда, Вишну, Шива и Ганеша уже не признаются богами, но ихъ чтутъ, какъ героевъ, и ихъ каменныя и бронзовыя изображенія украшаютъ храмы наряду со

статуями Будды, какъ, напр., въ храмѣ Ватъ-Ботъ-Пхрамъ въ Бангкокѣ. Изображеніе Вишну все еще красуется на королевскомъ знамени Сіама, и сіамскіе короли очень благоволятъ къ тамошнимъ брахманамъ, твердо придерживающимся своей религіи: имъ однимъ предоставлено право приготовленія святой воды, и они играютъ выдающуюся роль при многихъ церемоніяхъ во дворцѣ. Аристократія Камбоджи еще и по сю пору претендуетъ на особыя привилегіи, ссылаясь на брахманскій кастовый строй (кшатріи).

C. Исторія Индо-Китая.

Начиная съ временъ, когда мы, благодаря Птоломею, можемъ составить себѣ нѣсколько болѣе опредѣленныя понятія о соотношеніи народовъ Индо-Китая, мы замѣчаемъ во всей исторіи полуострова дифференцировку по тремъ намѣченнымъ самою природою главнымъ частямъ его: западной, обращенной къ Индійскому океану, средней, орошаемой рѣками Салвеномъ, Менамомъ и Меконгомъ и, наконецъ, восточной, доступной легче всего со стороны Китая и обращенной къ Китайскому морю.

a) Западный Индо-Китай (Бирма).

Древнѣйшіе источники исторіи Бирмы находимъ мы въ Китаѣ, лѣтописи котораго разсказываютъ о борьбѣ съ туземцами сѣверозападнаго Индо-Китая въ первые вѣка до Р. Х., — во время которой покончила свое существованіе древняя столица Тагонгъ; далѣе говорится о другихъ китайскихъ походахъ между 166—241 г. по Р. Х. Очень смутное преданіе говоритъ о гораздо болѣе отдаленныхъ временахъ. Черезъ его покрывало прозрѣваемъ мы прежде всего непрестанныя междоусобія маленькихъ государствъ, зарождающихся, доходящихъ до могущества и снова исчезающихъ. Въ этомъ водоворотѣ выступаетъ нѣсколько болѣе обширныхъ государствъ, отличающихся большей живучестью., напр., по сѣверному побережью Араканъ, заселенный бирманцами, но вслѣдствіе сосѣдства съ Индіей сильно подпавшій ея вліянію; Араканъ въ 1133 г. при царѣ Гавъ-Лайя получилъ перевѣсъ надъ Бенгаломъ, Пегу, Паганомъ и Сіамомъ, и еще въ 1450 г. простиралъ свое владычество отъ Сандовеха черезъ Акьяба до Читтагонга. На югѣ лежало государство Малая-Деша, получившее свое названіе отъ главнаго племени, заселявшаго его. Но важнѣе этихъ обоихъ государствъ были два государства: Бирма и Пегу. Ихъ исторія представляетъ непрерывную борьбу двухъ племенъ,—бирманцевъ, явившихся съ сѣвера, и туземцевъ монъ (талаингъ, пегу).

Самые ранніе миѳы бирманцевъ указываютъ намъ на Промэ (V вѣка по Р. Х.), какъ на столицу древнѣйшаго царства. Но позже мятежниками, бѣжавшими изъ Промэ, былъ основанъ Паганъ, средоточіе новаго царства, процвѣтавшаго отъ VII — IX столѣтія и еще въ 1060 г. настолько сильнаго, что оно при Анураддхѣ или Анорат'асо могло покорить царство Талаингъ; но въ 1300 году оно было уничтожено династіей Пандья. Время, въ теченіе котораго Тагонгъ (Таунгъ-гу) является столицей стараго бирманскаго царства, совпадаетъ со временемъ процвѣтанія индійской культуры, насаждаемой брахманами; ихъ легенды разсказываютъ, что Тагонгъ на Иравадди былъ основанъ за 500 лѣтъ до начала христіанской эры царемъ Абхираджа. Во всякомъ случаѣ властители Тагонга находились подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ представителей чужеземной культуры. Преданіе сохраняетъ длинный списокъ династій, старавшихся произвести свой родъ отъ древнеиндійскихъ государей; нѣкоторые изъ этихъ царей прославляются, какъ герои, въ бирманскихъ народныхъ пѣсняхъ еще и донынѣ.

Насколько можно извлечь историческое ядро изъ народныхъ сказаній, —мы видимъ, что первое тысячелѣтіе нашей эры прошло для страны въ волненіяхъ, междоусобіяхъ, борьбѣ отдѣльныхъ государствъ то съ сингалезами (стр. 500), то съ китайцами, которые постоянно стремились подчинить Бирму своему владычеству, когда не мѣшали ихъ собственныя неурядицы. Позднѣе также повторялись китайскіе набѣги; даже въ 1284 г. еще происходили, повидимому, сильныя битвы съ могучимъ сосѣдомъ. Лишь въ 1305 г. удалось бирманцу Минти освободить страну отъ китайскаго владычества, но затѣмъ она подпала власти шанъ. Туманъ, окутывающій отдѣльные эпизоды бирманской исторіи, начинаетъ понемногу проясняться со второй половины XIV-го вѣка. Но характеръ дальнѣйшаго развитія не измѣняется; все та же кровавая борьба между главными племенами бирманцевъ и монъ; жестокіе и храбрые властители, смѣняющіеся слабыми и безсильными; вѣчныя потрясенія и перемѣны, которыя захватываютъ также и маленькія государства не только западнаго Индо-Китая, но и средняго.

Въ 1364 г. царь Шатоменхинъ (Тхадоминбіа), властитель надъ странами Сагоинъ (Сагани) и Пандья, основалъ бирманскую столицу Ава (классическую Ратнапуру), на долю которой выпало надолго стать центромъ историческихъ событій. Преемникъ Шатоменхина Менгъитсаукэ (Минъ-Савъ-Мунъ) усилилъ свое царство завоеваніемъ Промэ. Онъ и его преемники съ успѣхомъ отбили не только нападенія араканцевъ (1413 и позже), но даже и китайцевъ въ 1424, 1449 и 1477 годахъ. Но затѣмъ центръ тяжести перешелъ отъ Ава къ Пегу, властитель котораго Ментара, подчинилъ своему владычеству Бирму и Араканъ (1540), затѣмъ взялъ приступомъ послѣ отчаяннаго сопротивленія столицу Сіама Аютхью и такимъ образомъ утвердилъ свое владычество также въ обширномъ царствѣ средняго Индо-Китая (1544). Частыя возстанія сіамцевъ, подавлявшіяся съ большимъ трудомъ, скоро освободили ихъ отъ господства царя Пегу Буранкри Наунханъ (1551—81) (также наз. Баинъ Наунгъ, португ. Брангиносо). Однако зависимость Бирмы отъ Пегу была болѣе продолжительной. Многія попытки къ освобожденію остались тщетными (1585), и Ава, какъ заброшенный провинціальный городъ, скоро пришла въ упадокъ. Но въ началѣ XVII столѣтія пегуанцы были изгнаны Ньяунгъ Мендарахомъ, Ава, вновь отстроенная, опять сдѣлалась столицей въ 1601 г., Пегу и сосѣднія государства шановъ на сѣверѣ — покорены. Но уже въ 1636 г. Пегу не только освободилась отъ Авы, но и покорила ее, и Ава сдѣлалась столицей обоихъ соединенныхъ государствъ. Еще не разъ счастье колебалось то въ ту, то въ другую сторону. Во второй половинѣ XVII вѣка преобладаніе перешло на сторону Пегу, въ началѣ XVIII вѣка—къ Бирмѣ. Однако послѣ тяжкаго разгрома въ 1740—52 г. Бирма снова покорилась Пегу. Въ 1753 г. Бирма окончательно стряхнула власть Пегу, и съ тѣхъ поръ начинается послѣдній періодъ ея самостоятельной исторіи (до 1885 г.).

Прошло много столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ нога европейца впервые ступила на землю Индо-Китая. Малакка, покоренная Альбукеркомъ въ 1511 г., явилась однимъ изъ самыхъ главныхъ оплотовъ португальскаго владычества въ малайскомъ архипелагѣ; товарные склады основались также и сѣвернѣе, но въ злополучныя времена борьбы между Пегу и Бирмой они не могли пріобрѣсти особеннаго значенія. Португальскіе рыцари и солдаты сражались то за ту, то другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Отдѣльные искатели приключеній португальскаго (Фил. де Брито-и-Никотэ, 1600—1613) и испанскаго происхожденія (Себастіанъ Гонзалецъ де Тибао, около 1650 г.) достигали мимолетной славы, но всѣхъ ихъ ожидалъ печальный конецъ. Всѣ сношенія европейцевъ съ Индо-Китаемъ были лишены широкаго размаха. Нѣсколько позже англичане и голландцы также основали на бирманскомъ берегу свои колоніи, но были изгнаны, такъ какъ

не умѣли поладить съ бирманскими чиновниками. Только въ половинѣ XVIII столѣтія, когда англичанамъ удалось оказать помощь освободителю Бирмы Аломпрѣ, они въ награду за эту услугу, отчасти же благодаря низкой лести, получили дозволеніе вновь построить факторіи на островѣ Неграисъ при устьѣ рѣки Бассейнъ; нѣкоторое время (до октября 1759 г.) эта колонія вела значительную торговлю.

Въ 1740 г. пегуанцы подъ начальствомъ Беинга Делла побѣдили Бирму и истребили всю ея царскую фамилію. Но въ 1753 г. Аломпра, человѣкъ низкаго происхожденія (Алаунгп'ая, Алунк П'Хура, „Охотникъ,“—а въ одной притчѣ, заимствованной, какъ думаютъ, изъ Буддагхоша, встрѣчается такое презрительное заявленіе: „изъ 21 касты—19 могутъ добрыми дѣлами заслужить отпущеніе грѣховъ, но охотники и рыбаки, хотя-бы они и посѣщали пагоды и исполняли законъ, и всю жизнь слѣдовали пяти заповѣдямъ,—все таки не получаютъ отпущенія грѣховъ“), собравъ въ деревнѣ Моццобо (Манхабу) толпу единомышленниковъ, прогналъ изъ своего отечества пегуанскаго правителя и брата царя, Апораца, явившагося съ флотомъ передъ Ава въ 1754 г.; затѣмъ онъ проникъ въ 1755 г. въ Пегу и въ 1757 г. овладѣлъ столицей непріятеля. Въ память побѣды при Синіангонгѣ (21 апрѣля 1755 г.) построенъ былъ городъ Рангунъ, который, благодаря своему счастливому положенію—на пути торговыхъ сношеній—скоро получилъ важное значеніе.

Съ 1757 г. царство Пегу, нѣсколько столѣтій боровшееся съ Бирмой за первенство, перестало существовать. Бирма-же заняла безспорно первенствующее положеніе на западѣ Индо-Китая; занятіемъ Мергуи и Тенассерима она протянула руку даже за Сіамомъ. Преемникамъ Аломпры (умерш. 15 мая 1760 г.) оставалась только задача—тушить возстанія, отбивать нападенія китайцевъ, не желавшихъ допустить возникновенія юной могучей державы на своей южной границѣ,—и подчинить себѣ маленькія государства западнаго Индо-Китая, еще сохранившія свою независимость. Второй послѣ Аломпры государь, Шембуанъ (С'инбьюинъ, Шангъ-Пхра-Шангъ; 1763—1776 г.), успѣшно защищалъ свою страну отъ китайцевъ, почти совершенно истребилъ ихъ войско при Авѣ (китайцами начальствовалъ генералъ Чинъ), покорилъ (временно: 1771 г.) Сіамъ и взялъ Ассамъ (Асамъ), дотолѣ остававшійся независимымъ, какъ по отношенію къ Индіи, такъ и къ Индо-Китаю. Третій сынъ Аломпры и шестой царь династіи отъ 1757 г., Бходау Пхра (Бодав'п'ая—царскій дѣдъ; собственно Баденъ-тхакенъ, также Ментарагьи или Мандераджи Прау), храбрый, но жестокій и своенравный государь, выстроилъ новую столицу (1783 г.) Амарапуру (Уммарапура) и заставилъ переселиться туда всѣхъ жителей Авы. Онъ свирѣпо подавилъ возстанія въ Пегу, жестоко преслѣдовалъ ученіе Будды и его священнослужителей; въ 1784 г. онъ хитростью завладѣлъ Araканомъ и подчинилъ его себѣ. Такимъ образомъ къ концу его царствованія (1819) Бирма достигла высшей степени величія и могущества.

Цесарское безуміе Бходау Пхра перешло къ его наслѣднику и внуку Пхагьи-дау (Ингъ-Ше-Менъ), значительно, впрочемъ, уступавшему ему въ даровитости. Самомнѣніе довело его до первой войны съ Англіей (1824—1826, ср. стр. 471). Миръ, заключенный въ Янлабо 24 февраля 1826 г., лишилъ Бирму многихъ владѣній и отодвинулъ ея границы до бассейна Иравадди; береговая ея полоса едва заходила за предѣлы дельты этой рѣки (съ Рангуномъ), Но это тяжкое испытаніе ничему не научило государей Бирмы. Когда безуміе Пхагьи-дау сдѣлалось несомнѣннымъ, онъ былъ свергнутъ съ престола (въ 1837 г.) и заключенъ въ тюрьму. Столь же ослѣпленный и жестокій, преемникъ его, Тхаравади, объявилъ, что договоръ въ Яндабо не имѣетъ для него значенія; англійскіе миссіонеры подверглись такому обращенію, что должны были бѣжать, и британское резидентство, вслѣдствіе дерзкихъ отношеній къ нему, было отозвано въ 1840 г.

Но и послѣ того, какъ Тхаравади (1845 г.) окончательно сошелъ съ ума и былъ низложенъ своимъ сыномъ Паганъ Менг'омъ, враждебныя проявленія не прекращались: британскіе капитаны были оскорблены и не получили требуемаго удовлетворенія; Бирма стремилась нарочно вызвать новую войну съ Англіей. Несмотря на значительныя потери, британскія войска заняли одинъ за другимъ города: Мартобанъ (Раманья, 5 апрѣля 1852 г.), Рангунъ, Бассеинъ, Проме и Пегу (21 ноября). 20 декабря Карлъ Дальгаузи провелъ новую границу, объявивъ Нижнюю Бирму (Пегу) британской провинціей (стр. 481); это было смертельнымъ ударомъ для Бирмы, у которой такимъ образомъ отнимались богатѣйшія области для рисовой культуры и заграждался доступъ къ морю. Англія же пріобрѣла этимъ одностороннимъ миромъ въ полное владѣніе восточный берегъ Бенгальскаго моря, прежде принадлежавшій бирманцамъ. Остальная часть туземнаго царства обречена была на полную зависимость отъ британской Индіи, должна была, слѣдовательно, сохранять хорошія отношенія съ Англіей. Но это оказалось невозможнымъ для бирманскихъ государей.

Паганъ Менгъ былъ свергнутъ съ престола въ 1853 г., и ему наслѣдовалъ добрый и любившій своихъ подданныхъ Менгъ данъ (дунъ) Менгъ (Менлунгъ-Менъ, Миндонъ-минъ); но и этотъ государь настолько мало понималъ свое положеніе, что 18 мѣсяцевъ спустя послѣ занятія Пегу англичанами онъ отправилъ посольство въ Калькуту съ просьбой возвратить ему отнятыя страны; долгое время онъ отказывался подтвердить потерю Пегу своей подписью. Тѣмъ не менѣе отношенія между Бирмой и британской Остиндіей были сносны при этомъ государѣ, перенесшемъ свою столицу изъ Амарапуры въ Мандалей. Араканъ, Мартабанъ (Иравади), Пегу и Тенассеримъ были въ 1862 г. объединены въ одну „Британскую Бирму", и Артуръ Файръ назначенъ главнымъ коммиссаромъ. Въ 1874 г. присоединена къ Тенассериму Кведа на Малаккѣ, уступленная владѣтелемъ по добровольному соглашенію. Въ 1871 г. Италія также заключила торговый договоръ съ Бирмой, а за ней послѣдовала и Франція; Бирма съ своей стороны также отправляла посольства (1872, 1874 и 1877 г.), чѣмъ проявила желаніе установить правильныя сношенія съ Европой.

1 октября 1878 г. умеръ Менгъ данъ Менгъ, и ему наслѣдовалъ Тхибау (Тхебау), государь подобный Пхагьи дау и Тхаравади. Будучи заклятымъ врагомъ Англіи, онъ уже въ сентябрѣ 1879 г. оскорбленіями заставилъ резидента удалиться изъ Бирмы. Затѣмъ онъ вступилъ въ сношенія съ Франціей, границы индокитайскихъ колоній которой достигли къ этому времени до государствъ чановъ, платившихъ дань Бирмѣ; ближайшею цѣлью этихъ переговоровъ являлось проведеніе желѣзной дороги изъ французскихъ владѣній до Мандалея, основаніе тамъ французскаго банка и проч. 17 октября 1885 г. послѣдовалъ со стороны Англіи ультиматумъ, предписывавшій Тхибау немедленное принятіе британскаго резидента и отреченіе отъ всякой самостоятельной политики для Бирмы. Царю дано было всего 4 дня на размышленіе; онъ отвергъ ультиматумъ. Англичане воспользовались этимъ короткимъ промежуткомъ времени, чтобы подвести къ границамъ Бирмы 11,000-й отрядъ подъ начальствомъ полковника Гарри Нортъ Дальримпль Прендергастъ. Тхибау, застигнутый врасплохъ, просилъ перемирія и предлагалъ начать переговоры; на это послѣдовало согласіе подъ условіемъ выдачи англичанамъ всей бирманской арміи и города Мандалея. Когда же это условіе было довѣрчиво принято и 28 ноября приведено въ исполненіе, ничтожный монархъ былъ объявленъ государственнымъ плѣнникомъ и отправленъ 1 декабря черезъ Рангунъ въ Мадрасъ. Все это событіе англичане называютъ „третьей бирманской войной"; въ дѣйствительности же нѣкоторыхъ жертвъ съ ихъ стороны потребовала только осада Минхласа (17 ноября); нападеніемъ врасплохъ они завладѣли свободнымъ еще западомъ Бирмы, независимость котораго была

оффиціально уничтожена 31 декабря 1885 г.; въ апрѣлѣ 1886 г. послѣдовало возстаніе, усмиренное въ ноябрѣ генераломъ Робертсомъ (ср. III т.). Въ 1887—1888 г. послѣдовало присоединеніе государствъ шановъ (ср. стр. 519), и англичане сдѣлались властителями всего западнаго Индо-Китая.

b) Средній Индо-Китай.

Три царства послѣдовательно занимали первенствующее политическое положеніе въ среднемъ Индо-Китаѣ: Чампа, Камбоджа и Сіамъ. Первоначальная исторія средняго Индо-Китая дошла до насъ, но лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

a) Чампа и Камбоджа.

Больше всего это относится къ Чампѣ, древнѣйшему изъ трехъ вышепоименованныхъ государствъ: самыя раннія извѣстія говорятъ намъ о Чампѣ, какъ о странѣ, обитаемой могучимъ народомъ. Въ дни своего величайшаго процвѣтанія, — именно около средины I вѣка по Р. Х., Чампа занимала пространство, равное приблизительно теперешней Камбоджѣ, временами заходя даже за предѣлы Кохинхины, Анама, до самой границы южнаго Тонкина. Культура уже во времена Птолемея была брахманской: древнѣйшія санскритскія надписи восходятъ до III вѣка по Р. Х., а болѣе позднія до XI столѣтія нашей эры. Позднѣйшія надписи сдѣланы на языкѣ Чампа, особомъ языкѣ съ примѣсью санскрита. Религія, какъ и вообще во всемъ Индо-Китаѣ, состояла главнымъ образомъ въ поклоненіи Шивѣ (лингамъ); можно найти также слабые слѣды буддизма, который пустилъ корни болѣе глубокіе лишь въ дни паденія царства Чампа (ср. стр. 510).

Начиная съ IV и кончая X столѣтіемъ нашей эры, исторія Чампы полна борьбы съ китайцами, которые, завладѣвъ Кохинхиной, Анамомъ и Тонкиномъ, вытѣснили оттуда чамповъ. Вторымъ противникомъ Чампы явился народъ кхмеры, вторгшійся въ страну, согласно съ древне-камбоджійскими преданіями, съ сѣвера и жившій во времена Птолемея въ сѣверо-восточной части царства Чампа. Уже въ VII столѣтіи они клиномъ врѣзываются между царствомъ Чампа и государствами Анамомъ и Кохинхиной, которые были подчинены Китаю. Они вполнѣ обладаютъ брахманской культурой: древнѣйшая санскритская надпись, заключающая данныя относительно государства кхмеровъ, Камбоджи, относится къ III вѣку; подъ 626 г. (по счисленію Шака — 549) упоминается въ этихъ надписяхъ нѣкій царь Ишанаварманъ, о трехъ предшественникахъ котораго: Рудраварманѣ, Бхававраманѣ и Махендраварманѣ мы можемъ вывести заключеніе изъ послѣдующей буддійской надписи отъ 667 г. (по счисленію Шака — 589), а затѣмъ съ небольшими перерывами можно прослѣдить рядъ царей до 1108 года. Свидѣтель, достойный вѣры, китайскій пилигримъ Сюань-Цзанъ (стр. 403) посѣтилъ въ 631 — 633 г. оба государства — Камбоджу и Чампу и называетъ въ нихъ города: Деваравати, Чамапура и Чампапура. Около этого времени Камбоджа ужъ сдѣлалась государствомъ равноправнымъ со старымъ царствомъ Чампа.

Но на сѣверной границѣ уже замѣчалось опасное движеніе народовъ. Съ пограничныхъ китайскихъ горъ надвигаются къ югу племена тай и доходятъ до границы Камбоджи. Отрасль этихъ племенъ, Лао, еще въ 574 г. достигла до 18^0 широты и основала государство съ главнымъ городомъ Лабонгъ; около нихъ образовались другія меньшія государства тай. Въ началѣ VII столѣтія Лао (въ китайскихъ лѣтописяхъ Ай-Лао) сильно тѣснятъ государство Камбоджа. Но тутъ ихъ сила сломилась. Легенда связываетъ исторію пораженія тай съ именемъ царя Пхра-Руанго; къ

его царствованію относится начало лѣтосчисленія, первый годъ котораго — 638 по Р. Х. принятъ и понынѣ во всемъ среднемъ Индо-Китаѣ за исходную точку. Побѣжденные впали въ глубокое культурное рабство: они приняли камбоджскія письмена и камбоджскіе законы. Но юная мощь народа не долго томилась въ узахъ. По свидѣтельству древне-камбоджскихъ и сіамскихъ источниковъ, тай освободились въ 959 г. по Р. Х. Быть можетъ, представляя изъ себя отзвукъ татарской народной волны тхитановъ, нахлынувшихъ на Китай въ 937 году (стр. 83), они, подъ предводительствомъ царя, по имени также Пхра Руанга, направились къ югу и основали самостоятельное царство на счетъ царства кхмеровъ: изъ этого сѣмени выросло впослѣдствіи государство Ксіенгъ-Маи (стр. 507), а нѣсколько позднѣе современный Сіамъ.

β) Сіамъ.

Въ 1253 — 54 г. китайскій генеральный намѣстникъ Мангу-ханъ Кублай (стр. 166) внезапно напалъ на тай подобно молніи въ темную ночь: царство Рамчао, основанное однимъ изъ ихъ племенъ, было разрушено, и шаны оттѣснены на мѣста ихъ нынѣшняго жительства. Не столь сильно пострадало государство тай Сукходая на Менамѣ, въ которомъ царствовалъ Рама Кхомхенгъ и которое простиралось отъ Лагора до Вингчау и до большого Камбоджскаго озера. Все далѣе и далѣе подвигались сіамскіе тай, тѣсня царство чамовъ и угрожая кхмерамъ: въ концѣ XIII вѣка они достигли уже до устьевъ Менама. Такимъ образомъ Сіамъ достигъ въ общихъ чертахъ своихъ теперешнихъ границъ (Муонгъ — Тай, земля тай). Царство Чампа было ограничено небольшою областью на югѣ, царство же Камбоджа отодвинуто къ юго-востоку.

1) Первый періодъ новой исторіи Сіама (1344—1556).

Первый періодъ новой исторіи Сіама начинается съ воцаренія въ 1344 г. царя Раматхибоди (Пхра-Утонга), который быстрымъ и побѣдоноснымъ походомъ увеличилъ свое царство на югѣ значительной частью Камбоджи, а на юго-западѣ полуостровомъ Малаккой. Согласно измѣненному центру тяжести въ царствѣ, столица Чаліангъ была въ 1350 г. перенесена южнѣе въ Аютью, возникшую изъ развалинъ древняго Даона. Въ 1353 и 1357 гг. Камбоджа снова принуждена была воевать и была побѣждена; плѣнныхъ поселили въ новой столицѣ, и ослабленное сосѣднее государство должно было уступить Сіаму провинцію Чантабумъ. Преемники великаго Пхра-Утонга должны были сдерживать сѣверныхъ сосѣдей (Лао)—1382 г., оказывать сопротивленіе насиліямъ Чампы (1385 г.), которое сдѣлалось царствомъ морскихъ разбойниковъ, снова подчинять отпавшую Малакку верховному владычеству Сіама и наказать въ 1385 г. Камбоджу за возстаніе полнымъ разрушеніемъ ея столицы; вслѣдствіе этого кхмеры перенесли свою столицу въ болотистыя низменности прибрежья.

Затѣмъ слѣдуютъ государи, мало выдающіеся, употреблявшіе всѣ усилія, чтобы удержать государство въ прежнемъ положеніи. При нихъ начались первыя сношенія съ европейскимъ міромъ, что имѣло глубокое значеніе для новой исторіи Индо-Китая. Въ 1511 г. царь Боромма-Раджа снова завоевалъ отпавшую было Малакку. Сіамъ столкнулся съ португальцами, занявшими въ томъ же году городъ и крѣпость Малакку. Между обѣими державами завязались сносныя отношенія: былъ заключенъ торговый договоръ. Въ остальномъ вліяніе европейцевъ на Сіамъ было покуда незначительно. Внутри Сіама происходили безпорядки, споры за престолъ, господство любимцевъ и женщинъ. Пока сохранялся внѣшній миръ, слабость государства не была очень замѣтна. Но какъ только усилившееся

государство Пегу, получившее господство надъ Бирмой, напало на Сіамъ, слабость его тотчасъ обнаружилась: царь Ментара явился съ огромнымъ войскомъ; камбоджанцы тотчасъ воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы съ своей стороны вмѣшаться. Столица Аютья сдалась, несмотря на отчаянное сопротивленіе, въ 1544 г., и Сіамъ превратился въ вассальное государство, платившее дань Пегу. Едва страна начала оправляться, какъ уже стала помышлять о независимости, что вызвало новое нападеніе Ментары въ 1547 г. Португальскіе рыцари защитили столицу, она устояла, и Ментара вернулся ни съ чѣмъ; но уже въ 1556 г. преемникъ Ментары, Чумигренъ, взялъ Аютью штурмомъ, увелъ въ плѣнъ почти все населеніе и обратилъ Сіамъ въ пегуанскую провинцію.

2) Второй періодъ новой исторіи Сіама (1556—1767).

Чумигренъ выказалъ мало политической дальновидности, назначивъ намѣстникомъ зятя послѣдняго сіамскаго царя. То былъ человѣкъ даровитый, умѣвшій вдохнуть въ своего высокоталантливаго сына Пхра-Нарета (род. 1542 г.) чувства любви къ родинѣ и свободѣ, одушевлявшія его самого. При Пхра-Наретѣ (Абхираджа Прамеритъ, 1558—1593) начинается все разрастающаяся волна движенія въ новой исторіи Сіама; до сихъ поръ его почитаютъ въ Сіамѣ, какъ великаго національнаго героя. Уже въ 1564 г. онъ разбилъ на голову пегуанцевъ и заселилъ плѣнными свою все еще малолюдную столицу (1566). Въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ онъ подчинилъ себѣ Лао на сѣверѣ, а въ 1569 г. заставилъ Китай признать себя полновластнымъ государемъ Сіама. Обширные замыслы Пхра-Нарета шли далѣе: онъ хотѣлъ распространить владычество Сіама на весь Индо-Китай. Однако, прежде всего необходимо было раздавить исконнаго врага Сіама — Пегу. Для этого похода предложилъ ему свою помощь царь Камбоджи. Но какъ только сіамскія войска ушли на Пегу, властитель Камбоджи измѣннически ворвался въ плохо защищенное государство своего союзника. Нападеніе это было отбито, но война съ Пегу вслѣдствіе этого затянулась и только въ 1579 г. окончилась полнымъ подчиненіемъ Пегу Сіаму. Въ отмщеніе за измѣну властитель Камбоджи былъ въ 1583 г. побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и столица его Лавекъ разрушена до основанія. Волненія въ Камбоджѣ и Пегу въ 1587 г. снова вызвали туда Пхра-Нарета. Но когда онъ, наказавъ зачинщиковъ, захотѣлъ въ 1593 г. подчинить себѣ также царство Ава (Бирму), скоропостижная смерть положила предѣлъ его побѣдоносному шествію.

Послѣ смерти великаго царя настали времена упадка, и почти полтора столѣтія прошли въ волненіяхъ, кровавыхъ переворотахъ (въ 1627 г. произошло истребленіе династіи Пхра-Нарета министромъ Калахомомъ, начавшимъ новую династію подъ именемъ Пхра Чау Пхрасаттхонгъ), въ народныхъ возстаніяхъ и мятежахъ провинцій (особенно въ 1615 г.), такъ же какъ и въ нападеніяхъ извнѣ. Только однажды просіяла для Сіама надежда на лучшую судьбу. Въ 1656 г. явился изъ Кефалоніи нѣкій греческій авантюристъ Константинъ Фаулконъ (по сіамски: Пхра-Клангъ). Своей ловкостью и даровитостью онъ пріобрѣлъ милость тогдашняго сіамскаго царя Нараи (Чау Норага или Нарая), который осыпалъ его почестями, возвелъ на высшія должности и, наконецъ, предоставилъ ему полную свободу распоряжаться почти во всѣхъ отрасляхъ правленія. Явились голландскія, англійскія, португальскія и французскія колоніи, сообщеніе облегчилось устройствомъ дорогъ, каналовъ и проч., согласно строго обдуманному плану, и благосостояніе замѣтно росло. Особенно Фаулконъ благоволилъ къ французамъ: имъ было разрѣшено имѣть католическую церковь въ Аютьи и дано позволеніе устроить миссіи подъ управленіемъ Ламотъ Ламберта (1663 г.). Король Людовикъ XIV и папа Климентъ X

послали въ 1673 г. посольство въ Сіамъ для того, чтобы содѣйствовать преуспѣянію христіанства. На эту любезность Фаулконъ отвѣтилъ тѣмъ же въ 1684 г. Въ 1685 г. Франція отправила въ Сіамъ флотъ и въ 1687 г. онъ получилъ по договору Бангкокъ и Мергуи, которые и укрѣпилъ; но излишнее вмѣшательство экипажа въ дѣла государства скоро сдѣлало ихъ ненавистными народу. Нововведенія, ломавшія старыя основы, вводились слишкомъ быстро: Фаулконъ палъ въ 1689 г. во время народнаго возстанія; его реформы, насколько возможно, были уничтожены, французы изгнаны въ 1690 г., миссіонеры и туземные христіане подверглись притѣсненіямъ.

При послѣдующихъ слабыхъ государяхъ (Пхра Пхетъ Рача, Пхра Печарача или Питра Сена: 1689 — 1700; затѣмъ при его сыновьяхъ и внукахъ) могущество Сіама склонялось все болѣе и болѣе къ упадку. Величайшее униженіе пришло снова съ запада. Въ сосѣдней Бирмѣ Аломпра (стр. 513) увлекалъ свой народъ отъ побѣды къ побѣдѣ и растопталъ исконныхъ враговъ государства — Пегу. Затѣмъ онъ захотѣлъ подчинить себѣ также Сіамъ и, почти не встрѣчая сопротивленія, дошелъ до Аютьи; но тутъ его сразила внезапная смерть (1760). Однако, преемникъ Аломпры, Шембуанъ, снова въ 1766 г. вторгся въ государство; столица Сіама была въ 1767 г. взята и сожжена, а раненый царь погибъ въ пламени.

3) Третій періодъ новой исторіи Сіама (съ 1767 г.).

Гибель столицы и смерть царя сдѣлали страну легкой добычей побѣдителя. Этотъ послѣдній оставилъ тамъ, поэтому, только незначительный гарнизонъ; на сѣверѣ, гдѣ мощь тай все еще глубоко коренилась въ родной имъ почвѣ, былъ оставленъ сіамскій намѣстникъ, родомъ китаецъ, Пхая Такъ (Пхіатакъ, Піатакъ). Онъ собралъ вокругъ себя, сколько могъ, людей, способныхъ носить оружіе, прогналъ бирманцевъ и, когда династія въ 1627 году угасла, добился отъ Китая признанія себя царемъ. Аютья была разрушена до основанія, и резиденцію вслѣдствіе этого пришлось перенести къ устью Менама въ Бангкокъ (Банкасей), скоро развившійся въ оживленный торговый городъ. Сила растетъ съ успѣхомъ: Пхая Такъ въ томъ же самомъ году покорилъ Камбоджу и другія менѣе значительныя государства на югѣ; затѣмъ онъ покорилъ на сѣверѣ Лао (1777 г.) и окончательно отбилъ нападенія бирманцевъ, не желавшихъ примириться съ потерею Сіама. Въ концѣ концовъ Пхая Такъ сошелъ съ ума, бѣжалъ въ монастырь отъ народнаго возстанія и былъ убитъ.

Послѣ Пхая Така бразды правленія перешли къ его первому министру Чакри (1782 г.), основателю нынѣ царствующей династіи. Это совпало со временемъ, когда французскій епископъ Бехенъ (стр. 521) пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на наслѣдника престола сосѣдней державы — Аннама; въ ту пору началось дѣятельное вмѣшательство Франціи во внутреннія дѣла восточнаго Индо-Китая. Тамъ побаивались европейцевъ и ихъ церковныхъ представителей; въ Сіамѣ къ чужеземцамъ относились тоже неблагопріятно при новомъ государѣ и его преемникахъ (Пируснгъ до 1809 г.; Пхендингкангъ 1809 — 1824; Кромъ Чіатъ или Крома Момъ Читъ 1824 до 3 апрѣля 1851 г.). Миссіонерамъ при исполненіи ими своихъ обязанностей ставились затрудненія и издавались не разъ указы, направленные противъ христіанской религіи. И только когда въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія воспитаніе сіамскаго наслѣднаго принца было ввѣрено попеченіямъ французскаго епископа Д. І. Б. Паллегоа, была дарована по восшествіи принца на престолъ полная свобода вѣроисповѣданій (апрѣль 1851 г.). Еще со временъ блестящей карьеры Фаулкона въ Сіамѣ удержалось извѣстное, хотя часто и смѣшанное со страхомъ, восхищеніе французами; молодой государь Чау-Фа-Монгкутъ (происходившій отъ вѣтви цар-

ственнаго дома, вытѣсненной въ 1824 г.) постарался завязать въ 1851 г. болѣе близкія сношенія съ императоромъ Наполеономъ, отправивъ къ нему посольство; его братъ и наслѣдникъ, Сомдетъ Пхра Параминдръ Маха Монгкутъ (съ 1852 г. до 30 сентября 1868 г.) заключилъ торговый договоръ съ Франціей въ 1856 г. (съ Англіей — 1855, съ Германіей — 7 февраля 1862, съ Австріей 1868 г.). При царѣ Параминдрѣ Маха Чулалонгкорнѣ (ланкара), который вступилъ на престолъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ 1 октября 1868 г., а въ 1873 г. 16 ноября взялъ бразды правленія въ собственныя руки отъ довѣреннаго министра Чау Пхрая Шри Сурьявонгсе, — дружба съ Франціей продолжалась попрежнему. Когда въ 1884 г. Франція взяла подъ свое покровительство Анамъ, а Англія въ 1886 г. овладѣла Бирмой, изо всѣхъ большихъ государствъ Индо-Китая только одинъ Сіамъ оставался независимымъ. 8 мая 1874 г. форма правленія въ Сіамѣ нѣсколько измѣнилась: законодательная власть дѣлится между государемъ, великимъ государственнымъ совѣтомъ и совѣтомъ министровъ.

Мелкія государства шанъ на сѣверѣ представляли собою очагъ постоянныхъ осложненій между двумя западными державами, боровшимися за вліяніе въ Сіамѣ. Государства шанъ на восточномъ берегу Меконга, именно государство Кіенхонгъ, въ разныя времена подпадали власти или верховному покровительству своихъ болѣе сильныхъ сосѣдей: во дни своего процвѣтанія и Сіамъ, и Бирма, и Анамъ называли ихъ собственностью и никогда не отказывались отъ своихъ мнимыхъ правъ надъ ними. Къ довершенію всего Китай съ давнихъ поръ также претендовалъ на верховное владычество не только надъ этими государствами, но и надъ всѣмъ Индо-Китаемъ. Когда въ 1886 г. Англія заняла Бирму, а въ 1887 — 88 и государства шанъ (стр. 515) и вмѣстѣ съ тѣмъ заявила притязанія на лѣвый берегъ Меконга, Франція заявила протестъ, т. к. такимъ образомъ ей заграждался доступъ въ Юннанъ, въ качествѣ же покровительницы Анама она желала присвоить себѣ среднее теченіе Меконга, какъ древнюю границу Анама. Англія выдвинула прежде всего Сіамъ и заключила съ нимъ въ 1892 г. договоръ, по которому Сіамъ, по праву прежняго владѣнія, долженъ былъ получить Кіенхонгъ, лежавшій по обѣ стороны Меконга. Ожиданія Англіи сбылись: въ 1893 г. дѣло дошло до столкновеній между Франціей и Сіамомъ, которыя, впрочемъ, 2 октября закончились тѣмъ, что Сіамъ отказался въ пользу Франціи отъ всей страны къ западу отъ Меконга. Англія опять не захотѣла стать лицомъ къ лицу со своей сильной соперницей: она спряталась за спину Китая и вмѣстѣ съ нимъ установила пограничную черту, которая отдавала во власть Китая государства Монгленгъ (Муангъ-лемъ) и Кіенхонгъ, причемъ съ Небесной Имперіи было взято обязательство не уступать этихъ провинцій безъ согласія Англіи какой бы то ни было державѣ (Франціи) ни частями, ни цѣликомъ. Такимъ образомъ и съ своей стороны Франція вынуждена была начать съ Китаемъ переговоры касательно границъ: 20 іюля 1895 г. она разрѣшила ему значительно выдвинуть къ югу свои владѣнія по Меконгу и за это обезпечила за собой различныя привилегіи въ торговлѣ съ Южнымъ Китаемъ.

Только договоромъ отъ 15 января 1896 г. уладились кое-какъ (временно) англофранцузскія интриги. Относительно Сіама было рѣшено слѣдующимъ образомъ: обѣ державы охраняютъ неприкосновенность средней части государства [1] около двухъ третей прежняго пространства. Не

[1] „Покровительствуемая“ по договору область Сіама обнимаетъ низменности рѣкъ Печабури, Меклонга, Менама, Бангъ Пакaнга съ его притоками; затѣмъ береговую полосу Муонгъ Бангъ Тапана до Муонгъ Пасе и бассейны рѣкъ, къ которымъ примыкаютъ эти мѣстности; наконецъ область къ сѣверу отъ бассейна Менама между англо-сіамской границей, Меконгомъ и восточной границей бассейна Ме-Инга.

подлежитъ охранѣ треть Сіама, полоса, обращенная, съ одной стороны, къ французскому Анаму на востокѣ, съ другой, къ британской Бирмѣ на западѣ: обѣ державы пришли къ безмолвному соглашенію не становиться поперекъ дороги одна другой при позднѣйшихъ предпріятіяхъ относительно не состоящей подъ ихъ защитой частью страны. До сихъ поръ однако Сіамъ еще владѣетъ своими прежними областями.

c) Восточный Индо-Китай.

α) Китайскій періодъ.

Природныя условія издавна тѣсно связали судьбы восточнаго Индо-Китая, прилегающаго къ Китаю, съ этой сильной страной, уже очень рано достигшей высокой степени культуры. Старинныя преданія сообщаютъ о посольствѣ изъ Тонкина къ императорскому двору, имѣвшемъ мѣсто за два тысячелѣтія до начала нашей эры, о возникновеніи китайскихъ династій за 214 лѣтъ до Р. Х. и 109 лѣтъ по Р. Х. и т. д. Но на этомъ не остановилось стремленіе китайской культуры къ распространенію; она пустила корни также въ Анамѣ (Аннамѣ) и Кохинхинѣ и сдѣлала тамъ большіе успѣхи къ тому времени, какъ изъ Камбоджи брахманское движеніе начало направляться къ сѣверу (стр. 509). Прежняя культура удержала тамъ первенство и дала направленіе характеру развитія анамитскаго народа. Брахманская культура имѣла сколько нибудь значительные успѣхи только въ Кохинхинѣ, тогда какъ въ Анамѣ можно найти лишь незначительные слѣды брахманизма, въ Тонкинѣ же онъ почти незамѣтенъ.

Съ отдаленной эпохи основанія первыхъ династій въ Тонкинѣ, Китай владѣлъ восточнымъ Индо-Китаемъ болѣе или менѣе прочно въ теченіе тысячелѣтія до 968 года, смотря по перемѣнамъ счастія въ его собственной исторіи (стр. 67 и д.). Если въ немъ происходили внутреннія неурядицы, перемѣна династій, нападенія сильныхъ внѣшнихъ враговъ и онъ оказывался въ затруднительномъ положеніи,—тогда и въ Индо-Китаѣ сохранялась лишь тѣнь его власти. Такъ, напр., въ періодъ отъ 222—618 гг. по Р. Х. его власть въ Анамѣ была весьма ограничена, и намѣстники пользовались тяжелыми обстоятельствами Имперіи, чтобы сдѣлаться почти независимыми. Временами-же Китай держалъ твердою рукою скипетръ надъ восточнымъ Индо-Китаемъ; такъ въ первой половинѣ I-го вѣка по Р. Х. онъ усмирилъ возстанія въ Кохинхинѣ (которая въ 263 г. также пріобрѣла на короткое время независимость), а когда въ 618 г. воцарилась въ Китаѣ сильная династія Танъ (стр. 81), и Анамъ, и Кохинхина скоро снова подпали въ большей своей части строгой зависимости.

β) Стремленія къ національной независимости.

Стремленія Анама къ независимости снова увѣнчались побѣдой въ 968/81, когда въ X столѣтіи Китай былъ потрясенъ внутренними неурядицами (стр. 81), — и успѣхъ на этотъ разъ былъ болѣе проченъ. Одинъ изъ китайскихъ намѣстниковъ, Ли, основалъ въ то время въ Анамѣ династію, названную по его имени (1010 — 1225); въ 1164 г. Тонкинъ сбросилъ китайское владычество, за нимъ въ 1166 г. послѣдовала и Кохинхина. Китай на короткое время снова подчинилъ себѣ отпавшія провинціи: императоръ Кублай Ханъ (стр. 86) не только покорилъ весь Тонкинъ, но также Анамъ и Камбоджу. Но обѣ послѣднія державы скоро освободились снова, а въ 1288 г. и Тонкинъ изгналъ китайцевъ. Правда, въ XIV столѣтіи и началѣ XV Китай снова утвердился въ восточномъ Индо-Китаѣ: Анамъ долженъ былъ платить дань при династіи Минъ (въ 1368) (стр. 91), Тонкинъ и Кохинхина были китайскими про-

винціями до тѣхъ поръ, пока въ 1418/27 гг. національное движеніе въ этихъ государствахъ до того усилилось, что съ тѣхъ поръ китайцы навсегда потеряли фактическое господство надъ ними. Вожакъ движенія, Ле Ло, явился основателемъ династіи Ле, которая долгое время царствовала въ Анамѣ и Тонкинѣ, основала въ 1427 г. столицу Ханой и признавала верховную власть Китая тѣмъ, что посылала ленныя посольства и почетные подарки, но не позволяла ему вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла.

Появленіе европейцевъ на востокѣ Индо-Китая сначала имѣло также мало послѣдствій, какъ и на югѣ и западѣ. Хотя уже съ 1511 г. были заложены сначала португальскія, а затѣмъ и голландскія факторіи, а съ 1610 года появились миссіонеры, а затѣмъ и маленькія христіанскія общины изъ туземцевъ — (миссіи: въ 1610 въ Камбоджѣ, въ 1615 въ Чампѣ и Тонкинѣ, 1631 въ Хайнанѣ, въ 1632 въ Лаосѣ),—страна и ея повелители относились къ иностранцамъ сначала равнодушно, а затѣмъ враждебно. Въ XVIII вѣкѣ торговыя сношенія почти прекратились, миссіонеры и христіанскія общины возбуждали недовѣрчивость, часто подвергались ненависти и преслѣдованіямъ и, наконецъ, принуждены были лишь втайнѣ влачить свое жалкое существованіе.

Сильныхъ правителей изъ дома Ле смѣнили въ XVI вѣкѣ слабые государи. При нихъ нѣкоторыя области Анама сдѣлались независимыми, (1558) и династіи Ле угрожала бы гибель, если бы не помогли способные министры, которые получили такое вліяніе, что установили въ 1545 г. должность наслѣдственныхъ домоправителей (домъ Тригне или Тринхъ; ср. Пешвовъ въ государствѣ махраттховъ (стр. 440). Въ 1570 г. въ Кохинхинѣ освободился отъ власти какъ ихъ, такъ и призрачнаго государя Нгуйенъ-Хоангъ (Тіенъ-Вуонгъ; до 1614): это былъ предокъ теперешнихъ властителей Анама. Его преемники увеличили свое государство остатками Чампы и южной Камбоджи (шестью провинціями теперешней нижней Кохинхины) и основали резиденцію въ Хуе. Такимъ образомъ въ XVII столѣтіи и въ большей половинѣ XVIII-го въ восточномъ Индо-Китаѣ господствовали довольно запутанныя политическія отношенія. Хотя Китай и не вмѣшивался во внутреннюю политику страны, но потребовалъ признанія своего главенства. Въ Анамѣ только по имени продолжала царствовать династія Ле; въ дѣйствительности же Анамъ (съ Кохинхиной) и Тонкинъ являлись двумя различными государствами, часто сильно враждовавшими между собою. Въ Анамѣ господствовали фактически потомки Нгуйенъ-Хоанга, а въ Тонкинѣ—фамилія домоправителей Тригне.

γ) Эпоха французскаго вліянія въ восточномъ Индо-Китаѣ.

Сношенія съ Европой почти прекратились въ XVIII вѣкѣ. Попытка Англіи при Катчпулѣ въ 1702 г. основаться на островѣ Пуло Кондорэ окончилась въ 1704 г. убійствомъ поселенцевъ туземцами и разореніемъ колоніи. Только въ концѣ XVIII-го вѣка Анамъ вошелъ въ болѣе близкія сношенія съ Франціей.

Всеобщее народное возстаніе, произведенное въ 1765 г. однимъ изъ трехъ братьевъ низкаго происхожденія, Тай Сономъ, сразу измѣнило политическую картину Анама: старая династія Ле и князья дома Тригне совершенно исчезли, почти исчезли и Нгуйены. Одинъ только внукъ послѣдняго царя этой фамиліи, Нгуйенъ Ангнэ, спасся бѣгствомъ въ Сіамъ и здѣсь былъ воспитанъ французскимъ епископомъ Пинье де-Бехенъ; впослѣдствіи онъ снова пріобрѣлъ самую южную область царства своихъ предковъ (Пхукуогъ). Въ 1787 г. онъ послалъ своего сына вмѣстѣ съ епископомъ во Францію для заключенія съ Людовикомъ XVI оборонительнаго и наступательнаго союза, что и совершено было 18 ноября, при-

чемъ Франція взамѣнъ бухты и полуострова Туронъ обѣщала помощь при завоеваніи остальной части Анама. Хотя великая французская революція и уменьшила значительно размѣры государственной помощи, ожидавшейся отъ Франціи, тѣмъ не менѣе Нгуйенъ Ангнэ при содѣйствіи епископа Адрана получилъ французскихъ офицеровъ, обучившихъ его войска по европейски и принявшихъ руководительство военными операціями. Такимъ образомъ онъ подчинилъ себѣ не только средній Анамъ, (1792—99), которымъ владѣли Тай Соны, но и Тонкинъ (въ 1802), сбросившій съ себя тѣмъ временемъ иго, — и даже присвоилъ верховное владычество надъ Камбоджей.

Это государство уже давно сохраняло только тѣнь величія, озарявшаго его до вторженія сіамскихъ тай. Съ тѣхъ поръ, какъ Пхра Наретъ (стр. 517) омылъ ноги въ крови обезглавленнаго имъ царя, — Камбоджа уже не могла освободиться отъ Сіама. Несчастную страну терзали и внутреннія волненія, и внѣшнія войны съ Сіамомъ, Лаосомъ и Анамомъ, цари все далѣе и далѣе отступали передъ своими сильными сосѣдями и перенесли, наконецъ, свою столицу на побережье въ Сайгонъ, построенный на мѣстѣ прежняго Тхиная, упоминаемаго Арріаномъ. Не удалась Камбоджѣ и попытка воспользоваться несчастной борьбой Сіама съ бирманцемъ Аломпрой: въ наказаніе вассалъ Сіама Сомратхъ Пхра Нараи долженъ былъ въ 1794 г. отдать Сіаму Баттамбонгъ и Сіемратъ. А съ 1806 г. несчастная страна должна была платить дань какъ Сіаму, такъ и Анаму; она получила двѣ печати по одной отъ каждаго изъ сосѣднихъ государствъ, и государи Камбоджи явились ленниками обѣихъ странъ.

Великъ былъ успѣхъ, достигнутый Нгуйенъ Ангнэ при помощи французовъ, и съ тѣхъ поръ онъ къ своему титулу „императора (или царя) Анама“ прибавилъ еще эпитеты Гіа Лонгъ (т. е. любимецъ счастія). Достигнувъ власти, онъ сталъ опасаться иностранцевъ, значеніе которыхъ могъ понять яснѣе всякаго другого индокитайскаго государя; онъ имъ не оказывалъ милостей, но за то избѣгалъ также всякихъ враждебныхъ проявленій по отношенію къ нимъ. Въ 1788 г. министръ просвѣщенія и религій, Нгуйенъ Ду-Хунъ-тамъ-три, въ угожденіе царю, представилъ, какъ говорятъ, въ аннамитской переработкѣ соблазнительный, но для изученія мѣстной культуры интересный романъ „Кимь Ванъ Кьеу Танъ Труэнъ“: черта, показывающая уровень нравственности и образованія при тогдашнемъ анамитскомъ дворѣ.

Его преемникъ Мигне Мегне (Минхмангъ; 1820—41) вначалѣ выказывалъ терпимость относительно чужестранцевъ. Но политическіе происки французскихъ и испанскихъ миссіонеровъ сдѣлали изъ него ожесточеннаго врага европейцевъ: въ 1833 г. миссіонеры подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ; въ 1838 г. онъ воспретилъ доступъ въ свою страну всѣмъ европейцамъ; исповѣданіе христіанской религіи было объявлено достойнымъ такого-же наказанія, какъ государственная измѣна; въ томъ-же году сдѣлались жертвою этого указа 33 французскихъ священника. Сынъ и наслѣдникъ Мигне Мегне Тхіеутри (1841—47) смягчилъ преслѣдованія и ограничился заключеніемъ миссіонеровъ въ тюрьму; угрозы Франціи заставили въ 1843 г. освободить четырехъ изъ нихъ. Но такъ какъ гоненія не прекращались, то Франція черезъ коммодора Лапьерра потребовала въ апрѣлѣ 1847 года полной свободы вѣроисповѣданій: послѣ истребленія аннамитскаго флота обѣщаніе было дано. Императоръ скончался въ томъ-же году.

Ему наслѣдовалъ его сынъ Тудукъ (Тюдюкъ или Дукдукъ; первонач.— Хоонгъ Нхамъ) до 17 іюля 1883 г., вначалѣ благосклонно относившійся къ христіанамъ. Но миссіонеры своимъ вмѣшательствомъ въ вопросъ о законности престолонаслѣдія сдѣлали молодого государя непримиримымъ врагомъ христіанъ и чужеземцевъ: въ 1848 и 1851 гг. произошли жесто-

кія гоненія на христіанъ. Наконецъ, Франція, смотрѣвшая на себя, какъ на опору христіанства въ Азіи, послала туда въ сентябрѣ 1856 г. корабли и войска подъ начальствомъ капитана Лелье де Виль-сюръ-аркъ. Туронъ былъ взятъ приступомъ въ 1856 г.; но какъ только корабли отплыли, Анамъ отвѣчалъ новымъ гоненіемъ на христіанъ и умерщвленіемъ испанскаго епископа Діаца (въ 1857 г.).

Тогда при содѣйствіи Испаніи Франція произвела болѣе сильное давленіе. Коммодоръ Шарль Риго де Женульи снова взялъ Туронъ 1 сентября 1858 г., а въ 1859 — Сайгонъ. Но затѣмъ планъ военныхъ дѣйствій былъ измѣненъ. Въ 1860 г. Наполеонъ приказалъ войскамъ удалиться изъ Анама и занять только вассальное государство Анама — Кохинхину. Въ то же время вспыхнувшая война съ Китаемъ парализовала военныя дѣйствія, и только по заключеніи мира въ Пекинѣ (стр. 100) начались снова прерванныя военныя операціи. Въ началѣ 1861 г. вице-адмиралъ Теоженъ Франсуа Пажъ разорилъ укрѣпленія по берегамъ Меконга, а адмиралъ Луи Адольфъ Бонаръ, къ которому въ декабрѣ 1861 г. перешло командованіе войскомъ, одержалъ побѣду при Лонглапѣ 19 января 1862 г., покорилъ всю провинцію Сайгонъ и взялъ почти всѣ важнѣйшіе города Камбоджи. Тудукъ принужденъ былъ 15 іюня купить миръ цѣною потери трехъ провинцій—Сайгона, Біенхоа и Митхо. Но въ декабрѣ того-же года произошли волненія, заставившія возобновить переговоры, только 15 іюля 1864 г. приведшія къ окончательному мирному договору, по которому Франція возвратила вышеназванныя провинціи, удержавъ, однако, Сайгонъ, и, не взирая на заявленія Сіама, приняла подъ свое покровительство Камбоджу, что снова было и еще опредѣленнѣе подтверждено договоромъ отъ 17 іюня 1884 г.: истинный властитель есть не царь Нородомъ I. (съ 1860 г.), а французскій верховный резидентъ въ Пномъ Пенхѣ. Новыя возстанія въ Анамѣ опять призвали Францію къ оружію въ 1867 г., послѣдствіемъ чего для Анама была потеря вышеозначенныхъ трехъ провинцій, нынѣшней французской Кохинхины.

Тѣмъ временемъ одинъ изъ потомковъ династіи Ле, Ле Пхунгъ, сдѣлался властителемъ восточнаго Тонкина и провинціи Бакъ-Нигнэ (Баннинхъ); но какъ только Тудуку были развязаны руки, Ле Пхунгъ былъ звѣрски убитъ (1864 г.). Но Тонкинъ еще не успокоился. Въ 1850 г. обширное сосѣднее сѣверное царство было потрясено таипингами, и лишь въ 1865 г. былъ подавленъ мятежъ въ южныхъ провинціяхъ Гуанъ си и Гуанъ дунъ (стр. 100). Многіе мятежники бѣжали подъ предводительствомъ Уа Тсонга въ анамитскую провинцію, гдѣ они, подъ именемъ „Черныхъ Флаговъ", подвергали несчастную страну многимъ опасностямъ въ качествѣ разбойниковъ и морскихъ пиратовъ.

Но утверждая свое владычество въ Анамѣ, Франція преслѣдовала цѣли болѣе широкія, чѣмъ простое увеличеніе своихъ владѣній. Уже давно ходили слухи о баснословныхъ природныхъ богатствахъ южныхъ провинцій Китая, въ особенности-же Юньнани. И французы, и англичане наперерывъ стремились хорошенько изслѣдовать эти провинціи. Подчиненіе Бирмы (стр. 514) передало въ руки англичанъ обладаніе воднымъ путемъ, который доставилъ имъ возможность проникнуть въ ближайшее сосѣдство къ Юньнани. Но и французы получили устья большой рѣки Меконга, текущей съ сѣвера; нужно было изслѣдовать ея судоходность: оказалось, что она для этой цѣли непригодна. Капитанъ Донтаръ де Лагрэ (1866—68) установилъ, что пороги уже близъ самаго устья представляютъ непреодолимыя препятствія. Сонгка (Красная рѣка) въ Тонкинѣ представляла лучшія условія. Предпріимчивый французъ Дюпюи направилъ сюда экспедицію на собственныя средства: въ 1870 г. онъ проникъ на кораблѣ до Юньнани и завязалъ сношенія съ китайскими мандаринами.

Враждебныя дѣйствія анамитовъ вызвали въ 1873 году отправку лейтенанта морской службы Мари Жозефа Франсуа Гарнье. Въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ этотъ послѣдній подчинилъ въ Тонкинѣ страну, населеніе которой насчитывало милліоны, а пространство было вдвое болѣе Бельгіи.

Но тонкинскіе успѣхи не встрѣтили во французскомъ парламентѣ должной политической оцѣнки. Войска были отозваны назадъ (Гарнье былъ измѣннически убитъ Черными Флагами въ схваткѣ 31 декабря 1873 г.), и весь выигрышъ сводился къ тому, что 15 марта 1874 г. былъ заключенъ договоръ, по которому Анамъ открывалъ еще 3 гавани (Нинхъ-хай при Хай пхонгѣ, Ха ной и Тхи най или Куи нхонъ) для европейской торговли, обезпечивалъ свободу вѣроисповѣданій и, въ случаѣ возстаній, обязывался обращаться за помощью только къ Франціи и ни къ какой другой державѣ. 31-го августа былъ заключенъ также торговый договоръ, Анамъ, хотя и подтвердилъ его (26 августа 1875 г.), но условій его не выполнялъ и вообще проявилъ такое враждебное отношеніе къ Франціи, что она, наконецъ, потеряла терпѣніе. Ханой былъ бомбардированъ въ 1882 г., и французы проникли далѣе въ Тонкинъ; здѣсь Черные Флаги надѣлали имъ много хлопотъ (майоръ Генри Лоранъ Ривьеръ былъ 19 мая 1883 г. убитъ изъ засады). Медленно одинъ пунктъ за другимъ бралъ контръ-адмиралъ А. А. П. Курбэ и въ концѣ концовъ завладѣлъ занятымъ китайцами Сонтаемъ (16/17 декабря 1883 г.), а генералъ Шарль Теодоръ Милло занялъ Бакъ Нигне (10/12 марта 1884). Анаму, гдѣ съ іюля 1883 года царствовалъ Хіепхоа [1], наслѣдовавшій умершему брату своему Тудуку, уже 21 августа 1883 г. пришлось уступить новыя провинціи (договоръ былъ расширенъ и утвержденъ 6 іюня 1884 г.), признать протекторатъ Франціи и отказаться отъ всякихъ политическихъ сношеній съ другими державами, включая и Китай, который еще въ 1882 г. заявилъ черезъ маркиза Тзенга въ Парижѣ, что не можетъ признать договоръ 1874 года дѣйствительнымъ. Однако же договоромъ въ Тяньцзинѣ отъ 11 мая 1884 г. Китай, серьезно угрожавшій вооруженнымъ вторженіемъ въ Тонкинъ, принужденъ былъ признать всѣ французскія требованія, особенно же протекторатъ Франціи надъ Анамомъ и Тонкиномъ. Несмотря на это войска не были имъ удалены изъ Лангсона въ Тонкинѣ, и борьба долго еще продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ, причемъ французы терпѣли сильныя потери отъ Черныхъ Флаговъ (генералъ Франсуа Оскаръ де Негріе былъ раненъ при Тхатъ-Ке 24 марта 1885 г.). Наконецъ, посредничество Англіи привело къ Лондонскому миру (заключенъ въ Тяньцзинѣ 9 іюня): Китай обязывался вывести свои войска изъ Тонкина и признать протекторатъ Франціи надъ государствами, надъ которыми въ теченіе тысячелѣтій тяготѣло владычество Китая (или, по крайней мѣрѣ, заявлялись Китаемъ притязанія на таковое). Къ маю 1886 г. сломлена была также и сила Черныхъ Флаговъ, которые не находили теперь болѣе поддержки со стороны Китая. Такимъ образомъ французы вступили въ никѣмъ не оспариваемое владѣніе воднымъ путемъ, открывающимъ имъ дорогу въ Юньнань. Съ 12 апрѣля 1888 г. Кохинхина, Камбоджа, Анамъ и Тонкинъ—въ 1893 сюда же присоединенъ Лао—объеденены подъ общимъ управленіемъ подъ именемъ „Французскаго Индо-Китая“.

---

[1] „Императоръ“ Хіепхоа, дружественно расположенный къ французамъ, отравился 28 ноября 1883 г. За нимъ царствовали три племянника Тудука, братья: Кіенпхукъ—до 1-го августа 1884 года; Хамъ-Нгхи—бѣжалъ въ іюлѣ 1885 года, въ 1887—захваченъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Алжиръ; и Донкъ-Конхъ (Донгкханхъ, первоначально Чанх-Монгъ) царствовалъ отъ 19 сентября 1885 г. до 31 января 1889. Наконецъ, отъ 31 января 1889 до весны 1902—Тканх-Тай (первонач. Бунъ-Ланъ).

V. Индонезія.

Д-ра **Генриха Шурца.**

1. Этнографическій обзоръ.

Подъ именемъ Индонезіи мы разумѣемъ ту обширнѣйшую группу острововъ земного шара, которая лежитъ къ юго-востоку отъ Азіи и составляетъ переходъ, съ одной стороны, къ материку Новой Голландіи, съ другой—къ архипелагамъ Меланезіи и далѣе къ островному міру Океаніи (см. прилагаемую карту). Среди безчисленнаго множества острововъ этой группы находятся величайшіе острова—исполины земного шара, съ высокими горами и судоходными рѣками, наряду съ болѣе мелкими и мельчайшими обломками суши, которые едва въ состояніи давать пропитаніе скудному населенію; рядомъ съ областями высшаго тропическаго изобилія и плодородія, по мѣрѣ удаленія на востокъ, мы встрѣчаемъ уже первые слѣды австралійской сухости и пустынности. Объ общемъ названіи для всѣхъ этихъ острововъ и архипелаговъ долгое время и рѣчи не было, и менѣе всего среди самихъ туземцевъ, которые часто имѣли очень слабое представленіе даже о болѣе крупныхъ островахъ, какъ о самостоятельныхъ территоріяхъ, и не обозначали ихъ поэтому особыми названіями; составить же себѣ понятіе о рѣзкомъ различіи между большими массивными материками и своими собственными островными мѣстообитаніями, богато изрѣзанными моремъ, они, при своемъ узкомъ кругозорѣ, совершенно не были въ состояніи и не могли поэтому давать имъ общихъ названій.

Только географамъ Европы, взорамъ которыхъ открыта картина всего земного шара, было суждено выдѣлить прежде всего двѣ большихъ группы острововъ, Зондскіе и Филиппинскіе, и удалось, въ концѣ концовъ, и то лишь въ новѣйшее время, противопоставить ихъ, и не безъ споровъ, конечно, японскому и меланезійскому архипелагу подъ именемъ „Индонезіи“ (рѣже „Островная Индія“ — Insulinde, названіе, введенное со времени появленія „Max Havelaar'а“ Эд. Деккерса, т. е. съ 1860 г.).

Слѣдуетъ замѣтить, что при этомъ дѣленіи были приняты въ соображеніе и данныя народовѣдѣнія. Индонезія населена той своеобразной, желто-бурой человѣческой расой съ прямыми волосами, которую мы называемъ малайской и которая уже давно признана особой разновидностью рода человѣческаго.

Въ нашемъ трудѣ, посвященномъ исторіи человѣчества, мы должны тѣмъ болѣе подчеркнуть этнографическую точку зрѣнія и, въ виду этого, присоединить къ Индонезіи область, которая въ географическомъ отношеніи принадлежитъ совершенно другой части свѣта, именно Мадагаскаръ, большой островъ, который какъ бы случайно присосѣдился съ востока къ строго очерченному, неизрѣзанному материку Африки и всѣмъ своимъ строеніемъ мало соотвѣтствуетъ характеру африканскаго ландшафта. Этотъ контрастъ проявляется не только въ геологическомъ строеніи и въ царствахъ растительномъ и животномъ; рѣзче всего выступаетъ контрастъ этническій: въ этомъ отношеніи Мадагаскаръ съ гораздо большимъ правомъ можетъ считаться частью Индонезіи, чѣмъ Африки (ср. т. III, Африка).

Индійскіе острова всей своей массой расположены въ области тропиковъ, а большая часть ихъ, сверхъ того, въ тропической сырой низменности. Плоскогорія, являющіяся для культуры тропическихъ странъ

факторомъ величайшей важности, какъ это доказываетъ въ особенности древняя исторія Америки (т. I, стр. 188), встрѣчаются въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ лишь на Суматрѣ; горные же кряжи и мощные вулканическіе конусы попадаются нерѣдко и на другихъ островахъ. Если вспомнить теорію Оскара Пешеля, по которой древнѣйшія культурныя страны лежали ближе къ тропикамъ, чѣмъ современныя, что главные пояса культуры, такимъ образомъ, постепенно передвигались по направленію къ болѣе холоднымъ странамъ, то можно, по крайней мѣрѣ, предположить, что такая благопріятно расположенная область, какъ Индонезія, не всегда играла такую ничтожную роль въ исторіи человѣчества, какъ въ настоящее время. Не слѣдуетъ, однако, думать, что то была исконная, достигшая высокаго развитія культура; это была, напротивъ, культура, которая относительно рано развернулась, но потомъ остановилась въ своемъ развитіи и далеко была опережена другими культурами. Даякъ внутренняго Борнео, напр., конечно, не можетъ быть признанъ стоящимъ на высокой ступени развитія, но въ сравненіи съ охотниками на сѣвернаго оленя временъ европейскаго ледниковаго періода (т. I, отд. IV) онъ все же оказался бы гораздо выше. Что уже во времена отдаленныя на Малайскомъ архипелагѣ дѣйствительно развилась относительно довольно высокая культура, подтверждается всѣмъ этническимъ развитіемъ этой области и тѣмъ вліяніемъ, которое она оказывала нѣкогда на обширныя пространства земного шара.

Несмотря на то, что по своему географическому положенію Индонезія является соединительнымъ звеномъ между Азіей и Австраліей, въ смыслѣ этническомъ она занимаетъ окраинное положеніе. Правда, отсюда культура могла разсылать свои лучи почти во всѣ стороны; но новые толчки къ развитію она получала почти исключительно съ сѣвера и запада, т. е. изъ Азіи и позднѣе изъ Европы, но едва-ли изъ Австраліи и Полинезіи, а тѣмъ менѣе изъ Африки. Эти отношенія находятъ себѣ вѣрное отраженіе въ древнихъ перемѣщеніяхъ народовъ на Малайскомъ архипелагѣ.

Эти невыгодныя условія географическаго положенія Малайскихъ острововъ почти уравновѣшивались необычайно благопріятнымъ ихъ положеніемъ въ смыслѣ сообщенія съ другими народами, положеніемъ, не имѣющимъ подобнаго себѣ на всемъ земномъ шарѣ. Обѣ величайшихъ культурныхъ области земли, европейско-индійская, съ одной стороны, и восточноазіатская съ другой, могли вступать въ оживленныя взаимныя сношенія, лишь огибая юго-восточный уголъ Азіи, такъ какъ пустыни Монголіи представляли трудно преодолимую преграду. Здѣсь, на юго-востокѣ, гдѣ архипелаги Индонезіи своими гаванями и природными богатствами привлекали къ себѣ измученныхъ долгимъ путешествіемъ мореплавателей, естественнымъ образомъ должны были возникнуть торговыя сношенія и должно было быть положено основаніе цвѣтущимъ торговымъ центрамъ. А разъ возникши, торговыя сношенія уже никогда не прекращались вполнѣ: мѣнялись только народы, которые ихъ поддерживали. Нынѣшняя культура Индонезіи и возникла подъ вліяніемъ этихъ постоянныхъ торговыхъ сношеній; древнѣйшія же формы, которыя такъ важны для исторіи человѣчества, нигдѣ не сохранились въ чистотѣ. Было бы ошибочно думать, что дикія лѣсныя племена Борнео или Минданао являются типичными преемниками древнѣйшей культуры Индонезіи; наоборотъ, можно съ увѣренностью сказать, что смѣлые моряки, направлявшіе свои корабли вплоть до о-въ св. Троицы и Мадагаскара, были люди совсѣмъ другого типа, чѣмъ жалкіе обитатели сырыхъ первобытныхъ лѣсовъ.

2. Исторія Индонезіи.

Сдѣлать краткій очеркъ исторіи Индонезіи не легко уже по тому одному, что относительно самого способа ея изложенія могутъ возникнуть вполнѣ

основательныя сомнѣнія: во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ островной, крайне расчлененной областью; во-вторыхъ, значительная, если не большая часть историческихъ событій вызывалась здѣсь и опредѣлялась внѣшними вліяніями. Соотвѣтственно островной природѣ Индонезіи, и исторія ея распадается на описаніе безчисленныхъ мѣстныхъ исторій развитія, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важныя приходится изслѣдовать отдѣльно; но, съ другой стороны, весь этотъ островной міръ постоянно подвергается новымъ вторженіямъ переселенцевъ и новымъ культурнымъ вліяніямъ, которыя уничтожаютъ дѣйствіе естественной изолированности отдѣльныхъ островныхъ группъ, внося единство во всю эту область. Но все же это единство только кажущееся. Хотя на побережьи болѣе крупныхъ острововъ водворяются новые пришельцы и въ портовыхъ городахъ насаждаются чуждыя культуры, племена внутренности страны твердо выдерживаютъ этотъ напоръ и упорно сохраняютъ свои особенности. Этому благопріятствуетъ отчасти гористая природа ихъ родины, отчасти лихорадки, свирѣпствующія въ лѣсахъ ихъ низменностей, гдѣ они находятъ себѣ убѣжище.

А. Доисторическій періодъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось съ несомнѣнностью, что человѣкъ уже въ началѣ дилювія населялъ землю, и съ тѣхъ поръ какъ стали раздаваться рѣшительные голоса даже въ пользу того, что первое появленіе человѣка относится къ третичному періоду, стало невозможнымъ дѣлать чисто дѣтскія заключенія о первобытномъ состояніи человѣчества на основаніи современныхъ условій его существованія на землѣ и искать древнѣйшія его мѣстообитанія въ какой-нибудь изъ нынѣ существующихъ областей. И менѣе всего можно рѣшиться на подобныя поспѣшныя заключенія, когда рѣчь идетъ о такой странѣ, какъ Индонезія, которая, какъ извѣстно, подвергалась самымъ страшнымъ переворотамъ и сотрясеніямъ и вся изрыта и растерзана вулканической дѣятельностью. Далѣе, большую сенсацію въ ученомъ мірѣ вызвали въ послѣднее время найденныя Э. Дюбуа, въ $18^{91}/_{92}$ г., на о. Явѣ, близъ Триниля, нѣсколько костныхъ остатковъ, которые Othniel Charles Marsh приписываетъ промежуточному существу между человѣкомъ и антропоморфными обезьянами и которые послужили поводомъ къ тому, чтобы усматривать въ Индонезіи ту именно область, гдѣ человѣкъ впервые изъ формы болѣе низкой развился въ ту своеобразную форму, какой онъ является нынѣ. Какъ бы ни рѣшали этотъ вопросъ, одно ясно, что изслѣдованіе доисторическаго прошлаго является въ настоящее время преждевременнымъ; во всякомъ случаѣ приходится отказаться отъ того взгляда, по которому родину всѣхъ народовъ Индонезіи, безъ дальнихъ разсужденій, необходимо искать на азіатскомъ материкѣ и на этомъ базисѣ воздвигать произвольное зданіе исторіи Индонезіи. Да и данныя лингвистическія говорятъ противъ этого взгляда: на материкѣ юго-восточной Азіи распространены моносиллабическіе языки, на островахъ, напротивъ, полиссиллабическіе,—различіе самаго кардинальнаго свойства.

Б. Нынѣшнее раздѣленіе народовъ Индонезіи.

На Малайскомъ архипелагѣ представлены двѣ главныхъ расы, которыя весьма рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ по численности, такъ и по своему распредѣленію, и во взаимныхъ отношеніяхъ которыхъ безусловно выступаетъ дѣйствіе древнихъ историческихъ событій: это именно желтобурые прямоволосые малайцы (въ болѣе широкомъ смыслѣ) и темнокожіе негритосы, обязанные своимъ названіемъ сходству съ неграми. Такъ какъ характеръ современнаго распредѣленія негри-

тосовъ на островахъ указываетъ на процессъ отступленія, то всегда есть основаніе думать, что они являются, по отношенію къ малайцамъ, болѣе древними обитателями этого архипелага или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ его частей.

Негритосы Индонезіи составляютъ звено той цѣпи экваторіальныхъ темноцвѣтныхъ народовъ, которые занимаютъ бо̀льшую часть Африки, южную Индію, Меланезію и Новую Голландію и почти повсемѣстно отступаютъ предъ свѣтлоцвѣтными народами. Этотъ процессъ отступленія несомнѣнно начался не въ новѣйшее время и даетъ право заключить, что территорія этихъ темноцвѣтныхъ первобытныхъ народовъ была нѣкогда обширнѣе, чѣмъ нынѣ. Вопросъ о томъ, вправѣ ли мы считать эти негроподобныя расы состоящими въ близкомъ родствѣ между собою или, наоборотъ, существуетъ нѣсколько въ значительной степени самостоятельныхъ вѣтвей темноцвѣтной человѣческой разновидности, остается открытымъ. Одно, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно: негритосы Малайскаго архипелага, какъ по своему географическому положенію, такъ и по своему физическому сложенію, стоятъ ближе всего къ папуасамъ, живущимъ на Новой Гвинеѣ и на островахъ Меланезіи: слѣдовательно, нѣкогда папуасы были распространены дальше на западъ и вынуждены были отступить въ борьбѣ съ малайской расой. По мнѣнію Альфреда Грандидье, даже темноцвѣтные обитатели Мадагаскара находятся въ близкомъ родствѣ съ меланезійцами.

Негритосы ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться чистыми папуасами; они не только часто до такой степени смѣшались съ малайскими племенами, что потеряли почти всѣ свои особенности, но многіе признаки указываютъ также на то, что среди нихъ произошло сильное смѣшеніе и съ малорослыми племенами, отношеніе которыхъ къ папуасамъ приблизительно такое же, какъ отношеніе африканскихъ карликовыхъ народовъ къ настоящимъ неграмъ. Съ другими темноцвѣтными эти карликовыя племена ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть поставлены въ одну линію. Племена, родственныя этой малорослой расѣ, смѣшавшейся съ негритосами или образовавшей, быть можетъ, ихъ ядро, находятся на полуостровѣ Малаккѣ, въ особенности въ сѣверной его части, далѣе на о. Андаманскихъ и на о. Цейлонѣ; судя по этому, надо полагать, что представители этой карликовой расы жили нѣкогда на всѣхъ болѣе крупныхъ островахъ Зондскаго архипелага, равно какъ и въ восточной Азіи (ср. стр. 119).

Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что на нѣкоторыхъ восточныхъ островахъ Малайскаго архипелага, въ особенности на островахъ Филиппинскихъ, и по настоящее время живутъ темноцвѣтныя племена, хотя, вслѣдствіе многократныхъ смѣшеній и незначительной численности этихъ народцевъ, ихъ существованіе часто подвергалось сомнѣнію. Карлъ Земперъ описываетъ негритосовъ или антовъ съ Филиппинскихъ острововъ, какъ породу малорослыхъ людей съ темно-мѣдно-коричневымъ цвѣтомъ кожи, приплюснутымъ носомъ и шерстистыми темнобурыми волосами; слѣдовательно, тамъ, гдѣ они сохранились до извѣстной степени въ чистомъ видѣ, они представляютъ характерную разновидность людей, рѣзко отличающихся отъ представителей малайской расы. На собственно Зондскихъ островахъ чистые негритосы, повидимому, едва-ли встрѣчаются. Но на востокѣ—на о. Тиморѣ, Флоресѣ, на о-вахъ Молукскихъ и Целебесѣ, встрѣчаются болѣе или менѣе явные слѣды примѣси темноцвѣтной расы къ малайскому населенію; слѣды ея, повидимому, находятся даже на о. Явѣ. Тамъ, гдѣ негритосы рѣзче отличаются отъ остального населенія, именно на о-вахъ Филиппинскихъ въ особенности, они живутъ, по большей части, въ малодоступныхъ внутреннихъ частяхъ острововъ, далеко отъ болѣе густо заселенныхъ морскихъ побережій и чуждые господствующей тамъ культурѣ. Факты эти указываютъ съ несомнѣнностью на имѣвшее мѣсто отсту-

пленіе и оттѣсненіе негритосовъ; но сказать что-нибудь болѣе опредѣленное по этому вопросу пока трудно.

Существованіе папуасскаго типа, который часто достаточно явственно наблюдается рядомъ съ малорослой расой, объясняется, надо думать, переселеніями изъ Меланезіи, которыя происходили еще и въ новѣйшее время. Отважные мореплаватели и разбойники, папуасы западной части Новой Гвинеи проникли до побережья восточной части Зондскихъ острововъ и основали тамъ поселенія, но возможно, что они очутились здѣсь также въ качествѣ невольныхъ колонистовъ, побѣжденныхъ и привезенныхъ малайцами во время ихъ карательныхъ набѣговъ. Вообще, отношеніе папуасской культуры къ малайской въ высшей степени интересно, изслѣдованіе его весьма желательно и чрезвычайно цѣнно для исторіи обѣихъ расъ (ср. стр. 297; также т. I.). Папуасы не всегда являлись по отношенію къ малайцамъ только стороной заимствующей и внесли въ свою очередь въ общее достояніе кое-какія, хотя и очень скромныя, самостоятельныя культурныя пріобрѣтенія.

B. Переселенія малайцевъ.

Если папуасу и присуща извѣстная страсть къ переселеніямъ, приведшая къ довольно значительнымъ передвиженіямъ народовъ, то эти передвиженія остаются совершенно въ тѣни въ сравненіи съ переселеніями малайскаго племени, несомнѣнно самыми грандіозными, какія знала когда-либо древнѣйшая исторія человѣчества, вдвойнѣ грандіозными потому, что они происходили не на сушѣ, а морскимъ путемъ, и такимъ образомъ связали между собою четыре части свѣта.

Такъ какъ названіе „малайцы“ употреблялось то въ болѣе тѣсномъ, то въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, то оно послужило поводомъ ко многимъ недоразумѣніямъ и безполезнымъ спорамъ. Началомъ этой путаницы послужило то обстоятельство, что по имени того народа, который въ эпоху европейскихъ морскихъ открытій наиболѣе проявлялъ себя въ военныхъ и торговыхъ дѣлахъ, назвали всю группу народовъ, въ которую онъ входилъ лишь какъ составная, хотя и характерная часть. Но эта группа народовъ, общепринятое названіе которой не легко будетъ замѣнить другимъ, представляетъ вполнѣ отличную отъ ея сосѣдей вѣтвь человѣческаго рода, удивительно приспособленную къ своему мѣстообитанію и единство которой проявляется также въ близкомъ родствѣ языковъ. Все же мы должны допустить, что она первоначально образовалась изъ сліянія различныхъ „первобытныхъ расъ“. Повидимому, въ Индонезіи, какъ и въ сѣверной Азіи (ср. стр. 119), первоначально была распространена раса длинноголовыхъ, съ которой впослѣдствіи, но давно уже, смѣшались переселившіеся сюда народы короткоголовые; первыхъ предложили называть индонезійцами (протомалайцами), вторыхъ собственно малайцами, такъ какъ и въ настоящее время еще можно прослѣдить остатки этихъ различій. Такъ, напр., племя тенггере на о. Явѣ, по мнѣнію Кольбругге (J. H. F. Kohlbrugge), является чистымъ представителемъ „идонезійской“ расы,

Гдѣ искать первоначальную родину обѣихъ составныхъ частей малайской расы—вопросъ праздный, если принять въ соображеніе тотъ безспорный фактъ, что коренное ядро малайскаго племени сплошной своей массой въ настоящее время, да и въ древности, населяло островной міръ Индонезіи, между тѣмъ какъ на материкѣ Азіи попадались лишь незначительныя сравнительно дробныя части этого племени, да и то главнымъ образомъ въ видѣ смѣшанныхъ народовъ изъ малайскихъ и монгольскихъ элементовъ. Въ этомъ смыслѣ Индонезія (см. прилагаемую карту „Индокитай и Малайскій архипелагъ“) является колыбелью малайской расы, какъ отдѣльной, своеобразной группы человѣчества. Изъ Индонезіи исхо-

дили тѣ удивительные потоки переселеній, которые намъ предстоитъ еще разсмотрѣть. Правда, внутри малайскаго островного міра отдѣльные болѣе крупные острова въ свою очередь оказывали на населеніе свое обособляющее, одностороннее вліяніе и тѣмъ создали столь своеобразныя племена, каковы баттаки на Суматрѣ, даяки на Борнео и тагалы на Филиппинахъ, но это не должно затемнить въ насъ сознанія того, что въ общемъ и въ цѣломъ то, что мы называемъ малайской расой, понятіе достаточно опредѣленное. Позднѣйшая примѣсь индійской и китайской крови, которая въ настоящее время столь замѣтна, къ древнѣйшему періоду не имѣетъ никакого отношенія.

a) Культура древнѣйшаго періода переселеній.

Съ перваго взгляда казалось бы нетруднымъ возстановить культуру тѣхъ этническихъ элементовъ, которые разселились изъ Индонезіи во всѣ стороны: въ числѣ потомковъ этихъ переселенцевъ встрѣчается немало племенъ, въ особенности въ Океаніи, которыя впослѣдствіи почти не имѣли случая усвоить новыя культурныя пріобрѣтенія и которыя должны были, слѣдовательно, такъ или иначе сохранить свое первобытное состояніе. Съ другой стороны, путемъ простого сравненія и обозрѣнія культурнаго достоянія, общаго различнымъ развѣтвленіямъ первичнаго ядра малайцевъ, и теперь еще, казалось бы, возможно возстановить первоначальныя черты, общія древне-малайской культурѣ.

Но въ дѣйствительности это далеко не такъ просто. Ужъ не говоря о томъ, что даже въ самыхъ изолированныхъ мѣстностяхъ возможны измѣненія и дальнѣйшее развитіе, приходится считаться прежде всего съ культурными потерями, которыя почти неизбѣжны при далекихъ переселеніяхъ. Полинезія является именно такой областью, заселеніе которой едва ли мыслимо безъ подобныхъ культурныхъ потерь, такъ какъ здѣсь отсутствуютъ сырые продукты для многихъ отраслей матеріальной культуры. Если мы, по мѣрѣ передвиженія къ Океаніи, переступаемъ черезъ предѣлъ распространенія цѣлаго ряда навыковъ и культурныхъ пріобрѣтеній, если на восточныхъ островахъ Индонезіи кончается культура желѣза, на низменныхъ островахъ Микронезіи—знаніе ткацкаго искусства и распространеніе восточно-азіатскаго или европейскаго бисера, на о-вахъ Фиджи—гончарное искусство, то причина этихъ явленій далеко не ясна сама собою. Возможно, конечно, что жители Полинезіи выселились изъ своей старой родины еще въ то время, когда кузнечное, ткацкое и гончарное искусства были еще тамъ неизвѣстны; но почти еще вѣроятнѣе, что, по меньшей мѣрѣ, часть культурнаго достоянія мелкихъ караллoвыхъ острововъ Тихаго океана просто утерялась и была забыта или сохранила лишь слѣды своего существованія въ языкѣ, какъ на о. Фиджи (по W. Pleyte) знакомство съ желѣзомъ. Но и въ первомъ случаѣ остается еще открытымъ вопросъ, проникли ли тѣ или другія отрасли техники вмѣстѣ съ переселявшимися племенами вплоть до нынѣшнихъ предѣловъ ихъ распространенія, или же мы должны допустить здѣсь постепенное просачиваніе культуры отъ племени къ племени, что́ возможно и безъ переселеній въ крупномъ масштабѣ и что́ могло продолжаться вплоть до нашихъ дней.

Самымъ цѣннымъ источникомъ, могущимъ пролить свѣтъ на древнѣйшія времена, является языкъ; къ сожалѣнію, существуетъ еще очень мало изслѣдованій, которыя могли бы быть непосредственно примѣнены къ исторіи. Одно можно было бы считать твердо установленнымъ, что слѣды индійскихъ и китайскихъ языковъ такъ же трудно прослѣдить въ полинезійскихъ діалектахъ, какъ и въ мадагаскарскихъ. Изъ этого ясно, по крайней мѣрѣ, то, что великія переселенія произошли до начала нашего лѣтосчисленія.

Что Индонезія въ древнія времена обладала своеобразной, не очень

90
95
100
105
110
20
15
10
5
0
КИТАЙ
БИРМА
ТОНКИНЪ
Ханой
Тонкингскій залъ.
Хайнанскій прол.
ХАЙ-НАНЬ
СІАМЪ
ФРАНЦ.
ИНДО-
КАМБОДЖА
КИТАЙ
Рангунъ
Дельта р. Иравади
Мартабанъ
М. Негресъ
Бассейнъ
Бангкокъ
Пномъ-Пенъ
Сіамскій заливъ
Дельта р. Меконгъ
Пуло-кондоръ
М. Камао
Андаманы
Сѣв. Андаманъ
Ср. Андаманъ
Юж. Андаманъ
Мал. Андаманъ
Прол. Коко
Никобары
Кар Никобаръ
Б. Никобаръ
Мергуй
Архипелагъ
Тавой
Парацельсовы о-ва
М. Варела
М. Батоганъ
Южно-К
Индійскій океанъ
Пролив. Малаккскій
Кота-Раджа
Пулу Пинангъ
Патани
Келантанъ
Тринганъ
Пахангъ
Селангоръ
Негри
Малакка
Джохоръ
Сингапуръ
М. Куантанъ
О-ва Анамбасъ
Натунскіе о-ва
Б. Натуна или Бунгуранъ
Ачинъ
Сумат.
Ніасъ
О-ва Бату
Сиберутъ или Сѣв.-Пора
О-ва Ментавей
Нассаускіе о-ва
Падангъ
Бенкуленъ
Палембангъ
Банка
Билитонъ (Блитонгъ)
Прол. Карима
Понтіанакъ
Бо
Экваторъ
Яванское
Сингапурскій прол.
Масштабъ 1: 3 750 000.
Сингапуръ
Батамъ
Бинтангъ
Сумат.
Яванское море
Батавія
Бантамъ
Черибонъ
Семаранъ
Сурабая
Мадура
Суракарта
Джокджакарта
Ява.
Масштабъ 1: 9 000 000.
Километры
110 Вост. дол.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

зависимой отъ внѣшнихъ вліяній культурой, доказывается прежде всего богатствомъ туземными культурными растеніями, которыми обладало мѣстное населеніе уже въ періодъ переселеній. Если даже допустить, что идея воздѣлыванія растеній и была заимствована извнѣ, то въ Индонезіи она все же получила, несомнѣнно, самостоятельное дальнѣйшее развитіе. Рисъ, это важнѣйшее питательное растеніе Индіи и южнаго Китая, ни въ коемъ случаѣ не является древнимъ достояніемъ индонезійской культуры; зато она знаетъ таро (Arum esculentum), діоскорею (Dioscorea) и сезамъ. Изъ культивируемыхъ деревьевъ нужно назвать хлѣбное дерево (Artocarpus incisa) и, быть можетъ, кокосовую пальму, которая, по крайней мѣрѣ, въ малайско-полинезійской области, пользуется наибольшимъ распространеніемъ. Изъ домашнихъ животныхъ знали, повидимому, лишь собаку, возможно также—свинью, но не знали ни рогатаго скота, ни лошадей. И это обстоятельство не лишено значенія. На стр. 116 было указано на то, что земледѣліе Стараго Свѣта должно было быть древнѣе скотоводства, которое уже въ его развитой формѣ было перенесено впервые арійцами въ Индію. Такимъ образомъ, въ то время какъ земледѣліе должно было въ древности проникнуть въ Индонезію съ материка, скотоводство не успѣло еще въ началѣ періода переселеній проникнуть этимъ же путемъ на острова. Это хотя и не можетъ служить хронологическимъ показаніемъ, но является лишь подтвержденіемъ того взгляда, что періодъ переселеній относится ко временамъ сравнительно весьма отдаленнымъ.

Принимая во вниманіе, что и въ Полинезіи переселенцы сохранились отважными моряками и остались обитателями морскихъ побережій, лишь очень слабо проникая во внутреннія части острововъ, приходится заключить, что главная масса первоначальныхъ потоковъ были типичными представителями приморскихъ племенъ. Возможно, что о. Ява, который представлялъ, благодаря своему плодородію, благопріятныя условія для размноженія населенія и который, судя по находимымъ на немъ доисторическимъ полированнымъ каменнымъ орудіямъ, уже во времема очень раннія сдѣлался средоточіемъ извѣстной культуры, былъ важнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ переселенческихъ походовъ, которые опять-таки распадались на многія, теперь едва отличимыя развѣтвленія. Въ общемъ здѣсь рѣчь идетъ не о дальнихъ переселеніяхъ, но о передвиженіяхъ отъ острова къ острову, причемъ переселенцы довольствовались, вѣроятно, тѣмъ, что занимали сначала часть морского побережья, а потомъ, на обычныхъ началахъ—выжиганіе подъ поля первобытныхъ лѣсовъ, рыболовство и разбойничьи набѣги, — создавали новыя основы существованія. Относительно-высокаго развитія должно было достигнуть кораблестроеніе и судоходство, чему содѣйствовало изобрѣтеніе двойной лодки съ аутлигеромъ: это давало судамъ возможность плавать при всякой погодѣ и пересѣкать далекія моря. И до сихъ поръ еще лодки полинезійцевъ и примыкающихъ къ нимъ въ этомъ отношеніи меланезійцевъ считаются лучшими изъ всѣхъ, которыя были изобрѣтены первобытными народами; на Малайскомъ же архипелагѣ подражаніе чужимъ образцамъ измѣнило и вытѣснило старые пріемы судостроенія. Парусъ былъ, повидимому, знакомъ древнимъ обитателямъ Индонезіи; болѣе чѣмъ вѣроятно также то, что они умѣли направлять свой путь по звѣздамъ и по концентрическимъ волненіямъ моря, а также развили нѣкоторые зачатки морской картографіи.

Общественный строй древнихъ временъ несомнѣнно способствовалъ развитію духа предпріимчивости: ни у какой другой группы народовъ земного шара мы не находимъ такого сильнаго развитія союзовъ мужской молодежи въ семейномъ и родовомъ быту, какъ среди малайо-полинезійцевъ, гдѣ оно сохранилось и до настоящаго времени. Повсюду молодые люди, которые живутъ здѣсь сообща и спятъ въ отдѣльномъ домѣ для молодежи, организованы въ военныя дружины, которымъ часто фактически

принадлежитъ предводительство на войнѣ и которыя, во всякомъ случаѣ, совершенно иначе относятся къ рискованнымъ предпріятіямъ, нежели люди семейные, обремененные заботой о женахъ и дѣтяхъ. Благодаря этому въ населеніи развился воинственный духъ, который считаетъ военныя столкновенія и хищническіе набѣги чѣмъ-то совершенно естественнымъ, и самымъ характернымъ выраженіемъ котораго является присущій всему малайско-полинезійскому племени обычай охоты на черепа. Развившись изъ обычая выставлять въ мужскихъ общественныхъ домахъ черепа предковъ, какъ святыни, онъ превратился въ ужасающую страсть къ собиранію череповъ, которая служитъ поводомъ къ постояннымъ войнамъ и держитъ населеніе въ вѣчной тревогѣ. Такимъ образомъ, въ Индонезіи сохранились и до настоящаго времени слѣды, по крайней мѣрѣ, тѣхъ условій, которыя объясняютъ намъ въ достаточной степени возникновеніе отважныхъ разбойничьихъ и морскихъ племенъ.

в) Древнѣйшіе періоды переселеній.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими отдаленными временами, что о какомъ-либо болѣе или менѣе точномъ хронологическомъ опредѣленіи различныхъ періодовъ переселеній и рѣчи быть не можетъ. Мы можемъ поэтому лишь вкратцѣ обрисовать ихъ, нисколько не претендуя, конечно, на хронологическую послѣдовательность нашей схемы этихъ періодовъ.

Одинъ изъ первыхъ потоковъ переселенія направился изъ Индонезіи на сѣверъ. Очевидно, разумѣется, что о-ва Филиппинскіе заселились малайскими племенами позже, нежели Большіе Зондскіе острова, эта истинная родина настоящихъ малайцевъ; а отъ Филиппинъ для такихъ искусныхъ въ мореплаваніи племенъ одинъ только шагъ къ Формозѣ, гдѣ и понынѣ еще живутъ племена несомнѣнно малайскаго происхожденія. Но врядъ ли движеніе ограничилось этимъ.

На материкѣ южнаго Китая нѣтъ недостатка въ слѣдахъ, указывающихъ на иммиграцію малайцевъ. Своеобразный типъ японцевъ лучше всего объясняется также примѣсью малайской крови; не невѣроятно даже и то (ср. стр. 4), что возникновеніемъ своего государственнаго строя, начавшагося на югѣ, Японія обязана малайцамъ, которые прежде всего утвердились на южныхъ островахъ и смѣшались какъ съ прежними обитателями, такъ и съ переселенцами изъ Кореи. Такъ какъ образованіе государства въ Японіи совершилось въ 660 г. до Р. X., то это переселеніе должно было произойти еще раньше. Впрочемъ, за первымъ переселеніемъ на сѣверъ послѣдовало позже второе, которое достигло, по меньшей мѣрѣ, Филиппинъ, а, быть можетъ, пошло еще дальше.

Второй великій переселенческій потокъ направился на востокъ. На островахъ Меланезіи, издавна занятыхъ темноцвѣтной расой, возникли многочисленныя малайскія колоніи, которыя оказали глубокое вліяніе на меланезійцевъ, но частью мало по малу растворились среди нихъ. И надо полагать, что и материкъ Австраліи не остался чуждъ вторженію малайскихъ элементовъ. Болѣе свободный путь малайская страсть къ переселеніямъ нашла въ безконечныхъ архипелагахъ Тихаго океана; вѣскія данныя говорятъ за то, что отдѣльные переселенцы доходили даже вплоть до сѣверо-западнаго побережья Америки. Какъ совершались эти путешествія и какой періодъ времени они охватывали, намъ неизвѣстно; только новозеландскія преданія передаютъ намъ въ полусказочной формѣ, какъ первые переселенцы съ о-въ Савайи и Раротонга предприняли со своими семействами и богами полное опасности путешествіе (стр. 300) на свою новую родину на огромныхъ двойныхъ лодкахъ.

Третья народная волна изъ Индонезіи, этой страны вулканическихъ переворотовъ и перемѣщеній народовъ, пересѣкла Индійскій океанъ и пе-

ренесла на западъ, на Мадагаскаръ, первые ростки малайскаго племени (ср. стр. 565), Возможно, что малайцы достигли при этомъ и африканскаго побережья, а, быть можетъ, и основали здѣсь прочныя поселенія.

Такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ за тысячу лѣтъ до нашего времени малайцы распространились отъ береговъ Америки до материка Африки на протяженіи, равномъ почти двумъ третямъ земной окружности. Отъ материковъ малайо-полинезіецъ держался далеко; океаны, изобилующіе островами, являются достояніемъ его расы, не имѣющей себѣ равной въ господствѣ надъ моремъ, если не считать въ наши дни арійской группы народовъ въ Европѣ.

c) Переселеніе малайцевъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Если о древнихъ переселеніяхъ мы знаемъ не больше того, что мы можемъ почерпать изъ сравнительнаго языкознанія и народовѣдѣнія, то ближе къ намъ стоитъ другое движеніе народовъ, также принадлежащихъ къ малайской расѣ; движеніе, которое хотя едва переступило границы Индонезіи, все же служитъ хорошей иллюстраціей древнѣйшихъ переселеній. Названіе малайцевъ первоначально принадлежало не всей расѣ, но лишь опредѣленному племени малайскаго архипелага (стр. 531). Этотъ-то народъ своими переселеніями въ новѣйшее время повторилъ въ малыхъ размѣрахъ древнія передвиженія и тѣмъ выказалъ себя достойнымъ дать всей этой подвижной группѣ народовъ свое имя. Вѣроятно, впрочемъ, что даже не все племя, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, носило названіе малайцевъ, но лишь та часть его, которая играла наиболѣе выдающуюся роль.

Первоначальныя мѣстообитанія этого народа лежали на о. Суматрѣ въ территоріи Менанкабо. Уже Птоломей обозначаетъ о. Суматру названіемъ Malayu, а въ 1150 г. арабскій географъ Эдризи упоминаетъ объ островѣ „Малай“, который велъ оживленную торговлю пряностями. Повидимому, индійская культура имѣла нѣкоторое вліяніе на Менанкабо: по преданіямъ самихъ малайцевъ, ихъ государь Шри Тури Бумана, который перевелъ часть народа черезъ море на полуостровъ Малакку и сдѣлалъ въ 1160 г. Сингапуръ центромъ своего владычества, былъ индійскаго или яванскаго происхожденія (по преданію, онъ велъ свой родъ отъ Александра Великаго). Новое государство возбудило будто бы зависть одного могущественнаго яванскаго государства, какъ полагаютъ, Модіопагита, а Сингапуръ былъ завоеванъ въ 1252 г. яванцами, и послѣ этого на материкѣ была основана новая столица, Малакка. Въ 1276 г. тогдашній властитель принялъ будто бы вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ исламъ. Малайцы, заставшіе на полуостровѣ лишь малорослыя робкія лѣсныя племена, съ теченіемъ времени настолько размножились, что выселеніе новыхъ колоній стало необходимостью, и по всѣмъ побережьямъ западной Индонезіи появились малайскіе торговцы и поселенцы. Къ концу 13-го столѣтія государство Малакка стало гораздо могущественнѣе прежняго Менанкабо: оно стало политическимъ и этническимъ центромъ малайцевъ; этимъ объясняется происхожденіе того мнѣнія, что природные островитяне, малайцы, будтобы разселились по островамъ съ материка Азіи. Малайскіе переселенцы выступили отчасти, какъ основатели государствъ, и прежде всего на о. Борнео, гдѣ Бруней на сѣверѣ было настоящимъ малайскимъ государствомъ; другія государства образовались на западномъ побережьѣ. Вездѣ малайцы смѣшались съ туземцами и сдѣлали свой языкъ общимъ для всѣхъ Зондскихъ острововъ.

Буги о. Целебеса также распространились далеко за предѣлы своей родины (ср. ниже стр. 558). Какъ ни ничтожны эти новѣйшія событія въ сравненіи съ событіями древнихъ временъ, они все же научаютъ насъ понимать прошлое малайо-полинезійцевъ и объясняютъ возможность обширныхъ переселеній, совершенныхъ этими народами.

Г. Внѣшнія вторженія.

Еще сильнѣе, чѣмъ переселенія, сказались внѣшнія вліянія, которымъ острова эти постоянно подвергались вслѣдствіе своего благопріятнаго положенія на пути международныхъ сношеній. Азіатскіе народы уже издавна открыли Малайскій архипелагъ, основали на немъ поселенія и тамъ и сямъ сумѣли оказывать также политическое вліяніе. Острова эти служили не только стоянками при сношеніяхъ между Восточной Азіей и Западомъ, но и сами по себѣ являлись очень заманчивыми для чужеземцевъ благодаря своимъ природнымъ богатствамъ, прежде всего своими пряностями, этой важнѣйшей статьей индійской торговли; далѣе, золотомъ и алмазами изъ рудниковъ Борнео и многими другими цѣнными произведеніями. Изъ Восточной Азіи первыми утвердились на Малайскомъ архипелагѣ китайцы; съ Запада сюда явились посредниками между индонезійской и восточно-азіатской торговлей сначала индусы, потомъ арабы, а вслѣдъ за ними первые европейцы, нынѣшніе повелители индонезійскихъ острововъ.

а) Китайцы.

Китайцы не могутъ считаться морскимъ народомъ въ настоящемъ смыслѣ слова (ср. т. I.). Лишь послѣ покоренія южнаго Китая, когда китайцамъ досталось богатое гаванями морское побережье и когда они стали въ то же время смѣшиваться съ древнѣйшими обитателями, опытными въ морскомъ дѣлѣ, началась морская торговля съ богатыми тропическими областями Индонезіи. Торговля эта была, быть можетъ, лишь продолженіемъ болѣе древнихъ торговыхъ сношеній, начавшихся съ переселеніемъ на сѣверъ малайской расы и находившихся въ рукахъ малайскихъ племенъ. Такъ какъ южный Китай сталъ китайскимъ владѣніемъ въ 220 г. до Р. Х. (стр. 520), то вліяніе китаизма на жителей Малайскаго архипелага могло начаться не раньше этого времени, а, вѣроятно, еще гораздо позже: вѣдь прочныя сношенія съ Анамомъ завязались лишь незадолго до Рождества Христова. Что мотивомъ къ путешествіямъ китайцевъ служила не любовь къ морю, а торговый духъ, обнаруживалось каждый разъ, какъ только другіе народы захватывали въ свои руки торговлю и отыскивали китайцевъ въ ихъ собственныхъ гаваняхъ. Китайскій флотъ всегда быстро уменьшался въ такихъ случаяхъ, морскія предпріятія сокращались, и купцы Небесной имперіи находили безопаснѣе и удобнѣе торговать у себя дома съ чужеземцами, чѣмъ довѣрять свою драгоцѣнную жизнь ненадежнымъ судамъ (ср. стр. 586). Но независимо отъ этихъ обстоятельствъ выселеніе изъ перенаселеннаго Китая постоянно усиливалось и, безразлично, на своихъ ли или на чужихъ корабляхъ, направлялось преимущественно на Остъ-индскій архипелагъ, гдѣ оно привело въ нѣкоторыхъ областяхъ къ значительнымъ этническимъ перемѣнамъ.

Мнѣнія о томъ, какъ далеко простиралась древнѣйшая китайская морская торговля, равно какъ и о менѣе интересующемъ насъ здѣсь вопросѣ, какъ далеко на западъ доходили китайскія суда, весьма противорѣчивы. Изъ лѣтописей Лянской династіи, царствовавшей въ первой половинѣ шестого столѣтія нашего лѣтосчисленія (стр. 80), вытекаетъ, что уже тогда китайцамъ были извѣстны нѣкоторые пункты у Малаккскаго пролива, служившіе, очевидно, стоянками для восточно-азіатско-индійской торговли. Уже въ 5-мъ столѣтіи развились сношенія съ Явой, завязавшіяся, быть можетъ, благодаря путешествіямъ буддійскаго посла Фа-Сянь (стр. 74 и 403), который, будучи прибитъ бурей къ о. Явѣ, привезъ въ

Китай болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ островѣ; южная часть Суматры также имѣла уже тогда сношенія съ Китаемъ. Политическій строй о. Явы далъ возможность завязать относительно безопасныя и выгодныя торговыя сношенія; китайцы вывозили отсюда благородные металлы, черепаху, слоновую кость, кокосовые орѣхи и сахарный тростникъ, а взамѣнъ ввозили главнымъ образомъ бумажныя и шелковыя матеріи. Часто упоминается о подаркахъ индонезійскихъ князей, которыхъ китайскій дворъ награждалъ пышными титулами и оффиціальными почестями, оказывая имъ иногда также дипломатическую поддержку; одинъ изъ нихъ получилъ въ 1129 г. титулъ короля Явы. Столкновенія между поселившимися здѣсь китайскими купцами, которые рано уже стали обнаруживать склонность къ образованію государства въ государствѣ, и яванскими князьями не разъ приводили впослѣдствіи къ перерывамъ въ сношеніяхъ; послѣ покоренія Китая монголами (стр. 86) дѣло дошло даже до военнаго столкновенія: въ 1293 г. монгольско-китайское войско, создавъ себѣ предварительно стратегическій опорный пунктъ на островѣ Биллитонѣ, напало на Яву, но должно было отступить, ничего не добившись. Въ эпоху Минской династіи торговля, однако, опять стала процвѣтать; можно доказать даже существованіе нѣкотораго политическаго вліянія Китая (стр. 92); въ 1405 — 1407 г.г. въ водахъ Малайскаго архипелага находился китайскій флотъ, предводители котораго принудили нѣкоторыхъ мелкихъ князей къ „подчиненію", а властителя Палембанга привезли плѣннымъ въ Китай (ср. ниже стр. 549).

Берега о Борнео, у которыхъ приходилось останавливаться при каждомъ переходѣ къ острову Явѣ и обратно, вскорѣ также стали привлекать китайскихъ купцовъ, для которыхъ золотыя и брильянтовыя сокровища Борнео не были тайной. Государство Поло на сѣверѣ острова, впервые упоминаемое въ китайскихъ лѣтописяхъ въ 7-мъ вѣкѣ, въ 10-мъ вѣкѣ регулярно уже посѣщалось китайцами; на западномъ побережьѣ государство Пуни, князь котораго въ 977 г. отправилъ первое посольство въ Китай, было часто посѣщаемымъ мѣстомъ, между тѣмъ какъ Банджермассингъ теперь самый цвѣтущій торговый пунктъ, упоминается впервые лишь въ 1368 г.

Когда, по мѣрѣ распространенія ислама съ его послѣдствіями, торговля Китая съ Зондскими островами стала все болѣе и болѣе падать, она направилась на о-ва Филиппинскіе, которые до того были въ пренебреженіи, хотя и лежали ближе къ Китаю. Но и здѣсь, еще до вторженія китайцевъ и до поселенія ихъ въ различныхъ пунктахъ морского побережья, существовала уже оживленная торговля между малайскими племенами. Это совершилось, самое позднее, въ 14-мъ столѣтіи. Но за китайскими купцами послѣдовали уже тогда многочисленные эмигранты, которые поселялись во вновь открытыхъ областяхъ, смѣшивались съ туземцами и такимъ путемъ создавали, какъ и въ сѣверномъ Борнео, новыя китайско-малайскія племена. Когда, съ вторженіемъ испанцевъ, китайскіе купцы удалились или должны были ограничиться опредѣленными территоріями, эти смѣшанныя племена остались въ странѣ.

Въ общемъ можно сказать, что китайцы Индонезіи во многихъ мѣстахъ оказывали свое политическое вліяніе и вызвали нѣкоторыя этническія измѣненія, продолжая въ этомъ смыслѣ и теперь еще оказывать свое воздѣйствіе; зато духовное вліяніе китайцевъ было невелико и далеко не можетъ сравниться съ вліяніемъ индійцевъ и арабовъ. Китайцы, очевидно, трудно сходятся съ малайцами. Въ настоящее время значительная часть торговли малайскаго архипелага опять въ рукахъ китайцевъ, иммиграція ихъ достигла огромныхъ размѣровъ, и нигдѣ „желтая опасность" не такъ замѣтна, какъ тамъ; но все же Индонезію ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать колоніей китайской культуры. Ту же участь ничтожнаго вліянія

на духовную жизнь малайцевъ раздѣляетъ китаецъ съ европейцемъ. Въ обоихъ случаяхъ причина кроется въ томъ, что они являются сюда прежде всего въ качествѣ торговцевъ и повелителей, но не возбуждаютъ никакихъ религіозныхъ движеній; китаецъ — потому, что онъ равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ, а европеецъ потому, что исламъ, обладающій бо́льшей силой прозелитизма въ сравненіи съ христіанствомъ, пріобрѣлъ сверхъ того огромное преимущество передъ послѣднимъ уже однимъ тѣмъ, что онъ появился задолго до него. Возможно, что въ прежнія времена китайцы способствовали торжеству буддизма въ Индонезіи, но доказать этого въ настоящее время нельзя.

b) Индійцы.

Совсѣмъ иного рода, въ сравненіи съ китайцами, было вліяніе жителей Передней Индіи на ихъ островныхъ сосѣдей: они принесли этимъ послѣднимъ вмѣстѣ съ высшей культурой и новую религію или, вѣрнѣе, двѣ религіи, которыя параллельно должны были пустить корни на Малайскомъ архипелагѣ, именно брахманизмъ и буддизмъ.

Индусы и прочіе обитатели Индіи, перенявшіе ихъ культуру, столь же мало питаютъ наклонности къ мореплаванію, какъ и китайцы: берега Индостана сравнительно бѣдны удобными гаванями. Нужно полагать, что первыми мореплавателями, отважившимися перерѣзать Бенгальское море, были искусные въ морскомъ дѣлѣ жители Зондскихъ острововъ. Эти отважные морскіе разбойники, которые, подобно норвежскимъ викингамъ, предпринимали свои набѣги для обложенія жителей морскихъ побережій данью, вмѣстѣ съ тѣмъ прокладывали и первые пути для мирныхъ торговыхъ сношеній..

Въ свою очередь прибрежные жители Индостана, которые до того вели оживленныя сношенія лишь съ Аравіей и Персидскимъ заливомъ, заинтересовались и щедро одаренной Индонезіей. Сначала, конечно, лишь отдѣльные предпріимчивые купцы пускались въ далекія путешествія къ богатымъ пряностями островамъ, а съ теченіемъ времени завязались правильныя и выгодныя торговыя сношенія. Однако, потребовалось много столѣтій, пока духовное вліяніе индійской культуры оказало, наконецъ, свое воздѣйствіе,

Такъ какъ индусъ столь же мало обнаруживаетъ склонности къ веденію лѣтописей, какъ и малаецъ, то начало сношеній между обѣими группами народовъ можно возстановить лишь косвеннымъ образомъ. Джонъ Крауфёрдъ (John Crawfurd, 1783—1868 г.г.) въ этомъ вопросѣ исходитъ изъ слѣдующаго факта. Два предмета торговли, спеціально свойственные Индонезіи, гвоздика и мускатный орѣхъ, въ древности нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не культивировались, Первое появленіе ихъ на западныхъ рынкахъ, поэтому, должно служить намъ указаніемъ на то, когда именно сношенія Индіи съ Малайскимъ архипелагомъ получили правильное развитіе. Дѣйствительно, обѣ эти пряности, въ числѣ другихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Александрію, впервые упоминаются во времена императора Марка Аврелія, слѣдовательно, около 180 г. по Р. Х., между тѣмъ какъ столѣтіемъ раньше о нихъ ничего не говорится въ „Периплѣ Эриѳрейскаго моря“ (ср. т. III.). Если же принять во вниманіе, что должно было пройти не мало времени, пока эти пряности получили право гражданства въ Индіи, а еще больше времени, пока возникла мысль о вывозѣ ихъ въ дальнія страны, и что во время первыхъ торговыхъ экспедицій, которыя по необходимости направлялись къ Малаккскому проливу, прежде всего, естественно, первыми предметами обмѣна должны были служить произведенія Малакки и лишь позднѣе пряности, произраставшія въ болѣе отдаленныхъ частяхъ Малайскаго архипелага, то начало индійско-малай-

ской торговли должно быть отнесено къ первому вѣку нашего лѣтосчисленія. За это мнѣніе говоритъ также и то, что въ „Периплѣ“ рѣчь идетъ о путешествіяхъ индійцевъ въ „Золотой Херсонесъ“, который, болѣе чѣмъ вѣроятно, означаетъ полуостровъ Малакку; судя по китайскимъ источникамъ, въ это время индійскіе купцы доходили даже до береговъ южнаго Китая. Впослѣдствіи въ греко-римскомъ мірѣ появляются уже болѣе точныя свѣдѣнія объ Индонезіи. Еще раньше, чѣмъ гвоздика и мускатный орѣхъ появились въ товарныхъ спискахъ Александріи, географъ Птоломей нанесъ уже на своей картѣ земного шара названія „Малайу“ (стр. 535) и „Ява“. Разныя другія данныя указываютъ на то, что уже тогда о. Ява былъ культурнымъ и торговымъ центромъ Индонезіи. Еще нѣсколько столѣтій, и къ его гостепріимнымъ берегамъ потянулись караваны тяжеловѣсныхъ джонокъ китайцевъ (ср. стр. 537).

Слѣдуя по стопамъ купцовъ, а, быть можетъ, не пренебрегая и сами выгодами торговли, на острова Индонезіи стали появляться мало по малу и индійскіе священники, которымъ удалось добиться здѣсь вліянія и положенія. Но Индія сама къ началу нашей эры не представляла единства въ религіозномъ отношеніи. Съ силой внезапно прорвавшагося потока буддизмъ ниспровергъ древнюю религію брахмановъ, разбилъ кастовый строй общества и затѣмъ съ блестящимъ успѣхомъ разослалъ своихъ апостоловъ почти во всѣ окрестныя страны (стр. 402). Но онъ оказался не въ состояніи уничтожить прежней религіи страны: съ несокрушимой жизненной силой брахманизмъ снова воспрялъ. И въ настоящее время буддизмъ на своей первоначальной родинѣ почти исчезъ, въ то время какъ старая вѣра снова достигла почти исключительнаго господства (стр. 403). Въ переходный періодъ, когда обѣ религіозныя системы продолжали сохранять свои позиціи, началось вліяніе индусовъ на Индонезію, и, конечно, религіозныя распри Передней Индіи не могли не отразиться на этой колоніи индійской культуры. Буддисты и брахманы ведутъ здѣсь свою дѣятельность рядомъ, часто открыто соперничая другъ съ другомъ, хотя, впрочемъ, остается подъ сомнѣніемъ, доходила ли религіозная борьба до насильственныхъ столкновеній. Но въ судьбахъ приверженцевъ обѣихъ религій замѣчается удивительная аналогія съ ихъ единовѣрцами въ Индіи: и на Малайскомъ архипелагѣ буддизмъ одержалъ на нѣкоторое время побѣду и наложилъ свою печать на самый блестящій періодъ исторіи Явы; но брахманизмъ обнаружилъ бо́льшую жизненную силу и до сихъ поръ еще не исчезъ окончательно, между тѣмъ какъ о буддійской религіи намъ говорятъ лишь мощныя руины храмовъ.

Есть основаніе думать, что брахманисты пришли изъ другой части полуострова, нежели буддисты. Джемсъ Фергюссонъ полагаетъ, что родиной буддійскихъ переселенцевъ былъ Гуджератъ и устья Инда, а родиной брахмановъ—Телингана и устья Кистны: за это мнѣніе говоритъ архитектура индійскихъ храмовъ о. Явы и языкъ санскритскихъ надписей. Въ послѣднее время H. Kern и I. Groneman, глубокіе знатоки буддизма, высказались за то, что знаменитые храмы Боро-будура были воздвигнуты приверженцами южныхъ буддистовъ (Hînayâna: изображенія Будды съ обнаженнымъ правымъ плечомъ), одна секта которыхъ господствовала, напр., на южной Суматрѣ въ государствѣ Шри-Боджа. Брахманисты и буддисты не появились, конечно, одновременно на о. Явѣ: древнѣйшіе храмы, безъ сомнѣнія, были воздвигнуты не буддистами, но поклонниками Вишну (стр. 404) въ 5-мъ вѣкѣ по Р. Х. Къ этому же столѣтію относятся нѣкоторыя изъ надписей, найденныхъ въ западной части о. Явы и также приписываемыхъ приверженцамъ Вишну. Китайскій буддистъ Фа Сянь, посѣтившій около этого времени островъ, упоминаетъ объ индусахъ, но, повидимому, онъ не нашелъ среди нихъ своихъ единовѣрцевъ. Согласно съ этимъ, первыми вступили въ сношенія съ Индонезіей индійцы Коро-

мандельскаго берега; лишь позднѣе за ними послѣдовали жители сѣверо-западнаго побережья Индіи, которые находились тогда въ сношеніяхъ съ западными культурными странами и дали могучій толчокъ торговлѣ, ставъ во главѣ индійской колоніи на о. Явѣ. Отсюда объясняется также позднѣйшій перевѣсъ буддизма на Малайскомъ архипелагѣ.

Въ 8-мъ вѣкѣ по Р. Х. переселеніе на о. Яву индусовъ, въ томъ числѣ многочисленныхъ буддистовъ, необычайно усилилось; сооруженіе буддійскаго храма въ Калазанѣ въ 779 г. доказано надписями. Тогда рѣшилась побѣда индійской культуры: властители съ восторгомъ восприняли новыя религіозныя формы и тратили накопленныя богатства на сооруженіе величественныхъ храмовъ, образцомъ для которыхъ служила архитектура Передней Индіи. Съ о. Явы, этого фокуса политическаго могущества, индусская культура и религія распространились на сосѣдніе острова, на Суматру, югъ Борнео и прочія части архипелага; самыми крайними восточными пунктами успѣховъ буддизма были о. Тернате и маленькій островокъ Тоби къ сѣверо-востоку отъ Галмагеры, составляющіе уже переходъ къ Микронезіи. Тогда пали (pâli, стр. 409) сталъ языкомъ образованныхъ классовъ; индійскія системы письма вызвали появленіе туземныхъ письменъ даже у такихъ племенъ, которыхъ, какъ напр., баттаковъ внутренней Суматры, культурное теченіе затронуло весьма слабо. Впослѣдствіи индійское вліяніе ослабло. Въ 15-мъ вѣкѣ оно снова стало процвѣтать, что́ стояло, вѣроятно, въ связи съ политическими условіями на о. Явѣ. Такъ какъ къ этому времени буддизмъ въ Индіи почти совершенно исчезъ, то этотъ второй расцвѣтъ означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе брахманскаго ученія, которое пережило паденіе индійской культуры (см. снимки изъ Бали къ стр. 561), изображающіе брахманское сказаніе).

c) Арабы.

Тѣмъ временемъ на арену выступили уже побѣдоносные преемники индусовъ, исламисты **арабы**. Арабская торговля съ Египтомъ и Индіей процвѣтала уже до Магомета и, благодаря этому, вырвала изъ рукъ индусовъ продукты Индонезіи и снабжала ими западные культурные народы. Возможно, что отдѣльные арабскіе купцы уже рано стали проникать на о. Яву, не пріобрѣтая, впрочемъ, тамъ вліянія. Лишь **исламъ** придалъ поступательному движенію арабовъ его своеобразный характеръ; изъ мирныхъ купцовъ они превратились въ апостоловъ новаго ученія, простота котораго представляла выгодный контрастъ съ искусственными системами божествъ индусовъ или съ выродившимся буддизмомъ, который на Малайскомъ архипелагѣ въ очень малой степени могъ сохранить свою первоначальную чистоту. Новыя задачи, которыя отнынѣ ставила арабскимъ купцамъ ихъ новая религія, наполнили ихъ бодрымъ духомъ предпріимчивости и отвагой, которые уже не останавливались передъ опасностью пересѣчь Индійскій океанъ. Возникновеніе халифата, привлекавшаго къ себѣ всѣ богатства востока, обезпечивало за смѣлыми мореплавателями и купцами сбытъ ихъ товаровъ и высокую прибыль (ср. т. III). Тогда начала процвѣтать Басра, ставшая исходнымъ пунктомъ тѣхъ отважныхъ путешествій, отзвукъ которыхъ мы находимъ въ робинзонадахъ мореплавателя Зиндбада въ „Тысячѣ и одной ночи“. Оманъ также сталъ важнымъ торговымъ пунктомъ на Персидскомъ заливѣ, но и древнія приморскія гавани въ южной Аравіи состязались со своими новыми соперниками и все еще твердо держали въ своихъ рукахъ торговлю съ Египтомъ.

Арабскія морскія путешествія во времена халифата образуютъ первую ступень въ сношеніяхъ между Индонезіей и мусульманскимъ міромъ, сношеніяхъ, которыя на первыхъ порахъ носили чисто дѣловой характеръ.

Но разъ первые шаги были сдѣланы, духъ предпріимчивости привелъ вскорѣ арабскихъ купцовъ черезъ Малайскій архипелагъ къ берегамъ Китая, которые уже въ 850 г. находились въ оживленныхъ морскихъ сношеніяхъ съ Оманомъ у Персидскаго залива. Но въ самой Индонезіи должны были возникать при этомъ стоянки экспедиціонной торговли, въ которыхъ арабскіе купцы останавливались на болѣе или менѣе продолжительное время и, само собою разумѣется, старались отнынѣ пріобрѣтать приверженцевъ ислама. Возможно, что уже тогда обращеніе въ исламъ совершалось бы въ бо́льшихъ размѣрахъ, если бы паденіе халифата не ослабило постепенно арабской торговли, а съ ней въ весьма сильной степени и вліянія арабовъ въ Индонезіи.

Новое сильное развитіе сношеній между мусульманскими государствами и Малайскимъ архипелагомъ произошло въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда магометанскій міръ снова окрѣпъ и государство сарациновъ находилось въ расцвѣтѣ: именно въ 1200 г. по Р. Х. Впрочемъ и тогда, повидимому, исламъ имѣлъ лишь незначительный успѣхъ въ Индонезіи, несмотря на то, что царствовавшій въ Малаккѣ малайскій князь Мухаммедъ Шахъ былъ обращенъ въ исламъ (согласно одному не вполнѣ, впрочемъ, достовѣрному источнику это произошло въ 1276 г.)— событіе, которое имѣло впослѣдствіи большое значеніе, такъ какъ малайцы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова стали самыми ревностными магометанами Малайскаго архипелага. Лишь третій крупный расцвѣтъ торговли, происшедшій въ эпоху процвѣтанія турецкаго и египетскаго государствъ въ 14-мъ вѣкѣ (ср. т. III.), проложилъ путь побѣдѣ новой вѣры, побѣдѣ, которая съ пріобрѣтеніемъ Явы была рѣшена надолго. Первая неудавшаяся попытка магометанскаго движенія на Явѣ была сдѣлана въ 1328 г., вторая, еще болѣе неудачная, въ 1391 г. Но мало по малу, благодаря непрестаннымъ усиліямъ арабскихъ купцовъ, которые нашли въ средѣ туземцевъ услужливыхъ помощниковъ, а въ малайцахъ Малакки — единомышленниковъ, была подготовлена почва для окончательной побѣды магометанскаго ученія, несмотря на сопротивленіе брахмановъ, религія которыхъ, какъ оказалось, не пустила глубокихъ корней въ народѣ. Паденіе государства Модіопагитъ, которое было оплотомъ индійской религіозной партіи, уничтожило въ 1478 г. брахманизмъ на о. Явѣ.

d) Европейцы.

Побѣда ислама была одержана какъ разъ во время. Немного десятилѣтій спустя появились первые европейцы на Малайскомъ архипелагѣ. Имъ хотя и удалось захватить политическое главенство, но въ духовномъ отношеніи господство осталось за исламомъ.

α) Португальцы.

Португальскій адмиралъ Діого Лопезъ де Секвейра (стр. 476) и его экипажъ, при появленіи своемъ въ 1509 г. на берегахъ Суматры, безъ сомнѣнія, не были первыми моряками европейскаго происхожденія, вступившими на берега Малайскаго архипелага. Вѣроятно, не одинъ отважный купецъ появился тамъ уже въ болѣе древнія времена; но первымъ путешественникомъ, который пришелъ сюда во всеоружіи европейскаго духа изслѣдованія и умственной силы, былъ великій венеціанецъ Марко Поло (стр. 87), посѣтившій эти острова въ 1295 г. и счастливо вернувшійся потомъ на свою родину. Впрочемъ, оживленныя сношенія съ Европой стали возможны лишь послѣ того, какъ въ $149^7/_8$ г. удалось обогнуть южную оконечность Африки и тѣмъ найти непосредственный морской путь въ Остъ-Индію (стр. 443). Дальнѣйшее развитіе не заставило себя долго ждать.

Первая экспедиція, подъ начальствомъ Секвейры, съ трудомъ спаслась отъ истребленія, когда она бросила якорь въ гавани Малакки, и подверглась нападенію по приказанію мѣстнаго князя. Во всякомъ случаѣ штатгальтеръ Аффонсо д' Альбукверкве, отправляясь въ 1511 г. на Малакку, ужеимѣлъ отличный поводъ начать рѣшительныя дѣйствія и по пути захватывать малайскія торговыя суда. Такъ какъ отъ султана Малакки нельзя было получить достаточнаго удовлетворенія, то ему была объявлена война; городъ, послѣ жаркаго сраженія, былъ взятъ и обращенъ въ твердый оплотъ португальскаго владычества. Альбукверкве направилъ затѣмъ свои усилія на возстановленіе сношеній съ Явой и сталъ дѣлать шаги къ болѣе тѣсному сближенію съ Пряными или Молуккскими островами на востокѣ. Послѣ его отъѣзда не разъ были сдѣланы попытки отобрать Малакку у португальцевъ, но крѣпость держалась твердо.

Когда португальцы, слѣдуя по слѣдамъ арабовъ, достигли до Малакки, этого перекрестнаго пункта индійской и восточно-азіатской торговли, у нихъ естественно явилось желаніе прониннуть далѣе до Китая и тѣмъ захватить въ свои руки сношенія съ этой страной. Флотъ подъ начальствомъ Фернао Перезъ д'Андраде отплылъ въ 1516 г. изъ Малакки и, послѣ первой неудавшейся попытки, прибылъ въ 1517 г. въ Кантонъ. Уже въ 1512 г., благодаря Франциско Серрао, португальцы завязали сношенія съ Молуккскими островами; путемъ вмѣшательства въ междоусобія между туземцами, начальнику ихъ эскадры, Антоніо де Брито, удалось вскорѣ пріобрѣсть здѣсь вліяніе и основать въ 1522 г. на о. Тернате крѣпость. Но планамъ ихъ помѣшала маленькая испанская эскадра погибшаго на Матанѣ 27-го апрѣля 1521 г. Магальхаэса, эскадра, которая пересѣкла Тихій океанъ и 8-го ноября того же года появилась у Тидора, чтобы утвердить притязанія испанскаго короля на Молуккскіе острова.

Въ общемъ тогда уже было ясно, что португальцы ни въ какомъ случаѣ не могли бы использовать вновь открытую огромную область или даже колонизовать ее. О дѣйствительномъ подчиненіи даже побережій болѣе крупныхъ острововъ никогда и рѣчи не было. Значительную часть наличныхъ силъ пришлось употребить на удержаніе Малакки и на подчиненіе мелкихъ малайскихъ разбойничьихъ государствъ; прочія силы тратились на войны съ Китаемъ. Такъ малайскій князь Бинтана постоянно угрожалъ своимъ многочисленнымъ флотомъ португальскимъ владѣніямъ у Малаккскаго пролива и съ 1523 г. привелъ колонію въ крайне затруднительное положеніе, пока въ 1527 г. не была разрушена его столица. Положеніе португальцевъ на Молуккскихъ островахъ также было довольно шаткое, такъ какъ государство Тидоръ, дружественное испанцамъ, выказало себя рѣшительно враждебнымъ португальцамъ. Въ 1522 г. они завязали торговыя сношенія съ государствомъ Зунда въ западной Явѣ, но не получили позволенія основать въ самой странѣ поселеніе. На о. Суматрѣ, гдѣ уже въ 1514 г. португальцы посѣтили Менанкабо, нѣкоторыя мелкія государства признали верховную власть Португаліи; Ачинъ, напротивъ, рѣшительно сумѣлъ сохранить свою самостоятельность, а сношенія съ Борнео впервые пытались завязать лишь въ 1530 г.

Въ томъ же году начались новыя смуты на Молуккскихъ островахъ, такъ какъ вѣроломство португальскихъ начальниковъ, заключившихъ въ тюрьму короля о. Трснате, озлобили противъ нихъ народъ этого союзника. Когда новый главнокомандующій, Гонзало Перейра, сверхъ того объявилъ торговлю гвоздикой монполіей португальскаго правительства, то возмущеніе настолько возросло, что королева, приказала его убить, а жизнь остальныхъ португальцевъ была въ величайшей опасности. Съ трудомъ лишь былъ тогда возстановленъ миръ. Новыя волненія возникли по винѣ той низкой банды искателей приключеній которые, распоряжаясь на

островѣ именемъ короля Португаліи, позволяли себѣ самыя необузданныя безпутства и взаимными ссорами подрывали всякое уваженіе къ себѣ. Штатгальтеръ Тристао де Таиде довелъ дѣло до того, что противъ него соединились всѣ князья Молуккскихъ острововъ (1533 г.); лишь его преемникъ Антоніо Гальвао окончилъ войну болѣе или менѣе успѣшно и снова возстановилъ значеніе Португаліи на Пряныхъ островахъ. Время его управленія было безусловно эпохой расцвѣта португальскаго владычества тамъ. Впослѣдствіи снова началась борьба, приведшая въ 1580 г. къ отступленію португальцевъ изъ Тернате и къ переселенію ихъ на Тидоръ.

Такимъ образомъ, вліяніе португальцевъ простиралось лишь на часть Молуккскихъ острововъ и на нѣкоторыя области, лежавшія при Малаккскомъ проливѣ. Индонезія служила главнымъ образомъ, транзитной областью для китайско-японской торговли, которая въ началѣ своего развитія обѣщала столь же много, какъ и восточно-азіатская котолическая миссія (стр. 92). Главной станціей для этой торговли была и осталась Малакка не смотря на ея опасное положеніе между малайскими разбойничьими приморскими государствами и могущественнымъ государствомъ Ачинъ на Суматрѣ.

Исторія испанской колонизаціи на Малайскомъ архипелагѣ почти вполнѣ совпадаетъ съ исторіей Филиппинскихъ острововъ; ср. поэтому стран. 562—564.

β) Нидерландцы.

Господство португальцевъ столь же мало могло быть прочнымъ въ Индонезіи, какъ и въ Индіи (стр. 445). Въ концѣ 16-го столѣтія оба народа, которые должны были вступить во владѣніе богатымъ наслѣдствомъ, нидерландцы и англичане, сдѣлали первыя попытки къ торговымъ сношеніямъ и къ колонизаціи въ индійскихъ моряхъ. Особенную потребность въ отысканіи новыхъ странъ для приложенія своей дѣятельности испытывали голландцы, вслѣдствіе войны съ Испаніей, которая парализовала процвѣтавшую до того торговлю съ американскими колоніями. Взоры голландцевъ направились на Индію, гдѣ Португалія, скорѣе ослабленная, чѣмъ усиленная послѣ соединенія съ Испаніей (1580 г.), тщетно пыталась утвердить свое вліяніе въ этой огромной области. Не вступая даже тотчасъ во враждебное соперничество съ португальской торговлей, голландскіе купцы могли надѣяться отыскать еще не открытыя области, эксплуатація которыхъ обѣщала большія выгоды.

Первый голландскій флотъ выступилъ изъ Текселя 2-го апрѣля 1595 г. подъ предводительствомъ грубаго искателя приключеній, Корнели де Гутмана (стр. 446), а 2-го іюня 1596 г. онъ бросилъ якорь у Бантама, важнѣйшаго торговаго города о. Явы. Не смотря на то, что, вслѣдствіе дурныхъ качествъ ея начальника, эта первая экспедиція имѣла мало успѣха въ сношеніяхъ съ туземцами, она все же проложила путь для дальнѣйшихъ предпріятій. Въ ближайшіе годы возникло множество мелкихъ торговыхъ обществъ, но они какъ будто задались цѣлью другъ другу мѣшать и взаимно губить, пока, въ концѣ концовъ, при содѣйствіи Ольденбарневельда и принца Морица, 20-го марта 1602 г. всѣ эти мелкія общества не соединились въ одно крупное подъ названіемъ „Всеобщей нидерландской соединенной Остъ-индской компаніи“ (ср. т. VII). Эта компанія, а не Нидерландское государство, пріобрѣла скоро владѣнія на Малайскомъ архипелагѣ и съ 1632 г. пользовалась надъ ними полнымъ суверенитетомъ.

Компанія эта основала прочную колонію въ Бантамѣ, князь котораго выказалъ дружескую предупредительность, и переняла уже существовавшія торговыя предпріятія на Тернате, Амбоинѣ и Бандѣ, уже одно существованіе которыхъ доказываетъ, что и голландцы первымъ дѣломъ старались получить

свою долю въ торговлѣ пряностями. Вслѣдствіе этого уже въ 1603 г. дѣло дошло до столкновеній на Молуккскихъ островахъ, при чемъ туземцы, доведенные до ожесточенія гнетомъ испанцевъ и португальцевъ, перешли на сторону голландцевъ. Планомѣрность въ дѣйствіяхъ Компаніи появилась, впрочемъ, лишь тогда, когда въ 1609 г. былъ учрежденъ постъ генералъ-губернатора и при немъ „индійскій совѣтъ", и такимъ образомъ было установлено на Малайскомъ архипелагѣ нѣчто вродѣ самостоятельнаго правительства. Испанцы потерпѣли теперь основательное пораженіе. А когда на ихъ мѣсто появились англичане и вступили въ серьезное соперничество съ Компаніей, они въ лицѣ генералъ-губернатора San Pieterszon Coen'a столкнулись съ человѣкомъ, который, благодаря своему мужеству и энергіи, окончательно утвердилъ господство нидерландцевъ. Напрасно британцы старались при помощи султана бантамскаго пріобрѣсть вліяніе на о. Яву. Coen разбилъ своихъ противниковъ, перенесъ голландскую колонію въ Джакатру, основалъ тамъ въ 1619 г. нынѣшній центръ нидерландскаго владычества, Батавію, и такимъ образомъ принудилъ Бантамъ, торговля котораго сильно пострадала, пойти на уступки. „Мы стали твердой ногой въ странѣ и укрѣпили свою власть надъ о. Явой", писалъ Coen директорамъ компаніи: „Смотрите и оцѣните, что значитъ мужество!" Къ его огорченію, голландское правительство, изъ соображеній своей европейской политики, согласилось вновь допустить англичанъ на Малайскій архипелагъ, что́ привело ко всевозможнымъ осложненіямъ и, въ концѣ концовъ, къ казни многихъ англичанъ, которые заподозрѣны были въ намѣреніи овладѣть нидерландскими фортами на Амбоинѣ. Нужна была вся энергія Coen'a, чтобы удержать Батавію, осажденную въ 1628 году яванцами. Смерть его, послѣдовавшая въ томъ же году, была тяжелымъ ударомъ для голландскаго владычества.

Но вліяніе Компаніи было уже достаточно сильно, чтобы выдержать нѣкоторыя потрясенія. Португальцы были мало по малу совершенно оттѣснены и должны были почти совсѣмъ отказаться отъ восточно-азіатской торговли; англичане нашли въ передней Индіи поле для своей дѣятельности, а испанцы, хотя и удержали за собою Филиппины, но, въ концѣ концовъ, должны были въ 1663 г. отказаться отъ Молуккскихъ острововъ. Ява и Пряные острова были опорными пунктами голландскаго владычества, достигшаго при генералъ-губернаторѣ A. van Diemen (1636—45) своего высшаго расцвѣта; тогда была завоевана Малакка, съ властителями Явы установилось дружественное согласіе, а Батавія была во всѣхъ отношеніяхъ расширена и укрѣплена. Недолго спустя морской путь въ Остъ-Индію былъ обезпеченъ благодаря основанію одной станціи у мыса Доброй Надежды, а другой—на о. Маврикія. Но наряду съ этимъ торгашескій духъ коммерческаго общества (ср. т. VII) проявилъ себя отвратительнымъ образомъ въ мѣропріятіяхъ, которыя, будучи предприняты съ цѣлью сохраненія монополіи торговли пряностями на Молуккскихъ островахъ, имѣли самыя печальныя послѣдствія для туземнаго населенія.

Мало по малу стали обращать больше вниманія на тѣ острова Малайскаго архипелага, которымъ до сихъ поръ придавалось меньшее значеніе, особенно же съ 1662 г., когда Формоза отошла къ китайцамъ. Попытки утвердиться на Борнео имѣли сначала мало успѣха; зато въ различныхъ прибрежныхъ пунктахъ Суматры были основаны факторіи, а въ 1667 г. властитель макассарскій на Целебесѣ былъ покоренъ и вынужденъ согласиться на условія, выгодныя для Компаніи. И на о. Явѣ вліяніе голландцевъ постоянно усиливалось; въ 1684 г. Бантамъ былъ усмиренъ, послѣдствіемъ чего явилось окончательное удаленіе англичанъ съ острова Явы. Но и послѣ этого не было недостатка въ тяжелыхъ столкновеніяхъ.

Какъ и у всѣхъ крупныхъ суверенныхъ торговыхъ обществъ эпохи открытій, и процвѣтаніе Нидерландско-остъ-индской компаніи продолжалось недолго. Прежній духъ предпріимчивости ослабъ; все сильнѣе и

сильнѣе стала проявляться скаредная мелочность, дѣйствовавшая деморализующимъ образомъ на служащихъ Компаніи, которыхъ опасности, связанныя съ ихъ службой, наряду съ вліяніемъ тропическаго климата и безъ того толкали на различные эксцессы. Въ 1731 г. генералъ-губернатора, Diederik Durven'а, не успѣвшаго прослужить и двухъ лѣтъ, вынуждены были отозвать вслѣдствіе совершенныхъ имъ неслыханныхъ по безстыдству дѣяній, но и послѣ его удаленія положеніе дѣлъ мало измѣнилось къ лучшему. Дурное управленіе, отъ котораго больше всего терпѣли жившіе въ городахъ китайскіе купцы и рабочіе, привели въ концѣ-концовъ этотъ ненадежный самъ по себѣ и добивавшійся къ тому политическаго вліянія элементъ населенія Явы къ открытому возстанію. Въ то время, какъ китайцы угрожали окрестностямъ Батавіи, граждане взялись за оружіе и, по приказанію генералъ-губернатора Adrian Valckenier'а, перебили всѣхъ жившихъ въ этомъ городѣ китайцевъ (въ октябрѣ 1740 г.). Лишь послѣ продолжительной борьбы мятежники, хотя и дѣйствовали въ союзѣ съ яванскими князьями, были окончательно усмирены, чѣмъ Компанія воспользовалась для дальнѣйшаго расширенія своей территоріи.

Сила Компаніи основывалась въ сущности лишь на ея ревниво-оберегаемой торговой монополіи; поэтому-то ударъ, нанесенный ей въ этомъ отношеніи, долженъ былъ быть особенно ощутителенъ для нея. Съ вполнѣ законнымъ безпокойствомъ слѣдили поэтому въ Голландіи за тѣмъ, какъ Англія, занявшая, какъ морская держава, первое мѣсто на земномъ шарѣ, опять направила свою дѣятельность на Остъ-Индію и вступила не только на материкѣ, но и на Суматрѣ и на о-вахъ Молуккскихъ въ соперничество съ Компаніей, отвѣчая на всѣ протесты плохо скрываемыми угрозами. Съ этой новой, свѣжей силой испорченный бюрократизмъ нидерландской Компаніи ни въ коемъ случаѣ не былъ въ состояніи выдержать соперничество. Въ то время, какъ отдѣльныя лица обогащались, доходы Компаніи падали, и всѣ излишки должны были тратиться на безпрестанную борьбу съ малайскими морскими разбойниками и тому подобныя дорого стоившія предпріятія. Около конца 18-го столѣтія Генеральные Штаты вынуждены были выслать маленькій военный флотъ для поддержанія безпомощной суверенной Компаніи. Когда же Нидерланды, послѣ своего превращенія въ Батавскую республику (26 января 1795 г.), были втянуты въ войну съ Англіей, то судьба Компаніи была рѣшена: она пала косвенной жертвой французской революціи. Сначала она потеряла Капскую землю, потомъ Цейлонъ со всѣми владѣніями на полуостровѣ Индостанѣ; въ 1795 г. отпала также Малакка, а годъ спустя отняты были Амбоинъ и Банда. Только Тернате оказывалъ сопротивленіе. Ява, на которую англичане пока не посягали, осталась вскорѣ почти единственнымъ достояніемъ прежде столь обширныхъ владѣній Компаніи, которая, будучи обременена долгами и совершенно ослаблена политическимъ состояніемъ родины, могла продержаться еще нѣсколько лѣтъ лишь отчаянными мѣрами. Въ 1798 г. Компанія прекратила свое существованіе, и „Батавская республика“ переняла въ 1800 г. ея владѣнія.

Превращеніе республики въ королевство милостью Наполеона (26 мая 1806 г.) и занятіе Голландіи (9 іюля 1810 г.) имѣли дальнѣйшія роковыя послѣдствія для восточно-азіатскихъ владѣній: англичане воспользовались благопріятнымъ случаемъ совершенно овладѣть колоніями, ставшими теперь французскими, и, чтобы нанести послѣдній ударъ, снарядили въ 1811 г. экспедицію на о. Яву, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Батавія пала безъ сопротивленія, и маленькое нидерландское войско, которое продержалось еще нѣкоторое время близъ столицы, вынуждено было сдаться 18-го сентября. Англія овладѣла голландскими колоніями, уничтожила монополію и открыла свободную торговлю, оставаясь вѣрной тѣмъ великимъ принципамъ, которые возвысили ее до господствующей морской и коммер-

ческой державы. Между тѣмъ, внезапное введеніе реформъ и другія неподходящія мѣры привели вскорѣ къ разнаго рода распрямъ и столкновеніямъ, которыя не давали англійскому правительству возможности использовать свои новыя владѣнія. Послѣ паденія Наполеона, по лондонскому договору 13-го августа 1814 г., Нидерланды получили опять отнятыя у нихъ колоніи за исключеніемъ Капской земли и Цейлона; 24-го іюня 1816 г. нидерландскіе коммиссары въ Батавіи переняли управленіе изъ рукъ англійскаго губернатора. Но, несмотря на то, англичане вскорѣ нанесли косвеннымъ образомъ тяжелый ударъ нидерландской колоніи, присоединивъ (въ 1819 г.), путемъ покупки, къ своимъ владѣніямъ на Малаккѣ, пріобрѣтеннымъ въ 1786 г., островъ Сингапуръ, который въ короткое время обращенъ былъ ими въ міровой коммерческій пунктъ. Особенно пострадала отъ этого Батавія, населеніе которой уменьшилось вскорѣ на половину.

Уничтоженіе Компаніи и англійскія реформы пробили сильную брешь въ бездушной системѣ монополіи, и нидерландское правительство волей-неволей должно было считаться съ измѣнившимися условіями. Но маленькая Голландія уже по соображеніямъ экономическимъ не была въ состояніи присоединиться къ англійской системѣ свободной торговли, отказаться отчасти отъ непосредственныхъ государственныхъ доходовъ и ждать зато косвенныхъ успѣховъ отъ этой системы. Колоніи должны были не только содержать себя вмѣстѣ съ навербованной колоніальной арміей, но и приносить доходы. Такимъ образомъ, счастливо отмѣненная монополія на пряности снова была введена на Молуккскихъ островахъ, хотя и въ нѣсколько смягченнной формѣ и съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде, такъ какъ тѣмъ временемъ культура пряныхъ растеній была введена и въ другихъ мѣстахъ тропическаго міра. Главные же доходы должно было доставлять терпѣливое населеніе Явы, которое, по проекту (Cultuur-stelsel) генералъ-губернатора Jan van den Bosch'а, въ 1830 г. было привлечено въ обширныхъ размѣрахъ къ барщинной работѣ на правительственныхъ плантанціяхъ и, кромѣ того, было обложено тяжелыми налогами. Отнынѣ внѣшніе враги болѣе не угрожали нидерландскимъ владѣніямъ; но колоніальной арміи пришлось еще подавить не одно возстаніе или заниматься завоеваніями для Голландіи новыхъ земель. Дѣйствительное господство надъ Индійскимъ архипелагомъ досталось Нидерландамъ лишь постепенно и притомъ весьма различными путями. На главныхъ островахъ, Суматрѣ и Борнео, ихъ вліяніе было долгое время болѣе или менѣе значительно лишь на морскихъ побережьяхъ, между тѣмъ какъ внутреннія части этихъ острововъ отчасти и по настоящее время отказываютъ имъ въ повиновеніи. Но даже побережья причинили имъ не мало хлопотъ, чтó доказывается отчаянной борьбой съ Ачиномъ. Вначалѣ почти повсюду за туземными князьями оставлены были ихъ привилегіи, но во многихъ случаяхъ, и не всегда противъ своего желанія, нидерландцамъ приходилось принимать отдѣльныя области подъ свое непосредственное управленіе. Отличное воспитаніе колоніальныхъ чиновниковъ особенно обезпечивало успѣхъ за голландцами.

Крупный внутренній поворотъ въ положеніи дѣлъ начался въ 1868 г. Ставшее невыносимымъ положеніе туземцевъ на о. Явѣ, а еще болѣе, быть можетъ, сознаніе, что, несмотря на всѣ принудительныя работы, доходы правительственныхъ плантацій не соотвѣтствовали ожиданіямъ, — все это привело къ отмѣнѣ барщины и гибельнаго хищническаго способа хозяйства; несомнѣнно, этому содѣйствовала борьба, которую съ 1859 г. велъ нидерландскій поэтъ и бывшій колоніальный чиновникъ Э. Д. Деккеръ (Multatuli; ср. выше, стр. 527) противъ злоупотребленій въ управленіи, хотя долгое время его нападки не приводили ни къ какимъ непосредственнымъ результатамъ. Впрочемъ, монополія на кофе, хотя и нѣсколько измѣненная, осталась; далѣе, въ интересахъ равновѣсія индійскихъ финансовъ

до сихъ поръ еще сохранился въ силѣ законъ, по которому туземцы хотя и освобождены отъ барщины, тѣмъ не менѣе обязаны продавать свои продукты правительству по очень умѣренной цѣнѣ. Что яванскую систему барщины вообще можно было отмѣнить безъ колебаній, доказывается уже тѣмъ, что развитіе табаководства на Суматрѣ (съ 1864 г.) и разведеніе кофе на Целебесѣ открыли новые источники доходовъ. Поэтому-то въ 1873 г. отмѣнена была, наконецъ, устарѣлая монополія на пряности на Молуккскихъ островахъ, безъ особеннаго ущерба для финансовъ государства.

Очень основательно поставлено научное изслѣдованіе голландскихъ владѣній. Въ настоящее время колоніи эти являются, вообще, во многихъ отношеніяхъ образцовыми; и даже въ прошломъ, несмотря на всѣ сдѣланныя ошибки, голландцы показали, какъ маленькій европейскій народъ сумѣлъ покорить себѣ безконечно превосходившихъ его численностью податливыхъ азіатовъ и использовать ихъ въ своихъ интересахъ.

Д. Отдѣльныя части Индонезіи въ ихъ самостоятельномъ историческомъ развитіи.

а) Ява.

Ява (Джава) далеко не самый обширный островъ архипелага, но зато самый плодородный, способный давать пропитаніе огромной массѣ населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе доступный, благодаря чему онъ сдѣлался самымъ раннимъ и излюбленнымъ торговымъ центромъ. Культура, конечно, могла съ легкостью пустить корни лишь на сравнительно равнинномъ, богатомъ гаванями сѣверномъ побережьѣ, между тѣмъ какъ крутой южный берегъ, обращенный къ морю, которое въ древности почти не было посѣщаемо, никогда не игралъ роли. Этотъ растянутый въ длину островъ рядомъ мощныхъ вулканическихъ горъ раздѣляется на нѣсколько естественныхъ областей, въ которыхъ могли возникнуть независимыя политическія единицы.

Если не считать незначительныхъ слѣдовъ негритосоподобнаго населенія, то о. Ява, можно сказать, искони былъ заселенъ чистыми малайцами. Достовѣрной древнѣйшей исторіи острова не существуетъ, такъ какъ единственные, историческіе документы, да и то еще мало достовѣрные, именно лѣтописи, относятся ко временамъ мусульманскимъ. Такимъ образомъ, приходится прежде всего довольствоваться сообщеніями другихъ народовъ да остатками архитектуры и надписей, которые въ изобиліи сохранились еще на островѣ. Во всякомъ случаѣ Ява была уже издавна культурнымъ центромъ, а въ извѣстномъ смыслѣ и центромъ политическимъ Малайскаго архипелага, сохранивъ за собою это положеніе и до настоящаго времени.

Древнѣйшія свѣдѣнія объ о. Явѣ исходятъ отъ индійскихъ купцовъ, которые находились въ сношеніяхъ съ островомъ приблизительно съ начала нашей эры. Причина, почему индійцы направились именно на о. Яву, который ни въ коемъ случаѣ не былъ для нихъ ближайшимъ, кроется, быть можетъ, въ томъ, что тамъ уже существовали начатки болѣе прочныхъ политическихъ образованій, властители которыхъ оказывали покровительство купцамъ и жители которыхъ переступили уже ступень самой первобытной ограниченности потребностей. Насаждая культуру на Явѣ и давая мѣстнымъ князьямъ возможность усиливать свою власть и свои богатства при помощи торговли, индійцы значительно содѣйствовали укрѣпленію государственнаго строя. Легендарнымъ олицетвореніемъ этихъ вліяній можно считать фигурирующаго въ самыхъ раннихъ туземныхъ преданіяхъ Adyi Saka, прибывшаго будто бы на о. Яву въ 78 г. по Р. Х., вслѣдствіе чего съ этого же года начинается яванское лѣтосчисленіе (ср.

стр. 401). Онъ принесъ съ собой культуру и религію, упорядочилъ государственныя дѣла, издалъ законы и ввелъ письменность. Въ миѳической исторіи Явы упоминаются также названія нѣкоторыхъ государствъ, находившихся подъ вліяніемъ индусской культуры: Мендангъ Камуланъ будто бы играло уже роль въ концѣ 6-го или въ началѣ 7-го вѣка; въ 896 г. вступила будто бы въ царствованіе династія Джангала, а въ 1158 г.— династія Паджаджарамъ (Паджадзиранъ).

Первыми переселенцами на о. Яву были поклонники Вишну, за которыми лишь позднѣе послѣдовали буддисты; это доказывается надписями и развалинами и подтверждается свидѣтельствомъ китайца Фа-Сянь (ср. стр. 74). На западной Явѣ, недалеко отъ нынѣшней Батавіи, открыты древнѣйшіе слѣды индуизма; здѣсь между 4-мъ и 5-мъ вѣками послѣ Р. Х., повидимому, существовало государство, властители котораго проявляли уже склонность къ новой культурѣ и религіи. Быть можетъ, тогда уже появились и пріобрѣли вліяніе первые буддисты на островѣ. Важныя надписи начала 7-го вѣка говорятъ намъ о какомъ-то князѣ западной Явы, Âditya dharma, вдохновенномъ буддистѣ и властителѣ государства, которое обнимало также часть сосѣдней Суматры; онъ побѣдилъ одного яванскаго властителя, Siwaraga, самое имя котораго служитъ уже указаніемъ на то, что онъ былъ приверженцемъ брахманскаго ученія; онъ же воздвигъ великолѣпный дворецъ на Явѣ, мѣстонахожденія котораго, впрочемъ, теперь уже нельзя возстановить. Повидимому, упомянутое столкновеніе произошло не на религіозной, а на чисто политической почвѣ. Изъ китайскихъ источниковъ мы узнаемъ, что тогда существовало государство Ява, которому были подчинены 28 мелкихъ князей, и что въ 674 г. престолъ занимала женщина, по имени Сима (Sima); по всей вѣроятности, это государство, столица котораго находилась первоначально далѣе къ востоку, обнимало среднія части острова; слѣдовательно, оно не было тождественно съ государствомъ Âditya dharma.

Во всякомъ случаѣ буддизмъ, благодаря оживленнымъ переселеніямъ изъ Индіи, быстро усилился въ это время и именно въ среднихъ частяхъ Явы, между тѣмъ какъ на востокѣ и, быть можетъ, также на западѣ удержался брахманизмъ. Въ 8-мъ и 9-мъ вѣкѣ процвѣтали буддійскія государства, о могуществѣ и блескѣ которыхъ можно судить по величественнымъ остаткамъ зданій, въ особенности по развалинамъ храмовъ въ среднихъ частяхъ острова и по многочисленнымъ надписямъ. Тотъ фактъ, что въ 813 г. негры-рабы изъ Занзибара были посланы съ о. Явы въ даръ китайскому двору, доказываетъ широкое распространеніе тогдашней яванской торговли. Если судить о значеніи государствъ по остаткамъ храмовъ, то государство Боро-Будуръ должно было превосходить всѣ другія государства, пока оно не пало, вѣроятно, въ концѣ 10-го столѣтія. Уже послѣ первой четверти этого столѣтія храмы съ надписями на средней Явѣ едва ли продолжали воздвигаться, что̀ служитъ указаніемъ на коренной упадокъ государственныхъ силъ. Вмѣстѣ съ этимъ кончился и золотой вѣкъ буддизма.

Въ то же время центръ тяжести политическаго могущества передвинулся въ восточную часть острова. Надписи 11-го вѣка повѣствуютъ о государѣ Эр-ланга, наслѣдственныя владѣнія котораго находились, вѣроятно, въ области нынѣшней Сурабайи; благодаря счастливымъ войнамъ онъ подчинилъ своей власти значительную часть о. Явы и въ 1035 г. находился, повидимому, на высотѣ своего могущества. Его чисто-малайское имя доказываетъ, что владѣтельный домъ, къ которому онъ принадлежалъ, былъ туземнаго происхожденія, но онъ былъ рѣшительнымъ поклонникомъ индійской культуры, что́ явствуетъ изъ возрастанія числа санскритскихъ надписей на восточной Явѣ, начиная съ начала 11-го столѣтія. Согласно одному китайскому сообщенію, приблизительно въ это же время на

западной Явѣ также существовало государство, которое находилось во враждебныхъ отношеніяхъ съ государствомъ на югѣ Суматры.

Слѣдующія столѣтія остаются сравнительно во мракѣ, что́, быть можетъ, находится въ связи съ нѣкоторымъ упадкомъ индійской торговли, а съ ней и культурныхъ вліяній, но главная же причина лежитъ въ расчлененіи Явы на многочисленныя мелкія государства. Несмотря, однако, на это расчлененіе, попытка монгольскаго хана Кублая въ 1293 г. (стр. 167) овладѣть о. Явой потерпѣла неудачу; только часть восточной половины острова подверглась разграбленію. Тамъ между прочимъ существовали государства Пазуруанъ, Кадири и Сурабайя, изъ которыхъ первое мало по малу потеряло значеніе. Государства средней Явы, въ противоположность государствамъ восточнымъ, повидимому, отступали на задній планъ; это измѣнилось лишь тогда, когда сношенія съ Индіей около 1400 г. снова оживились, и государства Соло и Семаранга стали, благодаря этому, процвѣтать.

Этотъ новый индусскій періодъ, когда брахманизмъ снова сталъ играть роль, подѣйствовалъ между тѣмъ оживляющимъ образомъ и на востокъ; здѣсь государство Модіопагитъ (Маджапагитъ, Маджапутъ) достигло огромнаго могущества; на западѣ главной державой было тогда упомянутое выше государство Паджаджарамъ. Согласно яванскимъ преданіямъ, годомъ основанія Модіопагита или, вѣрнѣе, предшествовавшаго ему Тумапеля, былъ 1221 (отъ эры Sâka: 1144 г.), а первымъ властителемъ былъ Кенъ А(нг)рокъ, принявшій при вступленіи на престолъ имя Райяза и умершій будто бы въ 1247 г. (по Sâka въ 1169 г.). Государство Модіопагитъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова возникло лишь въ 1278 г.; первымъ государемъ его былъ Кертарайяза.

Модіопагитъ самое извѣстное изъ болѣе древнихъ яванскихъ государствъ, такъ какъ оно продержалось почти вплоть до появленія европейцевъ, а нѣкоторой частью пережило разрушительный натискъ ислама. Поучительно поэтому бросить взглядъ на государство Модіопагитъ, такъ какъ оно является типичнымъ для своеобразныхъ условій Малайскаго архипелага и для всѣхъ морскихъ побережныхъ и островныхъ государствъ. Модіопагитъ никогда не дѣлалъ попытки вполнѣ подчинить себѣ островъ Яву и преобразовать его въ одно цѣлое государство, но онъ распространялъ свое господство по побережьямъ сосѣднихъ острововъ, совершенно подобно тому, какъ Швеція подчинила одно время берега Балтійскаго моря, не присоединивъ къ себѣ Норвегіи, или какъ Англія уже издавна изъявляла притязанія на французскіе берега еще раньше, чѣмъ Шотландія была присоединена къ британскому государству; вспомнимъ мимоходомъ и о древне-греческихъ колоніяхъ, о Карѳагенѣ и Оманѣ. На западѣ Явы все еще оставалось сильное государство, временами весьма тѣснившее Модіопагитъ. Поступательное движеніе Модіопагита было, естественно, возможно лишь подъ условіемъ обладанія значительнымъ флотомъ; этотъ послѣдній разрушилъ будто бы въ 1252 г. малайскую столицу Сингапуръ (ср. выше, стр. 535). Наибольшихъ размѣровъ государство это достигло при воинственномъ государѣ Анкавиджайя, вступившемъ на престолъ въ 1390 г. и подчинившемъ себѣ будто бы 36 меньшихъ государствъ. Несомнѣнно, что государство это имѣло владѣнія на Суматрѣ и выселяло туда яванскихъ колонистовъ; южное побережье о. Борнео также находилось отчасти подъ его вліяніемъ; по всей вѣроятности, и яванцы, поселившіеся, какъ это доказано, на Молуккскихъ о-вахъ, также пріобрѣли и тамъ политическое вліяніе. Большая часть острова Бали къ востоку отъ Явы составляла непосредственную составную часть Модіопагита. Въ общемъ это не было настоящимъ единымъ государствомъ, но оно скорѣе пользовалось суверенитетомъ надъ многочисленными мелкими государствами, которыя пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы опять вернуть себѣ само-

стоятельность. Въ 1403 г. между восточной и западной Явой вспыхнула серьезная война, которая не имѣла никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій и привела къ вмѣшательству китайскихъ войскъ (ср. стр. 537).

Но, несмотря на весь свой блескъ, уже съ самаго начала цвѣтъ „индуизированныхъ" государствъ подтачивался губительнымъ червемъ. По мѣрѣ роста арабской культуры въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій уже арабскіе купцы стали появляться въ этой странѣ и, подобно индійскимъ купцамъ прежняго періода, здѣсь прочно осѣдали, вербуя приверженцевъ ислама въ разныхъ мѣстахъ Малайскаго архипелага, въ особенности среди малайцевъ Малакки и даже среди китайскихъ торговцевъ. „Восточный купецъ, говоритъ Conr. Leemans, человѣкъ совсѣмъ другой породы, чѣмъ европейскій. Въ то время, какъ этотъ послѣдній всегда стремится вернуться на свою родину, житель Востока готовъ задержаться надолго на чужбинѣ, охотно поселяется тамъ окончательно, женится на туземкѣ и легко примиряется съ мыслью никогда не увидѣть своей родины. Онъ сливается съ туземнымъ населеніемъ и передаетъ ему отчасти свой языкъ, свою религію, свои нравы и обычаи". Въ самомъ характерѣ героическаго періода ислама лежала причина того, что арабскіе купцы стремились къ чему-то болѣе высокому, нежели богатые барыши: путемъ религіознаго прозелитизма они стремились къ достиженію господства. Повидимому, государство Модіопагитъ, эта передовая индусская держава, рано стала въ глазахъ арабовъ главной цѣлью ихъ дѣятельности.

Относительно слабое сопротивленіе буддійскаго и брахманскаго ученій объясняется отчасти тѣмъ, что истинное пониманіе то и другое ученіе нашли себѣ только въ высшихъ классахъ, между тѣмъ какъ народъ едва придерживался внѣшнихъ обрядовъ. Одинъ китайскій писатель начала 15-го столѣтія называетъ туземцевъ Явы просто поклонниками дьявола (ср. стр. 404), слѣдовательно, ни въ коемъ случаѣ не ставитъ ихъ рядомъ съ хорошо ему извѣстными китайскими или индокитайскими буддистами. Согласно преданію, раньше всего исламу удалось одержать побѣду во владѣніяхъ государства Модіопагита на Суматрѣ и этимъ путемъ пріобрѣсть вліяніе на высшихъ сановниковъ государства, между которыми нужно назвать прежде всего Arya Damar'a, губернатора Суматры, въ особенности же его сына Raden Patah. Невѣроятное яванское повѣствованіе о паденіи Модіопагита даетъ только право догадываться, что возстаніе подданныхъ, обращенныхъ въ исламъ, а также женскія интриги стоили (въ 1478 г.) тогдашнему властителю, Бромиджойо, трона. Оставшіеся вѣрными брахманизму удалились на о. Бали, долгое время удерживали еще за собою отсюда часть восточнаго побережья Явы и послѣ того, какъ это оказалось невозможнымъ, они, по крайней мѣрѣ, препятствовали проникновенію ислама на о. Бали (ср. ниже, стр. 561).

За побѣдой ислама въ Модіопагитѣ довольно скоро послѣдовала побѣда его и въ другихъ частяхъ острова. Властитель Бантама еще въ 1522 г. искалъ покровительства португальцевъ противъ магометанъ — но было поздно; когда два года спустя появился португальскій флотъ, это важное торговое мѣсто было въ рукахъ магометанъ. Такъ какъ въ отдѣльныхъ областяхъ Явы введеніе ислама произошло въ разное время и, по большей части, сопровождалось возстаніями, то на первыхъ порахъ возникло множество мелкихъ государствъ, между которыми Паджангъ и Дамакъ были самыми могущественными; на одномъ только о. Мадурѣ, котораго судьбы тѣснѣе всего связаны съ о. Явой, было три самостоятельныхъ государства.

Спустя лѣтъ 100 послѣ побѣды ислама, это положеніе дѣлъ измѣнилось. Мало по малу правители Матарама достигли все большей и большей власти, между тѣмъ какъ первоначально эта страна составляла лишь провинцію Паджанга; подъ конецъ они подчинили себѣ бóльшую

часть восточной и средней Явы. На западѣ же, напротивъ, магометанскій Бантамъ былъ все еще самымъ сильнымъ государствомъ. Съ 1596 г. голландцы старались завязать съ нимъ сношенія, которыя съ теченіемъ времени должны были кончиться не въ его пользу. Основаніе Батавіи и вмѣшательство англичанъ немедленно повлекли за собою военныя замѣшательства; но прогнать голландцевъ съ острова не удалось. Нидерландская торговая компанія, естественно, была втянута въ столкновенія съ все усиливавшимся государствомъ Матарамъ. „Susuhunan" (султанъ) матарамскій, Агонгъ, задумалъ также подчинить себѣ и западную часть о. Явы и предложилъ голландцамъ заключить союзъ, но не встрѣтилъ сочувствія у этого осторожнаго коммерческаго народа, и поэтому два раза сдѣлалъ попытку (1628 и 1629 гг.) овладѣть Батавіей. Послѣ его смерти сынъ его, Инголого (1645—70 гг.), заключилъ съ Компаніей мирный и дружественный договоръ (1646 г.); и такъ какъ голландцы пока не стремились къ расширенію своихъ владѣній, то миръ долгое время соблюдался. Преемникъ Инголого, „susuhunan" Амангъ Куратъ, впервые призвалъ на помощь голландцевъ противъ бугинезскаго пирата, поселившагося въ Сурабайѣ: онъ былъ изгнанъ; точно такъ же одинъ мятежный принцъ, Труна Джайа, не устоялъ противъ нападенія голландскаго флота. По Джапарасскому договору (1677 г.) Компанія, за оказанную ею помощь, заставила дорого вознаградить себя территоріальными уступками и облегченіемъ торговыхъ сношеній.

Но этимъ смуты не кончились. Труна Джайа снова взялся за оружіе противъ нелюбимаго, повидимому, Амангъ Курата, прогналъ его изъ столицы и избралъ Кадири резиденціей того государства, которое онъ намѣревался основать. Но рѣшеніе этого зависѣло отъ согласія голландцевъ, а тѣ предпочли оставить на престолѣ прежнюю династію уже по тому одному, что прогнанный султанъ вынужденъ былъ бы согласиться на совершенно другія условія, чѣмъ его побѣдоносный соперникъ. Они разбили узурпатора и возвели на престолъ сына умершаго тѣмъ временемъ Амангъ Курата; для его защиты въ столицѣ былъ оставленъ маленькій нидерландскій гарнизонъ. Въ 1703 г. смерть „susuhunan'a" послужила поводомъ къ сильнымъ спорамъ изъ-за престолонаслѣдія: претендентъ на престолъ, Паку Бувоно, одержавшій побѣду при помощи Компаніи, долженъ былъ естественно (ср. англійскую политику въ Индіи, стр. 456—480), выразить свою благодарность всевозможными уступками и концессіями (1705 г.); впрочемъ, борьба продолжалась еще нѣкоторое время. Но и впредь „susuhunan'ы" Матарамы могли удержаться на престолѣ и предотвратить распаденіе своего феодальнаго государства лишь благодаря постоянной поддержкѣ голландцевъ. Смуты дошли до крайнихъ предѣловъ, когда, вслѣдствіе возстанія китайцевъ въ 1740 г., могущество самой Компаніи было сильно поколеблено. Тогдашній „susuhunan", какъ и властители Бантама и Черибона, поддерживали возстаніе, хотя они наружно изъявляли свою преданность Компаніи; слѣдствіемъ этого было то, что „susuhunan" послѣ пораженія китайцевъ, долженъ былъ согласиться на новыя уступки, въ особенности на отказъ отъ острова Мадуры. Послѣ потери морского побережья, Матарамъ все болѣе и болѣе превращался въ сухопутное государство и поэтому все болѣе и болѣе слабѣлъ въ сравненіи съ сильными на морѣ голландцами. Резиденція была тогда перенесена въ Соло (Суракарта).

Но чѣмъ сильнѣе становилось вліяніе Компаніи на государство Матарамъ, тѣмъ болѣе она вовлекалась въ безпрестанныя междоусобія и раздоры изъ-за престолонаслѣдія, которые стали тамъ обычнымъ явленіемъ. Въ 1749—55 гг. свирѣпствовала война, которая окончилась лишь съ раздѣломъ государства: „susuhunan'y Паку Бувоно III досталась восточная часть съ главнымъ городомъ Суракарта; его сопернику, Манку Буми—западная часть съ резиденціей Джокджокарта, третій же претендентъ удо-

вольствовался ничтожными концессіями (договоры 1755—1758 гг.). Наряду съ этими двумя государствами, образовавшимися изъ прежняго Матарама, на западѣ существовали еще государства Бантамъ и Черибонъ, оба въ полной зависимости отъ Компаніи, которая фактически владѣла уже большей частью Явы.

При установившемся отнынѣ новомъ порядкѣ вещей болѣе крупныя столкновенія прекратились. Но дурное управленіе Компаніи съ ея притѣсненіями туземцевъ привело къ тому, что безпорядки стали обычнымъ явленіемъ, грабежи и хищенія свободно процвѣтали. Окончательное распаденіе Компаніи и перемѣнчивая судьба Нидерландовъ въ 1800 г. естественно еще болѣе усилили неурядицы на Явѣ; реформы же, введенныя генераломъ H. W. Daendels'омъ въ 1808 г,, явились уже слишкомъ поздно: въ 1811 г, Англія овладѣла (до 1816 г.) островомъ. Къ этому же времени были отобраны остатки Бантама и Черибона,, и обоимъ султанамъ оставлена была лишь пенсія и голый титулъ. Такимъ образомъ, только „susuhunan" суракартскій и султанъ джокджокартскій сохранили наполовину свою самостоятельность, но оба, въ наказаніе за свое сопротивленіе англичанамъ, были вновь ограничены въ своихъ владѣніяхъ, а для наблюденія за ними въ ихъ столицахъ были поставлены гарнизоны.

Вторичное занятіе голландцами о. Явы послужило началомъ новаго, но, въ общемъ, едва ли болѣе счастливаго періода въ жизни этого острова. Правда, монополіи и торговыя ограниченія, установленныя прежней Компаніей, не были возобновлены или воскресли лишь въ очень умѣренной формѣ; усиленныя заботы правительства были направлены на расширеніе культуры полезныхъ растеній, чѣмъ оно не только увеличило свои доходы, но и способствовало росту населенія и всеобщаго благостоянія его; но тѣмъ тягостнѣе былъ отнынѣ для туземцевъ гнетъ барщинныхъ повинностей. Возстанія стали повторяться еще чаще, а одно изъ нихъ кончилось изгнаніемъ недовольнаго экс-султана изъ Бантама (1832 г.). Опаснѣе было болѣе раннее возстаніе, вспыхнувшее въ 1825 г. въ Джокджокарта, подъ предводительствомъ незаконнаго принца Диго Негоро, противъ генералъ-губернатора Годарда ванъ-деръ Капеллена; подавленію этого возстанія (1830 г.) способствовали, какъ и въ прежнихъ возстаніяхъ, войска владѣтелей Мадуры, преданныхъ голландцамъ. Хотя это возстаніе и раскрыло нѣкоторыя слабыя стороны нидерландско-индійскаго правительства, тѣмъ не менѣе болѣе радикальныя реформы были предприняты лишь съ 1868 г. (ср. выше, стр. 547); барщинныя работы туземцевъ были, наконецъ, почти отмѣнены, и введена была болѣе справедливая система управленія. Но съ тѣхъ поръ, какъ нидерландское правительство съ успѣхомъ направило свое вниманіе и на другіе острова Малайскаго архипелага, о. Ява не могъ уже сохранить за собою своего привилегированнаго положенія въ индонезійскомъ колоніальномъ царствѣ.

b) Суматра.

Суматра гораздо больше Явы, но, подобно этой послѣдней, вытянута въ длину; внутренность ея представляетъ обширныя плоскогорія съ относительно прохладнымъ климатомъ; восточный берегъ низменнѣе и доступнѣе западнаго, впереди котораго расположенъ цѣлый рядъ мелкихъ острововъ. Историческое значеніе Суматры опредѣляется ея положеніемъ при Малаккскомъ проливѣ и индійскомъ материкѣ, съ одной стороны, и сосѣдствомъ съ Явой—съ другой, Въ этнографическомъ смыслѣ это настоящая малайская страна, которая служила, вѣроятно, исходнымъ пунктомъ древнихъ переселеній на западъ (стр. 535). Внутри этого острова въ лицѣ батта (баттаковъ) сохранилось племя, которое, хотя и подверглось въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ вліянію культуры, все же сохранило въ значительной степени свой первобытный своеобразный характеръ и совершенно отвергло проникшія извнѣ религіозныя ученія.

Благодаря своему положенію, Суматра должна была еще раньше Явы вступить въ сношенія съ Индіей и ея культурой; этому, вѣроятно, способствовали богатыя перцемъ побережья Малаккскаго пролива, гдѣ завязались первыя правильныя торговыя сношенія. Въ полномъ соотвѣствіи съ этимъ находится тотъ фактъ, что сѣверная оконечность острова (нынѣшній Ачинъ) носитъ наиболѣе ранніе слѣды индусскаго вліянія, а съ нимъ и начатковъ государственности; отсюда это вліяніе распространилось внутрь страны, гдѣ оно можетъ быть еще явственно прослѣжено среди баттаковъ. Древнѣйшими государствами сѣверной оконечности называютъ Поли (по китайскому правописанію) и Суматру (по Ибнъ Батута правильнѣе—Саматра или Самутра); столица послѣдняго, лежавшая къ востоку отъ нынѣшняго Ачина, дала свое названіе всему острову. Если на Явѣ сильнѣе привилась культура и религія индусовъ, между тѣмъ какъ политическая власть сохранилась преимущественно въ рукахъ туземцевъ, то на сѣверной Суматрѣ переселившіеся индусы, повидимому, всецѣло стали во главѣ правленія и основали здѣсь ленное государство въ индійскомъ духѣ. Государство это, столицей котораго долгое время былъ Пазиръ, имѣло одно время очень большое протяженіе и включало значительную часть морского побережья Суматры.

Индійская культура, пустивъ корни въ сѣверной части острова, гдѣ внутреннее государство Менанкабо (Menang kabau) ей же обязано было своей политической организаціей, стала вліять посредственно и на южную часть острова, гдѣ, по китайскимъ источникамъ, уже въ V в. существовало государство. Южная часть Суматры, благодаря своему географическому положенію, всегда была осуждена на извѣстную зависимость отъ густонаселенной могущественной Явы. Уже въ первый индусскій періодъ Явы мы встрѣтились съ однимъ княземъ, владѣнія котораго лежали по обѣ стороны Зондскаго пролива (стр. 548). Впослѣдствіи жители южной Суматры пользовались, вѣроятно, большей самостоятельностью, такъ какъ нѣтъ точныхъ указаній на существованіе какихъ-либо отношеній между обоими островами, если не считать китайскихъ записей о войнѣ между западной Явой и южной Суматрой въ X вѣкѣ. Въ 1377 г. южная Суматра, властители которой обратились даже за помощью къ Китаю, была покорена яванцами; одно время она принадлежала Модіопагиту. Тогда былъ основанъ яванскими колонистами Палебангъ. Какимъ образомъ исламъ пріобрѣлъ здѣсь своихъ первыхъ приверженцевъ и сталъ роковымъ для государства Модіопагитъ, было изложено на стр. 541.

Но и на сѣверѣ исламъ привелъ „индуизмъ“ къ упадку. Въ началѣ XIII вѣка появились первые проповѣдники новаго ученія на побережьи Малаккскаго пролива и впервые оказали свое вліяніе на собственно—малайцевъ, происходившихъ изъ Суматры и овладѣвшихъ полуостровомъ Малаккой и прилегающими къ нему островами. Въ самомъ же Ачинѣ имъ удалось одержать побѣду лишь въ началѣ XVI столѣтія, слѣдовательно, позднѣе, чѣмъ на восточной Явѣ. Но политическое господство индусовъ пало, во всякомъ случаѣ, еще раньше, уступивъ мѣсто туземнымъ династіямъ. Али Могайятъ Шахъ, судя по достовѣрнымъ преданіямъ, былъ первымъ магометанскимъ султаномъ Ачина. Полное преобразованіе государства совершено было, какъ кажется, Алоед-дин-ал, Кахаромъ (1530 — 52), покорившимъ также батакко-индусское государство которое на сѣверѣ оказывало еще сопротивленіе новой вѣрѣ.

Въ слѣдующій періодъ Ачинъ достигъ большого могущества и вскорѣ былъ вовлеченъ въ войны, которыя почти безпрерывно велись на бере-

гахъ Малаккскаго пролива между португальцами и малайцами; ачинскій флотъ и войска не разъ появлялись близъ Малакки и дѣлали безуспѣшныя попытки отнять этотъ городъ у португальцевъ.

Нидерландцы, перенявъ наслѣдіе португальцевъ, переняли вмѣстѣ съ тѣмъ и враждебное отношеніе къ Ачину. Вначалѣ, конечно, все, казалось, шло хорошо: голландцы обратили свое вниманіе, главнымъ образомъ, на Яву и Молуккскіе острова, а по отношенію къ Ачину они ограничились заключеніемъ въ 1602 г. торговаго договора и уступкой ачинцами полосы земли въ 1669 г. для основанія факторій; тѣмъ временемъ, вслѣдствіе внутреннихъ волненій, могущество Ачина сильно ослабло. Но чѣмъ болѣе возрасталъ интересъ къ Суматрѣ, тѣмъ яснѣе становилось, что Ачинъ, которому первоначально придавали ничтожное значеніе, является опаснымъ, трудно-одолимымъ соперникомъ. Начиная со средины 19 столѣтія онъ сталъ самымъ тяжелымъ камнемъ преткновенія голландской колоніальной политики. Династія арабскаго происхожденія, первый представитель которой, Махмудъ-Шахъ, началъ свое царствованіе въ 1760 г., вступила въ рѣшительную борьбу съ голландцами. Лондонскимъ договоромъ отъ 17 марта 1824 г. Ачинъ былъ, правда, признанъ суверенымъ государствомъ; но мало по малу выяснилось, что существованіе свободнаго малайскаго государства, съ его неизбѣжнымъ покровительствомъ или снисходительнымъ отношеніемъ къ морскимъ разбойникамъ, не можетъ быть терпимо въ такомъ опасномъ мѣстѣ, какъ Малаккскій проливъ. Въ 1870 г. Голландія получила поэтому полномочіе поступать съ Ачиномъ по своему усмотрѣнію, но подъ условіемъ территоріальныхъ уступокъ въ западной Африкѣ (ср. т. III.). Переговоры съ султаномъ ни къ чему не привели. Война, начавшаяся 25 марта 1873 г., неожиданно оказалась чрезвычайно тяжелой и убыточной, не только вслѣдствіе упорнаго сопротивленія населенія (24 января 1874 г. нидерландцы взяли штурмомъ дворецъ султана подъ предводительствомъ генералъ-лейтенанта ванъ-Свитена), но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго расположенія театра войны и вслѣдствіе нездороваго климата. Лишь въ 1879 г. страна могла считаться покоренной, но все еще требовала необычайно большого гарнизона и не далѣе, какъ въ 1896 г., она доказала новымъ возстаніемъ, какъ непрочно здѣсь господство голландцевъ.

На югѣ Суматры голландцы давно уже еще съ Явы пользовались вліяніемъ, какъ, напр., въ Лампонгѣ, который платилъ дань яванскому государству, Бантаму. Самое важное государство, Палембангъ, послѣ разрушенія Модіопагита, повидимому, пользовалось короткое время самостоятельностью, но въ 1554 г. было завоевано нѣкіимъ Гедингъ Суро, происходившимъ изъ Демака на о. Явѣ. Такимъ образомъ въ Палембангѣ утвердилась яванская династія, правившая до 1649 г.; ее смѣнила новая линія, царствовавшая до 1824 г. Уже въ 1618 г. голландцами была основана близъ г. Палембанга факторія. Отнынѣ событія приняли дурной оборотъ. Послѣ того какъ туземцы напали въ 1662 г. на эту факторію и перебили почти весь гарнизонъ, нидерландскій флотъ разрушилъ въ 1664 г. гор. Палембангъ, и у запуганнаго султана вынудили выгодный торговый договоръ, сохранившій свою силу до 1811 г. Новый интересъ для голландцевъ, которые вынуждены были тѣмъ временемъ подавить гражданскую войну, вспыхнувшую вслѣдствіе ихъ вторженія въ страну, получилъ Палембангъ, когда въ 1710 г. на о. Банкѣ, принадлежавшемъ этому государству, были открыты неизмѣримо богатыя залежи олова. Компанія выговорила себѣ тотчасъ же особымъ договоромъ право на часть добычи. Мирнымъ въ общемъ отношеніямъ между голландцами и Палембангомъ былъ нанесенъ непоправимый ударъ, когда, послѣ занятія англичанами Явы въ 1811 г., по приказанію султана, весь гарнизонъ голландской факторіи въ Палембангѣ былъ перебитъ самымъ гнуснымъ образомъ. Англичане предприняли

карательную экспедицію, но имъ не удалось водворить полнаго порядка. Не болѣе счастливы были въ этомъ отношеніи голландцы, которымъ были возвращены въ 1816 г. остъ-индскія владѣнія, пока, наконецъ, въ 1823 г. Палембангъ не былъ превращенъ въ провинцію голландскихъ колоніальныхъ владѣній.

Про мелкія государства на западномъ берегу упоминаетъ уже Марко Поло. Изъ новѣйшихъ государствъ слѣдуетъ упомянуть Бенкуленъ (Банкагулу), который съ 1865 г. находился подъ англійскимъ вліяніемъ и былъ уступленъ Голландіи лишь 13 августа 1814 г. Часть населенія острововъ, лежащихъ у западнаго берега, въ особенности о. Ніасы, очень мало поддалась вліянію европейскихъ культуръ и по своимъ нравамъ переноситъ насъ къ древнѣйшимъ временамъ исторіи малайцевъ съ ихъ страстью къ переселеніямъ.

c) Борнео.

Самый большой островъ Малайскаго архипелага, Борнео, до настоящаго времени далеко не достигъ еще того значенія, какое ему подобаетъ по его размѣрамъ. Достаточно бѣглаго взгляда на географическія условія этого неуклюже-очерченнаго острова, окаймленнаго почти со всѣхъ сторонъ сырыми нездоровыми низменностями, чтобы вполнѣ понятной стала такая судьба его. Единственное, что привлекало къ нему вниманіе морскихъ народовъ, это его богатыя золотыя и алмазныя розсыпи, которыя оказываютъ такую неотразимую притягательную силу. И если естественныя условія этого исполинскаго острова представляютъ мало привлекательнаго для чужеземцевъ, то столь же мало они располагаютъ туземное населеніе къ морскимъ путешествіямъ, переселеніямъ и торговымъ сношеніямъ. Коренное населеніе Борнео, даяки, представляетъ въ основѣ своей типичныхъ жителей внутреннихъ странъ, проявившихъ въ теченіе своего историческаго существованія мало подвижности и упорно сохранившихъ свои старые обычаи и нравы.

Внутри острова о существованіи государственнаго строя въ болѣе широкомъ смыслѣ слова и рѣчи быть не можетъ; только морскія побережья, омываемыя волнами чужихъ народовъ, обнаруживаютъ начатки государственности, но и это, опять-таки, обусловливается скорѣе положеніемъ Борнео среди другихъ острововъ Малайскаго архипелага, на главныхъ путяхъ морскихъ сношеній, нежели общимъ строемъ самого острова. Для жителя сѣвернаго побережья въ прежнія времена требовалось, быть можетъ, гораздо меньше отваги для того, чтобы посѣтить китайскія гавани, чѣмъ для того, чтобы проникнуть на десятокъ миль внутрь родного острова, а тѣмъ менѣе, чтобы пробраться до южнаго побережья. Поэтому древнее преданіе, что островъ распадался прежде на три большихъ государства (Борнео или Бруней, Суккадана и Банджермассингъ), кажется намъ въ этой формѣ мало вѣроятнымъ.

Для южнаго побережья острова близость Явы имѣла рѣшающее значеніе: ея индуистскія государства покоряли или подчиняли своему вліянію близлежащія области Борнео, о чемъ свидѣтельствуютъ, кромѣ непосредственныхъ историческихъ данныхъ, нѣкоторые остатки архитектуры и статуй боговъ. Въ частности Модіопагитъ получалъ дань отъ государства Банджермассингъ и отъ другихъ государствъ южнаго побережья. Даже послѣ распаденія этого брахманскаго государства исламистскіе властители о. Явы поддерживали еще нѣкоторое время эти отношенія. На то же самое указываетъ мѣстное преданіе, согласно которому Банджермассингъ основанъ индусомъ Лембонгъ Мангкуратомъ, переселившимся сюда съ о. Явы.

Ко времени паденія Модіопагита Банджермассингъ былъ самымъ могущественнымъ государствомъ Борнео. Этимъ онъ обязанъ былъ, безъ сомнѣнія, высшей культурѣ, возникшей благодаря сильной иммиграціи съ Явы и, естественно, приведшей къ перенесенію сюда индусскихъ вѣрованій. Согласно преданію, въ XIV вѣкѣ одинъ изъ сыновей властителя Модіопагита основалъ здѣсь индусскую династію, которая насчитывала до перваго магометанскаго властителя, Пангерана Саматры, тринадцать представителей; дочь Пангерана Саматры вышла замужъ за даяка, который сталъ родоначальникомъ новой династіи. То обстоятельство, что Банджермассингъ долженъ былъ платить дань магометанскому государству Демакъ на Явѣ, въ то время, какъ Суккадана и Ландакъ, другія два важныхъ государства южнаго побережья, также подпали подъ зависимость магометанскаго же государства Бантама, благопріятствовало введенію **магометанской вѣры**, которая впервые утвердилась въ 1600 г. Но все же воспоминаніе о Модіопагитѣ не исчезло: большинство династій южнаго побережья ведетъ свое происхожденіе отъ владѣтельнаго дома этого государства.

На сѣверѣ же, напротивъ, китайское вліяніе въ древности врядъ ли было очень слабо: даяки внутренности острова и теперь еще очень цѣнятъ китайскіе фарфоровые сосуды, проникшіе сюда, очевидно, благодаря прежнимъ торговымъ сношеніямъ съ Китаемъ. Торговля съ Китаемъ, вѣроятно, способствовала также усиленію упомянутыхъ выше древнѣйшихъ государствъ о. Борнео, **Поло** на сѣверѣ и **Пуни** на западномъ побережьѣ (ср. стр. 354); въ XIV в. Пуни, во всякомъ случаѣ, находилось также подъ вліяніемъ Явы. Наряду съ яванцами сильнымъ вліяніемъ на Борнео пользовались собственно-**малайцы**, для которыхъ побережья этого острова давно уже сдѣлались излюбленной цѣлью ихъ путешествій и поселеній. Имъ же обязано своимъ возникновеніемъ важнѣйшее государство сѣвернаго побережья **Бруней**, начала котораго, конечно, нельзя уже установить съ точностью; быть можетъ. оно было просто продолженіемъ древняго государства Поло. По всей вѣроятности, еще до введенія ислама, послѣдовавшаго въ срединѣ XIII столѣтія, малайскіе выходцы переселялись въ Бруней. Одно время и Модіопагитъ имѣлъ вліяніе на Бруней; когда первые европейцы посѣтили страну, она представляла собою могущественное, вполнѣ самостоятельное государство, временно простиравшее свою власть на острова Сулу и дальше, вплоть до Филиппинъ. Въ 1577 г. вспыхнула первая война съ испанцами; позже послѣдовали дальнѣйшія столкновенія. Изъ другихъ малайскихъ государствъ на **западномъ побережьѣ** назовемъ: Понтіанакъ (вѣроятно, прежнее Пуни), Матанъ, Мангама и т. д. Банджермассингъ, Суккадана и Ландакъ первоначально были основаны малайцами и лишь впослѣдствіи подпали подъ власть Явы.

Съ востока **буги** о. Целебеса искали на побережьяхъ Борнео новой родины и также основали здѣсь рядъ мелкихъ государствъ, существованіе которыхъ первоначально основывалось на торговлѣ и морскихъ разбояхъ. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ переселеній было, естественно, то, что приморское населеніе Борнео представляетъ запутанное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ этническихъ элементовъ: туземцы даяки смѣшались съ малайцами, яванцами, китайцами, буги и т. д., образуя самыя сложныя формы метисизаціи. Господство того или иного элемента зависѣло порой отъ случайныхъ обстоятельствъ. Въ горныхъ округахъ, напр., государства Самбасъ, на западномъ Борнео, со второй половины XVIII стол. китайцы поселились въ такомъ большомъ количествѣ, что совершенно вышли изъ повиновенія малайскому султану и лишь въ 1854 г. были подчинены голландскому правительству.

Первыми **европейцами**, старавшимися завязать сношенія съ Борнео, были португальцы (съ 1521 г.); но они достигли незначительныхъ результатовъ, хотя еще въ 1690 сдѣлали новую попытку къ этому. Тѣмъ

временемъ Голландско-Остъ-индская компанія открыла въ 1606 г. факторію въ Банджермассингѣ, которая занималась вывозомъ перца и золотого песку, но вслѣдствіе перемѣнчиваго, а часто и враждебнаго отношенія султана, также недостаточно преуспѣвала и, въ концѣ концовъ, была совсѣмъ оставлена, послѣ того какъ въ 1638 и 1669 гг.. голландскіе чиновники и купцы были убиты въ Банджермассингѣ. Резиденція султана была, впрочемъ, перенесена въ Мартапуру, послѣ разрушенія Банджермассинга въ 1612 г. голландцами, гдѣ и продолжала оставаться, несмотря на то, что Банджермассингъ вскорѣ опять расцвѣлъ. Съ 1698 г. на сцену выступили англичане, съ большимъ успѣхомъ вначалѣ, пока ихъ не отпугало отъ дальнѣйшихъ предпріятій разрушеніе ихъ факторій въ 1707 г. Султанъ банджермассингскій, несмотря на свое вѣроломное поведеніе, отнюдь не былъ расположенъ отказаться отъ выгодъ, которыя доставляла европейская торговля, и вторично обратился къ голландской Компаніи. Лишь въ 1733 г. эта послѣдняя отважилась на новую попытку. Съ тѣхъ поръ отношенія, несмотря на многократныя столкновенія, никогда уже не прерывались надолго. Рѣшительное вмѣшательство Компаніи въ войну изъ-за престолонаслѣдія доставило ей въ 1787 г. суверенитетъ надъ Банджермассингомъ, а съ нимъ и владѣніе большею частью южнаго побережья Борнео, равно какъ и желанную монополію торговли перцемъ. Во время занятія Явы англичанами султанъ согласился на новыя концессіи, которыми голландцы и воспользовались съ 1-го января 1817 г. Къ этому же періоду относится отважная попытка англичанина Уильяма Гара (William Hare) основать на южномъ Борнео самостоятельное государство. Благодаря новымъ договорамъ, а также новымъ войнамъ, которыя голландцы вели въ 1850—54 г.г. на западномъ побережьи, а въ 1859—62 гг. — на юговосточномъ, имъ удалось значительно расширить и укрѣпить свою власть. Даже Банджермассингъ, послѣ того какъ вмѣшательство голландцевъ въ 1852 г. въ вопросъ о престолонаслѣдіи вызвало возстаніе, былъ въ 1857 г. лишенъ своей династіи, а въ 1864 г. окончательно присоединенъ къ голландскимъ владѣніямъ. Новое возстаніе 1882 г. не привело ни къ какимъ перемѣнамъ въ его положеніи.

Въ истекшемъ 19-мъ столѣтіи султанатъ Бруней очень много потерялъ въ своемъ могуществѣ; въ 1839 г., когда въ провинціи Саравакъ вспыхнуло возстаніе, мѣстный штатгальтеръ съ радостью принялъ предложеніе англичанина Брука прійти ему на помощь. Джемсъ Брукъ, родившійся 29 апрѣля 1803 г. въ Банделѣ, въ Бенгаліи, составилъ тогда планъ основать на Борнео на частныя средства колонію; въ іюнѣ 1839 г. онъ высадился со своимъ отрядомъ и дѣйствительно побѣдилъ противниковъ султана, который, изъ благодарности, назначилъ его штатгальтеромъ Саравака, а въ 1842 г. отдалъ ему эту провинцію въ вассальное владѣніе. Такъ какъ Брукъ не былъ обыкновеннымъ авантюристомъ, а благородной и сильной натурой, то его управленіе было истиннымъ благословеніемъ для разоренной страны. Когда султанъ сталъ выражать ему недовѣріе, раджа началъ опираться на Англію, принудилъ султана въ 1846 г. уступить островъ Лабуанъ англичанамъ и, послѣ подавленія различныхъ возстаній малайцевъ и китайцевъ, сталъ совершенно самостояteленъ. Онъ умеръ 11 іюня 1868 г. въ Барратонѣ, въ Англіи; на престолъ Саравака, находящагося съ 14 іюня 1888 г. подъ покровительствомъ британскаго правительства, вступилъ вторымъ раджей его племянникъ, сэръ Джонсонъ Брукъ.

Сѣверо-восточная часть Борнео (Сандàканъ) съ 1878 г., со времени основанія торговаго общества „British North Borneo Company“ (королевское утвержденіе общества состоялось лишь 1 ноября 1881 г.), занята Великобританіей, между тѣмъ какъ сосѣдній султанатъ Бруней съ 1888 г., подчиненъ губернатору Straits settlements (поселеній на побережьяхъ проливовъ).

d) Целебесъ.

Четвертый крупный островъ Малайскаго архипелага, Целебесъ, носитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ Борнео. Вмѣсто неуклюжихъ очертаній этого послѣдняго мы находимъ здѣсь сильно изрѣзанную береговую линію, вмѣсто обширныхъ низменностей — гористые полуострова и глубоко врѣзывающіеся заливы. Если же, несмотря на это, берега его не привлекали къ себѣ въ такой степени мореплавателей и купцовъ, какъ этого можно было ожидать, судя по его благопріятнымъ естественнымъ условіямъ, то это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что вниманіе всегда отвлекалось близлежащими, богатыми пряностями Молуккскими островами. Целебесъ, хотя и плодороденъ и не бѣденъ рудой и благородными металлами, представляя собою, благодаря этому, цѣнное владѣніе, но лишенъ тѣхъ притягательныхъ качествъ, которыя обѣщаютъ торговлѣ быстрыя и блестящія выгоды. Но если доступность острова мало принесла ему пользы въ смыслѣ торговыхъ сношеній съ культурными странами, зато это оказало свое вліяніе на туземное населеніе его, часть котораго нашла широкій исходъ своей энергіи въ морскихъ предпріятіяхъ, превратившись въ подвижныхъ морскихъ разбойниковъ, торговцевъ и основателей государствъ. Этимъ Целебесъ пріобрѣлъ для восточной части Малайскаго архипелага такое же значеніе, какъ и Малакка для западной части.

Древніе обитатели Малайскаго архипелага не считали Целебеса однородной въ этническомъ отношеніи областью. Сѣверный полуостровъ съ его первобытными обитателями, альфурами, не имѣетъ ничего общаго съ южными частями острова, населенными макассарами и буги; примѣнительно къ этому приноровлено даже новѣйшее административное дѣленіе Целебеса нидерландцами (Менадо-Макассаръ). Вообще же Целебесъ представляетъ настоящую малайскую страну, хотя въ альфурахъ есть коекакіе признаки, указывающіе на то, что въ ихъ крови имѣется примѣсь крови темноцвѣтныхъ; но были ли эти послѣдніе малорослыми, негритосоподобными первобытными обитателями или это были переселившіеся сюда папуасы, вопросъ, который въ настоящее время рѣшить невозможно. Буги и макассары — чистые малайцы, которые и по всему своему складу больше всего походятъ на тѣхъ отважныхъ моряковъ малайской расы, которые заселили Полинезію и Мадагаскаръ.

Если принять во вниманіе тотъ фактъ, что главная масса населенія еще и теперь распадается на многочисленныя мелкія племена, обнаруживающія мало склонности къ взаимному сліянію, то возникновеніе болѣе крупныхъ государствъ на Целебесѣ нельзя отнести къ очень далекому прошлому. На югѣ сохранились еще преданія о томъ, какъ святыни отдѣльныхъ мѣстностей, откуда вышли переселенцы въ различные пункты острова, впервые способствовали нѣкоторому объединенію мелкихъ племенъ или, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ препятствовали распаденію тѣхъ племенъ, численность и территорія которыхъ все возрастала; начальники отдѣльныхъ мѣстностей признавали своимъ верховнымъ главой того, кто являлся обладателемъ древнѣйшаго и могущественнѣйшаго волшебнаго средства, время отъ времени собирались для совѣщаній въ его селеніи и такимъ образомъ дали первый толчокъ къ возникновенію болѣе крупныхъ государствъ. Именно на Целебесѣ этотъ процессъ могъ совершаться сравнительно наиболѣе безпрепятственно и безъ помощи чужестранцевъ; даже индусское вліяніе могло проникнуть на островъ лишь въ слабой степени, что доказывается между прочимъ отсутствіемъ санскритскихъ словъ въ первоначальныхъ діалектахъ буги. Если до образованія государствъ мелкія племена находились постоянно во взаимной враждѣ, то впослѣдствіи борьба между ними продолжалась въ еще большемъ масштабѣ, чередуясь съ

кровавыми распрями внутри еще не вполнѣ сложившихся государствъ; такъ, напр., лѣтописи Макассара упоминаютъ, какъ о рѣдкомъ явленіи, что однажды одинъ изъ властителей этого государства умеръ естественной смертью. Передовымъ оплотомъ макассаровъ было Гоа, позднѣе Макассаръ, а у племени буги, напротивъ, Бони. Изъ Бони буги распространялись все дальше и дальше по побережью восточно-малайскихъ острововъ и частью основали новыя государства.

Португальцы явились на Целебесѣ въ первый разъ въ 1512 г. Едва ли существовавшія тогда на островѣ государства имѣли за собою продолжительное прошлое. Правда, лѣтописи Макассара насчитываютъ 39 властителей, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга на престолѣ вплоть до 1809 г., но нѣтъ сомнѣнія, что въ суровыя, кровавыя времена далекаго прошлаго средняя продолжительность царствованія не могла быть значительна. Сообразно съ этимъ, если даже допустить, что лѣтописное преданіе имѣетъ за собою нѣкоторую достовѣрность, государство Макассаръ должно было возникнуть лишь послѣ 1400 г. Португальцы сдѣлали впервые попытку утвердиться на островѣ въ 1540 г., учредивъ факторію въ Менадо, а позже и на югѣ, но ихъ попытки были такъ же малоуспѣшны, какъ и послѣдующія попытки англичанъ и датчанъ. Лишь голландцы, обратившіе свое вниманіе на о. Целебесъ съ 1607 г., добились здѣсь, наконецъ, успѣха.

Тѣмъ временемъ на островъ проникъ исламъ: въ 1603 г. князь макассарскій вмѣстѣ со своимъ народомъ перешелъ въ новую вѣру. Великія идеи этой міровой религіи, по обыкновенію, сильно способствовали росту страны, такъ что вліяніе государства Макассаръ вскорѣ значительно возросло, пока оно не сдѣлалось господствующимъ на южномъ Целебесѣ. Особенно часто приходилось вести войны съ государствомъ племени буги, Бони, такъ какъ населеніе этого демократически организованнаго государства отказывалось принять исламъ и, сначала во главѣ со своимъ княземъ, а потомъ, когда этотъ послѣдній перешелъ въ магометанство, вопреки ему, продолжало вести борьбу съ новымъ ученіемъ. Султану Макассара, вмѣшавшемуся въ эти распри, удалось въ 1640 г. подчинить себѣ Бони, судьбу котораго раздѣляли многія мелкія государства. Могущественное морское государство Макассаръ подчинило себѣ также отчасти побережья Сумбавы и Бутунга (Бутонъ), но вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что эпоха большихъ туземныхъ государствъ на Малайскомъ архипелагѣ прошла.

Разрушеніе голландской факторіи въ Бутунгѣ принудило Остъ-индскую Компанію къ наступательнымъ дѣйствіямъ; при этомъ она опиралась на покоренное, но все еще безпокойное государство Бони, владѣтельный домъ котораго, спасшійся бѣгствомъ, нашелъ дружескій пріемъ у голландцевъ. Вскорѣ султанъ макассарскій долженъ былъ отказаться отъ своихъ завоеваній и передать престолъ Бони протеже голландцевъ, раджѣ Палакѣ, который съ 1672 г. возвысилъ Бони до господствующей державы южнаго Целебеса. Послѣ его смерти (1696) часть его государства досталась Компаніи въ непосредственное ея владѣніе. Голландцы постоянно извлекали выгоду изъ закоренѣлой ненависти между Макассаромъ и Бони, но ихъ попытки расширить свое господство приводили къ частымъ и тяжкимъ войнамъ, пока временное занятіе острова англичанами въ 1814—16 гг. и возникшія изъ-за этого осложненія не привели и здѣсь къ новому порядку вещей. Война съ князьями южнаго Целебеса кончилась въ 1825 г. побѣдой голландцевъ. Уже тогда самостоятельности туземныхъ государствъ былъ бы положенъ конецъ, если бы возстаніе на Явѣ (стр. 545) не отвлекло вниманіе въ совершенно другую сторону, и лишь послѣ новой борьбы 1856 и 1859 гг. было достигнуто присоединеніе ихъ къ Нидерландско-остъ-индскому колоніальному государству.

Исторія сѣвернаго Целебеса совпадаетъ скорѣе съ исторіей Молуккскаго архипелага. Более значительную политическую единицу пред-

ставляетъ государство Менадо. Послѣ того какъ сѣверный полуостровъ и въ особенности горная страна Минагасса стали извѣстны, какъ области, весьма богатыя кофе, европейское вліяніе стало господствующимъ, не встрѣчая большихъ препятствій, тѣмъ болѣе, что исламъ не успѣлъ еще утвердиться здѣсь. Часть населенія Минагассы приняла христіанство — фактъ, рѣдкій въ нидерландской Остъ-Индіи. Восточный, самый маленькій полуостровъ Целебеса, во внѣшнихъ отношеніяхъ также находился подъ молуккскимъ вліяніемъ.

e) Молуккскіе острова.

Подобно тому, какъ въ западной части Малайскаго архипелага о. Ява, такъ и въ восточной части его — Молуккскіе острова были фокусомъ, въ которомъ сосредоточивалась средняя и новѣйшая исторія его. Въ болѣе раннюю эпоху, когда торговля мускатными орѣхами и гвоздикой не привлекала еще къ берегамъ чужеземныхъ кораблей, группа Молуккскихъ островомъ играла меньшую роль; мелкія племена и сельскія общины, вѣроятно, вели взаимную борьбу, ихъ военные и хищническіе походы простирались на Целебесъ и Новую Гвинею, которые, съ своей стороны, отвѣчали тѣмъ же. Развитіе торговли пряностями настолько увеличило впослѣдствіи богатство и могущество нѣкоторыхъ областей, что онѣ подчинили себѣ значительныя части архипелага. Древнѣйшимъ государствомъ считается Джилоло на сѣверномъ полуостровѣ Гальмагера; въ 1540 г. оно вошло въ составъ Тернате. Замѣчательно, что китайское вліяніе на Молуккскихъ островахъ было, повидимому, весьма слабо, такъ какъ въ китайскихъ лѣтописяхъ до XV столѣтія они едва упоминаются.

Португальцы, ко времени своего прибытія на эти острова, застали на нихъ два государства, Тернате и Тидоръ; оба они образовались первоначально изъ мелкихъ островомъ, тѣсно примыкали другъ къ другу главными своими поселеніями и взаимно соперничали, стараясь затмить другъ друга. Населеніе этихъ государствъ, вѣроятно, было уже тогда очень смѣшанное: къ вѣроятнымъ древнѣйшимъ обитателямъ, альфурамъ, сохранившимъ свою независимость, въ особенности на Гальмагерѣ и Серамѣ (Церамѣ), присоединялись на побережьяхъ малайцы, буги и потомки другихъ народовъ, принимавшихъ участіе въ торговлѣ пряностями: именно, яванцевъ, которые въ прежнее время, повидимому, были исключительными хозяевами транспорта пряностей на свой островъ, далѣе арабовъ, вѣроятно, также китайцевъ и индусовъ. О Тернате мы знаемъ, что въ 1322 г. на престолъ вступилъ седьмой властитель, и въ его правленіе произошла особенно сильная иммиграція яванцевъ и арабовъ. Тернате и Тидоръ были настоящими приморскими островными государствами съ могущественными флотами, но владѣнія ихъ на Гальмагерѣ и Серамѣ были невелики. Такъ какъ ихъ могущество основывалось исключительно на торговлѣ пряностями, то властители обоихъ государствъ добивались покровительства португальцевъ, явившихся сюда первоначально въ качествѣ купцовъ; когда же побѣду одержало Тернате, то властитель Тидора бросился въ объятія испанцевъ, которые выступили тогда со своими притязаніями на Молуккскіе острова (ср. стр. 542). Насилія португальцевъ повлекли за собою многочисленныя возстанія и кровавыя столкновенія.

Въ 1599 г. впервые выступили на сцену голландцы, устроившіе маленькое поселеніе на о. Банда; но прошло еще около полугода, пока они почувствовали себя настолько безопасными, чтобы вполнѣ захватить въ свои руки монополію культуры и торговли пряностями. Султанства Тернате и Тидоръ, которыя отчасти сами владѣли прибрежными областями на Целебесѣ и Новой Гвинеѣ, они оставили неприкосновенными, но взяли подъ свое управленіе собственно Пряные острова, и прежде всего Амбоинъ

Два изображенія изъ индѣйской миѳологіи, — изъ храма въ Кузамбѣ въ Келунгкунгѣ на юго-восточномъ Бали.

(Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/11 наст. вел.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

(съ 1605 г.) и Банда. Такъ какъ наблюденіе за всѣми островами казалось невозможнымъ, то Компанія рѣшила допускать культуру гвоздики и мускатныхъ орѣховъ лишь на опредѣленныхъ мѣстахъ, въ прочихъ же мѣстностяхъ безпощадно истреблять пряныя деревья. Этотъ планъ могъ быть приведенъ въ исполненіе лишь путемъ войны, которая почти истребила (1621 г.) населеніе острововъ Банда, такъ что Компаніи приходилось отнынѣ ввозить рабовъ, что дало ей возможность ввести болѣе строгій надзоръ. Но такъ какъ птицы постоянно переносили на другіе острова сѣмена пряныхъ растеній, то ежегодно предпринимались экспедиціи, чтобы, въ случаѣ необходимости, силою оружія уничтожить молодые ростки на заповѣдной территоріи, чѣмъ они причинили страшныя бѣдствія островамъ. Этотъ печальный порядокъ, творцомъ котораго считается штатгальтеръ Арнольдъ де Флямингъ, продолжался до занятія острововъ англичанами (1810 г.; стр. 468) и впослѣдствіи былъ вновь введенъ, хотя и въ смягченной формѣ. Въ 1824 г. истребительныя экспедиціи были отмѣнены, но лишь въ 1873 г. были уничтожены послѣдніе остатки монополіи на пряности, и плантаціи были проданы частнымъ предпринимателямъ.

Но въ то время, какъ мелкіе острова изъ группы Молуккскихъ имѣли такую богатую исторію, главные острова ея долгое время не привлекали къ себѣ вниманія. Но мало по малу нидерландцамъ удалось пріобрѣсть вліяніе и на низко стоявшихъ въ культурномъ отношеніи альфуровъ, которые на Серамѣ организованы въ своеобразные тайные союзы, выработавшіеся изъ обычныхъ сообществъ мужской молодежи.

f) Малые Зондскіе острова.

Изъ всѣхъ группъ острововъ Малайскаго архипелага меньше всего фигурируютъ въ исторіи Малые Зондскіе: не будучи объединены въ государства, они мирно существовали, пока къ нимъ не проникли извнѣ сѣмена государственности, породившія тамъ и сямъ на побережьи мелкія государства, которыя не могли, однако, подчинить себѣ внутреннія области.

Исключеніе составляетъ о. Бали, который всецѣло подпалъ подъ древне-яванское вліяніе, хотя часто въ политическомъ отношеніи занималъ самостоятельное положеніе. Когда къ концу I в. нашей эры брахманскія государства восточной Явы окрѣпли, то Бали также представлялъ государство съ индусской культурой (см. прилагаемую таблицу; „Два рисунка, относящіеся къ индусской миѳологіи, изъ храма Кузамба въ Келунгкунгѣ, на юго-восточномъ Бали). Въ 923 г. тамъ царствовалъ Угразена; въ 1103 г. упоминается еще князь Джайяпангу. Впослѣдствіи Бали сдѣлался составной частью государства Модіопагитъ (стр. 549). Исламу было не по силамъ вытѣснить брахманство и привлечь къ себѣ бали, которые, съ своей стороны, въ эпоху своего объединенія, притѣсняли даже магометанскихъ сассаковъ, жившихъ на временно покоренномъ ими о. Ломбокѣ, и угрожали Сумбавѣ; брахманство удержалась здѣсь вплоть до нашихъ дней. Въ политическомъ отношеніи, вслѣдствіе господствовавшей здѣсь феодальной системы, мало по малу наступило полное раздробленіе: въ XIX в., когда нидерландцы предприняли въ 1846, 1848/9 и 1868 гг. походы противъ князей Бали, на послѣднемъ насчитывалось восемь мелкихъ государствъ. Несмотря на то голландцамъ недавно еще пришлось пустить въ ходъ сравнительно сильное ополченіе, чтобы сломить сопротивленіе одного изъ князей.

Яванское вліяніе коснулось временно и Сумбавы, хотя въ общемъ развитіемъ своимъ это государство обязано отважнымъ морякамъ — обитателямъ южнаго Целебеса, макассарамъ и буги. Прежде Сумбава распадалась на шесть независимыхъ мелкихъ государствъ: Бима, Сумбава, Домпо, Тамбора, Сангаръ и П(ап)екатъ. Отъ опустошительнаго натиска государства Тамбора (10 апр. 1815 г.) страшно пострадало населеніе „королевствъ“ Тамбора и

Папекатъ, нѣсколько слабѣе — населеніе Сангара, Домпо и города Сумбавы. Въ восточной части Флореса (Флорисъ; глав. городъ Ларантука) господствовали малайскіе и бугійскіе переселенцы; западная часть, Мангерай, была въ зависимости отъ государства Бима на Сумбавѣ и была связана съ нимъ общностью языка. Тиморъ долженъ былъ находиться преимущественно подъ вліяніемъ Молуккскихъ острововъ; на его побережьи уже сравнительно рано возникли мелкія государства; въ 1600 г., вслѣдствіе поступательнаго движенія тиморійцевъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, населявшихъ восточную часть острова и происшедшихъ, вѣроятно, первоначально изъ Серама, государства эти, по большей части, распались. Сѣверовосточная часть Тимора (Дели или Дилли) представляетъ, впрочемъ, послѣдній остатокъ португальскихъ владѣній въ Индонезіи; на юго-западѣ (Купангъ) съ 1688 г. (за исключеніемъ періода англійскаго владычества, 1811 — 16) утвердились голландцы.

g) Филиппинскіе острова.

Сѣверо-восточную часть Малайскаго архипелага образуетъ мощная группа Филиппинскихъ острововъ, представляющая въ геологическомъ и этнологическомъ отношеніи соединительное звено, связывающее Индонезію съ восточной Азіей. Все же малайцы всецѣло преобладаютъ на Филиппинахъ; въ древнѣйшія времена они владѣли, повидимому, и Формозой (стр. 534) и оттуда совершали дальнѣйшія завоеванія. Но не всегда, конечно, Филиппины были во владѣніи малайцевъ. Древнѣйшая исторія этихъ острововъ указываетъ на негритосовъ, какъ на первобытныхъ обитателей, которые лишь мало по малу оттѣснены были переселившейся сюда желтобурой расой въ горы внутренности страны; лишь на сѣверо-восточномъ побережьѣ Люсона они утвердились прочно. Вѣроятно, что здѣсь имѣли мѣсто два малайскихъ вторженія; племена, переселившіяся въ первый разъ, весьма замѣтно смѣшались съ негритосами и, при вторичномъ вторженіи малайцевъ, раздѣлили участь негритосовъ, т. е. также должны были отступить въ гористыя мѣстности внутренности острововъ, между тѣмъ какъ новые пришельцы заняли морскія побережья. Какъ при первомъ, такъ и при второмъ вторженіи, переселенческая волна залила и измѣнила этнически южную часть архипелага, между тѣмъ какъ прибрежные негритосы сѣверо-восточной части Люсона и на этотъ разъ избѣгли истребленія. Малайцы второго переселенія принесли на Филиппины высшую культуру, на которой видно уже нѣкоторое вліяніе Индіи: слѣдовательно, это второе переселеніе должно было произойти спустя нѣсколько столѣтій послѣ Рождества Христова. Нѣкоторые, правда, не вполнѣ убѣдительные доводы говорятъ за то, что вторые переселенцы пришли съ Суматры, этой колыбели народовъ малайскаго племени; есть также нѣкоторые признаки сходства съ даяками о. Борнео. Носителями туземной полукультуры на полуостровѣ Люсонѣ были тагалы.

Третье переселеніе, не вполнѣ, правда, довершенное, связано было съ проникновеніемъ ислама на малайскіе острова. Малайцы Брунея на Борнео, предпринимавшіе съ 1500 г. походы на Филиппины какъ съ цѣлями завоевательными, такъ и для распространенія ислама, подчинили себѣ Палаванъ и утвердились на Люсонѣ. Почти одновременно переселенцы съ Молуккскихъ острововъ поселились въ Минданао и овладѣли островами Сулу (Джоло); здѣсь возникло магометанское государство морскихъ разбойниковъ, между тѣмъ какъ раньше, по свидѣтельству китайскихъ источниковъ 1417 г., эта группа острововъ распадалась на три государства.

16-го марта 1521 г. съ восточной стороны достигъ Филиппинъ португалецъ Магелланъ, находившійся на испанской службѣ; онъ назвалъ ихъ островами Св. Лазара; впослѣдствіи ихъ назвали Islas de Poniente и

лишь съ 1565 г. имъ дали названіе Филиппинскихъ. Вначалѣ острова эти привлекали мало вниманія, между тѣмъ какъ изъ-за обладанія Молуккскими островами между испанцами и португальцами завязалась упорная борьба; когда Карлъ V 22 апрѣля 1529 г. отказался отъ Молуккскихъ острововъ, то и Филиппины, вѣроятно, достались бы португальцамъ въ придачу, если бы тамъ не удалось уже фактически утвердиться испанцамъ и если бы вообще Португалія была очень заинтересована въ этомъ.

Лишь въ 1543 г. снова появился въ этомъ архипелагѣ испанскій флотъ съ приказомъ основать здѣсь испанскую колонію; но въ концѣ-концовъ онъ попалъ въ руки португальцевъ, которые въ принципѣ все еще поддерживали свои притязанія на Филиппины. Новая попытка 1565 г. удалась, наконецъ: испанцы сначала поселились на Себу, а потомъ на Панаѣ; въ 1570 г. они направились къ Люсону и основали въ слѣдующемъ году городъ **Манилу**.

Испанцы, послѣ соединенія въ 1580 г. Португаліи съ Испаніей, встрѣтили здѣсь двухъ другихъ соперниковъ, которые причинили имъ много безпокойства: именно, проникшихъ сюда магометанъ и особенно многочисленныхъ на Люсонѣ **китайцевъ**, которые издавна уже вели торговыя сношенія съ Филиппинами и одно время, повидимому, пользовались даже тамъ политическимъ вліяніемъ. Они представляли постоянную опасность для испанскаго владычества, но, несмотря на то, съ ними приходилось обращаться осторожно, такъ какъ доходы колоніи почти всецѣло зависѣли отъ китайской торговли. Въ 1603 г. вспыхнуло страшное возстаніе китайцевъ; при содѣйствіи туземцевъ и японцевъ, также преслѣдовавшихъ на Люсонѣ торговыя цѣли, возстаніе было потоплено въ крови мятежниковъ. Но спустя нѣсколько лѣтъ численность китайскихъ поселенцевъ на Манилѣ опять достигла значительныхъ размѣровъ. Новое возстаніе 1639 г. было опять подавлено, а когда въ 1662 г. китайскій пиратъ Чжэнъ-Кэ-шуанъ (Кой сунъ, стр. 95); отецъ котораго Ченъ-Ченъ-кунъ (Коксинга), овладѣвъ Формозой, сталъ угрожать Филиппинамъ, то произведена была новая рѣзня, но совершенно истребить этихъ нежеланныхъ гостей не удалось.

Болѣе повезло испанцамъ въ ихъ борьбѣ съ исламомъ. На Люсонѣ **христіанство**, благодаря ревностной дѣятельности испанскихъ монаховъ, вполнѣ взяло верхъ надъ магометанствомъ, а на Минданао и другихъ южныхъ островахъ былъ, по крайней мѣрѣ, положенъ предѣлъ дальнѣйшему распространенію этой религіи. Подчиненіе туземцевъ было тѣмъ легче, что до покоренія Филиппинъ на нихъ, повидимому, не существовало болѣе или менѣе крупныхъ государствъ. Особенно усиленныя старанія прилагало испанское правительство къ тому, чтобы вполнѣ **монополизировать** въ своихъ рукахъ торговлю на Филиппинахъ. Послѣдніе имѣли право сношеній лишь съ американскими колоніями Испаніи, куда произведенія Филиппинскихъ острововъ вывозились разъ въ годъ; обратные корабли приносили взамѣнъ, главнымъ образомъ, серебряные доллары. Количество товаровъ и золота не должно было при этомъ превышать опредѣленнаго предѣла. Непосредственныя торговыя сношенія съ Европой, несмотря на многократныя попытки купцовъ изъ Севильи, не дозволялись. Понятно, что богато нагруженныя торговыя суда, отправлявшіяся въ Америку, были предметомъ домогательствъ всѣхъ пиратовъ и непріятельскихъ адмираловъ и нерѣдко дѣлались ихъ добычей, какъ, напр., въ 1743 г., когда они были захвачены Георгомъ Ансономъ (1697—1762) у береговъ острова Самара. Съ 1785 г. торговля находилась въ рукахъ Real Compania de Filipinas; лишь въ 1803 г. гавань Манилы была открыта для всѣхъ морскихъ народовъ, въ 1814 г. была объявлена свобода торговли, а въ 1834 г. Компанія прекратила свое существованіе. Но и тогда еще иностранной конкурренціи ставились всевозможныя препятствія въ видѣ всевозможныхъ таможенныхъ стѣсненій; губительная табачная монополія была отмѣнена лишь въ 1882 г.

Хотя эти, порой доведенныя до смѣшного, торговыя стѣсненія и форменное господство духовенства кореннымъ образомъ препятствовали развитію Филиппинъ, эти острова въ эпоху соединенія Португаліи съ Испаніей (1580—1640) все же были центромъ блестящаго колоніальнаго государства. Вслѣдствіе соперничества Нидерландовъ колоніальныя владѣнія испанцевъ снова были ограничены одними Филиппинами, которые отнынѣ долгое время вели довольно жалкое существованіе. Несмотря на это, распространеніе христіанства среди туземцевъ этой колоніи пустило довольно прочные корни. Когда въ 1762 г. предъ Манилой появился англійскій флотъ, и китайцы съ индійцами возстали противъ испанцевъ, то, въ концѣ-концовъ, удалось при помощи туземнаго христіанскаго населенія оттѣснить англичанъ и подавить возстаніе. Въ общемъ, туземцы долгое время не были опасными противниками, хотя недовольство тиранническимъ правленіемъ монашескихъ орденовъ постепенно возрастало даже среди принявшихъ христіанство тагаловъ; гораздо опаснѣе были, наоборотъ, испанско-малайскіе метисы, перенявшіе отчасти европейскую культуру; они чувствовали себя оттѣсненными на задній планъ и стремились къ руководящей роли. Уже въ 1823 г. они стали причинять безпокойство. Военное возстаніе 1872 г. могло бы стать очень опаснымъ, если бъ оно не было въ самомъ началѣ подавлено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ общемъ политическая власть Испаніи въ теченіе XIX в., повидимому, тамъ укрѣпилась; мало по малу удалось, хотя и въ слабой степени, подчинить власти испанцевъ и независимыя до того части Филиппинъ, южную часть Минданао и острова Сулу.

Но неискоренимая привычка смотрѣть на колоніи, какъ на источники доходовъ для искателей мѣстъ и духовныхъ орденовъ, кореннымъ образомъ препятствовала ихъ правильному развитію; точно также нельзя было долго держаться по отношенію къ тагаламъ той же системы, которая примѣнялась къ индійцамъ Парагвая въ эпоху господства іезуитовъ (ср. т. I.). Мало по малу свободныя идеи проложили себѣ дорогу; тайныя общества, близкія къ франкмасонству, составляли ядро недовольныхъ филиппинцевъ, ненависть которыхъ была направлена, главнымъ образомъ, противъ духовенства (возстанія 1876 и 1882 г.). Сильное возстаніе 1896 г. обнаружило всю силу этихъ тайныхъ теченій. Успѣхи Японіи въ восточной Азіи (стр. 49), повидимому, сильно подняли самосознаніе болѣе чуткихъ туземцевъ, такъ какъ они считаютъ себя, и не безъ основанія (стр. 534), родственными японцамъ. Еще одинъ разъ удалось испанцамъ, возбудившимъ къ себѣ ненависть и презрѣніе за разстрѣляніе поэта-патріота д-ра Жозе Рицаля (29 декабря 1896 г.), цѣною большихъ жертвъ умиротворить тагаловъ, возставшихъ подъ предводительствомъ Эмиліо Агвинальдо (миръ — 14 декабря 1897 г.). Но какъ только началась война съ Соединенными Штатами С. Америки, возстаніе снова вспыхнуло (ср. т. I и т. IV). Но такъ какъ одержавшіе побѣду Соединенные Штаты не были склонны признать независимость Филиппинской республики, учрежденной 23 іюня 1898 г., то съ начала 1899 г. (5-го и 7-го февраля произошли тщетныя нападенія филиппинцевъ на Манилу) американцы, въ свою очередь, должны были вступить въ борьбу съ туземцами, причемъ американскіе генералы Эльуэль Стефенъ Отисъ (до 5-го мая 1900 г.) и Артуръ Макъ Артуръ потерпѣли неудачи. Даже послѣ того, какъ Агвинальдо былъ взятъ въ плѣнъ (въ концѣ марта 1901 г.), свободолюбивые тагалы, отнынѣ подъ предводительствомъ своего диктатора, Санъ Дико, продолжали оказывать сопротивленіе, въ особенности на Самарѣ,

3. Мадагаскаръ.

Далеко отъ островного міра Индонезіи лежитъ другая область малайской расы, Мадагаскаръ. Островъ этотъ не имѣетъ такой блестящей исторіи, какъ важнѣйшія области Индонезіи, что̀ въ значительной степени

объясняется его окраиннымъ положеніемъ, меньшей привлекательностью для торговой предпріимчивости. До первыхъ морскихъ путешествій португальцевъ вокругъ Африки Мадагаскаръ лежалъ въ сторонѣ отъ великаго торговаго пути, связывающаго западную Азію съ восточной, и только суда, транспортировавшія изъ Софалы добываемое тамъ золото на сѣверъ (ср. томъ III), обратили вниманіе арабовъ на побережья этого огромнаго острова и косвенно сдѣлали его извѣстнымъ азіатскимъ и европейскимъ культурнымъ странамъ. Вѣроятно, подъ островомъ Менутіосъ, о которомъ упоминаетъ Птоломей, должно подразумѣвать Мадагаскаръ. Но всѣ историческія, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, свѣдѣнія объ этомъ островѣ, вплоть до новѣйшаго періода, настолько недостовѣрны, что о древнѣйшей исторіи мадагасскихъ племенъ можно было бы сказать очень мало, если бы народовѣдѣніе, опираясь на сравнительное языкознаніе и антропологію, не давало возможности заглянуть въ отдаленное прошлое этого острова.

A. Древнѣйшая исторія Мадагаскара.

Растительный и животный міръ Мадагаскара замѣчателенъ тѣмъ, что ближайшіе его представители живутъ не на близлежащемъ материкѣ Африки, а на Малаккѣ и въ Индонезіи; это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что островъ этотъ представляетъ остатокъ древняго материка („Лемурія"), выполнявшаго нѣкогда часть Индійскаго океана. Далѣе, значительная часть, если не все древнѣйшее населеніе Мадагаскара, носитъ явные слѣды малайскаго происхожденія, о чемъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ языкъ, нравы и физическій типъ. Отсюда, въ связи съ гипотезой о погребенной на днѣ океана Лемуріи, невольно напрашивается заключеніе, что переселеніе меланезійскихъ и малайоподобныхъ племенъ на Мадагаскаръ должно быть отнесено къ отдаленнѣйшимъ временамъ доисторическаго періода. Въ виду установленной высокой древности человѣчества, въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неправдоподобнаго; если же, несмотря на это, многіе относятся отрицательно къ этому предположенію и разсматриваютъ родство мадагассовъ съ индонезійцами скорѣе, какъ случайное совпаденіе съ зоо- и ботанико-географическими условіями, то это объясняется мнѣніемъ, что малайскіе переселенцы принесли съ собой на Мадагаскаръ уже относительно развитую культуру въ томъ видѣ, въ какомъ она выработалась у малайцевъ Индонезіи уже въ историческій періодъ ихъ существованія. Въ послѣднее время Альфредъ Грандидье вѣскими доводами отстаивалъ тотъ взглядъ, что темноцвѣтное населеніе Мадагаскара происходитъ изъ Меланезіи или, по крайней мѣрѣ, гораздо ближе къ меланезійцамъ, чѣмъ къ неграмъ (стр 530), и что уже во времена очень раннія малайцы открыли путь къ Мадагаскару. Грандидье опирается при этомъ на тотъ фактъ, что всѣ жители Мадагаскара, какъ свѣтлоцвѣтные, такъ и негроподобные, принадлежатъ по языку къ малайской группѣ народовъ.

Находятся ли остатки малорослаго населенія, найденнаго внутри острова, въ родствѣ съ ведда Цейлона (стр. 487) или съ лѣсными племенами Малакки и живутъ ли они здѣсь съ древнѣйшихъ временъ, сказать трудно, но это не невѣроятно; въ такомъ случаѣ въ ихъ лицѣ мы имѣемъ, быть можетъ, потомковъ древнѣйшаго населенія Лемуріи или же, въ виду существованія карликовыхъ племенъ и на материкѣ Африки, остатки нѣкогда весьма распространенной первобытной расы (ср. томъ III). Такими остатками считаютъ полусказочныхъ вазимба (вацимба; тамъ же) на внутреннемъ плоскогоріи и кимо, на югѣ Мадагаскара, которыхъ посѣтили многіе французскіе путешественники.

Занятіе Мадагаскара малайцами произошло, повидимому, путемъ цѣлаго ряда переселеній, тѣхъ замѣчательныхъ переселеній, которыя имѣли

огромное значеніе для исторіи Индонезіи (стр. 531) и Океаніи (стр. 297). Нѣкоторыя черты сходства говорятъ за то, что Суматра была исходнымъ пунктомъ мадагасской колонизаціи. Опредѣлить хронологически съ большей или меньшей точностью время важнѣйшихъ переселеній трудно; во всякомъ случаѣ они должны были совершиться до начала индусскаго вліянія въ Индонезіи, такъ какъ въ мадагасскихъ языкахъ почти совершенно отсутствуютъ санскритскія слова; съ другой стороны, если принять во вниманіе сравнительно высокій уровень культуры, то нельзя отодвигать начала переселеній къ слишкомъ отдаленному прошлому. Переселенцы принесли съ собой искусство обработки желѣза, но зато, повидимому, не были знакомы съ разведеніемъ рогатаго скота, такъ какъ выраженіе „рогатый скотъ“ заимствовано племенемъ гова изъ восточно-африканскаго языка суагели. Они знали также употребленіе ткацкаго станка, но, повидимому, изготовляли на немъ ткани не изъ хлопчатой бумаги, а изъ пальмовыхъ волоконъ. Общество распадалось на благородныхъ (андріаны), свободныхъ людей и рабовъ.

Такъ какъ ко времени прибытія европейцевъ острова Маскаренскіе, лежащіе къ востоку отъ Мадагаскара (ср. ниже, посл. стр.), оказались необитаемыми, то переселенческіе потоки, вѣроятно, направлялись не черезъ эти привлекательные плодородные острова, а достигли Мадагаскара какимъ-нибудь инымъ путемъ. Быть можетъ, малайскіе мореплаватели, которые въ качествѣ разбойниковъ и купцовъ господствовали на побережьи Индійскаго океана еще до начала нашего лѣтосчисленія вплоть до того времени, когда начались торговыя путешествія индусовъ на Малакку и Яву, проникли этимъ путемъ съ сѣверо-востока къ берегамъ Мадагаскара, гдѣ съ теченіемъ времени возникли ихъ поселенія. Въ то время какъ другія малайскія поселенія, которыхъ было не мало на побережьи Индійскаго океана, впослѣдствіи снова исчезли, причемъ обитатели ихъ либо были истреблены, либо слились съ туземцами, на Мадагаскарѣ, при его рѣдкомъ населеніи, малайскія народности нашли возможность распространяться безпрепятственно и постепенно заселить бóльшую часть острова. Связь съ индонезійской родиной впослѣдствіи порвалась, и поселенцы Мадагаскара продолжали развиваться самостоятельно, при чемъ, однако, подвергались вліянію сосѣдней Африки. Среди гова, которыхъ нужно считать позднѣйшими переселенцами, существуетъ еще преданіе, что предки ихъ пришли на Мадагаскаръ съ отдаленнаго острова по чудесному пути изъ листьевъ лотоса (ср. томъ III) и впослѣдствіи переселились внутрь страны, на плоскогоріе, чтобы спастись отъ господствовавшей въ прибрежныхъ мѣстностяхъ болотной лихорадки. Преданіе это ничего не говоритъ о жившемъ тамъ уже до нихъ населеніи.

Самыми чистокровными малайцами являются гова, живущіе въ средней провинціи, Имерина (см. карты, приложенныя къ III тому), и насчитывающіе въ настоящее время до милліона душъ; повидимому, болѣе смѣшались съ неграми бетсилео, живущіе на плоскогоріи, къ югу отъ Имерины, и насчитывающіе до 1.200.000 д. Бетсимисарака на восточномъ побережьѣ гораздо ближе къ неграмъ, чѣмъ къ малайцамъ. Рядомъ съ свѣтлокожими племенами Мадагаскара и остатками малорослаго первобытнаго населенія (стр. 565) находятся также, въ особенности на побережьяхъ и на югѣ острова, темные негроподобные обитатели, но въ настоящее время нельзя еще устанавливать строгія расовыя разграниченія. Въ хозяйственномъ отношеніи на Мадагаскарѣ нѣтъ уже никакихъ крайнихъ формъ, которыя служили бы указаніемъ на болѣе древнія культурныя условія. Всюду, гдѣ только дозволяютъ обстоятельства, культура риса доставляетъ главный источникъ пропитанія; здѣсь также развито разведеніе рогатаго скота; Маскаренскіе острова снабжаются мясомъ почти исключительно съ о. Мадагаскара. Свиньи разводятся, во всякомъ случаѣ, одними только гова, между тѣмъ какъ племена, населяющія побережье,

благодаря вліянію арабовъ, презираютъ это толстокожее животное. Говаская свинья, повидимому, происходитъ изъ Индонезіи.

Замѣчательно, что вопросъ о томъ, откуда произошли чернокожіе обитатели и какимъ путемъ совершилось ихъ переселеніе, вызвали еще болѣе оживленные споры, чѣмъ вопросы о происхожденіи малайскихъ племенъ, хотя непосредственная близость Африки, по крайней мѣрѣ, на первый вопросъ должна бы, казалось, дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Но, несмотря на это, такіе основательные знатоки Мадагаскара, какъ Джемсъ Сибри (Sibree) и Грандидье, видятъ въ темноцвѣтныхъ обитателяхъ острова скорѣе родственниковъ папуасовъ, чѣмъ настоящихъ негровъ. Если и отвергнуть это мнѣніе, если даже признать въ темноцвѣтныхъ мадагассахъ потомковъ негровъ, то вопросъ о томъ, явились ли негры на островъ до или послѣ малайцевъ, все же не такъ легко рѣшить. Темнокожая часть мадагасскаго населенія говоритъ на малайскихъ нарѣчіяхъ; слѣдовательно, она долгое время должна была находиться подъ рѣшительнымъ вліяніемъ малайцевъ; главная масса темнаго населенія, важнѣйшую часть котораго составляютъ сакалавы, занимаетъ западное побережье острова, обращеннаго къ материку Африки; обитатели африканскаго материка плохіе моряки и въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, не были бы въ состояніи самостоятельно достигнуть Мадагаскара. Эти факты говорятъ, быть-можетъ, за то, что негры прибыли на островъ лишь послѣ переселенія малайцевъ и именно при посредствѣ или по побужденію самихъ малайцевъ. Возможно, что племя темнокожихъ мадагассовъ явилось результатомъ похищенія невольниковъ на восточно-азіатскомъ побережьѣ; возможно и то, что во время своихъ междоусобныхъ распрей малайцы вербовали себѣ вспомогательные отряды изъ чернокожихъ; а, можетъ быть, и то и другое дѣйствовало одновременно. Возможно также, что обитатели восточно-африканскаго побережья, подъ вліяніемъ малайцевъ или подъ предводительствомъ малайскихъ авантюристовъ, могли стать болѣе искусными моряками и въ концѣ концовъ самостоятельно переселиться на Мадагаскаръ. Сакалавы долгое время славились, какъ отважные морскіе разбойники. Благодаря ввозу африканскихъ рабовъ темнокожее населеніе усиленно возрастало вплоть до нашихъ дней.

Б. Достовѣрная исторія Мадагаскара.

а) Арабскій періодъ.

Вліяніе арабскаго народа, который произвелъ такіе крупные перевороты на Остъ-индскомъ архипелагѣ, установилось довольно рано и на побережьѣ Мадагаскара и, быть-можетъ, еще задолго до появленія ислама, чему, очевидно, способствовала близость золотыхъ розсыпей Софалы (ср. выше, стр. 565). Достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи острова изъ всѣхъ арабскихъ географовъ мы находимъ впервые у Эдризи (1153 г.), который упоминаетъ о немъ подъ именемъ Chezbezat; другіе арабскіе писатели называютъ его Серендахъ или Эль-Комръ. Названіе Мадагаскара впервые встрѣчается у Марко Поло, который получилъ болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ островѣ у арабскихъ мореплавателей и слышалъ отъ нихъ, между прочимъ, и о гигантской птицѣ рукъ (Rukh). Разсказы объ этой птицѣ, украшенные баснословными вымыслами, относятся, вѣроятно, къ тѣмъ исполинскимъ страусамъ, которые жили, повидимому, на Мадагаскарѣ вплоть до историческихъ временъ (Aepyornis maximus и ingens). Древнѣйшія поселенія арабовъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, находились на островѣ Носси Бораха (Св. Маріи), у сѣверо-восточнаго берега Мадагаскара и на восточномъ побережьѣ его; вѣроятно, и въ сѣверо-западной части острова колоніи также возникли сравнительно рано. Очень любопытно, въ связи съ Соломоновымъ преданіемъ, что различныя, вполнѣ

заслуживающія вниманія, указанія говорятъ о раннемъ переселеніи на островъ и евреевъ. Религіозныя распри послѣ Магомета повлекли за собой дальнѣйшія переселенія арабовъ, главнымъ образомъ сектантовъ, каковы сейидиты, вѣтвь алидовъ, которые въ концѣ VIII вѣка переселились, повидимому, частью на Мадагаскаръ, и нѣкоторое количество измаелитовъ, также переселившихся туда около того же времени. О суннитскихъ и шіитскихъ персахъ мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, что они переселились въ восточную Африку. Грандидье утверждаетъ, что потомковъ всѣхъ этихъ переселенцевъ можно обнаружить на Мадагаскарѣ и въ настоящее время. Арабы, конечно, оказывали вліяніе на племена, жившія по сосѣдству съ ихъ колоніями; не разъ предводители арабской крови становились во главѣ туземныхъ племенъ, хотя это, повидимому, не влекло за собой замѣтныхъ успѣховъ ислама.

Послѣ того, какъ открытъ былъ морской путь вокругъ южной Африки, португальцы также проникли на Мадагаскаръ, и первымъ изъ нихъ достигъ острова Фернандо Соаресъ (1 февраля 1506 г.), въ день св. Лаврентія, вслѣдствіе чего островъ получилъ названіе Санъ-Лоренцо (св. Лаврентія). Послѣ этого его многократно посѣщали португальцы, но прочныхъ колоній они здѣсь не основывали; голландцы также отказались вскорѣ отъ своихъ колонизаціонныхъ попытокъ, которыя приходятся на 1595—98 гг.

b) Основаніе національныхъ государствъ.

Къ тому времени, отъ котораго до насъ дошли первыя сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о Мадагаскарѣ, темнокожіе сакалавы, жившіе на западномъ побережьѣ, были самымъ могущественнымъ племенемъ острова, бо̀льшая же часть острова была заселена независимыми племенами. Въ концѣ XVI столѣтія возникло, несомнѣнно подъ вліяніемъ арабовъ, большое государство сакалавовъ, Менабе, отъ котораго въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ образовались многія отвѣтвленія, изъ коихъ слѣдуетъ назвать, въ особенности, Ибоину; истиннымъ основателемъ могущества Менабе былъ Андріандахифочъ, умершій въ 1680 г.

Лишь съ выступленіемъ на сцену, въ самомъ сердцѣ острова, настоящаго малайскаго племени гова (говасы) это положеніе дѣлъ измѣнилось. Гова, поселенія которыхъ въ историческій періодъ ихъ существованія находились на внутреннемъ плоскогоріи, въ особенности въ провинціи Имерина, согласно ихъ собственному преданію, издавна переселились сюда съ восточнаго побережья; историческое сочиненіе, появившееся въ 1873 г., даетъ списокъ 36 государей, занимавшихъ съ того времени престолъ; согласно этому списку Сибри (Sibree) относитъ переселеніе гова на плоскогоріе ко второй половинѣ XI столѣтія. Впрочемъ, списокъ государей, можетъ быть, относится лишь къ части этого народа, такъ какъ гова сначала распадались на множество мелкихъ, независимыхъ другъ отъ друга племенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже данниками сакалавовъ. Въ противоположность Сибри, Грандидье полагаетъ, что гова или, вѣрнѣе, андріаны (феодальные владѣтели) Имерины, переселились сюда очень поздно. Гова въ тѣсномъ смыслѣ, свободное крестьянское населеніе Имерины, по его мнѣнію, являются потомками древнихъ индо-меланезійскихъ колонистовъ, между тѣмъ какъ андріаны, выходцы съ Явы или, во всякомъ случаѣ, настоящіе малайцы, проникли на Мадагаскаръ лишь около средины XVI-го столѣтія, слѣдовательно, послѣ морскихъ открытій португальцевъ. Толчку, данному этими относительно культурными пришельцами, гова обязаны своимъ возвышеніемъ. Еще въ 1780 г. въ Имеринѣ было нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, изъ которыхъ самое могущественное было Тананариво.

Въ теченіе XVIII вѣка совершилось государственное объединеніе гова, которые мало по малу начали сознавать свою силу и стали опасными для сосѣднихъ племенъ. Первые завоевательные походы противъ живущихъ къ югу бетсилео были предприняты королемъ Андріанимпо́ина. Еще съ бо́льшимъ успѣхомъ его дѣло продолжалъ сынъ его Рада́ма I (1810—28); онъ овладѣлъ большею частью сѣвернаго плоскогорія и проникъ вплоть до восточнаго побережья, гдѣ завязалъ сношенія съ англичанами. Послѣдніе снабдили его огнестрѣльнымъ оружіемъ, послѣ чего онъ предпринялъ борьбу съ сакалавами, принудивъ ихъ признать его верховенство, по крайней мѣрѣ, номинально, и уже выступилъ съ притязаніемъ на господство надъ всѣмъ островомъ, что́, конечно, совершенно не соотвѣтствовало еще фактическому положенію дѣлъ. На югѣ и юго-западѣ господство гова никогда не имѣло реальнаго значенія.

При восшествіи на престолъ новаго государя народъ давалъ присягу на вѣрность; законы и распоряженія объявлялись публично на большихъ народныхъ собраніяхъ, которыя, однако, не имѣли никакого ни совѣщательнаго, ни рѣшающаго голоса. Большое значеніе имѣлъ первый министръ; если на престолъ вступала принцесса или вдовствующая королева, то, по утвердившемуся обычаю, онъ долженъ былъ жениться на ней и тогда вступалъ, по большей части, въ фактическое управленіе страной.

Рада́ма вступилъ уже въ борьбу съ европейской державой, Франціей, которая издавна бросала взоры на Мадагаскаръ. Самая ранняя французская колонія, фортъ Дофинъ, была основана въ 1642 г. на юго-восточномъ побережьѣ острова. Торговая компанія, учрежденная морскимъ капитаномъ Гико изъ Діепа и поддержанная кардиналомъ Ришелье (ум. 4 декабря 1642 г.), начала было свою дѣятельность, но спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ она обанкротилась. Характеренъ для печальной исторіи этой „колонизаціи" тотъ фактъ, что штатгалтеръ Этьенъ де Флакуръ (первый исторіографъ острова; ум. 10 іюня 1660 г.), послѣ шестилѣтней безплодной борьбы, предпочелъ вернуться во Францію (12 февраля 1655 г.). Компанія передала свои права французскому правительству, которое уже тогда смотрѣло на Мадагаскаръ, какъ на свою собственность, хотя эти владѣнія доставляли ей, конечно, очень мало радости. Попытка Кольбера основать большое колоніальное государство изъ Мадагаскара и прилегающихъ къ нему острововъ и собрать необходимыя для этого средства путемъ основанія „Остъ-индской Компаніи" (1664 г.; ср. томъ VII.), сначала обѣщала успѣхъ, но вслѣдствіе вызывающаго поведенія губернатора Ла-Гея попытка эта кончилась истребленіемъ всѣхъ французскихъ поселенцевъ и уничтоженіемъ форта Дофина въ 1672 г. Этимъ былъ положенъ пока конецъ всѣмъ планамъ; отдѣльные европейцы, которые до поры до времени продолжали оказывать вліяніе на мадагассовъ, были искатели приключеній или пираты различнаго происхожденія.

Но острова Маскаренскіе, на которыхъ, благодаря предпріятіямъ на Мадагаскарѣ, развились цвѣтущія французскія поселенія, лежали слишкомъ близко къ Мадагаскару, чтобы этотъ многообѣщающій исполинскій островъ не продолжалъ привлекать къ себѣ вновь вниманія. Въ 1750 г. французы пріобрѣли островъ св. Маріи, а въ 1768 г. они снова заняли разрушенный фортъ Дофинъ. Вскорѣ послѣ того французскимъ управителемъ мадагасскихъ поселеній явился графъ Морицъ Августъ Беньовскій, человѣкъ предпріимчивый, но сумбурный; онъ принудилъ нѣсколькихъ прибрежныхъ начальниковъ уступить ему весь островъ, основалъ здѣсь новыя поселенія и, послѣ оставленія службы, сталъ смотрѣть на себя, какъ на собственника Мадагаскара, который онъ неоднократно, но тщетно предлагалъ французскому правительству. 4-го іюня 1786 г. окончилась его полная приключеній жизнь, а съ ней и его мечта о мадагасскомъ царствѣ.

Послѣ этихъ безуспѣшныхъ усилій французы попытались завязать непосредственныя сношенія съ усилившимися тѣмъ временемъ гова, но тутъ уже давало себя чувствовать соперничество съ англичанами, занявшими въ 1810 г. Таматаве на восточномъ берегу. Притязанія французовъ пережили смуты наполеоновской эпохи; Англія вернула Франціи вмѣстѣ съ о. Реиніонъ и мадагасскія владѣнія, поскольку можно было еще говорить о таковыхъ, и казалось, дѣйствительно, что на Мадагаскарѣ эта страна вознаградитъ себя за другія свои колоніальныя потери. Желаніе овладѣть островомъ, естественно, должно было прежде всего столкнуться съ проявившимися притязаніями гова на верховное владычество. Когда въ 1821 г. снова было основано поселеніе на о. Св. Маріи, то говаскій король Радама (ум. 27 іюля 1828 г.) принялъ угрожающее положеніе: французскій губернаторъ отвѣтилъ вооруженнымъ протестомъ на принятіе Радáмой титула короля Мадагаскара. Благодаря энергіи англійскаго губернатора о-ва св. Маврикія, сэра R. Farquhar'а, англійское вліяніе на Мадагаскарѣ вполнѣ одержало верхъ: гова, войско которыхъ было организовано по европейскому образцу, отняли у французовъ фортъ Дофинъ, между тѣмъ, какъ англичанамъ они предоставили многочисленныя торговыя привилегіи (1825 г.).

Въ царствованіе королевы Ра́нава́лоны дѣло опять дошло до открытой вражды, которая кончилась не къ славѣ французовъ. Къ счастью для Франціи, королева, подчинившая себѣ отчасти юго-восточную часть острова, своей страстной ненавистью къ иностранцамъ и изгнаніемъ англійскихъ миссіонеровъ (1835 г.) возстановила противъ себя и Великобританію. Въ 1838—41 гг. французы, призванные принцессой Тсіумейкъ изъ Буэни (1839 г.) и принцами Тсиміаръ изъ Анкара (1840 г.), заняли еще нѣсколько пунктовъ на сѣверо-западномъ берегу, а именно, островъ Носси Бе, и этимъ путемъ укрѣпили свое вліяніе на сакалавовъ; но, тѣмъ не менѣе, о рѣшительной и послѣдовательной политикѣ пока и рѣчи не было.

Въ концѣ-концовъ дурное управленіе королевы Ра́нава́лоны стало невыносимымъ даже для самихъ гова и заставило ихъ искахъ помощи извнѣ; снова начались французско-англійскія козни, которыя вызвали было опасныя осложненія, но внезапная смерть въ 1861 г. королевы и вступленіе на престолъ дружественнаго французамъ Радáмы II произвели полный переворотъ. Тогда началась эпоха реформъ, которая представляетъ собою нѣкоторую аналогію съ происходившими почти одновременно событіями въ Японіи (см. стр. 43). Послѣ убійства 12-го мая Радамы партіей, враждебной реформамъ и поддерживаемой англичанами, политика реформъ была продолжена его вдовой и преемницей Ра́зоаге́риной. Фактическая же власть находилась въ рукахъ ея супруга Райнитайаривоя, перваго министра изъ говаской фамиліи Райнигаро, основавшаго при содѣйствіи англичанъ нѣчто вродѣ мажордомства. „Реформы“ также приняли постепенно такой оборотъ, который сталъ весьма опаснымъ для французовъ (дружественный и торговый договоръ съ Англіей 27 іюня 1865 г.). Послѣ смерти Разоагерины (1 апрѣля 1868 г.), на престолъ вступила Ра̀нава̀лона II Майонка; 21 февраля 1869 г. она вмѣстѣ со своимъ супругомъ, который опять-таки былъ первымъ министромъ, перешла въ христіанство и именно въ англиканскую церковь, которая, тѣмъ временемъ, получила постепенно право гражданства среди гова и отнынѣ стала сильно распространяться. Извѣстіе о пораженіи французовъ въ войнѣ 1870—71 г., естественно, еще болѣе ослабило французское вліяніе.

c) Французскій періодъ.

Вызывающій образъ дѣйствій гова и пронырство англичанъ вынудили, въ концѣ-концовъ, французское правительство, послѣ долгихъ безуспѣшныхъ переговоровъ, добиться силой своихъ притязаній на Мадагаскаръ.

все болѣе и болѣе склонявшійся на сторону Великобританіи. 13 іюня 1883 г. они заняли на восточномъ побережьи Таматаве, а тѣмъ временемъ на престолъ вступила, послѣ смерти прежней королевы Мадагаскара (13 іюля), Ранавалона III Маніуака. Хотя походъ французовъ внутрь острова не удался, все же 17 декабря 1885 г. былъ заключенъ выгодный для Франціи договоръ, по которому Мадагаскаръ подпалъ подъ протекторатъ Франціи; генеральный резидентъ, какъ представитель иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ имѣть свою резиденцію въ главномъ городѣ Антананариво. Но гова не придавали этому договору серьезнаго значенія, пока въ 1895 г. новая экспедиція съ сѣверо-западнаго побережья, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дюшена (Y. Ch. R. A. Duchesne), не овладѣла 30 сентября столицей, послѣ крайне слабаго сопротивленія со стороны гова, и отнынѣ утвердила силой оружія протекторатъ Франціи (договоръ 18 января 1896 г.). 6 августа 1896 г. Мадагаскаръ былъ объявленъ французской колоніей. Райнилайривони, супругъ королевы, былъ сосланъ въ Алжиръ, за королевой же было оставлено на время ея королевское достоинство; въ 1897 г. она также была свергнута съ престола и отправлена на о. Соединенія. Этимъ, разумѣется, лишь государство гова подпало подъ французское вліяніе, но отнюдь не весь островъ.

Съ утвержденіемъ господства Франціи сильно поднялась торговля, при чемъ удалось при посредствѣ дифференціальнаго тарифа вытѣснить въ значительной степени англійскій ввозъ въ пользу французскаго; вывозъ, важнѣйшія статьи котораго составляютъ золото, рафія и каучукъ, также направляется теперь, главнымъ образомъ, во Францію. Началась постройка шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, а въ гаваняхъ, изъ которыхъ самой главной все еще является Таматаве, развивается кипучая дѣятельность. Для удобства управленія островъ раздѣленъ на двѣ военныхъ территоріи, двѣ гражданскихъ провинціи и одну смѣшанную территорію. Въ распоряженіи генералъ-губернатора (съ 1896 г. генералъ Жоз. Симонъ Галліени) находится небольшая французская армія, состоящая частью изъ войскъ сенегальскихъ, и туземная гвардія. Иммиграція изъ Европы идетъ слабо, китайцы же и индійцы живутъ въ значительномъ числѣ въ прибрежныхъ поселеніяхъ. Въ послѣдне время возникъ планъ поселить на мадагаскарскомъ плоскогоріи южно-африканскихъ буровъ, которые не пожелали остаться на своей родинѣ, покоренной англичанами,

Съ 1841 г. остр. Майотта изъ группы Коморскихъ состоялъ подъ верховенствомъ Франціи, а въ 1886 г. къ нему была присоединена и остальная часть группы (см. карту Африки въ III томѣ).

B. Маскаренскіе острова.

Исторія французскихъ притязаній на Мадагаскаръ тѣсно связана съ тѣмъ фактомъ, что на оо. Маврикія и Реиніонъ изъ группы Маскаренскихъ уже рано возникли французскія колоніи, которыя имѣли здѣсь цвѣтущія плантаціи. Когда острова эти были открыты въ 1505 г. португальцемъ Перо Маскаренхасъ, они были совершенно необитаемы. О. Маврикія былъ долгое время во владѣніи голландцевъ (1640—1712), а съ 1715 г. колонизованъ французами („Иль-де-Франсъ" до 1810 г.), которые уже съ 1646 г. имѣли свои поселенія на о. Реиніонъ („Маскарейнь" до 1649 г.; „Иль-де-Бурбонъ" до французской революціи и снова съ 1814 до 1848 гг.; „Иль Бонапартъ" 1809—14 г.). Съ 1734 до 1746 г. французскимъ губернаторомъ былъ здѣсь Бертранъ-Франсуа-Маге де-ла-Бурдоннэ, съ которымъ мы уже встрѣтились выше (см. Индія). Введеніе доходной культуры кофе увеличило въ теченіе XVIII в. благосостояніе и численность населенія Маскаренскихъ острововъ; впослѣдствіи культура сахарнаго тростника также получила широкое развитіе,

Во время наполеоновскихъ войнъ Англія, несмотря на сопротивленіе креоловъ, овладѣла обоими островами и, по заключеніи мира, удержала за собою о. Маврикія вмѣстѣ съ оо. Сешельскими (по имени француза Моро де-Сешель) и Родригецомъ. Необходимость имѣть дешевыя рабочія руки для плантацій на о. Реиніонъ постоянно направляла вниманіе французовъ на Мадагаскаръ и много способствовала тому, что этотъ островъ-великанъ въ концѣ-концовъ подпалъ подъ ихъ вліяніе. Уничтоженіе рабства на о. Реиніонѣ въ 1846 и 1848 г. не повлекло за собой никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Французскіе креолы и теперь еще господствуютъ на англійскомъ островѣ св. Маврикія. Наряду съ этимъ значительно усилилась иммиграція индусовъ.

VI. Историческое значенiе Индiйскаго океана.

Проф. д-ра **Карла Вейле.**

„Исторія торговли есть исторія международныхъ сношеній и географіи, а объ вмѣстѣ составляютъ исторію цивилизаціи человѣческаго рода".

О. Пишель.

1. Положеніе и очертаніе Индійскаго океана.

Изъ всѣхъ частей могучаго, опоясывающаго землю океана, едва ли найдется, наряду съ Средиземнымъ моремъ, другая часть его, по своему положенію и очертанію болѣе приспособленная къ всемірной исторической роли, чѣмъ Индійскій океанъ. Средиземное море, столь важное въ исторіи человѣчества, вдается въ громадный материкъ Стараго Свѣта съ запада и глубоко изрѣзываетъ его; Индійскій же океанъ вдается въ тотъ же материкъ съ юга въ видѣ колоссальной полукруглой бухты, имѣя по обѣимъ сторонамъ Африку и Австралію, а съ сѣвера — громаду Азіи. Такимъ образомъ, по количеству омываемыхъ частей свѣта Индійскій океанъ не уступаетъ ни Атлантическому, ни Тихому океану, ни Средиземному морю на сѣверѣ, которые всѣ примыкаютъ къ тремъ частямъ свѣта. Помимо многихъ другихъ причинъ, историческая роль океановъ обусловливается менѣе количествомъ омываемыхъ земель, чѣмъ ихъ взаимнымъ положеніемъ; въ этомъ отношеніи замѣчается удивительное соотвѣтствіе между Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Оба имѣютъ съ одной стороны протянувшуюся вдоль Америку, тогда какъ другую сторону составляютъ Азія и Австралія для Тихаго океана, и Европа и Африка для Атлантическаго. Вокругъ Тихаго океана расположились три части свѣта, которыхъ историческое значеніе очень важно. (Срв. томъ I).

Главнѣйшая особенность исторической роли океановъ заключается въ томъ фактѣ, что ея центръ тяжести лежалъ вплоть до настоящаго времени въ западной части, ограниченной двумя частями свѣта; соотвѣтственно этому, для Атлантическаго океана онъ до настоящаго времени находится на восточной сторонѣ длиннаго извилистаго канала, призваннаго болѣе какого-либо другого моря вывести человѣчество изъ замкнутаго бассейна Средиземнаго моря на всемірный океанъ, расширить тѣсный кругъ древняго міра во всемірную историческую арену. И въ Средиземномъ морѣ историческій центръ тяжести не совпадаетъ съ геометрическимъ, но, въ противоположность обоимъ океанамъ, онъ всегда передвигался вдоль главной оси этого бассейна, важнаго для всей западной культуры; въ извѣстные періоды замѣчается очевидное стремленіе этого центра перемѣститься на востокъ: стоитъ припомнить повторявшіяся возвратныя движенія, возникавшія на Атлантическомъ океанѣ при столкновеніи южной и сѣверной волны съ восточно-западной (ср. томъ IV). Помимо государствъ, лежавшихъ въ восточной части Средиземнаго моря, какъ Египетъ и греко-македонская монархія, всѣ остальныя, начиная съ древняго Рима до норманновъ и крестоносцевъ, Венеціи и Генуи, вплоть до монархій новаго времени, возникшихъ на западныхъ окраинахъ Средиземнаго моря, обращали взоры свои на востокъ; кажущееся исключеніе со-

ставляютъ карѳагеняне, утвердившіеся на западѣ, но и древніе финикіяне, отъ которыхъ они происходятъ, искали по крайней мѣрѣ часть своихъ задачъ на отдаленномъ востокѣ.

Это настойчивое стремленіе средиземныхъ народовъ на востокъ не есть что-либо случайное или непонятное: исполинская Азія, сосредоточившая чуть не все историческое значеніе Тихаго океана на своемъ восточномъ побережьѣ, и въ западной части взяла на свои широкія плечи значительную долю исторической роли Средиземнаго моря. Какъ носитель культуры, Азія слишкомъ стара, а таинственный мракъ ея безграничныхъ пространствъ и количество ея сокровищъ имѣли слишкомъ большую притягательную силу, чтобы это могло быть иначе; отсюда является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ огромный историческій перевѣсъ Азіи и въ области Индійскаго океана; этотъ перевѣсъ понятенъ даже, если мы не станемъ принимать во вниманіе отношеніе Индійскаго океана къ другимъ морямъ, и является неизбѣжнымъ, если мы представимъ себѣ, съ одной стороны, обмѣнъ сношеній Индіи съ Средиземнымъ моремъ и востокомъ Азіи, а съ другой — Европы съ восточной Азіей; для этихъ послѣднихъ нѣтъ болѣе естественнаго и удобнаго пути, чѣмъ Индійскій океанъ и въ особенности его сѣверная часть, которая является прямымъ носителемъ исторіи океана, насколько вопросъ касается внѣшнихъ сношеній. Въ очертаніяхъ Индійскаго океана замѣчается большое разнообразіе и расчлененіе; только западная сторона у восточныхъ береговъ Африки массивна и бѣдна островами, за исключеніемъ громаднаго Мадагаскара и нѣсколькихъ группъ прибрежныхъ острововъ. Зато восточное и сѣверное побережье сильно изрѣзаны, каждое въ своемъ родѣ. На восточной сторонѣ лежитъ материкъ, который еще долгіе годы влачилъ бы въ одинокомъ покоѣ мертвое существованіе, если бы новѣйшее время не пробудило его къ исторической жизни. На сѣверѣ непосредственно къ нему примыкаетъ область, не имѣющая себѣ равной на землѣ по разнообразію формъ, — а именно архипелагъ Индонезіи. Съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ онъ служитъ естественнымъ мостомъ для народовъ на востокъ. И сѣверное побережье въ своемъ расчлененіи представляется единственнымъ по массивности; южная Азія, какъ и вся эта часть свѣта, поражаетъ громадностью размѣровъ; три, не имѣющихъ себѣ равныхъ по величинѣ, полуострова выдвигаются въ океанъ, который вдается въ материкъ огромными, достигающими величины морей заливами. На первый взглядъ кажется, что крупные размѣры изломовъ береговой линіи исключаютъ возможность торговыхъ сношеній, но не слѣдуетъ упускать изъ вида того, что сѣверъ Индійскаго океана своими двумя самыми важными въ географическомъ и историческомъ отношеніи заливами — Краснымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, сильно приближается къ культурному центру запада — къ Средиземному морю, — онъ какъ бы протягиваетъ къ нему два щупальца и становится восточнымъ продолженіемъ Средиземнаго моря.

Геометрическая ось Индійскаго океана, подобно оси другихъ двухъ океановъ, проходитъ въ меридіанальномъ направленіи, которое въ исторіи человѣчества никогда и нигдѣ не играло замѣтной роли; область же обоихъ сѣверныхъ заливовъ представляетъ какъ бы призму, въ которую лучи исторіи проникли изъ Средиземнаго моря съ запада и, преломившись на юго-востокъ, продолжали за предѣлами Аравійскаго моря свое движеніе къ востоку — и обратно; такимъ образомъ, историческая ось Индійскаго океана проходитъ параллельно направленіямъ историческаго движенія двухъ сосѣднихъ міровъ — среднеазіатско-европейскаго и индонезійско-океаническаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ параллельно и всемірно историческому движенію; этимъ заранѣе обезпечено историческое значеніе океана.

Индійскій океанъ въ физическомъ отношеніи, по справедливому замѣчанію Фр. Ратцеля, есть наполовину море. Атлантическій и Ти-

ИНДІЙСКІ
по К. Вейле, С. Руге и атлас

Й ОКЕАНЪ

д. океана „Deutsche Seewarte".

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

хій океаны ограничены материками только съ востока и запада, на сѣверѣ и на югѣ они безпрепятственно переходятъ въ полярныя широты, поэтому на ихъ безпредѣльномъ пространствѣ могутъ свободно проявляться всѣ явленія въ атмосферѣ и гидросферѣ. Не таковъ Индійскій океанъ: онъ простирается во всю ширину только въ антарктическія широты, на сѣверѣ же онъ запертъ, подобно внутреннему морю; отсюда неполнота и односторонность океано-географическихъ явленій и переходъ къ характеру внутренняго моря, который становится все ощутительнѣе по направленію къ сѣверу.

Въ историческомъ отношеніи Индійскій океанъ стоитъ выше: уступая, какъ крошечному, сравнительно, Средиземному морю, такъ и Атлантическому океану, можетъ быть, даже и Тихому, онъ далеко превосходитъ въ историческомъ отношеніи, всѣ второстепенныя моря западной Европы и восточной Азіи. Хотя онъ лежитъ въ тѣхъ именно широтахъ, гдѣ на всемъ земномъ шарѣ начинается область самой оживленной исторической дѣятельности, онъ запертъ исполинской преградой Азіи на сѣверѣ и потому лишенъ широкихъ транс-океаническихъ сношеній, какими пользуются оба его могучихъ сосѣда; зато, съ другой стороны, благодаря положенію своему на южной окраинѣ Стараго Свѣта, у береговъ искони плодородныхъ странъ, съ удобной для сношеній береговой линіей, онъ представляетъ арену, которая только временно нарушавшимся историческимъ единствомъ своимъ пополняетъ то, чего ей недостаетъ въ широтѣ размаха (см. прил. карту). И въ другихъ двухъ океанахъ область наиболѣе оживленной исторической дѣятельности распредѣлена неравномѣрно: въ Атлантическомъ океанѣ она необыкновенно велика въ сѣверной половинѣ и ничтожна въ южной; въ Тихомъ океанѣ историческій центръ тяжести лежитъ также въ сѣверномъ полушаріи, но то, что въ обоихъ океанахъ раскинулось на громадномъ пространствѣ, въ Индійскомъ океанѣ тѣснится на узкой полосѣ, располагаясь въ общемъ вдоль береговъ.

Непрерывное протяженіе Тихаго океана, и въ еще большей мѣрѣ Атлантическаго, дѣлало ихъ до позднѣйшаго времени неодолимой преградой для сообщенія, и только благодаря широкому усовершенствованію способовъ передвиженія, они могли удовлетворить стремленію человѣка къ международнымъ сношеніямъ. Индійскій океанъ, съ своей односторонней замкнутостью, не служилъ препятствіемъ для сношеній, а два его материка — Австралія и южная Африка никогда не чувствовали потребности завязать между собой сношенія; для странъ, лежащихъ на сѣверѣ, представлялось болѣе удобнымъ или совсѣмъ его обойти, или пройти вдоль береговъ отъ полуострова до полуострова. Такимъ образомъ, Индійскій океанъ представляетъ цѣлую систему историческихъ движеній, чѣмъ рѣзко отличается отъ другихъ морей.

Насколько линіи этой системы относятся къ океану, онѣ, какъ хорды, отрѣзаютъ отъ параллелей цѣлый рядъ сегментовъ, периферическія точки пересѣченія которыхъ совпадаютъ съ главными историческими центрами излученія. Цѣлый пучекъ лучей исходитъ изъ восточной Африки — одна изъ линій идетъ въ Аравію и къ Красному морю, другая — къ Индіи, третья — вкось черезъ экваторъ отъ Мадагаскара къ Зондскому архипелагу, четвертая линія соединяетъ Цейлонъ съ Индонезіей, пятая — Зондскій архипелагъ съ Австраліей. Однако же, важнѣе всѣхъ этихъ линій та большая артерія, которая прорѣзаетъ океанъ почти параллельно экватору между Краснымъ моремъ и Зондскимъ, и, такимъ образомъ, пересѣкаетъ всѣ остальныя линіи. На ней сильнѣе всего бьется пульсъ исторической жизни Индійскаго океана; она служитъ путемъ не только внутреннихъ океаническихъ сношеній въ древности, но и новѣйшаго всемірнаго движенія народнаго потока.

Линіи историческаго движенія, пересѣкающія земли, омываемыя Индійскимъ океаномъ, представляютъ также сравнительно простую систему,

но далеко не такую, какъ океаническія. Главныя оси ихъ идутъ по касательнымъ, какъ во всей восточной Африкѣ, Аравіи и Архипелагѣ, гдѣ, напримѣръ, всѣ народныя движенія шли вдоль береговъ, только на обоихъ полуостровахъ Индіи и Индо-Китая онѣ проходили по радіусамъ; между ними проходитъ множество второстепенныхъ осей въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, что и слѣдуетъ ожидать при томъ разнообразномъ строеніи, какое представляютъ берега Индійскаго океана.

Для направленія по касательнымъ оба глубокихъ залива — Красное море и Персидскій заливъ — не представляютъ препятствій, какія можно бы ожидать: оба, располагая узкими и удобными выходами, облегчали переходъ не только отдѣльнымъ народамъ, но и цѣлымъ расамъ; кромѣ того, благодаря удобному вертикальному расчлененію, ихъ легко обойти съ сѣвера. На югѣ неудобному горизонтальному расчлененію соотвѣтствуетъ такое же неудобное вертикальное строеніе береговъ; Африка въ этомъ отношеніи не уступаетъ Австраліи: обѣ страны представляютъ собой массы безъ естественныхъ путей во внутрь; сѣверъ, за исключеніемъ Аравіи, находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: хотя громадный Деканскій полуостровъ не доступенъ съ моря, зато основаніе его, прилегающее къ нему на сѣверѣ, — собственно Индія, имѣетъ въ Гангѣ и Индѣ съ ихъ рѣчными системами лучшія въ мірѣ дороги для международныхъ сношеній съ запада и востока. Если бы этимъ областямъ выпало на долю счастье имѣть въ лицѣ своихъ обитателей энергичный и способный къ мореплаванію народъ, ничто не помѣшало бы Индіи сдѣлаться неограниченной властительницей культурнаго міра Индійскаго и Тихаго океановъ. Здѣсь мы подходимъ къ выдающемуся моменту въ исторіи Индійскаго океана вообще: условія для историческаго величія на лицо, но народы только временно и не вездѣ воспользовались ими; — отсюда такая бѣдность историческаго элемента въ Индійскомъ океанѣ, сравнительно съ занесеннымъ извнѣ, культурнымъ достояніемъ и въ этомъ отношеніи въ теченіе тысячелѣтій условія все ухудшаются. Въ то время, какъ другіе два океана изъ ничтожества выросли въ настоящихъ исполиновъ въ историческомъ значеніи, онъ едва могъ съ честью поддержать прежнюю роль; въ то время, какъ бѣлая раса, эта историческая закваска человѣчества, повсюду подчинила себѣ природу и людей, или способствовала ихъ энергичному взаимодѣйствію, въ Индійскомъ океанѣ ея вторженіе увѣнчалось только слабымъ успѣхомъ: народы здѣсь были слишкомъ неподвижны и косны.

2. Первые проблески исторіи.

Зачатки исторіи Индійскаго океана окутаны тѣмъ же непроницаемымъ мракомъ, какъ и первые вѣка существованія другихъ мѣстъ на земной поверхности, важныхъ въ историческомъ отношеніи. То обстоятельство, что въ омываемыхъ имъ странахъ многіе изслѣдователи полагали родину первобытныхъ расъ, даже колыбель человѣчества, манило погрузиться въ глубины исторіи, переходящія за обыкновенныя границы, гдѣ историческая почва тотчасъ теряется. Проявленіе жизни океана выражается впервые въ ясныхъ чертахъ, когда темнокожее населеніе южныхъ прибрежій Азіи подъ какимъ-то давленіемъ изъ внутренней Азіи, устремилось къ морю. Если этотъ вытѣсненный народъ раньше уже не жилъ на Цейлонѣ, то дальше этого легко достижимаго острова онъ не двинулся на югъ, такъ какъ пускаться вдаль по безостровному океану онъ не могъ; наоборотъ — на юго-востокѣ и юго-западѣ онъ могъ безпрепятственно распространиться безгранично далеко, потому что ни путь въ юго-западную часть Стараго Свѣта, ни мостъ изъ острововъ къ Тихому океану не могли служить преградой даже для неопытныхъ мореходовъ. И, дѣйствительно, темнокожая раса прошла обоими этими путями при отступленіи своемъ

передъ сѣверно-азіатскомъ потокомъ; незначительные слѣды ея пребыванія находятся еще теперь на Цейлонѣ и въ южной Индіи; далѣе слѣды ея встрѣчаются на Малаккѣ и менѣе достовѣрные въ Аравіи; значительно яснѣе они обнаруживаются въ Зондскомъ Архипелагѣ до Филиппинъ и Меланезіи и еще далѣе на востокѣ; больше всего мы находимъ ее въ Африкѣ, гдѣ она составляетъ главнѣйшую часть населенія.

Эти морскія переселенія темнокожихъ народовъ едва ли послужили къ развитію у нихъ мореплаванія: переходъ на Цейлонъ совершился самъсобой; путь на востокъ, весь усѣянный островами, не требовалъ особаго искусства, а пересѣкли ли эти первобытные предки нынѣшнихъ негровъ океанъ по Персидскому заливу и Красному морю или совсѣмъ обошли его—кто можетъ это рѣшить?

Если даже путь въ новую родину совершенъ неграми моремъ, то эти нѣсколько миль морского перехода черезъ узкіе проливы такъ же мало могли сдѣлать изъ нихъ моряковъ, какъ прежнее пребываніе на прибрежьяхъ южной Азіи мало влекло ихъ въ открытое море. И въ новой далекой родинѣ негръ остался чуждъ морю. Что было причиной тому? Безграничность ли африканскихъ пространствъ, гдѣ онъ затерялся, или негрская раса вообще лишена способности къ мореплаванію? Скорѣе послѣднее, такъ какъ нигдѣ и ни въ какія эпохи она не проявила въ этой области ничего выдающагося. Въ Африкѣ негры ограничились занятіемъ Мадагаскара и близъ лежащихъ острововъ; въ Индонезіи и Меланезіи даже смѣшеніе съ малайцами не повело ихъ дальше плаванія вдоль береговъ. Съ ними мы мало будемъ имѣть дѣла: въ области Индійскаго океана они такъ же пассивны, какъ и на Атлантическомъ, гдѣ мы встрѣтимся съ ними позднѣе (см. т. VIII). Тѣмъ не менѣе для исторіи поселенія ихъ не лишены важности, хотя негры имѣютъ мало склонности къ проявленію внѣшней дѣятельности — негръ стремится къ берегамъ и, когда достигнетъ ихъ—успокаивается. Несмотря на незначительное историческое значеніе черной расы, распространеніе ея по прибрежьямъ Индійскаго океана есть событіе великой важности: оно создало предварительныя условія для того сложнаго смѣшенія и проникновенія, результатъ котораго мы видимъ въ нынѣшнемъ разнообразно окрашенномъ населеніи Индонезіи и Океаніи. Но темнокожіе народы никогда не были достаточно сильны, чтобы оказать сколько-нибудь замѣтное сопротивленіе слѣдующей волнѣ народнаго движенія; къ тому же архипелагъ не представляетъ береговъ, о которые могла бы разбиться народная волна; онъ похожъ скорѣе на сильно разорванный рифъ, черезъ который морской приливъ проникаетъ, не встрѣчая особаго сопротивленія и тамъ же оставляетъ часть принесенныхъ съ собой элементовъ. Такъ и малайская волна, вытѣсненная съ юго-востока Азіи на океанъ, не прошла безслѣдно для встрѣченной ею негроидной расы и въ свою очередь перенесла на востокъ во всю ширь Тихаго океана слѣды своего столкновенія съ нею. Результаты этого столкновенія разнообразны, смотря по мѣсту и продолжительности взаимнаго вліянія. Меланезійцы и полинезійцы представляютъ собой два конца цѣпи: первые — результатъ тѣснаго сліянія обѣихъ расъ, вторые имѣютъ самый слабый негроидный отпечатокъ. Промежуточныя ступени многочисленны и разнообразны: микронезійцы, альфуры, негритосы представляютъ только рѣзко очерченныя группы въ этой смѣси; отчасти сюда же относятся и австралійцы, потому что рядомъ съ полинезійскимъ вліяніемъ нельзя отрицать и меланезійскаго.

Выработку всѣхъ этихъ народныхъ типовъ подѣлили между собой, въ зависимости отъ условій, Индійскій и Тихій океаны. Принимая обычное дѣленіе малайской расы на восточную и западную вѣтвь, можно сказать, что она не вышла за предѣлы обоихъ океановъ, но въ то время, какъ, восточная вѣтвь, занявъ безграничную область Тихаго океана, считала

свою историческую задачу исчерпанной и, несмотря на выдающіяся способности къ мореплаванію, едва коснулась всемірно-историческаго движенія, западные малайцы, природные и опытные моряки, утвердившись на родной почвѣ въ Индонезіи, не только распространились до Цейлона и Мадагаскара, но и во всѣхъ мѣстахъ разселенія сыграли болѣе важную роль, чѣмъ ихъ восточные соплеменники и, пожалуй, всѣ остальные жители въ области Индійскаго океана.

Только на полуостровѣ Малаккѣ они — истые дѣти океана, и если имъ не удалось сдѣлаться его безграничными властителями, то причины лежатъ не въ характерѣ ихъ или недостаткѣ дарованія, а въ раздѣленіи ихъ на мелкія владѣнія и въ положеніи Малайскаго архипелага въ точкѣ столкновенія двухъ могучихъ культуръ — китайской и индійской. Китайское вліяніе ограничилось только политической и торговой областями, за то индійское въ свое время было всеобъемлющимъ. Оно завладѣло съ необычной силой всей духовной и культурной жизнью западнаго архипелага, и хотя ему не удалось всецѣло подчинить подвижныхъ отъ природы малайцевъ игу религіознаго міровоззрѣнія, и приковать ихъ къ мѣсту, какъ индусовъ, тѣмъ не менѣе, подъ сильнымъ вліяніемъ индійской созерцательности, энергія островитянъ пострадала болѣе, чѣмъ это предполагаютъ.

Опредѣлить начало переселенія негроидныхъ и малайскихъ народовъ, а вмѣстѣ съ нимъ начало исторической роли Индійскаго океана — невозможно, да и не важно. Гораздо важнѣе вопросъ о причинахъ этого переселенія; первый толчокъ обоимъ данъ былъ движеніемъ среднеазіатскихъ народовъ къ югу. Весьма вѣроятно, что монгольскія племена, эти всегдашніе нарушители мира въ Азіи, двинулись первыми; для Индокитая это даже достовѣрно, потому что въ теперешнихъ индокитайцахъ съ ихъ безчисленными подраздѣленіями мы находимъ сильно смѣшанныхъ потомковъ того народнаго потока, который, занявъ юго-востокъ Азіи, вызвалъ отступленіе малайцевъ на близъ лежащій океанъ; новые пришельцы послѣдовали за ними къ океану, чтобы властвовать на немъ, но, подобно другимъ народамъ своего племени, не сыграли роли въ исторіи ни Тихаго, ни Индійскаго океана; даже съ мѣстной примѣсью малайской крови индокитаецъ не поднялся выше ступени морского разбойника.

О древнемъ періодѣ исторіи сѣверо-западной части океана еще труднѣе получить сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія. Если даже считать достовѣрнымъ переселеніе негровъ въ Африку изъ сѣверныхъ областей Индійскаго океана, а причиной его толчокъ съ сѣвера, то все-таки остается неизвѣстнымъ, когда и кѣмъ данъ этотъ толчокъ. Достовѣрно одно, что протекло много, много вѣковъ послѣ того, какъ послѣдняя негрская волна пересѣкла Красное море съ сѣверо-востока на юго-западъ, потому что по этому же пути прошла вся масса хамитскаго племени, послѣдняя отрасль котораго — древніе египтяне уже за тысячелѣтія до нашей эры были высоко-культурнымъ народомъ. Такимъ образомъ, скромная роль Индійскаго океана въ этомъ отдѣлѣ всемірной исторіи скрыта такъ глубоко, что составить о ней какое-либо сужденіе пока невозможно: она уходитъ въ глубь доисторическихъ временъ. Протекло много вѣковъ, прежде чѣмъ тѣ же хамиты, завершившіе странствованіе съ В. на З., снова возобновили его, но въ обратномъ направленіи.

3. Историческая эпоха до появленія Ислама.

Историческій обликъ океановъ такъ же различенъ, какъ и ихъ морфологическое строеніе. Основной чертой въ исторіи Тихаго океана являются антропологически-этнографическія явленія: его историческая задача всегда

состояла въ смѣшеніи расъ, для выработки новыхъ типовъ, а не въ развитіи и поддержаніи торговыхъ и политическихъ сношеній; они отступаютъ на задній планъ и въ Атлантическомъ океанѣ. Что касается сношеній между Старымъ и Новымъ свѣтомъ, Америка долгое время была только новымъ убѣжищемъ для народовъ Европы и Африки: волна за волной выливались они—одни добровольно, другіе,—по принужденію, для заполненія громадныхъ пустыхъ пространствъ и для собственнаго облегченія. И теперь еще Америка играетъ ту же роль, хотя ея политическое и торговое значеніе при безпримѣрно быстромъ ростѣ достигли въ теченіе немногихъ вѣковъ колоссальныхъ размѣровъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ Индійскомъ океанѣ: и онъ посылалъ могучую волну народовъ на востокъ и западъ, но тѣ, которые пошли на западъ, остались чужды ему и удалились отъ него, а тѣ, которые пошли на востокъ, уклонились отъ его вліянія, хотя и онъ былъ создателемъ новыхъ типовъ; но въ архипелагѣ и въ Австраліи онъ долженъ былъ раздѣлить эту задачу со своимъ великимъ сосѣдомъ, а тамъ, на берегахъ восточной Африки и Мадагаскара, результаты ея не соотвѣтствовали ни величинѣ, ни значенію океана. Политическая дѣятельность его также никогда не была обширна.

Въ Малайскомъ Архипелагѣ, на Мадагаскарѣ, и на прибрежьяхъ восточной и южной Аравіи, гдѣ живутъ многочисленныя племена, не существовало сильныхъ государствъ, а гдѣ таковыя были, какъ во всей южной Азіи отъ Евфрата до Брамапутры, тамъ не замѣчалось ни способностей, ни стремленія къ мореплаванію. Такимъ образомъ дѣятельной и живой силой Индійскаго океана является только торговля; дѣятельность его на этомъ поприщѣ и есть основная черта его исторической жизни; хотя въ теченіе тысячелѣтій она мѣнялась во многихъ подробностяхъ, общій характеръ ея оставался тотъ же. Во всѣ историческія эпохи, какіе бы народы ни пускались на воды Индійскаго океана, ими руководили прежде всего торгово-политическія цѣли. Поэтому историческая роль Индійскаго океана должна разсматриваться съ точки зрѣнія исторіи торговли. Подобная точка зрѣнія кажется ограниченной; въ дѣйствительности же съ нею открываются такіе обширные горизонты и представляется такая картина появленія и исчезновенія народовъ, какихъ не найдешь на обширныхъ страницахъ исторіи двухъ другихъ океановъ. Для Индійскаго океана исторія торговли сливается съ исторіей цивилизаціи.

Нельзя уяснить себѣ историческое значеніе Индійскаго океана, не вспомнивъ о важной роли, которую призваны были играть въ рамкахъ его исторіи Красное море и Персидскій заливъ. Оба этихъ сѣверо-западныхъ рукава океана были естественнымъ проходомъ съ запада на востокъ и естественнымъ звеномъ между странами запада и востока. Красное море, непосредственно прилегающее къ Средиземному морю, облегчало и поддерживало эту связь въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ доступъ въ Месопотамскую низменность съ юга, значеніе котораго было бы намъ яснѣе, если бы мы имѣли точныя свѣдѣнія о торговлѣ эламитовъ (томъ III). Оно не только дазно сдѣлалось ареной торговли, но и посредникомъ для международныхъ сношеній въ тѣ времена, когда Тихій и Антлантическій океаны были только мертвыми водными пустынями. Если и былъ въ исторіи человѣчества такой періодъ, когда Красное море покоилось сномъ тихой морской бухты, то возстановленіе его связи съ Средиземнымъ моремъ въ 1859—69 гг. сразу вернуло ему его прежнюю роль; фактъ краснорѣчиво свидѣтельствующій о его исторической важности. Въ настоящее время оно не служитъ исключительнымъ носителемъ міровой торговли, но и теперь еще сношенія культурнаго запада съ открытымъ на большое протяженіе востокомъ совершаются почти исключительно по его оживленнымъ водамъ.

A. До появленія китайцевъ.

a) Древніе египтяне.

Торговыя сношенія въ сѣверо-западной части Индійскаго океана начинаются уже въ глубокой древности. Египтяне, склонные къ замкнутости, не содержали постояннаго флота, но пытались не разъ завязать прямыя сношенія съ южной Аравіей и полуостровомъ Сомали, откуда получали дорогія пряности, потреблявшіяся въ большомъ количествѣ. Послѣдній король 11-й династіи Сеанхкара поручилъ Хену снаряженіе экспедиціи изъ Копта въ „Пунтъ" (срв. томъ III); та же задача предстояла флоту царицы Гатчепсутъ (1490 до Р. Х.), во время плаванія на югъ. Можно предположить, что египтяне были первыми достовѣрными мореплавателями на Красномъ морѣ и въ прилегающихъ къ нему частяхъ Индійскаго океана. Ихъ отдѣльныя попытки и даже флотъ при Рамзесѣ III (1200—1168 гг., срв. томъ III) не могли служить указаніемъ для ихъ преемниковъ — карѳагенянъ, но они заслуживаютъ вниманія, какъ доказательство склонности къ мореплаванію у народа въ общемъ континентальнаго.

b) Индія.

Магнитомъ, издавна притягивавшимъ къ себѣ съ временно только ослабѣвавшей силой все, что вступало на просторъ океана, была Индія.

Индія и Индійскій океанъ—это два нераздѣльныя понятія; доказательство — самое имя; тѣмъ не менѣе связь ихъ имѣетъ лишь ограниченное значеніе. По географическому положенію своему, полуостровъ Индостанъ болѣе всѣхъ другихъ прибрежій Индійскаго океана призванъ владычествовать надъ прилегающими морями; тѣмъ не менѣе, онъ ни разу въ теченіе всей своей исторіи не достигъ первенствующаго положенія, по крайней мѣрѣ, по собственному побужденію. Причины такого историческаго бездѣйствія не лежатъ, ни въ размѣрахъ полуострова, мѣшавшихъ густому населенію свободно развернуть свои дремлющія силы, ни въ малой изрѣзанности береговой линіи; — виною всему исключительно одни этнографическія условія Индіи.

Арійцы, спустившіеся съ высокихъ плоскогорій Ирана въ жаркія равнины Индіи, столкнулись съ иной природой и пали жертвами ея. Приспособившись съ теченіемъ времени къ новымъ условіямъ, они заплатили естественную дань тропическому климату; испытавъ внутреннее перерожденіе съ преобладающимъ религіознымъ направленіемъ, они ни разу не почувствовали потребности проявить во внѣшней дѣятельности свои умственныя дарованія и силы своей подавляющей массы. Если въ ведическихъ гимнахъ и законахъ Ману и упоминается о плаваніяхъ арійцевъ на западъ къ острову Діоскоридъ (Сокотрѣ) и объ употребленіи камфары при дворахъ индійскихъ принцевъ времени Будды, что служитъ указаніемъ на торговлю съ Китаемъ — это еще ничего не доказываетъ; постоянныхъ морскихъ сношеній у индійскихъ арійцевъ не существовало. Индія никогда не стремилась въ окружающій ее міръ, наоборотъ, она сама сдѣлалась цѣлью его стремленій съ суши и съ моря. Ея отношенія къ морю односторонні; безчисленные лучи, идущіе отъ нея по всѣмъ направленіямъ, исходятъ не отъ нея — они стремятся къ ней извнѣ съ востока, запада и юга; изъ своихъ безчисленныхъ сокровищъ она удѣлила міру наибольшее количество, сравнительно съ другими странами земли, но за ними нужно было прійти къ ней.

c) Финикіяне, евреи и Нехо II египетскій.

Первыя прямыя попытки морскихъ сношеній запада съ Индіей были сдѣланы финикіянами. Если даже считать сомнительными указанія Геро-

дота и Страбона на ихъ первыя поселенія у Персидскаго залива и на торговые пункты въ Тилосѣ и Арадосѣ, все-таки ихъ торговыя поѣздки въ сѣв.-западной части Индійскаго океана начались уже за 2000 лѣтъ до Р. Х., такъ какъ въ царствованіе Соломона и Хирама путь въ Офиръ изъ Эціонгбера и Элаѳа былъ не только хорошо извѣстенъ, но и установлено было правильное сообщеніе между этими пунктами. Легкость, съ которой финикіяне достигли монополіи на Средиземномъ морѣ, должна была побудить ихъ стать твердой ногой и на другихъ доступныхъ имъ моряхъ, тѣмъ болѣе, что это новое поле дѣятельности съ его чуждыми и потому особенно желательными для тогдашняго культурнаго міра сокровищами, обѣщало имъ такія выгоды, какихъ не могло дать давно знакомое Средиземное море. Правда, попытки ихъ пріобрѣсти господствующее положеніе на Эритрейскомъ морѣ не увѣнчались успѣхомъ. Отдѣленные отъ Краснаго моря и Персидскаго залива узкой полосой земли, они были связаны договорами съ мѣстными жителями и, если при этомъ въ нихъ была включена и доля участія правителей, какъ было при Соломонѣ и его преемникахъ, имъ приходилось волей-неволей мириться съ этимъ; но послѣднему условію они могли подчиниться спокойно, такъ какъ превосходство ихъ на морѣ всегда обезпечивало за ними успѣхъ. Съ исторической точки зрѣнія интереснѣе попытки евреевъ проникнуть къ Индійскому океану; хотя въ ту раннюю эпоху и до Вавилонскаго плѣненія они не были еще торговымъ народомъ и едва окрѣпли политически, тѣмъ не менѣе при дальновидномъ царѣ Давидѣ они сознательно утвердились въ сѣверной части Краснаго моря (Эдомъ, ср. томъ III). Успѣхи ихъ при Соломонѣ, благодаря союзу его съ царемъ Тира Хирамомъ, являются естественнымъ послѣдствіемъ политики Давида. Какую цѣну евреи придавали доступу къ Индійскому океану, лучше всего доказываютъ энергичныя попытки цѣлаго ряда и позднѣйшихъ властителей удержать его за собой. Всякій разъ, что царство Іудейское было отрѣзано отъ моря, первой заботой его царей было возстановить много разъ уже разрушенный Элаѳъ, покорить идумейцевъ и овладѣть бухтой Акабы. Побѣжденные и униженные египетскимъ царемъ Шешонкомъ I, въ царствованіе Ровоама, іудеи снова распространили свои владѣнія при Іосафатѣ (съ 860 г.); онъ возстановляетъ Элаѳъ и снаряжаетъ новый флотъ; при Іорамѣ идумейцы возвращаютъ себѣ независимость, но Уссія (Азарія) въ 1-ой половинѣ VIII стол. въ третій разъ покоряетъ ихъ и снова въ третій разъ возстановляетъ Элаѳъ. При Ахазѣ (ок. 730 г.) меркнетъ навсегда звѣзда евреевъ на Индійскомъ океанѣ, и идумейцы водворяются надолго на родной землѣ.

Неудачей на Индійскомъ океанѣ завершается важный отдѣлъ въ исторіи, какъ еврейства, такъ и Индійскаго океана. Въ культурной и политической исторіи евреевъ этимъ заканчивается первая и единственная эпоха ихъ сознательныхъ и добровольныхъ попытокъ придвинуться къ океану; отступленіе ихъ внутрь материка лишаетъ ихъ навсегда возможности завоевать себѣ во всемірной исторіи роль самостоятельной политической единицы. Для исторіи Индійскаго океана это вынужденное удаленіе еврейскаго народа означаетъ конецъ періода, въ которомъ въ первый разъ нація, лишенная способностей къ мореплаванію, сознаетъ и цѣнитъ свое всемірно-историческое значеніе. И это тѣмъ болѣе знаменательно, что еврейская нація могла пробиться къ морю только при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и, чтобы удержаться на немъ, обнаружила такую силу, которая пріятно выдѣляется наряду съ исторической косностью другихъ народовъ.

Финикіянъ въ этомъ отношеніи нельзя поставить наряду съ евреями: народу этому, преслѣдовавшему однѣ торговыя цѣли, безъ стремленія къ политической власти, не представлялось препятствій, для проникновенія въ новыя области. Никогда не дѣйствуя силой, они мастерски умѣли

достигать цѣли помощью самихъ противниковъ или соперниковъ; какъ они раньше пользовались евреями, пока тѣ владѣли заливомъ Акабой, такъ они ни на минуту не задумались перенести на египтянъ, хотя и не совсѣмъ охотно, (срв. томъ III) свои торговыя и политическія симпатіи; выдающимся результатомъ этого союза является знаменитое плаваніе вокругъ Африки при Нехо II 608 до Р. Х. — яркое доказательство неустрашимости и мореходныхъ способностей финикіянъ; послѣдствіемъ его былъ кромѣ того военный флотъ, который египетскій царь подъ вліяніемъ финикіянъ, содержалъ въ Средиземномъ и Аравійскомъ моряхъ.

d) Внутренняя торговля на Индійскомъ океанѣ 600—30-го г. до Р. Х.

Торговля на Индійскомъ океанѣ никогда не выходила за предѣлы внутренней, хотя въ послѣдніе 6 вѣковъ до начала нашей эры не прекращалась ни въ Красномъ морѣ, ни въ Персидскомъ заливѣ, ни въ прилегающихъ къ нимъ частяхъ Индійскаго океана. Въ рукахъ самыхъ разнообразныхъ народовъ она всегда оставалась торговлей мелкой, между промежуточными пунктами. Она не измѣнилась даже и тогда, когда Дарій, сынъ Гистаспа, закончилъ постройку канала отъ дельты Нила къ Красному морю, начатую Нехо II и вновь возстановленную Птоломеемъ Филадельфомъ (284—247); Навуходоносоръ II (т. III, стр. 88) основалъ съ торговыми цѣлями Тередонъ (см. карту при стр. 569) при устьѣ Евфрата и улучшилъ фарватеръ Тигра и Евфрата устройствомъ безчисленныхъ обходовъ, но и это не помогло, такъ какъ все, пущенное имъ въ ходъ, затормозили цари изъ династіи Ахеменидовъ. Когда вся передняя Азія вплоть до Нила попала во власть всемірныхъ монархій, смѣнявшихъ одна другую, финикіяне исчезли изъ Индійскаго океана; южно-аравійскія государства (какъ Гадрамаутъ и др.), съ своими ничтожными мореходными средствами, не могли возмѣстить этой потери для торговли, несмотря на всѣ усилія.

Индійскій походъ Александра Великаго, (стр. 398), при всей своей исторической важности, не принесъ морской торговлѣ тѣхъ плодовъ, о которыхъ мечталъ завоеватель; даже египетская Александрія только по прошествіи столѣтій стала тѣмъ, чѣмъ должна была уже быть при основаніи, т. е. центромъ средиземно-индійской торговли и складочнымъ мѣстомъ всей торговли тогдашняго міра (срв. томъ III). Короткій морской походъ самого Александра въ устьѣ Инда, символъ побѣды надъ океаномъ, знаменитая экспедиція Неарха отъ Инда къ устьямъ Тигра и Евфрата, попытки Александра возстановить забытый путь изъ Персидскаго залива вокругъ Аравіи, его планъ обогнуть Африку, наконецъ исправленіе рѣчного фарватера до Вавилона, и основаніе имъ при устьѣ Тигра гавани Харакла, — все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи, которое Александръ придавалъ Индійскому океану, и о роли, отведенной ему въ его планахъ на будущее: ранняя смерть Александра положила всему конецъ.

Тѣмъ не менѣе широко задуманная дѣятельность Македонскаго царя не сразу утратила свою неотразимую силу; благодаря вліянію ея, Индія и Индійскій океанъ изъ полумрака восточной замкнутости вошли въ кругъ лучезарной Эллинской культуры. Хотя Вавилонъ, съ перенесеніемъ резиденціи Селевкидовъ въ Антіохію (срв. томы III и IV) быстро палъ, подъ вліяніемъ конкурренціи вновь основанной Селевкіи (Ктезифонъ), не сдѣлавшись ни политическимъ, ни умственнымъ, ни торговымъ центромъ тогдашняго міра, зато Индія, едва извѣстная грекамъ до Александра, послѣ его смерти вступила съ западомъ въ сношенія, не прерывавшіяся въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія. Благодаря дальновидной политикѣ Птоломеевъ, выразившейся въ прорытіи канала къ Пелузійскому рукаву Нила,

въ устройствѣ гаваней на Красномъ морѣ, и обезпеченіи древняго пути къ Копту (срв. томъ III), торговля съ Индіей вышла изъ прежней стадіи мелкой и каботажной и сдѣлалась непосредственной, представляя въ своихъ еще скромныхъ размѣрахъ переходъ къ международной торговлѣ въ широкихъ размѣрахъ.

e) Начало международныхъ сношеній въ эпоху Римской Имперіи.

Съ объявленіемъ Египта римской провинціей въ 30 г. до Р. Х., (срв. томъ IV) на Индійскомъ океанѣ возникаютъ новыя условія торговыхъ сношеній. Путь къ сокровищамъ Индіи открылся передъ народомъ, матеріальныя потребности котораго выросли до исполинскихъ размѣровъ, несмотря на всю его политическую выдержку. Съ этого момента римляне широко пользуются новооткрытымъ путемъ. Однакожъ и при измѣнившихся условіяхъ, сообщеніе съ востокомъ не вышло бы изъ прежнихъ рамокъ, если бы, благодаря муссонамъ, не бросили прежняго плаванія вдоль береговъ. Открытіе муссоновъ въ половинѣ I столѣтія по Р. Х. приписывается греческому мореплавателю Хиппалу, по имени котораго названъ юго-западный муссонъ. Дѣлая возможнымъ дальнія плаванія, муссоны, кромѣ того, своей правильной смѣной способствовали регулированію плаванія, что представляло огромныя удобства. Съ этихъ поръ посольства изъ Индіи въ Римъ не рѣдкость, и Аравійское море оживилось, какъ никогда. Теперь только Александрія выполнила задачу, возложенную на нее основателемъ; одно только обстоятельство озабочивало сердца римскихъ правителей: эта оживленная торговля не увеличивала народнаго богатства. Уже тогда торговля съ Индіей обнаружила свойственную ей особенность: вывозъ не соотвѣтствовалъ ввозу; Страбонъ и Плиній указывали на это, а при Тиверіи сенатъ серьезно задумывается надъ тѣмъ, какъ задержать отливъ римскаго золота на востокъ.

Б. **Отъ появленія китайцевъ до Магомета.**

Заглянувъ въ самую глубь достовѣрной исторіи человѣчества, видимъ, что Индійскій океанъ не имѣлъ иной цѣли, какъ служить путемъ съ запада въ желанную Индію; соотвѣтственно скромности средствъ, и успѣхи были скромные; они становятся значительными только съ прекращеніемъ плаванія вдоль береговъ: съ этого момента мѣняется картина Индійскаго океана. Индія болѣе не удовлетворяетъ стремленія вдаль; западные мореплаватели проникаютъ до Цейлона и Золотого Херсонеса (Малакки) и, если мы послѣдуемъ за тѣми, которые со 2-й половины I вѣка по Р. Х. плавали въ Каттигару, то встрѣтимся (по мнѣнію Рихтгофена) у Тонкина (южнѣе Ханзи) или у Кантона (по мнѣнію другихъ) съ китайцами, игравшими въ продолженіе долгихъ лѣтъ важную роль на Индійскомъ океанѣ (см. карту при стр. 576). Императоръ Антунъ (М. Аврелій Антонинъ) изъ государства Та-Тсинъ (см. стр. 72 и 142) отправилъ посольство, на Дальній востокъ въ 166 г., и, помимо другихъ римскихъ экспедицій, одна индійская стремилась завязать съ китайцами болѣе тѣсныя сношенія, чѣмъ одинъ только торговый обмѣнъ.

a) Китайцы.

Стремленія китайскаго народа къ морю вкратцѣ указаны мною въ I томѣ. Поскольку они касаются Индійскаго океана, они имѣютъ ту особенность, что китайцы проникаютъ на западъ только до столкновенія съ западными народами; прійти съ ними въ соприкосновеніе они

чувствують потребность, но смѣшенія и взаимнаго проникновенія они избѣгають. Въ продолженіе 14—18 вѣковъ, наполненныхъ движеніями китайцевъ по Индійскому океану, послѣдній былъ свидѣтелемъ зрѣлища, которое не повторилось ни на какомъ другомъ морѣ. Гдѣ бы ни открылась новая область для торговыхъ сношеній, китайское движеніе направляется именно въ ту сторону, но не дальше. Въ полномъ противорѣчіи съ этимъ характеромъ сношеній Китая съ Западомъ, замѣчаются колебанія по всей ширинѣ Индійскаго океана отъ береговъ Малакки на востокѣ и до Персидскаго залива, возможно, что и до Адена на западѣ: какъ только западные народы сокращають кругъ своихъ плаваній, китаецъ, вѣрный своему торговому инстинкту (см. стр. 537), проникаетъ далѣе на западъ, но стоитъ только предпріимчивымъ морякамъ западной Азіи или Европы подвинуться на востокъ, какъ сынъ Серединной Имперіи тотчасъ уступаетъ имъ дорогу. Такъ было въ первые вѣка сношеній Востока съ Западомъ, и то-же явленіе повторилось и въ началѣ новой эры; эти движенія вылились въ настоящій ритмъ; они слѣдують съ правильностью, дающею возможность опредѣлить, сообразно съ ними, отношенія китайцевъ къ Индійскому океану.

По характеру своему, китайцы не были способны пуститься на океанъ по собственному побужденію; но, когда западно-азіатскіе мореплаватели, самое позднее около 250 г. по Р. Х., прекратили поѣздки въ Каттигару, довольствуясь ближайшими конечными пунктами, страхъ прекращенія торговли заставилъ китайцевъ послѣдовать за варварами на западъ. Въ половинѣ IV столѣтія нашей эры мы находимъ ихъ въ Пинангѣ на Малаккѣ, въ концѣ столѣтія они достигають Цейлона, единственной точки, лежащей за предѣлами знакомаго океана, къ которому ихъ влечетъ болѣе глубокій интересъ: они видять въ Цейлонѣ зародышъ и ядро буддизма, имѣвшаго важное значеніе для ихъ собственной культуры (стр. 494). Неудовлетворенные однако же достиженіемъ этой цѣли, они доходять въ половинѣ V-го столѣтія до Персидскаго залива и города Хиры на Евфратѣ; позднѣе мы встрѣчаемъ ихъ, если вѣрить Эдризи, въ Аденѣ и другихъ гаваняхъ Краснаго моря. Поѣздки китайцевъ въ Персію и Месопотамію прекращаются около 700 г.; а съ Цейлона, успѣвшаго за это время сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ товаровъ Востока и Запада, они удалились въ половинѣ VIII-го столѣтія.

b) Народы западной части Индійскаго океана.

Въ тѣ 7 столѣтій, которыя были свидѣтелями сношеній китайцевъ съ западомъ Азіи, произошли перемѣны въ смыслѣ участниковъ этихъ сношеній. Постояннымъ полюсомъ, какъ всегда въ исторіи, являются китайцы; если не считать народа, извѣстнаго позднѣе подъ именемъ Малайцевъ (стр. 531) и конкурировавшаго съ ними на Цейлонѣ, они являются безспорными представителями торговли съ западомъ въ продолженіе всей этой эпохи. Наоборотъ, въ западной области океана въ ту же эпоху совершились важныя перемѣны; греческихъ и римскихъ купцовъ вытѣсняють народы, которые давно уже утвердились на берегахъ Индійскаго океана, но впервые обратились къ мореплаванію. Прежде всего надо упомянуть **индусовъ**, которые въ первый и единственный разъ въ теченіе всей своей исторіи, столь бѣдной внѣшними событіями, вступили на море. Каково бы ни было ихъ участіе въ поѣздкахъ на Малакку и архипелагъ, они не остались равнодушными зрителями расцвѣта западной торговли у порога своихъ владѣній.

Съ тѣхъ поръ, какъ династія Сассанидовъ (227 — 651) твердой рукой стала направлять судьбы основаннаго ею государства, торговлей этой завладѣли персы. Съ дальновидностью государственныхъ людей, властители

ихъ увидѣли, что лучше всего можно было повредить враждебной имъ Восточной Римской Имперіи, перехвативъ ея прямую торговлю съ Дальнимъ Востокомъ. Чуждые по нашимъ понятіямъ морю, тогдашніе Персы тѣмъ не менѣе задумали захватить въ свои руки всю торговлю Востока съ Западомъ. Несмотря на всѣ старанія, это имъ не удалось, только однимъ изъ путей въ Индію съ Запада они завладѣли надолго и вполнѣ, а именно — путемъ черезъ Персидскій заливъ. Ни индусамъ, ни подвижнымъ жителямъ маленькаго, но важнаго для тогдашней торговли, королевства Хиры не представлялось иного пути (т. III, стр. 242 и 296). Вмѣстѣ съ персидскими судами на Цейлонъ плавали индійскія и арабскія, забиравшія привезенные китайскими джонками шелкъ, гвоздику, алоэ и сандалъ и доставлявшія ихъ прямо въ Персидскій заливъ.

Наоборотъ, на второй торговый путь къ западу — Красное море — персидское вліяніе не распространилось ни при Сассанидахъ, ни позднѣе, поэтому въ немъ дольше всего удержались слѣды нѣкогда господствовавшаго здѣсь римскаго вліянія. До IV-го столѣтія процвѣтала знаменитая въ древности Береника Троглодитика; и еще во времена Юстиніана греко-римскіе корабли плавали ежегодно изъ Клисмы и древняго Элаѳа въ Индію. Мудрый императоръ съ самаго начала своего царствованія стремился по экономическимъ причинамъ поставить себя въ полную, какъ политическую, такъ и торговую независимость отъ Персіи (срв. томъ III). На сухомъ пути это отчасти ему удалось послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ и то только въ 557 г., когда онъ, благодаря хитрости монаховъ, завелъ у себя шелководство, доставлявшее главный продуктъ торговли; но всѣ попытки вырвать изъ рукъ персовъ монополію морской торговли въ долинѣ Евфрата остались безуспѣшными. Единственнымъ выходомъ оставалось Красное море; скромные размѣры торговыхъ оборотовъ Клисмы и Элаѳа не могли удовлетворить потребностей пышнаго Византійскаго двора и всего культурнаго міра вокругъ Средиземнаго моря. Болѣе благопріятныя географическія условія Юстиніанъ искалъ и нашелъ въ эѳіопахъ, жителяхъ дружественнаго Аксумитскаго государства, положеніе котораго у входа въ Индійскій океанъ и Красное море какъ бы напрашивалось служить для промежуточной торговли (срв. томъ III).

Но и эта попытка не удалась. Хотя многочисленныя купеческія суда грековъ плавали до Адулиса, а на корабляхъ эѳіоповъ греки доходили до Индіи, и темнокожіе торговцы умѣли достойно поддержать свою роль посредниковъ, тѣмъ не менѣе нанести ударъ персидской монополіи имъ не удалось.

Персы въ теченіе вѣковъ слишкомъ прочно утвердились въ Индійскихъ гаваняхъ, чтобы конкуренція непредпріимчиваго и недостаточно сильнаго народа могла ихъ оттуда вытѣснить. Даже бури, обрушившіяся на Персію въ VII в. при появленіи ислама, не могли поколебать ихъ положенія. Что же касается Индійскаго океана, то персы при каждомъ новомъ натискѣ или столкновеніи какъ будто черпали новыя силы для дальнѣйшаго распространенія.

4. Время отъ Магомета до Васко-де-Гамы.

Какъ біеніе историческаго пульса народовъ замираетъ, когда надъ землей проносится событіе всемірно-историческаго значенія, какъ исторія громадныхъ материковъ не протекаетъ безъ остановокъ и поворотовъ, такъ и исторія океановъ не совершается безъ заминокъ, какъ можно было бы ожидать при ея подвижности и эластичности. Наоборотъ, какъ отъ легкаго перемѣщенія молекулъ гидростатическое давленіе перемѣщается по всѣмъ направленіямъ, какъ волна землетрясенія съ быстротой молніи расходится по всей шири океана, такъ и событія, имѣющія общее

значеніе, захватываютъ въ кругъ своего вліянія всю область океана. Чѣмъ для Атлантическаго океана было путешествіе Колумба, а для Тихаго открытія Магеллана и Бальбоа, тѣмъ для Индійскаго океана является путешествіе Васко-де-Гамы къ Востоку, т. е. событіемъ, съ знаменательнѣйшими послѣдствіями для всей послѣдующей эпохи. Но въ то время, какъ въ исторіи первыхъ двухъ океановъ событія эти были единичными по значенію, — открытіе морского пути въ Индію для Индійскаго океана не является единичнымъ.

Предшественникомъ этого событія былъ исламъ; онъ принадлежитъ всецѣло Индійскому океану. Въ своемъ безпримѣрно-быстромъ и побѣдоносномъ шествіи исламъ донесъ знамя Пророка до Атлантическаго океана, а восточными излученіями своими коснулся и Тихаго океана, но во всей полнотѣ своей жизненной силы онъ развернулся только на берегахъ Индійскаго океана и, что еще важнѣе, только здѣсь охватилъ всю его поверхность.

Нельзя предполагать, что арабы впервые пустились въ море послѣ Геджры; этому противорѣчатъ морскіе переходы племени Геезъ изъ южной Аравіи на плоскогорія Абессиніи, плаванія изъ Хиры и Адена и другіе факты. Но никогда до появленія Магомета у нихъ не замѣчалось и признаковъ стремленія къ заморской политикѣ, которымъ отмѣчена исторія арабовъ во времена халифовъ и позднѣе. Народъ этотъ, почти неизвѣстный раньше, сдѣлавшись, подъ вліяніемъ ислама, всемірнымъ завоевателемъ на сушѣ, вдругъ сознаъ свои силы и на морѣ. Черезъ 4 года послѣ смерти Пророка ново-персидская монархія была разгромлена могучей рукой Омара (срв. томъ III). Казалось, Индійскій океанъ подъ вліяніемъ новыхъ условій и войнъ того времени, снова долженъ былъ впасть въ то забытье, изъ котораго онъ медленно просыпался въ теченіе послѣднихъ столѣтій, такъ какъ одновременно жертвами магометанскаго погрома сдѣлались и Малая Азія и Египетъ. Послѣ этого Индійскій океанъ сдѣлался Арабскимъ моремъ, и отъ Суэца и Массовы на западѣ до дельты Инда на востокѣ при Омейядахъ и Аббасидахъ волны его разбивались о берега царства халифовъ. Такимъ образомъ, вся торговля Востока съ Западомъ,— въ то время „міровая“, — перешла въ руки арабовъ.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Индійскій океанъ началъ играть роль въ достовѣрной исторіи человѣчества, появленіе арабовъ заставляетъ его раздѣлить арену дѣятельности: съ единственной до тѣхъ поръ восточно-западной осью выдвигается въ сѣверной части океана сѣверо-южная или движеніе арабовъ въ Восточную Африку. Именно въ этой области арабы дольше всего боролись противъ державъ новой эпохи и, по странному стеченію обстоятельствъ, здѣсь имъ суждено было выдержать послѣднюю борьбу съ самой юною изъ колоніальныхъ державъ стараго свѣта — съ объединенной Германской имперіей.

A. Востокъ.

Движеніе арабовъ на востокъ во время Халифата должно разсматриваться съ точки зрѣнія взаимныхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ Азіи. Владѣя многими лучшими гаванями на Индійскомъ океанѣ и между прочимъ центрами Остъ-индской торговли, арабы были поставлены въ необходимость сосредоточить свои интересы на морѣ и въ особенности на восточной части океана. На этомъ пути легче всего было осуществить завоеваніе Индіи, и уже въ 637 г. мы находимъ арабскій флотъ у западныхъ ея береговъ, но прежде нужно было отнять господство надъ океаномъ у персовъ, все еще сильныхъ на морѣ и послѣ паденія Сассанидовъ. Арабамъ не удалось ни завоевать Индію съ моря, ни уничтожить персидскую конкуренцію, несмотря на основаніе Басры (636) и

Багдада (754), свидѣтельствующее о дальновидности ихъ политическихъ и торгово-географическихъ взглядовъ. Въ продолженіе двухъ вѣковъ флоты ихъ перерѣзаютъ въ мирномъ общеніи съ персидскими купцами волны Индійскаго океана, и въ первое десятилѣтіе Халифата въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ при Сассанидахъ, — то есть не далѣе Цейлона, а плаванія китайцевъ въ то время все еще оканчиваются Персидскимъ заливомъ. Только съ 700 года персы и арабы пускаются черезъ Бенгальскій заливъ до береговъ Китая, благодаря усовершенствованію кораблестроенія и, вѣроятно, знакомству съ компасомъ (стр. 102). Въ соотвѣтствіи съ этимъ движеніемъ ихъ впередъ, вѣрные своему обычаю не идти дальше, чѣмъ было необходимо для поддержанія торговыхъ сношеній, китайцы ограничиваютъ постепенно свои плаванія Цейлономъ и въ половинѣ VIII столѣтія покидаютъ и этотъ островъ и на цѣлыя 500 лѣтъ исчезаютъ изъ области Индійскаго океана.

Ни персамъ, ни арабамъ не было суждено перешагнуть за предѣлы Индійскаго океана къ могущественному восточному сосѣду. Послѣ истребленія въ 878 году въ Гань-фу 120,000 магометанъ, евреевъ, несторіанъ и персовъ, плаваніямъ къ сѣверо-востоку черезъ Малакку былъ навсегда положенъ конецъ. Этимъ заканчивается періодъ оживленнѣйшаго движенія, не имѣвшаго себѣ подобнаго, до наступленія новой эры ни на одномъ изъ большихъ морей, за исключеніемъ Средиземнаго. Его размѣры лучше всего опредѣляются названіемъ — „Китайское море", — которое арабскій писатель той эпохи даетъ Персидскому заливу — исходной точкѣ и конечному пункту всей тогдашней торговли съ востокомъ. Этотъ очагъ культуры на востокѣ представляется единственнымъ, и, если мы сопоставимъ съ нимъ мракъ, царившій во времена Каролинговъ надъ полуязыческой Европой, то становятся понятными слова Пешеля, который говоритъ, что очаги всей матеріальной и духовной культуры того столѣтія лежали къ югу отъ 40^0 широты и восточнѣе всѣхъ меридіановъ Средиземнаго моря.

Съ удаленіемъ китайцевъ, Индійскій океанъ не опустѣлъ, потому что хотя арабы и персы и въ послѣдующую эпоху не проникли въ Тихій океанъ, они все же завязали торговлю съ китайцами, въ гавани Каллахъ на Малаккскомъ проливѣ, пока китайцы не возобновили прежнихъ сношеній съ Цейлономъ и гаванями Малабара. Это вторичное движеніе китайцевъ есть и послѣднее изъ ихъ ритмическихъ движеній на водахъ Индійскаго океана (см. стр. 586). Оно начинается во 2-ой половинѣ XIII вѣка, когда при Кублай-ханѣ (стр. 87) сильно оживилось мореплаваніе: цѣлыя флотиліи громадныхъ джонокъ, какъ и въ началѣ II ст. поплыли къ Западу. Кромѣ прежней цѣли Цейлона, конечными пунктами стали быстро расцвѣтавшія гавани — Каликутъ и Ормуздъ. Преслѣдуя главнымъ образомъ торговыя цѣли, китайцы занялись и предпріятіями иного рода, чуждыми имъ раньше на водахъ Индійскаго океана: они стали сооружать научныя экспедиціи, проникали до Мадагаскара, а въ половинѣ XV ст. властители Минской династіи подчинили себѣ Цейлонъ; это было зенитомъ дѣятельности китайцевъ на Индійскомъ океанѣ, и уже въ серединѣ XV в. китайцы исчезаютъ изъ Индійскаго океана, и на этотъ разъ навсегда.

Нѣсколько разъ возобновляемыя въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія попытки китайцевъ поддержать постоянныя сношенія съ западомъ оказались такъ бѣдны результатами не потому, что были односторонними торговыми сношеніями — напротивъ: взаимный обмѣнъ матеріальной и духовной культуры былъ очень плодотворенъ, но скорѣе потому, что различие между расами въ психологическомъ и физическомъ отношеніяхъ было слишкомъ велико и исключало для обѣихъ культуръ возможность настоящаго взаимнаго проникновенія и взаимодѣйствія.

Въ продолженіе всей этой эпохи Новая Голландія оставалась той же нѣмой и мертвой страной, какъ и въ доисторическую эпоху. Даже въ той единственной части ея гдѣ ей представлялась возможность завязать торговлю съ прилегающимъ Зондскимъ архипелагомъ, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, она осталась чужда океану.

Зато малайцы, не имѣющіе себѣ равныхъ во всемъ восточномъ полушаріи, по склонности и способности къ мореплаванію, начинаютъ выступать изъ мрака. Ихъ раннія поѣздки въ ту эпоху, когда китайцы впервые проникли на западъ черезъ Малаккскій проливъ, были не первыми въ исторіи этого народа, но о нихъ не существуетъ точныхъ свѣдѣній. Наоборотъ, можно ясно прослѣдить, какъ Зондскій архипелагъ, въ особенности Ява, вступили въ сношенія съ Индіей, и буддизмъ и брахманство проникли туда; но какъ бы ни было важно по своимъ послѣдствіямъ введеніе обѣихъ религій для духовнаго развитія этой части Индонезіи, оно не могло—въ силу характера этихъ ученій,—побудить малайцевъ обратиться къ тѣмъ задачамъ, къ которымъ они были призваны, благодаря своимъ морскимъ талантамъ. Только съ того дня, какъ малайцы, сознавая узость своей политической и экономической основы, вступили обратно на покинутый материкъ, они получили силу и возможность управлять судьбами своихъ родныхъ морей. Основаніемъ Сингапура царями Менапгкабау въ 1160 году положено начало ихъ могуществу, которое распространилось въ слѣдующіе вѣка на большую часть Индонезіи; оно достигло апогея въ Малаккѣ, основанной въ 1252 г. и бывшей нѣсколько вѣковъ посредницей всей торговли востока съ западомъ.

Неблагопріятныя условія помѣшали малайцамъ развернуть свои способности въ широкихъ размѣрахъ; они пропустили удобную минуту. Едва успѣли они созрѣть политически для широкой морской дѣятельности, какъ надвинулось событіе, перевернувшее всѣ прежнія условія въ Индійскомъ океанѣ: европейцы получили доступъ къ нему съ запада и съ востока; Малайцы не были вытѣснены изъ восточной части океана, какъ персы и арабы—для этого они были слишкомъ тѣсно съ нимъ связаны—но вторженіе новыхъ бѣлыхъ повелителей низвело ихъ мореплаваніе на низкую степень морского разбоя, который и раньше пользовался почетомъ у малайцевъ, а теперь сталъ ихъ единственнымъ занятіемъ. Этотъ вынужденный шагъ лишилъ малайцевъ права на историческую роль въ высшемъ значеніи этого слова.

Тѣмъ не менѣе малайцамъ суждено было совершить въ предѣлахъ Индійскаго океана одинъ актъ высокаго значенія: занятіе о. Мадагаскара. Строго говоря, это переселеніе ихъ изъ первобытной родины, съ острововъ Индійскаго архипелага нужно считать „доисторическимъ“, хотя эпоха переселенія колеблется между I и XII в. по Р. Х. Историческій мракъ, царившій тогда надъ западной частью Индійскаго океана, едва ли остался вполнѣ безпросвѣтнымъ, но результаты древнихъ изслѣдованій на этомъ поприщѣ утрачены: все, что было изслѣдовано и изучено за долгій періодъ, отъ объѣзда Африки при Нехо до основанія Перипла на Эритрейскомъ морѣ, было предано забвенію и для исторіи человѣчества пропало безслѣдно.

Б. Западъ.

а) Арабы.

Въ это мрачное время западная окраина океана однако-жъ не раздѣляла судьбы заглохшей въ бездѣйствіи восточной половины. Если греческіе купцы не показывались болѣе на морѣ, то арабы, давно уже направлявшіеся изъ своихъ гаваней въ Іеменѣ къ югу, и въ II в. по Р. Х. продолжали свои плаванія къ восточному берегу Африки вплоть до эква-

тора. До появленія Магомета они ограничивались одними торговыми цѣлями, но черезъ 100 лѣтъ послѣ Геджры слабая въ началѣ связь съ югомъ все крѣпнетъ. Гдѣ прежде были однѣ факторіи, одинъ за другимъ выростаютъ укрѣпленные города. Около нихъ группируются царства, еще очень незначительныя, но уже способныя измѣнить и переработать кровь и обычаи, нравы и религію туземнаго населенія. Макдишу и Б(а)рава, Малинди и Момбасъ, особенно же процвѣтавшій долгое время Кильва-Кизивани, были ядромъ этихъ царствъ и своимъ 900-лѣтнимъ существованіемъ послужили блестящимъ доказательствомъ исторической мощи и выдержки арабовъ. Если вникнуть въ причины, побудившія арабовъ обратить свои взоры на восточную Африку, и отъ простыхъ торговыхъ сношеній перейти къ политикѣ завоеваній, то эти причины въ общемъ окажутся тѣми же, которыя столѣтія тому назадъ заставили ихъ предковъ завязать торговыя сношенія съ югомъ.

И безъ того короткое разстояніе между обѣими странами сокращается періодическими муссонами, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, были извѣстны обитателямъ сѣверо-западной части океана гораздо раньше, чѣмъ римлянамъ. Дальнѣйшимъ и, можетъ быть, самымъ притягательнымъ поводомъ для политическаго захвата былъ характеръ жителей африканскаго побережья, которые ни на сушѣ, ни на морѣ не были въ состояніи конкуррировать съ пришельцами. Наконецъ, послѣднимъ поводомъ является идейное обстоятельство, а именно понятіе арабовъ объ относительномъ положеніи Африки, и въ связи съ нимъ ихъ представленіе объ очертаніи Индійскаго океана вообще.

ѣ) Послѣдствія ошибочнаго представленія Птоломеевой картины вселенной.

Судоходство въ широкихъ размѣрахъ возникло на Индійскомъ океанѣ ранѣе, чѣмъ на остальныхъ океанахъ, тѣмъ не менѣе человѣчеству понадобился болѣе долгій срокъ, чтобы получить правильное представленіе о его величинѣ и очертаніяхъ. Тихій океанъ вошелъ въ кругъ историческихъ познаній въ началѣ XVI столѣтія, но исполинскій его треугольникъ былъ изслѣдованъ немногимъ болѣе 250 лѣтъ назадъ. Атлантическій океанъ, до открытія Колумбомъ Америки или до высадки норманновъ на берега Винляндіи [1], былъ безграничной, протянувшейся на западъ водной пустыней, съ извѣстнымъ для исторіи только восточнымъ берегомъ. Но тамъ, гдѣ для познанія Тихаго океана понадобились столѣтія, для Атлантическаго протекли только десятилѣтія и уже въ началѣ XVI-го вѣка его удлиненная форма была извѣстна въ главныхъ очертаніяхъ. Не то было съ Индійскимъ океаномъ: морскія націи древности пересѣкали его на большомъ протяженіи, персы и арабы были знакомы съ нимъ на всемъ пространствѣ съ востока на западъ—тѣмъ не менѣе новая исторія познакомилась съ нимъ въ такомъ изображеніи, которое представляетъ собой высшую степень искаженія карты. Индійскій океанъ изображали внутреннимъ моремъ, узкимъ и длиннымъ каналомъ, примыкающимъ къ Красному морю, какъ продолженіе Средиземнаго моря на югѣ; сѣверный берегъ этого удивительнаго бассейна составляетъ южная Азія, а южный — восточное побережье Африки, которое далеко на востокѣ соединялось съ южной Азіей.

Такого заблужденія придерживались Эратосѳенъ и Гиппархъ, даже Аристотель. Для всемірной исторіи оно получило значеніе со времени Птоломея, система котораго царила во всей средневѣковой наукѣ о землѣ.

Арабы, непосредственные послѣдователи ученія великаго географа, усвоили его безъ критики, принимая на вѣру и справедливое и ложное,

---

[1] Нынѣшніе шт. Массачузетсъ и Родъ-Айлэндъ.

и потому считали Индійскій океанъ внутреннимъ моремъ, хотя направленіе восточнаго берега Африки должно было быть имъ хорошо извѣстно. Ихъ увѣренность въ такой формѣ Индійскаго океана можно объяснить совпаденіемъ различныхъ обстоятельствъ: Птоломей былъ для нихъ авторитетомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія у нихъ картографическихъ способностей; затѣмъ, какъ послѣдователи Птоломеевой системы, они думали, что температура южнаго полушарія во время сѣверной зимы, когда солнце приближается къ землѣ, достигаетъ точки, смертоносной для всего живого; потому они считали страны къ югу отъ экватора непригодными для жизни, а море недоступнымъ для судоходства и все болѣе утверждались въ заблужденіи, что все знакомое имъ прибрежье до Софалы тянулось съ востока на западъ какъ разъ противъ южной Азіи.

Въ изображеніи Птоломея Индійскій океанъ получаетъ двоякое значеніе въ исторіи человѣчества: одна часть его роли исчерпывается политическими завоеваніями арабовъ на восточномъ берегу Африки, которыя можно объяснить понятнымъ стремленіемъ завоевателей имѣть всегда вѣрную точку опоры въ метрополіи, расположенной въ виду колоній; другая половина его роли обнимаетъ несравненно болѣе обширное пространство и время; она заключается въ Terra Australis, неизвѣстномъ южномъ материкѣ (см. стр. 245). Представленіе о немъ, заимствованное Птоломеемъ у грековъ, и подъ именемъ эфіопской Австраліи являющееся у него въ видѣ южной окраины Индійскаго океана, возродилось у арабовъ подъ названіемъ берега Сенджъ, и частью черезъ нихъ, частью непосредственно, проникло въ схоластическое землевѣдѣніе и въ концѣ безпокойной, но бѣдной результатами эпохи является загадкой, на разрѣшеніе которой средніе вѣка не пріобрѣли себѣ права.

Занимающій насъ цѣлыхъ два съ половиной тысячелѣтія Индійскій океанъ является только продолженіемъ Краснаго моря и Персидскаго залива въ видѣ узкаго внутренняго моря съ южнымъ берегомъ, существующимъ только въ воображеніи тогдашняго міра и представляющимъ неодолимую преграду для распространенія этого моря на югъ.

На самомъ дѣлѣ за весь этотъ періодъ времени Индійскій океанъ совпадалъ съ Птоломеевымъ моремъ, а если и переступаетъ его предѣлы, то на ограниченномъ пространствѣ и въ извѣстномъ направленіи, какъ, напр., въ плаваніяхъ арабовъ на югъ. Открытіе его большихъ частей задерживается для культурнаго міра, какъ было съ путешествіями китайцевъ на юго-западъ, или же путешествія эти лежатъ внѣ области достовѣрной исторіи, какъ переселеніе малайцевъ на Мадагаскаръ. Согласно своему характеру внутренняго моря средней величины, Индійскій океанъ не является разобщающимъ, какъ всѣ большія водныя пространства въ эпохи низкой культуры. Въ раннія эпохи, когда исторія человѣчества ограничивалась массовыми переселеніями, его обходили, позднѣе переплывали отъ гавани до гавани или въ направленіи муссоновъ. Параллели были почти единственными историческими осями въ древности; и все движеніе по океану происходитъ въ этомъ направленіи, за исключеніемъ поѣздокъ въ Сенджъ и Софалу; такъ двигались финикіяне во II тысячелѣтіи до Р. Х., греки и римляне, персы и арабы и, наконецъ, китайцы къ Цейлону въ половинѣ XV вѣка.

Какъ бы односторонне ни было это движеніе, всегда преслѣдовавшее торговыя цѣли, за исключеніемъ плаваній китайцевъ на Цейлонъ съ религіозными цѣлями и одиноко стоящихъ воинственныхъ предпріятій арабовъ противъ Индіи, оно, съ другой стороны, оказалось важнымъ для развитія человѣческой культуры.

При взаимномъ обмѣнѣ плодами культуры западъ всегда получалъ, а востокъ — давалъ, и въ послѣднюю треть разсмотрѣннаго нами періода посредниками обмѣна были народы передней Азіи — персы и въ особен-

ности арабы. Когда они изъ ничтожества выросли во всемірную монархію въ политическомъ и духовномъ отношеніи, прежнія прямыя сношенія Средиземноморскаго культурнаго пояса съ востокомъ и югомъ Азіи совершенно прекратились. Какъ по отношенію къ ввозу рѣдкихъ пряностей, красильныхъ и пищевыхъ веществъ, такъ и касательно индійской системы чиселъ и расширенія свѣдѣній по математикѣ, медицинѣ, географіи или астрономіи, всегда неизмѣнными маклерами являются повелители Краснаго моря и Персидскаго залива. Съ VII или VIII столѣтія Индійскій океанъ носитъ чисто азіатскій отпечатокъ съ легкимъ африканскимъ оттѣнкомъ.

Съ упроченіемъ арабскаго вліянія на Индійскомъ океанѣ, для бѣлой расы возникаютъ на немъ тѣ же условія, какъ на Тихомъ океанѣ передъ появленіемъ европейцевъ на его берегахъ. Какъ тотъ, такъ и другой исчезли съ горизонта культурныхъ націй и ихъ пришлось открывать заново. Что открытіе обоихъ послѣдовало одновременно съ поднятіемъ завѣсы и надъ Атлантическимъ океаномъ, было совпаденіемъ, обусловленнымъ обстоятельствами, которыя возникли среди восходящихъ народовъ запада, но, соотвѣтственно внутреннему строю каждаго изъ океановъ, историческія явленія этой зарождающейся эпохи для каждаго сложились различно.

5. Новое время.

Волны землетрясеній и приливовъ, разсѣкающія Тихій океанъ, могутъ привести въ колебательное движеніе воды и Атлантическаго и Индійскаго океана; водяная частица, перемѣщающаяся отъ измѣненія вѣса, можетъ, по той же причинѣ, вылиться, какъ въ Тихій, такъ и въ Индійскій океанъ. Такимъ образомъ опоясывающій землю океанъ физически есть одно цѣлое, но съ исторической точки зрѣнія въ немъ нѣтъ единства, потому что каждый океанъ есть „функція своихъ береговъ“. Если даже маленькія внутреннія или краевыя моря имѣютъ свой историческій отпечатокъ, то насколько же рѣзко онъ долженъ выступать въ громадныхъ океанахъ, заселенныхъ цѣлыми расами. Фактически, каждый изъ трехъ океановъ въ рамкѣ исторіи человѣчества является индивидуальностью или, вѣрнѣе, онъ былъ ею: для нынѣшнихъ поколѣній нѣтъ болѣе разницы между океанами ни въ физическомъ, ни въ историческомъ смыслѣ. Какъ волны одного океана сливаются съ волнами другого, такъ и міровая торговля, а съ ней и всемірная исторія, непрерывно и безпрепятственно переносятся съ одного океана на другой, хотя обѣ протекаютъ каждая по избранному пути, но пути эти опоясываютъ весь земной шаръ; они пересѣкаютъ океаны во всѣхъ желательныхъ человѣку направленіяхъ, и въ этомъ заключается основная черта истиннаго мірового общенія.

A. Отъ Васко-де-Гамы до начала Британскаго владычества въ Индіи (1498—1757).

Протекло 400 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ совершился этотъ переворотъ въ самомъ существѣ океановъ,—не во взглядѣ человѣка на нихъ—періодъ короткій, по сравненію съ прежними тысячелѣтіями. Тихому и Атлантическому океану онъ принесъ безконечно много,—во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ Индійскому океану, тѣмъ не менѣе вся сумма ихъ историческаго значенія не превышаетъ значенія Индійскаго океана. И для нихъ съ появленіемъ европейцевъ начинается новая эра, но въ прошломъ имъ нечѣмъ было похвалиться. Что и было значительнаго въ жизни Тихаго океана, разыгралось на ничтожной, сравнительно со всей его величиной, сѣверо-западной окраинѣ, или же находится за предѣлами достовѣрной

исторіи, какъ, напр., дѣятельность полинезійцевъ Атлантическій океанъ въ большей своей части не проснулся еще для исторической жизни; только несравненные его бассейны: Средиземное, Нѣмецкое и Балтійское море уже давно проявляютъ свою дѣятельность, выжидая благопріятной минуты, чтобы наводнить земной шаръ своими закаленными въ продолженіе столѣтій и тысячелѣтій силами, Индійскій океанъ передъ наступленіемъ новой эры давно уже лишился историческаго значенія на всемъ протяженіи: весь югъ его лежалъ въ полномъ запустѣніи, а та узкая полоса сѣвернаго побережья, о которой теперь идетъ рѣчь, должна разсматриваться съ другой точки зрѣнія, чѣмъ соотвѣтствующія части двухъ сосѣднихъ океановъ. Средиземноморскій, какъ и восточно-азіатскій культурный поясъ, представляютъ два отдѣльныхъ міра. Отдѣленные другъ отъ друга цѣлой третью земной поверхности, они постоянно выказываютъ сознательное или безсознательное стремленіе сблизиться, прійти въ соприкосновеніе и взаимно проникнуться. Неподвижный азіатскій исполинъ не былъ въ состояніи осуществить это сближеніе: много обѣщавшія попытки Рима сблизиться съ Китаемъ въ 95 по Р. Х. остались безъ результата (стр. 149). Въ эту затруднительную минуту Индійскій океанъ выступилъ посредникомъ и помощникомъ, и такимъ образомъ историческая дѣятельность его исчерпывается стремленіемъ связать Востокъ съ Западомъ.

а) Значеніе самостоятельнаго проникновенія бѣлой расы въ предѣлы Индійскаго океана.

Въ силу этого Индійскій океанъ становится ареной самостоятельной исторіи. Не отличаясь ни величавымъ покоемъ восточно-азіатской исторіи, ни подвижностью средиземноморской, она тѣмъ не менѣе захватываетъ весь океанъ, насколько онъ входитъ въ область всемірной исторіи. Подъ знаменемъ Магомета она проникаетъ почти безъ перерывовъ отъ берега къ берегу, отъ восточнаго побережья Африки на крайнемъ западѣ до островов Архипелага на дальнемъ востокѣ. Въ связи съ этимъ появленіе бѣлой расы, на культуру которой Индійскій океанъ такъ давно уже вліялъ благотворно, имѣло для него совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ для дѣвственныхъ водъ Атлантическаго и Тихаго океана; послѣдніе при этомъ выиграли, тогда какъ Индійскій океанъ многое потерялъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ его разсматривать послѣ появленія Васко-да-Гама. На первый взглядъ судьба всѣхъ трехъ океановъ кажется одинаковой: ни одинъ изъ нихъ не могъ избѣжать вліянія бѣлой расы, и Индійскій океанъ раздѣлилъ, и даже въ большей мѣрѣ, судьбу своего восточнаго сосѣда, но въ результатахъ замѣчается огромная разница. Прежде всего всѣ три океана потеряли собственное историческое достояніе: въ Америкѣ и въ Австраліи погасли очаги самостоятельной исторіи, но въ концѣ концовъ потери обратились въ выигрышъ: то, что пришельцы внесли цѣннаго въ самое короткое время и въ Соединенные Штаты и въ Австралію, далеко перевѣшиваетъ утраченное.

Въ Индійскомъ океанѣ обстоятельства сложились иначе: если взять внѣтропическую южную Африку, то на всемъ ея протяженіи нѣтъ ни одной страны, которая служила бы цѣлью массоваго переселенія европейцевъ И теперь число бѣлыхъ стушевывается передъ количествомъ туземцевъ, гдѣ бы мы ихъ ни искали—въ Архипелагѣ, или въ Индіи, или на берегахъ восточной Африки; 300 или 400 лѣтъ тому назадъ, при началѣ колонизаціонной дѣятельности, это обстоятельство, безъ сомнѣнія, выступало еще ярче. Объ уничтоженіи туземной культуры, которое пережила Америка, и о замѣнѣ ея европейской при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи; оно лежало внѣ предѣловъ возможнаго, какъ, напримѣръ, уничтоженіе восточно-азіатской культуры. Уничтожить можно было только политическое и

экономическое значенiе противниковъ, а таковыми европейцы и по сiю пору должны считать каждаго изъ жителей Индiйскаго океана. И то и другое удалось европейцамъ, такъ какъ сопротивленiе, оказанное имъ со стороны Бали и Атье, Мадагаскара и Арабской восточной Африки, можно считать предсмертными судорогами умирающаго. Въ соотвѣтствiи съ разнообразiемъ народностей и борьба была различна, смотря по мѣсту и времени; горсть торгашей могла сломить такого великана, хотя и глинянаго, какъ Индiя, между тѣмъ только что упомянутые малайскiе народцы до сихъ поръ сопротивляются чужому вторженiю.

Борьба была тѣмъ легче, чѣмъ слабѣе была связь народа съ океаномъ, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ тѣснѣе была эта связь; однако-жъ явленiе это (будь оно причиной или только побочнымъ обстоятельствомъ) не поддается обобщенiю. Перуанцы и ацтеки были покорены еще легче, чѣмъ индусы, но Китай стоитъ непоколебимо по всѣмъ направленiямъ, не смотря на множество нападенiй. Съ другой стороны, сопротивленiе нигдѣ не было такъ слабо, какъ у полинезiйцевъ: ихъ распространенiе по безграничному пространству океана исключало возможность борьбы; Индiя и Индонезiя, находившiяся въ тѣхъ же условiяхъ, поступили обратно, потому мы будемъ только справедливы, если вычеркнемъ Индiйскiй океанъ изъ числа историческихъ величинъ перваго разряда, по крайней мѣрѣ по отношенiю къ Индiи. Обстоятельства, вызванныя особымъ религiознымъ и политическимъ строемъ этой страны, были, съ одной стороны, причиной быстраго ея паденiя, съ другой—твердымъ оплотомъ. Но и въ это тяжелое переходное время Индiйскiй океанъ не былъ для Индiи совершенно лишенъ значенiя: подъ влiянiемъ оживленной арабско-египетской торговли, въ половинѣ XV вѣка государства на Малабарскомъ берегу завели собственный флотъ, сыгравшiй значительную роль въ отчаянной борьбѣ съ португальцами, хотя и при помощи арабскаго военнаго флота. Съ уничтоженiемъ послѣдняго корабля, сопротивленiе индусовъ замѣтно ослабѣло,

Изъ охранителей Индiйскаго океана самыми стойкими защитниками его историческаго достоянiя являются арабы, такъ какъ малайцы въ началѣ XVI столѣтiя слишкомъ мало еще укрѣпились на новой родинѣ; къ тому же они были малочисленны и, разбросанные по обширному архипелагу, не могли оказать успѣшнаго сопротивленiя надвигавшемуся съ востока и запада потоку европейцевъ. Если они и выдержали борьбу съ ними въ теченiе вѣковъ, то только благодаря своимъ морскимъ способностямъ, которыя дали имъ возможность наносить сильный вредъ европейцамъ морскими разбоями.

Иное дѣло—арабы. Когда Васко-да-Гама въ Каликутѣ вступилъ на почву Индiи, арабы были настоящими повелителями Индiйскаго океана въ духовной или, въ данномъ случаѣ, религiозной области и единственными руководителями всего торговаго движенiя, насколько оно связывало Индiю съ Западомъ. Съ этой торговлей было сопряжено сказочное процвѣтанiе и паденiе Каира и Александрiи, могущество Венецiи, Генуи, Пизы, Флоренцiи—однимъ словомъ, весь блескъ тогдашняго Средиземноморскаго мiра. Влiянiе ея отозвалось даже на торговлѣ всего европейскаго сѣвера, вплоть до Германiи и Фландрiи, направляя ее въ извѣстныя границы. Въ перiодъ между 1200 и 1500 годами весь западъ былъ въ зависимости отъ торговли съ Индiей. Ожиданiе громадныхъ прибылей побудило жителей цвѣтущихъ городовъ принять дѣятельное участiе въ крестовыхъ походахъ и даже позднѣе этого знаменательнаго перiода не утратило рѣшающаго значенiя, какъ источникъ благосостоянiя для отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Взоры Европы были въ то время пристальнѣе обращены на востокъ, чѣмъ съ начала XVI столѣтiя на западъ. Отсюда та, врядъ ли намъ понятная, тревога, которая овладѣвала всѣми нацiями Запада, каж-

дый разъ, какъ узкимъ воротамъ въ Индійскій океанъ — торговой дорогѣ черезъ Персидскій заливъ и Красное море грозила опасность сузиться или закрыться.

b) Борьба за первенство на Индійскомъ океанѣ.

Уже въ минуту высадки Васко-да-Гамы въ Индіи арабы поняли, какая опасность грозитъ ихъ владычеству, и оказали болѣе упорное и энергичное сопротивленіе, чѣмъ непривычные къ морю индусы. Даже османы, получившіе наслѣдство Мамелюковъ, съ завоеваніемъ Египта въ 1517 г., держались того мнѣнія, что Египетъ не имѣетъ цѣны безъ свободнаго движенія по Индійскому океану; они убѣдились въ этомъ, правда, только на примѣрѣ Генуи и Венеціи, когда былъ перерѣзанъ жизненный нервъ левантской торговли; соотвѣтственно съ этимъ, попытки турокъ достигнуть той же свободы движеній были менѣе энергичны, чѣмъ слѣдовало желать въ интересахъ средиземноморскихъ государствъ.

Далеко не сломивъ господства португальцевъ, турки даже не въ состояніи были прорвать блокаду Краснаго моря, поддерживаемую португальцами въ продолженіе десятилѣтій; море это обратилось въ мертвый рукавъ, тѣмъ болѣе, что турки наложили свою тяжелую руку на его сѣверный выходъ.

Политически Индійскій океанъ въ XVII, XVIII и большей части XIX вѣка не былъ проходнымъ моремъ. Хотя португальцы вслѣдъ за голландцами проникли до Японіи, востокъ Азіи былъ слишкомъ еще замкнутъ, чтобъ тамъ могла возникнуть та колоніальная конкуренція европейцевъ, которая характеризуетъ въ настоящее время сѣверо-запападную часть Тихаго океана.

Эту конкурренцію мы въ ту эпоху встрѣчаемъ на водахъ Индійскаго океана; въ теченіе цѣлаго столѣтія португальцы привыкли считать его своимъ моремъ, въ силу папскаго декрета, имѣвшаго смѣлость провозгласить „Mare clausum“ и подѣлить океанъ между двумя монархіями Пиренейскаго полуострова, но наступившая послѣ Колумба эпоха смела этотъ принципъ вмѣстѣ со многими другими; какъ испанцамъ не удалось удержать за собой Тихій океанъ, такъ и португальцы не могли запереть Индійскій для новыхъ колоніальныхъ державъ, которыя, постигнувъ его значеніе, почти одновременно надвинулись на него густымъ роемъ. Наступаетъ эпоха „Mare liberum“, когда океаны не имѣютъ болѣе повелителей. Въ колоніальной исторіи между 1600 и 1850 г. нѣтъ области, за исключеніемъ Американскаго средиземнаго моря, которая оспаривалась бы болѣе упорно, чѣмъ прибрежья и острова Индійскаго океана. Мало того, что европейцы въ перегонку спѣшили овладѣть португальскимъ наслѣдствомъ: съ 1660 г. на сцену выступаютъ изъ Маската и арабы, чтобы вырвать послѣ 80-лѣтней борьбы восточное побережье Африки изъ рукъ ненавистныхъ имъ европейцевъ.

Всемірно-историческое значеніе Индійскаго океана въ безчисленныхъ стадіяхъ этой борьбы выразилось различно: до половины XVIII столѣтія торговыя націи стремились съ равнымъ усердіемъ, но не одинаковымъ успѣхомъ упрочить за собой мѣсто на его берегахъ и водахъ; отсюда рядъ международныхъ торговыхъ компаній, среди которыхъ мы находимъ даже представителей Германіи въ лицѣ Остендской компаніи; были также попытки основать колоніи въ бухтѣ Делагоа при Маріи Терезіи. Этой интернаціональности океана былъ положенъ конецъ, когда политическое равновѣсіе было нарушено въ пользу Англіи, подъ власть которой онъ и подпалъ на все послѣдующее время. Это нарушеніе было вызвано событіемъ, незначительнымъ по существу, но имѣвшимъ рѣшающее значеніе для всей исторіи океана и его прибрежій, а именно—основаніемъ первыхъ англійскихъ колоній въ Индіи. Если мы вспомнимъ, что съ 1498 года до половины XVIII столѣтія вся историческая дѣятельность европейцевъ исчерпывалась устрой-

ствомъ однѣхъ только факторій и не могла способствовать ни экономическому росту колоній, ни достиженію ими первенствующаго значенія, то побѣду Роберта Клайва при Плассей въ 1757 году слѣдуетъ считать началомъ новой эры, какъ для Индіи, такъ и для Индійскаго океана.

c) Индійскій океанъ, какъ часть мірового океана.

Съ открытіемъ обоихъ морскихъ путей въ Индію, историческій центръ тяжести въ Индійскомъ океанѣ значительно перемѣстился. Какъ на Атлантическомъ океанѣ, въ силу его односторонняго протяженія, онъ перемѣстился на западъ, такъ на Индійскомъ, въ связи съ путемъ вокругъ южной Африки, онъ подвинулся къ востоку. Въ этомъ лежитъ начало новой системы линій, которая въ наше время близится къ завершенію, а именно къ все болѣе и болѣе очевидному перемѣщенію всемірно историческаго центра тяжести на Тихій океанъ. О сѣверо-западѣ Индійскаго океана, который въ продолженіе $2\frac{1}{2}$ тысячелѣтій былъ носителемъ его исторіи, при новыхъ условіяхъ нѣтъ болѣе и рѣчи; онъ сталъ слишкомъ отдаленнымъ для движенія, которое переносится въ открытыя моря и забываетъ, какими уголками оно раньше довольствовалось.

Измѣнившееся значеніе океановъ лучше всего выражается въ равномѣрности роли отдѣльныхъ океановъ въ исторіи человѣчества, начиная съ XVI столѣтія. Въ качествѣ *нераздѣльнаго* цѣлаго, океанъ открытъ во всѣхъ своихъ частяхъ для морскихъ націй новѣйшаго времени и получаетъ извѣстную окраску, только благодаря отсутствію или присутствію извѣстнаго флага. Индійскій океанъ XVI столѣтія носитъ исключительно *португальскій* колоритъ, какъ Тихій океанъ въ этотъ же періодъ чисто испанскій; но оба колорита не долговременны; какъ послѣдній блѣднѣетъ до полнаго исчезновенія подъ вліяніемъ англичанъ, голландцевъ, французовъ, русскихъ, нѣмцевъ, японцевъ и, наконецъ, сѣверо-американцевъ, такъ на Индійскомъ океанѣ вмѣшательство первыхъ трехъ націй, къ которымъ позднѣе присоединились арабы, нѣмцы и итальянцы, сильно способствовало тому, чтобы отъ португальской окраски остался лишь слабый оттѣнокъ. Это явленіе не настолько видоизмѣняетъ дѣло, чтобы Индійскій океанъ все-таки еще имѣлъ право претендовать на историческую индивидуальность. Это право онъ пріобрѣтаетъ, только, если принять во вниманіе его общее историческое развитіе въ связи съ положеніемъ его относительно Тихаго океана, значеніе котораго справедливо отмѣчено Фридрихомъ Ратцелемъ.

Однимъ изъ поразительныхъ фактовъ эпохи великихъ открытій является то, что Индійскій океанъ чувствовалъ свою зависимость отъ Тихаго океана прежде, чѣмъ тогдашній культурный міръ узналъ о существованіи послѣдняго, а узналъ онъ о немъ только въ 20-ыхъ годахъ XVI вѣка, когда Бальбоа спустился съ Даріенскихъ высотъ къ морю. Только тогда Европа съ изумленіемъ узнала, что новооткрытая земля не восточный берегъ Азіи и что между прежней цѣлью ея стремленій: Китаемъ и Сипанго лежитъ водная пустыня, размѣры которой выяснило только въ 30-хъ годахъ путешествіе Магеллана. Прежде чѣмъ испанцы подошли къ разрѣшенію этого вопроса съ востока, португальцы направились къ нему съ запада, предпринимая впродолженіе цѣлаго столѣтія путешествія, съ цѣлью найти морской путь въ Индію черезъ мысъ Добрый Надежды; но не Индія или иная опредѣленная область была цѣлью ихъ путешествій; какъ открытія испанцевъ связаны съ поисками драгоцѣнныхъ металловъ, такъ португальскія — со стремленіемъ найти родину драгоцѣнныхъ пряностей. Съ этой точки зрѣнія португальскія колоніи въ Индіи и Индо-Китаѣ и на восточномъ берегу Африки были не что иное, какъ станціи на опасной дорогѣ къ Архипелагу Пряностей.

И послѣ португальцевъ это стремленіе на востокъ за предѣлы Индійскаго океана не ослабѣло; преемники ихъ, голландцы, англичане, французы и датчане, какъ мы уже видѣли, употребили два столѣтія, слѣдовавшія за паденіемъ португальскаго колоніальнаго владычества, на то, чтобы удержать пріобрѣтенныя ими колоніи на Индійскомъ океанѣ, но при этомъ весь тогдашній культурный міръ Европы былъ поглощенъ задачей, которая, начинаясь на Индійскомъ океанѣ, переходила къ востоку; задача эта была отысканіе невѣдомаго южнаго материка — terra australis incognita (см. стр. 592). Эта химера не исчезла изъ предѣловъ Атлантическаго и Индійскаго океановъ и послѣ открытія морского пути вокругъ Африки; наоборотъ — прошло нѣсколько десятилѣтій, и она возродилась вновь въ Индійскомъ океанѣ, приблизительно въ тѣхъ же широтахъ, гдѣ, по мнѣнію древняго Гиппарха, лежала сѣверная оконечность этой сказочной земли, а именно на Цейлонѣ. Попытки узнать величину, положеніе и очертанія этого южнаго материка, свойственныя всѣмъ тремъ океанамъ, на Индійскомъ выразились всего опредѣленнѣе; они начинаются путешествіями Абеля Тасмана и оканчиваются знаменитымъ кругосвѣтнымъ путешествіемъ Кука 1772 — 1775; первыя помѣщали эту фантастическую землю въ Индійскомъ и Тихомъ океанахъ за 45° южной широты; второе покончило съ нею навсегда, послѣ того, какъ впродолженіе двухъ тысячелѣтій она искажала карту земли: теперь только можно было говорить о законченной гидрографіи земного шара, когда получилось приблизительно вѣрное понятіе о распредѣленіи суши и воды. Научная постановка этихъ понятій значительно повліяла и на теченіе всемірной исторіи; только съ этихъ поръ южная часть Индійскаго океана и Австралійскія моря стали служить человѣчеству, а Новая Голландія пробудилась къ исторической жизни. Австралія, открытая для колонизаціи, вступила на путь, который можетъ доставить этой самой юной части свѣта первенствующую политическую и экономическую роль во всемъ южномъ полушаріи.

Б. **Отъ начала индо-британскаго владычества до прорытія Суэцкаго канала. 1757—1858.**

Начало столѣтія, открывшагося побѣдой при Плассей, было ознаменовано заключеніемъ Парижскаго мира 10 февраля 1763 года, причемъ Франція, передъ которой Дюплэ открылъ такой блестящій горизонтъ въ Индіи, навсегда отказалась отъ этой страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ господствующаго положенія на Индійскомъ океанѣ; въ 1770 году была уничтожена Французская Остъ-Индская Компанія. Этимъ устранялся единственный европейскій соперникъ, и Англія могла подумать о достиженіи своей цѣли — сдѣлать Индійскій океанъ британскимъ средиземнымъ моремъ, окруженнымъ азіатскими, африканскими и австралійскими колоніями Великобританской всемірной монархіи. Какъ бы чудовищно ни казалось такое начало въ XVIII вѣкѣ, но, черезъ 100 лѣтъ послѣ отступленія французовъ, оно фактически осуществилось; передъ самымъ открытіемъ Суэцкаго канала Англія еще не владѣла всѣми побережьями Индійскаго океана, но не было никого, кто могъ бы оспаривать у нея это право. Историческое значеніе Индійскаго океана въ это столѣтіе выражается главнымъ образомъ въ томъ, что къ нему стремятся, ради него самого; только съ открытіемъ доступа въ восточную Азію онъ все болѣе падаетъ до значенія проѣзжей дороги; собственное его участіе въ исторіи отступаетъ на задній планъ передъ вторженіями извнѣ, хотя оно не менѣе живо, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху и, связанное съ западной частью океана, закончилось основаніемъ занзибарскаго султаната, этого послѣдняго камня въ зданіи политической и культурной дѣятельности арабовъ на Индійскомъ

океанѣ; едва достроенное, оно треснуло по всѣмъ швамъ. Океанъ, бывшій прежде отдаленной бухтой съ однимъ только входомъ у мыса Доброй Надежды, съ прорытіемъ Суэца значительно придвинулся къ самымъ подвижнымъ народамъ, и мѣсто усталыхъ отъ столѣтней колонизаціонной работы романскихъ народовъ заняли бодрые германцы, сознательно идущіе къ цѣли.

Передъ натискомъ британцевъ и нѣмцевъ падаетъ оплотъ мусульманства, воздвигнутый трудами цѣлаго тысячелѣтія при восточномъ входѣ въ Африку.

Вліяніе извнѣ вовсе не было такъ ограничено, хотя имѣло только двѣ исходныя точки, при чемъ одна изъ нихъ затрогивала всю поверхность океана: это были Индія на сѣверѣ и Австралія на юго-востокѣ океана. Если разсматривать взаимное положеніе обѣихъ странъ и положеніе ихъ относительно Европы, то владѣніе Австраліей является непрочнымъ безъ твердаго оплота въ Индіи, тогда какъ для безопасности Индіи совершенно не требовалось пріобрѣтенія этой новой колоніи. И дѣйствительно, пріобрѣтеніе и колонизація Австраліи были вызваны причинами, не имѣющими ничего общаго съ индійской политикой. Между прочимъ берегъ Австраліи, обращенный къ Индійскому океану, только черезъ 40 лѣтъ послѣ высадки европейцевъ въ Ботанибей, увидѣлъ первыя попытки колонизаціи; это объясняется только отчасти ничтожнымъ значеніемъ Австралійскаго запада; оно не помѣшало бы колонизаціи, если бы политическая необходимость требовала повернуться фронтомъ къ Индійскому океану; тѣмъ не менѣе, и съ одностороннимъ предпочтеніемъ востока, Австралія значительно повліяла на индійскую политику Великобританіи. Со дня своего пробужденія, она представляетъ географически и исторически одно нераздѣльное цѣлое, отношенія котораго къ Старому свѣту уже въ силу внѣшней причины — разстоянія—ближе, чѣмъ къ культурному міру Америки и Океаніи. Съ 1788 г. Австралія принимаетъ дѣятельное участіе въ Индійской политикѣ Великобританіи и, дѣйствуя всегда за-одно съ ней, никогда не противъ, она однимъ протяженіемъ своимъ рѣшительно содѣйствуетъ оживленію и энергичному проведенію въ жизнь англійской мировой политики въ этой части земного шара. Съ утвержденіемъ Англіи въ Индіи ей предначертанъ былъ опредѣленный путь, для упроченія за собой новаго владѣнія: она должна была стремиться заручиться свободнымъ проѣздомъ на всемъ протяженіи и овладѣть всей поверхностью океана. Такія попытки сдѣланы были уже раньше португальцами, голландцами и даже французами. Португальцы наложили руку на многіе пункты западнаго побережья Африки отъ Мадейры и Аргуина на сѣверѣ до Бенгуэлы на югѣ и имѣли точки опоры на восточномъ берегу отъ Софалы до Макдишу и Сокотры; болѣе дальновидные, голландцы помѣстили свои центры обороны на южной оконечности Африки, въ Индіи, Капландіи (1602—2652) и на Цейлонѣ (1602—1796), не забывъ при этомъ острова Маврикія (1598—1710) и залива Делагоа (1721); Франція же искала прикрытія для своего морского пути въ Индію на Мадагаскарѣ и на сосѣднихъ островахъ. Англичане не пошли по этимъ слѣдамъ, по крайней мѣрѣ, тотчасъ вслѣдъ за утвержденіемъ ихъ въ Индіи, и островъ св. Елены десятки лѣтъ служилъ имъ единственной точкой опоры на дальнемъ пути вокругъ Африки. Даже первое занятіе Капландіи (1795—1802), ради соперничества съ французами, не открыло Англіи глазъ на значеніе южной Африки для Индійскаго океана, иначе она не уступила бы ее Батавской республикѣ. Только агитація такихъ дальновидныхъ политиковъ, какъ Ричардъ Уэльслей, опредѣленно высказавшаго уже въ 1798 г., что невозможно удержать Индію, не владѣя Капландіей, а еще болѣе приведенныя въ исполненіе и задуманныя нападенія Наполеона на британскія колоніи навели Англію на эту мысль. Потому въ 1806 году, предупреждая намѣреніе Наполеона завладѣть Капландіей, Англія снова вступила въ южную Африку и на этотъ

разъ окончательно. Этотъ шагъ былъ рѣшительнымъ для всей дальнѣйшей судьбы Индійскаго океана, и съ этихъ поръ Англія господствуетъ надъ верхушкой, основаніемъ и краями океана. Она создала себѣ не только неприступную точку опоры, но и получила возможность предпочтительно передъ всѣми другими націями направлять судьбы Индійскаго океана. Не мало было попытокъ во всѣ времена пошатнуть первенствующее значеніе Англіи; онѣ начались съ египетскаго похода Наполеона и его плана завоеванія Капландіи, нашли продолженіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года, когда Англія вынуждена была уступить большую часть французскихъ и голландскихъ колоній, которыя она захватила въ 1810—14 году, и въ болѣе слабой степени выразились въ постоянномъ стараніи Франціи сдѣлать Мадагаскаръ исходной точкой новой индійской политики. Самымъ успѣшнымъ изъ этихъ предпріятій можно считать Наполеоновскій походъ въ Египетъ, который навѣрно достигъ бы желанной цѣли, если бы Франція располагала равными съ Англіей морскими силами: его неожиданнымъ результатомъ было то, что онъ ясно обнаружилъ англичанамъ ихъ самую слабую точку на Индійскомъ океанѣ, а именно—входъ въ Красное море, и заставилъ направить всю дальнѣйшую политику на укрѣпленіе ея. Великія событія бросаютъ впередъ свою тѣнь и въ исторіи морей. Со времени нивеллировки Суэцкаго перешейка, во время Французскаго похода, планъ прорытія канала между Средиземнымъ моремъ и Индійскимъ океаномъ, а также планъ полнаго переворота существующихъ условій, не переставали занимать всѣхъ. 300 лѣтъ дремавшее въ созерцательномъ покоѣ Красное море проснулось подъ взорами Европы, для новой, хотя и слабо бьющейся жизни, и результатомъ было то, что весь океанъ снова обратилъ свои взоры къ сѣверо-западу.

Въ 1839 году англичане заняли Аденъ, бывшій уже въ древности извѣстнымъ складочнымъ мѣстомъ при входѣ въ Красное море. Когда помѣшать прорытію канала сдѣлалось уже невозможно, Англія утвердилась у самаго входа, на Перимѣ, и почти одновременно включила Персидскій заливъ въ сферу своего вліянія.

B. **Настоящее время (съ 1859 года).**

a) Прорытіе Суэцкаго канала и его послѣдствія.

Походъ Наполеона доказалъ Англіи, какъ непрочно было ея положеніе въ случаѣ, если бы Франція или иная держава вступила въ Египетъ. Главной цѣлью индійской политики Англіи, со времени сраженія при Пирамидахъ (21 іюля 1798 года), было помѣшать политическому и промышленному росту Египта. Легко было проводить эту политику, пока планъ Суэцкаго канала былъ въ зачаткѣ, и Англія одна господствовала надъ океаномъ, достигнувъ этого положенія во время революціи и наполеоновскихъ войнъ. Когда же планъ канала достаточно созрѣлъ и другія державы, тѣмъ временемъ окрѣпшія, снова обратились къ океану, для Англіи стало труднѣе, но, конечно, и важнѣе продолжать ту же политику. Отсюда справедливыя слова лорда Элленборо, что если Англія желаетъ господствовать надъ міромъ, она должна одной ногой стоять въ Индіи, а другой въ Египтѣ.

Генри Джонъ Темпль, виконтъ Пальмерстонъ, съ 1855 по 58 годъ англійскій премьеръ, поручилъ конфиденціально передать графу Фердинанду-де-Лессепсу, что, если англійскимъ войскамъ предоставятъ занять Суэцъ и охранять движеніе по каналу, то онъ отъ лица правительства будетъ всячески содѣйствовать этому предпріятію.

14 іюля 1882 года синіе мундиры Ея Величества, Королевы Великобританіи, заняли разгромленную Александрію. Великая задача была рѣшена: путь къ Индійскому и Тихому океанамъ перешелъ въ руки англичанъ, но, одновременно съ занятіемъ древней столицы фараоновъ, Англіи

представилась новая задача: поставить на стражѣ Индійскаго океана Африку, которая отъ Капской земли до Нила была бы Британскимъ владѣніемъ. Противодѣйствіе Англіи прорытію канала становится понятнымъ, если припомнить ея историческое положеніе въ первыя 50 или 60 лѣтъ XIX столѣтія и географическія условія разсматриваемой области. Цѣлью Англіи, указанной Пальмерстономъ Лессепсу, было удержать монополію міровой торговли и одной господствовать надъ всѣми морями; основаніемъ ея и исходной точкой былъ Индійскій океанъ, который въ то время былъ фактически англійскимъ моремъ. Хотя Англія сознавала, что съ прорытіемъ Суэца сокращеніе морского пути въ Индію принесетъ огромныя выгоды, зато, съ другой стороны, она не могла не видѣть факта, что свободный доступъ изъ Атлантическаго океана привлечетъ въ громадныхъ размѣрахъ и чужую конкуренцію. На дальнемъ пути вокругъ Африки съ нею не приходилось считаться, но на новой дорогѣ, которая придвинула дальній Востокъ къ порогу всей Европы, былъ поводъ сильно ея опасаться. Отсюда упорное, 10 лѣтъ продолжавшееся и прибѣгавшее ко всѣмъ мѣрамъ, противодѣйствіе Англіи осуществленію плана прорытія канала. Когда она наконецъ уступила, у нея было достаточно вѣры въ свою политическую силу, чтобы считать свои интересы обезпеченными, даже и при измѣнившихся обстоятельствахъ. Она не обманулась; но въ расчеты ея вкралась одна ошибка: она упустила изъ виду то обстоятельство, что въ новѣйшее время экономическіе и политическіе интересы являются тѣсно связанными между собой; въ Индійскомъ океанѣ, классическимъ примѣромъ этой связи можетъ служить Германія и Италія, которыя съ 1884 года отъ экономической дѣятельности перешли къ политикѣ основанія колоній на западномъ побережьѣ океана, почти заброшенномъ до тѣхъ поръ. Открытіе новаго воднаго пути влечетъ за собой цѣлый рядъ новыхъ явленій для человѣчества вообще, а для Индійскаго океана и Средиземнаго моря въ особенности; это послѣднее не только обратилось въ одну изъ самыхъ оживленныхъ дорогъ, но и медленно пробудилось къ новой самостоятельной жизни, которая побудила даже итальянцевъ къ колонизаціи. Еще грандіознѣе были послѣдствія открытія движенія по каналу для Индійскаго океана и для всемірной торговли. Немногіе узлы и линіи морскихъ сношеній, расходившіеся отъ Капштадта на сѣверъ и сѣверо-востокъ, сузились до отдѣльныхъ линій парусныхъ судовъ, но изъ этихъ немногихъ линій на новой дорогѣ скоро выросла густая сѣть путей, расходящихся въ Аденѣ и соединяющихся въ Портъ-Саидѣ. При этомъ, какъ отдѣльныя пароходныя линіи, такъ и цѣлые ряды ихъ, за исключеніемъ позднѣе открытыхъ путей къ Мадагаскару и Австраліи, точно совпадаютъ съ путями кораблей въ давно минувшіе вѣка, и Индійскій океанъ въ новѣйшее время снова сталъ преддверіемъ своего великаго сосѣда. Служа посредникомъ громаднаго движенія изъ Тихаго океана въ Европу, Индійскій океанъ располагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и богатымъ историческимъ достояніемъ.

Конечно, издавна поселившіеся здѣсь народы не проявляютъ болѣе исторической дѣятельности съ тѣхъ поръ, какъ Занзибарскій султанатъ и царство Гова вычеркнуты изъ списка государствъ, но зато нѣмцы, французы, англичане и итальянцы такъ твердо осѣли на берегахъ и на водахъ его, что можно говорить о натурализаціи здѣсь европейцевъ и считать ихъ дѣятельность его историческимъ достояніемъ.

b) Обезпеченіе британскаго господства на Индійскомъ океанѣ при помощи Нило-Капландской политики.

Англія стремится вознаградить себя за понесенныя потери и въ 1866 г. пріобрѣтаетъ колоніи въ восточной Африкѣ, какъ разъ на полъ-пути между Капландіей и Египтомъ; мысль соединить эти три части является сама собой, тѣмъ болѣе, что на южномъ берегу Аденскаго залива, на Замбези, Ньяссѣ и Занзибарскомъ Архипелагѣ Англіи представлялась возможность одновременно расширить свои владѣнія. Грандіозная идея сдѣлать все побережье восточной Африки отъ Нила до Капландіи британскимъ владѣніемъ не кажется слишкомъ смѣлой; она зародилась въ Англіи и близка къ осуществленію; она одна побудила правителей Египта нанести окончательный ударъ махдизму при Омдурманѣ 2-го сентября 1898 года. Ради этой идеи, англичане пожертвовали государствомъ Матабеле и раздвинули свои границы далеко на сѣверъ отъ Замбези; съ той же цѣлью они строятъ въ Африкѣ цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая не только доказываетъ ихъ экономическую дальновидность, но и своими сѣверными развѣтвленіями по Нилу и въ Угандѣ дѣлаетъ Англію независимой со стороны Краснаго моря и Аравійскаго залива, въ случаѣ блокады ихъ непріятельской державой. Она же наряду съ другими причинами привела къ подчиненію буровъ; хотя буры были болѣе африканцы, чѣмъ сами негры, такъ какъ не стремились никогда проникнуть къ морю, и не могли мѣшать Англіи, какъ морской державѣ, тѣмъ не менѣе, пока существовали обѣ бурскія республики, Англія не могла царить безпрепятственно надъ Индійскимъ океаномъ.

c) Сѣверная и сѣверо-восточная часть Индійскаго океана.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія Азія, насильно выведенная изъ долгой замкнутости, открылась для дѣятельности европейцевъ, и съ тѣхъ поръ значеніе сѣверной и сѣверо восточной части Индійскаго океана, какъ пути на востокъ, все растетъ. Англія и здѣсь одержала побѣду: уже на зарѣ этой зарождающейся эпохи (1824) она наложила руку на Малаккскій проливъ, съ Сингапуромъ, Малаккой и Пулопинангомъ. Съ тѣхъ поръ Индійскій океанъ въ вопросахъ современной міровой торговли получилъ и здѣсь англійскій отпечатокъ, несмотря на обширныя голландскія владѣнія.

Въ послѣднемъ актѣ его роли, скрытомъ пока въ нѣдрахъ будущаго, мы столкнемся съ народомъ, который часто встрѣчали на Тихомъ океанѣ, но врядъ ли могли ожидать встрѣтить здѣсь, а именно — съ русскими. Тѣмъ не менѣе стремленіе русскихъ къ Индійскому океану тѣсно связано съ появленіемъ ихъ у Тихаго океана. Если Россія хочетъ удержать свои азіатскія владѣнія и не заглохнуть на ихъ безграничномъ пространствѣ, она должна стремиться къ ближайшему морю. Ея восточно-азіатскій берегъ во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ и слишкомъ отдаленъ. Отсюда стремленіе ея въ продолженіе десятилѣтій къ югу, къ Месопотаміи и Персидскому заливу. Въ наше время оно приняло осязательную форму, въ вопросѣ о проведеніи желѣзныхъ дорогъ въ Передней Азіи и устройствѣ русскаго порта на Персидскомъ заливѣ.

Этимъ создается для Англіи положеніе болѣе затруднительное, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Индійскомъ океанѣ: въ Индонезіи власть голландцевъ раздроблена на тысячи острововъ и островковъ, въ восточной Африкѣ англійскія колоніи тѣсно сомкнулись вокругъ португальскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ владѣній; здѣсь же она, съ одной стороны, прижата къ морю, а съ другой—имѣетъ противника, неповоротливая громада котораго медленно, но съ неодолимой силой пробивается къ югу.

6. Прошедшее и будущее.

Со времени появленія первыхъ мореплавателей на водахъ Индійскаго океана и до нашего времени, мы видимъ его въ роли посредника въ антропологической, торговой, религіозной и въ особенности культурной области.

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этой роли является созданіе индо-африканскаго культурнаго міра, обнимавшаго весь сѣверо-западъ океана и имѣющаго самаго сильнаго носителя въ лицѣ ислама.

Именно теперь онъ могъ бы завоевать первенствующее положеніе своему культурному міру, положеніе, утраченное при 400 лѣтнемъ натискѣ бѣлой расы. Во главѣ этой борьбы могли бы стать индусы, въ силу ихъ численности, если-бъ они захотѣли промѣнять бездѣятельное прозябаніе на болѣе живую религію.

Таковой могло бы быть и христіанство, но исламъ и теперь уже имѣетъ надъ нимъ численный перевѣсъ: наряду съ двумя милліонами христіанъ, въ одной Индіи 57 милліоновъ магометанъ; вообще въ предѣлахъ Индійскаго океана для христіанства, повидимому, нѣтъ будущаго; ни на югѣ Азіи, ни въ Африкѣ оно не имѣетъ успѣха, тогда какъ ученіе пророка быстро распространилось въ обѣихъ частяхъ свѣта. Пока Индія находится подъ властью англичанъ, она никогда самостоятельно не двинется къ морю; для этого вліяніе европейцевъ на неподвижную массу индусовъ въ ихъ тропической родинѣ слишкомъ ничтожно.

Такого движенія можно скорѣе ожидать отъ двухъ другихъ англійскихъ колоній въ Индійскомъ океанѣ. Австралія въ настоящее время образовала союзъ подъ главенствомъ Англіи, который теперь уже въ самомъ началѣ обнаруживаетъ живое стремленіе расшириться. Пока эти попытки ограничиваются исключительно Меланезіей и Полинезіей, но что можетъ помѣшать впослѣдствіи соединеннымъ штатамъ Новой Зеландіи обратить свои взоры на Голландскій Архипелагъ? Для южной Африки, которая стоитъ на томъ же пути, является естественной необходимостью обратить фронтъ къ Индійскому океану, такъ какъ ни на антарктическомъ, ни на Атлантическомъ океанахъ для нея нѣтъ точекъ опоры. Положеніе Англіи отъ этого только улучшится. Со времени успѣшнаго начала ея африканской политики, она стала сильнѣе и территорія ея обширнѣе, чѣмъ когда либо. Тѣмъ не менѣе врядъ ли Индійскій океанъ станетъ снова британскимъ закрытымъ моремъ. Для этого въ настоящее время слишкомъ много сильныхъ морскихъ державъ и слишкомъ много выходовъ въ океанъ. Одинъ изъ нихъ, а именно входъ черезъ Красное море, пріобрѣтаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ все большее значеніе, благодаря важности юго-восточной и восточной Азіи въ глазахъ европейцевъ и сѣверо-американцевъ, а также замѣнѣ парусныхъ судовъ пароходами.

Является ли этотъ переворотъ, совпадающій съ прорытіемъ Суэца, его прямымъ послѣдствіемъ, остается вопросомъ: достовѣрно то, что прорытіе канала способствовало ему.

Этимъ доказывается значеніе Индійскаго океана въ такой области, которая въ будущемъ окажется еще важнѣе для всемірной исторіи, чѣмъ она есть въ настоящую эпоху.

Наоборотъ — въ антропологической области будущее Индійскаго океана обѣщаетъ не много: для смѣшенія расъ въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, какихъ мы можемъ ожидать на Тихомъ океанѣ, — здѣсь нѣтъ мѣста: обреченные на вымираніе, австралійцы исчезаютъ, индусы же и африканцы отъ Сомали до Замбези живутъ слишкомъ густой массой, чтобы проникновеніе чужой крови могло вызвать замѣтныя измѣненія расы. Остается узкая полоса экваторіальной Африки на востокѣ и южная Африка, какъ области тѣснаго смѣшенія расъ.

Первая не имѣетъ будущаго, такъ какъ при новыхъ условіяхъ арабская иммиграція уменьшается, суахели же безнадежно обращаются въ негровъ.

Будущее южной Африки обѣщаетъ больше для антропологіи; въ ней на узкомъ пространствѣ тѣснится цѣлый рядъ разнообразныхъ составныхъ частей; кафры и болѣе свѣтлокожіе готтентоты и бушмены, голландскіе буры и англосаксы, малайцы и индусы. Послѣдуетъ ли когда-нибудь смѣшеніе всѣхъ этихъ элементовъ — остается вопросомъ, но въ метисахъ ему уже положено начало.

Указатель.